ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLII

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ОКТЯБРЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТЯБРЬ, 1890 г.

См. слѣд. стр.

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПЕРОВСКІЙ

Дозв. ценз. Спб., 14 сентября 1890 г.

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ.

(Быль прошлаго столѣтія).

I.

По МОСКОВСКОЙ улицѣ, въ такъ называемой городовой части Курска, бойко катили двѣ помѣщичьи коляски. По обѣимъ сторонамъ пыльной, немощенной улицы тянулись ряды дворянскихъ и купеческихъ усадебъ, съ огромными дворами и садами. Дома были почти всѣ деревянные; улицы походили на обыкновенную проселочную дорогу: края поросли травой, а для пѣшеходовъ, вмѣсто панелей, были тропинки. Лучшаго и не требовалось для сѣраго люда; а что касается дворянъ и даже состоятельныхъ купцовъ, ходить по городу пѣшкомъ они вмѣнили бы себѣ въ безчестье.

Былъ ясный, теплый, но не знойный день, какіе случаются лишь въ началѣ лѣта. Въ это время года, движеніе въ Курскѣ нѣсколько усиливалось, такъ какъ сюда заѣзжали многія дворянскія семьи передъ поѣздкою въ Коренную Пустынь, гдѣ разъ въ году бывала ярмарка. Къ числу такихъ пріѣзжихъ принадлежала и семья Шатохиныхъ, размѣстившаяся въ двухъ колясках, не считая телѣгъ, везшихъ прислугу и разную кладь и значительно отставшихъ отъ барскаго поѣзда.

Глава семьи, вдова гвардіи секундъ-маіора и члена ревизіонъ-коллегіи Шатохина, Дарья Семеновна, была боярыня лѣтъ сорока-пяти, полная, круглолицая, одѣтая совсѣмъ по провинціальному и лишь слегка напудренная. Съ нею сидѣли три дочери, изъ которыхъ двѣ—Лизанька и Софьюшка были совсѣмъ невѣсты, такъ

какъ одной пошелъ шестнадцатый, а другой пятнадцатый годъ; младшая, Оля, была подростокъ. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, помѣстилась няня, Агафьюшка, приземистая старушонка, съ сморщеннымъ лицомъ въ родѣ печенаго яблока,—вынянчившая всѣхъ дѣтей Дарьи Семеновны. Въ другой коляскѣ сидѣли барчуки-мальчики, десяти и восьми лѣтъ, подъ присмотромъ дядьки и гувернера-нѣмца.

Нечего и говорить, что Дарья Семеновна не стала бы заѣзжать на постоялый дворъ. Даже не будь у нея въ Курскѣ замужней дочери, она могла бы заѣхать къ кому-либо изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, но сама старшая дочь ея, Марья Трофимовна, бывшая замужемъ за курскимъ помѣщикомъ и домовладѣльцемъ Анненковымъ, почла бы за кровную обиду, если бы мать стала обѣгать ея домъ. Обѣ шатохинскія коляски прямо подъѣхали къ усадьбѣ Анненковыхъ, находившейся поблизости отъ мужского Знаменскаго монастыря. Проѣхавъ мимо крыльца, экипажи остановились у воротъ—высокихъ, тесовыхъ, съ узорчатыми вереями и высокою кровлею. Кучеръ соскочилъ съ козелъ и сталъ отворять ворота, издавшія протяжный, жалобный скрипъ. Послышался лай цѣлой своры дворовыхъ собакъ, вскорѣ смѣнившійся радостнымъ визгомъ: видно было, что въ пріѣзжихъ онѣ узнали своихъ людей. Кучеръ опять вскочилъ на козлы и молодцовато подкатилъ ко второму, выходившему во дворъ, крыльцу, по обѣимъ сторонамъ котораго высились пышные ясени.

Въ домѣ уже замѣтили дорогихъ гостей, и на крыльцо высыпала многочисленная дворня. Вышла и сама хозяйка дома, Марья Трофимовна, только-что вставшая отъ послѣобѣденнаго сна и, второпяхъ, одѣвшая туфли на босую ногу.

Дарья Семеновна величественно вышла изъ коляски. Свой и хозяйскій лакеи успѣли подхватить ее подъ ручки и помогли взойти на пять ступеней, ведшихъ на крыльцо. Съ важностью подошла она къ хозяйкѣ, которая сначала поцѣловала ей руку и, потомъ только, троекратно облобызалась съ матерью. Затѣмъ началось продолжительное цѣлованіе барской руки приживалками и дворовыми людьми. Наконецъ, вся пріѣхавшая съ «старой боярыней» орда ввалила въ покои. Ходъ въ барскія комнаты шелъ черезъ огромныя сѣни и черную горницу, гдѣ былъ такой воздухъ, о которомъ говорится, что въ немъ можно топоръ повѣсить. Сидѣвшая здѣсь за вышиваньемъ куча дѣвушекъ вскочила при входѣ Дарьи Семеновны и двѣ старшія были допущены къ барской ручкѣ. Остальныхъ отогнали, чтобы не безпокоить Дарью Семеновну, уставшую съ дороги.

Господскія комнаты были довольно просторныя, оклеенныя бумажными обоями; мебель въ нихъ стояла массивная, прочная, большею частью дубовая и ясеневая.

Прежде всего, Дарья Семеновна пожелала увидѣть грудного ребенка Анненковой, маленькаго Митю, единственнаго, такъ какъ первые дѣти умирали. И мать и бабушка, поэтому, дрожали надъ Митей. Оказалось, что онъ спитъ: бабушка не велѣла его тревожить и, войдя на цыпочкахъ, съ любовью поглядѣла на него, дѣтей же вовсе не пустила посмотрѣть племянника. Налюбовавшись внукомъ, Дарья Семеновна вошла въ смежную комнату, гдѣ собрались всѣ ея дочери и гдѣ, зная ея привычки, уже стояли двѣ горничныя дѣвки съ огромной лоханью и рукомойникомъ, въ которомъ была студеная вода. Дарья Семеновна начала умываться и, плескаясь, пыхтя и отдуваясь, перекидывалась словами съ хозяйкой дома.

— Смотри, береги мнѣ Митеньку! Славный ребенокъ!—сказала Дарья Семеновна.

— И то, маменька, пуще глаза берегу!—отозвалась хозяйка.— Священную воду для него изъ Коренной Пустыни сама привезла; вчера нашъ Прошка писалъ съ Митеньки образъ младенца Іисуса: сказывали мнѣ, что помогаетъ: коли списать съ младенца по мѣркѣ образъ, никакая болѣзнь не пристанетъ...

— Чтожъ—дѣло хорошее,—согласилась Дарья Семеновна,—только, вить, образъ надо освятить. Пускай старецъ Митрофанъ освятитъ.

— А то какъ же, маменька, неужто не освятить!

— Тебѣ бы съ нами съѣздить еще въ Коренную Пустынь, да Богу помолиться. Причащала, небось, ребенка, прежде чѣмъ образъ писать.

— Давно ужъ не причащала.

— Это не дѣло. Надо причастить... Какъ же такъ, безъ причастія образъ писать? Оно, правда, ребенокъ безъ грѣха, а всежъ причастить надо. Святое дѣло.

— Правда ваша, маменька. Хорошо, что поучили уму-разуму. А мнѣ невдомекъ было! Просто запамятовала... И Господи прости! А я думала, чего еще я не сдѣлала, анъ вотъ это забыла!

— Ужъ ты слушай, когда мать говоритъ: мать худого не скажетъ. Да ты у меня умница, когда въ дѣвицахъ была, никогда изъ моей воли не выходила. Теперь у тебя своя воля, да мужнина, а всежъ хорошо мать слушать. Ну, чтò твой Павелъ Степановичъ? Въ Москвѣ прохлаждается? Чай, за нимъ соскучилась?

— Не знаю, чтò и думать, маменька! Вторую недѣлю жду, не дождусь... Истосковалась совсѣмъ.

— Нечего Бога гнѣвить, надо правду сказать, послалъ тебѣ Господь муженька, а мнѣ зятька, какихъ всѣмъ моихъ дочерямъ желаю. Душевный человѣкъ! Такихъ бы и Лизѣ и Софьюшкѣ!

— А чтожъ, маменька? зачѣмъ дѣло стало? Развѣ къ нимъ дорогу женихи не найдутъ? Развѣ онѣ у васъ безприданницы? Я и то сказать хотѣла: дѣвки ужъ на возрастѣ... Пора подумать!

Лизанька и Софьюшка, сидѣвшія поодаль на огромномъ канапе, обѣ вспыхнули. Лизанька потупила глаза, а у Софьюшки даже показались слезы.

— Ну, чего разнюнилась?—сказала Дарья Семеновна, замѣтивъ это.

— Чтòжъ ты, Софьюшка, не хочешь, что ли замужъ?—спросила хозяйка дома.

— Ахъ, чтò вы говорите, сестрица? Я никогда ни за кого не пойду! Пусть хоть меня рѣжутъ, а я не пойду.

Послѣднія слова Софьюшка произнесла, уже всхлипывая.

— Эй, Сонька, не дури!—грозно прикрикнула мать.—Давно ли я тебя отстегала за твою дурь, да видно не всю еще выпшибла.

— Хоть бейте, хоть рѣжьте, не пойду! — твердила Софьюшка, уже рыдая.

Зная крутой нравъ матери и опасаясь бури, Анненкова поспѣшила удалить сестеръ, отославъ ихъ въ садъ, подъ предлогомъ, что ей надо наединѣ переговорить съ матерью.

— Покачайтесь тамъ съ братцами на качеляхъ, да не засиживайтесь: будемъ сейчасъ кофей пить: такъ, чтобы не искать васъ потомъ по всему саду.

Сестры ушли въ садъ, Дарья Семеновна кончила свой туалетъ и, усѣвшись въ покойномъ креслѣ, изъявила желаніе отдохнуть, т. е. соснуть немного. Хозяйка отправилась сдѣлать различныя распоряженія. Надо было накормить приличнымъ образомъ не только мать, сестеръ и братьевъ, но и штатъ, привезенный съ собою Дарьей Семеновной и состоявшій, вмѣстѣ съ людьми, пріѣхавшими на телѣгахъ, не менѣе какъ изъ десятка различныхъ слугъ и служанокъ.

II.

Вечеромъ, дѣвицы опять отправились въ садъ, гдѣ, вмѣстѣ съ сѣнными дѣвушками, своими и хозяйскими, устроили игры съ пѣснями, а хозяйка съ матерью усѣлись въ бесѣдкѣ пить чай съ домашними печеньями.

— Что это, маменька, ужъ не ѣздили ли къ вамъ, вправду, женихи, что Софьюшка о нихъ слышать не можетъ?—спросила Анненкова.

— Одинъ было понавадился ѣздить, ну да я отвадила. Не полюбился мнѣ.

— Что же такого, маменька? Непригожъ или достатокъ малый?

— Можетъ быть на чей вкусъ и пригожъ, да и достатокъ есть: я ужъ все разузнала. Путивльскія деревнишки препорядочныя, душъ триста пятьдесятъ въ нихъ, коли не болѣ того.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— А затѣмъ, что боюсь этихъ петербургскихъ слетковъ. Сердце, говорятъ, вѣщунъ, а мое сердце чуетъ недоброе съ такимъ женихомъ. Нѣтъ, ужъ Богъ съ нимъ, и не отдавать же Софьюшку первому встрѣчному.

— Да какъ вы, маменька, его отвадили? Чтòжъ онъ присылалъ кого или самъ просилъ у васъ руки Софьюшкиной? И что это взялъ свататься къ младшей? Ужъ сватался бы къ Лизанькѣ.

— Говорю тебѣ, Богъ съ нимъ и съ его сватаньемъ. Свататься онъ еще путемъ не сватался, ну да кто же не пойметъ, чего надо молодцу... Ведетъ разговоръ такъ и сякъ, ну да я напрямикъ ему сказала: у меня дочки еще молодыя, въ дѣвкахъ не засидятся, имъ, говорю, настоящихъ жениховъ надо, а не Богъ знаетъ кого. Съ тѣхъ поръ къ намъ носа не кажетъ.

— А любопытно бы узнать, маменька, кто онъ таковъ? какого рода и званія? И въ какихъ чинахъ?

— Изъ роду Воропоновыхъ, а въ чинѣ нельзя сказать, чтобы маломъ: преображенскаго полка поручикъ.

— Вотъ бы нашему Алешѣ написать: вѣрно его знаетъ... Вы вотъ, маменька, все на счетъ петербургскихъ, а какъ же за Алешуто не боитесь? и петербургскіе всякіе бываютъ: есть и хорошіе люди, есть и плохіе. Да и здѣсь развѣ всѣ хороши?

Матери, очевидно, не понравилось это сопоставленіе неугоднаго ей жениха съ ея милымъ сыномъ. Густыя, еще не посѣдѣвшія ея брови нахмурились.

— Избави Богъ моего Алешу отъ всякихъ пакостей,—сказала она, перекрестившись,—а тебѣ грѣшно мою рану бередить. Ужъ и день и ночь только о немъ думаю... Теперь есть такіе, что и мать не почитаютъ и Бога забываютъ... А Софьюшку я за всякаго проходимца не выдамъ... Да и что за Воропоновъ? У насъ о Воропоновыхъ еще никто не слыхалъ... Откуда такіе взялись?..

— Да какъ онъ попалъ въ вашъ домъ, маменька?

— Охъ, знала бы, такъ и не попалъ бы! Передъ Свѣтлымъ праздникомъ была у насъ великая распутица. Ѣхали мои людишки въ телѣжкѣ изъ города, вдругъ видятъ стоитъ коляска, ни съ мѣста не движется, а подлѣ нея люди хлопочутъ. Мои люди туда— посмотрѣть, что тамъ приключилось. Смотрятъ, колесо упало, сломалась ось, а кучеръ и самъ баринъ никакъ не могутъ горю пособить. Мои люди попросили ихъ обождать, и поспѣшили въ усадьбу; одинъ сбѣгалъ на конюшню достать запасную ось; докладываютъ мнѣ. Ну я, какъ водится, приказала просить его пожаловать ко мнѣ, отдохнуть съ дороги. Спрашиваю: кто таковъ, откуда и куда? Помѣщикъ, говоритъ, путивльскій, Воропоновъ, нѣтъ ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, одинъ сиротою остался. Ѣздилъ въ чужіе края, потомъ вернулся, служилъ, а теперь, по указу о вольности дворянства, пріѣхалъ домой: есть у него тутъ деревнишки,

однѣ отъ дядя остались, другія свои купленныя. Что это, думаю, ужъ не вретъ ли? Отъ отца-матери ничего не имѣетъ, а отъ дяди наслѣдство. Послала за Иваномъ Ѳедоровичемъ—помнишь его?

— Какъ не помнить, маменька! Его, чай, всѣ знаютъ и онъ всѣхъ.

— Ну вотъ. Говорю ему, слушай, приказная строка! Чтобы ты мнѣ разузналъ сейчасъ, что за человѣкъ Воропоновъ.

— Зачѣмъ узнавать, говоритъ, коли и самъ знаю. Есть, говоритъ, одинъ только Воропоновъ—путивльскій помѣщикъ, при покойной императрицѣ Елисаветѣ служилъ, сказываютъ, въ лейбъ-кампаніи, а по кончинѣ императора Петра III подалъ въ отставку, въ чинѣ преображенскаго поручика. Обошли ли его, что ли, при новой государынѣ, того не могу сказать, только служить больше не захотѣлъ.

— Это все вѣрно, говорю. А правда ли, что у него отъ дяди есть двѣсти душъ, да полтораста своихъ купленныхъ?

— Какъ Богъ святъ, правда, коли не всѣхъ триста, опричь дворовыхъ.

— А ктожъ, говорю его отецъ и мать?

— Отецъ, говоритъ, не знаю за какія вины еще при покойной императрицѣ былъ битъ кнутомъ и посланъ въ Сибирь съ двумя старшими сынами, вотчины у нихъ въ казну отобрали, а младшаго взялъ дядя родной, матери его старшій братъ, въ Питеръ, а мать давно померла, да и отецъ, сказываютъ, въ Сибири померъ.

— Ай, страсти-то какія, матушка! А за какія вины сосланъ, не сказывалъ?

— Такъ и не добилась. Знаетъ старый песъ, да не хочетъ сказать, у него тоже есть своя подъяческая спѣсь: знаю-де, чего никто не знаетъ. Ну да мало ли за что̀ ссылаютъ. Въ томъ еще порухи нѣтъ для сына, что отецъ былъ сосланъ, коли самъ остался дворяниномъ...

Дарья Семеновна не могла имѣть предразсудковъ на этотъ счетъ, такъ какъ живо помнила правленіе Бирона.

— Ну теперь слушай, что дальше было. Стала я примѣчать, мой молодецъ точно будто къ Софьюшкѣ все приглядывается. Отъѣзжая, просилъ позволенія еще пріѣхать. Пріѣзжалъ послѣ праздника раза три. Вижу—все на Софьюшку смотритъ, а со мной все такіе разговоры ведетъ: скучно-де ему одному въ его деревнишкахъ, сирота онъ круглый, живетъ и въ людяхъ, какъ на безлюдьи. Ну я смекнула, чего ему хочется. Стала его спрашивать, чему онъ въ Питерѣ наученъ и почиталъ ли дядю, какъ отца родного, коли онъ подлинно былъ ему вмѣсто отца. Какъ заговорила объ отцѣ, вижу, молодецъ мой въ лицѣ мѣняется. Богъ съ тобою, думаю, можетъ, дурное что̀ вспоминаешь. Стала спрашивать: часто ли молится Богу и не знается ли съ какими лихими людьми,

безбожниками или вралями. Тутъ онъ понесъ такую околесицу, что я и слушать не захотѣла. У тебя, говорю, еще молоко на губахъ не обсохло, а въ чужихъ краяхъ ты видно Бога забылъ. Я, говорить, Бога не забылъ, Дарья Семеновна, и какъ велѣла мнѣ, говорить, покойница моя матушка крестъ на шеѣ носить, никогда его не снимаю, а только, говоритъ, ханжествамъ никакимъ тоже не вѣрю. Это хорошо, что ты мать свою почитаешь, говорю я ему, а все жъ языку своему воли не давай, а въ чужой монастырь съ своими уставами не суйся. Тутъ онъ тары-бары, о другомъ рѣчь повелъ и все на то сводитъ, какой онъ одинокій. Тутъ ужъ я ему напрямки сказала, ты Андрей Петровичъ не финти, зубы мнѣ не заговаривай: а коли хочешь знать, мнѣ до твоего одиночества никакого дѣла нѣтъ. Дѣвкамъ моимъ ты не женихъ, другихъ, получше твоего, сыщемъ. Съ тѣмъ и отъѣхалъ.

— А что̀ же Софьюшка?

— Догадлива ты, какъ я вижу!—воскликнула Дарья Семеновна,—съ той самой поры моя дѣвка дуритъ. Прежде, бывало, сама гадаетъ о женихахъ, а какъ отъѣхалъ этотъ, прости Господи, пустословъ, такъ ты съ ней о женихахъ и не говори. Реветъ, какъ корова! Ужъ я ее тазала, тазала, даже ременнымъ жгутомъ по плечамъ стегала—ничѣмъ нельзя дѣвку угомонить! Сущая дура!

— А вы бы, маменька, ей другого жениха подыскали. Тогда все, какъ рукой, сниметъ.

Въ то самое время, когда происходила эта бесѣда, въ отдаленномъ уголкѣ сада, на лужайкѣ, передъ двумя огромными липами, на которыхъ были устроены качели изъ толстаго каната и подушекъ, веселились барышни вмѣстѣ съ сѣнными дѣвушками, затѣвая различныя игры и пляски. Веселилась и Софьюшка, какъ видно забывшая на это время о всякихъ женихахъ. Она даже была главною затѣйницей всѣхъ игръ и веселилась какъ-то лихорадочно, до опьяненія, до полнаго истощенія силъ.

— Ну, дѣвушки,—крикнула она,—еще свѣтло, можно еще съ часикъ поиграть... Давайте золото хоронить!

— И, барышня, развѣ теперь святки? Лѣтомъ развѣ хоронятъ золото?

— Ничего, давайте,—упорствовала Софьюшка.—Что̀жъ, что не святки?

И вскорѣ раздалась протяжная, но съ отчетливымъ плясовымъ темпомъ пѣсня:

«А я золото хороню, хороню,
«Чисто серебро хороню, хороню...»

Пріѣзжія барышни вмѣстѣ съ двумя бѣдными дѣвицами дворянками, проживавшими въ домѣ Анненковой, и съ ними около дюжины сѣнныхъ дѣвушекъ, перемѣшались въ хороводѣ; составивъ

кругъ и плавно выплясывая подъ звуки своего пѣнія, Софьюшка искала кольцо:

«Въ коей рукѣ былица
«Змѣиная крылица».

Дразнящая мелодія смѣнялась смѣхомъ и вскрикиваньями дѣвушекъ. Наконецъ Софьюшка нашла кольцо въ рукѣ одной изъ сестеръ. Крикъ и смѣхъ усилились.

— Теперь плясовую!—крикнула она и раздались звуки зажигательной русской пѣсни. Софьюшка вся отдалась пляскѣ. Коса у нея растрепалась, ленты смялись, сафьяновыя туфельки мелькали въ росистой травѣ.

«Разгулялась, расплясалась
«Красна дѣвица-душа...»

Вдругъ, за заборомъ, на улицѣ, послышался шумъ колесъ, лошадиный топотъ и звяканье бубенцовъ. Узнала ли Софьюшка какіе-либо знакомые звуки, или ей такъ просто показалось, но она стремительно вырвалась изъ хоровода и бросилась къ дощатому забору, чтобы посмотрѣть въ щель, кто ѣдетъ. При вечернемъ полусвѣтѣ она успѣла разсмотрѣть только часть кузова и заднія колеса быстро мчавшейся коляски, но и этого было для нея довольно, чтобы вообразить, что это его коляска.

«Онъ, какъ Богъ святъ, онъ»,—подумала Софьюшка и сердце затрепетало у нея, какъ голубь, какъ бы собираясь полетѣть въ дорогу за четверкой гнѣдыхъ коней, существовавшихъ, впрочемъ, только въ ея воображеніи; на самомъ дѣлѣ проѣхалъ вовсе не онъ, а товарищъ воеводы. Узнавъ объ этомъ отъ видѣвшей ту же коляску дѣвки, которая смотрѣла съ крыльца, а потомъ бѣгала въ садъ звать барышенъ, Софьюшка долго плакала.

III.

На другой день начались сборы въ Коренную Пустынь. Хотя Пустынь отстоитъ отъ Курска менѣе, чѣмъ на тридцать верстъ и пробыть тамъ предполагалось всего дней пять или шесть, сборы были весьма продолжительны. Укладывались, точно собирались ѣхать въ Москву, напекли и наварили всякой всячины и все же хозяйка боялась, что будетъ мало, что ей и ея гостямъ придется слишкомъ много покупать въ Пустыни, гдѣ за все возьмутъ втридорога. У Анненковой была карета: въ тѣ времена въ провинціи кареты были еще въ диковину и младшія сестры почувствовали особое удовольствіе, когда узнали, что поѣдутъ съ хозяйкой и съ матерью въ каретѣ, а не въ своей коляскѣ.

Сборы заняли весь день и только на слѣдующее утро, какъ можно раньше, чтобы избѣжать дневного зноя, поѣздъ изъ кареты,

двухъ колясокъ и трехъ телѣгъ, съ превеликимъ шумомъ и грохотомъ покатилъ по направленію къ орловской дорогѣ.

Утренняя свѣжесть еще давала знать себя, особенно, когда выѣхали за городъ; роса покрывала траву и густые хлѣба, зеленѣвшіе по обѣимъ сторонамъ дороги. Рожь уже мѣстами колосилась, овесъ и ячмень зеленѣли, какъ изумрудный коверъ. Гдѣ-то, въ небесной выси, звенѣли, какъ колокольчики, голоса жаворонковъ. Поля и степныя пространства смѣнялись живописными рощами. Бойкіе, сытые кони быстро несли карету, запряженную шестеркой, за которою катились коляски, везшія мальчиковъ съ ихъ дядькой, бѣдныхъ дѣвицъ, проживавшихъ у Анненковой, мамушку съ груднымъ ребенкомъ и наиболѣе почетныхъ слугъ, исключая, впрочемъ, нѣмца-гувернера, котораго оставили, въ числѣ прочихъ—сторожить домъ, считая не пристойнымъ вести этого «басурмана» въ монастырь. Мальчики чувствовали себя, по этому случаю, на верху блаженства, такъ какъ на нѣсколько дней освободились отъ зубренія нѣмецкихъ вокабулъ и отъ колотушекъ, щипковъ, а порою и розогъ, которыми ихъ угощалъ строгій нѣмецъ. Съ добрымъ дядькой было гораздо веселѣе, и они во всю дорогу озорничали такъ, что дядька нѣсколько разъ грозилъ выскочить изъ коляски и бить челомъ матушкѣ-барынѣ, чтобы она изволила поучить озорниковъ. Но мальчики только смѣялись:

— Ну да, какъ же, старый хрѣнъ! Выскочишь, ногу переломишь.

— А вы, батюшка-сударь, не извольте хрычемъ лаяться. Ужо худо будетъ. Матушка-боярыня у себя въ каретѣ изволила пучекъ розочекъ для вашей милости припасти.

— Да ты врешь все, такъ мы и повѣримъ!

— Ну, ну, нечего хорохориться, а то я ужо и самъ, безъ матушки, съ вашей милостью справлюсь.

Въ такомъ родѣ препирательства и подразниванья продолжались почти до самаго пріѣзда и только видъ Пустыни заставилъ всѣхъ креститься и перейти къ болѣе благочестивымъ мыслямъ и разговорамъ.

Эта древняя Пустынь, дѣйствительно, произвела чарующее впечатлѣніе, но, больше всѣхъ, на Софьюшку, сидѣвшую въ числѣ прочихъ сестеръ, въ огромной, покойной, шестимѣстной каретѣ. Натура у Софьюшки была, вообще, впечатлительная, а теперь были и особыя причины, настроивавшія ее на религіозно-поэтическій ладъ. Ей казалось, что здѣсь, въ этой святой обители, съ нею должно произойти нѣчто таинственное, весьма важное. Подобное чувство она испытывала обыкновенно во время говѣнья передъ причастіемъ, но въ менѣе сильной степени.

Отъ самого Курска имъ по пути постоянно попадались партіи богомольцевъ. По мѣрѣ приближенія къ Пустыни, онѣ становились все болѣе частыми и многочисленными. Старики и старухи, порою

и женщины съ грудными ребятами, иногда дѣвки и парни, то брели съ своими котомками, то отдыхали гдѣ-нибудь на краю дороги. Вотъ, наконецъ, блеснула, озаренная утренними лучами, гладкая поверхность рѣчки Тускари. На холмѣ, покрытомъ живописными рощицами, показалась, сооруженная еще въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, старинная соборная церковь съ огромнымъ садомъ, окруженная высокой каменной оградой съ желѣзной рѣшеткой. Вся Пустынь и окрестныя мѣста утопали въ зелени. Можно было подумать, что здѣсь расположенъ цѣлый городокъ, или, по крайней мѣрѣ, лагерь. Подлѣ монастырской ограды, на огромной площади, были расположены палатки, шатры и цѣлые домики изъ досокъ или изъ хворосту, обмазаннаго глиной, на подобіе русскихъ и малороссійскихъ избъ; это все были ставки, устроенныя для себя пріѣзжими дворянскими семьями, при помощи своихъ же плотниковъ и крестьянъ, не рѣдко изъ своего же привознаго матеріала, который потомъ сдавался на храненіе монахамъ. У кого не было своей ставки, тѣ за не дорогую цѣну нанимали у купцовъ. У нѣкоторыхъ устроивались, такимъ образомъ, весьма красивые, снаружи изукрашенные и внутри обставленные мебелью, домики. Мѣстоположеніе было прекрасное: тутъ же виднѣлся небольшой лѣсокъ, спускавшійся къ самой Тускари; многіе даже сооружали для себя въ рѣкѣ купальни. Все это устроивалось, хотя рѣдко кто оставался здѣсь больше недѣли. Видъ былъ превосходный; внизу рѣка, подлѣ нея живописная роща, а главные входы въ ставки съ той стороны, гдѣ были открытыя поля, за которыми, въ отдаленіи, виднѣлось множество красивыхъ селеній.

Анненковская карета подкатила прямо къ избушкѣ, наскоро сколоченной посланными ею людьми въ теченіе вчерашняго дня. Люди еще копошились здѣсь, устроивая все внутри. Многія ставки были уже наполнены дворянскими семьями, иные господа прогуливались и съ любопытствомъ стали присматриваться къ новопріѣзжимъ.

На другой день было воскресенье и Дарья Семеновна отправилась со всей семьей въ церковь, къ обѣднѣ.

Съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ вступила Софьюшка вслѣдъ за сестрами въ храмъ, откуда доносилось не слишкомъ стройное пѣніе. Не трудно догадаться, о чемъ она хотѣла молиться.

Церковь была полна народу. Въ притворѣ все больше сѣрый людъ: и лишь съ большимъ трудомъ, при помощи лакея и дядьки, удалось прочистить путь въ этой сплошной стѣнѣ. Въ самой церкви преобладалъ дворянскій элементъ, было также много купцовъ.

— Гдѣ же чудотворная Божія Матерь? — шопотомъ спросила Софьюшка старшую сестру.

Та указала ей на мѣсто внутри храма, подлѣ котораго тѣснились богомольцы. Монахи охраняли икону, стоявшую въ полумракѣ и

освѣщенную лишь двумя лампадами въ малиновыхъ стеклахъ, изливавшими на ликъ Богоматери мягкій свѣтъ.

Когда обѣдня уже шла къ концу, къ клиросу вдругъ протолкался молодой дворянинъ, не обратившій на себя особеннаго вниманія, такъ какъ онъ былъ одѣтъ хотя и не бѣдно, но и не роскошно. Шепнувъ что-то дьячку, онъ взошелъ на клиросъ, и какъ только пѣвчіе должны были отвѣтить на возгласъ дьякона, запѣлъ вмѣстѣ съ другими, и его чистый, звонкій теноръ мощно выдѣлился среди осипшихъ голосовъ пѣвчихъ.

У Софьюшки подкосились ноги. Онъ стоялъ такъ, что дѣвушка не могла видѣть его лица, но она узнала его по голосу. Это былъ, дѣйствительно, Воропоновъ, пріѣхавшій на ярмарку по своимъ дѣламъ и лишь случайно узнавшій о прибытіи въ Пустынь семьи Шатохиныхъ. Онъ хотѣлъ увѣдомить Софьюшку о своемъ присутствіи, и пришелъ въ церковь, предполагая встрѣтить ее тамъ. Стоя на клиросѣ, онъ искалъ ее глазами, но въ такой толпѣ, въ полумракѣ храма, довольно слабо освѣщеннаго восковыми свѣчами и лампадами, увидѣть ее было трудно. Такъ пусть, по крайней мѣрѣ, она услышитъ его. Вѣдь пѣвалъ онъ ей, когда гостилъ у нихъ въ послѣдній разъ. Объ этомъ, конечно, ничего не знала Дарья Семеновна: единственнымъ довѣреннымъ лицомъ была старуха няня, которая, въ тотъ разъ, сама повела свою любимицу въ садъ, гдѣ такъ чудно весь вечеръ щелкалъ соловей. Тамъ Андрей Петровичъ, получивъ уже обидный отвѣтъ отъ Дарьи Семеновны, пропѣлъ своей милой прощальную пѣсню... Были въ ней звуки, особенно врѣзавшіеся въ душу дѣвушки, и Софьюшкѣ казалось, что она теперь снова слышитъ ту же пѣсню...

Софьюшка крестится и становится на колѣни... «Господи, Господи!» молится она, почти повторяя слова пѣсни,—«дай мнѣ пойти за милого, за суженаго».

Обѣдня кончилась. Софьюшка идетъ, никого не видя и не замѣчая, идетъ машинально съ другими и все ищетъ его глазами, но напрасно... Вотъ уже вышли на паперть и послѣ духоты, бывшей въ церкви, Софьюшка полною грудью вдохнула свѣжій воздухъ. Около паперти тѣснились нищіе, сбитенщики и продавцы имбиря, вареннаго въ сахарѣ—лакомства, которымъ не гнушались и господа дворяне. Анненкова, чтобы полакомить сестеръ, купила баночку имбиря, а братьямъ по прянику.

IV.

Воропоновъ первоначально пріѣхалъ на ярмарку вовсе не съ цѣлью видѣться съ Софьюшкой, такъ какъ и не могъ навѣрное знать о ея пріѣздѣ. Цѣлью его прибытія было просто желаніе купить нѣсколько хорошихъ коней, такъ какъ Воропоновъ, со скуки,

рѣшилъ возобновить охоту, которая у его дяди была заведена на довольно широкую ногу. Особенно его подбивалъ къ этому старый доѣзжачій Василій, по прозванію Волкъ, самъ страстный охотникъ, давно томившійся бездѣйствіемъ. Василій вообще находилъ, что молодой баринъ совсѣмъ не умѣетъ жить по-барски. То ли дѣло прежде! Василій хулилъ все, начиная съ костюма молодого барина. Упряжныя лошади, по его мнѣнію, никуда не годились. Какія-то клячи. Онъ совѣтовалъ барину высмотрѣть хорошихъ рысаковъ. Теперь не мало есть господъ, которые проигрываются въ карты, а потомъ свистятъ въ кулакъ, и продаютъ на ярмаркахъ послѣднюю четверку, да еще вмѣстѣ съ экипажами; вотъ бы купить по сходной цѣнѣ.

Воропоновъ былъ, по видимому, убѣжденъ краснорѣчіемъ Волка и велѣлъ ему, вмѣстѣ съ кучеромъ, походить по ярмаркѣ и высмотрѣть все хорошенько. Кучеръ и доѣзжачій вернулись къ барину съ двумя важными извѣстіями. Первое было, что на ярмарку пріѣхалъ шталмейстеръ графа Шереметева и продаетъ графскихъ вороныхъ изъ Михайловской вотчины.

— Ну, это враки!—сказалъ Воропоновъ:—какъ можно, чтобы графъ сталъ продавать! У него денегъ куры не клюютъ!

— Хошь вѣрьте, сударь, хошь не вѣрьте,—сказалъ Волкъ, знавшій Воропонова еще малымъ ребенкомъ и по этому усвоившій по отношенію къ барину почтительно-фамильярный тонъ.

— Да если ты не врешь, такъ намъ этакой покупки упустить нельзя!

— Истинная правда, сударь,—подтвердилъ кучеръ.—Кони диковинные! А вотъ мы вашей барской милости еще одну вѣсточку принесли: шатохинскіе люди здѣсь. Сказываютъ, старая барыня и вся ихъ семья поутру пріѣхали.

— Что же вы мнѣ не сказали! Гдѣ же они? Да ты видѣлъ ли самъ боярыню съ дочерьми? Почему не спрашивалъ, гдѣ ихъ баракъ?

Этотъ самый кучеръ ѣздилъ съ Воропоновымъ въ Дворяниново.

— Видать самъ не видалъ, а людей ихъ довольно знаю...

— А они мнѣ про лошадей разсказываютъ, — подумалъ Воропоновъ.—Митричъ!

На зовъ Воропонова явился его старый слуга, Митричъ, бывшій нѣкогда его дядькою.

— Голубчикъ Митричъ, какъ бы ты разузналъ, гдѣ остановились Шатохины и куда сегодня поѣдутъ—въ церковь ли, или на конный торгъ. Этимъ остолопамъ боюсь поручить: не ровно еще перепутаютъ... Безтолковый народъ!

Митричъ вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ, что боярыня съ дочерьми изволила поѣхать въ церковь, и давно уже тамъ. Воропоновъ поспѣшилъ въ храмъ.

Возвратившись изъ церкви, онъ велѣлъ подать себѣ обѣдать. Слуги давно уже состряпали обѣдъ и ждали барина. Обѣдъ, особенно для дорожныхъ обстоятельствъ, былъ очень хорошъ, такъ какъ главное смотрѣніе за всѣмъ имѣла старушка Пахомовна, однодворческая вдова, нѣкогда жившая у покойной тетки Воропонова въ качествѣ приживалки, а теперь завѣдывавшая у него самого всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. По усиленной ея просьбѣ, Андрей Петровичъ взялъ съ собой Пахомовну въ Пустынь, куда она давно уже собиралась съѣздить помолиться чудотворной иконѣ Божіей Матери.

Не веселъ былъ Воропоновъ. Онъ почти ничего не ѣлъ къ величайшему огорченію Пахомовны, а когда она стала участливо разспрашивать его, не боленъ ли, онъ вдругъ разсердился и выслалъ ее, велѣвъ позвать Митрича, котораго снова сталъ разспрашивать, не слыхалъ ли тотъ еще чего-либо отъ шатохинскихъ людей.

— Эхъ, сударь-батюшка, Андрей Петровичъ! Слухомъ земля полнится, да почемъ я знаю, правду ли говорятъ.

— Говори, Митричъ!

— Да сказываютъ, сударь, будто середняя барышня, Софья Трофимовна, день деньской плачетъ, убивается...

— Чтò ты говоришь?

— А я почемъ знаю, сударь! За чтò купилъ, за то и продаю.

— Слушай, Митричъ! Сослужи мнѣ службу. Вѣкъ не забуду!

— Да я за вашу барскую милость животъ готовъ положить!

— Мнѣ надо письмо передать Софьѣ Трофимовнѣ, такъ какъ бы сдѣлать?

Митричъ слегка усмѣхнулся.

— Эхъ, батюшка, Андрей Петровичъ! Да развѣ это служба! Это бабье дѣло—цыдулки передавать... Тутъ Митрича не надо, старая Пахомовна еще лучше передастъ. А не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, коли былъ бы живъ вашъ покойный дядюшка, сказалъ бы онъ: писать не барское дѣло! Дядюшка вашъ своею рукою никогда не писывалъ: на то, изволилъ сказывать, есть подъячіе... А сказать бы вамъ мнѣ, батюшка Андрей Петровичъ: слушай, Митричъ! Доставь мнѣ сюда Софью Трофимовну. Хоть умри, да доставь! Тутъ бы Митричъ сталъ голову ломать, да придумывать... Можетъ, чтò и придумалъ бы...

— Ты съ ума сошелъ, старикъ. Чтò выдумалъ! Твоими ли руками Софью Трофимовну взять. Да какъ у тебя языкъ поворотился сказать!

— Виноватъ, батюшка, Андрей Петровичъ. Отъ простоты моей сорвалось такое слово... А все-таки доложить осмѣлюсь, что коли былъ бы живъ вашъ дядюшка, сказалъ бы вамъ: эхъ, Андрей Петровичъ! Вели-ка запречь четверку добрыхъ коней, посади въ

коляску Софью Трофимовну, да и поѣзжай съ Богомъ! А тамъ отецъ Степанъ мигомъ перевѣнчаетъ... Такъ-то, сударь-батюшка!

Воропоновъ даже съ мѣста вскочилъ. Въ дѣтствѣ ему десятки разъ случалось слышать объ увозѣ невѣстъ — тогда это было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ [1]). Даже въ чужихъ краяхъ, въ Лейпцигѣ, онъ слышалъ какъ одинъ молодой баронъ увезъ свою милую. Ужъ не попытаться ли въ самомъ дѣлѣ? Эта мысль давно мелькала въ его умѣ, но когда Митричъ высказалъ ее, Андрею Петровичу вдругъ показалось, что ничего изъ этого не выйдетъ. Подумавъ немного, онъ вновь завелъ объ этомъ разговоръ. Рѣшено было, что записку передастъ Пахомовна, а Митричъ, по возможности, будетъ слѣдить за Шатохиными. Записка была слѣдующаго содерженія: «Сударыня! простите мою смѣлость, матушка ваша презираетъ мои чувства и къ ней не могу я на глаза показаться, а за вами я совсѣмъ истосковался, хотѣлось бы хоть словечкомъ перекинуться, хоть посмотрѣть на васъ. Постарайтесь рано утромъ, когда матушка еще спитъ, пойти къ Рождественской рощѣ, а если не встанете такъ рано, то хоть у матушки отпроситесь. Приходите самъ-другъ съ нянюшкой. Голубушка моя, сокровище мое безцѣнное! Простите великую мою дерзость. Вашъ Андрей Петровъ Воропоновъ».

Мало-по-малу, мысль о необходимости похищенія Софьи Трофимовны всецѣло овладѣвала Воропоновымъ. Какъ видно, заговорила въ немъ отцовская кровь...

V.

Ярмарка была уже въ полномъ разгарѣ. Торговали и въ «Панскихъ рядахъ». «Панскіе ряды» составляли съ давнихъ поръ, особенность ярмарки, хотя главную роль въ ней всегда игралъ конскій торгъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ярмарка эта привлекала многихъ купцовъ и дворянъ, но уже утратила свой старинный характеръ: начало ея было то, что окрестные дворяне пригоняли на продажу лошадей, а купцы привозили на вымѣнъ товары. Позднѣе этотъ мѣновой торгъ замѣнился обыкновенной куплей и продажей, да и лошадей стали приводить на продажу не одни дворяне, но и купцы, даже барышники, не исключая цыганъ.

Вотъ и «Панскіе ряды»—нѣчто въ родѣ гостиннаго двора, совершенно въ восточномъ вкусѣ. Свыше трехсотъ деревянныхъ лавокъ, не считая маленькихъ будочекъ, были здѣсь расположены

[1]) Храповицкій въ своемъ «Дневникѣ» утверждаетъ, что Екатеринѣ II постоянно приходилось разсматривать жалобы отцовъ и матерей на увозъ ихъ дочерей.

въ ряды, въ которыхъ сновало множество покупателей. Еще издали слышалось щелканье нѣсколькихъ десятковъ соловьевъ, повѣшенныхъ въ темныхъ закрытыхъ клѣткахъ. У барышень глаза разбѣгались при видѣ тюковъ разнообразныхъ матерій, мальчики жадно поглядывали на лакомства, особенно же на груды, казавшихся имъ огромными, апельсиновъ, въ то время составлявшихъ въ Россіи довольно рѣдкую вещь. Изюмъ также лежалъ цѣлыми горами и былъ дешевъ: за грошъ можно было купить чуть ли не цѣлый фунтъ. Дарья Семеновна совѣщалась съ старшей дочерью и съ нянюшкой Агафьей о томъ, какія матеріи купить себѣ и дочерямъ. Рѣшено было начать съ травчатыхъ атласовъ, т. е. атласныхъ матерій, съ вышитыми на нихъ золотыми травками, потомъ посмотрѣть камчатныя объяри (муаръ), затѣмъ купить золотой парчи, посмотрѣть разные бархаты, састовое сукно, да еще не забыть бы позументовъ. Да и ситцевъ купить не мѣшало бы, и гроде-туръ весь уже вышелъ...

— Такъ ужъ лучше съ ситцевъ и начнемъ — вотъ, вить, сейчасъ лавки, маменька,—сказала Анненкова.

Зашли въ лавку, куда давно уже зазывалъ купецъ, увидя, что господа остановились и совѣтуются.

— Почемъ аршинъ, борода?—спросила Дарья Семеновна.

— Недорого, три съ полтиною, ваше сіятельство.

— Что ты осовѣлъ, что ли? А по два рубля не будетъ?

Сторговались по два съ полтиной. Въ то время «дворянскіе ситцы» цѣнились весьма дорого, доходя до трехъ рублей аршинъ, тогда какъ аршинъ гроде-тура стоилъ не дороже полтинника.

«Панскіе ряды» были приспособлены ко вкусамъ дворянъ. Пряный, ароматный запахъ поражалъ обоняніе покупателей: происходилъ онъ отъ свѣжескошеннаго сѣна и душистыхъ травъ, которыми усыпали полъ во всѣхъ проходахъ и въ самыхъ лавкахъ. Товары были, большою частью, дорогіе, но за то хорошаго качества: покупателями дорожили, такъ какъ они покупали большими партіями и, конечно, не брали съ собою, а товаръ только указывался, и затѣмъ приносился въ дворянскіе ставки, гдѣ его разсматривали весьма тщательно цѣлымъ синклитомъ. При такихъ условіяхъ, подсунуть гнилой товаръ было и трудно, и рисковано.

Посмотрѣвъ матеріи, пошли еще смотрѣть различныя галантерейныя вещи, затѣмъ Дарья Семенова прицѣнилась къ большому паникадилу для церкви, ею же сооруженной въ ея Дворяниновѣ; посмотрѣла и образа суздальской и мѣстной работы; даже книжки купила: «Похожденія Жилблаза», «Эпаменонда и Целеріону» и новый пѣсенникъ. Дарья Семеновна иногда заставляла дочерей читать себѣ вслухъ «занятныя» книги, хотя предпочитала слушать божественныя. Вся семья, не исключая мамки съ груднымъ ребенкомъ, отправилась затѣмъ посмотрѣть на народныя увеселенія.

Подлѣ ярмарки были устроены качели и балаганы. Водка продавалась здѣсь въ огромномъ количествѣ, слышались шумъ и говоръ тысячи голосовъ. Дворяне, въ качествѣ зрителей, разумѣется, держались поодаль отъ этой гулящей, подпившей толпы.

Послѣ этого, Дарья Семеновна съ дочерьми сѣла въ коляску и поѣхала на конную ярмарку.

Конскій торгъ производился на обширной площади. За высокимъ веревочнымъ барьеромъ находились сотни всевозможныхъ лошадей, отъ верховыхъ коней до воронежскихъ битюговъ. Народу было здѣсь также множество. Дворяне и купцы верхами и въ экипажахъ и толпа пѣшихъ зрителей: московскіе купцы въ синихъ чуйкахъ, малороссы въ коричневыхъ свиткахъ и соломенныхъ бриляхъ, татары, персы, армяне,—вся эта разношерстная толпа представляла весьма живописное зрѣлище. Шумъ и гамъ были невообразимые. Покупщики указывали на какую-нибудь лошадь, продавецъ выводилъ ее и тутъ начиналось цѣлое представленіе: лошадь заставляли показывать зубы, выгибать шею, бѣжать то рысью, то вскачь. Устроивалось даже нѣчто въ родѣ бѣговъ верхами и на одноколкахъ.

— Шереметевскіе вороные! — пронеслось въ толпѣ барышниковъ, между которыми были и смуглые цыгане, оскалившіе свои бѣлоснѣжные зубы. Барышники потирали руки, хотя и знали, что кони не про нихъ, такъ какъ сбавки не будетъ.

Шталмейстеръ графа Петра Борисовича Шереметева, съ помощью двухъ конюховъ, вывелъ четверку чудныхъ вороныхъ коней. Графъ продавалъ ихъ, конечно, не по нуждѣ въ деньгахъ, а изъ барской прихоти, за то, что эти кони, по оплошности кучера, отлучившагося отъ нихъ на минуту, понесли пустую коляску и разбили ее въ дребезги. Приведены эти кони были изъ Михайловки, той самой, гдѣ графъ, также по прихоти, основалъ латинское училище для крестьянскихъ дѣтей.

Шталмейстеръ Досинчукъ, бывшій запорожскій казакъ, относился къ этой барской затѣѣ весьма неодобрительно.

— Біда міні зъ тимъ «грапомъ»,—говорилъ онъ,—нащо вінъ продае? Мабудь здурівъ! Хіба ему не хватае грошей?

Графъ велѣлъ объявить цѣну, по тогдашней дороговизнѣ денегъ не малую, пятьсотъ рублей за всю четверку. Понятно, что кони стоили гораздо больше; но по свойственной людямъ слабости, купцы надѣялись на сбавку.

Дарья Семеновна полюбовалась чудными лошадьми, но сказала:

— Хороши кони, только упаси Богъ! Убить могутъ! Нѣтъ ужъ, для насъ надо посмирнѣе и подешевле.

— А я бы, маменька, не побоялась! Смерть люблю лихихъ коней!—сказала Софьюшка.

— Сама ты я вижу, лихая,—сказала Дарья Семеновна.—Больно

прытка! Нѣтъ ужъ, лучше нашихъ сѣрыхъ нѣтъ. По крайности, Господь-Богъ до сихъ поръ хранилъ: никакого случая не было! Спаси Господи и помилуй!

На слѣдующій день вся семья опять собралась въ церковь, посмотрѣть, какъ будутъ переносить икону къ живоносному источнику, находящемуся у подошвы горы.

Соборъ былъ биткомъ набитъ народомъ. Сѣрый людъ стоялъ большею частью въ притворѣ и во дворѣ; въ самой церкви преобладали дворяне съ ихъ слугами и купцы.

Духовенство, мѣстное и прибывшее изъ Курска и Бѣлгорода, служило торжественную службу. Хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ казался нашимъ деревенскимъ барышнямъ и мальчикамъ хоромъ ангеловъ.

Наконецъ, двинулась процессія. Вышли изъ собора, прошли мимо каменныхъ келій и подошли къ оградѣ. Отсюда пришлось сходить внизъ по покойной широкой каменной лѣстницѣ, съ кровлей на каменныхъ столбахъ. Сто тридцать ступеней вели внизъ, къ другой каменной церкви, находившейся у самаго живоноснаго источника.

Духовенство, въ свѣтлыхъ праздничныхъ ризахъ, читало молитвы. Въ этомъ году пронесся слухъ, что вскорѣ будетъ совсѣмъ запрещено переносить чудотворную икону въ Пустынь изъ ея постояннаго мѣстопребыванія, бывшаго въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Недовольный этими слухами и еще раньше раздосадованный отобраніемъ принадлежавшихъ монастырю вотчинъ въ казенное экономическое вѣдомство, архіерей велѣлъ придать богослуженію, на этотъ разъ, особую торжественность. Послѣ молитвы въ церкви икону понесли, въ сопровожденіи хоругвей, къ кладезю. Народъ густо столпился, всѣмъ хотѣлось посмотрѣть и быть окропленными живоносною водою. Когда церемонія окончилась, началось восхожденіе по каменной лѣстницѣ, обратно въ соборъ.

— Красавица моя, барышня,—шепнула вдругъ Софьюшкѣ прилично одѣтая, незнакомая ей старуха, съ умиленіемъ вглядываясь въ ея лицо.—Никакъ ты платочекъ обронила.

Софьюшка взяла платочекъ и только-что хотѣла отвѣтить, что это не ея, какъ вдругъ замѣтила вложенную въ немъ записочку. Сердце у нея сильно забилось.

— Отъ Андрея Петровича, — успѣла еще шепнуть Пахомовна (это была она) и, видя, что старая барыня повернула голову въ ея сторону, поспѣшила юркнуть въ толпу.

Софьюшка украдкою взглянула на подпись, вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ и зажала записку въ платочекъ.

Съ этой минуты для нея болѣе не существовало ничто окружающее. Исчезла куда-то огромная каменная лѣстница, по кото-

рой она неслась съ легкостью птички, такъ что мать нѣсколько разъ останавливала ее, замѣчая:

— Куда прыгаешь! Что больно прытка стала! Поспѣемъ еще!

Куда-то скрылись отъ глазъ Софьюшки и всѣ эти толпы молящихся, и старинная церковь съ богатымъ иконостасомъ, и все, все. Когда вышли на паперть, Софьюшка не попросилась погулять въ саду, а все торопила домой, т. е. въ занимаемый ими баракъ, увѣряя, что нездорова, голова смерть болитъ.

— Что̀ за бѣда приключилась! ужъ подлинно, не занемогла бы!— думала Дарья Семеновна.— Неужто и священная вода отъ этой хвори не пособитъ.

Сѣли въ коляску и подъѣхали къ своей ставкѣ. Улучивъ минутку, Софьюшка прочла записку. (Писать она плохо писала, но читать была мастерица).

Кровь хлынула ей въ голову, въ глазахъ завертѣлись свѣтлые круги. Весь день ходила она сама не своя, отговариваясь головной болью, и всю ночь не спала и думала объ Андреѣ Петровичѣ. Отпроситься у матери погулять, какъ писалъ онъ ей, Софьюшка не посмѣла. «Пойду потихоньку, безъ спросу,—подумала она.—Вѣдь маменька долго почивать изволитъ».

Софьюшка была воспитана, какъ говорилось въ то время, въ страхѣ Божіемъ и родительскомъ.

Часто ей приходила на умъ мысль: брошусь матери въ ноги, откроюсь ей и скажу: «коли не отдадите за милаго, я въ монастырь пойду!» Но этотъ планъ былъ только мимолетнымъ. Софьюшка любила мать, но и боялась ея. Обратиться къ матери съ такою просьбой было страшно. А что̀ если мать разсердится и прикажетъ ей навсегда выбросить изъ головы всякую мысль объ Андреѣ Петровичѣ? Покамѣстъ, мать даже не заговаривала съ нею объ его сватовствѣ; можетъ быть, сама передумаетъ и смилуетс̀я.

Томительныя мысли являлись одна за другою, какъ непрошенныя гостьи и отняли у нея сонъ.

Просторно было спать на огромныхъ, душистыхъ сѣнникахъ, положенныхъ на сколоченныя на скорую руку доски, но, ворочаясь съ боку на бокъ, Софьюшка такъ толкала ногами спавшую съ ней вмѣстѣ сестренку Олю, что та, съ просонокъ, раза два вскакивала, удивленно оглядываясь, протирала глаза и опять засыпала сномъ невинной юности.

Всю ночь щелкали соловьи въ монастырскомъ саду, заливаясь на свободѣ гораздо лучше, чѣмъ несчастные плѣнники, висѣвшіе въ «Панскихъ рядахъ». Вотъ уже сквозь крошечное, съ наружными ставнями, окно барака забрезжилъ свѣтъ и сторожъ, ходившій кругомъ съ колотушкою, перестадъ стучать. Ярко-малиновое пятно обрисовывалось на ставнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дерево было выщерблено.

«Ахъ, какъ бы поскорѣе нянька встала»,—думала Софьюшка, боясь, что если начнетъ будить старуху, то пожалуй, и мать проснется. Утро казалось ей такимъ же безконечно долгимъ, какъ и ночь.

Вотъ, наконецъ, проснулась спавшая на полу у дверей нянька Агафья и, по обыкновенію, помолившись Богу на востокъ, хотѣла отправиться собирать въ чашку росу для барышенъ: старуха утверждала, что отъ росы цвѣтетъ дѣвичья красота. Но Софьюшка шопотомъ подозвала ее. Няня баловала Софьюшку и до сихъ поръ сама одѣвала барышнѣ шелковые чулочки.

Потихоньку одѣвшись и освѣживъ глаза росою (няня все-таки успѣла сбѣгать съ чашкой), Софьюшка вышла въ сосѣднюю коморку. Няня хотѣла напоить ее чаемъ.

— Нѣтъ, няня, погодя напьюсь, теперь не хочется.

— Что это, голубушка, ты какъ будто ночью плакала? Ужъ не приснилось ли чтò-нибудь недоброе?—спросила старуха.

— Ничего, нянюшка! Тебѣ показалось.

Было еще очень рано, но уже слышалось ржаніе коней на ярмаркѣ и доносились отдаленные крики торговцевъ.

— Ахъ, нянюшка! Вотъ бы теперь прокатиться,—дипломатично начала Софьюшка.—Смерть люблю! Няня, пойдемъ хоть погуляемъ! Право пойдемъ.

— Что ты, свѣтикъ мой? Какъ я смѣю... Здѣсь не наша деревня! Матушка гнѣваться будетъ.

— Не далеко, нянюшка, только къ Рождественской рощицѣ и назадъ.

— Ишь, родимая! Для тебя все не далеко, а меня старую ноги туда не донесутъ... Сказано, не пойду, не велѣно.

— Ахъ, какая ты! Маменька еще не скоро встанетъ, успѣемъ вернуться, она не примѣтитъ.

— Какъ бы не такъ! Чтò жъ мнѣ старой дурѣ, изъ-за тебя въ отвѣтѣ быть?

— Да мы только ландышей поищемъ. Знаешь, какъ маменька ихъ любитъ! Сама обрадуется. Пожуритъ немного и проститъ.

— Какіе теперь ландыши и есть ли еще! Да и куда идти въ такую росу!

— Ахъ, нянюшка, ты не говори такъ громко, маменьку разбудишь. Пойдемъ, милая, пойдемъ!

Софьюшка начала цѣловать старуху. Послѣ нѣкотораго колебанія, старуха, наконецъ, не устояла и, ворча себѣ подъ носъ, исполнила желаніе своей любимицы.

Дворянскія ставки выходили прямо въ поле. Чудный видъ открывался здѣсь: вдали холмы, съ разбросанными по нимъ группами деревъ и рядами избъ, ближе лентой тянулась широкая дорога, окаймленная зеленѣющими полями. Вправо отъ шатохинской ставки, почти у самой дороги, виднѣлась тѣнистая роща.

Няня теперь сама торопила Софьюшку, чтобы успѣть вернуться, пока Дарья Семеновна не успѣетъ проснуться. Утро было ясное, росистое; трава сверкала, какъ хрусталь. Изъ рощи доносились сотни веселыхъ птичьихъ голосовъ.

— Ахти, какая тутъ высокая трава!—брюзжала старуха.—Ну ужъ бѣда мнѣ съ такой озорницей! Ты хоть платье-то подбери. Смотри, совсѣмъ подмочишь!

Софьюшка заглянула между деревьями, нѣтъ ли гдѣ ландышей, но вскорѣ опять вышла изъ чащи и стала всматриваться въ даль, подернутую синей дымкой.

— А съ платьемъ-то что̀ сталось!—съ отчаяніемъ воскликнула няня, замѣтивъ, что у Софьюшки весь подолъ свѣтлаго платья позеленѣлъ отъ мокрой травы.—Достанется намъ ужо отъ матушки! Попали мы въ бѣду! Ахти, какая напасть!

Софьюшка, не видя нигдѣ Андрея Петровича, сама уже была не рада, что вышла.

«Пожалуй не придетъ»!—думала она.

Вдругъ изъ-за отдаленной группы деревьевъ что̀-то мелькнуло и явственно послышался топотъ лошадей и шумъ колесъ. Все ближе и ближе коляска, запряженная четверкою вороныхъ.

«Да вѣдь это шереметевскіе кони... Нашелся, значитъ купецъ»,—подумала Софьюшка.

Вороные кони, наконецъ, поровнялись съ нею и вдругъ остановились! Изъ коляски выскочилъ Андрей Петровичъ. Софьюшка просто обомлѣла отъ неожиданности.

— Софья Трофимовна... Сударыня...—началъ было Андрей Петровичъ, но не выдержалъ.—Софьюшка, радость моя!—продолжалъ онъ.—Нашелъ-таки я васъ! Слава Богу! А я ужъ думалъ, не придете.

— Андрей Петровичъ!..—проговорила Софьюшка. Отъ волненія и избытка чувствъ она не находила словъ...

— Ненаглядная моя!—сказалъ онъ, подходя къ ней ближе и взявъ ее за руку.—Что̀жъ тутъ думать и раздумывать? Поклонился бы я вашей матушкѣ, да вѣдь она слышать обо мнѣ не хочетъ. Нечего намъ съ вами дѣлать, какъ только уѣхать сейчасъ безъ спроса... Будетъ гнѣваться матушка, да что̀жъ дѣлать? Дастъ Богъ не долго погнѣвается, да и проститъ!

Такъ вотъ зачѣмъ онъ звалъ ее!

— Что вы, Андрей Петровичъ,—сказала Софьюшка.—Какъ это можно! Вить это грѣхъ... Какъ же такъ, безъ маменькина благословенія. Не могу я съ вами ѣхать!

— Софьюшка! Я и самъ бы не сталъ васъ просить, да вѣдь что̀ же дѣлать? Ну, пойдите сами къ матушкѣ, бросьтесь ей въ ноги? Вѣдь не пойдете, сами знаете, что коли матушка ваша что̀ скажетъ, такъ отъ слова не отступится... вѣдь правда?

— Правда,—слабо промолвила Софьюшка.—А всежъ, Андрей

Петровичъ, не пристойно мнѣ ѣхать съ вами! Не отдадутъ меня за васъ, такъ я въ монастырь пойду, а такъ, какъ вы хотите, нельзя! Грѣшно!

— Софьюшка! Вы сущій ребенокъ! Какой въ этомъ грѣхъ? Вѣдь тутъ и обману никакого нѣтъ... Поѣдемъ, перевѣнчаемся, какъ слѣдуетъ, по закону христіанскому, и къ матушкѣ на поклонъ пріѣдемъ... Она и проститъ! Кто своему родному дѣтищу врагъ? Чтожъ, согласны? Любъ я вамъ, Софьюшка, свѣтикъ мой ненаглядный?..—Скажите же мнѣ хоть слово?—Хотите ѣхать?

Видя, что дѣвушка начинаетъ колебаться, Воропоновъ становился смѣлѣе.

— Андрей Петровичъ, что̀ вы, какъ можно!..—слабо защищалась Софьюшка.

У нея захватывало духъ, не столько отъ любви, сколько отъ безотчетнаго страха. Голова у нея кружилась, она едва сознавала, что̀ съ нею дѣлается.

— Да что̀ жъ это ты, батюшка,—завопила, наконецъ, старуха, сначала ошеломленная происходившимъ передъ нею, но теперь, наконецъ, опомнившаяся.—Что ты, грѣха не боишься! Я думала онъ шутки шутитъ, а ты и вправду! Какъ это можно, дитя увезти безъ спросу матери! А я не пущу—вотъ-те и весь сказъ!

— Такъ тебя и спросятъ, старая!—сказалъ съ усмѣшкой Воропоновъ.

Отстранивъ старуху, онъ схватилъ Софьюшку на руки и вспрыгнулъ съ нею въ коляску. Софьюшка слабо вскрикнула и почти лишилась чувствъ.

— Анъ не пущу!—кричала нянька, ухватившись за колесо.

— Пошелъ!—закричалъ Андрей Петровичъ кучеру, едва сдерживавшему нетерпѣливыхъ коней.

Кучеръ хлеснулъ кнутомъ, вороные рванулись съ мѣста и помчались. Ошалѣвшая старуха упала на землю, и въ безсильномъ отчаяніи вопила:

— Батюшки, отцы родные! Возьмите и меня съ собой! Какъ я покажусь передъ барскія очи!?

Между тѣмъ, Дарья Семеновна, проснувшись и замѣтивъ отсутствіе Софьюшки, кликнула няню. Та не отзывалась.

— Гдѣ это Софья съ нянькой запропастилась?—строго спросила Дарья Семеновна вошедшую дѣвку.

Въ это время няня, запыхавшись, какъ безумная, вбѣжала и съ ревомъ повалилась барынѣ въ ноги.

— Матушка-барыня! Отцы святые угодники. Нашу Софьюшку Андрей Петровичъ увезъ!

Дарья Семеновна не упала въ обморокъ. Не таковская была. Она только соскочила съ постели.

— Андрей Петровичъ? Да откуда онъ тутъ взялся?—вскричала она, выпрямившись во весь ростъ.

— На ярмаркѣ былъ... Шереметевскихъ вороныхъ покупалъ... Ахъ ты Господи! Виновата я! Матушка-барыня!—вопила нянька.— Казните меня старую дуру! Не доглядѣла!

— Ты, старая корга, вѣрно сама съ нимъ снюхалась,—громовымъ голосомъ произнесла Дарья Семеновна.—Сказывай! знала, что увезти хочетъ? Сама свела мою дочь къ этому вору? А?

— Не знала! Матушка-барыня, не знала! Вотъ на этомъ мѣстѣ провалиться, не знала я...

— Такъ что̀ же, значитъ, надо вору въ ноги поклониться: отдай-де мнѣ мою Софьюшку? Ты какъ думаешь? А?

— Вотъ напасти!—участливо воскликнула старшая дочь.—Да какъ это Софьюшка могла уйти? И кто бы это могъ подумать!

— Дитятко мое, Софьюшка!—вдругъ воскликнула Дарья Семеновна, не будучи болѣе въ состоянiи сдерживаться и громко всхлипывая.—Я ли тебя не любила, я ли тебя не холила!

Она, однако, тотчасъ превозмогла себя и отдала приказанiе собираться къ отъѣзду. Дарья Семеновна сообразила, что пуститься ей самой въ погоню, даже не зная въ точности, куда поѣдетъ похититель, было бы нелѣпостью.

— Нѣтъ,—твердила она.—Не бывало еще въ нашемъ роду такого сраму. Къ воеводѣ поѣду. Воинской команды попрошу. Къ матушкѣ государынѣ съѣзжу, коли понадобится. Чтобы я свое дитя отдала такъ? Запрягать лошадей. Ѣдемъ въ Курскъ.

Прiѣхавъ въ городъ, Дарья Семеновна оставила всю семью у дочери, а сама, даже не входя въ ея домъ (не смотря на усиленныя просьбы), велѣла кучеру тотчасъ везти себя къ воеводѣ.

Это было до учрежденiя намѣстничествъ, и воевода былъ первымъ лицомъ въ Курскѣ. Покойный мужъ Дарьи Семеновны водилъ съ нимъ дружбу, а потому она была въ домѣ у воеводы свой человѣкъ.

Воевода, секундъ-маiоръ Иванъ Аѳанасьевичъ Скрыплевъ, былъ уже старый человѣкъ, но еще бодрый. Онъ принялъ Дарью Семеновну запросто и вышелъ, по обыкновенiю, въ старомодномъ поношенномъ мундирѣ, съ невѣроятной величины обшлагами.

— Ну что, мать моя?—спросилъ онъ Дарью Семеновну,—какъ живешь-можешь? Да ты, никакъ, больна?

— Отецъ родимый, благодѣтель, Иванъ Аѳанасьевичъ!—съ плачемъ заговорила Дарья Семеновна.—Помоги, родной. Дочку украли! Увезъ воръ проклятый, властно какъ на глазахъ увезъ.

Воевода былъ туговатъ на ухо.

— А? Что̀ сказываешь, мать моя? Бочку украли? А бочка съ чѣмъ была? Чай, съ медомъ? Я ужо скажу командиру, чай его солдатики пошаливаютъ.

— Богъ съ тобою, Иванъ Аѳанасьевичъ! Дочку, говорю, дочку, Софьюшку увезъ воръ проклятый!

— Дочку?.. Ариша! Поди-ка сюды! Ариша!

Толстенькая старушка, жена воеводы, явилась на этотъ зовъ. Увидѣвъ Дарью Семеновну, она поспѣшила облобызаться съ нею, но замѣтивъ ея разстроенный видъ, ея волосы, бывшіе въ совершенномъ безпорядкѣ, она только всплеснула руками.

— Да ты послушай, Ариша,—сказалъ ей мужъ,—что за оказія: у Дарьи Семеновны дочку украли!

— Батюшки!—завопила воеводиха, у которой младшая дочь была невѣста.—Надо намъ съ тобою, Иванъ Аѳанасьевичъ, за своею смотрѣть!

— Да кто же воръ-то?—спросилъ, наконецъ, воевода.

— Андрей Петровичъ,—отвѣтила Дарья Семеновна,—изъ роду Воропоновыхъ, путивльскій, сказываютъ.

— Те-те-те... Сказываютъ! Какъ такъ, мать моя!—вскричалъ воевода.—Неужто сама не знаешь? Что за Воропоновъ? Не слыхалъ, ей Богу, не слыхалъ...

— Да что у тебя за куриная память стала!—воскликнула воеводиха.—Андрей Петровичъ, стало быть Петра Васильевича сынъ, того, что въ Сибирь сослали.

— Ну, матушка, не помню. Мало ли кого ссылали. Я тогда, знать, въ походѣ былъ. А какая его была вина?

— Про то не вѣдаю, и было это назадъ тому лѣтъ пятнадцать... Мы съ тобою тогда въ Тулѣ были, я еще была въ послѣдній разъ брюхата.

— Пустое врешь, мать моя! Когда ты въ Тулѣ жила, я два года въ походѣ былъ.

— Иванъ Аѳанасьевичъ!—опять заголосила Дарья Семеновна.—Неужто на вора никакой управы нѣтъ?

— Ахти, я и забылъ про тебя, Дарья Семеновна... Какъ же твоему горю пособить, коли ты не знаешь, гдѣ подлинно того вора вотчина...

— Въ путивльской округѣ, Иванъ Ѳедоровичъ мнѣ сказывалъ, да и самъ воръ тоже говорилъ...

— И-и-и! Стало быть сама ты козла въ огородъ пускать изволила! Какъ же онъ такъ ловко спроворилъ?

Дарья Семеновна разсказала, что знала, а знала она, разумѣется, немногое. Единственнымъ надежнымъ признакомъ были шереметевскіе кони, но въ нихъ-то и была загвоздка, такъ какъ на такихъ лихихъ лошадяхъ Воропоновъ отмахаетъ какихъ-нибудь полтораста верстъ—если только его деревни дѣйствительно, въ путивльской округѣ—прежде, чѣмъ успѣютъ собрать о немъ и его вотчинахъ сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія. А разъ онъ прискачетъ

жить за архіерейскимъ столомъ, а иногда сидѣть и за кучера. Въ этой должности онъ пробылъ больше десяти лѣтъ прежде, чѣмъ попалъ въ священники.

— Ну, не чудо ли изъ чудесъ,—сказалъ отецъ Степанъ, присѣвъ на лавку.—Отца вѣнчалъ и сына вѣнчать пришлось!

— А ты смотри, батюшка, какъ бы тебѣ не попасть въ отвѣтъ!—сказала попадья,—больно ты ужъ скоръ на эти дѣла? А чтò коли она ему внучатная сестра?

— Чтò по пустому говоришь?—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ батюшка.—Мнѣ ли не знать всю ихъ родню! Я и правнучатныхъ всѣхъ знаю.

— И статочное ли дѣло?—сказала попадья.—Отъ матери дѣвка убѣжала! Нѣтъ, батюшка, ужъ ты тамъ, чтó хочешь, говори, а достанется тебѣ! Мать-то ея, сказываютъ, боярыня лихая, пожалуй и къ преосвященному дорогу найдетъ.

— Ну, и пусть ищетъ... Что я съ преосвященнымъ говорить не умѣю, что ли,—съ досадой сказалъ отецъ Степанъ.

— Нѣтъ, видно яблочко не далеко отъ яблони падаетъ,—замѣтила попáдья.—Какъ бы сынъ въ отца не пошелъ! Пустое ли дѣло! Среди бѣла дня дѣвку украсть...

— А по твоему чтò же, лучше ночью!—въ сердцахъ вскричалъ отецъ Степанъ.—И зачѣмъ языкъ чесать? видала ты чтò худое отъ Андрея Петровича. Только Бога гнѣвишь! дай Господи всѣмъ такого барина... А коли сказать правду, такъ и батюшка его Петръ Ильичъ, царство ему небесное, хорошій былъ человѣкъ... пропалъ низачто...

— Ну, да хорошій!—сказала попадья и съ досады даже брызнула тѣстомъ на полъ.—Сколько душъ христіанскихъ загубилъ! да и у тебя, знать, спина давно ужъ зажила... видно забылъ...

— Эхъ, матушка! такъ-то оно такъ, а все же мы съ тобой видѣли отъ него тоже ласку и добро... скажи-ка по совѣсти, колибъ не покойный Петръ Ильичъ, кѣмъ бы я былъ теперь? Въ пономари и то такого стараго не возьмутъ...

Попадья прикусила языкъ, такъ какъ не могла не сознавать, что отецъ Степанъ сталъ священникомъ, дѣйствительно, по милости Петра Ильича.

Вотъ какъ это случилось.

Въ бытность служителемъ у архіерея, отецъ Степанъ или, въ то время по просту Степанъ, отпросился у преосвященнаго съѣздить къ родственникамъ въ село, находившееся по сосѣдству съ Воропоновкой. Отправившись на прогулку въ лѣсъ, Степанъ, самъ того не замѣчая, забрелъ въ воропоновскія владѣнія и сталъ вырѣзывать ножемъ палку изъ вѣтви орѣшника. Вдругъ послышался собачій лай, и не успѣлъ Степанъ, вооружившись дубинкою, стать въ оборонительную позу, какъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ себя большую гончую собаку, которая съ остервенѣніемъ бросилась на него и впилась своими острыми зубами ему въ ноги. Выругавшись отъ боли, бывшій бурсакъ хватилъ собаку палкой по мордѣ и попалъ ей въ глазъ. Собака взвигнула и отскочила. Въ эту минуту изъ-за кустовъ показались еще двѣ собачьи морды, а за ними появился и выжлятникъ, который, увидя гончую съ подбитымъ глазомъ, сталъ бранить Степана и угрожать ему барскимъ гнѣвомъ за искалѣченіе собаки. Степанъ отвѣтилъ, что не боится ничего, потому что служитъ у преосвященнаго, который не дастъ его въ обиду. Псарь продолжалъ ругаться, но нѣсколько понизивъ тонъ, какъ вдругъ на бѣду, прискакалъ самъ Петръ Ильичъ. Узнавъ о случившемся, онъ весьма прогнѣвался и хотя Степанъ божился и клялся, что нечаянно попалъ въ глазъ и утверждалъ, что его, какъ лицо духовнаго званія, можетъ наказывать только преосвященный, Петръ Ильичъ велѣлъ связать архіерейскаго слугу, отвести его на конюшню и всыпать ему, для памяти, сотню розогъ въ своемъ присутствіи.

Избитый и оскорбленный Степанъ, даже не отлежавшись порядкомъ, поспѣшилъ въ городъ, чтобы привезти съ собою вещественные слѣды понесенныхъ побоевъ. Архіерей горячо взялся за это дѣло, такъ какъ Воропоновъ уже невпервые позволялъ себѣ грубыя насилія надъ лицами духовнаго званія. Петръ Ильичъ, когда прошелъ у него первый пылъ, самъ разсудилъ, что поступилъ неосмотрительно: да къ тому же собаку успѣли вылечить, и она не осталась кривою. Явившись съ повинною къ преосвященному, Петръ Ильичъ сознался, что погорячился понапрасну и прибавилъ:

— А хороши у васъ слуги, ваше преосвященство! Ни разу не пикнулъ подъ розгами, а теперь встрѣчаю его, говорю: «хочешь помиримся, дамъ тебѣ за обиду сто рублей?» Чтожъ? Не беретъ! Значитъ, не продажная душа... А я къ вашему преосвященству съ просьбою: задумалъ я построить церковь, благословите приступить къ дѣлу, а въ попы поставьте ко мнѣ вашего Степана.

Архіерей согласился не сразу.

— Ты, говоритъ, оскорбилъ духовное званіе...

Послѣ нѣкоторыхъ упрашиваній, преосвященный далъ согласіе. Въ томъ же году въ Воропоновкѣ была сооружена церковь.

Отецъ Степанъ имѣлъ основаніе относиться снисходительно къ слабостямъ и даже къ порокамъ Петра Ильича Воропонова, такъ какъ успѣлъ узнать и его хорошія стороны. Петръ Ильичъ былъ чрезвычайно щедръ, и не мало перепало отъ него всякой благостыни священнику. Порою, подъ пьяную руку, Петръ Ильичъ хотя и посмѣивался надъ отцомъ Степаномъ, говоря: «а вѣдь я, батька, тебя въ попы произвелъ», но въ трезвомъ видѣ относился къ нему весьма дружелюбно и даже иногда спрашивалъ его совѣтовъ.

Не всегда безчинства Петра Ильича имѣли такой счастливый и неожиданный исходъ, какъ въ происшествіи съ отцомъ Степаномъ. Одинъ случай былъ роковымъ въ его жизни. На этотъ разъ основною причиною катастрофы была опять-таки безумная страсть Петра Ильича къ собакамъ, которыя, если не всегда, то въ извѣстныя минуты, были для него дороже людей.

Однажды, Петръ Ильичъ провѣдалъ, что у мелкопомѣстнаго сосѣда, отставного подпоручика Лунина, есть какая-то удивительная борзая. Петръ Ильичъ тотчасъ пригласилъ сосѣда къ себѣ на охоту.

Время было осеннее, но день теплый, сухой и ясный, въ воздухѣ летала паутина, однимъ словомъ, было такъ называемое бабье лѣто. Не стѣсняясь препятствіями, Воропоновъ ѣхалъ со всею охотою прямо черезъ свои озимые посѣвы, отыскивая зайцевъ. Долго не находили ничего, какъ вдругъ на межѣ выскочилъ старый русакъ и что было силы пустился по направленію къ лѣсу. Воропоновъ велѣлъ спустить свою лучшую борзую—Передрягу, а пріѣзжій помѣщикъ Лунинъ самъ спустилъ своего красавца Дивея; собаки бросились и оба охотника поскакали сломя голову за ними, понукая ихъ криками: «ого-ого! ату его!»

Заяцъ, собаки, охотники и раздѣлявшія ихъ полосы синеватой пыли, казалось, слились въ одно живое существо, въ родѣ исполинской змѣи, то укорачивавшейся, то удлинявшейся и одушевленной однимъ и тѣмъ же стремленіемъ—двигаться поскорѣе.

Собаки, очевидно раздѣлявшія чувства, волновавшія ихъ господъ, вытянулись въ струну; заяцъ, въ свою очередь, дѣлалъ отчаянные скачки и, казалось, не бѣжалъ, а летѣлъ въ воздухѣ. Одно время Передряга была немного впереди и Петръ Ильичъ уже думалъ, что она сейчасъ настигнетъ зайца; но старый, опытный звѣрекъ, не разъ уже травленный собаками, сдѣлалъ скачекъ вбокъ и вдругъ прилегъ: обѣ борзыя проскочили мимо, а онъ метнулся въ сторону и поскакалъ по перепаханному полю. Минуту спустя, Дивей успѣлъ заскакать впередъ и вскорѣ значительно обогналъ Передрягу. Онъ былъ уже въ трехъ шагахъ отъ зайца, который дѣлалъ отчаянныя усилія, такъ какъ до опушки лѣса оставалось самое незначительное разстояніе.

— Милый! Голубчикъ! Не выдай!—кричалъ Лунинъ, поощряя своего Дивея.—Ого-го! Ого-го!

Дивей сдѣлалъ послѣдній отчаянный прыжокъ и схватилъ зайца.

Не помня себя отъ радости, Лунинъ не соскочилъ, а перекувыркнулся съ лошади и бросился къ Дивею, который, съ побѣднымъ видомъ, держалъ живого еще зайца въ зубахъ.

— Ну, братецъ,—сказалъ подскакавшій Петръ Ильичъ гостю,—сказать правду, славный у тебя песъ!

Лунинъ, заколовъ зайца, гладилъ Дивея и говорилъ съ истинно-отеческою гордостью:

— Голубчикъ мой! Вотъ такъ молодецъ!

— А знаешь, Иванъ Иванычъ, — сказалъ Петръ Ильичъ, въ свою очередь любуясь Дивеемъ,—продай мнѣ твою собачку! Пятьдесятъ рублевъ дамъ!

Для Лунина пятьдесятъ рублей, при тогдашней дороговизнѣ денегъ, были значительной суммой. Но онъ даже обидѣлся.

— Нѣтъ, Петръ Ильичъ, и за сто не продамъ Дивея! — отвѣчалъ онъ.

— Неужто и за сто не отдашь? Ну, даю двѣсти.

— Да зачѣмъ по пустому разговаривать?—съ досадою сказалъ Лунинъ.—Я ни за какія деньги не продамъ.

— Слушай, Иванъ Иванычъ, ты не упрямься, самъ посуди: ты человѣкъ небогатый. Двѣсти рублей—это и для меня деньги. Ну и за какимъ шутомъ тебѣ собака? Много ли охотишься?

— Ну ужъ, много ли, мало ли, про то мнѣ знать.

— Слушай, Иванъ Иванычъ, выпьемъ за твоего пса, а тамъ можетъ и подумаешь.

— Выпить я не прочь, дѣло хорошее... А продать не продамъ, даже спьяна не продамъ!—упорствовалъ Лунинъ.

Подъѣхали охотники, разослали коверъ, вынули закуску и вино, и Петръ Ильичъ съ Лунинымъ, усѣвшись рядомъ, принялись осушать стаканъ за стаканомъ.

— Такъ что же? Не продашь и за триста?—спросилъ немного погодя Петръ Ильичъ, думая, что угощенье сдѣлало Лунина болѣе сговорчивымъ. Но Лунинъ, вмѣсто отвѣта, только затрясъ головою.

— Ну такъ чортъ же тебя возьми, даю пятьсотъ!—въ сердцахъ сказалъ Петръ Ильичъ.—Дуракъ будешь, коли не возьмешь.

— Не продамъ... Вотъ присталъ... Сказано, не продаю!

— Тысячу даю!—крикнулъ Петръ Ильичъ.

Отъ досады и вина вся кровь бросилась ему въ голову.

— Не продамъ!

— Тысячи не берешь? — съ озлобленіемъ сказалъ Петръ Ильичъ.—У самого дѣтишки ходятъ безъ штановъ, а тысячи рублей не берешь за пса! Ну не подлецъ ли ты послѣ этого?

Лунинъ въ свою очередь разгорячился.

— Самъ ты подлецъ!—отвѣтилъ онъ.—Чтò ты о себѣ думаешь! Я самъ дворянинъ! Плевать мнѣ на тебя вотъ чтò! И онъ, въ самомъ дѣлѣ, сплюнулъ въ сторону.

— Ахъ ты, мерзавецъ!—заревѣлъ Воропоновъ.—Да какъ ты посмѣлъ! Прощенія проси! На колѣни, самъ не встанешь, такъ велю поставить!

— Меня?—закричалъ Лунинъ.—Пусть только коснется меня холопская рука! Убью! А осилятъ меня твои людишки, то коли живъ останусь, тебѣ самому не сдобровать! Гдѣ ни встрѣтимся, убью.

— А!—вырвался зловѣщій крикъ изъ груди Воропонова.—Такъ ты вотъ какъ!

Петръ Ильичъ схватилъ арапникъ и съ размаху ударилъ Лунина рукояткой, на концѣ которой было подобіе кистеня, съ тяжолымъ шаромъ, предназначеннымъ для того, чтобы добивать затравленныхъ борзыми волковъ.

Ударъ пришелся въ лицо; изъ разсѣченной брови брызнула кровь. Лунинъ схватился рукою за рану и побѣжалъ. Воропоновъ бросился за нимъ и опять, со всего размаха, ударилъ свою жертву. На этотъ разъ ударъ попалъ прямо въ правый високъ. Лунинъ, какъ подкошенный, грохнулся на землю.

Все это было дѣломъ одной минуты.

Воропоновъ подошелъ къ упавшему Лунину.

— Подобрать!..—крикнулъ Петръ Ильичъ псарямъ; но голосъ его осѣкся: тутъ только замѣтилъ Воропоновъ, что Лунинъ какъ-то странно хрипитъ. Слегка повернувъ его къ себѣ, онъ увидѣлъ дико выпученый, залитый кровью правый глазъ, готовый, казалось, выскочить изъ орбиты.

— «Убилъ!»—мелкнуло въ умѣ Воропонова. При этой мысли весь хмѣль и весь гнѣвъ его мгновенно прошли. Петръ Ильичъ обѣими руками схватился за голову. Теперь онъ вполнѣ понялъ, что совершилъ нѣчто ужасное и, главное, такое, чего никакъ нельзя ни воротить, ни поправить.

— Несите, несите... Отлейте водою...—съ усиліемъ проговорилъ онъ.

Рястерявшіеся псари понесли убитаго, не зная куда идти.

— Ко мнѣ домой!—глухо скомандовалъ Петръ Ильичъ.—Нѣтъ, на гумно, чтобы дѣти не испугались... Мертвеца понесли далѣе.

Прошли съ четверть версты. Петръ Ильичъ также шелъ, понуривъ голову. Вдругъ онъ измѣнилъ рѣшеніе и велѣлъ нести покойника прямо въ церковь и послать немедленно за отцомъ Степаномъ.

Явился отецъ Степанъ. Перепуганный священникъ самъ несъ ключи отъ церкви. Сначала онъ не рѣшался хоронить убитаго, но обдумавъ согласился и даже сталъ торопить, боясь, чтобы не наѣхалъ кто-нибудь.

— Нѣтъ, батька, ужъ не такъ къ спѣху, — сказалъ Петръ Ильичъ, къ которому, повидимому, вернулось присутствіе духа.— Надо хоронить по-христіански... Ночью псалмы отчитаемъ, а завтра по утру похоронимъ. Читать я самъ буду!—прибавилъ онъ рѣшительнымъ тономъ.

Ему пришла мысль: нельзя ли обставить дѣло такъ, какъ будто Лунинъ упалъ съ лошади и разбился. Псари покажутъ за него, а отецъ Степанъ еще не знаетъ... Какъ не знаетъ? Да вѣдь онъ, кажется, самъ сказалъ священнику: грѣхъ приключился, батюшка! человѣка я убилъ! Да, да, именно это онъ сказалъ, какъ только увидѣлъ священника...

Всю ночь провелъ Петръ Ильичъ въ церкви одинъ, надъ тѣломъ убитаго. Сначала онъ, дѣйствительно, читалъ псалмы, но потомъ, ставъ на колѣни и ударяя себя въ грудь, самъ уже сочинялъ молитвы. Долго онъ не рѣшался взглянуть въ лицо убитаго: да и не зачѣмъ было. Онъ не смотрѣлъ, но видѣлъ, особенно ясно видѣлъ этотъ выпученный, какъ у висѣльника, глазъ.

Наконецъ, онъ рѣшился подойти ближе. Его уже толкала какая-то неотразимая сила, и онъ наклонился надъ тѣломъ. Странное чувство испыталъ тогда Петръ Ильичъ: онъ не узналъ убитаго.

Нѣтъ, это былъ не тотъ страшный мертвецъ, котораго онъ боялся. Передъ тѣмъ, какъ внести тѣло въ церковь, отецъ Степанъ велѣлъ обмыть покойника и закрыть ему глаза, и то, что̀ болѣе всего страшило Петра Ильича, принадлежало тому мертвецу, лежавшему въ полѣ, а не этому. Тотъ былъ страшенъ и грозилъ ему; здѣсь, въ гробу, лежалъ обыкновенный покойникъ, какихъ онъ видѣлъ не однажды: восковое желтое лицо, съ строгимъ, спокойнымъ выраженіемъ, небольшая ранка и темносиній подтекъ съ правой стороны. Ничего ужаснаго.

Въ глазахъ у Петра Ильича зарябило и показались огромные радужные круги, но это было слѣдствіемъ не страха, а усталости отъ долгаго чтенія при мерцающемъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей. Петръ Ильичъ сдѣлалъ еще усиліе надъ собой и, перекрестившись, хотѣлъ приложиться къ покойнику, но не ловко толкнулъ гробъ. Мертвецъ закачался. Воропонову показалось, что покойникъ поворачивается въ гробу и ему даже послышался голосъ: «отыди прочь, убійца!» Петръ Ильичъ отшатнулся, въ вискахъ у него застучало, и, чтобы превозмочь овладѣвшій имъ страхъ, онъ сталъ опять читать псалтырь какъ можно громче.

Свѣтало. Скрипнула дверь, вошелъ дьячекъ, а за нимъ и отецъ Степанъ. Петръ Ильичъ продолжалъ читать и не оборачивался.

Немного подождавъ, священникъ сказалъ, что пора бы начинать и что могилу давно уже вырыли.

Когда понесли гробъ на кладбище, Петръ Ильичъ сначала шелъ сзади, но потомъ велѣлъ одному изъ носильщиковъ уступить ему свое мѣсто. Воропоновъ былъ силенъ, но отъ нравственнаго разстройства и отъ безсонной ночи, силы измѣнили ему. Ноша показалась необычайно тяжелою, желѣзное кольцо, за которое онъ держалъ гробъ, врѣзалось ему въ руку и причиняло

сильную боль. Петръ Ильичъ посмотрѣлъ на кольцо и вдругъ подумалъ: «кандалы!» Онъ помогалъ, однако, нести до самаго кладбища.

Когда стали бросать въ могилу землю, онъ также взялъ комъ сырой земли и, не глядя, бросилъ.

Сначала Воропоновъ какъ будто и не думалъ о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своего преступленія. Но вскорѣ чувство самосохраненія заговорило въ немъ. Онъ спѣшилъ принять мѣры, чтобы наверстать пропущенное время.

Убійство было слишкомъ очевидное и всегда можно было ожидать доноса. Но болѣе всего боялся Петръ Ильичъ своей собственной совѣсти; отъ нея онъ еще болѣе хотѣлъ скрыться, чѣмъ отъ суда. Прежде всего онъ поспѣшилъ оставить Воропоновку.

Мѣсяца два прожилъ онъ въ отдаленной деревнѣ Гриденкѣ, бывшей въ Корочанской округѣ и доставшейся его женѣ въ приданное. Здѣсь онъ чувствовалъ себя гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ Воропоновкѣ. Но рано или поздно, его должны были найти, и, чтобы разъ навсегда схоронить концы въ воду, Петръ Ильичъ рѣшился пустить въ ходъ грубый обманъ. По всей окрестности вдругъ разнесся слухъ, что онъ скоропостижно скончался отъ черной оспы. Похороны были устроены съ подобающей торжественностью. Въ гробу былъ положенъ настоящій мертвецъ съ потемнѣвшимъ обезображеннымъ лицомъ, одѣтый, какъ одѣвался обыкновенно Петръ Ильичъ, съ напудренной головою и завитыми буклями на вискахъ. Это былъ одинъ изъ дворовыхъ, рослый парень лѣтъ восемнадцати, дѣйствительно умершій отъ свирѣпствовавшей тогда оспы. Петръ Ильичъ, долгое время, дѣйствительно, считался умершимъ, пока самъ не подалъ признаковъ жизни, но уже совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ.

Похоронивъ вмѣсто себя другого, онъ, однако, въ дѣйствительности, устроилъ и свои собственныя похороны, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ смыслѣ, такъ какъ съ этихъ поръ началъ опускаться все ниже и ниже, и, наконецъ, окончательно палъ... Онъ сталъ жить безвыѣздно въ Гриденкѣ, но такая жизнь вскорѣ стала невыносимою для его широкой натуры, жаждавшей простора и разгула.

Призракъ убитаго преслѣдовалъ его всюду. Однажды, вечеромъ, онъ, задумавшись, ѣхалъ верхомъ по дорогѣ въ лѣсъ, какъ вдругъ ему встрѣтилась бричка. Солнце въ это время заходило, послѣдніе лучи его придавали предметамъ кроваво-красный оттѣнокъ. Петръ Ильичъ взглянулъ въ бричку, дико вскрикнулъ, погналъ своего коня и нѣсколько верстъ проскакалъ безъ оглядки; ему показалось, что въ бричкѣ сидитъ Лунинъ съ окровавленнымъ лицомъ и грозитъ ему пальцемъ. А это былъ бурсакъ, проѣзжавшій въ Воропоновку сватать дочь отца Степана.

Въ другой разъ, Петръ Ильичъ, простудившись, такъ занемогъ, что вообразилъ себя умирающимъ. Онъ рѣшился, наконецъ, послать въ Воропоновку за отцомъ Степаномъ, на исповѣди разсказалъ ему все какъ было, и причастился. Но выздоровѣвъ, онъ сталъ еще мрачнѣе. Во время болѣзни ему почудилось, что онъ слышитъ разговоръ между своими дворовыми. Одинъ будто говоритъ другому:

— Скажемъ «слово и дѣло», а тамъ пусть насъ допрашиваютъ...

Выздоровѣвъ, Петръ Ильичъ никакъ не могъ припомнить, кто именно изъ дворовыхъ велъ этотъ разговоръ. Быть можетъ, все это просто померещилось ему въ бреду: но онъ сталъ еще подозрительнѣе прежняго. Онъ боялся даже, что отецъ Степанъ нарушитъ тайну исповѣди. Безсонница мучила его. Онъ замѣтно исхудалъ и пожелтѣлъ какъ воскъ. Вскорѣ Петръ Ильичъ почувствовалъ, что, скрываясь отъ людей, онъ возложилъ на себя новое бремя, которое оказалось ему совсѣмъ не по силамъ.

Необходимость таиться, быть всегда настороже, вся его нынѣшняя подпольная жизнь шла до такой степени въ разрѣзъ съ его размашистой натурой, съ его барскими привычками, что требовала полнаго перерожденія, къ которому онъ былъ не способенъ. Прежде онъ жилъ, такъ сказать нараспашку. Теперь приходилось урѣзывать себя и сокращаться. Петръ Ильичъ привыкъ господствовать во всемъ; до сихъ поръ онъ не зналъ никакой узды для своихъ прихотей. Давно ли онъ былъ неограниченнымъ властелиномъ нѣсколькихъ сотъ людей? Теперь онъ даже не рѣшался показываться въ своей вотчинѣ, и именно потому, что тамъ его лучше всего знали. Ему было стыдно выказывать малѣйшій признакъ безсилія передъ своими крѣпостными, онъ хотѣлъ, чтобы его хоть тамъ помнили такимъ же бариномъ, какимъ онъ былъ недавно.

Могъ ли онъ жить въ Воропоновкѣ и не приглашать сосѣднихъ дворянъ, отказываться отъ ихъ приглашеній? Разыгрывать тамъ роль мнимо-умершаго было бы выше его силъ, да къ тому же и невозможно. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, его меньше знали. Но и здѣсь ему приходилось всего опасаться, бояться даже своихъ дворовыхъ, стараясь, однако, не показать и виду, что боится. Петръ Ильичъ сознавалъ, что какъ ни велика его власть, а теперь всякій мужикъ можетъ жестоко отомстить ему за малѣйшую расправу. Онъ никогда не былъ жестокъ, но вынужденная кротость была для него невыносима.

«Теперь не смѣй и высѣчь какого-нибудь пьяницу, думалъ онъ. Попробуй его выстегать—навредитъ такъ, что не радъ будешь!»

Часто ему казалось, что мужики косо на него поглядываютъ, или не такъ, какъ слѣдуетъ, ломаютъ шапки. Руки у него чесались, но онъ сдерживался.

Всюду Петръ Ильичъ подозрѣвалъ предательство. Родныя дѣти и тѣ могутъ сболтнуть по глупости, думалъ онъ. Ужъ на что жена и та можетъ лишнее сказать... Поѣдетъ въ гости—сама роднымъ проболтается, а ужъ о слугахъ и говорить нечего.

Петръ Ильичъ не былъ трусомъ. Мысль о судѣ, даже о казни, не страшила бы его, если бы не соединялась съ мыслью о позорѣ. Впрочемъ, онъ думалъ не столько о грозившемъ ему судѣ, сколько о созданномъ имъ самимъ для себя положеніи заживо погребеннаго. Теперь онъ не воленъ ужъ въ своихъ поступкахъ; скрываться надо, чтобы избѣжать постыдной кары, а жить такъ, подавлять порывы своей натуры, которая рвалась на просторъ, было не лучше смерти. Петръ Ильичъ сталъ угрюмъ и болѣзненно раздражителенъ.

«Никому я не нуженъ сталъ»... иногда думалъ онъ, забывая, что никто не могъ посѣщать его, такъ какъ онъ добровольно сталъ отшельникомъ.

Иногда вдругъ взбредетъ Петру Ильичу на умъ, что жена хочетъ его бросить и уѣхать къ роднымъ въ Петербургъ.

— Скучно ей здѣсь, злобно твердилъ онъ, а мнѣ весело, что ли?

Не хотѣлъ того знать Петръ Ильичъ, что жена страдала за него, быть можетъ, не меньше, чѣмъ онъ самъ. Горька была участь этой терпѣливой, любящей, безотвѣтной женщины. Трудно перечислить всѣ огорченія и обиды, которыя ей приходилось переносить отъ мужа. Даже въ лучшіе годы ихъ совмѣстной жизни мужъ былъ своенравенъ, ревнивъ и внезапно переходилъ отъ ласкъ къ грубости, теперь же онъ сталъ, положительно, невыносимъ съ своей вѣчной подозрительностію.

— Ты думаешь, я изъ милости у тебя живу? Что же я, холопъ твой, а не мужъ?—твердилъ онъ.

Иногда, ни съ того, ни съ сего Петръ Ильичъ начиналъ ревновать жену, хотя, положительно, было не къ кому. Подозрѣнія его, порою, были такъ нелѣпы, что онъ самъ это сознавалъ, а потому выдумывалъ совершенно несуществующихъ любовниковъ.

Разъ придрался онъ къ тому, что жена, давно переставшая бывать у кого-либо изъ сосѣднихъ дворянъ, заѣхала къ вдовой попадьѣ. Петръ Ильичъ долго послѣ этого попрекалъ жену сочиненнымъ имъ молодымъ попомъ.

— Знаю я!—говорилъ онъ.—Ты ждешь не дождешься, когда меня въ Сибирь сошлютъ! Такъ нѣтъ, погоди же! Рано вздумала!

— Батюшка, Петръ Ильичъ,—возражала жена,—да ты никакъ совсѣмъ сталъ безъ ума! У нея-то и мужъ давно померъ, да и сама попадья тебѣ въ матери годится.

Петръ Ильичъ и слушать не хотѣлъ.

Не долго выдержала жена Петра Ильича такую жизнь. Она зачахла и умерла, оставивъ троихъ сиротъ. Петръ Ильичъ похо-

ронилъ жену почти тайкомъ, не пригласивъ никого, кромѣ родного брата—единственнаго человѣка, которому онъ еще довѣрялъ. Ему же онъ поручилъ управлять своею частью Воропоновки. По смерти жены, которую Петръ Ильичъ столько же любилъ, сколько и мучилъ, у него явились новыя опасенія. У жены были родственники. Правда, они жили далеко—одни въ Твери, другіе въ Петербургѣ, и онъ не увѣдомилъ ихъ о потерѣ жены. Но что, если они узнаютъ и, вѣря въ мнимую смерть Петра Ильича, пріѣдутъ взять сиротъ на воспитаніе?

Такъ жилъ Петръ Ильичъ изо дня въ день, находясь въ фальшивомъ, невыносимомъ положеніи, посреди безчисленныхъ, частью имъ же самимъ созданныхъ, тревогъ и опасеній. Теперь онъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ и, наконецъ, не выдержалъ, рѣшился заглянуть въ свою Воропоновку.

Не мало изумились его появленію крестьяне, не сразу узнавши въ этомъ сильно постарѣвшемъ бородачѣ своего прежняго веселаго боярина.

Обрадовались вѣрные слуги, а бывшій дворецкій Митричъ, оставленный сторожить домъ, даже заплакалъ, цѣлуя руку Петра Ильича. Обрадовались псари, давно скучавшіе бездѣйствіемъ, радостно завизжали любимыя собаки. Но Петръ Ильичъ чувствовалъ себя не ладно въ своихъ собственныхъ хоромахъ. Воспоминаніе о прошломъ еще болѣе растравило его раны, тоска одолѣла его. Все здѣсь напоминало ему о совершенномъ имъ преступленіи. Охота не шла на умъ, ему казалось, что вотъ сейчасъ придетъ Лунинъ съ окровавленнымъ лицомъ и приведетъ своего Дивея. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Петръ Ильичъ поспѣшилъ назадъ въ Гриденку.

Недолгое пребываніе въ Воропоновкѣ однако внушило ему мысль, за осуществленіе которой онъ тотчасъ же принялся.

Поговоривъ о томъ, о семъ, съ своими псарями, вспомнивъ о нѣкоторыхъ удалыхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ когда-то съ этими молодцами, Петръ Ильичъ сталъ какъ-будто бодрѣе духомъ. Онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: — оставаться въ Воропоновкѣ было бы чистымъ безуміемъ, его присутствіе несомнѣнно обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Въ Гриденкѣ онъ можетъ считать себя гораздо болѣе безопаснымъ. Деревенька небольшая, уединенная, кругомъ степь и лѣса, по близости ни одной большой дороги, ни другихъ деревень и селъ. Однако, не мѣшаетъ взять съ собой вѣрныхъ людей изъ Воропоновки и образовать изъ нихъ для себя особую стражу. Псари—народъ удалой, большею частью безсемейный, отвыкшій отъ хлѣбопашества. Не имѣя ничего общаго съ населеніемъ Гриденки, эти воропоновскіе молодцы не войдутъ въ стачку съ мужиками, даже если бы тѣ вздумали выдать барина. Стоитъ хорошенько вооружить этихъ псарей, они будутъ не хуже казаковъ, и въ случаѣ надобности съумѣютъ постоять за него.

«По крайности живымъ не дамся!» — думалъ Петръ Ильичъ, удивляясь самому себѣ, какъ онъ раньше не догадался устроиться такимъ образомъ?

Псари, появившіеся въ Гриденкѣ, нѣсколько расшевелили Петра Ильича. Собственно объ охотѣ онъ думалъ мало и собакъ велѣлъ взять лишь по привычкѣ. Со скуки, Петръ Ильичъ попробовалъ было возобновить охоту, но дѣло не клеилось. Охоту онъ любилъ не саму по себѣ, но ради сопряженнаго съ нею разгула, ради пировъ и шумныхъ попоекъ, какіе онъ задавалъ прежде окрестнымъ дворянамъ. Много ли разгуляешься съ одними псарями?.. Да и при томъ, охота всякій разъ напоминала ему о Лунинѣ и его собакѣ.

Между тѣмъ душа Петра Ильича попрежнему рвалась на просторъ, томилась бездѣйствіемъ, искала сильныхъ ощущеній. Главною цѣлью при переселеніи псарей было для Петра Ильича, какъ сказано, устроить для себя родъ стражи. Вспомнивъ годы своей собственной службы, онъ вздумалъ обучить своихъ молодцовъ нѣкоторымъ военнымъ пріемамъ. Но вскорѣ и эта стража показалась ему недостаточной, и Петръ Ильичъ сталъ подумывать о составленіи болѣе многочисленнаго отряда. Пришлось оставить предразсудки противъ гриденскихъ мужиковъ и присмотрѣться, нѣтъ ли между ними подходящихъ людей.

Петръ Ильичъ сталъ высматривать молодцевъ побойчѣе. Особенное вниманіе онъ обратилъ на одного мужика, который долго былъ въ бѣгахъ, а потомъ внезапно опять появился въ Гриденкѣ. Нечего и говорить, что Петру Ильичу было не до розыска, а тѣмъ болѣе не до наказанія бѣглыхъ. Наоборотъ, узнавъ о возвращеніи бродяги Ивана, Петръ Ильичъ велѣлъ сказать ему, чтобы тотъ ничего не боялся, и, призвавъ его, сталъ разспрашивать о его похожденіяхъ. Вскорѣ баринъ почувствовалъ къ бродягѣ особую симпатію, какъ къ человѣку смѣлому, бывалому и хитрому. Слѣдуетъ замѣтить, что гриденскіе мужики, вообще, пользовались репутаціей людей гулящихъ: еще дѣды ихъ были люди вольные, внуки отличались буйнымъ нравомъ, часто бывали въ бѣгахъ, а иные и пошаливали, занимаясь конокрадствомъ. Почва для самыхъ рискованныхъ затѣй Петра Ильича была здѣсь, какъ нельзя лучше, подготовлена.

Петръ Ильичъ сталъ заводить съ бродягой Иваномъ и съ другими мужиками разговоры, которые съ каждымъ днемъ становились все откровеннѣе; Иванъ уже безъ стѣсненія разсказывалъ барину о своихъ похожденіяхъ на Яикѣ, и Петръ Ильичъ жадно прислушивался къ полусказочнымъ повѣствованіямъ бродяги, который увѣрялъ, что ѣздилъ по Волгѣ въ Персію и видѣлъ тамъ самого салтанскаго царя.

«Развѣ я хуже этого мужичья?—думалъ Петръ Ильичъ.—Они

тамъ воеводъ бивали, а я-то чего боюсь? Сколько времени сиднемъ сижу, какъ чурбанъ! Сущій я трусъ! Воеводы испугался! Старишенко ветхій, еле на ногахъ держится, а я тутъ сижу и трясусь, какъ Каинъ! Тьфу ты, пропасть!»

— Ну, братецъ, — сказалъ однажды Петръ Ильичъ бродягѣ Ивану, повеселѣвъ такъ, какъ-будто нивѣсть что придумалъ. — Отчего бы и намъ здѣсь не погулять вволю и не позабавиться? Скажи по чести, хочешь мнѣ служить вѣрой и правдой? весело будетъ?

— Извольте приказать!—сказалъ Иванъ.—Только какія здѣсь забавы? Тутъ, баринъ, и работы никакой нѣтъ...

— Эхъ ты, а еще бахвалишься! была бы охота, будетъ и работа,—загадочно сказалъ Петръ Ильичъ.

Собственно говоря, Петръ Ильичъ самъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ плановъ и не зналъ, какая работа потребуется для него. Чтобы молодцы не оставались въ праздности и, главное, чтобы чѣмъ-нибудь разнообразить жизнь, онъ сталъ придумывать разныя потѣхи. Вскорѣ всюду только и говорили, что о безчинствахъ, совершаемыхъ шайкою какихъ-то удальцовъ.

Затѣи Петра Ильича были довольно разнообразны: то велитъ онъ поймать проѣзжаго подьячаго, вымазать его дегтемъ, обсыпать пухомъ и въ такомъ видѣ отпустить на всѣ четыре стороны; то заберетъ въ плѣнъ купца и заставитъ плясать въ шутовскомъ нарядѣ, а потомъ выкупаетъ въ рѣчкѣ. Все это предпринималось, большею частью, противъ людей, насолившихъ многимъ дворянамъ, или ненавидимыхъ народомъ, напримѣръ, откупщиковъ, а потому встрѣчало даже одобреніе въ общественномъ мнѣніи. Если же жертвами случайно становились люди побѣднѣе, то Петръ Ильичъ, натѣшившись вдоволь, дарилъ ихъ деньгами и отпускалъ не совсѣмъ здоровыми, но безъ серьезныхъ поврежденій.

Но буйные вооруженные молодцы, составлявшіе свиту Воронова, были не всегда разборчивы въ своихъ собственныхъ затѣяхъ. Имъ хотѣлось наживы, и такіе люди, какъ бродяга Иванъ, вскорѣ стали помышлять о грабежахъ. Первою настоящею жертвой сталъ одинъ богатый купецъ. Молодцы не только ободрали его, какъ липку, но и укокошили вмѣстѣ съ его кучеромъ. Денегъ при убитомъ оказалось не мало, и они привезли добычу, предлагая барину принять участіе въ дѣлежѣ.

На первый разъ Петръ Ильичъ вознегодовалъ. Выйдя на крыльцо, онъ велѣлъ созвать всѣхъ молодцовъ и обратился къ нимъ съ грозною рѣчью.

— Что это?—сказалъ онъ.—Для того ли я вамъ роздалъ ружья, чтобы вы на большихъ дорогахъ грабили? Ахъ вы, бездѣльники! Кто изъ васъ такое дѣло затѣялъ? Выходи! А не выдадите коноводовъ, такъ я изъ васъ третьяго перепорю!

Давно уже онъ не былъ въ такомъ возбужденіи и не говорилъ, какъ настоящій баринъ.

Въ толпѣ послышался глухой ропотъ.

— Кто тамъ разговариваетъ?— спросилъ Петръ Ильичъ.—Разбойничать вздумали? Я вамъ покажу, какъ проливать кровь...

Сказалъ и вдругъ вспомнилъ, что самъ обагренъ христіанской кровью... Голосъ его оборвался, холодный потъ выступилъ на лбу.

Малѣйшее колебаніе со стороны Петра Ильича должно было удвоить смѣлость толпы. Такъ и случилось. Изъ среды молодцовъ выдѣлился мужиченко побойчѣе, а можетъ быть и простоватѣе другихъ, съ карими моргающими глазами, и, поклонившись въ поясъ барину, сказалъ:

— Что жъ, бояринъ, вели казнить! На то твоя барская воля Мы твои холопы, что велишь, то и сдѣлаемъ. Не прикажешь, такъ и купцовъ бить не станемъ, а велишь—мы и за бояръ примемся! Ужъ сдѣлай милость, нашими холопскими подарками не побрезгуй!

Мужикъ сказалъ это безъ всякой задней мысли, ему и на умъ не приходило сдѣлать малѣйшій намекъ на убійство, совершенное нѣкогда Воропоновымъ; еще менѣе имѣлъ онъ въ виду (да и не посмѣлъ бы) сдѣлать намекъ на самого Воропонова. Но разгоряченному воображенію Петра Ильича тотчасъ представилась слѣдующая мысль: мужикъ хочетъ показать, что знаетъ все: ты-де убилъ своего брата-дворянина, отчего же намъ не велишь? А можетъ быть, мужикъ хотѣлъ еще сказать, что не только, вообще, за бояръ, но и за тебя-де примемся, коли станешь нами помыкать?.. Одна мысль о такомъ дерзкомъ намекѣ до того возмутила Петра Ильича, что онъ едва удержался, чтобы не броситься на мужика; но тотчасъ же превозмогъ себя и, махнувъ рукою, какъ бы въ знакъ согласія, ушелъ въ свои покои. Долго сидѣлъ Петръ Ильичъ въ задумчивости, опустивъ голову на грудь. Каждое слово этой глупой мужицкой рѣчи рѣзало его, какъ ножомъ.

— За бояръ примемся? — мысленно повторялъ онъ слова мужика.—А что, коли подлинно, бояръ станутъ рѣзать? Одного убьютъ, другого; а тамъ и до меня доберутся!

Долго тяжелыя думы волновали Петра Ильича, и все ниже и ниже опускалась голова его. Но вдругъ онъ всталъ и выпрямился.

— Такъ нѣтъ же!—сказалъ онъ.—Что это я? Мужицкихъ словъ испугался? За бояръ, говоритъ, примутся? Какъ бы не такъ! Врешь, холопъ! Кошки не убьешь безъ спроса!

Петръ Ильичъ опять вышелъ на крыльцо. Молодцы, въ недоумѣніи ждали: когда они увидѣли величественную фигуру Петра Ильича, даже у храбрѣйшихъ изъ нихъ морозъ прошелъ по кожѣ.

Давно онъ не былъ такъ грозенъ. Онъ былъ блѣденъ, его брови сдвинулись, голосъ звучалъ твердо и повелительно.

— Ладно, ребята!—сказалъ Петръ Ильичъ.—За купца, такъ и

быть, прощаю! Знаю, что былъ онъ воръ и мошенникъ, а такихъ бить надо. Только, молодцы, чуръ, въ другой разъ безъ спроса не ходить! А кто изъ васъ не спросясь пойдетъ и прольетъ кровь неповинную, того я своей рукой убью! Такъ знайте же! безъ моего приказу никого не трогать!

— Честному атаману нашему, Петру Ильичу, слава!—сказалъ вдругъ вполголоса, съ лукавой усмѣшкой, бродяга Иванъ; а за нимъ ужъ громче подхватили и остальные.

Такимъ образомъ было положено начало грозной шайкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наводившей ужасъ на обывателей и грабившей на пространствѣ сотенъ верстъ, въ окрестностяхъ Путивля и Корочи, а иногда и подлѣ самого Курска.

Всѣ попытки выслѣдить эту шайку оставались безуспѣшными. Никто не зналъ ея предводителя, никому не приходило въ голову, гдѣ слѣдовало искать ея главный станъ.

Много было въ то время на Руси разбойничьихъ шаекъ, но ни одна не имѣла такой своеобразной организаціи.

Мало-по-малу, населеніе цѣлой деревни было вовлечено въ сообщничество. Мужья грабили, жены укрывали награбленное. Гриденка превратилась въ настоящую разбойничью станицу.

Всякій могъ грабить вмѣстѣ съ бариномъ (котораго все чаще стали называть атаманомъ) и тогда «дуванили дуванъ», т. е. Петръ Ильичъ получалъ свою долю, а остальное дѣлили по жребію. Иногда же смѣльчаки выходили поодиночкѣ грабить; въ этомъ случаѣ былъ положенъ опредѣленный оброкъ: по рублю за каждую темную ночь, и по два рубля за лунную, такъ какъ при лунномъ свѣтѣ промыселъ труднѣе и опаснѣе. По тогдашней цѣнности рубль былъ то же, что теперь десять. Гриденскіе нужики не пахали, не сѣяли, а ѣли и пили всласть. Что касается Петра Ильича, корыстолюбіе не играло ни малѣйшей роли въ его похожденіяхъ. Боченки червонцевъ доставлялись въ его погреба, но онъ сорилъ деньгами направо и налѣво. На первыхъ порахъ онъ строго запрещалъ убивать ограбленныхъ: но это было легче сказать, чѣмъ исполнить. Онъ постепенно усыплялъ свою совѣсть и, кромѣ того, въ такихъ случаяхъ всегда только первый шагъ труденъ. Призракъ Лунина все рѣже пугалъ его, а если и являлся, то возбуждалъ въ немъ только злобу.

Однажды, ограбивъ богатаго купца, Петръ Ильичъ хотѣлъ отпустить его съ миромъ, но узналъ въ немъ давнишняго знакомаго и побоялся доноса. Купецъ въ свою очередь узналъ Петра Ильича, несмотря на происшедшую въ немъ перемѣну и прямо назвалъ его по имени. Петръ Ильичъ, скрѣпя сердце, велѣлъ молодцамъ пристрѣлить своего знакомца. Вдругъ ему опять померещился призракъ помѣщика съ окровавленнымъ лицомъ.

— Чуръ тебѣ, проклятый! Провались въ тартарары! — вскричалъ онъ и, бросившись на купца, собственноручно заколокъ его.

Съ этихъ поръ Петръ Ильичъ уже не боялся никакихъ призраковъ. Точно рукою сняло; какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ умертвилъ мучившее его привидѣніе.

«Одного ли убилъ или десятерыхъ — все равно надо отвѣтъ держать передъ Богомъ и государемъ»,—думалъ онъ и, успокоивая себя этимъ софизмомъ, убивалъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ.

М. Филипповъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БЫЛЫЯ ЗНАМЕНИТОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

II.

Антоній Погорѣльскій (А. А. Перовскій).

УШКИНЪ, безъ сомнѣнія, сталъ съ 29-го января 1887 г. самымъ народнымъ нашимъ писателемъ. Полное собраніе его сочиненій расходится ежегодно въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Во многихъ небогатыхъ семьяхъ Пушкинъ есть единственная книга для чтенія. Каждая его строка врѣзывается въ память дѣтей и взрослыхъ; поэтому каждая строка его, требующая комментарія, можетъ вызвать цѣлую статью, а иногда и цѣлую литературу.

Если бы предлагаемая страничка изъ исторіи русскаго романтизма оказалась имѣющей слишкомъ мало значенія сама по себѣ, она можетъ найти свой raison d'être, какъ комментарій къ одной строчкѣ Пушкина.

Въ повѣсти «Гробовщикъ» Пушкинъ разсказываетъ, что на серебряной свадьбѣ сапожника Готлиба Шульца «изъ русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ—чухонецъ Юрко, успѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять прослужилъ онъ въ семъ званіи, какъ почтальонъ Погорѣльскаго». Современники Пуш-

---

[1]) Первый очеркъ «Кургановъ и его письмовникъ» былъ напечатанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1887 г., т. XXIX, стр. 473—503.

кина, безъ сомнѣнія, прекрасно знали этого почтальона, но значительное большинство нынѣшнихъ читателей не только не имѣютъ никакого понятія о добромъ, хотя и ворчливомъ, Онуфричѣ, отцѣ героини фантастической повѣсти «Лафертовская маковница», а забыли и о самомъ Погорѣльскомъ, авторѣ романа «Монастырка», которымъ наши бабушки и матери зачитывались такъ, какъ наши жены и дочери—«Анною Карениной».

Въ небольшомъ, сравнительно, кружкѣ литераторовъ времени Пушкина, всѣмъ и каждому было извѣстно, что Антоній Погорѣльскій есть псевдонимъ очень талантливаго и образованнаго человѣка Алексѣя Перовскаго.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій родился въ 1787 году, въ лучшее время царствованія императрицы Екатерины II, когда она чувствовала себя крѣпкой и сильной на своемъ полуміровомъ престолѣ, когда вся Европа благоговѣла передъ великой царицей сѣвера и когда ея просвѣтительныя, гуманныя стремленія еще не были запуганы заревомъ французской революціи.

Онъ былъ сынъ одного изъ первыхъ богачей и вельможъ Екатерининскаго времени, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и дѣвицы Марьи Михайловны Соболевской (впослѣдствіи по мужу генеральши Денисьевой) [1]).

«Въ Екатерининъ вѣкъ златой» общество смотрѣло снисходительно на все, что̀ ни дѣлали такіе большіе баре, какъ Разумовскій; а на такія отношенія, которыя существовали много лѣтъ между графомъ, женатымъ, по волѣ отца, на богатой, но ограниченной Варварѣ Шереметевой, и дѣвицей Соболевской—тѣмъ болѣе. Графу удалось всѣхъ своихъ дѣтей отъ Соболевской приписать къ дворянству, и ихъ дѣтство и первоначальное воспитаніе онъ, конечно, обставилъ со всевозможною роскошью [2]). Трудно

---

[1]) Фамилію Перовскихъ ея дѣти получили, безъ сомнѣнія, отъ подмосковнаго имѣнія «Перово», которое было выдѣлено графу Разумовскому отцомъ его (см. Васильчиковъ, «Семейство Разумовскихъ», II, 39).

[2]) Благодаря любезности С. Н. Шубинскаго, я могъ воспользоваться двумя бумагами изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, касающимися возведенія Перовскихъ въ дворянство: 28 ноября 1804 г. въ Совѣтѣ было слушано письмо Лопухина къ Трощинскому, въ которомъ сказано, что дѣйств. тайн. сов. графъ А. К. Разумовскій на отношеніе Лопухина «вслѣдствіе Высочайше аппробованнаго положенія Государственнаго Совѣта на всеподданнѣйшую просьбу его о пожалованіи дворянскаго достоинства воспитанникамъ Перовскимъ и матери ихъ, отвѣтствовалъ мнѣ, что, чувствуя въ полной мѣрѣ монаршее благоволеніе въ предлагаемомъ удовлетвореніи просьбы его относительно воспитанниковъ, находится онъ, однакожъ, въ необходимости лишиться счастія онымъ воспользоваться, не желая возвысить состоянія ихъ передъ ихъ матерью. На докладъ мой о семъ, государь императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ дѣло о семъ оставить».

И такъ Разумовскій хлопоталъ о дворянствѣ для Соболевской и своихъ дѣтей отъ нея; добрый императоръ Александръ I, соглашаясь сдѣлать дворянами Перов-

предполагать, чтобы будущій романистъ въ первые годы своего сознательнаго существованія могъ тяготиться своимъ недвусмысленнымъ рожденіемъ, такъ какъ самое это обстоятельство удаляло его изъ общества чужихъ дѣтей, равныхъ ему по богатству; а его жизнь въ большой и богатой семьѣ, при матери, текла спокойно и счастливо, и отсюда-то вынесъ онъ тотъ неистощимый запасъ веселости, который, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, онъ сохранилъ до самой своей смерти. Но какъ въ жизни, такъ и въ его повѣстяхъ, эта веселость носитъ тихій, немного какъ-будто придавленный характеръ, который тоже находитъ себѣ объясне-

---

скихъ, отказалъ относительно ихъ матери; графъ, который, очевидно, искренно любилъ дѣвицу Соболевскую, обидѣлся за нее и отказался отъ дворянства для дѣтей, но не навсегда. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца, 16 января 1805 г., снова возбуждается въ Государственномъ Совѣтѣ то же дѣло по инціативѣ самого государя, но едва ли безъ какихъ-нибудь мѣръ со стороны Разумовскаго. Трощинскій по Высочайшему повелѣнію предложилъ, «что по уваженію знатныхъ пожертвованій, приносимыхъ въ пользу училищъ дѣйств. тайн. сов. графомъ А. Разумовскимъ, государю императору благоугодно, чтобы Совѣтъ примыслилъ способъ, коимъ бы можно было съ приличіемъ удовлетворить прошенію его о дарованіи дворянскаго достоинства воспитанникамъ его Перовскимъ вмѣстѣ съ ихъ матерью». Совѣтъ предложилъ дать дворянство Соболевской, не называя ее матерью Перовскихъ (sic), а графъ Румянцевъ прибавилъ, что мотивомъ для такого снисхожденія могутъ служить не столько пожертвованія Разумовскаго, сколько «уваженіе къ чувствамъ воспитанниковъ, кои не желаютъ воспользоваться даруемымъ имъ правомъ безъ матери ихъ». Но на это, какъ видно изъ надписи сбоку, Высочайшаго утвержденія не послѣдовало.

Мнѣ неизвѣстно, удалось ли графу Разумовскому добиться своего при новомъ ходатайствѣ, или онъ согласился принять монаршую милость только для Перовскихъ, но въ формулярномъ спискѣ Алексѣя Перовскаго,—за доставленіе копіи съ него приношу глубокую благодарность директору департамента Мин. Нар. Просв. Н. М. Аничкову,—онъ показанъ изъ дворянъ (можетъ быть окончаніе этого дѣла разумѣетъ князь Козловскій подъ «сердечными обязанностями», для которыхъ долженъ быть полезенъ пріѣздъ графа въ Петербургъ въ 1807 г. Васильчиковъ, с. 48—49).

Насколько былъ богатъ графъ Алексѣй Разумовскій, мы можемъ получить понятіе, напр., хоть изъ «Записокъ декабриста» А. Бѣляева (Спб., 1882 г., стр. 10), который говоритъ, что въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній графа, Ершовѣ (тамъ отецъ Бѣляева былъ управляющимъ), на случай его пріѣзда «былъ особый домъ въ 20 комнатъ съ богатою мебелью, съ флигелями для пріѣзжающихъ, превосходной баней со всѣми приспособленіями при ней, комнатами для отдохновенія, съ диванами, кушетками и дорогими коврами». По всей вѣроятности, графъ этимъ домомъ никогда и не пользовался, такъ какъ обстоятельный Бѣляевъ ничего не говоритъ о его пріѣздѣ; но имъ воспользовалась женская половина семейства Перовскихъ: въ 1812 г. они пріѣхали въ Ершово спасаться отъ французовъ. «Сопровождали ихъ, говоритъ Бѣляевъ (стр. 23), тетка Пелагея Михайловна Соболевская, родной ихъ дядя Соболевскій, тогда извѣстный живописецъ и художникъ, два двоюродные брата Подчаскіе и цѣлая свита разныхъ гувернантокъ и огромное число прислуги».

Изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что здѣсь дѣвицъ Перовскихъ было три: Елизавета, уже помолвленная за П. А. Курбатова, Анна, впослѣдствіи графиня Толстая, и Ольга, впослѣдствіи Жемчужникова.

ніе въ дѣтской жизни Перовскаго: шумныя игры дѣтской и баловство со стороны многочисленныхъ обитателей людской разнообразились отъ времени до времени явленіемъ передъ грозныя очи родителя, о тяжеломъ, замкнутомъ и придирчивомъ характерѣ котораго мы знаемъ слишкомъ достаточно [1]).

Громы революціи, конечно, не коснулись мальчика; но для насъ не безъ значенія тотъ фактъ, что онъ началъ учиться грамотѣ въ то время, когда эти громы вызвали какъ при русскомъ дворѣ, такъ и во многихъ дворянскихъ семьяхъ, реакцію противъ идей просвѣщенія. Ему было 9 лѣтъ, когда умерла Екатерина II и на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ; графъ Разумовскій, уединявшійся отъ двора и общества въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, теперь совсѣмъ зарылся отъ людей въ своихъ палатахъ и дѣлахъ по имѣніямъ, тѣмъ болѣе, что новый императоръ вовсе не такъ легко, какъ его предшественница, смотрѣлъ на незаконныя связи.

Новая перемѣна государя застала Перовскаго уже 14-лѣтнимъ юношей, когда онъ былъ вполнѣ способенъ понять смыслъ совершившагося событія и могъ раздѣлять радость интелигенціи, увидавшей наконецъ на престолѣ истиннаго наслѣдника дѣлъ и духа Екатерины. Мы ничего не знаемъ ни о системѣ ученія Алексѣя Перовскаго и его братьевъ, ни о томъ, къ какому роду занятій онъ чувствовалъ въ дѣтствѣ особенную наклонность; но нѣтъ сомнѣнія, что учителя у него были хорошіе [2]), и учился онъ очень усердно, такъ какъ намъ документально извѣстно, что 18-ти лѣтъ отъ роду онъ вступилъ въ Московскій университетъ студентомъ (16-го авг. 1805), а ровно черезъ 2 года и 2 мѣсяца (16-го октября 1807 г.) онъ произведенъ въ доктора философіи и словесныхъ наукъ, т. е. получилъ высшую ученую степень, какая только существовала.

Для полученія докторства Алексѣй Перовскій, согласно § 102 университетскаго устава 1804 г., читалъ три пробныя лекціи, которыя въ слѣдующемъ 1808 г. онъ издалъ отдѣльной книжкой,

---

[1]) См. Васильчиковъ, I. с. 41 и др.

[2]) Г. Горленко («Кіевская Старина» 1888 г., апрѣль, статья о Перовскомъ, стр. 114) ссылается на «преданіе родныхъ» Перовскаго, будто онъ былъ отданъ въ какой-то петербургскій пансіонъ, бѣжалъ оттуда къ Разумовскому и во время бѣгства вывихнулъ себѣ ногу. Я считаю это преданіе очень мало вѣроятнымъ: почему гордому графу Разумовскому могла придти идея вырвать своего незаконнаго сына изъ рукъ матери и отвезти въ Петербургъ въ общественное заведеніе, гдѣ его непремѣнно стали бы дразнить товарищи? Разсказу же о геройскомъ бѣгствѣ изъ пансіона противорѣчитъ вся послѣдующая жизнь скромнаго и послушнаго Перовскаго. Происхожденіе этого преданія легко объяснить изъ сказки того же Перовскаго «Черная курица», герой которой сильно скучаетъ въ пансіонѣ, въ Петербургѣ; это одинъ изъ многихъ случаевъ перенесенія сюжета поэтическаго произведенія на личность автора.

посвященной графу Льву Кирилловичу Разумовскому [1]). Подносный экземпляръ этой книжки,—съ надписью автора на имя Натальи Кирилловны Загряжской,—въ роскошномъ по тому времени сафьянномъ переплетѣ, сохранился въ С.-Петербургской Публичной Библіотекѣ.

Этотъ первый трудъ будущаго романиста любопытенъ прежде всего тѣмъ, что одна изъ лекцій написана по-нѣмецки, другая по-французски и только послѣдняя по-русски; этого вышеозначенный параграфъ Устава не требовалъ, но и не запрещалъ, конечно [2]); очевидно, прекрасно подготовленный по языкамъ докторантъ желалъ блеснуть своими знаніями. Далѣе интересны темы лекцій [3]): 1-я озаглавлена такъ: «Wie sind Thiere und Gewächse von einander unterschieden und welches ist Ihr Verhältniss zu den Mineralien» (т. е. «Какъ различаются животныя отъ растеній и какое ихъ отношеніе къ минераламъ?») 2-я: «Sur le but et l'utilité du systême des plantes de Linné» («О цѣли и пользѣ Линнеевой системы растеній) и 3-я «О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи». Стало быть всѣ три темы взяты по ботаникѣ, которой Перовскій спеціально занимался въ университетѣ, а можетъ быть, и до университета. Такой выборъ спеціальности былъ, безъ сомнѣнія, обусловленъ страстью къ ботаникѣ графа Алексѣя Кирилловича, который, какъ извѣстно, собралъ въ Горенкахъ коллекцію растеній, цѣнимую въ полмилліона, и оставилъ имя въ наукѣ, выростивъ нѣсколько новыхъ видовъ [4]). Всѣ три лекціи отличаются замѣчательно яснымъ и логичнымъ изложеніемъ, а русская имѣетъ характерное заключеніе, показывающее, что юный докторъ былъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ «Писемъ русскаго путешественника». «Примите,—обращается онъ къ профессорамъ,—должную дань справедливой моей благодарности; она пребудетъ во вѣки незабвенною въ душѣ моей. Пока буду чувствовать, что ношу въ себѣ священный долгъ, до тѣхъ поръ не перестану имѣть выгоднаго мнѣнія о собственномъ своемъ сердцѣ». Эта лекція особенно любопытна и по содержанію, такъ какъ она примѣняетъ науку къ практической пользѣ страны; изъ удачныхъ предположеній автора укажу на сорочинское пшено и виноградъ, разведеніе которыхъ онъ

---

[1]) Левъ Кирилловичъ жилъ въ это время въ Москвѣ большимъ бариномъ по словамъ одного современника, онъ первый завелъ у себя зимній садъ. («Русск. Арх.» 1875, III, 447).

[2]) Этотъ §, кромѣ 3-хъ публичныхъ лекцій, требовалъ еще «диссертацію (не сказано: печатную), для защищенія ея въ публичномъ собраніи». («Полное Собр. Св. Зак.», т. XXVIII, 581). Представилъ ли Ал. Перовскій такую диссертацію или былъ освобожденъ отъ нея въ виду достоинства лекцій, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Темы назначались Отдѣленіемъ, (см. тотъ же §), но, конечно, съ согласія аспиранта и сообразно съ предметомъ его спеціальныхъ занятій.

[4]) См. Васильчиковъ, l. с., стр. 43.

считаетъ особенно полезнымъ и выгоднымъ для Россіи. Наконецъ изъ посвященія книги графу Льву Кирилловичу и изъ поднесенія ея Натальѣ Кирилловнѣ очевидно, что знатная родня не чуждалась молодого Перовскаго и почти открыто признавала его.

Погулявъ на свободѣ менѣе 3-хъ мѣсяцевъ, 9-го января 1808 г., Алексѣй Перовскій въ чинѣ коллежскаго ассесора вступаетъ на дѣйствительную службу въ 6-й департаментъ Сената. Двадцати лѣтъ отъ роду, съ такимъ по тогдашнему крупнымъ чиномъ и съ такой огромной протекціей—отецъ его въ то время былъ сдѣланъ попечителемъ Московскаго округа, а черезъ 2 года министромъ народнаго просвѣщенія—онъ могъ бы спокойно наслаждаться прелестями столичной жизни и, ничего не дѣлая, быстро подниматься по ступенямъ іерархической лѣстницы. Но Алексѣй Перовскій былъ по природѣ и по воспитанію дѣловой и, пожалуй, съ точки зрѣнія иныхъ, безпокойный юноша; онъ, повидимому, ищетъ не карьеры, а работы и серьезной подготовки къ административной дѣятельности: въ концѣ августа 1809 г., онъ, конечно, непротивъ собственнаго желанія, былъ прикомандированъ «для исправленія письменныхъ дѣлъ» къ сенатору Обрѣзкову, ревизовавшему губерніи Пермскую, Казанскую, Нижегородскую и Владимірскую. Находясь въ послѣдней, онъ въ свитѣ Обрѣзкова посѣтилъ Спасо-Евфиміевскую обитель, которая уже давно служила чѣмъ-то въ родѣ политической тюрьмы для лицъ высокопоставленныхъ; здѣсь Алексѣй Перовскій видѣлъ своего единокровнаго брата «страннаго» Кирилла Алексѣевича Разумовскаго [1]).

По возвращеніи изъ командировки, продолжавшейся болѣе полугода, Алексѣй Перовскій удостоился получить высочайшее благоволеніе «за отличное усердіе и успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій». Это было 29-го іюня 1810 г.

Служба въ Петербургѣ, очевидно, не удовлетворяла Перовскаго; его тянуло въ родную Москву, гдѣ даже въ самомъ Сенатѣ, какъ ему могло казаться, было больше настоящаго дѣла. Проѣзжая изъ командировки черезъ Москву, онъ обратился съ просьбою къ московскому попечителю Голенищеву-Кутузову—устроить его черезъ пріятелей экзекуторомъ въ 6-й департаментъ во 2-е отдѣленіе Сената; изъ Петербурга онъ напомнилъ Кутузову о своей просьбѣ письменно.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, креатура новаго министра просвѣщенія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходенъ съ своимъ знаменитымъ тезкою, Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ; онъ былъ такой же ловкій, искательный чиновникъ, также умѣлъ клянчить и распинаться передъ начальствомъ и также былъ склоненъ обвинять въ козняхъ враговъ своихъ, будто бы готовыхъ

---

[1]) «Русск. Арх.», 1875 г., III, 452.

покуситься на самую жизнь его. Читая его частныя «донесенія» министру на злодѣйскіе поступки профессоровъ и жалобы на «опаснаго» Карамзина [1]), нельзя не почувствовать приближенія тяжелыхъ временъ Магницкаго и другихъ гасителей просвѣщенія. Это тотъ самый Кутузовъ, который даже шута Воейкова довелъ чуть не до ювеналовскаго паѳоса:

«Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
«Бюстъ грызетъ Карамзина...
«Пѣна съ устъ валитъ клубами,
«Кровью грудь обагрена.
«Но напрасно мраморъ гложетъ,
«Тратя время только въ томъ:
«Онъ вредить ему не можетъ
«Ни зубами, ни перомъ».

Не трудно понять, почему такой горячій представитель охранительныхъ началъ показался графу Разумовскому, который теперь мало чѣмъ напоминалъ живого, либеральнаго страсбургскаго студента 60-хъ годовъ, достойнымъ поста попечителя; къ тому же они принадлежали къ одной масонской ложѣ.

Узнавъ о желаніи сына своего «благодѣтеля», Кутузовъ принялся усиленно хлопотать въ Сенатѣ и, конечно, не преминулъ выставить начальнику на видъ свои старанія.

Въ іюлѣ объ Алексѣѣ Перовскомъ пошло представленіе, а въ ноябрѣ 1810 года онъ былъ утвержденъ въ должности. Отправляя сына въ Москву, графъ снабдилъ его рекомендательнымъ письмомъ къ великому мудрецу московской ложи Поздѣеву и, безъ сомнѣнія, рекомендовалъ ему почаще бывать у Кутузова.

Судя но всѣмъ даннымъ, Перовскому скоро пришлось раскаяваться въ томъ, что онъ промѣнялъ новую столицу на древнюю.

Представимъ себѣ положеніе 23-хъ-лѣтняго доктора философіи и коллежскаго ассесора въ Москвѣ; едва ли въ какомъ-нибудь отношеніи, кромѣ развѣ матеріальнаго, можно счесть его вполнѣ соотвѣтствующимъ тѣмъ мечтамъ, съ которыми всякій юноша вступаетъ въ жизнь: экзекуторская служба не могла наполнить его существованія; общество Кутузова и ему подобныхъ и чиновничьи разговоры и пересуды не доставляли ему, конечно, особеннаго удовольствія; самая любезность и услужливость Кутузова, который въ незаконномъ сынѣ министра видѣлъ удобное орудіе для своихъ цѣлей, должны были быть ему противны. Онъ, правда, бываетъ у Кутузова довольно часто, пристроиваетъ черезъ него своихъ родственниковъ по матери Соболевскихъ [2]) и, уѣзжая въ Петербугъ, беретъ отъ него къ отцу порученія. Но Кутузовъ, очевидно, ошибался, расчитывая на «любовь» къ нему Перовскаго:

---

[1]) См. приложенія ко II т. Васильчикова.

[2]) Васильчиковъ, с. стр. 354.

вырвавшись изъ Москвы въ концѣ 1811 года, Перовскій, не смотря на свое обѣщаніе писать Кутузову, за два мѣсяца прислалъ ему всего одну записку въ шесть строкъ, на что Кутузовъ чуть не слезно жаловался министру [1]).

Косвеннымъ доказательствомъ недовольства Перовскаго жизнью въ Москвѣ можетъ служить и то, что, едва устроившись на мѣстѣ, онъ сталъ усиленно добиваться поступленія въ масонскую ложу, къ которой принадлежали Кутузовъ, Поздѣевъ и самъ Разумовскій: по оптимизму, свойственному молодости, онъ, очевидно, склоненъ былъ думать, что масонство скрываетъ въ себѣ самую настоящую правду, и что господа въ родѣ Кутузова имѣютъ свою идеальную сторону, только показываютъ ее не въ обыденной жизни, а тамъ, въ тайныхъ собраніяхъ братской ложи.

Какъ мало идеальнаго было въ московскихъ масонахъ того времени, Перовскій могъ бы узнать на собственномъ примѣрѣ, еслибы ему были извѣстны письма Кутузова къ отцу его: услыхавъ заявленіе молодого человѣка о его желаніи вступить въ ложу, Кутузовъ рѣшилъ сообразоваться не съ духовными интересами «ищущаго» и не съ интересами самого общества, а съ волею своего начальника. 28-го февраля 1811 г., онъ сообщилъ министру о просьбѣ Перовскаго и запросилъ его рѣшенія; рѣшеніе было, повидимому, отрицательное, такъ какъ позднѣе Кутузовъ писалъ графу: «Вашъ Алексѣй Алексѣевичъ[2]), можетъ быть, на меня гнѣвается за то, что приписываетъ мнѣ непринятіе его въ ложу. Онъ ошибается. Никто болѣе сего не желалъ, какъ я, а отчего сіе не сдѣлалось, думаю, къ Вамъ писано».

Кутузовъ ошибался: Перовскій вовсе не гнѣвался на него, а просто съ удовольствіемъ забылъ про него, уѣхавъ изъ Москвы.

Выше было упомянуто, что Перовскій имѣлъ отъ отца письмо къ Поздѣеву; изъ переписки послѣдняго съ графомъ мы узнаемъ [3]), что молодой человѣкъ ограничилъ свои визиты тѣмъ единственнымъ разомъ, когда явился вручить Поздѣеву это письмо.

Графъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» [4]) воспользовался этой исторической личностью, чтобы сдѣлать изъ нея масона Баздѣева, который своими умными рѣчами на станціи въ Торжкѣ спасъ Пьера Безухаго отъ отчаянія и обратилъ его на новый путь. Онъ, какъ поэтъ, былъ въ полномъ правѣ идеализировать Поздѣева, сколько ему угодно, тѣмъ болѣе, что онъ даже измѣнилъ его фа-

---

[1]) Васильчиковъ, стр. 382—3.

[2]) Кутузовъ нигдѣ не называетъ Перовскаго сыномъ министра, но, не обинуясь, говоритъ о ихъ близости.

[3]) См. Васильчиковъ, l. c, 493, письмо отъ 18-го марта и см. письмо отъ 4-го мая.

[4]) Томъ II, стр. 90, томъ III, стр. 42 и слѣд. Баздѣевъ у Л. Толстого, какъ и историческій Поздѣевъ, называется Осипъ Алексѣевичъ.

милію, но историкъ, руководствуясь положительными данными, долженъ сказать, что руководители московскаго масонства на канунѣ Отечественной войны мало чѣмъ напоминали новиковскихъ мартинистовъ и что Поздѣевъ былъ порядочный обскурантъ и крѣпостникъ. Но если бы Поздѣевъ и былъ похожъ на Баздѣева, онъ не могъ бы оказать такого же вліянія на 24-лѣтняго Перовскаго, внутренній міръ котораго, повидимому, ничѣмъ не былъ нарушенъ, какое его идеалъ оказалъ на Пьера, встрѣтившись съ нимъ послѣ измѣны жены и дуэли съ Долоховымъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не открывалъ для Перовскаго братскихъ объятій, а ждалъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ «дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій» графа.

Изъ письма того же Поздѣева къ Разумовскому [1]) мы узнаемъ, что, проживая въ Москвѣ, Алексѣй Перовскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ богачемъ, сыномъ фаворита Екатерины графомъ Мамоновымъ, который тоже искалъ себѣ духовной пищи въ масонствѣ. Болѣе подходило къ послѣдующей дѣятельности Перовскаго его знакомство съ молодымъ тогда поэтомъ кн. П. А. Вяземскимъ, который по поводу его отъѣзда изъ Москвы посвятилъ ему шутливое стихотвореніе, начинающееся словами:

«Прости, проказникъ милый!
«Ты ѣдешь, добрый путь!
«Твой геній златокрылый
«Тебѣ попутчикъ будь [2])».

Для характеристики Перовскаго и его литературныхъ симпатій за это время любопытны слѣдующія строки:

«Не замышляй идиллій,
«Мой нѣжный пастушокъ:
«Ни Гесперъ, ни Виргилій
«Теперь тебѣ не въ прокъ».

Очевидно, къ этому же періоду жизни Перовскаго относятся тѣ довольно забавные анекдоты, которые сообщаетъ о немъ кн. Вяземскій [3]). Анекдотъ о стихахъ пріуроченъ къ этому времени

---

[1]) Васильчиковъ, I. с. 512.

[2]) Соч. Вяземскаго, III. 20.

[3]) VIII, стр. 413. Перовскій однажды увѣрялъ одного своего сослуживца, что онъ, Перовскій, великій мастеръ какой-то масонской ложи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Тутъ выдумывалъ онъ разныя смѣшныя испытанія, черезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ онъ его расписаться въ томъ, что онъ бобра не убилъ.

Другой разъ, написавъ amphiguri, т. е. шуточную стихотворную чепуху, въ родѣ

«Авдулъ-визирь
«На лбу пузырь
«И холитъ и лелѣетъ;
«А Палій сынъ,
«Взявъ апельсинъ,
«(Восторгомъ пламенѣетъ)»,

самимъ разсказчикомъ; анекдотъ о посвященіи въ масоны стоитъ въ связи съ стараніями Перовскаго поступить въ ложу; а третій разсказъ по самому содержанію своему долженъ быть отнесенъ къ ранней молодости. Всѣ три анекдота вмѣстѣ вполнѣ объясняютъ эпитетъ проказника, который даетъ Перовскому поэтъ, и свидѣтельствуютъ о его наклонности къ веселой мистификаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Перовскій былъ знакомъ и съ семействомъ кн. Вяземскаго, а стало быть и съ Карамзинымъ, котораго такъ ненавидѣлъ Кутузовъ.

Въ Москвѣ же Перовскій познакомился и сблизился съ В. А. Жуковскимъ, который впослѣдствіи былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ его младшимъ братомъ В. А. Перовскимъ [1]). Жуковскій, какъ извѣстно, въ это время жилъ уже въ собственной деревенькѣ и энергично работалъ, пополняя свое образованіе; но онъ, безъ сомнѣнія, посѣщалъ Москву, гдѣ у него было столько друзей и дѣла. Знакомство съ молодымъ поэтомъ-романтикомъ должно было оказать сильное вліяніе на Алексѣя Перовскаго; къ сожалѣнію, я не могъ найти никакихъ ближайшихъ указаній на ихъ сношенія.

Въ 1811 г. былъ утвержденъ уставъ Общества исторіи и древностей россійскихъ, неофиціально существовавшаго уже съ 1804 г., и въ 1-й части «Записокъ» и «Трудовъ» его [2]) въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ упоминается и Алексѣй Перовскій «докторъ физическихъ наукъ, коллежскій ассессоръ, Правительствующаго Сената 6 департамента экзекуторъ, Московскаго университета и Общества испытателей природы членъ». Изъ протоколовъ видно, что Перовскій обязался вносить ежегодно въ пользу общества крупную по тогдашнему сумму—100 рублей въ годъ. Онъ оставался дѣйствительнымъ членомъ этого общества и много позднѣе, въ началѣ 20-хъ годовъ, но не изъ чего не видно, чтобы онъ принималъ въ его трудахъ дѣятельное участіе.

преподнесъ ее ректору Антонскому, предсѣдателю Общества любителей словесности, съ просьбой дозволить ему прочесть эти стихи въ публичномъ собраніи. «Не должно забывать, говоритъ кн. Вяземскій, что въ то время гр. А. К. Разумовскій былъ попечителемъ Московскаго университета, или уже министромъ народнаго просвѣщенія. Можно вообразить себѣ смущеніе робкаго Антонскаго. Онъ, краснѣя и запинаясь, говоритъ: «Стишки-то ваши очень-то милы и замысловаты-то (онъ имѣлъ привычку прилагать къ словамъ частичку то); но, кажется, не у мѣста читать ихъ въ ученомъ собраніи-то». Перовскій настаиваетъ, что хочетъ прочесть ихъ, увѣряя, что въ нихъ ничего противуцензурнаго нѣтъ. Объясненія и пререканія продолжались съ полчаса. Бѣдный Антонскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, изнемогалъ чуть не до обморока».

Третій анекдотъ—какъ Перовскій, прикинувшись влюбленнымъ въ невѣсту своего пріятеля, смущалъ своими вымышленными страданіями ея вотчима и, наконецъ, на его глазахъ бросился въ илистый, но мелкій прудъ.

1) «Русск. Ар.» 1878 г., I, стр. 373 и слѣд.

2) Москва, 1815 г., стр 30.

Въ томъ же 1811 г., или въ концѣ 1810, онъ въ числѣ другихъ подписалъ заявленіе объ основаніи Общества Любителей россійской словесности, которое устроивалъ тотъ же Голенищевъ-Кутузовъ; но здѣсь его участіе было еще меньше: онъ даже не присутствовалъ на первомъ, такъ сказать «учредительномъ» собраніи 6-го іюля 1811 г. [1]), и черезъ 8 лѣтъ, въ засѣданіи 20 декабря 1819 г. былъ исключенъ протоколомъ изъ числа членовъ за неявку и неизвѣщеніе о себѣ [2]).

Ни ученыя общества, ни дружескія связи, ни служба, очевидно, не могли удовлетворить Перовскаго; родная Москва обманула его ожиданія и, пробывъ въ ней годъ съ небольшимъ, онъ 9 января 1812 г. снова переходитъ на службу въ Петербургъ секретаремъ министра финансовъ отъ департамента внѣшней торговли [3]).

Мѣсто было лучше, болѣе соотвѣтствовало серьезной подготовкѣ Перовскаго, открывало ему обширные «виды» въ будущемъ; но изъ послѣдующей его карьеры легко убѣдиться, что если онъ и обладалъ честичкой честолюбія, то развѣ въ очень слабой степени и, по всей вѣроятности, Петербургъ надоѣлъ бы ему еще скорѣе Москвы и онъ могъ бы остаться на службѣ только въ силу инертности, всегда развивающейся подъ вліяніемъ разочарованій, какъ вдругъ, по волѣ судьбы, докторъ философіи и ученый ботаникъ превратился въ казачьяго офицера.

Какъ удобно война 1812 г. разрубила запутанные узлы жизни лучшихъ людей русскаго дворянства, которые недоумѣвали, куда дѣвать богатый запасъ своихъ силъ, гдѣ найти истину, на чтò отдать себя! Цѣль оказалась такъ ясно поставленной, и средство къ ея достиженію у всѣхъ подъ руками; въ первый разъ послѣ Петра Великаго, русская интелигенція и русскій народъ соединились въ одномъ стремленіи [4]), и результатомъ ихъ единенія была гибель завоевателя Европы. Во всѣхъ романахъ, изображающихъ эту эпоху, начиная отъ «Петра Выжигина» Булгарина и до великой эпопеи Льва Толстого, огорченная жизнью русская молодежь находитъ себѣ успокоеніе въ дѣятельномъ участіи въ борьбѣ народовъ, и въ данномъ случаѣ поэзія безусловно вѣрно выражаетъ дѣйствительность.

Алексѣй Перовскій, очевидно, съ великою радостью оставилъ канцелярію министра финансовъ и уже 10 іюля былъ зачисленъ въ 3-й украинскій казачій полкъ штабъ-ротмистромъ. Инстинктъ или историческій тактъ, развитой университетомъ (а можетъ быть

---

[1]) См. «Труды Общества Любителей», Москва, 1812 г. IV, стр. 6.

[2]) Ibid., ч. XX, стр. 35.

[3]) См. формулярный списокъ.

[4]) Чрезвычайно поучительно замѣчаніе Вигеля («Воспоминанія», IV. 39), что въ 1812 году простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступкахъ и рѣчахъ; за то въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія.

и другія неизвѣстныя намъ обстоятельства), направилъ его именно къ тому роду оружія, который долженъ былъ больше всѣхъ другихъ способствовать гибели «двунадесяти языковъ» и ихъ геніальнаго предводителя: Перовскій принялъ участіе въ партизанской войнѣ, и какъ сказано въ его формулярѣ, «кромѣ многихъ авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлъ, находился въ дѣйствительныхъ противъ непріятеля сраженіяхъ 1812 г. октября 26-го подъ мѣстечкомъ Морунгеномъ, октября 28-го подъ мѣстечкомъ Лосецы; 1813 г. августа 13, 14 и 15-го въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, августа 17 и 18-го въ сраженіяхъ при Кульмѣ».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первую половину войны, во время движенія Наполеоновой арміи къ Москвѣ, Перовскій раздѣлялъ всеобщее чувство глубокаго негодованія и томительнаго страха за первопрестольную столицу и свою родину [1]). Армія въ это время чувствовала то же, что̀ народъ, а народъ то же, что̀ и лучшая часть «общества». Но какъ только-что французскій авангардъ вступилъ въ Москву, страхъ смѣнился ожесточеніемъ и жаждою отплаты. Извѣстно, что даже простые офицеры сейчасъ же начинають поговаривать о Парижѣ, и знаменитыя слова Мишо о всеобщемъ отвращеніи къ миру вовсе не были фразою. Наполеонъ и Александръ странно перемѣнились ролями: хитрый сынъ революціи оттого и погибъ, что отнесся съ полнымъ презрѣніемъ къ чувствамъ народа, а русскій императоръ, наслѣдникъ стольких неограниченныхъ монарховъ, оттого и побѣдилъ, что сталъ за одно съ своими, повидимому безгласными подданными; онъ даже измѣнилъ на время природной кротости и пропитавшему его до мозга костей европеизму: извѣстно, что онъ не принималъ отъ Наполеона никакихъ писемъ и позднѣе наказывалъ тѣхъ, кто принималъ отъ него должности [2]).

Гибель Наполеоновой арміи была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ раззоренія Москвы; но какъ ни остроумны, ни мѣтки сравненія, которыя дѣлаетъ авторъ «Войны и Мира» между этой арміей и смертельно раненымъ животнымъ или скотиной, выгоняемой изъ огорода умнымъ огородникомъ, и какъ ни поразительны глубиною и новизною его соображенія относительно той жалкой роли, которую играютъ ученые тактики и геніальные полководцы въ серьезной войнѣ, все же послѣднія представляютъ изъ себя такъ называемое противуположное общее мѣсто, а сравненія не уменьшаютъ значенія энергіи и военнаго генія Наполеона, стало быть,

---

[1]) «Мысль, что древняя русская столица съ величественными храмами, съ святыми иконами достанется непріятелю—эта ужасная мысль не можетъ утвердиться въ народѣ. Русское сердце не постигаетъ, какимъ образомъ, нечестивый супостатъ осмѣлится вступить въ священные царскіе чертоги». См. «Исидоръ и Анюта» по изд. Смирдина, II, 32.

[2]) Михайловскій-Данилевскій, III, 73.

не уменьшають и заслугъ его противниковъ. Та самая безсердечность, которую проявляетъ онъ и къ чужимъ и къ своимъ (напр., жертвуя всей арміей для спасенія гвардіи) есть ни что иное, какъ оборотная сторона военной и, въ извѣстномъ смыслѣ, политической геніальности. Находчивостью и энергіей Наполеона разбитъ графъ Ожаровскій при Кутьковѣ[1]) и разрушенъ весь планъ дѣйствій противниковъ при Оршѣ. Чтобы не дать такому противнику отступить съ честію, нужны были всѣ силы великаго и въ эту минуту объединеннаго народа.

Сознаніе этихъ силъ и возможности объединенія общества съ народомъ — фактъ величайшей важности. Кутузовъ, снабжающій мужиковъ оружіемъ и выпрашивающій у государя благодарственный манифестъ ко всѣмъ сословіямъ — первый вліятельный провозвѣстникъ новой эры въ нашей духовной жизни. Достаточно хотя бы бѣгло просмотрѣть 10-й выпускъ извѣстнаго сборника пѣсенъ Кирѣевскаго, чтобы видѣть, какъ именно въ то время громко заговорило національное чувство въ культурномъ классѣ общества и какъ горячо, хотя и неискусно, стремилось оно поддѣлаться къ тону народной поэзіи и къ пониманію темной массы.

Сраженія при Лосецахъ и Морунгенъ, о которыхъ упоминаетъ формуляръ Перовскаго, не встрѣчаются ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ описаніи войны 1812 г.; надо полагать, это были стычки изъ числа тѣхъ, о которыхъ говоритъ Чичаговъ, извѣщающій государя отъ 9-го октября[2]), что онъ устроилъ свою главную квартиру въ Брестѣ и оттуда наводнилъ герцогство Варшавское отрядами легкой кавалеріи; изъ дальнѣйшаго видно, что три его летучихъ отряда (одинъ—генерала Дехтерева, другой Мелессино и третій Чернышева) доходили почти до стѣнъ Варшавы и повсюду разсѣивали воззванія къ полякамъ.

За то сраженія, въ которыхъ участвовалъ Перовскій въ 1813 г., имѣютъ міровую извѣстность.

Безполезно спорить о томъ, хорошо ли сдѣлалъ императоръ Александръ I, что изгнавъ непріятелей, началъ европейскую войну: онъ не могъ поступить иначе. Война началась при самыхъ благопріятныхъ, по видимому, условіяхъ. У Наполеона нѣтъ арміи; въ распоряженіи Александра цѣлыхъ двѣ; всѣ союзники Наполеона ненадежны; союзники Александра соединены съ нимъ неразрывно; народъ даже въ Саксоніи встрѣчаетъ его съ восторгомъ какъ избавителя. Но только что показался на театрѣ войны Наполеонъ съ своей необученной арміей, какъ все быстро измѣнилось. 20-го апрѣля произошла битва при Люценѣ, и Наполеонъ остался побѣдителемъ; онъ занялъ Дрезденъ, такъ недавно встрѣчавшій императора Александра, и прину-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, IV, 7 и слѣд.

[2]) А. Попова: «Отечественная война». «Русская Старина», 1877 г., № 9, стр. 56.

дилъ короля саксонскаго отказаться отъ всякой свободы дѣйствій и рѣшительно соединиться съ нимъ. 8—9-го мая онъ при Бауценѣ вторично бьетъ союзниковъ и вгоняетъ ихъ въ Пруссію. Правительство прусское приказываетъ чиновникамъ выѣзжать и вывозить казенное имущество, очевидно, слѣдуя благому примѣру русскихъ; но народъ тамъ другой: частныя лица уѣзжаютъ и увозятъ, что можно, довольно охотно; а домовъ жечь никто не рѣшается.

Императоръ Александръ, который до бауценскаго сраженія отказалъ Коленкуру въ свиданіи, теперь самъ принужденъ предложить перемиріе, во время котораго онъ надѣется поднять Австрію.

Перемиріе заключено 23-го мая [1]), а 27-го мая штабъ-ротмистръ Перовскій былъ откомандированъ къ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества князю Волконскому. Причины такого почетнаго и важнаго назначенія [2]) не зачѣмъ искать въ связяхъ и протекціи: если внутри Россіи Перовскій могъ служить казачьимъ офицеромъ, наравнѣ съ другими, то здѣсь въ Европѣ, образованный молодой человѣкъ, прекрасно знающій языкъ страны, не говоря уже про французскій, только по недоразумѣнію могъ остаться въ рядахъ.

По окончаніи перемирія, союзники, теперь подкрѣпленные 74,000 австрійской арміей, немедленно начали наступленіе. 13-го августа они приближаются къ Дрездену, причемъ посланный впередъ съ коннымъ отрядомъ генералъ-маіоръ кн. Кудашевъ завязалъ удачно дѣло съ высланною изъ города французскою кавалеріею и отбилъ у нея 3 пушки; очевидно при этомъ отрядѣ находился и Перовскій, такъ какъ другого сраженія въ этотъ день не было. Въ этотъ день, по мнѣнію нашихъ военныхъ историковъ [3]), Дрезденъ могъ бы быть взятъ союзниками; но они пропустили моментъ; а 14-го августа противъ нихъ стоялъ уже самъ Наполеонъ. Хотя у него было всего 100,000 человѣкъ, а у союзниковъ—150,000; но у нихъ былъ страшный безпорядокъ вслѣдствіе многовластія, и Наполеонъ остался побѣдителемъ. На слѣдующій день 15-го августа, при проливномъ дождѣ, онъ самъ аттаковалъ союзниковъ и нанесъ имъ новое пораженіе, въ этотъ день былъ убитъ генералъ Моро, ѣхавшій рядомъ съ императоромъ Александромъ. Въ оба эти дня Перовскій находился въ огнѣ, очевидно, исполняя порученія кн. Волконскаго.

По настоянію австрійскаго фельдмаршала Шварценберга, армія котораго была въ ужасномъ видѣ, союзники начали отступленіе

---

[1]) Первоначально на шесть недѣль, а потомъ въ виду конгресса, который былъ, впрочемъ, чистой проформой, продолжено еще на три недѣли.

[2]) Кн. Волконскій вмѣстѣ съ Нессельроде былъ въ это время самый близкій человѣкъ къ государю: ему присылали свои донесенія всѣ генералы, прикомандированные императоромъ Александромъ къ полководцамъ союзниковъ.

[3]) Михайловскій-Данилевскій, «Война 1813 г.», I, 315. Богдановичъ, II, 128.

въ Богемію. Но уже черезъ два-три дня, вслѣдствіе того, что императоръ Александръ сталъ больше распоряжаться самъ и меньше уступать австрійцамъ, военное счастье повернулось лицомъ къ союзникамъ; 17-го августа русская гвардія послѣ жестокаго, упорнаго боя, при сильномъ недостаткѣ патроновъ, отбила при Кульмѣ нападеніе Вандама, а на другой день тотъ же Вандамъ принужденъ былъ послѣ отчаянной защиты, положить оружіе со всѣмъ своимъ корпусомъ. Это была русская побѣда[1]), одержанная подъ предводительствомъ русскаго императора, начальнику штаба котораго и его адъютантамъ въ эти два кровавые дня было много дѣла.

Между тѣмъ, Блюхеръ и шведы бьютъ наполеоновыхъ маршаловъ и русскіе отряды съ успѣхомъ дѣйствуютъ въ средней Германіи. Въ сентябрѣ 1813 г., армія Наполеона падаетъ духомъ: продовольствіе ея плохо; нѣмцы цѣлыми полками переходятъ къ союзникамъ; Саксонія опустошена и жестоко возбуждена противъ Наполеона. Въ это время императоръ Александръ все болѣе и болѣе беретъ на себя иниціативу и главное руководство; князь Волконскій будитъ его по ночамъ, когда пріѣзжаютъ курьеры.

6-го октября происходитъ великая битва народовъ при Лейпцигѣ и на другой день штурмъ Лейпцига; захваченный тамъ саксонскій король былъ объявленъ военноплѣннымъ, и въ Саксоніи учреждено русское временное правительство.

Почему Перовскій не участвовалъ въ битвахъ подъ Лейпцигомъ, мы не знаемъ; можетъ быть, онъ уже готовился къ занятію того важнаго для его лѣтъ поста, на который былъ назначенъ на другой же день послѣ взятія города 8 октября—старшаго адъютанта при генералъ-губернаторѣ королевства Саксонскаго, князѣ Репнинѣ[2]).

Съ самаго начала войны 1813 г. въ Германіи все было въ безпорядкѣ: достаточно сказать, что цѣлые округа съ населеніемъ въ десятки тысячъ оказывались никому не принадлежащими; но до Лейпцигскаго сраженія деспотизмъ Наполеона все еще тяготѣлъ надъ потентатами и придавалъ всему нѣкоторый видъ единства. Теперь наступилъ полный разгромъ, тѣмъ болѣе тяжелый, что вся средняя Европа была на военномъ положеніи, и Германія должна была снабжать продовольствіемъ огромныя арміи. Но ни одно изъ государствъ не было въ такомъ отчаянномъ положеніи, какъ разоренная Саксонія, все еще остающаяся главнымъ театромъ войны и лишенная своего правительства. Князь Репнинъ—онъ былъ прежде резидентомъ въ Касселѣ и пользовался большою любовью нѣмцевъ—долженъ былъ и благоустроивать страну, въ столицѣ которой

[1]) По Михайловскому-Данилевскому у насъ убито 7,000 человѣкъ, у пруссаковъ—1,500, у австрійцевъ—800.

[2]) Это Николай Григорьевичъ князь Репнинъ-Волконскій, женатый на Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской и, стало быть, приходившійся зятемъ Перовскому.

стоялъ цѣлый французскій корпусъ и которая не знала, кому она будетъ принадлежать завтра, и доставлять провіантъ для войскъ союзниковъ, и заботиться о плѣнныхъ и раненыхъ. Черезъ мѣсяцъ положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось: Сенъ-Сиръ 30-го октября вышелъ изъ Дрездена, и туда было перенесено управленіе изъ раззореннаго Лейпцига; въ то же время театръ войны перешелъ далѣе на западъ. Перовскій оставался въ Саксоніи почти два года и, судя по наградамъ, которыя получалъ онъ за это время, дѣятельно работалъ для умиротворенія страны [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что развѣ только на первые мѣсяцы служебныя обязанности могли поглощать все время Перовскаго: миролюбивые нѣмцы не любятъ волноваться подолгу, и жизнь изящной небольшой столицы скоро стала входить въ свою обычную колею.

Молодой и любознательный докторъ философіи въ русскомъ офицерскомъ мундирѣ и старшій адъютантъ и родственникъ правителя имѣлъ полную возможность наблюдать эту интересную для него жизнь и, безъ сомнѣнія, вездѣ былъ встрѣчаемъ какъ дорогой и почетный гость. Картинныя галлереи и знаменитыя коллекціи Дрездена, театры, литература, еще не совсѣмъ пережившая свой классическій періодъ, а въ то же время вступившая въ новую и плодотворную фазу развитія романтизма, нѣмецкая наука именно тогда потребовавшая себѣ перваго мѣста въ Европѣ, глубокомысленная философія, горячая публицистика, только-что освободившаяся отъ оковъ военнаго деспотизма—все это Перовскому было доступнѣе и ближе, чѣмъ кому бы то ни было изъ офицеровъ побѣдоносной русской арміи. Упомянемъ еще объ одномъ частномъ фактѣ, который, какъ увидимъ ниже, долженъ былъ оказать вліяніе на направленіе будущей литературной дѣятельности Перовскаго. Именно въ это время въ Дрезденѣ проживалъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей этого богатаго странностями времени—поэтъ и музыкантъ—Амедей (собственно: Эрнстъ, Теодоръ, Вильгельмъ) Гофманъ.

Гофманъ родился въ Кенигсбергѣ въ 1776 г.; его мать страдала душевной болѣзнью, его отецъ-юристъ былъ очень способный, но крайне безпутный человѣкъ; ребенка воспитывалъ дядя по матери, большой педантъ и чудакъ съ наклонностью къ мис-

---

[1]) 9 го января 1814 г. онъ получилъ Владиміра 4-й степени. 18-го января переведенъ тѣмъ же чиномъ штабъ-ротмистра въ уланскій лейбъ-гвардейскій полкъ. 30-го октября того же года «назначенъ членомъ россійской императорской комиссіи, учрежденной для сдачи дѣлъ по Саксонскому королевству прусскому правительству и для приведенія въ порядокъ денежныхъ счетовъ по сему королевству между Россіею и союзными державами». 7-го ноября пожалованъ зеленымъ крестомъ, орденомъ, спеціально установленнымъ для саксонцевъ, отличившихся усердіемъ къ Россіи, и для русскихъ чиновниковъ, работающихъ въ Саксоніи. 8-го января 1815 года награжденъ Анной 2-й степени, а 8-го сентября, по случаю окончанія дѣлъ комиссіи, алмазными знаками къ ней.

тицизму и ростилъ его, какъ въ монастырѣ, пока не отдалъ въ латинскую школу, гдѣ мальчикъ оказалъ несравненно больше наклонности къ искусству, къ музыкѣ и рисованію, нежели къ наукѣ; онъ уже компонировалъ въ тѣ годы, когда другіе только проходятъ этюды и копируютъ съ гравюръ. Товарищи не любили насмѣшливаго слабаго мальчика, котораго взрослые считали чудо-ребенкомъ. Кончивъ курсъ въ школѣ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Кенигсбергскаго университета и хотя не чувствовалъ къ юриспруденціи ни малѣйшей наклонности, исправно посѣщалъ лекціи, но все остальное время посвящалъ рисованію и музыкѣ, учась и уча другихъ. Въ 1795 году онъ выдержалъ свой первый экзаменъ и преѣхалъ практиковать въ Глогау, и въ этомъ скучномъ мѣстечкѣ прилежно занимался и искусствами, и приготовленіемъ къ второму экзамену. Сдавъ его въ 1798 году и совершивъ небольшое путешествіе, во время котораго въ первый разъ посѣтилъ Дрезденъ, онъ поступилъ на службу въ Берлинѣ. Выдержавъ въ 1800 году третій и послѣдній экзаменъ, онъ получилъ мѣсто въ Познани, гдѣ широкое гостепріимство поляковъ пріучило его къ крайне неправильной жизни.

Гофмана всюду приглашали, какъ остроумнаго собесѣдника и талантливаго карикатуриста. На одномъ маскарадѣ одинъ изъ его пріятелей, одѣтый итальянскимъ разносчикомъ, раздавалъ карикатуры Гофмана присутствующимъ; но когда онѣ дошли до тѣхъ, на кого были направлены, генералъ Цастровъ, сильно задѣтый, послалъ объ этомъ эстафету въ Берлинъ. Тамъ уже лежалъ готовый къ подписи патентъ, назначавшій Гофмана правительственнымъ совѣтникомъ въ Познани; эстафета заставила замѣнить этотъ патентъ другимъ, ссылавшимъ Гофмана въ Плоцкъ на гораздо худшее мѣсто, гдѣ Гофманъ могъ бы совсѣмъ погибнуть, но къ счастью, онъ женился въ Познани, и это обстоятельство на время сдѣлало его болѣе «порядочнымъ» человѣкомъ: онъ усердно работалъ по должности и началъ писательствовать, не оставляя ни живописи, ни музыки. Въ 1804 году онъ былъ переведенъ совѣтникомъ въ Варшаву. Здѣсь онъ сошелся съ Гитцигомъ и отчаяннымъ чудакомъ Захаріей Вернеромъ. Добросовѣстно исполняя всѣ свои обязанности по службѣ, онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, занялся музыкой, устроилъ музыкальное общество, дававшее публичные концерты подъ его управленіемъ и пріобрѣтшее даже собственное помѣщеніе. Послѣ Іенскаго сраженія всѣ прусскіе чиновники въ Варшавѣ были уволены; Гофманъ отослалъ семью въ Познань, а самъ остался въ варшавской мансардѣ, гдѣ сильно заболѣлъ нервной горячкой. Оправившись, онъ поѣхалъ въ 1807 г. въ Берлинъ съ портфелемъ, биткомъ набитымъ партитурами сочиненныхъ имъ оперъ, съ намѣреніемъ отдаться всецѣло искусству. Ему удалось получить отъ графа Содена ангажементъ театральнаго

капельмействера (Musik direchtor) въ Бамбергѣ. Но организація театра была такъ плоха, что скоро все предпріятіе лопнуло. Гофманъ кое-какъ существовалъ частными уроками и музыкальной и литературной дѣятельностью всякаго рода. Въ это время онъ, на основаніи пережитаго, набросалъ своего Іонна Крейслера. Въ 1810 г., одинъ старый знакомый Гофмана, Гольбейнъ, взялся возстановить бамбергскій театръ; Гофманъ дѣятельно помогалъ ему, работая, какъ композиторъ, дирижеръ, декораторъ, машинистъ, архитекторъ и начальникъ репертуара. Дѣло прекрасно пошло въ ходъ, и Гофманъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей сферѣ. Но черезъ два года Гольбейнъ отказался отъ завѣдыванія, и театръ закрылся. Гофманъ снова началъ бѣдствовать; 26-го ноября онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «продалъ старый сюртукъ, чтобъ пообѣдать» [1]). Но въ началѣ 1813 года ему предложили мѣсто капельмейстера въ артистическомъ товариществѣ въ Дрезденѣ. 21-го апрѣля 1813 года, онъ покинулъ Бамбергъ и поѣхалъ въ Дрезденъ, занятый тогда русскими. Не найдя труппы въ Дрезденѣ, онъ поѣхалъ за ней въ Лейпцигъ. Проработавъ тамъ около 4-хъ недѣль, Гофманъ вернулся обратно въ Дрезденъ и пережилъ тамъ, занятый музыкальными и литературными трудами, страшные дни августовскихъ битвъ; въ это время онъ началъ свою милую сказку: «Der goldene Topf». Къ концу 1813 года, когда уже Перовскій жилъ въ Дрезденѣ, товарищество начало свою дѣятельность; но Гофманъ простудился и до самой весны 1814 года боролся со смертью. Однако, и лежа въ постелѣ онъ рисовалъ карикатуры, написалъ «Автомата», 25 марта началъ «Чертовъ элексиръ», а 22-го апрѣля уже окончилъ первый томъ его; въ маѣ написалъ онъ «Принцессу Бландину». Лѣто и начало зимы 1814—1815 гг. Гофманъ дѣйствовалъ съ обычной ему энергіей при театрѣ; а въ слѣдующемъ году, онъ, потерявъ свое мѣсто, перебрался въ Берлинъ и снова поступилъ на службу; въ Берлинѣ, какъ извѣстно, онъ велъ самый нездоровый образъ жизни, отчего и умеръ, далеко не доживъ до 50-ти лѣтъ.

Такимъ образомъ, Перовскій имѣлъ полную возможность знать даровитаго романиста лично, и почти не могъ не подчиниться его литературному вліянію.

Война окончилась, и Алексѣй Перовскій возвратился въ отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что, оставшись въ военной службѣ, онъ, при своихъ связяхъ, могъ бы надѣяться къ 40 годамъ достигнуть вожделѣннаго генеральскаго чина и виднаго положенія. Но 29-тилѣтній «герой» былъ, очевидно, свободенъ отъ той нѣжности къ мундиру, которая обуревала въ свое время Чацкаго, и уже въ 1816 году онъ смѣнилъ красивую лейбгвардейскую форму на чиновничій фракъ: въ ноябрѣ онъ перечислился въ надворные со-

---

[1]) Goedeke: Grundriss etc, VIII, стр. 410.

вѣтники, а 27-го декабря поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Въ этой должности Перовскій оставался болѣе пяти лѣтъ: на сколько усердно работалъ онъ, мы не знаемъ; судя по тому, что онъ, при всѣхъ своихъ связяхъ, не получилъ за все это время ни одного знака отличія [1]), скорѣе надо думать, что служба мало занимала его. Въ формулярѣ его не обозначены отпуски, но, безъ сомнѣнія, онъ пользовался ими нерѣдко [2]). Когда въ началѣ 20-хъ годовъ, бывшій министръ, графъ Алексѣй Разумовскій медленно угасалъ въ Почепѣ, Алексѣй Перовскій почти постоянно находился при отцѣ [3]). Сюда пріѣзжала дочь графа, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, безъ сомнѣнія, уже давно знакомая съ Перовскимъ, который въ Саксоніи состоялъ адъютантомъ ея мужа, и здѣсь у постели умирающаго отца, она, по разсказу дочери [4]), примирилась съ «близкою къ графу особою», т. е. съ матерью Перовскихъ. 5 апрѣля 1822 г. умеръ Разумовскій, а 8-го іюля Перовскій уже уволенъ по прошенію въ отставку; очевидно, что въ послѣднее время онъ числился на службѣ только въ угоду отцу.

Мягкая природа и проникнутая тихой поэзіей жизнь малороссійской деревни имѣютъ притягательную силу не для однихъ только уроженцевъ этихъ странъ; часто сѣверянинъ, проживъ нѣкоторое время въ Украйнѣ, привязывается къ ней сильнѣе, чѣмъ къ своей суровой и менѣе поэтичной родинѣ. Такъ было и съ Перовскимъ: природный москвичъ не захотѣлъ возвращаться на сѣверъ и поселился въ сельцѣ Погорѣльцахъ, которое фактически принадлежало ему (хотя по формуляру за нимъ никакаго имѣнія не числилось [5]); здѣсь онъ прожилъ около 3-хъ лѣтъ. Вотъ какъ онъ самъ

---

[1]) Только въ 1819 году онъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, да при отставкѣ въ 1822 году въ статскіе.

[2]) Г. Горленко (l. c. 116) говоритъ, что Перовскій около 1817 г. переселился въ Малороссію; это оказывается мало вѣроятно при сравненіи съ формулярнымъ спискомъ. Но сообщаемое имъ на основаніи неизвѣстныхъ намъ «фамильныхъ бумагъ», извѣстіе (стр. 112), что въ 1819 г. Перовскій ѣздилъ съ графомъ Разумовскимъ на Роменскую ярмарку, не можетъ внушать недовѣрія.

[3]) Васильчиковъ, l. c. стр. 110; здѣсь авторъ называетъ Перовскаго старшимъ изъ «воспитанниковъ», а на стр. 112, кажется, болѣе правильно—вторымъ.

[4]) См. Васильчиковъ, l. c. II, 110—111.

[5]) Г. Горленко (l. c. 115) говоритъ, что Перовскій, еще при жизни отца, самъ выбралъ себѣ это имѣніе, удививъ всѣхъ скромностью своего выбора. Здѣсь же сообщаетъ онъ еще слѣдующія интересныя, но, къ сожалѣнію, не подтвержденныя документами подробности: «Въ погорѣльскихъ дачахъ находились корабельные лѣса, изъ которыхъ Перовскій сплавлялъ лѣсъ по притокамъ Днѣпра и по Днѣпру внизъ въ строившійся тогда (?) Николаевъ. Изъ этого матеріала построено было много (?) кораблей на николаевскихъ верфяхъ. Перовскій былъ близокъ съ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ, другомъ и душеприказчи-

немного позднѣе описываетъ свою деревню: «Въ сѣверной Малороссіи—въ той части, которую по произволу можно назвать и лѣсною и песчаною, потому, что названія эти равно ей приличны— находится село П***. Среди онаго, на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ пространный дворъ, обнесенный каменной оградою; на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями. Изъ однихъ окошекъ дома видѣнъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по ту сторону улицы зеленѣются конопляники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края. Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроенными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ закрываетъ виды вдаль» (Изд. Смирдина, II, 7—8).

А вотъ какова была его наружность тоже по его собственнымъ словамъ:

«Дверь отворилась безъ скрипу и вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый немного кверху. Онъ покланился весьма ласково, и когда подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ немного прихрамываетъ на правую ногу» (ibid., 12—13).

Въ Погорѣльцахъ Перовскій собралъ хорошую библіотеку, много читалъ и началъ свою самостоятельную литературную дѣятельность подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго [1]).

Въ 1825 году, въ мартовской книжкѣ «Новостей Литературы», издаваемыхъ Воейковымъ, какъ приложеніе къ «Инвалиду», напечатана повѣсть Антонія Погорѣльскаго: «Лафертовская маков-

---

комъ графа Разумовскаго и, вѣроятно, по его указаніямъ и сплавлялъ свои лѣса во вновь строющійся (?) городъ. Назначенный Разумовскимъ ближайшимъ исполнителемъ его воли (а Мордвиновъ?), будущій писатель нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Чтобы найти защиту отъ клеветниковъ, онъ обратился съ письмомъ къ императору Александру I. Императоръ поручилъ В. П. Кочубею написать Перовскому, что всѣ дѣйствія его во время болѣзни и кончины графа, какъ основанныя на чести и справедливости, онъ одобряетъ. Въ правахъ наслѣдства Перовскіе были утверждены комитетомъ министровъ съ одобренія императора».

[1]) До тѣхъ поръ, кромѣ вышеуказанныхъ 3-хъ лекцій, сколько я могъ розыскать, при помощи В. И. Саитова, Перовскій напечаталъ только стихотворный переводъ оды Горація къ Тиндаридѣ (I, IV), начинающійся такъ:

«Не рѣдко рѣзвый Фавнъ любезный свой Ликей
«На холмъ пріятнаго Лукретила мѣняетъ;
«Онъ рѣзвыхъ козъ моихъ отъ пламенныхъ лучей,
«Отъ бурь дождливыхъ охраняетъ» и т. д.

Переводъ съ полною подписью Перовскаго напечатанъ въ «Сынѣ Отечества» Греча за 1820 годъ (часть 65, стр. 87—89). Любопытно, что та же ода и въ томъ же журналѣ, переведена два раза Олинымъ. Она, очевидно, нравилась людямъ расположеннымъ къ деревенской идилліи.

ница». Вотъ въ двухъ словахъ ея содержаніе: У московскаго почтальона Онуфрича и его жены Ивановны есть дочка Машенька, хорошенькая дѣвушка, но по бѣдности не имѣющая возможности найти себѣ жениха. У того же Онуфрича въ Лафертовѣ живетъ старая-престарая тетка, имѣющая два промысла, одинъ явный — продажу маковыхъ пряниковъ, а другой тайный и гораздо болѣе доходный — гаданье и ворожбу. Старуху считаютъ колдуньей, и честный Онуфричъ давно уже прервалъ съ ней всякія сношенія, чѣмъ была недовольна Ивановна, сильно озабоченная счастіемъ дочери. Разъ, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, она повела свою Машу на поклонъ къ бабушкѣ. Та сперва встрѣтила гостей бранью и проклятіями, но потомъ смягчилась и обѣщала осчастливить Машу, если та будетъ слѣдовать ея приказаніямъ. На другой день, поздно ночью, не смотря на свой страхъ и отвращеніе, Маша должна одна отправиться къ теткѣ. Та приняла ее ласково и скоро начала свои манипуляціи: она подвинула столъ на середину комнаты, зажгла темно-алую свѣчу, отчего все освѣтилось розовымъ свѣтомъ и по воздуху протянулись какія-то красныя нити, и стала съ причитаньями ходить вокругъ стола, водя за собою Машу, которая отъ страха крѣпко зажмурилась. Когда же дѣвушка открыла глаза, она увидала, что черный бабушкинъ котъ стоитъ на заднихъ лапахъ въ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ, и лицо у него какъ будто человѣческое; Маша упала въ обморокъ. Когда она опомнилась, старуха пожурила ее за робость, но объявила ей, что дѣло окончено благополучно, она нашла внучкѣ хорошаго жениха, который всему научитъ ее и поможетъ ей увеличить бабушкино богатство; теперь же старуха повѣсила ей на шею ключъ отъ своихъ сокровищъ. Когда Маша разсказала все матери, та была въ полномъ восторгѣ и запретила говорить объ этомъ отцу. Черезъ нѣкоторое время Онуфричъ получилъ извѣстіе о смерти тетки и переѣхалъ съ семьей въ доставшійся ему по наслѣдству домъ маковницы. Между тѣмъ Маша успѣла полюбить одного молодого и небогатаго приказчика, который тоже видимо ухаживалъ за нею съ самыми честными намѣреніями; но мать ея, Ивановна, такъ увлеклась мечтами объ обѣщанномъ богатствѣ, что Маша не рѣшилась открыть ей своего сердца. Въ одинъ прекрасный день Машѣ объявляютъ, что у ея отца находится гость, имѣющій дѣло и до нея. Она входитъ въ комнату и видитъ, что на скамьѣ сидитъ мужчина небольшого роста, въ зеленомъ мундирномъ сюртукѣ. Только Маша увидала его лицо, какъ въ ужасѣ закричала: «Батюшка! да это бабушкинъ черный котъ!» — «Съ ума ты сошла!» — отвѣчаетъ Онуфричъ. — «Какой котъ? Это господинъ титулярный совѣтникъ Аристархъ Фалалѣевичъ Мурлыкинъ, который дѣлаетъ тебѣ честь и проситъ руки твоей».

Дальше можно не разсказывать; достаточно прибавить, что Маша, съ удовольствіемъ отказавшаяся отъ ненавистнаго богатства и бросившая ключъ въ колодецъ, благополучно выходитъ замужъ за своего возлюбленнаго.

Всякій, кто знакомъ съ Гофманомъ, сейчасъ же увидитъ въ «Маковницѣ» слѣды вліянія знаменитаго нѣмецкаго фантаста. Надо признать, что продукты фантастики личнаго поэта тогда только имѣютъ успѣхъ, когда онъ пользуется тѣми же пріемами, какіе употребляла фантазія народа при созданіи миѳовъ и сагъ. Что такое миѳологія, какъ не результатъ перенесенія человѣкомъ своего внутренняго міра, своихъ человѣческихъ свойствъ, на міръ внѣшній, на существа иного порядка? Созданія Гофмана потому и вѣчно юны, что онъ, какъ и народъ въ своихъ сказкахъ, оживляетъ и очеловѣчиваетъ всю природу; звѣри, насѣкомыя, растенія, куклы, по мановенію его волшебной палочки превращаются въ совершенныхъ людей, но удерживаютъ при этомъ специфическія черты и свойства своей прежней формы. Тоже мы видимъ и въ бабушкиномъ котѣ, который и въ зеленомъ мундирѣ и въ чинѣ титулярнаго совѣтника удержалъ свои мягкія, коварныя манеры и страхъ передъ чужими собаками.

Не трудно указать сказку Гофмана, канва которой повліяла на «Лафертовскую маковницу»; это, повидимому, «Королевская невѣста» (изъ «Серапіоновыхъ братьевъ»), гдѣ за простую, миленькую дѣвушку сватается очеловѣченная морковь и также сватается неудачно. Но этотъ фактъ литературнаго заимствованія не превращаетъ Погорѣльскаго въ жалкаго подражателя, такъ же какъ связь «Капитанской дочки» Пушкина съ «Эдинбургской темницей» В. Скотта не умаляетъ достоинства Пушкина; какъ «Капитанская дочка»—чисто русская повѣсть, такъ «Лафертовская маковница»—русская по обстановкѣ и тону романтическая сказка, очень милая и забавная даже и теперь.

Очень любопытно примѣчаніе отъ редакціи, которымъ классикъ Воейковъ снабдилъ этого первенца Погорѣльскаго. «Благонамѣренный авторъ сей русской повѣсти, вѣроятно, имѣлъ здѣсь цѣлію показать, до какой степени разгоряченное и съ дѣтскихъ лѣтъ сказками о вѣдьмахъ напуганное воображеніе представляетъ всѣ предметы въ превратномъ видѣ». Затѣмъ редакція пытается дать разумное объясненіе для всѣхъ чудесъ повѣсти: алая свѣча, по ея мнѣнію, вѣроятно, была сдѣлана изъ воску съ примѣсью марены, запахъ которой и одурманилъ суевѣрную дѣвушку; котъ, очевидно, ходилъ за старухой и мурлыкалъ, и послѣ того бѣдной Машѣ повсюду мерещился этотъ котъ; г. Мурлыкинъ, ненавистный ей женихъ, былъ, на бѣду свою, черноволосъ и т. д. Въ заключеніе редакція извиняетъ суевѣріе простого народа, но глубоко возмущается успѣхомъ ворожей среди свѣтскихъ дамъ.

Какая наивная попытка разсудочной критики противустать начинающемуся разгулу романтической фантазіи!

А вотъ какое впечатлѣніе произвела «Маковница» на величайшаго поэта новой школы.

«Душа моя!»—пишетъ брату Пушкинъ 27 марта, очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что прочитанной книжки «Новостей»: «Что за прелесть бабушкинъ котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть; теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣевичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?»

Въ томъ же 1825 г., когда Антоній Погорѣльскій выступилъ на литературное поприще, Алексѣй Перовскій вновь вступилъ на поприще служебное, на этотъ разъ болѣе обширное и вполнѣ достойное доктора философіи Московскаго университета. Въ то время министромъ просвѣщенія, послѣ удаленія князя Голицына, сталъ извѣстный Александръ Семеновичъ Шишковъ, уже 80-тилѣтній старикъ, но все еще довольно бодрый и энергичный въ дѣлахъ и пользовавшійся за свои прежнія заслуги, а также за свою прямоту и откровенность, большимъ авторитетомъ. На важные посты попечителей онъ естественно желалъ назначать прежде всего людей съ высшимъ образованіемъ, съ любовью къ литературѣ и ему, Шишкову, единомышленныхъ. Перовскій, когда-то усердный посѣтитель Кутузова, человѣкъ гуманный, много учившійся и много видавшій, блистательно доказавшій свой патріотизмъ въ 1812 г., показался ему подходящимъ для должности харьковскаго попечителя. Конечно, Шишковъ велъ сперва по этому поводу съ Перовскимъ переговоры частнымъ путемъ; затѣмъ, 10 іюня, обратился къ нему съ официальнымъ письмомъ, которое сохранилось въ архивѣ Харьковскаго университета[1]). Вотъ это письмо:

«Милостивый Государь мой Алексѣй Алексѣевичъ, Его Императорское Величество высочайшимъ указомъ своимъ, въ 3-й день мая сего года Правительствующему Сенату даннымъ, всемилостивѣйше уволивъ г. дѣйств. с. с. Карнѣева отъ должности попечителя Харьковскаго учебнаго округа, высочайше повелѣлъ быть Вамъ исправляющимъ должность попечителя сего округа съ производствомъ Вамъ столовыхъ денегъ по 3,600 рублей въ годъ изъ государственнаго казначейства.

«Посему, препровождая къ Вамъ, Милостивый Государь мой, копію съ полученнаго мною о семъ изъ Правительствующаго Сената указа, предлагаю Вамъ вступить въ должность по новому зва-

---

[1]) За сообщеніе дѣла о попечительствѣ Перовскаго въ Харьковѣ приношу мою глубокую благодарность профессору этого университета Амфіану Степановичу Лебедеву.

нію Вашему и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю Васъ, что я отнесся къ бывшему г. попечителю объ учиненіи распоряженія, чтобы всѣ дѣла по Харьковскому учебному округу и по гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, въ канцеляріи попечителя находящіяся, были препровождены по почтѣ въ Харьковскій университетъ, которому предложено отъ меня, по полученіи сихъ дѣлъ, доставить оныя къ Вамъ. Равнымъ образомъ предложилъ я какъ университету, такъ и гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, отнынѣ и во всѣхъ случаяхъ относиться и дѣлать представленія къ Вамъ. Посему остается Вамъ увѣдомить сіи учебныя заведенія, куда они должны адресовать свои представленія, дабы оныя могли безпрепятственно доходить до Васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ» и пр.

Изъ подчеркнутыхъ словъ очевидно, что предшественникъ Перовскаго не жилъ въ Харьковѣ, и что министръ, не находя въ этомъ ничего дурного, предполагалъ, что и Перовскій можетъ жить у себя въ деревнѣ.

Въ то время подобный абсентеизмъ начальства былъ явленіемъ весьма обычнымъ; извѣстно, напримѣръ, что Пестель нѣсколько лѣтъ генералъ-губернаторствовалъ въ Сибири, проживая въ Петербургѣ.

Перовскій, повидимому, самъ находилъ такой порядокъ на первое время возможнымъ: отвѣчая на письмо министра 28-го іюня, онъ въ тотъ же день увѣдомляетъ о своемъ вступленіи въ должность Совѣтъ Харьковскаго университета и проситъ ректора выслать ему въ Погорѣльцы канцелярію его предшественника [1]); но въ томъ же письмѣ къ ректору онъ справляется о попечительской квартирѣ въ Харьковѣ и о возможности меблировать ее.

Проведя около мѣсяца въ Погорѣльцахъ за изученіемъ дѣлъ округа, Перовскій въ началѣ августа отправился въ Харьковъ, гдѣ и познакомился съ чинами университета и студентами; а въ концѣ того же мѣсяца онъ задумалъ предпринять объѣздъ округа.

Нѣтъ сомнѣнія, что по своему образованію, жизненному опыту, положенію и по многимъ душевнымъ качествамъ, Перовскій могъ быть очень хорошимъ попечителемъ: прекрасный классикъ (не въ смыслѣ слѣпого поклонника латинской грамматики, а въ смыслѣ человѣка, развившаго свой умъ и вкусъ на изученіи древнихъ), основательный, по тогдашнему, психологъ [2]), съ большою наклонностью къ наблюденію, съ независимымъ отъ службы состояніемъ и связями въ Петербургѣ, съ искренней любовью къ молодежи, но безъ преклоненія передъ ея естественными слабо-

---

[1]) Бумаги были высланы ему въ два пріема: одинъ разъ — 22 тюка, другой — 14.

[2]) См. его разсужденіе о свойствахъ ума и о наклонностяхъ въ «Двойникѣ», вечеръ 4-й.

стями [1]), видавшій въ ранней молодости на примѣрѣ Кутузова, какъ не слѣдуетъ управлять округомъ, узнавшій потомъ лучшую въ то время въ мірѣ школу—Саксонскую, онъ могъ бы принести много пользы на этомъ посту, даже не проявляя особенной служебной энергіи (которой, повидимому, не было въ его характерѣ), одною, такъ сказать, инерціей своихъ добрыхъ свойствъ, еслибъ подольше оставался на мѣстѣ и при дѣлѣ. Но обстоятельства не благопріятствовали Харьковскому округу.

Прежде чѣмъ заняться осмотромъ учебныхъ заведеній, Перовскому пришлось скакать въ Таганрогъ, чтобы привести «по возможности» въ порядокъ таганрогскую коммерческую гимназію къ пріѣзду императора Александра I. Едва вернувшись въ Харьковъ, онъ узнаетъ, что государь пріѣдетъ въ Таганрогъ раньше, нежели думали прежде, и спѣшитъ его встрѣтить [2]). Государь осмотрѣлъ гимназію только 3-го октября, и Перовскому удалось ее «представить Его Величеству въ довольно хорошемъ порядкѣ, какъ только по ветхости строенія и скудности училища ожидать было можно» [3]).

Возвратившись 10-го октября въ Харьковъ, Перовскій пишетъ министру, что онъ считаетъ необходимымъ какъ можно больше заниматься дѣлами университета и поэтому въ округъ уѣзжать будетъ ненадолго и, осмотрѣвъ одну губернію, будетъ возвращаться снова въ Харьковъ.

Въ самомъ началѣ 1826 г., когда тѣло государя Александра I провозили черезъ Харьковъ, между Перовскимъ и губернскимъ предводителемъ дворянства Квиткою произошло довольно курьезное столкновеніе по поводу участія профессоровъ и дворянъ въ процессіи: кому идти впереди. По словамъ современника Шенига [4]), «положили идти рядомъ оба начальника и оба сословія попарно». Очевидно, что Перовскій уже успѣлъ сжиться съ университетомъ и принималъ къ сердцу его интересы.

Близко ознакомившись съ положеніемъ университета, Перовскій нашелъ его «столь бѣднымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ и столь мало соотвѣтствующимъ самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», что онъ не рѣшился даже представить офиціальнаго отчета о его состояніи, не переговоривъ предварительно съ министромъ; вслѣдствіе чего и проситъ отпуска въ Петербургъ [5]). Шишковъ не за-

---

[1]) См., напр., его разсужденіе о современномъ ésprit fort'измѣ по Смирд. изд., II, 232.

[2]) Перовскій пріѣхалъ въ Таганрогъ 20-го сентября, одновременно съ гр. Воронцовымъ. См. Воспом. Шенига. «Русск. Арх.», 1880, III, 272.

[3]) Письмо министру отъ 5-го октября.

[4]) «Русск. Арх.», l. c. 288.

[5]) Бѣдность Харьковскаго университета, такъ поразившая Перовскаго 60 слишкомъ лѣтъ назадъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи помѣщенія, сдѣлалась

медлилъ изъявить свое согласіе, и 9-го марта Перовскій двинулся на сѣверъ, поручивъ завѣдованіе своей канцеляріей экстра-ординарному профессору Байкову.

Находясь въ Петербургѣ, Перовскій по засвидѣтельствованію министра о его ревностной и полезной службѣ, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ въ должности попечителя (1-го мая 1826 г.)[1]).

Черезъ двѣ недѣли послѣ повышенія, Перовскій, очевидно, произведшій хорошее впечатлѣніе въ Петербургѣ, былъ назначенъ членомъ комитета по устройству учебныхъ заведеній.

Петербургская жизнь въ большихъ чинахъ стоила не дешево и, повидимому, для поправленія обстоятельствъ, Перовскій прибѣгъ къ способу, конечно, далеко не аристидовскому, но съ русской чиновничьей точки зрѣнія, очевидно, не представлявшему ничего необычнаго, тѣмъ болѣе ничего безнравственнаго. Офиціальнымъ письмомъ, отъ 11 іюля 1826 г., Перовскій заявляетъ министру, что ему, по дѣламъ службы, нужно ѣхать въ Харьковъ и испрашиваетъ на путевыя издержки 3,000 рублей; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ намѣренія ѣхать дальше Москвы, какъ видно изъ его заявленія почтамту, который онъ проситъ всѣ письма, пакеты и пр. пересылать въ Москву, на Басманную, въ домъ генералъ-маіорши Денисьевой (т. е. его матери).

Служба Перовскаго и во время его отсутствія изъ Петербурга шла очень хорошо: въ августѣ 1826 г. онъ получилъ Владиміра 2-й степени, а въ сентябрѣ ему повелѣно быть предсѣдателемъ комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, онъ возвратился въ Петербургъ и оставался тамъ, повидимому, безвыѣздно всю зиму. Отъ октября 1826 г. до февраля 1827 г., комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, рѣшалъ судьбу грамматики Греча[2]) и споръ послѣдняго съ академіей. Пе-

---

чѣмъ-то традиціоннымъ и неизбѣжнымъ. Авторъ настоящей статьи преподавалъ въ немъ около 9 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ тамъ перебывало не мало начальственныхъ лицъ; всякій новый попечитель, осмотрѣвъ зданіе, непремѣнно поражался бѣдностію помѣщенія «столь мало соотвѣтствующаго даже самымъ умѣреннымъ ожиданіямъ», обѣщалъ употребить самыя энергическія усилія для его улучшенія и, безъ сомнѣнія, употреблялъ ихъ; а помѣщеніе, за исключеніемъ одной случайной прибавки, кажется, остается все то же самое.

[1]) По этому случаю Перовскій получилъ рядъ поздравительныхъ писемъ отъ подчиненныхъ, которыя приложены къ дѣлу о его попечительствѣ. Приводимъ письмо ректора Джунковскаго, какъ прекрасный образецъ... служебной риторики того времени. «В. П—о! м. г. Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю для себя принести В. П—ву усерднѣйшее поздравленіе съ высокомонаршей милостью, которая тѣмъ болѣе обрадовала всѣхъ насъ, что милости, изливаемыя отъ высочайшаго престола на начальниковъ, ободряютъ духъ и въ самыхъ подчиненныхъ, подобно какъ благополучіе родителей радуетъ сердца добрыхъ дѣтей».

[2]) См. проф. Кочубинскаго: «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія». Одесса, 1887—1888, стр. 191 и слѣд. и Приложенія.

ровскій, какъ предсѣдатель, внѣшнимъ образомъ руководилъ дѣломъ, но, повидимому, не былъ въ немъ заинтересованъ лично, а хлопоталъ только о томъ, чтобы ученые мужи не совсѣмъ перегрызлись.

Весною 1827 г., Перовскій просится на три мѣсяца за границу, въ Карлсбадъ. Увѣрившись изъ письма министра, что онъ своевременно получитъ отпускъ, онъ поѣхалъ сперва въ Погорѣльцы, а оттуда въ Харьковъ, гдѣ и далъ предложеніе университету о томъ, что, по Высочайшему повелѣнію, во время его отсутствія всѣ его обязанности будетъ исполнять членъ главнаго училищнаго управленія, графъ М. Ю. Вьельгорскій. Во второй половинѣ іюня Перовскій поѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ не три мѣсяца, а почти вдвое болѣе [1]); по возвращеніи онъ снова поселился въ Петербургѣ, и въ Харьковъ, судя по имѣющимся у насъ подъ руками документамъ, болѣе не ѣздилъ. Чтобы покончить съ служебной карьерой Перовскаго, скажемъ только, что послѣ перемѣны министерства (въ 1828 г. Шишкова замѣнилъ генералъ, князь Ливенъ) онъ, повидимому, больше числился на службѣ, чѣмъ служилъ, и 20 марта 1830 г. былъ уволенъ по прошенію въ отставку безъ всякой особой награды.

Но если Перовскій и на этотъ разъ мало былъ увлеченъ петербургской службой, за то онъ отдался литературѣ съ такой энергіей, какой трудно было и ожидать отъ него. Петербургская литература въ моментъ его переселенія въ столицу переживала очень важный кризисъ. Близился конецъ царству Булгарина и Греча и ихъ приспѣшниковъ; не нынче-завтра налетитъ Пушкинъ, который разсыплетъ ихъ, какъ вѣтеръ осенніе листья; газеты и журналы, рекламирующіе купцовъ и булочниковъ, и красивенькіе альманахи скоро смѣнятся «Литературной Газетой» барона Дельвига, а потомъ и «Современникомъ» Пушкина. Въ этомъ-то кризисѣ Перовскій, какъ мы сейчасъ увидимъ, принималъ весьма сильное участіе, отчасти активно, отчасти пассивно.

Въ 1828 г. выходитъ книга Антонія Погорѣльскаго: «Двойникъ или мои вечера въ Малороссіи» [2]). Это рядъ повѣстей и разсказовъ, связанныхъ между собою разговорами автора съ его двойникомъ, то шутливыми, то серьезными, по содержанію крайне разнообразными, форма, хорошо всѣмъ извѣстная изъ «Серапіоновыхъ братьевъ» Гофмана. Между мелкими разсказами много легендъ о привидѣніяхъ, о явленіяхъ послѣ смерти, о сбывшихся и несбывшихся предсказаніяхъ; между повѣстями мы находимъ на третьемъ мѣстѣ старую знакомую — «Лафертовскую маковницу», а прежде

---

[1]) Предложеніе министра о вступленіи Перовскаго снова въ должность помѣчено 10 января 1828 г.

[2]) Спб. При Императорской Академіи Наукъ. 2 части.

нея «Исидора и Анюту», написанную, повидимому, значительно ранѣе, въ слащаво-нѣжномъ тонѣ Карамзина и повѣсть «Автоматъ», представляющую явное подражаніе Гофману; четвертая и послѣдняя повѣсть, страшная и маловѣроятная исторія о человѣкѣ, воспитанномъ обезьяной. Въ общемъ, «Двойникъ» есть полный манифестъ русской романтической школы, которая отъ своей нѣмецкой матери отличается большимъ реализмомъ и сдержанностью.

Въ это время борьба между старовѣрами, членами «Бесѣды», и реформаторами, сторонниками Карамзина, была уже давно окончена, и шишковисты, осмѣянные, сходили со сцены. Но въ новомъ литературномъ поколѣніи возникъ въ свою очередь расколъ; двѣ арміи стояли вполнѣ готовыя къ бою и отъ времени до времени обмѣнивались выстрѣлами. Булгаринъ и Гречъ съ непоколебленной еще «Сѣверной Пчелой», какъ представители утилитарнаго и реальнаго направленія, стояли во главѣ одной арміи; баронъ Дельвигъ, Сомовъ и другіе пріятели Пушкина—въ другой. Ѳаддей Булгаринъ—фигура, въ нравственномъ отношеніи, какъ всѣмъ извѣстно, не очень красивая, представлялъ довольно крупную литературную силу, съ которой нельзя было не считаться. Онъ не былъ врагомъ романтизма по принципу; какъ человѣкъ очень неглупый и начитанный, онъ ясно видѣлъ, что пѣсенка чистаго классицизма спѣта и многія его повѣсти по сюжетамъ романтичны до крайности. Булгарину нельзя отказать и въ довольно развитомъ вкусѣ, по крайней мѣрѣ относительно формы, и безспорно изящныя вещи, кромѣ исключительныхъ случаевъ, удостоивались его полнаго одобренія. Но этотъ довольно талантливый и одно время очень вліятельный литераторъ-беллетристъ не только не былъ поэтомъ, а даже былъ лишенъ, если можно такъ выразиться, того органа, которымъ человѣкъ чувствуетъ поэзію. Беллетристика, по его убѣжденію, должна забавлять и поучать, и отъ всякаго поэтическаго произведенія онъ прежде всего требуетъ правильнаго, вполнѣ литературнаго изложенія, а потомъ полезной цѣли.

Это онъ, Ѳаддей Булгаринъ, спрашиваетъ поэта:

«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ,
«Напрасно ухо поражая?
«Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?»

И если не получаетъ отвѣта на этотъ вопросъ, или не можетъ самъ найти такового, объявляетъ его пѣснь безплодной и пригодной развѣ только для развитія вкуса учащейся молодежи. Вотъ почему онъ становится во главѣ враговъ чистой романтики, и вотъ тотъ интересный въ исторіи литературы пунктъ, гдѣ вымирающій классицизмъ, какъ поэзія разума, сходится съ позднѣйшей реальной и тенденціозной беллетристикой.

Для Погорѣльскаго не могло быть безразлично, какъ отнесется къ его первой книжкѣ органъ Булгарина «Сѣв. Пчела». Булга-

ринъ, конечно, прекрасно зналъ, кто скрывается подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, и личныя выгоды, которыхъ Ѳаддей Венедиктовичъ никогда не упускалъ изъ виду, должны были помѣшать ему, что называется, отдѣлать повѣсти дѣйствительнаго статскаго совѣтника и предсѣдателя ученаго комитета; впрочемъ, на этотъ разъ онъ и не долженъ былъ входить въ сдѣлку съ совѣстью: онъ очень высоко цѣнилъ правильный и чистый литературный языкъ, а «Двойникъ» въ этомъ отношеніи былъ безупреченъ.

Вотъ какъ начинаетъ свою рецензію Булгаринъ[1]): «Въ сей книжкѣ заключаются оригинальныя русскія повѣсти, разсказанныя умно, легко, пріятно, слогомъ живымъ, натуральнымъ, языкомъ чистымъ и правильнымъ. Содержаніе ихъ можетъ быть названо правдоподобными небылицами. Авторъ искусно воспользовался разными повѣрьями, темными слухами и суевѣрными разсказами о несбыточныхъ происшествіяхъ, будто бы случавшихся съ людьми въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и передалъ намъ ихъ еще искуснѣе, умѣя возбуждать любопытство и поддерживать оное до самой развязки» и т. д. Въ этихъ явныхъ похвалахъ нельзя не видѣть скрытаго желанія уронить книгу за романтичность содержанія.

Въ самомъ концѣ 1828 г., Алексѣй Перовскій былъ предложенъ Шишковымъ въ члены Россійской Академіи вмѣстѣ съ Мордвиновымъ, Казадаевымъ и Броневскимъ, въ виду ихъ «основательныхъ, доказанныхъ сочиненіями свѣдѣній въ отечественномъ языкѣ». Выборъ состоялся 12-го января 1829 г.; очевидно, что Шишковъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не въ интересахъ своей уже разсыпавшейся партіи.

Въ началѣ того же 1829 года, Антоній Погорѣльскій выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, подъ названіемъ: «Черная курица или подземные жители, волшебная повѣсть для дѣтей», которую онъ, по преданію, написалъ для своего племянника и воспитанника, будущаго поэта графа Алексѣя Толстого; сюжетъ и нѣкоторыя подробности отчасти заимствованы изъ Ламотъ Фуке, отчасти изъ Гофмана и изъ народныхъ нѣмецкихъ сказаній о гномахъ—подземныхъ жителяхъ, но все это очень недурно приспособлено къ русской жизни. Содержаніе въ двухъ словахъ слѣдующее: воспитанникъ нѣмецкаго пансіона на Васильевскомъ островѣ, очень добрый мальчикъ Алеша спасаетъ отъ поварского ножа черную курочку, принадлежащую директору пансіона; курица оказывается министромъ короля подземнаго царства и въ благодарность показываетъ Алешѣ чудеса этого царства и потомъ, по настойчивой просьбѣ мальчика, даритъ ему зернышко, обладаніе которымъ даетъ возможность Алешѣ знать всѣ уроки, неуча; но

[1]) «Сѣв. Пчела», 1828 г., мартъ, № 38.

владѣтель никому не долженъ говорить объ этомъ; если онъ нарушитъ это условіе, зернышко потеряетъ свою силу, а жители подземнаго царства подвергнутся великому бѣдствію. Алеша пользуется чудеснымъ даромъ очень неумѣренно: онъ совсѣмъ не учитъ уроковъ, а между тѣмъ, слава о его необыкновенныхъ способностяхъ разносится по всему Петербургу; онъ гордится этими незаслуженными похвалами и шалитъ выше всякой мѣры; развязку угадать не трудно: въ концѣ концовъ Алеша принужденъ разсказать тайну курицы, чѣмъ, конечно, не спасаетъ себя отъ заслуженнаго наказанія. Но авторъ съумѣлъ закончить нравоучительную повѣсть примирительнымъ аккордомъ; наказаніе и сознаніе своей вины передъ курицей-министромъ исправили Алешу отъ его недостатковъ.

Въ этомъ году романтики настолько собрались съ силами, что стали издавать свой журналъ подъ названіемъ «Бабочка», въ самомъ имени котораго уже замѣтно стремленіе противодѣйствовать «Пчелѣ». Въ «Бабочкѣ» много переводовъ съ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, много разсказовъ о двойникахъ, видѣніяхъ, суевѣріяхъ и, что̀ очень характерно, довольно много этнографическаго матеріала [1]); въ «Бабочкѣ» участвовалъ и Перовскій, подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ [2]).

Въ «Бабочкѣ» (№ 10), разумѣется, появилась самая похвальная рецензія о «Черной курицѣ», да и «Сѣверная Пчела» на этотъ разъ не отстала отъ органа романтиковъ. Но какъ характерно различны по исходнымъ точкамъ отзывы двухъ журналовъ! Рецензентъ «Бабочки» говоритъ, что̀ онъ нарочно читалъ эту повѣсть дѣтямъ разнаго возраста вмѣстѣ; всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ; когда потомъ рецензентъ спросилъ, на чьемъ мѣстѣ хотѣлъ бы быть всякій изъ слушателей, то самый умный сказалъ, что онъ желалъ бы быть на мѣстѣ автора: «такъ пріятно разсказывать, когда тебя слушаютъ съ удовольствіемъ». Вотъ взглядъ чистаго искусства. А вотъ взглядъ реализма и тенденціозности: «Авторъ «Двойника»,—говоритъ «Сѣверная Пчела»: написалъ сію прекрасную нравоучительную сказку, которая пріятно займетъ не однихъ дѣтей, но и взрослыхъ любителей изящной прозы... Малолѣтніе въ ней найдутъ забаву и наставленіе, какъ хорошо дѣлать добро и какъ дурно тщеславиться незаслуженными похвалами».

---

[1]) Напримѣръ, въ №№ 50 и 51 помѣщена статья Медвѣдева: «Свадебный обрядъ въ Псковской губерніи», за которую редакція печатно выражаетъ свою благодарность составителю.

[2]) Въ №№ 17 и 18 Антоній Погорѣльскій перевелъ съ англійскаго ультра романтическую повѣсть: «Посѣтитель магика» (Вѣчный жидъ у Агриппы), за которую издатель засвидѣтельствовалъ печатно «почтенному автору «Двойника» свою живѣйшую благодарность.

За эту любезность Перовскій отплатилъ Булгарину, кажется, «черной неблагодарностью», въ томъ же 1829 году вышелъ давно ожидаемый и когда-то знаменитый романъ Булгарина: «Иванъ Выжигинъ», романъ вполнѣ реальный (генетически связанный съ такъ называемыми мошенническими романами испанцевъ) и, какъ былъ убѣжденъ его авторъ, въ высшей степени поучительный. Друзья, конечно, встрѣтили его хоромъ похвалъ, романтики—презрительной миной. Въ «Бабочкѣ» появилась чья-то очень неглупо и умѣренно написанная статья объ «Иванѣ Выжигинѣ», подписанная тремя буквами: й, ъ, й, которыя какъ разъ подходятъ и къ настоящему имени, и къ псевдониму Перовскаго. Умѣренно похваливъ новый романъ за слогъ, нѣкоторыя описанія и нравственныя мысли, рецензентъ порицаетъ «Выжигина» за массу преувеличеній и несообразностей и за неумѣнье воспользоваться благодарною формою романа. Всего же обиднѣе Булгарину былъ, безъ сомнѣнія, общій тонъ статьи: къ его знаменитому произведенію относятся, какъ къ чему-то заурядному, обыкновенному!

Но романтики могли, сколько имъ угодно, игнорировать «Выжигина», а Булгаринъ все же имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ успѣхомъ романа: онъ принесъ ему массу денегъ, читался всѣми сословіями и уже переводился на нѣмецкій языкъ; враги не могли въ своихъ рядахъ указать ему соперника. Наконецъ, таковой явился въ «Монастыркѣ» того же Антонія Погорѣльскаго. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, нужно указать, какъ подготовлялось ея появленіе.

Въ 1830 году «Бабочка» прекратилась, а на мѣсто ея появилась «Литературная Газета», издаваемая барономъ Дельвигомъ, лучшимъ другомъ Пушкина, при ближайшемъ участіи поэта. Въ «Литературной Газетѣ» господствуетъ направленіе романтическое: въ ней много переводовъ изъ Вальтера Скотта, Виктора Гюго, изъ Байрона и изъ Гофмана. Уже съ № 1 въ ней появляется Антоній Погорѣльскій съ отрывкомъ романа «Магнетизеръ», который продолжается и въ № 2. «Магнетизеръ» такъ и остался отрывкомъ [1]) и любопытенъ только какъ попытка романа во вкусѣ новой школы. Дѣйствіе происходитъ въ Пермской губерніи въ Екатеринбургѣ и начинается домашней сценкой за чайнымъ столомъ простого, но интелигентнаго купца. Дочь этого купца, Пашенька, повидимому, будущая героиня романа, воспитывалась въ Петербургѣ; услыхавъ, что отецъ ея, по поводу прочитаннаго въ книжкѣ журнала, заговорилъ о магнетизмѣ, она разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ магнетизеромъ-итальянцемъ. Очевидно, романъ долженъ былъ рисовать картинки изъ русской жизни, но имѣлъ придать имъ романтическій интересъ посредствомъ введенія чудеснаго. Романъ, что называется, не вытанцовался, и Погорѣльскій его бросилъ.

---

[1]) По изд. Смирдина см. II, 299—317.

Въ № 11 въ отдѣлѣ смѣси редакція «Литературной Газеты» сообщаетъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ романа Антонія Погорѣльскаго «Монастырка» и заранѣе расхваливаетъ «живость картинъ, вѣрность описаній, счастливо схваченныя черты нравовъ Малороссіи и прекрасный слогъ». Въ №№ 14 и 15 помѣщается начало «Монастырки», а въ № 16—почти восторженная рецензія по поводу выхода въ свѣтъ 1-й части романа: критикъ газеты называетъ «Монастырку» «настоящимъ и, вѣроятно, первымъ у насъ романомъ нравовъ, сравниваетъ автора, къ его выгодѣ, съ Нарѣжнымъ, русскимъ Теньеромъ», въ романахъ котораго какъ будто «не выходишь изъ корчмы», даетъ краткую характеристику всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и предупреждаетъ автора, что теперь, заинтересовавши читателей этими лицами, онъ не имѣетъ права скрыть ихъ отъ глазъ нашихъ. По поводу племянника г-жи Дюндикъ—Прыжкова, рецензентъ указываетъ будто бы на литературное заимствованіе: въ Парижѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, много шуму надѣлала компанія шалуновъ, принявшая «каламбурическое имя» la secte d'Epicure (des picures), наносившая на гуляньяхъ уколы и прожигавшая платья ѣдкой кислотой. Но рецензентъ тутъ же заявляетъ, что по справкамъ, вѣроятно, отъ самого автора, событіе, описанное въ романѣ, оказалось дѣйствительно случившимся и именно въ Ромнахъ. Въ заключеніе рецензентъ очень хвалитъ языкъ и слогъ романа «за исключеніемъ весьма немногихъ погрѣшностей или, лучше сказать, недосмотровъ».

Очевидно, органъ друзей Пушкина берется защищать «Монастырку» Погорѣльскаго изъ всѣхъ силъ и явно противупоставляетъ ее роману Булгарина.

Какъ же отнеслись къ ней другіе журналы и прежде всего самъ Булгаринъ въ «Сѣверной Пчелѣ»?

Умные люди познаются въ несчастіи; такъ и Ѳаддей Венедиктовичъ. Разумѣется, что и самое появленіе «Монастырки», и восторженные клики въ честь ея, были ему, какъ говорится, ножъ острый, и еслибъ онъ обошелъ соперника «Выжигина» презрительнымъ молчаніемъ, никто не повѣрилъ бы его искренности. Еще хуже было бы, еслибъ онъ разбранилъ его самъ или черезъ когонибудь изъ своихъ приспѣшниковъ. Не безъ колебаній, повидимому[1]), онъ рѣшился похвалить «Монастырку», но сдѣлать это такъ, чтобъ ему, Булгарину, на этой похвалѣ, такъ сказать, нажить нравственно деньги.

Булгаринъ начинаетъ свою рецензію съ огульнаго обвиненія всѣхъ своихъ литературныхъ собратьевъ въ парціозности и при-

---

[1]) Въ № 31 («Сѣв. Пчела», 1830 года) онъ довольствуется только краткимъ извѣщеніемъ, а съ слѣдующаго № 32 начинаетъ разборъ, продолжающійся въ №№ 34, 36 и 37.

поминаетъ извѣстную басню Крылова «Прихожанинъ»; затѣмъ продолжаетъ такъ: «Авторъ разруганныхъ знаменитыми писателями книгъ «Иванъ Выжигинъ» и «Димитрій Самозванецъ» позволяетъ себѣ сказать нѣсколько словъ о своей особѣ, а именно, что онъ не принадлежитъ ни къ какому приходу... хорошее называетъ хорошимъ, а дурное дурнымъ», гдѣ бы это хорошее или дурное не встрѣчалось. Заявивъ, что «Монастырку» онъ считаетъ вообще произведеніемъ хорошимъ, цѣннымъ, онъ высказываетъ слѣдующія положенія: «Это романъ нраво-описательный, болѣе юмористическій, нежели сатирическій [1]), хотя сатира не изгнана изъ онаго и часто появляется съ грознымъ своимъ прутомъ»... «Монастырка» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ милыми». Авторъ, по словамъ Булгарина, очевидно, un homme du métier, т. е. человѣкъ, хорошо знающій свое дѣло: у него все на своемъ мѣстѣ, и его языкъ и слогъ почти безукоризненны. «Но величайшее достоинство сей книги и ея автора есть очеркъ женскихъ характеровъ». По мнѣнію рецензента, въ этомъ отношеніи авторъ «Монастырки» превзошелъ всѣхъ русскихъ романистовъ безъ исключенія: онъ «совершенно постигъ женское сердце въ нынѣшнемъ нашемъ быту въ кругу дворянскомъ»; по части «анатоміи» этого сердца ему безспорно принадлежитъ «первая медаль» [2]).

Закончивъ изложеніе «Монастырки» по главамъ, Булгаринъ вступаетъ съ авторомъ въ полемику по поводу того, настолько ли въ нашемъ высшемъ обществѣ распространенъ русскій языкъ, какъ увѣряетъ Погорѣльскій, очевидно, въ своей грозной филиппикѣ имѣвшій въ виду «Выжигина», который оклеветалъ нашу аристократію за презрѣніе ко всему родному [3]).

«Сѣверная Пчела» — такъ заканчиваетъ свою рецензію Булгаринъ, вооружаясь противу невѣжества, надменной самонадѣянности и поддѣльныхъ достоинствъ, съ радостію отдаетъ должную справедливость таланту, въ каждомъ лицѣ, въ другѣ и недругѣ». Булгаринъ успѣлъ досадить почти всѣмъ журналистамъ, и потому другіе петербургскіе критики относительно «Монастырки» были согласны скорѣе съ «Литературной Газетой», причемъ иные еще рѣзче, чѣмъ она, противупоставляли романъ Погорѣльскаго произведеніямъ Булгарина вообще и «Выжигину» въ частности. «Русскій Инвалидъ» [4]) называетъ «Монастырку» «необыкновенно пріятнымъ

---

[1]) «Выжигина» авторъ, очевидно, считаетъ романомъ сатирическимъ.

[2]) Такъ какъ безпристрастный читатель не видитъ въ «Монастыркѣ» никакой особенно поразительной анатоміи женскаго сердца и къ образованному дворянству принадлежитъ только героиня повѣсти, то не слѣдуетъ ли въ этихъ преувеличенныхъ похвалахъ видѣть ядовитый и нечестный намекъ на успѣхи красиваго Перовскаго среди петербургскаго свѣта?

[3]) Въ этомъ случаѣ правда, пожалуй, больше на сторонѣ Булгарина.

[4]) 1830 г., № 73.

явленіемъ въ русской словесности». Этотъ романъ «богатъ занимательными происшествіями и ярко обрисованными характерами, а потому живъ и любопытенъ». Авторъ его, изучивъ внимательно мѣсто дѣйствія и хорошо обдумавъ ходъ послѣдняго, весело принялся разсказывать; «за то и слушать его весело». Очевидно, имѣя въ виду романы Булгарина, рецензентъ продолжаетъ: «Въ «Монастыркѣ» нѣтъ скучнаго, безпорядочнаго сбора изъ разныхъ книгъ нахватанныхъ и на живую нитку сшитыхъ матеріаловъ, перемѣшанныхъ съ вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличія».

Сомовъ въ «Полярной Звѣздѣ» [1]) переходитъ къ «Монастыркѣ» непосредственно отъ романовъ Булгарина, въ которыхъ онъ не находитъ даже слога; онъ хвалитъ романъ Погорѣльскаго за вѣрность психологическую и этнографическую, за живость красокъ, за юморъ, за прекрасный слогъ и языкъ; жалѣетъ только, что о ней приходится судить, какъ о недостроенномъ зданіи. Противуполагая «Монастырку» съ одной стороны произведеніямъ Булгарину, а съ другой—тоже популярному въ то время роману Павла Сумарокова «Ѳедора», рецензентъ говоритъ въ заключеніе: «Нѣкто сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе на различіе въ воспитаніи лицъ въ нашихъ романахъ: «Монастырка» воспитана въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, «Ѳедора» — въ кабакѣ, а «Иванъ Выжигинъ» — въ собачьей конурѣ».

Московскіе журналы отнеслись къ «Монастыркѣ» гораздо сдержаннѣе, какъ потому, что они не принимали участія въ борьбѣ петербургскихъ романтиковъ съ Булгаринымъ, такъ въ особенности и потому, что московская литература въ то время соперничала съ петербургской и не прочь была позлорадствовать относительно произведеній, которыя были слишкомъ захвалены въ Петербургѣ. Самый извѣстный изъ московскихъ журналовъ того времени, «Телеграфъ» Полевого [2]), начинаетъ свою рецензію сомнительною похвалою: «Мы прочитали, — говоритъ онъ, — первую часть «Монастырки» съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читывали романы Августа Лафонтена. Тутъ не ищите ни страстей, ни мыслей, ни глубокаго значенія: читайте «Монастырку», какъ разсказъ добраго пріятеля о добрыхъ людяхъ, которымъ встрѣчались иногда непріятности». Полевой приписываетъ Погорѣльскому «какую-то милую простоту души», въ которой онъ немного развѣ отстаетъ отъ Лафонтена, а потомъ начинаетъ язвить его за его наклонность заимствовать безъ указанія источниковъ, а «Литературную Газету»—за то, что она такъ накричала объ этомъ, почти заурядномъ

---

[1]) Въ Обозрѣніи русской словесности за вторую половину 1829 года и первую 1830 года.

[2]) 1830 г., ч. 32, стр. 93 и слѣд.

произведеніи. Всѣхъ друзей Погорѣльскаго критикъ называетъ «Ѳеокритами подъ душегрѣйкой новѣйшаго ученія». Относительно слога «Монастырки» онъ неохотно соглашается, что «она гладенько написана».

И такъ, для московскихъ романтиковъ «Монастырка» не достаточно романтична: въ ней нѣтъ ни страстей, ни глубокихъ мыслей. Еще откровеннѣе въ этомъ отношеніи, хотя съ бо́льшимъ доброжелательствомъ къ «Монастыркѣ», высказывается «Атеней» Павлова: его рецензентъ говоритъ, что онъ прочиталъ «Монастырку» съ большимъ удовольствіемъ, но не рѣшается высказать сужденія до выхода послѣдней части; тѣмъ не менѣе, онъ находитъ «во всѣхъ лицахъ портреты, вѣрно списанные съ природы, довольно одушевленные, но, къ сожалѣнію, довольно мелочные». Онъ не признаетъ «Монастырку» романомъ, такъ какъ романъ, какъ и поэма, требуетъ «очень много фантазіи и пламеннаго чувства»; «Монастырка» заслуживаетъ только названія повѣсти. «Впрочемъ, заканчиваетъ критикъ, мы ученики еще: должно желать, чтобы литераторы наши дарили насъ по крайней мѣрѣ такими произведеніями, и прежде, нежели отразится въ комъ-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ во всей силѣ разноцвѣтное пламя романтической геніальности, мы должны благодарить за каждую искру, могущую болѣе или менѣе способствовать къ его пробужденію».

Но не всѣ московскіе литераторы были такими радикалами романтизма. Въ «Галатеѣ» Раича [1]) было напечатано письмо будто бы какой-то малороссіянки, за подписью: Екатерина Институтина; авторъ письма обличаетъ Погорѣльскаго въ клеветѣ на Малороссію, которой якобы онъ совсѣмъ не знаетъ и помѣщиковъ которой онъ выставляетъ въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ. Редакція снимаетъ съ себя отвѣтственность за это письмо, а въ выноскѣ высказываетъ такое сужденіе о «Монастыркѣ»: «Романъ Погорѣльскаго принадлежитъ къ небольшому числу русскихъ книгъ, написанныхъ слогомъ правильнымъ и пріятнымъ. При теперешнемъ романтическомъ направленіи нашей литературы такая книга есть истинный подарокъ тѣмъ изъ любителей легкаго чтенія, которые не охотники ни до такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, ни до романтическаго изступленія».

Что же это за романъ, первая часть котораго вызвала столько страстныхъ и въ сущности противурѣчивыхъ отзывовъ въ нашей литературѣ, столь бѣдной въ то время критикой? Я не буду пересказывать его содержанія, такъ какъ онъ даже въ послѣднее время перепечатанъ два раза [2]), но я не могу не сказать два слова о его эстетическомъ и историко-литературномъ значеніи. Волей-неволей

---

[1]) 1830 г., № 16, стр. 260.

[2]) Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ 1884 года и г. Суворинымъ въ «Дешевой библіотекѣ» въ 1888 году.

приходится сознаться, что характеристика Булгарина, который называетъ «Монастырку» милымъ произведеніемъ, въ сущности вѣрнѣе всѣхъ другихъ. «Монастырка» — милая повѣсть для читателей нашего времени, послѣ всего нами перечитаннаго и нами пережитого; можно ли удивляться, что она была мила нашимъ бабушкамъ, которыя нашли въ ней рядъ женскихъ характеровъ, прекрасно очерченныхъ и развивающихся въ очень занимательной интригѣ, разсказанной съ добродушнымъ юморомъ? Въ особенности занимала всѣхъ, какъ и теперь занимаетъ, личность героини, ярко выступающая въ 3-хъ письмахъ, которыя составляютъ какъ бы введеніе. Эта героиня—институтка, только-что окончившая курсъ въ Смольномъ монастырѣ (откуда и названіе «Монастырки») въ то давно прошедшее время, когда институтъ отрѣзалъ дѣвушку не только отъ семьи, но и отъ жизни вообще. Въ 50—60-хъ годахъ не мало было попытокъ изображать въ формѣ автобіографій и повѣстей болѣе или менѣе печальныя послѣдствія такого отдѣленія русскихъ дѣвушекъ отъ міра; но три письма «Монастырки» Погорѣльскаго, безъ сомнѣнія, въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ ихъ. Главная причина этого — вовсе не творческій талантъ Погорѣльскаго, а полное отсутствіе тенденціи: его Анюта Орленко— не манекенъ, служащій для показанія вреда «системы», а очень милая, живая и отъ природы не глупая дѣвушка, и ея институтское «невѣдѣніе», такъ же, какъ и фальшь воспитанія для гостиныхъ и баловъ — только шелуха, которая сейчасъ же спадаетъ съ ея доброй души послѣ перваго столкновенія съ дѣйствительностью.

Эта дѣйствительность, являющаяся ей сперва въ видѣ грубоватой, но доброй тетушки и ея двухъ простодушныхъ дочекъ, потомъ въ видѣ хитраго, безчестнаго, надутаго спѣсью, но трусливаго Дюндика, наконецъ, въ видѣ властителя сердца ея—Блистовскаго, развивается въ кучѣ романтическихъ сценъ и эпизодовъ; но романтическихъ на русскій ладъ, а не на нѣмецкій, т. е. поддающихся самому простому и даже прозаическому объясненію.

Въ историко-литературномъ отношеніи «Монастырка» имѣетъ большое значеніе, какъ одна изъ самыхъ удачныхъ у насъ попытокъ влить романтическое разнообразіе содержанія и характеровъ въ ту литературную форму, которая была изобрѣтена англичанами еще въ XVIII вѣкѣ и была на время забыта, или, по крайней мѣрѣ, отодвинута на задній планъ другими видами поэтическаго повѣствованія (Prosa-dichtung), чтобы потомъ, въ наши дни снова выплыть на поверхность и чуть не заполонить всю поэзію Европы въ форму семейнаго романа.

Кромѣ того «Монастырка»—одинъ изъ раннихъ и болѣе удачныхъ продуктовъ нашей этнографической школы, какъ это было замѣчено и современной ей критикой.

Казалось бы, что послѣ такого успѣха, какой имѣла 1-я часть «Монастырки»—извѣстно, что успѣхъ въ литературѣ измѣряется не столько похвалами друзей, сколько нападеніями враговъ и интересомъ массы — Перовскій, теперь вполнѣ свободный человѣкъ, стоявшій въ наилучшихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Пушкина, долженъ былъ посвятить себя всецѣло литературѣ. Не тутъ-то было. Онъ и въ литературѣ оказался такимъ же непосѣдой, какимъ былъ прежде на службѣ. Помѣстивъ въ «Литературной Газетѣ» въ томъ же 1830 г. шутливо-филологическое письмо отъ имени буквы Ѣ къ барону Гумбольту [1]) и напечатавъ черезъ 3 года 2-ю часть «Монастырки» вмѣстѣ съ переизданіемъ 1-й [2]), онъ, кажется, ничего не печаталъ [3]); по крайней мѣрѣ, я ничего не могъ розыскать въ Публичной Библіотекѣ, въ журналахъ 30-хъ годовъ.

Изъ краткой автобіографіи гр. Алексѣя Толстого мы узнаемъ, что Перовскій въ послѣдніе годы своей жизни усердно занимался воспитаніемъ своего племянника и вмѣстѣ съ нимъ и своею сестрою много путешествовалъ. Изъ письма Полѣнова [4]) видно, что въ августѣ 1832 г. Алексѣй Перовскій зачѣмъ-то былъ въ Одессѣ.

Судя по письму Греча къ Пушкину [5]), Перовскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, Гречемъ, съ Крыловымъ и съ Лобановымъ.

Изъ письма Пушкина къ женѣ (отъ 4-го мая 1836 г.) мы узнаемъ, что лѣтомъ 1836 г. Перовскій жилъ въ Москвѣ и жилъ, повидимому, большимъ бариномъ. Онъ въ это время, очевидно, очень интересовался живописью и, поймавъ знаменитаго Брюлова, «перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать.

---

[1]) № 22, апр. 16. «Новая тяжба о буквѣ Ѣ»; перепечатано въ Смирдинскомъ изданіи и въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 г., стр. 1403; по словамъ редактора, Гумбольтъ думалъ видѣть въ сочинителѣ гр. Д. Н. Блудова и ему послалъ свой отвѣтъ.

[2]) На «Монастырку» въ полномъ видѣ я могу указать только одну современную рецензію, которая стремится быть безпристрастной, но явно выдаетъ свою московскую парціозность; это рецензія газеты «Молва» (1833 г., № 63); авторъ ея припоминаетъ появленіе 1-й части, вышедшей въ свѣтъ «при громкомъ плескѣ пріятельской газеты, которая и сама давно уже прекратила свое существованіе». Онъ называетъ «Монастырку» пріятнымъ литературнымъ явленіемъ, которое легко дочитывается въ часы досуга. Мысль (институтка въ провинціи) онъ считаетъ затѣйливой и богатой, но недостаточно развитой (sic). Ходъ романа «вытканъ въ старинное бердо Дюкредюменильевской и Коттеневской фабрики. Злой опекунъ, подложное завѣщаніе, ночныя явленія, хуторъ въ лѣсу, похищеніе—это узлы слишкомъ тертые». Частныя замѣчанія рецензента еще болѣе придирчивы.

[3]) Пушкинъ въ письмѣ къ Загоскину (отъ 11-го янв. 1830 г.) обѣщаетъ, что о Юріѣ Милославскомъ дастъ отзывъ Погорѣльскій; но Погорѣльскій, очевидно, полѣнился и самъ Пушкинъ долженъ былъ взять на себя это дѣло.

[4]) «Русскій Архивъ», 1885, III, стр. 99.

[5]) «Русскій Архивъ», 1880 г., III, стр. 453.

Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ». Въ письмѣ отъ 11-го мая Пушкинъ разсказываетъ, что онъ былъ у Перовскаго (съ которымъ онъ на ты), и передаетъ очень комичную сцену, какъ Перовскій, показывая ему картину Брюлова «Взятіе Рима Гензерихомъ», и восхищался ею, и въ то же время ругалъ художника послѣдними словами.

Менѣе, чѣмъ черезъ 2 мѣсяца послѣ этого Перовскаго уже не было въ живыхъ: онъ скончался 9-го іюля 1836 г.[1]) по дорогѣ за границу, въ Варшавѣ, гдѣ захватилъ его острый припадокъ грудной болѣзни, отъ которой онъ ѣхалъ лечиться. Онъ проболѣлъ всего 4 дня.

Своимъ небольшимъ этюдомъ я вовсе не желалъ убѣдить читателей, что Алексѣй Перовскій—крупный общественный и литературный боецъ, несправедливо забытый потомствомъ. Онъ, какъ видно изъ сказаннаго, дѣятель довольно скромный и довольно лѣнивый, но человѣкъ безспорно талантливый. Мнѣніе Пушкина о немъ и двукратная перепечатка его «Монастырки» въ послѣднее время — лучшія доказательства того, что онъ не одна изъ тѣхъ однодневныхъ знаменитостей, которыя создаются исключительно пріятелями.

Для Малороссіи Погорѣльскій имѣетъ особое значеніе, какъ одинъ изъ первыхъ беллетристовъ, возбудившихъ къ ней интересъ, вскорѣ блистательно оправданный «Вечерами на хуторѣ» Гоголя.

Въ исторіи русской литературы и мысли вообще онъ одинъ изъ вліятельныхъ и даровитыхъ представителей той школы, которая, начавшись съ подражанія нѣмцамъ, потомъ стала базисомъ славы Пушкина и подготовила великій моментъ нашего національнаго самосознанія.

А. Кирпичниковъ.

---

[1]) Въ статьѣ г. Горленки и энциклопедическихъ словаряхъ ошибочно показанъ 1839 г. (См. напр. «Одесскій Вѣстникъ», 1836 г., № 65).

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

Отплытіе изъ Архангельска.—Плаваніе по Бѣлому морю и Ледовитому океану.—Въ Еретикской бухтѣ.—Китобойный заводъ и факторія перваго китобойнаго товарищества.—Подробности китобойнаго промысла.—Пароходъ «Вельда».—Отъ Еретиковъ до Арской губы.—Арскій китобойный заводъ.—Переходъ отъ Мурманскаго берега до Новой Земли.

Ъ ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ 1883 года мнѣ предстояло совершить плаваніе изъ Архангельска на островъ Новую Землю, въ становище Малыя Кармакулы, гдѣ расположена станція общества спасанія на водахъ, въ которой въ то время проживала экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ начальствомъ лейтенанта К. П. Андреева. Попасть на Новую Землю изъ Архангельска возможно только два раза въ годъ—лѣтомъ и въ половинѣ осени, когда туда отправляется, обязательнымъ рейсомъ, одинъ изъ пароходовъ субсидируемаго казной Архангельско-Мурманскаго товарищества. Изрѣдка же, въ исключительныхъ случаяхъ, изъ Архангельска отправлялось къ берегамъ Новой Земли военное судно теперь упраздненнаго архангельскаго порта. На этотъ разъ въ плаваніе былъ назначенъ винтовой пароходъ товарищества «Чижовъ», подъ командой капитана — архангельскаго помора Ф. К. Попова, опытнаго моряка, совершившаго не мало плаваній въ полярныхъ водахъ. Пароходъ «Чижовъ», прежде чѣмъ идти въ новоземельскія воды, долженъ былъ доставить грузъ различныхъ

строительныхъ матеріаловъ въ Арскую губу Мурманскаго берега, гдѣ въ то время строился китобойный заводъ второго товарищества, слывущаго на сѣверѣ подъ именемъ Шереметьевскаго. Отплытіе парохода было назначено на четвертое іюля и на немъ шла дѣятельная погрузка матеріаловъ для арскаго завода, а также и различныхъ припасовъ, отправлявшихся Обществомъ спасанія на водахъ, для продовольствія новоземельскихъ самоѣдовъ. Утромъ въ день отплытія, погрузка была окончена и на пароходѣ собрались всѣ пассажиры. Наше общество, въ каютъ-компаніи перваго класса, состояло изъ пяти человѣкъ, считая въ томъ числѣ и капитана [1]), кромѣ того, въ третьемъ классѣ помѣстилось человѣкъ двадцать рабочихъ, отправлявшихся на Мурманскій берегъ. Благодаря немногочисленности пассажировъ перваго класса, для насъ являлась полная возможность расположиться въ каютахъ со всѣмъ комфортомъ, возможнымъ на пароходѣ, служащемъ, въ большинствѣ случаевъ, надобностямъ далеко невзыскательныхъ путешественниковъ, плавающихъ за полярнымъ кругомъ, — преимущественно мурманскихъ рыбопромышленниковъ и иногда архангельскихъ чиновниковъ. Однако, справедливость требуетъ сказать, что удобства классныхъ помѣщеній на пароходахъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, хотя и во многомъ уступаютъ удобствамъ пароходовъ, напримѣръ, Русскаго Общества пароходства и торговли или почтовыхъ пароходовъ норвежскихъ компаній, но принимая во вниманіе низкую проѣздную плату и средства товарищества, они едва ли оставляютъ требовать лучшаго. Хотя въ каютъ-компаніи отсутствуютъ тонкое бѣлье, изящная посуда и ливрейные фраки оффиціантовъ, тѣмъ не менѣе на мурманскихъ пароходахъ все чисто, хотя и скромно, немногочисленная прислуга усердна, а кухня даетъ то, болѣе чего требовать едва ли справедливо въ виду дешевизны платы за продовольствіе, а главнымъ образомъ, въ виду невозможности пополненія запасовъ свѣжей провизіи во время продолжительнаго плаванія пароходовъ отъ Архангельска, вдоль тысячеверстнаго Мурманскаго берега, вплоть до пограничныхъ норвежскихъ портовъ. Во всемъ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться лично во время многочисленныхъ плаваній на пароходахъ Мурманскаго товарищества, совершенныхъ ранѣе описываемаго рейса. День отхода «Чижова» изъ Архангельска удался превосходный, солнечный и совершенно безвѣтренный; барометръ стоялъ высоко, такъ что можно было разсчитывать на вполнѣ спокойное плаваніе, по крайней мѣрѣ въ Бѣломъ морѣ. Къ двѣ-

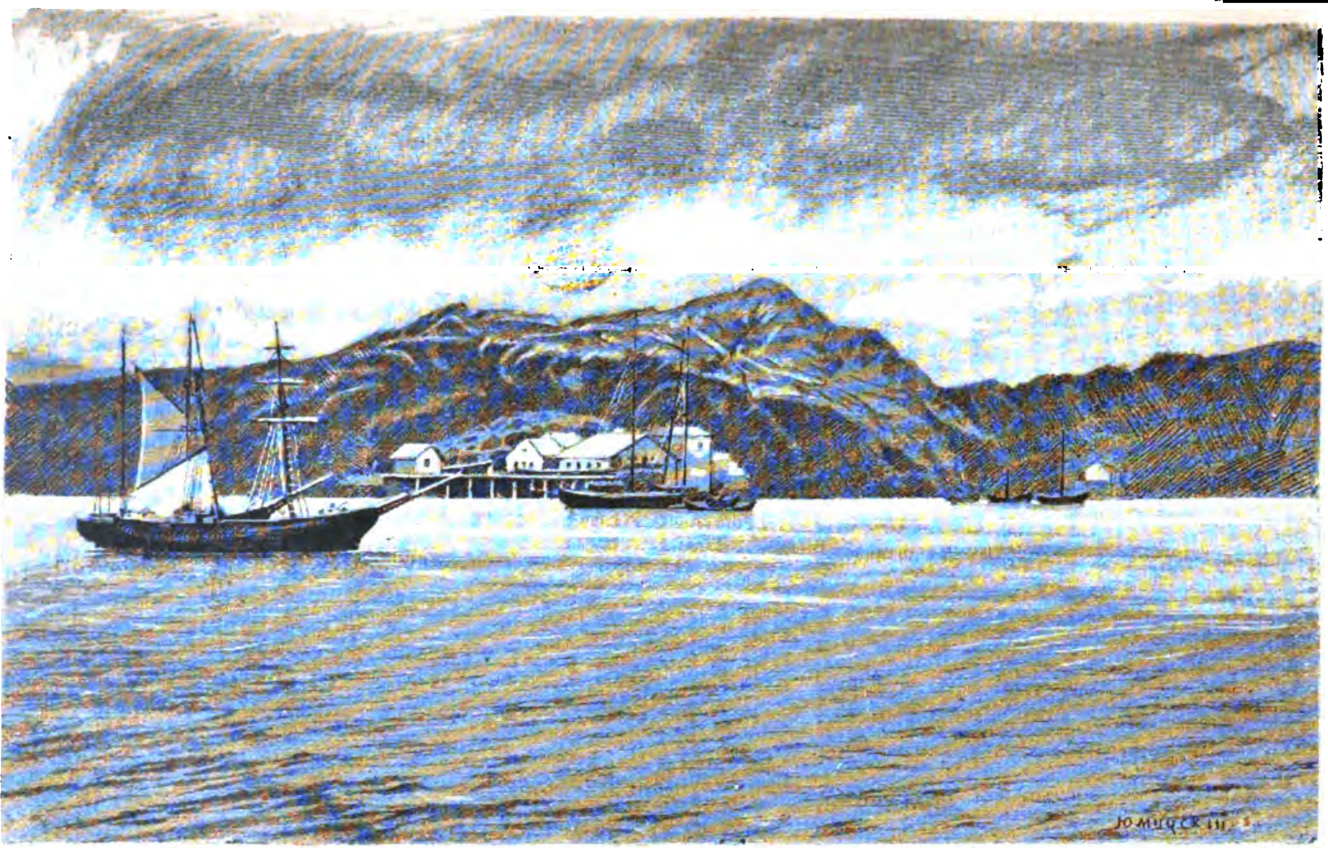
[1]) Остальное пароходное начальство—штурмана и механики на мурманскихъ пароходахъ—почти не показывается среди пассажировъ. Ихъ можно видѣть только или на вахтѣ, или во время аврaловъ, когда они работаютъ почти наравнѣ съ командой.

надцати часамъ дня всѣ расчеты съ берегомъ были окончены и ровно въ полдень «Чижовъ» отвалилъ отъ соломбальской пристани. Повернувъ къ выходу изъ Сѣверной Двины, «Чижовъ», взялъ на буксиръ поморскую парусную шхуну, которую обязался вывести за Двинскій баръ и далъ ходъ машинѣ. Намъ предстояло пройти Маймаксинскимъ устьемъ Сѣверной Двины, на берегахъ которой расположены архангельскіе лѣсопильные заводы и огромныя лѣсныя биржи и по которому слѣдуютъ пароходы и болѣе крупныя парусныя суда, проходящіе къ архангельскому порту. При входѣ въ Маймаксу «Чижовъ» встрѣтилъ неожиданное препятствіе, нѣсколько задержавшее наше дальнѣйшее плаваніе. Тотчасъ же по выходѣ изъ Архангельска, впереди парохода, со стороны Маймаксы, мы увидали, быстро поднимавшійся вверхъ, огромный столбъ густого чернаго дыма и вскорѣ распознали, что горятъ лѣсопильный заводъ и лѣсная биржа крупнѣйшаго архангельскаго лѣсопромышленника и коммерсанта Шольца. Благодаря стоявшимъ до того времени продолжительнымъ жарамъ и бездождію, не смотря на полнѣйшее безвѣтріе, огонь съ необычайной быстротой распространялся на огромное пространство, переполненное штабелями досокъ и другимъ лѣснымъ матеріаломъ, представлявшимъ огню обильную пищу. Разроставшійся пожаръ серьезно угрожалъ истребить нетолько сосѣдніе заводы и биржи, но и иностранные пароходы и парусные корабли, во множествѣ грузившіеся лѣсомъ у заводскихъ пристаней. Я и мои спутники съ высоты пароходныхъ мачтъ наблюдали въ бинокли за необычайной суматохой, царившей въ Маймаксинскомъ рукавѣ и на берегу. Середина рукава была переполнена кораблями, оттягивавшимися отъ берега, къ которому быстро приближалось море огня; ближайшіе къ берегу корабли защищали парусами свои борты, обращенные къ огню, а команды усердно поливали водой эти импровизированные брандмауеры; всюду сновали заводскіе паровые катера и прибывшіе изъ города небольшіе буксирные пароходы, помогавшіе спасанію судовъ.

Вокругъ насъ массами плавали обгорѣвшія доски и бревна, сброшенныя въ воду. Пройти Маймаксой «Чижову» не представлялось никакой возможности, въ особенности, имѣя на буксирѣ парусное судно. Опасаясь потерять слишкомъ много времени, въ ожиданіи освобожденія Маймаксы отъ загромоздившихъ ее кораблей, нашъ капитанъ рѣшилъ рискнуть пройти по Березовскому или Корабельному устью, доступному для плаванія судовъ не особенно глубокой осадки и то только во время приливовъ. Къ нашему счастію, приливъ въ то время достигалъ максимума, благодаря чему «Чижовъ» безъ особой потери времени, благополучно прошелъ необычной для него дорогой и около шести часовъ пополудни застопорилъ машину близъ «Сѣверо-Двинскаго» плавучаго маяка. Съ маяка подошла къ намъ шлюпка и приняла, прово-

жавшаго насъ изъ Архангельска, лоцмана, а «Чижовъ» снова своимъ винтомъ началъ бороздить зеркальную поверхность воды и вошелъ въ Бѣлое море. Еще долго позади парохода мы видѣли высокій черный столбъ дыма, сливавшійся съ огромнымъ мутнымъ облакомъ, нависшимъ надъ пожарищемъ. Море было совершенно спокойно: ни одной рябинки не было замѣтно на его зеркальной поверхности. Теплый іюльскій вечеръ и полнѣйшая тишь невольно заставляли забывать, что мы черезъ нѣсколько часовъ перейдемъ полярный кругъ, представляющійся въ воображеніи многихъ границею жизни и смерти. Справа у насъ тянулся Зимній берегъ, покрытый лѣсомъ, который, далѣе къ сѣверу, переходитъ въ мелкій кустарникъ, а затѣмъ совершенно исчезаетъ въ тундрахъ Каниной Земли. Изрѣдка на встрѣчу намъ попадались иностранные пароходы и штилевавшіе парусные поморскіе и иностранные корабли. Воздухъ былъ настолько теплый, что вечерній чай мы пили на палубѣ; тутъ же раздавалась веселая пѣсня, подгулявшихъ, при прощаніи съ Архангельскомъ, ѣхавшихъ съ нами рабочихъ. Въ двѣнадцатомъ часу ночи начался слабый южный вѣтеръ, но море, попрежнему, оставалось совершенно спокойнымъ, хотя барометръ уже началъ опускаться, не предвѣщая въ будущемъ хорошей погоды. Далеко за полночь мы разошлись по своимъ каютамъ и къ этому времени уже начала чувствоваться небольшая качка. Къ утру вѣтеръ засвѣжѣлъ и развелъ въ морѣ значительную зыбь, уложившую въ койки двоихъ изъ моихъ спутниковъ, одинъ изъ которыхъ, къ удивленію, былъ военный морякъ, другой же только въ первый разъ совершалъ морское путешествіе.

Между пассажирами третьяго класса морская болѣзнь нашла бо̀льшее количество жертвъ и только четверо или пятеро, кое-какъ держались на ногахъ. На другой день, пятаго іюля, перешли полярный кругъ и въ этотъ же день, благополучно миновавъ опасныя банки у Трехъ Острововъ, къ вечеру были на траверзѣ Святаго Носа, за которымъ начинается тысячеверстный Мурманскій берегъ и открывается безпредѣльная, мрачная даль Ледовитаго океана. Температура настолько понизилась, что на палубу нельзя было показаться безъ теплаго платья; къ тому же началъ спускаться густой туманъ—всегдашній гость полярныхъ водъ. Около десяти часовъ вечера «Чижовъ», котораго разбушевавшаяся стихія бросала, какъ щепку, вступилъ въ величавыя волны Ледовитаго океана. Внизу, въ каютъ-компаніи, происходилъ настоящій хаосъ: наши вещи, сброшенныя съ коекъ, свободно разгуливали по палубѣ вмѣстѣ съ скамейками и разбитой посудой, какую не успѣлъ убрать, до бури, единственный слуга въ каютъ-компаніи. О вечернемъ чаѣ нечего было и думать, такъ какъ не было никакой возможности нетолько ставить посуду на столъ, но

Бухта Еретики (заводъ перваго китобойнаго товарищества).

и самимъ сидѣть, не придерживаясь обѣими руками за столъ, или за поручни, идущіе вокругъ каютъ. Мои два спутника, страдавшіе морской болѣзнею, были въ эту ночь истинными мучениками и имъ не помогали никакія имѣвшіяся у насъ средства противъ морской болѣзни. Почти до четырехъ часовъ утра я съ моимъ спутникомъ не смыкали глазъ, то ухаживая за нашими страдальцами, то поднимаясь наверхъ на капитанскій мостикъ, любоваться грозной, величественной картиной океанской бури. Нашъ несчастный «Чижовъ», какъ чайка, то поднимался на гребень грандіозной волны, то скользилъ съ нея внизъ, зарываясь носомъ въ встрѣчную волну. Высота мостика не спасала стоявшихъ на немъ отъ невольныхъ холодныхъ душъ и вкатывавшіяся съ носа волны обдавали насъ съ ногъ до головы. Эта буря была не изъ особенно сильныхъ, какія приходится выдерживать въ Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ плавающимъ въ нихъ нашимъ судамъ. Но мнѣ, на этомъ же самомъ «Чижовѣ» съ этимъ же самымъ капитаномъ Ф. К. Поповымъ, приходилось выдерживать въ океанѣ настоящій штормъ и тогда невольно вспоминались условія плаванія въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, которыя я не мало избороздилъ. Почти всѣ порты этихъ морей соединены между собой телеграфной проволокой, благодаря которой метеорологическіе бюллетени главной физической обсерваторіи ежедневно сообщаютъ о состояніи погоды и предваряютъ о наступающихъ буряхъ. На Черномъ морѣ весьма часто случается, что даже очень крупные пароходы, извѣщенные о приближающейся бурѣ, отстаиваются въ портахъ. Въ нашихъ сѣверныхъ водахъ ничего подобнаго нѣтъ. На всемъ огромнѣйшемъ протяженіи береговой полосы Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, конечно, въ предѣлахъ Россіи, кромѣ Архангельска и Сумскаго посада[1]), нѣтъ ни одного телеграфнаго пункта. О метеорологическихъ бюллетеняхъ наши поморы не имѣютъ понятія. Разъ пароходъ или парусное судно вышли въ море и попали въ штормъ, — ихъ дальнѣйшая участь всецѣло зависитъ отъ крѣпости корпуса судна и искусства капитана и экипажа. Поморскимъ судамъ укрыться отъ непогоды, за весьма рѣдкими исключеніями, почти негдѣ, особенно во время тумана, совершенно скрывающаго отъ глазъ, немногія на сѣверномъ побережьѣ, безопасныя якорныя стоянки. Утро слѣдующаго дня мы встрѣтили при прежней обстановкѣ: непогода не стихала и «Чижова» не переставало бросать изъ стороны въ сторону. Въ теченіе всего дня мы продовольствовались холодною пищею, такъ какъ о приготовленіи горячей пищи въ камбузѣ (пароходная кухня) нечего было и думать. Однако, къ вечеру погода замѣтно начала

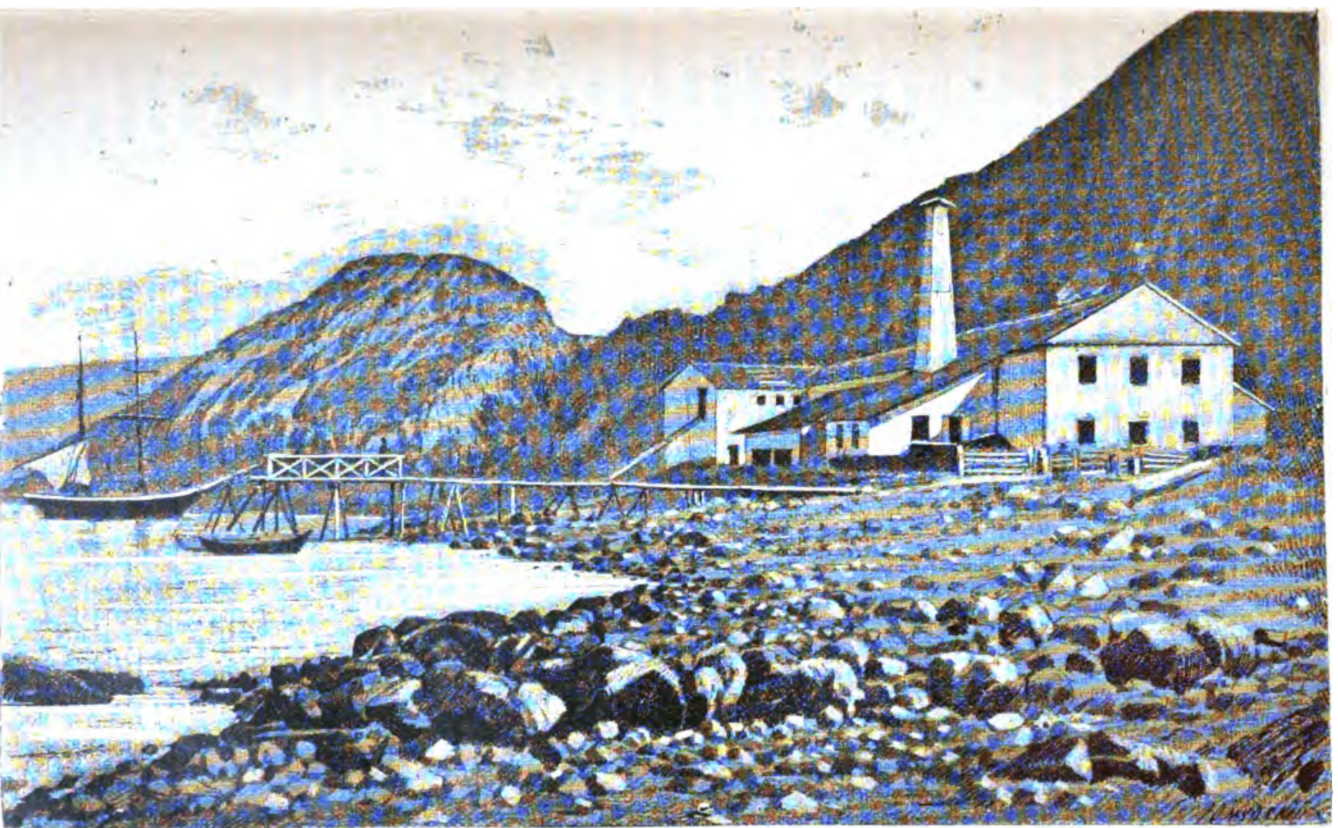
[1]) Только въ послѣднее время телеграфныя станціи открыты въ Мезени и Онегѣ.

измѣняться къ лучшему: вѣтеръ значительно стихъ, небо стало проясняться, и волненіе, хотя и было еще очень значительно, обѣщало вскорѣ перейти въ мертвую зыбь и окончательно улечься, если только снова не засвѣжѣетъ вѣтеръ. Бѣлые гребни океанскихъ волнъ мало-по-малу начали исчезать и черезъ два-три часа поверхность полярнаго океана будто тяжело дышала мертвою зыбью. Не смотря на всѣ признаки близкаго улучшенія погоды, барометръ все-таки стоялъ низко, указывая на временное только прекращеніе бури. Послѣ полуночи небо совершенно очистилось отъ тучъ и полярное солнце снова показалось во всей его своеобразной красотѣ, и вмѣстѣ съ его появленіемъ туманъ, окутывавшій мрачный Мурманъ, началъ подниматься выше и выше, и къ утру совершенно очистилъ весь горизонтъ. Справа, далеко595 мористѣе «Чижова», виднѣлись два иностранные парохода, вѣроятно, шедшіе въ Архангельскъ, а слѣва бѣлѣло нѣсколько промысловыхъ шхунъ, выходившихъ изъ мурманскихъ становищъ. Несмотря на довольно значительное волненіе, съ парохода можно было видѣть нѣсколько шнякъ (большая поморская лодка), стоявшихъ въ океанѣ на ярусахъ (снасть для ловли трески) и мы удивлялись смѣлости этихъ тружениковъ моря, рискующихъ пускаться въ океанъ на своихъ утлыхъ, а нерѣдко и ветхихъ шнякахъ. Къ 10 часамъ утра на палубѣ показались оба наши спутника, страдавшіе морской болѣзнею; зыбь почти совершенно улеглась и они могли свободно разгуливать по пароходу, послѣ продолжительнаго пребыванія въ душныхъ каютахъ. Палуба «Чижова» приняла совершенно иной, чѣмъ ночью, оживленный видъ; почти вся команда была наверху, приводя въ порядокъ снасти и убирая палубу; пассажиры-рабочіе также выползли наверхъ подышать свѣжимъ воздухомъ; многіе изъ нихъ имѣли видъ только-что оправившихся послѣ тяжелой болѣзни; нетвердая поступь, блѣдныя вытянутыя лица, впалые глаза, дѣлали совершенно неузнаваемыми этихъ здоровяковъ, еще такъ недавно весело и шумно прощавшихся съ Архангельскомъ. Близко около насъ прошла встрѣчная поморская шхуна; шкиперъ ея, махая фуражкой, дѣлалъ какіе-то энергичные жесты руками и чтò-то кричалъ нашему капитану, но чтò именно—разобрать было нельзя. Не видя на шхунѣ никакихъ условленныхъ сигналовъ о необходимости намъ остановиться, капитанъ принялъ подаваемые шкиперомъ знаки за привѣтствія, и мы продолжали путь далѣе. Въ это утро мы могли спокойно завтракать въ каютъ-компаніи, не опасаясь опрокинуть на себя блюда, или же самимъ вылетѣть изъ-за стола. Передъ окончаніемъ завтрака, съ вахты доложили капитану, что показался островъ Кильдинъ, и что снова начало наносить туманъ. Ф. К. Поповъ тотчасъ же вышелъ изъ-за стола и поднялся наверхъ, чтобы свѣриться съ курсомъ. Вообще, появленіе тумана не должно было его успокоить, тѣмъ болѣе, что

за островомъ Кильдинымъ были уже недалеко и Еретикская бухта и Арская губа, а туманъ могъ бы задержать насъ у самаго входа въ эти становища. Вскорѣ капитанъ снова спустился въ каютъ-компанію и сообщилъ намъ, что, по его соображеніямъ, туманъ скоро пронесетъ и мы только съ небольшимъ опозданіемъ, противъ разсчитаннаго времени, придемъ въ Еретикскую бухту. «Чижовъ» уменьшилъ ходъ и черезъ короткіе промежутки началъ подавать свистки, для предупрежденія столкновенія съ встрѣчными судами. Послѣ завтрака мы поднялись наверхъ. Былъ второй часъ; слабый нордъ-остъ выше и выше поднималъ сгустившійся было туманъ, между клубами котораго, съ совершенно безоблачнаго неба, проглядывало солнце. Предположенія капитана относительно непродолжительности тумана вполнѣ оправдались и вскорѣ снова наступила совершенно ясная погода и передъ нами открылся Кильдинъ во всей своей красѣ. Глазъ, утомленный созерцаніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, однообразной водной пустыни, дѣйствительно, здѣсь могъ отдохнуть на своеобразно-красивомъ полярномъ ландшафтѣ красавца-острова, совершенно правильнымъ амфитеатромъ спускающагося къ океану. Совершенно ясная погода дала намъ возможность идти между материкомъ и островомъ. Южный склонъ Кильдина былъ покрытъ зеленью и на немъ были видны жилыя и хозяйственныя постройки единственнаго на островѣ обитателя колониста-финляндца. Пройдя Кильдинъ, «Чижовъ» взялъ курсъ прямо на Еретики, гдѣ находятся промысловое становище и, дѣйствующій и по настоящее время, китобойный заводъ перваго товарищества. Въ Еретики «Чижовъ» долженъ былъ зайти на самое короткое время, чтобы сдать на заводъ, отправленную изъ Архангельска провизію. Такъ какъ для выгрузки матеріаловъ въ Арской губѣ «Чижовъ» долженъ былъ провести около двухъ сутокъ, то я, пользуясь знакомствомъ съ директоромъ-распорядителемъ еретикскаго завода Г. Ф. Гебелемъ, рѣшился это время провести у него на заводѣ, а къ окончанію выгрузки «Чижова» прибыть на лодкѣ въ Арскую губу, отстоящую отъ Еретиковъ на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ миль. Кромѣ знакомства съ г. Гебелемъ, остаться въ Еретикахъ меня побуждало еще и желаніе подробно осмотрѣть, находившійся уже въ полномъ ходу, первый русскій китобойный заводъ, постройка котораго производилась на моихъ глазахъ, во время предшествовавшихъ посѣщеній Мурманскаго берега. Ко мнѣ присоединился одинъ изъ моихъ спутниковъ и просилъ меня представить его г. Гебелю; остальные два пассажира шли прямо въ Арскую губу. Въ четвертомъ часу пополудни «Чижовъ», уменьшивъ ходъ, уже входилъ въ Еретикскую бухту, продолжительными свистками давая знать о своемъ приближеніи, чтобы скорѣе вызвать съ берега шлюпки и, сдавъ на нихъ провизію, продолжать слѣдованіе по назначенію въ Ару.

Едва мы обогнули мысъ, за которымъ расположенъ заводъ, какъ къ «Чижову» подошли нѣсколько шлюпокъ съ завода и факторіи. Какъ только «Чижовъ» остановилъ ходъ, къ намъ пріѣхалъ и г. Гебель. Выгрузка заняла неболѣе нѣсколькихъ минутъ и я съ своимъ спутникомъ, временно распрощавшись съ капитаномъ, пересѣлъ въ шлюпку г. Гебеля и двое здоровыхъ гребцовъ-поморовъ нѣсколькими взмахами веселъ доставили насъ къ берегу. Высадка на берегъ была на этотъ разъ не изъ легкихъ. Былъ отливъ и пришлось приставать не къ пристани, а къ камнямъ, и, перескакивая съ одного на другой, добираться до берега. Это невольное эквилибристическое упражненіе усложнялось еще тѣмъ, что неровная поверхность камней была покрыта довольно толстымъ слоемъ китоваго жира, осѣвшаго на нихъ при отливѣ, а вокругъ камней сѣрѣла студенистая и совсѣмъ неблагоуханная масса китовыхъ отбросовъ, такъ что при малѣйшей неосторожности приходилось погружаться, почти по колѣна, въ этотъ смрадный студень. Наконецъ, при помощи поданнаго багра, мы кое-какъ выбрались на берегъ. Повернувшись къ бухтѣ, мы уже не видѣли «Чижова»; онъ скрылся за скалами и подавалъ намъ прощальные свистки. На берегу, около пристани, лежалъ огромный остовъ кита; жиръ съ него былъ уже снятъ, а остовъ, за неимѣніемъ въ Еретикахъ гуаннаго завода, долженъ былъ быть выбуксированъ изъ бухты въ океанъ, на добычу акуламъ и другимъ морскимъ хищникамъ. Воздухъ на берегу былъ чрезвычайно непріятный; разлагавшіяся внутренности кита и жиръ, пропитавшій почву, издавали не особенно пріятные запахи. Мнѣ показалось страннымъ, что бывшія со мной двѣ собаки (сетеръ и самоѣдка-новоземелка), только-что досыта накормленныя на пароходѣ, какъ только вышли на берегъ, съ жадностью начали облизывать вонючую китовую тушу, отъ которой съ трудомъ могли ихъ отогнать. Съ берега мы отправились въ домъ директора, предложившаго намъ сначала отдохнуть, а затѣмъ приступить къ подробному осмотру завода. Домъ директора расположенъ на одномъ изъ возвышенныхъ пунктовъ Еретикской бухты, выше остальныхъ заводскихъ построекъ. Въ немъ же помѣщается заводская контора и въ особомъ его отдѣленіи живутъ привилегированные служащіе-норвежцы: механики и салорѣзы. Проведя безъ сна предшествующую ночь, мы отказались отъ радушно предложенныхъ намъ угощеній и улеглись спать, съ тѣмъ, чтобы на другой день встать съ началомъ работъ на заводѣ и прослѣдить весь заводскій рабочій день. Несмотря на усталость, я довольно долго не могъ заснуть и почти до десяти часовъ вечера пробесѣдовалъ съ хозяиномъ. Въ началѣ пятаго часа утра я услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ разговоръ, а черезъ нѣсколько минутъ раздался звонокъ, призывавшій рабочихъ пить кофе. Я одѣлся и началъ будить своего спутника, но всѣ мои самыя энер-

гическія усилія оказались не въ состояніи прервать его богатырскій сонъ; оставивъ его высыпаться, я отправился къ Г. Ф. Гебелю; но въ домѣ его уже не было, пришлось искать его по заводу. За ночь погода снова измѣнилась къ худшему; тяжелыя свинцовыя тучи заволокли небо; моросилъ мелкій дождь и температура воздуха значительно понизилась, подъ вліяніемъ довольно свѣжаго сѣверо-восточнаго вѣтра. Вскорѣ я отыскалъ Г. Ф. въ кузницѣ, гдѣ въ его присутствіи выпрямляли согнувшіеся гарпуны. Мы возвратились въ домъ пить чай. По пути въ домъ директора, мы взошли на одну изъ скалъ, откуда открывается обширный видъ на океанъ и видны Рыбачій полуостровъ и Корабельная бухта. Въ океанѣ было значительное волненіе, невольно заставившее меня вспомнить о предстоявшемъ вскорѣ путешествіи въ Арскую губу на парусной шлюпкѣ. Одна надежда на избавленіе отъ этого неособенно пріятнаго плаванія была на заводскій китобойный пароходъ «Вельду», бывшій въ то время на промыслѣ. Г. Ф. обѣщалъ мнѣ, что если на слѣдующій день «Вельда» возвратится съ охоты, то онъ на ней доставитъ насъ въ Арскую губу. Съ пріятной надеждой на возвращеніе «Вельды» мы отправились пить чай. Спутникъ мой все еще спалъ и намъ вдвоемъ едва удалось его разбудить. Въ седьмомъ часу утра мы въ сопровожденіи Г. Ф. пошли осматривать заводъ. На заводѣ шла дѣятельная работа; въ ожиданіи новыхъ китовъ торопились вытопить жиръ прежней добычи. Внѣшность салотопеннаго завода представляетъ собою довольно оригинальное высокое деревянное строеніе съ высокими желѣзными трубами. Зданіе завода двухъэтажное, причемъ первый этажъ значительно выше второго. Входъ въ первый этажъ прямо съ земли; подниматься же во второй этажъ приходится по довольно крутой, деревянной лѣстницѣ, пропитанной, какъ всѣ деревянные предметы на заводѣ, китовымъ жиромъ. Внутри зданія помѣщаются паровые котлы, въ которыхъ и вытапливается китовый жиръ. Толщина стѣнокъ салотопенныхъ котловъ не превышаетъ $^1/_2$ дюйма, высота ихъ до 9 футъ и въ разрѣзѣ они имѣютъ до 4 футъ. Внутри котловъ проведены паровыя трубы. Котлы въ верхнихъ своихъ частяхъ имѣютъ закрывающіяся герметически отверстія. Салотопленіе производится въ продолженіи около полусутокъ. Верхнія части котловъ находятся почти на одномъ уровнѣ съ поломъ второго этажа. Процессъ салотопленія весьма несложенъ и заключается въ слѣдующемъ. Когда полосы жира, снятыя съ убитаго кита, поступаютъ на второй этажъ завода, то ихъ подводятъ подъ особую гильотину, которая дробитъ ихъ на мелкія части и въ такомъ уже видѣ сырое сало распредѣляется по котламъ. По наполненіи котловъ, въ нихъ пускается паръ и въ теченіе двухъ-трехъ часовъ держится въ нихъ подъ весьма слабымъ давленіемъ. Дѣлается это для того, чтобы сало нагрѣлось, и затѣмъ охладившіеся пары выпускаются

Губа-Ара (заводъ второго китобойнаго товарищества).

изъ котловъ черезъ особые краны. Послѣ этой операціи паръ снова впускается въ котлы и давленіе его тогда доходитъ до 55—60 фунтовъ. Когда сало окончательно растопится, то ему даютъ нѣсколько отстояться, а затѣмъ выпускаютъ его изъ котловъ въ особые, устроенные подъ котлами, чаны, въ которыхъ онъ остываетъ. Остатки послѣ перваго салотопленія снова подвергаются дѣйствію пара и также даютъ нѣкоторое количество жира, но уже второсортнаго. Остывшій въ чанахъ жиръ распредѣляется по боченкамъ (бо̀льшею частью керосиннымъ) и здѣсь же они закупориваются и штемпелюются заводскими марками. Волокна и другіе остатки отъ двукратнаго салотопленія на еретикскомъ заводѣ не эксплоатируются за неимѣніемъ гуаннаго завода, устройство котораго значительно дороже, нежели салотопеннаго. Китобойные заводы норвежскаго Финмаркена въ этомъ отношеніи находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ Норвегіи многіе китобои имѣютъ салотопенные заводы вмѣстѣ съ гуанными и, кромѣ того, тамъ существуютъ самостоятельные гуанные заводы, не имѣющіе собственныхъ китобойныхъ пароходовъ, а перерабатывающіе въ гуано покупаемые съ салотопенныхъ заводовъ всякаго рода отбросы, китовыя туши, кости китовъ, а также несмѣтное количество тресковыхъ головъ, обыкновенно отдѣляемыхъ промышленниками отъ уловленной трески. Часть тресковыхъ головъ, перерабатываемыхъ на гуанныхъ заводахъ Финмаркена, идетъ туда и изъ западныхъ становищъ нашего Мурманскаго берега и составляетъ одну изъ доходныхъ статей нашихъ промышленниковъ. Тресковыя головы доставляются въ Норвегію или самими промышленниками, или же пріобрѣтаются норвежскими судами, спеціально приходящими за этимъ въ мурманскія становища. Въ Финмаркенѣ, послѣ извѣстныхъ заводовъ знаменитаго китобоя Свенда Фойна, крупнѣйшій гуанный заводъ принадлежитъ Гольмбоа и находится въ Вардё. На ряду съ салотопенными и гуанными заводами въ Норвегіи имѣются китобойные пароходы, собственники которыхъ не владѣютъ ни тѣми, ни другими заводами, а находятся съ заводчиками въ соглашеніи, по которому добычу своихъ пароходовъ доставляютъ на тотъ или другой заводъ. Этотъ промыселъ очень выгодный, такъ какъ не требуетъ отъ владѣльцевъ этихъ пароходовъ большихъ затратъ на устройство заводовъ и расходовъ на эксплоатацію. Вообще слѣдуетъ сказать, что китобойный промыселъ у нашихъ сосѣдей норвежцевъ во всѣхъ отношеніяхъ обставленъ несравненно лучшими условіями, нежели у насъ. Китобойное дѣло въ Россіи — дѣло совершенно новое. Хотя на нашемъ Сѣверѣ китобойный промыселъ когда-то существовалъ и даже процвѣталъ, при самой дѣятельной поддержкѣ правительства, дававшаго тогдашнимъ именитымъ китобоямъ не только щедрыя субсидіи и казенныя суда, но и лучшихъ людей изъ, нынѣ окончившаго свое су-

ществованіе, военнаго Бѣломорскаго флота. Но это цвѣтущее состояніе китобойнаго и другихъ сѣверныхъ промысловъ вмѣстѣ съ утраченнымъ, вѣроятно, навсегда завиднымъ благосостояніемъ всего нашего Сѣвера, въ настоящее время сдѣлалось достояніемъ исторіи и забыты современными сѣверянами. При томъ же и техника китобойнаго дѣла за это время сдѣлала огромные шаги впередъ и своимъ развитіемъ почти всецѣло обязана усердію нашихъ сѣверныхъ сосѣдей-норвежцевъ, ни минуты не дремавшихъ, во время нашей спячки, надъ улучшеніемъ способовъ эксплоатаціи общаго съ нами источника—водныхъ богатствъ Ледовитаго океана. Съ возобновленіемъ китобойнаго промысла на Мурманскомъ берегу, намъ за всѣми мелочами приходится обращаться за границу, теряя при этомъ огромныя деньги на курсѣ. Традиціонные китобойные вельботы съ отчаянными гарпунщиками, въ настоящее время сохранились въ водахъ Гренландіи, Шпицбергена и Сѣверной Америки, въ европейскихъ же водахъ Ледовитаго океана на смѣну имъ явились спеціальные пароходы, вооруженные пушками, выбрасывающими гарпунъ, снабженный разрывной гранатой. Кромѣ того, устройство заводовъ и управленіе ими требуютъ спеціальныхъ знаній и опыта, которыхъ у насъ нѣтъ и быть не могло. Иниціатива возрожденія китобойнаго промысла въ водахъ нашего Сѣвера принадлежитъ бывшему архангельскому губернатору Н. М. Баранову и возникла въ 1881 году. Первоначальнымъ предположеніямъ широкой постановки этого дѣла не удалось осуществиться и частное товарищество начало предпріятіе на собственный рискъ и въ довольно скромныхъ размѣрахъ. Такъ, было приступлено къ постройкѣ лишь салотопеннаго завода и въ Норвегіи заказанъ только одинъ китобойный пароходъ. Для постройки завода и другихъ зданій у себя дома, въ Архангельскѣ, нашлись только лѣсъ и кирпичъ; всѣ же остальныя части и при томъ самыя цѣнныя, какъ-то: паровыя машины, механизмы и массу другихъ спеціальныхъ приспособленій пришлось заказывать за границей и платить большія деньги за ихъ доставку на мѣсто постройки, на дикомъ Мурманскомъ берегу, почти не посѣщаемомъ иностранными судами, исключая норвежскихъ промышленниковъ и китобоевъ. Только существующее на Мурманскомъ берегу porto-franco спасало предпринимателей отъ еще бо́льшихъ расходовъ на уплату пошлинъ за привозимыя изъ-за границы машины и другія принадлежности сложнаго китобойнаго промысла. Кромѣ заказовъ за границей парохода и механизмовъ, приходилось, и по настоящее время приходится, туда же обращаться и за людьми, спеціально подготовленными къ китобойному дѣлу. Приглашеніе этихъ спеціалистовъ дорого обходится русскимъ китобоямъ. Норвежцы, идущіе на службу на русскій китобойный заводъ, во-первыхъ, требуютъ увеличеннаго, противъ сотоварищей на норвежскихъ заво-

дахъ, содержанія; затѣмъ продовольствіе норвежцевъ на Мурманскомъ берегу обходится заводу почти вдвое дороже, противъ содержанія мѣстныхъ русскихъ служащихъ. Но что̀ тягостнѣе всего для заводской администраціи, такъ это доставка на ея счетъ норвежцевъ-спеціалистовъ изъ Норвегіи на Мурманъ и, по окончаніи промысловаго сезона,—обратно. Кромѣ того, всякое недоразумѣніе заводской администраціи съ служащимъ норвежцемъ вызываетъ чуть ли не дипломатическую переписку. При такой обстановкѣ началось русское китобойное дѣло на Мурманскомъ берегу. Съ тѣхъ поръ прошло почти шесть лѣтъ и за все это время я не переставалъ слѣдить за успѣхами нашего китобойнаго премысла въ Ледовитомъ океанѣ и, къ глубокому сожалѣнію, долженъ сознаться, что это дѣло, долженствовавшее, по идеѣ иниціаторовъ, оживить русскій Сѣверъ, въ настоящее время быстро идетъ къ упадку и весьма близко къ полной его ликвидаціи. Не дальше, какъ въ прошломъ 1887 году китобойный заводъ второго товарищества прекратилъ свои дѣйствія, а первое товарищество, пригласившее въ руководители нѣкоего гамбургца, едва-едва сводитъ концы съ концами и, кажется, было бы не прочь передать свое дѣло въ другія руки. Но русскіе капиталисты проучены опытомъ, хотя и кратковременнаго, существованія отечественнаго китоловства, едва ли ли согласятся принять его въ свои руки и, такимъ образомъ, китобойный промыселъ въ водахъ Ледовитаго океана, омывающихъ наше сѣверное побережье, въ близкомъ будущемъ покончитъ свое существованіе, впредь до наступленія, для нашего Сѣвера, лучшихъ обстоятельствъ и, притомъ, если предпріимчивые норвежцы къ тому времени окончательно не отучатъ китовъ посѣщать наши воды. Извиняясь передъ читателями за это невольное отступленіе отъ описанія еретикскаго завода, продолжаю его. Во второмъ этажѣ заводскаго зданія, съ сѣверной его стороны, находится довольно большая платформа, на которой укрѣплена лебедка. Отъ платформы идетъ къ берегу пологій деревянный спускъ, доходящій до воды, во время полнаго прилива. Когда убитаго кита подводятъ, во время прилива, къ берегу, салорѣзы тотчасъ же начинаютъ свою работу. При помощи лѣстницы они взбираются на бездыханнаго гиганта и особыми ножами, насаженными на длинныя рукоятки, надрѣзываютъ сало, начиная отъ хвоста и до самой головы кита. Чтобы не скользить и не свалиться внизъ, салорѣзы къ своимъ сапогамъ подвязываютъ особаго рода подковы съ острыми зубцами. По окончаніи надрѣзки полосы сала во всю длину кита, съ завода подается цѣпь, конечный крюкъ которой захватываетъ полосу сала у хвоста кита. Лебедка начинаетъ работать, сало отдирается отъ мяса, причемъ подручный салорѣзовъ слѣдитъ за всей этой операціей и, въ случаѣ задержки, или опасаясь обрыва полосы, дорѣзываетъ неотдѣлившееся отъ мяса сало.

Длинная полоса сала поднимается по спуску наверхъ и тамъ, помощью особыхъ приспособленій, подводится подъ гильотину, а затѣмъ, какъ я уже сказалъ выше, поступаетъ въ котлы. Сниманіе сала съ кита производится, обыкновенно, въ два пріема; въ первый приливъ, по его прибытіи, сало снимается съ одного бока, а въ слѣдующій—кита переворачиваютъ, при момощи лебедокъ, на другой бокъ и производится та же опорація. Выслушавъ подробныя объясненія Г. Ф. Гебеля о переработкѣ китоваго сала, мы оставили заводъ и отправились осматривать другія заводскія зданія. Прежде всего осмотрѣли казарму рабочихъ. Въ ней двѣ половины: русская и норвежская. Относительно первой, хотя и можно сказать, что «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ», но все-таки здѣсь «русскій духъ» значительно слабѣе, чѣмъ во всѣхъ нашихъ россійскихъ избахъ и содержится она довольно опрятно. Что же касается помѣщенія норвежцевъ, то объ немъ и говорить нечего: всюду чистота и полный порядокъ. Затѣмъ осмотрѣли кузницу и амбаръ, въ которомъ хранятся всѣ запасы заводской провизіи. Не смотря на довольно сильный дождь, мы, по собственному желанію, отправились бродить по окрестностямъ завода и Г. Ф. Гебель съ охотой взялся насъ сопровождать. Захвативъ съ собой ружья и собакъ, мы на шлюпкѣ переправились на противоположную сторону бухты, въ надеждѣ истратить хотя одинъ зарядъ на волка или лисицу, въ изобиліи водящихся въ мурманскихъ скалахъ и привлекаемыхъ къ берегу рѣзкимъ запахомъ выбрасываемыхъ туда китовыхъ тушъ. Съ трудомъ мы взобрались на обрывистыя скалы и почти часъ безполезно бродили по нимъ, ожидая, что наши собаки выслѣдятъ какого-нибудь звѣря. Собаки, дѣйствительно, метались изъ стороны въ сторону, чуя присутствіе здѣсь хищниковъ, но слѣды послѣднихъ терялись или въ глубокихъ щеляхъ скалъ, или же на такихъ крутыхъ подъемахъ, лѣзть по которымъ отказывались даже цѣпкія ноги моей самоѣдки. Не предвидя удачной охоты, мы спустились, или, вѣрнѣе, скатились по мокрымъ скаламъ внизъ и на ожидавшей насъ шлюпкѣ отправились въ глубь бухты, гдѣ расположена промысловая факторія. Вблизи факторіи стояли на якорѣ двѣ поморскія шхуны, принимавшія треску отъ мѣстныхъ промышленниковъ. На факторіи, вѣроятно, по случаю выгодной покупки рыбы, шелъ пиръ горой. Поморы встрѣтили насъ чрезвычайно радушно и тотчасъ же по нашемъ прибытіи, рѣкой полилось гамбургское шампанское, на которое, благодаря мурманскому porto-franco, фактористы не скупятся для гостей. Но долго оставаться у гостепріимныхъ поморовъ намъ не приходилось, такъ какъ на заводѣ насъ ждалъ обѣдъ и такъ уже довольно отсроченный противъ заведеннаго порядка.

Въ пятомъ часу пополудни мы возвратились на заводъ, измокшіе и голодные, не смотря на поморское угощеніе, состоявшее,

впрочемъ, главнымъ образомъ, въ приторно-сладкой гамбургской шипучкѣ, во многомъ уступающей нашему донскому или ланинскому шампанскому. Когда мы подходили къ заводской пристани, съ моря входилъ въ бухту листерботъ (большая палубная промысловая лодка, употребляемая большею частью норвежцами и финляндскими колонистами на Мурманскомъ берегу) и вслѣдъ за нами присталъ къ берегу. На листерботѣ прибыли колонисты изъ Арской губы и сообщили, что «Чижовъ» выгрузки еще не окончилъ и что часть выгруженнаго лѣса, сложенная въ плоты, вѣтромъ разбита и лѣсъ разбросанъ по губѣ. Съ берега мы еще разъ зашли на заводъ, на которомъ работы не прекращались. Странное впечатлѣніе производитъ на наблюдателя вся обстановка мурманской заводской жизни, совсѣмъ негармонирующей съ окружающей дикой природой и невольно заставляющей забыть, что находишься на самомъ краю европейскаго материка. Съ одной стороны дымящіяся заводскія трубы, шумъ паровыхъ машинъ, суета рабочихъ, а съ другой—угрюмый, безлюдный берегъ безбрежнаго океана и вокругъ таинственная тишина суровой полярной природы, только лѣтомъ нѣсколько оживающей.

Окончивъ осмотръ завода и его окрестностей, мы возвратились въ домъ директора, гдѣ насъ уже ожидалъ обѣдъ. Кромѣ хозяина и насъ—гостей, за обѣденнымъ столомъ, по обыкновенію, заняли мѣста норвежецъ Фридрихсенъ и второй помощникъ директора—поморъ Филипповъ. Эти лица и капитанъ китобойнаго парохода, когда послѣдній стоитъ въ бухтѣ, пользуются продовольствіемъ одинаковымъ съ директоромъ; остальные же служащіе ѣдятъ отдѣльно, при чемъ норвежцы имѣютъ свою кухню съ особымъ кокомъ-норвежцемъ; стряпнею же въ русской кухнѣ занимается поморка, жена одного изъ служащихъ на заводѣ. Предложенный намъ обѣдъ былъ приготовленъ очень вкусно и возможно разнообразно; точно также и напитки, благодаря мурманскому porto-franco, были высокаго качества, но, какъ я узналъ, не отличались дороговизной, подобно архангельскимъ, проходящимъ черезъ руки таможни. Не говоря уже о столѣ заводской администраціи, вообще пища всѣхъ служащихъ на заводѣ обильна и вкусна и едва ли подобное продовольствіе найдется на любомъ заводѣ во внутренней Россіи. Въ обыкновенное рабочее время въ четыре часа утра всѣмъ дается кофе съ норвежскими сухарями и масломъ; въ восемь часовъ утра—завтракъ; въ полдень—обѣдъ; въ четыре часа—вторично кофе и въ восемь часовъ вечера—ужинъ. Этотъ строго установленный порядокъ нарушается только во время экстренныхъ работъ на заводѣ, когда сразу скопляется нѣсколько убитыхъ китовъ, или же происходитъ спѣшная отправка продуктовъ. Время ѣды возвѣщается колоколомъ, повѣшеннымъ у входа въ домъ директора. Наша застольная бесѣда сосредоточивалась, понятно, на одномъ

предметѣ—китѣ, добываемыхъ изъ него продуктахъ и ихъ обработкѣ. Г. Ф. Гебель, всей душой преданный своему дѣлу, съ увлеченіемъ передавалъ намъ подробности промысла и эпизоды изъ его китобойной практики. Въ пріятной бесѣдѣ многоблюдный обѣдъ прошелъ очень скоро; между тѣмъ погода портилась все больше и больше и мы теряли надежду на возвращеніе «Вельды» въ этотъ день. Послѣ обѣда подали пуншъ и въ уютной столовой или, какъ ее назвали, заводской каютъ-компаніи, появился неизбѣжный на Сѣверѣ (да только ли на Сѣверѣ?) послѣобѣденный зеленый столъ и карты временно смѣнили разговоры о китахъ. Но не смотря на пріятное времяпрепровожденіе, въ моихъ мысляхъ было лишь одно желаніе—чтобы «Вельда» къ утру возвратилась въ Еретики и тѣмъ избавила бы меня и моего спутника отъ неособенно пріятнаго плаванія по океану, отъ Еретиковъ до Ары, въ ёлѣ (промысловая лодка); это желаніе еще болѣе усиливалось въ виду наступавшей бурной погоды и въ виду раньше испытанныхъ мною удовольствій отъ подобныхъ путешествій по океану на шлюпкахъ. Около полуночи въ комнату вошелъ поморъ и доложилъ директору, что со стороны Кильдина показался пароходъ, похожій на «Вельду» [1]). Карты были оставлены и мы, вооружившись биноклями, отправились на самый высокій пунктъ факторіи, откуда открывался широкій видъ на океанъ. Г. Ф. Гебель, взглянувъ въ бинокль на приближавшійся пароходъ, сразу призналъ въ немъ «Вельду»; но шла ли она съ добычей, или нѣтъ—разсмотрѣть пока было нельзя. Пріятное ожиданіе отогнало отъ насъ всякія мысли о снѣ и мы терпѣливо наблюдали за пароходомъ, довольно быстро приближавшимся къ берегу. Вскорѣ мы замѣтили сбоку парохода темную полосу, въ полунощномъ туманѣ, весьма слабо отдѣлявшуюся отъ волнъ, которыя иногда скрывали отъ глазъ самый корпусъ «Вельды». Эта темная полоса была ничто иное, какъ убитый китъ. Какъ только радостная вѣсть о добычѣ «Вельды» разнеслась по заводу, все его населеніе было уже на ногахъ. Оживленіе завода при видѣ возвращающагося съ китомъ парохода напоминаетъ собой авралъ на военномъ суднѣ. Точно по командѣ «всѣ на верхъ» высыпаетъ изъ своихъ казармъ все заводское населеніе при первой вѣсти объ убитомъ китѣ. Такъ было и теперь, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ распоряженія директора всѣ служащіе уже были на своихъ мѣстахъ, готовясь къ пріему желаннаго гостя. Черезъ полчаса «Вельда» входила въ Еретикскую бухту, буксируя сбоку огромнаго убитаго кита. Отдавъ якорь, какъ-разъ противъ завода, капитанъ «Вельды» Вязьминъ тотчасъ же съѣхалъ на берегъ и вкратцѣ до-

---

[1]) Большинство норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ выстроены по одному типу, благодаря чему бываетъ весьма трудно различать ихъ другъ отъ друга. «Вельда» также не отличается своимъ видомъ отъ норвежскихъ собратовъ.

ложилъ директору подробности своего трехдневнаго промысла. Время прилива еще не наступало, когда можно было начать вытягиваніе кита на берегъ, между тѣмъ пошелъ дождь и г. Гебель предложилъ намъ ѣхать на «Вельду» и тамъ ожидать отлива. Капитанъ любезно поддержалъ предложеніе директора и мы, скользя и съ трудомъ балансируя по пропитанной китовымъ жиромъ сходнѣ, спустились въ шлюпку, которая и доставила насъ на «Вельду». Чтобы взойти на ея палубу, не пришлось высоко подниматься, такъ какъ фальшборта на «Вельдѣ» нѣтъ, а возвышается она надъ водой немного болѣе шлюпки, на которой мы къ ней подошли. Сбоку «Вельды» колыхалась огромная масса убитаго кита. Какъ только мы взошли на палубу, матросы освободили голову и хвостъ кита отъ цѣпей, которыми его «Вельда» буксировала. Китъ отдѣлился отъ парохода и медленно началъ приближаться къ берегу, притягиваемый нѣсколькими лебедками, установленными близъ завода.

На палубѣ «Вельды» насъ встрѣтили стрѣлокъ-норвежецъ Боргё, старшій механикъ Лимбау и остальная немногочисленная команда парохода. На ихъ лицахъ нельзя было не замѣтить выраженія удовольствія, вызваннаго, вѣроятно, пріятной перспективой процентнаго вознагражденія за убитаго кита. Процентное вознагражденіе, выдаваемое всему экипажу «Вельды», установлено здѣсь по примѣру большинства норвежскихъ китобойныхъ предпріятій, для бóльшаго поощренія команды къ усиленной работѣ во время охоты за китами. Вознагражденіе выдается сверхъ опредѣленнаго жалованья и распредѣляется между экипажемъ, соотвѣтственно труду каждаго изъ его членовъ. Наибольшій процентъ приходится на долю стрѣлка, отъ усердія и ловкости котораго, главнымъ образомъ, зависитъ успѣхъ промысла, а слѣдовательно и доходность всего предпріятія. Внѣшній видъ «Вельды» сразу произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе своею опрятностью и даже нѣкоторой щеголеватостью, напоминающими наши военныя суда, несмотря на то, что «Вельда» провела на охотѣ трое сутокъ и ея командѣ едва ли оставалось много времени на мытье и чистку палубы. Вся мѣдь была вычищена, рангоутъ, хотя и несложный, выпрямленъ; канаты и концы бѣгучаго такелажа сложены въ правильныя бухты; однимъ словомъ, во всемъ были видны распорядительность и твердая рука капитана, и отчасти, прирожденная норвежцамъ, любовь къ чистотѣ и порядку. Мы начали подробный осмотръ парохода. Въ свое время я не записалъ, а теперь позабылъ, точныя размѣренія «Вельды», но они, приблизительно, слѣдующія: длина—75—80 футъ, ширина до 12 футъ и углубленіе около 8 футъ. Наружность парохода довольно красива и стройна; носъ прямой, бугшприта не имѣетъ; корма оканчивается небольшимъ закругленіемъ. Мачтъ на «Вельдѣ» двѣ и обѣ вооружены гафелями; мачты нѣсколько на-

Типы поморовъ.

клонены къ кормѣ и между ними, въ томъ же направленіи, возвышается дымовая труба. Бортовъ «Вельда» не имѣетъ, а ихъ замѣняютъ металлическіе поручни, окружающіе всю верхнюю палубу. Для защиты палубы отъ волнъ, къ поручнямъ прикрѣпляется продольная парусинная палатка; но это средство дѣйствительно только во время небольшого волненія, при болѣе же сильномъ волненіи парусинная защита не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ тогда волны свободно гуляютъ по палубѣ; при томъ же, при противномъ или боковомъ вѣтрѣ, парусина въ значительной степени замедляетъ ходъ или сильно увеличиваетъ дрейфъ. Высоко надъ палубой возвышается капитанскій мостикъ, на которомъ помѣщаются компасъ, штурвалъ и телеграфъ въ машину. Весь мостикъ по бокамъ обтянутъ непромокаемою матеріей, представляющей для капитана и рулевого надежную защиту отъ вкатывающихся волнъ; къ тому же этотъ парусинный фальшбортъ возвышается надъ мостикомъ почти на два аршина. Люки верхней палубы закрываются весьма плотно, такъ что вода, попадающая на палубу съ носа или съ боковъ, не проникаетъ во внутреннія помѣщенія. На носу парохода, на особой платформѣ, укрѣплена пушка, составляющая, послѣ машины, существеннѣйшую принадлежность китобойнаго парохода, а потому я опишу ее подробно. Длина китобойной пушки нѣсколько превышаетъ метръ; стволъ гладкій; діаметръ дула около 3-хъ дюймовъ. Орудіе укрѣплено на особомъ стержнѣ и вращается на немъ настолько легко и свободно, что имъ, безъ всякихъ усилій, управляетъ одинъ человѣкъ-стрѣлокъ и при томъ только одною рукой, такъ какъ другая остается свободной, для производства выстрѣла, въ каждый данный моментъ преслѣдованія кита. Орудіе заряжается съ дула; сначала въ него вкладывается зарядъ, а затѣмъ особый гарпунъ съ прикрѣпленнымъ къ нему разрывнымъ снарядомъ. При заряжаніи, пушка обращается дуломъ къ палубѣ, а все остальное время она остается обращенной дуломъ впередъ, выдаваясь передъ носомъ парохода почти на половину своей длины. Смертоносный гарпунъ приготовляется изъ лучшаго желѣза и имѣетъ посрединѣ разрѣзъ, по которому свободно передвигается желѣзное кольцо, съ прикрѣпленнымъ къ нему толстымъ пеньковымъ канатомъ. Гарпунъ въ переднемъ своемъ концѣ имѣетъ лапы и на него насаживается граната. Канатъ, прикрѣпленный къ гарпуну, имѣетъ около пяти дюймовъ въ діаметрѣ, а длина его достигаетъ 250 саженей. Когда пушка заряжена, то около нея, на особой платформѣ, укладывается въ бухту до 50 саженей каната, а вся остальная его часть находится въ спеціальномъ трюмѣ. Прежде чѣмъ продолжать дальнѣйшее описаніе «Вельды», изложу здѣсь самый процессъ охоты за китами, насколько мнѣ удалось познакомиться съ нимъ изъ подробныхъ разсказовъ Г. Ф. Гебеля и ближайшихъ его сотрудниковъ. До выхода на промыселъ, паро-

ходъ и всѣ его спеціальныя принадлежности тщательно осматриваются и затѣмъ уже пароходъ выпускается въ море. Для охоты выбирается, понятно, ясная и, по возможности, тихая погода, такъ какъ въ противномъ случаѣ бываетъ невозможно выслѣдить кита, а стрѣлять на волненіи — значитъ дѣлать умышленные промахи. За появленіемъ въ морѣ кита зорко слѣдятъ не только капитанъ и стрѣлокъ, но и остальной экипажъ, свободный отъ работъ внутри парохода. Встрѣтивъ стадо китовъ, стрѣлокъ, обыкновенно, намѣчаетъ одного изъ нихъ и начинаетъ его преслѣдовать. Съ началомъ выслѣживанія кита, управленіе пароходомъ переходитъ отъ капитана къ стрѣлку, въ распоряженіи котораго находится, устроенная около пушки сигнальная труба въ машину. Въ большинствѣ случаевъ, преслѣдуемые китобоями киты, движутся въ одномъ направленіи, что въ значительной степени облегчаетъ преслѣдованіе парохода. Но случается, что киты порывисто и часто измѣняютъ курсъ и тогда преслѣдователямъ приходится совершать, вслѣдъ за китомъ, невольныя эволюціи. Киты, еще ненапуганные выстрѣлами, довольно близко подпускаютъ къ себѣ пароходы и дѣлаются жертвами мѣткихъ стрѣлковъ. Для вдыханія воздуха и выпусканія проглатываемой воды, киты появляются на поверхности океана черезъ промежутки въ 8—12 минутъ. На поверхности воды киты остаются очень недолго и этими моментами пользуются китобои. Сосредоточное вниманіе команды китобойнаго парохода достигаетъ высшаго напряженія, когда китъ показывается на разстояніи орудійнаго выстрѣла и твердая рука, превратившагося въ одно зрѣніе стрѣлка, спускаетъ курокъ орудія. Результатъ выстрѣла сразу опредѣлить невозможно; послѣ выстрѣла, китъ почти моментально скрывается подъ водой, а канатъ, увлекаемый выстрѣленнымъ изъ орудія гарпуномъ, въ первые моменты вытравливается одинаково быстро, какъ при промахѣ, такъ и попаданіи гарпуна въ кита. Но эта неизвѣстность выясняется очень скоро; при удачномъ выстрѣлѣ канатъ продолжаетъ съ быстротой погружаться въ воду и направленіе его мѣняется сообразно движеніямъ кита. Когда же гарпунъ не попадаетъ въ цѣль, то вытравивъ 30—40 саженей каната, теряетъ силу, что тотчасъ же замѣчается на пароходѣ, и канатъ, помощью лебедки, выбирается обратно. Въ послѣднемъ случаѣ стрѣлокъ и вся команда хоромъ посылаютъ въ догонку кита крѣпчайшія скандинавскія ругательства, которыя, во всякомъ случаѣ и для русскаго уха, звучатъ мягче, чѣмъ наши отечественныя простонародныя, невинныя любезности. Стрѣлокъ, обыкновенно, старается направить орудіе въ кита такъ, чтобы гарпунъ попалъ около плавниковъ. Когда гарпунъ входитъ въ тѣло кита, граната разрывается и лапы его расходятся и не позволяютъ гарпуну вырваться обратно. Иногда смерть кита слѣдуетъ моментально и китъ тотчасъ же идетъ ко дну, но поддерживается гарпуномъ на глу-

бинѣ, соотвѣтствующей длинѣ вытравленнаго каната. Весьма часто случается, что удачно попавшій въ кита гарпунъ, не убиваетъ его на мѣстѣ, а только ранитъ. Въ этихъ случаяхъ охота крайне осложняется и китобоямъ приходится возиться съ раненымъ китомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Китъ съ гарпуномъ въ тѣлѣ мечется изъ стороны въ сторону и съ необыкновенной быстротой буксируетъ пароходъ. Однажды, былъ случай, когда раненный китъ водилъ за собой пароходъ въ теченіе 33 часовъ, пройдя за это время, въ разныхъ направленіяхъ, количество миль едва ли не въ 10 разъ большее, чѣмъ могъ бы сдѣлать пароходъ, работая одною собственною машиною. Раненый, но не сорвавшійся съ гарпуна китъ, бываетъ опасенъ для парохода только тогда, когда онъ быстро погружается въ воду и тамъ уже поворачиваетъ въ сторону противоположную курсу парохода. Это движеніе, если не будетъ во время замѣчено китобоями, весьма легко можетъ имѣть гибельныя для парохода послѣдствія. Во избѣжаніе катастрофы, за вытравливаемымъ канатомъ внимательно слѣдятъ одинъ или два матроса, вооруженные топорами. Какъ только замѣтятъ, что канатъ быстро направляется подъ киль парохода, то его тотчасъ же рубятъ. Случаи потери каната встрѣчаются въ китобойной практикѣ, но не разу не было гибели парохода, опрокинутаго китомъ. Вообще современный способъ промысла на пароходахъ представляетъ для китобоевъ несравненно большую гарантію безопасности, нежели охота за китами на весельныхъ вельботахъ. Точно также чрезвычайно рѣдко случаются и несчастія отъ преждевременнаго разрыва гранаты при выходѣ ея изъ орудія, или же въ въ его дулѣ. Кажется, что за все время существованія китобойныхъ пароходовъ съ спеціальными пушками, подобный случай только одинъ разъ имѣлъ мѣсто на пароходѣ, принадлежащемъ Фойну или Сернсену, когда преждевременно разорвавшаяся граната осколкомъ ранила стрѣлка. Смерть раненаго кита сейчасъ же замѣчается по ослабленію каната и дальнѣйшее вытравленіе послѣдняго застопоривается и помощью особыхъ лебедокъ китъ поднимается на поверхность воды. Если поднятый китъ только тяжело раненъ и обнаруживаетъ хотя слабые признаки жизни, то его тутъ же окончательно добиваютъ гарпунами. На поверхности воды китъ удерживается цѣпями, прикрѣпленными къ мачтамъ. Въ тихую погоду буксировка кита къ заводу не представляетъ никакихъ затрудненій; но совершенно иное дѣло, когда китобои, увлекаясь погоней, заходятъ далеко въ море и на обратномъ пути встрѣчаютъ свѣжую погоду. Въ этихъ случаяхъ сосѣдство, хотя и убитаго, кита для парохода бываетъ крайне опасно и случается, что китобои бываютъ вынуждены столь цѣнную добычу оставлять въ океанѣ на произволъ судьбы. Бурныя погоды препятствуютъ буксировкѣ китовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда охотятся за ними,

Охота за китомъ.

хотя и у береговъ, но вдали отъ завода, пароходы по долгу отстаиваются въ закрытыхъ бухтахъ. Мертвые киты, оставляемые пароходами въ океанѣ, обыкновенно, выбрасываются, черезъ нѣсколько времени, гдѣ-нибудь на мурманскомъ побережьѣ и поступаютъ въ собственность находящихъ ихъ промышленниковъ. По разсказамъ китобоевъ, на берегу находятъ иногда не только китовъ, выброшенныхъ мертвыми, то и такихъ, которые уже на берегу кончаютъ свое существованіе.

Живые киты попадаютъ на берегъ, большею частью, въ «пору любви», когда они, подобно падающимъ съ крышъ влюбленнымъ котамъ, обезумѣвъ отъ страсти, теряютъ способность отличать берега и отмели отъ пучины океана и плывутъ очертя голову. Мнѣ случалось встрѣчать въ океанѣ китовъ въ это счастливое для нихъ время. Картина въ высшей степени интересная; киты то и дѣло появляются на поверхности воды и отчаянными розмахами хвостовъ поднимаютъ цѣлую бурю. Въ это время киты бываютъ особенно опасны для небольшихъ промысловыхъ судовъ (ёлъ, шнякъ), на которыхъ поморы ловятъ въ океанѣ треску и весьма вѣроятно, что пропадающіе безъ вѣсти промышленники, часто погибаютъ отъ китовъ, опрокидывающихъ ихъ лодки. Кольскій исправникъ разсказывалъ мнѣ, что однажды онъ едва избѣгъ гибели отъ кита, плывшаго прямо на шняку, на которой исправникъ переходилъ изъ одного становища въ другое. Команда шняки начала усиленно колотить веслами по водѣ и только тогда китъ, испугавшись шума, погрузился въ воду.

Перехожу къ дальнѣйшему описанію «Вельды». Носовое помѣщеніе парохода занято командой; хотя оно и не особенно просторно, но содержится довольно опрятно; здѣсь же устроена и пароходная кухня (камбузъ). За помѣщеніемъ команды слѣдуетъ тросовый трюмъ, въ которомъ хранится канатъ, затѣмъ машинное отдѣленіе и угольные ящики, а въ кормовой части устроена небольшая каюта для капитана и при ней крошечный буфетъ. Въ капитанской каютѣ двѣ койки и между ними небольшой диванъ. При осмотрѣ парохода нельзя было необратить вниманія на необыкновенную чистоту, въ которой содержится машина. На «Вельдѣ» вмѣстѣ съ капитаномъ плавала и его молодая жена, любезно угощавшая насъ чаемъ. Не смотря на радушное гостепріимство Г. Ф. Гебеля, оставаться дальше въ Еретикахъ для меня было опасно, въ виду возможнаго отплытія. «Чижова» изъ Арской губы, и я напомнилъ Г. Ф. о необходимости поспѣшить въ Ару. Г. Ф. приказалъ поднять на «Вельдѣ» пары, а мы съѣхали на берегъ посмотрѣть на операцію снятія съ кита сала. Къ этому времени китъ уже былъ на берегу и салорѣзы дѣлали свое дѣло. Длинныя полосы, довольно скоро одна за другой, отдѣлялись отъ туши и поступали на заводъ. Мы еще разъ поднялись на второй

этажъ заводскаго зданія, гдѣ гильотина дробила полосы сала. На берегу мы оставались около часа, а затѣмъ возвратились на «Вельду», уже совершенно готовую къ выходу въ море. Черезъ полчаса мы были уже въ океанѣ и испытывали порядочную качку. На волненіи «Вельда» держится превосходно. Въ томъ же 1883 году, поздней осенью, мнѣ пришлось на «Вельдѣ» совершить трудное и продолжительное плаваніе отъ Мурманскаго берега, вокругъ всей Норвегіи, до Христіаніи, и въ то время я могъ убѣдиться въ необыкновенныхъ морскихъ качествахъ этого крошечнаго парохода, прочности его корпуса и машины. 6-го октября, слѣдуя изъ Тромсэ въ Дронтгеймъ, «Вельдѣ» пришлось выдержать ураганъ. Для проводки «Вельды» изъ Еретиковъ до Бергена, оттуда былъ выписанъ лоцманъ Андресенъ, бывшій раньше коронныжъ лоцманомъ, но впослѣдствіи лишенный права водить почтовые пароходы. Андерсенъ считался однимъ изъ лучшихъ норвежскихъ лоцмановъ, но благодаря своей удали и безшабашности нерѣдко подвергалъ опасности водимыя имъ суда, что и вызвало отнятіе отъ него права вожденія почтовыхъ пароходовъ. Мы шли шхерами; вѣтеръ положительно ревѣлъ; въ узкихъ мѣстахъ шхеръ сила вѣтра доходила до такой степени, что на палубѣ невозможно было устоять на ногахъ, не придерживаясь обѣими руками за мачту или за поручни. Барометръ быстро опускался и предвѣщалъ ураганъ. Въ одномъ мѣстѣ шхеры кончались и «Вельдѣ» предстояло пройти миль десять открытымъ океаномъ. Послѣ долгихъ колебаній, идти ли дальше или отстаиваться въ шхерахъ, Андерсенъ настоялъ на первомъ и мы вышли изъ шхеръ. Не прошло и получаса, какъ ураганъ разразился съ полной силой и засталъ «Вельду» въ открытомъ океанѣ. Укрыться было негдѣ и оставалось, поручивъ себя Промыслу, продолжать путь. Пережитыя нами минуты неподдаются описанію. Каждая гигантская волна угрожала опрокинуть несчастную «Вельду» и погребсти насъ въ пучинѣ океана. Нѣкоторые, даже старые, матросы плакали. Капитанъ «Вельды» Фридрихсенъ [1]) безтолково суетился и, видимо, окончательно потерялъ голову. При приближеніи водяной горы, онъ дѣлалъ руками какіе-то жесты и творилъ не то заклинанія, не то молитвы, нисколько, однако, не унимавшія разбушевавшуюся стихію. Въ продолженіе болѣе получаса, мы ежеминутно ожидали гибели и если ее и избѣгли, то, главнымъ образомъ, благодаря крѣпости «Вельды», съ честью выдержавшей ураганъ, жертвами котораго тогда сдѣлались многія суда, гораздо болѣе крупныхъ

[1]) Норвежецъ Фридрихсенъ считался первымъ помощникомъ директора и имѣлъ званіе шкипера дальняго плаванія. Морскія познанія его были настолько ограничены, что не находись на «Вельдѣ» въ качествѣ пассажира, русскій капитанъ г. Нейманъ, мы бы подверглись Богъ вѣсть какимъ случайностямъ.

панію «Чижова». На палубѣ было такъ же пустынно, какъ и въ океанѣ; на капитанскомъ мостикѣ самъ капитанъ или вахтенный штурманъ и рулевой, да на бакѣ дремлющій дежурный матросъ и только по временамъ, подобно тюленямъ, выглядывавшимъ изъ воды, изъ машиннаго люка показывалась черномазая физіономія кочегара, изнемогавшаго въ тропической температурѣ машиннаго отдѣленія. Передъ вечеромъ въ океанѣ начали, все въ большемъ и большемъ количествѣ, показываться птицы, предвѣщавшія близость земли. Но вмѣстѣ съ этими радостными вѣстниками появились и признаки тумана. И дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ полчаса, надъ океаномъ нависла густая непроницаемая пелена тумана, непозволявшая съ капитанскаго мостика различать ни бака, ни кормы. Временами порывы вѣтра проносили туманъ, а въ эти минуты впереди можно было различать довольно неясныя очертанія южной оконечности Новой Земли. Къ одиннадцати часамъ вечера туманъ началъ исчезать и открылся берегъ Новой Земли, остававшейся, все-таки, окутаннымъ густымъ клубившимся туманомъ. При видѣ Новой Земли, въ голову невольно лѣзли невеселыя думы о томъ, что сдѣлалось съ членами экспедиціи за двѣнадцать мѣсяцевъ пребыванія въ этомъ уголкѣ земнаго шара, заброшенномъ въ далекій океанъ, отрѣзанномъ отъ всего живого міра. Вообще трудно описать чувства, навѣваемыя на душу при приближеніи къ этому полярному острову—убѣжищу мрака, тишины и смерти.

Пройдя нѣсколько времени вдоль берега, изрѣдка выглядывавшаго синеватой полосой изъ-за тумана, капитанъ рѣшилъ продержаться въ морѣ нѣсколько дальше отъ острова и ожидать пока туманъ окончательно не очиститъ береговъ. Существующія описанія новоземельскихъ береговъ до того не полны, а самый внѣшній видъ ихъ до того однообразенъ, что при малѣйшемъ туманѣ бываетъ крайне опасно и рискованно попасть въ какую-нибудь новоземельскую бухту.

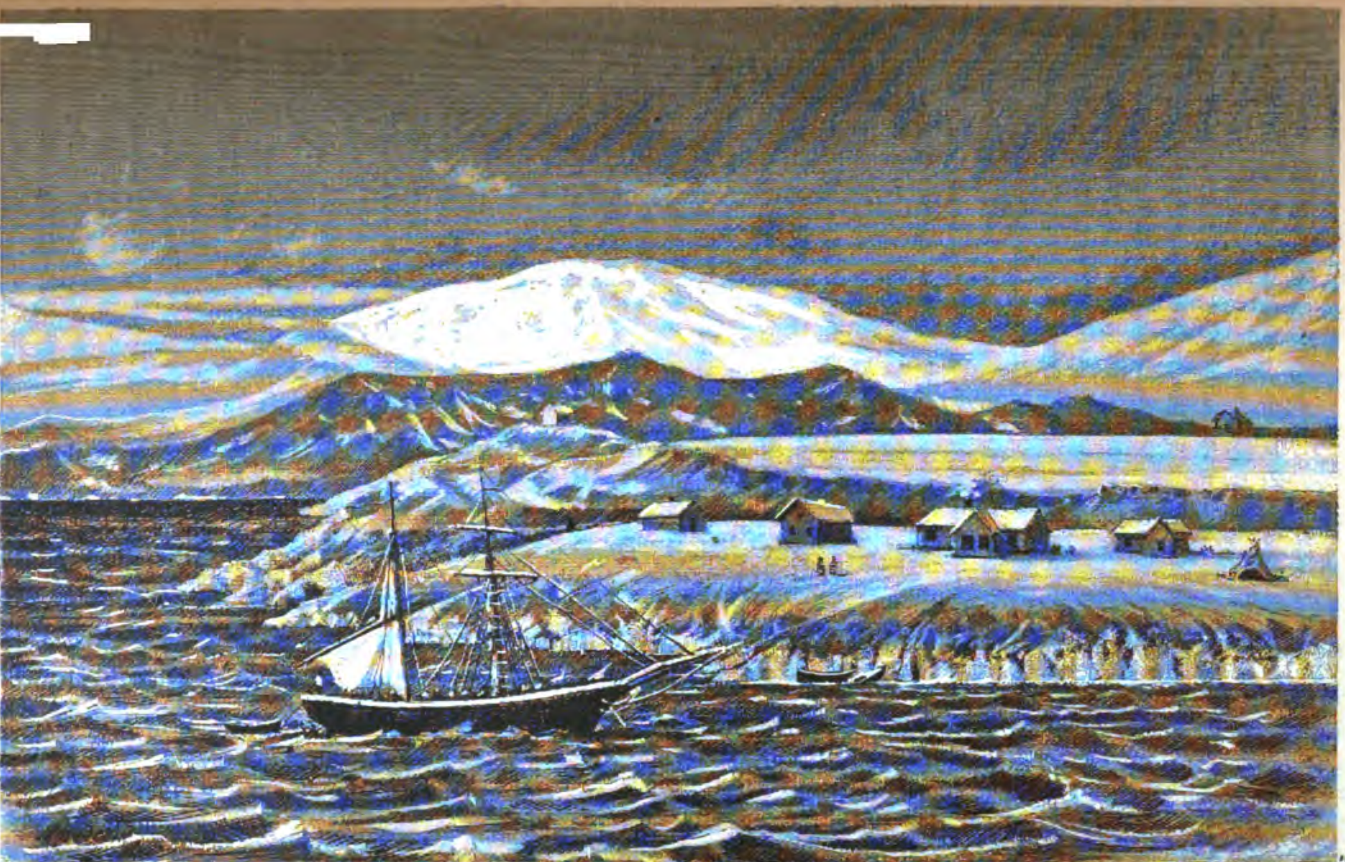
II.

Прибытіе въ становище Малыя Кармакулы. — Встрѣча съ членами полярной экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества. — Свѣдѣнія о зимовкѣ экспедиціи на Новой Землѣ. — Смерть матроса Тискова. — Полярная колонія въ Малыхъ Кармакулахъ. — Самоѣды. — На поморскихъ судахъ. — Промышленникъ Ѳедоръ Воронинъ. — Отплытіе «Чижова» изъ Кармакульской бухты. — Опять въ Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ. — Возвращеніе въ Архангельскъ.

Почти четыре часа провели мы подъ парами въ морѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая благопріятной погоды, чтобы войти въ малокармакульскую бухту, отъ которой, по разсчету капитана, мы были въ самомъ незначительномъ разстояніи. Около пяти часовъ утра,

къ общему удовольствію, туманъ началъ рѣдѣть все больше и больше и вскорѣ снова открылся, въ своемъ мрачномъ величіи, пустынный берегъ Новой Земли. Во многихъ мѣстахъ острова бѣлѣли снѣговыя полосы и, не смотря на іюль мѣсяцъ, кое-гдѣ у берега блестѣли куски льда, такъ называемые припаи. Опытный глазъ нашего капитана сразу распозналъ малокармакульскую бухту, у входа въ которую водружена мачта еще во время пребыванія на Новой Землѣ штабсъ-капитана Тягира. Плавая у береговъ Новой Земли, весьма рискованно полагаться на импровизированные отличительные знаки, въ видѣ мачтъ, крестовъ и шестовъ, во множествѣ разставленныхъ промышленниками на берегу, въ ознаменованіе продолжительнаго пребыванія въ данномъ мѣстѣ, или удачнаго промысла, или же въ воспоминаніе какого-либо выдающагося событія въ богатой всякаго рода приключеніями жизни новоземельскихъ промышленниковъ. Эти знаки, то уничтожаемые временемъ и бурями, то снова, и уже въ другихъ мѣстахъ, сооружаемые поморами, часто ихъ самихъ же сбиваютъ съ толку и заставляютъ подолгу ощупью блуждать вдоль негостепріимныхъ береговъ Новой Земли. Подобные же знаки находятся въ массѣ на островахъ Колгуевѣ и Вайгачѣ. Черезъ полчаса «Чижовъ» былъ уже въ бухтѣ, въ виду становища. Глубокая торжественная тишина царила вокругъ. Кромѣ глухого шума пароходнаго винта, ни одинъ звукъ не нарушалъ покоя спящей полярной природы. Но вотъ съ капитанскаго мостика данъ въ машину сигналъ: «стопъ!» а затѣмъ раздалась команда: «отдай якорь!»—и грузный якорь сорвался съ борта, быстро увлекая за собой громко гремѣвшую цѣпь. «Чижовъ» вошелъ въ бухту никѣмъ незамѣченный и даже шумъ отданнаго якоря, повидимому, не пробудилъ спящей колоніи. На берегу нельзя было замѣтить никакихъ признаковъ жизни; одиноко и угрюмо стояли приземистыя строенія спасательной станціи; нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ ютились самоѣдскіе чумы. На рейдѣ, значительно лѣвѣе нашей якорной стоянки, виднѣлись двѣ поморскія промысловыя шхуны. Только присутствіе этихъ судовъ и самоѣдскихъ жилищъ свидѣтельствовало о пребываніи здѣсь живыхъ людей и успокоивало насъ относительно участи членовъ экспедиціи. Лишь только якорь былъ отданъ и «Чижовъ» остановился, на немъ загудѣлъ громкій пароходный свистокъ и одновременно съ этимъ началась пальба изъ имѣвшихся на «Чижовѣ» небольшихъ сигнальныхъ пушекъ. Картина полярной пустыни сразу измѣнилась: какъ будто мановеніемъ магическаго жезла все окружающее было вызвано къ жизни. Тысячи птицъ поднялись вверхъ и рѣзкимъ крикомъ наполнили воздухъ; съ берега слышался громкій лай стаи самоѣдскихъ собакъ; обитатели полярной колоніи уже суетились на берегу, сталкивая шлюпки на воду; показалась жизнь и на поморскихъ судахъ и отъ нихъ отдѣ-

лились шлюпки съ промышленниками, спѣшившими къ намъ за письмами, провизіей и новостями изъ поморья. Звуки выстрѣловъ и гудка, сотни разъ повторенные эхомъ въ окрестныхъ горахъ, дополняли необычайное оживленіе, вызванное появленіемъ «Чижова» въ малокармакульской бухтѣ. Въ отвѣтъ на нашъ салютъ на берегу раздались ружейные выстрѣлы и взвился флагъ общества спасанія на водахъ и на поморскихъ шхунахъ также раздалось нѣсколько привѣтственныхъ ружейныхъ выстрѣловъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ къ спущенному трапу «Чижова» пристало нѣсколько шлюпокъ. Одними изъ первыхъ пріѣхали къ намъ докторъ экспедиціи Л. Ф. Гриневецкій и находившійся въ составѣ экспедиціи, въ качествѣ натуралиста, студентъ физико-математическаго факультета Петербургскаго университета Н. В. Кривошея. Наша встрѣча съ дорогими гостями была самая искренняя, сердечная. Въ послѣдній разъ я видѣлъ членовъ экспедиціи въ сентябрѣ 1882 г. и привезъ о нихъ послѣднія извѣстія съ Новой Земли. За десять мѣсяцевъ нашей разлуки ни Л. Ф. Гриневецкій, ни Н. В. Кривошея, не смотря на невзгоды перенесенныя ими во время суровой, полной лишеній, зимовки на Новой Землѣ, нетолько не измѣнились къ худшему, но напротивъ, оба значительно поздоровѣли и высматривали настоящими закаленными обитателями полярныхъ странъ. Оба они въ высшей степени симпатичные молодые люди, полные жажды знанія и отваги. Л. Ф. Гриневецкій еще до этого пребыванія на Новой Землѣ участвовалъ въ полярной экспедиціи, снаряженной въ устья Лены, а возвратившись съ Новой Земли, въ настоящее время подвизается на нашихъ далекихъ сѣверо-восточныхъ окраинахъ. Въ привлекательныхъ характерахъ обоихъ молодыхъ людей было очень много общаго и вскорѣ ихъ связала тѣсная дружба, искупавшая многія физическія и нравственныя невзгоды. Все, что̀ нашлось въ пароходномъ буфетѣ, было предоставлено въ полное распоряженіе дорогихъ посѣтителей. Самымъ пріятнымъ угощеніемъ для нихъ былъ табакъ, запасы котораго къ веснѣ истощились и только съ приходомъ въ Малыя Кармакулы поморскихъ судовъ имъ удалось добыть отъ промышленниковъ махорку, предназначавшуюся для продажи самоѣдамъ. Визитъ доктора и натуралиста продолжался недолго, и они, получивъ отъ капитана адресованную на имя членовъ экспедиціи, корреспонденцію, возвратились на берегъ, а въ одиннадцать часовъ всѣ члены экспедиціи, по приглашенію капитана Ф. К. Попова, пріѣхали къ намъ на пароходъ завтракать. Хотя предложенный гостямъ завтракъ былъ и неизысканный, такъ какъ запасы нашего кока, благодаря продолжительному плаванію, приходили къ концу, но новоземельцы ѣли его съ видимымъ аппетитомъ, послѣ почти годового питанія солониной и консервами. Во время завтрака мы съ большимъ интересомъ слушали разсказы о различныхъ эпизодахъ, происшедшихъ съ членами экспедиціи во

Новая Земля. Малокармакульская спасательная станція.

время ихъ пребыванія на полярномъ островѣ. Въ высшей степени интересны были разсказы Л. Ф. Гриневецкаго объ его путешествіи съ самоѣдами на собакахъ, поперекъ острова, на восточный берегъ Новой Земли, къ Арскому мору и Маточкину Шару. Новоземельская экспедиція состояла изъ начальника лейтенанта К. П. Андреева, мичмана Володковскаго и выше названныхъ доктора и натуралиста. Кромѣ того, къ экспедиціи было прикомандировано четыре матроса балтійскаго флота, изъ уроженцевъ архангельской губерніи. Такимъ образомъ въ составъ экспедиціи, вмѣстѣ съ нижними чинами, входило восемь человѣкъ[1]). Зимовка экспедиціи не обошлась безъ несчастія. Одинъ изъ матросовъ, Тисковъ, весьма трагически окончилъ свое существованіе. Съ послѣднимъ рейсомъ парохода на Новую Землю, Тисковъ получилъ изъ Запечорскаго края письмо съ извѣстіемъ о смерти его отца. Извѣстіе это подѣйствовало на Тискова самымъ удручающимъ образомъ и съ тѣхъ поръ онъ началъ сильно тосковать. Въ концѣ зимы несчастный Тисковъ съ двумя товарищами отпросился у начальника экспедиціи навѣстить знакомыхъ самоѣдовъ, жившихъ въ чумѣ неподалеку отъ спасательной станціи. Получивъ разрѣшеніе, они отправились въ путь, захвативъ съ собой небольшое количество водки, чтобы угостить падкихъ до нея самоѣдовъ. Къ самоѣдамъ матросы пришли благополучно и, роспивъ съ ними принесенную водку, вскорѣ отправились обратно на станцію. На половинѣ дороги Тисковъ нѣсколько отсталъ отъ своихъ товарищей, продолжавшихъ путь. Спутники Тискова, думая, что послѣдній скоро возвратится, по приходѣ въ казарму легли спать. Четвертый же матросъ, бывшій въ тотъ день дневальнымъ, сразу не обратилъ вниманія на продолжительное отсутствіе Тискова, тѣмъ болѣе, что его койка была занята, какъ потомъ оказалось, самоѣдомъ, пріѣхавшимъ въ эту ночь изъ Пуховой бухты. На другой день рано утромъ самоѣды нашли на снѣгу несчастнаго Тискова совершенно раздѣтымъ и въ безсознательномъ состояніи; малица же, пимы[2]) и остальная одежда лежали около него. Сейчасъ же Тискова доставили на станцію. Послѣ продолжительныхъ усилій доктора, несчастнаго удалось привести въ чувство; у него оказались отмороженными руки и ноги. На всѣ вопросы Тисковъ отвѣчалъ, что ровно ничего не помнитъ какъ очутился на снѣгу раздѣтымъ, хотя совершенно не былъ пьянъ. Несчастному страдальцу пришлось ампутировать руки выше локтей и ноги выше колѣнъ. Послѣ ампутаціи Тисковъ черезъ нѣсколько

---

[1]) Былъ съ экспедиціей еще одинъ доброволецъ мальчикъ Василій, служившій на пароходѣ и пожелавшій остаться на Новой Землѣ.

[2]) Малица — теплая одежда, сшитая въ видѣ рубахи изъ оленьихъ шкуръ и сверху покрытая какой-нибудь матеріей. Пимы — сапоги изъ оленьей шкуры. Малица и пимы составляютъ неотъемлемую принадлежность самоѣдскаго одѣянія.

дней скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Думаютъ, что Тисковъ, подъ гнетомъ безъисходной тоски, рѣшился на самоубійство посредствомъ замерзанія. Погребеніе Тискова на малокармакульскомъ кладбищѣ произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ печальномъ для всей экспедиціи событіи. Кромѣ Тискова, и безъ того немноголюдная новоземельская колонія въ эту же зиму лишилась еще двухъ своихъ членовъ. Два самоѣда, пріѣзжавшіе въ Малыя Кармакулы изъ Гусинной бухты, возвращались на карбасѣ обратно; въ это время карбасъ начало затирать льдами. Желая пробраться на берегъ по льду, самоѣды оставили карбасъ, но вскорѣ провалились и оба утонули. Не считая катастрофы съ Тисковымъ, во всемъ остальномъ, пребываніе экспедиціи на Новой Землѣ прошло довольно благополучно. Пока мы завтракали въ каютъ-компаніи, верхняя палуба «Чижова» представляла собой настоящій толкучій рынокъ. Кажется, все новоземельское населеніе успѣло перебраться сюда; тутъ же были и поморы, рѣзко отдѣлявшіеся своими рослыми фигурами отъ приземистыхъ кривоногихъ самоѣдовъ. Самоѣды пожаловали къ намъ со всѣми своими чадами и домочадцами, и у каждаго изъ нихъ болтался въ рукахъ или вылинявшій песцовый мѣхъ, или забракованная поморами оленья шкура, или еще какой-нибудь негодный хламъ, который они старались сбыть намъ въ воспоминаніе о пребываніи на Новой Землѣ. Все же лучшее и цѣнное изъ промышленнаго самоѣдами за зиму, еще задолго до нашего прихода перешло въ руки поморовъ, или же было пріобрѣтено членами экспедиціи. По окончаніи завтрака, мы собрались ѣхать на берегъ; какъ только наше намѣреніе стало извѣстно самоѣдамъ, палуба парохода мигомъ начала пустѣть и наши непрошенные гости-самоѣды, наперерывъ, одинъ за другимъ, спѣшили въ лодки, надѣясь, вѣроятно, на берегу навязать какую-нибудь рухлядь, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы вырученныя деньги моментально пропить. Вмѣстѣ съ нами отъ борта «Чижова» отвалила цѣлая флотилія лодокъ, наполненныхъ самоѣдами и поморами, которые, ради любопытства, ни на шагъ не отставали отъ насъ во все время пребыванія въ Малыхъ Кармакулахъ.

Мѣстность, на которой расположена спасательная станція, представляетъ неприглядную картину убогой полярной природы. Да едва ли на всемъ тысячеверстномъ протяженіи Новой Земли, найдется мѣстность, которая выглядывала бы веселѣе Малыхъ Кармакулъ. Даже, недавно оставленный нами мрачный Мурманскій берегъ, своеобразной красотой и разнообразіемъ видовъ, не можетъ быть сравниваемъ, въ этомъ отношеніи, съ мертвящей душу новоземельской природой. Кругомъ станціи чернѣютъ, точно обугленныя, скалы плитняка; кое-гдѣ лежитъ снѣгъ и вокругъ ни малѣйшихъ признаковъ растительности. Вся окрестность, — какъ будто

одна обширная могила. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега стоитъ пріютъ спасательной станціи, построенный въ 1878 году для зимовки штабсъ-капитана корпуса флотскихъ штурмановъ Е. А. Тягина; въ этомъ зданіи поселилась и экспедиція лейтенанта К. П. Андреева. Вправо отъ спасательной станціи расположены, выстроенныя уже впослѣдствіи, баня, кухня и казарма для матросовъ, а слѣва разбросано въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи нѣсколько деревянныхъ павильоновъ съ наблюдательными приборами; еще лѣвѣе, на небольшомъ возвышеніи, стоитъ часовня. Не вдалекѣ отъ строеній возвышаются нѣсколько невысокихъ холмиковъ съ крестами—это кармакульское кладбище. Въ полуверстѣ отъ спасательной станціи, около такъ называемой «Норвежской избы», стоятъ чумы самоѣдовъ, съѣхавшихся сюда на лѣтнее время съ разныхъ частей острова. Близь чумовъ бродятъ привязанные бѣлые медвѣжата; два изъ нихъ были пойманы самоѣдами и проданы промышленнику Воронину, который предполагалъ отправить ихъ въ Петербургъ ко Двору, а третій принадлежалъ доктору Гриневецкому и пойманъ имъ въ Маточкиномъ Шарѣ, гдѣ ему удалось собственноручно убить мать этого медвѣженка, огромную бѣлую медвѣдицу (этотъ медвѣженокъ впослѣдствіи былъ подаренъ докторомъ петербургскому зоологическому саду). Домъ, занимаемый экспедиціей, состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ; одну изъ нихъ занималъ начальникъ экспедиціи; въ ней помѣщалась и общая столовая; тамъ же были установлены хронометры и нѣсколько другихъ приборовъ. Смежную комнату занималъ мичманъ Д. А. Володковскій и, наконецъ, въ третьей комнатѣ, перегороженной на двѣ половины, помѣщались докторъ Гриневецкій и студентъ Кривошея. Эта комната представляла собой скорѣе ботаническій и зоологическій кабинеты, нежели жилое помѣщеніе. Кромѣ довольно большой аптеки, комната снизу до верху была установлена всевозможнаго рода коллекціями, собранными докторомъ и натуралистомъ. Почти всѣ породы новоземельскихъ пернатыхъ имѣли здѣсь своихъ представителей, въ довольно удачно сдѣланныхъ чучелахъ. Масса собраннаго матеріала ясно показывала насколько усердно оба сожителя занимались изученіемъ новоземельской флоры и фауны. Показавъ намъ обсерваціонные павильоны, начальникъ экспедиціи пригласилъ насъ на обѣдъ, предупредивъ, что единственная мясная пища, которою располагаетъ ихъ поваръ,— это дикіе гуси. Запасы мяса у нихъ давно истощились и только прилетъ на Новую Землю дикихъ гусей избавилъ экспедицію отъ невольнаго поста. Въ бесѣдахъ съ членами экспедиціи и осмотрѣ станціи время прошло незамѣтно, а такъ какъ «Чижовъ» уходилъ въ море на другой день, рано утромъ, то мы послѣ обѣда предоставили нашимъ любезнымъ хозяевамъ оканчивать свою корреспонденцію, а сами предположили отправиться съ поморами на лодкѣ осмотрѣть

утесы съ несмѣтнымъ количествомъ полярныхъ птицъ, или такъ называемые «базары». Но дождь помѣшалъ намъ воспользоваться этимъ рѣдкимъ, интереснымъ зрѣлищемъ. Мой спутникъ почувствовалъ небольшую простуду и возвратился на пароходъ, а я, отказавшись отъ поѣздки на «базары», отправился къ самоѣдамъ; они меня встрѣтили, какъ стараго знакомаго, такъ что мнѣ по неволѣ пришлось исполнить ихъ просьбу относительно угощенья водкой и послать за ней на пароходъ. Бывшій на берегу промышленникъ Ѳедоръ Ивановичъ Воронинъ пригласилъ меня побывать на его суднѣ. Я съ удовольствіемъ воспользовался приглашеніемъ Воронина и вмѣстѣ съ нимъ отправился на шхуну. Старикъ Воронинъ болѣе четверти вѣка, изъ года въ годъ, посѣщаетъ для промысла воды Новой Земли и едва ли въ поморьѣ найдется другой промышленникъ, знающій лучше Воронина лоцію нашихъ сѣверныхъ водъ. Ѳ. И. всегда лично руководитъ промыслами своего судна и его гуманное обращеніе съ командой составляетъ рѣдкое исключеніе среди грубыхъ нравовъ и обычаевъ поморскаго промысловаго флота. Воронинъ показалъ мнѣ бѣлужьи снасти и довольно подробно объяснилъ весь ходъ этого промысла. За позднимъ временемъ, я съ сожалѣніемъ долженъ былъ прекратить интересную бесѣду съ почтеннымъ промышленникомъ и возвратился на пароходъ. Вскорѣ туда же пріѣхалъ съ багажемъ и мичманъ Володковскій, состояніе здоровья котораго не позволяло ему оставаться въ составѣ экспедиціи на Новой Землѣ и онъ возвращался въ Петербургъ. Экспедиція же должна была оставаться въ Малыхъ Кармакулахъ до конца августа и для доставленія ея въ Архангельскъ предполагалось отправить военную шхуну мѣстнаго порта. На Новую Землю экспедиція прибыла 23 іюля 1882 года и до 20 августа провела время въ устройствѣ и приспособленіи къ зимовкѣ жилыхъ зданій и постановкѣ приборовъ въ обсерваціонныхъ павильонахъ. 20-го августа члены экспедиціи начали правильное производство метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ наблюденій, согласно программы, выработанной на международномъ метеорологическомъ конгрессѣ, и съ этого времени начался годъ, который экспедиція обязательно должна была провести на Новой Землѣ. Передъ моимъ отплытіемъ изъ Архангельска, тамъ все болѣе и болѣе распространялись, появившіеся еще зимой, тревожные слухи объ участи норвежскаго парохода «Warna», на которомъ отправилась на мысъ Челюскинъ голландская полярная экспедиція, для производства однородныхъ наблюденій съ русской экспедиціей на Новой Землѣ. Датчане также тревожились за судьбу своего парохода «Dyamphna», на которомъ находилась экспедиція, подъ начальствомъ Ховгорда. Объ этихъ судахъ я разспрашивалъ у самоѣдовъ и у промышленниковъ, но ни тѣ, ни другіе, ничего о нихъ не слыхали. Около двухъ часовъ по полуночи, остававшіеся на Новой Землѣ члены

экспедиціи доставили капитану корреспонденцію и мы предложили имъ легкій ужинъ и чай. Съ нашимъ возвращеніемъ на пароходъ, самоѣды и поморы снова наполнили его палубу. Къ двумъ часамъ паръ въ машинѣ былъ готовъ и капитанъ ожидалъ только, пока разсѣется ночной туманъ, чтобы выйти въ море. Однако, намъ пришлось простоять до восьми часовъ утра; все это время гости насъ не оставляли и только, когда капитанъ сообщилъ, что сейчасъ снимается съ якоря, мы начали прощаться, взаимно желая другъ другу—намъ благополучнаго плаванія, а имъ—счастливаго окончанія пребыванія на далекомъ островѣ. Ровно въ восемь часовъ утра «Чижовъ» выходилъ изъ Малокармакульской бухты, обмѣниваясь съ оставшимися на берегу криками «ура» и салютуя флагомъ. Съ утра день былъ солнечный и безвѣтренный; вблизи береговъ плавали необозримые стада гагарокъ, а въ воздухѣ массами кружились чайки. Но намъ недолго пришлось пользоваться хорошею погодой и вскорѣ туманъ снова опустился густыми клубами и скрылъ отъ глазъ дикіе берега, покидаемой нами, Новой Земли. Я до сихъ поръ хорошо помню тѣ чувства, съ какими я оставлялъ Новую Землю въ сентябрѣ 1882 года, когда пароходъ совершалъ послѣдній рейсъ и члены экспедиціи оставались, почти на годъ, на произволъ судьбы, лишенные какихъ бы то ни было сообщеній съ остальнымъ міромъ. Наше отплытіе тогда многимъ напоминало возвращеніе съ похоронъ. Въ этотъ же рейсъ, если и чувствовалось чтò-то непріятное, такъ это сожалѣніе, что только такое короткое время пришлось провести въ обществѣ этихъ милыхъ людей. Слабый нордъ-остъ послѣ полудня началъ свѣжѣть и къ вечеру развелъ значительную зыбь. Теперь нордъ-остъ былъ для насъ попутнымъ и мы поставили паруса. Послѣ двухъ сутокъ однообразнаго, скучнѣйшаго плаванія по Ледовитому океану, мы были на траверзѣ Канина Носа и вскорѣ вошли въ Бѣлое море. Сильная качка не покидала насъ во весь переходъ черезъ Бѣлое море и въ сильной степени увеличивалась тѣмъ, что «Чижовъ» вслѣдствіе густого тумана шелъ уменьшеннымъ ходомъ, опасаясь весьма возможнаго столкновенія съ встрѣчными судами. Къ вечеру снова наступила ясная погода. Около полуночи мы приближались къ Двинскому бару, а черезъ часъ взяли лоцмана на «Сѣверо-Двинскомъ» плавучемъ маякѣ и рано утромъ «Чижовъ» былъ уже у Соломбальской пристани въ Архангельскѣ.

М. Робушъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминаніе о профессорѣ Греффе.

ОСПАЛЕНІЕ моихъ глазъ приняло ужасающіе размѣры; страшно вспомнить объ этомъ времени; половина головы и бороды были обриты и къ нимъ прикладывалась бодяга, кожа на тѣлѣ, изрытая фонтанелями и покрытая пятнами отъ сухихъ банокъ и горчичниковъ, все это дѣлало меня похожимъ на какое-то странное земноводное животное. Если прибавить къ тому всякій день повторявшіеся невыносимые припадки головной боли, то понятно, что положеніе было некрасивое.

Созвали консиліумъ. Доктора теряли голову, въ латинскомъ разговорѣ ихъ слышались зловѣщія слова въ родѣ «мускусъ» и «морфій», пока наконецъ кому-то изъ нихъ не пришло въ голову произнести имя Греффе; остальные подхватили хоромъ это имя и меня рѣшено было отправить къ нему въ Берлинъ, да и давно было пора это сдѣлать. Кавказскіе доктора того времени болѣе практиковались надъ ранами и лихорадками, а офтальмоскопъ еще не появился и внутренняя камера глаза оставалась для медиковъ непроницаемой terra incognita.

Въ январѣ 1861 года, я отправился въ Берлинъ; зима стояла лютая; помню, что въ Харьковѣ, въ день моего пріѣзда, было 40° мороза; но путешествіе стало уже легче, потому что изъ Харькова до Москвы шелъ дилижансъ—громадный, тяжелый, неуклюжій, но все-таки дилижансъ, а не перекладная.

Отъ Москвы до Петербурга давно открыта была Николаевская желѣзная дорога, а дальше тоже желѣзная дорога вплоть до гра-

ницы; хотя отъ Ковно путь еще не былъ открытъ, но благодаря любезности французовъ инженеровъ-строителей и моему кавказскому мундиру съ черной повязкой, закрывавшей половину лба и глаза и дѣлавшимъ меня похожимъ на жертву войны (что̀, какъ извѣстно, очень дѣйствуетъ на французское воображеніе), я получилъ мѣсто въ инженерномъ поѣздѣ до границы, а тамъ далѣе уже ѣхалъ безъ всякаго перерыва.

Въ одинъ изъ туманныхъ январскихъ дней я пріѣхалъ въ Берлинъ, остановился въ Hôtel de Rome, и въ тотъ же день началъ собирать нужныя справки, а на слѣдующій въ 7 часовъ вечера уже былъ на пріемѣ у Греффе. Онъ принималъ у себя дома, гдѣ въ трехъ большихъ комнатахъ помѣщалась невообразимая масса народа, сошедшагося съ разныхъ концовъ міра. По толпѣ ходилъ шопотъ, но этотъ шопотъ какъ ни былъ тихъ, превращался въ нѣчто похожее на гулъ моря; забившись въ уголъ и соскучившись слушать все одну и ту же исторію болѣзни, разсказываемую на разныхъ языкахъ, я незамѣтнымъ образомъ задремалъ и, мнѣ помнится, началъ уже мерещиться какой-то сонъ, какъ пронесшееся по толпѣ слово: профессоръ и, затѣмъ, воцарившаяся мертвая тишина, невольно заставили меня подняться съ мѣста. Въ комнату вошелъ Греффе; это былъ человѣкъ лѣтъ 34, высокаго роста, съ длинными черными волосами, съ продолговатымъ лицомъ, носившемъ на себѣ слѣдъ глубокой мысли и внутренняго страданія. Лицо это было классически прекрасно, но болѣе всего обращали на себя вниманіе глаза, глубокіе, задумчивые, кроткіе. Одѣтъ онъ былъ въ черный поношенный сюртукъ безъ всякой претензіи на щегольство. Онъ разговаривалъ съ больными на разныхъ языкахъ, такъ что скорѣе его можно было принять за какого-нибудь дипломатическаго агента, чѣмъ за медика, и что меня поразило, это совершенно чистый выговоръ, такъ что не зная его имени, трудно было бы опредѣлить его національность. Онъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ извиненія, что не можетъ объясняться на моемъ родномъ языкѣ, хотя и имѣетъ объ немъ понятіе. Въ нѣсколькихъ словахъ я ему передалъ исторію моей болѣзни, на что̀ онъ мнѣ приказалъ явиться въ клинику, и, затѣмъ, дѣло было кончено.

На другой день, въ 2 часа по полудни, я пришелъ въ клинику. Онъ меня освидѣтельствовалъ, разспросилъ подробно обо всемъ, что надо было, затѣмъ позвонилъ; на этотъ звонокъ явился какой-то господинъ среднихъ лѣтъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ экономъ.

— Отведите для нихъ свободный номеръ, кажется, четвертый не занятъ,—сказалъ онъ и, затѣмъ, обратившись ко мнѣ, протянулъ руку и произнесъ:—Soyez le bien venu, monsieur, tâchez d'etre comme chez vous.

Я поклонился въ отвѣтъ и часа черезъ два, расплатившись въ Hôtel de Rome, переселился въ клинику.

Клиника находилась на Карлъ-Штрассе и упиралась одной стороной въ Тиръ-Гартенъ. Хотя воздухъ былъ и довольно свѣжій, но за то мѣсто совсѣмъ пустынное, прохожихъ мало, экипажей и совсѣмъ мало, только одно развлеченіе и было, что какой-то гвардейскій кирасирскій полкъ ежедневно проходилъ по улицѣ на ученіе.

Это тоже надоѣло скоро и жизнь потянулась какъ-то особенно странно, весь міръ сосредоточился въ стѣнахъ клиники и не тянуло никуда изъ нея, хотя не въ далекомъ разстояніи копошились пріѣзжіе со всѣхъ концовъ Европы; всякій вечеръ объявлялось въ афишахъ о массѣ театральныхъ представленій и концертовъ, но это было все какъ-то чуждо сѣрыхъ стѣнъ клиники, изъ которыхъ выходилъ я только по необходимости, для моціона, да и то по бо̀льшей части въ Тиръ-Гартенъ.

Всякій день, въ половинѣ перваго, Греффе приходилъ ко мнѣ и оставался съ четверть часа, а иногда и больше; онъ почему-то не хотѣлъ немедленно приступить къ операціи, выжидая чего-то; я же, съ совершенной апатіей ко всему, не ждалъ положительно ничего.

— Что вы такой задумчивый?—спросилъ онъ однажды у меня,— вамъ очень скучно?

— Да, я не могу сказать, чтобы было весело.

— Но надо развлекаться, скука вѣдь для болѣзни вредна.

— Развлекаться, но чѣмъ же?

— А вотъ постойте, я вамъ назову нѣсколько развлеченій: ѣздите верхомъ, я прикажу швейцару, чтобы вамъ приводили изъ манежа смирную лошадь; когда захотите, играйте въ кегли, въ крокетъ; это все найдете въ Тиръ-Гартенѣ; да, кстати, любите вы музыку? вѣдь всѣ русскіе вообще любятъ ее.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— А если такъ, то чего же лучше, у насъ концертовъ много, а съ наступленіемъ весны будутъ концерты на воздухѣ. А сами вы не играете ни на чемъ?

— Нѣтъ, я пою.

— А вотъ что! постойте, я объ этомъ скажу нашему обществу, оно задумало дать концертъ въ пользу слѣпыхъ, и вы вѣроятно согласитесь принять участіе въ немъ.

— Какое же это общество?

— А общество нашей клиники, т. е. если не совсѣмъ слѣпыхъ, то полу-ослѣпшихъ; а концертъ будетъ въ пользу верхняго этажа клиники, который весь состоитъ изъ нищихъ. Если же васъ займетъ изученіе глазныхъ болѣзней, то вся клиника, начиная съ аудиторіи моихъ студентовъ до операціоннаго покоя, къ вашимъ услугамъ; идите куда и когда захотите; но, кажется, я засидѣлся

у васъ, прощайте! Я вамъ назвалъ столько развлеченій, что скучать будетъ некогда.

Греффе пожалъ мнѣ руку и ушелъ.

Время пошло дѣйствительно иначе; я скоро перезнакомился съ больными и изучилъ жизнь Греффе какъ собственную свою. Онъ вставалъ рано, отъ 9 до 10 часовъ диктовалъ секретарю, потомъ ѣхалъ въ городскую больницу, гдѣ имѣлъ 200 кроватей, далѣе заѣзжалъ въ клинику, проводилъ время между больными, читалъ лекціи, а въ 3 часа обѣдалъ тоже въ клиникѣ; въ 5 часовъ тамъ же принималъ больныхъ или дѣлалъ операціи, въ 6 ѣхалъ къ себѣ домой, а въ 7 опять принималъ больныхъ, которые осаждали его иногда до 11-ти, во второмъ часу ночи, онъ опять былъ въ клиникѣ и осматривалъ оперированныхъ и опасно больныхъ. Такъ проходила недѣля. Воскресенье было нѣсколько иначе; онъ пріѣзжалъ въ клинику въ 2 часа и не читалъ лекціи, но больныхъ все-таки принималъ и въ клиникѣ, и у себя дома, а ночью навѣщалъ опасно больныхъ. Измѣненіе этого утра происходило отъ того, что онъ ѣздилъ въ кирку, а оттуда на могилу матери.

Греффе былъ доступенъ до крайности; такъ, напримѣръ, одинъ изъ моихъ соотечественниковъ пріѣхалъ съ молодой женой, которая была беременна, и поселился въ клиникѣ. Какъ это случается часто съ молодыми женщинами, на беременность обращалось мало вниманія, а все время было посвящено уходу за больными глазами мужа.

Однажды, поздно ночью, случился первый приступъ родовъ. Въ чужомъ городѣ, не зная обычаевъ и не въ состояніи будучи достать экипажъ, мужъ въ отчаяніи бросился, куда попало, но въ швейцарской столкнулся съ входящимъ Греффе, который поинтересовался узнать причину такого лихорадочнаго безпокойства; тотъ объяснилъ ему наскоро и хотѣлъ бѣжать на улицу.

— Успокойтесь,—сказалъ Греффе,— мы какъ-нибудь дѣлу поможемъ.

Онъ пошелъ съ моимъ знакомымъ въ его номеръ, позвалъ garde-malade и принялъ новорожденнаго, а когда уѣхалъ, то явилась присланная имъ акушерка, чтобы ухаживать за родильницей. Въ продолженіе всего нужнаго времени Греффе всякій день бывалъ у нихъ по два раза и прописывалъ лекарства, такъ что его самого можно было принять не за окулиста, а за акушера.

Однажды, служанка моего номера пришла убирать комнату съ подвязанной щекой и потихоньку стонала; наконецъ, не вынесла боли, поставила щетку къ стѣнѣ, попросила извиненія и убѣжала. Минутъ черезъ 20 она возвратилась вся сіяющая отъ восторга. Оказалось, что у нея болѣлъ зубъ и она побѣжала къ Греффе, который и выдернулъ его. И такихъ случаевъ было много; вся прислуга клиники, мужчины и женщины, при малѣйшемъ нездо-

ровьи, обращались къ профессору, который ихъ внимательно выслушивалъ и помогалъ имъ.

Онъ получалъ громадныя деньги, но никогда не считалъ ихъ и никогда не зналъ сколько ему даютъ; у стѣны его кабинета былъ прикрѣпленъ желѣзный ящикъ, котораго крышка была всегда открыта.

Всякій, окончившій курсъ леченія, при послѣднемъ визитѣ, отдавалъ ему деньги, обыкновеннно въ porte-monnaie или въ бумажныхъ сверткахъ; платили преимущественно золотомъ и платили много, хотя таксы за леченіе не было никакой и профессоръ принималъ всякую плату; онъ, не считая и даже не смотря на данныя ему деньги, бросалъ ихъ въ ящикъ и забывалъ про нихъ.

Когда же выписывался больной изъ верхняго этажа, т. е. изъ этажа, гдѣ были помѣщены бѣдные, то Греффе запускалъ руку въ ящикъ и давалъ ему на прощаніе, сколько попадется. Еслибы не докторъ Шуфтъ (его ассистентъ), который принялъ на себя безкорыстную обязанность вести его счеты и слѣдить за его деньгами, то нѣтъ сомнѣнія, что помянутый ящикъ всякій день оставался бы къ вечеру пустымъ.

Однажды, докторъ Шуфтъ нашелъ, что сюртукъ, который носитъ профессоръ, уже слишкомъ потертъ, заказалъ новую пару платья, приказалъ принести въ кабинетъ и, показавъ на нее Греффе, сказалъ:

— Смотрите же, профессоръ, не забудьте переодѣться и выходите изъ дома въ новой парѣ, а эту старую снимите и оставьте тутъ, я прикажу прибрать.

Черезъ нѣсколько минутъ, къ Греффе пришелъ прощаться одинъ изъ бѣдныхъ верхняго этажа.

— Что ты такъ плохо одѣтъ? — спросилъ онъ, — вѣдь еще холодно.

— Да это мое единственное платье,—отвѣчалъ бѣднякъ.

— Возьми, это лучше будетъ, — сказалъ Греффе, протягивая ему новую пару.

Докторъ Шуфтъ, къ ужасу своему, увидѣлъ на плечахъ профессора тотъ же старый изношенный сюртукъ; онъ сейчасъ же побѣжалъ къ портному, сдѣлалъ новую пару и уже при себѣ лично заставилъ Греффе переодѣться.

Каждый годъ наканунѣ Рождества, профессоръ устроивалъ елку для верхняго этажа клиники; всякій изъ нищихъ паціентовъ получалъ подарокъ, и въ тотъ годъ, когда я былъ, въ числѣ больныхъ находились двѣ невѣсты, каждая изъ нихъ получила на елку подвѣнечную вуаль, въ конецъ которой былъ завернутъ свертокъ золота. Зато и въ день рожденія профессора клиника вся наполнялась цвѣтами, а въ особенности 3-й этажъ; всякій изъ бѣдныхъ несъ послѣднюю копѣйку на букеты, чтобы придать своему помѣ-

щенію праздничный видъ. Больные смотрѣли на Греффе съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ, да и немудрено: это безграничное служеніе человѣчеству вмѣстѣ съ прекрасною задумчивою наружностью, невольно производило магическое обаяніе. Такъ, однажды, въ середу, когда онъ принималъ дѣтей, я вошелъ въ клинику и невольно остановился, увидѣвъ прекрасную сцену: толпа малютокъ тѣснилась вокругъ профессора, а онъ смотрѣлъ одного изъ нихъ, положивъ руки ему на голову; длинные кудри обрамляли блѣдное лицо профессора и мнѣ невольно припомнилась знаменитая картина, изображающая Іисуса Христа, благословляющаго дѣтей. У него не было различія положеній; слово «больной» было высшій титулъ, какой для него существовалъ, и онъ одинаково заботливъ былъ къ рабочему, и къ человѣку съ высокимъ положеніемъ, къ милліонеру и къ нищему.

Въ бытность мою въ клиникѣ, пріѣхалъ къ нему посланный отъ одной очень высокопоставленной особы, у которой случилось воспаленіе глазъ и которая приглашала его къ себѣ куда-то на берегъ Средиземнаго моря.

— Я теперь не могу,—сказалъ Греффе,—я оставляю клинику только въ іюнѣ.

Тогда посланный предложилъ ему огромный гонораръ.

— Извините меня,—сказалъ Греффе,—я не для этого отказываюсь, вы меня не совсѣмъ понимаете; посмотрите, сколько у меня больныхъ теперь, развѣ я ихъ могу бросить? а вѣдь что высокопоставленная особа, что нищая, все равно, она для меня только больная,—и Греффе не поѣхалъ.

Представительница одной изъ лучшихъ фамилій Европы, графиня К... была больна странною болѣзнью, она была очень красива, но по временамъ одну половину этого прекраснаго лица, какъ-то судорожно подергивало и это подергиваніе шло далѣе и начало уже охватывать половину тѣла. Ее возили ко всѣмъ знаменитостямъ Европы, которые различно объясняли это явленіе. Греффе утверждалъ, что это есть болѣзнь нерва, который надо умертвить въ вискѣ. Въ Европѣ это мнѣніе было принято чуть не со смѣхомъ. Бѣдную графиню продолжали возить по знаменитостямъ, а болѣзнь дѣлалась сильнѣе, пока, наконецъ, всѣ медики сознали свое безсиліе; какъ къ послѣднему якорю спасенія, родные ея обратились къ клиникѣ Греффе, и она пріѣхала туда во время моего пребыванія, заняла номеръ рядомъ со мною; даже послѣ моей операціи, понимая всю тоскливость моего положенія, прислала спросить, не будетъ ли для меня развлеченіемъ игра на фортепіано! И играла по цѣлымъ часамъ, узнавши, что я люблю музыку: а она играла замѣчательно хорошо. Греффе ей сдѣлалъ операцію, которая изумила медицинскій міръ. Но крылатый божекъ не дремалъ: Греффе въ нее страстно влюбился, а она заявила, что кромѣ него,

не пойдетъ ни за кого замужъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была ихъ свадьба.

Весна наступила, все похорошѣло кругомъ, деревья покрылись молодою зеленью, кое-гдѣ на клумбахъ запестрѣли цвѣты, даже самъ неприглядный Шпре сдѣлался какъ будто красивой рѣкой. Въ Тиръ-Гартенѣ замелькали спортсмены, амазонки и тильбюри; я бродилъ почти цѣлый день по длиннымъ тѣнистымъ аллеямъ и вздумалъ однажды воспользоваться совѣтомъ профессора и покататься верхомъ.

Задумчиво ѣхалъ я по дорогѣ въ Шарлотенбургъ; мысль о предстоящей операціи сильно меня тревожила, все это время Греффе былъ до крайности любезенъ со мною, говорилъ о разныхъ вещахъ, далеко не касающихся болѣзни, а объ операціи ни слова. Раздумалъ ли онъ дѣлать ее? Нѣтъ, онъ слишкомъ внимательно осматриваетъ всякій день глазъ мой. Или быть можетъ операціи нельзя дѣлать? И мысли одна другой мрачнѣе осаждали меня все болѣе и болѣе; вдругъ мѣрный звукъ подковъ по шоссе заставилъ меня опомниться; на встрѣчу, на прекрасномъ сѣромъ конѣ ѣхала амазонка. Она замѣчательно ловко сидѣла и ея стройная фигура невольно бросалась въ глаза; съ нѣмымъ удивленіемъ, даже съ восторгомъ, глядѣлъ я на незнакомку и не отдавая себѣ отчета, взялъ нѣсколько лѣвѣе, чтобъ ближе посмотрѣть на нее. Все время, какъ мы ѣхали рядомъ, я любовался ею и даже потомъ, повернувъ голову назадъ, глядѣлъ ей вслѣдъ.

Странное дѣло! амазонка съ какимъ-то удивленіемъ посмотрѣла на меня и на ея устахъ мелькнула какъ-бы саркастическая улыбка.

На слѣдующій день, я опять ее встрѣтилъ, опять глядѣлъ пристально, и опять замѣтилъ ту же странную улыбку.

Въ клиникѣ я очень сошелся съ однимъ голландцемъ, съ которымъ мы болтали о разныхъ разностяхъ, преимущественно о спиритизмѣ, бывшемъ въ то время въ большой модѣ, а иногда мы съ нимъ даже читали журналъ, издаваемый Аланъ-Каардекомъ, что не мѣшало моему голландцу болтать очень много вздора о женщинахъ и выставлять преимущества парижанокъ передъ другими красавицами Европы.

Возвратясь съ прогулки, я пошелъ къ нему въ номеръ.

— Вы опять ѣздили верхомъ?—спросилъ онъ.

— Да, усталъ немного.

— Видѣли что̀-нибудь хорошее?

Я разсказалъ о своей встрѣчѣ съ амазанкой.

— Ну, а далѣе что̀?

— Да ничего, какъ видите.

— И вы не познакомились съ нею?

— Да какъ же это познакомиться?

— Очень просто, во-первыхъ поклониться, а потомъ, поровняв-

шись, сказать что-нибудь въ родѣ qu'il fait beau aujourd'hui, madame, или le parc est bien beau, n'est ce pas, madame? или что-нибудь подобное; зависитъ отъ находчивости. Да она одна была?

— Нѣтъ ѣхалъ груммъ.

— Да-а-а, ну да это ничего... Знаете что? я поѣду завтра съ вами, познакомлюсь съ нею и представлю васъ, а то отъ васъ однихъ нечего ждать. Я не спорю, на Кавказѣ подъ огнемъ горцевъ, вы вѣроятно очень лихой человѣкъ; но здѣсь въ Европѣ, съ женщинами, совсѣмъ иное дѣло и здѣсь вы мало пригодны. Такъ рѣшено, ѣдемъ завтра?

— Хорошо, ѣдемъ,—и я пошелъ къ себѣ.

На другой день, въ обычный часъ, мы съ голландцемъ ѣхали въ Шарлотенбургъ; онъ чтò-то громко разсказывалъ и громко смѣялся, но вдругъ почти на полусловѣ умолкъ и лицо его приняло серьезное выраженіе. Я взглянулъ впередъ и увидѣлъ знакомую амазонку.

— Вотъ она, сказалъ я своему спутнику,—но онъ какъ будто не слышалъ, и поровнявшись съ нею, снялъ шляпу и поклонился такъ низко, что голова его почти закрылась шеею лошади; рискнулъ поклониться и я. Амазонка ласково кивнула намъ головою и, взглянувъ на насъ еще разъ своими большими выразительными глазами, проѣхала.

— Ну что же, я поклонился,—сказалъ я,—этакъ-то вы меня представили?

Голландецъ неудержимо расхохотался и когда припадокъ смѣха прошелъ, сказалъ мнѣ:

— Такъ вы недовольны, что я васъ не представилъ? А знаете ли кто эта амозонка?

— Натӯрально, не знаю.

— Это кронпринцесса Викторія.

Мы молча возвратились домой.

Скоро объ этой встрѣчѣ заговорила вся клиника, посыпались разныя шутки, остроты на мой счетъ. Но я былъ не въ претензіи; клиника такъ бѣдна новостями дня, да и во всякой шуткѣ тамъ никогда не слышалось злобы; страданія дѣлали всѣхъ братьями. Даже въ то время, когда уже начиналось польское движеніе, въ стѣнахъ клиники была полнѣйшая дружба; недалеко отъ насъ шли патріотическіе споры, доходившіе до кровавой развязки, а здѣсь царило безмятежное братство. Въ одинъ день Греффе по обыкновенію зашелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ глаза, сказалъ чтò-то о новостяхъ дня и, затѣмъ, самымъ спокойнымъ, безпечнымъ голосомъ спросилъ:

— А что, вы ничего не будете имѣть противъ того, чтобъ вамъ сегодня сдѣлать операцію?

— Я готовъ, профессоръ.

— Ну и прекрасно, теперь ступайте гулять и не обѣдайте сегодня.—Еще одна просьба, можно прочитать лекцію надъ вашими глазами?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Такъ сегодня въ 4 часа вы спуститесь въ операціонный покой; до свиданія.

Въ 4 часа я былъ на мѣстѣ. Греффе еще не приходилъ; студенты молча раскладывали инструменты, нѣсколько gardes-malades стояли съ полотенцами, губками и тазами; посреди комнаты возвышался обитый черной клеенкой катафалкъ съ небольшой черною же подушкою въ изголовьи. Передъ катафалкомъ въ три ряда стояли стулья, по странной случайности, или можетъ быть такъ слѣдовало, на спинкахъ этихъ стульевъ виднѣлись номера какъ въ партерѣ театра. Я взялъ номеръ третій и сѣлъ. Чтобы быть свободнѣе, въ этотъ день я замѣнилъ обычный костюмъ военнымъ пальто. Сѣлъ я и задумался. Грустно мнѣ было, въ далекой сторонѣ я былъ совершенно одинъ; чужой языкъ, физіономіи чужого типа, да и комната сама какая-то зловѣщая. Скверно все это. Да, но вѣдь я не одинъ тутъ, сегодня операціонный день; посмотрю на своихъ товарищей, быть можетъ, они придадутъ мнѣ бодрости. Я взглянулъ кругомъ и невольно закрылъ глаза.

Въ этотъ день Греффе оперировалъ нищихъ и мое военное пальто какъ-то странно вырисовывалось среди жалкихъ лохмотьевъ окружающихъ. Мысли еще мрачнѣе, чѣмъ прежде, зашевелились въ головѣ моей, когда вдругъ дверь отворилась и вошелъ Греффе. При входѣ его, все просвѣтлѣло въ моихъ глазахъ; зловѣщая комната и лохмотья сосѣдей стали вдругъ чѣмъ-то прекраснымъ, розовымъ.

— «Je vais commencer par vous, monsieur, voulez vous placer?»

Я легъ на черный катафалкъ, двое студентовъ меня взяли за ноги, двое за руки, а двое щипчиками раскрыли вѣки. Греффе началъ читать лекцію. Онъ говорилъ очень скоро и большею частью по-латини, чтобъ я не все могъ разобрать. Какъ мое положеніе ни было стѣснено, но я увидѣлъ, какъ онъ осторожно протянулъ руку назадъ; и какъ ему вложили въ эту руку скалпель.

— Смотрите въ одну точку,—сказалъ Греффе,—и старайтесь не шевелить зрачкомъ. А какой не хорошій день сегодня... Вы удачно выбрали день операціи, сегодня все порывается, дождикъ и знакомая вамъ амазонка нѣсколько дней будетъ сидѣть дома, потому что по этой погодѣ ѣздить верхомъ нельзя, — а тамъ черезъ нѣсколько дней погода будетъ лучше и вамъ будетъ можно выѣзжать.

При началѣ этой болтовни, я почувствовалъ сильную боль въ глазу и потомъ въ горлѣ, какъ будто большой приливъ слезъ клокоталъ и душилъ меня, но сознанія я не терялъ.

— Теперь кончено; видите, я меньше двухъ минутъ заставилъ васъ мучиться.

Затѣмъ пошла обычная исторія обмыванья и заклеиванья обоихъ глазъ пластыремъ.

— Вы свободны, — сказалъ Греффе, — вамъ можно идти, т. е. васъ поведутъ.

Я всталъ съ катафалка, garde-malade обняла меня за талію и помогла спуститься на полъ.

— Благодарю васъ, профессоръ, — сказалъ я, протянувъ руку въ пространство.

Греффе крѣпко пожалъ ее, и, затѣмъ, меня отвели въ мой номеръ.

Черезъ мѣсяцъ я выписался изъ клиники и пришелъ прощаться къ Греффе.

— Не будете ли вы въ Швейцаріи въ нынѣшнемъ году? Вамъ бы не худо провести мѣсяца два тамъ, а если будете, то заѣзжайте ко мнѣ въ Saint Moris, я буду очень радъ васъ видѣть.

— Какъ! профессоръ, вы поѣдете въ Saint Moris? Развѣ вамъ горный воздухъ нуженъ?

— Онъ нуженъ мнѣ не столько для здоровья, какъ для отдыха. Saint Moris такое высокое мѣсто, что туда рѣдко кто забирается, вотъ я и отдыхаю. Впрочемъ, и здоровье отъ этой работы дѣлается плохо, я чувствую, что не надолго хватитъ силъ; такъ помните же я васъ жду въ Saint Moris...

Мы разстались, я уѣхалъ изъ Берлина, только не въ Швейцарію, а на Кавказъ. Но мирная, безмятежная Швейцарія привлекала меня; на Кавказѣ были такія же горы, если не выше, только въ нихъ шелъ бой, военная слава манила меня и жизнь пошла своей предвзятой дорогой.—Я позабылъ наставленіе Греффе.

Черезъ 7 лѣтъ, я былъ опять въ Берлинѣ. Маленькая моя дочь стала довольно сильно косить и я повезъ ее показать Греффе. Обстановка была уже не та, что прежде; большой домъ, великолѣпная лѣстница, лакеи въ гербовыхъ ливреяхъ, у подъѣзда швейцаръ. — Греффе меня принялъ также мило и любезно, только онъ тоже измѣнился, онъ былъ блѣднѣе и печальнѣе обыкновеннаго, голосъ потерялъ свой серебристый оттѣнокъ, глаза впали и какъ-то странно блестѣли; онъ немножко кашлялъ и отиралъ губы платкомъ, на которомъ я замѣтилъ слѣды крови.

Осмотрѣвши глазъ дочери, онъ посовѣтовалъ операцію и какъ можно скорѣе.

— Это я вамъ говорю не потому, чтобы болѣзнь требовала скорой операціи, но потому, что я самъ недолго продержусь и, вѣроятно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ буду никуда негоденъ.

— Cette maladie va vite, parfois il est tout arrosé de sang,—добавилъ онъ, указывая на платокъ.

Онъ не ошибся и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его опустили

хотя въ засыпанную цвѣтами, но все-таки въ слишкомъ раннюю могилу.

Въ настоящее время ему поставленъ памятникъ, но еще болѣе громадный памятникъ онъ самъ воздвигъ себѣ въ наукѣ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много людей попадалось мнѣ на жизненномъ пути, но я не встрѣчалъ другого Греффе; да и часто ли попадаются они? Люди по большой части увлекаются честолюбіемъ, гонятся за славою, которая подобно одуряющему напитку, застилаетъ все окружающее. Сожженные корабли, солнце Аустерлица, политика желѣза и крови, все это очень крупные символы, но за то сколько стоновъ и проклятій, сколько пролитой крови и слезъ влекли они за собою!.. Честолюбіе профессора—было служеніе ближнему и это честолюбіе вызывало только искреннія слезы благодарности и благословенія. При воспоминаніи о немъ, невольно рождается мысль, что человѣчество еще не такъ безнадежно и испорчено, если встрѣчаются люди такіе, какъ покойный профессоръ Альбертъ Греффе.

П. Николаевъ.

ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО.

1812 годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Извѣстный военный историкъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, велъ, начиная съ 1809 года, дневникъ, или записки, представляющія, безъ сомнѣнія, большой интересъ, такъ какъ авторъ ихъ вращался всю свою жизнь въ высшихъ военныхъ и придворныхъ сферахъ и долгое время былъ однимъ изъ приближенныхъ лицъ къ императору Александру I. Къ сожалѣнію, послѣ кончины Михайловскаго-Данилевскаго, бумаги его постигла печальная участь; онѣ частью исчезли безслѣдно, частью попали въ разныя руки. Между прочимъ, генералъ Шильдеръ напечаталъ два отрывка изъ записокъ Михайловскаго-Данилевскаго: «Изъ дневника о польской войнѣ 1831 года» («Рус. Вѣстникъ» 1889 года № 2) и «Дневникъ 1816 года» («Рус. Вѣстникъ» 1890 г. № 9). Благодаря случайности, намъ удалось пріобрѣсти три тетради записокъ Михайловскаго-Данилевскаго, именно за 1812, 1818 и 1823 года. Рукопись, пріобрѣтенныхъ нами и здѣсь печатаемыхъ записокъ, писана четкимъ, писарскимъ почеркомъ, съ собственноручными помарками и вставками Михайловскаго-Данилевскаго и, судя по нѣкоторымъ указаніямъ въ текстѣ, представляетъ извлеченіе изъ болѣе подробнаго, черноваго дневника. Прочитавъ эти записки, читатели убѣдятся сами на сколько онѣ любопытны и важны для характеристики той эпохи, къ которой относятся.

I.

Мое назначеніе помощникомъ секретаря въ канцелярію министерства финансовъ.— Положеніе финансовъ Россіи передъ войною 1812 года.— Количество ассигнацій, находившихся тогда въ обращеніи.— Министры финансовъ: графъ Васильевъ, Голубцовъ и графъ Гурьевъ.— Затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ приходилось дѣйствовать Гурьеву.— Его предложенія и оппозиція имъ въ Государственномъ Совѣтѣ.— Встрѣча съ императоромъ Александромъ I.— Предвѣстія войны.— Воззваніе государя къ народу.— Мое намѣреніе перейти въ военную службу.— Собраніе петербургскаго дворянства.— Выборъ Кутузова начальникомъ петербургскаго ополченія.— Мое представленіе Кутузову.— Неожиданное назначеніе мое къ нему адъютантомъ.— Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ дѣйствующей арміи.

Сначала гибельный, а потомъ славный для Россіи и вмѣстѣ столь рѣшительный для меня, 1812-й годъ засталъ меня въ мирныхъ занятіяхъ Азіатскаго тарифа, который я окончилъ въ январѣ мѣсяцѣ. Въ сіе время образовалось новое отдѣленіе канцеляріи министра финансовъ, имѣвшее цѣлью разсматривать различные проекты. Прежде мнѣ назначали въ ономъ мѣсто секретаря, но опредѣлили только помощникомъ онаго, съ ежегоднымъ жалованьемъ по 1500 рублей; секретаремъ сдѣлали только-что возвратившагося изъ чужихъ краевъ Тургенева, того самаго, съ которымъ я былъ въ Геттингенѣ. У него было много связей, по которымъ его предпочли мнѣ, а дружба и ученіе, соединявшія меня съ нимъ нѣсколько лѣтъ, не позволили мнѣ на сіе роптать. Мы начали работать подъ непосредственнымъ руководствомъ Балугьянскаго приведеніемъ въ нѣкоторую извѣстность ужаснаго хаоса нашихъ финансовъ, посредствомъ чего я узналъ большую часть сокровенностей ихъ, ибо всѣ дѣйствія оныхъ содержаны были въ непроницаемой тайнѣ. Я не нашелъ даже въ самыхъ высшихъ начальникахъ управленія разныхъ частей финансовъ другого достоинства, кромѣ знанія вести исправно счеты приходамъ и расходамъ и сохраненія въ тайнѣ хода дѣлъ; они воображали, что давать печатные отчеты или извѣстія о состояніи финансовъ значило ихъ вовсе испровергнуть и сдѣлать государственное преступленіе. Они были правы въ томъ только предположеніи, что таковое обнародованіе послужило бы къ показанію во всей наготѣ величайшаго невѣжества ихъ и неописанной запутанности нашихъ денежныхъ оборотовъ. Изъ сего былъ исключеніемъ одинъ министръ, имѣвшій умъ просвѣщенный и обширныя познанія въ государственномъ хозяйствѣ, чему я былъ свидѣтель, давая ему по временамъ лично отчеты въ нашихъ трудахъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ сословія народа называли Гурьева виновникомъ общаго бѣдствія, а сколь сіе было неосновательно, мы увидимъ изъ послѣдующаго.

Россія находилась въ началѣ 1812 года въ ожиданіи ужасной войны, угрожавшей ея независимости. Потребности казны, особливо по необходимости умноженія военнной силы, безпрестанно возростали, доходы отъ остановки въ торговлѣ и отъ упадка промыш-

ленности уменьшались и правительство твердо положило въ сіе время, дабы поддержать ежедневно понижавшееся достоинство бумажныхъ денегъ, кои до того постоянно двадцать лѣтъ служили единственнымъ средствомъ къ пополненію недостатка въ расходахъ, пріостановить дальнѣйшій выпускъ оныхъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Гурьеву назначено было переобразовать финансы, привести въ извѣстность состояніе различныхъ отраслей ихъ, искоренить вкравшіяся вѣковыя злоупотребленія и изыскивать новыя средства доходовъ. Не знаю находился ли какой-либо министръ финансовъ въ подобномъ затруднительномъ положеніи. Чтобы болѣе унизить Гурьева, сравнивали его управленіе съ управленіемъ предшественниковъ его, графа Васильева и Голубцова, и говорили, что при сихъ двухъ министрахъ не умножали налоговъ; но защитники ихъ не могли знать, сколько выпущено было при нихъ бумажныхъ денегъ, потому что это составляло государственный секретъ и слѣдственно имъ неизвѣстно было сколь великій вредъ они сдѣлали Россіи.

Для лучшаго усмотрѣнія состоянія финансовъ прилагаю у сего таблицу постепеннаго умноженія бумажныхъ денегъ съ 1789 по 1812 г.

Ассигнацій находилось въ обращеніи къ 1 января 1812 года 572.000,000 рублей, возросшихъ до сего количества слѣдующимъ образомъ. Онѣ учреждены были въ Россіи манифестомъ 28-го іюля 1786 года и выпущено ихъ было первоначально на сто милліоновъ.

	Годы.	Количество.	Убавлено.	Умножено.
Въ царствованіе Екатерины II выпущено ассигнацій на 157.703,640 рублей.	1786	100.000,000	—	—
	1787	100.000,000	—	—
	1788	100.000,000	—	—
	1789	100.000,000	—	—
	1790	111.000,000	—	11.000,000
	1791	117.000,000	—	6.000,000
	1792	120.000,000	—	3.000,000
	1793	124.000,000	—	4.000,000
	1794	145.550,000	—	21.550,000
	1795	150.000,000	—	4.450,000
	1796	157.703,640	—	7.703,640
При импер. Павлѣ I убавлено на 8.609,905 и при кончинѣ его количество ассигнацій простиралось на 149.093,735 рублей.	1797	147.074,840	10.628,800	—
	1798	146.986,005	88,835	—
	1799	146.404,400	581,605	—
	1800	149.093,735	—	2.689,335
Въ царствованіе императора Александра I выпущено.	1801	157.892,735	—	7.799,000
	1802	166.868,825	—	8.976,090
	1803	247.624,665	—	80.755,840
	1804	260.658,550	—	13.033,885
	1805	292.199,110	—	31.540,560
	1806	319.239,960	—	27.040,850
	1807	382.329,505	—	63.089,545

	Годы.	Количество.	Убавлено.	Умножено.
До 1 января 1812 г. выпущено ассигнацій на 422.906,265 руб.	1808	477.368,580	—	95.039,075
	1809	533.201,300	—	55.832,720
	1810	577.000,000	—	43.798,700
	1811	572.000,000	5.000,000	—
Въ числѣ сихъ 572 милліоновъ находилось ассигнацій:				
100 рублеваго достоинства		43.334,100	—	—
50 » »		—	90.982,000	—
25 » »		—	232.009,925	—
10 » »		—	118.453,840	—
5 » »		—	87.220,135	—
Итого . .		—	572.000,000	—

Хотя и находилось въ обращеніи 572 милліона рублей, но дѣйствительно было по счетамъ ассигнаціоннаго банка къ 1-му января 1812 года 630.596,475 рублей, а именно:

Въ обращеніи	572.000,000 руб.
Новыхъ ассигнацій изготовляемыхъ для обмѣна старыхъ	20.051,515 »
Вымѣненныхъ старыхъ ассигнацій, которыя намѣревались уже истребить	29.150,560 »
Ассигнацій находившихся въ губерніяхъ, дабы тамъ быть вымѣняемы	9.394,400 »
Итого . .	630.596,475 руб.

Количество всѣхъ ассигнацій уже истребленныхъ и тѣхъ, которыя существовали съ учрежденія ихъ въ 1786 году до 1812 года 957.033,580 руб., да иностраннаго долга въ Голландіи и въ Генуѣ 100.000,000 рублей.

Изъ сего видно, что съ 1789 года, кромѣ царствованія императора Павла I, былъ ежегодный недостатокъ въ доходахъ, который пополняли новыми ассигнаціями, пренебрегая кореннымъ правиломъ, что откладывать налогъ значитъ его удвоивать. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ не нужно было Васильеву и Голубцову умножать налоги, а какъ во время ихъ управленія ассигнаціи весьма мало теряли въ сравненіи съ звонкою монетою, то публика, не посвященная въ тайны финансовъ и не знавшая пропасти, которую они готовили на будущее время, оставалась довольною и полагала финансы въ цвѣтущемъ положеніи. Но едва Гурьевъ сдѣланъ былъ министромъ, какъ манифестомъ 27-го мая 1810 года объявлены, во-первыхъ, ассигнаціи государственнымъ долгомъ, о чемъ въ Россіи никто прежде не думалъ и что произвело ужасное вліяніе на упадокъ ассигнацій, которыя народъ, въ простотѣ своей, принималъ за настоящія деньги и, во-вторыхъ, обя-

зались не выпускать оныхъ вновь и употреблять различныя средства, чтобы уменьшить количество ихъ. Сей манифестъ служилъ основаніемъ нашихъ финансовъ, котораго министръ не могъ нарушить, не лишившись своего мѣста, и сколь постановленіе сіе не было благоразумно, но противъ него можно сдѣлать то возраженіе, что оно обнародовано было не вѡ-время. Запрещеніе не выдавать вновь ассигнацій привело въ необходимость прибѣгнуть къ налогамъ, а потому и несправедливо упрекать Гурьева въ умноженіи тягостей народныхъ, а надлежало бы обратиться съ укоризнами къ предшественникамъ его, не помышлявшимъ объ улучшеніи финансовъ въ такое время, когда Европа не вѣдала еще континентальной системы и находилась въ цвѣтущемъ положеніи, когда торговля Россіи, рукодѣлія ея и хлѣбопашества, приносили богатыя прибыли, когда всѣ отрасли управленія не были, какъ въ 1812 году, въ стѣсненномъ положеніи отъ безпрерывнаго упадка ассигнацій, и когда правительство не было въ обязанности приготовляться къ войнѣ, а особенно оборонительной, ибо въ ихъ время безопасность Россіи была охраняема не раздробленными тогда еще монархіями Австрійскою и Прусскою. Но графъ Васильевъ и Голубцовъ, бывшіе министрами финансовъ съ 1796 по 1809 годъ, не воспользовались стеченіемъ выгодныхъ обстоятельствъ, чтобы содѣйствовать къ умноженію народнаго богатства и къ усовершенствованію финансовъ, а правительство занялось симъ важнымъ предметомъ съ 1810 года, когда намъ угрожала неслыханная до того война. Спрашивается, въ чемъ же состоитъ вина Гурьева, который, соображаясь съ волею верховной власти, прибѣгнулъ къ налогамъ.

Дѣлая справедливые упреки графу Васильеву и Голубцову, должно сказать, однакоже, что они, особенно первый изъ нихъ, не были расточительны; ихъ можно назвать бухгалтерами, которые вели въ порядкѣ счеты прихода и расхода, но не улучшили никакой отрасли ввѣреннаго имъ управленія; не будучи освѣщены познаніями политическихъ наукъ, они придерживались искони заведенному ходу дѣлъ. Сему надобно искать причину въ недостаточномъ образованіи ихъ и даже въ семейственныхъ ихъ связяхъ. Графъ Васильевъ былъ сынъ сенатскаго секретаря и учился только русскому языку; служа первоначально въ сенатѣ, онъ опредѣленъ былъ впослѣдствіи секретаремъ къ генералъ-прокурору князю Вяземскому, завѣдывавшему также финансами, который его преимущественно употреблялъ по сей части, женилъ его на своей племянницѣ и, ознакомивъ его съ императрицею Екатериною, открылъ ему путь къ почестямъ. Не получивъ отъ природы возвышенныхъ свойствъ государственнаго человѣка и не приготовясь ученіемъ къ занятію важныхъ должностей, онъ не могъ видѣть предразсудки своего вѣка и слѣпо слѣдовалъ старинѣ.

Голубцовъ, племянникъ его, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и былъ артилерійскимъ офицеромъ, потомъ поступилъ подъ начальство дяди своего, графа Васильева; послѣ его смерти, занявъ его мѣсто, подражалъ въ то же время и правиламъ его въ отношеніи къ финансамъ, равно какъ Васильевъ наслѣдовалъ Вяземскому. Отъ сихъ-то семейственныхъ связей финансы наши въ теченіе почти полувѣка были управляемы на одинаковыхъ основаніяхъ и безъ всякихъ измѣненій.

Гурьевъ служилъ въ молодости въ гвардіи, потомъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ и, по возвращеніи въ Россію, занималъ разныя придворныя мѣста, былъ начальникомъ кабинета и министромъ удѣловъ, въ каковое время онъ, подобно большей части русскихъ дворянъ, рано слишкомъ кончающихъ свое воспитаніе, такъ сказать доучивался и обратилъ преимущественное вниманіе на государственное хозяйство. Онъ, какъ упомянуто выше, принялъ финансы въ свое управленіе, когда они были въ величайшемъ разстройствѣ и пріостановленъ былъ выпускъ ассигнацій, сей единственный источникъ, замѣнявшій до того недостатокъ въ доходахъ. Ему надлежало въ смутныхъ обстоятельствахъ для Россіи приводить въ дѣйствіе новыя мѣроположенія, основанныя на первый случай на новыхъ налогахъ, которые были необходимы, ибо недостатка въ приходѣ нельзя было ни чѣмъ другимъ пополнить, а издержекъ, особенно по военной части, которыя были главнѣйшія, ни подъ какимъ видомъ уменьшить. Въ таковомъ положеніи я засталъ финансы въ 1812 году, слышалъ повсемѣстный ропотъ на Гурьева и, еженедѣльно разъ или два бывая у него въ кабинетѣ, я имѣлъ случай удивляться хладнокровію, съ которымъ онъ переносилъ незаслуженные упреки. Ежели бы онъ могъ, подобно тому, какъ сіе дѣлается въ нѣкоторыхъ земляхъ, издать въ свѣтъ свое оправданіе и представить положеніе, въ которомъ онъ находился, то безъ сомнѣнія благосмыслящіе люди приняли бы его защиту, но никто въ публикѣ не вѣдалъ настоящихъ обстоятельствъ финансовъ, бывшихъ для всѣхъ тайною; министру оставалось молчать, терпѣть и дѣйствовать.

Затрудненія, въ которыхъ онъ находился, увеличивались отъ противурѣчій, встрѣчаемыхъ имъ въ государственномъ совѣтѣ, которому ему надлежало сообщать предварительно предложенія свои. 15-го февраля обнародованъ былъ манифестъ о новыхъ податяхъ, простиравшихся до двухъ сотъ милліоновъ, въ чемъ министръ финансовъ почти вовсе не участвовалъ; сему трудно повѣрить, но я за это ручаюсь, ибо я былъ тогда посвященъ въ тайны нашихъ финансовъ. Вотъ какъ происходило сіе дѣло. Представляя совѣту, въ исходѣ прошлаго года, смѣту доходовъ и расходовъ на 1812 годъ, изъ которой видно было, что на сіи послѣдніе не доставало 115 милліоновъ, коихъ нельзя было уже болѣе пополнить выпу-

скомъ новыхъ ассигнацій, Гурьевъ сообщилъ въ то же время составленный имъ планъ налоговъ. Совѣтъ опровергъ всѣ статьи его плана, за исключеніемъ только трехъ и, такимъ образомъ, министръ финансовъ принужденъ былъ сдѣлаться исполнителемъ мѣръ, которымъ онъ былъ совсѣмъ почти посторонній и которыя не входили въ его соображенія. Я знаю, что опираясь на примѣры Англіи, можно на это возразить, что въ такомъ случаѣ министръ долженъ былъ выйти въ отставку; но я на сіе буду отвѣчать, что подобныя теоріи может быть нужныя въ представительныхъ правительствахъ, у насъ еще неизвѣстны.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сего, члены Государственнаго Совѣта въ слѣдующемъ дѣлѣ обнаружили великое невѣжество свое въ политической экономіи. Чтобы возвысить достоинство ассигнацій, министръ финансовъ предложилъ ввести ихъ въ ходъ въ пограничныхъ губерніяхъ, въ которыхъ онѣ еще не были въ употребленіи, и гдѣ казна получала доходы и производила платежи звонкою монетою; сдѣлки между частными людьми основаны тамъ были равнымъ образомъ на звонкой монетѣ. Для правительства происходилъ еще тотъ ущербъ, что оно обязано было покупать большія суммы золота и серебра для отсылки оныхъ въ пограничныя губерніи на разныя потребности арміи, которая почти вся расположена была тогда на границахъ. Мѣра сія была благоразумная, потому что курсъ ассигнацій долженъ былъ возвыситься отъ распространенія для нихъ рынка. Департаментъ совѣта, который разсматривалъ проектъ Гурьева, согласился съ нимъ, но прибавилъ слѣдующія двѣ статьи: первое, чтобы сдѣлки между частными людьми и контракты ихъ съ казною были основаны на серебрѣ; не значило ли сіе лишить ассигнаціи послѣдняго достоинства ихъ, и, второе, учредить, такъ называемый, законный курсъ или постоянный, или ежегодный промѣнъ ассигнацій на серебро, который бы казна всякій годъ назначала. Не было ли сіе постановленіе копіею съ Робеспіерова закона, называвшагося «le maximum». Гурьевъ всѣми силами сему противоборствовалъ и къ счастію, что сіе заключеніе департамента отвергнуто было въ общемъ собраніи совѣта 26-го февраля.

Вотъ еще образчикъ умствованій совѣта въ дѣлѣ финансовъ, коими онъ занимался преимущественно въ началѣ 1812 года. Онъ сдѣлалъ положеніе въ мартѣ мѣсяцѣ, чтобы извлечь изъ обращенія двѣ трети мѣдной монеты и, продавъ ее на вѣсъ, купить на вырученную сумму серебра, изъ коего начеканить таковое же количество мелкой серебряной монеты, сколько изъято будетъ мѣдной. Когда министру финансовъ предложили сіе привести въ исполненіе, то онъ, зная, что въ народѣ уже и безъ того жаловались на недостатокъ мелкой ходячей монеты, заключилъ, что отъ уменьшенія количества мѣдныхъ денегъ ропотъ еще болѣе возростетъ и

что должно сообразить сперва, чѣмъ замѣнить двѣ трети мѣдной монеты изъемлемой изъ обращенія. Совѣтъ отвѣчалъ: «дѣйствительно надобно подумать объ этомъ», и симъ прекратились пренія по сему предмету.

Заключая описаніе финансоваго моего поприща, присовокуплю только, что сіе время мнѣ оставило нѣкоторыя пріятныя воспоминанія, потому что я былъ поставленъ именно въ тотъ кругъ дѣйствія, къ которому я въ Геттингенѣ приготовлялся, что пріобрѣлъ довѣренность министра и увѣренъ, что я могъ бы сдѣлать можетъ быть блистательную дорогу въ семъ родѣ службы, ежели бы обстоятельства, о коихъ буду сейчасъ говорить, не увлекли меня на военное поприще.

Между тѣмъ, я занимался моимъ кредитомъ и въ свободное время обыкновенно гулялъ по окрестностямъ Петербурга. Однажды, въ прекрасное утро, въ мартѣ мѣсяцѣ, пошелъ я пѣшкомъ за Московскую заставу и встрѣтилъ за городомъ императора Александра Павловича, ѣхавшаго въ Вильну къ арміи. Это было посреди большой дороги, и такъ какъ я находился совершенно одинъ, то императоръ мнѣ очень милостиво поклонился и улыбнулся; я впервые тутъ увидѣлъ улыбку незабвеннаго для меня Александра; она мнѣ такъ памятна, что кажется и теперь, по прошествіи пятнадцати лѣтъ, когда сіе пишу въ селѣ Юрьевѣ, я вижу черты лица и взоръ безсмертнаго покорителя Парижа. Когда коляска его величества проѣхала мимо меня, то я долго за нею слѣдилъ глазами и, тронутый до глубины души мыслію о бѣдствіяхъ предстоявшихъ Россіи, возсылалъ къ Богу, стоя одинъ посреди необъятыхъ болотистыхъ окрестностей петербургскихъ въ холодное и пасмурное мартовское утро, теплѣйшія молитвы о ниспосланіи побѣды нашему царю.

Все тогда принимало въ Петербургѣ военный видъ; гвардія выступила, армія находилась уже на западныхъ предѣлахъ нашего отечества, стихотворцы гремѣли на лирахъ бранныя пѣсни, на театрахъ представляли «Дмитрія Донскаго» и «Пожарскаго» и я, всегда страстный къ военной службѣ, ревностно желалъ вступить въ оную въ полномъ увѣреніи отличиться, но меня удерживало постановленіе, по которому гражданскихъ чиновниковъ неиначе принимали въ военную службу, какъ унтеръ-офицерами, чего мнѣ не хотѣлось; но вотъ какъ рѣшилась моя участь и началась новая эпоха моей жизни.

Это было въ половинѣ іюля мѣсяца, какъ я пошелъ пообыкновенію по утру въ канцелярію министра финансовъ, гдѣ засталъ чиновниковъ, незанимавшихся, какъ прежде дѣлами, но разговаривавшихъ о военныхъ происшествіяхъ, которыя ежедневно поселяли во всѣхъ болѣе и болѣе опасенія по причинѣ приближенія театра войны къ средоточію Россіи. Вдругъ приносятъ только-что

отпечатанный и еще мокрый листокъ изъ сенатской типографіи; я взялъ его первый, и сколь велико было изумленіе мое, увидя, что въ ономъ заключалось воззваніе государя къ народу о повсемѣстномъ вооруженіи, подписанное въ Полоцкѣ 6-го іюля. Я прочиталъ оное громко окружавшимъ меня товарищамъ, и не могъ удержаться отъ слезъ, когда дошелъ до слѣдующаго мѣста: «Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ», и прочее. Сіе обнародованіе произвело необыкновенное потрясеніе въ душѣ моей; свидѣтельствуюсь небомъ, что слезы, выкатившіяся изъ глазъ моихъ, исторгнуты были чистѣйшею любовью къ отечеству, и я въ то же мгновеніе далъ себѣ слово умереть за него. Я почувствовалъ въ себѣ необыкновенныя силы и рѣшился, оставя все, идти сражаться. Ни какіе честолюбивые виды не руководствовали мною, да и что могъ имѣть въ предметѣ я, у котораго въ арміи не было не только покровителя, но ни одного пріятеля. Я только намѣренъ былъ принести въ жертву Россіи и государю животъ мой. Впослѣдствіи, когда въ военной службѣ счастіе мнѣ улыбнулось, меня упрекали, что я въ 1812 году увлеченъ былъ честолюбіемъ; но побудительныя причины мои были слишкомъ священны, чтобы отвѣчать на подобные упреки. Современники трехъ сотъ спартанцевъ падшихъ подъ Термопилами были справедливѣе рускихъ, они, по крайней мѣрѣ, не укоряли ихъ въ самолюбивыхъ замыслахъ.

Между тѣмъ какъ я читалъ воззваніе и объ ономъ происходили сужденія, собрались начальники различныхъ частей управленія министерства финансовъ, которымъ я объявилъ о моемъ намѣреніи и сказалъ, что болѣе не примусь ни за какое дѣло и что подаю въ отставку. Одни слушали меня равнодушно, а другіе начали надо мною смѣяться; всѣ же при чтеніи воззванія исполнены были опасенія на счетъ своихъ семействъ и состоянія своего. Я тотъ же часъ поспѣшилъ къ другу моему Ильину, сказалъ ему на чтò я рѣшился и просилъ его во время моего отсутствія управлять моимъ имѣніемъ, и когда онъ мнѣ сіе обѣщалъ, то я началъ помышлять какимъ бы образомъ вступить въ военную службу. Я возвратился въ канцелярію министра финансовъ, гдѣ я пригласилъ молодыхъ людей послѣдовать моему примѣру и принудилъ почти нѣкоторыхъ изъ нихъ подписать имена свои въ числѣ охотниковъ идти служить. Краснорѣчіе мое подѣйствовало на весьма немногихъ, потому что это были люди большею частію безъ воспитанія и слѣдственно неспособные къ возвышеннымъ чувствамъ. Однако же человѣкъ десять подписались, но я впослѣдствіи узналъ, что изъ нихъ только двое были въ арміи.

Я находился какъ бы внѣ себя отъ новыхъ мыслей, меня обуревавшихъ. Назначено было петербургскому дворянству собраться для совѣщанія объ ополченіи, но въ приготовленіяхъ къ сему со-

бранію прошло нѣсколько дней для меня мучительныхъ, а ночь предшествовавшую оному я провелъ безъ сна. Наконецъ, настаіъ сей желанный день и я пошелъ въ дворянскую залу. Совершенно никѣмъ не знаемый, не имѣя никакого права возвысить голоса моего, я стоялъ въ толпѣ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ выбора начальника, чтобы къ нему явиться. Единодушно былъ провозглашенъ въ главные предводители только-что изъ турецкой арміи возвратившійся князь Кутузовъ, и я поспѣшилъ въ ту же минуту къ племяннику его, генералъ-лейтенанту Логину Ивановичу Кутузову, и просилъ его, чтобы онъ представилъ меня дядѣ своему. Долго онъ мнѣ совѣтовалъ отказаться отъ моего намѣренія, говоря, что мнѣ невыгодно покидать гражданскую службу, для которой я себя готовилъ нѣсколько лѣтъ, что военное поприще мнѣ вовсе чуждо, что безъ меня есть довольно защитниковъ Россіи, и что я слѣдую только слѣпо возродившейся во мнѣ прихоти, но видя меня непреклоннымъ, онъ обѣщалъ удовлетворить моему желанію и пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ на слѣдующій день, который князь Кутузовъ долженъ былъ у него провести. Разумѣется, что я не пропустилъ сего вечера и пріѣхалъ на оный ранѣе прочихъ гостей; могу ли выразить сколь сердце мое забилось, когда отворились двери и вошелъ покрытый лаврами старецъ, отъ котораго теперь долженствовала зависѣть участь моя. Меня ему вскорѣ представили, онъ меня очень обласкалъ и приказалъ придти къ себѣ на другой день. Я явился и онъ меня принялъ очень милостиво, разспрашивалъ о путешествіяхъ моихъ и объ занятіяхъ; казалось, что онъ былъ доволенъ моими отвѣтами и въ заключеніе сказалъ, что принимаетъ меня въ свою канцелярію. Поблагодаривъ его, я отвѣчалъ, что сколь ни лестно мнѣ быть при его особѣ, однакоже, я не желаю служить по канцеляріямъ и хочу быть употребленъ противъ непріятеля. «Ну такъ будь же при мнѣ въ должности адъютанта»,—сказалъ князь, и меня немедленно приняли въ с.-петербургское ополченіе съ назначеніемъ въ то званіе при его свѣтлости.

Между тѣмъ, волненіе въ умахъ было сильное. Всѣ состоянія казались недовольными безпрерывнымъ отступленіемъ Барклая-де-Толли, и общій гласъ народа опредѣлялъ князя Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями; черезъ нѣсколько дней государь ввѣрилъ ему сіе многотрудное мѣсто; всѣ ликовали, но я поблѣднѣлъ, полагая, что князь не возьметъ меня съ собою въ армію и что я долженъ буду остаться въ бездѣйствіи въ Петербургѣ съ ополченіемъ. Я опять поскакалъ къ племяннику его, началъ его упрашивать, чтобы онъ испросилъ у свѣтлѣйшаго позволеніе ѣхать мнѣ съ нимъ въ армію, на что сей съ удовольствіемъ согласился.

II.

Мое отправленіе въ дѣйствующую армію.—Переселеніе жителей изъ мѣстъ военныхъ дѣйствій.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Пріѣздъ въ Гжатскъ.—Бенигсенъ. — Затруднительность моего положенія въ главной квартирѣ фельдмаршала.—Начальникъ канцеляріи главнокомандующаго Фуксъ.—Составъ канцеляріи.—Полковникъ Кайсаровъ.—Мое прикомандированіе къ Кайсарову для занятій.—Генералъ-квартирмейстеръ Толь.—Моя служебная дѣятельность.—Бородинская битва. — Впечатлѣніе боя. — Наши раненые. — Расположеніе ко мнѣ Кутузова.—Перемѣна въ обращеніи со мной чиновниковъ главной квартиры.—Приказаніе, отданное Кутузовымъ генералу Дохтурову. — Порученіе мнѣ Кутузовымъ написать донесеніе государю.—Отступленіе нашей арміи.—Князь Багратіонъ.—Неудовольствіе Кутузова на атамана Платова.—Мое знакомство съ Жуковскимъ.

Въ началѣ августа мѣсяца я отправился въ армію вмѣстѣ съ внукомъ князя Кутузова, Бибиковымъ, котораго я знавалъ въ Неаполѣ, гдѣ отецъ его во время моего путешествія былъ посланникомъ. Намъ велѣно было ѣхать въ Смоленскъ, но дорогою мы узнали, что сей городъ взятъ, и потому мы изъ Торжка поворотили на Ржевъ и Зубцовъ, чтобы слѣдовать въ Вязьму, но свѣдавъ что и сей городъ находился уже въ рукахъ непріятеля, мы поѣхали на Гжатскъ. Вообще дорога наша была непріятна, потому что по нѣскольку разъ всякій день мы слышали отъ курьеровъ, посланныхъ изъ главной квартиры ко двору, и отъ проѣзжавшихъ объ успѣхахъ непріятелей и объ отступленіи нашихъ войскъ, что заставляло насъ по возможности ускорять нашимъ путешествіемъ.

По мѣрѣ приближенія нашего къ арміи, мы встрѣчали дворянъ, купцовъ и крестьянъ, оставлявшихъ свои жилища и слѣдовавшихъ во внутренности имперіи; цѣлые уѣзды однихъ губерній переселялись въ другія губерніи; новѣйшая исторія не представляетъ подобнаго зрѣлища. Дороги были покрыты повозками, жители везли съ собою все имущество свое и сіи добрые люди, видя насъ двухъ молодыхъ офицеровъ, ѣхавшихъ въ армію, желали намъ счастливѣйшихъ успѣховъ и насъ благословляли; отъ подобныхъ явленій у меня не рѣдко навертывались на глазахъ слезы.

Я никогда не забуду впечатлѣніе, которое произвело на меня слѣдующее зрѣлище на станціи Тосна, близъ Новгорода. Пріѣхавъ туда довольно поздно вечеромъ, я увидѣлъ множество народа, стоявшаго около одного дома въ величайшемъ молчаніи, и на вопросъ мой, что это значило, мнѣ показали спавшаго подъ навѣсомъ сего дома на соломѣ цесаревича Константина Павловича, возвращавшагося изъ арміи въ Петербургъ. Онъ былъ завернутъ въ сѣрую шинель, спокойствіе и вмѣстѣ горесть изображались на блѣдномъ лицѣ его; вблизи никого не было видно изъ свиты его, и только скромная коляска, запряженная четырьмя лошадьми, стояла не подалеку. Видъ внука Екатерины, спавшаго на соломѣ, меня по-

разилъ; но усладительно было смотрѣть на заботливость народа, вокругъ его собравшагося, обнаружившаго оную безмолвіемъ и тѣлодвиженіями, чтобы не нарушить покоя его. Добрые ямщики, съ коими я говорилъ, изъясняли въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ неограниченную преданность свою къ императ рскому дому.

Мы пріѣхали въ Гжатскъ 17-го августа вечеромъ и намѣревались отправиться въ тотъ же часъ въ главную квартиру, село Царево-Займище; но узнавъ, что князь Кутузовъ, на другой день прибудетъ въ Гжатскъ, мы остались тамъ ночевать. Городъ былъ въ величайшемъ смятеніи; ужасъ и отчаяніе были написаны на лицахъ оставшихся жителей; они почти всѣ покидали сей красивый и торговый городъ. Стукъ, трескъ и шумъ, раздававшіеся на улицахъ, покрытыхъ всякаго рода обозами, ранеными, больными, плѣнными, проходившими командами, меня нѣсколько времени оглушали. Сколько я могъ судить по поверхностному взгляду и основываться на незрѣлыхъ моихъ наблюденіяхъ, то дѣла наши должны были находиться въ большомъ безпорядкѣ. Солдаты были въ крайнемъ неудовольствіи отъ безпрестаннаго отступленія, первенствующіе генералы въ раздорѣ между собою, бѣглыхъ такое множество, что наканунѣ ихъ собрали до двухъ тысячъ, а потому пріѣздъ князя Кутузова былъ необходимъ, чтобы согласовать всѣхъ между собою. Я увидѣлъ въ Гжатскѣ въ первый разъ въ жизни Бенигсена: онъ былъ роста высокаго и худощавъ, и хотя уже находился въ преклонныхъ лѣтахъ, но казался бодрымъ. Въ чертахъ его лица видно было благородство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣмецкое хладнокровіе; я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на сего полководца, который первый изъ генераловъ въ Европѣ поставилъ преграду успѣхамъ Наполеона. Онъ, какъ извѣстно, оставилъ было армію, видя что Барклай-де-Толли не уважалъ его совѣтовъ, но князь Кутузовъ, встрѣтя его на дорогѣ, уговорилъ возвратиться. Въ Гжатскѣ же я слышалъ сильныя обвиненія противъ генерала Фуля и другихъ иностранныхъ генераловъ, о которыхъ говорили, что они для того будто бы совѣтовали отступать, что имъ не представлялось выгоднаго мѣстоположенія для сраженія, или, какъ въ шутку называли, что не находилось starke Position, выраженіе, которое послѣ вошло въ общее употребленіе и происхожденіемъ своимъ обязано чужеземцамъ, бывшимъ въ арміи въ 1812 году.

На другой день, когда мы отступали отъ Гжатска, я былъ пораженъ, увидя въ первый разъ тянувшуюся по необозримымъ полямъ многочисленную армію, обозы ея, артилерію и ту необыкновенную дѣятельность, заботливость и суетливость, которымъ я былъ ежеминутно свидѣтель, но которыхъ описать невозможно. Я не былъ ни съ кѣмъ знакомъ въ арміи и не имѣлъ ясныхъ понятій о войнѣ, ибо въ университетѣ я мало занимался науками до оной касающимися и очень рѣдко слыхалъ разговоры людей, бывавшихъ въ

походахъ. Невѣдѣніе мое простиралось до такой степени, что когда при мнѣ произнесли въ первый разъ слово вагенбургъ, то я думалъ, что это какой-нибудь городъ. Я не зналъ у кого спросить совѣта, и положеніе мое было тѣмъ затруднительнѣе, что армія наша безпрестанно отступала, и я поэтому бывалъ всегда на лошади, совершенно какъ чужой посреди несмѣтнаго числа людей. Я присталъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Фуксу, начальнику канцеляріи свѣтлѣйшаго, котораго я уважалъ, не зная его, потому что онъ занималъ подобное мѣсто при Суворовѣ во время Италійскаго его похода и сочинилъ исторію его. Я полагалъ, что любовь къ наукамъ насъ сблизитъ, и онъ мнѣ подастъ совѣтъ, что мнѣ должно было дѣлать; но, проживя съ нимъ три дня, я увидѣлъ, что онъ былъ человѣкъ пьяный и имѣлъ у себя подъ начальствомъ четырехъ чиновниковъ, которые съ нимъ вмѣстѣ жили, но которые произвели во мнѣ къ себѣ отвращеніе (за исключеніемъ одного Казначеева), по своему невѣжеству и дурному поведенію. Они мнѣ начали дѣлать разнаго рода непріятности и я рѣшился оставить Фукса и сихъ его сообщниковъ, пойти къ любимцу князя Кутузова и исправлявшему должность дежурнаго генерала, полковнику Кайсарову, которому предложилъ мои услуги. Онъ зналъ меня не много по связямъ моимъ съ братомъ его Андреемъ, сочинителемъ нѣкоторыхъ литературныхъ бездѣлокъ, довольно оригинальныхъ, и онъ принялъ предложеніе мое тѣмъ охотнѣе, что ему была надобность въ хорошемъ сотрудникѣ, и для сочиненія бумагъ и для употребленія въ сраженіи, къ которому тогда приготовлялись. Я трудился день и ночь, и по прошествіи двухъ сутокъ въ такой степени пріобрѣлъ довѣренность его, что онъ мнѣ началъ поручать самыя важныя дѣла. Товарищами моими были капитанъ, теперешній генералъ, Скóбелевъ, и одинъ аудиторъ; при насъ было только два писаря. Въ короткое время я познакомился съ многими генералами, которые приходили къ намъ въ дежурство, между прочимъ съ генералъ-квартирмейстеромъ Толемъ, съ которымъ меня сблизилъ нѣмецкій языкъ; онъ съ самаго начала нашего знакомства не переставалъ меня отличать и послѣ сдачи Москвы имѣлъ рѣшительное вліяніе на мою судьбу, какъ о семъ ниже упомянуто будетъ, и я съ нимъ впослѣдствіи остался пріятелемъ.

Между тѣмъ, понятія мои о войнѣ становились ежедневно обширнѣе; во время переходовъ я не оставлялъ ни на минуту князя Кутузова и внимательно слушалъ разговоры и сужденія какъ его, такъ и другихъ генераловъ, о военныхъ дѣйстіяхъ, о современныхъ происшествіяхъ, о выгодахъ и неудобствахъ позицій, и тому подобное; я находился безпрестанно подлѣ фельдмаршала, когда онъ, утомясь отъ верховой ѣзды, или уставъ въ своихъ крытыхъ парныхъ дрожкахъ, садился на скамейку, которую возили всегда за нимъ и разговаривалъ то съ генералами, то съ проходившими

мимо его войсками. Я вскорѣ ознакомился съ разнаго рода службами и привыкъ къ виду лагерей; не рѣдко по заходѣ солнца я ходилъ по бивакамъ между пылающихъ огней, вслушивался въ бесѣды солдатъ, а часто предавался тысячи мечтамъ. Раза два я ѣздилъ въ авангардъ, глядѣлъ на непріятельскіе огни и сердце мое сильнѣе билось. Какъ часто помышлялъ я въ подобныхъ прогулкахъ о судьбѣ своей и о превращеніи моемъ изъ мирнаго гражданина въ военные.

Занятія мои по множеству своему и разнообразію были безчисленны; день и ночь я былъ или верхомъ или съ перомъ въ рукахъ. Мы съ Кайсаровымъ садились на лошадей до разсвѣта, осматривали дороги и мосты и приказывали исправлять оные. Морозы были довольно сильны по ночамъ, и сколько я почиталъ себя счастливымъ, когда во время сихъ ночныхъ поѣздокъ мы могли гдѣ-нибудь напиться чаю; всего чаще останавливались мы у добраго генерала Ивашева. Отступая, мы приблизились скоро къ Колоцкому монастырю, гдѣ намѣревались сразиться съ непріятелемъ, о чемъ было уже писано къ графу Растопчину; но 21-го августа вечеромъ отложили сію мысль и отступили одиннадцать верстъ далѣе. Я во время сего перехода ѣхалъ возлѣ свѣтлѣйшаго, а онъ, завидя не въ далекѣ село, послалъ меня спросить, какъ оное называется, я привезъ ему въ отвѣтъ, что это село именуется Бородинымъ. Могъ ли я догадаться тогда, что въ сію минуту я произносилъ безсмертное въ исторіи имя.

Вскорѣ грянулъ Бородинской громъ! 24-го августа, мы услышали по утру сильную пушечную пальбу и поѣхали къ сражавшимся войскамъ. Армія располагалась на позиціи; это являло прекрасную картину и только аріергардъ Коновницына былъ въ дѣлѣ, но канонада ежеминутно усиливалась и мы вскорѣ увидѣли пороховой дымъ. Лѣвая моя рука, которою я держалъ повода лошади, сильно задрожала, и я почувствовалъ потрясеніе во всемъ тѣлѣ. Послѣ двухъ часовъ пополудни, когда аріергардъ вступилъ въ позицію, сраженіе на лѣвомъ крылѣ сдѣлалось почти общимъ; въ дѣлѣ находилось болѣе восьмидесяти тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Свѣтлѣйшій посылалъ нѣсколько разъ полковника Кайсарова, а сего послѣдняго сопровождалъ я одинъ и въ первой разъ былъ въ огнѣ. Тутъ я услышалъ жужжаніе ядеръ и картечи и свистъ пуль, увидѣлъ колонны въ боевомъ порядкѣ, насмотрѣлся на раненыхъ, словомъ увидѣлъ сраженіе. Какой важный урокъ для молодого неопытнаго человѣка. Между прочимъ, мнѣ приказали взять два орудія и на назначенномъ мѣстѣ сдѣлать изъ нихъ нѣсколько выстрѣловъ по французамъ. Это было для меня первое военное порученіе въ моей жизни, и исполняя его я почувствовалъ, что рожденъ быть военнымъ, ибо, находясь впервые въ огнѣ, я въ одно мгновеніе сообразилъ и наши движенія и движенія непріятелей.

Вечеромъ меня сильно поразили безпорядокъ и заботливость, составляющіе какъ-будто принадлежность главныхъ квартиръ по окончаніи сраженія. Меня утѣшалъ радушный пріемъ, сдѣланный моими товарищами тѣмъ изъ ихъ друзей и знакомыхъ, которые были ранены; хижины наши наполнились ими. Я тогда узналъ доброе сердце военныхъ, которые тѣмъ сострадальнѣе къ истиннымъ бѣдствіямъ, чѣмъ они менѣе чувствительны къ преходящимъ и минутнымъ неудобствамъ жизни, обыкновенно сильно дѣйствующимъ на людей никогда не бывавшихъ на войнѣ.

25-е число прошло въ приготовленіяхъ съ обѣихъ воюющихъ сторонъ и въ рекогносцировкахъ; изрѣдка были слышны вѣстрѣлы. Поутру меня посылали осматривать и срисовывать укрѣпленія, которыя строили на нашемъ лѣвомъ крылѣ. День былъ прекрасный и я, разъѣзжая по полямъ и посреди позицій, почиталъ себя совершенно свободнымъ, ибо часа два могъ располагать собою; вечеромъ я приказалъ осѣдлать лошадь свою, чтобы быть готову на всякой случай и уснулъ подлѣ нея на дворѣ избы, въ которой жилъ фельдмаршалъ.

26-го числа, въ четвертомъ часу поутру, меня разбудило ядро непріятельское, раздробившее находившуюся близь меня конюшню. Любопытно, и не знаю произошло ли сіе случайно или сдѣлано было съ намѣреніемъ, что первое ядро, пущенное съ непріятельскихъ батарей, направлено было на домъ занимаемый княземъ Кутузовымъ. Я вскочилъ отъ сна, и такъ какъ это былъ день моего рожденія, то я поздравилъ себя съ тѣмъ, что двадцать третій годъ моей жизни начинался при столь чрезвычайныхъ событіяхъ, спросилъ всталъ ли свѣтлѣйшій и получилъ въ отвѣтъ, что онъ уже уѣхалъ. Я догналъ его на возвышеніи при селеніи Горкахъ, у находившейся тамъ батареи. Вокругъ было темно, войска только-что начинали строиться; князь Кутузовъ давалъ послѣднія повелѣнія собравшимся около него генераламъ, кой-гдѣ слышна была ружейная перестрѣлка, вскорѣ при всходѣ солнца увеличившаяся: и вслѣдъ за тѣмъ загремѣли орудія и сраженіе сдѣлалось общимъ. Въ теченіе онаго я не отходилъ ни на шагъ отъ свѣтлѣйшаго и онъ меня много разъ посылалъ съ различными приказаніями. Одушевленный чистѣйшею любовію къ отечеству, я бросался въ самыя опасныя мѣста и съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ останавливался тамъ, гдѣ смерть все вокругъ меня поражала, и куда признаюсь послѣ нѣкоторой опытности не столь бы охотно я поѣхалъ; хладноковію моему въ семъ сраженіи я по сихъ поръ удивляюсь и никогда впослѣдствіи я не сохранялъ его до такой степени, какъ въ Бородинѣ. Около полудня, мнѣ дали двѣсти ратниковъ изъ московскаго ополченія, чтобы подбирать раненыхъ въ корпусѣ графа Остермана. Здѣсь меня осыпали ядра и обломки гранатъ, такъ что земля ими вырванная, покрывала меня съ ногъ

до головы, но сіе не потрясло меня; однако же, при видѣ растерзанныхъ членовъ нашихъ раненыхъ и блѣдности, предвѣстницы смерти, покрывавшей ихъ лица, и слыша пронзительные крики ихъ и вопли, коими они умоляли скорѣе прекратить жизнь ихъ, я едва усидѣлъ на лошади и не упалъ въ обморокъ.

Въ семъ жестокомъ сраженіи я горѣлъ желаніемъ обратить на себя вниманіе фельдмаршала и генераловъ и офицеровъ, состоявшихъ при немъ, потому что поведеніе ихъ со мной было гордо, ибо я не имѣлъ ни военнаго чина, ни связей, между тѣмъ какъ они были прежде меня въ службѣ, имѣли ордена или принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ. Лестно вспомнить мнѣ, что съ Бородинскаго сраженія князь Кутузовъ до кончины своей не переставалъ дѣлать мнѣ порученія и что обращеніе чиновниковъ главной квартиры сдѣлалось со мною самое вѣжливое. Большая часть изъ нихъ имѣли впослѣдствіи до меня нужду, и я почитаю себя счастливымъ, что могъ имъ дѣлать услуги, не давая имъ никогда замѣтить, сколь больно было мнѣ нѣкогда переносить надмѣнность ихъ.

Часу въ четвертомъ послѣ обѣда, князь Кутузовъ приказалъ мнѣ подъ пушечными ядрами написать слѣдующее повелѣніе къ генералу Дохтурову, которое онъ мнѣ самъ диктовалъ и которое я здѣсь помѣщаю, потому что я онаго не нашелъ ни въ одномъ сочиненіи объ Отечественной войнѣ:

«Я изъ всѣхъ движеній непріятельскихъ вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ семъ сраженіи, а потому завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшился я сегодняшняго дня всѣ войска, устроивъ въ порядокъ, снабдивъ артилеріею новыми снарядами, завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ, ибо всякое отступленіе при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю артилеріи».

Изъ сего важнаго документа видно, что на отступленіе рѣшились въ вечеру, когда подробно узнали о претерпѣнныхъ нами потеряхъ.

Къ концу сраженія, всѣ были истощены отъ усталости, потому что мы находились верхомъ на лошадяхъ восемнадцать часовъ; я легъ спать, но едва закрылъ глаза, какъ меня позвали къ главнокомандующему, котораго я засталъ вдвоемъ съ Бенигсеномъ, разсуждающихъ о томъ, что̀ надлежало предпринять. Не взирая на мою усталость, лишавшую меня почти всѣхъ силъ, видъ сихъ знаменитыхъ двухъ военачальниковъ и мысль, что они за мною прислали и, слѣдовательно, начали меня отличать, ибо отличіе состоитъ не въ наградахъ, а въ довѣренности и въ даваемыхъ порученіяхъ, меня воскресили, и я почувствовалъ себя совершенно укрѣпленнымъ; новое доказательство превосходства нравственной силы надъ тѣлесною. Свѣтлѣйшій велѣлъ мнѣ въ своей комнатѣ написать донесеніе къ государю и еще разныя другія бумаги, за которыми я провелъ до двухъ часовъ пополуночи, а въ сіе время

я сѣлъ верхомъ и поѣхалъ съ полковникомъ Кайсаровымъ, чтобы устроивать нѣкоторый порядокъ въ отступленіи артилеріи. Ночь была холодная, армія находилась уже на маршѣ, различныя чувства увидѣлъ я при разсвѣтѣ на лицахъ офицеровъ и солдатъ, удалявшихся съ того поля, на которомъ они увѣковѣчили славу Россіи. Между прочимъ, мнѣ случилось стоять при въѣздѣ въ деревню, въ которую велѣно было впускать одну артилерію, а обозамъ назначено было объѣзжать вокругъ селенія. Казаки, находившіеся при мнѣ, съ точностью выполняли мои приказанія и, между прочимъ, не позволяли ѣхать въ деревню коляскѣ, въ которой находился раненый князь Багратіонъ. Едва я увидѣлъ сію безразсудность казаковъ, какъ сейчасъ бросился и самъ провелъ его коляску; мнѣ пріятно вспомянуть, что раненый герой сдѣлалъ мнѣ знакъ головою въ изъявленіе своей благодарности.

На другой день послѣ Бородинскаго сраженія, то есть 27-го августа, вечеромъ, за мною прислалъ опять главнокомандующій и приказалъ мнѣ, не выходя изъ его избы, написать разныя бумаги. Между тѣмъ какъ я сіе исполнилъ, онъ бранилъ Платова, который въ сей день командовалъ аріергардомъ; вотъ, между прочимъ, собственныя слова его: «Онъ привелъ непріятеля въ нашъ лагерь; я не зналъ, чтобы онъ былъ такой г..някъ». Потомъ онъ призвалъ генерала Раевскаго и велѣлъ ему командовать аріергардомъ. Въ восемь часовъ онъ легъ почивать и приказалъ, чтобы его разбудили въ часъ пополуночи, а я остался одинъ въ его комнатѣ, чтобы окончить нѣкоторыя бумаги и чрезъ полчаса, намѣреваясь уходить, немного зашумѣлъ стуломъ: «Кто здѣсь?»—спросилъ онъ, проснувшись.—«Это я»,—отвѣчалъ я.—«Хорошо»,—сказалъ онъ.— Чрезъ нѣсколько секундъ на улицѣ зашумѣли: «поставь ко мнѣ поближе свѣчу и вели, чтобы тамъ не стучали,—сказалъ онъ,— и меня не безпокоили». Не успѣлъ я подвинуть къ нему свѣчи, какъ онъ заснулъ и я нѣсколько минутъ, стоя возлѣ него, на него смотрѣлъ; онъ почивалъ такъ покойно,—это былъ сонъ праведника.

Въ это время я познакомился съ стихотворцемъ Жуковскимъ, котораго изъ Московскаго ополченія перевели въ штатъ фельдмаршала. Доброта и кротость его характера заставили меня искренно его полюбить и черезъ часъ мы сдѣлались столь короткими пріятелями, что начали другъ другу говорить «ты». Я не видалъ человѣка безпечнѣе его. Это совершенный Лафонтенъ по характеру своему. Не взирая на то, что мы были обременены дѣлами, онъ почти ничѣмъ не занимался, уходилъ иногда поутру и возвращался поздно вечеромъ. «Любезный другъ,—говаривалъ я ему,—я за тебя весь день работалъ, потому что тебя не было дома».—«Я такъ созданъ,—отвѣчалъ онъ,—и ненавижу принужденія». Никакъ нельзя было тогда полагать, чтобы онъ современемъ сдѣлался придворнымъ и «на пудру промѣнялъ вѣнецъ».

III.

Моя поѣздка въ Москву.—Впечатлѣніе при въѣздѣ въ городъ.—Разспросы жителей.— Выѣздъ изъ Москвы и присоединеніе къ арміи.— Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ.— Рѣшеніе отдать Москву безъ боя.— Письмо къ маршалу Вертье.—Прощаніе съ Москвой.—Небрежность графа Растопчина относительно военныхъ снарядовъ, остававшихся въ Москвѣ.—Безпорядки.—Убійство Верещагина.—Измѣнникъ.—Выѣздъ изъ Москвы.—Кутузовъ подъ Москвой.—Генералъ Римскій-Корсаковъ.—Графъ Растопчинъ.—Безпорядки въ главной квартирѣ.—Отсутствіе всякаго плана.—Предположеніе Толя.—Извѣстіе о вступленіи непріятеля въ Москву.— Фланговый маршъ арміи на Калужскую дорогу.— Моя дѣятельность при Кутузовѣ.—Русскіе мародеры.—Московское дворянство.—Предосудительное поведеніе Платова.—Грабежи и неповиновеніе казаковъ.—Барклай-де-Толли.

Мы ежедневно приближались къ Москвѣ и я испросилъ позволеніе побывать въ оной дня на два, потому что мнѣ хотѣлось видѣть Москву въ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она тогда находилась, а съ другой стороны было совѣстно, что я еще не имѣлъ понятія о первопрестольномъ градѣ нашемъ. Съ нетерпѣніемъ проѣзжалъ я послѣднюю станцію, съ которой видѣлъ множество деревень и любовался тучными и хорошо воздѣланными полями. Москвы не было видно издали, но подъѣхавъ къ ней версты за четыре, она открывается со всѣми своими безчисленными колокольнями и церквами; окрестности города прелестны, хотя невидно красивыхъ дачъ, подобныхъ тѣмъ, которыя окружаютъ сѣверную столицу, но все вообще имѣетъ какой-то сельскій видъ. Древніе лѣса, сквозь которые сдѣланы просѣки, ручьи и озера, небрежно разбросанные рукою природы, составляютъ красоту сихъ мѣстъ, становящихся истинно-романическими по мѣрѣ приближенія къ Поклонной горѣ; но вся дорога, начиная отъ главной квартиры до Москвы, покрыта была войсками, шедшими на соединеніе къ арміи и подводами, наполненными ранеными, испускавшими жалобные стоны.

Я почувствовалъ сильное волненіе души въѣзжая въ городъ; ни одна столица въ Европѣ не сдѣлала на меня столь великаго впечатлѣнія. Итакъ, я наконецъ увидѣлъ Москву, знаменитую въ лѣтописяхъ Россіи, отечество героевъ и монарховъ ея, столицу, которая подавала единственный примѣръ въ исторіи, что она общимъ уваженіемъ награждала особъ, которыхъ дворскія интриги удаляли отъ дѣлъ, или пренебрегала тѣхъ, которые безъ заслугъ достигали до почестей, коея жители, предаваясь исключительно увеселеніямъ, сохранили истинное чувство къ величію Россіи; здѣсь находятся лучшіе остатки древности нашей и совершались самыя важныя событія, которыя или прославляли наше отечество, или повергали оное въ бездну погибели. Какая участь ожидаетъ ее те-

перь? Какова бы она ни была, но жребій Россіи сопряженъ съ нею, думалъ я.

На дорогѣ отъ заставы до трактира, въ который меня везли, я три раза былъ остановляемъ народомъ, заключавшимъ по мундиру моему и по экипажу, что я ѣду изъ арміи; мнѣ дѣлали множество вопросовъ самымъ трогательнымъ и печальнымъ голосомъ. Сей добрый народъ не зналъ, что непріятель столь близко отъ него находился. Въ Москвѣ полагали французовъ за Можайскомъ, и думали, что сей городъ, въ который они уже вступили за два дня, пребывалъ еще во власти нашей. Я не имѣлъ ни духа, ни намѣренія ихъ разувѣрять. Начало смеркаться, когда я пріѣхалъ въ трактиръ; но любопытство мое было такъ сильно, что, не взирая на темноту, я пошелъ немедленно въ Кремль, сію Капитолію Россіи. Приближаясь къ оному, я ощущалъ, что патріотизмъ не мечта, но что онъ возвышаетъ души и рождаетъ въ насъ мысли и чувства, неизвѣстныя космополитамъ. Я говорилъ съ нѣкоторою гордостію самъ себѣ, что имѣвъ счастіе находиться въ Бородинскомъ сраженіи, я заслужилъ право приблизиться къ Кремлю и попирать ногами классическую землю моего отечества. Я провелъ нѣсколько счастливѣйшихъ минутъ на Кремлѣ, ходя во мракѣ около соборовъ, дворца и зубчатыхъ стѣнъ; сіи величественныя зданія въ повсемѣстномъ царствовавшемъ тамъ безмолвіи, представлялись мнѣ какъ исполинскія тѣни прошедшихъ вѣковъ. Я воспоминалъ Гиббона, размышлявшаго на Капитоліи о величіи и объ упадкѣ Рима, и мое воображеніе было воспламенено въ ту минуту не менѣе его.

По возвращеніи моемъ въ трактиръ, я нѣжился, какъ сибаритъ, потому что въ продолженіе трехъ недѣль, какъ я находился въ арміи, я ни въ одну ночь не раздѣвался, спалъ, гдѣ могъ, ѣлъ, что попало. Я проснулся на другой день съ неописанною радостію, что наконецъ я въ Москвѣ, и пробужденіе мое отъ сна было для меня пріятнѣе чѣмъ въ Римѣ. Я ошибался, полагая, что не могу уже имѣть тѣхъ пріятныхъ ощущеній, какъ во время путешествій моихъ; это служитъ новымъ доказательствомъ, что сердце наше имѣетъ сокровенные изгибы, которыхъ мы не можемъ подвергнуть никакому исчисленію, и я благодарилъ Провидѣніе, даровавше мнѣ столь сладостныя минуты.

Поутру я осматривалъ городъ и объѣздилъ его во всѣхъ направленіяхъ. Это было 30-го августа, въ день тезоименитства государя, который празднуютъ во всей имперіи; но я видѣлъ въ Москвѣ не праздники и не столицу знаменитую своими сокровищами, гостепріимствомъ и роскошью европейскою и азіатскою, а только голыя стѣны домовъ, изъ коихъ жители бѣжали, какъ изъ града, обреченнаго на разрушеніе. Улицы завалены были экипажами и повозками, нагруженными вещами всякаго рода, всѣ спасались отъ тучи бѣдствій, которая въ скоромъ времени должна

была разразиться надъ нами. Народъ не вѣрилъ уже болѣе печатнымъ листкамъ, въ которыхъ графъ Растопчинъ истощалъ всю силу площаднаго краснорѣчія своего, чтобы ободрить его. Я входилъ въ соборы, въ которыхъ народъ молился прежде съ такою набожностью, но теперь шумныя толпы его волновались только, такъ сказать, во внутренности храмовъ; люди всѣхъ состояній и возростовъ входили въ безпорядкѣ въ церкви, бросались передъ иконами, проливали слезы и съ утѣшеннымъ видомъ возвращались изъ храмовъ; въ сіи страшныя минуты одна молитва ихъ укрѣпляла.

31-го августа, я выѣхалъ изъ Москвы и догналъ армію въ не дальномъ разстояніи отъ оной, въ селѣ Вязюмахъ. На другой день мы въ первый разъ увидѣли столицу изъ лагеря. Съ ранняго утра князь Кутузовъ, окруженный генералами, находился на Поклонной горѣ. Подобнаго величественнаго зрѣлища исторія мало представляетъ, потому что около фельдмаршала собраны были такъ сказать представители Россіи, мужи, на которыхъ возложено было защищать славу и ея существованіе. Меня послали отыскивать Смоленское ополченіе, которое заблудилось; я нашелъ оное въ лѣсу и привелъ къ Поклонной горѣ; для меня пріятно было ѣхать впереди четырехъ тысячъ человѣкъ въ странѣ увѣковѣченной подвигами предковъ нашихъ, и гдѣ мы вскорѣ полагали найти или безсмертные лавры, или положить животъ нашъ. Никто въ арміи не помышлялъ о сдачѣ Москвы; мы не постигали мысли пережить ее.

Чѣмъ важнѣе мнѣ казалось собраніе первенствующихъ генераловъ нашихъ, разсуждавшихъ о спасеніи Россіи, тѣмъ непріятнѣйшее впечатлѣніе произвело на меня появленіе двухъ иностранцевъ, приглашенныхъ тогда фельдмаршаломъ на совѣщаніе. Это были полковники Мишо, уроженецъ изъ Ниццы, и Кроссаръ въ португальскомъ мундирѣ, которые по не знанію русскаго языка объяснялись въ присутствіи нашихъ генераловъ по-французски. Впослѣдствіи я съ обоими познакомился и нашелъ въ нихъ людей достойныхъ, особенно въ первомъ, который оказалъ Россіи большія услуги; но признаюсь, что видъ ихъ на Поклонной горѣ былъ мнѣ противенъ, и я не столько досадовалъ на нихъ самихъ, какъ на тѣхъ, которые имъ позволяли подавать свое мнѣніе. Я отчаялся въ спасеніи Россіи , видя, что наши полководцы столь мало надѣялись на себя, что принуждены были прибѣгнуть къ совѣтамъ чужеземцевъ.

Вечеромъ у фельдмаршала былъ военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ, въ которомъ разсуждали, сражаться ли передъ Москвою, или отдать ее безъ боя. По окончаніи совѣщанія, опредѣленіе коего мнѣ еще было неизвѣстно, свѣтлѣйшій призвалъ меня къ себѣ въ избу. Я засталъ его, сидѣвшаго одного подлѣ маленькаго столика.—«Напиши,—сказалъ онъ мнѣ,—къ графу Растопчину,

произвело! Я чувствовалъ неизъясненную скорбь, помышляя, что сія святыня будетъ поругана непріятелемъ и осквернена присутствіемъ его.

Въ двухъ верстахъ отъ Москвы я встрѣтилъ фельдмаршала, который остановился на полѣ, и, велѣвъ поворотить дрожки свои къ столицѣ, глядѣлъ на нее и на проходившія мимо его войска, которыя сохраняли глубокое молчаніе и были въ унынiи, скажу болѣе, отчаяніе было написано на лицахъ ихъ. Тутъ же тянулось несчетное множество экипажей и обозовъ. Подлѣ князя Кутузова я увидѣлъ какого-то генерала пожилыхъ лѣтъ, который былъ мнѣ неизвѣстенъ. Какъ я вознегодовалъ, услыша, что это былъ Римскій-Корсаковъ, извѣстный пораженіемъ своимъ подъ Цюрихомъ. И такъ я увидѣлъ въ тотъ день, когда мнѣ казалось, что навсегда затмѣвалась слава Россіи, того генерала, о которомъ иностранные писатели говорятъ, что онъ есть первый, показавшій, что русскіе не непобѣдимы. Близь свѣтлѣйшаго находился и московскій главнокомандующій, которой являлъ себя истиннымъ энтузіатомъ; не говоря уже о его прокламаціяхъ, я приведу здѣсь только въ доказательство пламеннаго его слога два мѣста изъ писемъ его къ князю Кутузову. 21-го августа онъ писалъ: «Извольте мнѣ сказать, намѣрены ли вы для защиты Москвы дать сраженіе; я посему возьму свои мѣры, дабы сражаться вмѣстѣ съ вами передъ Москвою или одинъ въ Москвѣ». Наканунѣ сдачи столицы онъ писалъ: «Я готовлюсь облобызать руку спасшую Москву».

Часу въ четвертомъ, мы прибыли въ деревню Панки, гдѣ расположилась главная квартира. Безпорядокъ, или лучше хаосъ, были неописанны, и хотя теперь по благополучнѣйшему окончанію войны и говорятъ, что все было дѣлано съ умысломъ и по плану, но когда я помышляю о томъ, что происходило въ несчастный день отступленія отъ Москвы, то я нахожу, что не совсѣмъ безъ основанія отчаявался тогда въ спасеніи отечества. Я помню между прочимъ, что часовъ въ семь вечера вошелъ въ ту избу, гдѣ я работалъ, генералъ квартирмейстеръ Толь и, разложа на столѣ карту, долго на нее смотрѣлъ. «Куда мы идемъ?» спросилъ я его «и какая будетъ цѣль нашего направленія?»—«Мы имѣемъ въ предметѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ, заслонить Владиміръ и Нижній-Новгородъ, потому что сіи и прилежащія къ нимъ губерніи—продовольствуютъ Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть и Волгу, какъ важнѣйшую рѣку по своему судоходству въ государствѣ». Послѣ сего я предоставляю всякому судить, какъ ложны тѣ описанія войны 1812 года, въ которыхъ утверждаютъ, что уже въ военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Филяхъ 1-го сентября, было рѣшено сдѣлать боковое движеніе на Калужскую дорогу; а что слова Толя, выше сего написанныя, справедливы, то я въ удостовѣреніе того скажу, что, имѣвъ привычку во все продолженіе войны вести жур-

налъ, я ихъ записалъ въ тотъ же самый вечеръ. На движеніе же на Калужскую дорогу согласились 3-го сентября поутру, и я былъ одинъ изъ первыхъ, который о семъ узналъ.

Время пріучаетъ къ перенесенію несчастій, потому самому и мы начали привыкать къ мысли, что Москва занята непріятелемъ, хотя первая минута, когда посланный отъ Милорадовича съ извѣщеніемъ, что французы въ оную вступили, была ужасна, и сіе чувство могло сравниться только съ тѣмъ, которое исполнило насъ третьяго сентября вечеромъ, когда мы увидѣли весь горизонтъ въ пламени и узнали, что Москва горитъ. Сіе явленіе представлялось намъ во все продолженіе боковаго марша такъ, что едва начинало смеркаться, какъ небо покрывалось краснымъ необъятнаго пространства заревомъ.

Фланговый маршъ съ Рязанской дороги на Калужскую мнѣ останется памятенъ потому, что въ сіе время мнѣ довѣряли много важныхъ занятій, касавшихся особенно до запасныхъ войскъ, поспѣшавшихъ отовсюду къ арміи; переписка по сей части, равно и съ губернаторами прилежавшихъ къ театру войны губерній, возложена была тоже на меня. Въ продолженіе же маршей я не отступно находился при свѣтлѣйшемъ и слѣдовалъ за каждымъ движеніемъ сего великаго мужа. Переходы наши были очень затруднительны, особенно маршъ на Тульскую дорогу, разстояніемъ въ шестьдесятъ верстъ; мы проходили мимо богатыхъ селеній, тучныхъ пашней и красивыхъ господскихъ домовъ; но жители изъ нихъ бѣжали, а оставшіеся ожидали съ ужасомъ приближенія неизвѣстной, устрашавшей ихъ будущности. Между прочими занятіями мнѣ поручали иногда дѣлать допросы плѣннымъ, или русскимъ выходцамъ изъ Москвы, и также таковымъ, которыхъ брали по подозрѣнію, какъ напримѣръ сына почтдиректора московскаго, теперешняго сенатора, Ключарева, и разсматривать перехваченныя непріятельскія письма. Какъ часто попадалась мнѣ передъ глаза подпись Наполеона, маршаловъ его и министровъ, о которыхъ слава гремѣла тогда во всѣхъ концахъ земли, но ничто меня столько не поразило какъ слѣдующее выраженіе въ письмѣ одного французскаго офицера изъ Москвы, который, повѣствуя о бѣдствіяхъ столицы, говорилъ между прочимъ: «Un jour on dira qu'il a existé içi une grande et belle ville» въ сердцѣ у меня отдалось тотъ же часъ: «Exoriatur ex ossibus nostris ultor!»

Въ это время три предмета возбуждали всеобщее негодованіе: мародерство, поведеніе московскаго дворянства и поступки атамана Платова. Побѣги солдатъ были многочисленны послѣ Бородинскаго сраженія, но они весьма увеличились послѣ сдачи Москвы. Мародеры не поодиночкѣ, но цѣлыми толпами, скитались по лѣсамъ и по деревнямъ; они тысячами наводнили Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Владимірскую дороги, и проникнули даже въ

Тамбовскую губернію. Строжайшія повелѣнія послѣдовали по сему предмету отъ свѣтлѣйшаго къ губернаторамъ, и онъ даже приказалъ убивать мародеровъ при малѣйшемъ сопротивленіи, каковое нерѣдко бывало со стороны бѣглецовъ, вооруженныхъ ружьями; случилось, что въ одинъ день переловили ихъ четыре тысячи.

Московское дворянство явило себя не въ блестящемъ видѣ; послѣ того, что отъ него можно было ожидать, послѣ увѣреній въ готовности жертвовать всѣмъ и не щадить ничего, оно не сдержало громкихъ обѣщаній своихъ. Оно обязалось выставить восемьдесятъ тысячъ ратниковъ, вооруженныхъ и снабженныхъ всѣмъ потребнымъ для войны, вмѣсто того ополченіе Московской губерніи простиралось только до четырнадцати тысячъ человѣкъ съ дурными ружьями и пиками, въ то время какъ въ Москвѣ досталось непріятелю болѣе тридцати тысячъ ружей. Когда ополченіе прибыло къ арміи, то съ нимъ пришло сначала много дворянъ и щеголей на статныхъ лошадяхъ, но въ скоромъ времени военное ремесло имъ наскучило и они разъѣхались по домамъ.

Атаманъ Платовъ всѣхъ возстановилъ противъ себя и противъ казаковъ во первыхъ распутнымъ своимъ поведеніемъ, напримѣръ онъ былъ мертво пьянъ въ оба дня Бородинскаго сраженія, что заставило, между прочимъ, князя Кутузова, 24-го августа, во время дѣла, сказать при мнѣ: «что онъ въ первый разъ во время большого сраженія видитъ полнаго генерала безъ чувствъ пьянаго».

Вторая причина, по которой казаки потеряли свою славу, состоитъ въ томъ, что они въ сію войну старались дѣйствовать отдѣльно отъ арміи, какъ будто въ намѣреніи устранить себя отъ регулярныхъ войскъ и какъ будто бы они служили другому государю и другому отечеству. Сверхъ того, они ужасно грабили; меня увѣряли достовѣрные люди, что Платовъ посылалъ на свой счетъ грабить деревни и села, и отправлялъ на Донъ нѣсколько обозовъ съ похищенными такимъ образомъ вещами. Когда армія была на Тульской дорогѣ, то команда, посланная для отыскиванія бѣглецовъ, настигла восемьдесятъ грабившихъ казаковъ, которыхъ нельзя однакоже было поймать, потому что они пиками и саблями пробились сквозь команду. Недолго спустя послѣ оставленія Москвы, большое число казачьихъ начальниковъ рапортовались больными, что князя Кутузова вынудило написать къ Платову письмо, въ коемъ онъ, спрашивая о причинѣ, подавшей къ тому поводъ, говоритъ, что онъ доведетъ обстоятельство сіе до высочайшаго свѣдѣнія и въ то же время для прекращенія сего употребитъ ту власть, которая званію его была предоставлена.

Платова и Барклая-де-Толли почитали въ арміи тогда главными виновниками бѣдствій Россіи. Послѣдствія доказали сколь подозрѣнія на второго изъ нихъ были несправедливы, но я о семъ обстоятельствѣ здѣсь упомянулъ для того, чтобы показать духъ

тогдашняго времени. Впрочемъ, одно осужденіе, въ которомъ трудно будетъ оправдать память Барклая-де-Толли, состоитъ въ томъ, зачѣмъ онъ принималъ на себя бремя предводительствовать арміями противъ искуснѣйшаго полководца нашего времени, не чувствуя силы свои соотвѣтствующими столь великому назначенію. Любопытно было въ сіи смутныя времена смотртѣть на него; на лицѣ его начертана была всегда, когда я его ни встрѣчалъ, горесть; но хладнокровіе его и важность не измѣнялись; казалось, что онъ былъ глухъ къ упрекамъ войскъ, обнаруживавшимся при каждомъ случаѣ; будучи спокоенъ увѣреніемъ совѣсти своей, онъ сказалъ однажды въ сіе время: «отступленіе мое спасетъ Россію».

IV.

Перемѣны въ главной квартирѣ. — Увольненіе Кайсарова и назначеніе дежурнымъ генераломъ Коновницына. — Награжденіе меня орденомъ св. Анны 3-й степени. — Пріѣздъ въ главную квартиру князя Волконскаго. — Порученіе мнѣ вести журналъ военныхъ дѣйствій.— Холодность Коновницына ко мнѣ. — Одобреніе фельдмаршаломъ моихъ работъ по составленію журнала.—Перемѣна въ обращеніи Коновницына и его расположеніе ко мнѣ. — Мои отношенія къ Кутузову. — Неудовольствіе фельдмаршала на адмирала Чичагова. — Необычайное довѣріе императора Александра къ Кутузову.—Мое объясненіе съ фельдмаршаломъ. — Пріѣздъ въ главную квартиру генерала Лористона. — Его свиданіе съ Кутузовымъ.— Генералъ Вильсонъ. — Одобреніе фельдмаршаломъ моего предложенія издавать печатные бюлетени о дѣйствіяхъ арміи. — Появленіе перваго бюлетеня и впечатлѣніе имъ произведенное. — Осторожность Кутузова. — Мои отношенія къ Бенигсену. — Несостоявшееся нападеніе на короля Неаполитанскаго.—Гнѣвъ Кутузова и его письмо къ Ермолову.— Тарутинское сраженіе.— Схватка съ французскими кирасирами.—Странный образъ дѣйствій Кутузова.— Порученіе, возложенное на меня Коновницынымъ. — Я едва спасаюсь отъ смерти.—Великодушная помощь капитана Степанова.—Наши медики.—Вниманіе ко мнѣ Кутузова и другихъ лицъ. — Награжденіе меня орденомъ св. Владиміра 4-й степени. —Мое отправленіе для леченія отъ ранъ въ село Иваньково.— Настроеніе дворянъ и народа.—Переѣздъ мой въ Тулу.—Губернскій прокуроръ Есиповъ.— Мой отъѣздъ изъ Тулы.—Видъ сожженной Москвы. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Со сдачею Москвы моя судьба перемѣнилась. Дѣлъ умножилось, и князю Кутузову угодно было сдѣлать новыя распоряженія въ главной квартирѣ; зависть вооружилась противъ полковника Кайсарова, котораго фельдмаршалу представили какъ человѣка неспособнаго занимать званіе дежурнаго генерала, и какъ виновника множества безпорядковъ, происходившихъ въ арміи. Я измѣнилъ бы истинѣ, ежели бы сказалъ, что не было разныхъ неустройствъ; но я не отношу ихъ на счетъ Кайсарова, а приписываю чрезвычайнымъ обстоятельствамъ и необыкновенному положенію, въ которыхъ мы находились, а также отчасти и не-

удовольствію многихъ генераловъ на Кайсарова, который, какъ любимецъ фельдмаршала, имѣлъ неограниченную его довѣренность. Его мѣсто заступилъ 7-го сентября Коновницынъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ по отличной храбрости и по благоразумію своему. Для меня лично сіе назначеніе было громовымъ ударомъ, потому что я уже пріобрѣлъ довѣренность Кайсарова, былъ съ нимъ неразлученъ день и ночь, и, занимаясь безпрестанно въ его глазахъ, узналъ теченіе дѣлъ и никогда не могу довольно возблагодарить его за обязательное его со мною обращеніе, для меня тѣмъ драгоцѣннѣйшее, что онъ руководствовалъ мною на первомъ поприщѣ моей службы. Мы съ нимъ встрѣчались впослѣдствіи въ разныхъ положеніяхъ жизни, и я счастливымъ себя почитаю, что имѣлъ случай самъ быть ему полезенъ. Въ послѣдній день своего управленія онъ меня представилъ къ ордену св. Анны третьяго, что нынѣ четвертаго, класса, который мнѣ тотъ же часъ и былъ данъ, чему я несказанно обрадовался.

При Коновницынѣ мною сначала пренебрегли, меня подчинили полковнику Степанову, честному, но простому человѣку, котораго убили подъ Лейпцигомъ, и я нѣсколько дней не имѣлъ почти никакого дѣла; сіе время я проводилъ въ прогулкахъ и въ размышленіяхъ и давалъ себѣ неоднократно обѣщанія возвратиться къ ученой жизни. Мнѣ незнакомы были приближенные къ Коновницыну чиновники, но я уже столько понималъ людей, что всматриваясь, вскорѣ увидѣлъ, что окружавшіе его офицеры были безъ дальнихъ способностей, и заключилъ изъ сего, что, вѣроятно, меня не надолго оставятъ въ забвеніи. При немъ былъ только одинъ истинно достойный человѣкъ, а именно полковникъ Эйхенъ, нѣкогда славившійся отличнымъ квартирмейстерскимъ офицеромъ и управлявшій при Коновницынѣ по части движенія войскъ, но слабое здоровье его ограничивало дѣятельность его и самыя дарованія его, коими онъ прежде сдѣлался извѣстенъ.

Въ сіе время пріѣхалъ въ армію генералъ-адъютантъ князь Волконскій, имѣвшій впослѣдствіи величайшее вліяніе на всю мою жизнь, который, между прочимъ, объявилъ главнокомандующему, что государю императору угодно было получать журналъ военныхъ дѣйствій. Генералъ-квартирмейстеръ Толь, у котораго спросили кому можно поручить составленіе онаго, наименовалъ меня. Тогда я сидѣлъ, погруженный въ разныхъ мечтаніяхъ, какъ вдругъ адъютантъ Коновницына приходитъ меня къ нему звать. Генералъ, принявъ меня очень холодно, сказалъ, что фельдмаршалъ поручаетъ мнѣ сочиненіе военнаго журнала и приказываетъ приносить оный только его свѣтлости прямо, для прочтенія и поправокъ. Онъ присовокупилъ, что будетъ мнѣ сообщать всѣ нужныя для журнала бумаги, но такъ какъ въ числѣ ихъ было много тайныхъ, то чтобы я писалъ въ его квартирѣ. Оставляя

домъ его для того, чтобы перенести туда вещи мои, я благодарилъ Провидѣніе за перемѣну, происшедшую въ моемъ положеніи.

Я никогда не забуду сего происшествія, потому что оно положило основаніе будущему моему благосостоянію; это случилось въ четыре часа послѣ обѣда въ прекраснѣйшій осенній день. Молодой человѣкъ, который чувствуешь въ себѣ искру дарованія, вспомни о той минутѣ, когда люди въ первый разъ отдаютъ тебѣ справедливость и тѣмъ вознаграждаютъ тебя за всѣ бдѣнія твои, проведенныя тобою въ ученіи, и ты постигнешь радость, которая тогда исполняла сердце мое.

Я началъ писать военный журналъ въ избѣ Коновницына. Признаюсь, что видя его ласковое обращеніе съ другими офицерами, мнѣ больно было, что онъ со мною обходился холодно сначала. Не показывая никакого вида неудовольствія, я продолжалъ трудиться, и на другой день вечеромъ, окончивши журналъ, я просилъ его позволить мнѣ прочесть ему написанное мною и вмѣстѣ доложить обо мнѣ фельдмаршалу.

— Какъ вы уже окончили?—сказалъ онъ съ видомъ удивленія,—я думалъ, что вамъ надобно будетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли? Неугодно ли чаю?

Я торжествовалъ. На слѣдующее утро я прочелъ свѣтлѣйшему журналъ мой, начинавшійся отъ взятія Москвы; онъ былъ онымъ очень доволенъ, и, не поправивъ ни слова, послалъ къ государю. Съ сей минуты Коновницынъ возъимѣлъ ко мнѣ большую довѣренность и обращался со мною, какъ съ сыномъ; благосклонность свою сохранилъ онъ ко мнѣ до кончины своей и воспоминаніе о милостяхъ ко мнѣ и, могу сказать, о дружбѣ сего истиннаго героя и честнѣйшаго человѣка, пребудетъ на всегда украшеніемъ моей жизни. Мнѣ начали поручать самыя важныя и сокровенныя дѣла, и я ходилъ къ князю Кутузову разъ по двадцати въ день; онъ со мною не иначе разговаривалъ, какъ приказавъ мнѣ садиться. Я помню сколько я былъ еще новъ въ дѣлахъ, но неопытность мою я замѣнялъ прилежаніемъ, я ночи проводилъ въ занятіяхъ. Совѣта я не могъ спросить ни у кого, потому что товарищи мои, которыхъ я нашелъ у Коновницына, были люди молодые, добрые, но несвѣдущіе въ дѣлахъ. Здѣсь я подружился, между прочимъ, съ Александромъ Андреевичемъ Щербининымъ и съ Михайломъ Андреевичемъ Габбе, двумя отличными офицерами, вмѣстѣ со мною работавшими; но они были еще очень молоды и только-что начинали службу свою.

Коновницынъ назвалъ меня однажды за обѣдомъ исторіографомъ арміи. Я отвѣчалъ ему, что желая заслужить сіе названіе, я хотѣлъ бы также описать происшествія предшествовавшія сдачѣ Москвы. Коновницынъ, наклонясь ко мнѣ, сказалъ на ухо:—«Совѣсть моя

чиста, въ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ я былъ противъ сдачи Москвы; совѣсть моя чиста»,—повторилъ онъ. Я привожу сіи слова нарочно, чтобы показать духъ времени и какъ сокрушались тогда о потерѣ Москвы. Сему же чувству я приписываю равнодушіе и даже холодность, съ которою получили въ сіе время извѣстіе о пожалованіи князя Кутузова въ генералъ-фельдмаршалы.

Между тѣмъ, армія расположилась въ Тарутинѣ, семъ оплотѣ Россіи, а главная квартира перешла въ деревню Леташевку. Мы провели тамъ послѣдніе десять дней сентября и начало октября. Здѣсь составлялись предположенія, потрясшія цѣпи, коими была вселенная скована, и я всегда буду помышлять съ особеннымъ чувствомъ гордости, что въ сіе время я былъ довѣренною особою Кутузова, Коновницына и Толя, что часто я имѣлъ счастіе находиться при совѣщаніяхъ ихъ, и что они мнѣ поручали писать о тѣхъ мѣроположеніяхъ, которыя они признавали за нужныя. Сколько я научался дѣламъ и познанію людей и какую пріобрѣлъ опытность въ нѣсколько недѣль! Я думаю, что въ то время, которое я проводилъ у фельдмаршала, читая ему сочиненныя мною бумаги, которыя онъ исправлялъ, и давалъ мнѣ между тѣмъ свои совѣты и наставленія, я почерпнулъ столь много разнаго рода свѣдѣній, сколько въ обыкновенное время пріобрѣтается годами. Свѣтлѣйшій сдѣлался ко мнѣ такъ милостивъ, что онъ часто меня останавливалъ, когда я ему читалъ журналъ военныхъ дѣйствій или какія другія бумаги, дѣлалъ мнѣ поучительныя замѣчанія, почему именно такія-то распоряженія учинены были имъ или по его повелѣнію, а иногда предлагалъ мнѣ вопросы, чтобы объяснить мнѣ ходъ дѣлъ и тѣ обстоятельства, которыя мнѣ казались темны, особенно военныя движенія, которыя мнѣ еще мало были знакомы. Напримѣръ, однажды, я ему читалъ донесеніе какого-то генерала, въ коемъ сказано было, что при атакѣ казаки спѣшились; тутъ онъ меня остановилъ, спросивъ, для чего казаки спѣшились? и какъ я по неопытности моей не умѣлъ отвѣчать, то онъ мнѣ сказалъ: «мой другъ, они для того сошли съ коней, что вѣроятно непріятели были въ лѣсу, гдѣ они верхомъ дѣйствовать не могли». Голосъ и выраженіе его лица мнѣ всегда останутся памятны, когда онъ бывало меня удостоивалъ своими разговорами, словомъ сказать — тогдашній дикторъ Россіи оказывалъ мнѣ такое расположеніе, которое мнѣ во всю жизнь пребудетъ драгоцѣнно, тѣмъ болѣе, что я никому за оное, кромѣ себя, не обязанъ былъ.

Не взирая на вспыльчивость его характера и на мою неопытность, онъ только одинъ разъ на меня прогнѣвался; это случилось по слѣдующему случаю, къ которому подалъ поводъ адмиралъ Чичаговъ. Сей послѣдній очень рѣдко и недовольно подробно доносилъ о происходившемъ во ввѣренной ему арміи, хотя ему и приказано было писать сколь можно чаще и обстоятельнѣе. Свѣтлѣй-

шій сказалъ мнѣ, что послѣ многократныхъ подтвержденій ему не оставалось ничего другого дѣлать, какъ жаловаться государю «и такъ присовокупилъ фельдмаршалъ,—ты напиши императору, что я недоволенъ и очень недоволенъ поведеніемъ Чичагова и принеси мнѣ поскорѣе подписать сіе донесеніе». Положеніе мое было критическое, я зналъ особенную благосклонность государя къ Чичагову, извѣстно мнѣ было также, что князь Кутузовъ, который, хотя имѣлъ достаточныя причины негодовать на адмирала, но, будучи величайшимъ царедворцемъ, вѣроятно, хотѣлъ, чтобы я въ донесеніи соблюлъ дворскія приличія, о которыхъ я тогда не имѣлъ никакого понятія. Не находясь никогда въ подобномъ затруднительномъ положеніи, я просто написалъ, что думалъ о Чичаговѣ, и какъ выраженія мои не были довольно сильны, то фельдмаршалъ на меня разсердился. Это былъ единственный случай, въ которомъ я навлекъ на себя его неудовольствіе, и я нарочно здѣсь это замѣчаю, потому что всѣ прочія порученія, даваемыя имъ мнѣ ежедневно по нѣскольку разъ, удавалось мнѣ выполнять къ совершенному его угожденію.

При семъ случаѣ мнѣ показалось странно, что свѣтлѣйшій былъ недоволенъ тѣмъ, что я слишкомъ слабо жаловался на Чичагова; но я скоро догадался почему онъ, который не охотно говорилъ рѣшительно предъ трономъ, тогда не щадилъ адмирала, ибо я узналъ въ непродолжительномъ времени, что фельдмаршалъ до такой степени пользовался довѣренностію государя, что императоръ посылалъ къ нему обратно письма партикулярно отъ различныхъ генераловъ изъ арміи къ особѣ его величества писанныя, и въ которыхъ нерѣдко заключались упреки фельдмаршалу. Такимъ обзомъ и переписка адмирала съ государемъ была доставлена къ князю Михаилу Иларіоновичу. Я имѣлъ случай ее читать, письма писаны по-французски, но не совсѣмъ чистымъ языкомъ, я въ нихъ нашелъ нѣсколько хорошо обработанныхъ періодовъ и оборотовъ, свидѣтельствовавшихъ, что онѣ вышли изъ-подъ пера царедворца, но я не встрѣтилъ ни одной мысли, обнаруживающей истинно государственнаго человѣка. Сужденія его были самыя обыкновенныя, и изложены столь отрывисто, что должно думать, что онъ на нихъ полагалъ большой вѣсъ; я видѣлъ на каждой страницѣ, что главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы при соединеніи съ третьею арміею удалить отъ оной Тормасова или подчинить его себѣ.

Ободренный милостями ко мнѣ фельдмаршала, я одинъ разъ осмѣлился сдѣлать ему предложеніе до военныхъ дѣйствій относящееся; это было 30-го сентября. Такъ какъ мнѣ извѣстно было, что Наполеонъ не рѣдко давалъ сраженія, или наносилъ державамъ удары въ такіе дни, которые и въ прежніе годы онъ ознаменовывалъ равномѣрно какимъ-нибудь важнымъ происшествіемъ, то я полагалъ, что 2-го октября онъ можетъ быть вознамѣрится

насъ атаковать, ибо сего числа въ 1806 году онъ потрясъ Прусскую монархію пораженіемъ подъ Іеною и Ауерштетомъ, а три года послѣ того, 2-го же октября 1809 года, онъ принудилъ Австрію къ подписанію унизительнаго для нея мира въ Шенбрунѣ. Мысль, что Наполеонъ, бывшій тогда еще баловнемъ счастія, вознамѣрится въ тотъ же самый день, въ который онъ поколебалъ монархіи Фридриха и Маріи Терезіи, нанести ударъ и Россіи, меня долго мучила, тѣмъ болѣе, что никто не догадывался о приближеженіи столь рѣшительнаго, по моему мнѣнію, дня. Наконецъ, я счелъ обязанностію объявить о семъ фельдмаршалу, когда былъ съ нимъ наединѣ; онъ мнѣ отвѣчалъ:—«Пусть они насъ атакуютъ, я ихъ ожидаю», и по нѣкоторомъ молчаніи повторилъ:—«пусть они насъ атакуютъ, однако же объ этомъ обстоятельствѣ надобно предупредить Милорадовича»—(который тогда командовалъ нашимъ авангардомъ).

Около сего времени пріѣзжалъ въ Тарутино генералъ Лористонъ. Фельдмаршалъ, который обыкновенно ходилъ въ сюртукѣ, нося черезъ плечо портупею и нагайку, надѣлъ при семъ случаѣ мундиръ, вышелъ на улицу и когда насъ собралось вокругъ него довольно много, то онъ сказалъ намъ: — «Господа, я васъ прошу съ французскими офицерами, которые пріѣдутъ съ Лористономъ, не говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ о дождѣ и хорошей погодѣ, «de la pluie et du beau temps»,—это были именно его слова. Въ половинѣ одиннадцатаго часа вечера, посолъ Наполеона пріѣхалъ съ княземъ Волконскимъ; съ нимъ не было ни одного французскаго офицера. Фельдмаршалъ и Лористонъ пробыли вдвоемъ пятьдесятъ минутъ, потомъ позвали генералъ-адъютанта князя Волконскаго, который остался съ ними четверть часа; послѣ чего Лористонъ уѣхалъ; такимъ образомъ свиданіе его съ нашимъ главнокомандующимъ продолжалось часъ и пять минутъ. Когда Лористонъ входилъ къ свѣтлѣйшему, то я замѣтилъ на лицѣ его какое-то смятеніе, а когда онъ уѣзжалъ, то казался недовольнымъ. Я почти во все время сего свиданія просидѣлъ на чердакѣ того дома, который занималъ Коновницынъ, ибо домъ сей находился противъ того, въ которомъ жилъ фельдмаршалъ, и какъ въ той комнатѣ, гдѣ происходили переговоры, поставлено было нѣсколько свѣчей, то мнѣ съ чердака видно было, что въ горницѣ той дѣлалось; я могъ слѣдовать за каждымъ движеніемъ рукъ и видѣть ясно черты обѣихъ говорившихъ особъ. Къ концу свиданія я пошелъ къ крыльцу фельдмаршала, гдѣ стояло много генераловъ, ожидавшихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ кончится совѣщаніе. Тутъ находился между прочими англичанинъ Вильсонъ, извѣстный похожденіями своими и различными сочиненіями; онъ казался бѣснующимся отъ злости, зачѣмъ приняли посланнаго Наполеонова; повидимому и изъ вѣжливости наши генералы съ нимъ

казались согласны; но коль скоро онъ отворачивался въ сторону, то надъ нимъ смѣялись. Я не могъ смотрѣть безъ нѣкотораго сожалѣнія на находившихся тутъ же принцевъ крови, герцога Александра Виртембергскаго и наслѣднаго принца Ольденбургскаго, которые, не бывъ отличены особенными умственными способностями, которыя однѣ берутъ верхъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ въ коихъ мы находились, стояли въ толпѣ съ прочими генералами, не привлекая на себя никакого преимущественнаго вниманія, и такъ же какъ и другіе улыбались, слушая оригинальнаго Вильсона, и въ знакъ мнимаго согласія съ нимъ пожимали ему руку.

Чтобы болѣе заслужить дѣланную мнѣ довѣренность, я предложилъ князю Кутузову и Коновницыну издавать при нашей главной квартирѣ, по примѣру французовъ, бюлетени или извѣстія изъ арміи, посредствомъ которыхъ я полагалъ сообщать Россіи и всему свѣту о положеніи нашихъ армій, о состояніи непріятелей, о движеніяхъ войскъ, объ отличныхъ подвигахъ военныхъ и крестьянъ и тому подобное. Меня къ сему побудило преимущественно то обстоятельство, что не рѣдко къ намъ пріѣзжали, особенно послѣ сдачи Москвы, депутаты изъ разныхъ губерній узнавать, гдѣ находится армія россійская и существуетъ ли еще она; такимъ образомъ, во время бокового движенія съ Рязанской дороги на Калужскую, многіе были присыланы отъ губернаторовъ для удостовѣренія дѣйствительно ли Москва сдана непріятелю безъ боя. Предложеніе мое было принято съ особеннымъ удовольствіемъ, князь Кутузовъ и Коновницынъ сказали мнѣ, чтобы я, не теряя ни минуты, онымъ занялся, а Толь съ восхищеніемъ меня обнялъ. Часа черезъ два оно было готово и утверждено фельдмаршаломъ, который перемѣнилъ въ немъ одно только слово, о чемъ я ниже сего подробнѣе скажу; въ тотъ же день 30-го сентября сіе извѣстіе изъ арміи было напечатано и разослано повсюду; оно начинается слѣдующими словами: «Армія находится болѣе недѣли близъ села Тарутина на правомъ берегу Нары, и, пребывая въ совершенномъ спокойствіи, получаетъ отъ того новыя силы». Сіе первое печатное извѣстіе изъ арміи было принято, особенно внутри имперіи, съ общимъ одобреніемъ, и мнѣ лестно было слышать впослѣдствіи отъ особъ, незнавшихъ, что я былъ сочинителемъ сего бюлетеня, что оный способствовалъ нѣкоторымъ образомъ къ успокоенію государства, и видѣть, что его помѣстили почти во всѣхъ сочиненіяхъ о войнѣ 1812 года. Иные выписывали только извлеченія изъ него, а другіе, что меня часто заставляло смѣяться, помѣщали въ уста князя Кутузова, какъ слова имъ сказанныя, исполненныя особенной мудрости и предусмотрительности, собственныя мои мысли; ибо въ семъ бюлетенѣ, какъ я выше сказалъ, фельдмаршалъ перемѣнилъ только одно слово и вотъ по ка-

кому случаю. Извѣстно, что осторожность была одна изъ отличительныхъ чертъ его характера; онъ не любилъ предсказывать въ донесеніяхъ своихъ о будущемъ, а потому когда я дочитывалъ ему мой послѣдній періодъ перваго извѣстія изъ арміи, заключавшагося слѣдующимъ образомъ: «Итакъ враги наши вездѣ побѣждаемы, и они погибаютъ въ отдаленныхъ странахъ Европы, въ то время, когда ворвавшись въ предѣлы Россіи, найдутъ гробы свои въ нѣдрахъ отечества нашего».—«Почему ты это навѣрное знаешь, сказалъ мнѣ фельдмаршалъ, что они найдутъ у насъ гробы свои? напиши, что они найдутъ ихъ можетъ быть», что мною было и исполнено.

Едва сіе извѣстіе было напечатано, какъ мнѣ приказали уже изготовить другое. Увлеченъ будучи по молодости лѣтъ горестнымъ положеніемъ отечества и прелестными надеждами объ освобожденіи его, я употребилъ нѣкоторыя смѣлыя выраженія противъ Наполеона. Когда я читалъ фельдмаршалу сію бумагу и дошелъ до этого мѣста, то онъ, остановя меня, сказалъ съ жаромъ ему обыкновеннымъ:—«Молодой человѣкъ, кто тебѣ далъ право издѣваться надъ однимъ изъ величайшихъ генераловъ, посмотри, какъ онъ ко мнѣ относится»,—и, показывая при семъ письма, писанныя къ нему, велѣлъ перемѣнить выраженія мои.

Знаніе языковъ и чистый почеркъ, которымъ я писалъ, мнѣ много послужили, потому-что фельдмаршалъ часто приказывалъ бумаги, коихъ содержаніе было поважнѣе, писать въ собственной его избѣ и въ его присутствіи, и такъ какъ для переписки набѣло мнѣ не нуженъ былъ писарь, то ему было отмѣнно пріятно, что тайны никто посторонній узнать не могъ. Равномѣрно и знаніе языковъ мнѣ было чрезвычайно полезно для допросовъ плѣнныхъ, для чтенія перехваченныхъ бумагъ непріятельскихъ и иногда, хотя и очень рѣдко, для переписки съ находившимися въ Москвѣ непріятелями, къ чему меня начали употреблять съ одного утра, когда правитель канцеляріи фельмаршала Фуксъ былъ въ нетрезвомъ видѣ. Слѣдующій случай подалъ князю Михаилу Иларіоновичу выгодное понятіе о знаніи моемъ французскаго языка. Онъ получилъ изъ Петербурга обнародованный тамъ манифестъ о занятіи непріятелями Москвы и по прочтеніи его сказалъ, что ему желательно бы было, переведя оный по-французски, не теряя времени напечатать на семъ языкѣ. Я случился тутъ и предложилъ, не угодно ли мнѣ поручить сей переводъ. Князь согласился, и я черезъ нѣсколько часовъ оный окончилъ къ совершенному его удовольствію, и по напечатаніи переводъ мой разослали въ разныя мѣста, куда надобно было.

Стоитъ молодому человѣку попасть на стезю нѣкоторой извѣстности, тогда, кажется, сами собою представляются ему новыя знакомства и связи, могущія для него впослѣдствіи быть важными.

Такимъ образомъ случилось и со мною. При чтеніи французскаго перевода манифеста о занятіи Москвы непріятелями находился у свѣтлѣйшаго Бенигсенъ, который съ сей минуты началъ меня отличать и мнѣ весьма лестно, что я пріобрѣлъ и потомъ сохранилъ навсегда его благорасположеніе къ себѣ. На другой или на третій день послѣ сего, меня тайно старались переманить къ Бенигсену, чтобы я находился при немъ, дѣлая выгодныя предложенія на счетъ наградъ и производства, я отказалъ, ибо былъ сверхъ мѣры доволенъ и могу сказать счастливъ занимаемымъ мною мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что я не намѣренъ былъ продолжать военной службы и думалъ по заключеніи мира поступить попрежнему въ министерство финансовъ. По сему я не соглашался на дѣланныя мнѣ неоднократно предложенія, а между прочимъ и Коновницынымъ, перейти совсѣмъ изъ ополченія въ военную службу; я предпочиталъ свободу и науки, которымъ располагалъ предаться послѣ войны.

При семъ случаѣ мнѣ пріятно вспомнить, что чиновники главной квартиры, въ которой до Бородинскаго сраженія смотрѣли на меня свысока, какъ на странника, не принадлежавшаго къ военному сословію, начали со мною обращаться чрезвычайно ласково и едва увидѣли меня за столомъ Коновницына и фельдмаршала, то появились приглашенія на завтраки и обѣды. Въ сіе время начали во мнѣ искать, и такъ какъ это случилось въ первой разъ въ моей жизни, то я предоставляю судить всякому, кто находился въ такомъ положеніи, о чувствахъ моихъ; всего же пріятнѣе мнѣ было то обстоятельство, что сіе происходило въ такую эпоху, когда дѣло шло о спасеніи отечества. Не предаваясь никакому самолюбію, я удвоивалъ мое усердіе и прилежаніе, ибо почиталъ священною обязанностію сдѣлаться достойнымъ той довѣренности, которою меня удостоивали мужи, на коихъ возложена была участь имперіи. Скромная деревня Леташевка мнѣ навсегда останется памятна; и сколь-бы не продлилась жизнь моя, я всегда съ восхищеніемъ и съ гордостью будутъ вспоминать о ней.

Судьба, которая мнѣ столь благодѣтельно улыбнулась на первомъ поприщѣ служенія моего, скоро однако же назначила мнѣ сойти съ него. Послѣ того какъ армія наша совершенно отдохнула и пополнена была въ Тарутинскомъ лагерѣ, стали помышлять о начатіи военныхъ дѣйствій. Въ непродожительномъ времени открыли, что непріятельскій авангардъ, находившійся противъ насъ при рѣчкѣ Чернишнѣ, стоялъ съ великою оплошностью, почему дѣлаемы были различныя предложенія фельдмаршалу напасть на оный; причины почему онъ долго не соглашался, хотя успѣхъ былъ видимый, описаны въ моей исторіи; наконецъ, однако же, онъ рѣшился атаковать непріятеля, и положено было произвести въ дѣйствіе нападеніе 5-го октября рано поутру. Отъ чего не состоялось сіе нападеніе, въ которомъ король Неаполитанскій долженъ былъ

не минуемо быть истребленъ, равно и бѣшенство фельдмаршала за не исполненіе его повелѣній, принадлежитъ не сюда, а къ исторіи; скажу только, что свѣтлѣйшій былъ во весь вечеръ 4-го октября внѣ себя отъ гнѣва, и что къ нему боялись подойти, какъ въ Тарутинѣ, такъ равно, и по возвращеніи его въ Леташевку, и что и я чрезмѣрно былъ радъ, что онъ за мною не присылалъ. Гнѣвъ его въ особенности палъ на генерала Ермолова, котораго онъ хотѣлъ отдать подъ судъ, но однако же послѣ смягчился и велѣлъ написать на другой день къ нему слѣдующее повелѣніе: «Ваше превосходительство извѣстны были о намѣреніи нашемъ атаковать сегодня на разсвѣтѣ непріятеля. На сей конецъ я самъ, пріѣхавъ въ Тарутино, вчера въ восьмомъ часу вечера, къ удивленію моему узналъ отъ корпусныхъ командировъ тамъ собравшихся, что никто изъ нихъ приказа даже и въ восемь часовъ вечера не получалъ, кромѣ тѣхъ войскъ, къ коимъ генералъ Бенигсенъ самъ прибылъ и имъ оный объявилъ, какъ-то къ второму и четвертому корпусамъ. Къ тому же начальствующіе кавалеріею, генералы Уваровъ и князь Голицынъ, объявили, что, не получивъ заранѣе приказанія, много кавалеріи послали за фуражемъ, что и съ артилеріею было, и я, ѣхавъ въ Тарутино, повстрѣчалъ артилерійскихъ лошадей, веденныхъ на водопой. Сіи причины къ прискорбію моему понудили отложить намѣреніе наше атаковать непріятеля, что должно было быть произведено на разсвѣтѣ; а все сіе произошло отъ того, что приказъ весьма поздно былъ доставленъ войскамъ. Ваше превосходительство раздѣляете со мною всю важность таковаго случая, и я не могу оставить безъ розысканія причины сего, каковое упущеніе вамъ извѣдать предписываю и мнѣ о томъ донести немедленно».

Вотъ собственныя слова, которыя я нахожу въ журналѣ моемъ, тогда веденномъ. «5-го октября въ восемь часовъ вечера. И такъ завтра поутру мы идемъ атаковать непріятеля; мы выѣзжаемъ изъ Леташевки вскорѣ послѣ полуночи. Я сохраняю наканунѣ сраженія все спокойствіе и всю веселость духа; я помышляю только о бѣдствіяхъ человѣчества и о пріятностяхъ мира, которымъ будемъ наслаждаться впослѣдствіи. Если я завтра умру, то по крайней мѣрѣ найдутся люди, которые отъ чистаго сердца обо мнѣ будутъ плакать». Какое-то тайное предчувствіе говорило мнѣ, что со мною что-либо должно случиться. Настало шестое октября, и въ часъ полуночи въ весьма холодное время мы поѣхали съ Коновницынымъ въ Тарутино; пробывъ тамъ нѣсколько времени, мы съ разсвѣтомъ переправились на противоположный берегъ Нары, проѣхали по разнымъ корпусамъ, а когда услышали на правомъ флангѣ выстрѣлы, то отправились къ оному, ибо тамъ должно было произойти главное нападеніе. Повсюду, гдѣ Коновницынъ показывался, онъ подвигалъ быстро войска впередъ, вводилъ ихъ лично

въ дѣло, и мы слышали побѣдоносный крикъ «ура!» и видѣли бѣгство непріятеля. Мы пріѣхали къ оконечности праваго крыла, гдѣ непріятельскіе кирасиры опрокинули казаковъ; мы обнажили шпаги и, устроя казаковъ, бросились съ ними на непріятелей. Находясь рядомъ съ героемъ Коновницынымъ, мы рубились; сѣча продолжалась нѣсколько минутъ, мою лошадь ранили, она упала и вмѣстѣ съ нею и я. Въ сей ужасной суматохѣ французскіе кирасиры нанесли мнѣ нѣсколько ударовъ плашмя, но по прошествіи не многихъ секундъ они были опрокинуты; я предоставляю о радости моей судить тѣмъ, которые въ кавалерійской атакѣ находились въ подобномъ мнѣ положеніи. Въ сіе время казакъ далъ мнѣ французскую лошадь и сказалъ притомъ, что это дурной знакъ быть въ сраженіи на лошади отбитой у непріятеля; я сѣлъ на нее и поскакалъ къ Коновницыну, который, видя французскія колонны въ полномъ бѣгствѣ, сказалъ мнѣ: «Поѣдемъ къ фельдмаршелу поздравить его съ побѣдою». Князь Кутузовъ находился тогда позади центра нашего лѣваго крыла и по непостижимымъ причинамъ, въ которыхъ онъ долженъ будетъ отдать отчетъ потомству, останавливалъ войска и не вводилъ ихъ въ дѣло, въ то время какъ ему стоило только во исполненіе сдѣланной диспозиціи не мѣшать подвигаться пѣшимъ и кавалерійскимъ колоннамъ впередъ, чтобы совершенно истребить непріятеля, на всѣхъ пунктахъ уже опрокинутаго. Съ какими чувствами можно сравнить тѣ, которыя исполняютъ насъ въ минуту выиграннаго сраженія? А если кому суждено имѣть счастіе видѣть въ нѣдрахъ своего отечества пораженіе и бѣгство враговъ его, то какое перо можетъ выразить его радость.

Проѣзжая разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ фельдмаршала, мы увидѣли двѣ колонны, стоявшія позади насъ и которыя въ насъ стрѣляли. Коновницынъ сказалъ мнѣ, что это должно быть заблудившіяся войска изъ корпуса графа Остермана, который въ сей день не поддержалъ своей славы, почитающія насъ за непріятелей и велѣлъ мнѣ, подъѣхавъ къ нимъ, ввести ихъ въ дѣло. Въ ту минуту никого при немъ не было, кромѣ меня. Я бросаюсь, даю знакъ шпагою, чтобы болѣе не стрѣляли, приближаюсь къ нимъ, и что же представилось глазамъ моимъ? это были французы, я могъ увидѣть ихъ мундиры, кивера и даже различить черты лицъ. Я поворотилъ лошадь, но тысячи пуль свистятъ около меня, ибо по мнѣ открыли батальный огонь; попадаютъ въ лошадь, одна пуля пробиваетъ мою фуражку, а другая насквозь правую мою руку, попавши выше локтя, и вылетаетъ близъ кисти. Я сохранилъ столько силы, чтобы дать шпоры моей лошади; пули преслѣдуютъ меня, горячая кровь льется изъ ранъ моихъ, свѣтъ меркнетъ въ глазахъ, лѣсъ, находящійся передо мною, кажется, начинаетъ двигаться... Я падаю, но въ сію минуту вижу выѣзжающаго изъ лѣса капитана Степанова, собираю остальныя силы свои, кричу ему:

нашихъ, о коихъ почти ежедневно получались извѣстія, о сраженіяхъ при Вязьмѣ, Красномъ и на берегахъ Березины, но я скорбѣлъ, что не находился при нихъ; однакоже, обрѣталъ утѣшеніе въ мысли, что я исполнилъ долгъ мой и пролилъ кровь мою за Россію.

20-го декабря я поѣхалъ изъ Тулы въ Петербургъ съ г. Алексѣевымъ въ сильные морозы и мы прибыли поздно вечеромъ въ Москву, гдѣ остановились у гостепріимнаго книгопродавца Селивановскаго. Проѣзжая во мракѣ по московскимъ улицамъ, у меня сердце замирало отъ ужаса, потому что нельзя было смотрѣть безъ содраганія на обгорѣлыя зданія, на развалины церквей, домовъ и стѣнъ, и на стоявшія на пустыхъ мѣстахъ трубы погибшихъ въ пожарѣ строеній. Черный цвѣтъ ихъ еще увеличивался отъ бѣлизны снѣга, коимъ они отчасти были покрыты. Улицы были безлюдны, во-первыхъ, потому, что уже было поздно, когда я по нимъ проѣзжалъ, а во-вторыхъ, и по той причинѣ, что очень немногое число помѣщиковъ и жителей возвратилось въ столицу, ибо, лишившись домовъ своихъ, они не имѣли пристанища. Я провелъ въ Москвѣ три дня, и однажды, не взирая на мою слабость, ѣздилъ въ Кремль, гдѣ приставленъ былъ караулъ, никого туда не впускавшій, но который изъ уваженія къ моимъ знакамъ отличія и къ подвязанной рукѣ позволилъ мнѣ войти. Здѣсь я увидѣлъ картину ужаснѣйшаго разоренія, какое только представить себѣ можно; часть стѣнъ кремлевскихъ была взорвана на воздухъ, а подъ тѣми, которыя уцѣлѣли отъ взрыва, лежали бочки съ порохомъ, назначенныя для взорванія оныхъ; соборы были заперты и ко входамъ ихъ приложены печати; но сквозь стеклянныя двери можно было, хотя и не очень ясно, видѣть слѣды грабежа, разбоя и неистовствъ въ святыхъ храмахъ учиненныхъ; кухни и караульни, построенныя наскоро французами, стояли еще въ Кремлѣ и груды камней, остатки орудій, снарядовъ и военныхъ обозовъ, покрывали площади и окрестности соборовъ; словомъ, все являло видъ истиннаго хаоса.

Дорога изъ Москвы хотя мнѣ была тягостна по причинѣ открытыхъ ранъ моихъ, но потому отмѣнно пріятна, что повсюду видны были только радостныя и веселыя лица, ибо извѣщенія о пораженіяхъ непріятелей, объ отбитыхъ пушкахъ и знаменахъ и о неслыханномъ до того множествѣ плѣнныхъ, переходили изъ устъ въ уста. Сравнивая настоящее положеніе моего отечества съ тѣмъ, въ какомъ оно было за четыре мѣсяца, когда я по сей же дорогѣ ѣхалъ изъ Петербурга въ главную квартиру въ Гжатскъ, можно ли было не предаваться восторгу? Сѣверную столицу нашу я нашелъ, какъ можно было ожидать, въ упоеніи радости; я былъ принятъ въ ней съ особеннымъ отличіемъ, сдѣлалъ много новыхъ связей и прожилъ въ ней около мѣсяца. Такимъ образомъ заключился для меня 1812 годъ.

А. Михайловскій-Данилевскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ КОЛОКОЛА.

«Колоколъ это голосъ церкви, зовущій издалека и посылающій равномѣрный привѣтъ дворцу и лачугѣ».

Паоло Мантегацца.

I.

Начало употребленія колоколовъ.—Значеніе слова: колоколъ.—Клепала и била.—Легенда о Пронскомъ билѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія набатнаго или всполошнаго колокола.—Вѣчевые колокола.—Колокола краснаго звона.—Плѣнные и ссыльные колокола.—Царскіе золотые и лыковые колокола.—Отливка колоколовъ.—Замѣчательные по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.—Искусство звонить.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и его исторія.—Иванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи этого колокола.—Колокола: Реутъ, Вседневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкій, Слободской, Ростовскій, Нѣмчинъ, Глухой и Корсунскіе зазвонные.

НАЧАЛО употребленія колоколовъ приписывается египтянамъ; по словамъ историковъ, колокола будто бы употреблялись при священнодѣйствіяхъ въ праздники Озириса. Грекамъ также были извѣстны колокола: у аѳинянъ при храмахъ Прозерпины существовали колокола съ тою же цѣлію, какъ у насъ,—ими народъ призывался къ богослуженію. Тибулъ Страбонъ и Полибій, жившіе за двѣсти лѣтъ до Р. Х., говорятъ о колоколахъ, а позднѣе Іосифъ Флавій подробно описываетъ ихъ въ своихъ еврейскихъ антикваріяхъ. Въ Китаѣ и Японіи древность нѣкоторыхъ колоколовъ нисколько не уступаетъ древности Рима, Греціи и даже Іудеи и Египта.

Слово колоколъ, по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ корень съ греческаго «калкунъ», означающее клепало или било. Первые колокола при церквахъ на западѣ введены въ употребленіе въ концѣ VI вѣка. Литье первыхъ колоколовъ приписываютъ Павлину, епископу Нольскому, что въ Кампаньи; думаютъ, что отъ этого и произошло латинское ихъ названіе campana и nola.

При христіанскихъ храмахъ колокола, надо полагать, вошли въ употребленіе на Западѣ не раньше конца VI или начала VII вѣка; существуетъ преданіе, что когда въ 650 году войска Клотарія осадили Орлеанъ, то орлеанскій епископъ Лупъ велѣлъ звонить въ соборный колоколъ при церкви св. Стефана; осаждавшіе, испугавшись этого звона, приняли его за голосъ ангела и поспѣшно сняли осаду города. На Востокѣ, колокола употреблялись весьма рѣдко; при взятіи Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только въ немногихъ мѣстахъ Сиріи и Палестины. Турки запрещали колокола подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы звукъ ихъ возмущаетъ покой душъ, витающихъ въ воздухѣ.

Колокола, какъ у древнихъ, такъ и у христіанскихъ народовъ, употреблялись въ разныхъ случаяхъ: звонъ ихъ призывалъ народъ въ храмы, извѣщалъ о времени, возвѣщалъ о началѣ дѣйствій военныхъ и выступленіи войскъ въ походъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звонили въ колокола, когда вели на казнь преступниковъ, случался пожаръ въ городѣ, или смерть царя, епископа и даже частнаго лица. Въ небольшихъ городахъ и монастыряхъ, какъ уже мы замѣтили, колокола замѣнялись клепалами, билами, или просто досками, какъ напримѣръ, въ Греціи, гдѣ ихъ называли «симандрами»; это были просто деревянныя и желѣзныя полосы, въ которыя били палками или колотушками. Подобныя доски находились въ XII и XIV вѣкахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ—они и теперь еще употребляются на Алтаѣ и въ Сибири въ старообрядческихъ скитахъ.

Въ слободѣ «Плотной», составляющей одно изъ предмѣстій нынѣшняго города Пронска, на колокольнѣ тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданію, замѣнявшее нѣкогда, въ старину «вѣчевой колоколъ». По разсказамъ старожиловъ, это «било» неизвѣстно для чего неоднократно переносили изъ Пронска, верстъ за пять, въ село Ельшину, но било опять уходило на старое мѣсто въ Пронскъ. Преданіе говоритъ, что оно принадлежало женскому монастырю, нынѣ уничтоженному, бывшему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сооружена приходская церковь, сохранившая еще доселѣ чудное било. У этой церкви похоронены многія княжны и княгини Пронскія. Било это положено «кладью» въ церковь съ тѣмъ, чтобы оно принадлежало вѣчно одной и той же церкви. И по народному повѣрью никакою силою невозможно присвоить била съ того мѣста, которому оно завѣщано.

О колоколахъ новгородскихъ упоминается съ XI вѣка, какъ это видно изъ повѣствованія о приходѣ въ Новгородъ Литовскаго князя Всеслава Брячиславича, снявшаго съ Софійской колокольни колокола въ 1066 году, и изъ житія преподобнаго Антонія Римля-

Старинныя била и клепала.

нина, приплывшаго въ 1106 году во время утрени къ Новгороду и слышавшаго въ немъ великій звонъ [1]). Но колокола эти, вѣроятно,

[1]) О колоколахъ въ Кіевѣ упоминается въ 1171 г. См. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.», т. II, стр. 100.

были другого устройства и едва ли сохранились до насъ, хотя и признается преданіемъ въ Антоніевомъ монастырѣ одинъ небольшой колоколъ за колоколъ преподобнаго Антонія Римлянина († 1147).

О новгородской Филипповской церкви [1]), по случаю слитія перваго колокола въ 70 пудовъ въ 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большаго и никакова и отъ созданія церквей каменныхъ св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лѣтъ, а было желѣзное клепало». Также въ церковной описи Звѣрина монастыря за 1682 годъ показана въ числѣ клепалъ «доска желѣзная». Впрочемъ, до XIV вѣка еще упоминается о колоколахъ вѣчевыхъ и корсунскихъ [2]), а съ XIV и XV вѣка о нынѣшнихъ колоколахъ церковныхъ. Первый изъ этихъ колоколовъ, какъ извѣстно по лѣтописямъ, слитъ въ 1342 году къ Софійскому собору московскимъ мастеромъ Борисомъ, по приказанію архіепископа Василія, а въ XV вѣкѣ при архіепископѣ Евфиміи были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII вѣковъ, то отъ этого времени осталось не мало колоколовъ и даже съ надписями русскими и иностранными, указывающими на русскихъ и западныхъ колокольныхъ мастеровъ.

Колокола обыкновенно отливаются изъ такъ называемой колокольной мѣди, состоящей изъ сплава 78 процентовъ чистой мѣди и 22 процентовъ олова. Но бывали примѣры, что колокола дѣлались изъ чугуна, стекла, глины, дерева, и даже серебра. Такъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, существуетъ одинъ колоколъ чугунный, отлитый въ 1403 году. Въ Упсалѣ, въ Швеціи, есть колоколъ изъ стекла, превосходнаго звука. Въ Брауншвейгѣ, при церкви св. Власія, хранится какъ рѣдкость одинъ деревянный, тоже очень старый, лѣтъ около трехсотъ, называвшійся нѣкогда колоколомъ св. великаго пятка; онъ употреблялся во время еще католицизма и въ него звонили на страстной недѣлѣ. Въ Соловецкомъ монастырѣ находятся глиняные колокола, неизвѣстно когда и кѣмъ слѣпленные.

Колокола у насъ существуютъ многихъ видовъ и названій. Такъ извѣстны: набатные, вѣчевые, красные, царскіе, плѣнные, ссыльные, благовѣстные, поліелейные, золоченые и даже лыковые; существуютъ еще небольшіе колокола подъ названіемъ «кандія» или звонецъ. Имъ дается знать звонарю на колокольню о времени благовѣста или звона.

Первый изъ набатныхъ колоколовъ висѣлъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, подлѣ Спасскихъ воротъ, въ настѣнномъ шатрѣ или полубашенкѣ [3]); онъ назывался также царскимъ, сторожевымъ и вспо-

---

[1]) «Церковн. Лѣт.» въ Синодикѣ XVIII вѣка.

[2]) См. «Ист. Госуд. Рос.» Карамзина, т. VI, стр. 120—123.

[3]) Государи Россійскіе послѣ коронованія своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

лошнымъ; въ него звонили во время нашествія враговъ, мятежа и пожара; такой звонъ назывался «всполохомъ» и набатомъ [1]). На этой полубашенкѣ висѣлъ прежде, какъ полагали, вѣчевой колоколъ, привезенный въ Москву изъ Великаго Новгорода, послѣ покоренія его Іоанномъ III. Существуетъ предположеніе, что новгородскій вѣчевой колоколъ былъ перелитъ въ московскій набатный или всполошный въ 1673 году. По указу царя Өеодора Алексѣе-

Старинные псковскіе колокола.

вича, онъ сосланъ былъ 1681 года въ Корельскій Николаевскій монастырь (гдѣ погребены дѣти Новгородской посадницы Марөы Борецкой) за то, что звономъ своимъ въ полночь испугалъ царя. На немъ вылита слѣдующая надпись: «лѣта 7182 іюля въ 25 день, вылитъ сей набатный колоколъ Кремля города Спасскихъ воротъ, вѣсу въ немъ 150 пудовъ». Къ этой надписи прибавлена другая,

[1]) См. «Русская Старина», сост. А. Мартыновымъ. Москва. 1848 г.

вырѣзная: «7189 года, марта въ 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича всея великія и малыя Россіи самодержцу указу данъ сей колоколъ къ морю, въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государское многолѣтное здравіе и по его государскимъ родителяхъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлено при игуменѣ Арсеніѣ» [1]).

По свидѣтельству старожиловъ, у другого набатнаго колокола, который висѣлъ на башнѣ Спасскихъ воротъ послѣ перваго колокола и который теперь хранится въ Оружейной палатѣ, по приказу Екатерины II, былъ отнятъ языкъ за то, что онъ во время московскаго бунта въ 1771 году сзывалъ народъ; въ такомъ видѣ онъ висѣлъ до 1803 года, когда былъ снятъ съ башни и поставленъ подъ каменнымъ шатромъ у Спасскихъ воротъ вмѣстѣ съ большими пушками. По сломкѣ шатра, онъ былъ сперва помѣщенъ въ арсеналъ, а потомъ въ Оружейную палату: на немъ находится слѣдующая надпись: «1714 года іюля въ 30 день вылитъ сей набатный колоколъ изъ стараго набатнаго же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасскимъ воротамъ, вѣсу въ немъ 108 пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Маторинъ».

Кромѣ набатныхъ, были еще колокола «вѣстовые»; они существовали въ старину въ Сибири и во многихъ пограничныхъ городахъ южной и западной Россіи. Ими давали знать о приближеніи непріятеля къ городу. Вѣчевые колокола у насъ были въ Новгородѣ и Псковѣ и, какъ надо полагать, послѣдніе не отличались большимъ вѣсомъ. Еще въ началѣ XVI столѣтія во всей Новгородской области не было колокола болѣе 250 пудовъ вѣсомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ лѣтописецъ, упоминая о колоколѣ «Благовѣстникѣ», слитомъ въ 1530 году ко святой Софіи повелѣніемъ архіепископа Макарія: «слитъ бысть колоколъ вельми великъ, яко такова величествомъ не бывало въ великомъ Новѣградѣ и во всей Новгородской области, яко страшной трубѣ гласящи» [2]).

«Красными» колоколами называли такіе, которые имѣли звонъ красный, т. е. хорошій, усладительный, веселый; красные колокола тоже, что красивые, благозвучные. Въ Москвѣ, въ Юшковомъ переулкѣ, существуетъ церковь святителя Николая «у красныхъ колоколовъ»; этотъ храмъ болѣе чѣмъ два вѣка славился своимъ «краснымъ звономъ». Есть въ Москвѣ еще другой храмъ, за Неглинною, на Никитской улицѣ, извѣстный подъ именемъ «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшіе по тону колокола въ Россіи, это въ Ростовскомъ соборѣ. Колокольня этого храма замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ. Звоны тамъ названы по именамъ

---

[1]) «Словарь Географич. Рос. Госуд.». Соч. Щекатова.

[2]) «Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», III, стр. 246.

Ростовскіе колокола.

учредителей: Іонинъ, по имени митрополита Іоны Сысоевича, который съ 1652 года по 1691 годъ въ теченіе 39-ти лѣтъ правилъ митрополіею Ростовскою; Георгіевскій, особенно хорошій, какъ говорятъ знатоки, принадлежалъ архіепископу Георгію Дашкову, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи митрополіи съ 1718 года по 1731 годъ; Іоакимовскій, по имени архіепископа Іоакима 1731—1741 годъ. Колокола висятъ въ линію и различаются вѣсомъ: первый въ 2000 пудовъ, второй въ 1000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менѣе. Всѣхъ колоколовъ тринадцать. Звонари становятся такъ, что могутъ видѣть другъ друга и соглашаться въ тактѣ. Это одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Виѳаніи. Но ему сказали: «дайте такую же колокольню и такіе же колокола». Историческіе ростовскіе колокола: Сысой, Поліелейный, Лебедь [1]), Голодарь [2]), Баранъ, Красный, Козелъ и Ясакъ.

«Плѣнные» колокола имѣются на колокольняхъ многихъ нашихъ церквей; особенно богата ими Петербургская губернія, отчасти Москва и затѣмъ Сибирь. Изъ замѣчательныхъ шведскихъ старинныхъ колоколовъ, одинъ находится въ Петербургѣ за Невской заставой на Фарфоровомъ заводѣ, вѣсомъ въ тридцать пудовъ, съ латинскою надписью: «Soli Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Misael. Bader». По разсказамъ однихъ, этотъ колоколъ найденъ былъ въ землѣ, при постройкѣ каменной церкви, на мѣстѣ которой въ старину стояла шведская кирка. По другимъ преданіямъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ отъ шведовъ императоромъ Петромъ Великимъ. Между колоколами Москвы «плѣнныхъ» имѣется тоже нѣсколько. Замѣчателенъ тамъ одинъ «полѵелей» [3]) съ буквами Е. Г. и сбивчивою надписью: «Espoir en tout... de ce cloche es Chenaem st. tas en fraci». Этотъ древній колоколъ виситъ на колокольнѣ церкви св. Николая, въ Юшковомъ переулкѣ.

Въ Красноярскѣ, на соборной колокольнѣ, имѣется одинъ колоколъ, исписанный какими-то восточными письменами. По преданію, онъ взятъ изъ Буддійскаго храма. по другимъ разсказамъ его нашли лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ при разрытіи одного кургана въ Минусинскомъ селѣ.

Во время войны царя Алексѣя Михайловича съ Польшею, въ Сибирь было послано много плѣнныхъ поляковъ и литовцевъ, а съ ними отправлены и колокола. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ коло-

---

[1]) По словамъ отца Израилева, Лебедемъ этотъ колоколъ названъ потому, что эта птица, при помощи трубчатаго устройства дыхательнаго горла своего, производитъ громкій звукъ, подавшій поводъ къ сказкѣ о «лебединой пѣснѣ».

[2]) Названъ такъ потому, что въ него благовѣстятъ въ великій постъ.

[3]) Колоколомъ поліелейнымъ называется такой, въ который благовѣстятъ въ большіе праздники. Слово «полѵелей» греческое и означаетъ: многомилостивое.

коловъ привезены были даже въ Енисейскъ. Но война съ Польшею кончилась и вслѣдствіе Андрусовскихъ договоровъ, по царскому указу, плѣнники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно въ свои прежнія мѣста. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что какъ многіе изъ литовцевъ и поляковъ добровольно остались въ Сибири и послѣ поступили то въ городовые, то въ линейные казаки, такъ и колокола, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, не возвратились на родину [1]).

«Ссыльныхъ» колоколовъ, кромѣ извѣстнаго Углицкаго, что виситъ въ г. Тобольскѣ, существуетъ тоже нѣсколько; по большей части они присланы въ отдаленнѣйшіе монастыри благочестивыми, но гнѣвными царями.

Помимо Углицкаго колокола, въ Сибири извѣстны еще «царскіе колокола», жертвованные царственными особами. Такъ въ Сибирь къ разнымъ церквамъ прислано не мало колоколовъ Борисомъ Годуновымъ [2]). Потомъ жертвовали къ сибирскимъ церквамъ и въ монастыри цари Алексѣй Михайловичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ и Петръ съ Іоанномъ. Изъ этихъ колоколовъ три въ 160, въ 130 и 40 пудовъ, литые первый въ 1682 году, а два послѣдніе въ 1678 г., и присланные въ 1680—1684 годахъ, по сіе время въ цѣлости существуютъ въ Тобольскѣ, на колокольнѣ Софійскаго собора. Былъ на этой колокольнѣ и 4-й царскій колоколъ въ 110 пудовъ, пожертвованный къ собору царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1651 году, но онъ растопился во время пожара, бывшаго въ 1688 году.

Кромѣ того, царскихъ колоколовъ сохраняется: одинъ въ Турханскомъ монастырѣ, въ 50 пудовъ, присланный Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1660 году — и затѣмъ есть еще четыре колокола въ Кондинскомъ монастырѣ, присланные туда въ 1679 году царемъ Ѳеодоромъ.

«Золоченые» колокола имѣются, кажется, только въ городѣ Тарѣ, въ Сибири, при церкви Казанской Божіей Матери. Ихъ тамъ шесть; всѣ они небольшіе отъ 1 до 45 пудовъ. Вызолочены они тарскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Можаитиновымъ по слѣдующему случаю. Любимый братъ этого мѣщанина, бывъ по торговымъ дѣламъ въ степи, попался въ плѣнъ къ киргизамъ; братъ, узнавъ объ этомъ, далъ обѣтъ, что если плѣнникъ благополучно возвратится изъ плѣна, то онъ позолотитъ колокола. Братъ вернулся и горячность братской любви заставила выполнить данный обѣтъ. По другимъ разсказамъ, колокола позолотилъ Можаитиновъ изъ любви къ церковному благолѣпію.

---

[1]) См. «Истор. обозр. Сибири» Словцова, кн. 1, стр. 198.

[2]) См. Грамоты, помѣщенныя въ Сибирской Исторіи Миллера.

«Лыковые», какъ и карнаухіе колокола, тоже принадлежатъ къ опальнымъ и ссыльнымъ. Лыковые колокола, это ранѣе разбитые и затѣмъ связанные лыкомъ. Одинъ изъ нихъ имѣется, какъ мнѣ передавалъ С. В. Максимовъ, въ одномъ изъ монастырей Костромской или Вятской губерній; онъ присланъ сюда изъ Москвы царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Лучшіе колокольные заводы находятся въ Москвѣ, но есть также въ Костромѣ, Валдаѣ, Воронежѣ, Петербургѣ, на Уралѣ въ Тагилѣ и въ Сибири въ Енисейскѣ. Московскіе заводы на Балканѣ славятся около трехъ столѣтій; самые древніе изъ нихъ Самгина и Богданова; послѣдній замѣчателенъ тѣмъ, что большая часть большихъ московскихъ колоколовъ отлиты на немъ. Древній царь-колоколъ отлитъ тамъ же, мастеромъ Маторинымъ, отъ котораго заводъ перешелъ къ Слизову, отъ него къ Калинину, а отъ послѣдняго въ 1813 г. къ М. Г. Богданову, который отливалъ и поднималъ самъ на Ивановскую колокольню нынѣшній московскій большой колоколъ въ четыре тысячи пудовъ. Московскіе заводы настолько хорошо дѣлаютъ колокола, что заказы получаются изъ самыхъ отдаленѣйшихъ мѣстъ Сибири и за границы. Мѣдь для колоколовъ употребляется лучшаго качества, иногда старый колокольный ломъ. Для расплавки 100 пудовъ мѣди сжигается до трехъ саженей дровъ; для тысячи пудовъ не болѣе десяти саженъ, для 10,000 пудовъ—до 30 саженей. Когда мѣдь совершенно расплавится, къ ней прибавляютъ, минутъ за пять или за десять до отливки, извѣстное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтовъ мѣди, тщательно размѣшивая мѣдь. При отливкѣ нѣкоторые изъ присутствующихъ, благоговѣйно крестясь, бросаютъ въ растопленную массу серебро, принося этимъ посильную лепту; другіе же полагаютъ, что отъ этого звонъ будетъ чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемоніею. Хозяинъ завода до начала литья приноситъ въ мастерскую икону, зажигаетъ передъ нею свѣчи и всѣ присутствующіе молятся. Хозяинъ самъ читаетъ вслухъ особую, соотвѣтственную случаю, молитву, а мастера и рабочіе ее повторяютъ. Послѣ этого всѣ двери затворяютъ и хозяинъ даетъ знакъ начинать дѣло. Нѣсколько рабочихъ проворно и ловко берутъ наперевѣсъ рычагъ и, раскачавъ его, пробиваютъ въ плавильной печи отверстіе пода, откуда тотчасъ же огненнымъ ключемъ вырывается расплавленная мѣдь. Въ это время нужны все искусство и ловкость рабочихъ для того, чтобы мѣдь лилась ровно, исподоволь, по мѣрѣ ея вливанія въ форму, и не переполняла бы жолоба; въ противномъ случаѣ, она тотчасъ же выступаетъ изъ него и половина ея выльется на землю, а если ея не достанетъ хоть на половину ушей колокола—вся работа пропадаетъ и колоколъ надо вновь переливать. При литьѣ коло-

коловъ, обыкновенно, литейщики распускали какой-нибудь самый нелѣпый слухъ.

На эти колокольные разсказы, извѣстные подъ именемъ «литье колоколовъ», не разъ полиція обращала вниманіе и брала съ заводчиковъ подписки и дѣлала имъ строгія внушенія. Но съ литьемъ колокола этотъ освященный вѣками обычай снова воставалъ въ самой нелѣпой формѣ. Такъ изъ такихъ, разблаговѣщеныхъ разсказовъ, въ Москвѣ обратилъ всеобщее вниманіе одинъ, о которомъ упоминаетъ А. П. Милюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Однажды на Покровкѣ вѣнчали свадьбу, и когда священникъ повелъ жениха и невѣсту вокругъ налоя, брачные вѣнцы сорвались у нихъ съ головы, вылетѣли изъ оконъ церковнаго купола и опустились подъ наружные кресты, утвержденные на главахъ церкви и колокольни. Слухъ этотъ настолько былъ силенъ въ Москвѣ, что къ церкви съѣзжались экипажи въ такомъ количествѣ, что проходу не было— нѣжные сердца къ этому добавляли, что женихъ и невѣста были родные братъ и сестра и что они этого не знали—и что только чудо не допустило до грѣховнаго брака».

Другой такой же дикій и нелѣпый слухъ, пущеный литейщиками, повѣтствовалъ слѣдующее. Дѣло было зимою въ трескучіе морозы. Разсказывали, что генералъ-губернаторъ наканунѣ большого праздника, кажется Николина дня, давалъ балъ, на который приглашено было полгорода. Домъ горѣлъ огнями. Всю ночь продолжались танцы и, вотъ, во время полнаго разгара удовольствій, при громѣ бальной музыки, раздался съ Ивановской колокольни первый ударъ благовѣста къ заутренѣ. При этомъ торжественномъ звукѣ люстры и канделябры въ губернаторскомъ залѣ въ одну секунду погасли, струны на инструментахъ лопнули, стекла изъ двойныхъ рамъ, звеня, попадали на улицу, и въ страшной темнотѣ волны морознаго воздуха хлынули на обнаженныя шеи и плечи танцующихъ дамъ. Раздался крикъ ужаса. Испуганные гости бросились толпою къ дверямъ, но онѣ съ громомъ захлопнулись и никакія усилія не могли отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончался въ Кремлѣ благовѣстъ. Къ этому поэтическому разсказу добавляли, что въ большой залѣ найдено нѣсколько замерзшихъ и задавленныхъ и въ томъ числѣ самъ хозяинъ праздника.

По отливкѣ, колоколъ оставляется въ землѣ иногда нѣсколько дней, до тѣхъ поръ пока совершенно остынетъ. Послѣ того, какъ колоколъ остынетъ, его отрываютъ осторожно, снимаютъ съ него, или лучше разбиваютъ, кожухъ и переносятъ въ точильню. Тамъ его обтачиваютъ точилами,— и вся работа колокольно-литейнаго дѣла кончена. Когда колоколъ совсѣмъ готовъ, призывается священникъ для «чина освященія кампана». Въ молитвѣ, читаемой при освященіи колоколовъ, церковь молитъ о ниспосланіи особенной

благодати, вливающей въ кампанъ силу, «яко услышавше вѣрніи раби гласъ звука его—въ благочестіи и вѣрѣ укрѣпятся и мужественно всѣмъ дьявольскимъ навѣтамъ сопротиво станутъ... да утолятся же и утишатся и престанутъ нападающія бури вѣтряныя, грады же и вихри и громы страшные и молніи злорастворенія и вредные воздухи гласомъ его» и проч.

Главное достоинство колокола состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ звонокъ и имѣлъ густой и сильный гулъ; послѣднее зависитъ отъ относительной толщины краевъ и всего тѣла. Если, напримѣръ, края слишкомъ тонки, то колоколъ выйдетъ звонокъ, но при лишней тонинѣ, звукъ его будетъ дробиться; напротивъ, при лишней толщинѣ звукъ будетъ силенъ, но непродожителенъ. Въ звукѣ колокола нужно различать три главныхъ отдѣльныхъ тона: первый звонъ есть главный, самый слышный тонъ, происходящій тотчасъ же послѣ удара; если звонъ густъ, ровенъ, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колоколъ отлитъ превосходно. Такой звонъ зависитъ отъ математически-правильной и соразмѣрной толщины всѣхъ частей колокола и происходитъ отъ дрожанія частицъ металла, главнѣйше, въ средней его трети. Второй—гулъ, который хотя происходитъ тотчасъ же за ударомъ, но явственно слышится спустя нѣсколько времени. Гулъ распространяется не такъ далеко какъ звонъ, но держится долѣе его въ воздухѣ, и чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ колоколъ считается лучшимъ; гулъ происходитъ отъ дрожанія частицъ металла въ краяхъ колокола, или вѣрнѣе въ нижней его трети; оттого-то чѣмъ толще края его, тѣмъ гулъ сильнѣе, хотя отъ излишней толщины ихъ онъ разносится не такъ далеко. Третій тонъ есть тотъ, когда колоколъ не звонитъ, не гудитъ, а звенитъ. Это звененье происходитъ отъ дрожанія частицъ металла въ верхней трети колокола; звукъ этотъ довольно непріятенъ; онъ тѣмъ слышнѣе, чѣмъ толще дно и верхняя треть колокола и чѣмъ массивнѣе его уши. Въ небольшихъ колоколахъ звукъ сливается съ звономъ и потому едва слышенъ и то вблизи, но въ большихъ онъ довольно силенъ и пронзителенъ; такъ, напримѣръ, въ московскомъ большомъ колоколѣ въ тихую погоду онъ слышенъ версты за двѣ и не заглушается звономъ всѣхъ окружныхъ колоколовъ. Для устраненія или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія его, верхнюю треть колокола и дно его стараются дѣлать какъ можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше краевъ. Если размѣры колокола правильны и пропорція мѣди и олова математически точна, тогда звукъ колокола, происходящій отъ сочетанія трехъ главныхъ тоновъ, достигаетъ необыкновенной чистоты и пѣвучести. Такіе колокола весьма рѣдки. Изъ нихъ по красотѣ звука извѣстны только два знаменитые колокола,—это воскресный Симоновскій въ Москвѣ и большой Саввино-Сторожевскій въ Звенигородѣ. Въ Си-

моновскомъ колоколѣ 1,000 пудовъ,—лилъ его «мастеръ Харитонка Ивановъ, сынъ Поповъ, съ товарищемъ Петромъ Харитоновымъ, сыномъ Дурасовымъ, въ лѣто отъ созданія міра 7186, а отъ Рождества Бога Слова 1677, мѣсяца сентября 30-го дня при державѣ Благочестиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича». «Сліяся же сей колоколъ, какъ гласитъ на немъ надпись, во хвалу и во славу Бога всемогуща во единомъ существѣ въ трехъ лицахъ суща, и въ честь родившія воплощенно Слово; сей колоколъ состроенъ на Симоновъ, въ обитель Успенія Божія Матери, да гласомъ созываетъ во храмъ его вѣрныхъ, хвалу Ему о благахъ всяческихъ даяти, и о нуждахъ молитвы теплы проливати».

Знаменитый колоколъ Саввино-Сторожевскаго монастыря вѣситъ 2,425 пуд. и 30 фунт.—отлитъ мастеромъ Григорьевымъ въ 1667 году, сентября 15-го дня. Кромѣ превосходнаго звука, онъ замѣчателенъ и по двумъ надписямъ, изъ которыхъ верхняя состоитъ изъ шести строкъ, окружающихъ колоколъ и отлитыхъ стариннымъ русскимъ письмомъ, ясно сохранившимся и до сихъ поръ. Въ ней упомянуты всѣ особы царскаго семейства съ полнымъ ихъ титуломъ и вселенскіе патріархи: Александрійскій, Антіохійскій и Московскій.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колоколъ тремя строками, состоитъ изъ криптографическаго или тайнаго письма, употреблявшагося у насъ въ XVII столѣтіи иногда въ дипломатическихъ перепискахъ, а иногда для записыванія болѣе или менѣе важныхъ предметовъ, которые хотѣли скрыть отъ современниковъ и сохранить для потомства. Въ письмѣ этомъ съ перваго взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тѣмъ, каждая изъ нихъ до того измѣнена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что дѣлается совершенно непонятною; въ этихъ чисто русскихъ іероглифахъ значеніе имѣютъ особенныя титла.

Криптографическая надпись съ этого колокола въ первый разъ была списана историкомъ Миллеромъ и напечатана библіотекаремъ Академіи Наукъ Бакмейстеромъ, но оставалась неразобранною до 1822 года. Разобрали надпись археологи Скуридинъ и А. И. Ермолаевъ,—вотъ подлинная эта надпись:

а҃. изволениемъ | пре благаго | и хорошу здраво | бг҃о вл | нашего |

б҃ посотупениие и | милостиво л | о сотупницы | пре святые |

владычицы | наш с л | и | богородицы *г҃. и | в | а | молитвою | отъ*

[illegible]

Есть предположеніе, что эту надпись утвердилъ самъ царь; литейщикъ не посмѣлъ бы составить такую надпись изъ неизвѣстныхъ знаковъ, которые тогда могли бы истолковать «за чародѣйство». Колоколъ слитъ на средства самого царя, и государь изъ набожности не желалъ, чтобы это было извѣстно современникамъ при его жизни.

Искусство звонить въ колокола зависитъ отъ большого навыка; звонятъ въ нихъ на два манера: раскачиваютъ или языкъ, или самый колоколъ; послѣдній способъ употребителенъ только на Западѣ, но нѣкогда онъ существовалъ и у насъ, какъ существуетъ еще въ нѣкоторыхъ польскихъ костелахъ, напримѣръ, въ Кіевѣ. Звонъ съ раскачиваніемъ самого колокола гораздо гармоничнѣе и пріятнѣе. Отъ сильнаго и частаго звона звонари не рѣдко глохнутъ, но, чтобы сберечь слухъ, многіе изъ нихъ кладутъ въ уши круглыя ягоды, напр., рябины, калины и клюквы; другіе затыкаютъ уши просто ватой. Въ женскихъ обителяхъ, женщины звонарихи звонятъ съ открытымъ ртомъ. Нигдѣ нѣтъ такого большого звона, какъ въ Россіи; впрочемъ, и въ Англіи извѣстны хорошіе звонари. У насъ хорошій звонъ зависитъ отъ искуснаго перебора шести, семи, а иногда девяти и даже тринадцати колоколовъ, съ соблюденіемъ довольно ровнаго такта, зависящаго отъ болѣе или менѣе частыхъ ударовъ въ большой колоколъ. Въ этой колокольной музыкѣ нѣтъ ни духовныхъ гимновъ, ни молитвъ; а между прочимъ, было время, когда у насъ въ нѣкоторыхъ церквахъ звонили по нотамъ, выражая, напримѣръ, «Господи помилуй», «Святый Боже» и проч.; объ этомъ говорятъ изустныя преданія стариковъ-старожиловъ. Отецъ Аристархъ Израилевъ, прото-

іерей въ Рождественскомъ монастырѣ въ г. Ростовѣ, описалъ замѣчательнѣйшіе и оригинальнѣйшіе звоны ростовскіе, носящіе имена: Сысоевскаго, Акимовскаго, Егорьевскаго и двухъ будничныхъ. Онъ опредѣлилъ ихъ научнымъ образомъ и положилъ на ноты.—Подробныя свѣдѣнія объ акустическихъ работахъ о. Израилева напечатаны въ трудахъ отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, т. I отд. 2.

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ любилъ звонить въ колокола. Великій Суворовъ, живя въ своей деревнѣ, тоже забирался на колокольню и перезванивалъ на удивленіе духовныхъ лицъ и прихожанъ своего села Кончанскаго. Современная Англія по искусству звонить не имѣетъ соперниковъ во всемъ свѣтѣ. Тамъ издавна существуютъ, такъ называемыя, общества любителей колоколовъ; древнѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ этихъ обществъ—Кумберландское въ Норвичѣ, гдѣ звонарное искусство доведено до величайшаго совершенства. Кромѣ Норвичскаго общества, въ Англіи не менѣе замѣчателенъ «клубъ звонарей» въ Лондонѣ, который также задаетъ задачи колокольной музыки, выдаетъ за нихъ иногда огромныя преміи. Затѣмъ и другіе города, какъ, напр., Вестмерландъ, Кембриджъ, Оксфордъ, Бирмингамъ и друг. имѣютъ также звонарей-артистовъ, нерѣдко дающихъ колокольные концерты, состоящіе не въ томъ, чтобы выполнить какую-нибудь ораторію, а просто, чтобы прозвонить на пяти, шести, или болѣе колоколахъ всевозможныя сочетанія ударовъ, которыя только можно получить при извѣстномъ числѣ колоколовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1796 году, члены клуба звонарей въ Вестмерландѣ собрались на колокольню церкви св. Маріи, въ Кондолѣ, звонили три часа и двадцать минутъ и сдѣлали въ это время на семи колоколахъ всѣ возможныя сочетанія числа семи, т. е. 5040 ударовъ, нисколько притомъ не отставая отъ хронометра. Въ Бирмингамѣ подобный концертъ продолжался восемь часовъ и 15 минутъ и въ это время сдѣлано было съ такою же хронометрическою точностію 14,224 удара [1]).

Колокола на Западѣ издревле пользовались большимъ уваженіемъ. У католиковъ существовалъ даже обрядъ крещенія колоколовъ, причемъ были воспріемникъ и воспріемница, и колоколу, какъ новорожденному, давалось имя.

Церковные колокола по указу французскаго короля Генриха IV запрещено было покупать, но дозволялось пріобрѣтать ихъ въ видѣ мѣны. Размѣръ колоколовъ также подвергался цензурѣ. Такъ, напр., монастырямъ строго запрещалось имѣть такіе колокола, которые бы заглушали приходскіе. Иностранные колокола часто украшались надписями, въ которыхъ по большей части колоколъ говоритъ о себѣ.

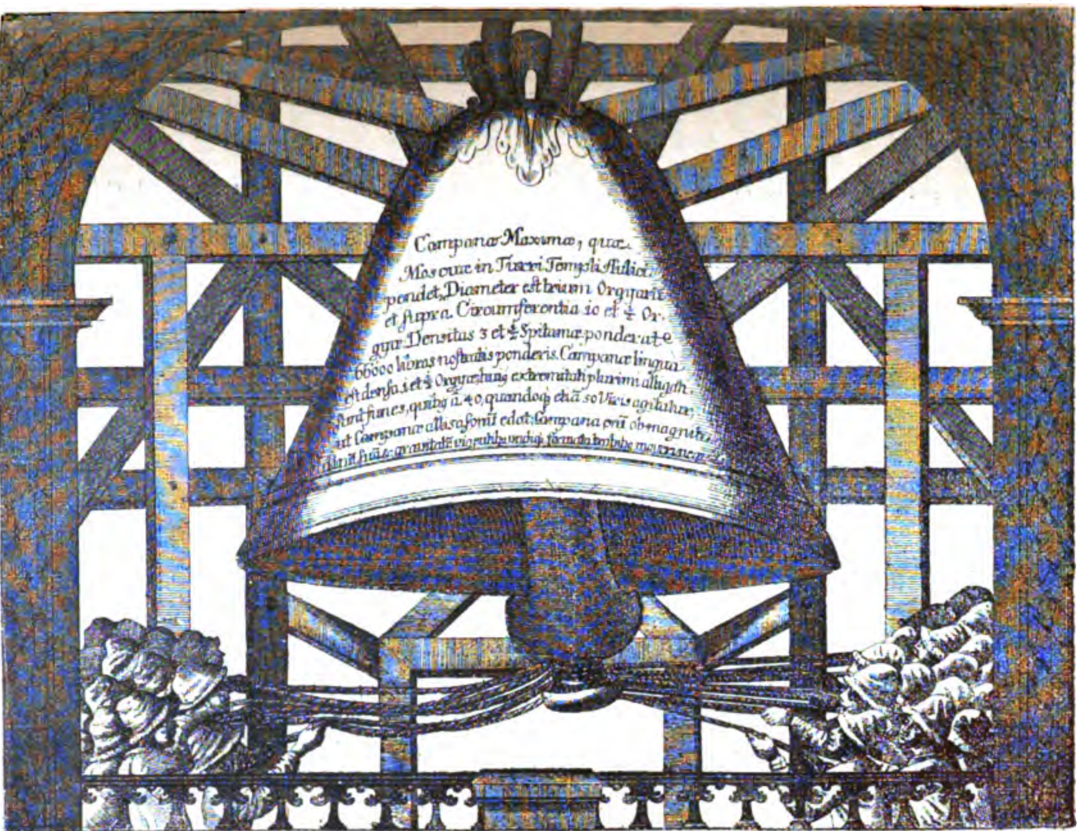
---

[1]) См. «Московскія Вѣдомости», 1850 г., стр. 580.

Слогъ надписей всегда кратокъ и важенъ. Такъ, напр., на Шернборнскомъ колоколѣ въ Англіи, подаренномъ городу кардиналомъ Вольсеемъ, надпись гласитъ слѣдующее: «Даръ Вольсеевъ»—«я измѣряю время для всѣхъ и призываю людей къ веселью, печали и въ храмъ». Надпись на Шафгаузенскомъ большомъ колоколѣ: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т. е. «живыхъ призываю, объ умершихъ плачу, молнію сокрушаю». Эта надпись такъ понравилась Шиллеру, что онъ взялъ ее въ эпиграфъ своей «Пѣсни о колоколѣ». На большомъ Парижскомъ колоколѣ при церкви Notre Dame de Paris выбита надпись слѣдующаго содержанія: «Славлю истиннаго Бога, сзываю народъ, собираю клиръ церковный, оплакиваю усопшихъ, прогоняю заразу, украшаю празднества»; внизу выбита другая: «1683 года Флорентинъ де Гей... градоначальникъ Парижскій вылилъ меня». Самымъ большимъ колоколомъ въ западной Европѣ считается соборный въ Руанѣ, вѣсомъ въ 900 пудовъ. За нимъ слѣдуетъ Вѣнскій, въ церкви св. Стефана, отлитый въ 1711 году императоромъ Іосифомъ изъ пушекъ, взятыхъ у турокъ въ 1683 году, при осадѣ Вѣны; вѣсъ его 885 пудовъ, въ языкѣ 33 пуда, раскачиваютъ его 12 человѣкъ. Въ первый разъ онъ зазвонилъ въ 1712 году, при торжественномъ въѣздѣ императора Карла VI въ Вѣну. Послѣ него, Берлинскій, отлитый въ 1497 г., названный при крещеніи Maria Gloriosa (Славная Марія); вѣсъ въ немъ 690 пудовъ, на колоколѣ надпись: «славною хвалою воспѣваю святыхъ и укрощаю молнію и злыхъ демоновъ, созывая звукомъ народъ во храмъ для священнаго пѣснопѣнія. Герардъ Иванъ Кампейскій отлилъ меня въ лѣто отъ воплощенія Господня въ 1497 году». Но замѣчательный изъ всѣхъ по звуку, это Эрфуртскій. Затѣмъ идутъ колокола Страсбургскій и Бреславскій; въ первомъ вѣсу 20,400 фунтовъ, во второмъ 500 пудовъ. По величинѣ славятся колокола китайскіе и японскіе, весьма древніе. Въ Міако, возлѣ главнаго храма Будды, виситъ огромный мѣдный колоколъ, который вѣситъ 5000 пудовъ; въ Пекинѣ колокола въ три и четыре тысячи пудовъ не рѣдкость. Но самый большой колоколъ въ свѣтѣ это нашъ московскій царь-колоколъ.

Въ половинѣ XVI вѣка, на мѣстѣ колокольни Ивана Великаго стояла церковь Іоанна Лѣствичника и при ней висѣлъ небольшой царь-колоколъ [1]), вѣсомъ въ тысячу пудовъ, слитый во времена опричины Іоанномъ Грознымъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 году, на мѣсто его былъ слитъ другой уже гораздо большій колоколъ, вѣсомъ въ 8000 пудовъ. Преданіе говоритъ, что

[1]) Впослѣдствіи этотъ колоколъ былъ перелитъ съ добавленіемъ еще мѣди и повѣшенъ на пристройкѣ къ Ивану Великому—названъ онъ былъ «праздничнымъ»; въ него ударяли три раза съ большою разстановкою по смерти царя, или кого-нибудь изъ его семьи, а также по смерти патріарха.

Древній Московскій большой колоколъ.

такъ какъ никто не брался поднять его, то онъ оставался безъ употребленія до 1668 года, когда уже рѣшился поднять его механикъ самоучка—царскій привратникъ. Колоколъ этотъ висѣлъ подлѣ Ивановской колокольни, но въ пожаръ 1704 года, іюня 19-го, отъ жару или пролившейся на него воды, онъ треснулъ. Въ 1731 году его сняли, а въ 1734 году, по повелѣнію Анны Іоанновны, приказано было къ нему прибавить еще тысячу пудовъ вѣсу, при чемъ предполагали придѣлать къ Ивану Великому особую небольшую колокольню для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила снестись съ славнымъ тогда золотыхъ дѣлъ мастеромъ и членомъ Парижской Академіи Наукъ Жерменю. Минихъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Сей художникъ удивился, когда я объявилъ ему о вѣсѣ колокола, и сначала думалъ, что я шутилъ, но, увѣрившись въ истинѣ предложенія, составилъ планъ, гдѣ до того увеличилъ трудность работъ и стоимость ихъ, что императрица отказалась отъ его плановъ». Артилеріи колокольныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Ѳедоровъ Маторинъ взялся за работу и не подумалъ испугаться, когда колоколъ опредѣлено было вылить въ 12,000 пудовъ. Устроили въ Кремлѣ литейную яму, между Чудовымъ монастыремъ и Иваномъ Великимъ, и Маторинъ принялся за дѣло. Ему отпустили 14,124 пуда и 29 фунтовъ мѣди, считая съ старымъ колоколомъ и тысячу пудовъ олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевѣсу, послѣ того, металла принято 14,814 пудовъ 21 фунтъ; олова отпустили еще 498 пудовъ 6 фунтовъ, что все вмѣстѣ составило 15,312 пудовъ 24 фунта. Мѣдь прибавленная къ старому колоколу привезена изъ сибирскихъ заводовъ; въ ней оказалось серебро и золото, оттого колоколъ и отличается бѣловатымъ цвѣтомъ; по испытаніямъ, дѣланнымъ въ 1832 году, въ немъ нашли: на одинъ пудъ мѣди $1^{35}/_{96}$ золотника золота и $31^{3}/_{96}$ золотника серебра. По другимъ изслѣдованіямъ, содержаніе золота и серебра въ колоколѣ втрое противъ показаннаго количества.

Въ остаткѣ послѣ вторичной, уже счастливой, отливки, оказалось металла 2,985 пудовъ 8 фунтовъ; слѣдовательно, вылитый колоколъ вѣсилъ 12,327 пудовъ 19 фунтовъ [1]). Его подняли надъ ямою и повѣсили на особыхъ подмычкахъ. Страшный пожаръ въ 1737 году, въ Троицынъ день, начавшійся отъ забытой копеечной свѣчки, зажженой предъ образомъ женкою Марьею Михайловою, въ домѣ отставного прапорщика Александра Милославскаго, опустошилъ Москву и Кремль. Колоколъ упалъ съ обгорѣвшихъ брусьевъ въ ту яму, гдѣ лили его, и при паденіи ли вышибленъ былъ изъ него край отъ удара, или оттого, что, желая потушить огонь

---

¹) Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1.214,000! Изъ этого числа на одну печь пошло 330,000, на основаніе и подъ лицо 300,000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250,000!..

въ ямѣ, лили въ нее воду, онъ треснулъ, и изъ него вывалился большой кусокъ; такимъ образомъ къ употребленію онъ уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотѣла опять перелить его. Смѣта, ей представленная въ 107.492 руб. 47¾ к. (прежнее отлитіе, кромѣ металла, стало 62,008 руб. 9 к.), показалась ей слишкомъ большою и исполинъ остался въ своей ямѣ. Много было потомъ относительно его проектовъ: въ 1770 г. архитекторъ Форстенбергъ брался припаять къ нему отшибленный край; въ 1797 г. поручили механику Гирту составить планъ вынутія колокола изъ ямы; въ 1819 г. генералъ Бетанкуръ поручалъ архитектору Монферану осмотрѣть и описать его; потомъ велѣно было осмотрѣть его инженерному генералу Фабру. Императоръ Николай I, узнавъ о новоизобрѣтенномъ способѣ починки колоколовъ, предполагалъ вынуть колоколъ, починить его, построить для него особую колокольню и повѣсить его на ней. Но громадные размѣры колокола заставили отложить такое намѣреніе. Между тѣмъ, онъ безобразилъ Кремлевскую площадь своею обширною ямою. Царь-Колоколъ лежалъ въ глубокой ямѣ напротивъ Чудова монастыря, надъ ямою былъ настланъ деревянный помостъ съ подъемной дверью, отъ которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытные спускались смотрѣть колоколъ въ подземелье по крутой деревянной лѣстницѣ, вслѣдъ за проводникомъ, который шелъ впередъ съ зажженнымъ фонаремъ (см. изоб. 6, стр. 195). Въ 1836 году, велѣно было вынуть колоколъ и поставить на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ колокольни Ивана Великаго. Монферанъ приступилъ къ этой работѣ и послѣ одного неудачнаго опыта, 23-го іюля, въ 43 минуты, двадцатью вòротами, колоколъ былъ поднятъ изъ ямы, а 26-го передвинутъ на пьедесталъ, гдѣ онъ и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченое яблоко съ крестомъ, а внизу, на мраморной доскѣ, надпись золотомъ: «колоколъ сей вылитъ въ 1733 году, повелѣніемъ государыни императрицы Анны Іоанновны, пребывалъ въ землѣ сто и три года и волею благочестивѣйшаго государя императора Николая I поставленъ лѣта 1836, августа въ 4-й день».

Надпись на пьедесталѣ сочинена архитекторомъ Монфераномъ, и въ ней сдѣланы двѣ существенныя ошибки. Первое—колоколъ вылитъ не въ 1733 году—указъ сенату о литьѣ его послѣдовалъ 26-го іюля 1730 года. Въ январѣ 1734 года, сенатская контора доносила, что болванъ и кожухъ колокола окончены и испрашивали позволенія обжигать и приступать къ литью; слѣдовательно, онъ вылитъ въ 1734 г., но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже въ 1735 году. За тѣмъ: колоколъ пробылъ въ землѣ не сто три года. Пожаръ московскій происходилъ въ 1737 году, когда царь-колоколъ упалъ, а вынули его въ 1836 году, слѣдовательно онъ пробылъ въ землѣ 99 лѣтъ.

На царь-колоколѣ находятся двѣ надписи; до настоящаго времени, въ первой изъ нихъ явственно сохранилось только нѣсколько словъ, а въ другой—ни одного; вѣрный печатный списокъ съ этихъ надписей помѣщенъ въ «Горномъ Журналѣ», 1833 г., т. I. Вотъ эти надписи: Первая: «Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца повелѣніемъ, въ первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, слитъ былъ великій колоколъ, осмь тысячъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, съ Рождества же по плоти Бога Слова 1654; изъ мѣди сего благовѣстить начали въ лѣто мірозданія 7176, Христова же Рождества 1668 и благовѣстилъ до лѣта мірозданія 7208, Рождества же Господня 1704 года, въ которое мѣсяца іюня 19-го дня, отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара, поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра и Христа, въ міръ Рождества, прибывъ безгласенъ». Вторая надпись: «Благочестивѣйшія и Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы всея Россіи повелѣніемъ во славу Бога въ Троицѣ славимаго въ честь Пресвятыя Богоматери, въ первособорной церкви славнаго Ея Успенія, отлитъ колоколъ изъ мѣди прежняго осмь тысячъ колокола пожаромъ поврежденнаго съ прибавленіемъ матеріи двухъ тысячъ пудъ, отъ созданія міра въ 7242, отъ Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствованіе въ четвертое лѣто».

Колоколъ украшенъ наверху изображеніями—московскихъ чудотворцевъ, а по срединѣ—особъ императорской фамиліи; изъ нихъ императрица Анна Іоанновна изображена во весь ростъ; но ясно вышли только голова и корона. Вышина колокола съ пьедесталомъ 34 фута; вышина самаго колокола 20 футовъ 7 дюймовъ; ширина въ отверстіи 22 фута 8 дюймовъ. Форма колокола очень красивая; отшибленный край лежитъ подлѣ пьедестала [1]).

Самый большой колоколъ въ Москвѣ на колокольнѣ Ивана Великаго, называемый «Успенскій или праздничный», ударомъ въ который дается начало торжественному звону всѣхъ московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой. Вѣсомъ колоколъ четыре тысячи пудовъ—онъ перелитъ въ 1819 году изъ стараго, упавшаго въ 1812 году, при взрывѣ Кремля французами. До переливки онъ вѣсилъ 3355 пуд. 4 фунта. Старый былъ отлитъ въ 1760 году мастеромъ Слизовымъ по приказу императрицы и, какъ

---

[1]) Извѣстный знатокъ колоколовъ, протоіерей Израилевъ, какъ мы слышали, считаетъ возможнымъ перелить царь-колоколъ, дать ему гармоническій тонъ и поднять на колокольню. На это, какъ онъ предполагаетъ, надо будетъ затратить не менѣе 50,000 рублей. За послѣднее время было въ газетахъ напечатано нѣсколько проектовъ починки царя-колокола.

говоритъ преданіе, былъ много лучше новаго. На колоколѣ изображены: Спаситель, Богородица, Іоаннъ Предтеча, Успеніе Богоматери и Петръ и Алексѣй митрополиты московскіе; а подъ святыми изображеніе императора Александра I-го и всей августѣйшей фамиліи. На старомъ же колоколѣ были изображены тѣ же святые—съ портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъемѣ этого колокола случилась слѣдующая исторія, надѣлавшая въ то время много шуму въ Москвѣ. Еще до подъема, митрополиту Серафиму донесли, что построенная мастеромъ Богдановымъ каланча для подъема на колокольню Ивана Великаго большого отлитаго имъ колокола, крайне непрочна, да и брусья на колокольнѣ не надежны. Слухи эти настолько были распространены въ народѣ, что митрополитъ просилъ военнаго генералъ-губернатора назначить архитектора для освидѣтельствованія каланчи и колокольни. Назначенные губернаторомъ, графомъ А. П. Тормасовымъ, чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьевъ ненадежною. Но Богдановъ стоялъ на своемъ и ручался за прочность. Такая увѣренность Богданова расположила митрополита въ его пользу и преосвященный далъ ему позволеніе поднять колоколъ. Въ назначенный для подъема день митрополитъ Серафимъ пріѣхалъ въ Успенскій соборъ. Площадь была покрыта несмѣтнымъ количествомъ зрителей. Вдругъ митрополиту докладываютъ, что Богдановъ сидитъ на крыльцѣ и горько плачетъ. Вѣсть эта Серафима крайне встревожила; ему показалось, что Богдановъ отчаявается въ успѣхѣ; онъ приказываетъ позвать подрядчика и узнаетъ отъ него, что тотъ плакалъ потому, что ему мѣшаютъ. Преосвященный, успокоивъ Богданова, идетъ и освящаетъ колоколъ по церковному чиноположенію и, затѣмъ, благословляетъ поднимать его, колоколъ пошелъ очень ходко и ровно вверхъ и уже былъ на половинѣ высоты, какъ вдругъ раздаются со всѣхъ концовъ крики: «Иванъ Великій шатается, каланча падаетъ!» Къ этимъ крикамъ присоединяются еще крики женщинъ и дѣтей, кинувшихся бѣжать,—паника и тѣснота сдѣлались ужасныя! Оберъ-полицеймейстеръ, А. С. Шульгинъ, не потерялъ присутствіе духа и бросился въ толпу, увѣряя, что это выдумки мошенниковъ. Народъ, видя, что каланча не упала и Иванъ Великій стоитъ, по немногу пришелъ въ порядокъ. Богдановъ во время этой суматохи не растерялся и, какъ и прежде, стойко управлялъ дѣйствіями многихъ воротовъ, посредствомъ колокольчика и палочки съ навязаннымъ на ней платкомъ и все время умѣлъ удержать работниковъ на своихъ мѣстахъ и своею расторопностію отвратилъ большую бѣду. Но такъ какъ полиціи на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели безпорядка, то преосвященный и распорядился прі-

остановить поднятіе колокола и объявить народу, что онъ будетъ поднятъ завтра. Послѣ этого толпы народа стали расходиться, и когда народу на площади осталось немного, то Богдановъ скомандовалъ рабочимъ продолжать поднятіе, и черезъ нѣсколько минутъ колоколъ былъ поднятъ на колокольню благополучно. Въ день поднятія колокола, Михаилъ Гавриловъ Богдановъ былъ приглашенъ къ столу митрополита. За обѣдомъ Серафимъ спросилъ Богданова:

— Ну! еслибъ я не согласился позволить тебѣ поднять колоколъ и послалъ бы бумагу спросить объ этомъ въ Петербургъ, что̀ бы ты сдѣлалъ?

— Я уже рѣшился,—отвѣчалъ Богдановъ,—я бы ночью привезъ колоколъ и поднялъ его потихоньку своими работниками.

Разсказываютъ, что за нѣсколько минутъ до поднятія колокола, извѣстный тогда иностранецъ архитекторъ, изъ сожалѣнія къ Богданову, упрашивалъ его бросить это дѣло, доказывая ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богдановъ ему отвѣчалъ: «Приходи завтра звонить въ колоколъ».

Въ такъ называемой Филаретовой пристройкѣ находятся еще три замѣчательныхъ историческихъ колокола; всѣхъ же колоколовъ на этой колокольнѣ двадцать девять. Самый большой изъ трехъ колоколовъ это «Реутъ» или «поліелейный», какъ онъ названъ по указу 1689 года патріарха Іоакима. На немъ слѣдующая надпись: «Божіею милостію повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и по благословенію по плотскому рожденію отца его государева, а по духовному чину отца и Богомольца, Великаго Господина и Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, Московскаго и всея Россіи, слитъ сей колоколъ въ соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны, лѣта 7130 (1622), дѣлалъ колоколъ пушечный мастеръ Андрей Чеховъ».

Въ этомъ колоколѣ, какъ полагаютъ, до 2,000 пудовъ. «Реутъ» замѣчателенъ тѣмъ, что при взрывѣ Кремля въ 1812 году, у него только отбило уши, которыя впослѣдствіи очень искусно вдѣлали; колоколъ отъ этого не измѣнился въ тонѣ.

«Вседневный» названъ такъ тѣмъ же патріархомъ Іоакимомъ въ 1689 году, слитъ онъ первоначально въ 1652 году мастеромъ Емельяномъ Даниловымъ и имѣлъ вѣсу 998 пудовъ 30 фунтовъ; но такъ какъ онъ оказался впослѣдствіи треснувшимъ, то императрица Екатерина II приказала въ 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову. Теперь онъ, какъ свидѣтельствуетъ на немъ надпись, вѣситъ 1,017 пудовъ 14 фунтовъ.

«Воскресный» или «семисотенный» отлитъ въ 1704 году Иваномъ Маториньмъ; вѣсъ его 798 пудовъ.

Изъ замѣчательныхъ другихъ колоколовъ въ нижнемъ ярусѣ висятъ: перелитый въ 1775 году изъ древняго новгородскаго (1501 г.) «Медвѣдь»; вѣсъ его 450 пудовъ. Другой колоколъ носитъ названіе «Лебедь», вѣсомъ въ 475 пудовъ, отлитъ въ Москвѣ въ 1532 году, онъ перелитъ въ 1775 году съ сохраненіемъ прежняго вѣса и формы. Кромѣ надписи, на немъ видны иностранныя слова: «Hikiwas obraker, 537 г.».

Затѣмъ изъ историческихъ колоколовъ есть еще одинъ, подъ названіемъ «Новгородскій». Надпись на немъ слѣдующая: «Лѣта 7064 (1556) мѣсяца сентембрія 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, въ царство Ивана Васильевича, при паствѣ митрополита Макарія всея Россіи, повелѣніемъ преосвященнаго Пимена архіепископа Новгорода и Пскова, а мастера Михаилова слитъ бысть сей колоколъ въ богоспасаемый великій Новгородъ ко святой соборной церкви Софіи Премудрости Божія». На этомъ колоколѣ наверху находится и другая надпись, изъ которой видно, что онъ перелитъ въ 1730 году и вѣсу въ немъ 420 пудовъ.

Полагали одно время, что этотъ колоколъ и есть знаменитый «Вѣчевой» новгородскій, но это не вѣрно; послѣдній, какъ мы выше уже говорили, поступилъ на переливку для «набатнаго» московскаго колокола.

«Широкій» слитъ въ 1679 году, вѣсу въ немъ 300 пудовъ. Затѣмъ въ этомъ же ярусѣ помѣщаются колокола: «Слободскій» въ 309 пудовъ, перелитый въ 1614 году изъ стараго слободскаго; далѣе «Ростовскій»; изъ надписи на немъ видно, что онъ литъ въ 1687 году въ Бѣлогостинный монастырь находившимся въ ростовской епархіи мастеромъ Филиппомъ Андреевымъ.

Въ среднемъ ярусѣ изъ старинныхъ колоколовъ виситъ «Новый» или «Успенскій» вылитый въ 1651 году; послѣ него «Безъименный» съ иностранною надписью. Затѣмъ идутъ «Даниловскій» 1678 года, по преданію вылитый въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ; «Глухой» 1621 года; потомъ «Корсунскій», называется этимъ именемъ потому, что перелитъ изъ стараго корсунскаго, по повелѣнію Іоанна Грознаго, въ 1559 году, мастеромъ Нестеромъ Ивановымъ Псковитиновымъ. Есть еще колоколъ называемый «Безъимяннымъ» и «Марьинскій» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7176 (1663 г.) марта въ 23-й день, вылитъ сей колоколъ къ церкви Преподобной Маріи Египетской по душахъ блаженныя памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по женѣ его боярынѣ». Тамъ же висятъ еще пять другихъ колоколовъ «переборные»; на одномъ изъ нихъ надпись, свидѣтельствующая, что колоколъ приложенъ 1697 года стольникомъ Ляпуновымъ въ Коломенскую его отчину село Троицкое.

Въ верхнемъ ярусѣ находится еще десять колоколовъ. Изъ нихъ историческое значеніе имѣютъ только четыре; два такъ называемыхъ «Корсунскихъ зазвонныхъ»; цвѣтъ они имѣютъ бѣловатый

и звукъ самый рѣзкій; полагають, что въ нихъ много серебра. Колокола эти вывезены въ Москву, какъ думають, однимъ изъ митрополитовъ греческихъ въ то время, когда Москва заступила мѣсто Кіева и была убѣжищемъ гонимыхъ турками грековъ. Въ 1775 году, колокола эти перелиты вновь. Третій колоколъ «Арсеньева» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7193 (1685) марта въ 13-й день сей колоколъ по стольникѣ Өедоскѣ Осиповичѣ Арсеньевѣ въ Соловской уѣздъ, въ Новгородской станъ въ вотчину стольника Дмитрія Өедосѣевича Арсеньева, село Покровское къ церкви Покрова Богородицы съ прочими угодниками, при священникѣ Кипріанѣ Кирилловѣ сынѣ, далъ сей колоколъ стольникъ Дмитрій Өедосѣевичъ Арсеньевъ». Четвертый колоколъ боярина Өеодора Ивановича Шереметева, отлитый въ 1620 году.

Не лишнимъ считаемъ прибавить, что на колокольнѣ Ивана Великаго всѣхъ ступеней считается 409.

II.

Колокола Троице-Сергіевой лавры: Большой, Годуновъ, Карноухій, Лебедь и Переспоръ. — Колокола Кіевской лавры: Успенскій и Балыкъ. — Историческіе колокола Новодѣвичьяго монастыря.—Переливка колоколовъ на пушки.—Тобольскій большой колоколъ Демидова. — Колоколъ амстердамскаго литья. — Углицкій ссыльный колоколъ и его исторія. — Замѣчательные колокола Софійскаго собора. — Старые Новгородскіе колокола и Осадный вѣчевой колоколъ города Пскова.—Муромскій колоколъ князя Воротынскаго.—Кази-Керменскій колоколъ въ г. Полтавѣ.—Шведскіе колокола въ Финляндіи. — Замѣчательные колокола въ Петербургѣ.

Одной изъ первыхъ, по колоссальности колоколовъ, считается колокольня Свято-Троицкой Сергіевой лавры подъ Москвой. На этой колокольнѣ всѣхъ колоколовъ съ часовыми 34. Главный изъ нихъ вѣсомъ въ 4,000 пудовъ; онъ перелитъ былъ въ 1746 году по именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря изъ стараго разбитаго лаврскаго колокола, вѣсомъ въ 3,319 пудовъ. Второй колоколъ, «Годуновъ», сдѣланный вкладомъ бывшаго царя Бориса Өеодоровича Годунова, вѣсомъ въ 1,850 пудовъ. Третій, «Карноухій», вѣсомъ въ 1,275 пудовъ, литый въ 1684 году монастырскою казною. Четвертый, «Лебедь», вѣсомъ въ 625 пудовъ, вкладомъ конюшаго боярина Бориса Өеодоровича Годунова. Пятый, «Переспоръ», вѣсомъ въ 315 пудовъ 28 фунтовъ, литъ въ 1780 году.

Въ Кіевской лаврѣ нѣтъ ни очень большихъ, ни очень старыхъ колоколовъ. Самый большой колоколъ здѣсь «Успенскій» вѣсомъ 1,000 пудовъ, а самый старый «Балыкъ», вылитый въ 1719 году; всѣхъ же колоколовъ десять.

По величинѣ замѣчательны колокола также на колокольнѣ храма Спасителя въ Москвѣ; всѣхъ ихъ съ небольшими четырнадцать

штукъ; отлиты они на заводѣ московскаго купца Н. Д. Финляндскаго; вѣсъ въ нихъ 4,008 пудовъ 39 фунтовъ, стоимость 88,184 рубля. Изъ нихъ самый большой колоколъ «Торжественный», вѣсомъ въ 1,654 пуда 24 фунта.

Въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, есть нѣсколько колоколовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Старѣйшій изъ нихъ колоколъ «малый зазвонный», отлитый въ 1551 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и архіепископѣ Макаріѣ. На второмъ, отлитомъ въ 1628 году, мая 3-го, находится слѣдующая надпись: «Далъ сіи колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской въ Новодевич монастырь князь Алексѣй Ивановичъ Воротынской по кнегине Маріе князя Ивана Михаиловича Воротынскаго, по кнегине Маріе Петровне, по своеі матери и по своихъ родителехъ». Третій, отлитъ, какъ гласитъ надпись: «Лѣта 7138 (1630), апрѣля въ 13-й день при великомъ государе царе и великомъ князе Михаиле Өедоровиче всея Руси самодержце въ его государские державы въ 17 лѣто и при благовѣрномъ царевиче и великомъ князе Алексѣе Михаиловиче всея Руси и при великомъ господине святѣйшемъ патріархе Филарете Никитиче московскомъ и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Руси инока великая государыня старица Марөа Івановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевичь монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые въ томъ монастыре будутъ за тотъ нашъ вклад душу мою в сенадики написати, по вся дни поминати».

Четвертый, иностраннаго дѣла, съ надписью: «Me fecit, Daventriæ, a 1673. Henryck. Thor. Horst. Amor vincit omnia», т. е. «меня сдѣлалъ въ Девентерѣ, 1673 года Генрихъ Торъ Горстъ. Любовь все побѣждаетъ». На наружной сторонѣ этого колокола двуглавый орелъ, на груди котораго изображенъ въ клеймѣ конь безъ всадника, похожій на единорога.

На пятомъ слѣдующая надпись: «Божіимъ ізволеніемъ сии колоколъ поставили стрельцы Темирева приказу Засецкаго 500 человекъ великому чюдотворцу Николе, что на горкахъ за Москвою рѣкою».

На шестомъ колоколѣ надпись: «Слитъ сей колоколъ на Москвѣ домъ Пречистые Богородице Одигитріе, чюдотворные иконы Смоленскія, Божіею милостію повелениемъ благовѣрнаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича въ Новодѣвичъ монастырь что за посадомъ, лѣта 7159 (1651) году сентября въ 1 день, а деньги здавали вкладчикн по обѣщанію. Мастеръ Микиөоръ Барановъ. Весу въ семъ колоколѣ 200 пудъ».

Интересенъ седьмой колоколъ: «Лѣта 7192 (1684) мѣсяца августа 3 дня сей колоколъ вылитъ въ похвалу и славу и честь Богу въ Троице славимому и Пресвятѣй Богородицы и всемъ святымъ

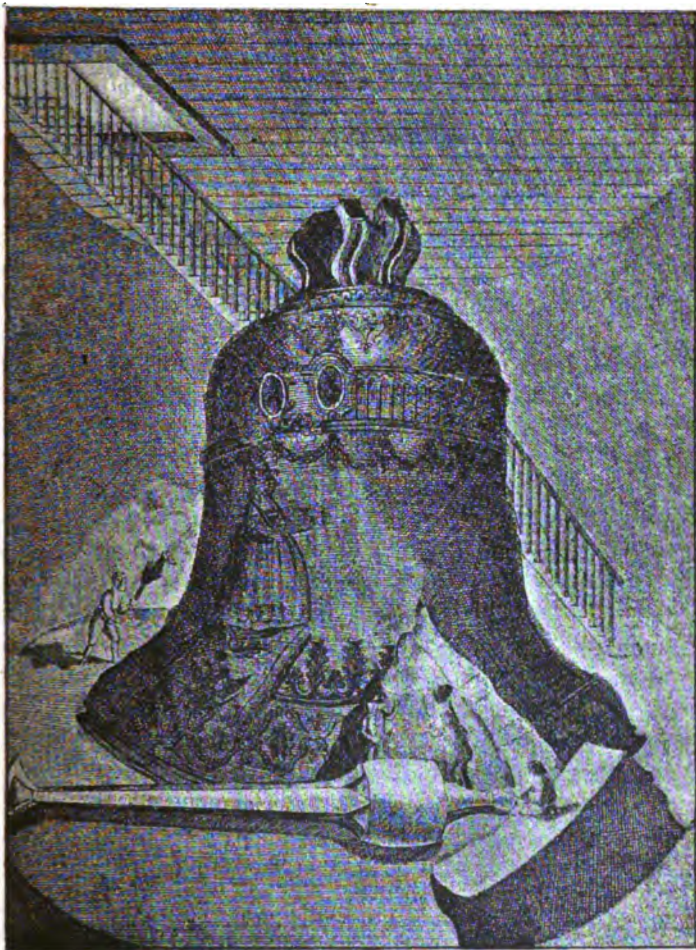
въ домъ ея Пресвятыя Богородицы явленія иконы Смоленскія Одигитрия, нарицаемый Новодевичей монастырь, повеленіемъ благочестивѣйшихъ, великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ общими же съ ними великими государи изволеніемъ и согласіемъ сестры ихъ государския великия государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, понеже она, государыня, того святаго дому на давныхъ лѣтъ строительница, а нынѣ наипаче имѣетъ прилежное попеченіе къ устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо. Вѣсу въ немъ 540 пудовъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Ѳеодоръ Маторинъ».

Восьмой колоколъ съ точно такимъ же титуломъ и надписью, почти слово въ слово, только лилъ послѣдній колоколъ мастеръ Михаилъ Лодыгинъ и вылитъ онъ былъ 1-го декабря 1688 года.

Судьба многихъ историческихъ колоколовъ въ Москвѣ рѣшилась во время войнъ Петра Великаго съ шведами. До этого государя въ древней столицѣ считалось сорокъ сороковъ церквей, а другіе насчитывали ихъ болѣе двухъ тысячъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, половина была приходскихъ, и при каждой были колокола. Въ 1700 году, послѣ неудачи русскихъ подъ Нарвою, Петру Великому кто-то изъ приближенныхъ къ нему иностранцевъ указалъ на непомѣрное множество колоколовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Петръ приказалъ лить разныя крѣпостныя и полевыя орудія изъ тѣхъ колоколовъ, которые признаны будутъ лишними. И въ тотъ же годъ, зимою изъ нихъ было отлито сто большихъ пушекъ, 143 полевыя пушки, 42 мортиры и 13 гаубицъ.

Число колоколовъ въ Москвѣ въ настоящее время далеко превышаетъ количество трехъ тысячъ; а сколько ихъ всѣхъ въ Россіи трудно исчислить. Даже отдаленная Сибирь можетъ похвастаться ихъ изряднымъ количествомъ. Самый большой колоколъ тамъ въ Тобольскомъ соборѣ, вѣситъ онъ 1,011 пудовъ и 22 фунта и литъ, какъ значится по надписи на немъ, въ 1738 году на Тагильскомъ заводѣ, тщаніемъ митрополита тобольскаго Антонія и иждивеніемъ дворянина Акинѳа Никитича Демидова; звукъ его прекрасный и видъ красивый. Кромѣ Тагильска, въ Сибири лили колокола еще въ Тюмени и Енисейскѣ, но большей частью грубой отдѣлки, небольшіе и не особенно благозвучные. Сибирскіе колокола преимущественно привозные и нѣкоторые изъ нихъ привезены изъ-за границы. Такъ въ Тобольскѣ, на Богородицкой церкви, имѣется одинъ выписной изъ Голландіи; надпись на немъ гласитъ: «me fecit Jan Albert de Grave Amstelodamu Anno Domini 1719» (литъ я въ Амстердамѣ Иваномъ де-Граве въ лѣто отъ Рождества Христова 1719-е).

Изъ привезенныхъ въ Сибирь колоколовъ, въ историческомъ отношеніи замѣчателенъ «Углицкій карноухій» въ который били въ Угличѣ въ набатъ по случаю умерщвленія царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ сослалъ изобличителей одушевленныхъ, въ Пелымъ, а неодушевленнаго, съ отсѣченіемъ уха, въ Тобольскъ въ

Царь-колоколъ въ литейной ямѣ, въ Кремлѣ.

1595 г. Этотъ неумирающій ссыльный висѣлъ сперва на Спасской к юкольнѣ, потомъ перемѣщенъ былъ на соборную и, наконецъ, въ 1 37 году, по распоряженію архіепископа Антонія, снятъ оттуда и ювѣшенъ подлѣ архіерейскаго дома, при крестовой церкви, подъ н большимъ деревяннымъ навѣсомъ. Цѣлію послѣдняго перемѣщ нія было то, чтобъ показать, если потребуется, эту историческую

достопримѣчательность, посѣтившему въ 1837 году Тобольскъ, наслѣднику престола. Въ настоящее время углицкій колоколъ сзываетъ къ богослуженію; но до этого времени, когда онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ, въ него отбивали часы и при пожарныхъ случаяхъ били въ набатъ. Вѣсу въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ, онъ карноухій, т. е. съ отсѣченнымъ ухомъ; это сдѣлано было, какъ выше нами сказано, по приказанію Бориса Годунова. Звукъ у него рѣзкій и громкій; надпись на немъ по краямъ вырѣзана, а не вылита; она гласитъ: «сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сібіръ въ ссылку въ градъ Тобольскъ къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитной». Какъ складъ надписи, такъ и форма буквъ новѣйшаго времени.

Въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ сороковыхъ годахъ, было напечатано, что существуетъ слухъ, будто этотъ колоколъ не настоящій углицкій, что углицкій по какому-то случаю разбился, и его перелили, но ухо отсѣкли у вновь отлитаго потому, что такъ было у его первообраза. Но изъ этого слуха никакого точнаго вывода нельзя сдѣлать. Въ бытность мою въ 1882 г. въ городѣ Тобольскѣ, мнѣ привелось лично видѣть этотъ колоколъ; поверхность его очевидно очень старая и отъ древности самая мѣдь сѣраго цвѣта, надпись же несомнѣнно новѣйшая. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не найдется ни малѣйшаго даже намека на то, что этотъ колоколъ не настоящій углицкій, а только перелитый изъ него, да и многовѣковая увѣренность жителей не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. При томъ и лѣтописи и преданія тобольскія говорятъ, что это дѣйствительно тотъ самый колоколъ, которымъ въ 1591 году, въ роковой день 15-го мая, въ часъ послѣобѣденнаго сна, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, прозваніемъ Огурецъ, встревожили мирный Угличъ; и что передаваемый «Ярославскими Вѣдомостями» слухъ о разбитіи и переливкѣ его не заслуживаетъ никакого вѣроятія и не можетъ нисколько поколебать подлинности этого колокола.

Въ декабрѣ 1849 года, въ Угличѣ возникла мысль о возвращеніи сюда ссыльнаго колокола; мѣстные жители въ числѣ сорока человѣкъ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому съ просьбою объ исходатайствованіи имъ высочайшаго разрѣшенія для возвращенія изъ Тобольска на ихъ счетъ колокола. По докладу министромъ означенной просьбы императору, повелѣно: «удостовѣрясь предварительно въ справедливости существованія колокола въ г. Тобольскѣ и по отношеніи съ оберъ-прокуроромъ просьбу сію удовлетворить». Министръ вошелъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ и по предложенію послѣдняго Сунодъ

обратился съ вопросомъ о колоколѣ къ тобольскому архіепископу Георгію. Изъ отвѣтнаго на этотъ вопросъ сношенія преосвященнаго Георгія оказалось, что въ Тобольскѣ при крестовой Святодуховской церкви тамошняго архіерейскаго дома дѣйствительно находится карноухій колоколъ, слывшій ссыльнымъ, и что въ сочиненной въ Тобольскѣ книгѣ, подъ названіемъ «Краткое показаніе о сибирскихъ воеводахъ» есть извѣстіе о присылкѣ въ 1593 году въ Тобольскъ въ ссылку карноухаго колокола, въ который били въ Угличѣ въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго Димитрія царевича. Затѣмъ Сvнодъ сдѣлалъ предписаніе Ярославской духовной консисторіи «собрать самовѣрнѣйшія свѣдѣнія—не извѣстно ли епархіальному начальству, или же духовенству г. Углича, чего-либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи котораго изъ Тобольска просятъ углицкіе граждане». Вслѣдствіе этого и консисторія, съ утвержденія тогдашняго архіепископа ярославскаго и ростовскаго Евгенія, указомъ отъ 25-го іюля 1850 года, сдѣлала сообразное тому предписаніе углицкому духовному правленію. Въ этомъ предписаніи велѣно было обратить вниманіе и на архивъ правленія; но такъ какъ хранящіяся въ немъ бумаги восходятъ не далѣе 1740 года, то, разумѣется, онъ и не могъ послужить никакимъ документомъ по вопросу о колоколѣ. Не оказалось также по розысканію углицкаго духовенства ничего относящагося къ этому вопросу и при здѣшнихъ церквахъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нѣкоторыя лица изъ означеннаго духовенства выставили на видъ мѣстное преданіе, свидѣтельствующее о ссылкѣ углицкаго набатнаго колокола въ Тобольскъ, и извѣстія объ этомъ же обстоятельствѣ, находящіяся въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», Новикова, въ «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина и въ «Памятникахъ Московской древности», Снегирева. Преосвященный Евгеній, донося объ этомъ Сvноду, прибавилъ, что епархіальному начальству «ничего положительнаго объ означенномъ колоколѣ неизвѣстно».

Сvнодъ, разсмотрѣвъ приведенныя углицкимъ духовенствомъ свѣдѣнія о колоколѣ, нашелъ ихъ, точно такъ же, какъ и сообщенныя архіереемъ Георгіемъ, неудовлетворительными, и въ опредѣленіи своемъ, подписанномъ 11-го мая 1851 года, объявилъ «что сими свѣдѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено было въ Угличѣ убіеніе царевича Димитрія и что, вѣроятно, мысль сія уже поколеблена въ понятіяхъ самихъ углицкихъ жителей извѣстіемъ, напечатаннымъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1850 года № 5. Этимъ и окончилось дѣло о возвращеніи колокола. Въ 1888 году въ Угличѣ опять возникло въ средѣ гражданъ дѣло о колоколѣ, и въ Петербургѣ пріѣзжалъ выборный отъ городской думы хлопотать о возвратѣ его изъ Тобольска. Но дѣло, кажется, кончилось также ничѣмъ.

Въ Новгородѣ, на колокольнѣ Софійскаго собора, имѣется нѣсколько историческихъ большихъ колоколовъ. Самый большой изъ нихъ вылитъ въ 1660 году, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. Лилъ его софійскій домовый мастеръ Ермолай Васильевъ.

«Вседневный» литъ тоже въ Новгородѣ, на деньги новгородскаго архіерейскаго дома, въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, въ 1677 году; вѣсомъ 300 пудовъ; лили мастера: Василій и Яковъ Леонтьевы дѣти.

Интересны тамъ еще два небольшіе колокола, отлитые въ 1566 году, при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, при

Ссыльный Углицкій колоколъ.

церкви Вознесенія Христова (которая уже не существуетъ), находившейся въ Прусской улицѣ, усердіемъ прихожанъ. Тамъ находится еще небольшой колоколъ, литый въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь, въ 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Ксеніею Θеодоровою, для поминовенія сына ея Григорія и родителей.

Въ Новгородѣ древнихъ колоколовъ не мало съ надписями, какъ русскими, такъ и иностранными. Такъ въ Клопскомъ монастырѣ есть два колокола XVI вѣка, одинъ въ 15, другой въ 9 пудовъ: оба съ одинаковою надписью: «лѣто 7039 литъ колоколъ сей обители Живоначальныя Троицы и чюдотворца Николы и къ По-

крову Святыя Богородицы и святителю Михаилу, при благовѣрномъ и великомъ князѣ Василiи Ивановичѣ всея Русѣ при архiепископѣ Великаго Новаграда и Пскова владыкѣ Макарьи и при игуменѣ Iевѣ».

Въ Хутынскомъ монастырѣ, вседневный колоколъ съ надписью вверху и внизу: «Божiею милостiю царя и государя вся Русiи Владимiрскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иныхъ, при державѣ царства благовѣрныхъ и христолюбивыхъ и великихъ князей Василiя Ивановича» и пр. При нѣкоторой сбивчивости, съ какою читается надпись на колоколѣ, видно впрочемъ, что онъ устроенъ въ послѣднiй годъ княженiя Василiя III.

Въ Знаменскомъ соборѣ, колоколъ съ надписью, изъ которой видно, что онъ слитъ въ Новгородѣ къ этому храму въ 1554 году, повелѣнiемъ и по завѣту преосвященнаго Пимена и всѣхъ православныхъ христiанъ великаго Новагорода, «чтобы избавилъ насъ Богъ и Пречистая Богородица православныхъ крестьянъ (sic) отъ смертоносныя язвы и отъ напрасной смерти»; лилъ мастеръ Иванъ.

Въ Успенской церкви упраздненнаго Колмова монастыря есть два колокола, литые при Iоаннѣ IV.

Въ Духовѣ женскомъ монастырѣ, три колокола XVI вѣка. Изъ нихъ интересна надпись на одномъ, «который поставилъ въ въ 1589 году въ Новѣгородѣ, въ монастырь Сшествiе Святого Духа и Живоначальныя Святыя Троицы, конюшей бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ».

По надписямъ заслуживаютъ вниманiя въ Хутынскомъ монастырѣ три колокола конца XVII вѣка.

Въ Спасо-Нередицкой церкви есть колоколъ съ надписью, что онъ отлитъ при царѣ Ѳеодорѣ въ монастырь къ Спасу Нередицы— «да въ тотъ колоколъ Ѳеодосей приказалъ по себѣ и по своихъ родителехъ. Лилъ мастеръ Тимоѳей новгородецъ».

Къ описаннымъ колоколамъ XVI вѣка можно отнести небольшую металлическую кандiю, находящуюся въ ризницѣ Софiйскаго собора. Она въ родѣ небольшой чаши, вокругъ поддона ея надпись: «лѣта 779 (1541 г.) поставилъ сию кандию въ домъ святому Николы на Боровно старецъ Андрей». При кандiи небольшой желѣзный язычекъ для ударенiя, которое совершалось въ старину, напримѣръ, во время чтенiя евангелiя въ первый день Пасхи. Въ письменномъ уставѣ XVII вѣка Софiйскаго собора [1]) на св. Пасху сказано: «и на всякомъ возгласѣ протодiаконовѣ евангелiя ударяють въ кутейникѣ по единощи въ кандею и въ вѣстовой коло-

---

[1]) «Археологическое описанiе церковныхъ древностей въ Новгородѣ», Архiепископа Макарiя.

колецъ». Въ древностяхъ Россійскаго Государства, отд. I, № 76 «кандія» отнесена къ числу трапезныхъ чашъ, въ которую ударяли настоятели за братскою трапезою при перемѣнѣ кушанья. Въ г. Ростовѣ, Ярославской губерніи, имѣется одна такая «кандія» носящая имя «Ясакъ».

Почти во всѣхъ новгородскихъ церквахъ имѣются колокола XVII вѣка съ древними русскими, но есть колокола съ польскими, латинскими и нѣмецкими надписями. Такъ въ Борисо-Глѣбской церкви хранится колоколъ, на которомъ надпись «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». Въ Воскресенской церкви на Мячинѣ, два колокола съ одинаковою вылитою надписью на латинскомъ языкѣ по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая одинаковая русская надпись на нихъ вырѣзана внизу кругомъ: «лѣта 7155 (1647) года; марта 1 дня при благовѣрномъ г. ц. и в. князѣ Алек. Мих. в. в и ли Р самод. дали сіи три колокола Великаго Новагорода церкви Всемилостиваго Спаса Нерукотворенному образу у Новинскихъ воротъ... Бога молить, а по смерти за ихъ души ихъ поминать доколѣ сей св. церкви Богъ благоволитъ по вѣрѣ христіанъ стояти, а пріемъ подписанъ въ 177 (1669) году мая 1 дня».

Въ Клопскомъ монастырѣ, колоколъ въ 50 пудовъ нѣмецкаго литья. На немъ вверху кругомъ вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubeck hat mie gegosen, aus dem feur ain ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейманъ изъ Любека лилъ меня; изъ огня разомъ я вылился 1647 года». Другая надпись вырѣзана пониже первой и послѣ ея спустя семь лѣтъ: «лѣта 7162 (1653) года ноября 29 день при царѣ государѣ и в. князѣ Алек. Мих. далъ сей колоколъ вѣсомъ въ 50 пудовъ въ Клопскій монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянинъ Иванъ Лукинъ Лонежской». Въ Новгородскій Георгіевской церкви небольшой колоколъ съ надписью «Soli Deo, Assilius Koster me fecit Amstelodami 1671». Въ Никитской церкви два колокола съ латинскими надписями; на одномъ: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другомъ: «Anno Domiani 1673 Al». Въ Приписной Θеодоровской церкви на Торговой сторонѣ колоколъ съ латинскими надписями вверху около ушей: готическими нѣмецкими четыре слова и годъ 1680. Въ Деревяницкомъ монастырѣ есть колоколъ пятипудовой древней нерусской работы; на немъ вылитъ сидящій на тронѣ апостолъ Петръ съ ключемъ и съ надписью надъ главою: S P T; повыше апостола вылита латинская надпись, къ сожалѣнію, почти сгладившаяся.

Городъ Псковъ имѣетъ также множество старинныхъ колоколовъ, но большая ихъ часть безъ надписей; они сходны между собою, какъ и храмы этого древняго города.

На колокольнѣ Псковскаго каѳедральнаго собора, двадцать два

колокола, изъ которыхъ самый большой, имѣющій въ діаметрѣ $3^1/_2$ аршина, вѣсомъ 600 пудовъ.

Однимъ изъ старинныхъ колоколовъ считали во Псковѣ колоколъ въ церкви св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (на бою), основанной въ 1373 году. Колоколъ этотъ упалъ съ колокольни въ 1804 году и уничтожилъ даже придѣлъ въ церкви во имя Знаменія Пресвятой Богородицы.

Въ церкви св. Василія Великаго (на горкѣ), основанной въ 1413 году, находился нѣкогда «осадный колоколъ». Этотъ колоколъ во время приближенія непріятеля давалъ знать объ этомъ псковичамъ своимъ звономъ.

Во Псковѣ существовалъ, какъ и въ Новгородѣ, свой «вѣчевой колоколъ», но въ воскресенье утромъ 13-го января 1510 года въ послѣдній разъ ударили въ этотъ колоколъ. Вмѣстѣ съ покорностью псковичей московскому царю, колоколъ былъ спущенъ съ колокольни Св. Троицы и свезенъ на Снѣтогорское подворье, въ подвалъ церкви Іоанна Богослова, при общихъ слезахъ псковичей о своей старинѣ и утраченной ими волѣ. 26-го января 1510 года, вмѣстѣ съ тремя стами семействъ псковичей «вѣчевой колоколъ» былъ отвезенъ въ Москву—княземъ Михаиломъ Даниловичемъ Щенятевымъ. При отъѣздѣ же самого великаго князя изъ Пскова онъ взялъ съ собою и другой любимый псковичами колоколъ, называвшійся «Корсунскимъ», въ замѣнъ котораго уже въ 1518 году прислалъ имъ къ соборной Троицкой церкви большой колоколъ.

Въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, есть с. Мошка, въ древности вотчина князей Воротынскихъ. На колокольнѣ этой церкви есть колоколъ съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1546 году княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Воротынскимъ. Колоколъ этотъ давно разбитъ; но народъ бережетъ его, какъ святыню, и каждый изъ стариковъ этого села во время Пасхи хоть одинъ разъ побываетъ на колокольнѣ, чтобъ ударить въ разбитый колоколъ. Народное преданіе почему-то почитаетъ этотъ колоколъ за святость.

Не менѣе замѣчательный колоколъ находится въ Полтавѣ въ оградѣ соборной церкви. На немъ слѣдующая надпись:

«Въ року тысяча шестьсотъ девять десять пятомъ,
«По славномъ Кази-Карменѣ отъ христіанъ взятомъ,
«За царство Россккихъ царей Петра, Іоанна,
«За гетманство Мазепы, Богомъ дарованна,
«Сооруженъ есть звонъ сей къ Божіей славѣ,
«До храму Успенія во градѣ Полтавѣ,
«Изъ штукъ Кази-Керменскихъ ароматныхъ здобычныхъ,
«З придатками матерій до звона приличныхъ,
«Коштомъ его милости войскъ Полтавскихъ вожа
«Павла Семеновича Украины вожа».

Внизу: «дѣлалъ Аѳанасій Петровичъ», подъ ушами вокругъ колокола: «Року 1695 ноемвріа дня 10», направо отъ надписи семиконечный крестъ въ сіяніи, потомъ гербъ Герциковъ, въ щитѣ сердце (Herz) съ четвероконечнымъ равностороннимъ крестомъ (такъ называемымъ греческимъ), а сверху изъ страусовыхъ перьевъ выходящая рука съ копьемъ, остріемъ влѣво, и наконецъ изображеніе Божьей Матери въ ростъ съ предвѣчнымъ младенцемъ на десной рукѣ: возлѣ, у главы Царицы небесной—херувимы, а внизу, у самыхъ ногъ два ангела.

Въ брошюрѣ Бучневича о Кази-Керменскомъ колоколѣ невѣрно сказано, что упомянутое изображеніе представляетъ де Успеніе (sic!) Богоматери, причемъ г. Бучневичъ опустилъ главное: по сторонамъ герба Герцика стоятъ вертикально буквы; слѣва: И. П. В. И. П., справа: Ц. В. З. П. С., т. е. Ихъ Пресвѣтлыхъ Царскихъ Величествъ Войскъ Запорожскихъ etc... Этотъ рѣдкій памятникъ сѣдой старины назначенъ къ уничтоженію по волѣ настоятеля Успенскаго Полтавскаго собора—и въ нынѣшнемъ году въ августѣ мѣсяцѣ онъ привезенъ въ Москву на заводъ г. Финляндскаго, для отливки изъ него новаго колокола. Управленіе Московскаго историческаго музея поспѣшило сдѣлать эстампажъ съ надписей на колоколѣ, а съ остальныхъ изображеній—копіи изъ гипса.

Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ средствъ спасти отъ погибели этотъ замѣчательный колоколъ?

5-го іюня 1890 года, въ г. Харьковѣ на колокольномъ заводѣ П. П. Рыжова состоялась отливка царскаго колокола изъ серебра—колоколъ предназначенъ для Успенскаго каѳедральнаго собора. Въ первомъ ярусѣ кололольни устроивается изъ желѣза раковина, въ которой и будетъ висѣть колоколъ; благовѣстъ его будетъ раздаваться ежедневно въ часъ крушенія императорскаго поѣзда близь станціи Борокъ. Этотъ колоколъ имѣетъ 17 пуд. 35 фунт. чистаго серебра и незначительное количесто мѣди и олова, необходимыхъ для сплава. Сооруженіе этого памятника-колокола состоялось по мысли архіепископа Амвросія, на пожертвованія, поступившія отъ духовенства и другихъ сословій Харьковской епархіи. Царскій колоколъ имѣетъ аршинъ съ четвертью высоты, на лицевой сторонѣ его находятся вензелевыя изображенія именъ ихъ императорскихъ величествъ, а подъ ними расположены пять медальоновъ съ надписями славянской вязью: Николай, Ксенія, Георгій, Ольга и Михаилъ. На оборотной сторонѣ надпись, кто соорудилъ колоколъ, а вокругъ вала отмѣчено самое событіе, въ ознаменованіе котораго отлитъ колоколъ.

Въ православныхъ нашихъ церквахъ на Сѣверѣ и особенно въ Финляндіи, большая часть колоколовъ иностраннаго литья. Такъ въ Кексгольмскомъ соборѣ колоколъ вылитъ въ Стокгольмѣ и имѣетъ слѣдующую надпись: «Anno 1649 Gloria in excelsis Deo. Duxett

Gottes Holf. m Kurken Pudensen me fecit Stocholmen. Qvis contra nos, si Deus pro nobis». Въ Сердобольскѣ, въ Петропавловской церкви, точно такой же шведскій колоколъ съ надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; me funderat' Holmiae (Стокгольмъ).

Съ 72-хъ верстахъ отъ Петербурга въ с. Рожествинѣ въ бывшей вотчинѣ царевича Алексѣя Петровича, имѣются два историческихъ колокола; первый изъ нихъ—даръ царя Ѳеодора Іоанновича, въ 1588 г.— взятъ онъ изъ новгородскаго Антоніева монастыря въ 1713 году; второй—иностранный съ слѣдующей надписью: «Laudo Deum, populum solo. En ego campana nungam denuncio vana. Congrego devum (?) Anno dom 1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo.

Самый большой колоколъ въ Петербургѣ на колокольнѣ Исаакіевскаго собора, вѣсъ его 1,860 пудовъ 23 фунта, кромѣ языка, который особо вѣситъ 49 пудовъ 29 фунтовъ; всѣхъ же колоколовъ одиннадцать; общій вѣсъ ихъ 4,349 пуд. 14 фун., стоимость 62,029 руб. 89¼ коп. Всѣ они отлиты въ С.-Петербургѣ, Валдайскимъ колокольнымъ мастеромъ Иваномъ Макаровымъ Стуколкинымъ.

На Петропавловскомъ соборѣ всѣхъ колоколовъ четырнадцать; самый большой изъ нихъ 209 пудовъ. Но замѣчательными здѣсь являются часовые колокола, которыхъ 38, разной величины; на каждомъ изъ этихъ колоколовъ имѣется литая надпись на голландскомъ языкѣ, вѣсъ въ нихъ 16,506½ фунтовъ, вѣсъ въ молоткахъ 1,843 фунта. Въ Казанскомъ соборѣ замѣчательны первые четыре колокола, бывшіе на колокольнѣ церкви Рождества Богородицы. Первый большой, «праздничный», вылитъ въ 1796 году мастеромъ Антипомъ Дмитріевымъ, вѣсу въ немъ 264 пуда 13 фунтовъ; второй колоколъ «поліелейный»; лилъ его въ 1762 году алдерманъ Константинъ Слизовъ въ Петербургѣ, вѣсу въ немъ 129 пудовъ 25 фунтовъ; третій «повседневный» вылитъ февраля 9-го 1762 года тѣмъ же мастеромъ, вѣсу въ немъ 61 пудъ 18 ф.; онъ разбитъ и не употребляется. Четвертый колоколъ вылитъ въ Петербургѣ «1734 года, ноября 30-го, лилъ его комисаръ Семенъ Леонтьевъ», разбитъ и тоже безъ употребленія. На Смольномъ соборѣ большой праздничный колоколъ, вѣсомъ въ 607 пудовъ, лилъ валдайскій мастеръ Смирновъ въ Петербургѣ; третій «поліелейный» лилъ мастеръ Константинъ Слизовъ въ Москвѣ въ 1757 г., вѣсъ его 240 пудовъ 5 фунтовъ. Въ Симеоновской церкви большой колоколъ, вѣсомъ въ 267 пудовъ 17 фунтовъ, литъ въ г. Валдаѣ въ 1821 году. На Спасосѣнновской колокольнѣ всѣхъ колоколовъ пятнадцать: главный изъ нихъ, вѣсомъ въ 542 пудовъ 18 фунт., вылитъ въ Москвѣ въ 1780 г. января 20-го на заводѣ Ясона Струговщика; языкъ при немъ желѣзный въ 17 пуда 5 фунт.;

надпись слѣдующая: «Ассесора Саввы Яковлева къ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что на Сѣнной». Существуетъ преданіе, что при жизни Саввы Яковлева, очень тщеславнаго человѣка, вышедшаго изъ крестьянъ Тверской губерніи, звонили въ этотъ колоколъ только тогда, когда онъ это дозволялъ, и будто бы языкъ къ чему-то прикрѣплялся особою цѣпью, которую Яковлевъ запиралъ замкомъ, а ключъ держалъ у себя и выдавалъ его, когда хотѣлъ. Другой колоколъ «Богородичный» въ 274 пуда 26 фунтовъ отлитъ въ 1780 году. Болѣе другихъ древенъ колоколъ «повседневный» въ 78 пудовъ 32 фунта, отлитый въ 1762 году ко дню возвращенія Екатерины II изъ Москвы, послѣ коронаціи. Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать о двухъ колоколахъ, которые въ Невской лаврѣ. Первый, самый большой, виситъ на сѣверной башнѣ въ числѣ другихъ колоколовъ, вѣсъ въ немъ 800 пудовъ; онъ вылитъ въ 1658 году иждивеніемъ извѣстнаго патріарха Никона и перевезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 г. Другой колоколъ на южной башнѣ «поліелейный», вѣсомъ въ 200 пудовъ. Всѣхъ колоколовъ въ Петербургѣ насчитывается болѣе 1,500 штукъ, изъ числа которыхъ едва ли треть будетъ прошедшаго столѣтія.

Въ нынѣшнемъ году за границей изобрѣтенъ инструментъ, цѣль котораго замѣнить колокола—названіе ему «кодонофонъ». Новый инструментъ имѣетъ видъ шкафа. Въ немъ помѣщается нѣсколько десятковъ трубъ, по которымъ ударяетъ особенный молотъ. Говорятъ, что по силѣ звука кодонофонъ не уступаетъ самымъ мощнымъ настоящимъ колоколамъ.

М. Пыляевъ.

БИСМАРКЪ ВЪ КАРИКАТУРАХЪ.

I.

Карикатуры на отставку Бисмарка.

Нечувствительность Бисмарка къ насмѣшкамъ.—Принципіальность и идейность карикатуръ на него.—Сбывшееся пророчество мюнхенскаго «Punsch» 1863 г.—Параллель между Наполеономъ св. Елены и Бисмаркомъ Фридрихсруэ.—Уваженіе карикатуры къ Бисмарку.—Вѣнскія карикатуры по случаю отставки Бисмарка.—Въ германскомъ канцлерствѣ.—Нѣмецкія карикатуры: Бисмаркъ-командоръ; Бисмаркъ въ видѣ луны.—Карикатура «Il Pasquino».—Англійскія юмористическія картины: «Уволенный матросъ», «Два пса въ дождь выгнанные на дворъ».—Французскіе шаржи.

РАНЪ-КАРТРЭ, извѣстный французскій собиратель карикатуръ, зарекомендовавшій свою компетентность въ этомъ дѣлѣ трудами по исторіи карикатуры въ Германіи и во Франціи [1]), издалъ недавно третью книжку по своей спеціальности, подъ названьемъ «Bismarck en caricatures» [2]). Для автора, любящаго свой предметъ, это—новый-и—надо прибавить—весьма счастливый случай—показать, что самая достовѣрная исторія раскрывается въ графическихъ документахъ, говорящихъ не мало и глазу, и мысли. Подобно придворнымъ шутамъ стараго времени, новѣйшая карикатура подъ ви-

---

[1]) Les Moeurs et la Caricature en Allemagne, en Autriche, en Suisse. Paris. 1885. Les Moeurs et la Caricature en France. Paris. 1888.

[2]) John Grand-Carteret. Bismarck en caricatures. Avec 140 caricatures françaises et etrangères. Paris. 1890.

домъ забавы и шутки зачастую высказываетъ одну неподкрашенную правду. Эту-то правду Картрэ явно имѣлъ въ виду и въ освѣщеніи характерныхъ чертъ личности Бисмарка при помощи карикатуръ.

Новѣйшая иллюстрація, весьма естественно, отводила широкое мѣсто великому государственному человѣку, почти треть столѣтія — и какую чреватую событіями треть! — пользовавшемуся всемірной популярностью, а въ послѣднее двадцатилѣтіе игравшему преобладающую роль въ исторіи международныхъ отношеній. Съ 1862 г., когда началась его политическая карьера, и по 1890 г., когда сошелъ онъ со сцены, создалась цѣлая галлерея его образовъ въ зависимости отъ его вліянія на ходъ европейскихъ событій. Изъ этой галлереи Картрэ съумѣлъ выбрать все наиболѣе типичное и самое характерное и наглядно показать, что̀ думали о всемогущемъ вдохновителѣ политики Гогенцолерновъ нѣмцы и французы, итальянцы и англичане, швейцарцы, испанцы, португальцы и даже американцы.

Признакъ величія личности Бисмарка обнаруживается здѣсь прежде всего въ томъ, что онъ никогда не проявлялъ обидчивости относительно остротъ и шутокъ, юмора и сатиры на его счетъ. Въ данномъ случаѣ онъ совершенно отличался отъ своего бывшаго друга—императора Наполеона III, который закрывалъ доступъ во Францію заграничнымъ карикатурнымъ листкамъ и не допускалъ у себя рисованнаго памфлета. Коллега Бисмарка, министръ финансовъ Кампгаузенъ, оказался болѣе чувствительнымъ. Онъ затѣялъ процессъ съ «Kladderadatsch» за то, что въ этомъ изданіи его изобразили нищимъ, вымаливающимъ состраданіе у рейхстага. Адвокатъ «Kladderadatsch» на судѣ прямо ссылался на тысячи карикатуръ противъ Бисмарка, который, однако, и не помышлялъ обижаться на эти насмѣшки. И карикатура послужила только къ вящшей его славѣ.

Многіе государственные люди могутъ даже позавидовать Бисмарку. Въ то время, какъ другіе политическіе дѣятели подвергались самому необузданному очерненію и самымъ безграничнымъ личнымъ нападкамъ, въ Бисмаркѣ карикатуристы критиковали только извѣстный принципъ, къ нему прикладывалась мѣрка извѣстной идеи. Его черты воспроизводятся повсюду, его политическія дѣянія изображаются въ шаржахъ, его личность, какъ человѣка государственнаго, подвергается рѣзкой критикѣ, но нигдѣ вы не найдете ни малѣйшаго оскорбительнаго намека на его жизнь. Изъ массы карикатуръ на «желѣзнаго» канцлера ни одна не имѣетъ характера пасквиля, оскорбительнаго для чести. Напротивъ, всегда и вездѣ на Бисмарка нападаетъ карикатура съ весьма замѣтнымъ оттѣнкомъ почтенія, не затрогивая его частной жизни и проявляя извѣстное благодушіе въ своихъ насмѣшкахъ.

«Это,—замѣчаетъ Картрэ,—фактъ рѣдкій и, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ».

Самъ Картрэ, трактуя о «великомъ врагѣ Франціи» и побѣдителѣ Наполеона III, говоритъ о немъ съ явнымъ уваженіемъ. Авторъ въ самомъ началѣ своей книги цитируетъ слѣдующій діалогъ изъ мюнхенскаго карикатурнаго изданія «Punsch» 1863 г. между Макслемъ и Сепперлемъ, двумя простаками, разсуждающими обо всемъ:

Максль. Не правда ли? Въ жилахъ Бисмарка течетъ старинная благородная кровь?

Сепперль. Конечно.

Максль. О! когда-нибудь и онъ попадетъ въ разрядъ стараго желѣза.

Картрэ видитъ въ этой остротѣ своего рода пророчество. Предсказаніе 1863 г. стало дѣйствительностью въ 1890 г. и Бисмаркъ съ своей благородной кровью брошенъ какъ старое, негодное желѣзо. Это невольно заставляетъ вспомнить о непрочности всего земного.

Но популярность павшаго великаго государственнаго человѣка теперь кажется еще большей, чѣмъ та, какая выпадала ему на долю даже во времена его наивысшаго блеска. Только Наполеонъ св. Елены своей знаменитостью можетъ сравняться съ нынѣшнимъ Бисмаркомъ Фридрихсруэ. Есть, однако и разница. Карикатура отступала на попятный дворъ передъ звѣздой Бонапарта и особенно передъ полиціей консульства. Напротивъ, она не щадила Бисмарка, когда онъ разрушалъ прежнія нѣмецкія государства для созиданія новой германской имперіи. Бонапартъ палъ и его забросали грязью. А «желѣзный канцлеръ», возбудившій столько ненависти, сошелъ со сцены, и карикатура не мстила ему.

Но не только не мстила ему карикатура. Она его прославила еще пуще прежняго. Вѣнскій карикатурный журналъ «Figaro», этотъ австрійскій цирульникъ, брившій столькихъ монарховъ и столькихъ министровъ, въ 1863 г. изображавшій Бисмарка въ видѣ бродяги носящаго за плечами въ своемъ ранцѣ «кровь и желѣзо», которыми онъ тогда думалъ возродить Германію, въ апрѣлѣ 1890 года рисуетъ его Геркулесомъ, который, по совершеніи своихъ подвиговъ, возвращается домой одинокимъ и покинутымъ. Не менѣе характерна воспроизводимая здѣсь другая карикатура, помѣщенная въ томъ же изданіи послѣ отставки «желѣзнаго канцлера» (рис. 1). Бисмаркъ въ ботфортахъ, въ сюртукѣ широко распахнувшемся, въ кожаныхъ рейтузахъ, въ однобортномъ закрытомъ жилетѣ, сидитъ, одной рукой опершись на спинку кресла, а другой прислонившись къ столу. Онъ погруженъ въ свои мысли. Это изображеніе, напоминающее Наполеона на островѣ св. Елены, воспроизводитъ Бисмарка, удалившагося въ Фридрихсруэ. Та же поза,

тотъ же сосредоточенный взглядъ, тотъ же костюмъ, тѣ же ботфорты, какъ и у Бонапарта. Бисмаркъ и родился 1-го апрѣля 1815 года, когда Наполеонъ I началъ свою грандіозную эпопею ста дней. Въ другомъ вѣнскомъ изданіи проводится параллель между прощаніемъ Бонапарта въ Фонтенбло и удаленіемъ Бисмарка въ Фридрихсруэ. Удаленіе отъ дѣлъ великаго человѣка представляется карикатуристу временнымъ. Бисмаркъ долженъ вернуться изъ Фридрихсруэ, какъ нѣкогда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы. Иначе сказать, люди ихъ закала падаютъ только побѣжденными, а отставленный «желѣзный канцлеръ» далеко еще не побѣжденъ.

Рис. 1. Бисмаркъ въ образѣ Наполеона I на о-вѣ св. Елены.

Многія вѣнскія карикатурныя изданія задаются вопросомъ, что теперь будетъ дѣлать Бисмаркъ. «Humoristische Blaetter» изображаютъ его вступающимъ въ рейхстагъ въ качествѣ соціалистскаго депутата и ставятъ вопросъ: «помѣстившись на Юпитерѣ, примется ли онъ руководить дѣлами съ своей высоты, сдѣлается ли канцлеромъ нѣмецкихъ колоній, предастся ли пріятностямъ аграрной политики?» Нѣтъ, онъ удовольствуется писаніемъ мемуаровъ о людской неблагодарности. «Floh» представляетъ Бисмарка размышляющимъ передъ портретомъ Карла V.

Ни одного карикатуриста не покидаетъ мысль о всемогуществѣ Бисмарка, о всевѣдѣніи его, о существѣ высшемъ, не поддающемся никакимъ постороннимъ давленіямъ. Въ ряду этихъ рисунковъ одинъ особенно знаменателенъ. Подъ рисункомъ подписано: «Въ германскомъ канцлерствѣ». Бисмаркъ, держа подъ мышкой скрипку, и Каприви, его замѣститель, стоятъ передъ органомъ, къ которому бывшій канцлеръ прилаживаетъ свитокъ съ надписью «симфонія мира».

Бисмаркъ. Любезнѣйшій Каприви, послѣ меня вамъ легко участвовать въ европейскомъ концертѣ. Стоитъ только завести органъ.

Каприви. Но вѣдь это вовсе не искусство. Оставьте-ка мнѣ вашу скрипку.

Бисмаркъ. Первую скрипку! Нѣтъ, другъ любезный, на ней только я умѣю играть.

Эта идея превосходства отставленнаго «желѣзнаго канцлера», присутствуетъ и въ изданіяхъ другихъ народовъ. О нѣмцахъ и говорить нечего. «Kladderadatsch» рисуетъ извѣстнаго депутата Евгенія Рихтера въ образѣ «Донъ-Жуана», которому предлагаютъ подписаться на статую командора. Рихтеръ отказывается внести свою лепту, такъ какъ онъ не увѣренъ въ томъ, что командоръ въ одинъ прекрасный день не сойдетъ съ своего коня (рис. 2). Грѣшнику тогда плохо придется. Командоръ на карикатурѣ представленъ въ образѣ Бисмарка, который, дѣйствительно, ожилъ и сошелъ съ своего коня (рис. 3). На другомъ, также воспроизводимомъ здѣсь рисункѣ того же изданія, Бисмаркъ представленъ въ видѣ луны съ своими знаменитыми тремя волосками. На лунѣ замѣтно частичное затменіе, произведенное Вальдерзе (рис. 4). Не ясно ли отсюда, что и для нѣмцевъ слава великаго канцлера никогда не можетъ затмиться вполнѣ. Изъ итальянскихъ карикатуръ, вызванныхъ отставкой Бисмарка, слѣдуетъ отмѣтить рисунокъ «Il Pasquino». Бисмаркъ удаляется на покой съ своимъ театромъ маріонетокъ. Онъ собралъ свои куклы и тащитъ на спинѣ этотъ театръ на четырехъ ножкахъ. Его игра кончилась и маріонетки, которыя такъ долго исполняли свои роли на міровомъ театрѣ, болѣе не требуются.

Рис. 2. Донъ-Жуанъ (Рихтеръ) отказывается подписаться на памятникъ командору (Бисмарку).

Рис. 3. Донъ-Жуанъ не увѣренъ въ томъ, что командоръ не оживетъ когда-нибудь.

Но наибольшей глубиной юмора отличаются англійскія карикатуры по поводу удаленія знаменитаго германскаго канцлера съ политической сцены. Нигдѣ съ большей возвышенностью не

Рис. 4. Частичное затменіе луны.

охарактеризована идея этого удаленія, отставки великаго человѣка, оставленіе имъ великой политической роли. Это — не только иллюстраціи текущихъ интересовъ дня или сатирическія изображенія страстей современной дѣйствительности. Это — юмористическія картины въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Вотъ три карикатуры — одна изъ «Punch» (29-го марта 1890 г.) изображаетъ «Уволеннаго матроса» (рис. 5), другая изъ «Judy» (2-го апрѣля 1890 г.) — «Закрытіе» (рис. 6), третья изъ изданія «Moonshine» (5-го апрѣля 1890 г.) — комнатныхъ псовъ, дога и овчарку, выгнанныхъ на дворъ во время проливного дождя (рис. 7). Это — Бисмаркъ и Гладстонъ. Всѣ три карикатуры представляютъ собой поистинѣ философское иллюстрированіе ненадежности земного величія. «И когда смотришь на эти образы — замѣчаетъ Картрэ — особенно когда сравниваешь ихъ съ карикатурами Вѣны или Берлина, невольно спрашиваешь себя, не явное ли тутъ доказательство того, что англичане, которые такъ комично переодѣвали Наполеона I, относительно Бисмарка испытывали нѣкоторый почтительный страхъ и тайное удивленіе?»

Рис. 5. Уволенный матросъ.

Такъ это или нѣтъ, но помянутая карикатура «Punch'a» обнаруживаетъ явную симпатію къ «отставленному матросу». Коронованная голова смотритъ черезъ бортъ корабля, какъ спускается по корабельной лѣстницѣ медленно, молча и по-

груженный внутрь себя, старый штурманъ. Трудно себѣ представить рисунокъ, который, будучи вдохновленъ текущими интересами дня, могъ бы производить такое глубокое и разительное впечатлѣніе. На карикатурѣ «Закрытіе» «честный маклеръ» въ образѣ Бисмарка закрываетъ свою лавочку. Подпись гласитъ: «А, вы уходите, князь? Есть сбоку еще одна лавочка, которую, я полагаю, можно было бы закрыть». Это—намекъ Гладстона на опозицію.

Какъ видите, Бисмарку нельзя жаловаться на злорадство и неблагодарность карикатуристовъ. Даже французскія карикатуры далеки отъ того, чтобъ оправдывать древнюю Эзопову басню объ умирающемъ львѣ. Правда, онѣ не чуждаются фантастическихъ преувеличеній въ своихъ рисункахъ. Такъ, Тире-Бонье приписываетъ «доброму отшельнику» нелѣпые помыслы. Бисмаркъ его, съ кинжаломъ въ рукѣ, окруженный на рисункѣ ретортами, стклянками съ петролемъ и съ динамитомъ, пузырьками съ ядомъ для крысъ, словомъ, всей алхиміей новѣйшей революціи, говоритъ слѣдующее: «императоръ сдѣлался соціалистомъ... какъ бы мнѣ не превратиться въ нигилиста?» Но и въ этомъ фантастическомъ шаржѣ звучитъ драматическая нотка, а не издѣвательство. Рядомъ съ такой ноткой въ другихъ французскихъ карикатурахъ чувствуется нота спокойнаго юмора. Молохъ изображаетъ, какъ Бисмаркъ собирается писать свои мемуары. Де-Ста рисуетъ его мирно курящимъ свою тевтонскую трубку, набитую не монополизированнымъ табакомъ. Другой рукой Бисмаркъ прислонился къ кружкѣ съ мартовскимъ пивомъ, этимъ воинственнымъ напиткомъ, истиннымъ шампанскимъ Германіи. Онъ завершилъ свое твореніе. Онъ создалъ германскую имперію и опочилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ.

Рис. 6. Закрытіе.

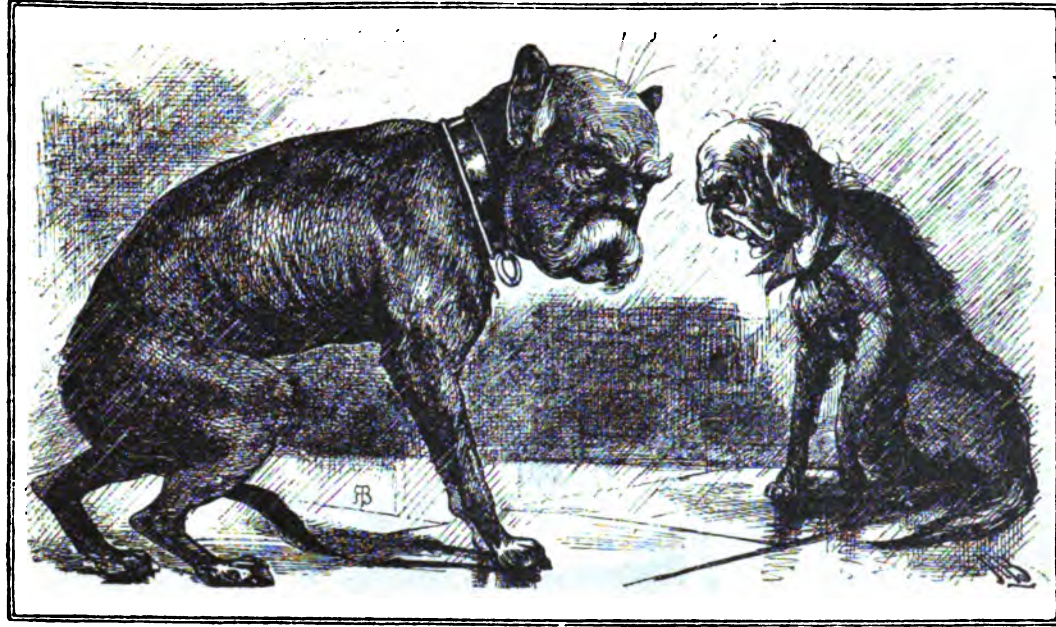

Рис. 7. Прогнанные на дворъ — Бисмаркъ и Гладстонъ.

II.

Политическая дѣятельность Бисмарка въ карикатурахъ разныхъ народовъ.

Нѣмецкія карикатуры на событія 1862—1870 г.—Прусскій рай.—Два «Er.»-Наполеонъ III и Бисмаркъ. — «Новый Блюхеръ». — «Біарицкія дѣла». — «Танецъ среди политическихъ яицъ». — Карикатуры на Бисмарка съ 1870 г.—Нѣмецкія иллюстраціи тріумфовъ Бисмарка. — Вѣнскія карикатуры: «Въ парламентѣ Сѣверной Германіи»; «Шествіе въ Каносу»; «Планъ Бисмарка послѣ утвержденія табачной монополіи»; «Что происходитъ въ Берлинѣ» и «Zu den drei Victorien».— Отношеніе французской карикатуры къ Бисмарку въ разные періоды. — Бисмаркъ и Лукка.—«Въ Германской кухнѣ»—Заботы Бисмарка о мирѣ. - Трагическая и комическая маски его.—Бисмаркъ для дѣтей.—Что получается изъ лица Бисмарка? — Виньетка «Fischietto». — Англійская аллегорія. — Швейцарскій юморъ: «Предусмотрительная гувернантка»; френологическій портретъ Бисмарка.—Американская карикатура.

Какъ ни кратокъ текстъ книги Картрэ, коментирующій приведенныя въ ней превосходныя карикатуры, но и по этимъ бѣглымъ характеристикамъ карикатуръ все-таки можно составить себѣ общее понятіе о содержаніи политической дѣятельности германскаго канцлера. Вѣнскій «Figaro», франкфуртскій «Latern» и мюнхенскій «Punsch» въ своихъ иллюстраціяхъ воспроизводятъ истинную физіономію современныхъ событій и всю исторію Бисмарка, какъ основателя прусскаго могущества. Особенно въ мюнхенскомъ «Punsch» можно найти полную иллюстрированную лѣтопись знаменательнаго 8-лѣтія, съ 1862 по 1870 г. Вопросы польскій, Шлезвигъ-Гольштинскій, Гановерскій и Гессенскій, учащенныя свиданія въ Біарицѣ между Наполеономъ III и Бисмаркомъ, постоянныя пререканія и примиренія между Пруссіей и Австріей, политика прусскаго министра, всячески старающагося вытѣснить Габсбурговъ изъ Германіи, соблазняющаго прусскаго короля проектами територіальнаго расширенія, политика министра, торжествующаго надъ придворными интригами, не замаскированная враждебность южногерманскихъ государствъ, война 1866 г., макіавелизмъ относительно Франціи, зальцбургское свиданіе между Францемъ-Іосифомъ и Наполеономъ III, дипломатическіе происки Бисмарка, отыскивающаго всякіе поводы къ разрыву и уклоняющагося отъ прямого объявленія враждебныхъ дѣйствій — вотъ что изображалось въ забавныхъ рисункахъ художника Шлейха. Въ «Punsch» вездѣ и всюду фигурируетъ прусская каска, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ римской каской Велизарія, картоннымъ аксесуаромъ въ театрѣ, а человѣческая комедія ставится на сцену Бисмаркомъ и Наполеономъ III. Франкфуртскій «Latern» одновременно съ историческими виньетками «Punsch'а» даетъ портреты-шаржи прусскаго министра

въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Картрэ заимствуетъ оттуда между прочимъ описаніе прусскаго рая.

1. И змѣй Бисмаркъ сдѣлался болѣе лукавымъ въ виду всѣхъ попытокъ прогресса въ странѣ.

2. И онъ убѣдилъ реакціонерную Еву, чтобъ она вкусила отъ плода абсолютизма, выросшаго на древѣ феодализма, которое было названо «эдиктомъ печати 1-го іюня».

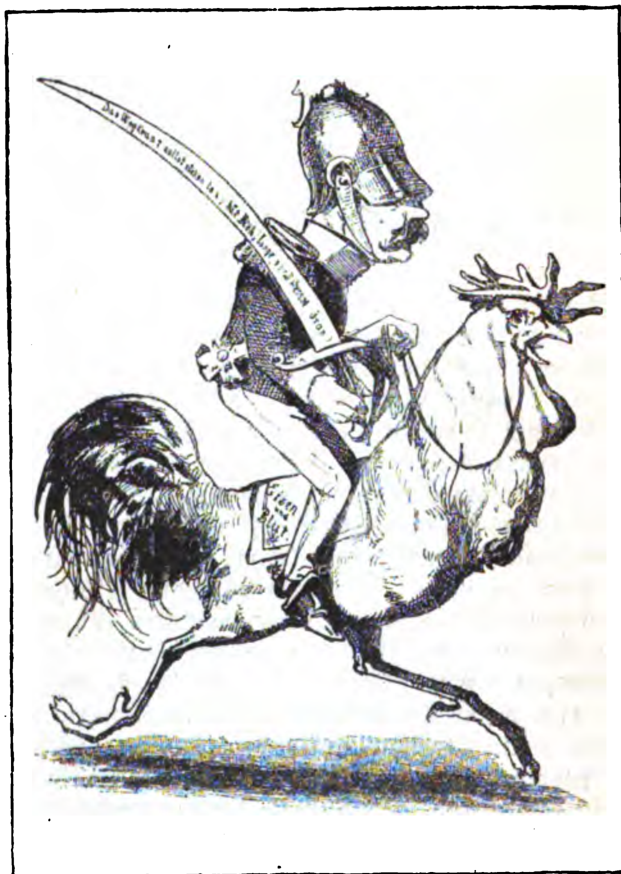

Рис. 8. Новый Блюхеръ.

3. И Ева подѣлилась съ своимъ супругомъ, прогрессистомъ Адамомъ, который также вкусилъ этого плода.

4. Тогда глаза ихъ открылись. И имъ стало ясно, чтò они сдѣлали и устыдились своей слабости.

5. И Господь сказалъ змѣю: «ты, сдѣлавшій это, будешь наказанъ. Отнынѣ будетъ смертельная война между тобою и прогрессомъ, и этотъ послѣдній сотретъ главу твою».

6. Тогда явились ангелы Войны и Революціи, потрясая огненными мечами, и это былъ конецъ рая на землѣ.

По этой подписи подъ соотвѣтственной карикатурой можно судить о діапазонѣ, до какого доходила тогда глухая борьба между сѣверомъ и югомъ Германіи, между Пруссіей и Австріей, между тѣми, кто мечталъ о Германіи демократической на подобіе швейцарской республики, и Бисмаркомъ, который стремился создать новую Германію подъ властью Гогенцолерновъ. Сатира и не щадила его вмѣстѣ съ тогдашнимъ императоромъ французовъ. Такъ и явились въ нѣмецкихъ карикатурныхъ журналахъ два «Er.»: Lui (Louis) Франціи — Наполеонъ III и «Lui» Пруссіи — Бисмаркъ.

Рис. 9. Танецъ на политическихъ яицахъ.

И дѣйствительно, съ 1862 по 1870 гг. сатирическія изданія отмѣчаютъ комическую сторону въ прусской политикѣ «крови и желѣза» и рисуютъ Бисмарка послушнымъ ученикомъ Наполеона III. Уничтоженіе свободы печати, строгія мѣры противъ чиновниковъ, заподозрѣнныхъ въ опозиціи, гоненія на депутатовъ, распоряженія и акты 1868 г. — все это напоминало карикатури-

стамъ французскіе декреты 1852 г. Но 2-е декабря оставило въ исторіи Франціи впечатлѣніе леденящаго холода, а политика Бисмарка явилась источникомъ священнаго огня, охватившаго Германію. Кромѣ того, Бисмаркъ, по выраженію одного нѣмецкаго демократа, «хотя и былъ обезьяной Наполеона III, но обезьяна эта оборвала цѣпь и сломала шею своему вожаку». Неудивительно, что нѣмецкія карикатурныя изданія представляютъ Бисмарка того времени лисой, которая льститъ воронѣ (Наполеону III) до тѣхъ поръ, пока она не роняетъ сыра. Сперва онъ дѣйствительно является сателитомъ императора французовъ. Франкфуртскій «Latern» въ мартѣ 1863 г. рисуетъ Бисмарка съ обнаженной саблей верхомъ на пѣтухѣ, какъ символѣ Франціи. Подписано подъ рисункомъ: «Новый Блюхеръ» (рис. 8). На саблѣ обозначено «Желѣзо и кровь».

Рис. 10. Біарицкое свиданіе Бисмарка съ Наполеономъ III.

Далѣе сказано: «Посмотрите на француза; посмотрите на новаго Блюхера, на гальскомъ пѣтухѣ ѣдетъ великій Бисмаркъ»...

Въ томъ же изданіи воспроизвенъ «Танецъ среди политическихъ яицъ» (рис. 9). На яицахъ читаемъ: «конституція», «гражданская свобода», «законы о печати», «реформы», «выборы», «права». Подпись гласитъ: «И онъ слылъ мастеромъ въ этомъ упражненіи, и онъ увѣренъ, что всѣ остаются цѣлыми и что ни одно не разбилось. Неразбиться-то не разбились, потому-что, какъ вы и сами видите, онъ довольствуется тѣмъ, что вертится около каждаго изъ нихъ».

Въ 1865 г., въ «Punsch» Бисмаркъ изображается странствующимъ торговцемъ, пріѣзжающимъ къ Наполеону въ Біарицъ съ предложеніемъ ему сѣвернаго Шлезвига, лѣваго берега Рейна и Саарбрюкенскихъ копей (рис. 10).

Первый (Бисмаркъ). Безъ торга! безъ запроса! Славные куски земли. Условія крайне выгодныя.

Второй (Наполеонъ III). Благодарю, я не покупаю краденыхъ вещей.

Первый. Какъ краденыхъ! Развѣ все, что у васъ есть, вы принесли съ собой на свѣтъ? А у васъ вѣдь имѣются красивыя вещицы.

Второй. Приходите, когда стемнѣетъ.

Но уже въ 1867 г. «Punsch» рисуетъ «Извѣстную статуетку» (рис. 11) съ подписью «Амуръ терзаетъ Психею», а въ вольномъ переводѣ это значитъ: Бисмаркъ сжигаетъ крылья Наполеону III на солнцѣ Садовы (1866 г.).

Рис. 11. «Извѣстная статуетка».

Съ 1870 г. начался новый періодъ для нѣмецкихъ карикатуръ, изображающихъ Бисмарка. Берлинскіе рисовальщики, съ иллюстраторами «Kladderadatsch'a» во главѣ, берутъ верхъ надъ мюнхенскими. Вчерашній врагъ превращается въ кумира. Сейчасъ же послѣ франко-прусской войны въ «Kladderadatsch'ѣ» появляется прилагаемая виньетка съ изображеніемъ головы Бисмарка въ вѣнкѣ, своего рода ореолъ (рис. 12). Это, какъ пояснено подписью, «легкая шапочка для праздничныхъ дней всякому по головѣ». Карикатура уже собственно не нападаетъ на Бисмарка, ибо, къ удивленію ея и всей Германіи, этотъ «юнкеръ», отъ котораго ничего не ожидали, явился выразителемъ нѣмецкихъ идеаловъ. Поэтому и карикатура стала относиться къ его личности, такъ сказать, попріятельски, съ добродушной шутливостью, и не пропускала случая, гдѣ только была возможность, изобразить его воплощеніемъ нѣмецкой силы и величія. Въ этомъ періодѣ, кромѣ «Kladderadatsch'a», обращаютъ на себя вниманіе карикатуры «Berliner Wespen», «Ulk», затѣмъ лейпцигскаго «Schalk». Бисмаркъ изображается въ партикулярномъ платьѣ, въ сюртукѣ благодушнаго помѣщика, то банкиромъ, то сановникомъ или дипломатомъ, даже чиновникомъ въ отставкѣ. Это—чисто берлинскій Бисмаркъ. Но вотъ начинается кампанія противъ католи-

Рис. 12. Шапочка для праздничныхъ дней.

цизма, и карикатурный Бисмаркъ облекается въ мундиръ. «Надо,— говоритъ Картрэ, — знать духъ протестанскихъ странъ, особенно лютеранской Германіи, чтобъ понять энтузіазмъ, вызванный на сѣверѣ этой борьбой. Искони вѣковъ нѣмецъ старается осуществить двѣ мечты—единство политическое и единство религіозное... Второе, направленное противъ Рима, представляетъ ту опасность, что оно посягаетъ на религію южныхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя, допуская пруссификацію политическую, не хотятъ поступиться своими сокровенными убѣжденіями». Въ теченіе десяти лѣтъ этотъ сюжетъ трактуется въ композиціяхъ рисовальщика Шольца, пока не объявляется, что «мы не идемъ въ Каносу!»

Но не одна Каноса доставляетъ затрудненія Бисмарку. Рейхстагъ противится усиленію дѣйствующей арміи и не хочетъ при-

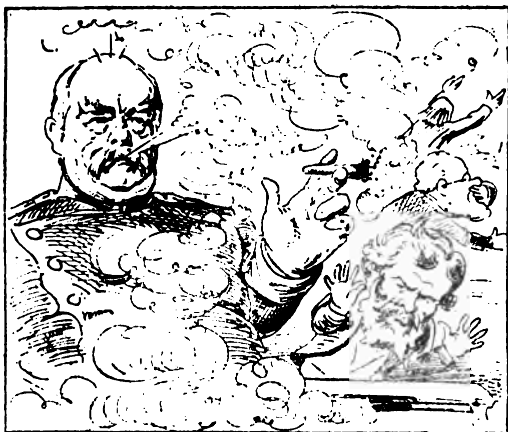
Рис. 13. Въ парламентѣ сѣверной Германіи..

нимать экономическіе законы и проекты Бисмарка, налогъ на табакъ и на водку, налогъ, который позволилъ бы уравновѣсить этотъ вѣчно колеблющійся противный бюджетъ. Эти финансовыя заботы канцлера иллюстрируются во множествѣ карикатуръ. То онъ въ видѣ наѣздника изъ цирка жонглируетъ съ своими министрами и портфелями, то стоитъ у дверей лавки съ надписью «Базаръ парламента» и показываетъ на цѣлую колону законовъ, отвергнутыхъ рейхстагомъ. Словомъ, графически отмѣчаются изо дня въ день всѣ политическія событія, связанныя съ именемъ Бисмарка и всѣ пилюли по его адресу оказываются позолоченными, ибо онъ торжествуетъ надъ всякими опозиціями.

Вѣнскія сатирическія изданія относятся къ Бисмарку этого періода съ бо̀льшей свободой, чѣмъ берлинскія. Его «Шествіе въ Каносу» они долго не могутъ простить ему. Они пародируютъ его

варварское обращеніе съ парламентомъ. Вѣнскій «Figaro» изображаетъ его «въ парламентѣ сѣверной Германіи» (рис. 13) съ бичемъ, которымъ онъ стегаетъ представителей страны, какъ плантаторъ своихъ негровъ или крѣпостныхъ крестьянъ. Тутъ онъ манитъ къ себѣ соціалистовъ сахаромъ и затѣмъ перебиваетъ имъ ноги, тамъ онъ восклицаетъ: «О, еслибы я могъ сдѣлать все, какъ хочу!» и передъ нимъ сконфуженный, какъ мальчишка пойманный съ поличнымъ, стоитъ Михель, нѣмецкій Иванушка-дурачекъ, держа въ рукѣ огромную избирательную урну.

Любопытно, что вѣнскія иллюстраціи постоянно возвращаются къ темѣ объ акцизѣ на табакъ. «Kikeriki», «Humoristische Blätter», «Der Floh» любятъ этотъ сюжетъ. Очевидно, это была мечта самая близкая сердцу канцлера. Вотъ «Планъ Бисмарка послѣ утвержденія табачной монополіи» (рис. 14). Бисмаркъ коптитъ дымомъ монополиризованной сигары парламентаризмъ такъ же немилосердно, какъ обыкновенно пропитывается дымомъ и копотью самая вульгарная курильная комната. Подъ карикатурой «Floh» 1881 г., воспроизводимой здѣсь, читаемъ: «Чувствуете теперь, почему я отстаиваю монополію. Съ подобной монополизированной сигарой я сдѣлаю парламентаризмъ невозможнымъ въ Германіи».

Рис. 14. По поводу закона о табачной монополіи: планъ Бисмарка.

Изъ вѣнскихъ карикатуръ интересны также двѣ слѣдующія, которыя перепечатываются нами. Одна изъ «Kikeriki» 1882 г., подъ названіемъ «Вотъ что происходитъ въ Берлинѣ», осмѣиваетъ милитаризмъ, изображая Бисмарка измѣряющаго ростъ ангела мира (рис. 15). «Годенъ въ кавалерію!»—говоритъ канцлеръ, одѣтый въ легендарный костюмъ померанскаго фельдъегеря.

Другая карикатура изъ «Figaro» 1887 г., относится къ царствованію покойнаго императора Фридриха III. Новый императоръ снялъ вывѣску съ кафе-ресторана «Zur Augusta» и прилаживаетъ новую «Zu den drei Viktorien» (рис. 16). У выручки ресторана помѣщены три женщины—три Викторіи, именно, англійская королева, нынѣ

Рис. 15. Вотъ что происходитъ въ Берлинѣ.

вдовствующая германская императрица и теперешняя германская императрица. Бисмаркъ въ образѣ повара не хочетъ больше служить въ этомъ ресторанѣ. Почему такъ, подпись объясняетъ:

Фридрихъ. И такъ, Отто, вы окончательно рѣшаетесь насъ покинуть.

Отто. Тутъ слишкомъ много ключницъ.

Францiя до 1867 г. не знаетъ карикатуръ на Бисмарка, да и вплоть до 1870 г. французскiе иллюстраторы не проявили проницательности относительно значенiя этого прусскаго государственнаго человѣка. Газетные хроникеры воспроизводили его «bons mots» и считали его старымъ бульвардье. Только въ 1867 г. впервые появился въ «La Lune» портретъ-шаржъ Бисмарка, изображеннаго Жиллемъ съ туловищемъ бульдога. При портретѣ была напе-

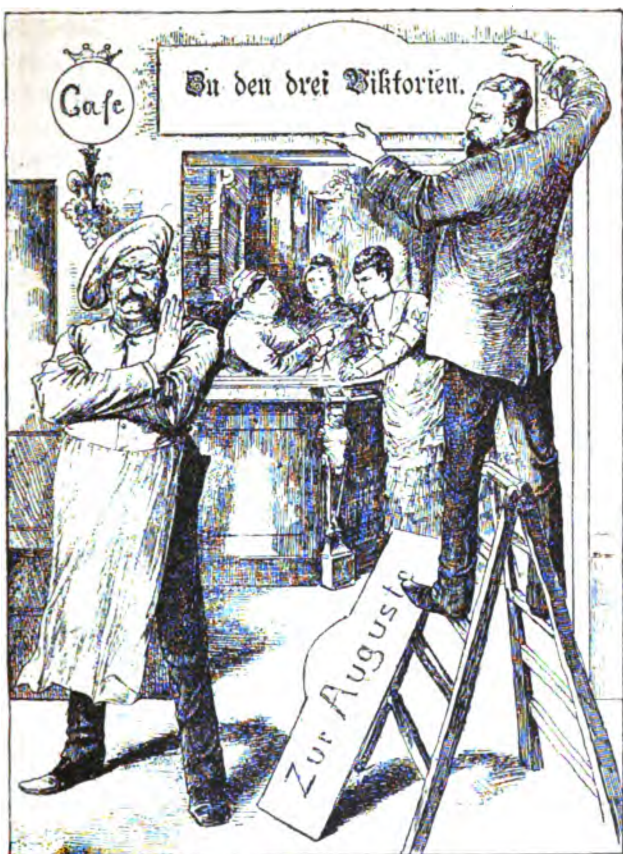

Рис. 16. Бисмаркъ и Фридрихъ III.

чатана біографія, въ которой онъ третировался, между прочимъ какъ Донъ-Жуанъ. Одно мѣсто въ этой біографіи, приведенное Картрэ, заслуживаетъ вниманія. Оно касается пресловутаго приключенія знаменитаго канцлера съ пѣвицей Луккой, о чемъ такъ много потомъ на всѣ лады толковалось не разъ. Вотъ какъ было дѣло.

«Въ 1865 году Бисмаркъ отправился на воды въ Ишль. Одновременно съ нимъ въ той же мѣстности поселилась прелестная примадонна Берлинской оперы, г-жа Лукка, совмѣщавшая въ себѣ въ равной степени большой вокальный талантъ, красоту и добродѣтель,—примадонна законченная, примадонна, какихъ мало примадонна, неимѣющая себѣ равныхъ. Однажды, на Ишльской променадѣ, министръ встрѣчаетъ пѣвицу, узнаетъ ее, кланяется и подходитъ къ ней; между первымъ министромъ и оперной звѣздой,

во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, бесѣда ведется на почвѣ полнѣйшаго равенства. Министръ свернулъ съ своей дороги и послѣдовалъ за пѣвицей, которая отправлялась къ фотографу сниматься... Дойдя до дверей фотографіи министръ и не подумалъ останавливаться, а продолжалъ начатый на прогулкѣ разговоръ. Вдругъ фотографъ, скрытый за своей занавѣской, внезапно пока-

Рис. 17. Германская кухня.

зался изъ-за нея и попросилъ Бисмарка нѣсколько отойти отъ кресла, которое занимала г-жа Лукка. «Иначе», замѣтилъ онъ, «объективъ восприметъ особу его превосходительства и помѣститъ ее на фотографіи рядомъ съ примадонной».

— Mademoiselle! — воскликнулъ Бисмаркъ, благоразумно отступая.

— Ахъ, не уходите, — возразила она,—этотъ портретъ назначается для моего жениха; онъ будетъ такъ счастливъ этой честью...

Бисмаркъ не далъ докончить фразы и снова занялъ прежнее мѣсто. Такимъ-то образомъ прусскій министръ оказался сфотографированнымъ на одной и той же четвертушкѣ бумаги вмѣстѣ съ итальянской пѣвицей.

Съ 1870 г. и для французовъ начинаетъ выясняться роль Бисмарка. Въ іюлѣ этого года въ «Charivari» Канъ нарисовалъ его жонглёромъ, показывающимъ прусскую каску изъ-подъ стакана для игральныхъ костей съ надписью «Испанія». Подъ рисункомъ значится: «ловкій фортель». Это былъ намекъ на Гогенцолерскую кандидатуру на испанскій престолъ. Въ томъ же году Дранеръ изображаетъ Бисмарка танцующимъ на катящемся глобусѣ. Онъ въ одномъ трико, въ каскѣ и сапожкахъ со шпорами. Подъ ногами у него «Францiя», «Пруссія» и «Баварія». У плясуна отъ страха глаза выкатываются изъ орбитъ. Съ тѣхъ поръ все, что прежде относилось къ пруссакамъ, переносится на Бисмарка. Съ августа 1870 г. по май 1871 г. посыпался цѣлый градъ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ пророческихъ карикатуръ, подписанныхъ Каномъ, Регамейемъ, Жиллемъ, Дранеромъ, Альберомъ Милле, Молохомъ и многими другими крупными и мелкими рисовальщиками. Здѣсь Бисмаркъ то чиститъ сапоги у французскихъ солдатъ, то онъ хочетъ дойти до Парижа, но получаетъ ногой въ носъ.

Рис. 18. Сорвался улетаетъ! (Тройственный союзъ).

По окончаніи франко-прусской войны и подписаніи мира летучіе листки исчезаютъ мало-по-малу, и карикатуръ на Бисмарка, жонгрирующаго съ французскими милліардами, приходится искать уже въ газетахъ. Во всякомъ случаѣ за насиліями осады Парижа наступаетъ сравнительная тишина, внушаемая благоразуміемъ, и Бисмарка съ нѣмецкими парламентами французы оставляютъ въ покоѣ. По словамъ Картрэ, съ 1872 по 1885 г. Францiя мало занимается Германіею. Французская карикатура на «желѣзнаго канцлера» оживаетъ лишь около 1886 г., особенно въ буланжистскихъ памфлетахъ. Инциденты внѣшней политики, какъ проектъ брака принца Александра Баттенбергскаго съ дочерью императора Фридриха III, обнародованіе мемуаровъ этого императора, дѣло Вольге-

мута (прусско-швейцарское столкновеніе) даютъ поводъ французскимъ карикатуристамъ представить Бисмарка въ смѣшномъ видѣ. По поводу проекта относительно Баттенбергскаго слѣдуетъ замѣтить, что рисовальщики почти всѣхъ странъ забавлялись изображеніемъ Бисмарка, сраженнаго купидономъ.

Характерны, между прочимъ, французскія карикатуры на итальянскую политику Криспи. Тутъ вездѣ указываются признаки вліянія Германіи. Вотъ Криспи беретъ уроки на мандолинѣ у Бисмарка,

Рис. 19. Заботы Бисмарка о мирѣ.

который говоритъ: «вниманіе, а то ударю по пальцамъ!» По поводу свиданія въ Фридрихсруэ канцлеръ радуется не безъ удивленія, что онъ въ его годы могъ одержать побѣду надъ прекрасной Италіей, которая, конечно, въ видѣ женской фигуры отвѣчаетъ ему: «Благодарите за это Криспи, очень ловкаго маклера». На другой карикатурѣ Бисмаркъ примѣриваетъ большой итальянскій сапогъ и на вопросъ Криспи, налѣзаетъ ли сапогъ, отвѣчаетъ: «какъ перчатка».

Изъ французскихъ карикатуръ болѣе поздняго происхожденія особенно выдѣляются три помѣщаемыя нами. Превосходна юмо-

ристическая сцена въ «Германской кухнѣ» (рис. 17), нарисованная Бласомъ въ «Triboulet» 1888 г. Бисмаркъ свою кухарку Гретхенъ, которой приданы черты императора Вильгельма I въ эльзасскомъ костюмѣ, наставляетъ: «яичницы нельзя сдѣлать, не разбивши яицъ». И самъ разбиваетъ яйцо съ надписью «Рейхстагъ», изъ котораго вытекаетъ на сковороду «распущеніе». Это—ясный намекъ на борьбу «желѣзнаго канцлера» съ германскимъ парламентомъ. Другая карикатура въ «Almanach du Petit Pioupiou» 1888 г. касается пресловутаго тройственнаго союза. Бисмаркъ былъ увѣренъ, что удержитъ этотъ воздушный шаръ, а онъ сорвался и улетаетъ (рис. 18). Третья карикатура того же года изъ «La Nation» рисована Жильберъ Мартэномъ. Бисмаркъ подогрѣваетъ «миръ» (рис. 19). Иная мать не хло-

Рис. 20. Комическая маска.

Рис. 21. Трагическая маска.

потала бы такъ о своемъ дѣтищѣ, какъ онъ печется о «мирѣ». Если— сказано на рамкѣ этой карикатуры — и послѣ этого «миръ» не уснетъ спокойно, то видно въ него совсѣмъ перестали вѣрить.

Какъ слѣдствіе 1870 года, можно отмѣтить еще кроки Тире-Бонье, изображающія трагическую и комическую маски Бисмарка съ ужасающими челюстями, какъ живую аллегорію адскихъ духовъ (рис. 20 и 21). Феликсъ Регамэ, подражая нѣмецкому карикатуристу Вильгельму Бушу въ способѣ рисовать историческіе образы Фридриха Великаго, Наполеона I и Наполеона III, сочинилъ «Бисмарка для дѣтей» (рис. 22). Другой французскій рисовальщикъ Молохъ, опять-таки по нѣмецкому способу, указанному въ «Физіогномикѣ» Лафатера, показалъ, что̀ можно найти въ лицѣ Бисмарка при послѣдовательныхъ перемѣнахъ въ его чертахъ (рис. 23).

Вообще можно сказать, что во французскихъ карикатурныхъ изображеніяхъ Бисмарка драматизмъ и трагизмъ преобладаетъ надъ комизмомъ и юморомъ.

Итальянская карикатура также до 1870 года почти не занимается всемогущимъ прусскимъ министромъ. Все вниманіе ея сосредоточивается на Наполеонѣ III, котораго такъ интересовала организація итальянскаго королевства. Послѣ франко-прусской

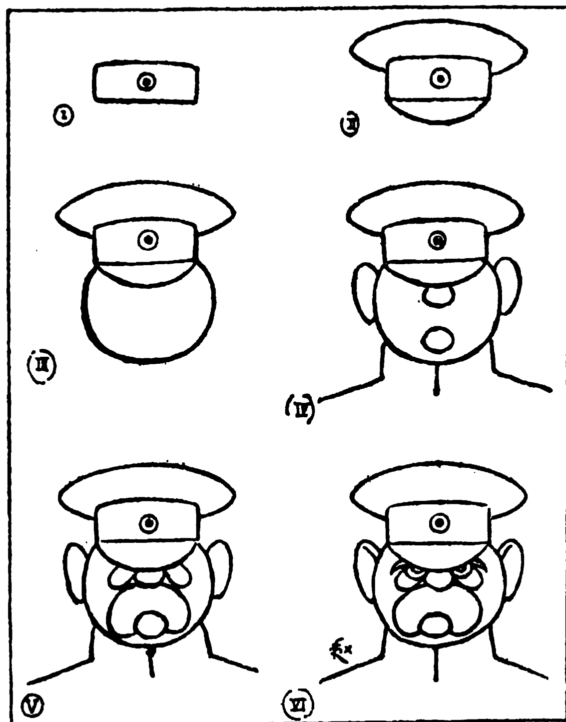

Рис. 22. Бисмаркъ для дѣтей.

войны Бисмаркъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ во всевозможныхъ видахъ рисуется итальянцами, которые выдвигаютъ его на первый планъ, какъ колоновожатаго европейской политики. «Желѣзный» канцлеръ распредѣляетъ блага мира и бросаетъ державамъ кость восточнаго вопроса; въ видѣ астронома онъ занимаетъ престолъ на политическомъ Парнасѣ; является поваромъ на берлинскомъ конгрессѣ; какъ цирульникъ, онъ брѣетъ весь міръ; въ качествѣ лакея тащитъ подносъ европейскаго равновѣсія; въ оркестрѣ тройственнаго союза онъ беретъ высокое «la». То онъ пастухъ, то гувернеръ, то капралъ, но во всѣхъ сценахъ ему отводится пер

венствующая роль неуступчиваго повелителя, подобно тому, какъ онъ показанъ на прилагаемой виньеткѣ изъ «Fischietto» въ образѣ мопса, не перестающаго кидаться на встревоженныя стаи птицъ (т. е. на парламентъ), не смотря на ихъ разъяренность (рис. 24).

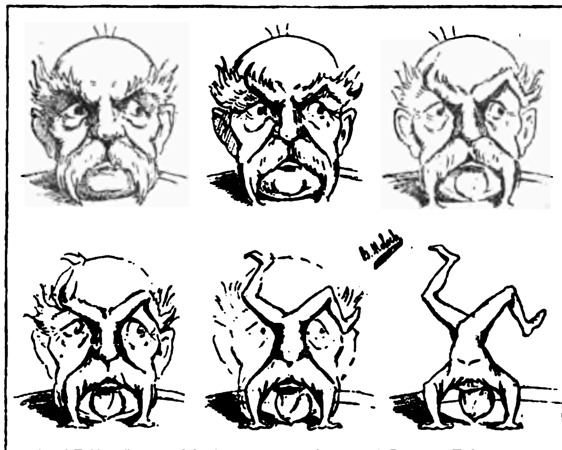

Рис. 23. Что видно въ лицѣ Бисмарка.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ Бисмаркъ и его дѣянія осмѣиваются съ общеевропейской, космополитической точки зрѣнія.

Въ Англіи физіономія великаго канцлера никогда не изучалась спеціально. Чтобы задѣть за живое англійскаго карикатуриста, требуется какой-нибудь особенный случай, гдѣ бы затрогивались чисто англійскіе интересы. Даже въ періодъ франко-прусской войны старый паяцъ въ «Punch» старался быть нейтральнымъ. Картрэ упоминаетъ всего одну композицію того времени, въ которой есть аллегорія, но нѣтъ ничего карикатурнаго. Канцлеръ ведетъ окровавленную Францію къ стопамъ Правосудія. Онъ довелъ ее до безсилія, и онъ же проситъ гарантій противъ нея. Вообще эксцентрическія крайности рисунка, его клоунство чужды англичанамъ въ иллюстрированіи событій, гдѣ играетъ роль дипломатія, почитаемая ими, какъ ars regnandi. Они рисовали Бисмарка въ двухъ ти-

Рис. 24. Бисмаркъ не уступаетъ парламенту

пахъ, какъ рейтара въ ботфортахъ, великорослаго, но скорѣе худого, и какъ чиновника тучнаго и огромнаго, стянутаго въ своемъ мундирѣ и представляющаго олицетвореніе физической силы.

Въ швейцарской сатирѣ обыкновенно подчеркивается гуманная и общечеловѣческая сторона изображаемаго. Бисмаркъ въ «Postheiri», видя европейскія государства разоренными военнымъ бюджетомъ, говоритъ: «вѣдь пустой кошелекъ есть миръ». Въ роли дипломата онъ принимаетъ всевозможные образы. Изъ того же изданія за 1868 г. воспроизводимъ виньетку съ изображеніемъ того, какъ Наполеонъ III вмѣстѣ съ Бисмаркомъ верхомъ на собакѣ направляется къ Рейну (рис. 25). Превосходна, между прочимъ, прилагаемая чисто юмористическая сценка «Предусмотрительная гувернантка» (рис. 26), помѣщенная въ «Nebelspalter» въ 1889 г.—главномъ изъ современныхъ сатирическихъ

Рис. 25. Наполеонъ III съ Бисмаркомъ направляется къ Рейну.

Рис. 26. Предусмотрительная гувернантка.

изданій Швейцаріи. Бисмаркъ въ очкахъ и съ усами одѣтъ чопорной гувернанткой. Она съ строгой миной ведетъ своихъ усатыхъ воспитанницъ—Австро-Венгрію и Италію. Позади идутъ другія еще юныя воспитанницы, а въ сторонѣ французскіе и русскіе офицеры дѣлаютъ глазки главнымъ двумъ воспитанницамъ. Внимательная къ своимъ обязанностямъ, воспитательница предостерегаетъ ихъ: «Пожалуйста, не смотрите по сторонамъ, смотрите впередъ!»

Рис. 27. Френологическій портретъ Бисмарка.

Иногда въ одномъ удачномъ словѣ швейцарская карикатура произноситъ свой мѣткій судъ. Вотъ виньетка изъ «Nebelspalter». Онъ и она, князь и княгиня ведутъ разговоръ. Канцлеръ натягиваетъ свои ботфорты. Подпись подъ рисункомъ объясняетъ въ чемъ дѣло.

Она. Господи, Отто, ботфорты! Неужели война?

Онъ. Нѣтъ, хуже: прусскій ландтагъ.

Изъ того же изданія взятъ приводимый здѣсь френологическій портретъ Бисмарка (рис. 27), курящаго трубку, которая украшена портретомъ его сына—дорогого Герберта. Всѣ «живыя воспоминанія» тутъ налицо. На верху черепа Бисмаркъ тянется къ Африкѣ и Америкѣ. Знамя, которое держитъ матросъ («Самоа»), образуетъ косичку волосъ. Мѣсто носа занимаетъ пруссакъ, видимый съ тыла. Онъ держитъ за руку Италію, сидящую на Франціи, которая составляетъ усы канцлера. На подбородкѣ читаемъ: «Козни войны».

Рис. 28. Кумъ Бисмаркъ.

Двое сидящихъ одинъ противъ другого около уха—пасторъ Штекеръ и Либкнехтъ. Двое другихъ—Моріеръ, посолъ въ Лондонѣ, и Рихтеръ.

Изъ карикатуръ прочихъ странъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ Картрэ, отмѣтимъ рисунокъ американскаго «Puck». Бисмаркъ изображенъ въ видѣ слона, поднявшаго своимъ хоботомъ покойнаго испанскаго короля Альфонса XII (рис. 28), «короля улана», какъ его называли въ 1883 году во Франціи, когда Альфонсъ XII посѣтилъ Берлинъ. Внизу подъ хоботомъ въ позѣ задорной и вызывающей короля на драку виденъ французъ. Уланъ, поднятый хоботомъ, очевидно, сознаетъ высоту своего случайнаго положенія. Онъ кричитъ внизъ французу: «теперь я выше васъ!»

III.

Три волоска, какъ талисманъ Бисмарка.

Націонализація типа Бисмарка.—Три волоска его и «косичка Наполеона I».—Усовершенствованный бисмарковскій термометръ.—Исторія появленія трехъ волосковъ на черепѣ Бисмарка.—Неизбѣжность этого аттрибута на изображеніяхъ Бисмарка на разныхъ издѣліяхъ.

Всѣ приведенныя карикатуры показываютъ, что рисовальщики не особенно заботятся о сходствѣ ихъ Бисмарка съ его портретомъ. Наиболѣе похожимъ на живой оригиналъ не безосновательно считается Бисмаркъ вѣнскихъ карикатуръ, особенно Юха, профессора вѣнской академіи художествъ и главнаго иллюстратора вѣнскаго «Figaro». Лицо здѣсь рисуется безъ всякихъ комическихъ преувеличеній и только костюмъ мѣняется соотвѣтственно смыслу изображенія. Но и въ вѣнскихъ карикатурахъ замѣтно мѣстное вліяніе. Бисмаркъ въ нихъ иногда напоминаетъ нѣсколько австрійскаго капрала. Еще замѣтнѣе эта примѣсь своего національнаго въ карикатурахъ другихъ націй. Въ Голландіи лицо Бисмарка сохраняетъ черты голландца; въ Англіи онъ инвалидъ; въ Америкѣ онъ упивается пивомъ и куреніемъ; во Франціи онъ напоминаетъ суроваго «chef d'escadron», а иногда роднится съ пугаломъ французскихъ сказокъ. Даже въ берлинскихъ карикатурахъ онъ болѣе берлинецъ, чѣмъ нѣмецъ вообще.

Изъ аттрибутовъ карикатурнаго Бисмарка на большинствѣ иллюстрацій болѣе ранняго происхожденія являются огромныя ботфорты. Не безъизвѣстно, изъ какого арсенала взяты эти ботфорты. Они принадлежатъ къ костюму фигуры Луи Наполеона, и заимствованы прямо изъ гардероба виновника декабрскаго переворота 1852 года. Какъ уже замѣчено выше, Бисмарка тогда считали подражателемъ императора французовъ и всѣхъ его автократическихъ пріемовъ. Только съ 1866 г., когда Бисмарку исключительно досталась первая скрипка въ европейскомъ концертѣ, карикатуристы стали придумывать особенности, спеціально отличающія его фигуру. Въ числу такихъ особенностей принадлежатъ традиціонная трубка, пивная кружка и имперская собака Тирасъ. Съ тѣхъ поръ установилась и та главная особенность, общая всѣмъ комическимъ изображеніямъ великаго государственнаго человѣка, которая эксплоатировалась всюду и вездѣ рисовальщиками карикатуръ. Это знаменитые три волоска на Бисмарковомъ черепѣ, какъ типическій признакъ его силы. Безъ нихъ трудно себѣ вообразить карикатурнаго Бисмарка. По нимъ узнаютъ его, какъ узнаютъ Наполеона I, по знаменитой треуголкѣ.

Пресловутая «косичка Наполеона» («la mèche de Napoléon») на челѣ знаменитаго императора въ свое время заставила много говорить о себѣ. Эмиль де Жирарденъ носилъ такую же косичку изъ обезьянства, и говорятъ, что даже и теперь еще иные изъ парижанъ отдѣляютъ прядь волосъ на головѣ, чтобъ хоть внѣшностью походить на Бонапарта. Но императорская «косичка» никогда не достигала такой славы, какая выпала на долю трехъ волосковъ имперскаго канцлера Германіи. Три волоска, замѣчаетъ Картрэ — это талисманъ, это барометръ европейской дипломатіи. Міръ держится не на волоскѣ, а на трехъ волоскахъ Бисмарка. Идетъ ли дождь, поднимается ли вѣтеръ или гроза, всегда надлежитъ поглядывать на эти три волоска, чтобъ узнать, чего можно ожидать на политическомъ горизонтѣ. Вотъ почему «Kladderadatsch» 1881 г. нашелъ нужнымъ нарисовать помѣщаемый здѣсь усовершенствованный бисмарковскій термометръ (рис. 29).

Въ «хорошую погоду», въ періодъ политическаго затишья, волоски закручиваются въ ту или въ другую сторону—все равно въ

Рис. 29. Три волоска великаго канцлера.

какую. Но вотъ они становятся вертикально, и положеніе дѣлается неизвѣстнымъ, означая возможность какихъ-то невѣдомыхъ перемѣнъ. Если же они сходятся между собою остріями такъ, что принимаютъ угрожающее положеніе меча, верхушки каски, или, если хотите, трехъ штыковъ, слившихся въ одно остріе, то это непремѣнно означаетъ бурю и грозу.

На нѣмецкихъ карикатурахъ эти три волоска появились не сразу. Какъ все крупное, они обнаруживались постепенно. Картрэ не даетъ точнаго указанія, когда именно былъ сочиненъ этотъ аттрибутъ. Но изъ данныхъ приведенныхъ въ «Bismarck en caricatures» видно, что до 1863 г. прусскій государственный человѣкъ изображался съ ординарной лысой головой дипломата, гладкой, блестящей, какъ слоновая кость, и съ нѣкоторой растительностью только съ затылка къ шеи. По мѣрѣ того, какъ неладица прус-

скаго министра-президента съ палатой депутатовъ принимала все болѣе острый характеръ, и лысая голова Бисмарка въ карикатурныхъ изображеніяхъ становилась типичнѣе. Послѣ горячихъ стычекъ съ парламентомъ у него видны только клочки волосъ, и эти клочки становятся все тоньше, заостряются и какъ-будто принимаютъ угрожающій видъ. Вскорѣ уже можно сосчитать всѣ оставшіеся волоса на гладкой поверхности черепа, а еще нѣкоторое время спустя на головѣ остается всего три волоска. Это вполнѣ опредѣлилось около 1866 г.

Съ того времени три волоска замѣняютъ имя Бисмарка, его подпись и остаются нераздѣльными съ его фигурой. Они изображаются даже на шапкѣ, точно проростаютъ черезъ фуражку или черезъ кирасирскую каску. Какой бы образъ ни придавали ему, дога ли, слона, или крокодила, три волоска всегда присутствуютъ на краю черепа. Воспроизводимая португальская карикатура на Бисмарка (рис. 30) представляетъ великаго европейскаго политика въ видѣ улитки, и тутъ вмѣсто усиковъ появляются неизбѣжные три волоска. Точно какъ-будто въ нихъ заключалась вся Сампсонова сила Бисмарка. Въ «Figaro» 1881 года была напечатана карикатура по случаю тогдашняго сближенія Бисмарка съ папою. Они обнимаются въ знакъ окончанія «Kulturkampf». И на рисункѣ видны только три волоска и крестъ. Какъ глубоко сидятъ корни этихъ волосковъ, это бываетъ видно тогда, когда Бисмаркъ въ негодованіи вырываетъ ихъ у себя. Вѣнскій «Kikeriki» 27-го ноября 1881 г. напечаталъ подобную сценку по поводу непріятныхъ Бисмарку результатовъ выборовъ въ рейхстагъ, съ подписью «Политическое положеніе въ Германіи». Раздраженный противодѣйствіемъ рейхстага, министръ вырываетъ волоски, и на черепѣ показываются три глубокія ямки. Волоски лежатъ тутъ же на столѣ и, быть можетъ, готовы произвести какой-нибудь новый дипломатическій инцидентъ. Но изъ этихъ ямокъ довольно скоро выростаютъ опять волоски, ибо они разъ навсегда сдѣлались неотъемлемой частью личности Бисмарка и переживаютъ съ нимъ всѣ метаморфозы, какимъ онъ подвергается подъ перомъ или карандашемъ карикатуристовъ.

Этотъ талисманъ присутствуетъ и на всевозможныхъ издѣліяхъ промышленности, которыя украшаются головой Бисмарка. И тутъ, на преспапье, на чернильницахъ, на печныхъ изразцахъ, на крышкахъ пивныхъ кружекъ, великій человѣкъ представляется всегда съ тремя волосками. Самая популярная изъ этихъ подѣлокъ, служащихъ для обыденной жизни и своей ординарностью какъ бы умаляющихъ величіе знаменитости, являются щипцы для раскалыванія орѣховъ. Популярность этой бездѣлушки, кстати замѣтить, объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что никому не приходилось раскалывать столько крѣпкихъ орѣховъ, сколько ихъ досталось на

долю Бисмарка. Но и здѣсь черты лица Бисмарка воспроизведены съ тремя волосками.

Казалось, что онъ никогда не могъ бы утратить эти три волоска. Въ вѣнскомъ «Figaro» (1890 г.) Бисмаркъ, послѣ бурнаго засѣданія въ парламентѣ, восклицаетъ: «Я останусь до тѣхъ поръ, пока у меня останется хоть одинъ волосокъ». И онъ держитъ пальцами средній волосокъ съ увѣренностью въ томъ, что никогда не лишится его.

Но судьба рѣшила иначе. Онъ уже рисуется въ карикатурахъ безъ трехъ волосковъ, какъ бы въ знакъ того, что безъ нихъ онъ лишился и своего могущества. Остается только вопросомъ, не отростутъ ли опять у него эти три волоска?

Ѳ. Булгаковъ.

Рис. 30. Португальская карикатура 1872 г.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ іюльской и августовской книжкахъ «Историческаго Вѣстника», помѣщены воспоминанія г. Аѳанасьева, бывшаго капельмейстера при домашнемъ театрѣ, устроенномъ моимъ покойнымъ братомъ Иваномъ Дмитріевичемъ Шепелевымъ въ нашемъ родовомъ Выксинскомъ имѣніи.

Воспоминанія г. Аѳанасьева, касаясь, между прочимъ, жизни на Выксѣ и управленія нашимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ, содержатъ частью искаженные, частью совсѣмъ не существовавшіе факты, и этимъ поражаютъ нравственный характеръ лицъ мнѣ близкихъ и родственныхъ. Такъ какъ изъ всего моего семейства я одна осталась въ живыхъ, свидѣтелемъ всѣхъ этихъ событій, то и считаю своимъ нравственнымъ долгомъ возстановить истину.

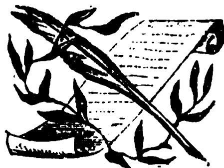
Дурное управленіе Выксинскими заводами и имѣніемъ привело ихъ въ такое разстроенное состояніе, что имъ грозило полное разореніе. Чтобъ спасти ихъ, мы поставлены были въ необходимость ходатайствовать объ учрежденіи надъ нашимъ имѣніемъ и заводами Высочайшей опеки. Когда поданная нами на Высочайшее имя просьба была уважена и опекунское управленіе утверждено, то, по общему нашему желанію и просьбѣ, приняли званіе опекуновъ два нашихъ родственника, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, мужъ моей покойной сестры Елисаветы Дмитріевны, и полковникъ Василій Александровичъ Сухово-Кобылинъ, мужъ моей двоюродной сестры Маріи Ивановны, рожденной Шепелевой. Съ семействомъ послѣдняго наша семья съ давнихъ лѣтъ была и до сихъ поръ остается въ близкихъ и родственныхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ, узы родства и дружбы съ дѣтства, и глубокое уваженіе къ личности В. А. Сухово-Кобылина послужили мотивами приглашенія его стать нашимъ опекуномъ, а не та недостойная инсинуація, которую себѣ позволилъ г. Аѳанасьевъ.

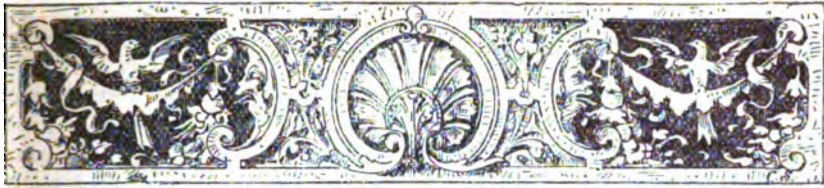
Далѣе, полковникъ Сухово-Кобылинъ оставался на Выксѣ въ качествѣ опекуна около десяти лѣтъ (а не три года, какъ говоритъ г. Аѳанасьевъ), и только послѣ этого срока, по собственному желанію и вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ (ибо ему минуло 76 лѣтъ), сложилъ съ себя званіе опекуна и передалъ завѣдываніе дѣлами моему мужу, кн. Льву Григорьевичу Голицыну.

Насколько благотворна была для нашего имѣнія дѣятельность опекуновъ, полковника Сухово-Кобылина и гр. Кутайсова, видно изъ офиціальныхъ отчетовъ опекунскаго управленія, свидѣтельствующихъ, что въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ было уплачено опекунами около двухъ милліоновъ руб. сер. долга, что было достигнуто цѣлесообразными распоряженіями опекуновъ, оживленіемъ заводской дѣятельности, чрезъ техническое улучшеніе заводовъ, и значительнымъ сокращеніемъ расходовъ.

Что же касается до «уплаты своихъ личныхъ долговъ», о чемъ говоритъ г. Аѳанасьевъ, намекая этимъ на недобросовѣстное веденіе дѣлъ, то, кромѣ того, что это обвиненіе ни на чемъ не основано и совершенно голословно, оно безъ сомнѣнія покажется явнымъ вымысломъ для всѣхъ лично знавшихъ покойнаго В. А. Сухово-Кобылина.

Княгиня А. Д. Голицына.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Н. Александренко. Англійскій Тайный Совѣтъ и его исторія. Часть вторая. Варшава. 1890.

ЕРВАЯ ЧАСТЬ названнаго изслѣдованія вышла въ свѣтъ въ 1888 году и заключала въ себѣ исторію англійскаго тайнаго совѣта (Privy Council) до смерти Генриха VIII. Согласно своему первоначальному намѣренію (введеніе, стр. V, ч. I) г. Александренко хотѣлъ разсмотрѣть исторію изучаемаго имъ учрежденія въ трехъ частяхъ: въ первой—отъ начала XIII ст. до половины XVII ст., во второй—до Питта младшаго и въ третьей—до нашихъ дней. Теперь съ выходомъ второй части этотъ первоначальный планъ измѣненъ. Названная часть является заключительной не смотря на то, что исторія тайнаго совѣта доводится въ ней только до реставраціи Стюартовъ. Нельзя не пожалѣть о принятомъ авторомъ намѣреніи, благодаря которому его интересное изслѣдованіе осталось не доведеннымъ до конца, тѣмъ болѣе, что самый любопытный періодъ въ исторіи тайнаго совѣта, характеризующійся образованіемъ знаменитаго кабинета, который въ свою очередь можетъ быть изучаемъ не иначе, какъ въ связи съ изученіемъ исторіи двухъ извѣстныхъ англійскихъ политическихъ партій—торіевъ и виговъ, оказался внѣ предѣловъ изслѣдованія со стороны г. Александренко.

Вторая часть разсматриваемаго сочиненія (точно такъ же, какъ и первая) написана на основаніи не только всего изданнаго, печатнаго матеріала, но и на основаніи архивныхъ данныхъ, хранящихся въ Лондонѣ, въ англійскомъ государственномъ архивѣ (Public Record Office), изъ которыхъ на первомъ планѣ являются регистры (протоколы) тайнаго совѣта. Если мы вспомнимъ, что даже въ самой Англіи спеціальная литература, посвященная исторіи совѣта, исчерпывается только двумя небольшими монографіями Пальгрева

и Дайси, то поймемъ, какой интересъ въ научномъ отношеніи долженъ быть присущъ изслѣдованію г. Александренко.

Въ то время, какъ въ первой части названный ученый разсматриваетъ тайный совѣтъ въ его историческомъ развитіи, во второй части онъ изучаетъ интересующее его учрежденіе главнымъ образомъ съ точки зрѣнія догматической. Исключеніе представляютъ только двѣ главы—первая и послѣдняя, гдѣ излагается исторія совѣта въ періодъ времени отъ смерти Генриха VIII и до реставраціи Стюартовъ. Англійскій тайный совѣтъ, возникновеніе котораго теряется въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, по своей идеѣ былъ призванъ осуществлять полномочія королевской власти въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія. Источникомъ власти и функцій совѣта служила королевская прерогатива, не конкретно представляемая тѣмъ или инымъ лицомъ, а какъ юридическій институтъ. Отсюда связь между королевской прерогативою и тайнымъ совѣтомъ (первоначально носившимъ названіе королевскаго совѣта) — не случайная и временная, а постоянная и органическая. Въ виду этого, когда во время первой революціи, послѣ казни Карла Стюарта, прекратила свое существованіе королевская власть, тайный совѣтъ былъ уничтоженъ и замѣненъ государственнымъ совѣтомъ, существовавшимъ въ первые годы республики. Государственный совѣтъ заимствовалъ свои полномочія отъ палаты общинъ, къ которой во время республики перешла высшая учредительная власть и въ этомъ существенно отличается отъ тайнаго совѣта, источникомъ полномочій котораго являлся король. Подобно нашей боярской думѣ, тайный совѣтъ не имѣлъ устава и дѣятельность его регулировалась главнымъ образомъ обычаемъ. Въ составъ совѣта входили лица, назначавшіеся королемъ, хотя нерѣдко послѣдній долженъ былъ согласовать свой выборъ съ волею руководящихъ партій въ парламентѣ. До половины XVII ст. тайный совѣтъ состоялъ изъ лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности (канцлера, хранителя большой печати, казначея и др.) и неопредѣленнаго числа другихъ членовъ, причемъ должностныя лица призывались въ совѣтъ ex officio. Какого-либо ценза для занятія мѣста совѣтника не существовало. Правда, парламентъ нерѣдко ходатайствовалъ, чтобъ въ совѣтъ назначались люди «доблестные», «мудрые», «довѣренные», но все зависѣло отъ короля и, если онъ сознавалъ себя настолько сильнымъ, что могъ не обращать вниманія на представленія парламента, то назначалъ совѣтниками кого ему угодно. Въ совѣтѣ засѣдали какъ свѣтскіе, такъ и духовные члены—архіепископы, епископы и аббаты (послѣдніе до упраздненія монастырей во время реформаціи). Удаленіе членовъ совѣта также зависѣло отъ короля, но могло состояться и по доброй волѣ совѣтника. Въ виду того, что назначеніе членовъ совѣта являлось какъ бы личнымъ актомъ короля, совѣтникъ сохранялъ за собой мѣсто лишь до смерти короля и со вступленіемъ на престолъ новаго государя долженъ былъ получить утвержденіе въ своей должности. Должности совѣтника присвоивались разныя привилегіи и въ свою очередь съ нею связаны были извѣстныя обязанности. Число членовъ совѣта не было опредѣлено и поэтому постоянно варіировалось; средній по численности составъ совѣта равнялся 40 членамъ. При совѣтѣ находились временные и постоянные комитеты и комиссіи, а также и другія учрежденія, напримѣръ, извѣстный судебный трибуналъ—Звѣздная палата, организованная при Тюдорахъ. Кромѣ того, при совѣтѣ состояла особая канцелярія, въ составъ которой входили клерки или секретари.

Засѣданія совѣта происходили не гласно; соблюденіе канцелярской тайны выражалось и въ недопущеніи посторонних лицъ на засѣданія, и въ обязанности совѣтниковъ приносить присягу касательно сохраненія въ тайнѣ всего происходящаго въ совѣтѣ. Другое начало, принятое въ области дѣлопроизводства въ совѣтѣ, заключалось въ примѣненіи коллегіальнаго принципа. Проведеніе этого послѣдняго предполагало признаніе равенства голосовъ всѣхъ членовъ совѣта и обязательный характеръ постановленій и рѣшеній большинства собранія. При такомъ порядкѣ вещей вполнѣ естественно, что голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ только при равенствѣ голосовъ. При балотировкахъ всегда примѣнялась открытая подача голосовъ, причемъ младшіе совѣтники (по должности) подавали голоса раньше старшихъ. Посѣщеніе засѣданій было обязательно и только при наличности уважительныхъ причинъ совѣтникъ могъ не явиться на засѣданіе. Каждому засѣданію составлялся протоколъ, что лежало на обязанности клерковъ. Рѣшеніе совѣта облекалось въ письменную форму и въ видѣ указа (ордонанса) или прокламаціи обнародовывалось во всеобщее свѣдѣніе.

Компетенція тайнаго совѣта, т. е. права его въ области законодательства, суда и управленія имѣла своимъ источникомъ власть короля и въ своемъ содержаніи и дѣйствіи опредѣлялась ближайшимъ образомъ отношеніемъ короля къ парламенту. Уже въ началѣ XIV ст. (1322 г.) было провозглашено начало, получившее полное признаніе лишь во второй половинѣ XVII ст., по которому законодательная власть во всемъ объемѣ принадлежитъ исключительно парламенту, въ составъ котораго по англійскому праву входитъ и король. Однако, на практикѣ королевская власть благодаря тому, что ея прерогативы не были точно опредѣлены, не упускала случая издавать законы помимо участія парламента. Въ особенности часты были подобные случаи въ царствованія Тюдоровъ и Стюартовъ, дѣйствовавшихъ при помощи административныхъ распоряженій, исходившихъ изъ тайнаго совѣта въ формѣ ордонансовъ, прокламацій, orders, letters и пр., юридическая сила которыхъ нерѣдко равнялась силѣ статутовъ, т. е. актовъ, изданныхъ парламентомъ. Подчиненіе названнымъ распоряженіямъ и ихъ исполненія обезпечивалось тою обширною карательною властью, которою располагалъ совѣтъ въ это время съ одной стороны и отсутствіемъ независимости судей— съ другой. Въ палатѣ общинъ слышался по временамъ глухой протестъ противъ закононарушенія стародавнихъ обычаевъ и только въ 1610 г. знаменитый Кокъ и трое другихъ судей рѣшились выразить начала, практически осуществленныя впослѣдствіи такъ называемымъ долгимъ парламентомъ (во время революціи). Прежде всего на основаніи мнѣнія Кока слѣдовало, что королевская власть, вопреки предшествующей практикѣ, должна быть признана ограниченной (статутами, судебными рѣшеніями и обычаями). У короля въ совѣтѣ отнятъ самостоятельный источникъ власти, предоставлявшій право королю и его совѣту издавать распоряженія съ силою закона и независимо отъ парламента. Король въ совѣтѣ признанъ исполнителемъ закона, а король въ парламентѣ—его творцомъ.

Что касается до судебныхъ функцій совѣта, то онѣ были издавна присущи ему. Распространяя свой контроль на администрацію и на отправленіе правосудія, парламентъ тѣмъ не менѣе соглашался признавать юрисдикцію совѣта, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ вѣдалъ такъ называемыя causæ majores или случаи, на которые положительное право почему-либо

не давало отвѣта. При Генрихѣ VI парламентъ провозгласилъ принципъ, по которому совѣтъ не долженъ разсматривать дѣла, могущія быть рѣшенными въ общихъ судахъ, если только одна сторона не была слишкомъ сильною, а другая слабою, или по какой-нибудь другой основательной причинѣ. Такимъ образомъ по существу своему юрисдикція тайнаго совѣта носила дополнительный и чрезвычайный характеръ. Въ качествѣ суда первой инстанціи совѣтъ вѣдалъ дѣла по преимуществу уголовнаго характера, угрожавшія общественному спокойствію и государственной безопасности. Затѣмъ онъ являлся верховнымъ судомъ по сужденію государственныхъ преступниковъ; такъ онъ издалъ указъ о возбужденіи преслѣдованія противъ Маріи Стюартъ и въ Звѣздной палатѣ осудилъ на смерть шотландскую королеву. Въ качествѣ же суда первой инстанціи совѣтъ вѣдалъ и нѣкоторыя гражданскія дѣла, что, впрочемъ, возбуждало неоднократно протестъ со стороны парламента. Затѣмъ совѣту были присущи функціи апелляціоннаго суда по отношенію къ общимъ судамъ, причемъ онъ могъ отмѣнить рѣшеніе послѣднихъ и постановить, въ замѣнъ того, новое.

Масса функцій принадлежала совѣту въ области управленія, такъ какъ онъ являлся однимъ изъ важнѣйшихъ центральныхъ административныхъ учрежденій въ государствѣ, что становится яснымъ изъ его отношенія къ административному персоналу. Такъ, ему принадлежало право назначенія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ; затѣмъ онъ контролировалъ дѣятельность органовъ администраціи, посылалъ къ нимъ указы и инструкціи, требовалъ отчетности въ исполненіи его предписаній, налагалъ взысканія въ административномъ порядкѣ и даже отрѣшалъ отъ должности. Что касается до отдѣльныхъ предметовъ вѣдомства совѣта, то они заключались въ слѣдующемъ. На совѣтѣ лежали обязанности по принятію различнаго рода мѣръ, направленныхъ къ охраненію порядка и спокойствія въ государствѣ, вслѣдствіе чего совѣтъ велъ борьбу съ нарушителями мира разныхъ категорій, напримѣръ, со злоумышленниками противъ особы короля, съ бѣглыми и бродягами, съ еретиками, съ нарушителями общественнаго спокойствія и т. п. Кромѣ полиціи, совѣту принадлежали важныя права въ области торговли и колоніальной политики, такъ онъ выдавалъ патенты на открытіе новыхъ земель и основаніе тамъ колоній, затѣмъ заботился о матеріальномъ благосостояніи колоній и, наконецъ, разсматривалъ въ качествѣ апеляціоннаго суда всѣ жалобы колонистовъ. Что касается до финансовыхъ функцій совѣта, то въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи законодательства, все зависѣло отъ того, пользовался ли король сильной властью или нѣтъ. По англійскому праву еще со временъ Великой Хартіи былъ установленъ принципъ, что прямое обложеніе налогами не могло имѣть мѣста иначе, какъ по согласію парламента; однако, это не помѣшало тайному совѣту установить въ 1634 г. такъ называемую корабельную подать и въ теченіе пяти лѣтъ издавать указы къ шерифамъ о сборѣ этой подати. Что касается до косвеннаго обложенія, то здѣсь совѣтъ дѣйствовалъ сплошь да рядомъ вполнѣ самостоятельно, не смотря на опозицію парламента. Мы знаемъ много случаевъ, когда совѣтомъ были установлены косвенные сборы (напр., пошлины) вопреки протесту палаты общинъ. Наконецъ, совѣтъ нерѣдко прибѣгалъ къ заключенію займовъ, какъ добровольныхъ, такъ и принудительныхъ. Кромѣ перечисленныхъ функцій, совѣту принадлежало также и вѣдѣніе иностранныхъ дѣлъ. Говоря объ этой послѣдней функціи совѣта, необходимо имѣть въ виду, что онъ, во-первыхъ, вѣдалъ всѣхъ иностранцевъ,

живившихъ въ Англіи, являясь защитникомъ и охранителемъ ихъ правъ и, во-вторыхъ, въ его рукахъ сосредоточивались сношенія съ иностранными государствами, въ силу чего онъ принималъ иностранныхъ пословъ, велъ съ ними переговоры, участвовалъ въ заключеніи договоровъ и конвенцій, посылалъ своихъ пословъ за границу, вырабатывалъ для нихъ инструкціи, защищалъ англійскихъ подданныхъ за границею и т. п. Для иллюстраціи полномочій тайнаго совѣта въ области дипломатическихъ сношеній г. Александренко останавливается на исторіи сношеній между Англіей и Россіей. Какъ извѣстно, эти сношенія начались съ прибытія Ченслера въ Москву въ царствованіе Ивана IV. Когда первый, послѣ своего вторичнаго посѣщенія Москвы въ 1556 г., отправлялся въ Англію, то московскій государь отправилъ вмѣстѣ съ нимъ и своего посла Осипа Григорьевича Непею. Послѣдній въ томъ же году высадился въ Шотландіи и встрѣчаемый на своемъ пути шерифами графствъ, торжественно въѣхалъ въ Лондонъ 27 февраля. Съ этого времени начались сношенія между Англіей и Московскимъ государствомъ. На обязанности тайнаго совѣта лежало заботиться о томъ, чтобы русскіе послы имѣли все необходимое въ дорогѣ, какъ-то: помѣщеніе, столъ и т. п. Переговоры съ ними велъ также совѣтъ, о чемъ разсказываютъ сами послы, говоря, что они совѣщались съ «боярами», «королевниными дворянами» и «ближними людьми». Посредниками между послами и совѣтомъ являлись члены лондонскаго муниципалитета или купцы изъ Сити («англичане-гости», по выраженію пословъ). Предметъ и цѣль сношеній тайнаго совѣта съ Россіей опредѣлялись видами русскаго правительства съ одной стороны и видами англійскаго правительства съ другой. Русское правительство преслѣдовало въ это время слѣдующія цѣли. Во-первыхъ, оно искало союзниковъ въ своей борьбѣ съ сосѣдями (поляками, шведами и нѣмцами): не даромъ же Иванъ IV говорилъ англійскому послу Боусу: «намъ главные недруги литовскій да шведскій и ты намъ рѣшительно не отвѣчаешь, станетъ ли королевна съ нами вмѣстѣ на этихъ недруговъ». Во-вторыхъ, русское правительство нуждалось въ ратныхъ людяхъ, обученныхъ иноземному строю, почему и поручало вербовать въ Англіи солдатъ, напр. въ 1632 г. Въ-третьихъ, приходилось обращаться въ Англію съ цѣлью займа денегъ, какъ напр., въ 1618 г. и, наконецъ, въ-четвертыхъ, правительство, начиная съ Ивана IV и до Бориса Годунова, въ своихъ сношеніяхъ съ Англіей преслѣдовало также и цѣли образованія. Такъ, Борисъ Годуновъ послалъ четырехъ молодыхъ людей «въ Аглинскую землю для науки разныхъ языковъ и грамотамъ». Ихъ распредѣлили по одному въ коллегіи Винчестера, Итона, Оксфорда и Кембриджа и долго послѣ того ничего не было слышно о названныхъ юношахъ, пока наконецъ правительство Михаила Ѳедоровича не вспомнило о нихъ и не стало ходатайствовать предъ тайнымъ совѣтомъ о возвращеніи ихъ въ Россію. Совѣтъ отвѣтилъ, что изъ четырехъ студентовъ двое уѣхали въ Индію, третій живетъ въ Ирландіи и тамъ женился, а четвертый (Никифоръ) находится въ Англіи и сталъ пасторомъ. Ему предложили отправиться на родину, но онъ отказался, а въ такомъ случаѣ, заявилъ совѣтъ, было бы не согласно съ началами международнаго права насильно удалить его изъ Англіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ русское правительство снова ходатайствовало о выдачѣ, но совѣтъ отвѣтилъ, что отправленіе на родину русскихъ студентовъ «противорѣчило бы истинамъ религіи, исповѣдуемой его величествомъ, а равно законамъ божьимъ и международнымъ».

Намъ осталось еще сказать два слова объ отдѣлѣ матеріаловъ въ нынѣшней книгѣ «Чтеній» Общества. Здѣсь напечатанъ профессоромъ Голубевымъ православный южно-русскій катехизисъ 1600 года, извлеченный имъ изъ рукописнаго сборника библіотеки Кіево-Софійскаго собора. По предположенію г. Голубева, обставленному довольно убѣдительными доводами, катехизисъ этотъ издавался въ 1600 и 1611 годахъ Виленскимъ братствомъ и принадлежитъ перу Лаврентія Зизанія-Тустановскаго. Второе мѣсто въ отдѣлѣ матеріаловъ занимаютъ сообщенные А. Лазаревскимъ любопытные «акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи», обнимающіе время за 1630—1690 года. По актамъ этимъ можно между прочимъ прослѣдить возстановленіе и расширеніе гетманами Малороссіи, начиная съ Богдана Хмельницкаго, «прирожонаго права» шляхты на землю, уничтоженнаго было во время возстанія, оторвавшаго лѣвобережную Украину отъ Польши.

В. М.

М. Пинегинъ: «Казань въ ея прошломъ и настоящемъ» (Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города, съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣдѣній). Спб. 1890. 8°, XVI, 604, LVIII стр. съ 8 цинкографическими видами города Казани.

Названная книга вышла въ свѣтъ какъ разъ ко дню открытія Казанской научно-промышленной выставки и восполняетъ отсутствіе указателя по исторіи и достопримѣчательностямъ такого важнаго историческаго города, какъ Казань. Прекрасно изданное сочиненіе г. Пинегина представляетъ трудолюбивую компиляцію и предназначено для читающей публики и пріѣзжихъ посѣтителей выставки; обиліе и полнота свѣдѣній, легкое, живое изложеніе—вполнѣ соотвѣтствуютъ задачамъ, которыя преслѣдовалъ авторъ.

Вѣроятность появленія въ свѣтъ второго изданія этой интересной и нужной книги побуждаетъ насъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ пропусковъ и неточностей. Такія указанія необходимы въ виду словъ самого автора, что цѣль его труда—«дать читателямъ по возможности полное знакомство съ городомъ Казанью».

«Казань въ ея прошломъ и настоящемъ» дѣлится на отдѣлы: 1) Очерки Казанской исторіи, 2) Достопримѣчательности города Казани; 3) Современное положеніе города Казани; 4) Казанскій адресъ-календарь.

Обширный историческій очеркъ Казанской исторіи начинается разсказомъ о «Булгарскомъ государствѣ при устьѣ Камы». Въ этомъ первомъ очеркѣ авторъ недостаточно обратилъ вниманіе на нѣкоторыя пособія, какъ напримѣръ, на классическую книгу П. С. Савельева: «Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи» (Спб. 1846—47) и вообще ведетъ разсказъ слишкомъ ужъ популярно. Такія извѣстія, какъ о томъ, что «титуломъ булгарскаго царя служило несомнѣнно славянское слово владавацъ» или что названіе «булгаръ» есть естественное измѣненіе славянскаго слова «волгарь», необходимо обставлять точными и подробными ссылками, такъ какъ это далеко не непреложные научные факты. Прибавимъ однако, что и первый очеркъ (какъ и прочіе) основанъ на хорошихъ источникахъ. Какъ мелочь отмѣтимъ, что Ибн-Фоцлана правильнѣе писать Ибн-Фодланомъ.

Исторія царства Казанскаго вплоть до его паденія изложена подробно, ваторъ пользовался рядомъ авторитетныхъ пособій и топографію древней

Казани изложилъ по изслѣдованіямъ о. Заринскаго, послѣднимъ и лучшимъ въ этомъ направленіи. Гораздо слабѣе вышли у г. Пинегина очерки населенія города Казани и администраціи ея въ XVI столѣтіи. На стр. 89 и 90 авторъ послѣдовалъ разсказу о. Заринскаго (очерки, стр. 31—32) о домахъ и хозяйствахъ князей и бояръ въ Казани XVI вѣка. Заринскій пользовался писцовой книгой 1566 года и мѣстными синодиками, но, не будучи знатокомъ въ исторіи служилаго класса, многое спуталъ: привелъ цѣлый рядъ такихъ боярскихъ и окольничьихъ родовъ, которые на самомъ дѣлѣ этой высоты никогда не достигали; князя Троекурова (какъ онъ правильно записанъ въ писцовой книгѣ) написалъ Троеруковымъ, Андрея Клешнина сдѣлалъ княземъ и т. д. Пинегинъ, указавъ на домъ князя Андрея Московскаго, къ ошибкамъ Заринскаго прибавилъ еще одну.

Къ обществу до-Петровской Руси г. Пинегинъ относится вообще отрицательно и категорически, напримѣръ, говоритъ, что «высшій классъ древнерусскаго общества не отличался склонностью къ труду и подвижностью». Высказавъ такой взглядъ, авторъ не доказываетъ его, а идетъ далѣе и, разсказавъ анекдотъ о «толстотрапезныхъ» пирахъ, относящійся къ Казани XVI вѣка только съ весьма большой натяжкой, посвящаетъ нѣсколько строкъ «паденіямъ» казанскихъ боярынь. Послѣднія строки основаны исключительно на остроумномъ соображеніи автора, что сидѣніе въ теремахъ «разжигало страсти».

Методъ автора примѣнять къ казанской жизни все, что извѣстно, или разсказывается, о до-Петровскомъ русскомъ обществѣ вообще, наглядно выступаетъ въ описаніи казанскихъ тюремъ, пытокъ, казней и т. д. Такъ онъ говоритъ:

«И вотъ ежедневно раздавался по Казани звукъ цѣпей, разносились за душу хватающія жалобныя причитанія нараспѣвъ: «Отцы наши милостивцы!» и т. д. (стр. 108). «... Не менѣе интересными для Казанцевъ XVI вѣка были судебные поединки, на которыхъ тяжущіеся слопами и дубинами публично доказывали свою правоту...» (ibidem) и т. д.

Рядъ картинъ построенъ на одномъ только фактѣ, что писцовая книга 1566 года упоминаетъ въ Казани нѣсколько тюремъ! Описаніе пытокъ составлено не безъ вліянія источниковъ XVII вѣка; обычныя казни не отдѣлены отъ исключительныхъ, что особенно необходимо дѣлать именно относительно эпохи Грознаго. Пишетъ авторъ и о казанскихъ дьякахъ. О Государевыхъ дьякахъ при воеводахъ онъ выражается такъ: «... Дьяки, завѣдуя сперва лишь письменными дѣлами, мало-по-малу сдѣлались помощниками областныхъ правителей, или, лучше сказать, ихъ руководителями. Ловкому дьяку ничего не стоило забрать въ свои руки не всегда опытнаго воеводу или намѣстника, который назначался часто на одинъ годъ и, конечно, за это время не успѣвалъ вполнѣ познакомиться съ особенностями управляемаго края...» (стр. 107). А развѣ дьяки при воеводахъ, младшіе ихъ «товарищи», по показаніямъ первоисточниковъ, были мѣстными жителями, знавшими особенности мѣстнаго края? Развѣ они не присылались точно также изъ Москвы?

Подчеркиваетъ г. Пинегинъ конечно и произволъ, вымогательства и взяточничества московскихъ правителей. Нечего и говорить, что примѣровъ въ этомъ направленіи можно привести много. Но справедливо ли писать исторію по уголовнымъ дѣламъ? У насъ часто забываютъ, что на каждый

отмѣченный моментъ правонарушенія, тысячи моментовъ нормальной жизни остаются незамѣченными. Мы судимъ по челобитьямъ и по рѣшеніямъ на нихъ. Московское правительство не боялось за свою авторитетность и никогда не покрывало продѣлокъ второстепенныхъ органовъ власти. Офиціальные документы нерѣдко рисуютъ страшныя картины безобразій. Это особенно, замѣтно, напримѣръ, относительно Сибири, но вѣдь, надо замѣтить, что жизнь въ новозавоеванныхъ окраинахъ вообще никогда не отличается правильностію. Много было въ Москвѣ взяточниковъ, правда, но весьма не многіе документы, дошедшіе до насъ, описывающіе обычную, текущую жизнь, отмѣчаютъ иногда и людей совсѣмъ другихъ возрѣній, о жизни и дѣятельности которыхъ мы ничего не знаемъ именно потому, что на нихъ никто не жаловался. Такъ М. П. Погодинъ нѣкогда въ «Москвитянинѣ» напечаталъ письмо, разсказывающее о такомъ дьякѣ, что и самъ взятокъ не бралъ, да и никому изъ подъячихъ въ приказѣ, ему подвѣдомственномъ, брать не позволялъ.

Послѣдующіе очерки становятся подробнѣе и касаются казанской жизни съ разныхъ ея сторонъ. Скомпилированные хорошимъ языкомъ изъ такихъ цѣнныхъ пособій - какъ изслѣдованія Ѳирсова, Корсакова, Артемьева (и Владимірова), Дубровина и Булича, они читаются съ большимъ интересомъ и прекрасно излагаютъ Казанскую исторію XVIII и начала XIX столѣтій.

Слабѣе разсказана исторія Казани въ настоящемъ столѣтіи, чему посвящены заключительные очерки. Отрывочность изложенія въ данномъ случаѣ вполнѣ понятна и извинительна. Авторъ въ предисловіи прямо говоритъ: «Разработать же самостоятельно послѣднее 50-лѣтіе Казанской исторіи мы не имѣли возможности, какъ по ограниченности времени, такъ и по трудности доставать матеріалы въ провинціи». Соглашаясь вполнѣ съ справедливостью и основательностію этого авторскаго признанія, мы только пожалѣемъ, что г. Пинегинъ не прибавилъ еще трехъ, хотя бы, краткихъ очерковъ: 1) Исторіи университета и гимназій въ XIX столѣтіи, 2) Исторіи Казанскаго книгопечатанія и прессы, 3) Исторіи Казанскаго театра. Все это можно было бы изложить и по печатнымъ матеріаламъ.

Къ историческимъ очеркамъ прибавлена хронологическая лѣтопись: «замѣчательнѣйшія событія Казанской исторіи» (стр. 297—335). Послѣднія 30—40 лѣтъ изложены замѣчательно подробно и подобная полнота только радуетъ въ справочной книгѣ, событія же до второй половины настоящаго столѣтія перечисляются отрывочно и попадаютъ на страницы лѣтописи какъ-то случайно. Совершенно отсутствуютъ списки казанскихъ архіереевъ, архимандритовъ, намѣстниковъ, воеводъ и губернаторовъ, попечителей учебнаго округа, ректоровъ университета и академіи, предводителей дворянства и т. д. Попытка дать такіе справочные списки, во всякомъ случаѣ весьма полезные, сдѣлана была г. Черновымъ еще въ 1841 году. Если смѣна подобныхъ лицъ принадлежитъ къ числу незамѣчательныхъ событій, то почему же подобные факты приведены въ лѣтописяхъ 1860—1889 годовъ? Въ лѣтописи XIX столѣтія пропущены многіе мелкіе, можетъ быть, но не безъинтересные факты напримѣръ: 1801 годъ. Напечатаніе первой книги въ Казани (см. статью академика Дорна); 1805—въ ноябрѣ напечатана въ губернской типографіи брошюра (16 стр. 4° «Жертва живѣйшаго... чувствованія...» (сочин. іеромонаха Августина). Едва ли не первенецъ гражданской печати въ Казани? Отъ 1805 года еще сохранилось объявленіе объ открытіи университета. Изъ послѣдующихъ казанскихъ инкунабулъ не мѣшало

бы отмѣтить, напримѣръ, (пропускаю книжки 1806 и 1807 гг. Сопикова №№ 6518 и 6420), грамматику татарскаго языка, напечатанную въ Университетской типографіи въ 1809 г.; повѣсть «Кузъ-Курпять» въ 1812; и особенно Френа (рѣдчайшее сочиненіе): «Numophylacium orientale Potocianum» (Casani. 1813), гдѣ есть важныя свѣдѣнія по исторіи типографій въ Казани. Пропущены указанія на начало «Казанскаго Вѣстника» (1821), начало журнала «Заволжскій Муравей» (1832 г.), начало ученаго органа университета «Ученые Записки» (1834), начало изданія «Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей» (1838), Основаніе Казанскаго Экономическаго Общества (1839) и т. д.

Второй отдѣлъ книги г. Пинегина: «Достопримѣчательности города Казани» хорошъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ опирается на очерки Заринскаго, но положительно неудовлетворителенъ въ описаніяхъ университета съ его сокровищами. Библіотека университета описана, да еще сокращенно, по популярной брошюрѣ «Прогулки по Казани VI. Университетская библіотека», написанной въ 1850 году. Ужъ лучше было бы цѣликомъ перепечатать статью Артемьева, помѣщенную въ «Ж. М. Н. П.» Эта статья написана давно, но она серьезна. Описаніе университета должно быть сдѣлано не для толпы незнакомыхъ съ наукою людей, которые, пожалуй, и не пойдутъ въ университетъ, а если и пойдутъ, то все равно имъ Палеографія Сильвестра или кожаный свитокъ Пятикнижія ничего не скажутъ. Справочныя описанія научныхъ сокровищъ дѣлаются для просвѣщенныхъ посѣтителей, которые при помощи указателя будутъ искать возможности осмотрѣть подробно то, что̀ ихъ наиболѣе интересуетъ.

А кому могутъ быть полезны такія, напримѣръ, строки:

«... Вотъ фламинго съ изогнутымъ носомъ; позади явайскій павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ; тутъ же и сама жаръ-птица или лафофоръ, какъ будто выкованный изъ метала; крылья этой птицы блестятъ, какъ разноцвѣтная фольга. Утконосъ—это переходная ступень отъ звѣря къ птицѣ: похожее на выдру животное имѣетъ ноги и носъ совершенно утиныя; водится онъ въ рѣкахъ и озерахъ Австраліи. Летучія мыши Южной Америки или вампиры, по ночамъ сосутъ кровь у скота, объѣдаютъ у куръ гребешки и сережки. Армадиллы или броненосцы тихіе, мягкаго характера звѣри, при опасности прячутъ подъ броню свои оконечности и думаютъ, что ихъ не замѣтятъ. Обращаютъ на себя вниманіе: великолѣпная птица лира, свернувшіеся въ кольца удавы и голова новозеландца, подъ стеклянным колпакомъ; мозгъ у ней вынутъ, а мясо и кожа засушены; лицо татуировано, то есть исколото и разрисовано; въ лѣвомъ ухѣ костяная сѐрьга съ голубоватой привѣской изъ камня..... Въ комнатѣ млекопитающихся бросаются въ глаза огромные сѣверные олени и лоси (Царевококшайскій уѣздъ); тутъ же рядомъ благородные львы и свирѣпые тигры; въ числѣ разныхъ звѣрей удивляетъ своими рогами алтайскій каменорогъ. Крокодилы, черепахи, рыбы, антилопы и проч. все это многимъ извѣстно...» (стр. 387—388).

Музей Винтера, да и только! Не знаемъ откуда перепечатано это замѣчательное описаніе, но искренно сожалѣемъ, что г. Пинегинъ не передѣлалъ его.

Отдѣлъ третій «Современное положеніе города Казани» обработанъ Н. Д. К-имъ. При чтеніи онъ производитъ хорошее впечатлѣніе, за подробный же разборъ его мы не беремся.

Послѣдній отдѣлъ разбираемой книги—«адресъ-календарь города Казани» занимаетъ болѣе четырехъ печатныхъ листовъ и отличается большою полнотой. Расположенный по министерствамъ, онъ весьма удобенъ и для пользованія. Если что и возможно замѣтить относительно его, такъ это—обозначеніе именъ и отчествъ въ большинствѣ случаевъ первыми буквами. Еще, пожалуй, можно пожелать, чтобы при слѣдующемъ изданіи «Казань въ прошломъ и настоящемъ» появилась съ алфавитнымъ указателемъ ко всей книгѣ.

Общее впечатлѣніе отъ новой справочной книги по городу Казани—безусловно въ пользу ея составителей. Положено много труда, выказана большая начитанность—пожелаемъ же, чтобы второе изданіе было еще полнѣе, еще лучше и было бы совсѣмъ свободно даже отъ малыхъ недостатковъ перваго. Н. Л—ъ.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ I (XVI ст.). Переводъ К. Мельникъ (подъ редакціей В. Б. Антоновича). Кіевъ. 1890.

Лишнимъ будетъ говорить здѣсь о томъ значеніи, которое имѣютъ для исторіи мемуары лицъ, современныхъ той или другой эпохѣ, жившихъ въ то или другое время. Не имѣя за собой той фактической точности, которую историкъ-изслѣдователь черпаетъ въ архивныхъ документахъ и другихъ вещественныхъ памятникахъ старины, мемуары современниковъ важны для насъ, какъ полное живое изображеніе современной жизни, какъ критерій общественнаго развитія общества. Трудно опредѣлить только, что важнѣе—замѣтки ли туземцевъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными нравами и обычаями, или же иностранцевъ, которые, будучи менѣе знакомы или даже совершенно незнакомы съ чужой для нихъ страной, сплошь и рядомъ оставляютъ свои записки, очень цѣнныя для исторіи. Ихъ записки, хотя и заключаютъ въ себѣ иной разъ ошибки, происшедшія отъ незнакомства съ чуждой имъ жизнью, но съ другой стороны сохраняютъ для исторіи такія проявленія этой жизни, мимо которыхъ, какъ обыкновенныхъ и не стоющихъ вниманія, прошелъ бы туземецъ.

Для исторіи южной Россіи, начиная съ половины XVI ст. существуетъ цѣлый рядъ мемуаровъ, написанныхъ, какъ иностранцами, такъ и мѣстными жителями. Большая часть этихъ мемуаровъ написана на иностранныхъ языкахъ и, кромѣ того, помѣщена въ спеціальныхъ изданіяхъ, сдѣлавшихся теперь библіографической рѣдкостью. «Желая восполнить этотъ недостатокъ, ощущаемый всѣми лицами, заинтересованными изученіемъ южно-русской старины, редакція «Кіевской Старины» намѣрена помѣстить въ приложеніяхъ къ журналу цѣлый рядъ записокъ современниковъ, начиная съ половины XVI до начала XVIII в.». Первый выпускъ мемуаровъ, о которомъ мы говоримъ, является такимъ образомъ началомъ этого капитальнаго труда. Въ него вошли мемуары Михаила Литвина (1—58 стр.), извлеченіе изъ записокъ Блеза де-Виженера, которому было поручено составить обстоятельное описаніе Польши и окрестныхъ странъ для Генриха Валуа, вступившаго въ 1473 г. на Польскій престолъ (стр. 58—88), записки Леонарда Горецкаго (89—136) и, наконецъ, дневникъ Эриха Лассоты изъ Стеблева (137—190 стр.). Что касается до личности Михаила Литвина, то она до сихъ поръ

остается невыясненной. Основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя мы находимъ въ его запискахъ, можно лишь сказать положительно, что онъ жилъ въ XVI в., родомъ былъ изъ Литвы и принадлежалъ къ числу дипломатическихъ агентовъ, часто посылаемыхъ въ Крымъ Литовскимъ правительствомъ. Записки его, изданныя въ очень сокращенномъ видѣ въ Базелѣ (1615 г.) Грассеромъ, который выпустилъ весьма интересныя «жалобы Литвина на испорченныя нравы своего народа» и оставилъ лишь то, «что принадлежитъ собственно къ исторіи», имѣютъ большое значеніе. Помимо фактическихъ данныхъ, записки Литвина даютъ много свѣдѣній, относящихся къ внутреннему быту Литвы, крымской орды и объ отношеніяхъ послѣдней къ литовско-русскимъ областямъ. При пользованіи его извѣстіями, нужно, однако, имѣть въ виду ту дидактическую цѣль, съ которой писалъ свои записки Литвинъ. Онъ желалъ побудить молодого короля Сигизмунда-Августа къ исправленію нравовъ и подъему энергіи въ своихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего легко могъ преувеличивать нѣкоторыя явленія, даже ненамѣренно, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Тацитъ въ своей параллели между римскимъ обществомъ и германцами. Много интереснаго представляютъ также записки Блеза де-Виженера, заключающія въ себѣ сумму всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какою обладали въ то время на Западѣ Европы лица, занимавшіяся изученіемъ восточно-европейскихъ отношеній. Изъ этихъ записокъ переведены лишь тѣ главы, которыя относятся къ описанію южной Руси. Сочиненіе Леонарда Горецкаго «Описаніе войны Ивоніи, господаря волошскаго» относится къ числу памятниковъ для исторіи борьбы Польши съ Турціей во второй половинѣ XVI вѣка. Дневникъ Эриха Ляссоты, имѣющій важное значеніе для исторіи первыхъ временъ зарожденія казачества, г-жа Мельникъ сдѣлала со втораго изданія Шоттина, «расширивъ нѣсколько рамки перевода Бруна [1]) и провѣривъ сдѣланные имъ коментаріи» (стр. 141). Каждый изъ этихъ памятниковъ г-жа Мельникъ сочла нужнымъ снабдить возможно полной біографіей автора записокъ и подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ дѣлаетъ необходимыя для пониманія текста примѣчанія. О точности и вообще о достоинствахъ перевода намъ говорить нечего. За это ручается имя проф. В. Б. Антоновича, редактировавшаго изданіе, а также имя переводчицы. Въ интересахъ полноты изданія, намъ кажется, было бы нелишнимъ прилагать къ тексту тѣ карты и рисунки, которыя находятся въ текстахъ оригиналовъ. Такъ, напр., къ помѣщеннымъ въ настоящемъ выпускѣ запискамъ Блеза де Виженера хорошо было бы приложить карту Польскаго государства, и рисунки, изображающіе тура, лося и охоту на зубра, сдѣланные Виженеромъ, а при «Описаніи Украйны» Боплана, которое редакція намѣрена помѣстить въ дальнѣйшихъ выпускахъ—карту Малороссіи и чертежи, что мы находимъ въ изданіи этого памятника, сдѣланнаго Устряловымъ (1832 г.). Много также облегчалъ бы пользованіе изданіемъ указатель личныхъ и географическихъ именъ. Впрочемъ, онъ, можетъ быть, будетъ сдѣланъ по окончаніи изданія всей серіи мемуаромъ, котораго будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ.

В. Б.

---

[1]) Въ 1873 г. часть записокъ Ляссоты, обнимающая его путешествіе на Запорожье, переведена была на русскій языкъ одесскимъ проф. Ф. Брунномъ.

Воспоминанія Теобальда (I—IV). Вильна. 1890. Печатается въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не для продажи.

Г. Теобальдъ давно уже извѣстенъ читателямъ историческихъ журналовъ, гдѣ разбросаны его «Воспоминанія», собранныя теперь въ отдѣльномъ изданіи, которое, однако, не появилось въ продажѣ. Ограничивъ, такимъ образомъ, кругъ своихъ читателей, г. Теобальдъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавилъ себя отъ необходимости привести свои «Воспоминанія» въ строгую систему, да и критика не вправѣ быть къ нему слишкомъ требовательною въ этомъ отношеніи. Не удивительно, что въ числѣ «Воспоминаній» встрѣчаются и такія, которыя не могутъ быть отнесены къ разряду «историческихъ», но имѣютъ легкій фельетонный характеръ. Таковы разсказы: «Тѣнь утопленника», «Шоссейно-дилижансовый вѣкъ» и нѣкоторые другіе.

Впрочемъ, не такова большая часть повѣствованій г. Теобальда и между ними встрѣчаются такія, которыя, несмотря на приданную имъ живую и легкую форму, содержатъ много интереснаго для будущаго историка эпохи, описываемой авторомъ, т. е. конца николаевскихъ временъ и начала царствованія Александра II. Такъ, разсказъ «Динабургское комиссаріатское дѣло» раскрываетъ темныя стороны военныхъ и канцелярскихъ порядковъ николаевскаго времени; въ разсказѣ «Двѣ службы» характеризуется неприглядное положеніе тогдашняго солдата, по сравненію съ которымъ даже арестантъ часто оказывался счастливцемъ. Въ очеркѣ «Динабургскій комендантъ» обрисованъ человѣкъ «опередившій свой вѣкъ», т. е. обращавшійся человѣколюбиво съ своими подчиненными.

Въ «Динабургскихъ воспоминаніяхъ» г. Теобальда передъ нами проносится цѣлый рядъ характеристичныхъ фигуръ николаевской эпохи, этого переходнаго, полнаго рѣзкихъ контрастовъ, времени, когда благородство и звѣрство, образованость и невѣжество нерѣдко встрѣчались рядомъ. Вотъ гвардейскій капитанъ А. А. Н—кій, назначенный управляющимъ динабургскою комиссаріатскою комиссіею, человѣкъ злой, высокомѣрный и алчный, окружившій себя шпіонами и льстецами, дерзкій и жестокій съ подчиненными, хитрый и увертливый передъ начальствомъ, не останавливающійся ни передъ какими средствами, наглый взяточникъ и казнокрадъ. Вотъ бѣдный «обремененный многочисленнымъ семействомъ» чиновникъ Петровскій, человѣкъ самъ по себѣ «честный», т. е. не воръ, но сломленный неравною борьбою съ начальникомъ и совершающій, въ концѣ концовъ, подлость противъ барона Корфа, единственно независимаго чиновника, поддерживавшаго его же самого, когда Петровскому угрожало увольненіе отъ службы. Весьма характерно описаніе тогдашнихъ военныхъ судовъ: «приводятъ подсудимаго, читаютъ ему бумагу о преданіи его суду и потомъ всѣ расходятся по домамъ. Затѣмъ дѣло ведетъ уже одинъ аудиторъ». А между аудиторами были отъявленные негодяи и взяточники въ родѣ описаннаго г. Теобальдомъ Пронченкова.

Тогдашняя военная служба, основанная по внѣшности, на выправкѣ, описана г. Теобальдомъ въ разсказѣ: «Дѣтское орудіе Людовика XVI». Обученіе пѣхоты состояло «въ вытягиваніи носка, держаніи круче ружейнаго приклада, маршировкѣ до того плавной, чтобъ не проливался стаканъ съ водою, поставленной на киверъ, и въ ружейныхъ пріемахъ, до того тактичныхъ, что походили на щелканье орѣховъ. Это называлось тактикою.

Стрѣлять солдата тогда не учили. Его учили только заряжать ружье на 12 темповъ и на 4 темпа. Да и къ чему было портить ружье, когда оно должно было всегда свѣтиться и гремѣть въ ловкихъ рукахъ, какъ бубенчикъ? Это называлось ружье съ темпомъ... У каждаго солдата находилось па рукахъ по 60 боевыхъ патроновъ; но эти патроны назывались смотровыми. Боже сохрани, потерять или израсходовать одинъ смотровый патронъ: бѣднаго солдата запороли бы до полусмерти. Да и какъ было не беречь пороха, когда его на всю Россію выдѣлывалось только 30 тысячъ пудовъ въ годъ?»

Объ обращеніи съ солдатами г. Теобальдъ говоритъ: «И кто полвѣка тому назадъ не билъ бѣднаго солдата? Если офицеръ былъ гуманенъ, его аттестовали слабымъ, неспособнымъ... Злой человѣкъ назывался служакою. Оттого собачиться во фронтѣ считалось высшею военною доблестью. Многіе до того привыкали, что не могли пройти по фронту, чтобъ нѣсколькимъ человѣкомъ не разбить зубы, такъ, за «здорово-живешь» — и совершенно хладнокровно».

Особенно жестоки, по словамъ г. Теобальда, были командиры изъ нѣмцевъ. Они производили маршировку тихимъ шагомъ, такимъ образомъ, чтобы каждый задній солдатъ, данною ему палкою, билъ передняго Потомъ шеренга поворачивалась налѣво кругомъ и каждый колотилъ того, кто передъ тѣмъ билъ его. «Это называлось взаимное обученіе». («Динаб. Восп.» 39).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Самая беззавѣтная жестокость господствовала въ «образцовомъ полку», въ учебныхъ карабинерныхъ полкахъ и въ баталіонахъ военныхъ кантонистовъ. Здѣсь 500 розогъ была норма. Для 200 «и раздѣвать не стоило»...

Послѣ этихъ мрачныхъ картинъ, невольно отдыхаешь на такихъ разсказахъ, каковъ очеркъ: «А. М. Симборскій. Помимо обрисовки гуманнаго начальника, этотъ очеркъ любопытенъ еще характеристикою начала 60-хъ годовъ и, между прочимъ, эпохи введенія мирового института. Не смотря на нѣкоторую тенденціозность г. Теобальда, этотъ очеркъ представляетъ довольно вѣрное изображеніе крайностей и увлеченій тогдашнихъ молодыхъ юристовъ, которые ради лже-народничества готовы были стать на сторону мошенника-гостинодворца и публично оскорбить заслуженнаго и больного старика генерала.

Нѣсколько въ иномъ родѣ «Виленскія» и «Варшавскія» воспоминанія г. Теобальда. Здѣсь главный интересъ сосредоточивается на русско-польскихъ отношеніяхъ, которыя обрисованы авторомъ, вообще говоря, довольно объективно. Сверхъ того, г. Теобальдъ рисуетъ нѣсколько любопытныхъ польскихъ и западно-русскихъ типовъ. Весьма характеристичны, хотя и отрывочны, картины изъ польскаго мятежа 1863 года, въ которыхъ автора рѣдко покидаетъ свойственное ему безпристрастіе. Многое кажущееся шаржемъ, къ сожалѣнію, выхвачено изъ дѣйствительности, какъ напримѣръ, слѣдующая картина. Польскій панъ пріѣзжаетъ на постоялый дворъ, гдѣ встрѣчаетъ богатаго купца-еврея, которому начинаетъ проповѣдывать идеи «равенства». Купецъ спрашиваетъ, какимъ образомъ проявляется это равенство? Панъ отвѣчаетъ, что «на Пасху всѣ слуги и хлопы разговлялись вмѣстѣ съ господами, а княжны и графини собственноручно разрѣзывали «свенцоное» и подавали каждому хлопу». Въ это время входитъ кучеръ по-

мѣщика и, кланяясь ему низко, спрашиваетъ, распречь ли лошадей? Панъ схватываетъ его за волосы.

— «Сколько разъ толковать тебѣ, хамская кровь, чтобы не смѣлъ ты называть меня паномъ? Развѣ я не долбилъ въ глупую твою башку, что теперь мы равны? Съ этими словами панъ далъ оплеуху равному себѣ и вытолкнулъ его ногою».

Если это и карикатура, то весьма недалекая отъ истины. А вотъ фактъ ужъ несомнѣнно историческій: когда «центральный» польскій комитетъ, желая «предупредить» русское правительство, издалъ извѣстный манифестъ о надѣлѣ крестьянъ землею, польскіе мужики стали говорить:

— «Кто намъ даритъ землю? Какой-нибудь шевцъ (сапожникъ), который самъ не имѣетъ на столько земли, чтобы ее прикрыла хвостомъ собака («Варшавскія воспом.» 97).

Любопытенъ разсказъ: «Великодушный врагъ», въ которомъ сопоставлены заносчивый, но честный польскій цирульникъ, русскій солдатъ и польскій ксендзъ. Въ разсказѣ: «Стрѣлокъ Селезневъ» обрисовано грубое добродушіе русскаго солдата, взявшаго въ плѣнъ мальчишекъ-повстанцевъ. Въ «Виленскихъ Воспоминаніяхъ» встрѣчаются странные, но любопытные типы, въ родѣ «городского шута» Крышталевича. Чрезвычайно симпатична фигура одного доктора, какихъ, къ сожалѣнію, встрѣчаются немного.

Характеризуя эпохи Николая I и Александра II, г. Теобальдъ доставляетъ также нѣсколько чертъ для характеристики обоихъ этихъ государей. Такъ объ императорѣ Николаѣ I онъ разсказываетъ случай освобожденія имъ старика, откровенно разсказавшаго о совершенномъ имъ убійствѣ, тогда какъ прочіе арестанты заявляли, что сидятъ въ острогѣ по подозрѣнію.

— «Онъ одинъ преступникъ, — сказалъ государь, — всѣ прочіе честные люди, такъ удалить его изъ общества честныхъ людей».

Старикъ былъ прощенъ государемъ.

Императору Александру II посвященъ цѣлый разсказъ подъ заглавіемъ: «Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ». Здѣсь содержатся любопытныя черты изъ пребыванія императора за границей; такъ, напримѣръ, укажемъ на разсказъ о прощеніи варшавскаго студента Новаковскаго, сосланнаго въ Сибирь въ 1863 году и бѣжавшаго оттуда за границу. Государю понравилось, что Новиковскій при встрѣчѣ съ нимъ, всегда почтительно кланялся. Любопытенъ фактъ, что во время пребыванія въ Эмсѣ государя русская рѣчь слышалась на каждомъ шагу, говорили громко, какъ бы кичась ею; но съ отъѣздомъ царя не было уже слышно ни одного русскаго слова и встрѣчавшіеся между собою русскіе начали какъ бы стыдиться своего языка и замѣнили его французскимъ даже въ церкви...

Этихъ выдержекъ достаточно, чтобы показать, что въ воспоминаніяхъ г. Теобальда есть много интереснаго.

Ф

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Умерщвленіе послѣдняго Конде, его наслѣдство и алчность Луи Филиппа.— Роль въ этомъ дѣлѣ баронессы Фёшеръ.—Судъ надъ нею и ея безнаказанность.— Изъ писемъ бывшей императрицы Евгеніи послѣ 4-го сентября 1870 г.—Императрица, какъ зачинщица франко-прусской войны.—Доля ея вины въ Седанской катастрофѣ.—Изъ воспоминаній «цареубійцы» о французской революціи.—Голосованіе казни Людовика XVI.—Начало коллекцій Луврскаго музея и революціонныя наименованія памятниковъ искусства.—Поиски останковъ Мирабо.— Происхожденіе и введеніе гильотины во Франціи.—Французскій хирургъ Луи— изобрѣтатель гильотины, изготовленной, по его указаніямъ, нѣмцемъ Шмитомъ.— Библіотека Наполеона III.—Продажа съ молотка библіотеки короля Жерома Вестфальскаго.—Письмо Вольтера о тщеславіи.—Послѣдній автографъ и походная кровать Наполеона I.

УМЕРЩВЛЕНІЕ послѣдняго Конде, его наслѣдство и алчность Луи Филиппа. 27-го августа 1830 года, въ 9 часовъ утра, въ спальнѣ замка St.-Leu, недалеко отъ Парижа, найденъ повѣшеннымъ послѣдній потомокъ знаменитой фамиліи Конде, отецъ несчастнаго герцога Энгьенскаго. Принцъ Луи Генрихъ Жозефъ Конде, герцогъ Бурбонскій, послѣдніе годы своей жизни проводилъ въ тиши сельскаго уединенія. Онъ отпраздновалъ іюльскую революцію пиромъ и по всей формѣ принесъ присягу новому королю Франціи Луи Филипу Орлеанскому. Новая королева Марія Амалія посѣтила его въ замкѣ St.-Leu и дружески отнеслась къ его сожительницѣ. Это была баронесса Фёшеръ, англійская авантюристка низшаго разбора, дочь рыбака съ острова Уайтъ. Принцъ Конде познакомился съ ней въ Лондонѣ, когда жилъ тамъ эмигрантомъ вмѣстѣ съ графомъ д'Артуа. Принцъ живо заинтересовался бойкой и красивой дѣвочкой, воспиталъ ее на свой счетъ и сдѣлалъ ее своей компаньонкой. И вотъ что пожалъ онъ за посѣянное имъ добро.

Софья Кларкъ сдѣлалась статной, умной и энергичной дамой. Ея пріемному отцу пришлось пережить не мало тяжелыхъ лѣтъ отъ ея надменно-властолюбиваго и капризно-настойчиваго характера. Она была выдана замужъ за адъютанта Конде, барона Фёшеръ (Feuchères), но бракъ этотъ былъ

вскорѣ расторгнуть и баронесса сдѣлалась открыто подругой принца. Слабый старикъ находился въ рукахъ властолюбивой дамы и держался ею въ постоянномъ страхѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она добивалась того, чтобъ принцъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ сына герцога Орлеанскаго и чтобъ ей отказалъ значительную долю своихъ богатствъ. Конде намѣревался тогда завѣщать свои огромныя владѣнія герцогу Бордо. Но графъ д'Артуа, сдѣлавшійся позднѣе королемъ Франціи подъ именемъ Карла X, не принялъ такого подарка, а указалъ Конде на его ближайшихъ родственниковъ Рогановъ. Изъ этой фамиліи была мать Конде, Роганъ-Субизъ. Баронесса Фёшеръ не принималась въ Тюльери. Тогда она рѣшилась обратиться къ Орлеанамъ и тутъ встрѣтила болѣе радушный пріемъ. Такое, по выраженію самой Фёшеръ, «выгодное для Орлеановъ дѣло», какъ наслѣдство Конде, было окончено въ ихъ пользу, не смотря на всѣ препятствія.

Фёшеръ съумѣла добиться того, чтобы Конде въ 1822 году сдѣлался крестнымъ отцомъ герцога Омальскаго. Въ апрѣлѣ 1827 года усыновленіе этого молодого принца казалось вполнѣ устроеннымъ, но 2-го мая 1829 года дѣло это опять считалось совершенно проиграннымъ и тутъ-то были пущены въ ходъ всевозможные происки съ цѣлью заставить Конде подписать завѣщаніе въ пользу Орлеановъ. Интригантка, послѣ долгихъ хлопотъ, достигла своего. 30-го августа 1829 года старикъ подписалъ завѣщаніе, по которому 12 милліоновъ наслѣдовала баронесса Фёшеръ «за ея труды», а остальные 61 милліонъ назначались въ пользу герцога Омальскаго.

Настала іюльская революція. Орлеаны заняли престолъ. Луи Филиппъ тотчасъ показалъ себя заботливымъ отцомъ семейства, стараясь обезпечить за дѣтьми свое состояніе—болѣе 100 милліоновъ. Эта заботливость шла совершенно въ разрѣзъ съ давними обычаями французскихъ королей, которыхъ частное имущество «въ силу совершеннаго брака особы короля съ государствомъ» при вступленіи на престолъ сливалось съ государственными имуществами.

Такой неаристократическій образъ дѣйствій Орлеановъ сильно не понравился Конде и онъ сталъ относиться къ нимъ холоднѣе, хотя они выказывали ему всевозможную предупредительность. Богатый «дядя» собирался уже покинуть St.-Leu и переселиться въ Шантильи, чтобы тамъ сдѣлать новое завѣщаніе. Луи Филиппъ, узнавъ объ этомъ, въ страстномъ ослѣпленіи совершилъ непростительную ошибку. Онъ написалъ баронессѣ Фёшеръ, чтобъ она постаралась «во что бы то ни стало» не допустить отъѣзда принца Конде. Какой смыслъ эта женщина придала неосторожному выраженію короля («во что бы то ни стало»), видно изъ напечатанныхъ недавно профессоромъ Шультейсомъ (въ «Frankfurt Zeitung») документальныхъ разоблаченій о смерти принца Конде.

Никто изъ прислуги не хотѣлъ вѣрить въ настоящемъ случаѣ въ возможность самоубійства, не смотря на то, что вся обстановка преступленія явно била на то, чтобъ показать наличность самоубійства. Спальня принца имѣла двѣ входныя двери. Главный входъ въ злосчастное утро оказался запертымъ крѣпкой задвижкой, другая дверь, выходившая на боковую лѣстницу, также была заперта. Только потомъ обнаружилось, что особый механизмъ въ этой двери позволялъ извнѣ отодвинуть внутреннюю задвижку. Тѣло принца было найдено привязаннымъ къ оконному крюку при помощи двухъ носовыхъ платковъ. Одинъ изъ слугъ, часто видавшій на Востокѣ

трупы повѣшенныхъ, прямо заявилъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о самоубійствѣ. Къ тому же платки были завязаны искуственно, такъ называемымъ запутаннымъ узломъ, какого не могъ такъ ловко, на такой высотѣ надъ своей головой, сдѣлать самъ принцъ, страдавшій отъ ранъ на рукѣ. Сверхъ того, въ комнатѣ, въ углу, стояло ружье тщательно вычищенное и заряженное. Уже одно это обстоятельство вполнѣ исключало возможность самоубійства. Бывшій храбрый солдатъ, всегда страстно любившій охоту, скорѣе предпочелъ бы, конечно, при помощи пули покончить съ собой, нежели избирать позорный способъ повѣшенія. Разумѣется, выстрѣлъ ночью произвелъ бы шумъ.

Общее мнѣніе было таково, что виновницей смерти принца является Фёшеръ. Но эта дама не подверглась преслѣдованію. Духовникъ принца, Пеллье де-Лакруа, открытый противникъ Фёшеръ, чрезъ три мѣсяца послѣ смерти принца добился-таки того, чтобъ возбуждено было дѣло судебнымъ порядкомъ. И обвиненіе пало на Фёшеръ. Дѣло разсматривалось у судьи де-ла Гюпруа съ 6-го февраля до 2-го іюня 1831 года. За это время были допрошены 120 свидѣтелей, давшихъ 231 показаніе. Цѣлая сѣть обвиненій висѣла надъ головой Фёшеръ. Король совѣщался съ своей сестрой и съ Первилемъ, главнымъ прокуроромъ парижскаго королевскаго суда. Де-ла Гюпруа рѣшился составить обвиненіе. Но этого не допустили. 3-го іюня Первиль отправился на квартиру судьи. Въ воспоминаніяхъ де-ла Гюпруа разсказывается, что прокуроръ, явившись къ нему, воскликнулъ: «тутъ дѣло идетъ не о виновности или невиновности подозрительной женщины, дѣло идетъ о престижѣ дома Орлеановъ, который запутанъ здѣсь и долженъ быть выведенъ изъ затрудненія во что бы то ни стало». Послѣ мучительной борьбы долга съ чувствомъ самохраненія, де-ла Гюпруа рѣшилъ подать просьбу объ отставкѣ, которая была принята въ лестныхъ для него выраженіяхъ. Его зять Терье де-Помье получилъ повышеніе, а другіе судьи не обнаружили неудобной въ данномъ случаѣ настойчивости, и такъ все было обдѣлано, какъ хотѣлось заинтересованнымъ. 21-го іюня состоялось тайное засѣданіе палаты. На немъ была принята слѣдующая резолюція: «не установлено, чтобъ смерть принца Конде была результатомъ преступленія». Противъ этого приговора представитель фамиліи Роганъ 24-го іюля подалъ отзывъ и оказалось, что изъ дѣла исчезли важные документы, похищенные невѣдомой рукой. 22-го іюля назначено было разбирательство дѣла Рогана и въ искѣ ему отказали, «такъ какъ исканіе убытковъ есть гражданское дѣло и какъ таковое не подлежитъ вѣдѣнію уголовной палаты».

Вышеупомянутый аббатъ Пелье напечаталъ книгу «Умерщвленіе послѣдняго Конде доказано», направленную противъ баронессы и ея адвокатовъ. Аббата безъ разговоровъ лишили мѣста, а также и противъ другихъ лицъ, оказавшихся неудобными, были приняты соотвѣтственныя мѣры. Напротивъ, на покладистыхъ судей посыпались милости, ордена и повышенія. Затѣмъ овладѣли наслѣдствомъ Конде. Пресловутая бережливость Орлеановъ тутъ проявилась во всей своей красѣ. Важнѣйшіе пункты завѣщанія Конде остались невыполненными изъ экономическихъ соображеній. Слуги были уволены, а движимое имущество продано съ молотка тѣмъ, кто больше далъ за него.

Фёшеръ, наслѣдовавшая St.-Leu, велѣла сломать замокъ и 2-го января 1841 года умерла въ Англіи мучительной смертью отъ жабы. Ея душепри-

казчики никогда не обмолвиливались насчетъ вышеупомянутаго письма Луи Филиппа. Это письмо спасло ее отъ эшафота. Передъ смертью она пожелала облегчить свою совѣсть и предложила Орлеанамъ это письмо, но въ то время ея уже не боялись и предложеніе осталось безъ отвѣта. Не доказано, но не лишено вѣроятія, что у Фёшеръ находилось другое завѣщаніе Конде въ пользу графа Шамбора.

Въ четвертомъ томѣ исторіи Луи Филиппа, написанной Бильо де-Жеренвиллемъ, обстоятельно разсказано, какъ Фёшеръ съ помощью одного изъ многихъ своихъ любовниковъ салфеткой задушила стараго принца въ ночь съ 26-го на 27-е августа. На салфеткѣ оказались слѣды нюхательнаго табака. Затѣмъ трупъ съ обмотанной шелковымъ платкомъ шеей былъ привѣшенъ къ оконному крюку. Соучастникомъ Фёшеръ въ этомъ преступленіи былъ жандармскій унтеръ-офицеръ, находившійся скрытымъ въ теченіе дня въ комнатѣ духовника Бріана. Онъ до недавняго времени жилъ въ Парижѣ съ многочисленной семьей, занималъ видное положеніе, и это обстоятельство помѣшало опубликовать его имя. Какъ справедливо замѣчаетъ де-Жеренвилль, Луи Филиппъ, оставившій безнаказаннымъ убійцъ своего дяди, подавившій въ себѣ ради вопіющей алчности всякія естественныя чувства, неизгладимо запятналъ свое имя.

— **Изъ писемъ бывшей императрицы Евгеніи о франко-прусской войнѣ.**—Въ «Figaro» напечатано недавно нѣсколько писемъ бывшей французской императрицы Евгеніи, адресованныхъ ею послѣ 4-го сентября 1870 года ко многимъ лицамъ. Доставившій въ названную газету эти неизданныя письма, Пьеръ де Лано, предпосылаетъ имъ введеніе, въ которомъ, «на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній», высказывается насчетъ той роли, какую императрица играла въ критическіе дни. Онъ утверждаетъ, что императоръ былъ противъ войны, а императрица за войну. Наполеонъ разорвалъ уже одинъ декретъ, предложенный ему министрами, имѣвшій цѣлью объявленіе войны. Узнавъ объ этомъ, императрица пришла въ ярость. Она созвала новый совѣтъ министровъ, въ результатѣ котораго императору подали новый декретъ такого же содержанія. Наполеонъ только-что вздохнулъ-было спокойно, когда принцъ Гогенцолернскій отказался отъ кандидатуры на испанскій престолъ. Императоръ считалъ устраненною всякую опасность. А тутъ совѣтъ министровъ изобрѣлъ гарантіи, которыя слѣдовало потребовать отъ Пруссіи, чтобъ напередъ не повторялось ничего подобнаго. Послѣ бурной сцены между нимъ и императрицей, Наполеонъ подписалъ.

Въ этомъ нѣтъ ничего новаго, но Пьеръ де Лано приводитъ новый мотивъ, объясняющій причину, по которой императрица стояла такъ сильно за войну. Какъ истая испанка, она именно желала, во что́ бы то ни стало, помѣшать иностранному принцу занять испанскій престолъ, — причина столь же недостаточная, какъ и всѣ остальныя. Впослѣдствіи, во время несчастія, по словамъ Лано, она держала себя весьма мужественно и патріотично. Во время побѣга своего изъ Тюльери на простомъ извозчикѣ, она все время бормотала про себя: «Rêve creux!» (Пустая мечта!) Въ Седанской катастрофѣ есть также извѣстная доля ея вины, такъ какъ она не допускала возвращенія Наполеона въ Парижъ. «Или какъ побѣдитель», писала ему она, «или не надо совсѣмъ. Все или ничего!» Послѣ 4-го сентября она воздерживалась отъ всякаго политическаго и дипломатическаго вмѣшатель-

ства. Послѣ одного совѣщанія съ Персиньи, графъ Бернсдорфъ посовѣтовалъ ей, въ качествѣ регентши, вступить въ мирные переговоры съ Пруссіей, съ предложеніемъ уступить Страсбургъ съ окрестностями и вознагражденія въ милліардъ. Она отклонила это. Разсказывали тогда, что правительство Національной Обороны прислало ей за это благодарность. Но это несправедливо, она не имѣла никакихъ сношеній съ этими господами, и въ своихъ письмахъ протестуетъ противъ подобной инсинуаціи.

Изъ писемъ, опубликованныхъ «Figaro», едва ли не самое интересное относится къ 20-му сентября 1870 г. изъ Числьгёрста, гдѣ Евгенія пишетъ: «Знающимъ меня хорошо извѣстно, что для сбереженія арміи (дѣло касалось Меца), я готова пожертвовать своими интересами, но принесеніе въ жертву своихъ друзей я никогда не ставлю себѣ въ заслугу. Что касается дѣла 4-го сентября, скажу одно, что генералъ Трошю бросилъ меня, если это не было нѣчто еще худшее. Съ момента проникновенія въ палату, онъ не показывался въ Тюльери ни разу, такъ же какъ и министерство, за исключеніемъ трехъ министровъ, настаивавшихъ на моемъ отъѣздѣ, тогда какъ я хотѣла уѣхать только въ случаѣ осады Тюльери. Какъ это, такъ и нѣкоторыя другія вещи объяснятся въ будущемъ». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «Извѣстія изъ Франціи удручаютъ меня. Этотъ сумасбродный Гамбетта, кажется, хочетъ простой агитаціей возмѣстить столь необходимую организацію. Успѣхъ Лоарской арміи воротилъ намъ мужество, но я въ отчаяніи, что она предпринимаетъ наступленіе, которое можетъ уничтожить ее, какъ было подъ Седаномъ. Да хранитъ ее Богъ! Дѣло, повидимому, идетъ къ концу. Здѣшняя публика очень возбуждена, говорятъ о войнѣ, но надѣятся на конгрессъ». Нравственная личность императрицы Евгеніи, перешедшая въ исторію, едва ли, однако, измѣнится послѣ обнародованія этихъ писемъ.

— **Изъ воспоминаній «цареубійцы» о времени «Эмиръ» и «Андрофиловъ».** — Подъ такимъ рѣдкостнымъ заглавіемъ («Reminiscences of regicide edited from the original mss. of Sergent Marceau») дама, миссъ Симпсонъ, издала записки Сержена Марсо, который до самой смерти прозывался «цареубійцей» за то, что онъ въ качествѣ члена французскаго національнаго конвента вмѣстѣ съ большинствомъ подалъ голосъ за казнь Людовика XVI. Сынъ оружейнаго мастера, родившійся въ Шартрѣ, въ 1751 г., Серженъ на шестнадцатомъ году своей жизни явился въ Парижъ, съ цѣлью изучать граверное искусство. Полуобразованный, съ страшно развитымъ тщеславіемъ, дѣлавшимъ его особенно чувствительнымъ къ уколамъ общественнаго пренебреженія, считавшій «Contrat social» Руссо за новое, спасительное для человѣчества евангеліе, одаренный отъ природы необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и зычнымъ голосомъ, въ своемъ Парижскомъ кварталѣ, съ самаго начала революціи, онъ явился однимъ изъ безразсуднѣйшихъ ея агитаторовъ.

Членъ Якобинскаго клуба и впослѣдствіи членъ клуба Сапожниковъ, онъ дѣйствовалъ въ руку Робеспьера, Марата, Дантона и ускользнулъ отъ кроваваго конца исключительно потому, что за нимъ стояла эта грозная клика, да и самъ онъ, какъ только смекалъ, что дѣло не ладно, умѣлъ проворно и ловко скрываться. Призванный по довѣрію своихъ согражданъ въ Парижскій муниципалитетъ, онъ исполнялъ тамъ полицейскія должности и, безъ малѣйшаго стыда, сознается не только въ неисполненіи принятой имъ на себя обязанности—охранять королевскую семью отъ неистовой черни, но и

въ своихъ подстрекательствахъ къ гнуснымъ нападеніямъ 20-го іюня 1792 года (день, когда королю на голову надвинули якобинскую шапку) и 10-го августа того же года, къ штурму Тюльери и истребленію вѣрныхъ швейцарскихъ войскъ. Когда впослѣдствіи, въ изгнаніи, его мучили угрызенія совѣсти и презрѣніе современниковъ, онъ придумалъ себѣ извиненіе въ сочиненныхъ имъ самимъ басняхъ о предначертанныхъ антиреволюціонерныхъ планахъ короля, которые тотъ намѣревался-де привести въ исполненіе при помощи 200 (!), яко бы скрытыхъ въ Тюльери роялистовъ; утверждалъ, будто бы нападенія 10-го августа исходило отъ этой горсти людей и т. п.

Нагляднѣе всего обнаружился его кровожадный характеръ при голосованіи относительно судьбы короля. Рѣчь, произнесенная имъ по этому поводу, въ такой мѣрѣ соотвѣтствовала духу, какимъ былъ преисполненъ Національный Конвентъ, что она была напечатана и разослана по департаментамъ. Первый параграфъ, характеризующій ее въ достаточной степени, гласитъ нижеслѣдующее: «Граждане! На мнѣ лежалъ долгъ произнести смертный приговоръ надъ тѣми врагами свободы, которые боролись съ ея родиной. Такой же приговоръ произнесъ я, хотя и съ тяжелымъ сердцемъ, надъ лицами болѣе слабаго пола, которыя, быть можетъ, не совершили иного преступленія, кромѣ того, что выразили трогательное желаніе раздѣлить участь своихъ супруговъ. Я осудилъ на смерть дѣтей, въ большинствѣ виновныхъ лишь въ томъ, что они принесли себя въ жертву дѣтскому послушанію. Но что́ же дѣлать! Эти мѣры были необходимы для спасенія страны. Я исполнилъ эту печальную обязанность. Я произнесъ этотъ приговоръ также надъ тѣми, которые пытались возстановить монархію. Теперь мнѣ не остается ничего болѣе, какъ подать мой голосъ противъ клятвопреступнаго короля, предводителя заговорщиковъ».

Въ виду его «художественныхъ» занятій, гравированіемъ на мѣди, Конвентъ давалъ порученія Сержену, касающіяся области изящныхъ искусствъ. Такъ, онъ хвалится тѣмъ, что спасъ многія художественныя сокровища изъ королевскихъ дворцовъ, монастырей и церквей по провинціямъ, а также тѣмъ, что положилъ начало колекціямъ Луврскаго музея. Въ родной городъ Шартръ его привело также порученіе превратить тамошній великолѣпный соборъ въ Храмъ Разума. Его совѣту городъ обязанъ пощадой церковнаго убранства, обреченнаго, было, на уничтоженіе. Въ зависимости отъ современныхъ требованій произведены были соотвѣтственныя измѣненія. Статуя Любви превращена въ Равенство, статуя Вѣры обращена въ богиню Свободы, изъ статуи «Надежда» сдѣлана статуя «Торговли». Къ стопамъ одной статуи «Правды», по иниціативѣ Сержена, былъ принесенъ ящикъ съ отверстіемъ, назначеннымъ для принятія анонимныхъ доносовъ всякаго рода.

Съ закрытіемъ Національнаго Конвента, вредной дѣятельности Сержена, какъ законодателя и государственнаго человѣка, также пришелъ конецъ. Однако, слава его, какъ непримиримаго республиканца и революціонера, была такъ велика, что, когда, въ 1800 г., Бонапартъ приказалъ сдѣлать розыски опаснѣйшихъ членовъ Якобинскаго клуба прежняго времени, какъ зачинщиковъ покушенія на убійство при посредствѣ адской машины, Серженъ, - по словамъ его, безъ малѣйшаго къ тому основанія,—былъ также арестованъ по подозрѣнію и подвергнутъ допросу. Только благодаря ходатайству своей жены, онъ отдѣлался изгнаніемъ. Ему было 50 лѣтъ, когда онъ покинулъ свое отечество, не предчувствуя, что проживетъ за границей еще

46 лѣтъ. Въ видѣ курьеза, характернаго для того времени, нельзя не упомянуть, что жена его свое настоящее имя «Марія», какъ напоминавшее о почитаніи св. Дѣвы Маріи, по настроенію шартрскаго городского совѣта, измѣнила въ «Эмиру» и что самъ Серженъ при этомъ случаѣ получилъ имя «Андрофила».

— Останки Мирабо. По распоряженію парижскаго муниципальнаго совѣта, въ настоящее время на бывшемъ кладбищѣ Saint-Marcel въ Парижѣ производятся розыски останковъ Мирабо. Едва ли, однако, эти розыски могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Вотъ что извѣстно о томъ, куда дѣвались кости Мирабо.

По смерти Мирабо, Національное Собраніе на засѣданіи 4-го апрѣля 1791 года постановило:

1) Новое зданіе Св. Женевьевы отнынѣ назначается для средоточія останковъ великихъ людей;

2) Мирабо признанъ достойнымъ этой чести.

Погребеніе Мирабо совершено было 4-го апрѣля. Тѣло, вынесенное изъ дома покойнаго, въ улицѣ de la Chaussée d'Antin, въ 4 часа пополудни, прибыло въ Пантеонъ только въ полночь. Подобнаго кортежа, растянувшагося на цѣлую милю, никогда еще раньше не бывало. Тутъ были отряды кавалеріи, батальоны національной гвардіи, депутаціи отъ инвалидовъ, артиллеристовъ, штаба національной гвардіи, съ Ла-Файетомъ во главѣ. Но открытіе документовъ подтвердившихъ, что Мирабо получалъ отъ агентовъ Людовика XVI значительныя суммы, сдѣлало то, что народный кумиръ былъ низведенъ съ пьедестала. И 27-го ноября 1793 года, по предложенію депутата Шенье, Конвентъ постановилъ изъять тѣло Мирабо изъ Пантеона, и въ тотъ же день перенести туда останки Марата. 9-го термидора останки Мирабо были дѣйствительно изъяты изъ Пантеона. Люди, на которыхъ возложено было это дѣло, помѣстивъ кости великаго оратора въ деревянный гробъ, снесли его на кладбище Saint-Marcel, гдѣ въ то время хоронили казненныхъ преступниковъ, и зарыли его тамъ, не оставивъ на могилѣ никакого указанія. Въ настоящее время, неизвѣстно, на основаніи какихъ документовъ, завѣдующіе раскопками, утверждаютъ, что тѣло Мирабо должно покоиться въ свинцовомъ гробу.

— Происхожденіе и введеніе гильотины во Франціи. Обыкновенно полагаютъ, что гильотина изобрѣтена въ началѣ революціоннаго періода докторомъ Гильотиномъ, членомъ Конституціоннаго Собранія, что на долю этого доктора выпала печальная привилегія впервые примѣнить ее. Оба эти преданія, какъ оказывается, не подтверждаются дѣйствительными фактами. Извѣстно, что Гильотинъ, докторъ Парижскаго факультета, третьимъ сословіемъ этого города былъ избранъ въ депутаты Конституціоннаго Собранія въ 1789 г. Для приговоренныхъ къ смертной казни въ этотъ періодъ существовало два рода казни: повѣшеніе, считавшееся позорнымъ, пятнавшимъ честь фамиліи, и обезглавленіе, назначавшееся за государственныя преступленія, и не налагавшее никакого безчестія на родственниковъ казненнаго. Возставая противъ этого предразсудка, Гильотинъ предложилъ примѣненіе второго рода казни ко всѣмъ осужденнымъ, и предложеніе его было принято. Но Гильотинъ указалъ на машину, извѣстную издавна своею способностью причинять смерть, не вызывая страданій казненнаго. Въ Италіи этотъ инструментъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Ма-

pania». Гравированное изображеніе его находится въ трудѣ Бокки (1555 г.), а описаніе можно найти въ путешествіяхъ патера Лабата. Съ другой стороны на медальонѣ, написанномъ въ 1521 г., въ большомъ залѣ Нюренбергскаго отеля, изображена казнь Манлія Торквата посредствомъ машины, вполнѣ аналогичной съ гильотиной.

По Дюбуа (Recherches historiques sur les dernières années de Louis et de Vie d'Azur), Гильотинъ не былъ ни изобрѣтателемъ, ни инниціаторомъ по введенію этой машины во Францію, увѣковѣчившей его имя. Изобрѣтеніе ея приписываютъ Луи, непремѣнному секретарю королевской хирургической академіи.

По предложенію Гильотина, Конституціонное Собраніе, въ засѣданіи 1-го декабря 1789 года, единогласно приняло слѣдующую резолюцію: «Однородныя преступленія отнынѣ будутъ караемы однородныкъ наказаніемъ, не взирая на званіе и общественное положеніе преступниковъ». По утвержденіи этого пункта, Гильотинъ выразилъ желаніе, чтобы способъ пользованія топоромъ или мечемъ былъ измѣненъ въ смыслѣ облегченія участи осужденныхъ, дабы имъ не приходилось страшиться медлительности и неловкости палачей. Собраніе не высказалось опредѣленно по этому вопросу, который былъ снова поднятъ лишь въ 1792 г. Тогда Конституціонное Собраніе смѣнилось законодательнымъ, и Гильотинъ, не принадлежа къ числу выборныхъ, не имѣлъ болѣе повода офиціально заниматься этимъ вопросомъ. Даже напротивъ, попавъ въ разрядъ заподозрѣнныхъ, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, и не хватало немногаго, чтобы онъ на себѣ испыталъ дѣйствіе машины, изобрѣтеніе которой уже тогда приписывалось ему. По отбытіи своего наказанія, онъ снова отдался своимъ профессіональнымъ работамъ. По словамъ его біографа Фурнье, онъ былъ основателемъ французской медицинской академіи и умеръ 26-го мая, 1814 г., семидесяти шести лѣтъ.

Въ 1792 г. законодательная комиссія, избранная Собраніемъ, занялась вопросомъ о казни присужденныхъ къ смерти. Хирургія, имѣющая своей цѣлью спасать или продлевать жизнь, конечно, не имѣла отношенія къ этому вопросу. Но, принимая во вниманіе нѣкоторыя точки соприкосновенія казни съ этимъ искусствомъ, рѣшено было пригласить хирурга и обратиться за мотивированной, письменной консультаціей по этому вопросу къ непремѣнному секретарю хирургической академіи. «Странная консультація, дѣйствительно», замѣчаетъ Дюбуа, «доселѣ, навѣрное, никогда еще не предлагавшаяся тѣмъ, кто занимается врачебнымъ искусствомъ; желали обезглавленія, но съ соблюденіемъ трехъ условій: достоинства, ловкости и быстроты». Луи принялъ на себя возложенное порученіе: 20-го марта, 1792 г. прочтено было его донесеніе, напечанное въ «Moniteur'ѣ» 22-го марта.

Одинъ нѣмецкій механикъ, по имени Шмитъ, соорудилъ машину, по указаніямъ Луи, при помощи плотника; въ Висетрѣ были произведены опыты на которыхъ присутствовала комиссія, созванная департаментомъ, съ участіемъ Кабаниса, составившаго отчетъ объ этихъ опытахъ. Изъ этого отчета узнаемъ, что при косвенномъ направленіи лезвія ножа, принятаго Луи, безъ помощи тридцатифунтовой бабы, примѣнявшейся прежде, единственно грузомъ ножа, отрѣзало головы труповъ съ быстротою молніи и разсѣкало кости на-чисто. Мнѣніе Луи было представлено Національному Собранію 20-го марта 1792 г. Уже 25-го апрѣля, инструментъ впервые былъ примѣненъ при казни одного вора съ большихъ дорогъ, по имени Пеллетье, а 21-го августа имъ была произведена первая политическая казнь.

— Продажа съ аукціона королевской библіотеки. На дняхъ въ Парижѣ пошла съ молотка достопримѣчательная библіотека, на томахъ которой замѣтны сильные слѣды копоти и воды, а на переплетахъ значится иниціалъ J съ королевской короной, на внутренней же сторонѣ заглавной страницы имѣется штемпель «Библіотека гражданина Наполеона Бонапарта» («Bibliothèque du citoyen Napoléon Bonaparte»). Помѣтка «citoyen» явно свидѣтельствуетъ, что это собраніе книгъ относится ко времени второй республики, когда этимъ символомъ равенства любили украшать себя также и племянники великаго императора. Парижскія газеты объявили, что это была личная библіотека Наполеона III. Но это оказалось невѣрнымъ. Библіотека Наполеона III, состоявшая изъ 30,000—40,000 сочиненій, въ большинствѣ представлявшихъ собою посвященія или подношенія императору, и заключавшая въ себѣ собственно мало цѣнныхъ книгъ, сгорѣла до тла въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Одно сокровище погибло вмѣстѣ съ нею; это единственная рукопись какъ вышедшихъ въ свѣтъ, такъ и ненапечатанныхъ произведеній Ювенала Урсинскаго, совѣтника Карла VII, между прочимъ участвовавшаго также въ пересмотрѣ процесса Орлеанской Дѣвы. Фирма Дидо нѣкогда предлагала за эту рукопись 20,000 франковъ. Проданныя же нынѣ съ аукціона книги составляютъ часть наслѣдства короля Жерома Вестфальскаго и перешли отъ него во владѣніе сына его—принца Жерома Наполеона, обитавшаго, какъ извѣстно, во время имперіи, въ Пале-Роялѣ. Въ періодъ разгрома коммуны послѣдній также подвергся поджогу, но пожаръ этотъ успѣли потушить, причемъ закоптѣлыя и промокшія книги бросали на такъ называемый «Почетный Дворъ», а затѣмъ ихъ помѣстили въ кладовую. Когда же, послѣ кровавыхъ майскихъ дней, принцъ Наполеонъ, вернувшись въ столицу, поселился въ своемъ отелѣ на Boulevard Malesherbes, онъ снова вступилъ во владѣніе остатками своего движимаго имущества. По всей вѣроятности, отобравъ наиболѣе сохранившіяся книги, остальныя онъ раздарилъ своимъ слугамъ, которые продали ихъ на вѣсъ. Такимъ образомъ коллекція эта переходила изъ рукъ въ руки, пока недавно не попала въ зало Сильверста для аукціона. Главными покупателями явились букинисты, пріобрѣтшіе «бракъ» на вѣсъ.

— Письмо Вольтера о тщеславіи. Въ «Journal des Débats» напечатано письмо Вольтера, остававшееся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Оно писано къ скульптору дю-Тилле. Послѣдній задумалъ изготовить «Современный Парнасъ», т. е. рядъ рельефныхъ бюстовъ наиболѣе выдающихся писателей XVIII столѣтія и обратился къ Вольтеру съ просьбой о позволеніи включить его также въ это собраніе. Вольтеръ отправилъ ему нижеслѣдующій письменный отвѣтъ: «Потсдамъ, 8 го іюля 1752. Si bene vales, ego quidem non valeo. (Если ты здоровъ, то я также не здоровъ). Милостивый государь, мнѣ очень пріятно, что вы насчитываете за собою 76 лѣтъ и обладаете 14-ю іохами въ Парижѣ. Отъ всего сердца желаю дожить до дня вашего столѣтія и видѣть васъ владѣльцемъ ста іоховъ. Прекрасный садъ въ С-тъ Антуанскомъ предмѣстьѣ имѣетъ гораздо болѣе цѣны въ моихъ глазахъ, нежели два горныхъ хребта на Парнасѣ. Наслаждайтесь жизнью, если вамъ это еще доступно, и не пещитесь объ остальномъ, а именно о моемъ бюстѣ. Кажется, я уже какъ-то говорилъ вамъ, что, во всякомъ случаѣ, я—не «dignusque numismatis vultus» (у меня лицо, не стоющее чеканки) Моя голова совсѣмъ не годится для медальона. Голова моя не что иное, какъ

картофелина на журавлиной шеѣ. А такія вещи невозможны для рѣзьбы. И помимо этого, повѣрьте мнѣ, что при дворѣ великаго короля я научился презирать людское тщеславіе. Еще такъ недавно герцогиня Брауншвейгская настоятельно просила прусскаго короля прислать ей его статуэтку (во вкусѣ Людовика XIV, для площади Побѣдъ). Не имѣя возможности отказать, онъ приказалъ вылѣпить себя въ такомъ видѣ: его изобразили верхомъ на индюкѣ; на цоколѣ, вмѣсто четырехъ рабовъ, помѣстили четырехъ обезьянъ, корчившихъ рожи. Послѣ этого примѣра, согласитесь, тщеславіе для мелкихъ сошекъ не пристало. Если желаете, я пришлю вамъ одну изъ обезьянъ. Пожалуй, подписывайте подъ нею мое имя, я ничего не имѣю противъ этого. Будемъ, почтеннѣйшій мой, цѣнить только спокойствіе и здоровье. Все прочее есть дымъ, за которымъ я въ своей жизни гонялся уже слишкомъ много. Желаю вамъ прочнаго счастья, если таковое существуетъ. Имѣю честь, почтеннѣйшій, искреннѣйшимъ образомъ быть вашимъ преданнымъ и покорнымъ слугой. Вольтеръ».

— **Послѣдній автографъ и походная кровать Наполеона I.** 14-го іюля минуло 75 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Наполеонъ I въ Рошфорѣ сѣлъ на англійскій военный корабль «Northumberland», который отвозилъ его въ изгнаніе на островъ св. Елены. По этому поводу въ «Strassburg Post» появились «Страсбургскія воспоминанія о Наполеонѣ I». Изъ нихъ узнаемъ, что лишенный престола императоръ отправилъ тогда собственноручное письмо къ англійскому принцу-регенту. Этимъ письмомъ онъ отдавалъ себя подъ защиту англійскаго гостепріимства. Письмо было передано лично принцу-регенту генераломъ Гурго, флигель-адъютантомъ Наполеона. При Гурго находился уроженецъ Страсбурга — курьеръ, въ семьѣ котораго до сихъ поръ хранится автографъ знаменитаго императора. Автографъ, тѣмъ болѣе цѣненъ, что извѣстно весьма немного собственноручныхъ писемъ Наполеона. Его почеркъ былъ весьма неразборчивый и Наполеонъ самъ писалъ очень мало. Онъ диктовалъ своимъ секретарямъ и ставилъ только свою подпись подъ документами. Находящійся въ Страсбургѣ былъ послѣднимъ автографомъ, написаннымъ имъ во Франціи и составляетъ какъ бы лебединую пѣснь его. Текстъ слѣдующій: «Предоставленный издѣвательствамъ партій, раздѣляющимъ мою страну, и непріязненности крупнѣйшихъ державъ Европы, я окончилъ мою политическую карьеру, и, подобно Ѳемистоклу, отправляюсь на пепелище британскаго народа. Отдаю себя подъ охрану законовъ, какой я ожидаю отъ вашего высочества, какъ отъ наиболѣе сильнаго, твердаго и благороднаго изъ моихъ враговъ». Автографъ Наполеона неудобочитаемъ. Въ словахъ попадаются сокращенія и пропуски, а также орѳографическія ошибки.

Другая реликвія отъ Наполеона находилась долгое время въ семействѣ бывшаго шпіона императора, умершаго въ 50-хъ годахъ, Карла Шульмейстера. Это — желѣзная походная кровать Наполеона (lit de camp), которую торговецъ антикварными предметами Леви въ Страсбургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продавалъ, не находя любителя. Историческая кровать нѣкоторое время была выставлена въ «Musée des Souverains» въ Парижѣ и, наконецъ, лѣтомъ 1889 года продана какому-то французу за 200 франковъ. Sic transit gloria mundi!

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Европейская литература въ послѣдніе 12 мѣсяцевъ. — Историческія и научныя книги въ Польшѣ. — Романъ Пруса и польская беллетристика. — Чешская поэзія и романистика. — Конецъ вѣка во французской литературѣ. — Серьезныя книги и мемуары. — Бельгія. — Литературное движеніе въ Италіи. — Новыя произведенія въ Испаніи. — Новая политическая, но не литературная эра въ Германіи. — Упадокъ нѣмецкой поэзіи и беллетристики. — «Послѣдніе люди» Кирхбаха. — Литература Голландіи, Даніи и Норвегіи. — Греческія книги. — Окончаніе записокъ герцога Саксенъ-Кобурга въ англійскомъ переводѣ.

ЧЕРКЪ исторіи всемірной литературы за послѣдніе 12-ть мѣсяцевъ въ англійскомъ «Атенеумѣ» мы начнемъ съ Польши, о которой уже нѣсколько лѣтъ сряду пишетъ Адамъ Бѣльциковскій. Замѣчательныхъ историческихъ книгъ на польскомъ языкѣ въ послѣдній годъ вышло немного. Профессоръ Лиске издалъ второй томъ «Городскихъ и земельныхъ актовъ». Пекосинскій напечаталъ «Колекцію законовъ, привилегій и статутовъ города Кракова»; Яблоновскій издалъ «Географію и статистику Польши въ XIV столѣтіи». «Исторіею Польши» Богуславскаго поляки очень недовольны, видя въ ней, и совершенно напрасно, наклонность къ панславизму. Александръ Краушаръ напечаталъ «Дѣло Сигизмунда Унруга», любопытное по тѣмъ религіознымъ преслѣдованіямъ, какимъ подвергался этотъ шляхтичъ. Любопытны также «Картины быта и нравовъ шляхтичей и горожанъ Львова въ XVI и XVII столѣтіяхъ», бойко очерченныя Владиславомъ Лозинскимъ. Изъ серьезныхъ трудовъ въ другихъ областяхъ знаній замѣчательны: «Коммерческая географія» профессора Чернаго, разсказы о путешествіяхъ Станислава Бельцы за Аппенинами; «Голландія» и «Польская Силезія»; «Карпатская флора» Гуго Заполовича и въ особенности «Географическій словарь Польши въ ея древнѣйшемъ объемѣ», одно изъ важнѣйшихъ ученыхъ и литературныхъ предпріятій, достигшее уже десятаго тома. По-

слѣднее время докторъ Карловичъ началъ издавать въ Варшавѣ выдающійся географическій и этнографическій журналъ «Висла». Въ трехъ вышедшихъ доселѣ томахъ помѣщено много цѣнныхъ статей. Изъ чисто литературныхъ произведеній большимъ успѣхомъ пользуется у поляковъ трехтомный романъ Болеслава Пруса «Кукла» (Lalka). Романъ очень длиненъ, цѣль его недостаточно выяснена, типъ героя не вполнѣ естественъ, но всѣ эти недостатки вознаграждаются: мастерскимъ изображеніемъ второстепенныхъ и эпизодическихъ персонажей, умѣньемъ остроумнаго автора возбудить интересъ въ читателѣ вѣрною и мѣткою наблюдательностью. Изъ другихъ романовъ пользуются успѣхомъ: «Графъ Витольдъ» Станислава Ржевускаго, хотя и полный софистической морали; «Цвѣтокъ Лотоса» и «Онѣ», г-жи Родзевичъ. Самый плодовитый современный нувелистъ Владиміръ Лось, кромѣ множества повѣстей, написалъ двухтомный романъ «Графы Староста» и «Лидія русская», исторія изъ возстанія 1863 года. Нагоновскій, жившій все время въ Англіи, набросалъ оживленную картину нынѣшняго положенія Ирландіи. Изъ историческихъ романовъ лучшіе Теод. Ежа: «Христіанскій рыцарь» и «На разсвѣтѣ». Братъ покойнаго Крашевскаго, Каетанъ, изобразилъ въ романѣ «Бартоховскіе» жизнь и нравы XVIII столѣтія. «Деотима» (Ядвига Лущевская), написала романъ изъ XIII вѣка «Рабы татаръ». Мелкія повѣсти пишутъ Гомулицкій, Лентовскій, Балуцкій, Говалевичъ, Северъ, Дегасинскій и въ особенности Антонъ Мѣшковскій. Изъ дамъ извѣстны Остой, Запольская, Валерія Солецкая, недавно умершая, и Марія Валегорская. Изъ драматическихъ писателей славятся Эдуардъ Любовскій со своею комедіею «Женщины», Казиміръ Залѣвскій, Глинскій, г-жа Улановская и пр. Польскихъ поэтовъ также не мало, но они, по счастію, не наводняютъ родную литературу томами своихъ стихотвореній.

— Изъ другихъ славянскихъ литературъ «Атенеумъ» говоритъ только о чешской. Тамъ, на первомъ планѣ стоитъ изученіе народа и народная поэзія. Іосифъ Сладекъ издалъ томъ патріотическихъ произведеній подъ названіемъ «Деревенскія пѣсни и чешскіе сонеты»; подобный же сборникъ выпустила въ свѣтъ Ирма Гейслемъ. То же направленіе видно въ стихахъ Ружены Есенской и Ярослава Врхлицкаго, хотя послѣдніе стихи его отличаются пессимизмомъ. У двухъ молодыхъ поэтовъ Якубека и Халупы, недавно умершихъ,—все тотъ же національный духъ. Историческія повѣсти пишутъ Алоизъ Жирасекъ, Фердинандъ Шульцъ, Іосифъ Браунъ; послѣдній въ романѣ «Сивилла» изображаетъ бурное время Мюльбергскаго сраженія; Игнатій Германъ описываетъ пражскую жизнь. У Симачека въ его «Двухъ братьяхъ» такъ же какъ и у Каминскаго въ его «Ноктурно» чисто реалистическое направленіе. Въ Моравіи Вацлавъ Космачъ описываетъ жизнь помѣшанныхъ въ разсказѣ «Какъ Мартынъ Хлубинъ сходилъ съ ума». Габріеля Прейсъ издала третью часть своихъ «Картинъ Славоніи», Конрадъ издалъ далматскія сказки. Эммануилъ Бодсдехъ явился съ замѣчательной драмой «Генералъ безъ арміи», потомъ вдругъ исчезъ съ литературнаго поприща, вѣроятно покончивъ съ собою самоубійствомъ.

— Исторія французской литературы написана евреемъ, Іосифомъ Рейнахомъ. Этотъ безспорно даровитый писатель, какъ всѣ евреи ненавидящій Россію, начинаетъ свой обзоръ съ жалобы на то, что современные французы только и дѣлаютъ, что ни къ селу, ни къ городу, толкуютъ о концѣ вѣка; поэты ихъ ни о чемъ другомъ больше не пишутъ. Модный поэтъ Шан-

тавуадь говоритъ въ своихъ стансахъ: «всѣ боги пали, а человѣкъ, мрачный и страдающій подъ тяжестью жизни, бросаетъ идеалы для дѣйствительности». Поэтъ конечно возстаетъ противъ пессимизма и надѣется на возвращеніе настоящей поэзіи. Рейнахъ радуется совершенному упадку романтизма и даже тому, что подписка на памятникъ Виктору Гюго идетъ очень медленно, а посмертныя произведенія его встрѣчаются очень холодно публикою, особенно драмы его «Эми Робзаръ» и «Близнецы». Ученикъ Гюго, Вакери, написалъ драму въ стихахъ «Футура»: родъ продолженія Фауста, довольно слабое. Народныя пѣсни почти исчезли во Франціи и замѣнились вездѣ кафе-шантанными куплетами. Поэтому кстати явился въ свѣтъ сборникъ Жюльена Тьерсо: «Исторія народной пѣсни во Франціи». Рейнахъ недоволенъ появленіемъ второго тома корреспонденціи Флобера и дневника Стендаля. Обѣ эти книги представляютъ авторовъ ихъ въ весьма непривлекательномъ видѣ. О воспоминаніяхъ Галеви мы уже говорили въ нашей хроникѣ. Фердинандъ Фавръ сдѣлалъ себѣ спеціальность изъ описанія клерикальной жизни и въ его послѣднемъ произведеніи: «Мое призваніе», подмѣчены многія любопытныя черты религіознаго настроенія французскаго народа. Сотрудникъ «Journal des Débats» Вейсъ въ книгѣ своей: «Театръ и нравы» касается тысячи предметовъ и дѣлаетъ много мѣткихъ наблюденій. Вышли двѣ новыя біографіи Даламбера и Вовенарга; великій энциклопедистъ обрисованъ вѣрно, но холодно. По поводу парижской всемірной выставки Вогюэ написалъ цѣлое пророчество, въ которомъ предсказываетъ человѣчеству полное преобразованіе, вслѣдствіе новыхъ открытій и улучшеній въ области наукъ. Эрнестъ Вертенъ издалъ любопытное описаніе общества консульства и имперіи, съ мастерскими портретами Луціана Бонапарте и г-жи Кюстинъ. Жюльвиль оставилъ исторію театра во Франціи. Чисто беллетристическія произведенія дали Эмиль Золя въ своемъ мастерскомъ романѣ «Звѣрь-человѣкъ», Мопасанъ и Бурже въ своихъ повѣстяхъ, отличающихся чистымъ пессимизмомъ. Въ противоположномъ направленіи пишутъ Поль Аренъ, Поль Мерисъ, Франсуа Коппе (повѣсть «Генріета»), Альбертъ Дельпи, обрисовавшій жизнь разведенной жены. Военная литература очень обширна, но хотя судъ оправдалъ Декама и не призналъ его книгу «Унтеръ-офицеры» безнравственнымъ пасквилемъ, общественное мнѣніе возстало противъ ея автора и послѣдователей у него не нашлось. Ришпенъ доходитъ до крайностей реализма въ своемъ романѣ «Младшій братъ». Жоржъ Дюрюи въ своемъ романѣ «Конецъ мечтамъ» вывелъ на сцену Гамбету и другихъ политическихъ лицъ его времени.

Изъ историческихъ и серьезныхъ книгъ Рейнахъ называетъ два произведенія Жозефа Фавра: «Исторія Жанны Д'аркъ» и «Процесъ Жанны Д'аркъ»; новаго въ этихъ произведеніяхъ немного, за то капитанъ Маренъ написалъ изслѣдованіе «Жанна Д'аркъ какъ знатокъ стратегіи», а Лезинъ совершенно развѣнчалъ ее. Провенсъ въ своей книгѣ «Послѣдній законный король Франціи» отстаиваетъ права часовщика Наундорфа называться Людовикомъ XVII. О запискахъ Рошшуара мы также уже говорили. Подогрѣвая всѣми средствами своихъ приверженцевъ, орлеанисты издали письма герцога Орлеанскаго, отца графа Парижскаго и герцога Шартрскаго. Гаде, племянникъ члена Конвента, написалъ прекрасную исторію Жирондистовъ. Объ Африкѣ вышло два замѣчательныхъ труда: Бьюнона «Письма о Конго» и «Путешествіе къ озерамъ экваторіальной Африки» Виктора Жиро. Лю-

бопытна также книга Дютрейля «Центральная Азія, Тибетъ и пограничныя области».

— Въ Бельгіи на французскомъ языкѣ вышли два новыя изслѣдованія о Маріи Стюартъ профессора Фелипсона и Тервинъ де Летенова; оба автора стараются быть безпристрастными, но не рѣшаютъ спорныхъ историческихъ вопросовъ. Вышло также множество мѣстныхъ документовъ, относящихся къ исторіи края. Корреспонденція кардинала Гранвеля, политическія сношенія Нидерландовъ при Филиппѣ II. Изъ беллетристическихъ произведеній найдена повѣсть Генриха Консіанса, умершаго въ 1883 году, оконченная его дочерью на фламандскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ вышли: «Смерть графа Карла Добраго 1427 года» Юлія Планкерта, получившая правительственную премію.

— На итальянскомъ языкѣ вышелъ сборникъ одъ Кардуччи и стихотвореній Анунціо. Изъ прозаическихъ разсказовъ лучшіе: Матильды Серао «Adio Amore», Артура Колауте «Nihil», сенсаціонный романъ изъ русской жизни; Валькаренги разсказъ «Честная совѣсть», новеллы Арбиба, Реале, Марки, Кодемо. Изъ историческихъ книгъ вышли: записки Джусти, итальянскіе анналы Исаіи Герона, недавно умершаго, корреспонденціи Ріензи, «Беатриче Данте»—интересная монографія, написанная Карлотою Феррари по поводу шестисотлѣтія смерти Беатриче.

— Въ Испаніи болѣе цѣнныя произведенія являются только съ помощью правительства. Королевская историческая академія издала новый томъ документовъ о внѣшнихъ сношеніяхъ и памфлетъ «Тайныя сношенія между Каталоніей и Франціей въ XVII вѣкѣ», пѣсни короля Альфонса Мудраго; новыя изданія Лопе де-Веги—21 томъ только однихъ избранныхъ сочиненій; музыкальный Кансіонеро XV и XVI вѣковъ, недавно найденный въ частной библіотекѣ, неполный, но очень интересный. Много иллюстрированныхъ капитально-художественныхъ изданій «Артистическая и монументальная Испанія»—громадный трудъ, который будетъ состоять изъ четырехъ частей: современное испанское искусство, испанскіе музеи, архитектура и скульптура, ковры и гербы. Вышло два тома историческаго словаря профессоровъ искусствъ въ Испаніи; въ первомъ заключается болѣе двухсотъ біографій художниковъ отъ XI столѣтія до конца XVI-го: второй томъ доходитъ до буквы Л; третій закончится XVIII столѣтіемъ. Мануель Данвиля издалъ «Изгнаніе испанскихъ мавровъ». Множество книгъ вышло о Колумбѣ, въ виду приближающагося четырехсотлѣтія открытія Америки. Фернандесъ Дуро доказываетъ въ своемъ изслѣдованіи, что Колумбъ былъ прирожденный генуезецъ.

— Робертъ Циммерманъ начинаетъ свое обозрѣніе нѣмецкой литературы съ патетическаго напоминанія, что Германія вступила въ новую эру. Старый палатный меръ Оттонъ великій удалился въ свой старый саксонскій лѣсъ близь Лауенбурга; мѣсто его замѣнилъ молодой самодержецъ, странствованія котораго напоминаютъ морскіе походы норманновъ. Программу своего правленія онъ выразилъ въ морскомъ приказѣ: «впередъ на всѣхъ парахъ! курсъ тотъ же самый». Хорошо, если бы такъ же шла литература какъ и политика, прибавляетъ Циммерманъ, но не видитъ этого въ современныхъ нѣмецкихъ произведеніяхъ. Этическаго идеализма нѣтъ и въ поминѣ, а замѣнилъ его нездоровый реализмъ. Naturalia non sunt turpia, говорятъ нѣмецкіе натуралисты, но худшее-то и выдаютъ за настоящій на-

турализмъ. Поэзія Шиллера и Гейне обратилась въ нѣмецкія императорскія пѣсни Мёзера, посвященныя памяти Вильгельма I и Фридриха III. Это можетъ быть очень патріотично, но не поэтично. Стефанъ Миловъ издалъ новый томъ поэмъ подъ заглавіемъ «Съ юга». Авторъ «Пѣсни человѣчества» и «Нѣмецкихъ элегій» доказалъ только, что пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана не придаетъ поэзіи образовъ, какіе нѣкогда возникали подъ перомъ Шиллера отъ идей Канта. Нѣсколько лучше новыя стихотворенія Адольфа Вильбранта, Зейделя и Альберта Путкаммера. Графиня Вильгельмина Викенбургъ-Альмази, авторъ «Асторги» и «Марины», много обѣщавшая, умерла неожиданно. Людвигъ Франкель праздновалъ стихами свою восьмидесятилѣтнюю годовщину. Юлій Гроссе издалъ поэму въ двѣнадцати книгахъ «Folcram-leid». Это исторія германской жизни отъ революціи 1848 года до основанія германской имперіи 1870 года. Поэма написана въ формѣ байроновскаго «Донъ-Жуана», но весьма серьезна и дидактична. Со смертью Людвига Анценгрубера нѣмецкій народный театръ потерялъ своего лучшаго представителя. Ему не удалось увидѣть на сценѣ свою послѣднюю драму «Пятно на чести», взятую прямо изъ жизни народа. Изъ жизни средняго класса большой успѣхъ имѣли драмы Рихарда Фосса «Ева» и «Александра». Даровитому, но слишкомъ самолюбивому и самонадѣянному писателю Карлу Блейбтрей пришло въ голову написать драму «Фаустъ дѣла». Самое названіе пьесы отзывается претензіями какъ почти все, что создаетъ авторъ: героемъ пьесы является Кромвель. Вольфгангъ Кирхбахъ написалъ фантастическую драму «Послѣдніе люди». Дѣйствіе происходитъ при концѣ существованія земли, солнце уже погасло, наступаетъ ледяной періодъ, человѣчество вымираетъ; остается одна пара, непомнящая прошлаго и считающая себя первыми людьми, назначенными для водворенія новой расы и будущей цивилизаціи. Но когда потухшее солнце доказываетъ имъ, что для земли все уже кончено, ихъ утѣшаетъ мысль, что зарождаются новые міры, а съ ними и новыя поколѣнія живыхъ существъ. Мемуары, изданные Шпильгагеномъ, доказываютъ, что этотъ романистъ исписался окончательно. Послѣдній библейскій романъ Эберса изъ рукъ вонъ слабъ. Но романъ Вильбранта «Сыновья Адама» интересенъ помимо его символическаго значенія. Историческій романъ Феликса Дана «Конецъ міра» изображаетъ патетическія картины 1000 года по Р. Х. Изъ чисто-историческихъ книгъ «Основаніе германской имперіи Вильгельмомъ I» Зибеля—скорѣе придворная, чѣмъ дѣйствительная исторія, такъ же какъ и записки герцога Саксенъ-Кобургскаго. Философъ и критикъ Морицъ Карьеръ издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ «Картины жизни». Робертъ Гамерлингъ написалъ также передъ смертью свои записки. Изданы еще нѣсколько писемъ Гёте, которыя кажется будутъ отыскиваться безъ конца. Безъ философіи также, конечно, не обходится: Риль издалъ «Критицизмъ, основанный на Кантѣ», а Вундтъ—систему философіи, основанную на опытѣ.

— На голландскомъ языкѣ вышелъ второй томъ изслѣдованія доктора Пирсена «Умственные предшественники». Первый томъ былъ посвященъ Востоку, вышедшій нынѣ—Греціи. Въ эллинскомъ духѣ авторъ не видитъ традиціонной ясности міровоззрѣнія, а только спокойствіе, не лишенное печали. Въ одахъ Пиндара видитъ онъ историческое значеніе, выражающееся въ мистическихъ отношеніяхъ между прошедшимъ и настоящимъ; въ Геродотѣ признаются историческія свѣдѣнія, Ѳукидидъ возвышаетъ исторію до

науки, Ксенофонтъ является первымъ біографомъ. Кальфъ написалъ исторію голландской литературы въ XVI вѣкѣ. По смерти профессора Іориссена явились его «Историческіе листки», относящіеся къ XVII и XVIII столѣтію. Тутъ замѣчательны характеристики Кромвеля, Генриха IV-го, Ментенонъ, Маріи Антуанеты. Въ исторіи Амстердама Тергоува описано постыдное поведеніе этого города во время осады Гарлема, въ 1573 году, и объясняется эгоизмомъ правительства, желавшаго захватить власть въ свои руки. Много книгъ вышло о Нидерландской Индіи и южной Африкѣ. Недурную книгу о Россіи издалъ Вестероуенъ-ван-Метеренъ. Ван-Ньювландъ написалъ историческую повѣсть «Арсламбей». Лучшія писательницы повѣстей: Марія Боддертъ и Вернескеркенъ. Смерть поэта Тенкате сильно опечалила голландцевъ.

— Въ Даніи лучшія повѣсти являются въ сборникѣ Понтопидана. Еврей Брандесъ оказался такимъ же плохимъ драматургомъ какъ и эстетикомъ. Молодой историкъ Мейргардъ описалъ періодъ іюньской конституціи 1849 года. Это обстоятельная политическая исторія Даніи отъ 1848 по 1866 годъ. Ту же эпоху изображаетъ Александръ Торсе въ своей исторіи царствованія Фредерика VII. Триге продолжаетъ исторію Даніи въ нашемъ столѣтіи, а Тропльсрундъ издалъ десятый томъ своей «Исторіи Даніи и Норвегіи въ концѣ XVI вѣка». Замѣчательны «Жизнь въ Копенгагенѣ въ древнее и настоящее время» Давидсена. Біографіи Расмуса, Эребое, Юнга Штиллинга, Торвальдсена.

— Въ Норвегіи большія надежды возбуждаютъ разсказы Якова Гильдича «Подъ норвежскимъ флагомъ», полные свѣжаго юмора, такъ рѣдко появляющагося въ наше время. Въ строго серьезномъ тонѣ написаны повѣсти «Философъ» и «Дѣти доктора Ванга». Начинающій писатель Христенсенъ издалъ замѣчательный разсказъ «Свободомыслящій». Анна Мюнхъ издала книгу «Женщины, разсказъ объ ихъ историческомъ развитіи». Бьернстенъ-Бьернсонъ написалъ замѣчательную повѣсть «По Божьему пути». За повѣсть Арна-Гарборга «Съ матерью» свободная сцена берлинскаго театра выдала премію въ двѣ тысячи марокъ. Филологъ Софусъ Буле издалъ серію этюдовъ о легендахъ сѣверныхъ боговъ и героевъ. Магнусъ—исторію Финмарка.

— Двѣ греческія книги возбудили вниманіе публики: одна написана Діонисіемъ Теріаносомъ и заключаетъ въ себѣ біографію Корая. Въ обширномъ предисловіи изложено вліяніе этого дѣятеля на воспитаніе народа. Другая книга содержитъ въ себѣ изслѣдованіе Теодора Пападеметропопулоса о теоріи Эразма относительно греческаго произношенія. Изъ древнихъ писателей вышли новыя изданія Гезіода и Страбона. Константинъ Папаригопулосъ издалъ томъ замѣчательныхъ историческихъ этюдовъ, между которыми выдаются мемуары Карайскаки, героя войны за независимость. Паспатисъ написалъ исторію взятія Константинополя турками. Франгудисъ—исторію Кипра. Вышли также записки адмирала Сахтуриса и новыя изданія мемуаровъ Колокотрони. Корфіотъ Теотокисъ издалъ изслѣдованіе возстанія 1800—1802 года. Меруцосъ описалъ «Христіанскія Аѳины». Аспандонисъ издалъ ихъ иллюстрированное описаніе. Въ то же время греки усердно занимаются переводами классическихъ произведеній и издали «Гамлета» шекспировскую «Бурю» и проч.

— На англійскомъ языкѣ вышло въ послѣднее время окончаніе мемуа-

ровъ герцога Эрнеста II Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. И здѣсь, какъ въ первыхъ томахъ, авторъ гораздо о большемъ умалчиваетъ, чѣмъ говоритъ. А тутъ еще переводчикъ Андрее безъ церемоніи выбрасываетъ цѣлые пассажи, «не имѣющіе большого интереса для англійскихъ читателей». Еще въ 1859 году, говоритъ авторъ, послѣ присоединенія къ Франціи Савойи и Ниццы, Европа была увѣрена въ захватѣ баварскаго Палатината, который, повидимому, не прочь былъ отъ этого. Наполеонъ III самъ удивлялся своей легкой побѣдѣ надъ Австріей, попытка которой въ 1863 году составить во Франкфуртѣ конгрессъ князей на защиту Германіи, не удалась отъ нежеланія Пруссіи принять въ немъ участіе. Отвѣтственность, за объявленіе войны Пруссіей, не должна, по мнѣнію герцога, падать единственно на Наполеона III, который казался какимъ-то болѣзненнымъ мученикомъ среди окружающихъ его интригановъ. Идея учрежденія Германской имперіи всецѣло принадлежитъ Фридриху III, какъ это ясно видно и изъ его мемуаровъ, и Бисмаркъ напрасно старается присвоить ее себѣ post factum. Мемуары герцога оканчиваются Франкфуртскимъ договоромъ.

СМѢСЬ

ОЛУТОРАВѢКОВОЙ юбилей церкви Св. Сампсонія. Стопятидесятилѣтіе Сампсоніевской церкви было отпраздновано 19-го августа съ большою торжественностью. Еще съ утра церковь и ограду стали наполнять толпы молящихся. Всѣхъ интересовали старыя могильныя плиты древняго кладбища вокругъ храма. На многихъ изъ нихъ надписи стерлись отъ времени, а на другихъ уцѣлѣли вполнѣ, и всѣ онѣ относятся къ семисотымъ годамъ. Нѣкоторые камни совсѣмъ вросли въ землю. Не менѣе любопытныхъ привлекала къ себѣ и икона петровскихъ временъ, написанная на камнѣ. Въ старомъ, нынѣ несуществующемъ храмѣ она помѣщалась на горнемъ мѣстѣ; теперь же она стоитъ въ оградѣ, въ маленькой часовенкѣ построенной на мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ. Этотъ памятникъ старины хотя и открытъ, но достаточно защищенъ отъ дождя и снѣга, помѣщенный въ глубокой нишѣ часовни. Изъ церкви къ памятнику Артемія Волынскаго былъ протянутъ по землѣ коверъ-дорожка. У самаго памятника былъ приготовленъ для панихиды на коврѣ покрытый парчею столъ, установленный массою горѣвшихъ свѣчей. Публика вслухъ читала выгравированныя на таблицѣ памятника стихи изъ «Думы» Рылѣева: «Тамъ, за оградой, у воротъ почіетъ прахъ врага Бирона». Послѣ обѣдни настоятель Сампсоніевской церкви о. А. Владимірскій сказалъ слово, въ которомъ вкратцѣ сообщилъ исторію храма со дня его основанія. Во время богослуженія священнодѣйствіе совершалось съ старинной церковной утварью, сохранившейся до настоящаго времени: потиръ, дискосъ и евангеліе. Послѣ литургіи былъ пропѣтъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ подняты хоругви и иконы святыхъ, въ честь которыхъ освящены придѣлы церкви, и крестный ходъ, сопровождаемый массою молящихся, направился изъ храма къ памятнику Волынскаго. У этой исторической могилы была отслужена преосвященнымъ панихида по всѣмъ покойникамъ, похороненнымъ здѣсь со времени основанія кладбища. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Отъ древняго кладбища уцѣлѣло около тридцати надгробныхъ плитъ. Остальная часть кладбища давно уже застроена домами. По окончаніи панихиды почетнымъ прихожанамъ въ квартирѣ настоятеля церкви былъ предложенъ завтракъ. Ко дню праздника была издана отдѣльная брошюра, излагающая исторію церкви за полтора столѣтія.

Находка въ Керчи. Въ Керчи сдѣлана замѣчательная археологическая находка. При рытьѣ могилы, на новомъ городскомъ кладбищѣ, рабочіе натолкнулись на какой-то предметъ; при дальнѣйшихъ раскопкахъ былъ открытъ саркофагъ, сдѣланный изъ кипарисоваго дерева. Въ настоящее время этотъ саркофагъ находится въ керченскомъ городскомъ музеѣ. Онъ сохранился прекрасно, причемъ почти вся рѣзная работа нисколько не пострадала отъ времени. Внутри саркофага находился гробъ, въ которомъ былъ найденъ черепъ, повидимому, молодой дѣвушки, съ совершенно сохранившимися волосами; тутъ же находились многочисленные остатки различныхъ матерій, глиняные и стеклянные сосуды. По мнѣнію профессора Куликовскаго, эта находка относится къ очень древнему времени—отъ 1,500 до 1,800 лѣтъ до нашихъ дней. Саркофагъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ реставрированъ и черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ найденными въ немъ предметами, будетъ отправленъ въ Петербургъ, въ Эрмитажъ, гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ особый отдѣлъ керченскихъ древностей.

Кладъ въ Ярославлѣ. Изъ Ярославля сообщаютъ, что близъ церкви Іоанна Предтечи, на землѣ, арендуемой у города купцомъ Иконниковымъ, въ первыхъ числахъ августа найденъ цѣнный археологическій кладъ. Онъ состоитъ изъ множества серебряныхъ мелкихъ монетъ—«копѣекъ». Тогдашній, т. е. начала XVII вѣка, металлъ въ монетахъ былъ очень высокой пробы, и потому почти всѣ монеты сохранились очень хорошо. Чеканка ихъ по большей части относится къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳедоровича Романова, но есть и другія, болѣе рѣдкія, копѣйки,—временъ Бориса Годунова и самозванца Димитрія перваго. Весь кладъ, по вѣсу, равняется отъ 4 до 5 фунтовъ чистаго серебра. Вѣроятно, болѣе рѣдкія монеты поступятъ въ ярославскую ученую архивную комиссію, съ вознагражденіемъ кладооткрывателей, вологодскихъ крестьянъ изъ дер. Индохова, А. Ефимова и Василія Назарова. Бѣдняки чуть съума не сошли отъ радости и роздали множество «копѣечекъ» разнымъ попрашайкамъ. которые, конечно, доставили ихъ не въ ученую комиссію, а въ ближайшій кабакъ.

Старинный колоколъ. Въ Москву привезенъ интересный остатокъ древней старины. Это—древній колоколъ, привезенный изъ Полтавы на московскій колокольный заводъ Финляндскаго. Къ сожалѣнію, этотъ рѣдкій памятникъ сѣдой старины предполагается въ скоромъ времени (около 20-хъ чиселъ мѣсяца) перелить въ другой. Древность колокола свидѣтельствуется, кромѣ подписи, ведущей вокругъ верхней его части славянскими литерами: «рокъ ахче (1695) м-ца ноемврія дня і (10)», еще слѣдующимъ, имѣющимся на немъ своеобразнымъ стихотвореніемъ:

«Вроку тысяча шѣсть сотъ девя(т)десятъ пято(м)
«По славно(м) кази керменѣ о(т)хр-тіанъ взято(м)
«Зац-рства россихъ ц-рей Петра Іоанна
«Загетманства Мазепы Б-гомъ дарована
«Сооруженъ е(т)звонъ сей ко Б-жіеи славѣ
«До храму Успеніа во градѣ Полтавѣ
«Изъ штукъ казикарменски арма(т)ныхъ здобычныхъ
«З прида(т)ками матеріи до звона приличныхъ
«Кошто(м) его мл-ти воиска полстевски(х) вожа
«Павла Семеновича Украины стража».

—

«Дѣлалъ Аѳанасии Петровичъ».

Надо замѣтить. что колоколъ этотъ небезъизвѣстенъ публикѣ и о немъ существуетъ даже небольшая литература. Такъ, въ «Русской Старинѣ» за 1876 г., въ книгѣ 10-й, помѣщена была замѣтка о немъ С. П. Стеблинъ-Каменскаго, подъ заглавіемъ «Старинный колоколъ въ Полтавѣ». Въ замѣткѣ авторъ, старожилъ города Полтавы, сообщаетъ, что колоколъ этотъ былъ снятъ въ началѣ апрѣля 1876 г. со 2-го этажа колокольни соборной

каѳедральной церкви въ Полтавѣ, висѣвшій тамъ безъ употребленія по причинѣ продольной трещины—сверху до низу,—давно въ немъ произведенной временемъ или неосторожностью. Колоколъ этотъ снятъ съ цѣлью перелить его въ другой, такого же размѣра и вѣса. Описавъ затѣмъ его внѣшній видъ и приведя съ нѣкоторыми искаженіями указанное выше стихотвореніе, г. Стеблинъ въ заключеніе сообщаетъ слухъ, будто хотятъ поставить колоколъ на пьедесталѣ за оградой церковной, въ видѣ памятника мѣстной старины. Наконецъ, имѣется брошюра, изданная въ 1883 г. въ Полтавѣ, подъ заглавіемъ «Свѣдѣнія о колоколѣ Казикерманѣ» г. Бучневича. Все это, однако, какъ видно, не спасло рѣдкій памятникъ отъ уничтоженія. Управленіе московскаго историческаго музея, съ своей стороны, поспѣшило сдѣлать эстампажъ съ надписей на колоколѣ, а съ остальныхъ изображеній (напр., съ одной стороны изображенъ гербъ — сердце, имѣющее посрединѣ четырехконечный крестъ; изъ сердца протянута кверху рука, держащая горизонтально стрѣлу. Съ другой стороны изображена икона Божіей Матери въ ростъ и т. д.)—копіи изъ гипса. Историческій музей, къ сожалѣнію, не располагаетъ достаточными средствами для пріобрѣтенія въ собственность столь цѣннаго памятника. Впрочемъ, если бы средства и нашлись, въ данномъ случаѣ, для пріобрѣтенія колокола существуетъ серьезное препятствіе въ видѣ прямого и категорическаго распоряженія настоятеля Успенскаго собора, сдѣланнаго заводу г. Финляндскаго, объ отливкѣ новаго колокола изъ этого древняго. Распоряженіе это мотивируется тѣмъ, что въ казикерменскомъ колоколѣ имѣется, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и вышеупомянутая замѣтка г. Стеблинъ-Каменскаго въ «Русской Старинѣ», до 27 пудовъ серебра. Неужели въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ средствъ спасти отъ погибели этотъ замѣчательный колоколъ?

Столѣтіе города Николаева. 29-го, 30-го и 31-го августа жители города Николаева (Херсонской губерніи) праздновали 100-лѣтній юбилей существованія своего города. Ко дню юбилея издана на городскія средства историческая записка. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ городъ Николаевъ со своими окрестностями — хуторами: Авериномъ, Водопоемъ, Мѣшковымъ, Погорѣловымъ и Кулебякинымъ, въ древнія времена находилась греческая колонія «Ольвія», а при устьѣ рѣки Ингула (на лѣвомъ берегу котораго лежитъ Николаевъ) начинались поселенія скиѳовъ, занимавшихся землепашествомъ. Въ средніе вѣка эта мѣстность опустѣла, хотя литовскіе князья и причисляли ее къ своимъ владѣніямъ и здѣсь находился ихъ поселокъ «Витовтова Баня». Послѣ уничтоженія Сѣчи въ 1775 году, скрестности Николаева стали заселяться разными поселенцами, изъ которыхъ одинъ, по происхожденію иностранецъ—Фабра, основалъ на мѣстѣ нынѣшняго Николаева хуторъ; но въ 1787 году этотъ хуторъ былъ разрушенъ турками. Однако, въ слѣдующемъ же году здѣсь явилось новое поселеніе и, по приказанію Потемкина, послѣ взятія Очакова, 6-го декабря 1788 г., оказалось необходимымъ для дѣятельнаго продолженія войны, усилить возможно болѣе составъ военнаго парусаго флота, а потому, кромѣ главной херсонской верфи, потребовалось устроить и другую. Въ виду этого отъ князя Потемкина послѣдовало на имя Фалѣева распоряженіе отъ 3-го марта 1789 года: «заложить на устьѣ рѣки Ингула корабельную верфь, заготовить тамъ лѣсу на два корабля и всѣхъ мастеровыхъ съ днѣпровскихъ временныхъ верфей обратить на это строеніе». По изготовленіи перваго эллинга былъ заложенъ на немъ 5-го января 1790 года 54 пушечный фрегатъ «Св. Николай», который 25-го августа того же года былъ спущенъ на воду. Этотъ новый военноорской портъ (Николаевъ) предназначался княземъ Потемкинымъ для пребыванія въ немъ постояннаго гребного флота. Послѣ смерти князя Потемкина, 5-го октября 1891 года, главнокомандующимъ флотомъ былъ назначенъ вице-адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, которому было поручено составить

штаты этого флота. Штаты были утверждены въ 1794 году. По этимъ штатамъ главному управленію черноморскаго вѣдомства опредѣлено быть въ Николаевѣ, вслѣдствіе чего всѣ административныя морскія учрежденія были переведены изъ Херсона въ Николаевъ. Затѣмъ, при его преемникѣ. адміралѣ М. П. Лазаревѣ херсонское портовое управленіе было окончательно упразднено. Во время этого послѣдняго администратора, въ Николаевѣ перестроено было вновь все адмиралтейство, въ самомъ же городѣ построено нѣсколько капитальныхъ зданій для надобностей морского вѣдомства, а судостроеніе производилось съ такимъ успѣхомъ и дѣятельностью, что къ началу крымской войны въ черноморскомъ флотѣ состояло болѣе 120 военныхъ парусныхъ и паровыхъ судовъ разныхъ наименованій.

Въ 1792 году здѣсь было до 3,300 жителей. Въ 1794 г. сюда переведено было изъ города Херсона главное управленіе черноморскаго флота. Въ 1795 г. Николаевскій уѣздъ былъ упраздненъ, а городъ былъ приписанъ къ Херсонскому уѣзду. Въ 1796 г. городъ вошелъ въ составъ Новороссійской губерніи, но въ 1802 году самъ сталъ губернскимъ во вновь образованной губерніи Николаевской. Однако, въ Николаевѣ не оказалось помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и потому губернія была открыта въ Херсонѣ, а въ Николаевѣ осталось главное управленіе черноморскаго флота. Нынѣ Николаевъ находится въ вѣдѣніи военнаго губернатора. Всѣхъ жителей въ немъ насчитывается до 67 тысячъ человѣкъ.

Городища Вятской губерніи. Чудскія поселенія, въ предѣлахъ теперешней Вятской губерніи, основаны уже въ болгарскій періодъ исторіи Камскаго побережья. Чудскія городища помѣщаются почти всегда на остромъ, высокомъ мысу, огражденномъ съ доступной стороны двумя, тремя валами, а съ крутой—нѣсколькими уступами въ предохраненіе отъ осыпанія. До сихъ поръ извѣстно 17 чепецкихъ городищъ, изъ которыхъ самыя богатыя по находкамъ—Ичнакарское и Дондыкарское, а самое любопытное по внѣшнему устройству — Учка-Карское. Г. Первухинъ насчитываетъ въ Глазовскомъ уѣздѣ еще 84 старинныхъ поселенія. Находки встрѣчаются случайно, при распахиваніи полей. Такъ въ 1867 г. былъ найденъ кувшинъ съ 1,500 арабскими монетами VI—IX вѣка, а въ 1884 г.—406 арабскихъ монетъ, два серебряныхъ блюда съ изображеніемъ Діаны и тропическихъ животныхъ, ожерелье, перстни и проч. Позднѣйшими по времени монетами оказываются золото-ордынскія XIV вѣка. Гг. Первухинымъ и Шатровымъ открыто много древностей по верховьямъ Камы и по рѣкѣ Колычу. Самою интересною находкою считается небольшая плита съ чудскими письменами. Изъ случайныхъ находокъ въ помянутой мѣстности слѣдуетъ отмѣтить серебряное блюдо съ изображеніемъ дракона.

Болгарскими городищами признаются только два—Елабужское и Граханское. Первое, очень значительное по величинѣ, расположено близъ города Елабуги и, судя по находкамъ, было занято въ разное время племенами разныхъ культуръ; оно пріобрѣло, главнымъ образомъ, извѣстность благодаря находившемуся на немъ загадочному строенію, въ которомъ отъ 1614 по 1764 г. помѣщался православный монастырь; теперь отъ этого строенія осталась одна круглая башня. Первоначальное назначеніе этого сооруженія остается совершенно неизвѣстнымъ. Его стѣны сложены изъ крупныхъ круглыхъ камней, скрѣпленныхъ отличнымъ известковымъ цементомъ; постройка имѣла въ длину не болѣе 8 саж. и въ вышину не болѣе двухъ; башни—круглыя, полукруглыя и одна, южная, трехугольная, діаметромъ въ 2 сажени, не превышали 3-хъ саж. въ вышину.

Граханское городище, расположенное на самомъ устьѣ рѣки Вятки, ни внѣшнимъ видомъ, ни находками не замѣчательно. Недалеко отъ него находятся еще 2 городища, не похожія ни на какія другія камскія укрѣпленія, а именно Котловская Шишка, защищенная нѣсколькими валами, изъ кото-

рыхъ одинъ, очень массивный въ 90 саж. длины, и Котловское городище, по внѣшности незамѣчательное, но содержащее черепки безъ раковинной примѣси, совершенно отличные отъ черепковъ другихъ камскихъ городищъ. По правому берегу Камы, между ея притоками Сивою и Ижемъ, расположены на выдающихся по высотѣ пунктахъ 27 старинныхъ сарапульскихъ городищъ.

Отъ Непряхинскаго, Машкарскаго, Карапулинскаго и Юнгинскаго городищъ видны окрестности и теченіе Камы на огромное разстояніе. По размѣрамъ они значительно больше костеносныхъ и скорѣе подходятъ къ чудскимъ чепецкимъ. Во всѣхъ сарапульскихъ городищахъ культурный слой весьма незначителенъ: они не даютъ почти никакихъ другихъ находокъ, кромѣ черепковъ и расколотыхъ костей. Богаче другихъ городища Чагодинское и Пыргицинское, отличающіяся и внѣшнимъ своимъ устройствомъ. Надо полагать, что они находились подъ постороннимъ вліяніемъ или принадлежали другой народности, чѣмъ остальныя. Металлическихъ вещей здѣсь не обнаружено.

Остатки глиняной посуды очень сходны по составу, формѣ и орнаменту. Различіе если и встрѣчается, то несущественное: въ однихъ городищахъ, попадаются черепки изъ темной глины съ крупной раковинною примѣсью, въ другихъ — съ мелкою, въ третьихъ — совсѣмъ безъ примѣси. По составу выдѣляются только черепки съ Верхне-Малиновскаго городища, очень крѣпкіе и звонкіе, вообще же они слабы, рыхлы и потому рѣдко попадаются въ большихъ кускахъ. Кромѣ черепковъ, на сарапульскихъ городищахъ часто попадаются галька и расколотыя, въ измельченномъ видѣ, кости свиньи, птицъ, медвѣдя, кабана и друг. На городищахъ: Яроматскомъ, Непряхинскомъ и Машкарскомъ найдены обломки раковинъ. Къ западу отъ сарапульскихъ, какъ бы составляя вторую линію, идутъ нѣсколько городищъ по рр. Ижу и Тоймѣ. Изъ нихъ Бобья-Углинское городище — единственное въ своемъ родѣ — длинное, уѣзкое, посрединѣ съ тремя кольцеобразными валами.

По затѣйливому разнообразію въ укрѣпленіи и нѣкоторымъ признакамъ, эти городища подходятъ къ сарапульскимъ, но существуетъ различіе въ находимыхъ тамъ черепкахъ. На высокой террасѣ у с. Пьяный-Боръ находятся два древнихъ могильника. Многія находки въ нихъ такъ характерны, что онѣ выдѣляются изъ ряда другихъ камско-вятскихъ древностей. Здѣсь найдены наколчужники, въ видѣ эполетообразныхъ щитковъ, съ веревчатыми украшеніями, пряжки изъ широкихъ и тонкихъ круглыхъ пластинокъ, снабженныхъ язычкомъ для застегиванія; сережки совершенно конусообразныя или витыя изъ проволоки въ видѣ спирали; поясные наборы изъ круглыхъ или продолговатыхъ пластинокъ съ зубчатыми украшеніями или рожками, обращенными въ разныя стороны; стеклянныя и вылитыя изъ бронзы дынеобразныя бусы, небольшія тонкія подвѣски къ ожерелью, мѣдныя стрѣлки, и т. п. Между тѣмъ, здѣсь же найдены черепки, напрясла и обломки жерновъ совершенно такіе же, какъ на сосѣднихъ сарапульскихъ городищахъ, Конечно, эти послѣдніе предметы могли остаться отъ поселенія, расположившагося на могильникахъ много позднѣе, чѣмъ они были насыпаны.

Пижемскія чудскія древности, хотя во многомъ аналогичны съ чепецкими-чудскими же, но имѣютъ сравнительно позднѣйшее происхожденіе: бронзовыя подвѣски почти не успѣли окислиться, нѣкоторыя украшенія стали вырабатываться нѣсколько иначе; на послѣднихъ замѣтно уже вотское вліяніе. Самое названіе одолемъ, т. е. по-черемиски «вотское жилье», показываетъ—кому принадлежали семь городищъ, вновь открытыхъ въ глубинѣ Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ. Они малы, плохо укрѣплены, а по безсодержательности и черепкамъ вполнѣ аналогичны съ средне-вятскими. Любопытною позднѣйшею древностію является здѣсь утесъ въ долинѣ р. Немды,

на которомъ черемисы нѣкогда соорудили храмъ своему богу Чимбулату. Къ одолемамъ же слѣдуетъ причислить малмыжскій могильникъ, извѣстный подъ названіемъ «Атамановы кости». Древнихъ могилъ, кладбищъ, и отдѣльныхъ находокъ при средне-вятскихъ городищахъ совсѣмъ неизвѣстно, если не считать небольшого мѣднаго идола—изображеніе бога грома, несущагося въ обнаженномъ видѣ на облакѣ, изъ котораго сочится дождь; въ одной рукѣ у бога пукъ пламени, въ другой—труба. Самыя же средне-вятскія городища, расположенныя между устьями Маломы и Ченца, по находкамъ ближе всего подходятъ къ сарапульскимъ-камскимъ и, вѣроятно, были сооружены вотяками, когда послѣднихъ стали вытѣснять съ Пижмы пришедшіе съ Волги черемисы. Изъ этихъ 12 городищъ три: орловское, маломское и тикулицкое, должно быть, принадлежали уже русскимъ.

Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности академика и директора Императорской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, исполнится 7 октября. Въ этотъ день, въ лицѣ Аѳанасія Ѳедоровича, русская наука будетъ привѣтствовать одного изъ выдающихся и почтеннѣйшихъ своихъ представителей. Привѣтствія, несомнѣнно, будутъ самыя искреннія потому, что едва ли найдется русскій ученый, которому А. Ѳ. не оказалъ бы какой-нибудь услуги. Занимая съ 1844 г. должность библіотекаря рукописнаго отдѣленія, съ 1868 помощника, а съ 1882 г. директора отечественнаго книгохранилища, А. Ѳ., всегда доступный, предупредительный, ровный въ обращеніи, щедро дѣлился со всѣми занимающимися своими обширными и разносторонними знаніями. Сохранивъ до преклоннаго возроста необычайную подвижность и поразительную память, А. Ѳ. соединилъ въ себѣ всѣ достоинства дѣйствительнаго ученаго и добрѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка. Его ученые труды доставили ему почетное мѣсто въ наукѣ, а личныя качества пріобрѣли уваженіе и признательность всѣхъ, кто имѣлъ надобность прибѣгать къ его совѣтамъ и указаніямъ. Въ слѣдующей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы помѣстимъ портретъ А. Ѳ. и обзоръ его полувѣковой, полезной дѣятельности.

Двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности ординарнаго профессора Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова исполнится 9 октября 1890 г. Сынъ причетника села Вознесенскаго, Макарьевскаго уѣзда, Костромской губ., Николай Ив. Петровъ родился въ 1840 г. и по окончаніи образованія въ Макарьевскомъ дух. училищѣ и Костромской дух. семинаріи, поступилъ въ Кіевскую дух. академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1865 году. Въ томъ же году, 9 октября, онъ былъ назначенъ преподавателемъ Волынской дух. семинаріи, а въ 1870 году опредѣленъ доцентомъ въ Кіевскую дух. академію по каѳедрѣ словесности. Въ 1871 г. избранъ экстраординарнымъ, а въ 1876 г. ординарнымъ профессоромъ той же академіи, предварительно получивъ, въ 1875 г., степень доктора богословія. Литературные труды его по исторіи, археологіи, словесности и т. п. многочисленны,—ихъ насчитывается около 300. Нѣкоторыя изъ нихъ удостоены премій, какъ напр. «Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка» (напечатанные въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881—1883 гг.)—малой уваровской и «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ»—полной макарьевской. Знатокъ церковной археологіи и неутомимый труженикъ, Н. И. Петровъ выказалъ особенную дѣятельность въ организаціи при Кіевскомъ церковно-археологическомъ обществѣ научнаго музея, находящагося въ его ближайшемъ завѣдываніи.

† 26-го іюля, въ Екатеринославѣ выдающійся дѣятель всего юга Россіи, верхнеднѣпровскій дворянинъ **Александръ Николаевичъ Поль.** Съ этимъ именемъ связано возникновеніе и усиленіе въ Екатеринославской губерніи горно-добывающей и горно-заводской промышленности. Воспитаніе свое покойный получилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Дерптскомъ университетѣ и, возвратясь на родину почти юношей, началъ служить ея интересамъ, какъ

нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ. Въ 1860 году онъ былъ избранъ депутатомъ (второго призыва) губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Со введеніемъ земскихъ учрежденій выступилъ на поприщѣ земско-общественной дѣятельности, которой служилъ не однимъ только словомъ. Онъ былъ губернскимъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьей, попечителемъ Екатеринославскаго реальнаго училища (по единогласному избранію города и земства) и членомъ отъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда въ совѣтѣ Маріинской дворянской гимназіи. Въ этомъ званіи онъ предлагалъ на прошлогоднемъ дворянскомъ собраніи закрыть доступъ въ дворянскую гимназію еврейкамъ въ виду ихъ вреднаго вліянія на христіанокъ-ученицъ. Значеніе экономической дѣятельности покойнаго можно охарактеризовать словами, сказанными на прошлогоднемъ дворянскомъ собраніи, при обсужденіи вопроса о сооруженіи А. Н. памятника еще при жизни. Поль оживилъ край и воскресилъ городъ Екатеринославъ. И дѣйствительно, нѣтъ ни одной отрасли экономической жизни, въ которую покойный не вложилъ бы своей энергіи и неутомимости. Онъ открылъ въ Криворожьѣ богатыя желѣзныя руды, исходатайствовалъ проведеніе Екатерининской желѣзной дороги, сдѣлалъ починъ возникновенію въ губерніи частныхъ желѣзодѣлательныхъ и металургическихъ заводовъ, началъ разработку шиферныхъ ломокъ, призвалъ къ жизни многія отрасли кустарной дѣятельности. Поль былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Екатеринослава, и имя его вырѣзано на почетной мраморной доскѣ въ думской залѣ. Губернское дворянство на прошлогоднемъ собраніи постановило повѣсить въ залѣ дворянскаго или, какъ здѣсь называютъ, «Потемкинскаго» дворца портретъ Ал. Ник. во весь ростъ и учредить стипендіи его имени въ Петербургскомъ горномъ институтѣ и въ Екатеринославскомъ реальномъ училищѣ. Чествовало покойнаго и дворянство его родного Верхнеднѣпровскаго уѣзда и губернское земство, безсмѣннымъ гласнымъ котораго онъ состоялъ съ самаго начала. Общественныя дѣла и экономическая дѣятельность не мѣшали покойному предаваться его любимымъ научно-археологическимъ изслѣдованіямъ: такъ, онъ основалъ въ Екатеринославѣ на свои средства археологическій музей, оцѣненный свыше 150 т. рублей; кромѣ того, помѣстилъ нѣсколько статей въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей», дѣйствительнымъ членомъ котораго состоялъ около 20 лѣтъ. Вообще безъ преувеличенія можно сказать, что потеря Поля для Екатеринославскаго края, а пожалуй, и для всего юга Россіи трудно замѣнима.

† 3-го августа, въ Петербургѣ преподаватель пѣнія **Андрей Ивановичъ Евгеніевъ**. Покойный въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ служилъ при императорскихъ театрахъ, разучивалъ съ хоромъ многія оперы и проходилъ партіи съ представителями и представительницами итальянской оперы, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ уроки пѣнія въ театральномъ училищѣ. Имѣя массу учениковъ и ученицъ, Анд. Ив. открылъ на Васильевскомъ островѣ музыкальные классы. Въ числѣ его музыкальныхъ педагогическихъ сочиненій извѣстна «Школа фортепіанной игры».

† 15-го августа, въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, 79-ти лѣтъ **Іосифъ Викентьевичъ Бентковскій**, дѣятель въ области статистики, этнографіи и исторіи, секретарь мѣстнаго статистическаго комитета, редакторъ неофиціальной части мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей и членъ многихъ обществъ. Покойный около 40 лѣтъ занимался изслѣдованіями малоизвѣстныхъ районовъ сѣвернаго Кавказа и оказалъ большую услугу русской наукѣ всестороннею разработкою экономической и бытовой стороны, отзываясь на всѣ касающіеся края вопросы и законодательныя мѣры. Имъ напечатано также множество изслѣдованій и статей въ періодическихъ изданіяхъ, освѣщающихъ ходъ колонизаціи обширнаго края; передъ самою смертью І. В. былъ занятъ печатаніемъ большого труда по исторіи казачьихъ поселеній.

† 18-го августа, въ Одессѣ, въ городской больницѣ, послѣ тяжкой болѣзни, 50-ти лѣтъ **Сергѣй Ивановичъ Сычевскій**, сотрудникъ «Одесскаго Вѣстника». Покойный первоначальное образованіе получилъ въ петербургской 3-й классической гимназіи, затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ 1861 году Сычевскій покинулъ университетъ до окончанія курса и переселился въ Херсонъ, гдѣ зачисленъ на службу въ губернское правленіе и до 1865 года былъ редакторомъ неофиціальнаго отдѣла «Херсонскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», затѣмъ редакторомъ «Сборника Херсонскаго Земства». Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ завѣдывалъ литературно-критическимъ отдѣломъ. Кромѣ того, покойный сотрудничалъ въ «Правдѣ» и въ «Одесскомъ Листкѣ».

† Въ своемъ имѣніи Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи, скоропостижно помощникъ начальника главнаго управленія почтъ и телеграфовъ генералъ-маіоръ **Степанъ Александровичъ Усовъ**, оказавшій существенныя услуги при преобразованіи почтово-телеграфнаго вѣдомства. С. А. Усовъ происходилъ изъ московскихъ дворянъ: родился въ 1825 г. Въ 1845 г. вступилъ въ службу фейерверкеромъ въ 1-ю легкую батарею 16-й артилерійской бригады и въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ прапорщики. По окончаніи курса наукъ въ старшемъ офицерскомъ классѣ Михайловскаго артилерійскаго училища (что нынѣ академія), онъ былъ переведенъ въ № 1-й батарею л.-гв. конной артилеріи. Затѣмъ, служилъ репетиторомъ при Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ и при петербургскомъ ракетномъ заведеніи. Изъ этого заведенія онъ былъ командированъ на кавказскій театръ военныхъ дѣйствій во время восточной войны 1853—1856 гг., куда прибылъ уже съ боевою опытностью, пріобрѣтенною во время венгерской кампаніи. По окончаніи войны въ чинѣ капитана, Усовъ былъ посланъ за границу для наблюденія за изготовленіемъ машины для ракетнаго заведенія. Въ 1862 назначенъ совѣщательнымъ членомъ временного артилерійскаго комитета, а вскорѣ затѣмъ редакторомъ «Артиллерійскаго Журнала». Въ 1863 г. онъ вышелъ, по болѣзни, въ отставку; и въ 1867 г. вновь вступилъ на службу по гвардейской пѣшей артилеріи и опредѣленъ штатнымъ преподавателемъ Михайловской артилерійской академіи и училища; въ 1871 г. избранъ членомъ конференціи означенной академіи, а 1874 г. назначенъ помощникомъ завѣдывающаго военною химическою лабораторіею. Въ 1880 г. С. А. Усовъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по полевой конной артилеріи. Въ 1884 г. откомандированъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

† Въ Екатеринославлѣ управляющій Екатеринославскимъ отдѣленіемъ Дворянскаго банка **Иванъ Васильевичъ Андріяшевъ**. Покойный родился въ 1850 г. въ Виленской губерніи, воспитывался въ Виленской гимназіи и окончилъ курсъ кандидатомъ университета св. Владиміра. Онъ служилъ секретаремъ Кіевскаго губернскаго статистическаго комитета около 3-хъ лѣтъ, потомъ занялъ мѣсто мирового посредника, былъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ въ Ковенской и Кіевской губерніяхъ. Еще студентомъ и все позднѣйшее время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Кіевлянина», въ которомъ велъ постоянный отдѣлъ. Въ 1885 г. имъ напечатана брошюра къ вопросу о государственномъ поземельномъ кредитѣ въ Россіи (по поводу Дворянскаго банка), которая и доставила ему знакомство съ представителями открывавшаго тогда свою дѣятельность Дворянскаго банка и назначеніе управляющимъ соединеннаго управленія Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ въ Витебскѣ. При присоединеніи отдѣленія къ Смоленску въ 1888 г., онъ былъ переведенъ управляющимъ отдѣленіемъ Дворянскаго банка въ Екатеринославъ, гдѣ и оставался до своей кончины.

† 26-го августа въ Харьковѣ почетный членъ Харьковскаго универси-

тета, профессоръ **Иванъ Васильевичъ (Холмогоровъ) Платоновъ**, 87 лѣтъ. Ученикъ Сперанскаго, покойный былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета по открытіи его. Воспитанникъ Виѳанской семинаріи и затѣмъ Московской духовной академіи, онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ извѣстными учеными братьями Баршевыми для изученія юридическихъ наукъ. Послѣ двухъ-годичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ Петербургскомъ университетѣ, онъ слушалъ лекціи по той же спеціальности въ Берлинскомъ университетѣ и въ свободное время, по приглашенію, обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова и преподавалъ русскій языкъ принцу прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, И. В. Платоновъ въ 1835 г. опредѣленъ въ Харьковскій университетъ преподавателемъ по каѳедрѣ законовъ благоустройства и благочинія государственнаго и въ 1837 г. получилъ званіе экстра-ординарнаго, а въ 1848 г. ординарнаго профессора. Въ 1856 г. за выслугою срока оставилъ службу при университетѣ изъ принципа, чтобы дать мѣсто молодымъ силамъ. Покойный прожилъ въ Харьковѣ 65 лѣтъ и пользовался всеобщею любовью.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Некрологъ А. П. Сердобольскаго.

Въ августовской книжкѣ 1890 года «Историческаго Вѣстника» въ «Смѣси» помѣщенъ, заимствованный изъ газетъ, краткій некрологъ А. П. Сердобольскаго. Въ этомъ некрологѣ есть весьма существенныя ошибки и даже самая фамилія Сердобольскаго искажена и онъ названъ Сердобскимъ. Зная покойнаго съ его дѣтства и бывъ въ послѣднія 18 лѣтъ его сослуживцемъ, я рѣшаюсь исправить эти ошибки, и прошу редакцію напечатать слѣдующій правдивый некрологъ Сердобольскаго.

Александръ Павловичъ Сердобольскій съ дѣтства отличался живыми способностями, любознательностью и, можно сказать, горячностью къ ученью. Рано лишившись отца, онъ учился въ разныхъ заведеніяхъ и губерніяхъ: въ Чембарскомъ уѣздномъ училищѣ Пензенской губерніи, въ 3 и 4 классахъ Пермской гимназіи, въ 5 и 6 классахъ 2-й Казанской гимназіи. Отсюда, за болѣзнью, вышелъ и 1½ года готовился къ университету дома. Въ 1858 году, выдержалъ экзаменъ въ Казанскій университетъ и поступилъ на историко-филологическій факультетъ. Въ 1860 году, по переходѣ въ 3-й курсъ университета, онъ уѣхалъ изъ Казани въ Москву, но тамъ ему не удалось поступить въ университетъ и онъ кое-какъ пробивался перепиской для студентовъ и профессоровъ и отчасти уроками. Въ 1861 году, графъ Л. Н. Толстой, какъ мировой посредникъ Крапивенскаго уѣзда Тульской губерніи, открылъ школу въ своемъ имѣніи Ясная Поляна и пріѣхалъ въ Москву пригласить студентовъ въ учителя къ себѣ. А. П. С. сдѣлался такимъ образомъ народнымъ учителемъ въ одной изъ школъ мирового участка графа, и писалъ статейки въ его журналѣ «Ясная Поляна». Здѣсь у него пробудился интересъ къ народной школѣ. Ясно-Полянская школьная группа скоро распалась и покойному пришлось искать пропитанія въ разныхъ занятіяхъ: онъ въ Тулѣ занимался въ акцизномъ управленіи, у одного изъ акцизныхъ чиновниковъ обучалъ дѣтей, потомъ въ разныхъ мѣстахъ управлялъ имѣніями. Въ 1866 или въ 1867 году онъ отправился въ Уфу на службу по акцизному управленію Уфимской и Оренбургской губерній, былъ командированъ въ Илецкую Защиту для надзора за выработкой соли, потомъ назначенъ помощникомъ акцизнаго надзирателя въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи. Но ак-

цизная служба, кромѣ тягостныхъ разъѣздовъ зимою, нерѣдко въ бураны, нисколько не отвѣчала духовнымъ потребностямъ и интересамъ А. П. Сердобольскаго, которые всѣ были на сторонѣ народнаго образованія. Когда въ 1872 году ему представился случай поступить преподавателемъ его любимаго предмета,—русскаго языка,—въ Казанскую инородческую семинарію, онъ съ радостью принялъ эту должность, и посвятилъ все свое время, весь трудъ и всѣ мысли и заботы семинаріи. Его живой и симпатичный характеръ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ юмора сближалъ его съ учениками. Во время поступленія въ семинарію мальчиковъ А. П. С. зорко всматривался въ проявленіе ихъ характера, на экзаменахъ старался опредѣлить даровитость юношей, а во время ученья ихъ старался внушить ученикамъ своимъ стремленіе къ простотѣ и естественности. Такъ какъ въ семинаріи были ученики разныхъ племенъ—русскіе и инородцы, то онъ приспособлялъ свое преподаваніе къ пониманію тѣхъ и другихъ. Въ то же время онъ слѣдилъ за поступками и жизнью воспитанниковъ, и складъ семинаріи весьма много обязанъ покойному, хотя онъ не былъ собственно завѣдующимъ ею, а только однимъ изъ преподавателей. А. П. С. 15 лѣтъ исполнялъ обязанности церковнаго старосты въ домашней семинарской церкви, которую содержалъ опрятно и благолѣпно. Болѣе 10 лѣтъ онъ завѣдывалъ семинарскими мастерскими и расширилъ ихъ помѣщеніе и обогатилъ инвентарь. Наконецъ, отъ усиленныхъ трудовъ А. П. С. разстроилъ свое здоровье, между прочимъ сталъ подвергаться сердцебіенію и другимъ тяжкимъ недугамъ, которые затрудняли ежедневные по нѣскольку часовъ уроки въ семинаріи, и онъ перешелъ на должность инспектора народныхъ училищъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, надѣясь найти тамъ облегченіе своимъ болѣзнямъ въ болѣе подвижной жизни и прекрасномъ климатѣ. Съ обычною своею энергіей и живостью занялся онъ обозрѣніемъ училищъ въ уѣздѣ, особенно обратилъ вниманіе на инородцевъ—чувашъ и мордву, школы которыхъ не вполнѣ были благоустроены. Онъ обозрѣлъ всѣ училища уѣзда и въ нихъ скоро начала пробуждаться жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что покойный поставилъ бы школы Ставропольскаго уѣзда на отличную степень; но Богъ не продлилъ его вѣка. Онъ тяжко захворалъ; болѣлъ долго, наконецъ, пріѣхалъ въ Казань, чтобы здѣсь пользоваться ближайшею и постоянною помощію ученыхъ врачей, гдѣ и скончался 6 мая.

Приведу задушевнѣйшее письмо протоіерея Александра Михайловича Преображенскаго, съ которымъ А. П. С. познакомился въ прошлую осень, былъ восхищенъ его уроками по Закону Божію и душевно сблизился съ нимъ. Вскорѣ послѣ смерти А. П. я увѣдомилъ о. протоіерея, и вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ отъ 13 мая, очень вѣрно и глубоко охарактиризовавъ покойнаго:

«Ваше печальное извѣстіе о преставленіи Александра Павловича Сердобольскаго глубоко огорчило меня. Странно, оно произвело на меня впечатлѣніе какого-то осиротѣнія. Наше знакомство было очень кратковременно, но довольно достаточно, чтобы я полюбилъ его искренно, сроднился съ нимъ; онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могъ говорить по душѣ: и рѣчи обильныя, и споровъ никакихъ нѣтъ. Мнѣ чуялось, что это не техникъ и не механикъ въ пониманіи дѣла воспитанія и обученія, а художникъ въ лучшемъ смыслѣ. Онъ любилъ не дѣло только (такихъ людей еще можно найти), а онъ любилъ дѣло въ живыхъ людяхъ. На сколько я могъ понять, онъ методъ не отдѣлялъ отъ живой, чувствующей личности, а его оцѣнивалъ по его всецѣлой примѣнимости ко всей душѣ, къ его образованію, какъ разумнаго Божія созданія. Лишиться обществу такого человѣка дѣйствительное горе, лишеніе, хотя самое чувство любви къ преставившемуся подсказываетъ, что въ этомъ горѣ есть доля самолюбія. Онъ былъ страдалецъ, хотя это выражалъ весьма благодушно. Мнѣ вспоминается его

разсказъ 4 января: «что я могу сдѣлать? Я вѣдь одинъ, да и притомъ больной человѣкъ». Въ этихъ немногихъ словахъ слышалась вся скорбь его души, которая, можетъ быть, еще больше содѣйствовала развитію его тѣлесной болѣзни. На Пасхѣ, 3 апрѣля, онъ мнѣ писалъ: «Знать, приходится разстаться съ жизнью, не сдѣлавши въ ней ничего полезнаго». Его требованія отъ себя настолько были высоки надъ общимъ уровнемъ дѣла, что вся благородная его дѣятельность представлялась ему не полезною. По своей прекрасной душѣ онъ былъ изъ числа тѣхъ Евангельскихъ алчущихъ и жаждущихъ, которымъ одно насыщеніе—въ вѣчномъ блаженствѣ. Для Александра Павловича кончина земной жизни есть удовлетвореніе, или, по выраженію Апостола, пріобрѣтеніе. Въ проповѣди въ день Вознесенія Господня мнѣ пришлось сопоставить разлуку Апостоловъ съ Господомъ и ихъ радость. Я это вспомнилъ, прочитавши ваше письмо; какъ-то сами собой связались эти мысли въ моемъ умѣ. Буду молиться объ Александрѣ Павловичѣ, исполняя этимъ потребность любви, и буду радоваться его вѣчному вѣнцу за земныя страданія. Господь, всегда благоволившій ко мнѣ, далъ мнѣ счастіе познакомиться съ Александромъ Павловичемъ, — и онъ всегда будетъ со мной, и, думаю, воспоминаніе о немъ не умретъ во многихъ сердцахъ. Мечталъ я повидаться съ нимъ, отправляясь 29 апрѣля въ Самару; но въ этотъ день его уже увезли изъ Ставрополя, и мнѣ сказывали, что его провожали всѣ ученики. Долго они не увидятъ такого инспектора».

Въ теченіе службы А. П. Сердобольскаго въ семинаріи имъ составлены и изданы слѣдующія сочиненія: «О русскомъ глаголѣ (приноровительно къ инородцамъ). Казань 1876. Таблица образованія глагольныхъ формъ и спряженія глаголовъ. Подобная таблица предлоговъ».—«Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ статей». Въ двухъ частяхъ. Казань. 1878.—«Книжка для чтенія въ начальныхъ школахъ». Сначала это было небольшое извлеченіе изъ «Сборника», потомъ эта «Книжка» имѣла еще три изданія, которыя постоянно пополнялись и совершенствовались. Послѣднее, четвертое изданіе 1885 года, напечатано съ рисунками. Это четвертое изданіе сдѣлано въ четырехъ видахъ: для учителей съ прибавкой дидактическихъ статей, для учащихся—безъ нихъ, для русскихъ школъ съ картинками и безъ удареній; для православныхъ инородцевъ съ картинками и съ удареніями, для магометанъ съ удареніями и безъ картинокъ. Н. Ильминскій.

Изучая группу островов извѣстныхъ подъ именемъ Киреги (Kiregi), Стэнли нарушилъ покой цѣлой колоніи крокодиловъ. «При каждомъ шагѣ,—говоритъ онъ,—слышно было, какъ испуганный крокодилъ стремительно бросался въ озеро». Въ одномъ изъ гнѣздъ онъ нашелъ 58 яицъ,—любопытное доказательство того, до какой степени плодовито безобразнѣйшее африканское пресмыкающееся. Къ счастію обитателей островов, эти яица любимая пища многихъ другихъ животныхъ, а именно мониторовъ, которые водятся въ большихъ массахъ вдоль залива Спика. Стэнли убилъ одного изъ нихъ, имѣвшаго 7 футовъ длины.

Гиппопотамы и крокодилы были не единственные враги, которыхъ приходилось страшиться. Нѣкоторые изъ туземцевъ относились дружелюбно, другіе враждебно и не легко было распознать, не есть ли и любезное ихъ отношеніе только обманъ, чтобы поймать въ свою западню.

Туземцы озера Викторія-Ніанца оказались способными на всякій обманъ, на всякія хитрости, на всякія низости, необходимыя, по ихъ мнѣнію, для веденія войны. «Убивай своего врага, все равно какъ, но лишь бы онъ былъ убитъ!»—таково ихъ правило.

Туземцы, напримѣръ, встрѣчали экспедицію съ фруктами, съ провизіей, съ разными товарами, но едва лодка подплывала, они бросали въ нее камнями, пускали въ нее стрѣлы. Иногда цѣлая флотилія лодокъ выѣзжала навстрѣчу съ разными заявленіями дружбы и выраженіями сочувствія. Первая лодка была нагружена сладкимъ картофелемъ и покуда шли переговоры и торги, остальныя окружали «Lady Alice», и заявленіе дружбы быстро смѣнялось насиліемъ, и туземцы завладѣвали ею. Сперва они дрались изъ-за подарковъ, съ жадностью отнимали все, что могли, затѣмъ становились все болѣе притязательными и назойливыми. Когда Стэнли видѣлъ, что дѣло заходило слишкомъ далеко, то по озеру раздавался выстрѣлъ его двухстволки, двѣ или три лодки бывали разбиты и прежде чѣмъ непріятель могъ опомниться, «Lady Alice» уплывала, и коварный врагъ оставался на полмили позади.

Такія приключенія случались нерѣдко на берегахъ Вавумы (Wavuma) въ сѣверной части озера, съ которою Стэнли пришлось впослѣдствіи ознакомиться ближе.

Послѣ путешествія, полнаго приключеній, лодка прибыла къ берегамъ Уганды (Uganda), одной изъ самыхъ обширныхъ областей Экваторіальной Африки.

Это королевство или имперія занимаетъ весь сѣверный берегъ озера. Кромѣ самой територіи Уганда, подъ управленіемъ короля Уганды находится большое число областей Центральной Африки, изъ нихъ нѣкоторыя на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ столицы.

Стэнли прибылъ въ благопріятное время. Король Мтеза (Mtesa) обладалъ очень страннымъ и сложнымъ характеромъ. Спикъ, видѣвшій его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, свидѣтельствуетъ, что это своевольный, упрямый и чрезвычайно жестокій человѣкъ. Въ то время это былъ достойный преемникъ своего отца Суны (Suna), Нерона Центральной Африки, который, говорятъ, однажды, зарѣзалъ тридцать тысячъ невольниковъ. Умирая, этотъ правитель назначилъ своимъ наслѣдникомъ своего любимаго сына Каюмбу (Kajumba), молодого человѣка геркулесовскаго сложенія, съ репутаціей звѣря. Вся знать королевства, боясь, чтобы его царствованіе не было похоже на только-что окончившееся, отрѣшила Каюмбу отъ престола и избрала въ короли его брата Мтезу (Mtesa), который въ то время былъ мальчикомъ чрезвычайно милаго характера, съ большими красивыми глазами. Но вскорѣ имъ пришлось раскаяться въ своемъ выборѣ. Едва новый король утвердился на престолѣ, какъ онъ сбросилъ съ себя личину кротости и въ его странѣ кровь снова полилась потоками. Онъ казнилъ почти всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, которые помогли ему овладѣть престоломъ, объясняя это тѣмъ, что онъ не желаетъ имѣть около себя никого изъ тѣхъ, кто знаетъ, какъ мало правъ онъ имѣлъ на престолъ. Однажды, одному странствующему арабскому купцу, попавшему въ Уганду съ сѣвера, удалось обратить его въ магометанство, и съ этого времени его припадки дикаго гнѣва и жажды крови, дѣлавшіе его имя такимъ страшнымъ, стали проявляться значительно рѣже.

Вопреки примѣру другихъ государей Африки, онъ принималъ у себя всегда чрезвычайно любезно путешественниковъ и негоціантовъ чужихъ земель, и едва онъ узналъ о пріѣздѣ Стэнли, какъ сейчасъ же командировалъ къ нему одного изъ своихъ вельможъ съ почетнымъ карауломъ для сопровожденія его въ свой охотничій лагерь въ Узавару (Usavara).

За нѣсколько дней до пріѣзда Стэнли мать короля, по словамъ посланнаго, видѣла вѣщій сонъ. Ей приснился бѣлый человѣкъ, подплывающій въ лодкѣ къ берегамъ Уганды. На слѣдующее утро она разсказала императору о своемъ снѣ, и почти одновременно было получено извѣстіе о прибытіи Стэнли. Что же это за человѣкъ—думалось Вагандѣ, возвѣщавшій о своемъ пріѣздѣ столь вѣщимъ сномъ?

Тысячи людей были собраны на берегу для встрѣчи удивительнаго бѣлаго человѣка. Всѣ выстроились въ двѣ колонны и едва показалась лодка, сопровождавшая «Lady Alice», цѣлый залпъ ружейныхъ выстрѣловъ пронесся надъ рядами, привѣтствуя «Lady Alice».

Высадка на берегъ изслѣдователя была снова встрѣчена двумя-тремя стами выстрѣловъ. Всюду развѣвались флаги, трещали ба-

рабаны, и вся толпа соединилась въ одномъ общемъ, радостномъ возгласѣ восторга. Стэнли былъ встрѣченъ первымъ министромъ и властями. Они привѣтствовали его церемонными, любезными поклонами, затѣмъ забросали его вопросами о немъ, о странѣ его, объ его путешествіяхъ, о платьѣ и о разныхъ предметахъ. Точно будто каждый изъ присутствовавшихъ былъ увѣренъ, что Стэнли въ состояніи разрѣшить всякій вопросъ и вотъ случай воспользоваться его пріѣздомъ, ибо между племенемъ Ваганда существуетъ повѣрье, что бѣлый человѣкъ все знаетъ.

Въ этомъ перекрестномъ огнѣ вопросовъ Стэнли провелъ цѣлый часъ и десять минутъ; затѣмъ когда его достаточно изучили и разсмотрѣли, ему съ восторгомъ всѣ стали жать руки.

Многіе изъ присутствовавшихъ отправились сообщить Кабаку (Kabaka), какъ они зовутъ Мтезу, что прибывшій бѣлый человѣкъ геній, который все знаетъ. Король, слушая, потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, думая, что онъ дѣйствительно нашелъ жемчужину рѣдкой величины.

Стэнли угостили на славу, и затѣмъ уже онъ былъ представленъ королю Уганды. По словамъ Стэнли, это—высокій, худой, съ большими глазами, съ нервымъ взглядомъ, съ красно-коричневымъ цвѣтомъ кожи, одѣтый въ черную юбку, бѣлую рубашку съ золотымъ поясомъ. Онъ крѣпко пожалъ руку изслѣдователя и, любезно раскланиваясь, просилъ его сѣсть. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оба молча разсматривали другъ друга и, казалось, къ обоюдному удовольствію.

Стэнли никакъ не ожидалъ встрѣтить такого виднаго, достойнаго, умнаго правителя и, можно себѣ представить, какъ велико было его удивленіе и удовольствіе. Онъ утверждаетъ, что съ первой же минуты рѣшилъ обратить этого короля въ христіанство.

Король однажды попросилъ его дать возможность его гарему видѣть отвагу «бѣлаго человѣка». На скалѣ, въ двухъ стахъ ярдахъ, былъ найденъ молодой спавшій крокодилъ. «Прошу васъ, Стэнли,—обратился къ нему Мтеза,—покажите моимъ женщинамъ, какъ стрѣляютъ бѣлые люди». «Взять на себя представительство всѣхъ сыновъ Іафета въ данномъ случаѣ было дѣломъ отвѣтственнымъ, замѣчаетъ Стэнли, но благодаря какому-то невѣдомому року, который меня охранялъ, или просто въ силу случайности, мнѣ удалось на разстояніи ста ярдовъ, пулею въ 3 лота, чуть не отдѣлить голову крокодила отъ туловища. Всѣми было признано, что бѣлые люди стрѣляютъ на смерть».

По возвращеніи королевскаго двора въ столицу, въ Рубагу (Rubaga), Стэнли сопровождалъ Мтезу въ качествѣ почетнаго гостя. Вскорѣ прибылъ туда же и Линанъ де-Белльфонъ (Linant de Bellefonds), одинъ изъ лейтенантовъ отряда Гордона, съ сѣвера, съ небольшой партіею суданцевъ. Оба европейца, такъ сказать, за-

брошенные въ сердцевину Африки, скоро сошлись дружески, какъ это видно изъ записокъ Стэнли и изъ дневника злополучнаго француза Белльфона, который умеръ на возвратномъ пути.

Стэнли, опасаясь за судьбу своихъ людей, если они расположатся лагеремъ въ Кагехіи, просилъ короля Мтезу помочь ему перевезти ихъ въ Уганду. Мтеза великодушно далъ большое число лодокъ въ его распоряженіе, и 17-го апрѣля «Lady Alice», подъ охраною цѣлой флотиліи, отплыла на югъ. Отъѣздъ этотъ такъ описанъ Линанъ де-Белльфонъ:

«Lady Alice» только-что отчалила. Мы долго махали платками въ знакъ послѣдняго «прости». Серце мое полно тоски—я потерялъ брата, я такъ привязался къ Стэнли, къ этому симпатичному, прямодушному человѣку, другу и замѣчательному путешественнику. Съ нимъ я забывалъ свою усталость; встрѣча съ нимъ была для меня точно возвращеніе на родину. Его интересная, поучительная бесѣда превращала часы въ минуты».

«Адмиралъ», которому, по приказанію Мтезы, было поручено командываніе надъ вагандскимъ флотомъ, былъ молодой человѣкъ, только-что произведенный въ награду за энергію, которую онъ выказалъ при сопровожденіи Стэнли въ Узавару. Случайное счастье, повидимому, вскружило ему голову. Длинное путешествіе въ Кагехію пришлось ему не по вкусу, и онъ всячески оттягивалъ отъѣздъ флотиліи подъ разными предлогами. Всѣ увѣщанія, просьбы, приказанія Стэнли оказались напрасны. Флотилія двигалась такъ медленно, что Стэнли съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приходилъ въ отчаяніе и кончилъ тѣмъ, что, поднявъ паруса на «Lady Alice», пустился во весь ходъ, предоставивъ остальнымъ слѣдовать по мѣрѣ возможности.

Плаваніе этой маленькой лодки до Кагехіи было преисполнено опасностей. Однажды, когда истощились запасы, путешественники по опрометчивости попали въ руки жителей Бумбирейскихъ острововъ, въ западной части озера. Положеніе выходило отчаянное — съ одной стороны угрожала голодная смерть, съ другой — возможность смерти отъ рукъ островитянъ. Команда уговорила Стэнли довѣриться туземцамъ, въ полной надеждѣ, что миролюбивое отношеніе можетъ предупредить опасность. Надежды отряда, казалось, оправдывались. Покуда лодка приближалась къ берегу, туземцы ничѣмъ не проявляли своей вражды, но едва лодка причалила, толпа въ 200 дикарей накинулась на нее, встащила ее на грязный, иловатый берегъ на 20 ярдовъ высоты. Затѣмъ они окружили безпомощную команду въ экстазѣ бѣшенства, и каждый старался хорошенько приспособиться къ предстоящему истребленію ея.

Стэнли выпрыгнулъ изъ лодки съ двумя заряженными револьверами въ рукахъ. На его счастье команда не послѣдовала его при-

мѣру и держала себя чрезвычайно благоразумно. Они всѣ старались казаться совершенно спокойными, не смотря на свое критическое положеніе, и среди окружающей суматохи и шума, Барака (Baraka)—одинъ изъ гребцовъ—вступилъ въ переговоры съ разъяренною толпою, пытаясь успокоивать ее. На минуту дикари какъ будто стихли, но по прибытіи новой шайки ярость ихъ разгорѣлась съ новою силою. Одного изъ команды бросили въ лодку, въ другого пустили копьемъ, третій былъ оглушенъ ударомъ суковатой палки.

Стэнли снова всталъ и обратился къ вождю толпы. Онъ показывалъ имъ проволоку, бусы и другіе предметы, столь дорогіе сердцу Африканскаго негра и опять на минуту ему удалось ихъ умиротворить. Тутъ король племени, черный вождь, по имени Шекка (Shekka), выступилъ на сцену. Былъ собранъ совѣтъ «Шори» («Shauri»). Почти никакія важныя дѣла не рѣшаются въ Центральной Африкѣ безъ «Shauri» и тянутся иногда весьма долго.

Переговоры продолжались большую часть дня, покуда наконецъ туземцы не убѣдились, что команда во всякомъ случаѣ въ ихъ рукахъ и тогда только они успокоились. Весла были унесены и Стэнли понялъ, что надо немедленно дѣйствовать, иначе судьба его отряда будетъ рѣшена быстро. Туземцы расположились въ числѣ 300 человѣкъ на холмѣ въ разстояніи 150 ярдовъ. Напомнивъ командѣ своей о полномъ ему повиновеніи, Стэнли отправилъ Сафени (Safeni), старшаго изъ лоцмановъ, къ непріятелю съ дарами, приказавъ ему возвратиться къ лодкѣ, какъ только его позовутъ. Остальной же командѣ онъ приказалъ окружить лодку и, по данному сигналу, всѣми силами тащить ее въ воду. И вотъ по сигналу, лодка начала спускаться въ воду подъ усиліями десятка дюжихъ рукъ. Крикнувъ Сафени, чтобы онъ спасался, Стэнли сталъ непрерывно стрѣлять по бѣжавшему за нимъ непріятелю изъ своего двухствольнаго ружья, къ удивленію бумбирейцевъ, которые буквально летѣли съ горы, неистово крича и угрожая. Но лодка была уже въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ берега, прежде чѣмъ они добрались до воды. Отсюда по нимъ былъ сдѣланъ еще послѣдній залпъ и тѣмъ кончилось дѣло.

Но новая опасность ожидала небольшой отрядъ. Два гиппопотама съ открытыми пастями направлялись къ лодкѣ. Веслы были оставлены на берегу. Стэнли приказалъ содрать доски со дна лодки и употребить ихъ вмѣсто веселъ. Одинъ изъ гиппопотамовъ былъ уже на разстояніи всего 10 ярдовъ отъ нихъ, но Стэнли, прицѣливъ ему между глазъ, выстрѣлилъ въ него, а слѣдующимъ выстрѣломъ до того искалѣчилъ животное, что на четверть часа опасность ихъ миновала. Въ это время туземцы воспользовались замѣшательствомъ, спустили лодки и началось отчаянное преслѣдованіе. Бѣжать было немыслимо. Стэнли зарядилъ свою винтовку

взрывчатыми пулями, взорвалъ 2 лодки, и непріятель понесъ такую потерю, что отказался отъ преслѣдованія. Только всевозможныя африканскія проклятія посылались имъ вслѣдъ.

Весь провіантъ состоялъ изъ четырехъ бананововъ и это на 12 голодныхъ людей! При попутномъ вѣтрѣ до лагеря Кагехіи оставалось сутки плаванія, а при вѣтрѣ противномъ можно было не доплыть и въ цѣлый мѣсяцъ. Только-что избавились отъ смерти, а тутъ приходилось бороться съ голодомъ. Вся надежда была на открытіе какого-нибудь болѣе гостепріимнаго населенія на одномъ изъ острововъ. Съ берега подулъ-было попутный вѣтеръ, но внезапно стихъ и пришлось взяться за импровизованныя весла, благодаря которымъ недавно спаслись отъ дикарей. Всю ночь гребли насколько хватало силъ; на утро земли все не было видно, по временамъ являлся на помощь вѣтеръ, но не надолго; наконецъ поднялась буря, одна изъ тѣхъ, которыя такъ внезапно налетаютъ на большія озера. Черезъ 76 часовъ борьбы и мученій они пристали къ необитаемому острову, гдѣ нашли пропитаніе не въ большомъ количествѣ, но въ достаточномъ, чтобы продолжать путь.

«Барака и Сафени,—пишетъ Стэнли,—были отправлены на рекогносцировку мѣстности въ одномъ направленіи, а Мурабо и Марсукъ въ другомъ. Робертъ (Robert) и Гамойда (Hamoidah) принялись разводить огонь, а я съ ружьемъ пошелъ стрѣлять птицъ. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса я вернулся съ парою жирныхъ, большихъ утокъ. Барака и Сафени принесли молодыхъ зеленыхъ бананововъ, Мурабо и его товарищъ добыли ягодъ очень похожихъ на вишни.

«Какъ мы были счастливы въ этотъ вечеръ, сидя у пылающаго костра, сытые по милости Божіей,—вѣдь всего нѣсколько часовъ назадъ голодные, усталые, замученные, мы были брошены на произволъ судьбы.

«Затѣмъ мы закурили трубки и мирно, тихо закончили этотъ незабвенный вечеръ. Передъ тѣмъ какъ разойтись, мы всѣ отъ души благодарили Бога за Его милость къ намъ, за то, что Онъ сохранилъ насъ среди всѣхъ опасностей и испытаній».

Благодаря попутному вѣтру, лодка шла теперь быстро впередъ и черезъ нѣсколько часовъ показался лагерь. Сотоварищи Стэнли встрѣтили его съ восторгомъ, съ заявленіями неподдѣльной радости и удовольствія. Стрѣляли изъ ружей, люди танцовали, ликовали, кричали; до нихъ дошелъ слухъ, что «Lady Alice» пропала безъ вѣсти, а вся команда уничтожена или потонула. Когда лодка причалила къ берегу, 50 человѣкъ бросились въ воду и подняли Стэнли на руки въ порывѣ восторга, носили его по лагерю. «Тутъ былъ и Франкъ Пококъ; лицо его сіяло радостью; но когда я спросилъ его, гдѣ же Фридрихъ Баркеръ, отчего не вижу его? лицо его омрачилось, и онъ съ грустью отвѣтилъ мнѣ, что Баркеръ умеръ 12 дней

назадъ и похороненъ вонъ тамъ, у озера, гдѣ возвышается земляной холмъ».

Стэнли занялся теперь приготовленіями къ отбытію экспедиціи въ Уганду. Не разсчитывая на вагандскаго адмирала, онъ обратился за помощью къ укеревскому правителю, который за «любезность» — подарокъ въ 140 фунт. стерл.— одолжилъ ему нужное число лодокъ. Лодки эти были стары и гнилы и нѣсколько изъ нихъ потонуло въ первую же ночь путешествія. Стэнли съ трудомъ размѣстилъ людей и съ чрезмѣрно нагруженною флотиліею прибылъ въ Бумбире. Здѣсь на него напали соединенныя силы туземныхъ племенъ. Послѣ нѣсколькихъ дней сраженія ему удалось, однако, ихъ разбить и направить свой путь на сѣверъ. Наконецъ, къ нему присоединилась нагруженная флотилія изъ Ваганды и подъ ея охраною дальнѣйшее путешествіе было совершено благополучно.

Прибывъ въ Уганду, Стэнли узналъ, что у короля Мтезы война съ однимъ изъ его вассаловъ, Вавумой (Wavuma), съ тѣмъ самымъ, которому едва не удалось взять въ плѣнъ «Lady Alice» во время ея плаванія по озеру. По установленнымъ правиламъ въ Угандѣ ни одному путешественнику не разрѣшалось покинуть страны во время войны, и Стэнли былъ вынужденъ ожидать конца ихъ распри. Отчетъ о пребываніи его въ Угандѣ, одна изъ самыхъ интересныхъ главъ его эпопеи.

«Для того, чтобы имѣть понятіе, — говоритъ Стенли, — о красотѣ африканской природы, надо посѣтить страны Экваторіальной Африки, гдѣ можно видѣть людей подъ сѣнью смоковницы среди роскошной растительности, среди изобилія всевозможныхъ плодовъ. Европейскій путешественникъ останавливаетъ свое вниманіе на длинѣ ярко-зеленыхъ банановыхъ листьевъ, на толщинѣ стволовъ, количествѣ плодовъ, безконечномъ плодородіи почвы, на вѣчно юной зелени всѣхъ растеній, и не можетъ не замѣтить, что люди какъ нельзя болѣе отражаютъ на себѣ всю эту природу и что въ своемъ родѣ представляютъ такое же совершенство, какъ этотъ спѣлый мягкій бананъ, который виситъ у нихъ надъ головою.

«Природа въ Угандѣ вѣчно улыбающаяся и мѣстные люди улыбаются вмѣстѣ съ нею и немного нужно, чтобы страна ихъ была настоящимъ садомъ рая.

«Ихъ блестящіе, лучезарные глаза, безпокойные, сверкающіе, точно отражающіе въ себѣ горячіе лучи солнца, ихъ бронзовое тѣло, мягкое, какъ бархатъ, смазанное масломъ, выдающіеся мускулы ногъ и рукъ говорятъ о той вольной, здоровой жизни, которую они ведутъ».

Ваганды не имѣютъ ничего общаго съ жителями другихъ частей Африки, которые, по словамъ Стэнли, вѣчно пьяные развратные негры, окруженные жирными женами и цѣлымъ семействомъ ребятъ.

Стэнли знакомитъ насъ съ типомъ поселянъ Уганды, живущихъ въ своихъ высокихъ коническихъ хижинахъ. Поселянинъ этотъ высокій, имѣетъ цвѣтъ кожи темно-коричневый, выраженіе лица развитого человѣка сравнительно съ сосѣдями другихъ областей, одѣтъ онъ въ національный костюмъ глинянаго цвѣта, перехваченный на плечахъ и ниспадающій до ногъ. При домѣ есть непремѣнно огородъ, гдѣ онъ разводитъ самыя разнообразныя овощи, бобы, томаты, сладкій картофель, зеленый горошекъ, кофе, табакъ и даже сахарный тростникъ. Его засѣянные поля обсажены бананами, смоковницами или фиговыми деревьями, изъ листьевъ которыхъ изготовляется его красивый національный костюмъ.

Поселянинъ Уганды имѣетъ право пасти своихъ козъ и другой скотъ на общей землѣ. Его хижина чистая, прочно построенная, раздѣляется на двѣ половины, въ одной живетъ семья. Крыша подпирается сѣтью изъ тонкихъ жердей. Это имѣетъ двоякую цѣль— защищать отъ солнца и предохранять отъ ночныхъ воровъ, которые, при всей своей осторожности, рискуютъ споткнуться.

Кромѣ хижины, гдѣ поселянинъ живетъ самъ, у него есть еще 2—3 маленькія постройки; одна принадлежитъ Музиму (Muzimu), или духу покровителю, который заботится о благополучіи дома, а въ другой члены семейства женскаго пола занимаются своими домашними работами. Одни выжимаютъ сокъ изъ банановъ, который, когда перебродитъ, превращается въ прекрасный напитокъ марамба (Maramba); другія сортируютъ травы для пищи, для лекарствъ; старухи курятъ трубки и разсказываютъ свои воспоминанія.

Женщины въ Угандѣ, хотя и красивѣе женщинъ другихъ африканскихъ странъ, все-таки достаточно безобразны и Стэнли рѣшилъ, что если есть въ Угандѣ красивыя женщины, то вѣроятно всѣ онѣ собраны въ гаремѣ Мтезы, который имѣетъ возможность выбирать себѣ красавицъ изъ цѣлой половины Экваторіальной Африки. Женскій штатъ Мтезы состоялъ почти изъ 5,000 женщинъ, но только 500 изъ нихъ принадлежали гарему, остальныя состоятъ при исполненіи всякихъ обязанностей въ обширномъ дворцѣ въ Рубагѣ.

Стэнли имѣлъ возможность близко разсмотрѣть 500 красавицъ выбранныхъ Мтезою, но съ точки зрѣнія бѣлаго человѣка между ними едва оказалось 20 достойныхъ вниманія и изъ этихъ 20-ти только три были дѣйствительно хороши собою. Эти три красавицы при дворѣ Мтезы были изъ племени Матума (Matuma), безъ сомнѣнія, изъ Анкори (Ankori). Цвѣтъ кожи у нихъ былъ квартерона[1]), съ прямыми носами, съ тонкими губами, съ большими блестящими глазами. Сложены онѣ прекрасно, всѣ формы чрезвычайно

[1]) Въ 4-мъ поколѣніи помѣсь европейца съ негритянкой.

изящны и поэтъ Гафизъ сказалъ бы о нихъ, что онѣ стройны какъ пальмы и прекрасны какъ мѣсяцъ. Одно, что ихъ портило, это короткіе курчавые волосы негритянской расы; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ихъ можно бы смѣло показывать какъ совершенство красоты Центральной Африки. Какъ разъ эти три красавицы не имѣли успѣха у короля, который предпочиталъ имъ толстыхъ, жирныхъ африканокъ съ приплюснутыми носами.

Война длилась долго, хотя у Мтезы былъ флотъ на озерѣ въ 20,000 человѣкъ. Племя Вавума несравненно малочисленнѣе, но оно героически отстаивало свою родину. Вавумцы напали на вагандцевъ и отбросили ихъ далеко отъ ихъ крѣпости на островѣ. Ихъ морское сраженіе, въ которомъ сто лодокъ разбили цѣлый угандскій флотъ, очень напоминаетъ пораженіе испанской Армады. Генералы Мтезы, не смотря на угрозу быть сожженными въ случаѣ неудачи, ничего не могли подѣлать. Стэнли горячо сочувствовалъ храбрымъ вавумцамъ, хотя онъ самъ едва не погибъ изъ-за нихъ.

Его личные интересы требовали скорѣйшаго окончанія войны и онъ придумалъ одну комбинацію, которая совсѣмъ пришлась по вкусу королю, и тотъ далъ 2,000 человѣкъ въ распоряженіе Стэнли для осуществленія его плана. Съ помощью этихъ людей была построена маленькая крѣпостца на трехъ лодкахъ изъ частой рѣшетки изъ тростника. Она вся была похожа на продолговатый полисадникъ въ 70 футовъ высоты и 27 футовъ ширины, куда не могли проникнуть копья непріятеля. Гарнизонъ въ 200 человѣкъ былъ помѣщенъ въ нее и осторожно переправленъ на противуположный берегъ. Непріятеля предупредили, что приближается страшная машина, которая снесетъ ихъ островъ, если они не подчинятся немедленно королю Мтезѣ. Маленькая подвижная крѣпость остановилась въ разстояніи 50-ти ярдовъ отъ острова и человѣку съ удивительно развитыми легкими было поручено возвѣстить самымъ внушительнымъ замогильнымъ голосомъ: «Подчинитесь власти Мтезы, или мы взорвемъ вашъ островъ!» Вавумцы не на шутку струсили. Они никогда не видали такого угрожающаго видѣнія и не знали какъ имъ быть. Хотя имъ случалось во время войны обращаться за помощью къ злымъ духамъ, но никогда злой духъ не воплощался и рѣчь его не была такъ слышна. Теперь же слышался голосъ духа, который оставался невидимъ. Все это казалось имъ весьма таинственнымъ и страшнымъ. Ихъ вождь отвѣтилъ: «Пусть Мтеза не гнѣвается, мы сегодня же соберемъ ему дань. Уйди, о, духъ! война окончена!»

Послѣ этого, говоритъ Стэнли, таинственное зданіе стало медленно удаляться къ тому берегу, гдѣ оно было построено и четверть милліона дикарей на радостяхъ подняли страшный крикъ.

Во время своего пребыванія въ Угандѣ Стэнли пользовался всякимъ случаемъ, чтобы подготовить Мтезу къ обращенію въ хри-

стіанство. Они много бесѣдовали по этому поводу. Послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ Мтеза попросилъ Стэнли хорошенько описать ему ангеловъ. Стэнли, руководясь Микель-Анджело, Густавомъ Доре, Мильтономъ, съумѣлъ удовлетворить его просьбу къ большому его и всеобщему удивленію. Кромѣ того, онъ послалъ къ себѣ въ лагерь за библіею и перевелъ ему все, что говорятъ объ ангелахъ Езекіиль и св. Іоаннъ. Затѣмъ онъ перевелъ ему св. Писаніе на языкъ Кисвагили (Kiswahili), который былъ знакомъ Мтезѣ. Евангеліе св. Луки онъ перевелъ цѣликомъ, и когда эта работа была окончена, Мтеза собралъ своихъ сановниковъ и предложилъ на ихъ разсмотрѣніе, не ввести ли христіанство въ страну.

— Стэнли (Stamlee),—началъ онъ,—привезъ съ собой въ Уганду книгу, которая старше корана Магомета, и Стэнли (Stamlee) говоритъ, что книга Магомета взята изъ этой, и я нахожу, что эта книга гораздо лучше книги Магомета. Эта книга первая, самая старая. Пророкъ Моисей писалъ объ этой книгѣ много раньше Магомета и книга эта была окончена до рожденія Магомета. Арабы пріѣзжаютъ къ намъ за слоновой костью и за невольниками, и мы видѣли, что они не всегда говорятъ правду, они покупаютъ людей одинаковаго съ нами цвѣта, обращаются съ ними дурно, заковываютъ ихъ цѣпями и бьютъ ихъ. Бѣлые же люди спасаютъ жизнь невольникамъ. Они говорятъ: «Развѣ мы станемъ дѣлать нашихъ братьевъ рабами? Нѣтъ, потому, что мы всѣ дѣти единаго Бога».

Мтеза предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ:

— Взять ли намъ книгу бѣлаго человѣка?

— Да,—отвѣчали сановники,—возьмемъ книгу бѣлаго человѣка.

Мтеза согласился и съ этой минуты христіанство сдѣлалось религіей населенія Уганды.

Разставаясь съ Стэнли спустя нѣсколько недѣль, Мтеза сказалъ ему: «Передайте бѣлымъ людямъ, когда будете имъ писать, что я точно слѣпой брожу во тьмѣ; все, чего я прошу, это научить меня видѣть; пока я живъ, я желаю остаться христіаниномъ».

Стэнли написалъ въ «Daily Telegraph» и въ «New York Herald», прося выслать миссіонера въ Уганду. «Еслибы сюда попалъ вѣрующій, понимающій значеніе своей миссіи человѣкъ! какое поле, какая обильная жатва для серпа цивилизаціи! Здѣсь нуженъ не простой священникъ, но духовный учитель, наставникъ, который бы указалъ имъ путь къ христіанству, какъ исцѣлять больныхъ, какъ строить жилища, какъ заниматься земледѣліемъ, вообще здѣсь нуженъ рулевой, который руководилъ бы ими во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ». Воззваніе Стэнли было не напрасно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Уганду была отправлена миссія.

По просьбѣ Стэнли Мтеза далъ ему конвой въ 2,000 человѣкъ для содѣйствія ему въ изслѣдованіи озера Мута-Нциге (Muta-Nzige).

Но послѣ перваго нападенія на нихъ одного изъ враждебныхъ племенъ, вожди конвоя отказались идти дальше береговъ озера и рѣшили немедленно вернуться. Къ ужасу своему Стэнли узналъ, что половина его людей собирается его покинуть и слѣдовать за ними, такъ что ему поневолѣ пришлось отказаться отъ намѣренія проплыть по всему озеру. Онъ не пожелалъ слѣдовать за бунтовщиками вагандцами и направилъ свой путь на югъ къ озеру Танганайка.

Проходя черезъ Карагве (Karagwe) и Узамбиро (Usambiro), онъ встрѣтился съ Мирамбо (Mirambo), королемъ Уніамвези (Unyamwezi), однимъ изъ самыхъ могущественныхъ властелиновъ этой части озера, столь же грознымъ для племенъ ея, насколько и король угандскій былъ грозенъ для своихъ обитателей на сѣверѣ.

Съ Мирамбо (Mirambo) они продѣлали церемонію братства крови. Для этого они оба сѣли другъ противъ друга на соломенный коверъ; имъ сдѣлали надрѣзы на правой ногѣ; была взята кровь одного и привита другому. «Если, — возвѣстилъ жрецъ, исполнявшій этотъ обрядъ,—кто-нибудь изъ васъ нарушитъ узы братства, связывающія васъ отнынѣ, пусть тотъ будетъ растерзанъ львами, пускай змѣй ужалитъ его, да будетъ желчь въ его пищѣ и всякое зло да преслѣдуетъ его до конца дней его». Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись подарками, причемъ Мирамбо, не какъ большинство другихъ африканскихъ властелиновъ, непремѣнно желалъ превзойти Стэнли въ щедрости.

27-го мая экспедиція добралась до Уджиджи на озерѣ Танганайка. Живо вспомнилась Стэнли его встрѣча здѣсь съ Ливингстономъ нѣсколько лѣтъ назадъ. «Повидимому, все было какъ прежде. Тѣ же горы, то же озеро, тотъ же городъ, то же яркое небо, то же солнце, но не было великаго героя—Ливингстона, съ которымъ для меня было связано столько интереснаго въ Уджиджи».

Въ Уджиджи Стэнли снова сѣлъ на «Lady Alice», объѣхалъ на ней все озеро и разрѣшилъ загадку рѣки Лукуги (Lukuga). Изъ своего изслѣдованія озера онъ пришелъ къ выводу, что Танганайка постоянно возвышается и что, безъ сомнѣнія, черезъ нѣсколько лѣтъ полоса между нимъ и Лукугой (Lukuga) будетъ смыта сильнымъ напоромъ воды, и воды сотни рѣкъ ринутся цѣлымъ потокомъ въ Луалабу (Lualaba).

Путешествіе по озеру совершено было безъ приключеній. Пробывъ въ отъѣздѣ 51 день, Стэнли благополучно вернулся въ Уджиджи.

По возвращеніи ожидали его новыя заботы; у него значительно убыло людей въ его отсутствіе; одни бѣжали, другіе лежали больные, и онъ рѣшилъ немедленно идти дальше, дойти до Луалабы, переправить людей черезъ озеро Танганайка. Это ему удалось безъ всякихъ препятствій. Каждый день они нападали на новый слѣдъ

злодѣйствъ торговцевъ невольниками, встрѣчали на своемъ пути сожженныя деревни, цѣлые округа, которые нѣсколько лѣтъ назадъ были населены, процвѣтали, а теперь были необитаемы, покинуты; поля, которыя воздѣлывались цѣлыми поколѣніями, поросли плевелами. Мѣстами встрѣчались гекатомбы съ жертвами павшихъ за спасеніе своей родины или старцевъ убитыхъ торговцами, тѣхъ, которые по дряхлости не могли за ними слѣдовать. Послѣ долгаго похода, Стэнли вдругъ очутился въ виду таинственной Луалабы (Lualaba), которая, по его словамъ, блѣдно-сѣраго цвѣта, имѣетъ болѣе 1,400 ярдовъ ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее видѣлъ, и медленно течетъ съ юга на западъ.

Король племени Вагумба.

«Я пришелъ въ неописанный восторгъ при видѣ этой величественной рѣки. Тайна, которую въ продолженіе многихъ столѣтій природа охраняла отъ міра науки, ждала, чтобы ее наконецъ открыли. На протяженіи 220 миль я изслѣдовалъ всѣ источники въ ихъ впаденіи, по Ливингстону, а въ настоящее время передо мною была сама рѣка. Моею задачею было прослѣдить ее до океана».

По дорогѣ отъ Руанды (Ruanda) до арабской колоніи въ Ніангвѣ (Nyangwa), Стэнли ознакомился съ Вагумба (Wagumba), племенемъ, которое показалось ему на первыхъ порахъ самымъ низкимъ типомъ человѣческаго рода. Король этого племени нисколько не былъ лучше своихъ подданныхъ. Стэнли говоритъ, что «лицо его было похоже на безобразную маску, сдѣланную изъ какого-то страннаго неизвѣстнаго темно-коричневаго вещества. Губы служили образцомъ той толстой кожи, которою природа его надѣлила, и такъ какъ они отказывались сдвигаться, то ротъ не имѣлъ никакой опредѣленной формы, бѣлые зубы были вѣчно видны, носъ до того приплюснутъ, что я не могъ не поинтересоваться узнать, гдѣ была причина такого безобразія».

— Ахъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ, громко смѣясь,—это вина моей матери, которая привязывала меня слишкомъ плотно къ своей спинѣ, когда я былъ ребенкомъ.

Ноги его отличались безобразіемъ,— вмѣсто подошвъ что-то въ родѣ копытъ; по самыя колѣни онъ былъ весь въ грязи.

Съ короля Стэнли перенесъ свой взоръ на его вѣрноподданныхъ, которые всѣ его обступили и съ любопытствомъ разглядывали. «Безобразные», «безобразные», «еще безобразные»—таково его единственное впечатлѣніе. Не мало насмѣшили его вагумбскія женщины своими возгласами: «Wa-wa-aantu! cha-a?» что означало «Люди! неужели это человѣкъ?» Очевидно, они рѣшительно не могли себѣ представить живого бѣлаго человѣка на землѣ и онъ казался имъ заколдованнымъ существомъ.

Въ эту минуту толстый шестъ, прислоненный къ дереву, подъ которымъ происходила эта встрѣча, упалъ и ушибъ одного изъ людей Стэнли. «Надо было видѣть отчаяніе женщинъ, ихъ вопли и состраданія. На ихъ лицахъ видно было столько добраго участія къ бѣдному раненому, что я почувствовалъ, что подъ ихъ безобразіемъ, въ этомъ тѣлѣ, выкрашенномъ охрою, бьется человѣческое сердце, полное сочувствія къ страданію ближняго». Среди этихъ безобразныхъ негровъ Стэнли обрѣлъ нѣсколько преданнѣйшихъ людей, какіе когда-либо встрѣчались ему въ Центральной Африкѣ.

Есть ли Луалаба (Lualaba) Нигеръ или Конго? Вотъ вопросъ, который неотступно преслѣдовалъ Стэнли. До него Ливингстонъ и Камеронъ пытались разрѣшить эту задачу. Оба они встрѣтились съ препятствіями, заставившими ихъ отказаться отъ изслѣдованія рѣки до ея устья. По всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ Стэнли у туземцевъ, опасности и трудности этого путешествія были поистинѣ непреодолимы и тамъ, гдѣ не было вѣскихъ фактовъ для подтвержденія этого, на помощь являлось воображеніе жителей тропиковъ. Нѣсколько экспедицій по этой рѣкѣ было предпринято арабами, торговавшими костью и невольниками, но всѣ онѣ безъ исключенія кончились печально. У этой рѣки, говорили они, нѣтъ конца, она течетъ на сѣверъ, еще на сѣверъ, и еще на сѣверъ, а затѣмъ никто не знаетъ, куда она дѣвается. На ея берегахъ живутъ карлики, которые мечутъ въ путешественниковъ ядовитыя стрѣлы изъ темныхъ, непроницаемыхъ лѣсовъ, тутъ же живутъ гориллы, боа висятъ хвостами на деревьяхъ и ожидаютъ своихъ жертвъ, цѣлыя кучи муравьевъ, въ свою очередь угрожаютъ не малою опасностью. Кромѣ того, здѣсь въ изобиліи водятся кровожадные людоѣды, не говоря уже о разныхъ другихъ ужасахъ. Общій выводъ всѣхъ этихъ разсказовъ былъ тотъ, что никто еще не возвращался изъ тѣхъ, кто спускался внизъ по Луалабѣ (Lualaba).

Да и къ чему предпринимать такое путешествіе, уговаривали простодушные арабы; еслибы путешественнику удалось даже избѣжать карликовъ, гориллъ, людоѣдовъ, рѣка все равно течетъ на сѣверъ, еще на сѣверъ и такъ будетъ во вѣки. Еслибы Стэнли отправлялся за костью и невольниками, они бы поняли его, хотя

изъ 300 человѣкъ, отправившихся нѣсколько лѣтъ назадъ за клыками слоновъ, едва ли вернулось 20 человѣкъ. Подвергать же себя всякимъ опасностямъ ради того только, чтобы узнать, куда течетъ рѣка, и для арабовъ, и для жителей Ніангве (Nyangwe) было одинаково удивительно и непонятно.

Люди Стэнли, склонные вѣрить всевозможнымъ небылицамъ, были положительно деморализованы всѣми этими разсказами и только громадное личное вліяніе ихъ предводителя сдерживало ихъ въ предѣлахъ дисциплины.

Когда Стэнли прибылъ въ Ніангве (Nyangwe), тамъ какъ разъ на время находился одинъ арабъ по имени Типпо-Типъ (Tippoo-Tib), торговецъ невольниками. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ арабскихъ купцовъ Экваторіальной Африки, извѣстный своею храбростью и своимъ умѣньемъ проводить большіе караваны черезъ неизвѣданныя земли. Сознавая, что ему необходима помощь, зная, что вангванцы и ваніамвезцы, изъ которыхъ состояла бо́льшая часть его отряда, откажутся идти безъ подкрѣпленія новыми силами, Стэнли обратился къ Типпо-Типу. Послѣ долгихъ переговоровъ, отказываясь сначала подъ предлогомъ нежеланія губить своихъ людей, Типпо наконецъ согласился сопровождать Стэнли съ 200 человѣкъ на разстояніи 60 переходовъ или границъ отъ Ніангве за 1,000 фунтовъ стерлинговъ.

Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на это путешествіе, Стэнли обратился за совѣтомъ къ Франку Пококу, единственному европейцу, который у него остался теперь, идти ли имъ на сѣверъ и на Луалабу или на югъ и на Замбези.

— Загадаемъ,—предложилъ Франкъ Пококъ,—бросимъ монету, если орелъ—то сѣверъ и Луалаба, если рѣшетка—югъ и Замбези.

Вышла рѣшетка—значитъ югъ и Замбези. Попробовали загадать еще на длинныхъ и на короткихъ соломенкахъ; длинныя за сѣверъ и Луалабу, короткія за югъ и Замбези; опять вышло—короткія соломенки, но вопреки всѣмъ гаданьямъ Стэнли рѣшилъ все-таки идти на сѣверъ, изучать Луалабу. Въ ту же ночь было заключено условіе съ Типпо-Типомъ.

4-го ноября произвели смотръ экспедиціи. Она состояла изъ 146 человѣкъ. На 65 ружей у Стэнли имѣлось на лицо только 40 человѣкъ, на которыхъ еще можно было положиться, остальные сами согласились бы скорѣе быть рабами, чѣмъ отстаивать чью-нибудь свободу. Конвой Типпо-Типа на первыхъ порахъ состоялъ изъ 700 человѣкъ, но 200 изъ нихъ были отосланы черезъ нѣсколько дней путешествія на какое-то другое дѣло, которое, вѣроятно, находилось въ связи съ добываніемъ слоновой кости и съ торговлей невольниками.

Между тѣмъ отрядъ Стэнли медленно подвигался впередъ.

Лѣса, черезъ которые имъ приходилось идти, были такіе гу-

стые, темные, какихъ Стэнли до сихъ поръ не видалъ, воздухъ въ нихъ былъ сырой, роса падала съ деревьевъ на подобіе дождя, подъ ногами всюду выступала вода, и черезъ нѣсколько минутъ ходьбы платье пропитывалось сыростью. Надъ головой стоялъ непроницаемый мракъ отъ деревьевъ. Черезъ каждые 5 ярдовъ бѣжали ручьи грязной воды. Усталые носильщики изнемогали, едва тащились по усѣянному скользскими листьями лѣсу. Темнота въ

Типпо-Типъ.

лѣсу была такая, что Стэнли не могъ прочитать замѣтокъ въ своей записной книжкѣ. Онъ такъ характеризуетъ переходъ черезъ эти лѣса: «Намъ все время приходится прокладывать себѣ дорогу. На головѣ точно тащишь грузъ какой, руками раздвигаешь вѣтви».

Черезъ 10 дней путешествія при такихъ условіяхъ, у Стэнли отъ сырости совсѣмъ испортились сапоги и ему довольно долго пришлось идти босякомъ. Подъ конецъ онъ долженъ былъ достать свою послѣднюю запасную пару сапогъ. Францъ Пококъ находился въ такомъ же положеніи. А они были еще только въ центрѣ континента! Приходилось дѣлать не болѣе 6 миль въ день. Цѣлыя

миріады насѣкомыхъ кружились надъ ними, подъ ногаии ползали всевозможные гады, попадались питоны, иногда въ 10 ф. длины, зеленыя ехидны, дождевыя гадюки, масса объзьянъ, арміи муравьевъ, и безчисленное множество жуковъ. Въ довершеніе всѣхъ напастей Типпо-Типъ вдругъ отказался идти дальше — и только благодаря увѣщаніямъ Стэнли, согласился провести экспедицію еще черезъ 20 границъ съ того мѣста, гдѣ они находились.

Жители этой части свѣта мечутъ ядовитыя стрѣлы и съ такой силою, что, напримѣръ, вавинцы попадаютъ на разстояніи 200 ярдовъ, тогда какъ лучшій стрѣлокъ изъ людей Стэнли попадалъ только на разстояніи 70 ярдовъ. Ядъ, которымъ они отравляютъ стрѣлы, такъ силенъ, что малѣйшая царапина смертельна даже для слона.

Съ этой минуты у экспедиціи происходятъ постоянныя стычки съ туземцами и на водѣ, и на сушѣ. Для бóльшей безопасности экспедиція раздѣлилась на 2 отряда:—на сухопутный и на рѣчной, которые старались почти не имѣть сношеній между собою. Кромѣ нападеній съ обоихъ береговъ, имъ пришлось бороться еще со всевозможными болѣзнями, какъ-то: съ оспою, дисентеріею, съ воспаленіями легкихъ, съ тифомъ, съ злокачественными нарывами. Каждый день 2—3 трупа опускались въ рѣку. 60 человѣкъ разслабленныхъ, обезсиленныхъ болѣзнями, которые не въ состояніи были слѣдовать дальше, помѣстились въ большую, брошенную лодку, найденную на берегу, куда ее, вѣроятно, прибило теченіемъ много лѣтъ назадъ. Старая лодка была вся въ щеляхъ и, не смотря на самую старательную починку, текла страшно. Между больными было нѣсколько человѣкъ, сохранившихъ настолько силы, чтобы выкачивать воду, и этотъ плавучій лазаретъ, нагруженный страдальцами, двинулся по водамъ могучей Луалаба.

Наконецъ пришло время распрощаться съ Типпо-Типомъ и его любезнымъ конвоемъ, хотя оставалось еще 8 границъ не пройденными по уговору. Типпо-Типъ и его старшины заявили, что они рѣшительно не въ силахъ заставить людей идти дальше, что всѣ они доведены до совершеннаго отчаянія постоянными болѣзнями и смертью окружающихъ, и просто не въ силахъ бороться дальше ни съ какими невзгодами. Стэнли убѣдился, что ему ничего больше не остается, какъ отпустить Типпо-Типа. Онъ освободилъ его отъ контракта съ условіемъ, что онъ повліяетъ на своихъ людей, чтобы они не отказались продолжать начатое дѣло.

На прощаніе Типпо получилъ 2,000 долларовъ, осла, сундукъ, золотую цѣпь, 30 доти тонкаго сукна, 150 нитокъ бусъ, 16,300 раковинъ, одинъ револьверъ, 200 полныхъ амуницій и 50 круговъ проволоки, а каждый изъ его старшинъ—подарки.

Спутники Стэнли пришли въ настоящее отчаяніе, узнавъ, что Типпо-Типъ съ своимъ конвоемъ покидаетъ ихъ, и Стэнли стоило

ЦЕНТРАЛ

БОРНУ
БАГИРМИ
ВАДАИ
ДАРФУРЪ
АДАМУА
ГЕРМАНСКІЙ
ПИКЪ КАМЕРУНЪ
ПРОТЕКТОРАТЪ
Ямбуя
Ямболи
Ялісмбе
Исанги
Вендья
Водопадъ Стэнли
Экваторвиль
Болобо
Оз. Мантумба
Лукалеле
Болобо
СВОБОДНОЕ
ГОСУДАРСТВО
КОНГО
Кипуки
Макура
Ніангве
ФРАНЦУЗСКОЕ
КОНГО
Нгантчу
Квамутъ
Мпака
Браццавиль
Стэнли-пуль
Леопольдвиль
Изангила
Бома
Матади
Р. Конго
КОРОЛЕВСТВО МУАТА
ЯМВО
С. Поль де Лоанда
Путь экспедицій показанъ такимъ образомъ:
Отысканіе Ливингстона
„Daily Telegraph“ и „New York Herald“
Основаніе станцій въ Конго
Освобожденіе Эмина-паши

Я АФРИКА

АБИССИНІЯ
ОГАДЕНЪ
ТУРКАНЪ
Укасса
УГАНДА
ЗЕМЛИ АНГЛІЙСКОЙ
ВОСТОЧНО-АФРИКАНСКОЙ Кº
ЗЕМЛИ ГЕРМАНСК. ВОСТОЧНО-АФР. Кº
Табора
Багамойо
Занзибаръ
Мафія
Зал. Формозы
Мысъ Дельгадо
Коморскіе о-ва
МОЗАМБИКЪ
ЗЕМЛИ АНГЛІЙСК. АФР. ОЗЕРНОЙ Кº

не мало труда удержать ихъ при себѣ. Возможность разрѣшить географическій вопросъ, который былъ цѣлью его поѣздки, казалось, ускользала отъ него, и, страшась, чтобы труды столькихъ мѣсяцевъ не пропали безплодно, онъ обратился съ трогательною рѣчью къ своимъ людямъ не бросать его среди начатаго дѣла. Онъ напоминалъ имъ, что заботился о нихъ, какъ отецъ, что ихъ опасности были его личными опасностями, что онъ относился къ нимъ все время съ сознаніемъ своей отвѣтственности за ихъ судьбу.

— И потому, дѣти мои, одумайтесь,—продолжалъ онъ,—вѣдь на возвратномъ пути вамъ придется переживать всѣ тѣ же невзгоды, какъ и во время движенія впередъ; теперь мы въ самой серединѣ континента, не лучше ли дойти вмѣстѣ по этой рѣки до самаго соленаго моря.

Эта краткая рѣчь имѣла большой успѣхъ и была встрѣчена аплодисментами: всѣ до единаго поклялись ему не покидать его до конца и во всемъ ему содѣйствовать.

Типпо-Типъ разстался съ нимъ въ непроходимой долинѣ Луалабы, а они смѣло пошли дальше навстрѣчу новымъ опасностямъ и затрудненіямъ.

Иногда имъ попадались племена доброжелательныхъ туземцевъ, у которыхъ можно было возобновлять запасы. Но затѣмъ, цѣлыми недѣлями, его лодкамъ приходилось пробираться среди тысячи непріятелей; съ каждымъ днемъ плаванье по рѣкѣ становилось опаснѣе, отовсюду раздавались унылые, мрачные воинственные возгласы туземцевъ. Крики въ верхней части рѣки: «Ooh-hu-hu-ooh-hu ooh-hu-hu-Meat-Meat» въ ея низовьяхъ смѣнились криками: «Bo-bo, Bo-bo, Bo-bo-o-o-oh, Meat-Meat». Это выкрикивалось такими заунывными голосами, что невольно отдавалось ужасомъ въ сердцахъ ветерановъ-путешественниковъ, знавшихъ, что значатъ эти угрожающіе крики войны. Положеніе экспедиціи было ужасно: провизія истощалась, всюду, кругомъ раздавались эти мрачные, устрашающіе возгласы, со всѣхъ сторонъ летали надъ ней ядовитыя стрѣлы. И безъ того утомленные, изнуренные походомъ, путники изнемогали подъ гнетомъ сознанія ежеминутной опасности.

Но падать духомъ было не время; глаза у всѣхъ были постоянно на-сторожѣ, уши прислушивались къ малѣйшему шороху, руки были всегда наготовѣ схватиться за ружье или за весло, чтобы бороться то съ бушующею волною, то съ лютымъ врагомъ.

Водопады и водовороты Луалабы или Ливингстона, какъ прозвалъ ее Стэнли, ежедневно уносили массу жертвъ. Каждый день приключались несчастные случаи съ лодками. Такъ, напримѣръ, 14-го января, какъ разъ послѣ удачной стычки съ непріятелемъ, одну изъ лодокъ экспедиціи втянуло въ водоворотъ, который въ этомъ мѣстѣ тянется на двѣ мили. Несчастнаго, который былъ въ

лодкѣ, съ быстротою молніи понесло сперва въ первый порогъ на сѣверный конецъ острова Нтундуру (Ntunduru); тутъ ему удалось удержаться за единственную скалу, выступавшую среди порога, и за нее-то несчастный человѣкъ ухватился съ энергіею отчаянья. Уледи, одинъ изъ самыхъ лучшихъ, отважныхъ помощниковъ Стэнли, вмѣстѣ съ другимъ, шкиперомъ, отправились его спасать. Ихъ лодку тихонько спустили на канатахъ изъ тростника въ самый гребень порога. Въ ту минуту, когда успѣхъ, казалось, былъ обезпеченъ, веревка лопнула и какимъ-то чудомъ лодку отбросило къ скалѣ. Послѣ отчаянной борьбы оба храбрые шкипера добрались до скалы, за которую уцѣпился несчастный. Теперь на скалѣ, вмѣсто одного человѣка, было трое. Къ довершенію опасности, ночь спустилась съ быстротою, свойственною тропическимъ ночамъ, и до утра пришлось отложить всѣ попытки спасенія. Съ первыми лучами свѣта имъ была брошена веревка и полумертвыми, насквозь промокшими, удалось вытащить ихъ на берегъ.

Путешествіе внизъ по Ливингстону полно тѣхъ же приключеній. Небольшой отрядъ безпрестанно подвергался нападеніямъ шаекъ дикарей. При соединеніи рѣки Ливингстона съ рѣкою Арувими на него былъ сдѣланъ цѣлый рядъ нападеній и однажды, въ числѣ 54 лодокъ сразу, но Стэнли удалось ихъ разогнать. Отсюда они направились вокругъ Бангалы (Bangala). Прибытіе лодокъ въ эту часть рѣки было для всѣхъ прибрежныхъ населеній настоящимъ событіемъ. Старые враги забыли всѣ свои непріязненныя отношенія въ ненависти къ таинственному бѣлому человѣку и составили союзъ для всяческихъ помѣхъ ему въ его предпріятіи и, если возможно, для совершеннаго уничтоженія его самаго.

За нѣсколько недѣль Стэнли было извѣстно, что туземцы вооружены ружьями, добытыми съ западнаго берега. Фактъ этотъ, при другихъ обстоятельствахъ, считался бы добрымъ знакомъ для путешественниковъ, но закоренѣлая вражда населенія Бангала дѣлала его для нихъ источникомъ всякихъ серьезныхъ опасеній. Лодки ихъ были тоже гораздо больше всѣхъ тѣхъ, съ какими Стэнли приходилось до сихъ поръ встрѣчаться. Стэнли попробовалъ было подкупить ихъ подарками, предлагалъ имъ мѣняться товарами; но у нихъ на все былъ одинъ отвѣтъ—цѣлый залпъ выстрѣловъ, которыми они ранили трехъ изъ команды Стэнли и двухъ изъ людей Франка Покока. Снаряды состояли, какъ замѣтилъ Стэнли, изъ зубчатыхъ расплавленныхъ кусковъ желѣза и мѣди схожихъ съ тѣми, какіе употребляются ашантіями. Люди Стэнли набрали въ видѣ трофеевъ битвъ на верхней части рѣки изрядное количество туземныхъ щитовъ, которые имъ теперь какъ нельзя болѣе пригодились. Женщины, дѣти и слабые мужчины держали ихъ передъ сражающимися и ограждали ихъ отъ непріятель-

скихъ выстрѣловъ. Вся надежда возлагалась на побѣду. Неудача была связана съ плѣномъ или съ смертью, и небольшая сравнительно кучка людей сражалась съ отчаяннымъ самоотверженіемъ и храбростью. Непрерывная стрѣльба изъ 44 винтовокъ поддерживала эту неравную борьбу, покуда, наконецъ, 63 непріятельскія лодки не выступили противъ нихъ.

У Стэнли было всего по 5 ружей на лодку, тогда какъ у непріятеля—не менѣе трехъ сотъ ружій. Если бы и у туземцевъ оказались винтовки, то, конечно, нельзя было бы разсчитывать ни на малѣйшую возможность успѣха. Но первый залпъ, сдѣланный съ лодки Стэнли, произвелъ такое впечатлѣніе на ближайшія лодки, что непріятель не рѣшился приблизиться и стрѣлялъ только издали. При такихъ условіяхъ винтовки экспедиціи оказались весьма дѣйствительными. По временамъ дѣлались новыя попытки нападенія болѣе отважными, молодыми непріятельскими храбрецами. Одинъ изъ молодыхъ вождей особенно отличался спокойствіемъ и отвагою. Его лодка приблизилась на разстояніи 50 ярдовъ отъ «Lady Alice» и онъ сталъ стрѣлять въ ея бортъ. Если бы умѣнье стрѣлять было такъ же велико, какъ велика его была храбрость,—отъ «Lady Alice» ничего бы не осталось; по счастью, однако, снаряды падали все или выше, или ниже цѣли, и однимъ изъ отвѣтныхъ залповъ команды Стэнли молодой предводитель былъ раненъ въ бедро. Съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа онъ самъ перевязалъ себѣ ногу и лодка его направилась къ берегу. Въ этомъ поступкѣ было столько достоинства, что Стэнли немедленно сдѣлалъ распоряженіе больше не трогать его.

Тутъ непріятель на время затихъ и Стэнли занялся перевязкою своихъ раненыхъ, что заняло у него около 5 часовъ.

Это было 31-е нападеніе за время плаванія внизъ по Ливингстону. Затѣмъ, ему пришлось имѣть еще только одну стычку на рѣкѣ. Но зато надо было бороться съ природою. Мѣстами приходилось тащить лодки и опытъ, пріобрѣтенный людьми его въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, весьма пригодился имъ впослѣдствіи.

Черезъ 500 миль характеръ рѣки совершенно измѣнился. Луалаба была величественнѣйшая, широкая рѣка съ медленнымъ теченіемъ, гдѣ рѣдко встрѣчался какой-нибудь сучекъ. Нижняя часть ея, Ливингстонъ или Конго (какъ теперь оказалось), была, напротивъ, бѣшеная рѣка, шумная, протекающая между крутыхъ береговъ, вся пересѣченная рифами изъ лавы, скалами, прорывающаяся черезъ пучины и ниспадающая всевозможными водопадами, порогами и водоворотами.

12-го марта экспедиція добралась до расширяющагося мѣста рѣки, которое съ тѣхъ поръ называется прудомъ Стэнли (Stanley Pool). Нижній конецъ Stanley Pool, почти весь окруженный горами, соединяется съ первымъ водопадомъ Ливингстоновыхъ пороговъ.

Быстрота рѣки въ этомъ мѣстѣ опредѣлена Стэнли въ 30 миль въ часъ и, по его мнѣнію, самый сильный корабль океана не справился бы съ теченіемъ рѣки въ этомъ мѣстѣ и былъ бы также безпомощенъ, какъ и самая ничтожная шлюпка.

Мѣстами лодки перетаскивались сухимъ путемъ. Въ мѣстахъ быстраго теченія ихъ спускали на канатахъ въ рѣку, иногда лодки погибали, а иногда погибала съ ними и самая команда. Самую лучшую лодку въ 75 футовъ длины и въ 3 фута ширины вырвало изъ рукъ 50-ти человѣкъ и унесло бѣшенымъ потокомъ и превратило въ щепки. Черезъ нѣсколько часовъ теченіемъ унесло еще лодку, но, по счастью, она уцѣлѣла, попавъ въ бухту. 17-го марта «Crocodile», лодка въ 85 футовъ длины, отправилась черезъ пороги

Stanley Pool.

съ Калулой, маленькимъ пажемъ Стэнли, и съ четырьмя шкиперами, благополучно прошла черезъ пороги, тогда какъ другая лодка, въ тотъ же день, подверглась самой печальной участи. Между тѣмъ всѣ участники экспедиціи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвали отъ недостатка пищи, а средства къ существованію, въ видѣ бусъ и сукна, истощались быстро.

Стэнли самъ попалъ въ одинъ изъ пороговъ, но, къ счастью, безъ серьезныхъ послѣдствій.

У пороговъ Ункизи (Unkisi) препятствія казались непреодолимыми. Тутъ рѣка, попавъ въ отверстіе всего въ 500 ярдовъ ширины, становилась неудобною и превращалась въ нагорную равнину высотою въ 1,200 футовъ. Стэнли пришлось нанять въ помощь 600 туземцевъ и съ ними онъ очистилъ откосъ отъ всѣхъ препятствій; вытащили лодки на берегъ—нѣкоторыя изъ лодокъ

вѣсили по 6 тоннъ—на высоту 3-хъ миль надъ насыпью—и затѣмъ снова спустили ихъ въ воду на 1,200 футовъ. Въ это время остальные люди на берегу занимались рубкою большихъ деревьевъ и постройкою новыхъ лодокъ, взамѣнъ погибшихъ въ порогахъ. Такъ шли дни, недѣли. Едва справлялись съ однимъ затрудненіемъ, какъ появлялось новое.

3-го іюня экспедиція лишилась Франка Покока, этого храбраго, преданнаго офицера и друга Стэнли. Франкъ настаивалъ на переходѣ черезъ пороги въ Манассѣ (Manassa), не смотря на всѣ предостереженія и уговоры команды. Лодкою руководилъ ветеранъ Уледи, самый опытный и отважный шкиперъ изъ всѣхъ шкиперовъ Стэнли. Лодку потянуло теченіемъ къ водопадамъ. Тутъ только бѣдный Франкъ понялъ всю опасность, какой онъ подвергъ своихъ компаньоновъ. Сброшенный съ мѣста потокомъ шумящихъ грозныхъ водъ, Франкъ выпрямился во весь ростъ и съ отчаяньемъ смотрѣлъ въ глаза своимъ товарищамъ, — весь ужасъ положенія былъ теперь ясенъ! Но поздно! Ихъ несло съ неимовѣрной силой въ водопадъ. Среди шумящихъ, пѣнящихся волнъ по временамъ ихъ лодка прыгала, кружилась, и, наконецъ, ее потянуло въ самую пучину. Тутъ наступила минута ужаса и отчаянья.

— Держитесь за лодку, — кричалъ онъ своей командѣ, — хватайтесь за канаты!

Самъ онъ попробовалъ было стащить съ себя фланелевую рубашку, но его мгновенно закружило въ водоворотѣ и шумящія несущіяся воды покрыли ихъ собою. 8 человѣкъ команды ухватились за лодку и ихъ живыми теченье принесло въ рѣку, а бѣдный Франкъ не удержался за лодку; черезъ нѣсколько секундъ онъ промелькнулъ въ бѣломъ шумящемъ потокѣ. Уледи бросился за нимъ, движимый желаніемъ спасти его, и ему это едва не удалось, когда вдругъ оба попали въ новый водоворотъ, изъ котораго только Уледи спасся, а Франкъ Пококъ скрылся въ немъ на вѣки.

Маленькій отрядъ ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, не только физически, но и численно. Добравшись до водопадовъ въ Исанджила (Isangila) и убѣдившись тутъ окончательно, что рѣка Ливингстонъ находится въ связи съ рѣкою Конго, Стэнли объявилъ, ко всеобщей радости, что онъ отправится сухимъ путемъ на Эмбомму (Embomma) и къ морю.

Экспедиція была доведена теперь до голоданія, такъ какъ, по мѣрѣ приближенія къ Атлантическому океану, сукно, бусы, мѣдная проволока все болѣе и болѣе падали въ цѣнѣ. Стэнли могъ бы прокормить весь свой персоналъ въ Центральной Африкѣ на то количество товара, на которое на берегу онъ едва могъ одинъ разъ накормить 12 человѣкъ.

Отправившись сухимъ путемъ, Стэнли долженъ былъ разстаться

съ «Lady Alice», которая перенесла его черезъ столько миль воды. Ее оставили на вершинѣ скалы надъ водопадами Исанджила. И какой тяжелый походъ предстоялъ имъ черезъ эти послѣднія безплодныя мили! Голодные люди едва двигались среди всевозможныхъ лишеній. Стэнли былъ тронутъ проявленіемъ семейныхъ и родственныхъ привязанностей среди его людей въ эти трудные часы испытаній. Молодые протягивали руку помощи старикамъ, отцы, не смотря на свою слабость, несли на рукахъ дѣтей или поддерживали своихъ женъ. Племена округовъ, черезъ которые теперь надо было проходить, хотя и не относились прямо враждебно, тѣмъ не менѣе не обнаруживали къ нимъ никакого сочувствія. Всѣ переговоры и обѣщанія оказались напрасными. Туземцы не являлись на помощь ни въ чемъ, ни словомъ, ни дѣломъ.

4-го августа Стэнли написалъ воззваніе о помощи къ европейцамъ въ Эмбомму. Уледи и его три товарища были посланы впередъ съ письмомъ. Въ ихъ отсутствіе каравану съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже.

6-го августа они добрались до мѣста по имени Банца Мбуко (Banza Mbuko), инвалидами, удрученными горемъ, съ опухшими лицами, исхудалые, полумертвые. Банца Мбуко—область плодородная, жители ея имѣли видъ сытыхъ, откормленныхъ людей. Такъ какъ Стэнли и его спутники были пришельцами изъ другого свѣта, то къ нимъ относились безъ всякаго сочувствія.

«Я,—говоритъ Стэнли,—не слыхалъ ни слова упрека, ни отъ кого изъ моего персонала, они падали молча въ изнеможеніи на землю, изрѣдка слышались стоны дѣтей, или слабый голосъ умирающей матери, увѣщанія дѣтей постарше, но взрослые и мужчины молчали, казалось, жизнь отлетѣла отъ нихъ, всѣ были поглощены своими личными страданіями».

Въ это время Уледи съ цѣлымъ конвоемъ людей показался на дорогѣ изъ Эмбоммы и весь лагерь за минуту мертвый, ожилъ, точно по мановенію какого-то волшебнаго жезла. Помощь подоспѣла какъ нельзя болѣе вѳ-время благодаря великодушному и быстрому участію къ положенію несчастныхъ со стороны двухъ англійскихъ фирмъ въ Эмбоммѣ, куда Стэнли адресовалъ свою просьбу, именно А. да Мотта-Вейга (A. da Motta-Veiga) и Дж. В. Гаррисонъ (J. W. Harrisson).

Стэнли, вѣрный своему слову, привелъ обратно своихъ людей въ Занзибаръ, но увы! Какъ мало вернулось съ нимъ домой изъ тѣхъ, кто съ нимъ вышелъ изъ Багамойо 17-го ноября 1874 года.

«Все, что было пережито за это время, всѣ сцены борьбы человѣка съ природою, всѣ страданія моихъ спутниковъ, все ихъ довѣріе ко мнѣ, все разомъ ожило въ памяти—все это прошлое казалось сномъ. Черезъ много, много лѣтъ въ Занзибарѣ будутъ еще вспоминать наше путешествіе, и его участники будутъ казаться

героями изъ всего племени. Для меня они тоже были героями— эти бѣдные, невѣжественные сыны Африки. Съ первой борьбы въ дебряхъ Итуру (Ituru) до послѣдняго шага въ Эмбоммѣ во всѣ тяжкія минуты нашей общей жизни они никогда не оставляли меня, не измѣняли мнѣ. И благодаря труду ихъ рукъ и ихъ доброму сердцу экспедиція могла достигнуть тѣхъ результатовъ, какихъ она достигла и три важныя задачи географіи темнаго континента были разрѣшены. Laus Deo!..»

Помимо массы зоологическихъ и этнологическихъ данныхъ, собранныхъ Стэнли, онъ изслѣдовалъ озеро Викторія, опредѣлилъ пространство самой южной части Нила, объѣхалъ озеро Танганайка и установилъ его связь съ Лукугой (Lukuga), а главное—раскрылъ великую тайну Луалабы и, такимъ образомъ, пополнилъ крупный пробѣлъ въ географическихъ знаніяхъ цивилизованнаго міра.

IV.

Основаніе негритянскаго государства.

Международная ассоціація для изслѣдованія Центральной Африки.—Экспедиція къ Верхнему Конго подъ предводительствомъ Стэнли.—Задачи международной ассоціаціи Конга.—Конгская флотилія.—Совѣщаніе съ властями Виви и основаніе тамъ первой станціи.—Прокладка первой дороги отъ Виви къ Исанджилѣ.—«Bula Matari».—Туземный врачъ въ Конго.—Постройка плотины.—Преслѣдованіе крокодиловъ.—Плаваніе по Конго.—Туземный танецъ въ Ндунгѣ.—Стэнли при смерти.—Встрѣча французскаго національнаго флага.—Происшествіе въ Малимѣ.—Переговоры съ Нгаліемой и Макоко.—Болѣзнь Стэнли.—Результаты его экспедиціи по Верхнему Конго.—Безпорядки на станціяхъ по Конго.—Заключеніе братскаго союза съ Мангомбо.—Человѣческія жертвы віанезцевъ.—Возвращеніе Стэнли въ Европу.—Основаніе независимаго государства Конго.

ПОКУДА великія географическія открытія Стэнли были еще свѣжи у всѣхъ въ памяти, бельгійскій король совѣщался о томъ, какъ-бы сдѣлать Центральную Африку доступною для торговыхъ сношеній. Вся Европа принимала участіе въ обсужденіи этого вопроса и было рѣшено основать международную ассоціацію для изслѣдованія и цивилизаціи Центральной Африки. Во главѣ этой ассоціаціи стояли бельгійцы, и президентомъ былъ избранъ король Леопольдъ.

На слѣдующій годъ послѣ открытія Стэнли Верхняго Конго, образовался спеціальный отдѣлъ въ этой ассоціаціи для изслѣдованія этой рѣки. Отдѣлъ этотъ былъ названъ комиссіей для изученія Верхняго Конго и пользовался особымъ покровительствомъ и матеріальною поддержкою бельгійскаго короля. Главныя цѣли этой комиссіи заключались въ установленіи торговыхъ пунктовъ по большой рѣкѣ, въ пріобрѣтеніи земель и распространеніи цивилизаціи среди туземнаго населенія. Король Леопольдъ глубоко инте-

ресовался этимъ проектомъ и часто обращался къ Стэнли съ разными вопросами. Наконецъ, составился основной капиталъ, и Стэнли, по желанію короля, согласился быть главнымъ агентомъ комиссіи и стать во главѣ экспедиціи.

Стэнли задался цѣлью установить непосредственныя торговыя сношенія европейскихъ негоціантовъ съ туземными племенами Верхняго Конго. Его удачное путешествіе послѣдняго года навело его на мысль, что это вещь возможная. Экспедиція преслѣдовала филантропическую, ученую и коммерческую цѣли. Филантропическая ея цѣль заключалась въ открытіи доступа внутрь страны, и въ огражденіи ея отъ окружающихъ дикарей. Ученая цѣль состояла въ томъ, чтобы систематически ознакомиться съ областями между «Stanley Pool» и Бомой (Boma), опредѣлить съ точностью положеніе главныхъ пунктовъ и селеній этихъ племенъ. Коммерческая цѣль сводилась къ тому, чтобы узнать, возможно ли установить торговыя сношенія съ этими племенами, на основаніи обмѣна ихъ произведеній на мануфактурные товары цивилизованныхъ странъ.

Имѣя въ виду всѣ эти задачи, Стэнли отплылъ на «Albion'ѣ» изъ Лита (Leith) въ Занзибаръ, гдѣ набралъ себѣ 68 человѣкъ, изъ своихъ прежнихъ опытныхъ спутниковъ. Занзибарскій султанъ снабдилъ его маленькій пароходъ свѣжимъ мясомъ, курами, утками и черезъ нѣсколько дней онъ отплылъ къ устьямъ Конго черезъ Красное и Средиземное моря.

По прибытіи въ Аденъ, Стэнли получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ, что въ комиссіи для изученія Верхняго Конго произошли нѣкоторыя перемѣны. Съ тѣхъ поръ она и носитъ названіе «Международной Ассоціаціи Конго». Въ Гибралтаръ пришло письмо съ подробностями по поводу этихъ перемѣнъ. Въ письмѣ указывалось на необходимость пріобрѣтать земельныя концессіи отъ туземныхъ начальниковъ, съ правами на постройку дорогъ и на отдачу земли подъ обработку, на необходимость построить станціи и населить ихъ туземцами подъ надзоромъ бѣлыхъ. Каждую станцію проектировалось сдѣлать центромъ маленькой общины. Въ заключеніе Стэнли напоминали, что требуется основать не бельгійскую колонію, а обширное негритянское государство.

Пароходъ зашипѣлъ, пронзительно свистнулъ и двинулся впередъ по волнамъ къ западному берегу Африки.

— «Ура! Конго!»... Да, Стэнли снова увидѣлъ эту величественную рѣку. Съ палубы «Альбіона» она предстала во всей своей красѣ развернувшеюся на 3 мили ширины. Окруженная съ обѣихъ сторонъ горами и мрачными дремучими лѣсами, она съ необычайной силою стремится къ океану. Теченіе по временамъ было такъ сильно, что маленькій пароходъ всячески уменьшалъ свой ходъ, чтобы удержаться въ предѣлахъ обыкновенной скорости.

«Альбіонъ» скоро бросилъ якорь въ гавани Банана (Banana) (14-го августа 1879 г.), и офицеры, долженствовавшіе примкнуть здѣсь къ экспедиціи, встрѣтили Стэнли на берегу. Ихъ было 11 человѣкъ: 1 американецъ, 2 англичанина, 5 бельгійцевъ, 2 датчанина, и одинъ французъ. Конгская флотилія размѣстилась у берега. Она состояла изъ «La Belgique», двухъ-винтового парохода въ 16 лошадиныхъ силъ, въ 65 фут. длины; «L'esperance»—винтового парохода въ 6 лошадиныхъ силъ, 42 фут. длины; «En Avant»,—колесная лодка такой же силы 43 фут. длины; лодки «Royal». Эта послѣдняя была подарена экспедиціи королемъ Леопольдомъ. Кромѣ поименованныхъ лодокъ, было еще 2 стальныхъ плашкоута, 1 винтовой катеръ въ 24 фут. длины и китоловная лодка въ 33 фут. длины.

Банана съ берега представляетъ собой песчаный полуостровъ; вдали кругомъ видны горы и дремучіе лѣса. По берегу тянется набережная, а тамъ выше—дома негоціантовъ, изрѣдка мелькаетъ флагъ какого-нибудь изъ агентовъ европейскихъ государствъ. Нѣсколько недѣль было проведено здѣсь въ осмотрѣ лодокъ и въ распредѣленіи обязанностей между бѣлыми экспедиціи.

Экспедиція насчитывала въ своей средѣ 12 бѣлыхъ вмѣстѣ со Стэнли, 68 занзибарцевъ, 143 жителя Западнаго берега. Рано утромъ 21-го августа 1879 г., раздались свистки пароходовъ, и флотилія отплыла изъ Банана вверхъ по Конго. «Имѣлась въ виду новая задача, замѣчаетъ Стэнли, а именно покорить миролюбиво непокорныхъ, раздѣлить ихъ земли, превратить ихъ въ цивилизованныя національныя государства, куда могли бы проникать европейскіе негоціанты рука объ руку съ черными африканскими торговцами, подчинить все извѣстному порядку и закону, положить конецъ убійствамъ и беззаконію, пролить свѣтъ въ мрачную жизнь невольниковъ».

Стэнли описываетъ природу до Бомы, какъ нѣчто безконечно унылое, мрачное. Берега рѣки низкіе съ высокими деревьями, мѣстами смѣняющіеся густымъ кустарникомъ, иногда встрѣчаются узкія бухты, поросшія густой травою. Здѣсь не встрѣтишь ни одной птицы. Кругомъ все точно уснуло въ вѣчномъ снѣ—вездѣ тишина смерти. Въ Бомѣ Дэ-Дэ-Дэ (Dé-Dé-Dé), начальникъ поселенія Нсанда (Nsanda), котораго Стэнли встрѣчалъ прежде во время своей экспедиціи по темному континенту, былъ приглашенъ присоединиться къ экспедиціи въ качествѣ переводчика и парламентера.

«Альбіонъ» былъ отправленъ въ обратный путь съ письмами, а остальная флотилія направилась въ Виви (Vivi), гдѣ должно было основаться первое поселеніе. Рѣка между Бомой и Виви протекаетъ по насыпямъ камня и кварца, осколковъ скалъ, которыя ее окружаютъ. Когда они высадились на берегъ въ Виви, единственнымъ мѣстомъ годнымъ подъ поселеніе было песчаное пространство земли

въ 80 квадратныхъ ярдовъ. За ней шелъ густой лѣсъ травы въ 15 футовъ высоты, Дэ-Дэ-Дэ нашелъ нужнымъ выжечь эту траву и менѣе чѣмъ черезъ часъ пламя очистило порядочное пространство. Прежде чѣмъ приняться за основаніе здѣсь колоніи, рѣшили переговорить съ начальникомъ Виви. Дэ-Дэ-Дэ были поручены эти переговоры и черезъ два дня къ Стэнли прибыли пять представителей этого округа.

Главный начальникъ Виви назывался Виви Мавунги (Vivi Mawungi); это былъ коренастый, колченогій человѣкъ, съ выраженіемъ лица людоѣда. Его короткій костюмъ состоялъ изъ синей куртки съ пестрымъ жилетомъ и фригійской шапочки всѣхъ цвѣтовъ. Нгуфу Мпанду, второй по рангу, былъ сѣденькій старичекъ въ клѣтчатой юбкѣ и коричневой фетровой шляпѣ, на рукахъ и на ногахъ у него были браслеты изъ мѣдной проволоки. Капита (Kapita), третій, очень походилъ на Нгуфу. Виви-Нку былъ совершенно пьянъ и не могъ принимать никакого участія въ переговорахъ. На немъ была надѣта широкая, черная куртка, ярко красное нижнее платье и блестящая шелковая шляпа. Братъ его Бензани Конго, красивый, хорошо сложенный молодой человѣкъ, былъ въ коричневой курткѣ, въ юбкѣ легкой бумажной матеріи, а украшенія состояли изъ браслетъ изъ мѣдной проволоки на рукахъ и ногахъ.

Первый день закончился тѣмъ, что всѣ эти власти съ бутылками джина въ рукахъ, подготовляли свои мозги на завтра ко дню совѣщанія.

Лестью удалось склонить этихъ властелиновъ уступить 20 квадратныхъ миль земли за плату 32 фунт. стерлинговъ сукномъ и 2 фунт. стерл. деньгами ежемѣсячно. Стэнли считалъ это дорогою цѣною, полагая, что тутъ ясно обнаружилась природная способность туземцевъ къ торговлѣ. Въ Болобо (Bolobo) онъ видѣлъ мальчика 6 лѣтъ, который способенъ былъ больше нажить на сукнѣ стоимостью въ 1 фунт. стерл., чѣмъ англійскій мальчикъ 15 лѣтъ нажилъ бы на кускѣ цѣною въ 10 фунт. стерлинговъ.

Въ самое короткое время станція въ Виви была распланирована, и затѣмъ отправили лодку обратно въ лагерь Муссоко (Mussoko) за людьми и припасами. «Трудно себѣ представить, замѣчаетъ Стэнли, задачу болѣе трудную, неблагодарную, какъ побѣдить и покорить мрачную, суровую природу этой области». Но вотъ въ лѣсу раздался стукъ топора и лязгъ пилы — Стэнли самъ училъ людей обращаться съ строительными орудіями, что приводило въ неописанной восторгъ властей Виви, и они прозвали его «Bula Matari», т. е. каменоломъ. Въ 3 мѣсяца и 23 дня первая станція на верхнемъ Конго была основана.

Главная квартира помѣщалась въ шале на высотѣ 340 фут. надъ рѣкою; кругомъ размѣщались сараи для скота, коттэджи бѣлые, какъ снѣгъ. При станціи разведенъ былъ свой огородъ.

Работы было не мало, и требовалось не мало умѣнья, чтобы руководить людьми, но терпѣніе Стэнли и его настойчивость преодолѣли всѣ препятствія. Оставивъ Виви подъ надзоромъ Спаргаука, 2-го февраля 1880 г., Стэнли отбылъ съ отрядомъ избранныхъ людей въ Исанджилу, чтобы наблюдать за постройкой дороги.

Пороги дѣлали непроходимою рѣку между Виви и Исанджилой, приходилось идти черезъ хребетъ вершинъ въ 1,350 фут. высоты, покрытыхъ лѣсами высокой густой травы. Но нечего было дѣлать. «Впередъ—друзья!» и люди чуть не по горло вязли въ грязи пропитанной запахомъ кабановъ. Трудно передать всѣ затрудненія, неудобства ихъ перехода черезъ эти горы.

Пройдя 17 миль, отрядъ прибылъ въ поселеніе Банца-Нсанда (Banza Nsanda). Здѣсь ему была оказана настоящая торжественная встрѣча. Около 30 туземныхъ начальниковъ, въ старыхъ платьяхъ европейцевъ, привѣтствовали ихъ. Прежде чѣмъ начать совѣщаніе, пресловутая бутылка джина обошла присутствующихъ. Результатомъ этого совѣщанія было то, что начальники разрѣшили постройку дороги черезъ ихъ земли за плату матеріями, бусами и проволокою, на сумму въ 150 фунт. стерлинговъ. Проложить дорогу по направленію отъ Виви къ Исанджилѣ! Легко сказать! Проложить дорогу черезъ суровыя, грозныя горы, непроходимые лѣса, черезъ овраги, поросшіе кустарникомъ, черезъ пропасти, ручьи и потоки!

Но «Bula Matari» успѣлъ и въ этомъ. Отъ Нсанды приходилось идти черезъ неизвѣданные лѣса, гдѣ водились буйволы и слоны. Стэнли самъ только случайно спасся отъ нападенія буйвола, который былъ уже въ 40 футахъ отъ него. Выстрѣливъ въ него, онъ промахнулся. Буйволъ съ яростью кинулся въ его сторону, но вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, свернулъ въ кусты.

Вторая станція назначена была около Исанджилы. Мѣстныя власти обѣщали уступить землю въ обмѣнъ на тонкое сукно, военные мундиры, бусы, ножи и нѣсколько бутылокъ «Old Tom'а».

Время не терялось — изслѣдователи мѣстности вернулись въ Виви 10-го марта, черезъ 7 дней уже приступлено къ постройкѣ дороги, а черезъ мѣсяцъ и 3 дня, она была проложена уже на 22 мили, и экспедиція расположилась лагеремъ въ Макей Маніабѣ (Makey Manyaba).

По пути Стэнли познакомился съ однимъ мѣстнымъ врачемъ. Почтенный представитель этой благородной профессіи лечилъ только камешками и увѣрялъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ доктора отказывались отъ больного, ему удавалось вылечивать самыя трудныя болѣзни.

Затѣмъ отрядъ снова вернулся въ Виви. 3-го марта паровой катеръ «Royal» былъ поставленъ въ большой стальной вагонъ, и 50

туземцевъ потащили его черезъ горы въ лагерь Мангубу (Manguba). «En Avant» перевезли разобраннымъ, по частямъ, а 30-го іюля было доставлено въ лагерь все имущество передовой партіи, 1827 кладей—вѣсомъ около 54 тоннъ.

Работа между Виви и Мангубой, продолжалась 160 дней и за это время дорога была проложена на 966 миль.

9-го августа, піонеры размѣстились лагеремъ у рѣки Бунди (Bundi), въ 24 миляхъ отъ Виви. Здѣсь имъ пришлось прорубать дорогу въ бамбуковомъ лѣсу. Страна была дикая, негостепріимная,

Туземный врачъ въ Конго.

и вопросъ о пропитаніи внушалъ опасенія. За это время переболѣла почти седьмая часть экспедиціи и скорбный листъ увеличивался съ каждымъ днемъ.

Оставивъ бѣлыхъ наблюдать за запасами при рѣкѣ Бунди, Стэнли, во главѣ піонеровъ, отправился къ рѣкѣ Луендѣ (Luenda), отмѣчая дорогу флагштоками. Въ Нсекелело (Nsekelelo) 63 туземца за щедрые подарки согласились помочь въ прокладываніи дороги. Пароходы, лодки и запасы были переправлены въ Луенду 23-го октября.

6-го ноября отрядъ расположился лагеремъ въ виду горы Нгома (Ngoma). Здѣсь Стэнли встрѣтился съ де-Брацца, знаменитымъ французскимъ изслѣдователемъ, который прибылъ сюда съ 50

людьми. Всѣ они были вооружены Винчестерскими винтовками. Пробывъ два дня въ лагерѣ, де-Брацца направился къ Виви.

«Bula Matari» призадумался, какъ подойти къ этой мрачной горѣ Нгомѣ. Рѣка была недоступна, вслѣдствіе пороговъ и водопадовъ. Добраться до вершины Нгома, имѣвшей 15,000 фут. надъ лагеремъ, съ вагонами было немыслимо. Подошва горы выдавалась угломъ въ рѣку, а 400 ярдовъ дальше, на поросшей травой полосѣ земли виднѣлись звѣриные слѣды, которые затѣмъ пропадали въ скалахъ. Изъ скалъ Стэнли рѣшилъ построить черезъ рѣку каменную стѣну. 40 человѣкъ были назначены для главныхъ работъ, остальные для собиранія камня. Въ шесть дней построили каменный фундаментъ на мели въ рѣкѣ и на ней возвели плотину въ 400 ярдовъ длины, о которую рѣка стала ударять со всею силою. Лагерь перенесли на $^3/_4$ мили выше и приготовили лодки для изслѣдованія рѣки. Конго стала теперь судоходною на полторы мили отъ Исанджилы.

21-го февраля 1881 года экспедиція размѣстилась на квартирахъ въ Исанджилѣ, какъ разъ черезъ годъ послѣ того, какъ отрядъ выступилъ изъ Виви. Теперь піонеры проникли на 50 миль внутрь страны. Путешествіе было тяжелое, печальное — 6 европейцевъ и 22 туземца погибли отъ лихорадки; 13 бѣлыхъ возвратились домой больными. Потеря европейцевъ была возмѣщена нѣсколькими бельгійскими офицерами, присланными «Международной ассоціаціей».

Конецъ путешествія отъ Исанджилы до Маніанги (Manyanga) былъ совершенъ водою по рѣкѣ. «Royal» отправился въ путь подъ управленіемъ Фламини, итальянскаго инженера. За нимъ слѣдовалъ «En Avant». Шумомъ своихъ колесъ она разсердила крокодиловъ. Одинъ за другимъ стали они слѣдовать за лодками, съ выпучеными глазами, то погружаясь въ воду въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей добычи, то снова выглядывая изъ воды, точно выбирая удобный моментъ, чтобъ схватить лодку и, наконецъ, разъяренные неудачей стали преслѣдовать ее. Природа до самаго Кувоко (Kuvoko) не представляла ничего утѣшительнаго. Изрѣдка попадались деревья, мѣстами хилый, жалкій кустарникъ, высокіе утесы песчанника по южному берегу, а по сѣверному берегу встрѣчались мѣстами площадки земли, покрытыя травой. Рѣка тутъ болѣе открытая, горы и холмы исчезаютъ, виднѣются только на извилинахъ.

По Конго приходилось плавать съ большею осторожностью, такъ какъ на ней безпрестанно встрѣчались пороги, водовороты, рифы. Внутренность страны тоже безплодная. Голыя скалы и обширныя пространства красной земли по временамъ смѣнялись хилой, жидкой травой.

До Маніанги ничто не мѣшало ихъ плаванію. Туземцы при видѣ приближающихся пароходовъ съ крикомъ «A, Kumbi! Kumbi!»

(лодки! лодки!) бѣжали на встрѣчу. Лагерь быстро превращался въ рынокъ. Маніоковый хлѣбъ, бананы, индѣйское зерно, картофель, куры, козы, пальмовое масло мѣнялись на сукно, холстъ, бусы, проволоку и спиртные напитки.

Въ Ндунгѣ (Ndunga) молодые туземцы-мужчины и дѣвушки развлекали прибывшій отрядъ туземными танцами. Они сперва прыгали и кружились чрезвычайно весело, затѣмъ танецъ кончался тѣмъ, что всѣ брались за руки и начинали кружиться безъ конца, громко крича хоромъ. Въ серединѣ круга, на плечахъ товарища, помѣщался какой-нибудь юноша и лезвіемъ остраго ножа полосовалъ себя по языку при всякомъ новомъ крикѣ хора. Хороводъ кружился все быстрѣе и быстрѣе, крики хора становились все громче и громче и юноша съ изрѣзаннымъ языкомъ, изъ котораго кровь струилась по губамъ и подбородку, точно обезумѣвъ, неистово махалъ ножомъ, пока, наконецъ, Стэнли, страшась, что танцующіе потеряютъ совсѣмъ способность владѣть собою, не давалъ знака для прекращенія танцевъ.

Наконецъ, 1-го мая 1881 года, прибыли въ Маніангу. Тамъ Стэнли едва не умеръ отъ лихорадки. Онъ пролежалъ въ жару 14 дней. Все время ему давали хининъ, постоянно увеличивая дозы, къ 14 дню болѣзни онъ дошелъ до 50 грановъ въ день. 20-го мая Стэнли почувствовалъ приближеніе смерти. Были позваны піонеры, чтобы выслушать его послѣднія распоряженія, и европейцы окружили его кровать. Альбертъ Кристоферсонъ взялъ больного за руку. Стэнли послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій проговорилъ только: «Я спасенъ!» Черезъ десять дней онъ былъ уже внѣ опасности, за нимъ старательно ходили 2 мальчика—Мабруки (Mabruki) и Дуалла (Dualla).

5-го іюня изъ Виви прибылъ молодой нѣмецъ, Линднеръ съ подкрѣпленіемъ. Вскорѣ былъ заключенъ договоръ съ властями Маніанги, и затѣмъ приступили къ устройству третьей станціи на горѣ надъ рѣкой. Три европейца и 18 чернокожихъ были оставлены въ Маніангѣ на три года съ полнымъ содержаніемъ. Стэнли же вмѣстѣ съ лейтенантами Валькъ (Valk) и Браконье сухимъ путемъ отправились къ Slanley Pool, чтобъ подготовить тамъ все нужное для основанія еще новой станціи. Линднеру было поручено доставить вагоны и припасы въ Мпакамбенди (Mpakambendi), подняться на 22 мили выше и тамъ ожидать возвращенія піонеровъ. Первая часть путешествія была совершена черезъ высокіе хребты, пересѣченные пропастями и глубокими каменистыми ручьями. На третій день добрались до равнинъ, мѣстами поросшихъ травой. Страна кругомъ была плодородная, но мало обработанная, всякихъ продуктовъ обиліе и населеніе жаждало торговли.

Черезъ 14 дней добрались до поселенія предводителя Ббабва Нжали (Bwabwa Njali). Начальникъ этотъ былъ «тщеславенъ, какъ

женщина и легкомысленъ, какъ дитя», а въ душѣ—безнравственный плутъ, который старался подольститься къ пришельцамъ. Онъ иначе не говорилъ, какъ: «Любезный дорогой братъ! Братъ изъ братьевъ! Мой настоящій дорогой братъ!» и т. д. въ томъ же духѣ а между тѣмъ старательно разсматривалъ васъ и ваше имущество».

Едва партія прибыла въ поселеніе, какъ вдалекѣ показался французскій національный флагъ; несъ его негръ-матросъ въ сопровожденіи Маламеена, Сенегальскаго сержанта. У этого послѣдняго, какъ оказалось потомъ была бумага—договоръ вождя Макоко съ де-Брацца; въ силу этого договора Франціи уступалась часть земли отъ Гордона Бенеттъ (Gordon Bennett) до Импилы (Impila) по правому берегу Stanley Pool. Маламеенъ выступилъ на другой день и піонеры послѣдовали за нимъ. Черезъ 6 миль похода они дошли до Мфвы (Mfwa), и затѣмъ дальше до селенія Малима (Malima) вверхъ по рѣкѣ. Около 400 біанзійцевъ, высокихъ, широкоплечихъ, статныхъ, желтокожихъ молодцевъ, собрались здѣсь для продажи слоновой кости. Скоро появился и самъ вождь ихъ Гаманконо (Gamankono) и, пожавъ Стэнли руку, разрѣшилъ 400 туземцамъ начать свое мелодическое пѣснопѣніе. Нѣсколько успокоившись отъ волненія, Гаманконо приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ. Гаманконо, широкоплечій, дюжій негръ, въ своемъ клѣтчатомъ красновато-зеленымъ платьѣ, напоминалъ собою одухотворенную шахматную доску.

Стэнли обратился къ нему съ вопросомъ, дѣйствительно ли онъ запродалъ свою землю, на что тотъ отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ и готовъ войти въ соглашеніе и разрѣшить отряду основаться въ Малимѣ.

Тѣмъ не менѣе Маламеенъ въ сумерки вступилъ въ селеніе. Про бѣлаго человѣка распустили слухъ, что онъ ѣстъ черныхъ младенцевъ, и вотъ ночью глашатай сталъ ходить вдоль берега рѣки, выкрикивая, что бѣлые люди страстные любители мяса черныхъ мальчиковъ. На утро, въ лагерь прибыли отважные молодцы, вооруженные громадными ножами. Не разсчитывая на вліяніе вождей, Стэнли рѣшилъ отступить по дорогѣ въ Мфву. Преувеличенные разсказы о происшествіи въ Малимѣ дошли до Мфвы, и цѣлая шайка вооруженныхъ туземцевъ заградила отряду путь.

Недоразумѣніе, впрочемъ, скоро разсѣялось, когда узнали, что это идетъ «Tanley! Tanley!» и нѣсколько запыхавшихся туземцевъ прибѣжали сообщить, что кровный братъ Стэнли Нгаліема желаетъ его видѣть. Важное приглашеніе было принято, сдѣлано отступленіе и мѣстомъ встрѣчи назначенъ правый берегъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе Нгаліемы. Онъ явился только на четвертый день. Нгаліему 34 года, онъ хорошо сложенъ, гордъ, жаденъ и жестокъ. «Суевѣріе держитъ его въ своихъ оковахъ, онъ слѣпой рабъ фетишизма». Смягченный дарами, Нгаліема обѣщалъ склонить сво-

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Азанчеевъ, Н. Я. Резиновые буфера (рессоры). Подробное описаніе системы А. П. Энгельгардта и способы подрессорованія буферами всякихъ экипажей. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Аксаковъ, С. Т. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Андреевскій, И. С. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анисимовъ, А. Уставъ о пошлинахъ съ разъясненіями Правительст. Сената. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

„Артистъ“. Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 8-й. М. 1890 г. Ц. отд. № 2 р.

Берендтсъ, Э. Государственное хозяйство Швеціи. Ч. I. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Биддеръ, Э. д-ръ. Учебникъ акушерства для повивальныхъ бабокъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бобровъ, А. А. Ученіе о вывихахъ. Съ рисунками. Издан. 2-е, дополн. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бонаръ, А. Мериносы „Рамбулье“ и ихъ значеніе въ Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Боткинъ, В. П. Сочиненія. Т. I. Путешествія. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Будаевскій, С. Курсъ артиллеріи для военныхъ училищъ. Ч. I. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бузольтъ, Г. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣловъ, А. И. Обзоръ производства маргариновыхъ продуктовъ. Ц. 25 к.

— Историко-статистическіе очерки производства пищевыхъ продуктовъ. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Васильевскій, В. Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи. Вып. 1. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, М. Ребятки. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ рисунками. Спб. 1890 г. 25 к.

Ващенко-Захарченко, М. Е. Высшая алгебра. Теорія подстановленій и приложеніе ея къ алгебраическимъ уравненіямъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 4 р.

Веберъ, К. Руководство по дрожжевому производству. Спб. Ц. 90 к.

Великановъ, М. Русская грамматика. Синтаксисъ. Тверь. Ц. 75 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 25. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Викторовъ, А. Е. Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи. Изд. Археографич. комиссіи. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Владиміровъ, П. В. Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя. (Съ четырьмя снимками и портретомъ). Кіевъ. 1890 г. Ц. 65 к.

Волгинъ, И. На югъ!! 1881—1890 гг. Спб. Ц. 80 к.

Вольногорскій, П. Свѣточи знанія. I. Левъ Семеновичъ Ценковскій. Біографическій очеркъ. М. 1890 г. Ц. 35 к.

Воронцовъ-Вельяминовъ, И. А. Сборникъ законоположеній о крестьянахъ, для губерній, на кои распространяется дѣйствіе полож. о земск. начальн. Тула. 1890 г. Ц. 2 р.

В. С. Замѣтки и отзывы по разнымъ предметамъ вмѣстѣ съ житейскими сценами изъ недавняго прошлаго. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Высоковичъ, В., д-ръ. О прохожденіи бактерій черезъ легкія. Харьковъ. 1890 г. Ц. 50 к.

— Объ отношеніи золотухи къ бугорчаткѣ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Гарусовъ, И. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Кн. II. Издан. 2-е, исправ. и знач. дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Герингъ, Ѳ., д-ръ. Излечимость гортанной чахотки и хирургическое ея леченіе. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Гете, В.** Фаустъ. Драматическая поэма. Переводъ Н. Холодковскаго. (Де-

шевая библіотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Геттихъ, Н. П. Французскій десятичный вѣсъ. О замѣнѣ десятичнымъ вѣсомъ нынѣ дѣйствующаго медицинскаго вѣса. Харьковъ. 1890 г. Ц. 20 к.

Глазунова, А. и Е. Разина. Задачи для постепенныхъ упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей. Курсъ 2-й. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія ко 2-му курсу задачъ для постеп. упражн. въ письмен. изложен. мыслей. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Горбуновъ. Программы и уставъ православныхъ духовныхъ семинарій. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Далльмейръ, И. Г. Выборъ и способъ употребленія фотографическихъ объективовъ. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Елагинъ, П. Н. Практическое птицеводство. Содержаніе и разведеніе птицъ въ русскихъ хозяйствахъ. Спб. Ц. 2 р.

Золоченіе и серебреніе деревянныхъ издѣлій. М. 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи № 10. Симферополь. 1890 г. Ц. 1 р.

Инструкція церковнымъ старостамъ (Высочайше утвержд. 12-го іюня 1890 г.). Харьковъ. Ц. 30 к.

Исполатовъ, І. І. На память паствѣ о ея пастырѣ. Собраніе бесѣдъ и поученій. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Кайгородовъ.** Изъ царства пернатыхъ. Популярные очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. III. Спб. Ц. 75 к.

Кендзерскій, В. А. Употребленіе знаковъ препинанія въ русской письменной рѣчи. Издан. 2-е. Варшава. Ц. 75 к.

Коллбъ-Селецкій, Э. Туфля. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи. Черниговъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Кохановская.** Старина. Семейная память. Повѣсть. Издан. 2-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.

Крестовскій, Вс. Вл. Тамара Бендавидъ. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Лабрюйеръ-де, Ж. Характеры или нравы этого вѣка. Съ предисловіями Прево-Парадоля и Сентъ-Бева. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Лагранжъ, Ф., д-ръ. Гигіена физическихъ упражненій дѣтей и молодыхъ людей. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лагусъ, В. Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкфельдъ, П. Различныя направленія въ логикѣ и основныя задачи этой науки. Харьковъ. 1890 г. Ц. 3 р.

Летурно, Ш. Эволюція собственности. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Липранди, А. П. (А. Волынецъ). Какъ остановить мирное завоеваніе нашихъ окраинъ? Кіевъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Львовъ, А. Д., князь. Городскія пожарныя команды. Опытъ руководства къ ихъ устройству и отправленію ими службы. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Льдовъ, Константинъ. Стихотворенія. Спб. 1890 г. Ц. 1 р., на веленев. бумагѣ 2 р.

Маврицкій, В. А. Новая инструкція церковнымъ старостамъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Макалинскій, П. В. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. 2 ч. Издан. 3-е, значит. измѣнен. и исправл. Спб. 1890 г. Ц. 6 р.

Месковскій. Ал. Образцовый самоучитель французскаго языка. Выпускъ II. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Надеждина, Э. Самоучитель кройки дамскихъ платьевъ, капотовъ, пальто и проч., съ чертежами. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 3-й. М. 1890 г. Ц. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Нейштубе, С. Т. Практическое руководство для производства кастраціи свиней. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Окрашиваніе металловъ. М. 1889 года. Ц. 25 к.

„Помощь Самообразованію“. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, издав. и редакт. врачемъ А. Ѳ. Тельнихинымъ. Вып. 2-й. Саратовъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пономаревъ, И. Н. Тайны болгарскаго двора. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Пономаревъ, Н. В. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ подававшимся патріарху Адріану и разнаго чина лицамъ, съ сентября 1698 по августъ 1699 г. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Родъ, Эдуардъ. Смыслъ жизни. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р., на веленев. бум. 1 р. 25 к.

Ростовцева, Е. Варка сыровъ бакштейна и пекарино. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **А. А. Перовскаго.** 2) Стэнли. Иллюстрированный очеркъ его путешествій и открытій. Ранніе годы Стэнли. — Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона. — По африканскимъ озерамъ. — Основаніе государства Конго. — На поискахъ за Эминомъ-пашей. Гл. IV. (Продолженіе). Съ иллюстраціями: Король племени Вагумба.—Типпо-Типъ.—Stanley Pool.—Туземный врачъ въ Конго. 3) Карта центральной Африки. 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

НОЯБРЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯБРЬ, 1890 г.

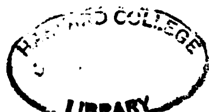
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **А. Ѳ. Бычкова.** 2) Стэнли. Иллюстрированный очеркъ его путешествій и открытій. Ранніе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.—По африканскимъ озерамъ.—Основаніе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей. Гл. V. (Продолженіе). Съ восемью иллюстраціями въ текстѣ. 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
въ 1891 году.
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться **въ 1891 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе одиннадцать лѣтъ (1880—1890).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени".**

АФАНАСІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ БЫЧКОВЪ

дозв. ценз., спб. 16 сентября 1890 г.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Маша — Марѳа.

I.

ЫЛА У МАТУШКИ двоюродная сестра Глафира Николаевна—«тетя Глаша», какъ мы ее звали—дѣвица, по какимъ-то романическимъ причинамъ, однакожъ, вполнѣ цѣломудреннымъ, не вышедшая замужъ. Жила она довольно далеко отъ насъ, верстахъ въ тридцати, въ своемъ имѣнiи Пестрядкѣ. Это имѣнiе принадлежало сперва не ей одной, а также и брату ея, Василію Николаевичу Коптеву, также почему-то не женившемуся, хотя въ свое время, говорятъ, онъ считался завиднымъ женихомъ, такъ какъ былъ красивъ, отлично танцевалъ мазурку, а, кромѣ того, имѣлъ еще прекрасное состоянiе — вотъ эту Пестрядку вмѣстѣ съ сестрой, «тетей Глашей», и лѣсъ, что въ нашей степной сторонѣ и тогда было большой рѣдкостью, а стало быть и цѣнностью.

Но «дядя Вася» умеръ, когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, и я едва его помню. У меня остались въ памяти только его огромные усы и большiе черные смѣющiеся глаза, да помню я еще какъ онъ игралъ на «семиструнной» гитарѣ—почему семиструнной—не знаю—и при этомъ пѣлъ и такъ жалостно, съ душой, что у насъ всѣ горничныя бывало приходили слушать его къ дверямъ и плакали, смотря на него сквозь щелку.

Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, я не столько помню самъ, какъ запомнилъ разсказы объ этомъ нянекъ и горничныхъ,

которыя его постоянно, когда онъ бывалъ у насъ, слушали, и долго и потомъ, послѣ его странной и внезапной кончины, все не могли забыть ни его «семиструнную» гитару, ни его самого.

Дядя Вася, кажется, пилъ—на это есть указаніе, сохранившееся въ разсказахъ объ немъ, объ его добротѣ, щедрости, необыкновенно веселомъ и потомъ вдругъ грустномъ и печальномъ настроеніи. Но матушка, когда я ее спрашивалъ объ этомъ, всегда съ негодованіемъ отвергала даже самую мысль о томъ, что онъ имѣлъ какое-нибудь пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ.

— Это былъ рѣдкой души человѣкъ,—обыкновенно говорила она послѣ этого,—но и глубоко несчастный. Онъ своимъ кажущимся веселіемъ подавлялъ въ себѣ свою грусть, чтобы только люди не замѣчали ничего.

Во всякомъ случаѣ, это былъ несомнѣнно очень симпатичный и добрый человѣкъ, который оставилъ по себѣ хорошую память.

Умеръ онъ странно и неожиданно. Ранней весной, только-что начались пригрѣвы и съ холмовъ побѣжали ручейки, онъ безъ всякой повидимому причины—по крайней мѣрѣ, она такъ и осталась никому неизвѣстной—заскучалъ и однажды вечеромъ велѣлъ приготовить себѣ постель не въ кабинетѣ своемъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, а на верху, въ мезонинѣ, въ большой комнатѣ, съ балкончикомъ, откуда у него былъ лѣтомъ чудный видъ на рѣку и на огромный его же синій лѣсъ за рѣкой. Изъ этой комнаты, съ балкончика, я помню, мы впослѣдствіи все любовались на эту картину, а я все вглядывался въ стѣны, въ полъ, въ потолокъ—свидѣтелей дядиной загадочной кончины. Мебели потомъ въ этой комнатѣ не было никакой...

Разсказывали объ этомъ такъ: по обыкновенію, поужинавъ вмѣстѣ съ сестрой, онъ, нѣсколько болѣе чѣмъ всегда, то задумчивый и грустный, то веселый и разговорчивый—эти переходы у него были постоянно—ушелъ къ себѣ наверхъ спать, давъ на вопросъ сестры, спросившей его, зачѣмъ онъ велѣлъ тамъ приготовить сегодня себѣ постель,—странный и загадочный отвѣтъ: «Тамъ тише»...

— Да тутъ-то тебя кто же безпокоитъ?

— Никто, но тамъ все-таки покойнѣе,—отвѣтилъ онъ и, весело посмотрѣвъ сестрѣ въ глаза, ушелъ туда съ своей семиструнной гитарой.

Ночью, нѣкоторое время еще слышали, что онъ тамъ играетъ и поетъ. Старуха нянька,—его и ея—жившая у нихъ въ домѣ уже на покоѣ и встававшая обыкновенно очень рано, раньше всѣхъ, часа въ четыре и даже три, «съ пѣтухами», разсказывала потомъ, что она ночью, когда вставала, слышала, какъ будто кто плачетъ:—«и до того тихо, да жалобно»... Но она подумала, что это плакала во снѣ одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, спавшихъ въ сосѣдней комнатѣ, и не придала этому никакого значенія.

— И я почему это вспомнила,—говорила она послѣ,—плачъ-то этотъ сверху какъ будто шелъ... Это безпремѣнно онъ плакалъ, тяжело его душенькѣ было съ нами разставаться... А я-то, дура, тогда не догадалась...

Но какъ бы то ни было, утромъ, когда пришли въ комнату, гдѣ онъ спалъ, нашли его сидящимъ на кровати—онъ даже не раздѣвался—съ своей «семиструнной» гитарой на колѣнахъ и какъ бы дремлющимъ, или заснувшимъ.

Признаковъ насильственной смерти не было никакихъ. Вѣроятнѣе всего, онъ умеръ отъ разрыва сердца, или другой какой подобной же причины. Но всѣхъ смущало это странное и загадочное желаніе его ночевать эту ночь на верху, одному, въ мезонинѣ.

— И, вѣдь, ты повѣришь,—потомъ сколько разъ, я слышалъ, тетя Глаша разсказывала, вспоминая объ этомъ, матушкѣ,—ты повѣришь, въ голову вѣдь никому не пришло. Думали, такъ, странность какая-нибудь... У него это, вѣдь ты знаешь, было иногда: вдругъ въ лѣсъ уѣдетъ и одинъ тамъ ночуетъ, играетъ, поетъ. А то всю ночь до утра проѣздитъ по рѣкѣ въ лодкѣ съ гитарой своей. Верхомъ сколько разъ въ степь ночью уѣзжалъ одинъ. Бывало, однимъ словомъ, это съ нимъ...

А нянька старуха увѣряла, что это не просто съ нимъ случилось,—онъ ужъ съ вечера зналъ или чуялъ, что приближается его конецъ.

— Кончину свою всегда человѣкъ чуетъ и не только человѣкъ, но и скотина безсловесная. Отчего же вотъ собака, которая если старая, и чуетъ, что издыхать ей скоро придется, забивается въ уголъ, куда-нибудь въ сторонку, или подъ балконъ уйдетъ? Кончину свою всѣ чуютъ...

Однимъ словомъ, смерть дядина осталась загадкой, о которой вспоминали каждый разъ почти, какъ вспомнили объ немъ или бывали въ домѣ, гдѣ онъ жилъ. «Семиструнная» гитара его, одѣтая въ какой-то кисейный, изъ грубой кисеи, чахолъ, висѣла въ углу, въ его кабинетѣ, надъ любимымъ его кресломъ. Она пользовалась какой-то странной, не то страшной репутаціей. Я помню, я на нее все смотрѣлъ и, однажды, при матушкѣ, влѣзъ на кресло и хотѣлъ дотронуться до нея, но матушка тотчасъ же сказала:

— Оставь... не трогай ее.

— А что?—спросилъ я, и мнѣ вдругъ стало страшно.

— Не трогай ее, Богъ съ ней совсѣмъ...

— Ничего,—продолжалъ я.

Но я и самъ бы ее не тронулъ...

II.

Послѣ дядиной кончины, тетя Глаша переѣхала къ намъ и жила у насъ около полугода. Ей отдали угольную комнату и другую, смежную съ нею, куда она перевезла изъ Пестрядки нѣкоторыя свои вещи и устроилась, какъ ей было удобнѣе и какъ она хотѣла.

Тетю Глашу я помню ужъ очень хорошо. Это была небольшого роста, худенькая, блѣдная дѣвушка, тоже съ большими темными глазами и гладко причесанная. Она ходила всегда одѣтая очень скромно, въ темномъ платьѣ съ бѣленькими рукавчиками и воротничками. Въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, ей было лѣтъ тридцать пять. Я какъ сейчасъ гляжу на нее: сидитъ въ своей комнатѣ въ креслѣ, у окна, кругомъ разставлены столики, этажерки съ разными дагеротипными портретиками, статуетками, чашечками и т. под.,—сидитъ и акуратненько вяжетъ чулокъ изъ тоненькихъ-тоненькихъ нитокъ и весь чулокъ ажурный, съ узорными дырочками, полосочками. Я помню, все удивлялся, какъ это она умѣетъ такъ искусно вязать.

— Какъ это ты такъ умѣешь?—скажу я ей, бывало, послѣ того, какъ долго смотрю на нее.

— Тебя удивляетъ? Да?—отвѣтитъ она, опуститъ руки съ чулкомъ къ себѣ на колѣни и съ улыбкой тоже долго и пристально посмотритъ на меня. А потомъ вздохнетъ и опять примется за чулокъ.

Съ этимъ вязаньемъ она не разставалась. Утромъ, въ девять часовъ, когда она выходила изъ своей комнаты и шла въ столовую, гдѣ мы всѣ въ это время ужъ пили чай,—чулокъ, подвернутый и закатанный снизу, былъ съ нею и она на ходу быстро перебирала блестящими тоненькими стальными спицами. Она и потомъ, цѣлый день, не разставалась съ нимъ. Лѣтомъ бывало пойдутъ всѣ въ садъ гулять, и она пойдетъ съ своимъ вязаньемъ. Эта работа, повидимому, нисколько ей не мѣшала. Она разговаривала, слушала, смотрѣла по сторонамъ, даже читала, и въ это время вязала. И никогда, ни разу я не помню, чтобы она ошиблась въ узорѣ или спустила петлю. Точно всѣ эти узоры запечатлѣлись у нея гдѣ-то въ головѣ и руки ея, помимо ея воли, сами собою справлялись и выводили эти узоры.

Потомъ она вязала также крючкомъ гарусомъ одѣяльца для дѣтей и тоже необыкновенно искусно и со вкусомъ, и всегда полосатыя—полоска голубая, розовая, коричневая, а по этимъ полоскамъ еще какой-нибудь бѣлый или черный шелковый узоръ. Выходило очень красиво. Одѣяльца эти она дарила всегда тѣмъ изъ своихъ знакомыхъ сосѣдей-помѣщиковъ, которые ждали у себя скоро приращенія семейства; а такъ какъ кто же въ уѣздѣ у насъ ее не

зналъ или кого она не знала, и кто же не былъ, при ея кроткомъ характерѣ, добрымъ ея сосѣдомъ, то выходило такъ, что у всѣхъ были ея одѣяльца и народилось и выросло цѣлое поколѣніе, покрывавшееся этими ея работы одѣялами — розовыми, голубыми, пунсовыми и проч.

Но это все-таки была исключительная, къ случаю, ея работа,— постоянная была вотъ эти тоненькіе ажурные чулки.

Тетя Глаша располагала совершенно свободными средствами. Она была очень скромна и не проживала и половины того, что получала. Она очень любила лошадей и у нея была прекрасная вороная тройка, отличный экипажъ, въ которомъ она и пріѣзжала къ намъ и къ другимъ родственникамъ и знакомымъ. Я помню ея красавца старика-кучера съ сѣдой окладистой бородой, съ широчайшими плечами и громкимъ голосомъ, которымъ онъ никогда не кричалъ на встрѣчныхъ, а только говорилъ: «пади!» но за то такимъ громкимъ и сильнымъ басомъ, что еще издалека его можно было слышать и ему давали дорогу.

Она очень «жалѣла» лошадей. Бывало, я помню, ѣдешь съ ней, лошади бѣгутъ полной рысью и нисколько не устали, а она ужъ все безпокойно заглядываетъ на нихъ и потомъ скажетъ:

— Ермилъ, поѣзжай потише, дай имъ вздохнуть...

Ермилъ сдержитъ лошадей, но иной разъ обернется и, благодушно улыбаясь, замѣтитъ:

— Вы, барышня, портите ихъ только этимъ. Онѣ въ настоящую рысь никогда у насъ не взойдутъ.

— Ну, Богъ съ ними ужъ.

И иногда, когда мы гуляли, и заходили всѣ на конюшню, гдѣ стояли и ея лошади, она вынимала изъ кармана въ бумажкѣ кусочки сахара и давала имъ, трепля ихъ своей маленькой ручкой въ перчаткѣ по мягкимъ, теплымъ мордамъ. А онѣ на нее ласково косились своими умными красивыми большими глазами.

Собакъ и собачекъ она не любила, особенно собачекъ. Въ домѣ у насъ была большая собака сенъ-бернардской породы, которая, бывало, важно переходила отъ одного къ другому. Когда она подходила къ тетѣ Глашѣ и клала ей на колѣни свою морду, она всегда сейчасъ же вынимала изъ кармана кусочекъ сахару и давала ей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ласково выпроваживала отъ себя.

— Ну, довольно, довольно, иди: получила и иди...

Не любила ихъ.

Образованіе тетя Глаша получила домашнее. Она совершенно правильно писала по-русски, говорила очень хорошо по-французски и играла на фортепіано. Но она не любила, кажется, музыку.

— Я не то чтобы не люблю ее, а мнѣ все равно, что хоть бы ее и не было,—говорила она:— вотъ братъ, покойникъ, ужъ какъ пѣлъ и игралъ, всѣ знаютъ, а я нѣтъ...

Тетю Глашу вообще всѣ очень уважали: во-первыхъ, она была съ хорошими средствами и, не смотря на ея тридцать пять лѣтъ, всѣ были убѣждены, что она все-таки выйдетъ замужъ, и потомъ она такая кроткая, не сплетница, не злоязычница. Она вездѣ, куда пріѣзжала, была почетной гостьей, и ей дѣйствительно были рады.

Молчаливая, смирная, кроткая, она тѣмъ не менѣе, однакожъ, не любила сидѣть дома у себя въ Пестрядкѣ, а предпочитала гостить у кого-нибудь изъ родныхъ, а больше всего у насъ. Но, вѣроятно, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это она дѣлаетъ изъ скупости, по разсчету, она всякій разъ привозила съ собою, или потомъ привозили отъ нея, подъ предлогомъ, что это какіе-то необыкновенные, гусей, утокъ, индюшекъ, варенья, соленья и проч.

— Для чего ты это, Глаша, дѣлаешь?—бывало при этомъ спрашивала всякій разъ ее матушка.

— А чтожъ такое?

— Да для чего это?

— А мнѣ кажется, у меня хороши они вышли въ этомъ году.

— Очень хороши; только для чего это ты? Это совсѣмъ напрасно.

А то вдругъ поѣдетъ въ городъ и привезетъ оттуда чаю, сахару, кофе и разныхъ припасовъ.

— Глаша, для чего это ты?

— Все равно, надо же покупать. Прошлый разъ вы покупали, этотъ разъ я. Я у васъ живу...

— Да не нужно это совсѣмъ.

— Ну, слѣдующій разъ вы ужъ купите.

И такъ всегда, постоянно.

Очень она была на этотъ счетъ акуратна или щепетильна и ей это, кромѣ того, доставляло, кажется, даже удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, куда и для чего ей было беречь? Она была совсѣмъ одна, и мы, и всѣ это знали. Она всюду пріѣзжала одна и, когда кто пріѣзжалъ къ ней, заставали и дома ее всегда одну.

— Глашенька, ты бы хоть какую родственницу взяла къ себѣ,—говорили ей.

— Да?

— Серьезно. Тебѣ все-таки бы веселѣе было.

— Отвѣтственность большая.

— Да въ чемъ?

— Ну, какъ же...

И на этомъ такъ всегда разговоръ и прекращался.

III.

Но однажды, когда она гостила у насъ, я услыхалъ странный и показавшійся мнѣ чрезвычайно любопытнымъ разговоръ, который происходилъ у нихъ съ матушкой, въ моемъ присутствіи, и кото-

рый они вели, кажется, въ полномъ убѣжденіи, что я хотя и тутъ, съ ними сижу, но настолько занятъ своимъ дѣломъ — разсматриваніемъ картинокъ—что ничего не слышу, да если бы и услыхалъ, все равно, ничего не пойму.

Матушка ее спрашивала:

— Глаша, ты когда въ монастырь поѣдешь?

— Думаю, на той недѣлѣ.

— А когда, ты говоришь, она скончалась?

— Мать Евѳимія-то? Да ужъ второй мѣсяцъ.

— Такъ что Маша, значитъ, у Досиѳеи все время и живетъ?

— Да. Это тоже чудная женщина.

— Досиѳею-то, я знаю,—увѣренно отвѣтила матушка.

Онѣ помолчали обѣ. Я понималъ, что онѣ говорили про женскій монастырь, который былъ въ сосѣднемъ съ нами уѣздѣ и куда онѣ обѣ, и матушка, и Глаша, и еще другая тетка, Евпраша, ѣздили иногда говѣть. Но кто такая эта Маша, про которую они упоминали? Имена Досиѳеи и Евѳиміи, а также и другихъ монахинь тамошнихъ, я зналъ, но ни о какой Машѣ никогда вмѣстѣ съ ними не упоминалось. И вдругъ—Маша...

Какъ часто это бываетъ и со взрослыми, ничтожное и повидимому совсѣмъ даже постороннее обстоятельство вдругъ почему-то обратитъ на себя вниманіе и вслѣдъ затѣмъ дѣлается цѣлое открытіе, котораго ранѣе и не подозрѣвали. Такъ было и тутъ. Эта «Маша» вдругъ почему-то меня заинтересовала. Я сталъ прислушиваться къ ихъ разговору. Но онѣ говорили ужъ о чемъ-то совсѣмъ, повидимому (такъ мнѣ съ перваго раза показалось), постороннемъ,—о какихъ-то планахъ, предположеніяхъ и между прочимъ о комнатахъ въ пестрядкинскомъ домѣ, какую изъ нихъ, ту или эту отвѣсти для «нея».

— Понимаешь, мнѣ хочется такъ,—говорила тетя Глаша,—чтобы гувернантки комната была рядомъ съ ея.

— Да я понимаю,—отвѣчала ей матушка.

«Кто эта «она», «ея» и о какой это гувернанткѣ онѣ говорятъ?»—думалъ я, ничего непонимая.—«И потомъ, что это такое вообще готовится въ пестрядкинскомъ домѣ у тети Глаши?»

Послѣ этого я ужъ сталъ совсѣмъ внимательно ихъ слушать, ожидая, что будетъ дальше.

Матушка вздохнула. Обѣ онѣ нѣкоторое время помолчали.

— Да,—начала матушка,—я понимаю, конечно, хочется, чтобы она была и образованная и все такое, только...

Она не договорила и замолчала. Тетя Глаша продолжала за нее:

— Вотъ видишь, если ее такъ оставить,—во-первыхъ, братецъ (тетя Глаша такъ всегда называла покойнаго дядю Васю, своего брата) желалъ, чтобы она получила образованіе — ты вѣдь это

знаешь—а потомъ что же она за госпожа будетъ для Пестрядки? Вѣдь выйдетъ же она замужъ...

— Да это-то такъ,—соглашалась матушка.

— А тутъ по крайней мѣрѣ, при образованіи, не такъ замѣтно будетъ ея происхожденіе... скроется...

Я сообразилъ на основаніи всего этого, что эта «она» нѣчто находящееся въ связи съ дядей Васей, по крайней мѣрѣ, съ памятью объ немъ.

— Послѣдній разъ ты ее когда видѣла? въ прошломъ году?— спросила матушка.

— Осенью, нынче осенью. Я вѣдь осенью была въ монастырѣ.

Матушка вспомнила, что тетя Глаша дѣйствительно осенью ѣздила въ монастырь, и она это знала, но какъ-то вдругъ забыла объ этомъ.

— Похожа становится на брата Василія Николаевича? —спросила она.

— Поразительное сходство,—отвѣчала тетя Глаша:—знаешь эти глаза, улыбка... Помнишь, какъ это онъ, бывало, веселый-веселый и потомъ задумается...

— Такъ что больше на него похожа, а не на мать?

— На него. Авдотья же была вѣдь совсѣмъ свѣтлая блондинка.

— Не помнитъ она ее?

— Мать?—нѣтъ.

— А Василія Николаевича?

— Слабо, но помнитъ однакоже. Я какъ-то разъ заговорила съ ней:—помнишь, Маша, говорю, папу своего?...

Матушка въ это время перебила ее:

— Ну за чѣмъ ты это дѣлаешь?

— Что̀?—удивилась тетя Глаша.

— Говоришь, объясняешь ей, кто ея отецъ.

Тетя Глаша посмотрѣла на матушку и до того кротко и тихо, любовно отвѣтила ей:

— Ахъ, кажется, что же это, если у нея и это отнять?

— Да я ничего, я это такъ,—поправляясь, заговорила матушка.—Рано мнѣ, кажется, только это ей еще объяснять.

— Я вѣдь ей все: и портретъ его и письма его, въ которыхъ онъ объ ней пишетъ—все ей отдала. Пускай знаетъ, что былъ человѣкъ, который ее любилъ, для котораго она была дороже всего. Что онъ не успѣлъ ее обезпечить, оставить ей состоянія, то все это я—это моя ужъ будетъ забота, я это сдѣлаю—не воспользуюсь его имѣніемъ... но такъ, чтобы она знала, кто былъ ея отецъ и что онъ любилъ ее—это непремѣнно должно сдѣлать... Это я для него ужъ должна сдѣлать, если не для нея самой...

Тетя Глаша сказала это съ такимъ возбужденіемъ, съ такимъ непреклоннымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что я,

какъ взглянулъ на нее, такъ и остался, не сводя съ нея глазъ: до того это было не похоже на нее и невиданно.

Матушка чтò-то ей отвѣтила въ свое оправданіе, что она не то совсѣмъ хотѣла ей сказать, что тетя Глаша не такъ ее поняла, чтò-то въ этомъ родѣ; но онѣ обѣ сейчасъ же, точно вдругъ и только теперь меня увидѣли и замѣтили, что я ихъ слушалъ все время, и, какъ ни въ чемъ не бывало, начали говорить, обращаясь ко мнѣ, какой я чудной, какой у меня уморительный видъ, что я должно быть спалъ все время и видѣлъ что-нибудь во снѣ и проч.

Я молчалъ, снисходительно, какъ проникшій ихъ тайну, поглядывалъ на нихъ и думалъ: — «какъ же это такъ не зналъ я этого раньше?»

Вечеромъ въ этотъ же день, отправляясь спать, я сказалъ сестрѣ Сонѣ:

— Соня, ты знаешь, у дяди Васи есть дочь.

Соня съ удивленіемъ посмотрѣла на меня.

— Да,—продолжалъ я,—зовутъ ее Маша и ее скоро перевезутъ въ Пестрядку.

— Откуда? Какая дочь? — спросила Соня.

— Дочь дяди Васи, — рѣшительнымъ и увѣреннымъ тономъ отвѣчалъ я ей,—та, которая въ монастырѣ теперь у монахини матери Евѳиміи живетъ... Ее скоро возьмутъ оттуда и она будетъ жить въ пестрядкинскомъ домѣ, въ угольной, а рядомъ, въ маленькой комнаткѣ, будетъ жить гувернантка...

Сестра съ недовѣріемъ посмотрѣла на меня и покачала головой, дескать, Богъ знаетъ, что ты говоришь...

— Вотъ ты увидишь. Ты не вѣришь и увидишь...

IV.

«Тетя Глаша» прожила послѣ этого у насъ не долго и уѣхала въ монастырь говѣть—это было постомъ великимъ. Почему-то матушка, ѣздившая тоже туда съ нею, не поѣхала этотъ разъ вмѣстѣ, а нѣсколько дней спустя. Провожая матушку, мы слышали, отецъ сказалъ ей:

— Если поѣдешь въ Пестрядку оттуда, къ Глафирѣ Николаевнѣ, то дай знать, пришли нарочнаго, извѣсти, сколько ты тамъ пробудешь.

— Нѣтъ, я едва ли поѣду, пускай она пока тамъ устроится,— отвѣчала ему матушка.

— Ну, ужъ это ваше дѣло, только если поѣдешь, — пришли извѣстіе.

Мы съ сестрой, стоявшіе тутъ же, при этомъ переглянулись.

— Нѣтъ, и даже навѣрно могу сказать,—продолжала матушка,— что я туда не поѣду. Маша, гувернантка—это цѣлая исторія: пу-

скай сперва устроятся... Я послѣ поѣду ихъ посмотрѣть... черезъ недѣлю, черезъ двѣ...

Послѣ этого разговора ихъ, слышаннаго нами обоими, для насъ уже не оставалось никакого, малѣйшаго даже, сомнѣнія въ томъ, что предыдущій разговоръ матушки съ тетей Глашей, понятъ мною, какъ слѣдуетъ, т. е., что у нея, у тети Глаши, на рукахъ дочь дяди Васи, которая воспитывалась до сихъ поръ въ монастырѣ, а теперь тетя Глаша беретъ ее оттуда, и она вмѣстѣ съ гувернанткой—вотъ только съ какой?—будетъ жить у нея въ Пестрядкѣ.

Совершенно неожиданное, сдѣланное нами, открытіе это, въ высшей степени возбудило наше любопытство. Какова эта Маша, сколько ей лѣтъ, кто такая эта ея мать Авдотья, на которую она, по словамъ тети Глаши, нисколько не похожа—столько вопросовъ и ни отъ кого мы не могли получить на нихъ никакого отвѣта. Если бы дѣло было лѣтомъ, когда мы ходили гулять и въ садъ, и въ поле, и такъ на дворѣ, я бы ужъ конечно отъ кого-нибудь—отъ садовниковъ, огородниковъ, пчелинцевъ, конюховъ и проч. ужъ узналъ бы, допытался бы, а тутъ, зимой, отъ кого можно было это все разузнать? Мы никого не видали, сидѣли въ домѣ, въ заперти, а если насъ пускали кататься на тройкѣ, то мы ѣздили вмѣстѣ съ гувернанткой и какъ же это и кого же это я сталъ бы разспрашивать? Конечно, я сдѣлалъ все-таки попытки, хоть что-нибудь разузнать — спросилъ нашу гувернантку Анну Карловну, такъ какъ бы мимоходомъ и это меня нисколько собственно не интересуетъ, какихъ лѣтъ дочь дяди Васи, которая теперь въ монастырѣ и за которой поѣхала тетя Глаша, чтобы взять ее къ себѣ въ Пестрядку; но Анна Карловна только съ удивленіемъ поглядѣла на меня и спросила въ свою очередь: откуда это я все знаю?

— Да ужъ знаю,—отвѣчалъ я,—всѣ же это вѣдь знаютъ.

— То-то, отъ кого это вы узнать могли?

— Слышалъ.

— Отъ кого?

— Мама говорила съ тетей Глашей.

— А вы подслушивали?

— Нѣтъ, я слышалъ просто. Я тутъ же сидѣлъ съ ними и слышалъ, какъ они говорили.

— Вы слышали, только совсѣмъ не то, не поняли ничего, и теперь Богъ знаетъ, что разсказываете.

— Нѣтъ, я понялъ,—попробывалъ было я настаивать:—и она, эта Маша, нисколько не похожа даже на свою мать Авдотью.

— Какую Авдотью? Это еще что такое?!—воскликнула Анна Карловна.—Вотъ, погодите, мамаша пріѣдетъ, я ей все это разскажу! Это еще что такое выдумали!..

Анна Карловна, конечно, все это знала, но она была поражена, какъ это я все знаю и даже съ такими подробностями. Она несомнѣнно была возмущена неосторожностью матушки и тети Глаши, которыя такія вещи разсказываютъ въ присутствіи дѣтей—развѣ можно это дѣлать?

Такъ же безуспѣшно окончилась и моя попытка узнать что-нибудь отъ няньки нашей, которая, конечно, тоже все знала.

— А Господь съ ней, съ этой дѣвочкой, — отвѣчала она мнѣ на мой вопросъ.—Это не наше дѣло, батюшка, и что объ этомъ говорить.

— Да вѣдь она дочь дяди Васи?

— А Господь ее знаетъ.

— Да вѣдь ты-то знаешь?

— Ничего, мой соколикъ, я не знаю.

— Ну вотъ еще!

— Да откуда же я узнаю? Гдѣ же я бываю? Отъ кого мнѣ слышать-то?

Такъ что мнѣ оставалось на такіе ея отвѣты сказать только съ недовольной гримасой:

— Все равно, вѣдь,—я все узнаю...

Матушка вернулась дѣйствительно прямо изъ монастыря, не заѣзжая оттуда въ Пестрядку къ тетѣ Глашѣ. Но за то она привезла намъ богатый матеріалъ, который оставалось только поглощать и усвоивать, по мѣрѣ того, какъ намъ удавалось слышать ея разговоръ объ этомъ съ отцомъ, съ гувернанткой или съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ и сосѣдей, пріѣзжавшихъ къ намъ и тоже интересовавшихся этимъ вопросомъ.

Такъ мы очень скоро узнали, что этой дѣвочкѣ Машѣ уже пятнадцать лѣтъ будетъ скоро. Что она очень миленькая и даже, можетъ быть, будетъ красавица со временемъ, потому-что волоса у нея необыкновенной густоты и для ея лѣтъ длинны.

— Понимаете, — разсказывала матушка, — коса почти до полу. Я ей говорю: ну-ка, Маша, распусти косу. Какъ она распустила, я такъ и ахнула. Ну вотъ настолько (матушка показала пальцемъ насколько) не хватаетъ до полу. И черные-пречерные. И потомъ глаза у нея: совсѣмъ какъ у покойника Василія Николаевича: большіе, черные и эдакіе задумчивые. Я смотрю на нее — совсѣмъ онъ, только, какъ въ дѣвочкѣ, это все въ ней нѣжнѣе...

Это намъ было, я помню, почему-то очень пріятно узнать. Намъ она представлялась, на какомъ основаніи неизвѣстно, забитой или ужъ по крайней мѣрѣ всѣмъ обиженной, и вдругъ мы узнаемъ, что она, вотъ какъ на зло имъ всѣмъ и къ великой ихъ досадѣ, такая красавица оказывается!..

Потомъ мы узнали, что она необыкновенно кроткая, тихая и очень добрая, должно быть. Матушка, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказала нѣсколько случаевъ, по которымъ она сдѣлала

такое о ней заключеніе. И это тоже намъ было очень пріятно узнать.

«Она» очень рада была тетѣ Глашѣ, когда та къ ней пріѣхала въ монастырь. Тетя Глаша, разсказывая объ этомъ матушкѣ, пріѣхавшей позже ея, была растрогана этимъ до слезъ, и «это такъ на нее подѣйствовало—разсказывала матушка—что она до того за эту недѣлю привязалась къ Машѣ, что только и смотритъ ей въ глаза, какъ бы чѣмъ ей угодить».

Матушка находила, что это даже нехорошо и можетъ принести Машѣ, т. е. ея характеру только одинъ вредъ: она ее избалуетъ и изъ скромной, хорошей дѣвочки сдѣлаетъ капризницу.

Но главное, противъ чего матушка особенно возмущалась--это была та, вовсе, по ея мнѣнію, ненужная роскошь въ образованіи, въ обстановкѣ, и въ платьяхъ, которую тетя Глаша непремѣнно хотѣла допустить для этой Маши.

Въ этомъ случаѣ съ матушкой всѣ были согласны и приводили въ подтвержденіе справедливости ихъ мнѣній множество соображеній, доказательствъ и примѣровъ, которые мы однакоже никакъ не могли признать заслуживающими уваженія.

Эта «дѣвочка Маша» теперь была уже въ Пестрядкѣ и туда же должна была къ этому времени прибыть и нанятая для нея гувернантка-нѣмка, отошедшая отъ кого-то изъ знакомыхъ сосѣдей тети Глаши, гдѣ она съ успѣхомъ воспитала всѣхъ дѣтей.

Матушка недѣли черезъ двѣ—намъ это было извѣстно—ѣдетъ туда. Возьметъ ли она насъ съ собой. Какъ бы это сдѣлать?

Но сдѣлать этого намъ не удалось. Матушка уѣхала къ тетѣ Глашѣ въ Пестрядку одна, насъ съ собой не взяла, не смотря ни на какія наши просьбы и мои ухищренія.

Тетю Глашу и ея «дѣвочку Машу» — такъ мы ее звали,—мы увидали только лѣтомъ, когда онѣ обѣ пріѣхали къ намъ вмѣстѣ съ своей гувернанткой.

V.

Этотъ пріѣздъ ихъ къ намъ я помню съ поразительной ясностью. Какъ сейчасъ гляжу, на нашъ дворъ въѣзжаетъ ихъ карета; мы, знающіе уже, что на этотъ разъ тетя Глаша не одна, а везетъ къ намъ и «дѣвочку Машу» съ ея гувернанткой, жадно всматриваемся въ окна кареты, не увидимъ ли «ее», не выглянетъ ли «она», но карета ѣдетъ по двору такъ быстро... Вотъ она остановилась у крыльца и изъ нея выходятъ, поддерживаемыя съ ними пріѣхавшими и нашими, выскочившими къ нимъ навстрѣчу, лакеями, сперва тетя Глаша, а за нею еще какихъ-то двѣ дамы... Гдѣ же «дѣвочка Маша?..» Я помню это наше—мое и сестры Сони—удивленіе, съ которымъ мы посмотрѣли другъ на друга, — что же это, дескать, такое?..

Но еще бо̀льшее удивленіе ожидало насъ впереди. Мы поспѣшили изъ нашей дѣтской, откуда, изъ оконъ, мы смотрѣли на пріѣхавшую карету, въ залъ и оба невольно остановились—передъ нами была тетя Глаша, еще какая-то дама съ сѣдыми буклями, пришпиленными на вискахъ черепаховыми гребешочками, и совершенно взрослая дѣвушка, которая разговаривала съ отцомъ и матушкой и весело смѣялась. Неужели это «она», это та самая «дѣвочка Маша». Развѣ такой мы ее себѣ представляли? Высокая, стройная, въ прекрасно сшитомъ, но простенькомъ платьицѣ съ бѣленькими рукавчиками и воротничкомъ, съ черной блестящей косой, заплетенной необыкновенно тщательно и сложенной сзади въ тяжолый пучекъ, казалось, перевѣшивавшій ей голову — она время отъ времени касалась до него рукой, какъ бы невольно поправляла его—неужели же это «она?»

Но въ это время тетя Глаша начала ужъ цѣловать насъ, каждаго по нѣскольку разъ, и, подозвавъ къ себѣ даму съ буклями, познакомила насъ съ ней, сказавъ намъ, что это гувернантка, а потомъ подозвавъ къ себѣ дѣвушку съ тяжолой косой, сказала намъ, что это Маша и чтобы мы ее любили. Маша поцѣловалась съ нами и, совсѣмъ какъ взрослая, взяла насъ за руки и пошла съ нами по залу, разговаривая и разспрашивая насъ съ сестрой—любимъ ли мы садъ, гулять, любимъ ли мы кататься на лодкѣ и проч.

Я помню, я все поглядывалъ на нее, не могъ все еще отрѣшиться отъ мысли—какъ же это такъ: думали мы, что она такая, а она ужъ вотъ какая?... Сестра Соня вошла съ ней въ колею гораздо скорѣе: черезъ часъ и даже того меньше, она ужъ относилась къ ней совсѣмъ по домашнему, какъ къ старой знакомой, тогда какъ я все еще не могъ попасть на вѣрный тонъ. Она мнѣ очень нравилась, но она была настолько солиднѣе меня, что я стѣснялся съ ней, чувствовалъ себя неловко, какъ это всегда бываетъ съ мальчиками, которыхъ знакомятъ съ молодыми, но ужъ взрослыми дѣвушками, и они чувствуютъ, что тѣ авторитетнѣе ихъ: они еще мальчики и всѣ къ нимъ такъ еще относятся, а эти ужъ взрослыя дѣвушки и всѣ съ ними обращаются, какъ равныя съ равными...

Это было передъ обѣдомъ, что они пріѣхали къ намъ. Мы ужъ «отъучились», къ тому же пріѣхала тетя Глаша съ Машей — обстоятельство или событіе, по которому, все равно, занятія наши были бы прерваны—и, какъ только всѣ перездоровались другъ съ другомъ и нѣсколько поговорили и успокоились отъ радости свиданія, наша гувернантка, Анна Карловна, въ качествѣ нашей надъ нами, дѣтьми, хозяйки, предложила всѣмъ, т. е. ихъ гувернанткѣ, Машѣ и намъ съ сестрой идти гулять въ садъ, такъ какъ до обѣда оставалось еще довольно времени...

Гувернантки начали разговаривать другъ съ другомъ, а мы, т. е. Маша и я съ сестрой, побѣжали впередъ. Но Маша хотя и побѣжала съ нами, держала себя, однакожъ, не такъ какъ мы, которымъ это доставляло удовольствіе, а съ цѣлью приблизиться этимъ манеромъ къ намъ. Удивительно, въ смыслѣ этого, какъ рано начинають владѣть тактомъ дѣвочки. На какіе-нибудь два-три года старше она была насъ, а командовать, въ чужомъ домѣ, надъ чужими ей совершенно дѣтьми, начала въ тотъ же день и съ перваго же разу.

Мы пошли гулять, чтобы ей показать нашъ садъ, нашъ прудъ, нашъ огородъ, теплицу, парники, однимъ словомъ, всѣ наши достопримѣчательности. Они несомнѣнно занимали ее, они ее интересовали, но она не нуждалась въ нашихъ объясненіяхъ при этомъ, въ нашемъ руководительствѣ какъ компетентныхъ людей, знающихъ все у себя дома лучше ея, конечно,—а разсматривала сама, не слушала того, что мы ей говорили, дѣлала сама намъ вопросы, о томъ, что ее интересовало, критически разбирала, говорила, что тамъ-то, у того-то, это не такъ устроено и это лучше и проч. Однажды она сказала при этомъ:

— А вотъ въ монастырѣ, такъ тамъ, бывало, у насъ рано, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, ужъ и огурцы свѣжіе, и рѣдиска. Конечно, это для матери игуменьи, не для всѣхъ же сестеръ...

Я остановился, слушая это, и смотрѣлъ на нее.

— Ты что такъ смотришь? — спросила она.

Я сконфузился и молчалъ.

— Ты хотѣлъ что̀-то спросить? Да?—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Что̀ такое?

— Ты долго жила въ монастырѣ?

— Долго. А что̀?

— Ты зачѣмъ тамъ жила?

— Оттого что мнѣ негдѣ было жить.

— А теперь?

— А теперь можно... Ты почему это спрашиваешь?—подумавъ немного и усмѣхнувшись, спросила она.

— Такъ.

— Нѣтъ не такъ. Ты слышалъ что-нибудь?

— Слышалъ, что ты тамъ.

— А почему, не знаешь?

— Нѣтъ...—не рѣшительно отвѣтилъ я.

— Неправда!—вдругъ громко сказала она.—Неправду никогда не слѣдуетъ говорить. Ты думаешь, я обижусь отъ этого?

— Отчего?—испугавшись и удивившись ея неожиданному волненію, проговорилъ я.

— Ты что знаешь,—скажи.

— Я ничего не знаю.

— Говори правду.
— Я правду говорю.
— Ты ничего не слыхалъ?
— Т. е. про чтò?
— Про меня.
— Нѣтъ, слышалъ.
— Чтò?
— Ты дочь дяди Васи...—чуть не задохнувшись, проговорилъ я.
— Да. А кто моя мать—ты знаешь?
— Авдотья,—тихо выговорилъ я.

Никакой Авдотьи я не помнилъ, т. е. не зналъ, не видалъ въ Пестрядкѣ, но я не забылъ этого имени, когда я услыхалъ его тогда въ разговорѣ матушки съ тетей Глашей.

— Да, Авдотья...—ужъ тихо повторила она.

И задумавшись, усмѣхнулась какой-то грустной и презрительной усмѣшкой.

— И мнѣ это ставятъ въ вину?..
— Кто?—спросилъ я.

Она мнѣ ничего не отвѣтила.

— Никто тебѣ этого въ вину не ставитъ,—проговорилъ я.

Но она меня не слушала...

Потомъ, она вдругъ, точно очнулась, встряхнула головой, поправила по привычкѣ рукой косу и ужъ попрежнему веселая, опять стала звать насъ играть и бѣгать. И эта перемѣна въ ней произошла естественно совершенно, не то чтобы она притворялась. Она точно чтò-то поняла, разсѣяла какое-то недоразумѣніе, испугавшее ее и тяготившее.

Но я не могъ забыть, запомнилъ, какъ у нея блеснули глаза, когда она меня спросила:—«И ты знаешь, кто была моя мать?»

Предоставленные самимъ себѣ, потому что гувернантки наши, только-что познакомившіяся, вели разговоръ между собою, совершенно поглощенныя имъ, мы ходили по куртинамъ, по травѣ, рвали цвѣты и, по выраженію Сони, всячески «отчаянничали», т. е. нарушали тѣ мелкія условія и строгости благонравной прогулки, которыя при другихъ обстоятельствахъ соблюдались, и теперь были въ совершенномъ забвеніи.

Наконецъ, за нами пришелъ изъ дома лакей звать насъ обѣдать.

Тутъ гувернантки наши, забросившія было насъ, вдругъ точно опомнились и начали дѣлать намъ инспекторскій смотръ. У меня оказались руки выпачканными въ травѣ и землѣ до такой степени, что стыдно было на нихъ смотрѣть, у Сони на ея платьицѣ, тоже зеленыя отъ травы пятна. Но, что насъ удивило,—это осмотръ, который гувернантка Маши продѣлывала надъ ней. Она буквально ее всю до мелочей осматривала и дѣлала ей тысячи замѣчаній,

которыя та, хоть и смѣясь, но все-таки однакожъ выслушивала отъ нея и даже иногда оправдывалась.

— Миссъ Джонсонъ—она была англичанка—да это старое платье, я еще дорогой, должно быть, запачкала его,—говорила ей Маша.

— Мой другъ, вы должны беречь и старое. Вы бѣдная дѣвушка и не должны этого забывать ни при какихъ обстоятельствахъ.

«Почему же она бѣдная?» думалъ я: — «Вѣдь у тети Глаши есть же такое же, какъ и у насъ, какъ и у всѣхъ, имѣніе?»

Но Маша ничего ей на это не отвѣчала, продолжая совершенно спокойно повертываться и смѣяться на ея осмотры.

— Она тебѣ, Богъ знаетъ, что говоритъ,—сказалъ я Машѣ, когда мы пошли обѣдать въ домъ.

— Что такое?

— Что она тычетъ тебѣ: бѣдная, бѣдная—какая же ты бѣдная? Такая же, какъ и всѣ.

Маша мнѣ ничего не отвѣтила, только погладила меня по головѣ и надвинула шутя мнѣ шапку на глаза.

— Вообще, она у тебя противная, какая-то кислая,—продолжалъ я.

— Нѣтъ, она добрая. Она ничего.

— Съ фигурами—я этого не люблю. И тонъ у нея какой-то.

Маша дружески покровительственно потрогала меня по спинѣ—я шелъ справа, рядомъ съ нею, и проговорила:

— Ты будешь меня любить?

— Да,—отвѣтилъ я, и вдругъ весь покраснѣлъ.

Я чувствовалъ, какъ вся кровь бросилась мнѣ въ лицо...

За обѣдомъ, куда мы пришли предварительно вымывшись, причесавшись и почистившись, мы застали цѣлое общество: пріѣхали два семейства нашихъ ближнихъ сосѣдей. Въ числѣ ихъ были три дѣвушки, дочери ихъ, лѣтъ по семнадцати и старше. Машу тетя Глаша сейчасъ же представила имъ, и онѣ очень мило и повидимому сердечно взяли ее за руки и начали съ нею ходить по залу, пока принесли супъ и всѣ начали усаживаться. Но Маша сѣла со мною рядомъ, предварительно подозвавъ меня къ себѣ:

— Ты гдѣ сидишь? Посади меня рядомъ—я хочу съ тобою,—сказала она скороговоркой.

Рядомъ со мною всегда сидѣла сестра Соня. Я побѣжалъ къ матушкѣ, отозвалъ ее и началъ ей объяснять.

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, гдѣ хочешь,—отвѣчала она мнѣ, занятая съ кѣмъ-то разговорами.

Я побѣжалъ въ залъ и началъ тамъ командовать у стола.

— Ты, что это?—спросилъ меня отецъ.

— Машѣ надо сюда, между нами поставить приборъ.

Онъ разсмѣялся, и сказалъ мнѣ:—посмотри на меня.

Я помню, кровь опять мнѣ бросилась вся въ лицо, а онъ разсмѣялся еще пуще прежняго.

— Она славная дѣвочка. Нравится тебѣ?

— Очень.

— Что очень?

— Она очень мнѣ нравится. Она славная...

За обѣдомъ я сидѣлъ съ нею рядомъ и отецъ нѣсколько разъ, улыбаясь, взглянулъ на меня, а я отъ этого краснѣлъ.

Но когда онъ сказалъ что̀-то сидѣвшей съ нимъ рядомъ тетѣ Глашѣ, и они оба, разсмѣявшись, посмотрѣли на меня, я готовъ былъ провалиться.

Въ довершеніе всего еще и Маша спросила меня:

— Что ты такой чудно̀й? А?

Я съ сдавленнымъ и пересохшимъ горломъ насилу могъ дать ей отвѣтъ:

— Такъ. Ничего...

— Что же они такъ смотрятъ на тебя?

Но тутъ я ужъ чуть не расплакался. Слезы подступили у меня къ горлу. Я чувствовалъ, что я смѣшонъ и они надо мною смѣются... Ни что такъ не обижаетъ дѣтей, какъ снисходительно добродушное отношеніе старшихъ къ великодушному и благородному порыву дѣтей, а я былъ убѣжденъ, что пробудившееся во мнѣ чувство къ Машѣ есть именно и великодушное, и благородное.

Послѣ обѣда и весь вечеръ я только и думалъ о томъ, какъ бы и чѣмъ мнѣ доказать, что я выше того, какъ они обо мнѣ думаютъ, и что я вовсе не смѣшонъ, а они грубы и несправедливы ко мнѣ.

Но я ничего ни придумалъ. Проектъ одного геройскаго подвига смѣнялся у меня въ головѣ другимъ подвигомъ, еще болѣе геройскимъ, но не представлялось рѣшительно никакого предлога къ проявленію моего геройства. Все шло, какъ по заведенному, своимъ чередомъ: опять гуляли въ саду, потомъ на террасѣ пили чай, кто-то послѣ игралъ на фортепьяно. Я хотѣлъ было, пользуясь лунной ночью, снова пойти гулять въ садъ и слушать соловья, такъ и заливавшагося гдѣ-то въ кустахъ, но передъ вечеромъ былъ дождь и оттого теперь было сыро.

— Не ходите, еще насморкъ получите, сыро,—сказалъ намъ кто-то изъ старшихъ, когда мы, т. е. Соня сестра, Маша и я, хотѣли было идти въ садъ.

— Я платокъ на голову надѣну,—возразила Маша:—Сережа, тамъ въ передней платокъ, принеси мнѣ его,—сказала она.

Я кинулся за платкомъ, но когда я его принесъ, вопросъ о прогулкѣ былъ рѣшенъ уже окончательно въ отрицательномъ смыслѣ и даже балконная дверь была уже заперта.

Меня отослали отнести платокъ опять въ переднюю.

Такъ не удался мнѣ даже и этотъ подвигъ пустой ловкости и любезности.

Ахъ, до чего живо я это все помню!..

VI.

Тетушка прогостила у насъ съ Машей этотъ разъ не долго, дня три, и уѣхала къ другимъ роднымъ, представить и имъ Машу.

На возвратномъ пути она обѣщала опять къ намъ заѣхать.

У насъ всѣ были въ восторгѣ отъ Маши, особенно матушка, которая никакъ не ожидала теперь встрѣтить ее такою и все говорила:

— Ну, вы не можете представить, какая въ ней произошла перемѣна. Если бы я встрѣтила ее одну на улицѣ, я бы не узнала ее.

Всѣ эти удивленія и разсужденія относились главнѣйшимъ образомъ къ тому, какъ она за это короткое время такъ быстро возмужала, развилась, стала совсѣмъ почти какъ взрослая дѣвушка, тогда какъ ей всего еще нѣсколько мѣсяцевъ, какъ минуло пятнадцать лѣтъ, и съ какимъ тактомъ, достоинствомъ и въ то же время скромностью она себя держитъ.

— Это все миссъ Джонсонъ. Это все она—говорили всѣ.—Вѣдь, эти англичанки...

— Да, но вѣдь и плата же?—возражали нѣкоторые.

— Ну, знаете, уже лучше заплатить, да чтобы было... чтобы она сдѣлала изъ дѣтей...

— А что она получаетъ?

— Глаша говорила восемьсотъ.

— Ой, ой... Ну, это, вѣдь, и цѣна же.

Эти разговоры, когда они происходили при нашей гувернанткѣ, Аннѣ Карловнѣ, получавшей чтò-то рублей триста, не болѣе, вызывали всякій разъ ея неудовольствіе, которое выражалось въ кислыхъ минахъ ея и иногда полуобиженныхъ замѣчаніяхъ, ни къ кому непосредственно не относящихся, что отъ родителей всегда зависитъ взять къ своимъ дѣтямъ такую гувернантку, которая имъ больше нравится, и проч. въ этомъ родѣ.

Аннѣ Карловнѣ на это отвѣчали туманно и при случаѣ, чтобы успокоить ее, говорили:

— Ну, да вы согласитесь, Анна Карловна, вы вотъ у насъ, да и вездѣ, гдѣ вы жили, вы свой совсѣмъ человѣкъ, вы какъ ближайшая родственница въ домѣ; но много ли такихъ? Что мы видимъ кругомъ?

Эти замѣчанія—возраженія ее успокоивали и она опять приходила въ нормальное состояніе своего духа, увѣрившись въ томъ,

что эти всѣ разсужденія о миссъ Джонсонъ и, вообще, объ англичанкахъ до нея не относятся.

Однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда тети Глаши, когда у насъ кто-то былъ и шла рѣчь въ такомъ вотъ родѣ, какъ выше приведенная о воспитаніи дѣтей, о гувернанткахъ, и заговорили о Машѣ, кто-то изъ присутствующихъ спросилъ матушку:

— А, что, скажите, не знаете, Глафира Николаевна сдѣлала «ей» духовную?

Матушка отвѣчала, что она хоть и слыхала отъ тети Глаши объ этомъ, что она ей говорила про духовную, но исполнила ли она это, т. е. написана ли у нея духовная — она этого хорошо не знаетъ.

— Вы спросите ее объ этомъ. Напомните ей объ этомъ, если она, можетъ быть, позабыла.

И еще кто-то изъ присутствующихъ сталъ тоже говорить объ этомъ:

— А то вѣдь все это воспитаніе, вся эта обстановка... если, чего Боже сохрани, да Глафира Николаевна умретъ, не оставивъ духовной... ей же во вредъ будетъ. Такъ—кто же на ней женится: дѣвушка безъ имени... Да если еще у нея не будетъ и состоянія никакого... Куда же ей дѣваться? За управляющаго какого выходить. Аптекарь какой-нибудь, засѣдатель, становой женится?..

Всѣ были согласны, что это дѣйствительно будетъ ужасно, если Глафира Николаевна забудетъ или такъ почему-нибудь не сдѣлаетъ завѣщанія...

— Она, кажется, боится сдѣлать завѣщаніе, — сказалъ кто-то изъ сидѣвшихъ тутъ,—я съ ней заводилъ какъ-то однажды рѣчь объ этомъ и мнѣ тогда же, я помню, показалось такъ.

Отъ этого разговора перешли на другую тему:—кто, въ случаѣ кончины тети Глаши, будетъ ея наслѣдникомъ, если она завѣщанія никакого никому не оставитъ?

Перебирали и перетолковывали разно, но въ концѣ концѣ всѣ согласились, что ближайшимъ наслѣдникомъ у нея какой-то двоюродный племянникъ, служащій въ Москвѣ въ какомъ-то военномъ вѣдомствѣ — коммисаріатскомъ, или провіантскомъ, человѣкъ и безъ того богатый.

Кто-то даже зналъ его и сообщилъ объ немъ, что онъ въ эту вотъ войну (тогда только-что кончилась Крымская война) нажилъ огромныя деньги.

Но когда зашла рѣчь объ томъ, что это еще слава Богу, что онъ, этотъ господинъ, можетъ быть, въ случаѣ не оставленія Глафирой Николаевной духовнаго завѣщанія на имя Маши, еще и не польстится на наслѣдство, такъ какъ и самъ богатъ,—то разговаривавшій объ этомъ родственникъ воскликнулъ даже:

— О, что вы!.. Нѣтъ, это не такой человѣкъ. Онъ и отца и мать родную не пощадитъ!..

И онъ началъ разсказывать про этого родственника, что онъ живетъ въ маленькой квартиркѣ, что у него одна только страсть— карты, но онъ и тутъ устроился какъ-то такъ, что играетъ всегда очень счастливо.

— Онъ очень извѣстенъ въ Москвѣ, — заключилъ разсказчикъ,—у него идетъ большая игра, настоящій игорный домъ.

Разсказчикъ добавилъ еще, что у этого господина, при всей его скупости, устроиваются какіе-то скандальные и непристойные вечера, на которыхъ, однакожъ, бываетъ вся Москва и поэтому у него большія связи, съ нимъ трудно что-нибудь сдѣлать.

Но никто изъ присутствующихъ не зналъ его. Они знали, что онъ существуетъ, знали, какъ его зовутъ, но въ лицо никто его не зналъ. Онъ былъ мальчикомъ отвезенъ въ какое-то военное учебное заведеніе и съ тѣхъ поръ его никто не видалъ, такъ какъ онъ сюда не пріѣзжалъ. Его отецъ и мать давно умерли, имѣніе ихъ продано было за долги, и онъ сталъ совсѣмъ отрѣзанный ломоть для всѣхъ.

Всѣ эти разсказы объ этомъ господинѣ вмѣстѣ съ разсужденіями о Машѣ, о ея дальнѣйшей судьбѣ, о духовномъ завѣщаніи тети Глаши и проч. и проч. навели на всѣхъ такое непріятное чувство, что всѣ разстались, жалѣя бѣдную дѣвушку ужъ заранѣе, точно это было ужъ рѣшенное дѣло, что не она сдѣлается наслѣдницей тети Глаши, а онъ, этотъ непріятный, всѣмъ неизвѣстный господинъ. Я, по крайней мѣрѣ, слушая и смотря на всѣхъ, вынесъ такое заключеніе, и оно на меня до того подѣйствовало, что я нѣсколько дней только и могъ думать, что о Машѣ и этомъ чудовищѣ, которое непремѣнно пожретъ ее, если тетя Глаша какъ-то не охранитъ ее отъ него.

На другой или на третій день послѣ этого вечера, я, оставшись какъ-то съ отцомъ, спросилъ его:

— А что этотъ господинъ, родственникъ тети Глаши, ужъ старикъ?

Отецъ ничего не понялъ изъ моего вопроса, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Какой родственникъ?

— Вотъ который ея имѣніе послѣ ея смерти получитъ.

Онъ, вѣроятно, забылъ уже объ этомъ разговорѣ или сразу не вспомнилъ, только съ еще большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Что ты такое говоришь? Какой такой родственникъ?

Я началъ объяснять ему, спутался и сконфузился.

— Да откуда ты это взялъ его?

Я напомнилъ разговоръ вечерній.

— А-а!.. Ну, да тебѣ-то до него какое дѣло?—наконецъ, догадавшись, сказалъ отецъ.

Я опять началъ ему что-то объяснять и опять спутался. Но на этотъ разъ я упомянулъ имя Маши, замѣтивъ какая она бѣдная будетъ, что этотъ господинъ такой злой и хитрый, словомъ повторилъ то, что тогда слышалъ.

— Ты заботишься объ ней? Тебѣ жаль ее?—спросилъ отецъ.

— Жаль,—сказалъ я и весь вспыхнулъ.

— Тебѣ она очень нравится?—спросилъ онъ, и мнѣ показалось, что онъ уже не смѣется надо мною, но разсматриваетъ меня съ какимъ-то любопытствомъ, какъ новую совсѣмъ для него вещь.

И, странно, въ этомъ внимательномъ и неожиданномъ любопытствѣ его, съ которымъ онъ смотрѣлъ на меня, я увидалъ что-то въ родѣ признанія моихъ правъ на мои чувства къ Машѣ, на мою заботу объ ней, объ ея интересахъ и проч.

— Не безпокойся объ этомъ, тетя все сдѣлаетъ,—успокоивающе проговорилъ онъ.

— А если нѣтъ?—ужъ съ облегченнымъ сердцемъ, спросилъ я, и нисколько не робѣя этого моего вопроса.

— Нѣтъ, сдѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ. Я ей напомню, вотъ какъ она пріѣдетъ.

— А если ты забудешь?

— Ну, тогда ты мнѣ напомни объ этомъ...

Это было первое серьезное порученіе, которое я получалъ въ жизни, т. е., оно мнѣ было дано не серьезно, конечно, отцомъ, но я понималъ, что оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, для Маши серьезный смыслъ и сталъ ждать пріѣзда ея съ тетей Глашей.

Я дожидался ихъ спокойно, — т. е., конечно, только по внѣшности; внутренно же я сгаралъ отъ нетерпѣнія и отъ сознанія представлявшагося мнѣ подвига. Я представлялъ себѣ, какъ онѣ пріѣдутъ, будутъ разсказывать, гдѣ онѣ были, у кого какъ ихъ приняли, будутъ передавать это все съ подробностями, съ увлеченіемъ, а я буду сидѣть тутъ же, слушать и думать: — «Какъ это можно увлекаться такими пустяками, когда есть такое серьезное дѣло и оно совсѣмъ не выяснено?» И вотъ я улучу минуту, когда я останусь одинъ на одинъ, или — и это еще лучше — съ Машей, въ присутствіи сестры, и вдругъ совершенно неожиданно и серьезно спрошу Машу:—Вотъ что, Маша,—скажу я:—ты, конечно, не подумала объ этомъ, но это очень серьезный вопросъ: Глафира Николаевна сдѣлала духовное завѣщаніе, что передаетъ все тебѣ, или нѣтъ? Она мнѣ отвѣтитъ, конечно, что не знаетъ, а я съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ скажу, что шутить этимъ нельзя и это надо выяснить. Потомъ я дамъ имъ понять, что я говорилъ объ этомъ

съ отцомъ, и онъ просилъ меня ему напомнить объ этомъ, какъ онѣ пріѣдутъ...

Этотъ дѣловой мой вопросъ, а равно и серьезный тонъ, съ которымъ я поведу это дѣло, должны произвести сильное и благопріятное для меня на нихъ обѣихъ—и на Машу и на сестру—впечатлѣніе, которое сразу же подниметъ меня въ ихъ глазахъ, и онѣ совсѣмъ иначе станутъ на меня смотрѣть. Но и не онѣ однѣ станутъ на меня такъ смотрѣть. Отецъ ужъ и теперь задумался, когда я предложилъ ему этотъ вопросъ о духовной... Меня, конечно, посвятятъ во всѣ подробности, я буду все знать, буду носителемъ въ нѣкоторомъ родѣ тайны, такъ какъ, конечно, отецъ да и всѣ мнѣ скажутъ, чтобы я объ этомъ не болталъ.—Какое заблужденіе съ ихъ стороны: я буду объ этомъ болтать!.. Изъ нихъ кто-нибудь скорѣе меня проболтается.

Но, главное—и въ этомъ вся суть для меня — я спасу Машу отъ этого чудовища, ея дальнаго родственника, который живетъ такъ воровски въ Москвѣ и который, какъ всѣ говорятъ, въ случаѣ смерти тети Глаши, не пощадитъ ее, если не окажется духовнаго завѣщанія. И всѣмъ этимъ она будетъ обязана мнѣ, потому что я возбудилъ вопросъ объ этомъ и я же потомъ настоялъ на его разрѣшеніи. И она будетъ это знать...

VII.

Но дни проходили за днями, а ихъ все не было. Я уже началъ терять въ своемъ бездѣйствіи терпѣніе. Я обсудилъ уже до мельчайшихъ подробностей, что и какъ я буду говорить, въ какой даже позѣ я буду стоять, когда начну объ этомъ разговоръ съ Машей. Придумалъ даже нѣсколько предлоговъ отозвать ее, если скоро не представится простого случая намъ быть наединѣ, т. е. мнѣ, ей и сестрѣ Сонѣ... А ихъ все нѣтъ.

Нѣсколько разъ я спрашивалъ Соню, что она объ этомъ думаетъ, т. е. почему онѣ не ѣдутъ. Но она къ этому относилась какъ-то непростительно равнодушно. Спрашивалъ гувернантку нашу Анну Карловну—эта отвѣчала мнѣ ужъ совсѣмъ безучастно:

— Вѣроятно, упросили гдѣ-нибудь остаться подольше погостить.

— Но вѣдь все-таки онѣ заѣдутъ, когда поѣдутъ къ себѣ домой?

— Вѣдь вы слышали, Глафира Николаевна говорила тогда, что заѣдетъ на день, на два.

Аннѣ Карловнѣ было, кажется, непріятно скорѣй, если бы онѣ скоро пріѣхали, потому-что опять могли начаться восхищенія ихъ гувернанткой-англичанкой миссъ Джонсонъ, а это ужъ и тогда, въ первый ихъ пріѣздъ, много испортило ей крови.

Матушка, когда я спросилъ ее: пріѣдетъ ли тетя Глаша опять къ намъ, сказала:

— Да, вѣдь ты слышалъ, она обѣщала...

И я опять жилъ надеждой нѣсколько дней, подбѣгая каждый разъ къ окнамъ, когда кто-нибудь, я слышалъ, говорилъ, что ѣдутъ къ намъ гости.

Однажды, вечеромъ, когда мы сидѣли всѣ за самоваромъ на террасѣ, вдругъ вошелъ отецъ, только-что возвратившійся съ поля, съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ и, передавая его матушкѣ, совершенно спокойно, какъ будто ничего въ этомъ не было особеннаго, сказалъ:

— Отъ Глафиры Николаевны. Она проситъ, чтобы ты ей сварила земляники, у нихъ всю какіе-то червяки въ этомъ году съѣли. Досадуетъ, что не могла заѣхать на возвратномъ пути.

Матушка также спокойно приняла письмо, пододвинула лампу и начала его читать.

Меня ударило просто въ жаръ отъ этого извѣстія — всѣ мои планы разлетѣлись въ прахъ. Я ничего не могъ сообразить, понять и только удивлялся, какъ это они такъ спокойны. Неужели они забыли всѣ эти ужасные разговоры объ опасности, которая грозитъ Машѣ въ случаѣ неоставленія на ея имя духовнаго завѣщанія—разговоры, которые и на нихъ тогда произвели такое тяжелое впечатлѣніе.

Но не оставалось никакого сомнѣнія, что они не придаютъ ни малѣйшаго значенія полученному ими извѣстію о томъ, что тетя Глаша проѣхала къ себѣ прямо, не заѣхавъ по дорогѣ къ намъ. Отецъ началъ разсказывать кому-то изъ сидѣвшихъ у насъ гостей о пшеницѣ, объ овсѣ. Матушка дочитала письмо, положила его и сказала:

— Вотъ чудачка. Ну гдѣ же это я ей возьму земляники теперь? Она почти вся уже сошла...

И тоже, точно и ей ничего при этомъ не пришло въ голову, кромѣ этой земляники...

И только. Больше даже ни слова никто не сказалъ ни о тетѣ Глашѣ, ни объ этомъ завѣщаніи ея, ни объ этой несчастной Машѣ.

Вышелъ какой-то перерывъ въ ихъ разговорѣ и я спросилъ у матушки, къ которой сидѣлъ ближе:

— Значитъ, онѣ теперь ужъ къ намъ не скоро пріѣдутъ?

— Кто?—не понявъ, про кого я спрашиваю, сказала матушка.

— Тетя Глаша съ Машей.

— Не знаю, не пишетъ; въ будущемъ году, вѣроятно,—опять лѣтомъ.

Я помолчалъ и еще спросилъ:

— А мы... поѣдемъ туда?

Но матушку въ это время спросилъ кто-то объ чемъ-то, и она

ничего мнѣ не отвѣтила, занявшись разговоромъ. Когда нѣсколько времени спустя, я снова ее спросилъ, — она скороговоркой отвѣтила мнѣ:

— Да... какъ-нибудь...

Когда гости вечеромъ уѣхали, я встрѣтилъ въ залѣ отца—онъ былъ одинъ—и сказалъ ему:

— Ну, вотъ ты говорилъ напомнить тебѣ о завѣщаніи, когда къ намъ пріѣдетъ тетя Глаша: какъ же теперь, она вѣдь не пріѣдетъ въ этомъ году ужъ больше къ намъ?

Онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— А ты не забылъ еще?

— Нѣтъ,—съ удивленіемъ къ этому его вопросу, отвѣчалъ я.

— Сдѣлаемъ ужъ какъ-нибудь.

— Но когда?

— Скоро. Я ее увижу скоро и поговорю съ ней объ этомъ,— сказалъ онъ, уходя отъ меня, и оставляя меня одного въ залѣ...

Тетя Глаша бывала у насъ обыкновенно въ началѣ лѣта, а мы ѣздили къ ней въ концѣ, такъ, въ серединѣ или въ послѣднихъ числахъ августа, а иногда, когда запаздывали, то и въ сентябрѣ.

Отецъ, дѣйствительно, видѣлся съ ней вскорѣ, но когда я спросилъ его, что онъ сдѣлалъ на счетъ духовной, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что все будетъ скоро въ порядкѣ, но онъ сказалъ это мнѣ такъ, какъ говорятъ, чтобы только отдѣлаться.

Поэтому, вся моя надежда оставалась теперь на нашу поѣздку туда, когда я предполагалъ подбить уже самою Машу начать разговоръ объ этомъ съ теткой, объяснивъ ей предварительно весь ужасъ того положенія, которое ее ожидаетъ, если тетя Глаша, по лѣни или изъ боязни умереть, не оставитъ духовной на ея имя.

Этой мыслью я жилъ все время, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ далъ мнѣ на мой вопросъ такой неопредѣленный и уклончивый отвѣтъ.

Какъ вдругъ, въ серединѣ августа, совершенно неожиданно для меня, я услыхалъ, что меня везутъ въ нашъ губернскій городъ, въ гимназію, гдѣ я буду учиться, а жить буду въ благородномъ пансіонѣ при гимназіи. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи было для меня до такой степени странно и неожиданно, что я прежде всего, растерялся, самъ за себя, за свою участь, и при этомъ, съ перваго раза конечно, совсѣмъ почти забылъ и о Машѣ, и о духовномъ завѣщаніи, ее обезпечивающемъ. Извѣстіе о предстоящей мнѣ участи ошеломило меня, отодвинуло отъ меня всѣ другіе вопросы на задній планъ. Но я даже вскорѣ замѣтилъ, какъ только я освоился съ мыслью объ отъѣздѣ, что она, Маша, вновь приближается

ко мнѣ такой же все для меня дорогой, бѣдной и близкой моему сердцу. Она стала еще болѣе необходимой для меня. Теперь, съ моимъ отъѣздомъ, Машина судьба представлялась мнѣ совсѣмъ почти ужъ рѣшенной: кто объ ней позаботится, кому теперь будетъ дѣло до этого? Я не видѣлъ никого, кромѣ себя, кому бы она была такъ дорога и кто бы такъ постоянно внимательно и неуклонно думалъ объ ней и заботился...

Я былъ тогда, какъ могу это понять теперь, вспоминая о томъ времени въ связи съ собою, съ своими представленіями, нервнымъ и впечатлительнымъ до послѣдней степени. Я помню, что наканунѣ моего отъѣзда я ходилъ въ садъ и прощался съ аллеями, любимыми деревьями, любимыми мѣстечками въ саду, гдѣ я сиживалъ. Понятно, что уѣзжая, я представлялъ ее себѣ совсѣмъ брошенной, ужъ чуть не погибшей. У меня, какъ только я начиналъ думать объ ней, духъ захватывало и, я не знаю, на чтобы я тогда не рѣшился, чтобы только спасти ее.

Въ такомъ состояніи я былъ, когда насталъ и день отъѣзда. Помню, это было утромъ. Начинался чудесный, ясный день. Надъ рѣкой еще былъ туманъ, всѣ низы, заливные луга вдоль рѣки, были окутаны еще имъ; но ужъ солнце, большое и яркое, всходило и чуялся ведряный день...

Этого утра, а также и подробностей отъѣзда, я никогда не забуду. Только-что вставшія и наскоро умывшіяся, матушка, сестра, гувернантка, нянька—отецъ всегда рано вставалъ лѣтомъ—вышли провожать меня на крыльцо, жмурясь и щурясь на восходящее прямо передъ нами солнце. Я думалъ и былъ озабоченъ только объ одномъ—какъ бы мнѣ съ достоинствомъ, т. е. серьезно, выдержавъ характеръ, уѣхать. Я чувствовалъ, что задѣнь кто-нибудь хоть одну какую-нибудь изъ моихъ больныхъ душевныхъ струнъ, я не выдержу, слезы начнутъ душить меня и тогда все пропало. Это все я не знаю теперь для чего мнѣ было нужно и даже что такое было это собственно все: подъ этимъ все надо было понимать, конечно, одно самолюбіе, больное отъ разставанія, раздраженное отъ сознанія невозможности протестовать, дѣтски-отзывчивое и доброе.

Лошади и тарантасъ были давно уже готовы. На козлахъ сидѣлъ по дорожному одѣтый и съ необыкновенно серьезнымъ—точно онъ сознавалъ важность минуты—лицомъ кучеръ Илья. Внутри, въ самой утробѣ тарантаса, возился Филиппъ, нашъ человѣкъ, укладывая и уминая безчисленные кулечки, подушки, чемоданчики и узлы съ моимъ добромъ и припасами, которые намъ были приготовлены на дорогу, а частью и для домашняго обихода тамъ, въ томъ городѣ, гдѣ гимназія и гдѣ я буду жить. Тяжелое впечатлѣніе, испытываемое мною, испытывали должно быть и всѣ, провожавшіе меня, потому-что все это совершалось какъ-то молча,

слышались отрывочныя только фразы; наконецъ, кто-то сказалъ:—ну, готово.

— Готово,—повторилъ и отецъ, обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Готово,—услыхалъ я, сказалъ еще кто-то, и меня всѣ начали цѣловать. Я переходилъ изъ однихъ объятій въ другія, наконецъ всѣ вмѣстѣ со мною начали спускаться по ступенькамъ крыльца къ тарантасу, подсадили меня, я сѣлъ высоко на положенныя на сидѣнья подушки и увидѣлъ, что съ другой стороны тарантаса ужъ лѣзетъ садиться со мною рядомъ Филиппъ. Я едва держался и чувствовалъ, что мнѣ ужъ нѣтъ никакого дѣла теперь до поддержанія своего достоинства, а просто жаль ихъ, до боли жаль съ ними со всѣми разставаться.

Но въ это время раздалось:

— Ну, съ Богомъ, трогай! Да осторожнѣе пожалуйста, Филиппъ, слышишь!

Это говорилъ отецъ.

— Слушаюсь, да какъ же можно!—оборачиваясь изъ отъѣхавшаго ужъ тарантаса, откликнулся ему Филиппъ.

Я оглянулся и не успѣлъ еще, прощаясь, всмотрѣться хорошо въ лица, какъ вдругъ ихъ всѣхъ заслонилъ уголъ флигеля, стоявшаго у выѣзда—мы выѣхали со двора и поворотили влѣво. Они скрылись.

Мнѣ предстояла новая совсѣмъ жизнь, о которой я понятія не имѣлъ, и она была у меня не за горами. Завтра вечеромъ я уже долженъ былъ начать жить ею, но я всю дорогу и не думалъ объ ней. Я мысленно былъ все еще дома, вспоминалъ, что они тамъ дѣлаютъ теперь, въ такомъ-то часу... Вотъ теперь они пообѣдали и отецъ ушелъ спать... Матушка сидитъ на балконѣ — вѣроятно, кто-нибудь есть у насъ... Соня съ Анной Карловной гуляютъ въ саду, или Соня одна гуляетъ передъ балкономъ невдалекѣ, а Анна Карловна сидитъ съ матушкой, и онѣ разговариваютъ...

VIII.

Въ благородномъ пансіонѣ, куда меня привезли и сдали, и откуда съ слѣдующаго же дня я сталъ вмѣстѣ со всѣми ходить въ гимназію въ классы, были одни только дѣти дворянъ-помѣщиковъ нашей губерніи. Всего насъ было человѣкъ тридцать пять-сорокъ. Эта цифра довольно часто мѣнялась и въ обыкновенное время, такъ какъ однихъ брали, другихъ привозили къ намъ. Послѣ экзамена она мѣнялась еще рѣзче, потому-что одни оканчивали курсъ и выходили, а на ихъ мѣсто являлись новички.

Почти одновременно со мною—нѣсколькими днями позже—привезли новичка, такого же неопытнаго, ничего не видѣвшаго мальчика, какъ и я. Онъ попалъ въ тотъ же классъ, куда и я, и мы

сидѣли съ нимъ рядомъ во время занятій и въ пансіонѣ. Это былъ очень изнѣженный, слабенькій мальчикъ, не по лѣтамъ вытянувшійся, съ бѣлокурыми, вьющимися волосами, съ голубыми довѣрчивыми глазами, первое время страшно тосковавшій. У него была масса разныхъ коробочекъ, листиковъ почтовой бумажки съ нарисованными цвѣточками, птичками, сидящими въ гнѣздышкахъ и на вѣткахъ, какихъ-то черныхъ вырѣзанныхъ силуэтовъ, засушенныхъ цвѣтовъ и т. п. Все это у него было тщательно разобрано и уложено въ отведенномъ ему ящикѣ казеннаго стола, за которымъ мы сидѣли и занимались во время приготовленія къ завтрашнему дню уроковъ. Сидя рядомъ съ нимъ, все это я видѣлъ—нѣкоторые предметы онъ самъ мнѣ показывалъ.

Какъ-то вскорѣ, недѣли черезъ двѣ какъ мы поступили, во время вечернихъ занятій, воспитатель нашъ, m-er Бронъ, дезертеръ-французъ, какой-то капралъ, перебѣжавшій къ намъ въ Севастополѣ и потомъ получившій мѣсто воспитателя въ нашемъ благородномъ пансіонѣ, вдругъ закричалъ на моего сосѣда, разбиравшаго во время занятій у себя въ ящикѣ всѣ эти бумажки, цвѣточки, силуэтики и пр.:—«Эй, занимайтесь!..» и, вѣроятно, возмущенный тѣмъ, что онъ не сейчасъ задвинулъ ящикъ и взялся за книгу, вскочилъ со своего стула, на которомъ онъ постоянно сидѣлъ и слѣдилъ за нами, читая какой-нибудь французскій романъ, и, подбѣжалъ къ мальчику:

— Покажи!

С—нъ показалъ, отодвинувъ ящикъ.

— Вынимай! Все вынимай!

Мальчикъ все вынулъ.

Бронъ рукой смахнулъ все это на полъ, кликнулъ служителя и велѣлъ все это бросить въ топившуюся печь.

Несчастный мальчикъ кинулся, схватилъ всѣ эти дорогіе для него предметы, прижалъ ихъ къ груди и не отдавалъ.

— Бери!—кричалъ на служителя m-er Бронъ.

Служитель не трогался. Это былъ мой Филиппъ.

— Бери! Я тебѣ говорю!—продолжалъ Бронъ.

— Филиппъ, не бери,—сказалъ я.

Я самъ задыхался отъ волненія.

— Я не могу,—отвѣчалъ Филиппъ Брону.

— А-а! хорошо. Бунтъ! Это бунтъ,—горячился Бронъ и, оставивъ насъ въ покоѣ, отправился въ дежурную комнату записывать насъ въ штрафную книгу.

Исторія эта, разумѣется, кончилась ничѣмъ, потому что не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, какой-то выходецъ, дезертиръ, обращаться такъ съ нами, дѣтьми все болѣе или менѣе крупныхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и предводителей дворянскихъ,—этотъ Бронъ былъ опредѣленъ къ намъ по протекціи одной губернской аристо-

кратки, у которой онъ снискалъ къ себѣ расположеніе, — но съ этого случая у меня съ моимъ сосѣдомъ начались самыя дружескія интимныя отношенія. Онъ началъ довѣрять мнѣ всѣ свои самыя задушевныя тайны, мечты, планы. Я былъ гораздо мужественнѣе его, здоровѣе, а, главное, гораздо развитѣе его. Онъ былъ поэтому совершенно подавленъ моимъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходствомъ и за мою дружбу съ нимъ и покровительство платилъ мнѣ безпредѣльной, какой-то, можно сказать, собачьей преданностью и даже приверженностью. Я могъ заставить его сдѣлать для меня, что угодно, и онъ не задумался бы ни на минуту.

Товарищи иногда смѣялись по этому поводу и говорили:

— Т—ъ, скажи, вели С—ну, чтобы онъ изъ окна для тебя выскочилъ.

— И выскочу, — отвѣчалъ имъ С—нъ.

— Ну, выскочи.

— Пускай онъ скажетъ.

— Т—въ, скажи...

Онъ такимъ былъ потомъ и въ жизни, такимъ онъ и покончилъ съ жизнью...

Мѣсяца черезъ два или черезъ три, мы ужъ начали подумывать о томъ, кто куда поѣдетъ на рождественскіе праздники. Только-что утихшее было воспоминаніе объ оставленныхъ въ деревнѣ дорогихъ сердцу людяхъ и предметахъ теперь вновь будилось и являлось старое нетерпѣливое желаніе какъ можно скорѣе опять увидѣть ихъ, пожить съ ними и ихъ жизнью. Мой вѣрный другъ, мечтательный и нервный, задумчивый, склонный къ экзальтаціи, теперь все свободное и даже несвободное время, если обстоятельства позволяли только это, проводилъ въ перебираніи этихъ своихъ силуэтиковъ, рисуночковъ, писемъ и проч., напоминавшихъ ему объ его домѣ.

Однажды, разсказывая мнѣ о томъ, какіе ему предстоятъ въ деревнѣ удовольствія, онъ сказалъ, что у нихъ будутъ играть на домашнемъ театрѣ какую-то пьесу и это будетъ очень весело.

— И ты будешь играть?

— И я.

— А еще кто?

— О! у насъ есть отличные актеры и актрисы! — воскликнулъ онъ.

И затѣмъ онъ началъ перечислять фамиліи своихъ родственниковъ и сосѣдей, которые на праздникахъ пріѣдутъ къ нимъ, чтобы принять участіе въ спектаклѣ. Между этими послѣдними, т. е. сосѣдями, я услыхалъ и фамилію тети Глаши.

— Ты знаешь тетю Глашу!...

— Глафиру Николаевну?

— Ну, да.

— Да она жъ въ семи верстахъ отъ насъ.

— Стало быть, и Машу ея знаешь?

— Знаю.

Меня охватило такое волненіе, что я не могъ говорить даже нѣсколько мгновеній.

— Ты ее когда видѣлъ послѣдній разъ? — съ трудомъ выговорилъ я, нѣсколько ужъ успокоившись.

— Какъ сюда меня повезли, дня за два. Онѣ были у насъ.

— И Маша?

— И она...

Какъ ни хорошъ и даже ни друженъ я былъ съ С—мъ, но я никогда и не начиналъ даже съ нимъ говорить обо всемъ этомъ, т. е. объ этой своей исторіи съ нѣжными и попечительными чувствами моими къ Машѣ. Конечно, еслибы я могъ только предполагать, что онъ и ее и тетю Глашу знаетъ—было бы другое совсѣмъ, я бы разспрашивалъ его про нихъ обо всемъ, до самыхъ мелочей, и онъ былъ бы мнѣ отъ этого еще вдвое ближе.

Теперь за то я началъ съ удвоенной жадностью разспрашивать его объ нихъ, т. е. собственно объ Машѣ, только такъ, для приличія, справляясь и о тетѣ Глашѣ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, повторялъ то, что̀ меня интересовало по нѣскольку разъ съ тѣмъ большой охотой, что эти разспросы мои и его разсказы удерживали меня возлѣ него, видимо, вызывали и меня на нѣкоторыя ему признанія и, такимъ образомъ, сближали меня съ нимъ.

Онъ разсказывалъ, повторялъ мнѣ интересовавшія меня подробности, но я ясно видѣлъ, что онъ ничего не знаетъ изъ того, что собственно и главнѣйше интересовало меня: ни о томъ, что Маша незаконная дочь дяди Васи, ни о томъ, что если тетя Глаша не оставитъ ей завѣщанія въ случаѣ своей смерти, она останется нищей—онъ ничего не зналъ. Онъ зналъ только, что ее, т. е. Машу, всѣ очень любятъ и говорятъ, что она будетъ замѣчательная красавица, что тетя Глаша гордится ею, и любитъ ее такъ, что и души въ ней не чаетъ.

— Нынче лѣтомъ у насъ студентъ гостилъ, который въ Москвѣ съ Володей (его братомъ) живетъ, и онъ былъ влюбленъ въ нее.

— А она?—спросилъ я.

— Да она чудная такая, ей ни до чего дѣла нѣтъ.

— Онъ лѣтомъ опять къ вамъ гостить пріѣдетъ.

— Нѣтъ, онъ кончаетъ курсъ и куда-то уѣзжаетъ.

И еще разсказалъ онъ, что за нею ухаживалъ также какой-то ремонтеръ, у котораго недалеко отъ ихъ имѣнія снятъ хуторъ и помѣщеніе все, гдѣ у него стоятъ ремонтныя лошади.

— Значитъ, онъ постоянно тамъ живетъ?

— Лѣтомъ,—да, а зимой уѣзжаетъ въ Москву.

— Теперь его, значитъ, нѣтъ?

— Нѣтъ.

Все въ этомъ родѣ онъ мнѣ разсказывалъ. Это все, конечно, болѣе или менѣе тревожило, безпокоило меня.

До праздниковъ оставалось уже не долго, недѣли двѣ не больше. За нами должны были пріѣхать или прислать изъ деревни лошадей, чтобы взять насъ. С—ну я уже далъ понять—не прямо сказалъ, но именно далъ понять—что я ее люблю «безумно», и что я носитель ея тайнъ, что ей угрожаетъ одна опасность, отъ которой ее никто не спасетъ, кромѣ меня, но я ее спасу...

Мнѣ было тогда уже тринадцать лѣтъ, и я перечиталъ ужъ массу переводныхъ французскихъ и оригальныхъ русскихъ романовъ. Марлинскаго всего я перечиталъ раза два и бредилъ его героями, выбирая то того, то другого изъ нихъ за образецъ себѣ. Судьба Маши мнѣ представлялась какъ разъ подходящей для совершенія мною подвиговъ во вкусѣ героевъ Марлинскаго, и я ходилъ съ ужаснѣйшимъ сумбуромъ въ головѣ, едва успѣвая готовить уроки.

Когда за нами обоими, наконецъ, пріѣхали (прислали кучеровъ съ лошадьми), и мы начали съ нимъ прощаться ужъ совсѣмъ одѣтые по дорожному, я съ чувствомъ сказалъ ему только нѣсколько словъ. Всѣ вопросные пункты и инструкціи онъ получилъ отъ меня еще раньше во всѣхъ подробностяхъ.

— Я понимаю,—крѣпко пожавъ мнѣ руку и обнимая меня, отвѣчалъ мнѣ мой другъ также растроганно и въ то же время также серьезно и рѣшительно.

Я уѣхалъ домой, исполненный самыхъ возвышенныхъ мыслей и самыхъ серьезныхъ соображеній.

IX.

Не доѣзжая версты до нашего дома была мельница, принадлежавшая какому-то купцу Огаркову. Онъ у насъ бывалъ, т. е. пріѣзжалъ по дѣламъ къ отцу, и я его видалъ у него въ кабинетѣ. Лѣтомъ мы всей семьей иногда пріѣзжали къ нему на мельницу, и въ это время онъ и жена его выходили къ намъ, и они угощали насъ у себя чаемъ съ вареньемъ и какими-то особенными, необыкновенно вкусными кренделями — обыкновенными баранками, вѣроятно.

Когда мы теперь подъѣхали къ мельницѣ, на плотинѣ мы увидѣли этого Огаркова. Онъ стоялъ съ какими-то мужиками и разговаривалъ. Онъ очень любезно раскланялся со мною и сталъ поздравлять съ пріѣздомъ и говорилъ еще какія-то любезности. Кучеръ пріостановилъ лошадей.

— Маменьку-то вотъ жаль не застанете дома — сейчасъ только проѣхали, спѣшатъ къ тетенькѣ Глафирѣ Николаевнѣ,— съ участіемъ сказалъ онъ.

— Чтò тамъ такое? случилось чтò?!—съ испугомъ воскликнулъ я.

— Да нездоровы, кажется, онѣ,—отвѣчалъ Огарковъ успокоительнымъ тономъ, но я видѣлъ по лицу его, что онъ не совсѣмъ откровенно мнѣ говорилъ: — ничего, все, Богъ дастъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, можетъ еще и понапрасну потревожили,—добавилъ онъ.

Дома, здороваясь съ отцомъ, вышедшимъ встрѣчать меня на крыльцо, прежде всего я спросилъ, что такое у тети Глаши случилось, что матушка такъ поспѣшила, не дождавшись меня, поскакала туда.

— Да, чтожъ дѣлать — ужасно это грустно! — съ ней, кажется, параличъ,— отвѣчалъ отецъ: — плохо ей, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ.

Я просто какъ съ горы сорвался и упалъ въ какую-то пропасть. Должно быть, я былъ хорошъ, что отецъ съ испугомъ на лицѣ спросилъ меня:

— Что съ тобою?

— А Маша?—проговорилъ я.

Онъ повелъ меня въ домъ; въ передней съ меня сняли теплое платье — я повертывался, шелъ, куда меня вели, здоровался съ сестрой, съ гувернанткой, съ няньками, совсѣми какъ автоматъ.

Перепугъ всѣхъ взялъ, что со мною такое сдѣлалось. Отецъ растерянно спрашивалъ меня, почему это извѣстіе такъ тревожитъ меня, успокоивалъ, говорилъ, что, можетъ быть, все еще окажется благополучно, что вѣрнаго ничего онъ и самъ не знаетъ, такъ какъ все, что имъ извѣстно,—извѣстно изъ письма Маши, которая могла просто испугаться и больше ничего.

Меня, насколько могли, успокоивали; но никому изъ нихъ и въ голову не приходила настоящая причина моего безпокойства. Наконецъ, много времени спустя уже я—такъ долго не рѣшавшійся спросить—задалъ отцу вопросъ, о томъ, что чтò же теперь будетъ съ Машей?

— Да, это ужасно, если только Глафира Николаевна не сдѣлала ей завѣщанія,—согласился и онъ.

— А она не сдѣлала его?

— Должно быть, нѣтъ.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ! У меня было предчувствіе!—воскликнулъ я: — и какая это подлость! Оставить, бросить такъ ее...

Матушку ожидали только на третій день. Если бы она почему-нибудь рѣшилась тамъ остаться на болѣе продолжительное время, она должна бы была — такъ было условлено — прислать извѣстить объ этомъ. Эти три дня были для меня цѣлой вѣчностью, кажется. Наконецъ, на третій день къ вечеру она пріѣхала.

Положеніе тети Глаши было, по ея словамъ, безнадежно. Она лежала безъ языка, одна рука и одна нога у нея отнялись. Доктора—три—которые пріѣзжали къ ней во время пребыванія тамъ матушки, говорили, что прожить—она можетъ, пожалуй, еще и проживетъ, но чтобы выздоровѣла—на это нѣтъ никакой надежды. Я слушалъ это все вмѣстѣ съ другими и спросилъ ее:

— И завѣщаніе въ пользу Маши, конечно, не сдѣлала.

— Никакого,—рѣшительно, отвѣтила она, не догадываясь, какое значеніе имѣетъ этотъ ея отвѣтъ для меня.

— Фу, какая подлость!—опять воскликнулъ я.

Матушка быстро обернулась на меня.

— Это ты про тетю Глашу-то?—съ удивленіемъ глядя на меня и даже какъ-бы въ испугѣ, проговорила она.

— Да развѣ можно дѣлать то, что она сдѣлала? Вѣдь эту несчастную теперь выгонитъ на улицу этотъ ихъ дальній родственникъ.

Матушка начала говорить, что этого тетя Глаша, конечно, никогда не желала сдѣлать, что это просто несчастіе и т. д., и т. д. Что, наконецъ, если ей немножко Богъ дастъ получшаетъ, она, матушка, первая, конечно, настоитъ на этомъ, т. е. чтобы тетя Глаша сдѣлала духовное завѣщаніе, и проч.

Но на другой день по ея пріѣздѣ изъ Пестрядки пріѣхалъ посланный и просто, безъ письма, на словахъ, привезъ извѣстіе, что тети Глаши не стало...

X.

Прошло много лѣтъ послѣ этого. Я кончилъ гимназію и былъ потомъ въ университетѣ. Что случалось за это время съ Машей—я зналъ все. Ужасное впечатлѣніе производили на меня всякій разъ извѣстія объ несчастіяхъ, которыя одно за другимъ обрушивались на эту несчастную дѣвушку. Я зналъ, что послѣ смерти тети Глаши, ее пригласилъ къ себѣ жить другой нашъ дальній родственникъ и ей тамъ былъ далеко не медъ. Я слышалъ потомъ о какомъ-то гнусномъ покушеніи на нее со стороны того дальняго ея родственника, который унаслѣдовалъ, помимо ея, имѣніе послѣ тети Глаши. Я зналъ, что потомъ у нея была оспа, страшно ее обезобразившая, послѣ которой она, выздоровѣвъ, поступила въ тотъ монастырь, гдѣ когда-то жила дѣвочкой и откуда ее тогда взяла на воспитаніе къ себѣ тетя Глаша. Но самъ я ее съ того единственнаго раза, какъ видѣлъ тогда впервые у насъ, больше ни разу не видалъ.

Ранней весной я ѣхалъ однажды домой изъ Петербурга въ деревню. Рѣки только-что прошли. Мерзлая, не успѣвшая еще оттаять, земля была покрыта мѣстами еще снѣгомъ. Но день былъ

жаркій, яркое солнце,—веселое, весеннее солнце—стояло высоко въ голубомъ, даже синемъ небѣ, какое бываетъ только ранней весной. Тамъ, въ его выси звенѣли безчисленные голоса: пѣли жаворонки, посвистывая, летѣли утки, кулики. Я почти уже подъѣзжалъ къ нашей деревнѣ и оставалось немного ужъ, какихъ-нибудь верстъ двадцать.

Впереди насъ давно ужъ ѣхала подвода парой—обыкновенная, простая мужицкая телѣга запряженная двумя лошаденками—и на ней какихъ-то двѣ женскихъ фигуры и мужикъ-кучеръ на козлахъ. Дорога была худая и я не спѣшилъ на тройкѣ обогнать эту подводу. Но на какомъ-то поворотѣ они остановились, такъ что намъ нужно было проѣзжать мимо ихъ. Я взглянулъ, и изъ двухъ монашенокъ, сидѣвшихъ на подводѣ, лицо одной невольно остановило почему-то на себѣ мое вниманіе. Мнѣ показалось, что я ее видалъ, помнилъ почему-то... Ямщикъ тронулъ, и мы поѣхали рысью впередъ, далеко оставивъ ихъ скоро за собою.

Дня черезъ четыре по пріѣздѣ домой, мы сидѣли за чаемъ, какъ къ матушкѣ пришла нянька и сказала ей: «монашенки пріѣхали».

Я почему-то при этомъ невольно вспомнилъ про тѣхъ монашенокъ, которыхъ видѣлъ дорогой и именно про ту, которую тогда я не могъ никакъ припомнить, гдѣ я ее видѣлъ.

Матушка велѣла принять ихъ, подать имъ чаю, узнать не хотятъ ли они ночевать—дѣло было ужъ позднимъ вечеромъ. Немного погодя, она сама пошла къ нимъ: она много имъ давала разныхъ старыхъ вещей, съ которыми, я ужъ не знаю, что онѣ дѣлали, жертвовала всегда и сколько-нибудь денегъ.

Вдругъ она вернулась и, радостно, сіяющая, обратилась къ намъ, ко всѣмъ сидѣвшимъ еще у чайнаго стола, съ вопросомъ:

— А знаете, кто одна изъ этихъ монашенокъ?

Я совершенно безучастно посмотрѣлъ на нее, предполагая, что это просто какая-нибудь знакомая всѣмъ имъ монахиня, которую я совершенно не знаю и до которой мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

— Отгадай. Ну, какъ бы ты думалъ, кто?—смотря на меня ужъ одного, вдругъ спросила она.

— Маша!—вдругъ почему-то пришла мнѣ въ голову она, и я воскликнулъ ея имя.

— Да. Ты почемъ узналъ?

Почему она мнѣ пришла вдругъ въ голову, какъ это могло случиться, когда я и не думалъ объ ней—я не знаю,—но я теперь вдругъ понялъ точно, что никого, кромѣ нея, и не могло быть, и мнѣ вдругъ ужасно захотѣлось скорѣе ее видѣть, говорить съ нею.

— Она гдѣ?

— Въ угольной. Имъ самоваръ подали, онѣ чай пьютъ.

— Можно туда?

— Конечно.

И я, и всѣ мы, пошли смотрѣть Машу, говорить съ ней, разспрашивать ее.

Я торопливо, впередъ всѣхъ, не дожидаясь остальныхъ, вошелъ въ угольную. Тамъ сидѣла нянька за самоваромъ и двѣ эти монашенки. Онѣ обѣ встали при моемъ появленіи. Ту, которая была «Маша», я узналъ теперь сразу, и хотѣлъ было ужъ подойти къ ней, назвать по-старому, какъ тогда; но передо мною были двѣ серьезныя до суровости женщины, недопускавшія повидимому и мысли ни о какой радости. Онѣ встали, поклонились мнѣ какъ-то въ разъ и продолжали стоять съ опущенными глазами.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось ужасно неловко за свою поспѣшность и излишнюю развязность, съ которой я вошелъ. И потомъ какъ же я ее назову?..

Меня выручила матушка, вошедшая въ это время.

— Мать Марѳа, вы не узнаете его? А помните гимназиста-то.

Монахиня подняла на меня глаза и долгимъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла, какъ бы припоминая.

Я тоже смотрѣлъ на нее. Лампа со стѣны освѣщала ее сзади, такъ что лицо ея было не освѣщено и я не могъ видѣть на немъ слѣдовъ, оставленныхъ страшной болѣзнью, ею испытанной.

— Нѣтъ, я помню, но они—она повела глазами на меня—тогда, кажется, не были еще гимназистомъ.

— Совершенно вѣрно,—не безъ нѣкотораго волненія отвѣтилъ я ей.

Матушка, отецъ, тоже сюда пришедшій, начали просить ихъ опять садиться и продолжать кушать чай. Мы всѣ тоже усѣлись тутъ съ ними. Я сѣлъ нарочно поближе къ «Машѣ».

Матушка заговорила съ ними что-то о монастырѣ, что тамъ какія новости, перемѣны, давно ли онѣ оттуда выѣхали, по какому сбору ѣздятъ и т. п.

И, что мнѣ было самое странное,—она нисколько не чувствовала въ этомъ никакой неловкости, когда я говорилъ ей «мать Марѳа» и отвѣчала мнѣ, точно будто я никогда не зналъ другого ея имени.

Онѣ долго сидѣли и говорили, а я слушалъ ихъ и все смотрѣлъ на нее — какъ это такъ былъ одинъ человѣкъ и вдругъ этотъ же самый — сталъ другой теперь совсѣмъ, такъ что ничего рѣшительно въ немъ не осталось отъ того перваго человѣка и узнать его почти нельзя.

Уже совсѣмъ, какъ имъ уходить спать—онѣ остались у насъ ночевать и такъ какъ сказали, что съ дороги очень устали, то матушка велѣла имъ раньше все приготовить—я спросилъ «ее»:

— А я, кажется, васъ видѣлъ дня четыре тому назадъ. Я васъ обогналъ. Вы отстали на одномъ поворотѣ.

— Очень можетъ быть,—отвѣтила «она» и посмотрѣла въ мою сторону.

— Я тогда не то, чтобы васъ узналъ, но никакъ не могъ все вспомнить, гдѣ я васъ раньше видѣлъ.

Она ничего мнѣ не отвѣтила, только еще разъ взглянула на меня.

Мы провели съ ними еще сколько-то времени и оставили ихъ, пожелавъ имъ покойной ночи.

— Вы рано завтра уѣзжаете?—спросила ихъ матушка:—останьтесь, погостите, отдохните...

— Да вотъ поспѣшаемъ, полая вода насъ застала. Насъ ужъ давно въ монастырѣ со сборами ждутъ. Скоро постройки начнутся, деньги нужны,—отвѣтила другая монахиня.

Но онѣ все-таки остались на завтра до нашего утренняго чаю.

Утромъ, въ столовой, я ее опять видѣлъ.

Мнѣ опять пришлось—на этотъ разъ ужъ не по моему желанію, а случайно—сидѣть почти рядомъ съ нею.

— И вы часто ѣздите по сборамъ?—спросилъ я ее.

— Когда благословитъ игуменья-мать.

— И вы все тутъ ѣздите, по знакомымъ мѣстамъ?

— Гдѣ подаютъ жертву, тамъ и ѣздимъ.

— Вѣдь тутъ все кругомъ полно для васъ воспоминаній.

— Мы тутъ рѣдко ѣздимъ.

— И въ Пестрядку никогда не заѣзжали?

Ее въ это время матушка спросила, не хочетъ ли она еще чаю, она отвѣтила ей, мнѣ показалось нарочно поспѣшно, чтобы избѣжать отвѣта мнѣ.

Второй разъ я ужъ не рѣшался спросить ее объ этомъ.

Имъ подали послѣ чаю еще какую-то закуску, послѣ которой онѣ уѣхали.

Когда я стоялъ у окна гостиной, смотря на нихъ, какъ онѣ отъѣзжаютъ отъ крыльца, ко мнѣ подошла матушка и, положивъ на плечо мнѣ руку, спросила:

— Каково измѣнилась-то? Вѣдь ты бы не узналъ ее?

Я вздохнулъ и пожалъ плечами.

С. Терпигоревъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. САЛТЫКОВѢ.

I.

МНѢ КАЖЕТСЯ, что на каждомъ изъ знавшихъ лично М. Е. Салтыкова лежитъ нравственная обязанность записать по свѣжей памяти свои воспоминанія о немъ, чтобы сохранить отъ забвенія тѣ черты, которыя могутъ характеризовать его, какъ человѣка, какъ писателя и какъ общественнаго дѣятеля. Безъ этого невозможна хорошая его біографія, и чѣмъ больше будетъ такихъ воспоминаній и матеріаловъ, тѣмъ полнѣе и лучше обрисуется его личность. Человѣческая память—слишкомъ ненадежный архивъ: нѣкоторые факты и обстоятельства съ теченіемъ времени утрачиваютъ краски и настоящій смыслъ, а многое и совсѣмъ забывается; видѣнное кажется слышаннымъ, а слышанное видѣннымъ; пущенный кѣмъ-нибудь удачный анекдотъ—дѣйствительностью, а дѣйствительность—анекдотомъ.

Незадолго передъ смертью Михаилъ Евграфовичъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, въ разговорѣ: «Обиднѣе всего, что умрешь и—будутъ про тебя только анекдоты разсказывать»... Собственно говоря, въ анекдотахъ ничего еще дурного нѣтъ, если они хороши и правдоподобны: чуть ли не про всѣхъ великихъ людей существуютъ анекдоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсказываютъ про нихъ же и нѣчто иное, что сдѣлало ихъ великими, но, дѣйствительно, одни «только анекдоты» обидны. Объ этомъ даже подумать только и то тяжело. Положимъ, что Салтыковъ всегда преувеличивалъ опасенія и въ данномъ случаѣ преувеличилъ анекдотическое усердіе тѣхъ, о комъ го-

ворилъ и отъ кого ждалъ анекдотовъ; положимъ, что анекдотовъ про него не разсказываютъ и смерть его вызвала много самыхъ искреннихъ сожалѣній и слезъ; но въ данномъ случаѣ, относительно литературныхъ дѣятелей, у насъ вообще дѣло стоитъ какъ-то черезчуръ сурово и несправедливо, я сказалъ бы даже неблагодарно.

Хотя мы ихъ и хоронимъ не какъ дикіе дикихъ, а съ извѣстнымъ, установившимся церемоніаломъ и процедурами, со словами: «страна понесла незамѣнимую утрату», «литература лишилась выдающагося представителя» и т. д., но все-таки придаемъ слишкомъ мало значенія нашей потерѣ и ихъ личности, точно умеръ не человѣкъ, на которомъ одни воспитались, съ которымъ другіе вмѣстѣ жили и боролись за извѣстныя идеи и съ которымъ вообще много духовныхъ связей, а какая-то незамѣтная, нарицательная величина (имя рекъ), которую вполнѣ достаточно вспоминать вмѣстѣ со «вся православныя христіаны». Положимъ, что въ Писаніи сказано: предоставьте мертвыхъ хоронить мертвымъ; но въ данномъ случаѣ мы не изъ Писанія вовсе исходимъ, да и не о мертвыхъ тѣлахъ тутъ, конечно, и рѣчь идетъ. Дѣло не въ погребальныхъ церемоніяхъ и фразеологіи, которыхъ у насъ, пожалуй, довольно, а въ недостаткѣ истинной признательности и уваженія къ людямъ, въ небрежности и равнодушіи къ сохраненію памяти о нихъ, какъ о людяхъ, которые могутъ украсить небогатую исторію нашей цивилизаціи и примѣръ которыхъ небезполезенъ, какъ самимъ намъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ.

Подобные суровые или небрежные нравы выработались ближайшимъ образомъ въ литературной же средѣ и въ ближайшей къ литературѣ части общества; но если всмотрѣться въ дѣло глубже, то мы замѣтимъ тутъ также и общую черту русскаго характера: русскій человѣкъ не только не дорожитъ тѣмъ, что уже умерло, но не дорожитъ также и всѣмъ, что безсильно, напр., стариками и тѣми, хотя бы и молодыми, но разбитыми и разсѣянными силами, отъ которыхъ уже ждать нечего. Въ нѣкоторыхъ, лучшихъ случаяхъ это происходитъ изъ ригористическаго источника и слишкомъ строгаго взгляда на себя и другихъ передъ задачами общаго дѣла, т. е. на первомъ планѣ стоитъ дѣло, а потомъ ужъ люди: умеръ одинъ—становись на его мѣсто другой, и становись бодро, безъ экспансивностей, какъ бы жаль товарища ни было; умеръ другой—становись третій и старайся, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣлать то же самое (легко сказать: дѣлай Салтыковское дѣло!). Но такихъ случаевъ мало, а, кромѣ того, такое отношеніе еще понятно въ періоды оживленной общественной дѣятельности и борьбы, а не въ обыкновенное время и не въ періоды затишья и сна, когда вмѣсто дѣла остается одна только форма и внѣшность. Но и вообще въ такомъ отношеніи слишкомъ много спартанской суроно-

сти, легко переходящей въ черствую дѣловитость, которою отличаются люди совсѣмъ другого сорта, люди, которымъ въ сущности ни до чего и ни до кого дѣла нѣтъ, кромѣ самихъ себя, и которые очень склонны думать, что настоящая литература начинается только съ нихъ и что они сами себѣ предки. Развязные и самодовольные, они нерѣдко прямо чураются и открещиваются отъ всякихъ литературныхъ традицій, и открещиваются не во имя какихъ-либо высшихъ принциповъ и направленія, а во имя тѣхъ или иныхъ недалекихъ практическихъ соображеній и самодовольства: «все, молъ, что было доселѣ, — ерунда, а вотъ живая вода изъ нашего пруда, можетъ быть не особенно чистая, но для пойла, по нынѣшнимъ временамъ, самая пригодная»... Тутъ вопросъ вовсе не въ происхожденіи людей отъ извѣстнаго литературнаго колѣна, а въ умственной и вообще въ духовной преемственности идей, взглядовъ и убѣжденій. Это не родословная, а если и родословная, то самая демократическая и безсословная. Всегда интересно и нужно знать, что представляетъ собою человѣкъ, откуда исходитъ и куда путь держитъ. Если у людей есть чтò сказать, то имъ нисколько не стыдно быть продолжателями дѣла, прежде начатаго, а если у нихъ ничего нѣтъ за душой, то зачѣмъ говорить, какъ нѣчто неслыханное, то, чтò уже раньше говорилось, зачѣмъ открывать вновь Америки, или еще того лучше—искать Америкъ въ собственномъ пруду. Если бы люди, говорящіе: мы сами себѣ предки, всегда оправдывали эти слова и всегда стояли на высотѣ задачъ своего времени, если бы они не оказывались иногда просто курициными дѣтьми и распространителями куриной слѣпоты, то самое лучшее, конечно, было бы предоставить имъ открывать новыя Америки и наслаждаться самодовольствомъ, но игнорированіе и отрицаніе литературныхъ традицій не ограничивается однимъ только неуважительнымъ отношеніемъ къ прошлому, а ведетъ и, главнымъ образомъ, направляется къ подавленію и закидыванію мусоромъ живыхъ еще остатковъ и новыхъ ростковъ этихъ традицій. Я знаю, что есть люди (и цѣлыя изданія) еще болѣе практическіе и пожалуй еще худшіе, чѣмъ только-что указанные, которые эксплуатируютъ извѣстныя литературныя традиціи и направленіе, показывая видъ, что хранятъ ихъ и цѣнятъ, тогда какъ въ сущности тоже плюютъ на нихъ и безъ всякой церемоніи искажаютъ, а когда нужно, то и совсѣмъ отъ нихъ отказываются; но это ужъ особая категорія людей, которая къ предмету нашей рѣчи не относится, такъ какъ мы говоримъ только о различныхъ проявленіяхъ небрежнаго и невнимательнаго отношенія къ писателямъ.

Что же касается общества, отличающагося тѣми же чертами, то тамъ эта небрежность и равнодушіе происходятъ, вѣроятно, ни отъ чего другого, какъ отъ тѣхъ же свойствъ русскаго человѣка — не особенно горевать объ утратахъ, отъ слабости его свя-

зей съ литературою и отъ непривычки видѣть и цѣнить умственныхъ своихъ вождей и дѣятелей: русская наука и литература— явленія, сравнительно, еще недавнія на Руси, которыя не имѣютъ подъ собою надлежащей почвы, въ видѣ широкой общественной образованности и политическаго развитія. Русское общество и литература, русскій читатель и писатель—это одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ Салтыкова, прикосновеніе къ которому всегда вызывало въ немъ то безнадежную грусть, то глубокое негодованіе. Русскому читателю въ большинствѣ случаевъ нѣтъ дѣла до того, какъ живетъ и что̀ выноситъ русскій писатель, скольких мукъ стоитъ ему иная работа и какими терніями усѣянъ его путь; онъ только необыкновенно внимателенъ къ его слабостямъ и недостаткамъ и любитъ судить и рядить его за нихъ. Для этого онъ не только собираетъ всевозможные слухи объ его домашней и интимной жизни, но иногда даже самъ сочиняетъ про него небылицы: «вотъ, молъ, они каковы—проповѣдники-то наши». Производится это положительно съ какимъ-то злорадствомъ, а исходною точкою при этомъ всегда служитъ желаніе оправдать свои собственные недостатки и пороки. Иногда онъ сочувствуетъ и рукоплещетъ успѣхамъ писателя, но точно также онъ рукоплещетъ и пѣвицѣ въ опереткѣ, и танцовщицѣ въ балетѣ, и рысистой лошади на бѣгу, и клоуну въ циркѣ. Нерѣдко онъ такъ именно и смотритъ на писателя, т. е. съ удовольственной точки зрѣнія: увеселяй, молъ, меня, доставляй пріятное развлеченіе и раздраженіе, или трогай мои нервы и настроивай ихъ на возвышенный ладъ,—я не забылъ еще нѣкоторыхъ идей и люблю вспоминать время беззавѣтной, мечтательной юности. Онъ любитъ либеральныя вещи почитать, прямо или между строкъ, и чѣмъ прямѣе и смѣлѣе — тѣмъ лучше, а когда за это писатель оказывается въ отвѣтѣ, то онъ всегда ретируется въ подворотню, какъ говорилъ Салтыковъ. Писатель всегда чувствуетъ себя одинокимъ, и одно это уже можетъ наполнять его жизнь горечью. Иногда читатель выражаетъ ему внѣшнее почтеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ, пожалуй, доходить передъ нимъ даже до холопства и идолопоклонства; но это нисколько ему не мѣшаетъ переходить къ непочтительности и обращенію съ нимъ немногимъ развѣ лучшему, чѣмъ буряты обращаются съ своими божками, и тѣмъ подавно нисколько не мѣшаетъ предавать его самому скорому и полному забвенію.

Мы забываемъ людей не только поодиночкѣ, но цѣлыми даже группами. За примѣрами ходить недалеко; были, напримѣръ, шестидесятые годы, когда въ литературѣ появилось столько новыхъ дарованій. Одни изъ нихъ блеснули точно метеоры и вскорѣ же померли, померли еще молодыми; другіе дольше жили и не мало потрудились для литературы; а кто ихъ знаетъ и помнитъ? Мы, сверстники ихъ и ближайшее литературное поколѣніе, еще пом-

нимъ, а поколѣніе идущее за нами сплошь и рядомъ не только ихъ, но и произведеній ихъ не знаетъ. А между тѣмъ каждый изъ нихъ приносилъ въ литературу нѣчто несомнѣнно цѣнное: одинъ новую мысль, другой знаніе, третій изученіе народной жизни, обычаевъ, нравовъ и души, четвертый собственную живую душу, нерѣдко переполненную страданіями. Добролюбовъ, этотъ выдающійся талантъ, жилъ и умеръ въ Петербургѣ, у всѣхъ на глазахъ, а между тѣмъ опытъ его біографіи и собираніе матеріаловъ были предприняты только въ прошломъ году, да и то сдѣлано это было личнымъ его другомъ, человѣкомъ, пожалуй, не менѣе его злополучнымъ и теперь также уже умершимъ. Не возьмись за дѣло другъ, можетъ быть, никто ничего не сдѣлалъ бы. Но, кромѣ Добролюбова, были и другіе, хотя и менѣе даровитые, но все-таки талантливые люди: М. Ил. Михайловъ, братья В. С. и Н. С. Курочкины, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Слѣпцовъ, Вороновъ, Демертъ, Омулевскій (псевдонимъ), Шашковъ, Н. Успенскій и многіе другіе. Это цѣлая плеяда, цѣлая галерея писателей разночинцевъ. Каждый изъ нихъ вносилъ свою лепту въ общую умственную сокровищницу, каждый по своему служилъ общему дѣлу, въ большинствѣ случаевъ не думая о личныхъ выгодахъ, а жертвуя ими или подчиняя ихъ общему благу. Были, конечно, и исключенія, но исключенія всегда и вездѣ есть и всегда остаются только исключеніями. Пускай разночинецъ принесъ съ собою нѣкоторую невоздержность, распущенность и рѣзкость взглядовъ, но онъ же имѣлъ и несомнѣнныя заслуги: достаточно сказать, что ему принадлежитъ цѣлая яркая страница въ литературѣ, которую не вычеркнешь. Наконецъ, разночинецъ и самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ, какъ продуктъ извѣстнаго времени, извѣстныхъ общественныхъ настроеній и перемѣнъ. Кто издалъ бы литературный альбомъ того времени, тотъ сдѣлалъ бы не только интересное, но и полезное дѣло. Во всякомъ случаѣ, смотрѣть на такихъ людей, какъ на нарицательныя величины, какъ на литератуные только лѣсà и подпорки, было бы слишкомъ большою роскошью: такихъ богатыхъ и разнообразныхъ дарованій не привлекало къ себѣ ни одно поприще.

Но не одни только шестидесятые годы представляютъ примѣръ такой невнимательности къ писателямъ. Невнимательность эта сказывается постоянно. Умерла, напримѣръ, въ прошломъ году замѣчательная писательница Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій—псевдонимъ), чѣмъ же и какъ мы почтили ея заслуги, которыхъ такъ много? Нѣсколькими краткими некрологами, въ которыхъ, помнится, рядомъ съ похвалами, указывалось на второстепенную ея роль среди корифеевъ 40-хъ и 60-хъ годовъ и на второстепенные размѣры ея таланта. Умеръ также въ прошломъ году Д. Д. Минаевъ, человѣкъ написавшій до 50 томовъ стиховъ и прозы, читавшійся когда-то

въ «Русскомъ Словѣ» [1]) наравнѣ съ Писаревымъ, и если и вынужденный въ послѣдніе годы работать въ мелкой прессѣ, то и тамъ не забывавшій лучшихъ литературныхъ преданій и стремленій, а о немъ въ большинствѣ органовъ даже и некрологовъ не было, точно умеръ не писатель, котораго когда-то жадно читали и академія увѣнчивала преміями, а какой-нибудь военный писарь или писецъ управы благочинія. Выбываетъ человѣкъ изъ строя, и сейчасъ же ряды смыкаются, житейскія волны сходятся и какъ будто человѣка и не было. Да, это слишкомъ суровые нравы.

Если мы видимъ иногда въ послѣдніе годы примѣры, въ родѣ многолюдныхъ похоронъ Некрасова, Достоевскаго, Тургенева, въ которыхъ какъ бы сказывается иное отношеніе къ писателямъ, то не надо забывать величину этихъ писателей и сколько лѣтъ они писали, а затѣмъ многіе могли идти на ихъ похороны просто какъ на зрѣлище, и людей посмотрѣть, и себя показать. Если мы видимъ внимательность къ Надсону и Вс. Гаршину, то не надо забывать всю ужасную ихъ судьбу: оба молодые, оба даровитые и многообѣщавшіе, они умерли—одинъ отъ чахотки, а другой бросившись съ лѣстницы. А затѣмъ, рядомъ съ этими фактами, не надо забывать и другихъ: сколько лѣтъ, напримѣръ, собиралась и собирается подписка на памятникъ Гоголю. Такая огромная страна такая первоклассная держава и не можетъ собрать необходимой суммы для постановки приличнаго памятника одному изъ самыхъ крупныхъ русскихъ талантовъ. Нѣкоторыя вещи, хотя и понятны, но трудно примиримы между собою, такъ, напримѣръ: я не помню ничего сердечнѣе, единодушнѣе и трогательнѣе Некрасовскихъ похоронъ. Если похороны Тургенева отличались небывалымъ многолюдствомъ и торжественностью, то похороны Некрасова отличались именно сердечностью, единодушіемъ и глубокою скорбью: и молодежь, которая преобладала, и люди средняго возраста, и старики, и мужчины и женщины—всѣ точно были подавлены одною мыслью о потерѣ крупной общественной силы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чего-то всѣмъ близкаго и дорогого, а когда въ мрачныхъ сводахъ большого храма Новодѣвичьяго монастыря раздалось съ амвона превосходное слово священника объ истинно-христіанской любви Некрасова къ людямъ и высокомъ чувствѣ къ матери и затѣмъ слова одного изъ лучшихъ его стихотвореній («Рыцарь на часъ»), когда священникъ въ траурной ризѣ, при свѣтѣ свѣчей, началъ говорить это прекрасное стихотвореніе и затѣмъ, точно не въ силахъ былъ остановиться и продолжалъ его до конца, то въ храмѣ настала такая глубокая тишина, что слышно было біеніе собственнаго сердца и затаенное дыханіе сосѣдей; у многихъ неудержимо лились слезы, у всѣхъ лица были блѣдны и выражали скорбь,

[1]) Фельетоны: «Дневникъ темнаго человѣка».

ту хорошую скорбь, которая такъ краситъ человѣка. Литература какъ-то сливалась съ религіей. Если бы русскій человѣкъ не былъ способенъ къ такимъ проявленіямъ, хотя бы и кратковременнымъ, если бы отъ него нельзя было ожидать ничего подобнаго, то о немъ не стоило бы и говорить. Но вотъ проходитъ годъ или два, хорошенько ужъ не помню, сестра Некрасова поставила ему на кладбищѣ памятникъ, издала его стихотворенія, передала его небольшое имѣніе и домъ новгородскому земству для школы и умерла; прихожу я въ день годовщины на его могилу, сижу на скамеечкѣ часъ, другой, третій, и никто не приходитъ. Пришелъ только одинъ студентъ, перекрестился, положилъ вѣнокъ на памятникъ и ушелъ. Очевидно передо мною было ужъ забвеніе.

— «Да, стали ужъ забывать»,—сказала мнѣ привычнымъ тономъ и старушка-монахиня, съ которою я встрѣтился при выходѣ съ кладбища и разговорился.

Можно было бы привести и еще болѣе яркіе примѣры равнодушія и забвенія людей даже заживо, и людей оказавшихъ огромныя услуги развитію и просвѣтленію общественной мысли и могшихъ служить образцомъ личной безупречности, съ точки зрѣнія даже самой придирчивой морали; но это завлекло бы меня слишкомъ далеко, а главное походило бы на толченіе воды въ ступѣ, на витье веревокъ изъ песка. Я не Моисей и не имѣю волшебнаго жезла, которымъ можно было бы пробить толстую скалу общественнаго равнодушія. Если бы можно было расчитывать на иное отношеніе со стороны одной только литературной среды и ближайшей къ литературѣ части общества, то и это ужъ много значило бы.

Когда умираютъ не «второстепенныя» величины, какъ Хвощинская и Минаевъ, а такія крупныя личности, какъ Некрасовъ и Салтыковъ, то о нихъ говорятъ и пишутъ, конечно, больше, но все-таки и о нихъ не особенно много писалось и пишется. Я не могу назвать краткаго біографическаго очерка, приложеннаго къ стихотвореніямъ Некрасова, не только полною, настоящею біографіею, но даже настоящею характеристикою; не могу также назвать нѣсколькихъ брошюрокъ и книжечекъ о немъ [1]—серьезными литературными работами и не могу указать хорошей критической оцѣнки его произведеній и литературной дѣятельности вообще.

---

[1]) Напримѣръ: «Душа поэта», біографія, составленная Горемыкинымъ (Спб. 1878 г. 53 стр., цѣна 20 коп.). «На память о Некрасовѣ» (Спб. 1878 г., 147 стр., цѣна 1 р.). «Н. А. Некрасовъ», сводъ статей о немъ съ 1840 г., составленный Голубевымъ (Спб. 1878 г., 183 стр., цѣна 1 р. 25 к.). «Сборникъ критическихъ статей о Некрасовѣ отъ 1840 до 1864 г.» (М. 1886 г., цѣна 1 р.). «Некрасовъ и его сочиненія», литературная дѣтская библіотека, т. X (1883 г., 189 стр., цѣна 50 к.). Лучше другихъ остается все-таки біографическій очеркъ, приложенный къ сочиненіямъ и составленный А. М. Скабичевскимъ.

Салтыкову нѣсколько больше посчастливилось, но и о немъ не особенно много пишется и далеко еще не все дано, что желательно было бы видѣть. Слишкомъ интересный и содержательный онъ человѣкъ, и въ слишкомъ интересное и богатое событіями время жилъ. Даже органы, причисляющіе себя къ одному съ нимъ знамени и желавшіе, повидимому, почтить его память, дали слишкомъ мало: въ «Новостяхъ», напр., кромѣ того, что написалъ Скабичевскій, были даны еще: «Историческая параллель» (съ гр. Д. А. Толстымъ) и такъ называемый «Вѣнокъ на могилу», но что это былъ за скудный вѣнокъ (о параллели я ужъ не говорю): это были коротенькіе-коротенькіе кусочки, написанные разными лицами и очевидно приноровленные къ извѣстному, отведенному въ газетѣ мѣсту, а главное — кусочки, имѣющіе очень мало содержанія, хотя Салтыковъ тамъ и величался «непоколебимымъ», «непримиримымъ», «недремлющимъ окомъ» и даже «безсмертнымъ». Вѣнокъ этотъ гораздо соотвѣтственнѣе было назвать вѣникомъ. Сличите №, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, съ юбилейнымъ № «Новостей», и вы увидите, насколько десятилѣтній юбилей занялъ больше мѣста и представлялся, очевидно, газетѣ фактомъ болѣе важнымъ. Газеты и журналы, вообще, стѣсняются отводить мѣсто покойникамъ, боясь, вѣроятно, походить на кладбище: нѣкоторые некрологи печатаются даже петитомъ, точно и не вѣсть все какіе важные и животрепещущіе вопросы въ газетахъ трактуются, тогда какъ иной покойникъ, право, стоитъ десятковъ и сотень живыхъ, стоитъ не потому только, что они никогда не дадутъ того, что онъ далъ, а и потому, что произведенія его гораздо больше отвѣчаютъ на вопросы текущаго времени и данной минуты, чѣмъ мертвое слово хотя бы и живыхъ людей. Похвальное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только «Вѣстникъ Европы», который съ свойственною ему аккуратностью и солидностью дѣлаетъ все, что только можетъ: г. Стасюлевичъ издаетъ сочиненія Салтыкова, г. Пыпинъ пишетъ о немъ обстоятельныя статьи, г. Арсеньевъ сообщаетъ матеріалы для его біографіи. Я указалъ бы еще на «Русск. Вѣдомости», гдѣ печатались прекрасные статьи Н. К. Михайловскаго, вышедшія теперь отдѣльною книжкою, но тамъ все сдѣланное гораздо правильнѣе отнести къ одному г. Михайловскому, ближайшему сотруднику и соредактору Салтыкова по «Отеч. Запискамъ» и случайному сотруднику газеты, гдѣ онъ озаглавливаетъ «случайными замѣтками» и нѣкоторые свои фельетоны. Затѣмъ, можно указать еще на небольшія газетныя статейки и воспоминанія также бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ»: гг. Скабичевскаго въ «Новостяхъ», Абрамова въ «Недѣлѣ» и Южакова въ «Одес. Вѣстникѣ»; но только и всего, и всего этого, какъ намъ кажется, недостаточно для надлежащей оцѣнки и полной біографіи Салтыкова. Это либо критическія и библіографическія статьи, касающіяся преимущественно

его произведеній, либо воспоминанія, обнимающія періодъ только журнальной его дѣятельности. Мои воспоминанія также ограничиваются только этою послѣднею сферою и относятся къ послѣднимъ десяти годамъ его дѣятельности въ «Отеч. Запискахъ» (1873—1883 гг.) и къ самому послѣднему времени (1888—1889 гг.). Но, кромѣ этого, у него было интересное дѣтство, частью вошедшее въ «Пошехонскую старину» и другія произведенія, имѣющія не мало автобіографическихъ чертъ, а частью никуда не вошедшее; у него была юность, когда складывался его характеръ и вообще духовная сторона, юность, которую онъ почему-то вспоминалъ гораздо меньше, чѣмъ дѣтство; у него были тяжелые годы подневольной жизни и службы въ Вяткѣ, а затѣмъ службы въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ уже въ иной роли могъ относиться къ жизни и ея темнымъ сторонамъ. Этотъ періодъ дѣятельности Михаила Евграфовича особенно интересенъ: онъ и тамъ вносилъ въ дѣло ту же прямоту, ту же искренность, страстность и ничѣмъ не подкупную честность, какими отличался и въ литературѣ. Разсказы его изъ этого времени полны тяжелыхъ впечатлѣній и самыхъ мрачныхъ красокъ. Ему приходилось видѣть воочію всѣ прелести дореформенныхъ порядковъ: крѣпостное право, откупъ, судебную волокиту и взяточничество, самоуправство, насиліе и грубость, бюрократическое всевластіе, лѣнь и формализмъ, и, само собою разумѣется, что онъ не оставался ко всему этому равнодушенъ. Я какъ сейчасъ помню его разсказы о ревизіи тюремъ и мѣстъ заключенія (если не ошибаюсь, въ качествѣ вице-губернатора): «Вы не можете представить, какіе ужасы мнѣ приходилось видѣть; я вѣдь засталъ еще застѣнки и деревянныя колодки, изъ которыхъ заставлялъ при себѣ вынимать людей». Имъ было возбуждено нѣсколько дѣлъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами. Доклады, отзывы, заключенія и вообще переписка его по такимъ поводамъ, хранящаяся гдѣ-нибудь въ архивахъ, должна представлять большой интересъ. Писалъ онъ бумаги, по всей вѣроятности, не обычнымъ форменнымъ языкомъ, а языкомъ литературнымъ, живымъ и страстнымъ. Такъ это можно думать изъ того, что эти офиціальныя бумаги и были причиною выхода его въ отставку. Михаилъ Евграфовичъ разсказывалъ, что покойный государь, которому случалось, при разсмотрѣніи разныхъ дѣлъ, прочитывать иногда и нѣкоторыя изъ его бумагъ, обратилъ на нихъ вниманіе и выразилъ по начальству, что онѣ ему очень не нравятся слишкомъ мрачнымъ тономъ, что онъ ихъ просто не можетъ читать. Само собою разумѣется, что это сейчасъ же стало извѣстно Михаилу Евграфовичу, и онъ поторопился подать въ отставку. Въ теченіе всего этого времени у Салтыкова были товарищи, сослуживцы и просто очевидцы его жизни. Какъ хорошо всѣ они сдѣлали бы, еслибы записали о немъ то, что видѣли и знаютъ.

Г. Скабичевскій разсказываетъ («Новости», № 116, 1889 г.), что ему приходилось слышать отъ провинціальныхъ чиновниковъ, служившихъ подъ его начальствомъ, что «начальникъ онъ былъ рѣдкій: какъ ни робѣли порою отъ его, повидимому, грозныхъ окриковъ, но никто его не боялся, а, напротивъ того, всѣ очень любили его за то, что онъ входилъ въ нужды каждаго мелкаго чиновника и былъ крайне снисходителенъ ко всѣмъ его слабостямъ, которыя не приносили прямаго вреда службѣ». Мнѣ тоже приходилось слышать объ его снисходительности и внимательности къ мелкимъ чиновникамъ и ихъ экономическому положенію, такъ, напримѣръ, при распредѣленіи наградныхъ денегъ къ праздникамъ, онъ всегда стоялъ за то, чтобы больше давать тѣмъ, кто получалъ меньше жалованья, и сокращать слишкомъ большія награды имѣвшимъ и безъ того хорошіе оклады. Слышалъ я, между прочимъ, и такой разсказъ: однажды Салтыкову во время служебной поѣздки нужно было во что̀ бы то ни стало приготовить къ утренней почтѣ нѣсколько бумагъ, поэтому онъ и бывшій съ нимъ какой-то маленькій чиновникъ сѣли работать на ночь,—Салтыковъ въ одной комнатѣ, а тотъ рядомъ въ другой. Не долго выдержалъ чиновникъ и заснулъ на диванѣ. Услышавъ храпъ, Салтыковъ вышелъ и, видя его усталое лицо, взялъ и подложилъ ему подушку, а самъ сѣлъ на его мѣсто и кончилъ къ разсвѣту и его и свою работу. Утромъ, когда бѣдный чиновникъ проснулся, то прежде всего испугался, что проспалъ и не кончилъ работы, но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что работа кончена рукою Салтыкова. Страхъ, разумѣется, еще увеличился. А Салтыковъ между тѣмъ еще не спалъ: изъ сосѣдней комнаты слышался скрипъ его пера,—онъ что̀-то поправлялъ и доканчивалъ въ своихъ бумагахъ. Но вотъ онъ кончилъ и выходитъ на ципочкахъ, чиновникъ ни живъ ни мертвъ, а онъ самымъ обыкновеннымъ образомъ говоритъ: «ну, батюшка, должно быть вы вчера очень устали, я ужъ подушку вамъ подложилъ да боялся все разбудить, но куда тамъ—спите, какъ убитый, ничего не слышите». Тотъ, разумѣется, сталъ извиняться, а этотъ и не думалъ, конечно, сердиться. Подобное отношеніе къ людямъ было совершенно въ характерѣ Салтыкова, и я помню и приведу ниже нѣсколько подобныхъ же фактовъ изъ журнальныхъ отношеній, когда онъ обнаруживалъ рѣдкую деликатность и внимательность къ людямъ; входилъ въ такія положенія, въ какія, право, никто не вошелъ бы; когда вы ждали, что вотъ онъ разсердится, а онъ вдругъ начиналъ сочувствовать вамъ, или, начавъ вдругъ на кого-нибудь сердиться и замѣтивъ ошибку, вдругъ замолкалъ и начиналъ ухаживать за человѣкомъ, ухаживать по своему, по неумѣлому, иногда даже съ воркотней, но такъ все-таки, что для васъ было очевидно стараніе загладить свой промахъ.

Мнѣ говорятъ люди, очень любившіе и уважавшіе Салтыкова: «какъ хорошо, что о немъ не всякій можетъ писать, а то захватали бы его чистый образъ». Съ этимъ я не согласенъ. Салтыкова трудно захватать, какъ бы ни были нечистоплотны нѣкоторыя руки: слишкомъ много въ немъ бѣлаго и слишкомъ бѣлизна эта на мраморъ похожа своею прочностью; одно не пристанетъ, а другое отстанетъ. Къ тому же, я глубоко увѣренъ, что дурного о немъ нечего и некому сказать, кромѣ развѣ только тѣхъ господъ, кого онъ самъ не любилъ и кто заслуживалъ этого; но, по всей вѣроятности, и они, разъ захотятъ быть справедливыми, увидятъ, что каковы бы ни были его ошибки, недостатки, и шероховатости характера, все-таки онъ былъ человѣкомъ честнымъ, добрымъ и въ высшей степени прямодушнымъ и справедливымъ. Онъ органически не переносилъ никакой фальши и неправды; его замѣчательное прямодушіе и честность и были главною причиною неровностей его характера. Наконецъ, еслибы кто-нибудь непремѣнно пожелалъ заняться пачкатней, то есть кому сказать такимъ пачкунамъ: «не очень-то пачкайте» и снять слѣды нечистоплотности. Гораздо хуже слѣдующее положеніе: когда проходитъ десятокъ-другой лѣтъ, когда люди, знавшіе близко человѣка, вымираютъ и остаются одни только тихіе лѣтописцы (обоего пола), которые до времени молчатъ, а потомъ и начинаютъ невозбранно сообщать были и небылицы про покойника, приплетая иногда сюда же и личную къ нему непріязнь, или когда позднѣйшіе біографы и разные литературные исторіографы начнутъ сообщать о немъ сомнительные слухи и свѣдѣнія. Конечно, многое о Салтыковѣ еще не можетъ быть напечатано, какъ по личнымъ его отношеніямъ къ разнымъ лицамъ (напримѣръ переписка), такъ и по другимъ причинамъ, но и въ предѣлахъ возможнаго можетъ быть дано и сдѣлано гораздо больше. Для этого нужно только помнить одну хорошую американскую поговорку: «никогда не слѣдуетъ откладывать до завтра того, что можно сдѣлать сегодня».

Тутъ можетъ, пожалуй, происходить нѣкоторое недоразумѣніе, о которомъ не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ и которое желательно было бы устранить: видя г. Стасюлевича распоряжающимся похоронами и устройствомъ могилы Салтыкова и издающимъ его сочиненія, г. Арсеньева сообщающимъ матеріалы для его біографіи и, вообще, что «Вѣстникъ Европы» распростеръ надъ нимъ свою сѣнь, многіе могутъ думать (и нѣкоторые и думаютъ), что разъ такіе обстоятельные люди взялись за дѣло, то ничего изъ виду упущено ими не будетъ, и что можетъ быть у «Вѣстника Европы» есть какое-нибудь преимущественное право для этого; а при такихъ условіяхъ нужно ли, ловко ли и деликатно ли будетъ и другимъ тоже выступать съ своими заботами и воспоминаніями, не усмотритъ ли кто-нибудь въ этомъ съ ихъ

стороны прежде всего желанія пріобщиться къ имени большого человѣка и погрѣться въ лучахъ его славы? Недоумѣніе это можетъ только увеличиваться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ «Вѣстникъ Европы» старается, бывшіе сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» оказываются какъ бы отстраненными и отодвинутыми на заднiй планъ. А тутъ еще какъ нарочно одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы» (и, конечно, не безъ вѣдома остальныхъ) обрушился безъ всякаго повода, какъ говорится, ни съ того—ни съ сего, неудачною полемикою на одного изъ главныхъ представителей «Отечественныхъ Записокъ». Фактъ этотъ, конечно, безотносительный, спорадическiй, такъ сказать, но и онъ могъ произвести извѣстное впечатлѣніе.

Въ «Вѣстникѣ Европы» несомнѣнно чистыя руки, но, дѣйствительно, Салтыковъ никогда не былъ такъ близокъ къ редакціи этого почтеннаго журнала, какъ къ своей редакціи, представители которой—гг. Елисеевъ и Михайловскiй, а также и всѣ сотрудники еще живы. Тамъ онъ не принималъ близкаго участія въ веденіи журнала и былъ только гостемъ, а тутъ вкладывалъ въ дѣло всего себя, всю свою душу, помыслы и стремленія, такъ что если является впечатлѣніе, что «Вѣстникъ Европы» какъ бы монополизируетъ Салтыкова, то является и предположеніе, что для этого, кромѣ его добраго желанія, есть еще какое-нибудь преимущественное право, въ родѣ желанія покойника или его родныхъ. Я не знаю было ли по этому поводу какое-нибудь прямое указаніе въ завѣщаніи Салтыкова, но навѣрное знаю, что онъ очень цѣнилъ ближайшихъ своихъ товарищей и сотрудниковъ. Если литература была для него дорогою областью, то они въ ней были наиболѣе дорогими людьми. Это я говорю на основаніи многихъ фактовъ. У него было два рода знакомствъ и отношенiй: чисто домашнія и литературныя, которыя онъ весьма резонно раздѣлялъ и никогда не смѣшивалъ, и не смѣшивалъ, я думаю, не столько въ огражденіе домашней жизни, сколько въ огражденіе литературы отъ всего ей сторонняго и чуждаго. На литературу смотрѣлъ онъ, какъ на серьезное и важное дѣло, называлъ ее даже «вѣчнымъ дѣломъ». Я не знаю, были ли у Салтыкова личные друзья. Хорошіе знакомые, которые у него бывали и у которыхъ онъ изрѣдка бывалъ, были, и онъ могъ, конечно, поручить имъ нѣкоторыя свои денежныя и личныя дѣла, въ родѣ хлопотъ объ изданіи, гдѣ требуется извѣстная практическая опытность и досугъ, обезпеченный матеріальнымъ положеніемъ; но не думаю, чтобы для оцѣнки своей литературной дѣятельности и составленія біографіи онъ сталъ искать и указывать кого-нибудь на сторонѣ, помимо своей бывшей редакціи, чтобы онъ могъ питать недовѣріе къ ея искренности и литературнымъ способностямъ. Всего вѣроятнѣе, что заботы

его такъ далеко не простирались. Но само-собою разумѣется, что «Вѣстникъ Европы» и не думаетъ монополизировать память Салтыкова: съ его стороны это просто надлежащее, внимательное отношеніе къ дѣлу; къ тому же, онъ всегда отличался склонностью къ исторіографіи: онъ и о Кавелинѣ, и о Тургеневѣ старался, едва ли не больше еще, чѣмъ о Салтыковѣ, и о Крамскомъ и о другихъ выдающихся лицахъ писалъ, не лишая никого права дѣлать то же самое; а бывшая редакція «Отечественныхъ Записокъ» теперь разсѣяна и разбросана, какъ израиль, по разнымъ мѣстамъ. Для этого достаточно обратить вниманіе на одинъ только тотъ фактъ, что о Салтыковѣ Михайловскій писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», Скабичевскій въ «Новостяхъ», Абрамовъ въ «Недѣлѣ», Южаковъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и я, пятый сотрудникъ, пишу теперь въ пятомъ мѣстѣ. Въ такомъ положеніи возможно испытывать чувство горечи и досады на такое положеніе, чувство ревности и обиды на то, что человѣкъ, съ которымъ вы много лѣтъ шли рука объ руку, имѣли столько общихъ духовныхъ интересовъ и котораго считали въ самомъ высокомъ смыслѣ своимъ, вдругъ оказывается принадлежащимъ другимъ, по совершенно особымъ правамъ, начиная съ семейнаго и кончая простой экспропріаціей; но, конечно, эти непосредственныя и чисто личныя чувства уступаютъ мѣсто сознанію, что хорошо и правильно, когда о такомъ человѣкѣ и другіе думаютъ, говорятъ и пишутъ. Лично я, по крайней мѣрѣ, не только ничего не имѣю противъ такого внимательнаго отношенія «Вѣстника Европы» къ Салтыкову, но, напротивъ, желалъ бы, чтобы и всѣ относились къ нему также. Мнѣ вспоминается по этому поводу слѣдующій разсказъ: когда умеръ одинъ нашъ извѣстный композиторъ, то пришелъ скульпторъ и, ни у кого не спросясь, сталъ дѣлать съ него маску. Выходитъ жена и застаетъ его за работой: «что вы дѣлаете? какъ же это можно, почему не спросили у меня позволенія?»—«Сударыня, отвѣчалъ скульпторъ, пока вашъ мужъ былъ живъ—онъ принадлежалъ вамъ, а теперь онъ есть общее, общественное достояніе». То же самое можно сказать и о Салтыковѣ. Но буду лучше разсказывать по порядку то, что̀ помню о Михаилѣ Евграфовичѣ. Къ сожалѣнію, порядокъ этотъ не хронологическій, а порядокъ отдѣльныхъ, нерѣдко отрывочныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ складывалось представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ, писателѣ и общественномъ дѣятелѣ. Не велика будетъ моя лепта, но принесенная отъ чистаго сердца и она, вѣроятно, на что-нибудь пригодится въ общемъ біографическомъ матеріалѣ.

II.

Познакомился я съ Михаиломъ Евграфовичемъ въ 1873 году, когда была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» первая моя статья и когда я получилъ приглашеніе заходить по понедѣльникамъ, т. е. въ редакціонные дни, въ редакцію. Редакція помѣщалась тогда въ домѣ Краевскаго, на Литейной, въ квартирѣ Некрасова, которому въ то время и принадлежала главная роль въ журналѣ: онъ вѣдался съ типографіей, съ цензурой, съ конторой, и вообще со всею внѣшнею стороною изданія, читая въ то же время нѣкоторыя рукописи и корректуры всего журнала. Послѣднее для него было необходимо, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора. Внутреннее свое значеніе онъ дѣлилъ и съ виду даже какъ-то подчинялъ Михаилу Евграфовичу и Г. З. Елисееву, которые также читали редакторскую корректуру всего журнала и завѣдывали: первый, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, беллетристикой, а второй—такъ называемыми серьезными статьями и вторымъ отдѣломъ, за исключеніемъ переводныхъ романовъ.

Помню, какъ первое впечатлѣніе не соотвѣтствовало тѣмъ заглазнымъ представленіямъ, которыя я составилъ и которыя обыкновенно составляютъ начинающіе авторы объ извѣстныхъ писателяхъ: я думалъ, что встрѣчу какихъ-нибудь жрецовъ или по крайней мѣрѣ важныхъ господъ, какую-нибудь необыкновенную и торжественную обстановку, со шкапами книгъ, большими столами, портретами и бюстами, а встрѣтилъ я самую простую комнату, съ самымъ простымъ убранствомъ на помѣщичій ладъ. Правда, что комната эта была очень большая и хорошая, и все, что̀ въ ней было, тоже было очень хорошо, хотя и не бросалось въ глаза новизною и вычурностью, но все-таки все въ ней было неожиданно просто: самый обыкновенный письменный столъ, самыя обыкновенныя стулья, одинъ или два шкапа съ рукописями и на нихъ—вмѣсто бюстовъ и портретовъ—чучела птицъ и зайца-русака (Некрасовъ былъ охотникъ), а въ другой половинѣ комнаты помѣщался билліардъ. Тутъ же ходилъ черный понтеръ. Однимъ словомъ, это была скорѣе всего билліардная въ хорошемъ помѣщичьемъ домѣ. И сами люди были тоже на помѣщичій ладъ: и по внѣшности, и по характеру разговора, который тогда шелъ. Однимъ словомъ, я точно былъ перенесенъ лѣтъ на 15—20 назадъ, въ помѣщичью обстановку и сразу невольно подумалъ: вотъ вѣдь какъ не скоро изглаживается эта прирожденная складка. Въ то время, какъ мысль человѣческая выростаетъ, интересы расширяются и уходятъ впередъ,—внѣшность, манера и привычки остаются прежнія. Конечно, внѣшность—послѣднее дѣло, и серьез-

ные люди меньше всего обращаютъ на нее вниманіе. Очень возможно, что отъ того это и происходило.

У Салтыкова и Некрасова были чисто русскія лица, хотя и совершенно разныхъ типовъ. Особенно бросалось въ глаза это русское обличье у Салтыкова: схожія лица встрѣчаются и среди помѣщиковъ, и у крестьянъ сѣверныхъ губерній; только такого прекраснаго выраженія глазъ не скоро найдешь. Если бы всѣ глаза такъ смотрѣли, то истинно человѣческой доброты и правды въ нашей жизни было бы, вѣроятно, гораздо больше.

Видѣть Михаила Евграфовича мнѣ приходилось сначала только въ редакціонные дни. Приходя въ редакцію, онъ обыкновенно долго кашлялъ, — кашель его иногда раздавался еще съ лѣстницы, — а потомъ, смотря по настроенію, или говорилъ только о текущихъ дѣлахъ по журналу и коротко, точно нехотя, отвѣчалъ на вопросы, или начиналъ что-нибудь разсказывать. Разсказывалъ онъ обыкновенно какіе-нибудь слухи и новости, имѣвшіе общественное значеніе, проекты разныхъ предполагавшихся мѣропріятій, которые касались преимущественно литературы, причемъ нерѣдко можно было слышать возгласъ: «каково положеніе!» Благодаря своимъ связямъ въ высшемъ служебномъ мірѣ, онъ получалъ эти свѣдѣнія очень рано и иногда даже изъ первоисточниковъ. Настоящее всегда связывалось и сопоставлялось имъ съ прошлымъ, такъ-что иногда можно было услышать отъ него и воспоминанія, какъ изъ своей прежней жизни, такъ и изъ жизни нѣкоторыхъ лицъ высшаго общества, изъ которыхъ многіе были его товарищами и сидѣли съ нимъ на одной школьной скамейкѣ. Связей своихъ съ высшимъ обществомъ Салтыковъ не поддерживалъ; вначалѣ онѣ какъ-то сами собою держались, а потомъ, хотя и не совсѣмъ прекратились, но все болѣе и болѣе ослабѣвали. Съ одними онъ разошелся принципіально, съ другими лично, какъ человѣкъ строгій и не любившій компромиссовъ, третьимъ не хотѣлъ кланяться: слишкомъ не соотвѣтствовало это его натурѣ.—«Я ни у кого не заискиваю,—говорилъ онъ не безъ гордости,—никому не кланяюсь и ни у кого не бываю; ко мнѣ еще, по старой памяти, кое-кто заходитъ, а я нѣтъ: зачѣмъ я пойду, что у насъ осталось общаго».—Но особенно много въ ту пору было разсказовъ объ имѣніи, которое у него было подъ Петербургомъ и въ которомъ онъ пытался хозяйничать, испытывая неудачи. Эти неудачи, въ связи съ самымъ способомъ пріобрѣтенія имѣнія, тоже неудачнымъ, были темою цѣлаго ряда живыхъ и интересныхъ разсказовъ, которые потомъ вошли въ «Монрепо». Нерѣдко Салтыковъ начиналъ также разсказывать что-нибудь такое, надъ чѣмъ нельзя было не смѣяться, особенно глядя при этомъ на его почти всегда серьезное лицо. По большей части это была дѣйствительность, изукрашенная его фанта-

зіей. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ присутствовавшіе хохотали самымъ неудержимымъ образомъ, а самъ онъ никогда сильно и громко не смѣялся, а только изрѣдка улыбался, да и то бывало это въ тѣхъ только случаяхъ, когда онъ добродушно разсказывалъ что-нибудь комическое про знакомыхъ, или когда предметъ, о которомъ шла рѣчь, былъ незначителенъ и только забавенъ. Смѣшить—вовсе не было его цѣлью, напротивъ, онъ всегда боялся прослыть писателемъ «по смѣшной части» и даже въ разговорѣ оставался иногда недоволенъ тѣмъ, что смѣются, хотя могъ бы ужъ кажется привыкнуть къ этому и допускать, что нельзя не смѣяться, слушая смѣшныя вещи. Я отлично помню, какъ однажды онъ разсказывалъ что̀-то въ редакціи, а я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и держалъ корректуру, которую нужно было скорѣе сдать въ типографію; взрывы хохота раздавались одинъ за другимъ, и продолжалось это довольно долго. Зная, что причиною этого Салтыковъ, я очень удивился, когда онъ вдругъ вошелъ и недовольнымъ тономъ сказалъ: «я думаю, что это и вамъ мѣшаетъ... просто не понимаю, что это сегодня всѣ смѣются. Неужели то, что̀ я разсказываю, такъ смѣшно? По моему, нисколько не смѣшно, нисколько...»

Зависѣло это отъ своеобразныхъ свойствъ его разсказа и столь же своеобразнаго отношенія къ тому, о чемъ онъ говорилъ: онъ часто возмущался и негодовалъ, но въ то же время придумывалъ для предмета негодованія одно положеніе смѣшнѣе другого, и чѣмъ онъ больше останавливался на такомъ предметѣ, тѣмъ, кажется, неистощимѣе становилась его фантазія. Это было чисто личною его особенностью, чисто личнымъ оружіемъ, какъ хоботъ у слона, какъ зубы и когти у медвѣдя, оружіемъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которое пускалъ въ ходъ чисто рефлективно, хотя въ то же время и не безсознательно, а постоянно держа его подъ контролемъ и руководствомъ разума. Онъ не могъ спокойно и хладнокровно относиться къ тому, что было безсмысленно, безсовѣстно, фальшиво, надменно, цинично, словомъ, что возмущало его чувство и не мирилось съ логикой, и сейчасъ же реагировалъ на это, какъ могъ и умѣлъ, какъ находилъ лучше и цѣлесообразнѣе. Людей и предметы, которые въ этомъ отрицательномъ смыслѣ обращали на себя его вниманіе, онъ всегда почти освѣщалъ со стороны совершенно неожиданной, самой прозаической, характеризовалъ ихъ необыкновенно мѣтко нѣсколькими штрихами и открывалъ въ нихъ какую-нибудь новую глупость или гадость, которыхъ вы, можетъ быть, и не подозрѣвали. Къ такимъ скрытымъ и приличія ради прикрытымъ глупостямъ и гадостямъ онъ былъ особенно безпощаденъ и вытаскивалъ ихъ на свѣтъ во всей наготѣ, въ наиболѣе показной и неудобной для нихъ формѣ, вытаскивалъ безъ всякой церемоніи, за что̀ попало, хотя бы даже—да простится мнѣ это вы-

раженіе—за хвостъ: смотрите, молъ, какая это гадина, какая скотина! Онъ сердился при этомъ на нихъ, но до злобной вражды и ратоборства съ ними рѣдко доходилъ, а по большей части смотрѣлъ на нихъ съ извѣстной высоты общечеловѣческаго и своего личнаго достоинства. Это была, съ одной стороны, настоящая мѣра вещей, а, съ другой, если хотите, извѣстная доля душевной мягкости и художественной объективности. Можетъ быть, это и подало поводъ въ 70-хъ годахъ одному критику посмотрѣть на его смѣхъ, какъ на смѣхъ больше для смѣха, потому будто бы и не особенно обидный тѣмъ, на кого онъ направленъ. Какою это было ошибкой со стороны талантливаго критика—нечего, конечно, и говорить. Салтыковъ опровергъ это всею своею, какъ прежнею, такъ и въ особенности послѣдующею дѣятельностью, опровергъ цѣлымъ рядомъ произведеній, возбуждающихъ не смѣхъ только и совсѣмъ смѣха не возбуждающихъ. Были вещи, надъ которыми Салтыковъ не смѣялся, которыя точно подавляли его, и надъ которыми и другіе тоже не смѣялись, когда онъ о нихъ говорилъ и разсказывалъ. И такихъ вещей было не мало. Были также вещи, надъ которыми онъ не смѣялся по другимъ причинамъ, чтобы не дать оружія въ руки врагамъ, чтобы даже какъ-нибудь косвенно не поддержать реакціонныхъ усилій, или надъ которыми хоть и смѣялся въ частной бесѣдѣ, но никогда не напечаталъ о нихъ ни строчки, не смотря на то, что могъ бы создать пресмѣшныя вещи. Повторяю: смѣхъ никогда не былъ для него цѣлью, а былъ только средствомъ. Но еслибы даже онъ ограничился только смѣхомъ, только приклеиваніемъ позорныхъ ярлыковъ и надѣваніемъ дурацкихъ колпаковъ на людей, которыя этого заслуживали, то и это было бы ужъ большою заслугою: общественный смѣхъ есть признакъ сознанія и критическаго отношенія къ тому, что считалось дотолѣ выше какихъ бы то ни было сомнѣній, что незаслуженно пользовалось авторитетомъ и злоупотребляло имъ. Можно указать случаи, когда смѣхъ Салтыкова достигалъ именно той цѣли, какую имѣлъ въ виду; можно указать также и людей, которые до самой смерти ходили, а другіе и теперь еще ходятъ и будутъ ходить съ его ярлыками. Но до какой степени самъ Салтыковъ смотрѣлъ на свой смѣхъ именно какъ на средство, до какой степени онъ способенъ былъ умалять его высокое художественное значеніе, ради общественной пользы, лучше всего, мнѣ кажется, можетъ показать слѣдующій случай: разъ, въ редакціи зашла рѣчь объ одномъ господинѣ, высказавшемъ и предлагавшемъ печатно нѣчто очень нехорошее, что именно—ужъ я теперь забылъ, а помню только, что всѣ возмущались и что тема была благодарная, такъ что нѣсколько человѣкъ и я въ томъ числѣ изъявили готовность написать что-нибудь по этому поводу; Салтыковъ же съ самымъ озабоченнымъ видомъ ходилъ и повторялъ:

— Ахъ, пожалуйста ничего не пишите, не нужно ничего писать, это только больше значенія ему придастъ.

Некрасовъ и другіе чтò-то возражали, Салтыковъ горячился и стоялъ на своемъ. Наконецъ, онъ остановился посреди комнаты и сказалъ:

— Если ужъ такъ, то извольте я напишу. Вѣдь того, что нужно, никто не сдѣлаетъ, а я могу сдѣлать: тутъ нужно облить [1]) человѣка, а они собираются о немъ писать и разговаривать.

Въ мужскомъ обществѣ и тѣмъ болѣе въ своемъ кружкѣ Салтыковъ въ выраженіяхъ не стѣснялся, и замѣчательно, что это никогда не производило дурного впечатлѣнія и не носило дурного характера, какъ у другихъ. Вотъ ужъ именно: то же слово, да не такъ молвится. Вы ясно видѣли, что говоритъ это человѣкъ несомнѣнно нравственный, которому только мало дѣла до выраженій, который дѣлаетъ нецензурныя сравненія и пускается иногда даже въ невозможную фантастику только потому, что такъ короче и изобразительнѣе выходитъ, что, наконецъ, самому предмету, о которомъ онъ говоритъ, наиболѣе приличествуетъ именно такая форма выраженія, что если, напр., о человѣкѣ не стоитъ писать, а надо произвести надъ нимъ нѣчто другое, то это потому, что онъ ничего больше не заслуживаетъ. Отчасти это можно видѣть и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, гдѣ тоже попадаются иногда кое-какія словечки и положенія, соотвѣтствующія нескромному характеру и свойствамъ дѣйствующихъ лицъ, но гдѣ вы все-таки не найдете скабрезности. Салтыковъ не терпѣлъ, вообще, скабрезности и порнографіи, особенно въ литературѣ. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» разсказываетъ о немъ, между прочимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, почему онъ однажды не принялъ повѣсть начинающаго автора, и какъ не могъ удержаться, когда тотъ пришелъ за отвѣтомъ, чтобы не сказать въ его присутствіи случившимся тутъ же сотрудникамъ: «вѣдь вотъ авторъ—совсѣмъ юноша... а мнѣ старику было стыдно читать его повѣсть, столько скабрезности». Скабрезность всегда его шокировала даже у извѣстныхъ писателей и въ хорошихъ произведеніяхъ. Онъ всегда находилъ, что можно бы и безъ этого обойтись, что очень ужъ это скучно и надоѣло.

Ближе узналъ я Михаила Евграфовича уже послѣ смерти Некрасова, когда онъ сдѣлался отвѣтственнымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Сколько самыхъ неусыпныхъ трудовъ и горячихъ тревогъ и заботъ доставляли ему «О. З.»,—объ этомъ хорошо знаютъ всѣ сотрудники. Онъ читалъ рукописи по беллетристикѣ, правилъ ихъ и готовилъ къ печати, просматривалъ корректуры всѣхъ отдѣловъ журнала, велъ переписку съ нѣкоторыми

[1]) Собственно говоря, онъ не такъ, а гораздо прямѣе выразился.

изъ иногороднихъ сотрудниковъ, самъ писалъ статьи (иногда по двѣ въ мѣсяцъ, т. е. статью и маленькій фельетонъ), имѣлъ объясненія съ цензурой, и т. д., словомъ, онъ весь былъ въ журналѣ, всего себя въ него вкладывалъ. Работалъ онъ очень много, такъ много, какъ можетъ работать только очень привычный и сильный работникъ. Какъ это согласовалось и уживалось со слабостью его физическихъ силъ и давно уже начавшимися разными болѣзнями и недомоганіями, — трудно даже понять, а объяснить это можно только развѣ однимъ: необыкновенною его любовью къ литературѣ и тою тѣсною связью, какая существовала между нею и его личною жизнью. Весь досугъ, всѣ антракты и передышки между приступами болѣзни и ночныя безсоницы, всѣ печали и радости, мечты и помыслы — все отдавалось литературѣ. Жить для него значило писать или что-нибудь дѣлать для литературы. Какъ Некрасовъ говоритъ старику разсыльному, у котораго болятъ ноги отъ ходьбы: «жить тебѣ, пока ты на ходу», такъ можно было бы сказать то же самое и Салтыкову относительно литературы. Литература была для него тѣмъ же, чѣмъ земля для извѣстнаго миѳа, получавшаго силу отъ земли, или сказочная чудесная вода для изрубленныхъ въ куски богатырей, которые, будучи ею окроплены, опять оживали и становились еще болѣе сильными.

Сказать, что онъ просто читалъ и приготовлялъ къ печати рукописи, значитъ мало еще сказать, потому что надо знать, какъ это дѣлалось: въ противуположность Некрасову и Елисееву, онъ сильно маралъ и исправлялъ рукописи, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ поступали въ типографію всѣ перемаранными, а иныя страницы и совсѣмъ вновь бывали переписаны на поляхъ его рукою. Что это была за египетская работа не всякій знаетъ и не можетъ представить себѣ, не зная близко журнальнаго дѣла. Кромѣ главной стороны, т. е. чтобы не испортить вещи и не столкнуться съ авторскимъ самолюбіемъ, тутъ много еще чисто техническихъ затрудненій, при соединеніи оставшихся частей, при измѣненіи оставшагося текста, согласно выпущеннымъ или измѣненнымъ мѣстамъ (чтобы не вышло несообразностей и противурѣчій), при соблюденіи архитектуры цѣлаго и отдѣльныхъ главъ, при вписываніи вставокъ, и т. д., и т. д. Н. К. Михайловскій разсказываетъ, напримѣръ, о такой операціи, произведенной Салтыковымъ надъ повѣстью Котелянскаго «Чиншевики»: онъ вытравилъ цѣликомъ на всемъ протяженіи повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ, со всѣми его довольно сложными отношеніями къ другимъ оставшимся дѣйствующимъ лицамъ. И Котелянскій потомъ говорилъ Михайловскому, что онъ очень благодаренъ Салтыкову за эту операцію, потому что она только скрасила повѣсть, и что онъ удивляется, какъ онъ ухитрился это сдѣлать, какъ хватило у него на это терпѣнья и внимательности. Но тутъ, кромѣ труда и внимательности, тре-

бовалось еще много умѣнья и тщательности въ работѣ. Насколько успѣшно все это достигалось Салтыковымъ, лучше всего, мнѣ кажется, можно видѣть изъ того, что большинство авторовъ, болѣе или менѣе постоянно появлявшихся въ «От. Зап.», подобно Котелянскому, оставались довольны исправленіями и не только не вступали съ нимъ въ какія бы то ни было пререканія, но именно понимали, что произведенія ихъ выигрывали отъ его опытной руки. Случались, конечно, иногда и обиды, когда авторами были слишкомъ самомнительные люди, требовавшіе, чтобы ни одного слова у нихъ не было выпущено и измѣнено, или когда Салтыковъ, увлеченный работой и художественной правдой, дѣлалъ въ произведеніяхъ слишкомъ крупные перевороты. Объ одной изъ такихъ обидъ вспоминаетъ, напримѣръ, г. Скабичевскій: одна сентиментальная романистка непремѣнно желала окончить романъ свой смертью героини отъ чахотки, а Салтыковъ нашелъ, что той гораздо будетъ лучше выйти замужъ и потому взялъ и выдалъ ее замужъ за героя. Но такихъ случаевъ было очень мало, насколько я помню, это едва ли даже не единственный случай. За то гораздо чаще приходилось слышать вотъ что, о чемъ также припоминаетъ г. Скабичевскій: что люди, незнавшіе о тѣхъ операціяхъ, какія производилъ Салтыковъ надъ произведеніями второстепенныхъ беллетристовъ, приходили не рѣдко въ удивленіе, отчего это тѣ самые писатели, которые подъ редакціей Салтыкова помѣщаютъ весьма не дурные разсказы и повѣсти, въ другія изданія приносятъ вещи ниже всякой критики и даже совсѣмъ неудобныя для печатанія. А съ другой стороны, уже сдѣлано также и такое еще наблюденіе, что писатели, печатавшіеся прежде въ «Отеч. Зап.» и бывшіе подъ контролемъ Салтыкова вполнѣ приличными, значительно измѣнились къ худшему, въ смыслѣ литературной порядочности и выдержанности направленія, послѣ того, какъ стали писать въ другихъ изданіяхъ, т. е. послѣ того, какъ вышли изъ подъ его указки и вообще изъ подъ вліянія извѣстной литературной атмосферы.

Но въ то время, какъ Салтыковъ исправлялъ второстепенныхъ и начинающихъ беллетристовъ, онъ совсѣмъ не трогалъ произведеній большихъ талантовъ и тѣхъ установившихся уже писателей, которые постоянно писали въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этихъ произведеніяхъ онъ ничего не измѣнялъ, хотя и не всегда оставался ими доволенъ: «ну, доложу вамъ, и прислалъ же нынче NN, — просто чортъ знаетъ что̀», говорилъ онъ иногда, и тѣмъ не менѣе ничего не измѣнялъ и печаталъ присланное. Говоря «чортъ знаетъ что̀», онъ, конечно, преувеличивалъ, но слабыя и спѣшно написанныя вещи случались, и не исправлялъ онъ ихъ не потому вовсе, что не могъ, — онъ могъ ихъ поправлять или совсѣмъ не принимать, — а потому, что считалъ себя нравственно не вправѣ вмѣшиваться и какъ бы учить людей уже установившихся, кото-

рые сами за себя отвѣтственны. Еслибы дѣло касалось направленія, и основная мысль произведенія слишкомъ противурѣчила журналу, то это другое дѣло: тутъ онъ не замедлилъ бы снестись съ авторомъ, относительно необходимыхъ измѣненій, или возвратилъ бы рукопись, а собственно литературную сторону, т. е. исполненіе, пріемы, слогъ и проч. своимъ дѣломъ не считалъ. Невмѣшательство это простиралось иногда даже дальше литературной стороны, — до мысли, съ которою Салтыковъ былъ не согласенъ, лишь бы только она не шла въ разрѣзъ общему направленію и при условіи, чтобы статья была подписана авторомъ, т. е. чтобы отвѣчалъ за нее онъ самъ и не принимали ее за редакціонную.

Не касалась рука Салтыкова также всѣхъ статей второго отдѣла, которымъ завѣдывалъ не онъ, а ближайшіе его сотрудники, а равнымъ образомъ и не беллетристическихъ статей перваго отдѣла. Здѣсь онъ опять строго соблюдалъ невмѣшательство въ то, что̀ принадлежало другимъ. Во второмъ отдѣлѣ ему принадлежали только переводные романы, печатавшіеся въ приложеніи, а остальное все читалось, выбиралось, отдавалось въ типографію и исправлялось не имъ. Онъ только прочитывалъ редакторскую корректуру и смотрѣлъ, чтобы не было нецензурныхъ мѣстъ, да и то, если таковыя встрѣчались въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ, не вымарывалъ ихъ безъ ихъ вѣдома и согласія. Онъ обыкновенно только отмѣчалъ и указывалъ имъ сомнительныя мѣста, а иногда и то, что̀ ему почему-либо не нравилось или казалось неудобнымъ. Равнымъ образомъ и ему указывали тѣ изъ сотрудниковъ, кому посылались корректуры всего журнала, то, что̀ имъ казалось сомнительнымъ и неподходящимъ въ его отдѣлѣ и въ его статьяхъ. И какихъ бы то ни было обидъ и недоразумѣній при этомъ никогда не возникало. Онъ не только умѣлъ избѣгать ненужнаго вмѣшательства, но и довѣрять людямъ, и не только довѣрять, но и уступать. Это рѣдкія черты характера, которыя говорятъ не только объ его умѣ, но и объ его искреннемъ сердцѣ. Какъ ничего не измѣнялъ онъ въ статьяхъ постоянныхъ сотрудниковъ не потому, чтобы не могъ измѣнять, такъ и исправлялъ онъ столь усиленно начинающихъ и второстепенныхъ беллетристовъ вовсе не потому, что могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ, а потому, что это было лучше въ разныхъ смыслахъ, лучше какъ для журнала, такъ и для нихъ самихъ. Вмѣсто недовольства, котораго можно было бы ожидать, если бы мотивы были иные, онъ привлекъ къ журналу и сгруппировалъ вокругъ него цѣлую группу беллетристовъ, благодаря чему, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, ни прежде, ни послѣ, не было такой богатой беллетристики, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Иногда ее упрекали въ избыткѣ мужика, но тѣмъ не менѣе постоянно всѣ читали, не исключая и тѣхъ свѣтскихъ людей, ко-

торые дѣлали подобные упреки. И создано это было главнымъ образомъ Салтыковымъ, потому-что остальные либо никакого касательства къ беллетристикѣ не имѣли, либо помогали ему только въ предварительномъ просмотрѣ рукописей, когда таковыхъ скоплялось слишкомъ много въ редакціонномъ портфелѣ: отдѣляя все очень плохое и указывая на то, что заслуживало вниманія, они облегчали ему выборъ. Но только и всего. Я сказалъ бы даже больше, что создано это было исключительно Салтыковымъ, если бы раньше него не обращалъ особаго вниманія на беллетристику Некрасовъ. Тѣмъ не менѣе, если начало дѣла принадлежитъ Некрасову, то дальнѣйшее его развитіе принадлежитъ Салтыкову.

Повторяю: работать такъ, какъ работалъ Михаилъ Евграфовичъ, не всякій можетъ. Работа для него превратилась не только въ обычное занятіе, но и въ какую-то непреодолимую потребность. Онъ не могъ не писать: ни какія-нибудь дѣла, ни усталость и желаніе отдохнуть, ни знакомства и отношенія, ни даже сама болѣзнь не могли удержать его отъ этого. Сплошь и рядомъ совсѣмъ больной онъ садился къ письменному столу и писалъ своимъ медленнымъ, сжатымъ почеркомъ страничку-другую, сколько могъ. Я засталъ его разъ пишущимъ на подоконникѣ во время переѣзда на дачу, когда въ кабинетѣ все было уже уложено и столъ былъ чѣмъ-то загроможденъ; а за границею онъ ухитрялся иногда писать даже на маленькомъ кругломъ столикѣ, урывая нѣсколько минутъ между прогулкою и завтракомъ или между ванною и обѣдомъ. Я всегда удивлялся, какъ ему не мѣшаютъ работать посѣтители. Ни пріемныхъ и непріемныхъ дней, ни особыхъ пріемныхъ и непріемныхъ часовъ, какъ у другихъ, у него не было. Положимъ, что къ нему не во всякое время ходили, но утромъ, часовъ съ 11-ти и до обѣда, его всѣ и всегда могли застать и шли къ нему совершенно свободно. Случалось мнѣ иногда заходить къ нему и вечеромъ, и опять никто не говорилъ, что онъ не принимаетъ, и опять приходилось кого-нибудь встрѣчать у него. Правда, что онъ не со всѣми и не всегда бывалъ любезенъ, но надо же войти въ положеніе человѣка, которому мѣшаютъ писать, которому нѣсколько разъ приходится отрываться отъ рукописи и заниматься разговорами можетъ быть совсѣмъ изъ другой области, чѣмъ та, о которой онъ думалъ, а сплошь и рядомъ и совсѣмъ для него неинтересными. Одни дѣловые разговоры по журналу, продолжавшіеся обыкновенно не долго, и тѣ могли докучать. Знаешь, бывало, когда онъ занятъ и думаешь ограничиться нѣсколькими словами и нѣсколькими минутами, а проговоришь часъ. А тутъ, смотришь, и еще кто-нибудь пришелъ. Однажды я зашелъ къ нему такимъ образомъ «на минутку» и засталъ его очень сконфуженнымъ:

— Представьте, какая штука со мною сейчасъ вышла,—сказалъ онъ здороваясь,—просто опомниться не могу, такъ стыдно...

Ждалъ я вчера къ себѣ Боткина: третьяго дня письмо ему написалъ и просилъ посмотрѣть меня; а онъ вчера не пріѣхалъ. Сегодня же, какъ нарочно, съ самаго утра гости: то одинъ, то другой; то по цѣлымъ мѣсяцамъ глазъ не кажутъ, а тутъ вдругъ всѣ соскучились!.. Мнѣ же, право, не здоровится, и я совсѣмъ сегодня былъ нерасположенъ къ визитнымъ разговорамъ, а думалъ писать. Наконецъ, всѣ посидѣли, поговорили и распрощались; только было я къ столу, какъ вдругъ опять кто-то приходитъ. Вижу Ратынскій... такъ мнѣ стало досадно, что я отвернулся къ окну.—«Здравствуйте», говоритъ. Я подалъ руку, поздоровался.—«Какъ, говоритъ, ваше здоровье?»—Да ничего, какъ видите.—«Погода, говоритъ, нынче хорошая».—Ну, и слава Богу, говорю, съ чѣмъ васъ и поздравляю.—«Гуляли-ли?»—Нѣтъ, не гулялъ. Еще что̀-то спросилъ, я также коротко отвѣтилъ. Сидимъ и молчимъ. Я тутъ вотъ и въ окно смотрю, а онъ на вашемъ мѣстѣ. И прошло такъ должно быть съ полчаса. Наконецъ, по всей вѣроятности, это ему наскучило, и онъ поднимается и начинаетъ прощаться:—«я, говоритъ, къ вамъ лучше въ другое время заѣду». Тутъ только я взглянулъ, и можете представить мое удивленіе: передо мною былъ вовсе не Ратынскій, а Боткинъ. Каково положеніе! Какъ я раньше его не узналъ,—просто понять не могу. Если ужъ въ лицо не смотрѣлъ, такъ по походкѣ, по голосу, наконецъ, по вопросамъ можно было узнать. Совсѣмъ про него забылъ. Но хуже всего то, что ничего ему не сказалъ, что принялъ его за Ратынскаго. Неловко какъ-то было. Такъ онъ и уѣхалъ. Что теперь обо мнѣ онъ можетъ подумать? Совсѣмъ, скажетъ, человѣкъ съ ума сошелъ, или отнесетъ это къ тому, что я обидѣлся за то, что онъ вчера же не пріѣхалъ, а я, право, объ этомъ и не думалъ, потому-что знаю, какъ онъ бываетъ иногда занятъ. Къ тому же, онъ всегда ко мнѣ такъ любезенъ и внимателенъ. Никогда я его такъ не принялъ бы. Думаю письмо ему написать...

Не знаю, писалъ ли что-нибудь Михаилъ Евграфовичъ Боткину или какъ-нибудь иначе объяснился,—лично или черезъ знакомыхъ,—знаю только, что отношенія Боткина къ нему, вслѣдствіе этого случая, не перемѣнились, да дѣло и не въ этомъ, а въ томъ, что ему нерѣдко мѣшали работать и приводили его въ дурное настроеніе, и что, не смотря на это, онъ все-таки не запиралъ своихъ дверей и ухитрялся много работать. Помимо литературныхъ и нѣсколькихъ человѣкъ обычныхъ знакомыхъ, у него иногда можно было встрѣтить и графа Лорисъ-Меликова, и кого-нибудь еще изъ людей совершенно иного круга. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, къ графу Лорисъ-Меликову, котораго онъ раньше зналъ и который былъ хорошъ съ Некрасовымъ, онъ еще хорошо относился, но нѣкоторыя знакомства его положительно тяготили. Помню, напримѣръ, какъ онъ былъ не-

доволенъ и сердился, узнавъ, что къ нему собирается Ѳ. Ѳ. Треповъ. Знаменитый петербургскій градоначальникъ, послѣ отставки, жилъ одно время въ одномъ съ нимъ домѣ, на Литейной, познакомился на прогулкѣ съ его дѣтьми и выразилъ желаніе и съ нимъ познакомиться, сказавъ, что думаетъ зайти для этого на дняхъ съ визитомъ.

— Скажите пожалуйста, для чего это нужно?—волновался Салтыковъ.—Что я съ нимъ буду говорить?! Онъ литературой никогда не занимался, а я по полиціи никогда не служилъ, что же у насъ общаго и для чего наносить мнѣ этотъ визитъ? Если просто посмотрѣть на меня, любопытства ради, такъ не настолько я интересенъ. Онъ навѣрное видалъ многихъ преступниковъ интереснѣе меня. Прежде вѣдь онъ ко мнѣ не ходилъ и не одобрялъ, конечно, моей литературной дѣятельности, и я къ нему тоже ни за чѣмъ не обращался, такъ зачѣмъ же теперь это измѣнять? Пусть бы такъ и оставалось, какъ было. Они, какъ выйдутъ въ отставку, такъ въ оппозиціонномъ направленіи начинаютъ думать и начнутъ захаживать, воображая, что стали интересны и что нѣчто общее у насъ есть. Нисколько онъ мнѣ не интересенъ и ничего общаго у насъ нѣтъ, ничего! Ужъ не думаетъ ли онъ, что и я къ нему тоже пойду? Или можетъ быть статью какую-нибудь пишетъ?.. Вотъ разодолжитъ! Если о пресѣченіи чего-нибудь, то скажу, что для этого есть «Русскій Вѣстникъ», а если воспоминанія какія-нибудь, то пусть идетъ въ «Русскую Старину». Нѣтъ, вы мнѣ скажите, что я съ нимъ буду говорить? О чемъ я съ нимъ говорить буду?! Просто я даже представить себѣ не могу подобнаго глупаго положенія.

Салтыковъ въ обращеніи съ людьми былъ совершенно одинаковъ, какъ бы ни велика была разница въ ихъ общественномъ положеніи: былъ ли передъ нимъ богачъ или бѣднякъ, графъ, князь, генералъ или простой мѣщанинъ и разночинецъ въ длинныхъ сапогахъ и ситцевой рубахѣ,—со всѣми онъ говорилъ одинаково. Онъ различалъ только людей по ихъ достоинствамъ и внутреннимъ качествамъ, когда узнавалъ ихъ ближе: одни ему нравились, однихъ онъ любилъ или уважалъ и относился къ нимъ замѣчательно хорошо, другихъ, наоборотъ, совсѣмъ не уважалъ и не любилъ, и скрыть этого уже никакъ не могъ. Его такъ и тянуло или посмѣяться и сказать что-нибудь непріятное такому человѣку, или уйти отъ грѣха, уйти отъ того непріятнаго впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ. Были нѣкоторые посѣтители и посѣтительницы, заходившіе иногда въ редакцію по какому-нибудь дѣлу, которыхъ онъ просто не выносилъ и при одномъ появленіи которыхъ сейчасъ же замолкалъ, начиналъ на нихъ коситься и всячески избѣгать разговора.—«Не угодно ли вамъ поговорить (съ нимъ или съ нею), а я просто не могу»,—говаривалъ

онъ иногда кому-нибудь изъ сотрудниковъ, или начиналъ спрашивать:—«какъ вы думаете, скоро они уйдутъ?». Некрасовъ во время своей болѣзни опасался просить его съѣздить вмѣсто себя для объясненій съ цензурой и Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, боясь, что онъ тамъ чего-нибудь наговоритъ и вмѣсто того, чтобы уладить дѣло и устранить недоразумѣніе, только еще болѣе усилитъ недовольство. Онъ и самъ, повидимому, боялся этого и всегда старался избѣгать какихъ бы то ни было объясненій, прося справиться или сказать что̀ нужно кого-нибудь изъ знакомыхъ цензоровъ. Я помню разсказъ объ одной его поѣздкѣ къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ Макову, который офиціально пригласилъ къ себѣ редакторовъ газетъ и журналовъ, чтобы высказать имъ какіе-то свои взгляды, касательно поведенія и положенія печати. Хотя Салтыковъ и самъ разсказывалъ объ этой поѣздкѣ, передавая суть дѣла, но о томъ, что̀ и какъ онъ говорилъ, умалчивалъ, не придавая, конечно, этому никакого значенія. Объ этомъ разсказывали другіе, кто былъ тамъ одновременно съ нимъ, противополагая его нѣкоторымъ другимъ редакторамъ, державшимъ себя черезчуръ подобострастно. Г. Маковъ сказалъ сначала собравшимся нѣчто въ родѣ рѣчи, а потомъ сталъ говорить съ нѣкоторыми въ отдѣльности, и вотъ, въ то время какъ одни чуть ли не со всѣмъ сказаннымъ имъ соглашались и только дакали да точно-такали, Салтыковъ, напротивъ, горячо и прямо стоялъ за литературу и своимъ громкимъ басомъ говорилъ объ ея стѣсненномъ положеніи, такъ что выходило такъ, какъ-будто не Маковъ, а онъ Макову сдѣлалъ выговоръ, а когда послѣдній на прощанье обратился къ нему съ любезною шуткою:—«подъ какимъ же соусомъ вы меня теперь преподнесете публикѣ?», то онъ, мрачно отходя въ сторону и еще болѣе возвышая голосъ, отвѣчалъ:—«намъ теперь не до соусовъ, не до соусовъ!» Замѣчательная прямота и искренность всегда смягчали суровость и рѣзкость его тона. Я увѣренъ, что его огромный талантъ и эта искренность не разъ обезоруживали даже его враговъ и предотвращали кары отъ журнала.

С. Н. К.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ[1].

(Быль прошлаго столѣтія.)

VII.

ВЪ ТО ВРЕМЯ когда Петръ Ильичъ еще задавалъ веселые пиры въ Воропоновкѣ, Андрюша былъ такъ малъ, что сохранилъ объ этой счастливой эпохѣ лишь самыя смутныя воспоминанія. Впрочемъ, онъ помнилъ, какъ его возили однажды въ городъ, и онъ былъ съ матерью на балу у воеводы. По тогдашнему обычаю, въ танцахъ, начинавшихся въ шесть часовъ вечера, участвовали и малые ребята и семидесятилѣтніе старики. Андрей Петровичъ плясалъ въ новомъ красномъ камзольчикѣ съ бѣлыми обшлагами и золочеными пуговицами. Поразила его тогда игра на флейтахъ и фаготахъ: у нихъ дома музыки не было, были только пѣсенники. Не мало онъ испугался, когда начали палить изъ пушекъ, стоявшихъ во дворѣ у воеводы. Шести лѣтъ Андрей Петровичъ началъ ученье: первымъ его учителемъ былъ выгнанный изъ бурсы, по неспособности и за чрезмѣрную приверженность къ Бахусу, сынъ пономаря, заставившій его тотчасъ послѣ азбуки, учить Апостолъ, т. е. долбить Посланія на память.

Вскорѣ послѣ этого, Андрюшѣ пришлось испытать послѣдствія первой катастрофы, постигшей его отца. Вся домашняя ихъ жизнь совершенно измѣнилась. Они переѣхали въ Гриденку, взявъ съ собою немногихъ вѣрныхъ слугъ, и стали жить уединенно. Пиры

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 5.

и поѣздки въ гости прекратились; даже ученье прервалось. Мать часто по цѣлымъ днямъ плакала, отецъ куда-то исчезалъ или сидѣлъ безвыходно въ своей комнатѣ. Онъ былъ всегда мраченъ, дѣти трепетали его взгляда и болѣе не видѣли отъ него прежнихъ ласкъ. Смерть матери необычайно живо врѣзалась въ память Андрея Петровича. Умирая, мать благословила его золотымъ крестикомъ.

— Не снимай креста, Андрюшечка,—сказала она.

Въ этихъ простыхъ словахъ было столько безконечной любви и нѣжности, столько тревоги за участь маленькаго Андрюши, что онъ кое-что понялъ и, смотря на мать удивленными, широко раскрытыми глазенками, сталъ цѣловать крестикъ и обѣщалъ, что никогда никому не отдастъ Боженьку.

По смерти матери, единственными воспитателями Андрюши остались дворовые люди: отецъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Андрюша бѣгалъ и рѣзвился съ крестьянскими ребятишками, игралъ въ бабки, избивалъ прутомъ лягушекъ, скакалъ безъ сѣдла на первой попавшейся лошади. Когда Андрюша подросъ, отецъ мало-по-малу сталъ замѣчать его и даже, однажды, показалъ ему какъ метать ружьемъ артикулъ и погладилъ по головѣ за ловкость и понятливость. Затѣмъ въ жизни отца наступилъ новый крутой поворотъ, онъ сталъ куда-то ѣздить и пропадалъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ. Наконецъ, однажды, собираясь въ путь, отецъ велѣлъ снаряжаться и Андрюшѣ, тогда какъ до сихъ поръ бралъ съ собою только его старшихъ братьевъ.

— Ты у меня молодецъ,—сказалъ Петръ Ильичъ Андрюшѣ,—пора бы тебя записать въ капралы!

Андрюша сѣлъ на коня и поскакалъ вмѣстѣ съ другими. Ѣхали долго и скоро, такъ что мальчикъ едва могъ сидѣть въ сѣдлѣ и часто хватался за гриву лошади. Пріѣхали въ густой лѣсъ, привязали коней. Воропоновскіе молодцы развели огонь и сварили ужинъ. Закусивъ, поскакали дальше, прямо черезъ лѣсную просѣку. Великъ былъ ужасъ Андрюши, когда онъ услышалъ ружейные выстрѣлы и раздирающіе душу крики; мальчикъ дрожалъ, какъ осиновый листъ. Съ нимъ едва не сдѣлались конвульсіи, когда воропоновскіе ребята притащили какого-то окровавленнаго, ободраннаго человѣка, который еще стоналъ: съ звѣрскимъ смѣхомъ и циническими шутками они повѣсили плѣнника на осинѣ.

Отъ нервнаго потрясенія, мальчикъ, по возвращеніи домой, заболѣлъ и пролежалъ болѣе недѣли въ бреду. Отецъ раза два заходилъ узнавать о его здоровьѣ и, покачивая головой, говорилъ:

— Ахъ ты, молокососъ, молокососъ! Рано тебѣ еще съ отцомъ ѣздить, надо погодить!

Съ тѣхъ поръ Андрюша еще раза два былъ на промыслѣ, но не видѣлъ болѣе такихъ страшныхъ сценъ, такъ какъ его держали

вдали, оставляя у лошадей. Андрей Петровичъ ясно помнилъ, что у лошадей копыта часто были подвязаны тряпицами.

Весьма памятной была для Андрея Петровича та роковая ночь, когда, наконецъ, главный станъ его отца, т. е. его усадьба была оцѣплена солдатами. Произошло это вслѣдствіе доноса одного разбойника, мстившаго за наказаніе, которому его подвергъ Петръ Ильичъ за слишкомъ звѣрское убійство проѣзжей помѣщицы, самымъ наивнымъ образомъ искавшей въ домѣ Петра Ильича гостепреимства, по случаю застигнувшей ее непогоды. Злополучная барыня, увидя господскій домъ, никакъ не могла себѣ представить, что попала въ разбойничій вертепъ. Петръ Ильичъ, къ которому давно, какъ говорится, ни одинъ воронъ не залетывалъ, принялъ гостью весьма радушно, напоилъ, накормилъ и велѣлъ отвести ей лучшую горницу. Какъ только пріѣзжая заснула, одинъ изъ молодцевъ Петра Ильича, не спросясь барина, пробрался къ спящей и хватилъ ее топоромъ, но попалъ вмѣсто головы по плечу. Несчастная закричала на весь домъ, убійца нанесъ еще нѣсколько ударовъ. Маленькій Андрюша, спавшій въ сосѣдней комнатѣ, проснулся, услышалъ крики, стонъ и хрипѣнье умирающей, вскочилъ и бросился будить отца. Петръ Ильичъ, узнавъ объ убійствѣ въ его домѣ, разсвирѣпѣлъ и хотѣлъ казнить убійцу, однако, побоялся и только вкатилъ ему двѣсти плетей. Отлежавшись послѣ экзекуціи, разбойникъ бѣжалъ и донесъ обо всемъ воеводѣ.

Такимъ образомъ, было раскрыто истинное мѣстопребываніе шайки. Для поимки была отправлена изъ Курска воинская команда. Петръ Ильичъ былъ захваченъ врасплохъ. Какъ тигръ въ клѣткѣ, бѣгалъ онъ по комнатамъ, потомъ успѣлъ выбрать для себя коня, подкованнаго, для скрытія слѣдовъ, задомъ напередъ, велѣлъ сѣдлать коней, Андрюшу посадилъ съ собой въ сѣдло и сдѣлалъ отчаянную попытку прорваться сквозь цѣпь солдатъ. Ему, дѣйствительно, удалось выѣхать незамѣченнымъ, и онъ проскакалъ съ полверсты, но лошадь споткнулась, Андрюша полетѣлъ въ канаву, откуда его потомъ вытащили солдаты, а самъ Петръ Ильичъ сильно повредилъ ногу. Такимъ образомъ, Воропоновъ былъ пойманъ и вмѣстѣ съ сыновьями и сообщниками отвезенъ въ Курскъ, а затѣмъ въ Москву. Дальнѣйшія событія остались въ памяти Андрея Петровича, какъ рядъ тяжелыхъ сновидѣній. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ испыталъ ужасы тюремнаго заключенія, былъ свидѣтелемъ пытокъ и позорной торговой казни кнутомъ, которой были подвергнуты, въ присутствіи мальчика, его отецъ и другіе разбойники. Андрей Петровичъ помнилъ, что плѣшивый подъячій гнусливымъ голосомъ прочелъ чтò-то относившееся къ нему лично: въ его памяти остались только слова «малолѣтство» и «по матернему милосердію». Простили ли его совсѣмъ или только отсрочили наказаніе — этого Андрей Петровичъ никакъ не могъ впослѣдствіи

припомнить. Помнилъ онъ только, что прямо съ площади его повезъ солдатъ, везъ очень долго, въ дорогѣ былъ съ нимъ ласковъ и все кормилъ его, наконецъ, привезъ къ дядѣ въ Воропоновку.

Въ то время Андрюша былъ уже мальчикомъ лѣтъ десяти-одиннадцати. Пребываніе у дяди сдѣлалось для него началомъ новой, болѣе покойной и болѣе разумной жизни. Нельзя сказать, чтобы и здѣсь все потекло вполнѣ гладко, но, за немногими исключеніями, онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ, почему все дѣлается такъ, а не иначе, тогда какъ прежде жилъ точно здоровый человѣкъ, посаженный въ домъ умалишенныхъ. Почему тогда повѣсили истекавшаго кровью человѣка? Зачѣмъ возилъ его отецъ съ собою? Почему солдаты напали на ихъ домъ? За что̀ палачи терзали его отца и старшихъ братьевъ? Тысячи подобныхъ вопросовъ наполняли пытливый умъ смышленаго и впечатлительнаго мальчика, но онъ не находилъ на нихъ отвѣта. Андрюша чувствовалъ, что все имъ видѣнное въ родительскомъ домѣ было какою-то сплошною нелѣпостью. Единственнымъ свѣтлымъ, но въ то же время грустнымъ, воспоминаніемъ были слезы и ласки матери и ея предсмертныя слова...

Жизнь у дяди была обыкновенной помѣщичьей жизнью тѣхъ временъ. Илья Ильичъ почти также любилъ охоту, какъ и его младшій братъ, но никогда не производилъ крупныхъ безчинствъ, уже потому, что боялся истоптать свои и мужицкіе посѣвы, такъ какъ былъ хорошій хозяинъ. Самъ онъ никогда не учился грамотѣ, такъ и умеръ недорослемъ, но обладалъ практическимъ смысломъ и понялъ пользу ученья, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для племянника. Собственныя дѣти его поумирали, жена также рано умерла. Оставшись бездѣтнымъ вдовцомъ, онъ искренно привязался къ маленькому Андрюшѣ и соблюдалъ всѣ интересы племянника, какъ если бы Андрюша былъ его сыномъ. Послѣ суда надъ братомъ, явились двое подъячихъ, думая сорвать что-нибудь съ Ильи Ильича и увѣряли его, что принадлежавшая его брату часть Воропоновки будетъ непремѣнно отобрана въ казну. Илья Ильичъ, хотя былъ безграмотенъ, не дался имъ въ руки и, вмѣсто всякаго отвѣта, велѣлъ спечь изъ тѣста два огромныхъ калача въ формѣ весьма выразительнаго жеста, такъ что каждый подъячій, вмѣсто ожидаемаго посула, получилъ по громадному шишу. Съ тѣмъ и отъѣхали судейскіе крючки, а когда, дѣйствительно, затѣялось дѣло, то оказалось, что Илья Ильичъ давно уговорилъ брата, для большей безопасности, выдать ему, заднимъ числомъ, на всѣ принадлежавшія ему въ Воропоновкѣ души и угодья купчую, которой, при помощи хорошихъ подачекъ, была придана вполнѣ законная форма, хотя въ то время Петръ Ильичъ давно считался умершимъ и въ качествѣ покойника никакъ не могъ ничего продавать.

Что касается воспитанія и ученія Андрюши, Илья Ильичъ рѣшилъ наверстать потерянное время, а потому приставилъ къ мальчику, въ качествѣ дядьки, вѣрнаго Митрича, въ то же время подъискалъ отставного капрала для обученія мальчика цыфири, а кромѣ того, нанялъ нѣмца для «всѣхъ прочихъ наукъ», о которыхъ самъ, конечно, не имѣлъ и приблизительнаго понятія. О французахъ-гувернерахъ въ то время въ провинціи еще и слыхомъ не слыхали.

Капралъ обращался съ Андрюшей по-солдатски, иногда диралъ его за уши и ставилъ на колѣни, но, вообще, былъ добрый малый. За то Карлъ Адамычъ оказался самой хитрой и злостной бестіей. Онъ былъ бѣглый каторжникъ изъ Роггервика, но увѣрялъ, будто пріѣхалъ изъ Саксоніи, гдѣ будто бы обучалъ дѣтей самыхъ знатныхъ вельможъ. Жилъ онъ съ Андрюшей въ довольно уединенной горницѣ, чѣмъ пользовался для того, чтобы тиранить мальчика совершенно безнаказанно. Качества этого учителя были довольно разнообразны: онъ пристрастился къ русской водкѣ и малороссійскимъ наливкамъ, а потому сначала приказывалъ Андрюшѣ потихоньку, послѣ обѣда, сливать для него остатки изъ всѣхъ бутылокъ и недопитыхъ рюмокъ; потомъ, ставъ посмѣлѣе и обжившись въ домѣ, уже прямо заставлялъ его воровать. Другая страсть Карла Адамыча была — ухаживать за дѣвками; но Илья Ильичъ былъ вдовъ и не отличался сластолюбіемъ, а потому въ его домѣ изъ женской прислуги были лишь двѣ-три дѣвки судомойки, да ключница Пахомовна, женщина уже немолодая и некрасивая. Поэтому Карлъ Адамычъ заводилъ шашни въ селѣ и водилъ съ собой Андрюшу, будто бы гулять, а на самомъ дѣлѣ устроивалъ гдѣ-нибудь въ рощѣ свиданія съ своими прелестницами, при чемъ мальчику не разъ приходилось быть почти очевидцемъ весьма грязныхъ сценъ. Если Карлъ Адамычъ не успѣлъ окончательно развратить душу и тѣло своего питомца, то единственно благодаря тому, что пересолилъ въ жестокомъ обращеніи съ нимъ. Однажды, разозлившись на то, что мальчикъ плохо выучилъ вокабулы, нѣмецъ высѣкъ Андрюшу такъ безпощадно, что на отчаянные, раздирающіе душу крики мальчика прибѣжалъ Митричъ, услышавшій ихъ со двора въ растворенное окно. Дядька вырвалъ мальчика изъ рукъ изступленнаго нѣмца, и не смотря на униженныя просьбы педагога, пожаловался барину, представивъ, въ видѣ вещественнаго доказательства, исполосанную до крови спину Андрюши. Илья Ильичъ позволялъ нѣмцу немножко посѣчь племянника, но увидѣвъ, что мальчикъ весь въ крови, немедленно велѣлъ прогнать учителя, и съ тѣхъ поръ не бралъ нѣмцевъ, а нанялъ великовозрастнаго бурсака, знавшаго немного по-нѣмецки, которому строго приказалъ никогда не сѣчь мальчика, иначе какъ въ своемъ присутствіи; но такая экзекуція

совсѣмъ не была страшна, такъ какъ Илья Ильичъ самъ постоянно покрикивалъ: «не сѣки такъ больно, шельмецъ!» и, наконецъ, вырывалъ розги и швырялъ ихъ въ сторону.

Когда Андрюшѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, дядя рѣшился отправить его съ Митричемъ въ Петербургъ, чтобы записать въ гвардію. Въ Петербургѣ у Андрюши былъ другой дядя—генералъ, двоюродный братъ его матери, который могъ оказать мальчику покровительство. Дядя-генералъ пользовался расположеніемъ Шуваловыхъ и безъ труда выхлопоталъ племяннику зачисленіе въ Преображенскій полкъ. Какъ же торжествовалъ Андрюша, когда ему сшили мундирчикъ съ капральскими позументами! Затѣмъ, какъ водится, мальчика уволили въ отпускъ, впредь до окончанія ученія, и онъ нѣсколько лѣтъ пробылъ въ Петербургѣ. Дядя опредѣлилъ его въ славившійся въ то время пансіонъ кадетскаго учителя Ферре, бывшій на Васильевскомъ островѣ подлѣ зданія корпуса. Пребываніе у Ферре и жизнь у петербургскаго дяди имѣли въ жизни Андрея Петровича огромное значеніе, отучивъ его отъ многихъ дикихъ инстинктовъ и, отчасти, изгладивъ въ его памяти прошлое. Съ другой стороны, петербургская роскошь не могла развратить его потому, что тогда еще не достигла того развитія, какъ впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, да къ тому же генералъ имѣлъ среднее состояніе и не старался жить не по средствамъ.

Новый переломъ,—и быть можетъ самый важный—наступилъ въ жизни Андрея Петровича, когда генералъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, отправилъ его доучиваться за границу вмѣстѣ съ тремя товарищами по пансіону. Серьезное чтеніе и слушаніе лекцій въ Лейпцигскомъ университетѣ открыли ему цѣлый новый міръ. Въ короткое время трудно было измѣнить его натуру, изгладить многое, что привилось съ ранняго дѣтства, но прежнія дурныя наклонности смягчились: умственный кругозоръ расширился, явилось множество вопросовъ, которые до тѣхъ поръ даже не приходили ему на умъ. Если онъ и не понялъ тогдашней германской философіи, она была ему ужъ тѣмъ полезна, что пріучила вдумываться въ самаго себя и жить болѣе сознательно и осмысленно.

Между тѣмъ, умерла императрица Елисавета Петровна и, по вступленіи на престолъ Петра III, всѣ находившіеся въ отпуску молодые дворяне были вытребованы къ своимъ полкамъ. Не смотря на «вольность», данную дворянству, никому изъ нихъ не давали не только отставки, но и продолженія отпуска, такъ какъ государь, прекративъ войну съ Пруссіей, задумалъ походъ на Данію. Въ числѣ другихъ вытребовали и Андрея Петровича. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Андрей Петровичъ явился въ полковую канцелярію и былъ зачисленъ на дѣйствительную службу. При Петрѣ III знаніе нѣмецкаго языка имѣло огромное значеніе. Не удивительно, что отвѣтивъ при первой встрѣчѣ государю на нѣ-

мецкій вопросъ по-нѣмецки, Андрей Петровичъ былъ замѣченъ и ни съ того ни съ сего его произвели въ поручики.

Такъ какъ дядя-генералъ съ своей семьей находился въ это время въ деревнѣ, то Андрей Петровичъ пріютился на время, до пріисканія квартиры, у своего дальняго родственника, также преображенца, подпоручика Черткова.

Однажды, вечеромъ, Воропоновъ вернулся усталый къ Черткову и, улегшись на диванъ, передавалъ ему впечатлѣнія, вынесенныя имъ въ теченіе дня.

— Ну, братъ,—сказалъ Чертковъ,—вижу, что у насъ напрасно тебя прозвали нѣмцемъ, ты остался русскимъ человѣкомъ, а потому, скажу тебѣ теперь напрямикъ: плохія дѣла у насъ тутъ дѣлаются... Богъ знаетъ, что изъ всего этого выйдетъ...

— Я и самъ вижу, что неладно, а всежъ тебѣ лучше знать... объясни пожалуйста.

— Да, братецъ, пошли здѣсь совсѣмъ новые порядки... Государь съ своими гольштинцами куритъ табакъ, пьетъ пиво, да прусскому королю кланяется. Просто стыдъ и срамъ! Ужъ мы всѣ дивуемся... Коли все правда, что говорятъ, какъ онъ живетъ съ государыней...

— Да ужъ не врутъ ли многаго, братецъ? Болтать у васъ здѣсь тоже мастера,—сказалъ Андрей Петровичъ.

— Какая тутъ болтовня, коли я своими глазами видѣлъ не лучше того, что разсказываютъ... Самъ посуди, братецъ: приказываетъ государь всюду, куда не поѣдетъ, возить съ собой корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и картузы съ самымъ простымъ кнастеромъ. Былъ я самъ въ ординарцахъ у нашего генерала и приходилось часто ѣздить съ государемъ. Да что кнастеръ! Сіе куда бы уже ни шло, а вотъ что для россіянъ подлинно постыднѣйшее: не успѣютъ сѣсть за столъ, какъ начнутъ пить изъ покаловъ, и столь прилежно, что, вставъ изъ-за стола, начнутъ говорить несклaдицу. Пойдутъ разговоры, съ русскими по-русски, съ нѣмцами по-нѣмецки, громыхаютъ рюмками и такъ оглумятся въ честь Бахуса, что иного гренадеры выносятъ на рукахъ... Ну что, братецъ, каково это тебѣ покажется?

«Не лучше лейпцигскихъ буршей»,—подумалъ Андрей Петровичъ; онъ и въ Лейпцигѣ сторонился отъ тѣхъ студентовъ, которые занимались только попойками.

Скучные дни наступили для Воропонова. Давно ли онъ увлекался въ Лейпцигѣ ученіемъ Лейбница, ломалъ голову надъ «монадами», читалъ нравственно-философскія разсужденія Крузіуса и, вообще, жилъ чисто умственными интересами. Даже за кружкою пива онъ не столько пилъ, сколько спорилъ о «важныхъ матеріяхъ». Здѣсь ему пришлось облечься въ кургузый гольштинскій мундиръ, по цѣлымъ часамъ заниматься экзерциціями, участвовать въ рот-

ныхъ и батальонныхъ построеніяхъ, томиться на смотрахъ, безпрестанно производившихся на Царицыномъ лугу, стоять по цѣлымъ часамъ на караулѣ... Куда какъ весело!.. Вмѣсто философіи пришлось долбить военный артикулъ и присматриваться къ жестамъ флигельмана, показывающаго какіе дѣлать ружейные пріемы...

Андрей Петровичъ часто бесѣдовалъ съ товарищами изъ дворянъ, нерѣдко прислушивался къ разговорамъ солдатъ изъ даточныхъ, и вездѣ слышалъ одно и то же: всѣ въ одинъ голосъ роптали на государя и жалѣли государыню...

Однажды, Воропоновъ, подойдя къ группѣ солдатъ, услышалъ такой разговоръ:

— Слышали, братцы, сказываютъ, что въ киркѣ вѣнчаться хочетъ съ своей Романовной!

Очевидно рѣчь шла объ отношеніяхъ государя къ Воронцовой.

— Ну, да вѣдь и мы не дураки!—сказалъ другой солдатъ,— когда поведутъ насъ въ Яискую, мы и спросимъ: зачѣмъ и куда насъ ведутъ? Не хотимъ служить королю, не оставимъ нашу матушку государыню.

— А слыхали, братцы, будто всѣмъ попамъ теперича бороды брить будутъ и всѣ иконы изъ церквей повынесутъ?

— Вѣрно, вѣрно, братцы! Самъ слышалъ, какъ нашъ полковой попъ говорилъ. Бороды безпремѣнно попамъ обрѣютъ.

— Какъ же это, братцы? Вдругъ священникъ, да безъ бороды.

Не то еще говорилось между дворянами. Часто приходилось слышать, что государь смѣется надъ православными обрядами, что его гольштинскіе офицеры говорятъ о государынѣ: «надо раздавить змѣю»; утверждали, что государь становится на колѣни передъ портретомъ прусскаго короля, которому собирается подарить весь находящійся въ Пруссіи Чернышевскій корпусъ.

Нѣкоторые изъ товарищей Воропонова, стоявшіе близко къ одному изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ молодой императрицы Екатерины Алексѣевны, артилерійскому офицеру Григорію Орлову, стали по немногу испытывать Андрея Петровича. Особенно приставалъ къ нему Чертковъ. Андрей Петровичъ отвѣчалъ уклончиво, тѣмъ болѣе, что носились слухи, будто Орловъ масонъ. Воропоновъ, въ бытность свою въ Германіи, много слышалъ о масонахъ и не раздѣлялъ крайнихъ предразсудковъ противъ ихъ ордена. Но всосанныя съ молокомъ матери и воспитанныя во время жизни у петербургскаго дяди понятія были слишкомъ сильны въ немъ, и Воропоновъ не поддавался Черткову, пока тотъ не заявилъ рѣшительно, что рѣчь идетъ не о масонствѣ. Заинтересованный загадочными намеками Черткова, Воропановъ собирался, вмѣстѣ съ нимъ, навѣстить Орлова, но предварительно потребовалъ прямого отвѣта, чего отъ него хотятъ.

— Чтò ты все загадки загадываешь?—спросилъ онъ.—Коли подлинно есть у васъ важное дѣло, говори въ чемъ оно, а не води понапрасну. Можетъ быть, вы просто хотите шалаберничать.

Чертковъ, уже имѣвшій случай не разъ убѣдиться въ прямотѣ и честности Андрея Петровича, рѣшился, наконецъ, сказать:

— Ну, коли хочешь знать, такъ вотъ чтò: ты за кого, за государя или за государыню?

Андрей Петровичъ давно догадывался, къ чему клонится дѣло. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ расположенъ къ государю, но мысль, что онъ нарушитъ присягу, сильно безпокоила его. Замѣтивъ, что Воропоновъ колеблется, Чертковъ немного струсилъ.

— Знаю, что ты благородный человѣкъ,—сказалъ онъ,—и насъ не выдашь.

Воропоновъ вскипѣлъ.

— Чтò я развѣ фискалъ?—сказалъ онъ.—Только хорошее ли вы дѣло затѣяли?

— Эхъ, братъ! Всѣ за насъ... Самъ увидишь!

— Да ужъ не знаю, чтò и сказать,—замѣтилъ Воропоновъ.

Заговоръ казался ему дѣломъ безчестнымъ, но въ то же время кровь заиграла въ его жилахъ при мысли о томъ, что предстоитъ обильное поприще для молодеческихъ подвиговъ. Была не была, а все же это лучше чѣмъ стоять на караулахъ. Досада на принудительную службу, оторвавшую его отъ любимыхъ занятій, давно накипѣла въ душѣ Воропонова.

— Ну, братецъ, дай срокъ подумать,—сказалъ онъ.

Вѣроятно, онъ былъ бы вовлеченъ въ заговоръ и на него могли бы посыпаться чины и почести, наравнѣ съ другими... Но судьба рѣшила иначе.

Насталъ іюнь мѣсяцъ. Была одна изъ тѣхъ бѣлыхъ петербургскихъ ночей, которыя такъ часто воспѣвались поэтами. Только самыя яркія звѣзды не меркли при свѣтѣ догоравшей вечерней зари, которая вскорѣ смѣнилась утреннею.

Андрей Петровичъ возвращался верхомъ съ вечерней пирушки. Въ головѣ его нѣсколько шумѣло. Онъ скакалъ по Невскому, какъ вдругъ ему ни съ того, ни съ сего, пришла фантазія проѣхаться по площадкѣ, назначенной для пѣшеходовъ, тогда еще устроенной посреди проспекта, или какъ говорилось въ то время, «перспективы». Лошадь поскользнулась, Андрей Петровичъ свалился и порядочно ушибъ бокъ, но не придавая важнаго значенія этому случаю, кряхтя, взобрался на коня и доѣхалъ шагомъ домой, въ свою квартиру, недавно нанятую имъ на Литейной. На слѣдующій день онъ, однако, почувствовалъ себя такъ худо, что долженъ былъ послать за лекаремъ и пролежалъ въ постели три недѣли. Между тѣмъ, за это время въ Петербургѣ произошли важнѣйшія событія.

Однажды, утромъ, Воропоновъ проснулся бодрѣе обыкновеннаго и попробовалъ встать съ постели. Ноги еще плохо повиновались ему, но онъ, желая испытать свои силы, не кликнулъ человѣка и подошелъ къ окну, выходившему на улицу. Вдругъ послышался барабанный бой и отдаленные крики: «ура!»

— Что̀ бы это значило?—подумалъ Андрей Петровичъ и распахнулъ окно.

Утро было чудное, ясное и теплое. Выглянувъ въ окно, Андрей Петровичъ сразу понялъ, что происходитъ нѣчто необыкновенное. По Литейному бѣглымъ шагомъ, въ совершенномъ безпорядкѣ, спѣшили гранадеры, какъ вдругъ навстрѣчу имъ прискакалъ верхомъ офицеръ, въ которомъ острое зрѣніе Воропонова тотчасъ различило маіора Воейкова. Маіоръ перерѣзалъ путь гренадерамъ и, вынувъ шпагу, кричалъ:

— Стой! Назадъ!

Гренадеры не повиновались и бѣжали впередъ. Маіоръ сталъ рубить шпагой по ружьямъ и шапкамъ.

— Ура!—заревѣли гренадеры и бросились на него въ штыки.

Маіоръ едва успѣлъ ускакать. Вслѣдъ за гренадерами бѣжала та самая рота Преображенскаго полка, въ которой числился Воропоновъ.

Стадный инстинктъ овладѣлъ имъ, такъ бы, кажется, выпрыгнулъ въ окно и побѣжалъ съ товарищами, кабы не эта проклятая хворь! Онъ даже закричалъ: «ура!» но его никто не замѣтилъ и не услышалъ.

Андрей Петровичъ кликнулъ своего Прошку. Тотъ, разумѣется, зналъ немногое, сказалъ только, что народъ бѣжитъ къ Казанскому собору.

— Сказываютъ, государь убился на охотѣ, а матушка государыня уже въ соборѣ,—говорилъ Прошка.

Такіе слухи, дѣйствительно, были пущены въ городѣ. Андрей Петровичъ, чуть не плача отъ сознанія своего безсилія, послалъ Прошку разспросить подробнѣе въ чемъ дѣло. Прошка ушелъ и пропадалъ до пяти часовъ. Вернувшись, онъ разсказалъ, что гвардія присягала государынѣ и что всѣхъ солдатъ повели въ Петергофъ.

Весь день въ городѣ замѣчалось необычайное движеніе. Ночью опять послышался барабанный бой: очевидно войска вернулись изъ Петергофа.

Отъ нервнаго возбужденія ходъ выздоровленія Андрея Петровича ускорился и на слѣдующее утро, вставъ весьма рано, онъ хотя чувствовалъ себя слабымъ, но могъ выйти. Сѣвъ въ коляску, онъ поѣхалъ по улицамъ и былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ.

Массы народа—солдатъ и людей всякаго званія—толпились всюду какъ будто на ярмаркѣ. Всѣ трактиры и кабаки были от-

перты. Пьянствовали, какъ никогда. Не только водку и пиво, но дорогія вина лили ушатами и кадками и разносили, насчетъ казны, солдатамъ. Случалось нерѣдко, что шампанское смѣшивали съ пивомъ: солдаты спьяна не различали. Крикъ, галдѣнье, шумъ, брань, висѣли надъ столицей.

Замѣчая, что народъ стремился къ Лѣтнему дворцу (гдѣ теперь Михайловскій), Андрей Петровичъ велѣлъ кучеру ѣхать туда, но близко подъѣхать не было возможности, такъ какъ здѣсь столпилось множество солдатъ. Андрей Петровичъ вышелъ изъ коляски и подошелъ поближе, надѣясь здѣсь узнать точнѣе, въ чемъ дѣло: пока онъ зналъ о происшедшемъ лишь по сбивчивымъ разсказамъ Прошки и кучера.

У дворца толпилось множество солдатъ. Разспросы тотчасъ убѣдили Андрея Петровича въ томъ, что революція, дѣйствительно, совершилась, и государь, какъ плѣнникъ, отвезенъ въ Ропшу.

— А принцу Жоржу-то досталось! — кричалъ одинъ пьяный гренадеръ.—Въ прахъ разнесли! Я самъ видѣлъ. Всѣмъ его людямъ наши ребята бока помяли и посадили ихъ, канальевъ, въ погребъ, двери разломали и всѣ комнаты начисто обобрали. Съ собою малость взяли, прочее побросали на улицу.

Андрей Петровичъ поспѣшилъ сѣсть въ коляску и поѣхалъ розыскивать товарищей, чтобы, наконецъ, добиться толку. Въ поискахъ онъ провелъ нѣсколько часовъ: никого не было дома.

Наконецъ, ему удалось встрѣтить одного изъ сержантовъ своего полка, который разсказалъ все, что зналъ. Нѣсколько дней прошло для Андрея Петровича, какъ и для большинства непосвященныхъ во всѣ придворныя тайны, въ состояніи напряженнаго ожиданія. О государѣ ходили самые противорѣчивые слухи. Знали только, что онъ отрекся отъ престола.

Между тѣмъ, Петербургъ принялъ видъ военнаго лагеря. По всѣмъ мостамъ и па перекресткахъ стояли пушки съ зажженными фитилями; всюду сновали конные патрули.

Наконецъ, недоумѣнія разрѣшились. Было всенародно объявлено, что государь внезапно скончался отъ прежестокихъ коликъ.

Послѣ весьма скромныхъ похоронъ императора, на гвардію посыпался дождь наградъ. Изъ товарищей Воропонова одни получили чины, другіе деньги, третьи крестьянъ.

Воропоновъ, какъ не участвовавшій въ заговорѣ (хотя это и произошло по чистой случайности), не получилъ никакой награды. Давно наскучивъ военною службою, онъ подалъ челобитную въ военную коллегію, получилъ безъ затрудненія отставку и уѣхалъ въ Москву, а оттуда въ свою Воропоновку, куда, по смерти дяди, его давно уже звалъ Митричъ, посылавшій своему бывшему питомцу слезныя письма съ просьбою пріѣхать поскорѣе и предупредить конечное раззореніе хозяйства.

Странное чувство овладѣло Воропоновымъ, когда онъ впервые, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, увидѣлъ свое родное гнѣздо. Отъ Курска онъ ѣхалъ на своихъ лошадяхъ, и кучеръ повезъ его прямо къ дядиной усадьбѣ: отцовскій домъ еще дядей былъ заколоченъ и долго стоялъ пустой, а потомъ, по неосторожности одного изъ людей, сгорѣлъ, такъ что успѣли вынести только образà.

Подъѣзжая къ дому, полученному въ наслѣдство отъ покойнаго дяди, Андрей Петровичъ прежде всего удивился малости размѣровъ этого жилища, въ дѣтствѣ казавшагося ему роскошными палатами. «Да это просто большая крестьянская изба», —подумалъ онъ, посматривая на почернѣвшую крышу и маленькія окна съ некрашенными ставнями.

Но когда онъ вошелъ въ комнаты, откуда несло запахомъ плѣсени и сажи, имъ овладѣло чувство особеннаго умиленія. Когда же онъ увидѣлъ въ угольной комнатѣ материнскій кіотъ съ образами въ потускнѣвшихъ ризахъ, Андрей Петровичъ невольно опустился на колѣни и нѣсколько разъ поклонился до земли; ему казалось, что духъ матери витаетъ здѣсь; слезы выступили на его глазахъ, и онъ сталъ молиться, какъ когда-то въ дѣтствѣ.

Осмотрѣвшись въ своихъ владѣніяхъ, Андрей Петровичъ увидѣлъ, что многое запущено и раззорено: приказчикъ оказался большимъ плутомъ; не смотря на то, что Митричъ велъ съ нимъ постоянную борьбу, онъ воровалъ напропалую. Пришлось его смѣнить и, вообще, сдѣлать множество нововведеній. Послѣ лейпцигскихъ лекцій и петербургскаго строевого ученія, Андрей Петровичъ вдругъ почувствовалъ, что теперь у него безконечно много досуга. Со скуки онъ сталъ придумывать всевозможные хозяйственные планы. Въ Москвѣ онъ купилъ нѣсколько книжекъ на нѣмецкомъ языкѣ хозяйственнаго содержанія, также нѣсколько нравственно-философскихъ разсужденій и романовъ, добылъ и кое-какія русскія книги, хотя тогда хорошихъ русскихъ книгъ было очень мало, да и то больше переводныя. Сталъ Андрей Петровичъ читать о мекленгбургскомъ хозяйствѣ, прочелъ Гофмановы разсужденія «О спокойствіи и удовольствіи». Эта книга ему очень понравилась, такъ какъ самъ онъ искалъ теперь спокойствія и въ то же время жаждалъ если не удовольствій, то, по крайней мѣрѣ, хоть какого-нибудь развлеченія.

Скука одиночества скоро одолѣла его. Онъ сталъ разъѣзжать по сосѣдямъ, знакомился съ кѣмъ могъ, а дома, за отсутствіемъ другихъ собесѣдниковъ, бесѣдовалъ съ Пахомовной и, особенно, съ Митричемъ. Пахомовна постоянно совѣтовала ему искать невѣсту и даже перечисляла всѣхъ извѣстныхъ ей хорошихъ невѣстъ, расписывая ихъ достоинства самыми преувеличенными красками: и хороша-то, и умница, и ученая всему, и хозяйка будетъ первая во всей округѣ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Митричъ, наоборотъ,

философствовалъ, совѣтуя не спѣшить: дѣвка, говорилъ онъ, не малина, не спадетъ, зачѣмъ же торопиться? Да и не брать же первую встрѣчную. Надо искать невѣсту тихаго нрава, а главное, чтобы была съ хорошимъ достаткомъ. Пахомовна—баба, а у всѣхъ бабъ волосъ долгъ, да умъ коротокъ, и слушать ихъ не стоитъ.

Но всѣ совѣты Пахомовны и философствованія Митрича пропадали, повидимому, даромъ. Конечно, ни экономкѣ, ни старому дядькѣ, не могло придти на умъ, что Андрей Петровичъ такъ скоро найдетъ невѣсту самъ, и еще менѣе могли они предвидѣть, что онъ женится такимъ необычайнымъ образомъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Правда, и здѣсь не обошлось безъ совѣта Митрича, чѣмъ онъ впослѣдствіи очень гордился, думая про себя, что кабы не старый Митричъ, быть бы Андрею Петровичу еще годика два бобылемъ.

VIII.

Широко растворились ворота передъ коляскою, въ которой сидѣлъ Андрей Петровичъ съ Софьюшкой; вороные кони, объѣхавъ огромный, имѣвшій видъ правильнаго круга, дворъ, остановились у крыльца, на которое высыпала дворня, съ любопытствомъ и недоумѣніемъ посматривавшая на нежданную гостью. Андрей Петровичъ выскочилъ изъ коляски и, отстранивъ спрыгнувшаго съ запятокъ лакея, самъ ссадилъ Софьюшку и ввелъ ее въ свой домъ. У Софьи забилось сердце при мысли, что въ этомъ домѣ она сама скоро будетъ хозяйкой и яркій румянецъ выступилъ на ея лицѣ, потемнѣвшемъ отъ загара и дорожной пыли.

Въ первыя минуты послѣ отъѣзда изъ Коренной Пустыни, Софьюшка была въ безсознательномъ состояніи. Очнувшись, она почувствовала, что голова е́я склонилась на плечо Воропонова и его горячее дыханіе обожгло ее. Софьюшка слабо отстранилась отъ Андрея Петровича и они долго ѣхали почти молча: онъ спрашивалъ только, удобно ли ей сидѣть, не мѣшаетъ ли ей солнце или пыль, а она отдѣлывалась двумя-тремя словами. Ѣхали долго и мало-по-малу поневолѣ разговорились, но все же Андрею Петровичу казалось, что Софьюшка сердится на него, и онъ нѣсколько разъ просилъ у нея прощенія: она отвѣчала довольно сухо, что сердиться ей не за что̀. Андрей Петровичъ пытался обнять ее, Софьюшка дѣлала усиліе, чтобы освободиться, и онъ, наконецъ, оставилъ ее въ покоѣ.

«Нѣтъ, она сущій ребенокъ! — думалъ Андрей Петровичъ. — Матери боится! Ну, да перемелется—мука будетъ».

Иногда впрочемъ у него мелькала мысль:

«А что если я ей противенъ? Насильно милъ не будешь. И знаю ли я, какой у нея нравъ? Что, если вмѣсто пріятности, я получу съ нею однѣ только горести и мученья? Ахъ, Господи,

Господи! Одна надежда на промыселъ Божій. Молода она, совсѣмъ ребенокъ! Станетъ старше, больше полюбитъ»... Но, минуту спустя, онъ снова любовался ею и находилъ, что никого лучше ея нѣтъ и не можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ.

Когда, наконецъ, онъ увидѣлъ свою усадьбу и ввелъ въ свой домъ ту, на которую смотрѣлъ, какъ на будущую госпожу и хозяйку этого мирнаго уголка, — тысячи разнообразныхъ мыслей и чувствъ вдругъ овладѣли Воропоновымъ, и онъ съ какою-то особенною гордостью сказалъ слугамъ:

— Проведите Софью Трофимовну въ угольную! — и, обратясь къ Софьюшкѣ, добавилъ:—Отдохните съ дороги, другъ мой.

Двѣ старухи, составлявшія кромѣ Пахомовны, всю постоянную женскую прислугу въ холостомъ хозяйствѣ Воропонова, успѣли уже пошептаться съ Митричемъ, и, поцѣловавъ ручку у будущей хозяйки, отвели ее въ указанную комнату.

Софьюшка опустилась на диванъ и, не раздѣваясь, вскорѣ уснула отъ физическаго и нравственнаго изнеможенія.

Проспавъ часа три, Софьюшка была крайне удивлена, когда, проснувшись, увидѣла въ комнатѣ совершенно незнакомыхъ ей женщинъ, повидимому бѣдныхъ дворянокъ, которыя, обступивъ ее, стали торопить одѣваться къ вѣнцу!

Софьюшка была такъ ошеломлена всѣмъ происходившимъ, что ей казалось, будто она все это видитъ во снѣ.

А въ то время, когда она на самомъ дѣлѣ спала, Андрей Петровичъ распоряжался, разослалъ верховыхъ пригласить на свадьбу двухъ, трехъ ближайшихъ небогатыхъ сосѣдей-дворянъ съ женами и дочерьми, чтобы не на безлюдьи вѣнчаться, затѣмъ послалъ за отцомъ Степаномъ, и съ помощью Пахомовны, пріѣхавшей вслѣдъ за нимъ изъ Пустыни, распорядился на счетъ свадебнаго ужина.

Пріѣхавшія по его приглашенію боярыни были смущены необычайной обстановкой свадьбы, но тѣмъ не менѣе хлопотали, желая устроить все какъ можно лучше и пристойнѣе.

Въ такое короткое время трудно было что-нибудь сдѣлать, тѣмъ болѣе, что въ домѣ Андрея Петровича не оказалось ни сѣнныхъ дѣвушекъ, ни мастерицъ. Одна изъ ближайшихъ сосѣдокъ Воропонова, единственная, которая была побогаче, послала за своими швеями. У Андрея Петровича хранились въ сундукахъ различныя матеріи, оставшіяся отъ тетки и матери; выбравъ одну изъ нихъ, наиболѣе подходившую къ вѣнчальному платью, стали наскоро кроить и шить; фату также соорудили и одна изъ сосѣдокъ сама принялась за прическу невѣсты.

Софьюшка почти безсознательно позволяла одѣвать и чесать себя, также машинально прошла, въ сопровожденіи боярынь и ихъ дочерей, черезъ комнату, гдѣ стоялъ столъ, съ котораго уже сняли икону, хлѣбъ и соль.

Отецъ Степанъ, отслуживъ молебенъ и окропивъ домъ святой водой, повезъ икону впередъ. Андрей Петровичъ ждалъ уже невѣсту въ церкви и, постоянно выходя на паперть, съ нетерпѣніемъ всматривался. Наконецъ, на мосту загрохотала карета и вскорѣ, поднявшись на гору, подъѣхала къ церкви.

Въ подвѣнечномъ платьѣ Софьюшка показалась Андрею Петровичу еще прекраснѣе обыкновеннаго. И, дѣйствительно, она была хороша, вся въ бѣломъ и съ вѣнкомъ розъ на головѣ: въ то время вмѣсто флёръ д'оранжа надѣвали розы. Небогато и почти безъ всякой пышности пришлось отпраздновать этотъ знаменательный день, но Андрей Петровичъ такъ погрузился въ мысли о Софьюшкѣ, что едва замѣтилъ внѣшнюю обстановку обряда.

Совсѣмъ другое испытывала Софьюшка. Ей не разъ приходилось бывать на свадьбахъ, и тоскливое чувство щемило ея сердце при мысли, что этотъ день, рѣшающій всю ея судьбу, самый торжественный день въ жизни каждой дѣвушки, проведенъ ею не такъ, какъ слѣдуетъ. Она испытывала тоже, какъ если бы была круглой сиротой. Мать ее не благословила, сестры не видятъ ея свадьбы, всюду чужія, немилыя лица... Одинъ Андрей Петровичъ былъ ей близокъ. Любила ли она Андрея Петровича? Конечно, да. Софьюшка чувствовала пріятное волненіе, когда онъ смотрѣлъ на нее, она вздрагивала, когда сближались ихъ руки. Но къ любви примѣшивались многія горькія чувства, отравлявшія ея счастіе.

Стройно и звучно пѣлъ хоръ пѣвчихъ, составленный изъ лучшихъ пѣсенниковъ Андрея Петровича, торжественно звучали слова съ чувствомъ провозглашаемыя отцомъ Степаномъ.

Благоговѣйный трепетъ охватывалъ душу Воропонова, что-то величественное послышалось ему въ словахъ: «да возвысятся они, какъ кедры ливанскіе»... Обручаться имъ пришлось передъ самымъ вѣнчаніемъ. Вотъ ужъ они обмѣнялись кольцами и Софьюшка, у которой дрожали руки, чуть не обронила кольцо.

«Дурная примѣта»,—мелькнуло у нея въ головѣ.

Но вотъ ужъ держатъ вѣнцы надъ ихъ головами... Раздалась побѣдная пѣснь любви: «Исаие ликуй». Андрей Петровичъ съ чувствомъ гордости, а Софьюшка стыдливо исполнили требуемое обрядомъ и поцѣловались. Обрядъ кончился. Со всѣхъ сторонъ послышались поздравленія. Согласно обычаю, молодые поспѣшили изъ церкви, чтобы пріѣхать раньше всѣхъ...

Дворня была въ полномъ сборѣ, и такъ какъ уже смеркалось, домъ былъ освѣщенъ огнями, а во дворѣ были зажжены плошки и фонари.

Новобрачныхъ встрѣтили съ образомъ и съ хлѣбомъ солью, и они вошли въ комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ, установленный блюдами и цвѣтами. Вскорѣ съѣхались всѣ бывшіе въ церкви; гостей было немного и всѣ спѣшили сѣсть за столъ.

И Андрей Петровичъ и Софьюшка на столько знали обычай, что за свадебнымъ ужиномъ ни до чего не дотронулись. За то гости, большею частью изъ такихъ дворянъ, у которыхъ въ семьѣ было больше барскихъ ртовъ, чѣмъ крѣпостныхъ рукъ, угостились вдоволь. Въ то время въ провинціи еще не было въ обычаѣ, чтобы лакеи разносили блюда, а потому гости хозяйничали сами.

Затѣмъ наступила самая тягостная минута для новобрачныхъ и особенно для Софьюшки.

Неизмѣнный, и ставшій чѣмъ-то въ родѣ священнаго обряда, обычай требовалъ, чтобы послѣ ужина новобрачные торжественно удалились въ особую комнату, а гости отнюдь не ложились спать и дожидались хоть всю ночь до тѣхъ поръ, пока имъ можно будетъ войти къ новобрачнымъ и поздравить ихъ.

Андрей Петровичъ охотно отступилъ бы отъ такого дикаго обыкновенія, онъ мысленно проклиналъ глупый обычай и думалъ какъ бы избавиться отъ дорогихъ гостей. Но сколько ни думалъ, ничего придумать не могъ. И безъ того, вѣроятно, о немъ судятъ вкривь и вкось. Какъ это самъ привезъ невѣсту въ свой домъ: развѣ такъ водится у людей? Ужъ, конечно, всѣ догадались, что онъ увезъ Софьюшку, да только такъ, изъ приличія, не даютъ видъ, что не знаютъ.

Отпустить гостей домой, значитъ прямо выгнать ихъ, потому-что сами, добровольно, зная обычай, не уѣдутъ; а разъ они останутся—будутъ ждать, пока не поздравятъ. Словомъ, куда не кинь, все клинъ!

Если таковы были размышленія Андрея Петровича, то можно себѣ представить, что перечувствовала Софьюшка. Она отлично знала всѣ свадебные обычаи и живо вспомнила подробности свадьбы старшей сестры. Помнила, какъ везли сестрино приданое, затѣмъ, хоть не видѣла сама, но ей разсказывали, какъ вносили въ домъ жениха сестрину кровать, какъ водится, весьма торжественно, на коврахъ. Ничего подобнаго на ея свадьбѣ быть не могло, такъ какъ пріѣхала она, въ чемъ была, безъ всякаго приданаго. Ужъ одна мысль, что о ней будутъ думать, какъ о какой-то нищей, бросала ее въ жаръ и въ холодъ; но все это было ничего по сравненіи съ мыслью о предстоявшихъ ей впереди новыхъ поздравленіяхъ, смысла которыхъ она, впрочемъ, не могла понять, лишь смутно чувствуя дикость этого обычая.

И Софьюшка дѣлала надъ собою сверхъестественныя усилія, стараясь казаться спокойной и счастливой. Сидя за столомъ подлѣ Андрея Петровича, она старалась улыбаться, быть совсѣми привѣтливой, имѣть видъ счастливой жены, но все время думала: «хоть бы поскорѣе; когда вся эта мука кончится!»

Наконецъ, отъужинали. «Вѣнокъ снимите, вѣнокъ»,—шептала на ухо Андрею Петровичу сидѣвшая подлѣ него боярыня. Онъ

машинально повиновался и снялъ съ жены вѣнокъ. Наконецъ, сидѣвшія за столомъ боярыни встали, подошли къ молодой хозяйкѣ и повели ее въ комнату, гдѣ давно уже хлопотала Пахомовна, убирая парадную кровать съ занавѣсомъ. Софьюшка совершенно машинально позволила раздѣть себя. Боярыни стали прощаться съ нею и возвратились въ столовую, откуда уже выносили столы, чтобы сдѣлать больше простору, такъ какъ здѣсь предполагалось постелить для боярынь, а мужчинамъ устроили постели прямо въ смежныхъ широкихъ сѣняхъ. Но никто, разумѣется, не ложился спать до принесенія поздравленій.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Софьюшка не выдержала и, уткнувшись лицомъ въ подушку, расплакалась, какъ вдругъ почувствовала прикосновеніе чьей-то руки. Вскочивъ въ испугѣ, она увидѣла передъ собою Андрея Петровича, съ безконечною нѣжностью и любовью взглянувшаго ей въ глаза... А она чувствовала лишь неизъяснимый стыдъ.

— Софьюшка, радость моя! — прошепталъ Андрей Петровичъ, прижимая ее къ своей груди.

Она вдругъ заплакала.

— Софьюшка! что съ тобою, свѣтикъ мой? Плакать-то зачѣмъ?

— Тошно мнѣ, Андрей Петровичъ! Умру я скоро!

— Софьюшка, противенъ я тебѣ, что ли?—съ отчаяніемъ воскликнулъ Андрей Петровичъ.

Въ эту минуту ему показалось, что у него отняли самое дорогое въ жизни. Онъ опустилъ голову и по его щекѣ вдругъ покатилась крупная слеза, блеснувшая при тускломъ мерцающемъ свѣтѣ свѣчи.

— Нѣтъ, дорогой мой, не говори такихъ словъ; да еще такъ громко ты говоришь, люди услышать могутъ,—съ нѣжностью сказала вдругъ Софьюшка и даже въ первый разъ сама положила ему руку на плечо.—Не противенъ ты мнѣ, люблю я тебя, только, какъ ты понять не можешь! Тяжко мнѣ, грустно!

Она закрыла лицо руками.

— Знаю, знаю, Софьюшка,—сказалъ Андрей Петровичъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ не понималъ ея тоски, приписывая ея слезы тому, что она любитъ его не такъ сильно, какъ онъ ее.—Ну, да Богъ съ ними, нельзя же было людей не позвать!..—прибавилъ онъ, какъ будто начиная догадываться, въ чемъ дѣло, но и на этотъ разъ ошибся.

— Ахъ, родной! все же ты понять не можешь!—сказала Софьюшка.—Знаешь ли отчего мнѣ такъ тошнехонько! Все то у насъ не какъ у людей! Хоть бы твоя мать жива была, все было бы легче... И выходитъ теперь, какъ будто я не настоящая жена... а краденая...—всхлипывая, добавила Софьюшка...—взялъ ты меня, какъ воръ!

— Что ты говоришь, Софья?—рѣзко сказалъ Андрей Петровичъ и глаза его сверкнули, жилы на лбу надулись. Въ эту минуту онъ

сталъ удивительно похожъ на своего отца.—Что ты сказала! Смотри, никогда не повторяй этого слова! Не воръ я, и увезъ тебя не силою, а по твоей волѣ вольной! Не хотѣла, раньше бы сказала! Теперь ты передъ Богомъ и людьми мнѣ жена и стыдиться тебѣ не кого! Не любишь меня, такъ прямо и скажи, руби сразу голову, а воровствомъ не укоряй!...

Эти слова, сказанныя съ необычайной твердостью, повліяли на Софьюшку сильнѣе всякихъ ласкъ.

— Андрюша, милый! Не сердись ты на меня,—сказала она, схвативъ мужа за руку и привлекая его къ себѣ. — Я такъ, сдуру сболтнула. Грустно мнѣ, устала я... А я тебя люблю, видитъ Богъ, люблю!

— Любишь... Софьюшка! Радость моя!...

Между тѣмъ, гости слонялись въ столовой, сплетничая на счетъ мужа, и еще болѣе на счетъ молодой жены. Прошло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ новобрачные приняли гостей у себя въ комнатѣ. Андрей Петровичъ постарался показаться передъ вошедшими боярынями какъ можно болѣе веселымъ. Снова начались шумныя поздравленія, и только теперь гости, отъ усталости едва державшіеся на ногахъ, могли разойтись и улечься спать. Молодые, въ свою очередь, послѣдовали ихъ примѣру.

Андрей Петровичъ рѣшился какъ можно болѣе огласить свою свадьбу и, не отлагая въ долгій ящикъ, задать пиръ на славу. Тещу онъ пригласилъ на княжой пиръ только для очищенія совѣсти, мало надѣясь на успѣхъ. Слабая надежда, впрочемъ, была у него, что вдругъ старуха одумается и пріѣдетъ. А не пріѣдетъ, такъ и дѣлать нечего, была бы честь предложена. Теща такъ и не пріѣхала, но во всемъ остальномъ свадебный пиръ былъ какъ слѣдуетъ, не то, чтобы очень роскошный, но и не бѣдный. Андрей Петровичъ вообще не былъ скупъ, а на этотъ разъ ужъ конечно ничего не пожалѣлъ, чтобы угостить и сосѣдей, и своихъ крѣпостныхъ людей.

Изъ погребовъ были выкачены боченки съ виномъ, медомъ и пивомъ. Посреди двора были постланы длинныя доски вмѣсто столовъ, нѣсколько стряпухъ варили въ огромныхъ котлахъ яства для собравшихся крестьянъ, которые, въ свою очередь, придя поздравлять молодыхъ, нанесли калачей, яицъ, куръ, полотна и прочихъ приношеній. Народъ гудѣлъ, пилъ медъ и брагу; слышался веселый говоръ, раздавались пѣсни. Иногда самъ Андрей Петровичъ съ молодой женой удостоивалъ выйти на крыльцо, любовался на толпу крестьянъ, дарилъ деньгами нищихъ и калѣкъ, явившихся во множествѣ: иные притащились за десятки верстъ.

А въ барскомъ домѣ и въ саду веселились господа-дворяне, веселились шумно и безъ устали въ теченіе двухъ дней съ утра до полуночи.

Все это время Андрей Петровичъ и молодая жена его находились въ состояніи пріятнаго утомленія. Только распростившись съ гостями, они могли точнѣе провѣрить свои ощущенія и подумать о будущемъ.

IX.

У себя въ деревнѣ Дарья Семеновна всегда, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, вставала ровно въ шесть часовъ утра.

Вставъ и напившись кофею, она слушала сплетни ключницы Матрены, ехидной бабы, лѣтъ пятидесяти. Ключница была жена дворецкаго Ѳедора и пользовалась довѣріемъ Дарьи Семеновны, которую успѣла убѣдить въ своей преданности. Въ послѣднее же время Матрена еще болѣе попала въ честь, такъ какъ ея главная соперница, нянька Агафья, послѣ побѣга Софьюшки была въ опалѣ и не смѣла показываться на глаза Дарьи Семеновны.

— Говорила я, сударыня-матушка, про эту самую Палашку нянькѣ,—своимъ пѣвучимъ голосомъ тянула Матрена.—Такъ нѣтъ же, старая хрычовка, еще лается. Не твое, говоритъ, дѣло... Анъ вотъ и вышло по моему.

— Да что ты такое городишь, Матрена? Мнѣ невдомекъ. Коли хочешь чтò сказать, такъ говори,—сказала Дарья Семеновна.

— Ужъ не знаю какъ вашей милости и доложить, матушка-барыня... Одно слово, грѣхъ случился... Сказать даже страшно...

— Что?—грозно спросила Дарья Семеновна.—Да какъ она посмѣла? Вотъ я ее. Говори съ кѣмъ? И ему бездѣльнику не сдобровать...

Дарья Семеновна, конечно, ни на минуту не подумала бы приравнять свою дочь къ какой-нибудь Палашкѣ. Но какъ будто нарочно все случалось такъ, что малѣйшее обстоятельство напоминало ей о Софьюшкѣ. И на этотъ разъ у нея мелькнула мысль: «родное дѣтище не пожалѣла, такъ стану я жалѣть какую-нибудь негодницу!» При этой мысли рѣшимость Дарьи Семеновны строго наказать Палашку удвоилась, и она уже придумывала наказаніе.

— Такъ говори же съ кѣмъ?

— Не признается, сударыня-матушка... Такая ужъ лукавая дѣвка, что страсть... А должно быть такъ, что съ лакеемъ Гришкой.

— Ну, все равно... Небось, у меня признается,—сказала Дарья Семеновна.

Минуту спустя, она какъ будто бы совершенно забыла о Палашкѣ и велѣла позвать сыновей.

Мальчики всегда приходили утромъ здороваться съ матерью лишь по ея зову. Сами они явиться не смѣли. Дочери —.Лиза и Оля спали въ одной комнатѣ съ Дарьей Семеновной, но должны были вставать одновременно съ нею и теперь уже гуляли въ саду.

Спросивъ мальчугановъ, какъ имъ спалось и поцѣловавъ меньшого въ щеку, а старшему давъ руку, мать отослала ихъ къ учителю. Сыновей она понукала къ ученію, для дочерей же считала достаточнымъ одной грамоты.

Затѣмъ Дарья Семеновна, въ сопровожденіи ключницы Матрены, предприняла свой обычный обходъ дома. За всѣмъ надо было присмотрѣть самой, вездѣ сдѣлать распоряженія и убѣдиться все ли въ порядкѣ.

Изъ своей комнаты, служившей вмѣстѣ спальной и пріемной для менѣе важныхъ гостей (для болѣе знатныхъ была угольная комната, съ стѣнами обитыми холстомъ, расписаннымъ красками на клею), Дарья Семеновна прошла черезъ узкій коридоръ, заставленный сундуками и заваленный подушками и перинами, въ обширныя сѣни, служившія дѣвичьей. Множество женской прислуги въ сарафанахъ и въ тѣлогрѣйкахъ сидѣли здѣсь на лавкахъ и прямо на полу. Въ одномъ концѣ плели кружева, въ другомъ слышалось жужжанье прялокъ и шуршанье льна. Дарья Семеновна посмотрѣла сдѣлано ли все, заданное вчера, и задала урокъ на этотъ день. Она сама не любила праздности и у дворовыхъ людей не допускала лѣности. Похваливъ однѣхъ, пожуривъ другихъ, Дарья Семеновна вдругъ остановилась передъ румяной, красивой дѣвушкой лѣтъ семнадцати и посмотрѣла на нее такъ грозно, словно варомъ обдала. Не понадобилось ни словъ, ни какихъ-либо еще болѣе дѣйствительныхъ средствъ. Палашка не вынесла взгляда Дарьи Семеновны; она поняла, что барынѣ извѣстна ея вина и повалилась въ ноги.

Дарья Семеновна, не говоря ни слова, нагнулась, сняла съ ноги сафьяную туфлю и, одной рукой поднявъ Палашку за подбородокъ и заставивъ ее глядѣть себѣ въ глаза, туфлею отшлепала виновную по щекамъ. Исполнивъ это, она сурово и лаконически сказала:

— Иди съ моихъ глазъ долой! На скотный дворъ!

Палашка заревѣла благимъ матомъ, но Дарья Семеновна такъ топнула на нее ногою, что Палашка мигомъ исчезла изъ дѣвичьей. Всѣ прочія дѣвушки, изъ которыхъ, быть можетъ, не одна чувствовала за собою вину, стояли, какъ въ воду опущенныя, а болѣе робкихъ трясло, какъ въ лихорадкѣ. Но лицо Дарьи Семеновны вновь приняло спокойное выраженіе, и она даже привѣтливымъ голосомъ спросила дѣвушекъ, давали ли имъ съ утра поѣсть и сыты ли онѣ? Всѣмъ людямъ строжайше было приказано говорить начистоту, довольны ли они пищею и если жалобы оказывались основательными, то доставалось же кухаркѣ!

Какъ на грѣхъ случилось, что на этотъ разъ хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, а между тѣмъ никто не заявилъ неудовольствія: такъ потрясены были всѣ событіемъ съ Палашкой. О дурномъ качествѣ

людского хлѣба Дарья Семеновна узнала лишь потому, что велѣла дать себѣ попробовать.

— Что же это такое?—сказала она.—А вы дуры, чего же не сказывали?—спросила Дарья Семеновна у дѣвокъ.—Хорошо что я сама поѣла. Что же по вашему вкусенъ хлѣбъ? А?

Всѣ молчали.

— Что же вы языки проглотили? И впрямь дуры! Позвать сюда Авдотью.

Пришла кухарка, которая стряпала и хлѣбъ пекла для людей: для господскаго стола былъ, разумѣется, особый поваръ и пекарь.

На лавкѣ лежалъ одинъ изъ хлѣбовъ вѣсомъ фунтовъ въ десять. Дарья Семеновна протянула указательный перстъ по направленію къ хлѣбу.

— Хорошъ хлѣбъ у тебя, Авдотья?!—сказала она.—Отрѣжь, попробуй.

Авдотья отлично знала смыслъ этихъ словъ и медлила исполнить приказаніе, притворяясь, что не можетъ отыскать ножа.

— Что же ты, Авдотья,—какъ-будто ласково продолжала Дарья Семеновна.—Сама спекла, сама и поѣшь. Небось, не подавишься. Ѳенька, подай ей ножъ, она видно слѣпа стала.

Авдотья отрѣзала и попробовала.

— Виновата, сударыня... Хлѣбъ точно какъ-будто сыроватъ... Знать мукà такая попалась,—оправдывалась она.

— Мукà вишь виновата,—передразнила Дарья Семеновна, и вдругъ измѣнивъ притворно-ласковый тонъ на грозный, насупивъ брови, прикрикнула:

— Еще разговариваетъ, бестія. Ѣшь коли велятъ! Все сама съѣшь! Я тебѣ дамъ сыроватъ! Статочное ли дѣло, чтобы изъ-за одной дуры вся моя дворня голодала. Что, небось вкусно!

Авдотья съѣла фунта два и видя, что дѣло дрянь, повалилась барынѣ въ ноги.

— Простите, сударыня-матушка, точно виновата.

— Ѣшь все!—неумолимо приказывала Дарья Семеновна.

Когда Авдотья одолѣла чуть не полхлѣба, Дарья Семеновна, наконецъ, смиловалась и велѣла ей выйти вонъ и сейчасъ же печь другіе хлѣбы.

— А спечешь во второй разъ такой хлѣбъ, такъ смотри у меня!—грозно сказала она.

Такъ творила судъ и расправу Дарья Семеновна, барыня суровая и неумолимая, но справедливая: если выбранитъ или побьетъ, то ужъ навѣрно за дѣло. Изъ-за пустяковъ она ни къ кому не придиралась, за разбитую посуду, напримѣръ, рѣдко наказывала, развѣ ужъ видѣла, что бьютъ совсѣмъ безбожно; но весьма строго блюла за нравственностью, жестоко преслѣдовала пьянство и не терпѣла лѣности.

Первою ея заботою было, чтобы всѣ въ домѣ, начиная съ нея самой и дѣтей и кончая послѣднимъ дворовымъ мальчишкой, всѣ были сыты по горло. На одежду слугъ обращалось гораздо меньше вниманія и ея лакеи, лѣтомъ часто посылаемые на полевыя работы, выглядывали совсѣмъ мужиками.

Дарья Семеновна зашла еще въ ткацкую, гдѣ ткали столовое бѣлье и холстъ, потомъ заглянула въ амбаръ, гдѣ разъ въ недѣлю производила повѣрку. Здѣсь было множество всякой всячины: сундуки съ залежавшимися сукнами и другими матеріями, кадки съ крупой, масломъ, сахаромъ, множество сушеныхъ фруктовъ, соленій и вареній. Не мало крала отсюда дворня и больше всѣхъ ключница Матрена, но все же эти запасы казались неистощимыми, а когда одной, попавшейся съ поличнымъ, дѣвкѣ досталось отъ Дарьи Семеновны за украденную горсть рубленнаго сахара, не слишкомъ строго наказанная дѣвка со смѣхомъ разсказывала другимъ дѣвушкамъ, что вотъ-де барыня гнѣвается и ее за косу оттрепала, а не знаетъ того, что ея же старшая дочь, та что за Анненковымъ, когда гостила въ послѣдній разъ, увезла, не спросясь маменьку, цѣлый боченокъ сахару... Можетъ быть дѣвка и преувеличивала, но что у Дарьи Семеновны, не смотря на ея строгій хозяйничій глазъ, много таскали и родные и знакомые, не видя въ томъ ничего предосудительнаго, въ этомъ сомнѣваться невозможно. Не будь этого, многіе изъ ея запасовъ давно бы заплѣсневѣли и сгнили.

Когда Дарья Семеновна, окончивъ свой обходъ, усѣлась на крылечкѣ, солнце было уже высоко и пекло изрядно. Утро было жаркое и черное тафтяное платье Дарьи Семеновны сильно нагрѣлось, пока она шла изъ амбара по двору. Не смотря на жаркую пору, она не разставалась съ вдовьимъ платьемъ, которое носила постоянно съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла. Только на свадьбѣ старшей дочери Дарья Семеновна сверхъ траурнаго платья надѣла золотую сѣтку.

Сидѣть на крыльцѣ было любимымъ лѣтнимъ времяпрепровожденіемъ Дарьи Семеновны. Въ садъ она ходила развѣ за тѣмъ, чтобы присутствовать при собираніи вишенъ или яблоковъ, съ крыльца же она могла наблюдать за всей внутренней жизнью усадьбы. Господскій домъ, находившійся какъ разъ по серединѣ усадьбы, составлялъ истинное средоточіе этого мірка или, если угодно, муравейника. Былъ онъ незатѣйливой архитектуры, смѣсь великорусскаго съ малорусскимъ: тесовый, но съ соломенной крышей и съ флигелемъ, выбѣленнымъ глиною и известью, не такой черный и пасмурный, какъ настоящіе великорусскіе дома. Кругомъ двора множество хозяйственныхъ построекъ; даже съ крыльца можно было видѣть гумно и ряды скирдъ прошлогодняго хлѣба и соломы. По цѣлымъ часамъ сиживала на крылечкѣ Дарья Семе-

новна и наблюдала за всѣмъ происходившимъ. Казалось, какъ-будто она ровно ничего не дѣлаетъ: рѣдко-рѣдко возьметъ рогульку и свяжетъ шнурочекъ или же вышьетъ какую-нибудь бездѣлку, большею же частью она просто бывало сидитъ сложа руки на колѣняхъ и только изрѣдка чуть-чуть оглянется, чтобы посмотрѣть хорошо ли машетъ вѣткою дѣвка, обязанная отгонять назойливыхъ мухъ, а то заговоритъ съ кѣмъ-нибудь, кто проходитъ по двору. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, Дарья Семеновна все это время дѣлала дѣло: она думала, передумывала, соображала, взвѣшивала и, остановившись на чемъ-нибудь, тотчасъ приводила свое рѣшеніе въ исполненіе. А думать ей было о чемъ, такъ какъ, кромѣ семьи и многочисленной дворни, на ея попеченіи и въ ея рукахъ была судьба какихъ-нибудь шести или семи сотъ крестьянъ. Мало ли о чемъ надо подумать? Кого поставить въ рекруты такъ, чтобы большой обиды никому не было? За кого выдать рябую Ѳеньку? Почему у старосты издохла корова, ужъ не моръ ли, сохрани Господи, и стоитъ ли дать ему другую? Вретъ ли жена старосты, которая божится, что видѣла среди бѣла дня коровью смерть — страшную такую, сзади какъ-будто корова, а спереди быкъ? А если не вретъ, то не велѣть ли попу отслужить на томъ мѣстѣ молебенъ? Мало ли о чемъ надо было подумать и сообразить Дарьѣ Семеновнѣ!

Но въ послѣднее время, не смотря на всѣ хозяйственныя работы и множество разныхъ думъ и помысловъ, Дарью Семеновну постоянно мучила и терзала одна и та же мысль, преобладавшая надъ всѣми — мысль о Софьюшкѣ. Вся жизнь Дарьи Семеновны, до тѣхъ поръ вполнѣ правильная и спокойная, вышла теперь изъ обычной колеи.

Чувство, которое испытывала Дарья Семеновна при каждомъ воспоминаніи о побѣгѣ дочери, было весьма сложное. Прежде всего конечно тоска по дочери, но именно эту, въ сущности сильнѣйшую, сторону своего чувства, Дарья Семеновна тщательно скрывала не только отъ другихъ, но даже отъ самой себя. Ей было стыдно сознаться въ этомъ. Да и не она одна ощущала пустоту, происшедшую вслѣдствіе отсутствія Софьюшки... Другія дочери, Лизанька и меньшая Оля, видимо тосковали. Не было прежняго веселья, прежнихъ пѣсенъ, не такой звонкій смѣхъ раздавался на качеляхъ. «Какая затѣйница была Софьюшка! Точь въ точь я въ ея годы» — думала Дарья Семеновна. «Вѣдь и я была такая жъ егоза. А все же не стала бы, прости Господи, бѣгать отъ отца-матери»... И тотчасъ въ душѣ Дарьи Семеновны подымалось другое чувство: сознаніе оскорбленія, нанесеннаго ей дочерью и ея дерзкимъ похитителемъ, гнѣвъ на неблагодарную дочь, которую она вскормила, вспоила и взлелѣяла... Легко ли ей было! Небось не помнитъ Софьюшка, какъ она съ другой покойной до-

черью лежала въ оспѣ и всѣ окружающіе ожидали ея смерти, а отецъ велѣлъ даже столяру за одно снять и съ нея мѣрку, для гроба—другая дочь уже умерла. Только она, мать, все еще надѣялась и Богъ услышалъ ея молитвы, Софьюшка осталась жива и даже не рябая: только на правомъ плечѣ одна рябинка. Теперь Дарьѣ Семеновнѣ казалось, что она вторично испытала то же, что тогда, когда дочь была близка къ смерти... Только удастся ли теперь вернуть къ жизни? Дарья Семеновна сознавала, что сдѣланнаго теперь не воротить... Вѣдь не развѣнчаютъ же ихъ... Нѣсколько разъ она пыталась примириться съ мыслью объ этомъ бракѣ, но не могла. Что жъ это за бракъ? Хоть и обвелъ попъ кругомъ алтаря, но развѣ можетъ быть бракъ безъ материнскаго благословенія? А развѣ могла она благословить дочь, убѣжавшую отъ нея, да еще хоть бы изъ дому, а то съ ярмарки... Да это стыдъ и срамъ для всего шатохинскаго рода! Со времени побѣга Софьюшки, Дарья Семеновна ни разу не посѣтила никого изъ сосѣдей и, кромѣ попа и попадьи, да двухъ, трехъ, бѣдныхъ дворянокъ, почти приживалокъ, никого къ себѣ больше не принимала. Холостыхъ мужчинъ она стала бояться, какъ огня, и опасалась какъ бы кого-нибудь не принесло безъ приглашенія. Надзоръ за дочерьми сталъ гораздо строже прежняго; о томъ, чтобы отпускать ихъ въ лѣсъ, съ нянькой или съ дѣвушками, по ягоды не было больше и помину, и даже въ садъ Дарья Семеновна постоянно посылала то ключницу Матрену, то кого-нибудь другого подсмотрѣть, что дѣлаютъ барышни и не видать ли гдѣ лихого человѣка? Къ заѣзжимъ свахамъ, не разъ справлявшимся о Лизанькѣ, Дарья Семеновна также стала относиться крайне подозрительно, а одну изъ нихъ, разсердившись изъ-за пустяковъ, такъ-таки прямо прогнала по шеямъ.

Прежде Дарья Семеновна была большая охотница послушать иногда чтеніе Лизаньки или Софьюшки. Теперь чтеніе было для дочерей наказаніемъ. Начнетъ Лизанька читать на распѣвъ пѣсенникъ—пока еще дѣло идетъ о ручейкахъ или лужкахъ Дарья Семеновна слушаетъ, но какъ только рѣчь коснется любви между пастушкомъ и пастушкой, она велитъ закрыть книгу, а то и отберетъ и больше не отдастъ: ей не разъ стало приходить на умъ, ужъ не книги ли вбили Софьюшкѣ въ голову всю эту дурь? Прежде Дарья Семеновна часто сама съ удовольствіемъ слушала сказки, которыя мастерица была разсказывать кухарка Авдотья: ее нарочно иногда призывали, когда барыня съ дочерьми ложилась спать, и она разсказывала громко, пока не уснетъ Дарья Семеновна, а когда уснетъ, продолжала шопотомъ, чтобы удовлетворить любопытству барышень. Теперь, куда тамъ? Даже сказки были подвергнуты опалѣ, потому-что Дарья Семеновна вспомнила, что въ одной сказкѣ разсказывалось, какъ королевичъ увезъ какую-то

царевну... Вотъ тебѣ и сбылось наяву то, что въ сказкѣ дура наболтала... Можетъ быть, и вправду Софьюшка слишкомъ наслушалась сказокъ да и вообразила себѣ, что она царевна... Трудно перечислить всѣ мелочныя стѣсненія, которыми теперь обставила Дарья Семеновна жизнь не только дочерей, но частью и свою собственную.

На первыхъ порахъ Дарья Семеновна все еще придумывала способы исправить дѣло. Послѣ долгаго обдумыванія у нея въ головѣ застряла одна мысль: нельзя ли подыскать какое-нибудь родство съ Воропоновымъ, на основаніи котораго можно было бы просить архіерея о разводѣ? Съ какимъ удовольствіемъ засадила бы она «вора Андрюшку» въ монастырь на покаяніе, ну, а дочь, конечно, отдали бы матери. Надо разузнать хорошенько у Ивана Өедоровича: онъ всѣ указы наизусть знаетъ.

Случилось такъ, что не успѣла Дарья Семеновна подумать объ Иванѣ Өедоровичѣ, какъ онъ словно въ сказкѣ очутился передъ нею подлѣ крыльца... Дарья Семеновна такъ задумалась, что даже глаза зажмурила и дѣвка, отмахивавшая мухъ, перестала махать, думая что барыня спитъ, и сама, прислонившись къ стѣнѣ, задремала. Вдругъ Дарья Семеновна, послышавъ чьи-то шаги, раскрыла глаза и увидѣла внизу ступенекъ крыльца Ивана Өедоровича.

— Ну, Иванъ Өедоровичъ, легокъ на поминѣ! Сейчасъ про тебя вспомнила,—сказала Дарья Семеновна.—Машка, стулъ неси, дура!

— Ничего, матушка Дарья Семеновна, постоимъ... Позвольте ручку, благодѣтельница. Какъ живете-можете?!.

— По маленьку—по привычкѣ отвѣтила Дарья Семеновна и вздохнула.—Ну, а ты что̀ скажешь? Что давно глазъ не показываешь? Стыдно, знать, съ тѣхъ поръ какъ написалъ на меня челобитную кадниковскимъ крестьянамъ.

— Что вы, матушка-благодѣтельница! Вотъ напасти! Кто вамъ на меня наклепалъ? Да могъ ли я? Легко ли человѣка оболгать! Чтобъ я, да противъ васъ, матушка, да еще для кого, для мужичья, сталъ стараться!

— Ну, ну, не ври, не ломайся! Все знаю!—погрозивъ пальцемъ сказала Дарья Семеновна.—Мнѣ самъ бывшій управитель кадниковской волости сказывалъ. Я его спрашиваю: теперь, говорю, батюшка, все тебѣ равно, скажи, сдѣлай милость, кто тогда для государевыхъ крестьянъ противъ меня настрочилъ? Онъ и говоритъ на тебя. Что, небось, стыдно?

— Все поклепъ, матушка,—съежившись, отвѣтилъ Иванъ Өедоровичъ.

— Поклепъ ли, нѣтъ ли, а я изъ-за тебя кадниковскую пустошь потеряла. Положимъ, оно пустое дѣло, а все жъ досадно! Ну да что съ тобой дѣлать! Видно ужъ мать твоя тебя въ пеленкахъ

въ крапивѣ нашла, оттого чешется у тебя рука, какъ бы ябеду настрочить.

Напоминаніе о «крапивѣ» смутило подъячаго, но онъ смиренно молчалъ. Машка давно принесла стулъ, но Иванъ Өедоровичъ безъ приглашенія не смѣлъ сѣсть.

— Ну, что же садись, будь гостемъ,—сказала Дарья Семеновна.— Я и то за тобой лошадей послать хотѣла. Есть къ тебѣ маленькое дѣльце. Да ты гдѣ же пропадалъ?

Такой неожиданный оборотъ рѣчи сразу измѣнилъ расположеніе духа Ивана Өедоровича, который совсѣмъ было разобидѣлся.

— А я и самъ къ вамъ, матушка-благодѣтельница, по маленькому дѣльцу.

— Твое дѣло впереди, — строго сказала Дарья Семеновна, но подумавъ, прибавила:—а впрочемъ, говори.

— Купилъ я матушка землицы: не то, чтобы купилъ, а облюбована мною одна пустошь, чья она никому не вѣдомо. Считается государевой землей, а пашутъ тамъ и волостные и владѣльные крестьяне и однодворцы, кто куда съ плугомъ влѣзетъ. Такъ вотъ сказывалъ мнѣ управитель волости, что начнется межеванье и тогда разберутъ, гдѣ земля казенная, а гдѣ помѣщичья.

— Постой, батюшка, что это ты толкуешь?!—съ безпокойствомъ сказала Дарья Семеновна.—Какое такое межеванье? Гдѣ это видано, чтобы государеву землю межевать? Вотъ и у насъ есть степь, тоже не знаютъ чья она, а мои крестьяне испоконъ вѣка тамъ пашутъ. Неужто теперь запретъ выйдетъ, чтобы не пахать?

— Да ужъ какъ у васъ, матушка, не знаю,—уклончиво отвѣтилъ подъячій.

— Ужъ не съ подвохомъ ли ты опять, Иванъ Өедоровичъ? Только шалишь, у меня больше ни одной пяди не оттянешь. Хотя весь міръ спроси, въ той степи и отцы, и дѣды, моихъ крестьянъ пахали.

— Ахъ, матушка, да я не про то... Что вы, благодѣтельница, все мнѣ не вѣрите... Я къ вамъ съ просьбой, на колѣняхъ готовъ слезно просить, а вы все про подвохъ... Грѣшно вамъ, матушка Дарья Семеновна... Ей Богу грѣшно!

Иванъ Өедоровичъ не на шутку прослезился и вытеръ глаза платкомъ, отъ котораго разило табакомъ, отчего слеза пошла еще сильнѣе.

— Чего же тебѣ отъ меня надобно?—участливѣе прежняго спросила Дарья Семеновна.

— Да дѣло, сказать правду, пустое. Была бы только ваша милость, я бы давно ту землицу купилъ, да говорятъ, покажи, сколько у тебя душъ крестьянъ, по числу душъ и будетъ дозволено купить, а у меня противъ той земли не хватаетъ... Такъ вотъ, благодѣтельница, я хоть и знаю, что вы крестьянъ не продаете, а такъ для виду, нельзя ли купчую написать...

— Что ты, что ты, батюшка! Въ умѣ ли ты! Я напишу купчую, ты денегъ не дашь, а потомъ съ меня спросишь? подавай тебѣ купленныя души... Хорошъ! Да не на такую напалъ.

— Ахъ, матушка Дарья Семеновна, развѣ я бездѣльникъ какой или мошенникъ... Мы такія души напишемъ, какихъ у васъ отродясь не бывало: какъ же я съ васъ потомъ могу спросить? Нѣтъ ли у васъ, благодѣтельница, бѣглыхъ?

Дарья Семеновна даже оглянулась на дѣвку, подумавъ не сбѣжала ли она? Но дѣвка съ соннымъ видомъ стояла за ея спиною и лѣниво махала вѣткой.

— Нѣтъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ты я вижу сегодня бѣлены объѣлся,—сказала Дарья Семеновна.—Развѣ у меня слыхомъ слыхано, чтобы кто смѣлъ бѣжать... Да посмѣй кто!...

Она не договорила и побагровѣла, подумавъ: «люди никогда въ бѣгахъ не бывали—да и кто же отъ добра бѣжитъ? А родная дочь сбѣжала!»

— Какъ ты смѣешь ко мнѣ съ такими дурацкими просьбами ѣздить!—вдругъ прикрикнула она на Ивана Ѳедоровича и, оставивъ его одного на крыльцѣ, ушла въ свои покои.

Оставшись одинъ, въ весьма непріятномъ положеніи, подъячій отчаянно потянулъ понюшку и пробормоталъ:

— Ну, баба! Кремень! Пожалуй ни съ чѣмъ отъѣдешь... Любопытенъ бы я знать, чего ей-то отъ меня понадобилось? Думаю на счетъ дочки... Хвалится, что бѣглыхъ нѣтъ... А я, чортъ возьми, совсѣмъ и забылъ про дочку—да и ляпнулъ! Языкъ мой—врагъ мой... Могъ другое чтò придумать, анъ нѣтъ—дернуло же меня вспомнить про бѣглыхъ... Тьфу!

Иванъ Ѳедоровичъ даже всплюнулъ.

Нѣсколько времени спустя, его позвали къ Дарьѣ Семеновнѣ въ ея спальную. Дарья Семеновна сидѣла здѣсь одна, въ кожаномъ креслѣ, стоявшемъ подлѣ огромной, затѣйливо расписанной печи. Топка была тутъ же, внутри комнаты, и зимою дѣвки приносили снопы соломы, такіе большіе, что смотря изъ окна казалось, что по двору движется не дѣвка, а снопъ.

По приглашенію Дарьи Семеновны, подъячій сѣлъ на край стула и почтительно ждалъ. Дарья Семеновна помолчала, какъ бы собираясь съ мыслями. Наконецъ она сказала:

— Послушай, Иванъ Ѳедоровичъ, я тебѣ подарю нѣсколько душъ, только сослужи службу.

— Благодѣтельница... За васъ радъ животъ положить!—сказалъ подъячій.

— Вить ты указы, я, чай, всѣ знаешь?—спросила она.

— Какъ не знать, матушка, все знаю... И противъ каждаго указа другой указъ...

— Ну, ладно... Про дочь мою, чай, слыхалъ?

— Какъ не слышать, матушка Дарья Семеновна, слухомъ земля полнится. Въ Фатежѣ всѣ только и говорятъ...

— Ври больше!—съ сердцемъ сказала Дарья Семеновна.—Чай, ты самъ всѣмъ разболталъ! Кому какое дѣло въ Фатежѣ. Да и говорить-то нечего зря. Ну, уѣхали, обвѣнчались... Попъ Дмитрій вѣнчалъ.

Дарья Семеновна нарочно выдумала даже имя попа, не зная настоящаго.

— Какой Дмитрій? Попъ Степанъ,—увѣренно сказалъ подъячій и, подумалъ: «эге-ге! вотъ оно что!»

— То бишь Степанъ, будто бы поправилась Дарья Семеновна. Такъ вотъ, пусть зря и не болтаютъ. Оно правда, что вѣнчаться имъ бы не слѣдъ безъ материнскаго благословенія. Да я бы и не прочь, а боялась грѣхъ на душу взять... Нашъ попъ все какъ-то выводитъ, что они правнучатные: говоритъ, что безъ спроса архіерея не хорошо было вѣнчать.

«Вретъ, вретъ, все вретъ», подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ и, кашлянувъ, сказалъ:

— Да ужъ какъ же безъ благословенія... Да вы, благодѣтельница, какъ же допустили дочку уѣхать? Такъ и не благословили?

— Да ужъ дѣлать было нечего,—соврала Дарья Семеновна.—Благословить благословила, а теперь сама каюсь... Вышло, что мой попъ былъ правъ и теперь не знаю, что и дѣлать! Хоть развода проси.

— Чтòжъ, и развода просить можно,—согласился Иванъ Ѳедоровичъ.—Только это такое дѣло... Надо челобитную написать, такъ, чтобы вышло съ толкомъ... А вы, благодѣтельница, давно знаете вашего теперешняго зятька?

Слово «зятька» рѣзнуло слухъ Дарьи Семеновны.

— Ну, зять онъ мнѣ или не зять, это еще бабушка на двое сказала,—коли разведутъ, такъ не будетъ зятемъ...—сказала она.—Такъ вотъ, устрой это дѣло—пять душъ тебѣ дамъ и не думай что ревизскихъ, а мужика съ женою и дѣтьми. Разлучать мужа съ женою не стану... Постой, да вить ты мнѣ про его отца говорилъ, что въ Сибирь его сослали, и не хотѣлъ сказать за чтò?... Можетъ, дурное чтò было съ отцомъ и съ сыномъ?

Иванъ Ѳедоровичъ, сознавая, что теперь пришло время продать свой секретъ какъ можно дороже, немного помялся, кашлянулъ, громко высморкался и сталъ потирать руки.

— За хорошія дѣла не ссылаютъ...—сказалъ онъ.

— Ну, батюшка, это ты врешь. Мало ли кого при Биронѣ ссылали!

— То при Биронѣ, а его отца сослали въ царствованіе блаженной памяти государыни Елисаветы Петровны... Такъ, значитъ, благодѣтельница, десяточекъ душъ, мнѣ на бѣдность пожалуете?

— Десяточекъ? Антошку Чалаго съ женою и ребятишками я тебѣ обѣщаю, христопродавецъ ты эдакій! да и то еще если выгоритъ дѣло, а не выгоритъ,—не при чемъ останешься.

— Ахъ, благодѣтельница, развѣ я архіерей? Что могу сдѣлаю, а развести мужа съ женой не могу.

— Ну, не можешь, такъ проваливай!

— Зачѣмъ такъ гнѣваться, матушка Дарья Семеновна! Можетъ, что̀ придумаемъ. Умъ хорошо, а два, говорятъ, лучше. Я сирѣчь...

— Ну, сирѣчь, сирѣчь... Надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки. Не можешь пособить горю, такъ и не хвались...

— Я и не говорю, что не могу... Только, благодѣтельница, не съ того конца начинать надо...

— Говори съ какого, коли знаешь... Слушай Иванъ Өедоровичъ, я пустыхъ разговоровъ не люблю. Коли можешь сдѣлать—говори, я разводить съ тобою на бобахъ не стану. Ты просишь десять душъ—быть по твоему, дамъ еще Петьку Косого, только, слышишь, чтобы дочь моя была у меня въ домѣ, а этого вора засадить бы въ монастырь...

— Зачѣмъ въ монастырь... Можно и подальше... а на счетъ того, что они вѣнчены—не бѣда... Можно и такъ подвести, что выйдутъ невѣнчанными... И развода никакого ненадобно... Развода не дадутъ, потому на счетъ родства теперь не очень строго. Двоюродныхъ и то вѣнчаютъ, а правнучатнымъ—счету нѣтъ.

— Не возьму въ толкъ,—что ты придумалъ...—тревожно сказала Дарья Семеновна.

У нея только и былъ расчетъ доказать хоть выдуманное родство и приплесть дурное обращеніе зятя съ дочерью. Что такое затѣваетъ Иванъ Өедоровичъ? забезпокоилась она.

— Дѣло простое, благодѣтельница. Ваша дочь записана за столбовымъ дворяниномъ Андреемъ Петровымъ Воропоновымъ. А понеже дворянина такого Андрея Воропонова нѣтъ, то и выходитъ, что никакой свадьбы не было...

— Что такое ты путаешь? Какъ нѣтъ дворянина? Чтожъ, развѣ Воропоновы подъяческаго роду?—гнѣвно спросила Дарья Семеновна.—Ужъ это ты врешь зря!

— Эхъ, матушка благодѣтельница! Мало ли теперь подъячихъ на дворянскую стать. И женятся на дворянкахъ. Вотъ и моя Прасковья Өоминишна сама по себѣ дворянскаго роду... Это бы ничего, коли подъячій...

— Послушай, Иванъ Өедоровичъ, коли не перестанешь врать, велю прогнать со двора! Что же онъ, по твоему, изъ купцовъ? Откуда же у него взялись вотчины?

— Это бы ничего... Есть теперь и купцы такіе—владѣютъ вотчинами. Да у насъ не то что купцы, мѣщанинъ есть подлѣ

Курска — у него деревенька душъ сто... Оно положимъ, и мѣщанинъ какая же дворянину ровня!

— Да не мучь ты меня, говори толкомъ,—нетерпѣливо прервала Дарья Семеновна.

Страшная мысль мелькнула въ ея умѣ. Ужъ не лишенъ ли Воропоновъ дворянства? У нея языкъ не поворачивался спросить.

— Эхъ, матушка Дарья Семеновна. Я вамъ, пожалуй, скажу, а вы прогнѣваетесь, да меня же прогоните съ глазъ долой. А вы соблаговолите приказать мнѣ написать купчую, а вашъ бурмистръ за васъ пусть руку приложитъ—тогда все скажу.

Это требованіе возмутило Дарью Семеновну.

— Да ты что же это мнѣ не вѣришь, что ли?—сказала она.— Смотри, Иванъ Ѳедоровичъ! Ври, да не завирайся!

— Какъ можно не вѣрить вамъ, матушка Дарья Семеновна! Только вотъ и вы мнѣ не вѣрите... А у меня дома даже выпись есть... Вотъ кабы зналъ — захватилъ бы. Тамъ все какъ есть прописано. Ну да я и такъ помню. Дворянинъ-то онъ дворянинъ, да не всегда ему въ дворянахъ оставаться. Почитай самъ въ купцы запишется. Ну ужъ, такъ и быть скажу!—какъ бы рѣшившись, вдругъ прибавилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Дарья Семеновна вся превратилась въ слухъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вкратцѣ разсказалъ все, что зналъ о разбойничьихъ подвигахъ отца Воропонова, дополнивъ нѣкоторыми собственными прикрасами. Въ заключеніе, онъ прибавилъ, что относительно Андрея Петровича состоялся приговоръ, которымъ онъ также, какъ и отецъ, былъ лишенъ дворянства и, кромѣ того, приговоренъ къ наказанію плетьми. Но покойная государыня по материнскому милосердію смягчила это послѣднее наказаніе, повелѣвъ замѣнить плети розгами, да и то наказать лишь по достиженіи Андреемъ Петровичемъ двадцати одного года.

Дарья Семеновна слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Лицо ея то блѣднѣло, то покрывалось багровыми пятнами, казалось, что съ нею приключится ударъ. Неизвѣстно, что сказала бы она Ивану Ѳедоровичу, еслибы онъ выдержалъ до конца спокойный тонъ повѣствователя. Но, по несчастью для себя, Иванъ Ѳедоровичъ былъ слишкомъ корыстолюбивъ и боясь, что получитъ мало, тотчасъ по окончаніи своего повѣствованія постарался выставить свои заслуги и дать наибольшую цѣну своимъ сообщеніямъ.

— Соблаговолите, Дарья Семеновна, десять душъ за мною укрѣпить... Мнѣ бы у васъ не десять, а сто душъ просить... Вѣдь кабы не я, чтобы вышло? Состояніе жены по мужу считается, а коли онъ лишенъ дворянства и не лучше подлаго мужика, значитъ, что же выходитъ? Кабы не Иванъ Ѳедоровичъ, что было бы вашей Софьѣ Трофимовнѣ. Вѣдь, почитай, его по суду ужъ вы-

сѣкли... а не то высѣкутъ... Чтожъ благородной дворянкѣ съ ошельмованнымъ жить?

Не вынесла этихъ словъ Дарья Семеновна и грозно поднялась съ кресла.

— Ты что это сказалъ, крапивное сѣмя! Дочь мою поносить вздумалъ! Чтобы твоего поганаго духу здѣсь не было! А смѣй ты объ этомъ разболтать, такъ я тебя со свѣта сгоню.

Она стояла выпрямившись, чепецъ слегка сбился на бокъ, ея щеки тряслись, глаза сверкали. Иванъ Ѳедоровичъ не на шутку испугавшись, хотя и былъ съ нею наединѣ, всталъ и началъ пятиться къ двери.

— Какъ же это такъ, Дарья Семеновна? Узнали все, а послѣ со двора гоните? Надо было сразу гнать,—сказалъ онъ довольно дерзко.

— Вонъ, бездѣльникъ! Эй, люди!—крикнула Дарья Семеновна.

На ея зовъ прибѣжали двѣ дѣвки и лакей. Но Ивана Ѳедоровича уже не было: онъ поспѣшилъ улепетнуть и тотчасъ же уѣхалъ, поклявшись отомстить за такую обиду.

Дарьѣ Семеновнѣ сдѣлалось дурно: голова разболѣлась и кровь пошла изъ носа. Она не сѣла за обѣдъ и даже слегла въ первый разъ послѣ рожденія младшаго сына, такъ какъ съ тѣхъ поръ ни разу не была больна.

X.

— Андрей Петровичъ, поѣхать бы намъ къ сестрицѣ Анненковой: не обидѣлась бы, давно не были...—говорила мужу Софьюшка, которую, впрочемъ, всѣ окружающіе звали Софьей Трофимовной.

— Какъ хочешь, матушка,—сказалъ Андрей Петровичъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какъ странно показалось бы ему назвать Софьюшку матушкой. Но послѣ того, какъ онъ съ женою объѣздилъ чуть не всѣхъ бывшихъ у него на свадьбѣ помѣщиковъ, послѣ поѣздки въ Курскъ, къ старшей сестрѣ Софьюшки, которая приняла ихъ весьма радушно, обѣщавъ содѣйствовать примиренію съ матерью, Андрей Петровичъ и Софьюшка совершенно свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ и незамѣтно для самихъ себя стали усвоивать привычки другихъ помѣщиковъ. Всѣ такъ называли своихъ женъ, и онъ сталъ говорить: «матушка», хотя Софья Трофимовна скорѣе походила на дѣвочку, чѣмъ на важную боярыню.

Поѣздки, новыя знакомства, пріемъ гостей, домашнія хлопоты,— все это отнимало столько времени, что собственно о скукѣ не могло быть и рѣчи. Но и веселья настоящаго, особенно для Софьюшки, не было.

На первыхъ порахъ, какъ это ни странно, ее даже тянуло къ матери домой, такъ какъ ей долго еще казалось, что настоящій ея домъ не въ Воропоновкѣ, а тамъ, въ ея любезномъ Дворяниновѣ.

Когда послѣ свадебныхъ торжествъ, въ теченіе которыхъ она была, какъ въ угарѣ, Софьюшка стала приглядываться къ окружающей обстановкѣ, ее прежде всего поразила крайняя неуютность, неприглядность, ея новаго жилья, устроеннаго до ея прибытія совсѣмъ на холостую ногу. Комнаты были не оклеены, исключая одной, вездѣ былъ безпорядокъ, хаосъ, расположеніе жилыхъ комнатъ самое неудобное, столы, стулья и канапе старые, чуть ли не дѣдовскіе, передъ окнами, въ грядахъ, ни одного цвѣтка. Андрей Петровичъ самъ сознавалъ всѣ эти недостатки и принялся за передѣлки съ такимъ усердіемъ, что старый Митричъ только покачивалъ головою и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Дѣдушка и дядюшка весь вѣкъ свой прожили, а теперича вдругъ не по нраву пришлось... А все Софья Трофимовна: и то нехорошо и другое не ладно... Эхъ-хе-хе! Мало имъ вдвоемъ мѣста въ хоромахъ что ли!

По случаю передѣлокъ, молодымъ господамъ пришлось на время даже поселиться въ избѣ приказчика: но тамъ было такъ грязно и неуютно, что Софьюшка, воспользовавшись случаемъ, уговорила Андрея Петровича ѣхать въ гости. Вообще, она такъ и рвалась изъ дому, что даже огорчало ея мужа, и, однажды, онъ съ досадою сказалъ:

— Что же это, Софьюшка? Цѣлый вѣкъ жить въ дорогѣ. Да этакъ, пожалуй, и отъ дому отстанешь.

Софьюшка обидѣлась и у нихъ въ первый разъ вышла размолвка, окончившаяся тѣмъ, что Андрей Петровичъ уступилъ.

Характеры и вкусы у нихъ вообще оказались довольно различными. Андрей Петровичъ былъ домосѣдъ, любилъ читать книги и скоро пристрастился къ уженью рыбы. Пока еще онъ былъ холостъ, онъ ѣздилъ по гостямъ, высматривая невѣсту; теперь, найдя тихую пристань и окончательно успокоившись, онъ охотно предался бы созерцательной жизни, услаждаемой любовью. Но не такія наклонности были у Софьюшки. Читать она любила, но не скучныя, нравоучительныя книги, которыя пытался ей прочесть Андрей Петровичъ, а что-нибудь смѣшное, или, наоборотъ, чувствительный разсказъ. Больше же всего любила «Пѣсенникъ», знала много пѣсенъ наизусть и охотно декламировала что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

«Не пастухъ въ свирѣль играетъ,
«Сидя при рѣчныхъ струяхъ;
«Не пастухъ овецъ сгоняетъ
«На прекрасныхъ сихъ лугахъ».

А какъ она скучала по своимъ прежнимъ дѣвичьимъ пѣснямъ и хороводамъ! Въ первые дни послѣ свадьбы у нея, кромѣ двухъ-трехъ старухъ, не было женской прислуги и пришлось понемногу набирать горничныхъ дѣвокъ, которыхъ и сравнить нельзя было

съ дѣвушками, бывшими чуть ли не ея подругами дѣтства. Кромѣ того, Софьюшка, или теперь Софья Трофимовна, понимала, что новое положеніе обязываетъ ее ко многому. Не станетъ же она теперь плясать и пѣть съ своими крѣпостными дѣвками; она хозяйка въ домѣ, а не прежняя рѣзвая Софьюшка. Ей даже ходить надо не попрежнему и держать себя съ нѣкоторою важностью, если не совсѣмъ такъ, какъ мать, то по крайней мѣрѣ въ родѣ того. Вполнѣ подражать Дарьѣ Семеновнѣ, Софья Трофимовна не могла: при всей любви къ матери, она еще съизмала задавала себѣ вопросы: всегда ли мать права, когда бранитъ няньку Агафью, слѣдовало ли такъ строго наказать дѣвку въ чемъ-то провинившуюся и т. п. Воспитанная въ полномъ повиновеніи матери, она никогда не посмѣла бы сказать что-либо Дарьѣ Семеновнѣ, пока дѣло касалось самой Софьюшки, но за наказанную, по ея мнѣнію, слишкомъ строго дѣвку она разъ вступилась. И ужъ досталось ей за это отъ матери.

Ставъ хозяйкой, Софья Трофимовна съ первыхъ же шаговъ убѣдилась, что, быть можетъ, не во всемъ была права, осуждая мать, такъ какъ нерѣдко и сама была выводима изъ терпѣнія неловкостью или нерадивостью слугъ, и, отличаясь вспыльчивостью, иногда едва сдерживалась, чтобы не поступить очень круто. Особенно часто приходилось ей гнѣваться на стараго повара, который служилъ еще дѣдушкѣ Андрея Петровича и былъ очень хорошъ до тѣхъ поръ, пока не напивался пьянъ, что случалось съ нимъ раза два въ мѣсяцъ.

Пьяный онъ былъ невыносимъ, портилъ всѣ кушанья и, вдобавокъ, грубилъ всѣмъ, даже самому Андрею Петровичу, Софьюшкинаго авторитета совсѣмъ не признавалъ и даже трезвый всегда дѣлалъ, какъ на зло, обратное тому, что она приказывала.

На бѣду Софьи Трофимовны, она дѣйствительно мало смыслила во всемъ, что касалось кухни. Мать пріучила ее къ хозяйству, но какъ тогда хозяйничали? Призвать повара или ключницу, распорядиться, это было дѣло барыни, но, конечно, не идти же ей самой на кухню. Даже Дарья Семеновна, и та, въ кулинарныхъ познаніяхъ не шла дальше варки варенья и приготовленія пастилы, да и это было въ сущности лишнее, такъ какъ, кромѣ повара, въ каждомъ порядочномъ барскомъ домѣ былъ свой кондитеръ. Неудивительно, что у Софьюшки съ поваромъ Архипомъ происходили довольно смѣшныя препирательства.

— Что это ты сегодня, Архипъ, испортилъ соусъ? — спроситъ Софья Трофимовна.

— Ужъ какъ вашей милости будетъ угодно, — угрюмо отвѣчаетъ Архипъ, — а соусу не отъ чего быть худымъ.

— Ужъ видно не положилъ чего надобно или пригорѣло, — неувѣренно скажетъ Софья Трофимовна.

— Воля ваша, сударыня, а все положено... Прикажите какъ сдѣлать, я по вашему сдѣлаю.

— Стану я тебѣ говорить! Твое дѣло знать какъ сдѣлать, — ужъ съ досадою говоритъ молодая барыня. — Вотъ, погоди, скажу Андрею Петровичу, онъ тебѣ задастъ!

— Какъ вашей милости угодно... А только я, сударыня, человѣкъ ломаный, меня не переучивать... Ужъ какъ умѣю, такъ и дѣлаю!

— Ты еще грубить вздумалъ! — покраснѣвъ отъ гнѣва, скажетъ Софья Трофимовна. — Смотри, Архипъ, ты хоть и старъ, да не забывай, съ кѣмъ говоришь. Ты вѣдь учился стряпать, и деньги за тебя были плачены?

— Велики ли деньги, сударыня? Въ Москвѣ нѣмцу дали за ученье пять рублевъ.

— А вотъ видишь, видишь! Еще будь ты неученый, могъ бы отговариваться! Смотри, въ другой разъ чтобы этого не было! Ступай, да смотри у меня не разговаривать!

Архипъ, уходя, ворчитъ себѣ что̀-то подъ носъ.

Софья Трофимовна разъ, въ самомъ дѣлѣ, пожаловалась на него мужу. Но, къ величайшему ея удивленію, Андрей Петровичъ нисколько не возмутился поведеніемъ Архипа.

— Ужъ ты, Софьюшка, пожалуйста, не гнѣвайся на него, — сказалъ ей Андрей Петровичъ. — Старикъ изъ ума выжилъ: ему семьдесятъ скоро стукнетъ. Онъ и на меня ворчитъ...

Софья Трофимовна даже разсердилась.

— Что жъ, по твоему, твои холопы мнѣ грубить могутъ?

— Ну, я ему скажу, чтобы языкъ держалъ за зубами, — сказалъ Андрей Петровичъ, — а ты все же не сердись, мой другъ: вѣдь онъ хоть и холопъ, а все жъ человѣкъ старый, еще дѣдушкѣ покойному служилъ, а старыхъ людей почитать надо...

Эти слова поразили Софью Трофимовну, какъ нѣчто необычайное. По своей природной добротѣ, она сама никогда не стала бы обижать слугъ, но говорить ей, чтобъ она почитала за старость этого грубьяна, крѣпостного человѣка, котораго она вольна наказать какъ ей угодно и прощаетъ только по своей добротѣ! Это ужъ слишкомъ!

Софья Трофимовна даже расплакалась, говоря:

— Что жъ ты меня къ своимъ людямъ приравниваешь! Тебѣ твои люди дороже жены!

Андрей Петровичъ сталъ просить прощенья и, чтобы успокоить Софьюшку, тотчасъ призвалъ повара и при ней распушилъ его жестокимъ образомъ.

Но, что болѣе всего удивило Софью Трофимовну, это состояніе духа мужа послѣ окончанія передряги. Цѣлый день онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ и едва разговаривалъ съ нею, точно стыдился своей ругани.

Вспоминая всѣ мельчайшія подробности отношеній Андрея Петровича къ слугамъ, Софья Трофимовна теперь только отдала себѣ въ нихъ полный отчетъ.

Дѣйствительно, странный человѣкъ ея мужъ: не даромъ одна изъ сосѣднихъ помѣщицъ сказала ей про мужа: «Люблю вашего Андрея Петровича, только слугъ онъ балуетъ!... и своихъ, и чужихъ портитъ». Вспомнивъ это, Софья Трофимовна теперь только вполнѣ поняла пристрастіе Андрея Петровича къ разнымъ скучнымъ, нравоучительнымъ книжкамъ, которыя наводили на нее зѣвоту; въ одной изъ этихъ книжекъ, помнилось ей, говорилось о необходимости сдерживать свой гнѣвъ даже по отношенію къ слугамъ... Ясными стали для нея и слова Андрея Петровича, когда они читали вмѣстѣ повѣсть объ американскихъ неграхъ. Софьюшка пропустила бы нравственныя поученія автора безъ вниманія, хотя и проливала слезы надъ судьбою негра, мучимаго жестокосердымъ господиномъ и радовалась, когда онъ попалъ къ доброму человѣку. Но Андрей Петровичъ отмѣтилъ всѣ мѣста, изображавшія положеніе раба въ непривлекательномъ видѣ.

Эта мораль сначала не произвела на Софью Трофимовну особаго впечатлѣнія, но теперь она вдругъ почувствовала ея силу. Ей не хотѣлось сознаться, но на самомъ дѣлѣ она уже поняла, что Андрей Петровичъ былъ правъ въ своихъ отношеніяхъ къ подвластнымъ ему людямъ.

Въ характерѣ Андрея Петровича было для Софьи Трофимовны еще много непонятнаго: иногда ей казалось, что онъ что-то такое таитъ отъ нея, что онъ говоритъ ей не все, или что у него есть какое-то невѣдомое ей горе, тщательно имъ скрываемое. Это безпокоило ее, и она приставала къ мужу съ разспросами, но онъ увѣрялъ, что ей такъ показалось. Она на время вѣрила, а потомъ опять чувствовала, что не все между ними высказано... Удивительно ли, что ей было тяжело оставаться иногда вдвоемъ съ мужемъ, проводившимъ порою цѣлые часы въ молчаливой задумчивости, и она либо приглашала къ себѣ гостей, либо рвалась изъ дому.

На этотъ разъ, повидимому, сама судьба сжалилась надъ Софьей Трофимовной. Пока Воропоновъ раздумывалъ, поѣхать ли къ Анненковымъ, во дворъ къ нимъ прискакалъ нарочный отъ князя Николая Борисовича Юсупова съ приглашеніемъ на праздникъ, затѣянный имъ у себя, въ Нескучномъ имѣніи, находившемся въ Путивльской округѣ. Съ княземъ Андрей Петровичъ и его жена познакомились случайно, на крестинахъ у одного сосѣдняго помѣщика, куда молодой князь былъ приглашенъ въ качествѣ особо почетнаго гостя. Князь успѣлъ услышать о своеобразной женитьбѣ Воропонова и, повидимому, заинтересовался имъ, а еще болѣе его женою, съ которою, какъ показалось Андрею Петровичу, былъ даже

черезчуръ любезенъ. И теперь, хотя приглашеніе князя польстило его самолюбію, Воропонову было не совсѣмъ пріятно, что Софья Трофимовна обрадовалась этой поѣздкѣ, какъ ни вѣсть чему, и лихорадочно стала приготовляться къ ней. Но дѣлать было нечего: отказаться отъ приглашенія такого вельможи было невозможно.

Воропоновъ выѣхалъ на слѣдующій день почти съ разсвѣтомъ, чтобы попасть къ обѣду. Не смотря на то, что было уже начало сентября, погода стояла почти жаркая, и потому они поѣхали не въ каретѣ, а въ коляскѣ. За ними ѣхала кибитка, гдѣ сидѣли горничная и лакей съ баулами и ящиками.

Сначала ѣхали безъ особыхъ приключеній, но когда уже приближались къ княжескому лѣсу, на небосклонѣ заблистала молнія. Хотя въ это время года трудно было ждать внезапной грозы, Андрей Петровичъ велѣлъ кучеру гнать поскорѣе. Не успѣли проскакать такимъ образомъ съ полверсты, какъ поднялась страшная буря. Лошади фыркали, кучеръ понукалъ ихъ, но, наконецъ, обернувшись, сказалъ:

— Не доѣхать, баринъ, надо бы заѣхать хоть къ лѣснику.

— Неужто не успѣемъ,—спросилъ было Андрей Петровичъ, но въ это время какъ разъ надъ головой ихъ раздался сильный ударъ грома. Кучеръ и Софья Трофимовна перекрестились.

— Ахъ, Господи, что съ нами будетъ! — сказала Софья Трофимовна.—А кибитка-то! Отстала совсѣмъ и не видать!

— Сколько еще до княжеской усадьбы?— спросилъ Воропоновъ.

— Верстъ пять будетъ, баринъ.

— Дѣлать нечего, поворачивай къ лѣснику!

Раздался новый, еще болѣе сильный раскатъ грома.

— Гони, гони поскорѣе! Ахъ, Боже мой, что за бѣда! — твердила Софья Трофимовна, блѣдная отъ страха.

Первыя крупныя капли дождя стали падать, стуча по фартуку коляски.

— Скорѣе! Скорѣе!—торопила Софья Трофимовна.

Она ужасно боялась грозы, унаслѣдовавъ этотъ страхъ отъ матери. Дарья Семеновна во время сильной грозы приказывала затворять всѣ ставни, затыкать тряпьемъ трубы; въ домѣ зажигались страстныя свѣчи, а сама она пряталась въ перину, приговаривая при каждомъ сильномъ ударѣ: «святъ, святъ, святъ!»

А между тѣмъ, она вообще была боярыня вовсе не робкаго десятка. Софья Трофимовна въ перину, правда, не зарывалась, но все же боялась и не скрывала этого. Напрасны были всѣ убѣжденія мужа, который старался объяснить ей, какъ умѣлъ «натуральныя» причины грозы и увѣрялъ, что ея страхъ не основателенъ. На этотъ разъ, впрочемъ, онъ и самъ безпокоился за Софьюшку, такъ какъ дождь зачастилъ и небо все болѣе и болѣе темнѣло.

— И что было поѣхать въ каретѣ! — проговорилъ онъ, набрасывая на жену свою епанчу.—А все ты, Софьюшка! Въ каретѣ не хочется, изъ кареты ничего не видно... Чего тутъ увидишь!

Кое-какъ успѣли доскакать до почернѣлой, покривившейся избушки лѣсника, которая казалась еще болѣе черною и жалкою посреди разыгравшейся стихіи.

Лѣсникъ, сѣдой какъ лунь старикъ, съ длинной бородою и съ видомъ ветхозавѣтнаго патріарха, и его жена, сгорбленная, кашляющая старушонка, радушно встрѣтили не жданныхъ гостей, извиняясь за тѣсноту избы. Въ горенкѣ было грязно и душно, но Софья Трофимовна обрадовалась и этому убѣжищу.

Пока бушевала гроза, Софья Трофимовна жалась на лавкѣ, не обращая ни на что̀ вниманіе. Но когда гроза поутихла и слышались только отдаленные раскаты грома, она оправилась немного и стала присматриваться къ обстановкѣ крестьянской семьи. Она даже полюбопытствовала заглянуть въ кухню, гдѣ, изъ угожденія къ господамъ, столпилась вся многочисленная семья лѣсника: въ горенкѣ оставалась только старуха, жена лѣсника, такъ добродушно ухаживавшая за Софьюшкой, что напомнила ей старую няньку Агафью. Софья Трофимовна была отъ души тронута и подумала: «какіе есть добрые люди между крестьянами! Ужъ не правъ ли Андрей Петровичъ, что все за нихъ заступается».

Другія мысли занимали Андрея Петровича. Онъ много слышалъ объ огромныхъ богатствахъ Юсупова, о томъ, что у него не только его слуги, но порою и слуги гостей, пьютъ шампанское и тому подобное въ этомъ родѣ. Размышляя въ послѣднее время объ устройствѣ быта крестьянъ, онъ невольно былъ пораженъ жалкой и неприглядной обстановкой лѣсника, который, однако, повидимому, вовсе не считалъ себя особенно бѣднымъ.

— Нечего Бога гнѣвить,—говорилъ старикъ,— у насъ молодой князь настоящій вельможа. Никого не обидитъ!

«Въ какой бѣдности и невѣжествѣ живетъ нашъ народъ!» подумалъ Воропоновъ.—«И это подданные одного изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ! Я во сто кратъ бѣднѣе, а ни у одного моего мужика нѣтъ такой покривившейся хижины... Вѣдь вотъ есть вельможи, у которыхъ въ деревняхъ и больницы, и училища. Конечно, не всякій чета графу Шереметеву, ну да все же можно бы хоть что-нибудь сдѣлать».

Между тѣмъ гроза миновала и, переждавъ немного, чтобы подсохло, Андрей Петровичъ собрался ѣхать далѣе. По несчастью, въ коляску натекла вода, такъ какъ ее и закатить было некуда, и словно на зло, кибитки съ вещами и слугами все еще не было видно; послѣ оказалось, что слуги, замѣтивъ приближеніе грозы, поѣхали прямо межою черезъ княжескія поля и прибыли раньше

господъ. Софья Трофимовна была въ отчаяніи, такъ какъ ея платье было вымочено и не во что было переодѣться.

Пока она съ мужемъ соображала, какъ теперь показаться въ княжескій домъ, вдругъ раздался стукъ колесъ и къ дому лѣсника подъѣхала карета съ княжескими гербами, запряженная кровными рысаками, и вскорѣ въ горенку вошелъ въ гербовой княжеской ливреѣ человѣкъ. Онъ почтительно поклонился и сказалъ, что люди Воропонова уже пріѣхали въ княжескую усадьбу. Они видѣли, какъ господская коляска повернула и догадались, что должно быть господа заѣхали къ лѣснику.

— Ахъ, эти людишки!—сказала Софья Трофимовна, удивляясь тому, что этотъ щеголь просто лакей.—Изъ-за нихъ, не знаю теперь, что дѣлать!..

— Князь просятъ, чтобы вы изволили пріѣхать въ нашей каретѣ,—сказалъ слуга,—и кстати приказали мнѣ захватить съ собой ваши вещи.

Слуга вышелъ и возвратился съ тюкомъ.

Переодѣвшись, Воропоновы поѣхали въ княжеской каретѣ. Наконецъ, они увидѣли великолѣпную Юсуповскую усадьбу. Высокій домъ былъ виденъ еще издалека, и Софья Трофимовна, никогда не видѣвшая ничего лучше Курска, была поражена наружнымъ великолѣпіемъ этихъ палатъ. Въѣхали во дворъ, украшенный цвѣтниками, фонтанами и статуями, изъ которыхъ многія показались Софьѣ Трофимовнѣ чрезвычайно непристойными.

Щеголь-лакей открылъ дверцы кареты и высадилъ сначала Андрея Петровича, а потомъ и ее. Не успѣли Воропоновы войти въ переднюю, какъ увидѣли здѣсь множество слугъ. Другой, не менѣе парадный, ливрейный лакей повелъ гостей черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ въ назначенные для нихъ покои. Даже Андрей Петровичъ, видавшій виды, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на обстановку деревенскаго жилища князя; что же касается Софьи Трофимовны, никогда не видавшей подобнаго блеска, она проглядѣла всѣ глаза.

Красиво расписанныя стѣны, огромныя хрустальныя люстры и жирандоли, сіявшія огнями при лучахъ солнца, свѣтившаго изъ верхнихъ оконъ—въ главныхъ залахъ окна были въ два ряда,—золоченые крылатые драконы, у которыхъ во рту были вставлены подсвѣчники; роскошные, обитые бархатомъ и шелкомъ позолоченные стулья и канапе, громадные персидскіе ковры, столики самаго разнообразнаго вида, изъ нихъ одинъ, особенно поразившій ее, малахитовый съ отдѣлкой изъ бронзы, затѣйливыя колонны, красивыя панели и карнизы въ залахъ, портреты и картины въ золоченныхъ рамахъ—вся эта роскошь владѣльца сорока тысячъ душъ, имѣвшаго имѣнія чуть ли не по всей Россіи, поразила Софью Трофимовну, никогда и во снѣ не видѣвшую ничего по-

добнаго. Она боялась зацѣпить за какую-нибудь вазу или статуэтку, и ей казалось, что она на самомъ дѣлѣ попала въ какое-то сказочное царство.

Наконецъ, камердинеръ остановился и, отворивъ дверь одной весьма просторной и прекрасно-убранной комнаты, сказалъ, что его сіятельство предназначаетъ эти покои для вновь прибывшихъ и проситъ гостей прежде всего отдохнуть съ дороги. Сказавъ это и поклонившись, онъ ушелъ.

— Вотъ такъ чудеса изъ чудесъ!—невольно воскликнула Софья Трофимовна, осторожно садясь на обитое бархатомъ канапе.—Андрей Петровичъ, голубчикъ мой, тебѣ я чай все это не въ диковинку, а я дура деревенская никогда ничего не видѣла, такъ мнѣ и ни вѣсть чѣмъ кажется! Ахъ, какъ мнѣ стыдно за себя. И платья-то мои какъ будто хуже кажутся? Знала бы я ранѣе, велѣла бы сшить себѣ объяренное платье... думала обойдусь и съ желтымъ роброндомъ, да съ талевымъ... А тутъ смотри всякій лакей, какъ одѣтъ! Не отличишь отъ дворянина.

Андрей Петровичъ собирался отвѣтить, но двери опять отворились и вошла пожилая женщина, похожая по внѣшности на небогатую помѣщицу. Почтительно поздоровавшись съ гостями, она спросила Софью Трофимовну, не надо ли ей чего?

— Гдѣ же наши слуги, матушка?— спросилъ Воропоновъ, догадавшійся, что это ключница или домоправительница.

— Да ужъ у насъ, батюшка-баринъ, такъ заведено, чтобы гостямъ служили здѣшніе княжескіе...

Ключница засуетилась и ушла, но вскорѣ возвратилась съ нарядной горничной и парикмахеромъ. Софья Трофимовна, однако, все же потребовала, чтобы прислали ея собственную дѣвушку.

— А вотъ, матушка-барыня,— сказала ключница, — въ этомъ ящикѣ я принесла румяна и сурьку, можетъ вамъ долго искать свои: дѣло дорожное. Прикажите нашей Танюшѣ, она у насъ мастерица: актерокъ нашихъ всегда румянитъ. А причесать, такъ нашъ Аѳонюшка лучше француза причешетъ: у иноземцевъ учился, все перенялъ.

Аѳонюшка оказался, дѣйствительно, мастеромъ своего дѣла. Андрей Петровичъ никогда не былъ щеголемъ, но по волѣ Аѳонюшки получилъ прическу, подъ названіемъ «счастливый петиметръ». Эта была прическа въ три локона, съ пучкомъ и кошелькомъ. Дошла очередь и до Софьи Трофимовны.

— Сударыня, какъ прикажете? — спросилъ Аѳонюшка.—Коли угодно можно сдѣлать «распустившуюся невинность», а коли ваша милость позволитъ, могу сдѣлать «раскрытыя прелести».

Софья Трофимовна, нѣсколько сконфуженная этими странными названіями, не знала на чтò рѣшиться и, наконецъ, предпочла «распустившуюся невинность», имѣвшую сверху видъ шиньона,

тогда какъ внизу выбивались локоны, затѣйливо падавшіе по плечамъ. До сихъ поръ она рѣдко румянилась, и Андрей Петровичъ предпочиталъ ея природный румянецъ, но теперь она отдала себя въ распоряженіе княжеской горничной, та въ свою очередь не ударила лицомъ въ грязь и расписала ее, какъ для сцены.

Немного погодя, камердинеръ попросилъ Андрея Петровича къ хозяину.

Воропоновъ былъ введенъ въ комнату, имѣвшую видъ кабинета ученаго.

Большіе шкапы съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ, оттоманы и вольтеровскія кресла, огромный письменный столъ, заваленный бумагами—таково было убранство этой комнаты, въ которой онъ никого не замѣтилъ и не видѣлъ другой двери, кромѣ той, въ которую былъ введенъ камердинеромъ. Послѣдній ушелъ, сказавъ, что князь сейчасъ будетъ. Отъ нечего дѣлать Воропоновъ бросилъ взглядъ на книги и бумаги, лежавшія на столѣ. Онъ увидѣлъ большой картонъ съ великолѣпно раскрашеннымъ гербомъ, изображавшимъ круглый щитъ, раздѣленный на шесть частей. Поля были—зеленое, золотое, голубое, серебряное съ разными фигурами: тутъ былъ и всадникъ на бѣломъ конѣ и татаринъ съ молоткомъ, и олень, и княжеская шапка, и луна съ звѣздами. Полюбовавшись на гербъ Юсуповыхъ, Воропоновъ увидѣлъ книгу, на корешкѣ которой прочелъ «Родословная Татарской Исторіи». Это было сочиненіе профессора элоквенціи Тредьяковскаго. Рядомъ лежало нѣсколько томовъ сочиненій Вольтера на французскомъ языкѣ и на столѣ стоялъ бюстъ этого философа. Андрей Петровичъ почти не читалъ Вольтера и предпочиталъ нѣмецкую нравственную философію, но теперь подумалъ, что слѣдовало бы прочесть, иначе, пожалуй, неучемъ покажется передъ княземъ: а Воропонову очень хотѣлось, чтобы князь увидѣлъ въ немъ равнаго хоть по образованію. По отсутствію практики—такъ какъ ни Софья Трофимовна, ни большая часть провинціальныхъ помѣщицъ и помѣщиковъ, не знали по-французски,—онъ даже отвыкъ говорить на этомъ языкѣ.

Размышленія Андрея Петровича были прерваны тѣмъ, что зеркало, находившееся въ одной изъ стѣнъ вдругъ зашевелилось и оказалось зеркальною дверью, которая открылась и въ нее вошелъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, на видъ лѣтъ двадцати, замѣчательной красоты, съ восточнымъ, но скорѣе греческимъ, чѣмъ татарскимъ профилемъ, хотя предки князя Николая Борисовича были нагайскіе татары. Его напудренные, впрочемъ, слегка, какъ говорятъ, en fumée, волосы дѣлали его солиднѣе своихъ лѣтъ; черные, миндалевидные глаза, чувственныя губы и смуглый цвѣтъ лица еще болѣе выдавали его восточное происхожденіе. Князь былъ въ бархатномъ, шитомъ золотомъ кафтанѣ французскаго покроя, кружевномъ жабо и манжетахъ. Онъ подошелъ къ гостю, который,

въ свою очередь, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, и съ привѣтливой улыбкой подалъ ему руку. Андрей Петровичъ успѣлъ замѣтить на его пальцѣ кольцо съ огромнымъ сафиромъ. Сѣвъ въ кресло, князь указалъ гостю на стулъ.

— Радъ васъ видѣть, государь мой, простите забылъ имя и отчество.

Воропоновъ сказалъ. Князь предложилъ еще нѣсколько вопросовъ. Узнавъ изъ разговоровъ, что имѣетъ дѣло съ прежнимъ лейпцигскимъ студентомъ, князь замѣтно сталъ привѣтливѣе. Послѣ получасовой бесѣды онъ всталъ. Андрей Петровичъ понялъ, что аудіенція кончилась и въ свою очередь откланялся. Въ теченіе разговора князь незамѣтно перешелъ съ «вы» на «ты». Вообще, не смотря на его молодость и привѣтливость, въ каждомъ движеніи Юсупова чувствовался настоящій вельможа, не выскочка, но человѣкъ, привыкшій принимать у себя коронованныхъ особъ.

— Ахъ, любезный мой,—сказалъ онъ уходившему уже Андрею Петровичу,—чуть было не забылъ спросить.—Скажи, пожалуйста, твоя жена говоритъ по-французски?

Андрей Петровичъ нѣсколько смутился и, не желая выставить полной несвѣтскости своей жены, сказалъ, что она говоритъ, но стѣсняется.

— Что жъ, большой вины въ томъ нѣтъ,—сказалъ Юсуповъ, смѣясь.—Я такъ только спросилъ, о то не знаешь, заговоришь, и выйдетъ неловко.

Сказавъ еще нѣсколько словъ, князь отпустилъ гостя.

Въ три часа лакей позвалъ Воропоновыхъ обѣдать.

Столовая была огромная, высокая, съ окнами въ два ряда и съ хорами. Софья Трофимовна такъ долго охорашивалась передъ зеркаломъ, что пришла, когда въ столовой была уже толпа народу: ожидали только князя, чтобы сѣсть за столъ. Всего было персонъ до пятидесяти, что для княжескаго стола было дѣломъ обыкновеннымъ. Сегодня Юсуповъ праздновалъ, впрочемъ, именины отсутствующей замужней сестры, которая была лѣтъ на пять старше его и которую князь очень уважалъ; по этому случаю на столѣ красовался огромный сплетенный изъ цвѣтовъ вензель Е. Б. Г., т. е. Елисаветы Борисовны Голицыной. Столъ былъ великолѣпно убранъ. Въ то время, какъ у довольно зажиточныхъ помѣщиковъ серебряныя ложки были въ самомъ ограниченномъ количествѣ, напримѣръ у Софьюшкиной матери, кромѣ дюжины столовыхъ и чайныхъ ложекъ, вся посуда была оловянная, здѣсь все сіяло серебромъ и дорогимъ хрусталемъ; въ огромныхъ вазахъ красовались рѣдкіе цвѣты и превосходные фрукты изъ княжескихъ оранжерей и садовъ.

Наконецъ, вошелъ хозяинъ и сталъ здороваться съ тѣми изъ гостей, которыхъ еще сегодня не видѣлъ. Помня слова Юсупова,

Андрей Петровичъ подвелъ къ нему свою жену. Софья Трофимовна вся закраснѣлась, что было замѣтно даже сквозь слой искусственныхъ румянъ, и потупила глаза, причемъ невольно обратила вниманіе на крупные брильянты, сверкавшіе у князя на пряжкахъ башмаковъ. Съ дамами Юсуповъ былъ изысканно любезенъ. Онъ поцѣловалъ ручку Софьи Трофимовны, что окончательно смутило ее, такъ что на вопросы, князя она почти не могла выговорить ни слова и въ то же время думала: «Ахъ какая я! Какою я покажусь ему дурою!»

Какъ только гости сѣли на назначенныя имъ мѣста, грянула невидимая музыка. Это былъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей князя, помѣстившійся вверху, на хорахъ. Князь привезъ его съ собою изъ Архангельскаго — самаго роскошнаго изъ его имѣній, гдѣ у него былъ и свой прекрасный театръ.

Проворные слуги быстро поставили на столъ первую подачу, состоявшую изъ четырехъ различныхъ похлебокъ—кому чтò нравится; иные помѣщики, изъ любопытства, или изъ жадности, покушали каждой по тарелкѣ: тутъ былъ и черепаховый супъ, котораго Софья Трофимовна отродясь не ѣла, но не рѣшилась попробовать.

Два большихъ антреме—четверть телятины и цѣлый бараній ростбифъ стояли на столѣ и проворный дворецкій командовалъ слугами, быстро ставившими потажи: были здѣсь цыплята, чиненные по королевиному, т. е. такъ, какъ ѣла королева Марія-Антуанета, гарнированные малымъ гранадиномъ, глассированнымъ; была и ветчина по-беарнски съ легюмами, поданы были и голуби съ пѣтушиными гребнями въ бискѣ по сенъ-клудски... Чего здѣсь только не было! Вотъ «жандармъ» гарнированный спаржей, а рядомъ чисто русское блюдо—гусь съ капустою, тутъ же нѣчто совсѣмъ лукуловское: соусъ изъ двухъ дюжинъ телячьихъ ушей.

Дворецкій и буфетчикъ то и дѣло сновали взадъ и впередъ, слуги суетились. Въ буфетной и передней только и слышалось:

— Гдѣ же фазаны съ рокомболемъ? Карди съ жюсомъ подавай! Карбонады бараньи съ шіа маринованные!

Вторая подача была еще удивительнѣе первой: однихъ ордевровъ горячихъ было подано болѣе пятидесяти восьми.

Софья Трофимовна давно уже была сыта по горло, хотя не зная порядковъ и боясь показаться не свѣтскою, отвѣдала всего по немножку, что только подавали.

Обѣдъ длился безъ конца. Послѣ второй подачи, поставили третью, затѣмъ четвертую, въ которыхъ было 36 большихъ антреме, въ томъ числѣ цѣльная вепряная башка, а послѣ нея подали трюфели въ золѣ, порбре изъ свиныхъ ушей, хлѣбъ съ пармезаномъ и 36 различныхъ жаренныхъ, въ томъ числѣ два цѣльныхъ окорока дикой свиньи и четверть дикой козы.

На смѣну жареныхъ явились въ послѣдней подачѣ 58 горячихъ антреме, телячье сладкое мясо, рядомъ съ кремомъ, яйца сюрпризомъ рядомъ съ канапе изъ анчоусовъ съ пармезаномъ, гусиныя лапки рядомъ съ испанскимъ тортомъ. Этотъ чудовищный обѣдъ, приправляемый венгерскими, шампанскими и англійскими винами, окончился въ исходѣ седьмого часа.

Князь привезъ съ собою изъ Архангельскаго часть своей труппы, а поэтому гостей ожидало еще театральное представленіе, которое по случаю наступившей чрезвычайно теплой и ясной погоды должно было состояться въ саду, гдѣ еще наканунѣ была сооружена сцена.

Не успѣли еще гости разойтись по назначеннымъ для нихъ покоямъ и отдохнуть послѣ гомерическаго обѣда, какъ ихъ позвали въ садъ, гдѣ всюду уже горѣли фонари.

Воропоновы сѣли на указанные имъ стулья. Софья Трофимовна еще ни разу не была въ театрѣ, такъ какъ въ то время, до учрежденія намѣстничества въ провинціи, о театрѣ почти не было и помину.

Все для нея было ново, и она съ замираніемъ сердца ждала, что будетъ. Наконецъ поднялся занавѣсъ, на эстраду вышли двѣ дѣвицы—одна изъ нихъ замѣчательной красоты—въ легкихъ бѣлыхъ платьяхъ и съ совершенно голыми руками и шеями, такъ что Софьѣ Трофимовнѣ и стыдно за нихъ стало, и удивлялась она, какъ онѣ не боятся простудиться, такъ какъ свѣжесть сентябрскаго вечера уже давала себя чувствовать.

Музыка грянула и обѣ дѣвицы запѣли на совершенно незнакомомъ для Софьюшки языкѣ; позднѣе она узнала отъ мужа, что онѣ пѣли по-итальянски. Софьюшка изо всѣхъ силъ старалась понять, если не слова, то мелодію, но, къ величайшему своему стыду, должна была въ душѣ сознаться, что это пѣніе ей не нравится. «Наша Танюша въ Дворяниновѣ куда лучше пѣла!» — подумала Софья Трофимовна, вспомнивъ о своихъ дѣвичьихъ пѣсняхъ и хороводахъ.—«Та, бывало, запоетъ, такъ за душу хватаетъ, а здѣсь поютъ какъ куклы, ни вѣсть что̀ и не поморщатся, только знай, рты раскрываютъ! Или я ужъ такая глупая, ничего не понимаю?»

Послѣ пѣнія, играли одинъ актъ изъ трагедіи: «Хоревъ», затѣмъ опять было пѣніе, потомъ началось пусканіе ракетъ и былъ сожженъ блистательный фейерверкъ.

Само собою разумѣется, что о скоромъ отъѣздѣ домой не могло быть и рѣчи, и Воропоновы прогостили въ княжескихъ хоромахъ цѣлую недѣлю. За это время они успѣли хорошо присмотрѣться къ образу жизни юнаго вельможи. Одни удовольствія и развлеченія слѣдовали за другими: музыка, театры, пѣніе, катанья на лодкахъ и въ экипажахъ и т. п.

XI.

Для Андрея Петровича не все время пребыванія у князя прошло въ забавахъ и развлеченіяхъ. Здѣсь въ Нескучномъ была прекрасная библіотека, конечно, не содержавшая и сотой доли той, которую князь имѣлъ у себя въ Архангельскомъ, но все же такая, о какой Андрей Петровичъ только мечталъ. Князь самъ предложилъ ему выбрать книги для прочтенія и посовѣтовалъ прочитать Вольтера.

— Ты знаешь, любезный мой,—сказалъ онъ Воропонову,—вѣдь я съ нимъ въ перепискѣ, а сколько разъ мнѣ случалось съ нимъ бесѣдовать. Вотъ, братецъ, подлинно ума палата! Не чета твоимъ нѣмецкимъ ученымъ колпакамъ.

Андрей Петровичъ сталъ смотрѣть на юнаго князя съ нѣкоторымъ удивленіемъ и почти съ завистью. Шутка ли сказать! Съ Вольтеромъ переписывается и часто пользуется его обществомъ! Предразсудки, которые многіе изъ окружающихъ Андрея Петровича питали противъ Вольтера, сомнѣнія, которыя явились въ немъ самомъ еще во время его пребыванія въ Лейпцигѣ, гдѣ много говорили о жадности Вольтера къ деньгамъ, о его сварливости, о скандальныхъ его отношеніяхъ къ королю и Лессингу, котораго Вольтеръ ложно обвинялъ въ кражѣ одной изъ своихъ бумагъ—всѣ эти воспоминанія не могли подавить обоянія, которое производило на Андрея Петровича имя славнаго французскаго философа.

«Къ чему нѣмцамъ вѣрить на слово?»—подумалъ онъ, и теперь, пользуясь случаемъ, началъ усердно читать философскія произведенія Вольтера; съ его трагедіями и поэмами онъ уже былъ знакомъ.

Много онъ узналъ отъ князя и о придворной жизни не только версальской, но и петербургской, и убѣдился, что за эти нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ произошли большія перемѣны... Многіе слухи, носившіеся въ провинціи, не только подтвердились, но и представились Андрею Петровичу совсѣмъ въ новомъ освѣщеніи. Между прочимъ, Воропоновъ сталъ понимать отчего въ послѣднее время такъ усилилась роскошь, подобная той, которую онъ увидѣлъ у Юсупова и которая далеко превзошла всѣ его ожиданія. О государынѣ, особенно въ первые пять-шесть лѣтъ царствованія, носились слухи, что она ведетъ самый простой и умѣренный образъ жизни. Разсказывали, напримѣръ, что она сдѣлала выговоръ вельможѣ, явившемуся къ ней въ Царское Село на именины въ шитомъ золотомъ кафтанѣ. Всѣ эти слухи и разсказы о личныхъ вкусахъ и склонностяхъ Екатерины мало сходились съ тѣмъ, что успѣлъ узнать Андрей Петровичъ объ образѣ жизни нѣкоторыхъ изъ ея приближенныхъ.

Что болѣе всего удивляло Андрея Петровича въ молодомъ князѣ, это крайняя беззаботность и легкость, съ которою Юсуповъ говорилъ о вопросахъ, заставлявшихъ его самого глубоко задумываться. Для князя эти вопросы частью были предметомъ тонкой насмѣшки, частью рѣшались имъ такъ быстро и опредѣленно, что Андрей Петровичъ только дивился. Сначала онъ приписывалъ такую смѣлость сужденій высокому положенію князя и превосходству его образованія, но вскорѣ увидѣлъ, что здѣсь есть нѣчто иное.

По привычкѣ къ нѣкоторому философскому анализу, Воропоновъ вскорѣ понялъ, что между нимъ и княземъ цѣлая пропасть, что они всегда будутъ говорить на разныхъ языкахъ и никогда не поймутъ другъ друга. Когда же онъ съ всевозможнымъ вниманіемъ прочелъ нѣсколько философскихъ статей Вольтера, то убѣдился въ томъ, что князь лишь повторяетъ, да и то передѣлавъ на свой ладъ, т. е. слабо копируетъ, французскаго философа. Какъ только Воропоновъ понялъ это, его уваженіе къ умственному превосходству князя сразу значительно поубавилось. Онъ даже рѣшился, хотя осторожно, спорить съ Юсуповымъ: но это было не легко. Князь забрасывалъ его парадоксами и остроумными фразами, а если чувствовалъ себя припертымъ къ стѣнѣ, то весьма ловко перемѣнялъ разговоръ.

Вольтеръ далеко не вполнѣ овладѣлъ умомъ Андрея Петровича, за то другой философъ Руссо, о которомъ онъ пока зналъ только понаслышкѣ, произвелъ на него громадное впечатлѣніе. Андрей Петровичъ просто съ жадностью прочелъ все, что̀ нашелъ у князя изъ твореній этого философа и попросилъ даже взять одинъ томъ съ собою, на что̀ князь согласился, предупредивъ, однако, чтобы книга была возвращена въ совершенной цѣлости. На этотъ счетъ князь былъ большой педантъ. У Руссо Андрей Петровичъ нашелъ какъ разъ то, чего искалъ давно. Кое-какія мысли подобнаго рода онъ вычиталъ у нѣмецкихъ философовъ, но то были отвлеченныя разсужденія кабинетныхъ мыслителей и педантовъ. Понятія или сухія поученія о равенствѣ людей, объ естественномъ правѣ, объ общественномъ договорѣ, не могли быть чужды бывшему лейпцигскому студенту, но теперь, подъ вліяніемъ пламенныхъ рѣчей смѣлаго проповѣдника, они облеклись для него въ плоть и въ кровь, пробудили не только его умъ, но и сердце... Послѣ перваго же чтенія, Андрей Петровичъ окончательно понялъ, почему онъ не могъ сочувствовать ѣдкимъ сарказмамъ Вольтера и при первомъ же удобномъ случаѣ заговорилъ съ княземъ, желая узнать его мнѣніе о Руссо.

— Ахъ, мой любезный,—сказалъ князь.—Что я думаю? Думаю то же, что и мой наставникъ.—Князь указалъ на бюстъ Вольтера.— Самъ, братецъ, посуди: нельзя же намъ marcher à quatres pattes

(ходить на четвереныкахъ)... А, впрочемъ, это бываетъ и съ русскими людьми, когда они начнутъ славить Бахуса.

И князь закончилъ свое разсужденіе игривымъ анекдотомъ.

— А все же, ваше сіятельство,—замѣтилъ Андрей Петровичъ,—господинъ Руссо пишетъ много дѣльнаго, что и намъ бы надлежало не токмо перевести, но и примѣнить къ нуждамъ государственнымъ. Мудрая государыня, начертавшая Наказъ, стяжала бы величайшую славу, установивъ для всѣхъ своихъ подданныхъ равное устройство и одинаковое правосудіе.

— Ну, братецъ, для этого надо, чтобы люди стали поумнѣе,—сказалъ князь.—Самъ посуди: по твоему необразованный мужикъ, который не знаетъ, сколько у него пальцевъ на рукахъ, можетъ сказать, что онъ тебѣ ровня? Такъ, что ли?

— Да вѣдь, ваше сіятельство, сколько у насъ есть дворянъ, которые не токмо писать, но и читать не учились, а славнѣйшій россійскій мужъ Ломоносовъ былъ изъ крестьянскаго званія.

— Такъ-то оно такъ, только Ломоносовъ одинъ, а я про всѣхъ другихъ говорю... Твоя правда. Есть и межъ дворянами много неучей и о томъ весьма скорбѣть надо, да не въ томъ дѣло. Все жъ надо, чтобы были господа; это, любезный мой, и въ Писаніи сказано, что рабы должны повиноваться господамъ. Вотъ, коли хочешь, отпусти своихъ мужиковъ на волю: они все хозяйство побросаютъ, да и разбѣгутся на Волгу разбойничать. Такъ у насъ всегда было: отсюда всѣ разбои завелись: у насъ всѣ разбойники были изъ бѣглыхъ. Уйдетъ на волю, нѣтъ надъ нимъ команды, онъ и разбойничаетъ... Вотъ отпусти своихъ мужиковъ, попробуй!..

— Я не про то, ваше сіятельство. Разбой не отъ одного невѣжества бываетъ... Иного обидятъ, онъ и пойдетъ въ разбой... Власть должна быть. Но вѣдь нельзя съ людьми, какъ съ скотами обращаться... И мы подъ властью, и у насъ есть командующіе, а вѣдь дворянина никто не продаетъ, не покупаетъ, не говорю ужъ про мучительныя надругательства, бой плетьми, сажаніе на цѣпь и на рогатки, ибо таковыхъ изверговъ теперь всякій порядочный дворянинъ презираетъ.

— Эхъ, любезный мой, ты говоришь, какъ будто только крѣпостныхъ людей покупаютъ... Купить все можно, только одинъ человѣкъ стоитъ двадцать пять рублевъ, а за другого тысячу дашь... Вѣдь вотъ ты жилъ въ чужихъ краяхъ, тамъ крѣпостныхъ такихъ, какъ у насъ, нѣтъ. Въ Версалѣ бывалъ? Нѣтъ? У насъ ты можешь купить только крѣпостную дѣвку, а тамъ коли хочешь—купишь маркизу, было бы только чѣмъ заплатить...

И по своему обыкновенію, князь пояснилъ эту общую мысль примѣромъ. Воропоновъ удивлялся его опытности въ такихъ дѣлахъ.

— Брось ты свою философію, любезный мой,—сказалъ въ заключеніе князь.—Повѣрь, все на свѣтѣ трынъ-трава! Ѣшь, пей и веселись, живи и жить давай другимъ! Вотъ лучше, братецъ, пойдемъ, я тебѣ покажу одну картину, у меня въ спальной... Другая такая у меня въ Москвѣ, эту я велѣлъ съ нея списать...

Князь отворилъ зеркальную дверь и сдѣлалъ Воропонову знакъ слѣдовать за собою.

Въ княжеской спальной постоянно были опущены толстыя шелковыя гардины и царила полутьма. Князь позвонилъ и велѣлъ камердинеру зажечь свѣчи. Андрей Петровичъ увидѣлъ огромную парадную постель на возвышеніи, куда вели ступеньки, и подъ великолѣпнымъ балдахиномъ.

— Постой, такъ не видно. Вотъ здѣсь становись и смотри.

Андрей Петровичъ увидѣлъ картину, изображавшую юношу и красавицу въ классическихъ одѣяніяхъ. Въ юношѣ онъ тотчасъ узналъ изображеніе самого князя. Красавица была полная, среднихъ лѣтъ, невысокаго роста женщина, съ чудными глазами и греческимъ профилемъ. Всмотрѣвшись въ нее, Андрей Петровичъ смутился и изумился до чрезвычайности. Теперь онъ понялъ, почему эта картина не выставлялась на показъ, хотя другія, и болѣе нескромныя, картины висѣли въ галлереѣ, и окончательно убѣдился въ справедливости слуховъ, которые носились относительно петербургскихъ похожденій князя, значительно умножившихъ его и безъ того огромныя богатства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Андрея Петровича зашевелилось смутное, до сихъ поръ еще никогда не испытанное имъ чувство. Онъ съ этихъ поръ сталъ зорко присматриваться къ тому, какъ относится князь къ его женѣ. Его изысканная любезность показалась ему вдругъ подозрительною. Не то, чтобы чувство ревности, а какой-то смутный страхъ за жену зашевелился въ немъ. Онъ рѣшилъ поскорѣе удалить ее изъ княжескаго дома.

На слѣдующій день Андрей Петровичъ сказалъ князю, что долженъ ѣхать домой.

— Что за нужда такая, любезный мой? — спросилъ князь. — Тебѣ наскучило у меня?

— Помилуйте, ваше сіятельство! Какъ можно! Но сказать истину, пора мнѣ и честь знать! Къ тому же, ваше сіятельство, у меня жена скоро именинница.

— Ну, такъ что же? Ты думаешь я хуже твоего справлю ея именины? Хорошо, что напомнилъ. Теперь ни за что̀ не отпущу!

Эти слова непріятно поразили Андрея Петровича, и въ немъ пробудилось даже какъ бы враждебное чувство къ молодому красивому вельможѣ.

— Ей-Богу нельзя, ваше сіятельство. Тамъ гости наѣдутъ— хорошо ли, если хозяевъ не будетъ...

— Ты правъ... Ну, что жъ, удерживать не могу... А жаль, братецъ, я ужъ попривыкъ къ тебѣ... Скажи, пожалуйста, говорятъ, ты не богатъ?

— Противъ вашего сіятельства могу счесть себя нищимъ, а все жъ бѣднымъ себя не почитаю,—съ достоинствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатично, отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Скажи, пожалуйста, не хочешь ли поступить ко мнѣ на службу? Я бы хотѣлъ имѣть тебя своимъ подкомандующимъ.

Андрей Петровичъ отвѣтилъ, что благодаритъ за предложенную честь, но служить не можетъ, причемъ сослался на то, что бросилъ даже военную службу, чтобы заняться своимъ хозяйствомъ.

— Ну, что же приневоливать тебя не могу,—сказалъ князь.— А ты все же подумай... Моя служба не военная: твоему хозяйству поперекъ дороги не станетъ. Я вотъ побогаче тебя, а отъ службы не отказываюсь. Государыня проситъ меня взять въ управленіе здѣшнія волости: управлять казенными волостями не то, что въ походъ ѣхать. Я хотѣлъ тебѣ дать одну волость и ты былъ бы подъ моей командой, никакого другого начальства не будешь знать...

— Позвольте подумать ваше сіятельство, — сказалъ Андрей Петровичъ.

У него мелкнула мысль, надъ которою стоило призадуматься.

— То-то, — подумай... Ба, братецъ, да я забылъ! Ты вотъ все про крестьянъ толкуешь: у меня тутъ для тебя книжка припасена.

Князь далъ Андрею Петровичу томъ «Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества» и указалъ ему на статью, написанную по случаю преміи въ 1,000 червонцевъ, предложенной неизвѣстнымъ лицомъ (какъ говорили—Григоріемъ Орловымъ) за лучшее сочиненіе объ устройствѣ быта крестьянъ.

Прочитавъ передъ отъѣздомъ изъ княжескаго дома эту статью, сочиненную однимъ французскимъ авторомъ, Андрей Петровичъ съ первыхъ страницъ подумалъ, что читаетъ свое собственное сочиненіе: до того выраженныя здѣсь мысли согласовались съ его собственными. Авторъ яркими красками описывалъ ужасы и бѣдствія рабства и рисовалъ прелести свободнаго состоянія. Въ концѣ, однако, была высказана мысль, показавшаяся ему не совсѣмъ вѣрною, что рабовъ слѣдуетъ подготовить къ свободѣ путемъ просвѣщенія. Это мнѣніе, дѣйствительно, болѣе подходило къ взглядамъ Вольтера, чѣмъ Руссо. Чтеніе еще болѣе способствовало тому, что Андрей Петровичъ принялъ рѣшеніе: воспользоваться предложеніемъ князя и попытаться управлять казенными крестьянами, которые все же болѣе походили на вольныхъ людей, чѣмъ помѣщичьи. Ему пришла мысль провести сравненіе между тѣми и другими. Отпустить своихъ крестьянъ на волю, какъ ему иронически совѣтовалъ Юсуповъ, Андрей Петровичъ не рѣшался по той простой причинѣ, что никакъ не могъ себѣ представить, что изъ

этого выйдетъ. Да еще какъ отнесутся къ этому всѣ, начиная съ Софьюшки? Андрей Петровичъ, конечно, не думалъ, подобно князю, что получивъ волю, всѣ слуги и крестьяне не разбѣгутся. Но что, если они по лѣности и по невѣжеству раззорятъ себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его? Объ условіяхъ вольнонаемнаго труда онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и сверхъ того, успокоивалъ себя тѣмъ софизмомъ, что лучше стать ему добрымъ помѣщикомъ, настоящимъ отцомъ своихъ крестьянъ, чѣмъ оставить ихъ на произволъ судьбы. Волостные, т. е. казенные крестьяне совсѣмъ иное дѣло: вотъ по нимъ-то и можно будетъ узнать, нельзя ли какъ-нибудь иначе устроить владѣльческихъ крестьянъ? Онъ объявилъ князю о своемъ согласіи принять его предложеніе, и поспѣшилъ переговорить съ женою.

— Ну, матушка,—сказалъ онъ Софьѣ Трофимовнѣ,—пора намъ и домой.

Онъ посмотрѣлъ на жену испытующимъ взглядомъ. Ему казалось, что ей было жаль уѣхать отсюда такъ скоро.

— Да я и то думала, Андрей Петровичъ,—сказала она,—долго ли намъ съ тобою здѣсь еще оставаться?

— Ѣдемъ сегодня... Я ужъ сказалъ князю,—возразилъ Андрей Петровичъ, устыдившись своего минутнаго подозрѣнія.—Ну, Софьюшка,—прибавилъ онъ,—угадай—кто теперь я таковъ? Никогда не угадаешь!

— Не знаю, что ты говоришь, Андрей Петровичъ!

— А вотъ что; я теперь управитель Михайловской волости, Щигровскаго округа.

— Какой такой управитель? Не пойму тебя.

Андрей Петровичъ сталъ разъяснять женѣ, что будетъ управлять 15,000 душъ казенныхъ крестьянъ, что жить придется мѣсяца три-четыре въ году въ Щигровѣ, гдѣ имъ дадутъ домъ, что должность эта почетная и даже князья не гнушаются быть главными управителями, что теперь онъ станетъ извѣстенъ государынѣ; однимъ словомъ, старался расписать все въ найлучшемъ свѣтѣ.

Софья Трофимовна, слушая доводы мужа, обрадовалась лишь одному: онъ сказалъ ей, что теперь дѣла волости легко могутъ заставить ихъ ѣздить не только въ Москву, но и въ Петербургъ.

Такая поѣздка давно была завѣтною мечтою Софьи Трофимовны; со времени же пребыванія у князя Юсупова, она стала томиться желаніемъ повидать что-нибудь получше провинціальнаго захолустья.

М. Филипповъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ[1].

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

III.

Сношенія съ голландскимъ полярнымъ комитетомъ.—Слухи объ участи голландской и датской полярныхъ экспедицій на пароходахъ «Варна» и «Димфна».—Донесеніе норвежскаго генеральнаго консула въ Архангельскѣ, г. Бодома, въ Петербургъ посланнику при русскомъ дворѣ. — Зафрахтованіе парохода «Георгій». — Снаряженіе въ далекое плаваніе. — Инструкція голландскаго полярнаго комитета.—Отплытіе изъ Архангельска.—У Канина Носа.—Переходъ по Ледовитому океану.—Прибытіе въ Югорскій Шаръ.—Въ становищѣ Хабарово (Никольское).—Встрѣча съ норвежцами со шхуны «Haabet».—Извѣстіе о спасеніи экипажа парохода «Варна» пароходами А. М. Сибирякова «Норденшильдъ» и «Обь».—На якорѣ въ Хабарово.—Предположенія о дальнѣйшемъ плаваніи.

СКОРѢ по возвращеніи моемъ съ Новой Земли, я получилъ изъ Амстердама отъ голландскаго полярнаго комитета, по телеграфу, запросъ о томъ, не имѣлъ ли я въ Малыхъ Кармакулахъ какихъ-либо извѣстій объ участи пароходовъ «Варна» и «Димфна». На первомъ изъ нихъ находилась голландская полярная экспедиція, подъ начальствомъ доктора Снелленъ, а на второмъ—датская экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта королевскаго флота А. Ховгарда. Къ сожалѣнію, я не могъ сообщить комитету рѣшительно никакихъ свѣдѣній о «Варнѣ» и «Димфнѣ», такъ какъ мои тщательные раз-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 83.

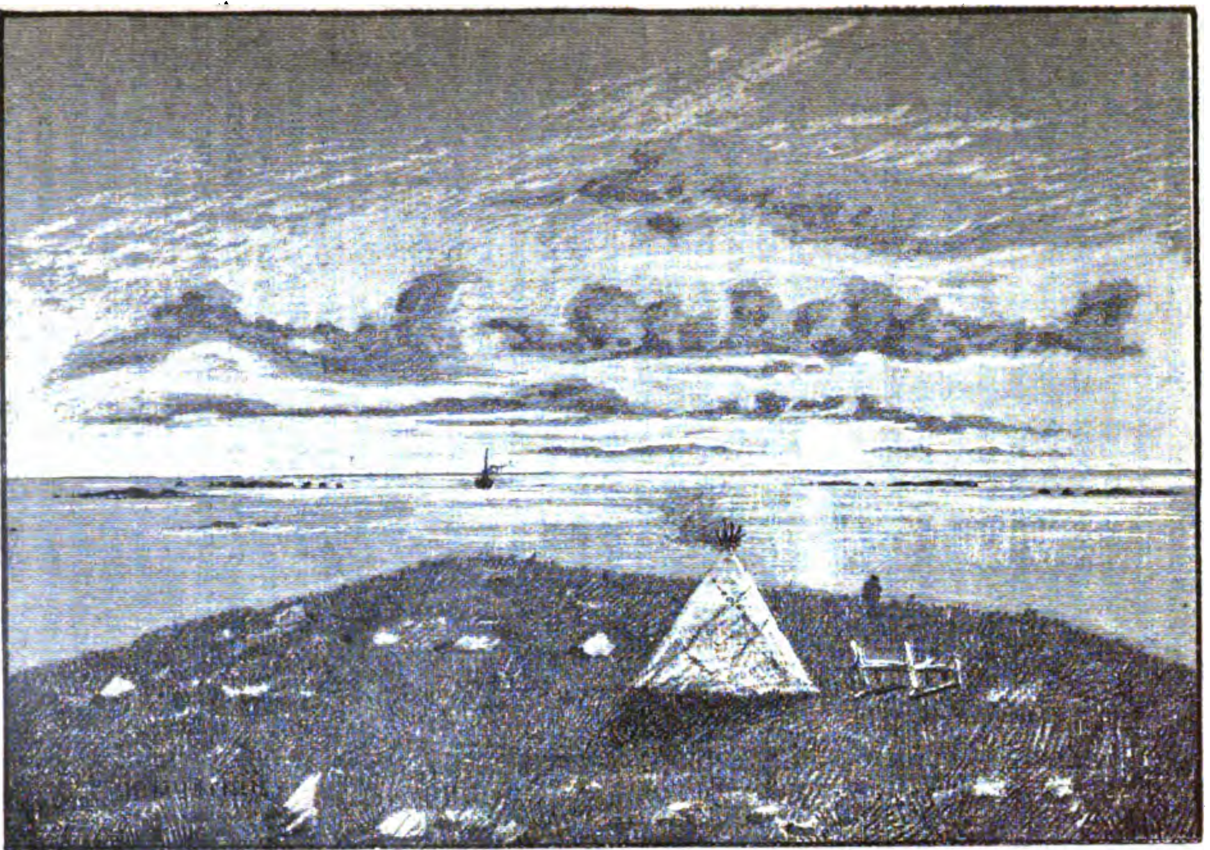
спросы о нихъ самоѣдовъ, зимовавшихъ на восточномъ (Карскомъ) берегу Новой Земли, не привели ни къ какимъ результатамъ. Между тѣмъ, съ началомъ лѣта 1883 г. въ Голландіи, Даніи и въ Сѣверной Норвегіи распространились самые тревожные слухи объ участи обѣихъ экспедицій и правительства первыхъ двухъ государствъ обратились, черезъ своихъ посланниковъ въ Петербургѣ, къ нашему правительству съ просьбой поспособствовать провѣркѣ возникшихъ тревожныхъ слуховъ и въ случаѣ ихъ подтвержденія предписать мѣстнымъ властямъ Архангельской и приокеанскихъ сибирскихъ губерній оказывать возможныя помощь и содѣйствіе членамъ экспедицій, если они окажутся на нашихъ берегахъ Ледовитаго океана. Голландское правительство пошло еще дальше и объявило промышленникамъ и судовладѣльцамъ Сѣверной Норвегіи и архангельскимъ поморамъ, что тому изъ нихъ, кто окажетъ помощь бѣдствующему экипажу парахода «Варна», будетъ выдана денежная премія въ размѣрѣ 50,000 норвежскихъ кронъ, собранныхъ путемъ народной подписки. При повѣркѣ архангельскою администраціей слуховъ о гибели экспедиціонныхъ пароходовъ, оказалось, что источникомъ слуховъ послужили разсказы самоѣдовъ Большеземельской тундры о будто бы видѣнномъ ими на восточномъ берегу острова Вайгача разбитомъ суднѣ, повидимому паровомъ и оставленномъ экипажемъ. На основаніи разсказовъ самоѣдовъ, изъ Архангельска была отправлена въ петербургскія газеты телеграмма слѣдующаго содержанія: «Самоѣды Большеземельской тундры передаютъ, что видѣли около Вайгача разбитое большое судно; полагаютъ, что оно принадлежитъ датской экспедиціи Ховгарда, затертой льдинами въ этой мѣстности». Эта телеграмма была помѣчена 18-мъ октября 1882 г., а раньше этого «Международное телеграфное агентство» сообщило газетамъ депешу изъ Копенгагена, гласящую, что «съ парохода «Louise» получена изъ Гаммерфеста телеграмма съ извѣстіемъ, что южно-карское море переполнено льдами, черезъ которые судну невозможно пройти. Суда «Warna» и «Dyamphna» затерты льдами въ 80 морскихъ миляхъ къ востоку отъ острова Вайгача». Такимъ образомъ, архангельская телеграмма, какъ позднѣйшая, явилась какъ бы подтвержденіемъ сообщенія «Международнаго агентства» и послужила причиной серьезныхъ опасеній за судьбу экипажей «Варны» и «Димфны». Между тѣмъ дознаніемъ, произведеннымъ полиціей Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, хотя и было констатировано существованіе между самоѣдами слуховъ о разбитомъ близь Вайгача суднѣ, но оказалось невозможнымъ отыскать лицъ, непосредственно видѣвшихъ это судно. Кромѣ правительствъ Даніи и Голландіи, въ разъясненіи этихъ слуховъ было заинтересовано и норвежское правительство, такъ какъ голландская полярная экспедиція плыла на зафрахтованномъ въ Христіаніи норвежскомъ пароходѣ «Варна» съ экипажемъ изъ норвежцевъ,

подъ командой капитана Кнюдсена; вслѣдствіе этого, въ разслѣдованіи происхожденія слуховъ принималъ дѣятельное участіе и тогдашній шведско-норвежскій генеральный консулъ въ Архангельскѣ, Х. И. Бодомъ, который въ рапортѣ обстоятельно донесъ обо всемъ, касающемся этихъ слуховъ, своему посольству въ Петербургѣ.

Не смотря на заманчивость вознагражденія въ 50,000 кронъ, обѣщаннаго за оказаніе помощи экипажу «Варна», ни русскіе, ни норвежскіе промышленники и судохозяева не рискнули отправиться на удачу въ столь опасное плаваніе, поэтому голландскій полярный комитетъ рѣшилъ на собственный счетъ снарядить пароходъ и отправить его къ берегамъ Вайгача и въ Карское море, гдѣ можно было предполагать пребываніе членовъ экспедиціи. Приближалась ранняя полярная зима и неоказаніе въ то время помощи могло окончиться гибелью экспедиціи, въ случаѣ потери ею парохода и истощенія продовольственныхъ запасовъ. Полярный комитетъ поручилъ архангельскому торговому дому Э. А. Десъ-Фонтейнесъ, въ самый короткій срокъ, подъискать и зафрахтовать подходящій къ предстоявшему плаванію пароходъ, который безъ всякихъ проволочекъ могъ бы отправиться по назначенію, согласно инструкціи, сообщенной изъ Амстердама телеграммой. По моемъ сношеніи съ полярнымъ комитетомъ, мнѣ было предложено принять участіе въ этой экспедиціи, въ качествѣ представителя интересовъ комитета. Крайній недостатокъ времени, опредѣленнаго комитетомъ для выхода въ море и отсутствіе въ то время въ Архангельскѣ выбора между судами, наиболѣе соотвѣтствующими предстоявшему серьезному полярному плаванію, остановили выборъ спеціалистовъ на пароходѣ «Чижовъ», принадлежащемъ архангельско-мурманскому товариществу и «Георгій», принадлежащемъ англійскому консулу, мѣстному коммерсанту г. Геллерману. Винтовой пароходъ «Чижовъ», какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по конструкціи, имѣлъ за собой преимущества солиднаго морского судна въ сравненіи съ небольшимъ колеснымъ «Георгіемъ», который, служа почти исключительно лоцманскимъ и буксирнымъ надобностямъ въ устьяхъ Сѣверной Двины при различныхъ операціяхъ своего предпріимчиваго владѣльца, не имѣлъ даже спеціальнаго капитана, нетолько, необходимой для дальняго плаванія, хорошо обученой и дисциплинированной команды. Между тѣмъ на «Чижовѣ», поддерживающемъ постоянныя сообщенія между Архангельскомъ, Мурманскимъ берегомъ и Норвегіей, были вполнѣ удовлетворительно организованы, какъ штурманская часть, такъ и машинная и палубная команда. Къ сожалѣнію, не удалось воспользоваться зафрахтованіемъ «Чижова», такъ какъ изъ Амстердама ежедневно получались настойчивыя требованія отправить пароходъ изъ Архангельска, ни въ какомъ случаѣ, не позже 15-го августа, а между тѣмъ,

«Чижовъ», будучи въ то время занятъ другой работой, никакъ не могъ быть готовъ къ назначенному сроку. Поэтому, по неволѣ пришлось обратиться къ услугамъ парохода г. Геллермана, «Георгій», не смотря на то, что въ обществѣ существовало сомнѣніе не только въ способности этого парохода выполнить возлагаемую на него задачу, но и вообще благополучно совершить плаваніе въ тѣхъ широтахъ, куда, обыкновенно, отправляются суда и другого типа и иной прочности. Хотя полярный комитетъ и былъ извѣщенъ мною о сомнительныхъ качествахъ «Георгія» и что для пользы дѣла было бы желательно обождать нѣсколько дней, пока освободится «Чижовъ», тѣмъ не менѣе это не было принято комитетомъ въ расчетъ и распоряженіе объ отплытіи изъ Архангельска 15-го августа осталось въ прежней силѣ. Окончательное согласіе на зафрахтованіе «Георгія» было получено всего лишь за нѣсколько дней до наступленія срока, назначеннаго къ отплытію; времени оставалось весьма мало, а потому съ крайней поспѣшностью было приступлено къ приведенію парохода въ готовность къ плаванію и снабженію его запасами провизіи и угля, чему не мало способствовало опасеніе пароходовладѣльца потерять, въ случаѣ неготовности, выгодный для него фрахтъ, такъ какъ по заключенному съ полярнымъ комитетомъ условію г. Геллерманъ получалъ 8,000 руб. за рейсъ «Георгія» къ берегамъ Вайгача, и, кромѣ того, комитетъ принималъ на свой счетъ частную аварію «Георгія» на сумму до 3,000 руб., а въ случаѣ же его окончательной гибели гарантировалъ уплату г. Геллерману 30,000 руб., т. е. сумму почти вдвое большую первоначальной стоимости парохода. Главнымъ образомъ было обращено вниманіе на запасы угля, такъ какъ «Георгій», не имѣя рангоута, располагалъ лишь однимъ двигателемъ—машиной и въ случаѣ недостатка топлива мы оказались бы въ совершенно безпомощномъ положеніи, а потому углемъ наполняли нетолько спеціальныя угольныя ящики, но и пароходные трюмы, даже на палубѣ громоздились корзины съ углемъ. Затѣмъ начались поиски «капитана дальняго плаванія», безъ котораго «Георгій», по существующимъ законамъ о мореплаваніи, не былъ бы выпущенъ въ море. Выборъ капитана весьма удачно палъ на молодого человѣка, бывшаго штурманомъ на германскомъ парусномъ кораблѣ, г. Неймана, уроженца остейскихъ губерній, получившаго морское образованіе въ митавскомъ штурманскомъ училищѣ. Г. Нейманъ съ малолѣтства плавалъ и основательно прошелъ, закаляющую моряка, парусную школу и во время нашего плаванія оказался на высотѣ требованій науки кораблевожденія. Вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, возникшихъ между шкиперомъ германскаго корабля и г. Нейманомъ, послѣдній отказался отъ службы и, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, принялъ предложеніе г. Геллермана вести «Георгій» за крайне ничтожное вознагражденіе. На-

нявъ капитана, пароходовладѣлецъ принялся вербовать команду, какъ говорится, съ борка, да съ сосенки. Набранная такимъ образомъ команда представляла собой толпу почти оборвышей разныхъ сословій и разныхъ профессій. Такъ какъ на «Георгіи», не было другого лица, кромѣ капитана, которое въ случаѣ болѣзни или смерти послѣдняго могло бы принять командованіе пароходомъ, то г. Геллерманомъ отъ себя былъ приглашенъ совершить плаваніе на «Георгіи» штурманскій офицеръ архангельскаго военнаго порта г. Нюхаловъ, знающій условія плаванія въ сѣверныхъ водахъ и въ случаѣ надобности могущій замѣстить капитана. Управленіе машиной было ввѣрено машинисту-самоучкѣ, хорошо знавшему свое дѣло, но, къ несчастію получившему въ единственные къ себѣ помощники отставного военнаго машиниста, совершеннаго неуча, терявшагося въ своей вахтѣ при сигналѣ въ машину «задній ходъ». Благодаря этому обстоятельству, старшему машинисту приходилось, впослѣдствіи, почти не оставлять машину, въ особенности, во время бури, или плаванія въ туманѣ вблизи незнакомыхъ береговъ, когда осторожность требовала частыхъ и быстрыхъ измѣненій хода. Такимъ образомъ, главныя отвѣтственныя судовыя обязанности ложились только на двухъ человѣкъ—капитана и на старшаго машиниста и справедливость требуетъ сказать, что исполнялись ими вполнѣ добросовѣстно; остальной же экипажъ, за исключеніемъ немногихъ раньше служившихъ на «Георгіи», требовалъ постояннаго надзора и указаній даже при самыхъ несложныхъ судовыхъ работахъ. Въ качествѣ блюстителя интересовъ пароходовладѣльца на «Георгіи» находился братъ его А. А. Геллерманъ. Въ виду того, что никто изъ отправлявшихся на «Георгіи» не владѣлъ самоѣдскимъ языкомъ, я, по рекомендаціи архангельскаго воинскаго начальника, взялъ съ собою уволенаго въ отпускъ рядового Архангелогородскаго баталіона, зырянина Истомина, прекрасно говорившаго по-самоѣдски. Кромѣ того, нанимая Истомина, мною руководило желаніе въ виду всякихъ случайностей, на которыя легко можно разсчитывать въ предстоявшемъ опасномъ плаваніи, имѣть около себя своего человѣка, на котораго я могъ бы положиться и который подчинялся бы одному мнѣ. Въ этомъ смыслѣ, передъ отплытіемъ «Георгія», Истоминъ получилъ отъ своего начальства подробныя строжайшія инструкціи. Хотя впослѣдствіи мнѣ и не пришлось пользоваться услугами Истомина, какъ переводчика, тѣмъ не менѣе я ни разу не раскаявался въ томъ, что взялъ его съ собой, такъ какъ онъ, благодаря своему юмору и своеобразности, не мало потѣшалъ всѣхъ насъ во все время скучнаго плаванія и перенесенныхъ нами невзгодъ. Весь экипажъ «Георгія», вмѣстѣ съ пассажирами, состоялъ изъ девятнадцати человѣкъ. Когда я перебрался на пароходъ и подробно осмотрѣлъ команду и запасы провизіи, въ головѣ

Островъ Вайгачъ.

невольно зародилась грустная дума — что же съ нами будетъ, если «Георгію» придется засѣсть во льдахъ, или гдѣ-нибудь у совершенно безлюдныхъ береговъ Вайгача или материка? Все это было весьма возможно и на этотъ исходъ плаванія слѣдовало разсчитывать болѣе, нежели на благополучное возвращеніе. При мнѣ приходили на пароходъ нанятые матросы съ «багажемъ», большею частью состоявшимъ изъ небольшихъ узелковъ. Нѣкоторые изъ вновь нанятыхъ матросовъ не имѣли другой одежды, кромѣ вязаной шерстяной рубахи и надѣтаго поверхъ ея рванаго пиджака; ихъ обувь требовала большой починки и даже полной замѣны.

— Знаешь, что тамъ, куда мы идемъ теперь, уже начались морозы?—обратился я къ одному изъ нихъ.

— Ничего, в-с-б-діе, какъ-нибудь обойдемся, — спокойно отвѣчалъ онъ.

— Ну, а если тамъ зазимуемъ?

— На то ужъ Божья воля,—былъ лаконическій отвѣтъ.

Ближайшее знакомство съ пароходомъ и всей его обстановкой убѣдило, что и пароходъ «какъ-нибудь» и команда «какъ-нибудь» и запасы «какъ-нибудь»; однимъ словомъ сумма всѣхъ этихъ «какъ-нибудь» далеко не въ розовомъ свѣтѣ представляла перспективу предстоявшаго намъ плаванія и только всеискупляющее русское «авось» заставляло меньше, чѣмъ слѣдовало, думать о возможныхъ въ полярномъ плаваніи случайностяхъ. За неимѣніемъ другихъ помѣщеній, гг. Геллерманъ, Нюхаловъ и я, вмѣстѣ поселились въ кормовой каютѣ «Георгія», служившей и спальной и столовой и уборной и даже штурманской каютой, такъ какъ тутъ же хранились и морскія карты. Къ кормѣ каюта значительно съуживалась; по срединѣ стоялъ продолговатый столъ, также въ одномъ концѣ съуживавшійся; вокругъ стола укрѣплены диваны, служившіе намъ постелями. Капитанъ Нейманъ помѣщался въ особой каморкѣ. Обязанности «стюарта» (каютный слуга на иностранныхъ грузовыхъ пароходахъ) мною были возложены на Истомина, пріютившагося въ маленькомъ буфетѣ рядомъ съ нашей каютой. Камбузъ (пароходная кухня) былъ устроенъ въ кожухѣ, рядомъ съ ретирадникомъ. Когомъ былъ избранъ одинъ изъ матросовъ, грязный до невозможности и ничего неумѣвшій готовить, кромѣ щей и каши. Сосѣдство кухни съ ретирадникомъ, откуда любознательные матросы имѣли обыкновенье ощупью освѣдомляться о родѣ и качествѣ приготовляемой пищи и до отвращенія неряшливость повара заставляли насъ поменьше обращать взоры на камбузъ, чтобы не портить за столомъ апетита представленіемъ о томъ, гдѣ и кѣмъ приготовляются кушанья. Впрочемъ, при заказахъ блюдъ, приготовленіе которыхъ требовало особо-дѣятельнаго участія поварскихъ рукъ, мы обращались къ бравому боцману «Георгія» Стрѣлкову, раньше служившему во флотѣ и, какъ говорится, способному на всѣ руки. Боль-

шею же частью нашъ столъ состоялъ изъ консервовъ, соленыхъ закусокъ и чая, почти не оканчивавшагося ни днемъ, ни ночью. Чаемъ мы развлекались и согрѣвались, такъ какъ, войдя въ Ледовитый океанъ и двигаясь на востокъ, мы все болѣе и болѣе вступали въ область низкой температуры, а единственный камелекъ не былъ въ состояніи достаточно нагрѣвать нашу каюту, двери которой почти никогда не затворялись ежеминутными ея посѣтителями. Усиленная, на этотъ рейсъ, команда размѣстилась по возможности. Благодаря углю, наполнявшему всѣ свободныя помѣщенія парохода и его палубу, повсюду царила необыкновенная грязь; невозможно было ни къ чему прикоснуться, чтобы не испачкать рукъ и платья. Относительно двигательныхъ средствъ «Георгія», можно сказать, что они ограничивались только машиной, такъ какъ парусное вооруженіе единственной мачты не могло самостоятельно служить для парохода двигателемъ, а лишь способствовало машинѣ и помогало рулю и при поворотахъ. Гребныхъ судовъ было два и оба небольшіе, на которые во время свѣжей погоды невозможно было помѣстить весь экипажъ. Главный недостатокъ «Георгія», какъ парохода, отправлявшагося въ полярное плаваніе, заключался въ колесахъ, которымъ даже незначительный ледъ былъ въ состояніи грозить окончательнымъ разрушеніемъ. Что касается продовольственныхъ запасовъ, то, по приблизительному разсчету, ихъ могло хватить неболѣе, какъ на 1 мѣсяцъ, а чѣмъ бы мы питались если бы «Георгію» пришлось остаться въ плаваніи на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ разсчитывалъ экономный пароходовладѣлецъ, объ этомъ никто не подумалъ. Ружей у насъ было только два: одно у меня, другое у Истомина; оба—берданки, такъ что и тутъ нельзя было разсчитывать, въ случаѣ крайности, питаться добычей охоты на птицъ. Со мною были взяты двѣ собаки: сетеръ «Гобартъ», много лѣтъ со мною путешествовавшій и, всюду гдѣ ни бывалъ, извѣстный подъ именемъ «Ивана Ивановича», и вывезенная мною съ Новой Земли самоѣдская собака «Бѣлка». Этихъ двухъ четвероногихъ спутниковъ я взялъ съ собой, имѣя въ виду возможность продолжительнаго пребыванія на какомъ-нибудь берегу или возвращенія обратно черезъ тундру, гдѣ они могли оказать намъ не малыя услуги. Разсчитывая всегда худшее, я, независимо отъ пароходной провизіи, взялъ съ собой нѣкоторый запасъ консервовъ, чая, сахара, водки, кое-что изъ медикаментовъ, большой запасъ табаку и другихъ предметовъ, въ которыхъ могла встрѣтиться неотложная необходимость. Здѣсь я изложилъ краткое описаніе парохода «Георгій» и его обстановки при отправленіи къ мѣсту назначенія. Программа нашего плаванія, заключавшаяся въ инструкціи голландскаго полярнаго комитета, состояла въ слѣдующемъ: «Георгій» долженъ былъ выйти въ море 15 августа и слѣдовать прямо къ острову

Вайгачу и обойти его кругомъ, войдя въ Карское море черезъ Югорскій Шаръ, или черезъ Карскія Ворота, смотря по состоянію льда. Кромѣ участи парохода «Варна», полярный комитетъ интересовался также свѣдѣніями о другомъ суднѣ «William Barentz», снаряженномъ въ полярное плаваніе также на средства комитета и вышедшемъ изъ Амстердама весною того же 1883 года. Крошечное парусное судно «William Barentz», названное въ честь знаменитаго голландскаго мореплавателя, погибшаго въ 1597 году во время зимовки на самой сѣверной оконечности Новой Земли, носящей въ настоящее время названіе мыса Барентса, ежегодно, въ теченіе нѣскольких лѣтъ отправляется въ арктическія моря для научныхъ изслѣдованій и, кромѣ того, на немъ погруженъ памятникъ, сооруженный голландцами своему соотечественнику Вильяму Барентсу, предназначенный къ постановкѣ на мѣстѣ гибели знаменитаго изслѣдователя полярныхъ странъ. «William Barentz» уже нѣсколько лѣтъ сряду пытается достигнуть означеннаго пункта, но всякій разъ встрѣчаетъ непроходимый ледъ и свою миссію ограничиваетъ научными изслѣдованіями водъ Ледовитаго океана. Отправляя «William Barentz» въ 1883 году, полярный комитетъ поручилъ и ему собрать свѣдѣнія объ участи «Варны» и ихъ, точно такъ же какъ и сообщенія о своемъ плаваніи, оставить въ заранѣе условленныхъ пунктахъ полярныхъ материковъ. Въ инструкціи, данной полярнымъ комитетомъ «Георгію» названы слѣдующіе пункты, гдѣ «William Barentz» долженъ былъ оставить требуемыя свѣдѣнія, упакованными въ жестянныхъ коробкахъ и закопанными въ землю, подъ грудой камней: мысъ Меншиковъ, Олени острова, Хабарово и выдающіяся бухты восточнаго берега острова Вайгача. Въ случаѣ нахожденія экипажа «Варна», «Георгій» долженъ былъ принять его на бортъ и доставить въ одинъ изъ ближайшихъ портовъ. Главное затрудненіе въ исполненіи этой программы нашего плаванія заключалось въ необходимости проникнуть въ Карское море и обойти восточный берегъ Вайгача, что для колеснаго «Георгія» было возможно только при полнѣйшемъ отсутствіи льда, а разсчитывать на это не было никакихъ данныхъ и заранѣе можно было предсказать неудачу въ исполненіи этой части инструкціи комитета. Въ назначенный комитетомъ день для отправленія «Георгія» на пароходѣ были окончены всѣ приготовленія къ плаванію. При прощаніи со многими знакомыми мнѣ прямо высказывалось, что я иду на вѣрную смерть, такъ какъ пароходовладѣлецъ только и желаетъ того, чтобы «Георгій» не возвратился и за его потерю получить 30,000 рублей съ прибавкою 8,000 рублей за плаваніе. Понятно, я этимъ предсказаніямъ не вѣрилъ, хотя и раньше слышалъ, что г. Геллерманъ очень любитъ деньги, и что онъ, не смотря на свое консульское званіе, не разъ имѣлъ препирательства съ чинами бѣломорской пограничной

стражи по поводу свозимыхъ имъ съ иностранныхъ кораблей предметовъ, подлежащихъ оплатѣ таможенной пошлиной по дѣйствующему у насъ таможенному тарифу. Тѣмъ не менѣе могу удостовѣрить, что г. Геллерманъ, не знаю ужъ изъ какихъ видовъ, усердно просилъ меня по прибытіи въ Югорскій Шаръ не настаивать на дальнѣйшемъ плаваніи по Карскому морю и по возможности оберегать пароходъ отъ излишняго риска. На просьбы г. Геллермана я ему никакихъ обѣщаній не далъ, предупредивъ, что, согласно инструкціи голландскаго полярнаго комитета и сообразуясь съ обстоятельствами, буду требовать безусловнаго исполненія назначенной комитетомъ программы плаванія. На наши проводы на Соломбальской пристани собралось довольно много народа; здѣсь были родные, знакомые отплывающихъ и посторонняя публика, глазѣвшая любопытства ради. Около семи часовъ вечера на пароходъ прибылъ священникъ и отслужилъ напутственное молебствіе съ окропленіемъ святой водой всѣхъ помѣщеній. Многіе отплывающіе и провожающіе плакали, будто разставаясь навѣки. Послѣ молебствія «Георгій» оттянулся отъ пристани на середину Сѣверной Двины. Тѣсная каюта была переполнена провожавшими и мой Истоминъ съ другимъ матросомъ съ трудомъ протискивались, разнося прощальное шампанское. Безъ конца лились самыя лучшія пожеланія счастливаго плаванія и скораго благополучнаго возвращенія обратно. Вся эта обстановка проводовъ производила на меня удручающее впечатлѣніе и грустныя мысли роились въ головѣ: думалось, что, идя въ невѣдомую даль, навсегда прощаешься со всѣмъ, что оставляешь позади, и въ то же время чувствовалась какая-то сила, влекущая впередъ и нѣсколько ободряющая. Вскорѣ провожавшіе насъ съѣхали на берегъ и ровно въ девять часовъ вечера «Георгій» снялся съ якоря; машинѣ былъ данъ ходъ и мѣрно заработали колеса, бороздя зеркальную поверхность спящей величественной Сѣверной Двины. Мы всѣ находились наверху и криками «ура» обмѣнивались съ оставшимися на берегу провожавшими до тѣхъ поръ, пока шумъ машины и колесъ не заглушилъ звуковъ, а темнота осенней ночи не скрыла отъ глазъ городскихъ огней. Дойдя до Маймаксы «Георгій» всталъ на якорь и остался здѣсь до утра, чтобы на слѣдующій день, опредѣливъ девіацію компасовъ, продолжать путь дальше и по возможности безостановочно слѣдовать къ мѣсту назначенія. Къ полуночи уже весь экипажъ «Георгія», утомленный дневной работой, былъ погруженъ въ глубокій сонъ и на палубѣ раздавался лишь мѣрный стукъ шаговъ вахтеннаго матроса. Каждый старался для сна воспользоваться этой спокойной якорной стоянкой на тихой водѣ, будто предчувствуя, что эта ночь была послѣдней во все время нашего плаванія, когда спалось безъ ежеминутныхъ опасеній какъ за участь парохода, такъ и за собственную жизнь. Рано утромъ 16-го авгу-

ста изъ Архангельска пришелъ пароходъ «Онега», на которомъ къ намъ прибылъ пароходовладѣлецъ г. Геллерманъ и привезъ еще кое-что изъ провизіи и прибавилъ запасовъ угля. Пока шла погрузка, капитанъ занялся опредѣленіемъ девіаціи, а часть команды запасалась прѣсной водой, составлявшей далеко немаловажный предметъ въ числѣ другихъ запасовъ, такъ какъ до Югорскаго Шара было еще очень далеко, а Богъ вѣсть сколько времени намъ придется пробыть въ океанѣ. Всѣ работы были окончены лишь въ шесть часовъ вечера. «Онега» раньше возвратилась въ Архангельскъ и на ней мы отправили наскоро написанныя послѣднія письма. Погода стояла прекрасная; дулъ весьма слабый нордъ-остъ. Въ шесть часовъ вечера мы снялись съ якоря. Въ 9½ часовъ прошли мимо «Сѣверо-Двинскаго» плавучаго маяка и взяли курсъ на Зимнегорскій маякъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ совершенно затихъ и ясное до тѣхъ поръ небо начало заволакивать тучами. Море было совершенно спокойно и «Георгій» плавно скользилъ по его зеркальной поверхности, оставляя позади себя пѣнистый слѣдъ своихъ колесъ. Наше маленькое общество весь вечеръ провело на палубѣ; почти все время мы молчали, каждый былъ преданъ своимъ думамъ. Наконецъ, на верху появился Истоминъ и, приложивъ руку къ козырьку штатской фуражки, пригласилъ насъ внизъ закусить. Видъ Истомина невольно вызывалъ смѣхъ. Штатское платье, въ которое я его нарядилъ, сидѣло на немъ какъ мѣшокъ, тѣмъ не менѣе это не препятствовало ему сохранять строго военную выдержку. Появляясь, напримѣръ, въ каютѣ съ блюдомъ, онъ на нѣсколько мгновеній останавливался на порогѣ, чтобы «перемѣнить ногу», если вступилъ въ каюту не съ лѣвой ноги, и затѣмъ уже приближался къ столу такой походкой, какъ-будто являлся на ординарцы; поворачивался онъ не просто, а «направо» или «налѣво кругомъ» и затѣмъ уже тѣмъ же церемоніальнымъ маршемъ исчезалъ въ дверяхъ своего миніатюрнаго буфета. За ужиномъ нѣсколько рюмокъ джина разсѣяли нашу задумчивость и завязался оживленный разговоръ, конечно, на тему о нашемъ далекомъ плаваніи и о возможныхъ послѣдствіяхъ нашей экспедиціи. Къ полуночи началась чувствоваться легкая качка и накрапывалъ мелкій дождь. Мы вышли на палубу; впереди былъ видѣнъ огонь Зимнегорскаго маяка, а въ 2 часа 50 минутъ пополуночи мы были на его траверзѣ и здѣсь измѣнили курсъ по направленію къ маяку Сосновецъ (NO ½ O). Во теракѣ ночи, въ разныхъ мѣстахъ свѣтилось значительное количество огней отличительныхъ судовъ; по всей вѣроятности, это были поморскіе корабли, спѣшившіе въ Архангельскъ, на поморскую Маргаритенскую ярмарку, начинающуюся 1-го сентября. Интереснаго на верху было немного и сырая погода не располагала къ дальнѣйшему пребыванію на палубѣ; я спустился въ каюту, гдѣ мои спутники уже спали, убаюкиваемые

шумомъ пароходныхъ колесъ и мѣрнымъ, хотя еще незначительнымъ качаньемъ «Георгія». Въ буфетѣ было свѣтло; я заглянулъ туда—вижу Истоминъ перелистываетъ какую-то старую книжонку. При моемъ появленіи онъ вскочилъ съ табурета и вытянулся во фронтъ, лицо его было какъ-то особенно блѣдно.

— Отчего ты до сихъ поръ не ложишься?—спросилъ я.

— Не могу, ваше в—діе.

— Вѣдь уже четвертый часъ, скоро чай надо готовить.

— Нудко, в—діе.

— Развѣ тебя укачиваетъ?

— Такъ точно, укачиваетъ.

— Значитъ, если засвѣжѣетъ, такъ совсѣмъ свалишься?

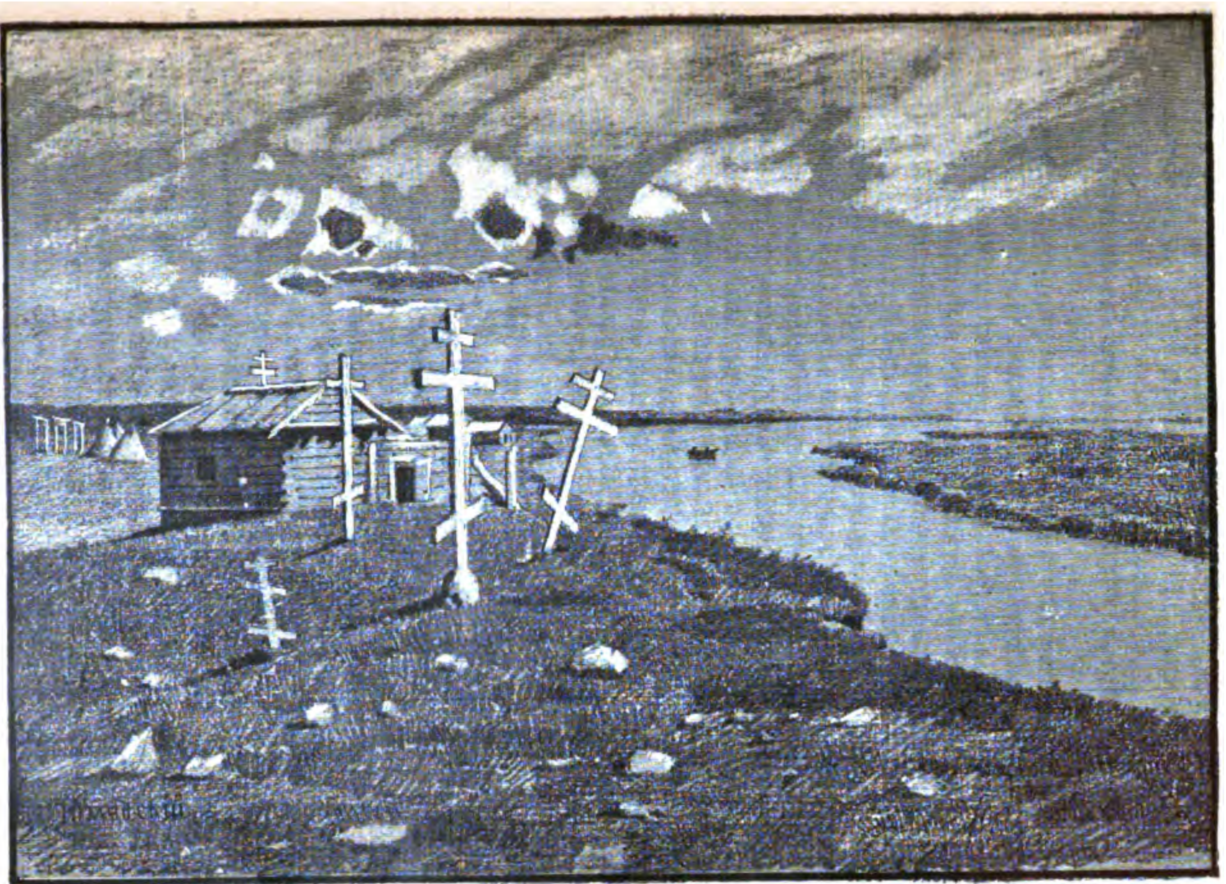
— Точно такъ, свалюсь, виноватъ, в—діе.

Въ это время, какъ нарочно, «Георгія» накренило сильнѣе обыкновеннаго и мой Истоминъ, потерявъ равновѣсіе, усѣлся на табуретъ; глаза его совсѣмъ помутились и онъ тутъ же принесъ морю первую жертву. Я далъ ему лимона и приказалъ ложиться. Между тѣмъ качка усиливалась и ея первоначальное пріятное убаюкиваніе смѣнилось несноснымъ переворачиваніемъ на нашихъ импровизированныхъ постеляхъ, подъ постояннымъ опасеніемъ свалиться на палубу. Проворочавшись безъ сна около двухъ часовъ и потерявъ надежду заснуть, я вышелъ на палубу и поднялся на мостикъ. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ; холодно и сыро; огромное волненіе валяло нашъ «Георгій» съ боку на бокъ. Капитанъ Нейманъ, укутанный въ огромную овчинную шубу, дремалъ на скамейкѣ кожуха, шатаясь всѣмъ корпусомъ изъ стороны въ сторону. Вслѣдъ за мной на верху показались и мои спутники. Было уже совершенно свѣтло и въ морѣ бѣлѣли, какъ чайки, паруса встрѣчныхъ судовъ, быстро скользившихъ по волнамъ, гонимые попутнымъ вѣтромъ, или какъ говорятъ поморы «повѣтромъ». Невдалекѣ отъ насъ шелъ однимъ съ нами курсомъ огромный англійскій грузовой пароходъ, корпусъ котораго то и дѣло исчезалъ за гребнями волнъ. Встрѣчныхъ и попутныхъ судовъ было много, такъ какъ въ это время года Бѣлое море чрезвычайно оживляется множествомъ судовъ идущихъ въ его порты и возвращающихся оттуда. Къ этому же времени, обыкновенно, оканчиваются рыбные промыслы поморовъ на Мурманскомъ берегу и мѣновая торговля съ Норвегіей, и масса всякаго рода поморскихъ судовъ, начиная крупными барками (трехмачтовые парусные корабли) и кончая утлыми ладьями, спѣшатъ возвратиться въ Поморье и въ Архангельскъ на ярмарку. Но намъ недолго предстояло идти въ обществѣ другихъ судовъ; за Канинской Землей мы должны вступить въ пустынный безбрежный Ледовитый океанъ и именно въ ту его часть, куда лишь изрѣдка заглядываетъ корабль или предпріимчиваго смѣлаго промышленника, или пытливыхъ людей науки. Въ пол-

день взяли курсъ на Орловскій маякъ. Съ утра сѣверный вѣтеръ началъ незначительно стихать и переходить къ востоку; тучи разнесло и установилась ясная погода, хотя термометръ Реомюра показывалъ всего лишь четыре градуса тепла. Около четырехъ часовъ пополудни вѣтеръ окончательно перешелъ къ востоку и засвѣжѣлъ. Скучное время абсолютнаго бездѣлья мы коротали за картами. Я взялъ съ собою порядочный запасъ книгъ, но благодаря моему слугѣ, доставлявшему на пароходъ мой багажъ, вмѣсто ящика съ книгами, оказался коробъ съ принадлежностями письменнаго стола. Въ половинѣ одиннадцатаго вечера пеленговали Орловскій мысъ и направились къ Канину Носу, взявъ курсъ на NNO½O. Небо было совершенно чистое, но восточный вѣтеръ засвѣжѣлъ еще больше и значительно увеличилъ качку. Не смотря на топившійся камелекъ, въ каютѣ было очень холодно, такъ что мы легли спать, нераздѣваясь, обставивъ себя всевозможными приспособленіями, чтобы не слетѣть съ дивановъ. Замѣчу, кстати, что начиная съ этой ночи намъ не приходилось раздѣваться во все время плаванія, исключая пребыванія въ Югорскомъ Шарѣ. Эта ночь прошла не совсѣмъ благополучно: въ машинѣ испортились помпы, а сильными размахами качки у колесъ разбило нѣсколько лопастей, разлетѣвшихся въ щепы отъ ударовъ объ волны. Исправленіе этихъ поврежденій требовало остановки, каковая была возможна только у Канинской Земли. Въ теченіе ночи я нѣсколько разъ просыпался отъ сильнаго крена парохода и выходилъ на палубу; море бушевало, жестокій восточный вѣтеръ, дувшій, говоря морскимъ языкомъ, почти прямо въ лобъ, гналъ навстрѣчу намъ огромныя волны и пронизывалъ до костей. Капитанъ почти безсмѣнно находился на мостикѣ, то и дѣло глядя на компасъ, и только изрѣдка сбѣгалъ внизъ, чтобы свѣриться съ картой или выпить стаканъ чая. Проведя всю свою жизнь въ далекихъ плаваньяхъ на иностранныхъ корабляхъ, Нейманъ очень плохо говорилъ по-русски, такъ что, не смотря на всѣ мои къ нему симпатіи, мы никогда не могли съ нимъ разговориться, такъ какъ я не владѣлъ ни нѣмецкимъ, ни англійскимъ языками, изъ которыхъ послѣднимъ Нейманъ владѣетъ превосходно, не говоря уже о его родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Укутанный въ свою овчину, Нейманъ помогалъ рулевому, такъ какъ въ такую погоду одному не легко управлять штурваломъ. Брызги отъ волнъ, ударявшихся въ корпусъ «Георгія», безпрестанно обдавали насъ густымъ дождемъ, а размахи качки были такъ велики, что не смотря на привычку и морскія ноги, на мостикѣ невозможно было стоять, не держась за поручни, или нактоузъ.

— А что, Нейманъ, хорошо?—спросилъ я капитана, когда огромная волна прокатила вдоль всей палубы.

— Нетъ карашо, парусно сутно луче, тамъ штормъ, арканъ (ураганъ) всё карашо.

Стаповище Хабарово, въ Югорскомъ Шарѣ.

— Если ужъ здѣсь не хорошо, что же мы будемъ дѣлать въ океанѣ?

— Я не знайтъ, будемъ плитъ, а машинъ нетъ, колеса нетъ— погибайтъ; о каспадинъ, я ошенъ, ошенъ много видалъ арканъ въ разный океанъ.

— Да я и самъ-то видѣлъ, но только не на буксирномъ колесномъ пароходѣ.

Нейманъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ. Около семи часовъ утра на сѣверо-востокѣ открылся Канинъ Носъ. Съ восходомъ солнца восточный вѣтеръ нѣсколько стихъ и волненіе уменьшилось. Въ 12 часовъ пополудни «Георгій» всталъ на якорь близъ берега Канина Носа, на глубинѣ 17 футъ. Высокій берегъ защищалъ насъ отъ восточнаго вѣтра и мы имѣли спокойную стоянку. Берегъ оказался совершенно безлюднымъ; нигдѣ не было видно ни одного живого существа, ни одного самоѣдскаго чума. Для исправленія поврежденныхъ помпъ и лопастей потребовалось около четырехъ часовъ; этимъ временемъ я воспользовался, чтобы спокойнымъ сномъ вознаградить себя за двѣ безсонныя ночи. Въ пятомъ часу вечера исправленія были окончены и мы снялись съ якоря. Вскорѣ вышли въ Ледовитый океанъ и, взявъ курсъ ONO½O, направились къ острову Колгуеву. Погода портилась все больше; восточный вѣтеръ и волненіе усиливались, пошелъ сильный дождь; плаваніе было несносное; всѣ мы маялись и безцѣльно то поднимались на верхъ, то снова сходили въ каюту. Единственнымъ развлеченіемъ былъ чай и отчасти карты. Не смотря на сильнѣйшую качку, съ Истоминымъ начали рѣже повторяться припадки морской болѣзни, и онъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ офиціантскихъ и камердинерскихъ обязанностей, временное исправленіе которыхъ было возложено на боцмана Стрѣлкова. Въ этотъ день у Истомина явилось желаніе учиться по-нѣмецки; съ этою цѣлью онъ обратился къ А. А. Геллерману съ просьбою написать нѣмецкую азбуку и объяснить произношеніе буквъ. Похвальное желаніе любознательнаго зырянина было тотчасъ же исполнено, и Истоминъ усердно занялся зубреніемъ нѣмецкаго алфавита. Около полуночи въ буфетѣ раздался сильный стукъ; мы бросились туда и нашли несчастнаго Истомина стоявшимъ на четвереенькахъ и напрасно старавшагося встать на ноги. Оказалось, что онъ такъ увлекся изученіемъ азбуки, что не замѣтилъ приближенія приступа морской болѣзни и, сразу почувствовавъ сильное головокруженіе, упалъ на палубу; тутъ же въ лужѣ изверженій плавалъ и листокъ съ нѣмецкимъ алфавитомъ. Истоминъ, увѣрявшій насъ, что совершенно освободился отъ морской болѣзни и освоился съ моремъ, былъ чрезвычайно сконфуженъ этимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Къ утру началъ спускаться густой туманъ, такъ что въ 7 часовъ утра мы были вынуждены уменьшить ходъ на половину,

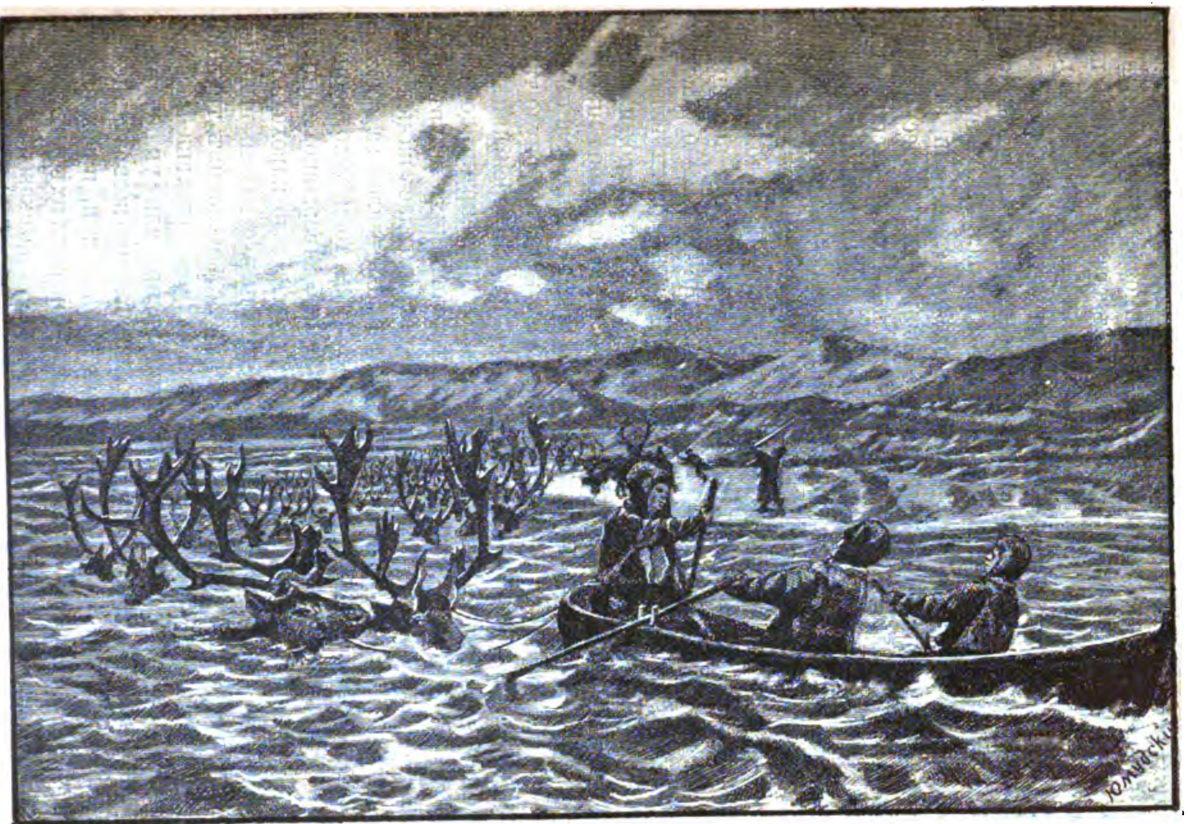
что еще болѣе увеличило качку. Въ полдень туманъ и тучи начало проносить, выглянуло солнце, и капитанъ воспользовался этимъ, чтобы сдѣлать первую обсервацію, но она не особенно удалась, такъ какъ горизонтъ былъ покрытъ туманомъ. Въ часъ пополудни открылся южный берегъ острова Колгуева. Восточный вѣтеръ доходилъ до степени шторма, и капитанъ рѣшился держаться ближе къ берегу Тиманской тундры, опасаясь въ открытомъ океанѣ потерять колеса и кожухи. Но намъ недолго удалось продержаться близь береговъ; густой туманъ вскорѣ заволокъ весь горизонтъ, и капитанъ былъ вынужденъ снова отойти мористѣе, такъ какъ плыть вдоль совершенно незнакомаго берега, при томъ же въ туманѣ, было болѣе рискованно, нежели штормовать въ океанѣ. Качка была ужасная, нигдѣ нельзя было отыскать мѣста, гдѣ было бы можно лечь или сѣсть спокойно. 20-го августа, на разсвѣтѣ, туманъ пронесло и «Георгій» снова приблизился къ берегу. Около 11-ти часовъ утра открылся мысъ Русскій Заворотъ. Мы шли на глубинѣ отъ 4-хъ до 6-ти саженей, а потому, опасаясь попасть на Печорскія кошки, удалились отъ береговъ и взяли курсъ на островъ Долгій, лежащій къ сѣверо-востоку. На этомъ переходѣ намъ пришлось выдержать настоящій штормъ, во время котораго боцманъ Стрѣлковъ едва не поплатился жизнью. Стрѣлковъ помѣщался въ лѣвой кожуховой каютѣ; въ ней было двѣ койки, расположенныя одна надъ другой; Стрѣлковъ, смѣняясь съ вахты, спалъ на верхней, а внизу лежали его вещи. Сильнымъ ударомъ волны вышибло въ каютѣ полъ и унесло въ море вмѣстѣ съ нижней койкой и вещами Стрѣлкова; самъ же Стрѣлковъ, очутившись висящимъ надъ водой, отдѣлался только испугомъ и холодной ванной. Весь этотъ день и почти всю ночь на 21-е августа насъ трепало немилосердно. О приготовленіи горячей пищи въ камбузѣ нельзя было и думать, и мы ограничивались лишь холодными закусками и чаемъ. Благодаря сильному туману, мы шли уменьшеннымъ ходомъ. Въ этихъ мѣстахъ Ледовитаго океана уже можно было ожидать встрѣчу съ льдами, наносимыми сюда восточными вѣтрами изъ Карскаго моря черезъ Югорскій Шаръ и Карскія Ворота.

Дувшій до того времени сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ началъ переходить къ юго-востоку и туманъ сгустился еще больше. Въ шестомъ часу утра, 21-го августа, туманъ началъ рѣдѣть, минутами выглядывало изъ-за облаковъ солнце и вскорѣ мы увидѣли въ направленіи къ сѣверо-сѣверо-востоку очертанія южной оконечности острова Долгаго. Разсчитывать на продолжительность ясной погоды было невозможно, такъ какъ туманъ наносило полосами: 15—20 минутъ совершенно свѣтло, а затѣмъ, вдругъ, густая пелена тумана непроницаемой мглой окутывала все видимое пространство; поэтому мы не рѣшились слѣдовать проливомъ между островами Долгимъ и Матвѣевымъ, а должны были обогнуть ихъ. Между тѣмъ буря по-

степенно утихала и барометръ началъ замѣтно подниматься. Въ половинѣ двѣнадцатаго открылся островъ Матвѣевъ, а ровно въ полдень мы его обогнули и, пользуясь ясной погодой, полнымъ ходомъ направились къ Югорскому Шару. Въ морѣ была небольшая зыбь и кое-гдѣ серебрились, освѣщаемые солнцемъ, небольшіе куски плавающаго льда. Эти льдины въ первое время привели насъ въ смущеніе, такъ какъ мы приняли ихъ за авангардъ густой массы полярнаго льда, но тщательный осмотръ горизонта успокоилъ насъ. Въ третьемъ часу пополудни показался едва замѣтный берегъ острова Вайгача. Вокругъ парохода то и дѣло показывались изъ воды головы тюленей и мелькали тутъ и тамъ морскіе зайцы. День установился прекрасный и благопріятное состояніе барометра давало намъ полную надежду безпрепятственно войти въ Карское море, тотчасъ же по окончаніи въ Югорскомъ Шарѣ необходимыхъ исправленій парохода и перемѣны воды въ котлахъ. Не полагаясь на правильность морскихъ картъ, капитанъ безпрестанно дѣлалъ промѣры; глубина колебалась между 7 и 19 саженями. По мѣрѣ приближенія къ Югорскому Шару берега материка и острова Вайгача все болѣе и болѣе сливались въ одну полосу и вскорѣ сдѣлалось невозможнымъ распознать входъ въ проливъ. Слѣдуя заранѣе проложеннымъ курсомъ, капитанъ былъ увѣренъ, что мы прямо идемъ въ проливъ, но для большей безопасности мы рѣшились справиться у самоѣдовъ, чумъ которыхъ виднѣлся близь берега. «Георгій» остановилъ машину и мы съѣхали на берегъ и направились къ чуму. Цѣлая стая самоѣдскихъ собакъ встрѣтила насъ оглушительнымъ лаемъ, вызвавшимъ самоѣдовъ изъ чума. Къ намъ вышелъ старикъ-самоѣдъ и трое дѣтей; увидя насъ, дѣти бросились бѣжать, а старикъ ввелъ насъ въ чумъ. Самоѣдъ не говорилъ по-русски и въ этомъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ услугамъ Истомина. Самоѣдъ сообщилъ, что то мѣсто, гдѣ стоитъ «Георгій» и есть начало пролива и что въ становищѣ Хабарово стоитъ какое-то парусное судно, а за нѣсколько дней до нашего прихода онъ видѣлъ въ морѣ пароходы. Всѣ эти свѣдѣнія были для насъ крайне интересны, и мы поспѣшили идти въ Хабарово, чтобы подробнѣе узнать объ этихъ пароходахъ, предполагая, что это были «Warna» и «Dyamphna». Прощаясь съ самоѣдомъ, я далъ ему пачку табаку и небольшую бутылку водки; этотъ неожиданный подарокъ привелъ его въ неописанный восторгъ, и онъ, не отводя бутылку отъ рта, тутъ же осушилъ ее. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на пароходѣ и двинулись дальше по зеркальной поверхности Югорскаго Шара. Справа тянулся безжизненный берегъ материка, а слѣва—угрюмый Вайгачъ. Мы медленно подвигались впередъ, не переставая дѣлать промѣры. Вскорѣ показались впереди огромное деревянное строеніе и мачты паруснаго судна, принятаго нами за «William Barentz». Обогнувъ небольшой мысокъ, «Георгій» бросилъ якорь близь ста-

новища Хабарово или Никольскаго. Тотчасъ же къ намъ подошла шлюпка съ двумя пассажирами; прибывшіе оказались норвежцами съ стоявшей тамъ норвежской шхуны «Haabet». Одинъ изъ нихъ былъ капитанъ шхуны, а другой повѣренный Сибирякова, наблюдавшій за постройкой въ Югорскомъ Шарѣ огромнаго амбара для склада товаровъ, назначенныхъ къ отправкѣ въ Сибирь. Амбаръ доставленъ въ Югорскій Шаръ въ разобранномъ видѣ изъ Тромсё въ Норвегіи и снова собранъ норвежскими рабочими. Повѣренный Сибирякова г. Грӧнбекъ, говорящій прекрасно по-русски, узнавъ о цѣлѣ нашего плаванія, сообщилъ намъ, что экипажъ парохода «Warna» на шлюпкахъ благополучно достигъ острова Вайгача и здѣсь былъ принятъ на бортъ случайно проходившими пароходами Сибирякова «Норденшильдъ» и «Обь», на которыхъ члены полярной экспедиціи и отправились въ одинъ изъ портовъ сѣверной Норвегіи. По сообщенію экспедиціи, ея пароходъ «Warna» былъ сломанъ льдомъ и пошелъ ко дну, пароходъ же датской полярной экспедиціи «Dyamphna» остался во льдахъ и объ его участи не было ничего извѣстно, точно такъ же какъ и объ участи «William Barentz». Получивъ эти свѣдѣнія, мы считали нашу миссію оконченною и рѣшили возвратиться обратно, какъ только окончимъ необходимыя исправленія. Грӧнбекъ и капитанъ «Haabet», ознакомившіеся съ рейдомъ становища, указали намъ наиболѣе удобную якорную стоянку. Вслѣдъ за норвежцами одна за другой начали приставать шлюпки съ самоѣдами и русскими промышленниками изъ Пустозерска, пріѣзжающими сюда на лѣто. Вскорѣ палуба «Георгія» переполнилась посѣтителями, засыпавшими вопросами насъ и команду. Съ берега пріѣхалъ еще одинъ норвежецъ Гай, уполномоченный купца, строившаго сибиряковскій амбаръ. Гай также довольно свободно говоритъ по-русски. Работы по сооруженію амбара приходили къ концу и норвежцы торопились скорѣе выбраться изъ Югорскаго Шара, чтобы въ немъ не зазимовать. Чтобы не терять времени на «Георгіи», тотчасъ же принялись за исправленія, разсчитывая на слѣдующій день пуститься въ обратное плаваніе. Погода стояла прекрасная, полнѣйшее безвѣтріе устраняло всякое опасеніе появленія льда изъ Карскаго моря. Промышленники настойчиво увѣряли насъ, что ледъ отогнанъ значительно восточнѣе Югорскаго Шара и что только сильный вѣтеръ можетъ пригнать его, но и то не раньше нѣсколькихъ дней. Мы положились на эти завѣренія старожиловъ и даже предполагали обогнуть восточный берегъ острова Вайгача и выйти въ Ледовитый океанъ черезъ Карскія Ворота. Въ пріятной надеждѣ на скорое возвращеніе, мы легли спать, пользуясь спокойной якорной стоянкой. За ночь погода сильно измѣнилась къ худшему; задулъ сѣверный вѣтеръ и пошелъ проливной дождь, временами вмѣстѣ съ снѣгомъ. Не смотря на отвратительную погоду, я все-таки рѣшился съѣхать

на берегъ осмотрѣть становище и пріобрѣсти отъ промышленниковъ шкуры бѣлыхъ медвѣдей и моржевые клыки. Взявъ съ собой Истомина, я на норвежской шлюпкѣ съѣхалъ на берегъ. Становище Хабарово состоитъ изъ нѣсколькихъ плохо сколоченныхъ избушекъ, служащихъ временнымъ пріютомъ для пріѣзжающихъ промышленниковъ. Между избушками врыты въ землю высокіе шесты съ перекладинами, на которыхъ развѣшаны шкуры бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей, промышленныхъ остающимися здѣсь на зиму самоѣдами. Кромѣ этихъ построекъ, тутъ же разбросанъ въ разныхъ мѣстахъ десятокъ самоѣдскихъ чумовъ. Нѣсколько въ сторонѣ выстроена небольшая часовенка, вся увѣшанная образами, жертвованными промышленниками. Въ часовнѣ на особомъ столикѣ положены разной величины восковыя свѣчи и стоимость ихъ обозначена мѣдными монетами, лежащими противъ каждаго сорта свѣчей. Иногда сюда пріѣзжаетъ изъ Пустозерска священникъ и совершаетъ въ часовнѣ богослуженія. Одинъ изъ промышленниковъ выбирается старостой часовни и завѣдуетъ жертвованными деньгами и выручаемыми отъ продажи свѣчей. Вправо отъ становища возвышается огромный деревянный амбаръ, о которомъ я упоминалъ выше. На берегу меня встрѣтилъ одинъ изъ промышленниковъ, Иванъ Александровичъ, фамилію его забылъ, и пригласилъ меня къ себѣ въ избу. Едва мы вошли въ комнату, какъ туда же начали собираться и другіе промышленники, а за ними пожаловали и самоѣды, вообще не упускающіе случая поглазѣть. Здѣшніе самоѣды почти не говорятъ по-русски и только нѣкоторые кое-какъ объясняются ломанымъ русскимъ языкомъ. За то всѣ русскіе промышленники и зыряне говорятъ по-самоѣдски, какъ настоящіе самоѣды. Между собой русскіе промышленники очень часто разговариваютъ по-самоѣдски, особенно если приходится имъ вести дѣла съ людьми незнающими самоѣдскаго языка. Во всемъ остальномъ мѣстные самоѣды почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ новоземельскихъ единоплеменниковъ; та же грязь въ домашней обстановкѣ и въ одеждѣ, та же склонность къ чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ. На сколько я успѣлъ ознакомиться съ самоѣдами въ Югорскомъ Шарѣ, они мнѣ показались значительно менѣе развитыми, нежели новоземельскіе. Граматнаго самоѣда здѣсь нѣтъ ни одного, тогда какъ на Новой Землѣ большинство самоѣдовъ читаетъ и пишетъ по-русски. Что касается благосостоянія и условій жизни, то и въ этомъ отношеніи самоѣды Югорскаго Шара уступаютъ новоземельскимъ. Мѣстные самоѣды находятся въ полной зависимости отъ эксплоатирующихъ ихъ русскихъ промышленниковъ и зырянъ, къ которымъ перешли почти всѣ самоѣдскіе стада оленей. Бывшіе владѣльцы обширныхъ стадъ въ настоящее время за самое ничтожное вознагражденіе служатъ у своихъ эксплоататоровъ въ качествѣ пастуховъ. Промышленники также

Переправа оленей черезъ Югорскій Шаръ.

нанимаютъ раззорившихся самоѣдовъ на зимніе промыслы бѣлыхъ медвѣдей, моржей, тюленей и пр. у береговъ Карскаго моря и Ледовитаго океана. Всю добычу они цѣликомъ представляютъ хозяевамъ, когда послѣдніе пріѣзжаютъ въ Югорскій Шаръ, получая взамѣнъ, иногда очень цѣнной добычи, самое ограниченное количество пороха и съѣстныхъ припасовъ. Въ тѣсной избушкѣ, переполненной народомъ, сдѣлалось нестерпимо душно и жарко, къ тому же и спицефическіе ароматы самоѣдскаго одѣянія доставляли весьма мало удовольствія, и я поспѣшилъ на воздухъ, чтобы окончить осмотръ становища. Не смотря на дождь, всѣ находившіеся въ избушкѣ промышленники и самоѣды гурьбой слѣдовали за мной. Выйдя изъ комнаты, мнѣ пришлось наблюдать интересное зрѣлище — переправу черезъ проливъ оленьихъ стадъ, пасшихся въ теченіе всего лѣта на островѣ Вайгачѣ и отправляемыхъ на зиму въ тундру. На берегу Вайгача была видна масса оленей, окруженныхъ самоѣдскими собаками; нѣсколько самоѣдовъ сѣли въ лодку, за кормой которой были привязаны два оленя. Какъ только лодка тронулась отъ берега, бывшіе на берегу самоѣды при помощи собакъ начали сгонять оленей въ воду. Въ проливѣ было довольно значительное волненіе и промышленники начали сомнѣваться въ успѣшности переправы. Такъ и случилось; когда стадо, плывшее за привязанными къ лодкѣ оленями, достигло средины пролива, одинъ изъ привязанныхъ оленей оторвался, а вслѣдъ за нимъ и другой, и оба повернули обратно къ Вайгачу, куда повернуло также и остальное стадо. Этимъ и окончились попытки переправить оленей черезъ проливъ и пришлось отложить переправу до болѣе благопріятной погоды. Купивъ нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ, я направился къ берегу; моя небольшая шлюпка оказалась на половину наполненной водою. Выкачавъ воду, Истоминъ взялся за весла, а я сѣлъ на руль. Волненіе было сильное, и мы то и дѣло черпали воду, то носомъ, то бортами; приходилось безпрерывно отливать воду изъ шлюпки; мы оба промокли до костей, а до парохода было не близко; почти на половинѣ пути обломались у нашей шлюпки обѣ уключины и насъ едва не опрокинуло. Съ большимъ трудомъ намъ удалось добраться до норвежской шхуны, стоявшей къ берегу ближе нашего парохода. На шхунѣ исправили уключины у шлюпки, и мы, промокшіе и прозябшіе, благополучно возвратились на «Георгій». Въ каютѣ я засталъ норвежскихъ гостей, пріѣхавшихъ приглашать насъ къ себѣ на шхуну, но мы уговорили ихъ остаться съ нами обѣдать. За обѣдомъ Грёнбекъ очень много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по Сибири и о плаваніяхъ съ профессоромъ Норденшильдомъ. По окончаніи постройки амбара, Грёнбекъ предполагалъ отправиться въ Обдорскъ на оленяхъ, ожидавшихъ его въ Югорскомъ Шарѣ. Въ то время какъ мы сидѣли въ каютѣ, вѣтеръ крѣпчалъ все больше и больше и къ вечеру достигъ почти степени

шторма отъ нордъ-оста. Температура сильно понизилась и въ темнотѣ можно было различать бѣлыя полосы льда, плывшія по проливу въ направленіи къ западу. Для предосторожности отдали второй якорь и начали разводить пары, чтобы быть готовыми ко всякимъ случайностямъ.

Мы надѣялись уйти изъ Югорскаго Шара рано утромъ 23-го августа, но сбыться этимъ надеждамъ не пришлось. Около полуночи мы, сидя въ каютѣ, почувствовали довольно сильный толчекъ и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ дрожаніе всего парохода. О происхожденіи толчка нетрудно было догадаться даже въ первый моментъ; мы бросились на верхъ и глазамъ представилась слѣдующая картина: весь Югорскій Шаръ былъ переполненъ огромными льдинами, быстро и съ шумомъ несшимися отъ востока къ западу; ближайшая къ пароходу часть пролива также уже начала наполняться льдинами, изъ которыхъ одна съ силою ударилась о корпусъ «Георгія»; норвежская шхуна «Haabet» была почти со всѣхъ сторонъ окружена льдинами и сообщеніе съ нею сдѣлалось невозможнымъ. Капитанъ шхуны и Гай уѣхали съ парохода вскорѣ послѣ обѣда, а Грёнбекъ провелъ съ нами всю роковую ночь на 23-е августа. Положеніе колеснаго «Георгія» среди этой съ ревомъ движущейся массы полярнаго льда, съ минуты на минуту становилось все болѣе и болѣе критическимъ и неизбѣжность катастрофы вскорѣ сдѣлалась очевидною. Наибольшей силы штормъ достигъ около пяти часовъ утра 23-го августа; быстрое теченіе изъ Карскаго моря и жестокій нордъ-остъ гнали по проливу огромнѣйшія льдины, громоздившіяся одна на другую и съ страшнымъ шумомъ разбивавшіяся другъ о дружку. Въ пятомъ часу утра якорныя цѣпи шхуны «Haabet» не устояли подъ напоромъ льда и шхуну начало дрейфовать и вскорѣ сорвало съ якорей и понесло къ берегу; помочь «Haabet» мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ сами находились въ положеніи въ сто разъ худшемъ, нежели норвежцы, и съ минуты на минуту ожидали ихъ участи. Ровно въ 5 часовъ 15 минутъ утра лопнула цѣпь праваго якоря, и «Георгій» начало медленно сносить къ западу; черезъ четверть часа лопнула вторая цѣпь. Намъ остался одинъ исходъ для спасенія экипажа и парохода—это всѣми силами стараться выброситься на берегъ, въ противномъ случаѣ намъ угрожала неминуемая гибель, если бы «Георгій» унесло въ океанѣ вмѣстѣ со льдомъ. Въ пять съ половиною часовъ былъ поставленъ парусъ и машинѣ данъ полный ходъ. Не смотря на то, что послѣ первыхъ же оборотовъ колесъ ихъ лопатки обратились въ щепы отъ ударовъ о льдины, благодаря парусу и отчаянной работѣ, хотя и обломанныхъ колесъ, намъ удалось выброситься на песчаную мель, футахъ въ тридцати отъ берега. Наше положеніе было не изъ завидныхъ; значительное движеніе полярнаго льда наводило насъ на мысль о возможности

окончательнаго наступленія зимы; кромѣ того, тревожила насъ неизвѣстность въ какомъ состояніи корпусъ и машина «Георгія» послѣ стольких ударовъ о льдины. Но пуще всего насъ пугала возможность зимовки въ Югорскомъ Шарѣ, или возвращенія обратно сухимъ путемъ черезъ тундру, безъ теплой одежды для команды и достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Штормъ съ сильнымъ дождемъ и снѣгомъ продолжался до самаго вечера и масса льда самыхъ причудливыхъ очертаній не переставала двигаться нескончаемой панорамой передъ нашими глазами. Было особенно красиво, когда быстро несущаяся по проливу высокая льдина наскакивала на мель и съ сильнымъ трескомъ валилась въ воду вся ея надводная часть, поднимая цѣлую тучу брызгъ и мелкихъ ледяныхъ осколковъ. Когда въ насъ улеглось первое впечатлѣніе происшедшей катастрофы, было приступлено къ осмотру поврежденій. Къ нашему счастію всѣ они оказались исправимыми, имѣвшимися у насъ подъ руками средствами. Подводная часть «Георгія» почти не потерпѣла при аваріи и только въ одномъ или двухъ мѣстахъ были найдены незначительныя углубленія отъ ударовъ льда. Но чему больше всего досталось, такъ это лопастямъ. На обоихъ колесахъ не нашлось ни одной цѣлой лопасти и нѣкоторые желѣзные прутья колесъ были значительно согнуты. Весьма серьезную утрату составляла потеря обоихъ якорей, безъ которыхъ нельзя было и думать объ обратномъ плаваніи. Хотя у якорей и были буйки, по которымъ можно было отыскать ихъ мѣстонахожденіе, но могло случиться, что буйки могли быть сорваны и унесены льдомъ. Къ вечеру, протискиваясь между льдинами, пріѣхали къ намъ норвежцы и промышленники; первые такъ же, какъ и мы, были не особенно веселы при тогдашней неприглядной обстановкѣ и мрачномъ будущемъ. Часамъ къ восьми вечера штормъ началъ стихать и уровень воды въ проливѣ нѣсколько понизился, ледъ продолжалъ двигаться массою. Въ теченіе всей ночи и на слѣдующій день погода мало измѣнилась, хотя вѣтеръ и значительно стихъ, но ненастье, холодъ и ледоходъ продолжались. Въ надеждѣ на скорое окончаніе ледохода, было рѣшено на слѣдующій день приступить съ помощью самоѣдовъ къ выгрузкѣ парохода и затѣмъ пытаться сняться съ мели. Съ вечера были наняты самоѣды съ лодками для выгрузки угля, а съ ранняго утра 24-го августа на пароходѣ закипѣла работа. Если на «Георгіи» царила необыкновенная грязь во время нагрузки угля въ Архангельскѣ, то трудно описать, что творилось на немъ теперь. Угольная пыль проникала положительно всюду и черезъ нѣсколько времени «Георгій» казался какъ бы покрытымъ трауромъ. Изъ трюмовъ уголь выгружали въ лодки, а изъ нихъ уже на берегъ. Самоѣды работали вяло и требовали постоянныхъ понуканій. Въ этотъ день выгрузку продолжали до одиннадцати часовъ вечера. Ледоходъ не прекращался и

25-го августа. Опасаясь зазимовать съ «Георгіемъ» въ Югорскомъ Шарѣ и пропустить возможность своевременно возвратиться въ Архангельскъ, я объявилъ своимъ спутникамъ, что свои обязательства къ голландскому полярному комитету я считаю выполненными, а потому, если черезъ два дня окончательно не выяснится вопросъ о возможности снять «Георгій» съ мели и идти обратно, то я предприму путешествіе черезъ тундру и для этой цѣли послалъ нарочнаго къ самоѣдамъ, кочевавшимъ съ оленями въ 25 верстахъ отъ Хабарова, чтобы условиться съ ними насчетъ доставленія меня въ Пустозерскъ. За это спутники мои обрушились на меня цѣлымъ градомъ упрековъ, но, не смотря на это, я все-таки не оставилъ своего рѣшенія, которому, однако, не суждено было осуществиться. Въ ночь съ 25-го на 26-е августа замѣтили, что ледъ въ проливѣ остановился; мы не знали радоваться ли этому или нѣтъ, такъ какъ остановка льда могла быть для насъ и полезной и пагубной: въ первомъ случаѣ можно было ожидать обратнаго движенія льда въ Карское море, а во второмъ — даже легкій морозъ могъ сковать Югорскій шаръ ледяными оковами и оставить здѣсь «Георгій» на зиму. Къ утру 26-го августа ледъ пошелъ обратно изъ Ледовитаго океана въ Карское море; обратный ледъ шелъ уже не такою густой массой и самъ по себѣ былъ чрезвычайно рыхлый, разъѣдененный соленой водой океана. Въ Карскомъ морѣ ледъ необыкновенно прозраченъ и крѣпокъ, такъ какъ вода въ Карскомъ морѣ, благодаря впадающимъ въ него огромнымъ сибирскимъ рѣкамъ, чрезвычайно прѣсна и иногда употребляется для питья. Гуляя по берегу, на каждомъ шагу можно было наткнуться на большія глыбы льда, выброшенныя волненіемъ; ледъ былъ настолько рыхлый, что достаточно было неособенно сильнаго удара палкой, чтобы онъ разсыпался какъ кусокъ снѣга. Весь ближайшій къ становищу берегъ былъ усѣянъ обломками лопастей «Георгія». Одновременно съ выгрузкой угля исправлялись кожухи и лопасти подъ наблюденіемъ старшаго машиниста. Послѣ долгихъ поисковъ потерянныхъ якорей, капитану Нейману наконецъ удалось отыскать одинъ изъ нихъ и этимъ значительно облегчить снятіе «Георгія» съ мели. На другой день, 27-го августа, весь уголь былъ выгруженъ и капитанъ попробовалъ сняться съ мели; завезли якорь, развели пары и при помощи паруса разсчитывали двинуться съ мѣста. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сойти съ мели, «Георгій» началъ наконецъ медленно подаваться назадъ и черезъ нѣсколько минутъ подъ килемъ была уже значительная глубина. Всѣ вздохнули свободнѣе и на душѣ стало радостнѣе. Норвежцы сошли съ мели раньше насъ и тотчасъ же, какъ только увидѣли «Георгія» на свободной водѣ, пріѣхали насъ поздравлять. Сооруженіе амбара окончилось, норвежцамъ было необходимо спѣшить во-свояси, почему капитанъ «Haabet» усердно просилъ насъ выбуксировать его шхуну изъ

Югорскаго Шара въ океанъ. Во время аваріи «Георгія», норвежцы оказывали намъ не мало услугъ, такъ что мы охотно согласились исполнить ихъ просьбу. Количество льда въ проливѣ съ каждымъ днемъ все уменьшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростала надежда на скорый выходъ изъ Югорскаго Шара. Какъ только «Георгій» сошелъ съ мели, на него начали снова грузить уголь, явившійся единственной помѣхой немедленному плаванію. Въ этотъ день передъ вечеромъ на берегу раздалась учащенная пальба изъ ружей. Оказалось, что въ проливъ входятъ большіе карбасы промышленниковъ, пришедшихъ изъ устьевъ Печоры, чтобы забрать изъ Югорскаго Шара рабочихъ и продукты ихъ промысловъ. Съ карбасовъ также отвѣчали ружейными выстрѣлами. Карбасы, числомъ четыре, шли подъ парусами, медленно и осторожно пробираясь между льдинами. Все хабаровское населеніе высыпало на берегъ встрѣчать земляковъ и еще далеко отъ берега обмѣнивалось взаимными привѣтствіями съ прибывшими. Я также съѣхалъ на берегъ, чтобы узнать отъ пріѣхавшихъ о состояніи льда въ океанѣ. Пустозеры сообщили мнѣ, что море совершенно свободно отъ льда и только близь Вайгача плаваетъ еще значительное количество разбитаго льда. Прибывшіе карбасы провели въ пути отъ устьевъ Печоры до Югорскаго Шара болѣе мѣсяца, отстаиваясь отъ непогодъ и противныхъ вѣтровъ въ Хайпудырской губѣ и у острововъ Долгаго и Матвѣева. Между прибывшими находился ветеранъ-промышленникъ, много лѣтъ посѣщавшій Новую Землю, Вайгачъ и Карское море; этотъ старикъ сразу узналъ нашъ «Георгій» на которомъ онъ служилъ лоцманомъ, когда «Георгій» еще плавалъ по рѣкѣ Печорѣ, для которой и былъ построенъ, кажется, по заказу покойнаго М. К. Сидорова. Всѣ карбасы были сверху до низу загромождены всевозможнымъ скарбомъ самоѣдскаго домашняго обихода и провизіей для самоѣдовъ, остающихся на зимніе промыслы на Вайгачѣ и въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья Карскаго моря. На палубахъ тѣснились самоѣдскія семьи, тутъ же заливались громкимъ лаемъ десятки самоѣдскихъ собакъ, обрадованныхъ окончаніемъ необычнаго для нихъ путешествія. Съ прибытіемъ карбасовъ у промышленниковъ и самоѣдовъ появилась водка, первоначальные запасы которой давно уже истощились и въ послѣднее время они получали за разныя услуги небольшія порціи водки отъ насъ и отъ норвежцевъ. На берегу въ становищѣ царило полное оживленіе; въ избушкахъ промышленниковъ слышалась пѣсня, а изъ чумовъ доносилась брань перепившихся самоѣдовъ, отказавшихся въ этотъ вечеръ отъ погрузки угля. Рано утромъ, 28-го августа, команда «Георгія» снова приступила къ погрузкѣ угля на пароходъ; самоѣды же отсутствовали. Къ завтраку мы были приглашены на шхуну «Haabet», въ каютѣ которой гостепріимные норвежцы предложили намъ всѣ деликатесы ихъ морской провизіи

Катастрофа 22 августа 1883 г.

и напитковъ; щедрость эту можно объяснить только близкимъ возвращеніемъ домой, на что они очевидно разсчитывали, но какъ оказалось впослѣдствіи совершенно напрасно. Въ концѣ 1883 года я былъ въ Тромсё и посѣтилъ Гая; въ его семьѣ я встрѣтилъ гостепріимство полное скандинавскаго искренняго радушія. На вопросъ какъ онъ возвратился изъ Югорскаго Шара, Гай отвѣчалъ, что они съ завистью смотрѣли на удалявшійся «Георгій», а имъ пришлось, благодаря противнымъ вѣтрамъ, почти шесть недѣль безцѣльно бороздить негостепріимныя воды Ледовитаго океана. Во время этого полуторомѣсячнаго плаванія норвежцы терпѣли недостатокъ въ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ. Тутъ я шутя напомнилъ Гаю объ ихъ роскошномъ завтракѣ въ Югорскомъ Шарѣ. «О это ничего, возразилъ Гай, за то мы васъ все время вспоминали съ благодарностью за вашъ чай, который вы намъ подарили». На «Haabet» мы провели время до вечера, а затѣмъ вмѣстѣ съ хозяевами перешли къ намъ на «Георгій». На палубѣ мы застали почти всѣхъ пустозеровъ-хозяевъ, явившихся съ предложеніемъ различныхъ продуктовъ. Тутъ же жались и самоѣды, спрятавъ руки подъ малицу и какъ-то безучастно глядя на все окружающее. Пустозеры наперерывъ предлагали намъ различные вопросы, начиная съ политики и кончая существовавшими въ Архангельскѣ цѣнами на различные припасы. Больше всего интересовали ихъ архангельскія цѣны на хлѣбъ. Хлѣбъ, сплавляемый по рѣкѣ Печорѣ, для продажи въ Запечорскомъ краѣ Архангельской губерніи, обыкновенно, всегда дешевле хлѣба въ самомъ Архангельскѣ и остальныхъ уѣздахъ. Пустозеры, повидимому, отлично знали архангельскія цѣны, но имъ хотѣлось услышать ихъ отъ насъ, чтобы присутствующіе тутъ самоѣды убѣдились въ сравнительной дешевизнѣ продаваемаго имъ хлѣба. «Вотъ видите, самоѣдики,—обратился къ нимъ съ лукавой улыбкой одинъ изъ промышленниковъ,—въ Архангельскѣ-то хлѣбъ чуть не вдвое дороже нашего, а вы жалуетесь, что мы васъ обижаемъ, къ тому жъ и другой товаръ тамъ подороже нашего; послушайте, что господа говорятъ». На слова хитраго промышленника самоѣды ничего не отвѣчали и, переглядываясь между собой, вѣроятно, думали — ладно, братъ, болтай, знаемъ мы вашу дешевизну. Хотя кромѣ пары плохенькихъ моржовыхъ клыковъ, никто ничего у нихъ не купилъ, тѣмъ неменѣе избавиться отъ непрошенныхъ посѣтителей было не легко. Когда мы спустились въ каюту, вслѣдъ за нами одна за другой начали появляться малицы пустозеровъ, очень непринужденно и безъ всякаго приглашенія располагавшихся въ нашей тѣсной каютѣ. Волей-неволей пришлось угощать ихъ чаемъ и водкой. Особенно добросовѣстно угостился Иванъ Александровичъ, котораго уже утромъ нашли спящимъ богатырскимъ сномъ на машинномъ люкѣ. На слѣдующее утро погрузка угля была окончена; кожухи и колеса приведены снова въ вполнѣ

исправное состояніе, и «Георгій» былъ совершенно готовъ къ выходу въ море. 29-го августа намъ не удалось выйти изъ Югорскаго Шара, изъ опасенія поломать лопасти о плавающій въ проливѣ ледъ, и мы отложили отплытіе до слѣдующаго дня. Въ этотъ же день отправлялся въ путь и Грӧнбекъ, а еще черезъ нѣсколько дней предполагали оставить Хабарово и промышленники, уѣзжающіе отсюда частью на оленяхъ черезъ тундру, частью же моремъ на карбасахъ. Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ сентября людная хабаровская колонія должна была опустѣть до будущаго года. Остававшіеся въ становищѣ самоѣды при первыхъ же морозахъ начнутъ свои зимніе промыслы и также разбредутся изъ Хабарова. Я съѣхалъ на берегъ, гдѣ Грӧнбекъ хлопоталъ около своего своеобразнаго каравана, укладывая въ небольшія сани свой багажъ и провизію; самоѣды, нанятые Грӧнбекомъ, также разбирали и укладывали въ сани чу̀мъ, для ночлега и остановокъ во время предстоявшаго имъ длиннаго пути до Обдорска. Этотъ путь изобиловалъ всевозможными неудобствами, такъ какъ тундра еще не промерзла и приходилось ѣхать въ саняхъ прямо по болоту. На особыхъ саняхъ укрѣплена была небольшая лодка для переправы черезъ рѣки. Видя приготовленія къ осеннему путешествію по тундрѣ и слушая разсказы Грӧнбека объ испытанныхъ имъ раньше прелестяхъ подобныхъ путешествій, я въ душѣ былъ очень радъ, что не поторопился исполнить свое намѣреніе ѣхать въ Пустозерскъ на оленяхъ. Всѣ неудобства, испытанныя мною во время трепанія въ океанѣ нашего «Георгія», совершенно блѣднѣютъ при сравненіи ихъ съ лишеніями, сопряженными съ путешествіями по тундрамъ. Грӧнбекъ избралъ этотъ путь по необходимости, такъ какъ пароходы «Обь» и «Норденшильдъ» не могли проникнуть въ устья сибирскихъ рѣкъ, а на одномъ изъ этихъ пароховъ и долженъ былъ отправиться Грӧнбекъ. Погода съ утра стояла отвратительная; густой туманъ окутывалъ окрестности и нѣсколько разъ начинался проливной дождь, а въ промежуткахъ падалъ снѣгъ большими хлопьями. Туманъ не позволялъ наблюдать за состояніемъ льда въ проливѣ; вслѣдствіе этого, капитанъ Нейманъ нѣсколько разъ выѣзжалъ на шлюпкѣ, по возможности дальше отъ берега, и всякій разъ возвращался съ неутѣшительными свѣдѣніями: ледъ продолжалъ идти еще въ значительной массѣ. Тѣмъ не менѣе капитанъ рѣшилъ во что̀ бы то ни стало попытаться уйти въ море, о чемъ былъ предупрежденъ и капитанъ норвежской шхуны «Haabet». Вечеръ мы снова провели съ норвежцами и постарались раньше лечь спать, такъ какъ никто изъ насъ не разсчитывалъ на спокойный сонъ въ океанѣ. У всѣхъ насъ было одно желаніе поскорѣе возвратиться въ Архангельскъ, такъ какъ безцѣльное и бездѣятельное пребываніе въ Югорскомъ Шарѣ успѣло всѣмъ опротивѣть, а жизнь въ постоянномъ страхѣ за завтрашній день совсѣмъ не

располагала къ дальнѣйшему пребыванію въ немъ. Подъ вліяніемъ овладѣвшаго нами желанія поскорѣе выбраться изъ негостепріимнаго Югорскаго Шара, мы почти не думали способенъ ли «Георгій» послѣ выдержанной имъ во льду аваріи, благополучно совершить переходъ по океану, да еще въ такое позднее время года. Впрочемъ, и лучше что мы были свободны отъ этихъ сомнѣній, такъ какъ все равно не было другихъ средствъ доставить команду изъ Югорскаго Шара въ Архангельскъ. Только въ крайнемъ случаѣ, еслибы оказалось невозможнымъ снять «Георгій» съ мели, его экипажу предстояло бы совершить путешествіе черезъ тундру пѣшкомъ, а при нашихъ запасахъ одежды и провизіи едва ли многіе возвратились бы домой. А съ другой стороны не малая опасность грозила намъ въ томъ случаѣ, если бы на обратномъ пути «Георгію» пришлось не только снова выбрасываться на берегъ, но даже потерпѣть аварію, требующую посторонней помощи. Острова въ этой части Ледовитаго океана и тысячеверстное океанское восточное побережье Архангельской губерніи совершенно безлюдны, а поздней осенью нельзя разсчитывать встрѣтить на нихъ и случайныхъ обитателей-промышленниковъ. Откровенно говоря, эта мрачная перспектива представилась мнѣ уже по возвращеніи въ Архангельскъ, а во время плаванія, какъ это всегда бываетъ въ морѣ, я жилъ только настоящимъ, тотчасъ же забывая перенесенныя невзгоды и не думая о будущихъ опасностяхъ.

Ночью погода начала улучшаться; дождь совершенно прекратился, вѣтеръ стихъ и начало слегка морозить. Во вторникъ, 30-го августа, къ разсвѣту, паръ въ машинѣ былъ готовъ; оставалось только обождать пока разсѣется утренній довольно густой туманъ, чтобы сняться съ якоря. На палубѣ толпились пріѣхавшіе проститься съ нами промышленники и самоѣды. Вскорѣ пріѣхалъ Грӧнбекъ и капитанъ шхуны «Haabet», чтобы окончательно сговориться относительно буксировки. На берегу виднѣлась вереница нагруженныхъ самоѣдскихъ саней, у которыхъ уныло стояли упряжные олени, предчувствуя дальнюю дорогу и съ лаемъ суетились собаки — это былъ караванъ Грӧнбека, совершенно готовый тронуться въ путь. Капитанъ «Haabet» вскорѣ простился съ нами и возвратился на шхуну, на палубѣ которой видна была оживленная дѣятельность команды, приводившей такелажъ въ окончательную готовность къ обратному продолжительному океанскому плаванію. Въ шестомъ часу утра туманъ начало проносить и изъ-за небольшихъ облаковъ показалось солнце, освѣтившее своими лучами, покрытые серебристымъ инеемъ, оба берега пролива. Особенно красиво играли солнечные лучи на плывшихъ посрединѣ пролива ледяныхъ глыбахъ. Прекрасная, совершенно безвѣтренная погода способствовала общему радостному настроенію нашего экипажа; всѣ приняли праздничный видъ, позабывъ, со свойственной рус-

скому человѣку скоростью, всѣ невзгоды пережитыхъ дней. Русскіе промышленники поздравляли насъ съ благополучнымъ исходомъ нашихъ неудачъ и не скупились на обильныя пожеланія счастливаго плаванія и возвращенія въ Архангельскъ. Одни только самоѣды какъ-то тупо, безучастно смотрѣли своими узенькими глазами на все окружающее; невозможно было прочитать на ихъ плоскихъ лицахъ—жаль ли имъ разставаться съ нами и особенно съ норвежцами, къ которымъ они нѣсколько привыкли и отъ нихъ, какъ и отъ насъ, получили кой-какой заработокъ, или что другое чувствовалось подъ этими грязными малицами...

Не теряя благопріятнаго времени, распростившись и проводивши посѣтителей на берегъ, начали сниматься съ якоря. Послышалось мѣрное бряцаніе выхаживаемаго якорнаго каната; на норвежской шхунѣ раздавалась громкая команда капитана и черезъ нѣсколько минутъ, когда былъ поданъ буксиръ, изъ-подъ пароходныхъ кожуховъ, одинъ за другимъ, начали показываться пѣнистые гребни, поднимаемой колесами воды. Давать машинѣ полный ходъ оказалось еще невозможно, такъ какъ навстрѣчу попадалось значительное количество отдѣльно плавающихъ крупныхъ льдинъ; поэтому «Георгій» и за нимъ «Haabet» медленно пробирались между льдинами на середину пролива. Грёнбекъ, имѣя у насъ за кормой свою шлюпку съ гребцами-самоѣдами, оставался еще нѣкоторое время на палубѣ, а затѣмъ, обмѣнявшись взаимными пожеланіями счастливаго пути, съѣхалъ на берегъ. Команды нашего парохода и норвежской шхуны съ длинными шестами расположились по бортамъ обоихъ судовъ, отводя отъ нихъ встрѣчныя небольшія льдины, болѣе же крупныя должны были огибать, лавируя въ проливѣ, что было крайне неудобно, имѣя на буксирѣ парусное судно. Пока туманъ снова не заволокъ береговъ, мы съ парохода могли видѣть напутствовавшихъ насъ Грёнбека и другихъ временныхъ обитателей Югорскаго Шара; на магазинномъ флагштокѣ развѣвался небольшой русскій флагъ, которымъ намъ салютовали съ берега. Также намъ было видно, какъ Грёнбекъ усаживался въ своемъ не особенно удобномъ экипажѣ и какъ тронулся въ путь его немногочисленный караванъ. Не долго пришлось намъ пользоваться свѣтлой погодой; быстро наступали сумерки короткаго полярнаго дня и горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался мглой; берега материка и Вайгача скрылись и намъ необходимо было торопиться выйти изъ льдовъ на свободную воду. Чѣмъ ближе мы подходили къ островамъ Долгому и Матвѣеву, тѣмъ рѣже попадались полосы плавающаго льда и вскорѣ, когда въ сумеркахъ показались очертанія этихъ островов, капитанъ Нейманъ старался поскорѣе выйти въ открытый океанъ и, при усилившемся волненіи, не считая удобнымъ продолжать дальнѣйшую буксировку шхуны «Haabet», предупредивъ объ этомъ ея капитана, приказалъ отдать буксиръ и, обмѣнявшись съ оставляемой шхуной прощаль-

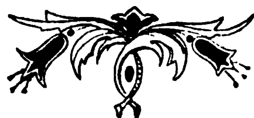
нымъ салютомъ флагомъ, нѣсколько измѣнилъ курсъ, чтобы обогнуть островъ Долгій и пройти между нимъ и Матвѣевымъ. На «Haabet» поставили паруса, и она вскорѣ скрылась изъ виду. Между островами кое-гдѣ виднѣлась бѣлая пѣна буруновъ и слѣдованіе этимъ курсомъ требовало большой осмотрительности и осторожности. Постоянные промѣры показывали наибольшую глубину въ четыре сажени, тогда какъ на морскихъ картахъ эти самые мѣста отмѣчены глубиною въ пятнадцать саженей и на нихъ нѣтъ ровно никакихъ указаній на присутствіе здѣсь подводныхъ камней, благодаря чему въ тихую погоду, когда не видно буруновъ, очень не трудно выскочить на эти камни. Вообще слѣдуетъ сказать, что гидрографія этихъ мѣстъ сильно страдаетъ; прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ дѣлались промѣры и описанія береговъ, а между тѣмъ въ послѣднее время, при начинающемся усиленномъ развитіи морскихъ торговыхъ сношеній европейскихъ рынковъ съ сибирскими, морской путь въ Сибирь пріобрѣтаетъ особое значеніе и требуетъ болѣе тщательнаго его изслѣдованія въ гидрографическомъ отношеніи. Благополучно пройдя проливомъ между островами въ открытый океанъ, мы встрѣтили свѣжій западный вѣтеръ и порядочную зыбь. Взяли курсъ на WSW $1/2$ W и направились прямо къ острову Колгуеву. Ночью спустился густой туманъ и иногда выпадали дождь и снѣгъ. Въ среду, 31-го августа, вѣтеръ перешелъ къ юго-западу и быстро свѣжѣлъ, разводя сильное волненіе. Качка сдѣлалась невыносимой, и мы спѣшили къ Колгуеву, чтобы за нимъ укрыться, опасаясь потерять кожухи колесъ. Весь день 31-го августа и ночь на 1-е сентября «Георгій» трепало немилосердно; мы оставались безъ горячей пищи, такъ какъ на плитѣ камбуза не было возможности удержать какую-либо посуду. Въ пятомъ часу утра сдѣлалось немного яснѣе. Опасаясь въ туманѣ выскочить на землю, мы были принуждены идти уменьшеннымъ ходомъ, что еще больше увеличивало размахи качки. Къ половинѣ восьмого горизонтъ нѣсколько очистился отъ тумана и не вдалекѣ отъ насъ показалась южная оконечность острова Колгуева; лотъ показывалъ глубину въ тридцать футъ. Благодаря быстро стихавшему вѣтру и значительно уменьшившемуся волненію, мы больше не нуждались въ прикрытіи острова Колгуева и въ девятомъ часу утра взяли курсъ на мысъ Канинъ. Послѣ полудня, небо сдѣлалось совершенно яснымъ, вѣтеръ окончательно стихъ и только небольшая зыбь напоминала о прошедшей бурѣ. «Георгій» бороздилъ послѣднія мили такъ недружелюбно насъ принявшаго Ледовитаго океана; за Канинымъ Носомъ открывается Бѣлое море, а въ немъ уже чувствуется легче и, войдя въ него, каждый изъ насъ вздохнетъ свободнѣе. Въ шесть часовъ вечера на горизонтѣ показался едва замѣтный контуръ Канина, а около трехъ часовъ утра, 2-го сентября, мы были на его траверзѣ и перемѣнили курсъ на Городецкій

маякъ. Дальнѣйшее плаваніе по Бѣлому морю прошло вполнѣ спокойно при хорошей погодѣ и ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Чѣмъ ближе мы подходили къ устьямъ Сѣверной Двины, тѣмъ радостнѣе дѣлалось настроеніе нашей команды; на палубѣ, по обыкновенію пустынной въ океанѣ, теперь толпилась почти вся наша команда; слышались смѣхъ, шутки, остроты. Наконецъ, 3-го сентября «Георгій» вошелъ въ Двину; попутный вѣтеръ позволилъ поставить парусъ. Покрытые зеленью двинскіе берега казались намъ роскошными южными пейзажами въ сравненіи съ недавно покинутыми угрюмыми берегами Вайгача и пустынной тундры. Въ два съ половиною часа пополудни «Георгій» застопорилъ машину и тихо подошелъ къ своей пристани въ Соломбалѣ; вся команда набожно крестилась; на всѣхъ лицахъ выражалась только одна радость и, сказать правду, было чему радоваться, такъ какъ безъ серьезныхъ опасеній трудно было надѣяться на благополучное окончаніе осенняго плаванія по Ледовитому океану на старомъ колесномъ буксирномъ пароходѣ. Въ Архангельскѣ же начали тревожиться о нашемъ долгомъ отсутствіи, такъ какъ тамъ, едва ли не на другой день послѣ нашего отплытія, сдѣлалось извѣстно о прибытіи въ Норвегію членовъ голландской полярной экспедиціи; пароходъ же Сибирякова, «Обь», мы застали въ Архангельскѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ позвращенія моего изъ этого плаванія, мнѣ снова пришлось качаться по волнамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, направляясь въ Норвегію, а оттуда также моремъ въ Голландію. Во время этой поѣздки я встрѣтился въ норвежскомъ городѣ Вардё съ датской полярной экспедиціей, тогда только-что возвратившейся изъ Карскаго моря на пароходѣ «Dyamphna», а въ Амстердамѣ познакомился съ нѣкоторыми членами голландской полярной экспедиціи съ погибшаго парохода «Warna». Здѣсь я вкратцѣ изложу интересныя подробности о пребываніи въ полярныхъ льдахъ обѣихъ экспедицій, записанныя мною со словъ ихъ начальниковъ, лейтенанта А. Ховгарда и доктора Снелленъ.

М. Робушъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЖИЗНЬ И ЛЮДИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

(Воспоминанія, наброски, переписка).

Посвящается Аннѣ Валеріановнѣ Назарьевой.

АДУМАВЪ вызвать изъ тумана былого времени нѣсколько особенно выдающихся образовъ, я менѣе всего желалъ бы занимать читателя своею собственной особой, такъ какъ мое прошлое не можетъ имѣть никакого интереса для публики, но избѣжать этого оказалось невозможнымъ и потому волей или неволей пришлось подчиниться необходимости.

Другое дѣло—люди, почему бы то ни было выдающіеся изъ общаго уровня, или особенно типичные и характеризующіе свое время, — тутъ всякая мельчайшая подробность можетъ имѣть значеніе и цѣну, этого мало, знакомство, даже случайная встрѣча, съ такими людьми, все это точно обязываетъ подѣлиться своими воспоминаніями съ обществомъ.

I.

А. М. Бутлеровъ [1]).

Мнѣ только-что минуло девять лѣтъ, какъ тетушка Варвара Алексѣева Нефедьева, по желанію отца, отвезла меня въ Казанскій пансіонъ для благородныхъ юношей А. С. Топорнина.

---

[1]) Александръ Михайловичъ Бутлеровъ, профессоръ Спб. университета и академикъ, род. въ г. Чистополѣ, Казанской губ., 25-го августа 1828 г., скончался 5-го августа 1886 г. въ своемъ имѣніи с. Бутлеровкѣ, Спасскаго уѣзда, той же губеріи. По окончаніи, въ 1849 г., курса въ Казанскомъ университетѣ, онъ въ

Тетушка представляла типъ старой дѣвицы, замѣчательно образованной по тому времени и существовавшей на Божьемъ свѣтѣ единственно для того, чтобы во всякое время года, дня и ночи, не взирая на зимнія мятели, или весеннюю распутницу, быть въ постоянной готовности по первому призыву хлопотать и скакать по дѣламъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, не спать ночей возлѣ постели больного, или умирающаго, готовить приданое для одной изъ безчисленныхъ племянницъ, провожать слѣпую сестру къ извѣстному казанскому окулисту, готовить въ гимназію отбившагося отъ рукъ племянника, по цѣлымъ годамъ долбить съ нимъ русскую или французскую грамматику и внушать, что островъ есть часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою; скакать въ Самару, Пензу, даже въ Москву, по дѣламъ брата, вдругъ ни съ того, ни съ другого, пожелавшаго заложить имѣніе въ Опекунскій Совѣтъ. Ничего для себя, все для близкихъ, то-есть родныхъ — это была единственная цѣль всей довольно продолжительной жизни тетушки. Около нея собирались въ годовые праздники; она служила единственной вполнѣ надежной и крѣпкой связью для цѣлой массы родственниковъ, сближала, прекращала, то и дѣло, возникавшія междоусобія и ссоры, ее высоко цѣнили и она этого заслуживала.

Отецъ, уже пожилой вдовецъ, рѣшилъ, что меня необходимо отправить въ ученье (какъ тогда выражались). Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, а тетушка уже сидѣла въ своемъ несокрушимомъ тарантасѣ домашней работы, рядомъ съ такой же, какъ и она, старой дѣвой горничной Грушей, преданной на жизнь и на смерть и, звоня почтовымъ колокольчикомъ, умчала меня изъ деревенскаго затишья.

Въ 40-хъ годахъ Казань представляла единственный центръ просвѣщенія и цивилизаціи для всего широкаго Приволжья; туда отправляли дѣтей помѣщиковъ и важныхъ чиновниковъ, туда же везли сотни дворовыхъ мальчиковъ для обученія всякому мастерству. Казанскіе профессора, доктора и учебныя заведенія, пользо-

---

1851 г. защитилъ диссертацію на степень магистра химіи; въ 1854 г. признанъ Московскимъ университетомъ докторомъ химіи и физики. Изъ ученыхъ трудовъ Бутлерова «Введеніе къ полному изученію органической химіи» считается классическимъ. Множество статей его по химіи разсѣяны въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Кромѣ химіи, Бутлеровъ занимался пчеловодствомъ. Его сочиненіе «Пчела, ея жизнь и основы правильнаго пчеловодства» разошлось болѣе, нежели въ 30,000 экземплярахъ, а брошюра «Какъ водить пчелъ» въ 20,000 экземплярахъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, началъ выходить основанный имъ первый русскій органъ по пчеловодству «Русскій пчеловодный листокъ». Бутлеровъ извѣстенъ также, какъ искренній и горячій приверженецъ изслѣдованія явленій спиритизма и медіумизма. По этому предмету имъ помѣщено въ журналахъ много статей, которыя послѣ его смерти изданы отдѣльной книгой. Ред.

вались непоколебимымъ авторитетомъ и славой наравнѣ съ казанскими каретниками, кузнецами и столярами. Дальше Казани, лучше Казани, никто ничего не зналъ и не хотѣлъ знать,—а въ то патріархальное время никому и во снѣ не снилось, что когда-нибудь обитатель Симбирска, или Самары, только мелькомъ, издали, съ палубы парохода, броситъ равнодушный взглядъ на бывшую столицу всего Приволжья, чтобы миновать ее и какъ можно скорѣе попасть въ Москву, Петербургъ, или за границу.

Не успѣлъ я опомниться, какъ уже очутился въ Казани, на Ѳедоровской улицѣ, въ мрачномъ домѣ, казарменной архитектуры, съ громадной вывѣской гласившей: пансіонъ для благородныхъ дѣтей Александра Семеновича Топорнина.

Мнѣ до сихъ поръ мерещится рядъ однообразныхъ комнатъ съ классной мебелью, громадными черными досками и пояснымъ портретомъ грознаго попечителя Казанскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, живо напоминавшимъ орла въ ученомъ мундирѣ, анфилада дортуаровъ, съ тѣсно прижавшимися другъ къ дружкѣ кроватями, длинный обѣденный столъ съ неизбѣжнымъ провинившимся ученикомъ на колѣняхъ возлѣ печки. Помню, аккуратно смѣнявшихъ другъ друга, надзирателей; круглаго и мягкаго, какъ булка, нѣмца, и поджараго, горбоносаго и юркаго барабанщика великой арміи, Роланда, прозваннаго «неистовымъ»; товарищей по пансіону, смотрѣвшихъ волчатами, насильно исторгнутыми изъ своихъ логовищъ съ береговъ Волги, Камы, Суры и даже Дона. Помню рѣдкіе, наводившіе неописанный ужасъ, наѣзды попечителя округа, рѣшительно не умѣвшаго говорить, какъ говорятъ обыкновенные люди, а только гремѣть такимъ потрясающимъ громомъ, что всѣ обитатели пансіона, начиная съ его содержателя Топорнина и кончая дворникомъ, мгновенно лишались употребленія языка и дрожали, какъ листья.

При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что изъ мрачнаго общаго фона картины, ярко выступали симпатичныя личности—Топорнина, неизвѣстно почему взвалившаго на себя тяжелую обязанность содержателя пансіона и нѣкоторыхъ преподавателей, хорошо относившихся къ ученикамъ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда мы попарно, съ «неистовымъ» Роландомъ во главѣ, возвратились отъ обѣдни, въ пріемную вошелъ почтенный благообразный господинъ, казанскій помѣщикъ Бутлеровъ, въ сопровожденіи очень похожаго на него мальчика, въ сѣрой курточкѣ, съ открытой шеей и большимъ отложнымъ воротничкомъ рубашки. Мальчикъ, точно предчувствуя бѣду, прижимался къ отцу и робко осматривалъ своихъ будущихъ товарищей. Послѣ обычныхъ переговоровъ, солидный господинъ удалился, а миловидный мальчикъ остался въ пансіонѣ, помѣстившись въ одной комнатѣ со мной.

Прежде всего навобранцу пришлось пережить тяжелый періодъ искуса, то-есть неизбѣжныхъ придирокъ, насмѣшекъ и потасовокъ со стороны необузданныхъ сыновъ Волги, Камы и Дона. Бутлеровъ переносилъ все это съ рѣдкимъ терпѣніемъ, никогда не жаловался, а его большіе сѣрые глаза все такъ же довѣрчиво смотрѣли на истязателей. При всемъ томъ истязанія продолжались, большинству невыносимо было добродушіе новаго товарища, его опрятность и порядочность. Самыми ярыми антагонистами Бутлерова оказались два брата, донскіе казаки, съ какой-то напускной гордостью носившіе пестрые архалуки и широчайшіе панталоны. Однажды, лихіе донцы, устроивъ засаду на черной лѣстницѣ, напали на Бутлерова, порѣшивъ заранѣе истребить или испортить его новенькій костюмъ, но къ счастью подоспѣлъ вѣрный дядька и донцы потерпѣли заслуженную кару. Я хорошо помню, что даже послѣ такой исторіи Бутлеровъ нисколько не измѣнилъ своихъ отношеній къ товарищамъ, оставаясь все такимъ же добродушнымъ, какъ въ первый день своего поступленія въ пансіонъ.

Вскорѣ въ натурѣ Бутлерова проявилась ранняя потребность дѣятельности. Его не удовлетворяло обычное приготовленіе уроковъ, онъ не мирился съ бездѣльемъ, и въ свободное время или въ праздники, когда другіе воспитанники не отходили отъ оконъ, наблюдая уличныя сцены, или выслушивая, бывшіе въ большомъ ходу, разсказы о волжскихъ и камскихъ разбойникахъ, онъ всегда находилъ себѣ занятіе, увлекаясь самыми разнообразными предметами.

Первымъ увлеченіемъ Бутлерова была страсть къ живописи— никто старательнѣе его не копировалъ носы и глаза. Затѣмъ онъ перешелъ къ масляннымъ краскамъ и, совершенно неожиданно для товарищей, написалъ образъ одного изъ апостоловъ, покрылъ лакомъ и повѣсилъ надъ кроватью. Съ своей стороны я былъ рѣшительно ошеломленъ произведніемъ Бутлерова и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы лишній разъ побывать въ спальнѣ и взглянуть на картину. Дѣло пошло еще дальше: Бутлеровъ обзавелся лампадкой, каждую ночь горѣвшей передъ образомъ... Въ первое время я то и дѣло просыпался, чтобъ полюбоваться на произведеніе моего товарища.

Нѣсколько времени спустя, у Бутлерова явилась новая страсть— онъ усердно возился съ какими-то склянками, банками, воронками, что̀-то таинственно переливалъ изъ одного пузырька въ другой, ему всячески мѣшалъ неугомонный Роландъ, зачастую отбиралъ склянки и пузырьки, ставилъ въ уголъ, или оставлялъ безъ обѣда непрошеннаго химика, но тотъ не унимался, пользуясь покровительствомъ учителя физики. Въ концѣ концовъ, въ углу, возлѣ кровати Бутлерова, появился крошечный, всегда запертый шкапчикъ, наполненный какими-то снадобьями и разнохарактерной посудой.

Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, когда воспитанники

шумно и весело играли въ лапту на просторномъ дворѣ, а «неистовый Роландъ» дремалъ на солнечномъ припекѣ, въ кухнѣ раздался оглушительный взрывъ... Всѣ ахнули, а Роландъ, прыжкомъ тигра, очутился въ подвальномъ этажѣ — гдѣ помѣщалась кухня. Затѣмъ передъ нами снова показался тигръ, безжалостно влачившій Бутлерова съ опаленными волосами и бровями, а за нимъ понуривъ голову шелъ дядька, привлеченный въ качествѣ сообщника, тайкомъ доставлявшаго матеріалы, необходимые для произведенія опытовъ.

Къ чести пансіона Топорнина слѣдуетъ замѣтить, что розги никогда не употреблялись въ этомъ заведеніи, но такъ какъ преступленіе Бутлерова выходило изъ ряда вонъ, то наши педагоги, на общемъ совѣтѣ, придумали новое, небывалое наказаніе. Раза два или три преступника выводили изъ темнаго карцера въ общую обѣденную залу, съ черной доской на груди, на которой крупными бѣлыми буквами красовалось «великій химикъ».

Страшный пожаръ, истребившій половину города, положилъ конецъ педагогической дѣятельности Топорнина. Пансіонъ закрылся, воспитанники разъѣхались по домамъ и я на долгое время потерялъ Бутлерова изъ виду. Мы снова встрѣтились съ нимъ, если не ошибаюсь, осенью 1847 года. Я только-что надѣлъ синій воротникъ и, не помня себя отъ восторга, шелъ по университетскому коридору и вдругъ наткнулся на плотнаго студента, съ страшно загорѣлымъ лицомъ — это былъ Бутлеровъ, только-что возвратившійся съ береговъ Каспійскаго моря, куда ѣздилъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдованій, съ однимъ изъ профессоровъ Казанскаго университета.

Передо мной былъ тотъ же добродушный, неизмѣнно ровный, всегда довольный собою и всѣмъ свѣтомъ, Бутлеровъ.

Послѣдовалъ длинный промежутокъ времени... въ концѣ 60-хъ годовъ, на Невскомъ, чьи-то сильныя руки обхватили меня сзади, оглядываюсь и вижу все тѣ же съ дѣтства знакомые, ясные, добрые, сѣрые глаза... Это былъ Бутлеровъ тотъ же Бутлеровъ, какимъ я зналъ его въ пансіонѣ Топорнина и въ Казанскомъ университетѣ. Пріютившись въ ближайшемъ ресторанѣ, мы весело припомнили прошлое: Казань, пансіонъ Топорнина, Роланда, надѣлавшій столько шуму взрывъ, и снова разстались, но уже съ тѣмъ, чтобы не встрѣтиться болѣе въ жизни.

Такимъ образомъ, мои мимолетныя отношенія къ Бутлерову ограничились нашимъ дѣтствомъ и отрочествомъ, но при всемъ томъ они укрѣпили во мнѣ убѣжденіе, что затѣмъ и уже въ теченіе всей остальной жизни я не встрѣчалъ человѣка, на которомъ такъ мало отразилась бы рука времени; Бутлеровъ профессоръ также живо напоминалъ мнѣ студента Казанскаго университета, какъ Бутлеровъ студентъ—невозмутимо добродушнаго самоучку художника и химика, моего товарища по пансіону Топорнина.

II.

А. И. Артемьевъ [1]).

Самымъ пріятнымъ временемъ года для воспитанниковъ пансіона было наступленіе лѣта и ваката... Ученье никому не шло въ голову... Каждый запасался кускомъ мѣла и гдѣ попало огромными буквами выводилъ: «Ура! ура! вакація пришла!» Даже Роландъ и тотъ, какъ будто, разнѣжился и на время утратилъ свое неистовство.

Замирая отъ нетерпѣнія, поджидалъ я отцовскаго камердинера, обыкновенно пріѣзжавшаго за мной на почтовыхъ въ старомъ, видавшемъ виды, тарантасѣ... Наконецъ экипажъ съ поднятыми вверхъ оглоблями стоялъ на дворѣ, а для меня не было большаго счастья, какъ хотя бы на минуту забраться подъ кожаный фартукъ и посидѣть на мягкихъ подушкахъ. Уже назначенъ былъ день отъѣзда, но тутъ къ моему великому огорченію Топорнинъ объявилъ мнѣ, что по желанію отца со мной поѣдетъ студентъ для занятій во время ваката.

Привели почтовую тройку; одѣтый по дорожному, сгарая отъ нетерпѣнія, сидѣлъ я въ тарантасѣ, когда къ подъѣзду подкатилъ извозчикъ съ ненавистнымъ для меня студентомъ и его крошечнымъ чемоданомъ. Это былъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ.

Мы тронулись въ путь, благополучно переправились черезъ Волгу и понеслись по широкой почтовой дорогѣ, съ такой быстротой, о которой въ настоящее время никто уже не имѣетъ понятія.

Умное, открытое лицо моего спутника, благородный, задумчивый видъ, все это говорило въ его пользу, я пріободрился и,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Артемьевъ родился въ 1820 г. Хвалынскѣ, гдѣ отецъ его служилъ виннымъ приставомъ и пользовался общимъ уваженіемъ. А. И. учился сперва въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Саратовской гимназіи и, наконецъ, Казанскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1841 году. Черезъ четыре года защитилъ на степень магистра диссертацію «О вліяніи варяговъ на славянъ». Былъ сперва помощникомъ, а съ 1844 года редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечаталъ множество разнообразныхъ статей по исторіи, географіи, статистикѣ и археологіи. Въ 1850 г. избранъ членомъ Археологическаго и Географическаго обществъ; въ 1851 г. переведенъ на службу въ Петербургъ, въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ занималъ должность старшаго редактора. Умеръ въ 1874 г. Изъ многочисленныхъ ученыхъ трудовъ Артемьева заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: «О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской», «Медальныя комиссіи при Екатеринѣ II», «Историческія рукописи Казанскаго университета», «Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ», «О народныхъ переписяхъ» и «Обозрѣніе трудовъ Имп. Русск. Географическаго Общества по исторической географіи». Кромѣ того, подъ редакціей Артемьева изданы «Городскія поселенія Россійской имперіи» и «Списки населенныхъ мѣстъ». Ред.

освоившись съ своимъ спутникомъ, окончательно успокоился за будущее.

Дѣло было въ началѣ 40-хъ годовъ, т. е. во время полнаго процвѣтанія крѣпостного права, когда радость и горе дворянской семьи, такъ или иначе, притворно, или искренно, раздѣлялись дворовыми людьми и крестьянами. Такимъ образомъ отсутствіе личныхъ интересовъ, въ безцвѣтной жизни крѣпостного человѣка, отчасти наполнялось интересами барской семьи и этимъ можетъ быть объяснено существованіе идеальныхъ и до самозабвенія преданныхъ слугъ.

Не успѣлъ тарантасъ остановиться у крыльца нашего стараго дома, очень похожаго на громадный ящикъ, обшитый тесомъ, какъ уже вся дворня и большая часть деревенскихъ стариковъ наполнили прихожую. Цѣлый часъ переходилъ я изъ объятій въ объятія — меня лобызали, пристально разсматривали, каждый дѣлалъ свои эзмѣчанія относительно того—выросъ я, пополнѣлъ или нѣтъ, и всѣ наперерывъ спѣшили поздравить отца съ моимъ пріѣздомъ. Тутъ, къ довершенію торжества, подкатилъ старомодный наглухо закрытый экипажъ, запряженный тройкой, когда-то сѣрыхъ, но уже побѣлѣвшихъ отъ старости коней, управляемыхъ коренастымъ кучеромъ, когда-то тоже молодымъ, а теперь уже старцемъ съ бѣлой, окладистой, далеко свѣтившейся издали, бородой. Два саженныхъ лакея съ неописаннымъ благоговѣніемъ бросились высаживать трехъ тетушекъ, уже пожилыхъ дѣвицъ (съ одной изъ коихъ я уже познакомилъ читателя), поспѣшившихъ къ радостной встрѣчѣ изъ своего имѣнія, отстоявшаго отъ насъ въ семи верстахъ.

Забытый среди общей суматохи, студентъ притаился гдѣ-то въ углу и молча наблюдалъ происходившую сцену. Наконецъ объ немъ вспомнили, его отыскали и на него какъ на гостя обрушилась вся масса расходившихся и незнавшихъ предѣла восторговъ. Отецъ, тетушки, домашняя прислуга, приставленный къ гостю лакей Порфирій, скромный, грамотный, въ высшей степени любознательный человѣкъ, завѣдывавшій отцовской библіотекой и конторой, все это горѣло желаніемъ чѣмъ-нибудь угодить пріѣзжему гостю. Въ первое время въ домѣ только и говорили о томъ, какъ почивалъ Александръ Ивановичъ, что будетъ пить чай или кофе, когда будетъ завтракать, поѣдетъ ли купаться и т. д.

Затѣмъ выступили сосѣди, они подхватили Александра Ивановича, то и дѣло присылали за нимъ лошадей, кормили на убой и настойчиво требовали, чтобы онъ принималъ живое участіе во всѣхъ торжествахъ и семейныхъ праздникахъ.

Напрасно въ высшей степени добросовѣстный Александръ Ивановичъ заговаривалъ о своихъ обязанностяхъ, какъ учителя, никто, начиная съ моего отца, не хотѣлъ и слышать о такихъ пустякахъ, у всѣхъ на умѣ было единственное желаніе, какъ можно болѣе

развлекать милаго гостя. Какъ на бѣду, на одномъ изъ именинныхъ обѣдовъ, выпивъ лишній бокалъ шампанскаго, Александръ Ивановичъ съ такимъ пафосомъ прочелъ «Полтаву» Пушкина, что чувствительныя барыни и барышни ахнули отъ восторга, пролили слезы умиленія и уже на все лѣто окончательно отвоевали очаровательнаго гостя у размашистыхъ помѣщиковъ, тянувшихъ его на кутежи и охоту.

Волей или неволей, гость безприкословно отдался одуряющему теченію привольной сельской жизни того времени, искренно вѣруя, что попалъ въ кружокъ простыхъ и добрѣйшихъ людей, не смущая себя анализомъ, а можетъ быть и не подозрѣвая, что добродушіе и хлѣбосольство окружающихъ прежде всего вызывается скукой и необходимостью чѣмъ бы то ни было наполнить массу празднаго времени.

Въ рѣдкіе дни, свободные отъ празднествъ и скачки по сосѣдямъ, Александъ Ивановичъ искалъ уединенія и съ книгой въ рукахъ удалялся въ тѣнистый палисадникъ, примыкавшій къ дому.

— Что̀ это вы читаете?—полюбопытствовалъ я, проходя мимо.

— А вотъ перечитываю Пушкина...

Въ первый разъ въ жизни услыхалъ я это имя.

— Можетъ быть хотите послушать—такъ садитесь возлѣ меня,— предложилъ Александръ Ивановичъ.

Меня сильно тянуло въ садъ, темной, зеленой тучей глядѣвшій по другую сторону улицы, отдѣлявшей его отъ дома. Я навѣрно зналъ, что какъ разъ въ это время садовникъ Агапъ Ивановичъ, выжившій изъ лѣтъ, злой-презлой и дрожавшій надъ каждой ягодой, гроза дворовыхъ и крестьянскихъ мальчиковъ, убрался въ свою сторожку и заснулъ сномъ праведника. Но любопытство взяло верхъ и я присѣлъ около своего наставника.

Началось чтеніе «Капитанской дочки»... я забылъ малину и вишни и до поздняго вечера просидѣлъ около Артемьева, упрашивая его продолжать. Съ этого достопамятнаго для меня дня, я уже съ нетерпѣніемъ поджидалъ той блаженной минуты, когда послѣ обѣда все затихало въ домѣ и мой наставникъ удалялся въ свой любимый уголокъ, подъ тѣнь густой сирени, съ Пушкинымъ въ рукахъ. Я ни на шагъ не отставалъ отъ него и на долгое время подчинился его исключительному вліянію—да и нельзя было равнодушно относиться къ нему.

Лѣто выдалось чудное, наступили теплыя, ясныя ночи съ полной луной среди звѣзднаго неба. Я хорошо помню одну такую ночь... Было свѣтло, какъ днемъ, я лежалъ съ открытыми глазами, чутко прислушиваясь къ легкому шелесту бумаги и скрипу пера, доносившимся изъ сосѣдней комнаты. Мнѣ было извѣстно, что мой сосѣдъ каждую ночь писалъ свой дневникъ... А между тѣмъ полный мѣсяцъ все выше и выше поднимался на синемъ небѣ.

Не было никакой возможности спать въ такую ночь... Меня такъ и подталкивало встать и заглянуть къ сосѣду... Наскоро одѣвшись, и не владѣя собой, я робко толкнулъ дверь. Маленькая комната сосѣда была залита ослѣпительнымъ блескомъ луны, въ раскрытое окно видны были спящее село, серебряная полоса рѣки и бѣлая колокольня на пригоркѣ...

Я неподвижно стоялъ на порогѣ, разсыпаясь въ извиненіяхъ, но сосѣдъ бросивъ перо, протянулъ мнѣ руку и предложилъ пройтись по саду. Мы вышли и до зари бродили въ густомъ, точно очарованномъ саду. Обыкновенно застѣнчивый, Александръ Ивановичъ говорилъ безъ умолку, декламировалъ стихи и крѣпко пожималъ мнѣ руку. Недоумѣвая, не понимая восторженнаго настроенія моего наставника, я въ то же время жадно прислушивался къ его голосу, ловилъ выраженіе его большихъ черныхъ глазъ, обращенныхъ къ небу и, какъ будто, чувствовалъ близость чистой, прекрасной души.

Въ то время мнѣ и въ голову не приходило, что мой наставникъ былъ первый, а можетъ быть и послѣдній, единственный въ своемъ родѣ романтикъ, съ которымъ я встрѣтился въ жизни.

Наши таинственныя ночныя прогулки повторялись не одинъ разъ и съ этого времени мы окончательно и надолго сблизились съ Артемьевымъ.

Быстро промелькнуло лѣто и наступилъ день отъѣзда... Пріѣхалъ священникъ и въ присутствіи неизбѣжныхъ тетушекъ, толпы дворовыхъ и крестьянъ, началъ напутственный молебенъ.

Подъ проливнымъ дождемъ слезъ, сопровождаемый причитаніями деревенскихъ старухъ, благими пожеланіями и совѣтами, я усѣлся въ тарантасъ рядомъ съ умиленнымъ наставникомъ, и мы скрылись въ облакѣ пыли.

Когда мы очутились въ полѣ, Александръ Ивановичъ далъ полную волю своимъ воспоминаніямъ о прошедшемъ лѣтѣ. Само собою разумѣется, что мои родные и сосѣди были опоэтизированы до послѣдней возможности. Тихій по характеру и романтикъ по природѣ, Артемьевъ болѣе былъ способенъ къ отвлеченному мышленію и созерцанію, чѣмъ къ рѣшенію практическихъ, чисто жизненныхъ вопросовъ. Въ немъ такъ сильно говорила потребность уважать, любить, что онъ способенъ былъ выдумывать хорошихъ людей, зачастую придавая имъ качества, которыхъ они не имѣли.

По возвращеніи къ обычной, безцвѣтной и суровой обстановкѣ школьной жизни того времени съ «неистовымъ Роландомъ», одичавшими за лѣто воспитанниками и вѣчнымъ, удручающимъ ожиданіемъ внезапнаго наѣзда и погрома со стороны попечителя округа Мусина-Пушкина, моя привязанность къ романтику перешла въ настоящую страсть, и я оживалъ только въ тѣ дни, когда онъ навѣщалъ пансіонъ Топорнина. Въ то же время наше сближеніе по-

селило во мнѣ небывалую, хотя и дурно направленную любовь къ чтенію. Я читалъ все, что попадалось подъ руку, былъ ли то «Выжигинъ», «Макробіотика» или «Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля» и не разъ жестоко платился за это, какъ въ пансіонѣ, такъ и въ университетѣ,—захватывая съ собою на скучнѣйшія, буквально усыплявшія студентовъ, лекціи римскаго, или естественнаго права, послѣднюю книжку «Отечественныхъ Записокъ» и погружаясь въ чтеніе до тѣхъ поръ, пока профессоръ не казнилъ меня въ присутствіи всей аудиторіи.

По окончаніи университетскаго курса по восточному факультету съ степенью кандидата, Александръ Ивановичъ приступилъ къ экзамену на магистра и, волей или неволей, долженъ былъ выдержать обязательный ученый диспутъ на полученіе этого званія.

Наконецъ наступилъ уже давно, со страхомъ и трепетомъ ожидаемый, какъ Артемьевымъ, такъ и мной, день диспута, почему-то состоявшагося не въ актовой залѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось, а въ шестой аудиторіи, куда я забрался едва ли не первымъ изъ публики, бывши уже студентомъ 1-го курса юридическаго факультета.

Къ 12-ти часамъ аудиторія была переполнена любопытными, каѳедру обступили ряды креселъ, занятыхъ высокопоставленными лицами и оппонентами, между которыми я тотчасъ же замѣтилъ длинную, зловѣщую фигуру профессора исторіи Иванова, исправлявшаго въ то время роль знаменитости Казанскаго университета на томъ основаніи, что каждый университетъ такъ или иначе обязанъ имѣть свою знаменитость. Въ сущности же, профессоръ Ивановъ выдавался только неподкупностью, крайней раздражительностью и страстью кому-нибудь насолить, кого-нибудь уничтожить. Но вотъ всѣ встрепенулись и приняли почтительныя позы въ ожиданіи грознаго попечителя Мусина-Пушкина, голосъ котораго подобно отдаленнымъ раскатамъ грома, послышался изъ коридора. Вотъ и онъ, какъ всегда величественный и болѣе похожій на полководца, обозрѣвающаго свои войска, нежели на блюстителя храма наукъ. Бросивъ направо и налѣво молніеносный взглядъ, онъ грузно опустился въ кресло, вооружился лорнетомъ и приготовился слушать, между тѣмъ какъ на каѳедру, точно на эшафотъ, робко и нерѣшительно взбирался блѣдный какъ полотно Артемьевъ.

Слабымъ, слегка дрожавшимъ отъ волненія, голосомъ произнесъ Александръ Ивановичъ нѣсколько напыщенную вступительную рѣчь, прочелъ тезисы и замеръ въ ожиданіи натиска противниковъ. Болѣе для проформы и декорума возражали профессора Фогель и Ковалевскій, но не успѣли они обмѣняться любезностями съ молодымъ ученымъ, какъ уже задыхаясь отъ нетерпѣнія и избытка желчи, скорѣе зарычалъ, нежели заговорилъ знаменитый профессоръ исторіи. Издали, въ лихорадочномъ состояніи, слушалъ

я то рѣзкій, по временамъ визгливый голосъ профессора, то мягкую едва слышную рѣчь обожаемаго Александра Ивановича и, испытывая сильный неудержимый приливъ жалости, закрылъ глаза, чтобы не видѣть смущенной, обиженной фигуры моего друга, облеченнаго въ новый фракъ и бѣлый галстухъ. Но въ концѣ концовъ все обошлось благополучно, грозному попечителю наскучило слушать слишкомъ затянувшійся ученый турниръ, онъ нетерпѣливо повернулся въ своемъ креслѣ, бросилъ молнію въ сторону желчнаго профессора, тотъ мгновенно притихъ и въ заключеніе указалъ даже на нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства диссертаціи. Послѣ этого попечитель величественно поднялся съ своего мѣста и торжественно поздравилъ Артемьева, а затѣмъ посыпались поздравленія со стороны профессоровъ и публики. Наконецъ и мнѣ удалось уловить счастливый моментъ, поймать Александра Ивановича въ темномъ коридорѣ и отъ души облобызать его.

Получивъ магистерскій дипломъ, Александръ Ивановичъ былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ помощника библіотекаря и въ то же время назначенъ редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Частенько навѣщалъ я потомъ Артемьева въ его убогой казенной квартирѣ при зданіи библіотеки, много напоминавшей монашескую келью, и въ этой-то темной кельѣ, не имѣвшей ни малѣйшаго признака удобствъ нашего времени, долго проживалъ одинокій труженикъ, погруженный въ свои изысканія и неутомимо рывшійся въ старыхъ фоліантахъ и архивахъ. Какъ настоящій отшельникъ знаетъ только дорогу изъ своей кельи въ церковь, также точно и вся жизнь Артемьева сосредоточивалась въ его крошечной каморкѣ и замѣчательной университетской библіотекѣ. Съ этого времени на страницахъ, еще недавно безсодержательныхъ, губернскихъ вѣдомостей то и дѣло появлялись историческія изслѣдованія, касающіяся Казани, болгаръ, и вообще всего Приволжья, но въ то же время на долю ученаго и романтика выпала тяжелая обязанность въ теченіе многихъ лѣтъ изощряться надъ описаніемъ всевозможныхъ официальныхъ торжествъ, встрѣчъ чудотворной иконы и высокопоставленныхъ лицъ изрѣдка навѣщавшихъ Казань.

Сколько разъ приходилось мнѣ заставать Артемьева за сочиненіемъ статей съ неизбѣжными слезами умиленія, и солнцемъ, вдругъ появившимся изъ-за набѣжавшихъ тучъ, чтобы освѣтить картину торжества. Нужно было обладать несокрушимой выносливостью людей того времени, чтобы въ теченіе многихъ лѣтъ мириться съ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился Артемьевъ, и при всемъ томъ сохранить священный огонь, любовь къ наукѣ, къ людямъ.

Познакомивъ меня съ Пушкинымъ, Артемьевъ былъ первымъ человѣкомъ, заговорившимъ со мной о Байронѣ и объяснившимъ

мнѣ его значеніе. Въ мрачной кельѣ отшельника не разъ происходило чтеніе «Донъ-Жуана» (на французскомъ языкѣ) какимъ-то чудомъ спасшагося отъ сожженія, къ которому, по словамъ Артемьева, предназначены были сочиненія Байрона, вмѣстѣ съ массой другихъ книгъ, казавшихся зловредными бывшему попечителю Казанскаго университета Магницкому.

Толчекъ, данный мнѣ Александромъ Ивановичемъ, не замедлилъ обнаружиться, какъ только въ университетѣ открылись литературныя бесѣды, на которыхъ студенты читали свои произведенія. Я горячо принялся за сочиненіе ходульной повѣсти изъ временъ Іоанна Грознаго и безсовѣстно надоѣдалъ своему бывшему наставнику, прочитывая ему каждый написанный листъ. Только не человѣческая доброта могла мириться съ такой назойливостью.

Прошло много лѣтъ... я потерялъ изъ вида Артемьева и только въ началѣ 60-хъ годовъ, бывши въ Петербургѣ, на вечерѣ у Степана Семеновича Дудышкина, случайно узналъ отъ Майкова, что скромный, замкнутый въ себя и никому неизвѣстный труженикъ живетъ въ Петербургѣ, работаетъ для науки, оцѣненъ по заслугамъ и назначенъ непремѣннымъ членомъ центральнаго статистическаго комитета.

Въ эту минуту я испыталъ радостное чувство, невольнымъ образомъ захватывающее человѣка, узнавшаго, что справедливость всетаки еще существуетъ на бѣломъ свѣтѣ.

III.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Въ запискѣ «О народномъ образованіи», представленной поэтомъ Пушкинымъ, въ 1826 году, императору Николаю Павловичу, между прочимъ говорится, что такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ вскорѣ сдѣлается новой отраслью промышленности для профессоровъ. «Экзаменъ, по мнѣнію Пушкина, походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною».

Справедливость требуетъ сказать, что такими услужливыми инвалидами, какъ нельзя болѣе, изобиловалъ Казанскій университетъ моего времени. Одни изъ нихъ исключительно занимались пропускомъ богатыхъ людей, другіе предлагали имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ и, такимъ образомъ, провожали дальше и дальше, изъ одного курса въ другой, до полученія аттестата.

При такомъ порядкѣ вещей невообразимые тупицы благополучно оканчивали курсъ университета, получая даже степень кандидата. Дошло до того, что кандидатъ математическаго факуль-

тета не выдержалъ экзамена изъ ариѳметики въ юнкера одного изъ гвардейскихъ полковъ и, какъ мнѣ помнится, никто не былъ особенно возмущенъ такимъ фактомъ. Къ удивленію моему, тоже самое явленіе встрѣчалось и въ позднѣйшее время и уже въ 60-хъ и 70-хъ годахъ мнѣ приходилось сталкиваться съ дѣйствительными студентами и кандидатами университета нисколько не причастными къ наукѣ, но причины, породившія такія случайности, уже не имѣли ничего общаго съ бывшей услужливостью инвалидовъ. Къ самымъ доступнымъ изъ инвалидовъ моего времени, оберегавшихъ заставу, принадлежалъ профессоръ эстетики и секретарь испытательнаго комитета. Это былъ добрѣйшій толстякъ въ синемъ фракѣ съ учеными пуговицами, обладавшій рѣдкимъ искусствомъ проводить окольными путями, домашнимъ образомъ и кое-какъ подготовленныхъ баричей, горѣвшихъ желаніемъ надѣть синій воротникъ. Такіе господа обязательно должны были или помѣститься у профессора-эстетика, или же брать у него уроки и, такимъ образомъ, заручиться его покровительствомъ.

Мнѣ и въ голову не приходила возможность поступить въ университетъ, а между тѣмъ профессоръ эстетики, послѣ поверхностнаго испытанія, нисколько не задумываясь, рѣшилъ, что поступить слѣдуетъ, не взирая на то, что мнѣ далеко еще не исполнилось 16 лѣтъ, такъ какъ это препятствіе можетъ быть устранено, если кто-нибудь изъ знакомыхъ замолвитъ словечко ректору университета.

И вотъ, недуманно-негаданно, я сталъ готовиться къ экзамену, помѣстившись въ мезонинѣ профессорскаго домика, рядомъ съ его кабинетомъ, нисколько не походившимъ на комфортабельные кабинеты ученыхъ нашего времени. Два маленькихъ окна безъ занавѣсъ бросали тусклый свѣтъ на стѣны, выкрашенныя охрой; къ одной стѣнѣ прилажено было три ряда досокъ, гнувшихся подъ грудой книгъ, покрытыхъ густымъ слоемъ пыли, около другой ютился жесткій диванъ, подъ которымъ пряталась отъ любопытныхъ взоровъ бутыль съ водкой, а между оконъ помѣщался небольшой столъ, заваленный бумагой и черновыми лекціями.

Возвратившись изъ университета, усталый профессоръ спѣшилъ облечься въ какую-то коцевейку, очень похожую на женскую и, вѣроятно, сдѣланную руками его красивой, но крайне суровой супруги, спѣшно и жадно съѣдалъ жирный обѣдъ и тотчасъ же удалялся въ свой скромный кабинетъ и, расположившись на диванѣ, поднималъ страшное, въ первое время пугавшее меня, храпѣніе. Затѣмъ онъ просыпался, пилъ чай, снова удалялся наверхъ, запирался на ключъ и уже до поздней ночи по своему блаженствовалъ, то-есть ставилъ на столъ бутыль съ водкой и, опаражнивая рюмку за рюмкой, все болѣе и болѣе вдохновляясь, готовилъ лекціи, или продолжалъ ученое сочиненіе, начатое имъ еще въ быт-

ность его профессоромъ Казанской духовной академіи. Далеко за полночь умолкалъ неистовый скрипъ расходившагося пера и вслѣдъ затѣмъ мезонинъ оглашался богатырскимъ храпѣніемъ профессора.

Однажды, въ обѣденное время, на крошечный дворикъ профессора бойко вкатилъ гнѣдой рысакъ, а затѣмъ въ прихожей показался молодой человѣкъ въ шинели военнаго покроя съ бобровымъ воротникомъ. Профессоръ эстетики мигомъ сбросилъ коцевейку и, очутившись въ ученомъ мундирѣ, повелъ гостя наверхъ, а покончивъ съ нимъ и возвратившись обратно сообщилъ, что пріѣзжалъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, желающій поступить въ Казанскій университетъ, съ просьбой подготовить его изъ русской словесности.

Вскорѣ начались уроки. Въ извѣстные часы графъ вмѣстѣ съ профессоромъ взбирался на мезонинъ и проходилъ въ кабинетъ. Изрѣдка я тоже присутствовалъ на этихъ урокахъ, сторонясь отъ графа съ перваго же раза оттолкнувшаго меня напускной холодностью, щетинистыми волосами и презрительнымъ выраженіемъ прищуренныхъ глазъ. Въ первый разъ въ жизни встрѣтился мнѣ юноша, преисполненный такой странной и непонятной для меня важности и преувеличеннаго довольства собою. Профессоръ все въ томъ же неизмѣнномъ полуженскомъ костюмѣ, нисколько не смущаясь присутствіемъ чопорнаго графа, тяжелыми шагами расхаживалъ по комнатѣ и зычнымъ голосомъ, точно въ аудиторіи, переполненной слушателями, разсказывалъ что-нибудь интересное изъ исторіи русской литературы. Онъ объяснялъ значеніе «Слова о полку Игоревѣ», какъ памятника дружиннаго эпоса, толковалъ о князѣ Курбскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, или, заливаясь смѣхомъ, передавалъ біографическія подробности о Третьяковскомъ; но охотнѣе всего и съ большимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о первомъ русскомъ ученомъ изъ мужиковъ, Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ. При этомъ еще быстрѣе шагалъ изъ угла въ уголъ, размахивалъ руками, дѣлалъ какіе-то странные жесты и вообще одушевлялся до такой степени, что могучая фигура Ломоносова въ моемъ воображеніи долгое время заслоняла собою остальныхъ знаменитостей отечественной литературы.

По окончаніи урока, графъ тотчасъ же удалялся, не проронивъ ни слова при прощаньи.

На экзаменъ графъ явился во фракѣ, въ сопровожденіи не то родственника, не то гувернера. Какъ и слѣдовало ожидать, все пошло какъ по писанному, добродушный инвалидъ не дремалъ и дѣлалъ свое дѣло. Исполняя обязанность секретаря испытательнаго комитета, онъ въ то же время зорко слѣдилъ за своими питомцами и въ критическую минуту съ своей обычной улыбкой являлся на выручку и заговаривалъ съ экзаменаторомъ. Строгое, казалось, не-

умолимое лицо послѣдняго тотчасъ же смягчалось, морщины сглаживались и между колегами начинался веселый разговоръ, послѣ котораго ставшій втупикъ питомецъ отпускался съ любезной улыбкой.

Отуманенный неожиданной и далеко незаслуженной честью носить синій воротникъ, я въ первое время ходилъ въ университетъ какъ на праздникъ и, вооруженный бумагой и перомъ для записыванія лекцій, которыхъ не понималъ, ранѣе другихъ являлся въ длинномъ коридорѣ.

Изрѣдка и только на лекціяхъ исторіи, обязательныхъ для всѣхъ факультетовъ двухъ первыхъ курсовъ (исключая медиковъ), сталкивался я съ графомъ, примкнувшимъ, не взирая на свою неуклюжесть и застѣнчивость, къ небольшому кружку, такъ называемыхъ, аристократовъ. Онъ едва отвѣчалъ на мои поклоны, точно хотѣлъ показать, что и здѣсь мы далеко неравны, такъ какъ онъ пріѣхалъ на рысакѣ, а я пришелъ пѣшкомъ.

Послѣ неудачнаго экзамена, графъ перешелъ на юридическій факультетъ, и, благодаря такой случайности, мы уже ежедневно встрѣчались въ коридорѣ. Съ тѣмъ же недоумѣніемъ и любопытствомъ продолжалъ я наблюдать надменную фигуру графа, вдобавокъ носившую на себѣ отпечатокъ раздраженія по случаю неудачнаго экзамена. Если не ошибаюсь, то въ это время пріѣхалъ въ Казань герцогъ Лейхтенбергскій и своимъ пріѣздомъ вызвалъ рядъ торжествъ и баловъ.

Съ своей стороны университетское начальство составило списокъ студентовъ долженствовавшихъ танцовать на балѣ у губернскаго предводителя. Въ этотъ списокъ попалъ и графъ Толстой, но послѣ отъѣзда герцога, когда воспоминанія о балѣ сдѣлались предметомъ оживленныхъ толковъ такъ называемаго аристократическаго кружка, графъ держался въ сторонѣ, не принимая никакого участія, а его товарищи видимымъ образомъ относились къ нему, какъ къ большому чудаку и философу. Наблюдая все это, я терялся въ догадкахъ, не зная какъ опредѣлить характеръ графа.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ, когда снова начались лекціи, я какъ-то запоздалъ на лекцію желчнаго профессора исторіи, всегда готоваго провалить студента, особенно изъ числа такъ называемыхъ аристократовъ и ловкихъ кавалеровъ, къ которымъ онъ питалъ замѣтную и нескрываемую ненависть.

Стою въ пустомъ коридорѣ у дверей аудиторіи, съ замираніемъ сердца прислушиваюсь къ плавной рѣчи профессора и думаю, какой же я получу нагоняй въ присутствіи массы студентовъ. Въ эту минуту къ той же двери подошелъ запыхавшійся отъ волненія, красный, съ каплями пота на лбу, взъерошенный болѣе обыкновеннаго, графъ. Между тѣмъ изъ глубины коридора быстрыми, неслышными шагами, съ зловѣщимъ, угрожающимъ

видомъ уже летѣлъ на насъ субъ-инспекторъ Зоммеръ. Нечего было медлить, я отворилъ роковую дверь, она мучительно заскрипѣла, и мы съ Толстымъ очутились въ громадной аудиторіи, стараясь незамѣтно проскользнуть на верхнія парты. Профессоръ бросилъ на насъ грозный взглядъ и съ еще болѣе напускнымъ паѳосомъ продолжалъ разсказъ о походѣ Іоанна Грознаго на Казань.

На другой день, въ 8 часовъ утра, я уже получилъ приказаніе явиться къ инспектору студентовъ.

Предчувствуя что̀-то недоброе, я пошелъ въ канцелярію университета и, выслушавъ строгій выговоръ за то, что опоздалъ на лекцію, въ сопровожденіи вахмистра, съ цѣлымъ рядомъ медалей на груди, отправился въ шестую аудиторію подъ арестъ.

Дверь захлопнулась... я остался одинъ въ огромной пустой комнатѣ, среди невозмутимой тишины, а оживленное, праздничное движеніе на Воскресенской улицѣ, еще болѣе увеличивало̀ тяжесть заключенія. Изнывая отъ скуки и бездѣлья, я постучался въ дверь и убѣдилъ сторожа отнести записку въ мою квартиру, находившуюся невдалекѣ отъ университета. Вскорѣ явился мой человѣкъ съ подушкой и книгами.

Нѣсколько успокоившись и устроившись на скамьѣ, я только-что принялся за чтеніе Лермонтова, какъ въ коридорѣ раздались чьи-то шаги, дверь отворилась и передъ глазами моими предсталъ графъ Толстой въ сѣрой шинели военнаго покроя. Его сопровождалъ тотъ же вахмистръ, но далеко болѣе вѣжливый, искательный и тотчасъ же разрѣшившій графу имѣть въ коридорѣ своего слугу для посылокъ.

Сбросивъ шинель и не снимая фуражки, не обращая на меня никакого вниманія, графъ быстро заходилъ взадъ и впередъ, заглядывалъ въ окна, растегивалъ и застегивалъ сюртукъ и вообще обнаруживалъ нетерпѣніе и недовольство своимъ глупымъ положеніемъ. До глубины души возмущенный такимъ поведеніемъ, я лежалъ закрывшись книгой, стараясь показать, что не замѣчаю присутствія графа. Онъ отворилъ дверь и громко, точно у себя въ квартирѣ, позвалъ слугу.

— Скажи кучеру (вѣроятно дожидавшемуся у подъѣзда), чтобы онъ проѣхалъ мимо оконъ,—приказалъ графъ.

— Слушаю!—отвѣчалъ вошедшій слуга, а недовольный графъ, расположился у одного изъ оконъ съ намѣреніемъ какъ-нибудь убить время.

Я продолжалъ читать, но, наконецъ, не выдержалъ и тоже подошелъ къ окну. Мимо насъ, по улицѣ, то шагомъ, то крупной рысью, вытянувъ впередъ руки, проносился кучеръ.

Мы перекинулись двумя-тремя словами относительно рысака, а часъ спустя уже вступили въ горячій, нескончаемый споръ, гдѣ

главную роль игралъ не предметъ, о которомъ спорили, а скорѣе какая-то странная, тотчасъ же всплывшая наружу вражда.

Десятки лѣтъ уже раздѣляютъ меня съ сутками проведенными глазъ на глазъ съ графомъ Толстымъ и, невольно съ каждымъ годомъ все болѣе подчиняясь вліянію его геніальнаго таланта, мнѣ Богъ знаетъ какъ бы хотѣлось припомнить каждое слово, сказанное имъ во время нашего невольнаго заключенія, но въ памяти уцѣлѣло только общее впечатлѣніе, общій смыслъ нашихъ разговоровъ. Помню, что замѣтивъ «Демона» Лермонтова, Толстой иронически отнесся къ стихамъ вообще, а потомъ, обратившись къ лежавшей возлѣ меня исторіи Карамзина, напустился на исторію, какъ на самый скучный и чуть ли не безполезный предметъ.

— Исторія,—рубилъ онъ съ плеча,—это ничто иное какъ собраніе басенъ и безполезныхъ мелочей, пересыпанныхъ массой ненужныхъ цифръ и собственныхъ именъ. Смерть Игоря, змѣя ужалившая Олега, что же это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21-го августа 1562 года, а четвертый на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской въ 1572 году,—а вѣдь отъ меня требуютъ, чтобы я задолбилъ все это, а не знаю, такъ ставятъ единицу. А какъ пишется исторія: все пригоняется къ извѣстной мѣркѣ, измышленной историкомъ. Грозный царь, о которомъ, въ настоящее время, читаетъ профессоръ Ивановъ, вдругъ, съ 1560 года изъ добродѣтельнаго и мудраго превращается въ безсмысленнаго, свирѣпаго тирана. Какъ и почему, объ этомъ уже не спрашивайте...—приблизительно въ такомъ родѣ разсуждалъ мой собесѣдникъ.

Меня сильно озадачила такая рѣзкость сужденій, тѣмъ болѣе, что я считалъ исторію своимъ любимымъ предметомъ.

Незамѣтно наступилъ вечеръ, графскій лакей принесъ свѣчи, въ углахъ аудиторіи царилъ мракъ, а во всемъ громадномъ зданіи университета какая-то подавляющая тишина.

Прижавшись въ уголъ и завернувшись въ шинель, я пожелалъ своему собесѣднику покойной ночи, но онъ рѣшительно воспротивился моему намѣренію, удивляясь какимъ образомъ можно спать на голыхъ доскахъ.

Дѣлать было нечего, и мы снова принялись спорить, а вся неотразимая для меня сила сомнѣній Толстого обрушилась на университетъ и университетскую науку вообще. «Храмъ наукъ» уже не сходилъ съ его языка. Оставаясь неизмѣнно серьезнымъ, онъ въ такомъ смѣшномъ видѣ рисовалъ портреты нашихъ профессоровъ, что при всемъ желаніи оставаться равнодушнымъ, я хохоталъ, какъ помѣшанный.

— А между тѣмъ,—заключилъ Толстой,—мы съ вами вправѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что̀ вынесемъ мы изъ университета. Подумайте и

отвѣчайте по совѣсти. Чтò вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню, на чтò будемъ пригодны, кому нужны?—настойчиво допрашивалъ Толстой.

Измученный безсонницей, я только слушалъ и упорно молчалъ.

Едва забрезжилось утро, какъ дверь отворилось—вошелъ вахмистръ и, раскланявшись, объявилъ, что мы свободны и можемъ расходиться по домамъ.

Толстой нахлобучилъ фуражку на глаза, завернулся въ шинель съ бобрами, слегка кивнулъ мнѣ головой, еще разъ ругнулъ храмъ и скрылся въ сопровожденіи своего слуги и вахмистра. Я тоже поспѣшилъ выбраться и вздохнулъ во всю грудь, отдѣлавшись отъ своего собесѣдника и очутившись на морозѣ, среди безлюдной, только-только просыпавшейся улицы. Отяжелѣвшая, точно послѣ угара, голова была переполнена никогда еще не забиравшимися въ нее сомнѣніями и вопросами, навѣянными страннымъ, рѣшительно непонятнымъ для меня товарищемъ по заключенію.

Такъ какъ мы съ Толстымъ были студентами юридическаго факультета—онъ перваго, а я второго курса, то на другой же день мы, волей или неволей, снова столкнулись въ коридорѣ. Меня такъ и подмывало возобновить вчерашній разговоръ, но стоило только взглянуть на неприступную, точно каменную фигуру графа, чтобы оставить такое намѣреніе и какъ можно скорѣе пройти мимо.

Въ послѣдній разъ встрѣтились мы на переводныхъ экзаменахъ, обыкновенно происходившихъ въ университетской актовой залѣ. Юристы первыхъ двухъ курсовъ, обезумѣвъ отъ страха, ожидали экзамена кровожаднаго профессора исторіи.

Вызываютъ графа Толстого, онъ подходитъ къ столу и беретъ билетъ, я пробираюсь какъ можно ближе и съ нетерпѣніемъ жду, что будетъ. Мнѣ любопытно было послушать, какъ отличится мой бывшій собесѣдникъ, котораго въ глубинѣ души я уже признавалъ выходящимъ изъ ряда вонъ.

Я могъ что-нибудь забыть, перепутать въ своихъ воспоминаніяхъ, но смутное сознаніе чего-то выдающагося, особеннаго и въ то же время непонятнаго, что заключалось въ графѣ Толстомъ, это сознаніе живо помнится мнѣ и я твердо увѣренъ, что не ошибаюсь въ этомъ.

Прошла минута, двѣ, нѣсколько минутъ. Я ждалъ съ замираніемъ въ сердцѣ, между тѣмъ какъ Толстой смотрѣлъ на билетъ, краснѣлъ и молчалъ. Ему предложили перемѣнить билетъ, съ которымъ повторилась та же исторія. Профессоръ тоже молчалъ, вперивъ въ студента насмѣшливый, ядовитый взглядъ. Разыгравшаяся передо мной тяжелая сцена кончилась тѣмъ, что графъ положилъ билетъ, повернулся и, не обращая ни на кого вниманія, не торопясь, направился къ выходнымъ дверямъ.

— Нуль, нуль, закатилъ нуль... шептались вокругъ меня.

Я потерялъ голову отъ волненія, а въ ближайшей группѣ аристократовъ, разодѣтыхъ точно на балъ и ожидавшихъ такой же участи, передавался слухъ, что какія-то дамы высшаго круга приступили къ профессору исторіи съ просьбой пощадить графа и тотъ торжественно обѣщалъ не ставить ему единицы.

— А вѣдь ловко нашелся — поставилъ нуль и правъ... ловко извернулся...—толковали студенты...

Я прислушивался къ насмѣшкамъ и остротамъ, сыпавшимся со всѣхъ сторонъ на голову Толстого, но въ глубинѣ души готовъ былъ поклясться, что онъ зналъ предметъ не хуже другихъ, могъ отвѣчать—и только не хотѣлъ... Почему поступилъ онъ такъ, а не иначе, чѣмъ было вызвано его упорное молчаніе—чрезмѣрной застѣнчивостью, или гордостью, этого я уже никакъ не могъ понять и объяснить себѣ.

Послѣ экзаменовъ я не встрѣчалъ болѣе Толстого въ Казани и уже лѣтъ 14—15 спустя неожиданно столкнулся съ нимъ на лѣстницѣ петербургскаго дома Краевскаго, на Литейной, гдѣ въ то время жили Панаевъ съ Некрасовымъ. Въ самыхъ дверяхъ квартиры Ивана Ивановича Панаева я столкнулся съ господиномъ въ шубѣ и артиллерійской фуражкѣ. Глаза наши встрѣтились и я тотчасъ же узналъ графа Толстого, тогда уже извѣстнаго писателя. Я остановился, какъ вкопанный, и слѣдилъ за нимъ, пока онъ не повернулъ въ улицу. Въ изящномъ кабинетѣ Панаева я нашелъ Некрасова въ халатѣ по случаю болѣзни, Гербеля въ уланскомъ мундирѣ съ красными отворотами, Языкова, и въ сторонѣ, всегда державшагося особнякомъ, Добролюбова. Между собесѣдниками шелъ оживленный разговоръ, предметомъ котораго былъ только-что покинувшій общество графъ Толстой.

— Какъ жаль, что опоздали... ну чтобы вамъ пріѣхать пораньше,—обратился ко мнѣ всегда и для всѣхъ одинаково привѣтливый и радушный Панаевъ.—Вотъ бы наслушались всякихъ чудесъ... узнали бы, что Шекспиръ дюжинный писака и что наше удивленіе и восхищеніе Шекспиромъ не болѣе, какъ желаніе не отставать отъ другихъ и привычка повторять чужія мнѣнія. Да-съ, это курьезъ... человѣкъ не хочетъ знать никакихъ традицій, ни теоретическихъ, ни историческихъ,—и между собесѣдниками снова завязался оживленный разговоръ о томъ же загадочномъ, давно уже непонятномъ для меня человѣкѣ.

Чѣмъ болѣе проявлялась громадная даровитость Толстого, тѣмъ болѣе интересовало меня все, что до него касалось. Я собиралъ малѣйшія подробности, а бывши въ Москвѣ, въ 1872 году, съ неописаннымъ интересомъ выслушивалъ С. А. Юрьева, самаго искренняго и горячаго почитателя графа, какъ человѣка и великаго писателя. Вмѣстѣ съ Юрьевымъ мы собрались навѣстить Толстого въ Ясной Полянѣ и только болѣзнь Сергѣя Андреевича помѣшала

исполненію нашего намѣренія. Между прочимъ, сколько мнѣ помнится, Юрьевъ, съ своей обычной восторженностью, говорилъ о невѣроятной легкости, съ которой давалось Толстому изученіе каждаго интересовавшаго его предмета, о его наблюдательности, крайней простотѣ образа жизни, о его значеніи, какъ педагога.

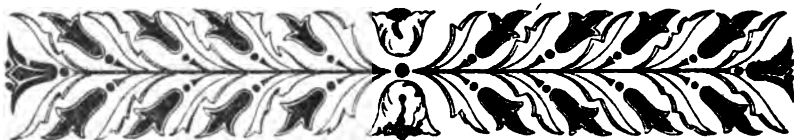
Такъ же интересовали меня продолжительныя бесѣды о Толстомъ съ однимъ весьма симпатичнымъ артилерійскомъ полковникомъ, вмѣстѣ съ которымъ я провелъ лѣто на Балтійскомъ морѣ близь Риги. Бывшій товарищъ Толстого по Севастополю съ видимымъ удовольствіемъ вспоминалъ о графѣ и времени проведенномъ съ нимъ въ одной батареѣ. Онъ даже узнавалъ себя въ одномъ изъ героевъ севастопольскихъ разсказовъ графа.

— Такъ скажу,—съ блаженной улыбкой повѣствовалъ старикъ,— Толстой своими разсказами и наскоро набросанными куплетами одушевлялъ всѣхъ и каждаго въ трудныя минуты боевой жизни. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, душой батареи. Толстой съ нами— и мы не видимъ, какъ летитъ время и нѣтъ конца общему веселью... нѣтъ графа, укатилъ въ Симферополь—и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій... Наконецъ возвращается... ну точь въ точь блудный сынъ,—мрачный, исхудалый, недовольный собой... Отведетъ меня въ сторону, подальше, и начнетъ покаяніе. Все разскажетъ, какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучится, какъ настоящій преступникъ... Даже жалко смотрѣть на него—такъ убивается... Вотъ это какой былъ человѣкъ. Однимъ словомъ, странный и, говоря правду, не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны, это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно.

Въ настоящую минуту, когда я двадцать разъ перечиталъ каждую строчку, написанную рукою графа Толстого, съ тѣмъ, чтобы снова перечитывать ихъ и вѣчно находить въ его твореніяхъ нѣчто новое, чего еще не замѣтилъ, пропустилъ, или не оцѣнилъ по достоинству, когда въ трудныя минуты жизни, въ дни полнаго уединенія и бушующей въ степи мятели, я хватаюсь за книгу Толстого, какъ за испытанное вѣрное средство, поднимающее угнетенное состояніе духа, мнѣ все кажется, что я уже давнымъ давно знакомъ съ нѣкоторыми мыслями и убѣжденіями великаго писателя и когда-то слышалъ что̀-то похожее, въ слабыхъ едва уловимыхъ намекахъ, отъ моего товарища по заключенію въ шестой аудиторіи Казанскаго университета.

В. Назарьевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОЛТАВСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Ъ НАСТОЯЩЕМЪ году, 6-го декабря, исполнится пятьдесятъ лѣтъ съ открытія Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса.

Это заведеніе уже имѣетъ свою исторію. Въ теченіе полувѣка, оно успѣло перейти отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, съ тѣмъ, чтобы, спустя двадцать лѣтъ, опять стать поближе къ прежнему строю кадетскихъ корпусовъ.

Пока, однакожъ, о Полтавскомъ корпусѣ написано немного и, притомъ, почти исключительно его учителями и воспитателями [1]).

Имѣя это въ виду и полагая, что для вѣрнаго и цѣльнаго представленія о внутреннемъ бытѣ каждаго, въ особенности же закрытаго, заведенія, могутъ оказаться далеко не лишними воспоминанія его прежнихъ питомцевъ, нѣсколько бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса выразили намѣреніе подѣлиться съ своими однокашниками тѣмъ, что сохранилось въ ихъ памяти о заведеніи, въ стѣнахъ котораго, для многихъ изъ насъ, прошла лучшая пора юношескаго возраста.

Принадлежа къ Полтавскимъ кадетамъ первыхъ выпусковъ, я попытаюсь передать о корпусѣ, что помню за время моего въ немъ воспитанія, съ 1842 по 1847 годъ.

---

[1]) Гг. Зайцевымъ («Русская Старина» 1887 г., іюнь), Павловскимъ («Русская Старина» 1886 г., т. XII) и И. Р. Тимченко-Рубаномъ («Истор. Вѣстн.» 1890 г. № 6—8).

I.

Начну съ давнишней истины, въ силу которой: чтобы оцѣнивать—нужно сравнивать, а чтобы сравнивать—необходимо имѣть подъ рукою не отдѣльно-взятые случаи, а цѣлый рядъ жизненныхъ наблюденій.

Мнѣ каждый разъ вспоминается это всѣмъ извѣстное, но часто забываемое, правило, когда заходитъ рѣчь о старыхъ кадетскихъ корпусахъ. Объ нихъ существуетъ множество устныхъ разсказовъ и довольно обширная литература, ознакомившись съ которыми, однакожъ, нерѣдко встрѣчаешься съ совершенно противоположными взглядами на эти заведенія, даже и тогда, когда они высказываются одними и тѣми же лицами. Происходитъ это, вѣроятно, потому, что большинство этихъ мнѣній, составляясь подъ давленіемъ минуты, не могло быть достаточно откровеннымъ и на столько спокойнымъ, чтобы, не довольствуясь частностями, принимать во вниманіе общее положеніе всѣхъ условій тогдашней жизни. Даже по такимъ существеннымъ вопросамъ, какъ научное образованіе и воспитаніе старыхъ кадетъ, мнѣнія расходятся и двоятся. Такъ, одни находятъ, что въ прежнихъ корпусахъ науки сильно хромали, а воспитаніе, будто бы, шло, какъ по маслу; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что классная часть процвѣтала, а воспитаніе, въ особенности нравственное, оставляло желать весьма многаго. Если, затѣмъ, обратиться къ прежнимъ законоположеніямъ и вникнуть въ ихъ основную мысль, то невольно приходится предположить, что тогдашнимъ корпусамъ предстояло одновременно удовлетворять двумъ требованіямъ: учить кадетъ для общегосударственныхъ цѣлей, и воспитывать—для спеціально-военнаго ихъ назначенія [1]).

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Полтавскомъ корпусѣ я преимущественно и коснусь этихъ двухъ задачъ. Положеній, уставовъ и инструкцій, разумѣется, я разбирать не стану. Мои намѣренія болѣе скромныя. Я ограничусь лишь простой и возможно откровенной передачею того, что помню о живыхъ людяхъ, какъ они мнѣ когда-то представлялись, и о томъ, какъ мы учились и воспитывались полвѣка тому назадъ. Вообще говоря, тогда учить было легче, нежели воспитывать; талантливые и любящіе свое дѣло преподаватели встрѣчались чаще, нежели прозорливые и терпѣливые воспитатели; классная часть съ ея требованіями поставлена была вполнѣ опредѣленно, колебаній и частыхъ перемѣнъ въ учебныхъ

[1]) Задача научнаго образованія кадетъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы довести ихъ до твердаго убѣжденія въ пользѣ наукъ, какъ источника гражданскихъ и общественныхъ добродѣтелей (Св. Воен. пост. 1838 г., ч. I, кн. III). Воспитаніе же кадетъ должно было стремиться къ тому, чтобы сдѣлать ихъ способными къ перенесенію всѣхъ трудностей военной жизни.

планахъ и въ руководствахъ не происходило; воспитательная же часть, напротивъ, нерѣдко зависѣла отъ личныхъ взглядовъ и даже капризовъ ближайшихъ руководителей этого столь важнаго дѣла; программа воспитанія, какъ скажу ниже, была слишкомъ широка и, по своей отвлеченности, трудно выполнима, какъ для кадетъ, такъ и для ихъ наставниковъ; что, какъ извѣстно, и побудило въ шестидесятыхъ годахъ принять мѣры для улучшенія воспитательной части въ военноучебныхъ заведеніяхъ.

Перехожу къ частностямъ и начну съ классной части, стоявшей тогда во главѣ всего остального.

II.

Въ мое время классныя занятія велись въ Полтавскомъ корпусѣ съ большимъ толкомъ, настойчиво и, въ общемъ, давали вполнѣ удовлетворительные результаты. Успѣхъ кадетъ достигался и обусловливался, однакожъ, не одними только принудительными мѣрами и частыми наказаніями, какъ это обыкновенно полагаютъ. Безъ взысканій, правда, не обходились. Розги и другія, хотя и не узаконенныя, тѣлесныя расправы, составляли обыденное явленіе въ тогдашней кадетской жизни. Но считаю нужнымъ замѣтить, что къ розгамъ въ мое время уже прибѣгалось не такъ часто, какъ говорятъ о томъ преданія и легенды. Собственно за неуспѣхи въ наукахъ сѣкли однихъ и тѣхъ же лѣнтяевъ, число которыхъ было невелико. Это наказаніе, въ мнѣніи кадетъ, считалось весьма позорнымъ, и начальство старалось производить его келейно. Я, по крайней мѣрѣ, за мое время помню одинъ лишь случай наказанія розгами передъ корпусомъ [1]). Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что уже въ сороковыхъ годахъ замѣчается поворотъ къ болѣе мягкимъ пріемамъ обращенія не только въ кадетскихъ корпусахъ, но и въ войсковыхъ частяхъ. Причины тому общеизвѣстны; онѣ объясняются начавшимся тогда гуманнымъ направленіемъ въ русской журналистикѣ и въ нашемъ образованномъ обществѣ.

Я очень хорошо помню, какъ произведенные въ 1849 году и выпущенные заразъ въ одинъ гвардейскій полкъ семнадцать прапорщиковъ, лишь своимъ безмолвнымъ присутствіемъ на ученіяхъ, смягчали сердца и руки старыхъ ротныхъ командировъ. Помню также, какъ около того же времени и въ томъ же полку, молодымъ офицерамъ разрѣшено было не присутствовать при наказаніи передъ полкомъ сомнительно-виновнаго унтеръ-офицера [2]).

---

[1]) Объ этомъ родѣ наказаній и о нѣсколькихъ другихъ суровыхъ мѣрахъ упоминаетъ г. Павловскій въ своемъ историческомъ очеркѣ Полтавскаго корпуса, вѣроятно, какъ о явленіяхъ исключительныхъ, а не обычныхъ.

[2]) Этого унтеръ-офицера Макарова знали почти всѣ офицеры полка. Представительный, развитой, въ высшей степени исправный, отлично знавшій службу

Привожу эти подробности въ виду того, что у насъ вообще любятъ приписывать всецѣло одной эпохѣ то, что началось гораздо раньше, забывая при этомъ, что многія явленія, въ томъ числѣ смягченіе или огрубѣніе нравовъ, совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а проводятся въ жизнь разумной постепенностью. Какъ бы то ни было, но учились мы не изъ одного только страха наказанія. Къ тому были и такія побужденія, какъ самолюбіе и природныя способности тогдашней учащейся молодежи.

Откуда, спросятъ, брались эти столь цѣнные двигатели, и почему теперь нерѣдко слышатся сѣтованія на ихъ замѣтное оскудѣніе?

Чтобы отвѣтить на такой щекотливый вопросъ, припомню вкратцѣ условія, при которыхъ жили наши отцы.

Еще въ тридцатыхъ годахъ помѣщичій бытъ въ Малороссіи отличался патріархальною простотою; дворянство хотя и служило, но многіе выходили въ отставку въ молодыхъ лѣтахъ, поселялись въ деревняхъ, спѣшили жениться и своихъ сыновей преимущественно отдавали въ корпуса. Уже потому, что кромѣ военной, тогда почти не было другихъ карьеръ для дворянства, наибольшее число даровитыхъ, хотя нерѣдко и плохо подготовленныхъ, юношей попадало въ военно-учебныя заведенія.

Полтавскій корпусъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, былъ поставленъ еще въ болѣе благопріятныя условія. Открытый для дворянства Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерній, онъ принималъ къ себѣ дѣтей, почти исключительно выросшихъ въ деревенскомъ привольѣ, съ крѣпкимъ здоровьемъ, унаслѣдованнымъ отъ родителей, еще сохранявшихъ въ себѣ достаточный запасъ силъ стародавнихъ богатырей благодатной Украйны. Умственному и вообще культурному утомленію пока не откуда было взяться. Учили насъ дома не Богъ вѣсть чему, а самое обученіе начиналось гораздо позднѣе, нежели теперь. Живя въ глуши своихъ помѣстій и предпочтительно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, малороссійское дворянство, однакожъ, не чуждо было сословнаго честолюбія. Будучи, по сравненію съ великорусскимъ, новымъ и не знатнымъ, оно, какъ всякая недавняя аристократія, весьма чувствительно относилось къ своему благородству и всѣми мѣрами стремилось его укрѣплять и поддерживать, если не родственными связями, то хотя бы чинами и служебнымъ положеніемъ своихъ дѣтей. «Старайтесь учиться прилежно и хорошо, чтобы служить и дослуживаться», таковъ уже былъ кличъ средняго и особенно мелкопомѣстнаго дворянства въ Малороссіи, не задолго до открытія Полтавскаго корпуса.

и мягкій въ обращеніи съ солдатами, онъ пользовался общими симпатіями. Наказать его розгами передъ полкомъ приказано было за то, что кто-то изъ солдатъ его отдѣленія на смотру, при пальбѣ залпами, выстрѣлилъ прежде команды, чего Макаровъ не замѣтилъ и не могъ назвать виновнаго.

Большинство изъ насъ, конечно, помнило этотъ, часто повторяющійся въ нашихъ семьяхъ, призывъ къ умственному труду для служебной карьеры. Корпусное же начальство, среди котораго было не мало лицъ изъ мѣстнаго дворянства, зная его стремленія и встрѣчая въ его сыновьяхъ способности къ ученью, пользовалось, для возбужденія соревнованія въ юношахъ, чаще ихъ самолюбіемъ, нежели наказаніями.

Въ педагогіи существуютъ теоретическія положенія, совѣтующія избѣгать развитія въ молодежи излишняго самолюбія, какъ вреднаго начала. Безспорно, болѣзненное самомнѣніе, какъ и болѣзненная тупость, весьма не желательны; но если ужъ выбирать изъ этихъ двухъ золъ, то скорѣе первое, и вотъ по какимъ практическимъ соображеніямъ. Отъ избытка самолюбія люди излечиваются щелчками жизненнаго опыта, отъ самоувѣренной же косности иногда и палка не поможетъ. При томъ, чрезмѣрное самолюбіе въ большинствѣ вредитъ только тѣмъ, кто его проявляетъ, и, напротивъ, въ постороннихъ и умѣлыхъ рукахъ оно весьма можетъ пригодиться въ тѣхъ рискованныхъ и отвѣтственныхъ случаяхъ, гдѣ благонадежная, но ограниченная скромность способна лишь осторожно безмолвствовать и мудро бездѣйствовать. Сколько помнится, въ Полтавскомъ корпусѣ поощреніе самолюбія въ его воспитанникахъ, не дѣлая вреда, приносило видимую пользу, въ особенности по классной части. Эта часть, какъ я уже сказалъ, была поставлена на первомъ планѣ и успѣхи въ наукахъ получали преобладающее значеніе въ оцѣнкѣ воспитанниковъ. Лучшихъ учениковъ знали всѣ, отъ директора до послѣдняго лѣнтяя въ корпусѣ. Увальнямъ по фронту, отчаяннымъ школьникамъ, даже смѣлымъ и рѣзкимъ на слово кадетамъ, многое сходило съ рукъ и прощалось, если они въ классахъ стояли высоко. Поощрялись, однако, не одни только первые ученики, записанные на красныя доски; достаточно было проявить способности по какому-либо предмету, чтобы быть увѣреннымъ во вниманіи и снисхожденіи начальства, въ случаѣ провинностей и недочетовъ по другимъ предметамъ преподаванія. Въ такихъ пріемахъ, опять-таки, современная педагогія можетъ усмотрѣть противорѣчіе ея основнымъ началамъ, и, разумѣется, будетъ права, если идеаломъ школы поставить такъ-называемаго «средняго ученика», а мѣриломъ ея успѣховъ — средній баллъ по всему классу или по всему заведенію. Но въ мое время еще не было надобности ни въ среднемъ ученикѣ, ни въ Силоамскихъ купеляхъ для исцѣленія наслѣдственнаго слабосилія. Сколько помню, вопросъ о нашихъ способностяхъ рѣшался просто. Тогда намъ старались внушить, что мы всѣ равно способны, хотя и не равно усердны. «При рожденіи каждый человѣкъ надѣленъ отъ Бога всѣмъ поровну», говорилось въ рѣчахъ корпуснаго священника, почтеннаго отца Сіяльскаго; наши ротные командиры допу-

скали только лѣнивыхъ и не дѣлали имъ снисхожденія по неспособности, хотя такіе, конечно, встрѣчались; наконецъ, нашъ вѣчно-суровый директоръ Струмилло не разъ повторялъ: «вы дѣти дворянъ, а не каптенармусовъ, ваше мѣсто въ гвардіи, и я добьюсь того, что изъ моего корпуса не будетъ гарнизонныхъ «воробьевъ»[1]).

Помнится мнѣ и такая сцена. Однажды кто-то крикнулъ подъ розгами:—«Ѳедоръ Григорьевичъ! простите, я заниматься не способенъ».—«Прибавь ему, Огневъ[2])», — отвѣтилъ на эту откровенность инспекторъ классовъ Ѳ. Г. Ницкевичъ. Покончивъ наказаніе, Ницкевичъ вошелъ въ нашъ классъ и сказалъ: — «такой-то заявилъ мнѣ, что ему трудно заниматься; въ вашемъ классѣ, я знаю, много сильныхъ учениковъ по всѣмъ предметамъ; помогите товарищу и докажите ему, что онъ учиться можетъ».

Нужно замѣтить, что не только въ нашемъ, но и въ каждомъ классѣ, дѣйствительно, было нѣсколько такихъ сильныхъ учениковъ и Ницкевичъ не только ихъ зналъ, но дѣлалъ все, чтобы, возбуждая ихъ любознательность, пріохотить къ занятіямъ тѣмъ или другимъ предметомъ. Для этого онъ самъ подыскивалъ и выдавалъ кадетамъ книги изъ классной библіотеки, провѣрялъ прочитанное ими и, притомъ, при весьма поощрительной обстановкѣ. Пользуясь «пустыми классами», когда не было преподавателя, Ницкевичъ, безъ всякихъ формальностей, вступалъ съ кадетами въ бесѣды о пройденномъ и прочитанномъ ими, вызывая ихъ на состязанія, откровенности и даже шутки. Помню, что уже во второмъ и въ третьемъ классѣ (по нынѣшнему IV и V общій) болѣе сильнымъ изъ насъ въ какомъ-либо предметѣ Ницкевичъ поручалъ составлять небольшія сочиненія по выбору самихъ кадетъ, или на заданную тему и по указаннымъ имъ источникамъ[3]). Эти внѣклассныя работы мы читали на квартирѣ Ницкевича, для чего разъ въ мѣсяцъ онъ приглашалъ къ себѣ по вечерамъ нѣсколь-

---

[1]) Въ то время офицеры линейныхъ и гарнизонныхъ баталіоновъ носили на киверахъ, вмѣсто герба трехпламенную гранату, своимъ рисункомъ напоминающую летящаго воробья. Попасть подъ крылья этой неважной птицы считалось весьма обиднымъ для кадетскаго самолюбія, тѣмъ болѣе, что тогда общество офицеровъ въ гарнизонныхъ баталіонахъ почти исключительно состояло изъ «бурбоновъ», т. е. изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ. Корпусные служителя унтеръ-офицерскаго званія, какъ, напримѣръ, каптенармусы, тоже производились въ офицеры этихъ баталіоновъ.

[2]) Огневъ—корпусный барабанщикъ изъ кантонистовъ, съ особымъ увлеченіемъ исполнявшій въ классахъ ликторскія обязанности; въ ротахъ по этой части были свои артисты-каптенармусы.

[3]) Очень хорошо помню, что первое мое сочиненіе было о германскомъ императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, этомъ покровителѣ наукъ, въ глубокой старости принявшемъ участіе въ крестовомъ походѣ и о смерти котораго существуетъ столько поэтическихъ легендъ. Помню также, что въ этотъ вечеръ читалъ свое довольно длинное стихотвореніе Ив. Ал. Боголюбовъ, нынѣшній директоръ Оренбургскаго корпуса, а тогда кадетъ Полтавскаго корпуса.

кихъ преподавателей, которые, тутъ же, за чаемъ, и разбирали наши сочиненія. И до сихъ поръ я съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю объ этихъ симпатичныхъ вечерахъ и весьма для насъ полезныхъ занятіяхъ,—полезныхъ въ особенности потому, что сильные ученики не стояли особнякомъ и, не кичась своими познаніями, охотно дѣлились ими съ болѣе слабыми товарищами. Въ то время на обязанностяхъ ротныхъ офицеровъ не лежали занятія съ малоуспѣшными по классамъ кадетами. Въ этомъ дѣлѣ мы сами должны были помогать другъ другу. Не знаю, какъ было послѣ, но при мнѣ это добровольное и, конечно, совершенно даровое туторство составляло обычное явленіе въ корпусѣ. По вечерамъ, во время приготовленія уроковъ, въ «пустыхъ классахъ» и, въ особенности, передъ экзаменами, эти неофиціальные туторы, не жалѣя горла, а иногда и затрещинъ, усердно передавали своимъ товарищамъ премудрость «Пиѳагоровыхъ штановъ», тонкости Ньютонова бинома, хитрости квадратныхъ корней, сообща долбили хронологію и прочее.

Не такъ давно, я случайно попалъ въ одно закрытое заведеніе. Въ классахъ шли вечернія занятія по подготовкѣ уроковъ. Я зашелъ въ младшій классъ, гдѣ сидѣло около 15-ти исключительно слабыхъ и малоуспѣшныхъ учениковъ. Порядокъ былъ образцовый. Полусонные ученики, уткнувшись въ тетради и книги, соблюдали тишину и безмолвіе; офиціальный туторъ-воспитатель, застегнутый на всѣ крючки, чинно расхаживалъ между столами, по временамъ заглядывая въ ученическія тетради. Онъ никого не спрашивалъ, и его никто не безпокоилъ. При моемъ входѣ въ классъ, воспитатель оживился и, обращаясь къ ученикамъ, спросилъ: «кто чего не понялъ?» Молчаніе.—«Такой-то, вы все поняли?»—Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ нерѣшительно.—«Чего же вы, собственно, не поняли?»—Я ничего не понялъ.—«Какъ же вы сидѣли цѣлый часъ и меня не спросили?»—Я боялся васъ безпокоить.—Воспитатель приступилъ къ разъясненіямъ во всеуслышаніе, съ безпрестаннымъ обращеніемъ ко всѣмъ остальнымъ ученикамъ. Словомъ, это былъ, по всѣмъ правиламъ и пріемамъ, урокъ для всего класса по данному предмету, но не туторское приготовленіе—по одиночкѣ и по группамъ. Едва воспитатель успѣлъ войти въ свою роль, какъ раздался призывъ къ ужину. Занятія кончились, и какъ знать, многимъ ли они принесли пользу, многіе ли приготовили свои уроки? Признаюсь откровенно, при этихъ невольно возникшихъ вопросахъ, я вспомнилъ и пожалѣлъ о туторахъ изъ кадетъ. Конечно, они были самоучки-добровольцы, но ихъ можно было безъ церемоніи, въ урочное и не урочное время, просить, хотя десять разъ, повторять непонятое. Тутору-кадету это было чрезвычайно полезно; онъ училъ и учился самъ, нерѣдко, правда, въ перемежку съ рекреаціями и съ шалостями. Но, вѣдь ученье, какъ растеніе, любитъ не только

свѣтъ, но и извѣстный просторъ; оно же, какъ все живое, требуетъ умѣлаго и отвѣчающаго его свойствамъ обращенія.

Полагаю, что мною достаточно сказано, для выясненія того: какъ понимались наши способности и какъ относилось къ нимъ начальство корпуса. Не берусь судить, правильна ли была принятая въ немъ классная система, но могу утверждать, что, при ея выполненіи, въ учащемся преимущественно поощрялись занятія тѣмъ предметомъ, къ которому онъ выказывалъ природную склонность. «Пусть занимается чѣмъ-либо, лишь бы занимался съ любовью, а разъ явится охота къ одному предмету—явится и къ другимъ», такъ думали лучшіе тогдашніе преподаватели, а такихъ было не мало въ нашемъ корпусѣ, благодаря тщательному ихъ подбору почтеннымъ Ницкевичемъ. Не знаю, былъ ли онъ ученымъ инспекторомъ, но, несомнѣнно, обладалъ административнымъ тактомъ, педагогическимъ чутьемъ и вѣрнымъ пониманіемъ порученнаго ему нелегкаго дѣла.

Въ первые же годы открытія корпуса, Ницкевичъ съѣздилъ въ Кіевъ и въ Харьковъ, и тамъ подъискалъ для старшихъ классовъ преподавателей, окончившихъ университеты этихъ городовъ [1]).

О нѣкоторыхъ изъ нихъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; тутъ же замѣчу вообще, что всѣ они вели свое дѣло съ величайшею добросовѣстностью; отдавали все свое время корпусу и горячо относились къ умственному развитію и успѣхамъ кадетъ. Въ большинствѣ это были молодые люди, полные энтузіазма, частью увлекающіеся, но искренно желающіе намъ добра. Мягкіе и благовоспитанные, они и на насъ въ этомъ отношеніи имѣли замѣтное воспитательное вліяніе, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателяхъ и учителяхъ, дозволявшихъ себѣ, какъ увидимъ далѣе, ручную расправу и оскорбительную для самолюбія фамильярность. Не стану утверждать, что наши познанія въ наукахъ были тверже и основательнѣе нынѣ усвоиваемыхъ въ корпусахъ; весьма вѣроятно, что средній уровень успѣховъ, къ которому теперь стремятся, выше и солиднѣе нашего, но, едва ли я преувеличу, сказавъ, что начитанности и общаго развитія у насъ замѣчалось, какъ будто бы, больше. Читаютъ, конечно, и теперь, но это чтеніе скорѣе подневольное, нежели добровольное. Зададутъ образцы— ихъ и прочтутъ; мало того, эти же образцы, для поученія цѣлаго класса, до того усердно разжевываются преподавателемъ, что въ нихъ остается очень ужъ мало матеріала для самостоятельнаго мышленія и художественнаго наслажденія учениковъ. При насъ это дѣлалось иначе; мы сами читали, что намъ нравилось, и сами, какъ умѣли, оцѣнивали беллетристическія и даже научныя сочиненія.

---

[1]) Кромѣ Пильчикова, Бѣлозерскаго, Воржанскаго, Котельникова, къ намъ оттуда же пріѣхали еще Дейкъ (кенигсбергскій студентъ) и Таксисъ, для занятій нѣмецкимъ и французскимъ языками.

Чтобы не быть голословнымъ, назову нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей, которые считались между нами наиболѣе начитанными по разнымъ предметамъ. Въ этомъ отношеніи Ош—цовъ особенно выдавался и увлекался до того, что не только прочелъ, но и составилъ коментаріи на Библію и Коранъ. Другой его товарищъ по классу, Р—вскій постоянно возился съ сочиненіями по естествознанію и по книгамъ открылъ, что улитки весьма питательны, и потому сталъ ими завтракать—«ради науки», не смотря на протестъ товарищей и запрещеніе начальства. Читающихъ сочиненія по математикѣ и физикѣ было нѣсколько; по географіи и исторіи еще больше. Помню, какъ Малиновскій, не особенно преуспѣвавшій по другимъ предметамъ, выписалъ на свой счетъ изъ Петербурга тогда весьма недешевыхъ Беккера и Лоренца, зачитывался ими и даже въ дракахъ ссылался на примѣры героевъ древней Греціи и Рима. Я уже не говорю о томъ, что многіе изъ насъ, хотя это и не входило въ программу преподаванія, еще въ корпусѣ прочли исторію Малороссіи Конисскаго, Маркевича, Бантышъ-Каменскаго, «Запорожскую старину» Срезневскаго и Скальковскаго, народныя пѣсни Метлинскаго, сочиненія Михайловскаго-Данилевскаго, Дениса Давыдова и прочихъ. По беллетристикѣ читали много; Гоголя, Пушкина и Лермонтова заучивали наизусть и имъ подражали, кто прозою, кто стихами. Очень хорошо помню длинную и растрепанную фигуру «озлобленнаго поэта» Б—скаго 2-го, съ Шиллеромъ или Гете подъ мышкою, вѣчно декламировавшаго свои переводы на русскій языкъ этихъ и другихъ нѣмецкихъ лириковъ. Повторяю, никто насъ усиленно не наталкивалъ на всѣ эти чтенія, и если существовалъ въ этомъ отношеніи надзоръ, то мы его не замѣчали. Хорошо ли это или дурно, не мое дѣло; я передаю только факты, бывшіе, вѣроятно, и въ другихъ тогдашнихъ корпусахъ, о которыхъ, однакожъ, внѣ ихъ стѣнъ, существовало мнѣніе, будто бы, въ этихъ заведеніяхъ царилъ мракъ невѣжества.

Спросятъ, что же, однако, выходило изъ этой страсти къ чтенію? Выходило, отвѣчу я, большею частью полезное, весьма рѣдко нежелательное, иногда забавное. Для иллюстраціи, припомню и разскажу нѣсколько случаевъ. Польза отъ нашего чтенія была общая и частная, отдаленная и ближайшая. Развивая въ насъ художественное чутье, пытливость ума и, вообще, расширяя кругозоръ, чтеніе давало намъ и въ частности такія свѣдѣнія, съ которыми мы встрѣчались въ курсахъ спеціальныхъ классовъ.

По совершенно справедливому отзыву И. Р. Тимченко-Рубана [1]), полтавскіе кадеты первыхъ выпусковъ, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, обращали на себя вниманіе общей развитостію и знаком-

---

[1]) См. «Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 7. И. Р. Тимченко-Рубанъ отвозилъ изъ Полтавы въ Петербургъ первые четыре выпуска.

ствомъ съ иностранными языками. Я очень хорошо помню, какъ почтенный преподаватель тактики въ Дворянскомъ полку, полковникъ И. Я. Клугенъ, слушая наши отвѣты изъ военной исторіи, сперва сердился, а потомъ перемѣнялъ гнѣвъ на милость, когда мы пускались въ подробности, давно намъ извѣстныя изъ Данилевскаго, Бутурлина и другихъ.

— И откуда ты, камчадалъ, взялъ это?—спросилъ меня разъ Иванъ Яковлевичъ, когда я ему отвѣтилъ о партизанскихъ дѣйствіяхъ Фигнера.

— Изъ «Журнала военно-учебныхъ заведеній»[1]), прочитаннаго мною еще въ Полтавѣ,—доложилъ я полковнику Клугену.

Выходили и болѣе серьозныя недоразумѣнія. Полтавецъ перваго выпуска Ош—цевъ, какъ я уже сказалъ, начитавшись Корана, завелъ рѣчь о религіозныхъ догматахъ съ законоучителемъ Дворянскаго полка, извѣстнымъ и просвѣщеннѣйшимъ отцомъ Іоанномъ Рождественскимъ. Ош—цевъ не пострадалъ, но тогда же наряжено было секретное дознаніе о преподаваніи Закона Божьяго въ Полтавскомъ корпусѣ.

Комичнѣе кончилась начитанность моего товарища по классу, Воротынцева[2]). Чудакъ по натурѣ и простоватый по привычкамъ, Воротынцевъ болѣе всего симпатизировалъ Суворову и никогда не разставался съ его жизнеописаніемъ, составленнымъ пресловутымъ Фуксомъ. Когда намъ предстояло ѣхать въ кибиткахъ и на долгихъ изъ Полтавы въ Дворянскій полкъ, Воротынцевъ, увлекаясь Суворовскими форсированными маршами, задумалъ и рѣшилъ совершить это путешествіе пѣшкомъ и со всѣми походными лишеніями. До Москвы все шло благополучно; Воротынцевъ рѣдко присѣдалъ въ кибитку, спалъ не въ ней, а рядомъ, на соломѣ, вставалъ раньше всѣхъ и проч. Подъ Москвою, однакожъ, Воротынцеву не повезло. Запутавшись въ массѣ подходившихъ къ заставѣ обозовъ, онъ потерялъ насъ изъ виду и, какъ безпаспортный, попалъ въ московскую полицію.

Но, скажутъ, все это ребяческія увлеченія и безсистемная затрата времени, въ ущербъ правильнаго и уравнительнаго прохожденія школьнаго курса наукъ. Совершенно вѣрно уже потому, что мы, во-первыхъ, тогда дѣйствительно были ребятами и, во-вторыхъ, потому, что тогдашніе педагоги смотрѣли проще на дѣло и, вѣроятно, полагали, что ихъ воспитательные пріемы соотвѣтствуютъ данному времени. Отдавая предпочтеніе состязательной, а не урав-

---

[1]) Сколько помню въ этомъ журналѣ было не мало статей, охотно читаемыхъ кадетами. Потомъ этотъ журналъ, какъ и многое у насъ, замеръ и уступилъ мѣсто «Педагогическому Сборнику», издаваемому, съ 1864 года, уже не для воспитанниковъ, а для наставниковъ военн. учб. заведеній.

[2]) Вышелъ въ саперы, служилъ на Кавказѣ, гдѣ, до своей кончины, командывалъ пѣхотнымъ полкомъ.

нитольной системѣ, поощряя индивидуальныя наклонности и не стѣсняя нашей пытливости, они по своему опыту знали, что товарищескій примѣръ дѣйствуетъ заразительно и выравниваетъ слабыхъ по сильнымъ; что общеобразовательная школа, какъ бы она превосходно организована ни была, даетъ только начало, а не всѣ знанія, наконецъ, что лишь любознательность, зародившаяся въ школѣ, можетъ послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ дальнѣйшаго научнаго самоусовершенствованія. Если затѣмъ припомнить, что прежніе корпуса, болѣе нежели нынѣшніе, должны были заботиться о подготовленіи своихъ воспитанниковъ на разнообразныя поприща, на которыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ и приходилось дѣйствовать въ предшествовавшее и, особенно, въ минувшее царствованіе, то, быть можетъ, не очень ужъ ошибалось тогдашнее корпусное начальство въ своемъ стремленіи придать научной подготовкѣ кадетъ общеобразовательное значеніе, что, какъ было уже сказано, не противорѣчило тогдашнимъ видамъ и цѣлямъ правительства.

III.

Перехожу къ воспитанію въ Полтавскомъ корпусѣ.

Если и теперь вопросъ о томъ: какъ слѣдуетъ воспитывать юношество по многимъ статьямъ стоитъ открытымъ, то полвѣка тому назадъ онъ долженъ былъ составлять, и дѣйствительно составлялъ, одну изъ труднѣйшихъ задачъ школьнаго дѣла.

Если при умственномъ образованіи врожденнымъ способностямъ юношѣ можно и должно давать извѣстную свободу, то въ области воспитанія ихъ приходится, напротивъ, сдерживать, осторожно и во время направлять, а не предоставлять собственному ходу, или постороннимъ внушеніямъ, хотя бы товарищескимъ. Словомъ, нравственныя качества, особенно въ юношескомъ возрастѣ, столь разнообразны и, подчасъ, столь трудно-уловимы, что только пристальный и искусный надзоръ можетъ во время замѣтить то, что нужно исправить и направить въ извѣстную сторону воспитуемаго, не ломая коренныхъ и сильныхъ задатковъ его характера. Обыкновенно полагаютъ, что въ кадетскихъ корпусахъ, какъ закрытыхъ заведеніяхъ, это достигается легче, при такихъ, повидимому, благопріятныхъ условіяхъ, какъ: точная опредѣленность воспитательныхъ цѣлей, однородный составъ по происхожденію и понятіямъ воспитанниковъ, близость за ними надзора и строгость внутреннихъ порядковъ, выполняемыхъ съ военною точностью офицерами-воспитателями. Ближе вникнувъ въ дѣло, пожалуй, можно было бы привести нѣсколько доводовъ противъ кажущейся легкости воспитанія въ корпусахъ; но это не входитъ въ мою задачу, а потому, держась только фактовъ, я коснусь лишь вкратцѣ сперва того: въ чемъ въ наше время состояла сущность программы корпуснаго воспитанія,

а затѣмъ скажу: кѣмъ она выполнялась и съ какимъ матеріаломъ приходилось имѣть дѣло нашимъ воспитателямъ въ Полтавскомъ корпусѣ.

Тогда, какъ и теперь, устройство почти всѣхъ кадетскихъ корпусовъ въ главныхъ чертахъ было одинаково. Въ ихъ воспитательную программу входили тѣ же начала, какія и нынѣ служатъ основаніемъ для нравственнаго и физическаго развитія кадетъ. Руководствуясь указаніями свыше, изъ насъ, кадетъ, прежде всего предстояло подготовить преданныхъ и усердныхъ слугъ Государю и отечеству, затѣмъ дать обществу и семьѣ религіозныхъ, убѣжденно-честныхъ и вполнѣ русскихъ людей. Рядомъ съ нравственнымъ совершенствованіемъ, должно было идти физическое развитіе кадетъ, какъ будущихъ воиновъ и людей, не чуждыхъ извѣстнаго свѣтскаго лоска и благоприличія. Короче говоря, имѣлось въ виду внушить намъ патріотическія чувства, вѣрное пониманіе государственныхъ принциповъ страны, семейныя и общественныя добродѣтели, благородство души, чистоту нравовъ и твердость характера. Обо всемъ этомъ не разъ объявлялось намъ въ приказахъ по корпусу, а нашимъ воспитателямъ вмѣнялось въ обязанность объяснять сущность столь обширной и весьма отвлеченной для юношескихъ понятій — этики. Сознаюсь откровенно, я, при всемъ желаніи, весьма затрудняюсь припомнить и передать: какъ все это нами усвоивалось, понималось и запоминалось. Думаю, однакожъ, что не столько приказы и словесныя внушенія, которые, замѣчу кстати, плохо у насъ запоминаются, сколько рѣзкіе случаи изъ обыденной жизни, надолго оставляя впечатлѣніе, вліяли на складъ нашихъ нравственныхъ понятій и руководили затѣмъ нашими поступками въ дальнѣйшей жизни. Въ этомъ отношеніи примѣръ нашихъ воспитателей, конечно, имѣлъ преобладающее значеніе. Слѣдя за ними съ дѣтскимъ любопытствомъ, а иногда и злорадствомъ, мы, разумѣется, должны были многое отъ нихъ заимствовать, частью подражать, а частью и воздерживаться отъ подражаній.

Какъ я уже сказалъ, обыкновенно полагаютъ, что составъ корпусныхъ воспитателей отличается однородностью и сплоченностью. Можетъ, теоретически это и такъ, только съ кадетской точки зрѣнія каждый изъ нихъ представляетъ свои особенности, рѣдко ускользающія отъ тонкой и чуткой дѣтской наблюдательности. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время сильныя и слабыя стороны каждаго воспитателя мы подмѣчали очень скоро и оцѣнивали ихъ, быть можетъ, не безъ шаржа, но въ большинствѣ довольно вѣрно. Воспроизвести съ фотографическою точностью образы и рѣчи тѣхъ, кто, около пятидесяти лѣтъ назадъ, такъ часто служилъ причиною нашей веселости и огорченій, конечно, невозможно; однакожъ, представленія о нѣкоторыхъ лицахъ и по сейчасъ настолько

живо сохранились въ моей памяти, что я попытаюсь сдѣлать имъ краткую характеристику.

Первымъ директоромъ корпуса былъ назначенъ В. Ф. Святловскій, передъ тѣмъ занимавшій должность баталіоннаго командира въ Московскомъ корпусѣ[1]). Маленькій, худенькій, нервный и болѣзненно-заботливый, Святловскій настолько былъ опытенъ, что сразу понялъ дѣло и съумѣлъ его поставить, какъ слѣдуетъ. Сколько помню, Святловскій очень часто посѣщалъ классы, но не вмѣшивался въ эту часть, а предоставлялъ вести ее почти самостоятельно инспектору классовъ, Ницкевичу, голосъ и мнѣнія котораго цѣнилъ и въ вопросахъ воспитанія. Святловскій лично слѣдилъ только за занятіями кадетъ по иностраннымъ языкамъ; чтобы побудить и заохотить ихъ къ этому, онъ, почти ежедневно являлся къ обѣду и ужину кадетъ, съ которыми и заговаривалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ съ польскимъ акцентомъ. По его же настоянію, мы должны были въ извѣстные часы объясняться между собою тоже по-французски. Это обыкновенно происходило въ вечернюю рекреацію. Велись занятія такъ. За полчаса передъ ужиномъ, въ роты приходили учителя французскаго языка Соссе и Таксисъ, а мы всѣ, разбившись на нѣсколько кучекъ, становились около своихъ репетиторовъ-товарищей, болѣе сильныхъ во французскомъ языкѣ, и должны были отвѣчать на предлагаемые ими вопросы. Соссе и Таксисъ обходили эти кружки, вступали съ кадетами въ разговоры и на слѣдующій день задавали нѣсколько новыхъ фразъ, которыя тутъ же и писались на доскѣ мѣломъ. Въ этотъ-то обязательно-назначенный получасъ никто не имѣлъ права говорить по русски, подъ страхомъ получить марку и остаться безъ послѣдняго блюда за ужиномъ. Вначалѣ, когда въ корпусѣ были только младшіе классы, а въ ротахъ не было полнаго комплекта, для занятія языками находилось и время, и возможность услѣдить за ними. Но уже на третьемъ году существованія корпуса не было ни марокъ, ни французскихъ фразъ въ ротахъ, хотя въ классахъ преподаватели иностранныхъ языковъ строго требовали отъ насъ знанія уроковъ, правильнаго произношенія и очень ужъ много граматики, которую, по правдѣ говоря, мы знали весьма плохо.

Гг. Павловскій и Рубанъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, высоко ставятъ Святловскаго, какъ воспитателя. Судить объ этомъ не берусь; знаю только, что тѣхъ назидательныхъ и поучительныхъ приказовъ, которыми онъ, будто бы, дѣйствовалъ на кадетъ, я рѣшительно не помню, хотя до сихъ поръ сохраняю въ памяти уже

[1]) Воспитаніе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ офицеромъ въ пѣшую артилерію. Затѣмъ поступилъ дежурнымъ офицеромъ во 2-й же кадетскій корпусъ, гдѣ одно время завѣдывалъ классною частью («Рус. Архивъ» 1878 г. и «Рус. Старина» 1886 г.).

послѣ Святловскаго прочитанный намъ передъ корпусомъ, приказъ о разжалованіи въ рядовые генерала Тришатнаго, за злоупотребленія во внутренней стражѣ, которою онъ командовалъ. Признаюсь, я и до сихъ поръ хорошенько не понимаю: для чего нужно было знать дѣтямъ-кадетамъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ не понимаю и того: для какой цѣли читали намъ по утрамъ артикулы Петра Великаго [1]). Плохо понимая духъ того времени и своеобразный языкъ этого уголовнаго кодекса, мы съ недоумѣніемъ слушали о всѣхъ этихъ «нещадныхъ» колесованіяхъ, четвертованіяхъ, шпицрутированіяхъ, аркебузированіяхъ и т. п. Вскорѣ, однакожъ, чтеніе артикула было отмѣнено, къ немалому нашему удовольствію.

Чтобы закончить о Святловскомъ, добавлю, что онъ, на сколько могъ, заботился о доброй репутаціи корпуса, для чего старался ладить съ полтавскими властями и поддерживалъ связи съ обществомъ. Нашу церковь, годичные акты, домашніе спектакли [2]) посѣщали многіе, равно и кадетъ приглашали въ семейные дома, на вечера, балы и проч.

Совсѣмъ къ другому типу принадлежалъ Струммило, назначенный послѣ смерти Святловскаго директоромъ нашего корпуса.

Грозный и грубый, онъ напоминалъ суроваго строевика Аракчеевскихъ временъ и менѣе всего походилъ на педагога, хотя предъ тѣмъ и служилъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ [3]). Струммило рѣдко заходилъ въ классы, хотя по своему и интересовался нашими успѣхами въ наукахъ. Хозяйство корпуса держалъ въ большомъ порядкѣ, требовалъ чистоты и тщательной пригонки одежды кадетъ, обращалъ вниманіе на выправку ихъ и, являясь передъ фронтомъ, чувствовалъ себя гораздо больше на мѣстѣ, нежели въ гостиныхъ и въ обществѣ, съ которымъ на столько разошелся, что долженъ былъ оставить корпусъ, послѣ своей безтактной выходки въ дворянскомъ собраніи [4]). Тимченко-Рубанъ

[1]) Артикулъ воинскій 1716 года; часть воинскаго устава Петра I-го, заключающая въ себѣ законы о воинскихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ. Въ 1839 году, съ изданіемъ новаго военнаго уголовнаго устава при св. военныхъ постановленій, артикулъ былъ отмѣненъ, но намъ продолжали его читать до 1843 года.

[2]) При Святловскомъ въ домашнихъ спектакляхъ для кадетъ принимали участіе исключительно корпусные офицеры и ихъ семейства. Впослѣдствіи же играли только кадеты, преимущественно въ малороссійскихъ пьесахъ Котляревскаго и Гр. Основьяненко, что̀, замѣчу, не дѣлало изъ насъ ни сепаратистовъ, ни ярыхъ украинофиловъ, а лишь заохачивало къ чтенію и наблюдательности.

[3]) Струммило воспитывался во второмъ кадетскомъ корпусѣ, былъ дежурнымъ офицеромъ въ Дворянскомъ полку и баталіоннымъ командиромъ въ Аракчеевскомъ Новгородскомъ корпусѣ, откуда и былъ назначенъ къ намъ директоромъ.

[4]) Струммило былъ католикъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Полтаву онъ женился на богатой полькѣ, отецъ которой почему-то не сходился съ мѣстнымъ дворянствомъ. Струммило, слѣдуя примѣру своего тестя, тоже держалъ себя

въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что при Струммило тѣлесныя наказанія усилились, а нравственность кадетъ значительно понизилась и дошла, будто бы, до того, что появилось воровство со взломомъ и проч. Можетъ быть, это было позже, но при мнѣ такого рѣзкаго перелома: ни въ наказаніяхъ, ни въ нравственности кадетъ я не помню. Сѣкли и надѣляли кадетъ всяческими пинками въ достаточномъ числѣ и до назначенія директоромъ Струммило. Проявлялись и до него грубости и шалости [1]), но нецензурной брани между товарищами, какъ говоритъ о томъ г. Рубанъ, я положительно не помню; она едва ли могла и быть, хотя бы потому, что даже малороссійское простонародье къ ней тогда не прибѣгало. Относительно воровства со взломомъ я рѣшительно отказываюсь понять: что можно было ломать и воровать въ корпусѣ, когда, по тогдашнимъ правиламъ, всѣ наши комоды и шкапчики были постоянно отперты и пусты, въ запертомъ же цейхаузѣ хранились только розги и старые сапоги. Пожива не особенно привлекательная даже для такого «негодяя», какимъ представляетъ г. Тимченко-Рубанъ кадета Гамзагурди, успѣвшаго, будто бы, образовать около себя въ корпусѣ цѣлую шайку.

Я очень хорошо помню Гамзагурди, онъ былъ у меня въ отдѣленіи, а потому и позволяю себѣ разсказать довольно поучительную исторію «Гамзагурдіевщины», память о которой, какъ мнѣ извѣстно, долго жила въ корпусныхъ преданіяхъ. Гамзагурди скорѣе былъ несчастный, нежели въ конецъ испорченный юноша и являлся не болѣе, какъ козломъ отпущенія тогдашняго педагогическаго недомыслія. Гамзагурди былъ увѣренъ и, кажется, не безъ основанія, въ своемъ черкесскомъ происхожденіи. Его наружность, сильный характеръ и отчаянная удаль, обличали въ немъ буйнаго сына тогдашняго Кавказа [2]). По его разсказамъ, онъ и его братъ, тоже кадетъ нашего корпуса, вывезены были изъ Аваріи и отданы

высокомѣрно и въ сторонѣ отъ общества, но, по своему положенію, долженъ былъ его посѣщать. Присутствуя на балѣ, наканунѣ новаго года, Струммило обидѣлся на одного изъ своихъ подчиненныхъ, весьма разсѣяннаго и застѣнчиваго С—на, за то, что тотъ не его перваго поздравилъ съ новымъ годомъ, и вовсеуслышаніе закричалъ на него: «болванъ, капитанъ, я васъ арестую!» Когда это дошло до Петербурга, Струммило тотчасъ уволили въ отставку и только впослѣдствіи зачислили въ запасъ арміи. (Изъ офиціальной переписки, возникшей по этому дѣлу въ 1849 году).

[1]) Помню, что вначалѣ 1842 года, т. е. при Святловскомъ, въ тогдашнемъ старшемъ классѣ произошла какая-то весьма неблаговидная исторія и что почти всѣ его кадеты, не смотря на то, что большинство ихъ составляло нашихъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, были жестоко, хотя и по секрету отъ насъ, наказано розгами. Что это была за исторія—мы ее не узнали и много лѣтъ спустя.

[2]) Гамзатъ-Бекъ Аварскій, въ родствѣ съ которымъ считалъ себя нашъ Гамзагурди, былъ сподвижникомъ извѣстнаго Кази-муллы, поднявшаго въ тридцатыхъ годахъ Дагестанъ и Чечню.

въ одинъ изъ баталіоновъ новгородскихъ кантонистовъ [1]). Впослѣдствіи, по ходатайству какого-то кавказскаго генерала, братьевъ Гамзагурди перевели въ нашъ корпусъ. Тутъ-то бѣдный юноша и начинаетъ разсчитываться и за свое черкесское происхожденіе, и за свое пребываніе въ кантонистахъ. Попалъ онъ къ намъ въ корпусъ тогда, когда большинство изъ насъ уже настолько подросло, что, ставъ сознавать достоинство личности, начинало съ гадливостью относиться къ постояннымъ заушеніямъ, происходившимъ у всѣхъ на виду. Мы знали, что это недозволено и, конечно, сочувствовали каждому смѣльчаку, дававшему, въ той или другой формѣ, отпоръ нашимъ воспитателямъ, прибѣгавшимъ къ ручной расправѣ. Таково было уже общее настроеніе среди кадетъ. Тѣ же изъ нихъ, которыхъ сѣкли часто, загрубѣвъ и утративъ стыдъ наказанія, готовы были идти съ каждымъ протестантомъ на какую угодно затѣю, лишь бы насолить начальству и выказать ложнопонимаемое молодечество. Словомъ, въ корпусномъ муравейникѣ стало проявляться то, что нерѣдко происходитъ и въ болѣе крупныхъ массахъ; отъ долгихъ и постоянныхъ ударовъ въ одну сторону, онѣ дробятся на части, выдвигаютъ личности, группируютъ партіи и выставляютъ коноводовъ [2]).

Корпусное начальство не только это замѣтило, но и ему было замѣчено изъ Петербурга, откуда спрашивали объясненій причинъ значительнаго увеличенія проступковъ среди кадетъ и указывали на необходимость противодѣйствія. При обсужденіи въ воспитательномъ комитетѣ этого вопроса, было постановлено показать примѣръ строгости на комъ-либо изъ воспитанниковъ. По совѣту подполковника Куна (штабъ-офицеръ корпуса) для этого избранъ былъ Гамзагурди. «Какъ кантонистъ, онъ вынесетъ какое-угодно наказаніе, какъ дикарь—его можно наказать въ примѣръ дворянскимъ дѣтямъ»,—заключилъ свою рѣчь рѣшительный Кунъ, разумѣется, не подозрѣвая, что Гамзагурди, который объ этомъ потомъ передавалъ своимъ товарищамъ, все это слышалъ, спрятавшись въ комнатѣ, гдѣ происходило засѣданіе комитета. Эти-то и другіе разсказы Гамзагурди и частыя, нерѣдко по одному только подозрѣнію, наказанія сдѣлали изъ него въ глазахъ кадетъ героя и муче-

---

[1]) Къ намъ въ корпусъ были переведены еще нѣсколько юношей изъ этого баталіона. За недоказанностью дворянства, ихъ вскорѣ опять перевели въ кантонисты. Помню между ними Котовича. Этотъ весьма способный, тихій и красивый юноша уже черезъ мѣсяцъ сталъ общимъ любимцемъ въ корпусѣ. Переводъ его въ кантонисты вызвалъ цѣлую бурю между кадетами и начальство принуждено было отправить Котовича въ Новгородъ ночью и по секрету отъ насъ. Когда это мы узнали, то нѣсколько дней не могли придти въ себя отъ слезъ и горя. Отъ Котовича мы знали, что его ожидаетъ въ Новгородѣ.

[2]) Коноводы были въ корпусѣ и до появленія въ немъ Гамзагурди. Я ихъ очень хорошо помню. Это были такъ называемые силачи и по здоровью, и по характеру.

ника. Повторяю, Гамзагурди не былъ нравственнымъ уродомъ. Напротивъ, это былъ мальчикъ способный, съ сердцемъ и не безъ извѣстныхъ правилъ. Восторгаясь Лермонтовымъ и Марлинскимъ, онъ не дурно писалъ стихами и прозою, крѣпко держалъ данное слово и за товарищей готовъ былъ идти въ огонь и воду. Изъ такихъ обыкновенно выходятъ тѣ, что первыми кидаются на батареи и увлекаютъ за собою другихъ. Ласкою и поощреніемъ изъ нихъ можно сдѣлать многое; но бить ихъ нужно умѣючи и съ оглядкою. Этой-то оглядки не было, и явилась въ корпусѣ сперва «Гамзагурдіевщина», а потомъ десять лѣтъ спустя цѣлый рядъ болѣе серьезныхъ безпорядковъ, равносильныхъ бунту и описанныхъ въ воспоминаніяхъ Тимченко-Рубана.

Продолжаю характеристику начальствующихъ лицъ.

Баталіоннымъ командиромъ въ корпусѣ при мнѣ былъ П. Ф. Пинкорнелли 1-й, уже человѣкъ пожилой, увѣшанный крестами и медалями за нѣсколько кампаній. Службу онъ началъ армейскимъ юнкеромъ, образованіе, какъ и его два родныхъ брата, тоже корпусные офицеры, имѣлъ настолько скудное, что это замѣчали даже кадеты приготовительныхъ классовъ. За то былъ подозрителенъ до болѣзненности. Г. Тимченко-Рубанъ его прямо называетъ «страшною ханжею и малограмотнымъ», хотя и не говоритъ, какое это имѣло послѣдствіе для насъ, кадетъ.

Въ громадномъ большинствѣ мы поступали въ корпусъ съ весьма смутнымъ религіознымъ образованіемъ, и, не зная самыхъ обычныхъ молитвъ, приносили съ собою скорѣе простонародное суевѣріе [1]), нежели понятія о вѣрѣ, въ нравственномъ значеніи этого слова. У меня и до сихъ поръ сохраняется въ памяти, какъ мой сосѣдъ въ младшемъ классѣ, Го—ій, на урокахъ нѣмецкаго языка ограждалъ себя крестами изъ воска и считалъ это вѣрнѣйшимъ средствомъ не быть спрошеннымъ. Другіе шли еще дальше, принося въ классы для той же цѣли страстныя свѣчки, ладонъ и пр. Нѣкоторые даже составляли особыя молитвы противъ всяческихъ напастей и для испрошенія разныхъ корпусныхъ благъ. Вскорѣ, однакожъ, наступилъ для многихъ изъ насъ тотъ періодъ, когда въ юношѣ начинаетъ пробуждаться, такъ сказать, поэтическая набожность, со всей ея прелестью, чистотою и таинственностью. Такое настроеніе не выноситъ посторонняго вмѣшательства, а тѣмъ болѣе начальнической регламентаціи. Но «подозрительный», какъ мы звали добраго Пинкорнелли 1-го, смотрѣлъ иначе на это весьма деликатное дѣло. Началось съ того, что ежедневныя наши

---

[1]) Суевѣріе иногда дѣйствовало панически. Такъ, въ 1843 году, кому-то изъ кадетъ показалось, что по корпусу разъѣзжаетъ Баба-Яга и начальству стоило немало усилій, чтобы разубѣдить насъ; успокоились мы только тогда, когда дознано было, что происходившій по ночамъ шумъ производила водокачалка въ подвальномъ этажѣ корпуса.

молитвы передъ дверями церкви, куда мы украдкою забѣгали по утрамъ, признаны были почему-то неудобными, и за нами стали слѣдить. Затѣмъ, очень ужъ усердно начали соблюдать всѣ праздники и водить насъ часто въ церковь, что въ особенности утомляло кадетъ по вечерамъ, когда служеніе длилось иногда часа по два и болѣе. Въ церкви же мы должны были стоять на вытяжку, за чѣмъ строго наблюдалъ Пинкорнелли и почти каждый разъ съ кого-либо взыскивалъ за отступленіе отъ этого правила. Такой формализмъ не замедлилъ дать свои плоды; изъ церкви, то и дѣло, стали выводить десятками мнимобольныхъ; послѣ церкви начинались насмѣшки, передразниванье и пр. Нашелся и такой школяръ, какъ Пол—ко, который, пробравшись въ ризницу, нарядился въ рясу. Вскорѣ его исключили изъ корпуса, а городская молва, какъ это часто бываетъ, не замедлила раздуть это происшествіе до легендарныхъ размѣровъ. Я уже упомянулъ, что въ 1845 году поручено было свыше произвести въ Полтавскомъ корпусѣ дознаніе о причинахъ проявленія среди его воспитанниковъ свободомыслія. Не знаю, что выяснило это дознаніе, отъ себя же могу добавить, что въ нѣкоторыхъ изъ насъ религіозное настроеніе стало замѣтно слабѣть именно съ того времени, какъ началась указанная мною формалистика. Вообще же, Пинкорнелли былъ слишкомъ блѣдною личностью, чтобы своимъ авторитетомъ вліять на насъ, въ ту или другую сторону, въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ нашъ штабъ-офицеръ, подполковникъ Кунъ [1]).

Французъ по происхожденію, блестящій кадетъ 1-го корпуса и лично извѣстный вел. князю Михаилу Павловичу [2]) по л.-гв. Волынскому полку, Кунъ имѣлъ всѣ данныя на не заурядную служебную карьеру. Повидимому, онъ и самъ сознавалъ свое превосходство, что и выражалось въ его отношеніяхъ къ другимъ офицерамъ корпуса и въ его неугомонной дѣятельности, проявлявшейся: то въ подтягиваніи кадетъ, то въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, то въ страстныхъ и рискованныхъ охотахъ. Тогда говорили, что Кунъ, по своему пылкому нраву, имѣлъ нѣсколько столкновеній въ полку и долженъ былъ перейти на службу въ нашъ корпусъ. Какъ бы то ни было, но Кунъ сразу занялъ въ немъ выдающееся положеніе, какъ по своему образованію, такъ и по своему

---

[1]) Передъ нимъ эту должность занималъ Ал. П. Хрущевъ, воспитанникъ 2-го корпуса, саперный офицеръ, а потомъ извѣстный Севастопольскій герой и генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Хрущевъ отъ насъ былъ переведенъ баталіоннымъ командиромъ въ Московскій корпусъ. («Русскій Архивъ», 1878 г., стр. 405).

[2]) Кунъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ и смѣлымъ охотникомъ; его часто приглашали на придворныя охоты; на одной изъ нихъ онъ лишился нѣсколькихъ пальцевъ на рукѣ.

властному характеру. Свою роту, которою онъ командовалъ не долго, Кунъ держалъ въ желѣзныхъ рукахъ и былъ грозою для всѣхъ насъ въ тѣ дни, когда дежурилъ по корпусу. Всѣ хорошіе и дурные кадеты ему отлично были извѣстны во всѣхъ ротахъ, и онъ не оставлялъ въ покоѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Первымъ онъ оказывалъ вниманіе тѣмъ, что давалъ имъ на прочтеніе французскія книги[1]); надъ послѣдними же онъ издѣвался съ какимъ-то злорадствомъ, нерѣдко задѣвая самыя чувствительныя стороны ихъ дѣтскаго самолюбія.

— «Нычипоръ, свинопасъ, бѣглый кантонистъ! забылъ, какъ привели тебя сюда въ рваныхъ сапогахъ и въ балахонѣ? Пошлемъ тебя въ твою Перерѣповку и будешь ты опять гусей пасти!»

Такъ обыкновенно глумился Кунъ надъ своей жертвой.

Эти-то, иногда совсѣмъ неумѣстныя, напоминанія сильно возмущали кадетъ противъ Куна и заставляли забывать его серьезное образованіе, прямоту и смѣлость, отъ которой онъ потомъ и погибъ. Когда кадеты узнали, что онъ утонулъ при поѣздкѣ въ лагерь во время весенняго половодія, то большинство, не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ, открыто стало выражать свою радость. Лично я былъ многимъ обязанъ Куну; онъ ко мнѣ весьма благоволилъ и ни разу не дозволилъ себѣ какой-либо оскорбительной выходки; но, помянувъ его добрымъ словомъ, справедливость обязываетъ меня сказать, что такихъ счастливцевъ въ корпусѣ было не много. Вообще, при несомнѣнныхъ достоинствахъ, Куну не доставало того неуловимаго качества, которое, даже при рѣзкости и вспыльчивости воспитателя, вселяетъ къ нему, не скажу любовь, потому что этимъ словомъ часто злоупотребляютъ, но симпатіи и довѣріе дѣтей. Какъ сейчасъ увидимъ, такіе именно воспитатели встрѣчались среди младшихъ офицеровъ нашего корпуса.

Въ мое время командовали ротами: Филипьевъ, Ф. Н. Дубровинъ, Рихтеръ и В. Н. Линевичъ.

Капитанъ И. К. Филипьевъ, не смотря на русскую фамилію, былъ католикомъ и олицетвореніемъ невозмутимаго спокойствія. Сѣкъ ли онъ кадетъ[2]) за проступки, ставилъ ли имъ нули за незнаніе ариѳметики, которую преподавалъ въ младшихъ классахъ, онъ также добродушно улыбался, какъ и тогда, когда по вечерамъ,

---

[1]) Преимущественно историческаго содержанія, какъ, напримѣръ, Тьера, Мишо и др. Кунъ имѣлъ уроки французскаго языка и былъ весьма строгимъ преподавателемъ.

[2]) Въ мое время ротнымъ командирамъ предоставлено было, по своему усмотрѣнію, наказывать розгами. Чаще всего это наказаніе назначалось за неуспѣхи въ классахъ. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Ежедневно ротный командиръ получалъ изъ классной канцеляріи подробную выписку о полученныхъ кадетами баллахъ и противъ тѣхъ, кого нужно было наказать розгами отмѣчалъ NB (надо высѣчь). Эти списки читались передъ ротою и каждый понималъ, что значитъ NB. Такъ дѣлалось въ той ротѣ, гдѣ я былъ.

охотно распѣвалъ съ своею ротою: «Вдоль по улицѣ широкой молодой кузнецъ идетъ»... Какъ теперь вижу его чистенькую, кругленькую, точно игрушечную фигурку, автоматически отбивающую кулачкомъ въ тактъ припѣва:

«Тукъ-тукъ, въ десять рукъ!
«Пріударимъ, братцы, вдругъ!»

Всегда ровный, справедливый и простой въ обращеніи, Филипьевъ весьма нравился кадетамъ и среди нихъ пользовался большимъ авторитетомъ.

Ф. Н. Дубровинъ былъ переведенъ къ намъ изъ 2-го кадетскаго корпуса. Пять лѣтъ къ ряду я пробылъ у него въ ротѣ. Какъ это часто случается, кого ближе знаешь—къ тому относишься благодушнѣе и невольно забываешь многое. Поэтому, о Дубровинѣ у меня вообще сохранились только хорошія воспоминанія, какъ о деликатномъ по натурѣ и безупречно-порядочномъ человѣкѣ. Не имѣя яркихъ особенностей, часто вспыльчивый и обидчивосамолюбивый, Дубровинъ заботливо относился къ кадетамъ своей роты, стоялъ за нихъ горою и зорко слѣдилъ за ихъ здоровьемъ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, два раза въ недѣлю осматривалъ бѣлье и нѣкоторыхъ приглашалъ на секретныя бесѣды, почти всегда оканчивавшіяся розгами [1]). Когда Дубровинъ дежурилъ по корпусу, то слабосильнымъ и малокровнымъ кадетамъ его роты отпускались двойныя порціи за завтракомъ и за обѣдомъ. Не рѣдко этихъ же кадетъ онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды. Покупая на наши деньги лакомства, Дубровинъ самъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было никакихъ сомнѣній и недоразумѣній. Въ силу той же щепетильности, Дубровинъ, состоя преподавателемъ нѣмецкаго языка въ младшемъ классѣ, никогда не выражалъ требованій, чтобы его предметомъ занимались предпочтительно, какъ это дѣлали нѣкоторые другіе преподаватели изъ нашихъ воспитателей.

Капитанъ Р—ъ и до сихъ поръ здравствующій, командовалъ 2-ю ротою. Крѣпкій и горячій нѣмецъ, онъ сильно напоминалъ гувернеровъ и надзирателей частныхъ пансіоновъ добраго стараго времени, въ которыхъ разные «пфеферы», «фернапиксы», «фухтеля» и проч., были въ большомъ ходу и усердно культивировались на благородномъ тѣлѣ русскаго юношества. Свою роту Р—ъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Гдѣ онъ получилъ образо-

---

[1]) Не скажу, чтобы эта мѣра достигала цѣли; она не отучала, а скорѣе усиливала извѣстный дѣтскій порокъ въ тѣхъ, кто имъ страдалъ. Такихъ, впрочемъ, было весьма не много. О другомъ противуестественномъ порокѣ, встрѣчающемся въ закрытыхъ заведеніяхъ, при мнѣ въ корпусѣ не было извѣстно кадетамъ.

Замѣчу кстати, что почти всѣ мы, полтавцы, пріѣзжали въ Дворянскій полкъ въ извѣстномъ отношеніи невинными и стыдливо-чистыми юношами, хотя многіе изъ насъ уже и достигали шестнадцатилѣтняго возраста.

ваніе не знаю, но въ мое время онъ имѣлъ въ младшихъ классахъ уроки нѣмецкаго языка.

В. Н. Линевичъ командовалъ неранжированною ротою. По наружности, пріемамъ и понятіямъ это былъ скорѣе старый и опытный «дядька», нежели утонченный воспитатель, хотя въ этой должности онъ и состоялъ въ Московскомъ корпусѣ со дня своего производства въ офицеры артилеріи. Сильно облысѣлый и помятый жизнью, крикливый, но нерѣчистый, онъ избѣгалъ длинныхъ поученій и нерѣдко поражалъ насъ ихъ краткостью и наглядностью. Привожу одинъ изъ многихъ случаевъ, о которомъ дольше другихъ помнилось въ корпусѣ.

Кадетъ С—въ сдѣлалъ какой-то выдающійся проступокъ и всѣ со страхомъ ожидали что̀-то будетъ, когда Линевичъ явится въ роту.

— Рота, строиться! — скомандовалъ своимъ картавымъ голосомъ почтенный Василій Николаевичъ.

— С—въ, впередъ!

Блѣдный и трепещущій С—въ сталъ передъ ротою.

— Мерзавецъ! Вотъ тебѣ! (трахъ-трахъ). Ступай на мѣсто; рота расходись!—скомандовалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже совершенно спокойнымъ голосомъ Линевичъ.

Преподавая ариѳметику въ младшихъ классахъ, Василій Николаевичъ тоже держался простѣйшихъ способовъ обученія, для чего приносилъ въ классы орѣхи и камешки, которые и должны были служить пособіемъ при разрѣшеніи задачъ по именованнымъ числамъ. Василій Николаевичъ, котораго я зналъ, какъ сосѣда по имѣнію, женившись въ Москвѣ чуть ли не съ самаго производства въ офицеры, имѣлъ большую семью и весьма ограниченныя средства. Это, однакожъ, не мѣшало ему и его почтенной супругѣ Натальѣ Игнатьевнѣ, которая, кажется, и до сихъ поръ живетъ въ Полтавѣ, быть гостепріимными и радушными хозяевами. Каждый праздникъ у нихъ всегда бывало по нѣсколько кадетъ въ отпуску, которыхъ угощали съ истинно-московскимъ хлѣбосольствомъ. Упоминаю объ этомъ потому, что тогда отпуски были большою рѣдкостью. Только нѣсколько кадетъ имѣли знакомыхъ и родныхъ въ Полтавѣ, а объ загородныхъ отпускахъ никто не смѣлъ и подумать, какъ о величайшей роскоши, которая, по тогдашнимъ правиламъ, строго воспрещалась. Наши воспитатели, нужно отдать имъ справедливость, старались, на сколько могли, смягчать нашу монастырскую отчужденность,—брали насъ по праздникамъ въ свои семьи, а нѣкоторыхъ вывозили и въ полтавское общество. Чаще всего кадеты посѣщали домъ губернатора, добрѣйшаго Ознобишина, предводителя дворянства Капниста и проч.

Въ той ротѣ, гдѣ я былъ, за мое время перемѣнилось достаточное число офицеровъ-воспитателей. Хотя я ихъ всѣхъ очень

хорошо помню, но скажу лишь о тѣхъ, которые болѣе ярко выступали на однообразномъ фонѣ кадетской жизни.

Начну съ поручика И. Р. Тимченко-Рубана, воспоминанія котораго, какъ выше сказано, напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Замѣчу кстати, что эти воспоминанія весьма мало касаются того времени, когда я былъ въ корпусѣ.

Между тѣмъ, объ этой порѣ, какъ говоритъ г. Павловскій, менѣе всего сохранилось даже офиціальныхъ свѣдѣній [1]). Объ этомъ можно только пожалѣть и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Прослѣдивъ всѣ наши начинанія во всѣхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности, невольно задаешь себѣ вопросъ: почему мы, всегда такъ ревностно принимаясь за всякое новое дѣло и находя для него вполнѣ пригодныхъ людей, вскорѣ охладѣваемъ, довольствуемся рутиною и, нерѣдко, проваливаемъ нами же созданное и поставленное на ноги дѣтище? Къ сожалѣнію, этой же участи не избѣгъ и Полтавскій корпусъ. Какія были тому причины, г. Рубанъ не даетъ объясненій; но въ его воспоминаніяхъ съ наивною правдивостью передана именно эта наша печальная особенность, и читая ихъ, не хочешь вѣрить: какъ всѣ эти когда-то полные энергіи люди, заживо вымирая, своими же ослабѣлыми руками разобрали то, надъ чѣмъ съ такою любовью и увлеченіемъ трудились въ теченіе многихъ лѣтъ. Пожелавъ, чтобы подобныя явленія не повторялись, хотя бы въ нашей школьной жизни, будемъ продолжать нашъ разсказъ о минувшемъ времени.

О Тимченко-Рубанѣ, какъ воспитателѣ и человѣкѣ, отъ себя скажу не много. Онъ былъ такимъ, какимъ является въ своихъ воспоминаніяхъ и съ сильной, и съ слабой стороны. Среди нашихъ офицеровъ, Рубанъ отличался жизненной опытностью, не знаю ужъ почему, присущею бывшимъ кадетамъ Павловскаго корпуса, въ которомъ Рубанъ получилъ воспитаніе. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто приходилось встрѣчать въ прежнихъ кадетахъ этого корпуса, такъ сказать, хозяйственную жилку [2]). Бесѣды г. Рубана съ кадетами постоянно вращались въ сферѣ разныхъ практическихъ сноровокъ по части скромнаго хозяйства тогдашняго армейскаго офицера. Эти указанія были не лишними, если припомнить, что въ наше время кадетъ въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ корпусѣ не имѣлъ права имѣть на рукахъ деньги и лично ими распоряжаться. Въ этомъ отношеніи мы выходили изъ корпуса совершенными младенцами, что нерѣдко печально отзывалось на нашихъ финансовыхъ бюджетахъ, въ особенности, когда мы попадали въ гвардейскія и кавалерійскія части.

---

[1]) «Рус. Старина» 1886 г., т. XII.

[2]) Въ войсковыхъ частяхъ я помню многихъ бывшихъ Павловскихъ кадетъ на должностяхъ казначеевъ, квартирмейстеровъ, хлѣбопековъ и проч.

Поручикъ Янковичъ, другъ Рубана и также бывшій кадетъ Павловскаго корпуса, знакомилъ насъ съ другою стороною практической жизни. Мягкій, представительной наружности, часто посѣщавшій полтавское общество, онъ казался намъ самымъ благовоспитаннымъ между нашими далеко не свѣтскими воспитателями, и въ этомъ отношеніи служилъ кадетамъ образцомъ. Янковичъ охотно бесѣдовалъ съ нами о разныхъ приличіяхъ свѣта, слѣдилъ за нашими уроками танцевъ и иногда самъ принималъ въ нихъ участіе.

Тимченко-Рубанъ и Янковичъ прежде служили въ артилеріи и были весьма полезными преподавателями въ корпусѣ по исторіи и геометріи.

Инымъ пошибомъ отличались В. И. Дудышкинъ, В. В. Нарѣжный и В. С. Клименко, также мои ротные офицеры.

Дудышкинъ, раціоналистъ и математикъ по складу ума, являлся поучительнымъ примѣромъ того, чего можно было достигнуть путемъ самообразованія, даже въ то глухое время. Произведенный въ саперные офицеры и квартируя съ своимъ баталіономъ въ разныхъ захолустьяхъ, Дудышкинъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ на столько пополнить скромное кадетское образованіе, что, по своимъ разностороннимъ и серьезнымъ познаніямъ, могъ потягаться съ любымъ спеціалистомъ. Кромѣ физики и алгебры, Дудышкинъ преподавалъ въ корпусѣ ботанику. Составленныя имъ по этимъ предметамъ записки могли бы и теперь служить образцомъ въ высшей степени добросовѣстнаго и такъ сказать любовнаго отношенія учителя къ своему дѣлу [1]). Кстати замѣчу, что по большинству предметовъ преподаванія мы печатныхъ руководствъ не имѣли и должны были готовиться къ урокамъ по класснымъ замѣткамъ, составлявшимся за учителями. Скорѣе угрюмый и нелюдимый, нежели сообщительный, Дудышкинъ, однако, пользовался большимъ довѣріемъ начальства и кадетъ. Къ нему часто обращались за совѣтомъ и весьма дорожили его мнѣніемъ. Что скажетъ, бывало, Дудышкинъ, то, навѣрно, исполнялось. Помню, какъ-то разъ, кадеты не приготовились по алгебрѣ; Дудышкинъ обидѣлся и заявилъ, что прекращаетъ чтеніе и предоставляетъ намъ самимъ проходить курсъ. Не смотря на то, что это для многихъ изъ насъ было не по силамъ, никому не приходило на мысль жаловаться и ходатайствовать объ отмѣнѣ столь стѣснительнаго распоряженія. Работая вдвое, мы, при помощи туторовъ, о которыхъ я упоминалъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, одолѣли одинъ изъ трудныхъ отдѣловъ алгебры, и только тогда Дудышкинъ снова началъ

---

[1]) Эти записки Дудышкинъ имѣлъ терпѣніе переписать своимъ прекраснымъ почеркомъ и литографическими чернилами; руководство было снабжено имъ же художественно-исполненными рисунками растеній и проч.

ходить на уроки. Вообще, дѣйствуя на самолюбіе, онъ возбуждалъ въ насъ любовь къ труду, правдивость, совѣстливость и проч.

Нарѣжный, не безъ основанія, заставлялъ кадетъ не только себя бояться, но и остерегаться. Угловатый и грубый, мелкій и жесткій по натурѣ, онъ радовался проступкамъ кадетъ и видимо находилъ удовольствіе въ ихъ наказаніяхъ. По этой части онъ былъ въ своемъ родѣ артистъ и расправы производилъ особымъ способомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ «кукуньки».

— Кукунька идетъ!—кричитъ, бывало, Нарѣжный, хватая голову своей жертвы подъ лѣвую руку, а правою нанося ей удары. Надо было видѣть, съ какимъ сладострастіемъ клевалъ свою добычу освирѣпѣлый Нарѣжный, чтобы почувствовать къ нему невольное отвращеніе.

Не меньшую антипатію внушалъ къ себѣ Нарѣжный и потому еще, что у него водились такъ называемые «любимчики» изъ кадетъ. Мы ихъ подозрѣвали въ шпіонствѣ, хотя, въ сущности, доносить объ насъ было нечего. Въ то время никакихъ тайныхъ и запрещенныхъ проступковъ въ корпусѣ еще не было; мы не курили, въ карты не играли, скопомъ и заговоромъ не дѣйствовали; правда, надъ начальствомъ потѣшались, но этого настолько не скрывали, что многіе изъ воспитателей знали свои прозвища и даже иногда заставляли себя «представлять» такимъ талантливымъ по этой части школярамъ, какъ Бѣлинскій, Ломаковскій и др. Нарѣжный, конечно, не принадлежалъ къ этимъ благодушнымъ, ибо зналъ за собою то, что обнаружилось только много лѣтъ спустя послѣ его воспитательной дѣятельности. Но, chaque vérité n'est pas bonne à dire, а потому скажу лишь, что Нарѣжный былъ хорошимъ преподавателемъ геометріи, требуя не только знанія, но пониманія и практическаго приложенія теоремъ этой, по его выраженію, «науки порядка».

В. С. Клименко настолько памятенъ всѣмъ намъ, что вѣроятно, многіе и до сихъ поръ видятъ передъ собою его своеобразную наружность. Большеголовый, съ орлинымъ носомъ, на тонкихъ, въ обтяжку и колесомъ, ножкахъ, съ вѣчно протянутыми впередъ увѣсистыми кулаками, этотъ маленькій живчикъ, проворно бѣгая утиною развалкою, зорко слѣдилъ за нашими шалостями и внезапно казнилъ «ракалій».

— Что, ракалія, не ожидалъ! Вотъ тебѣ разъ «бычекъ», вотъ тебѣ два,—методически отсчитывалъ Клименко своими пальцами-«утюгами», или съ неменьшей ловкостью давалъ въ догонку «киселя», къ общей потѣхѣ всей роты.

Но всѣ эти «бычки», «подножки» и «кисели», хотя подчасъ и были чувствительны, но искупались тѣмъ благодушнымъ юморомъ, съ которымъ они раздавались всегда прямымъ и никому не дѣлавшимъ исключеній, добросердечнымъ Василіемъ Семеновичемъ.

— Я знать не хочу, кто шумѣлъ; но вы не остановили шума, значитъ, всѣ виноваты и всѣ должны отвѣчать! — такъ обыкновенно пояснялъ Василій Семеновичъ свои огульныя взысканія съ роты, выставляя всѣхъ насъ на штрафъ.

Вообще, Клименко принадлежалъ къ питомцамъ той суровой и крутой школы, изъ которой вышли такіе дѣятели, какъ Аракчеевъ, Клейнмихель и другіе бывшіе кадеты 2-го корпуса, воспитанники котораго, еще въ пятидесятыхъ годахъ, носили характерное прозвище—«деревяшекъ». Разсказы Клименко, передаваемые безъ горечи и озлобленія, о своихъ учителяхъ, о скудной во всѣхъ отношеніяхъ корпусной обстановкѣ его времени, о заброшенности и одичалости тогдашнихъ кадетъ, заставляли насъ сравнивать былое съ настоящимъ и, конечно, отдавать предпочтеніе нашему, не впримѣръ лучшему, положенію. И, дѣйствительно, между корпусами тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже существовала большая разница во многихъ отношеніяхъ; между тѣмъ это не всегда и не всѣми имѣется въ виду, когда заходитъ рѣчь о традиціяхъ этихъ заведеній. Клименко слѣдилъ за тогдашнею литературою и мастерски читалъ намъ на своихъ дежурствахъ Гоголя, Соллогуба, Грибоѣдова и проч. Служа прежде въ саперахъ, Клименко былъ силенъ въ математикѣ, но уроковъ въ корпусѣ не бралъ.

— Отчего вы, Василій Семеновичъ, не желаете имѣть уроковъ?—спрашивали его кадеты.

— Оттого, что эти занятія не по моему характеру,—простосердечно сознавался Клименко.

Самообладаніемъ онъ, дѣйствительно, не отличался и я очень хорошо помню, какъ однажды его горячность зашла слишкомъ далеко и поставила въ крайне неловкое положеніе.

За шумъ, наша рота была поставлена на штрафъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы знали, что малѣйшій шорохъ въ рядахъ приводилъ Клименко въ иступленіе, а потому старались, что̀ называется, замирать на мѣстѣ.

Когда насъ выстроили, въ ротѣ не было большого школяра Ил—ко, который, ничего не подозрѣвая, влетѣлъ въ залу, выдѣлывая антраша мазурки.

— Становись, «животное», на колѣни, сюда, передъ роту!—съ яростью крикнулъ Василій Семеновичъ.

Ил—ко безпрекословно исполнилъ приказаніе.

— Эрикъ! Поди сюда; дери его за уши.

Служитель изъ латышей приблизился къ Ил—ко, но стоялъ, какъ окаменѣлый.

— Я тебѣ, приказываю, каналья! Убью, если не исполнишь.

— Воля вашего благородія, но солдату не дозволяется обижать господскихъ дѣтей. Я присягалъ...

Рота была распущена со штрафа, Ил—ко былъ прощенъ, но,

однакожъ, почтенный Василій Семеновичъ и мы, кадеты, долго помнили и чувствовали, что вышло что-то не ладное. Подобныя сцены, какъ я уже сказалъ, дѣйствуя на насъ гораздо сильнѣе разныхъ поученій, заставляли задумываться и сопоставлять факты съ прописною моралью.

Объ остальныхъ офицерахъ-воспитателяхъ, большинство коихъ были артилеристы и саперы, скажу только, что почти всѣ они, съ малыми видоизмѣненіями, держались тѣхъ же пріемовъ обращенія съ кадетами,—обращенія крайне неровнаго, зачастую неожиданно переходившаго отъ мирныхъ бесѣдъ къ боевымъ расправамъ. Могло ли, однакожъ, быть иначе? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ необходимо припомнить, что въ то время отъ воспитателей-офицеровъ прежде всего требовалась служебная исполнительность, при которой усердіе должно было предпочитаться всему остальному [1]). Затѣмъ, не надо забывать, съ какимъ матеріаломъ тогда приходилось имѣть дѣло въ корпусахъ. Поступавшіе въ эти заведенія дѣти, въ громадномъ большинствѣ, выростали въ патріархальной простотѣ. Предоставленные самимъ себѣ и окруженные крѣпостной дворней, они видѣли лишь одни отрицательные примѣры нравственности; своевольничали, грубѣли и рѣдко получали понятія о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести.

Воспитаніе въ общественныхъ и частныхъ школахъ было не лучше, а, пожалуй, еще и того хуже. До поступленія въ корпусъ я побывалъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ и въ гражданской гимназіи. По сравненію съ Полтавскимъ корпусомъ эти заведенія не выдерживали критики; обученіемъ и воспитаніемъ въ нихъ руководили до крайности устарѣвшіе учителя и надзиратели изъ берейторовъ, какимъ безспорно былъ г. Капеллеръ, содержатель частнаго пансіона при Черниговской гимназіи. Ихъ воспитательные пріемы имѣли скорѣе отрицательное, нежели положительное, значеніе. О тогдашнихъ уѣздныхъ училищахъ и говорить нечего; по ихъ обстановкѣ и нравамъ, онѣ сильно напоминали бытъ бурсаковъ, описанный Гоголемъ въ его повѣсти «Вій». Получивъ большинство юношей изъ такихъ-то учебныхъ заведеній и полудикихъ хуторовъ, корпусному начальству, разумѣется, было не до тонкихъ педагогическихъ пріемовъ [2]). Чтобы придать этой разношерстной массѣ хотя бы внѣшній порядокъ, ему оставалось держаться крутой дисциплины и суровыхъ карательныхъ мѣръ.

---

[1]) «Les services et le zèle doivent l'emporter sur l'instruction» (служебныя обязанности и усердіе должны быть предпочитаемы просвѣщенію). Изъ резолюціи императора Николая, положенной на запискѣ, по его повелѣнію составленной А. С. Пушкинымъ: «О воспитаніи въ Россіи».

[2]) Замѣчу, что изъ великорусскихъ губерній къ намъ поступали наиболѣе благовоспитанные юноши, какъ, напр., Голенищевъ-Кутузовъ, Барсовъ, Копыловъ, Михайловъ, Кондыревъ и друг.

Существуетъ мнѣніе, будто бы, прежній режимъ кадетскихъ корпусовъ способствовалъ выработкѣ въ кадетахъ характера, воли и цѣльнаго, корпоративнаго, духа. За давностью лѣтъ, провѣрить справедливость этого мнѣнія довольно трудно; вѣроятнѣе же всего, что оно, основываясь на отдѣльныхъ примѣрахъ и преданіяхъ, съ теченіемъ времени стало преувеличиваться и не въ мѣру обобщаться, какъ все давно минувшее и хорошо позабытое. Безспорно, что въ прежнее, и даже въ мое время встрѣчались цѣльныя и устойчивыя натуры между кадетами; не отрицаю, что нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось впослѣдствіи доказать справедливость афоризма, въ силу коего не столько умъ, сколько воля и характеръ ведутъ къ успѣху въ жизни, но въ то же время могу утверждать, что такихъ было весьма немного между моими однокашниками, какъ и вообще достигнувшихъ потомъ на разныхъ поприщахъ виднаго положенія [1]).

Итакъ, не принимая въ расчетъ меньшинства, отъ природы надѣленнаго задатками сильной воли, посмотримъ: представлялись ли благопріятныя условія для укрѣпленія и выработки характера въ кадетахъ моего времени.

Извѣстно, что для этого требуется борьба, нужда и препятствія. Спрашивается: гдѣ же кадетъ со всѣмъ этимъ могъ встрѣтиться? Въ корпусѣ мы жили на всемъ готовомъ и по разъ заведенному порядку, тщательно устранявшему и облегчавшему всѣ препятствія. Все же, что происходило внѣ стѣнъ заведенія, насъ вовсе не касалось; даже о родномъ и близкомъ намъ кругѣ, съ его интересами, мы узнавали изъ рѣдкой, подцензурной, переписки; не бывая же въ отпускахъ, мы отвыкали отъ жизненныхъ невзгодъ, нерѣдко забывали нашу домашнюю обстановку и становились чужаками къ своей семьѣ. Положимъ, что трудъ, ученье и дисциплина пріучали насъ къ нѣкоторому навыку въ работѣ, къ внѣшнему порядку, къ послушанію въ массѣ. Но вѣдь многіе изъ насъ, какъ сыновья помѣщиковъ, учились не по нуждѣ и не изъ-за

---

[1]) Въ настоящее время, сколько мнѣ извѣстно, изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоитъ на службѣ 26 человѣкъ; почти всѣ они окончили образованіе въ военныхъ академіяхъ; изъ числа ихъ: г.-л. Лейхтъ состоитъ предсѣд. глав. воен. суда; г.-л. Величко—помощникомъ начал. глав. штаба; г.-л. Шаликовъ и г.-м. Маслоковецъ—губернаторами; г.-л. Шмитъ и г.-л. Бискупскій начальниками дивизій. (См. приложеніе 1). Изъ умершихъ упомяну: о сенаторѣ г. л. Старосельскомъ (IV вып.), добрая память о которомъ и до сихъ поръ сохраняется на Кавказѣ, какъ о бывшемъ начальникѣ главнаго управленія по гражданской части въ этомъ краѣ; о г.-л. Яковлевѣ (I вып.), бывшемъ управляющимъ дѣлами главнаго комитета по образованію и устройству войскъ и о г.-м. Кондзеровскомъ (V вып.), бывшемъ начальникомъ Константиновскаго военнаго училища. Бывшіе же полтавцы: Ив. Ив. Красовскій (I выпуска) и В. Д. Левшинъ (V вып.) служили по гражданскому вѣдомству и занимали мѣста Томскаго и Ярославскаго губернаторовъ.

куска хлѣба; что же касается подчиненія корпуснымъ требованіямъ, то, кто же того не знаетъ, какъ часто и легко они обходились и какъ рѣдко встрѣчались случаи, вызывающіе на борьбу съ начальствомъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать отъ сторонниковъ старыхъ корпусовъ, что въ этой-то борьбѣ съ начальствомъ главнымъ образомъ и формировались тѣ спартанцы, о которыхъ сложилось столько баснословныхъ разсказовъ о ихъ стоицизмѣ подъ розгами. Отсюда, будто бы, вытекалъ и тотъ крѣпкій товарищескій духъ, коимъ навсегда связывались кадеты - однокашники. Быть можетъ прежде такъ это и было, когда въ нашей арміи офицеровъ, произведенныхъ изъ кадетъ, было весьма немного; въ мое же время, сколько помню, товарищеская спайка держалась лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались подъ одной кровлею и подъ воздѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же злобъ дня. Уже пріѣзжая въ Дворянскій полкъ и разбиваясь по разнымъ ротамъ, губернскіе кадеты вскорѣ утрачивали свои мѣстныя особенности и, рѣдко держась своихъ прежнихъ однокашниковъ, избирали новыхъ друзей-пріятелей изъ другихъ корпусовъ. То же самое происходило и по выпускѣ насъ въ офицеры, когда мы разъѣзжались въ отдаленные концы Россіи и попадали въ разныя части арміи. Тутъ уже сохранить тотъ узко-корпоративный духъ, какимъ, напримѣръ, проникнуты правовѣды, было невозможно и едва ли желательно для обще-государственныхъ цѣлей. Служба и обиходъ войскового быта требовали отъ общества офицеровъ сплоченности, а не разъединенія на полтавцевъ, новгородцевъ, полочанъ и проч. Подъ напоромъ этихъ-то требованій корпусный цементъ уступалъ мѣсто инымъ связямъ, уже обоснованнымъ частью на общности интересовъ такой широкой семьи, какъ наша армія, частью на другихъ чисто-житейскихъ соображеніяхъ и расчетахъ. Тѣмъ не менѣе, жизнь не у всѣхъ насъ окончательно изглаживала воспоминанія о корпусѣ, о нѣкоторыхъ товарищахъ и воспитателяхъ. Не въ обиду, однакожъ, моимъ однокашникамъ, скажу, что наши воспитатели дольше помнили о насъ, нежели мы о нихъ. Многіе изъ этихъ почтенныхъ людей, были искренно убѣждены, что дѣлали намъ только добро, и весьма огорчались, когда имъ въ этомъ приходилось разочаровываться.

Я помню нѣсколько случаевъ такихъ разочарованій и одинъ изъ нихъ до сихъ поръ у меня передъ глазами.

Шли окончательные экзамены предъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Мы сидѣли въ классѣ русскаго языка, преподаваемаго весьма симпатичнымъ и талантливымъ Л. О. Корженевскимъ. Поэтъ въ душѣ и на дѣлѣ, онъ и для нашихъ сочиненій избѣгалъ выбирать темы реальнаго содержанія. На этотъ разъ намъ было задано инспекторомъ классовъ Ницкевичемъ изложить наши чувства, покидая корпусъ. Началось чтеніе написаннаго. Долго слушалъ

Ницкевичъ и, наконецъ, не выдержалъ. Когда Пет—вскій окончилъ чтеніе своей горячо и откровенно высказанной исповѣди, Ницкевичъ обратился къ нему и голосомъ, полнымъ слезъ, сказалъ: «и все это за пять лѣтъ нашихъ тревогъ, заботъ и огорченій!..»

— Я написалъ, что чувствовалъ и болѣе всего боялся огорчить васъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, ложью и неправдою,—отвѣтилъ Пет—вскій.

— Спасибо и за это! Будемъ утѣшаться хоть тѣмъ, что мы не пріучали васъ къ притворству и лицемѣрію, — добавилъ Ницкевичъ, со всѣмъ ужъ рыдая.

И Ницкевичъ былъ правъ. Систематически насъ не пріучали къ фальши, къ шаблонной фразеологіи, къ смотровымъ тонкостямъ и проч. Но, опять-таки, говорю о моемъ времени и исключительно о Полтавскомъ корпусѣ, стоявшемъ тогда особнякомъ. Высшія лица рѣдко посѣщали наше губернское захолустье, а потому на показную часть въ корпусѣ мало обращалось вниманія. Фронту насъ обучали умѣренно, и мы, пріѣзжая въ Дворянскій полкъ, оказывались на столько плохими строевиками, что насъ называли «статскими». Впрочемъ, мы скоро подтягивались и не портили фронта Дворянскихъ баталіоновъ.

На гимнастику, игры и вообще физическія упражненія въ Полтавскомъ корпусѣ не особенно налегали. Въ этой отрасли воспитанія, сколько помню, принимали болѣе горячее участіе наши гражданскіе учителя, нежели офицеры-воспитатели. Такъ, почтенный французъ Соссе почти ежедневно являлся въ нашъ корпусный садъ, гдѣ, безъ устали, руководилъ нашими играми, награждая лучшихъ бойцовъ въ городки, лапту и мячикъ пряниками, которыми всегда были полны его карманы. Другой учитель Ф. П. Дейкъ охотно бился съ нами на рапирахъ и эспадонахъ, иногда входя въ истинный азартъ нѣмецкаго бурша. Танцамъ насъ обучалъ m-r Saint-Martin, настоящій джентльменъ по наружности и манерамъ. Бывшій военный и, кажется, кавалеръ почетнаго легіона, онъ, однакожъ, требовалъ отъ насъ хореграфическихъ тонкостей и часто повторялъ на урокахъ: ne soyez pas soldats—soyez—gentilhommes. Гражданскимъ же преподавателямъ мы обязаны и тѣмъ, что выходя изъ корпуса, не были чужды того, чего, по отзывамъ нынѣшнихъ педагоговъ, не достаетъ современнымъ юношамъ; разумѣю воспитательное значеніе возможно осмысленнаго прохожденія и усвоенія политическихъ предметовъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Я уже сказалъ, что по исторіи большинство изъ насъ читало много и охотно, чему, конечно, способствовали наши учителя. Въ старшемъ классѣ исторію преподавали гг. Пильчиковъ и В. М. Бѣлозерскій. Хотя въ программу курса входила лишь часть Русской исторіи, но эти высоко-честные и безупречно-чистые на-

ставники, принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ только-что возникавшему тогда славянофильству, воодушевляли и насъ той горячею любовью ко всему родному, на которую такъ способны юноши, если съ этой стороны умѣло затрогиваютъ ихъ сердца и мысли. Уже тогда мы восторгались той ролью, какая предстояла Россіи въ разрѣшеніи славянскаго вопроса. Правда, по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ, увлеченіе славянскими идеями вскорѣ признано было опаснымъ и противъ нихъ распространенія приняты были крутыя мѣры; но это случилось уже послѣ нашего выѣзда изъ Полтавы [1].

Чувствую, что, передавая объ этомъ, я какъ бы подтверждаю всѣ недостатки корпуснаго образованія, о которыхъ мнѣ не разъ приходилось слышать и читать. Обыкновенно, прежнее корпусное образованіе упрекаютъ въ отсутствіи солидности, въ полу-познаніяхъ, въ верхоглядствѣ. Все это въ извѣстной степени справедливо, хотя больше съ теоретической, а не съ фактической, точки зрѣнія. Вѣдь и ученики тогдашнихъ гражданскихъ обще-образовательныхъ заведеній, въ большинствѣ, не могли похвалиться основательностью своихъ познаній; по способу же преподаванія и учительскому составу эти заведенія, по общимъ и совершенно справедливымъ отзывамъ, стояли гораздо ниже кадетскихъ корпусовъ. Какъ бы то ни было, но пріобрѣтаемыхъ нами въ Полтавскомъ корпусѣ познаній достаточно было, чтобы многимъ изъ насъ успѣшно оканчивать академическое образованіе [2]), нѣкоторымъ пріобрѣсти извѣстность въ ученомъ мірѣ (Величко, Шкляревичъ, Флоренсовъ) и заявить себя серьезными и полезными преподавателями (В. Ф. Барсовъ, Рядновъ, Шкляревичъ и др.) [3]).

Защищать полузнаніе, конечно, никто не станетъ; но и оно иногда бываетъ полезнѣе исключительной, хотя быть можетъ и очень серьезной, односторонности. Эта послѣдняя опасна тѣмъ, что юношество, при встрѣчѣ съ новыми мыслями, легко поддается стороннему вліянію и нерѣдко способно увлечься мечтательными крайностями всяческихъ теорій. И въ сороковыхъ годахъ общественная мысль не спала, и наша журналистика работала въ извѣстномъ направленіи; но, путемъ чтенія и бесѣдъ съ нашими преподавателями, мы настолько были ознакомлены съ сущностью волновавшихъ тогда русскую жизнь вопросовъ, а слѣдовательно и гарантированы отъ увлеченій новизною и заманчивостью ихъ, что

[1]) В. М. Бѣлозерскій въ 1847 году, какъ одинъ изъ членовъ Кіево-Меѳодіевскаго общества, былъ высланъ на жительство въ Петрозаводскъ.

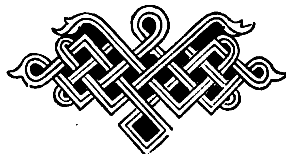
[2]) Съ 1851 по 1890 годъ, во всѣхъ нашихъ военныхъ академіяхъ изъ бывшихъ полтавцевъ окончило курсъ около ста пятидесяти офицеровъ, т. е. болѣе 10° изъ всего числа произведенныхъ за пятьдесятъ лѣтъ въ офицеры (см. прилож. II).

[3]) Пишу по памяти, а потому прошу извинить за пропускъ, вѣроятно, многихъ.

почтенный отецъ Сіяльскій, передъ нашимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, могъ, отъ лица всѣхъ нашихъ воспитателей, совершенно спокойно сказать намъ въ напутствіе: «будьте чисты яко голуби и мудры яко зміи». Конечно, я далекъ отъ того, чтобы рѣшать: въ какой мѣрѣ каждому изъ насъ удалось въ жизни остаться вѣрнымъ этому евангельскому завѣту. Отъ себя лишь скажу, что соблюсти его въ то время, повидимому, было легче, нежели теперь.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть и о томъ воспитательномъ значеніи, какое имѣли для насъ, кадетъ, посѣщенія корпуса императоромъ Николаемъ, нашимъ главнымъ начальникомъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и его начальникомъ штаба, Я. И. Ростовцевымъ. О той суровости, про которую сложилось не мало преданій, не было и помину. Напротивъ, государь и великій князь, оставаясь по нѣсколько дней въ Полтавѣ и безпрестанно заходя въ корпусъ, величавою простотою и сердечнымъ обращеніемъ съ кадетами производили на нихъ чарующее дѣйствіе, навсегда сохранявшееся въ ихъ памяти. Начавшись юношескими восторгами и поклоненіемъ, этотъ культъ переходилъ потомъ въ сознательно-безграничную преданность, подвигами мужества и вѣрностью долгу многими полтавцами на службѣ доказанную [1]).

М. А. Д.

[1]) Въ послѣднюю войну не малое число бывшихъ воспитанниковъ Палтавскаго карпуса получили Георгіевскіе кресты и другія награды за боевыя отличія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ бывшихъ кадетъ Полтавскаго корпуса въ генеральскихъ чинахъ состоятъ на службѣ:

Генералъ-лейтенанты:

1) А. Ѳ. Петровскій. К—диръ 6—ды кавал. запаса.	III-го вып: изъ корпуса (1847 г.).
2) М. А. Домонтовичъ. Въ вѣдом. воен. учебн. завед.	
3) С. А. Лейхтъ. Пред. Главн. воен. суда.	(IV)
4) М. Я. Шаликовъ. Эриванскій губернаторъ.	
5) А. О. Шмитъ. Начальн. 16-й пѣхотн. дивизіи.	(V)
6) И. Ѳ. Невадовскій. Начальн. 9-й мѣстн. бригады.	
7) Ф. К. Величко. Помощн. начальн. Главн. Штаба.	(VI)
8) К. К. Бискупскій. Начальн. 2-й гренад. дивиз. (Георгіевскій кавалеръ).	

Генералъ-маіоры:

9) А. И. Лепарскій. Помощн. окр. интенданта.	(II)
10) И. А. Боголюбовъ. Директ. Оренбург. кад. корпуса.	(IV)
11) А. Вейсбахъ. Въ корпусѣ жандармовъ.	(VI)
12) Н. А. Маслаковецъ. Оренбург. губернаторъ.	(VIII)
13) В. Н. Шкляревичъ. Пос. членъ ком. Гл. Арт. Упр.	
14) В. Н. Онопріенко. Въ корпусѣ жандармовъ.	
15) М. Н. Красковскій. Начальн. окр. арсен. склада.	
16) И. И. Филипенко. Сов. членъ Арт. ком. Гл. Арт. Упр.	(IX)
17) А. Г. Фертовъ. Военный судья.	(XI)
18) К. К. Македонскій. Военный прокуроръ.	
19) М. Н. Рындинъ. Начальн. отд. Гл. Инж. Упр.	
20) Л. Ѳ. Костенко. Завѣд. Азіат. част. въ Гл. Штабѣ.	(XII)
21) К. А. Баіовъ. Нач. шт. 9-го арм. корпуса.	
22) П. Н. Баженовъ. Нач. шт. 14-го арм. корпуса.	(XIII)
23) Я. Д. Малама. Нач. штаба Кіевск. округа. (Георгіевскій кавалеръ).	(XV)
24) К. О. Разгоновъ. Нач. Аму-Дарьинск. отд.	
25) Е. Д. Евреиновъ. Въ Удѣльн. вѣдомствѣ.	(XVI)
26) П. З. Костырко. Въ Главн. Арт. Управл.	(XVIII)

II.

Изъ бывшихъ воспитанниковъ Полтавскаго корпуса и Военной гимназіи окончили академіи:

1) Николаевскую Генеральнаго Штаба: (Съ 1851 г. по 1890 годъ). Чернявскій, Антоновъ, Зеленскій, Шмитъ, Бискупскій 1-й, Домонтовичъ, Шаликовъ 1-й, Лучницкій 1-й, Величко, Кучеровъ, Маслаковецъ, Абельдяевъ, Кондзеровскій, Баіовъ, Фертовъ (и юридическую), Лучницкій 2-й, Боголюбовъ, Кружилинъ, Гржимайло, Баженонъ, Костенко, Соболевскій (и юридическую), Скаржинскій, Малама, Евреиновъ 1-й, Кащенко, Разгоновъ, Ставровскій (георгіевскій кавалеръ), Милорадовичъ, Андріяновъ (георгіевскій кавалеръ) [1]), Иршенко, Надаровъ, Черемушкинъ, Евреиновъ 2-й, Пещанскій, Потоцкій 1-й, Ольховскій, Бобырь, Потоцкій 2-й, Пробенко, Мартосъ, Шейдеманъ, Карнѣевъ, Трамбицкій, Малинко, Яковлевъ, Бутовичъ, Мандрыко, Добровольскій, Гребенщиковъ, Гнида, Гончаренко, Родкевичъ, Пржевальскій, Адабашъ, Холодовскій, Саввичъ и Чулковъ.

2) Михайловскую Артилерійскую: (Съ 1852 по 1890 годъ). Лейхтъ, Шкляревичъ, Шевченко, Филипенко, Квитка, Дерюгинъ, Шишкевичъ, Павленковъ, Бискупскій 2-й, Пеленкинъ, Потоцкій, Флоренсовъ, Кобалевскій 1-й, Костырко, Кобалевскій 2-й, Ланге, Пиротскій, Мокріевичъ, Циклинскій, Адасовскій, Индутный, Лавриненковъ, Ограновичъ, Калишевскій 1-й, Чернявскій, Климовъ, Калишевскій 2-й, Симоновскій, Манько, Коленко, Корнѣевъ, Катрухинъ, Потоцкій, Линевичъ, Нечволодовъ, Попруженко, Богаевскій, Кореневъ, Міончинскій, Хоменко, Гончаренко, Пржевальскій, Скоробогатовъ, Томкѣевъ, Поповъ, Вауликъ, Мартосъ, Катрановъ, Чеплевскій, Цвѣтиновичъ; баронъ фонъ-Мершейтъ-Гиллесемъ, Фурманъ, Гаасъ, Ганжа, Ермолинскій 1-й, Подгорецкій, Ивановъ, Шульга и Ермолинскій 2-й.

3) Военно-Юридическую: (Съ 1872 по 1890 годъ). Македонскій, Симпликевичъ. Рахубовскій, Богаевскій, Кривенко, Артамоновъ, Руденко, Римскій-Корсаковъ, Артюховъ, Миклашевскій, Гречко, Абрамовъ и Батогъ.

Примѣчаніе. Точныхъ свѣдѣній о полтавскихъ воспитанникахъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Инженерной Академіи, не имѣется. Вообще же, въ помѣщаемомъ перечнѣ могутъ встрѣтиться пропуски и невѣрности, по той причинѣ, что въ послужныхъ спискахъ многихъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ гимназій показаны не тѣ заведенія, въ которыхъ они получили первоначальное образованіе, а тѣ военныя училища, изъ которыхъ они произведены въ офицеры. Разбираться въ этихъ свѣдѣніяхъ приходилось по памяти и, конечно, дѣлать ошибки, исправленія которыхъ весьма желательно въ интересахъ исторія Полтавскаго корпуса.

---

[1]) Въ спискѣ Георгіевскихъ кавалеровъ, кромѣ вышеназванныхъ, еще значатся бывшіе кадеты Полтавскаго корпуса: полковникъ Хоменко, (г.-м. въ отставкѣ) и инженеръ полковникъ Рутковскій, а изъ воспитанниковъ военной гимназіи: шт.-р. Пащенко (въ отставкѣ).

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Ѳ. БЫЧКОВА.

КТЯБРЯ седьмого, въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ Ларинскую залу, собралась исключительная и блестящая публика для чествованія пятидесятилѣтняго юбилея служебной и ученой дѣятельности ея директора, ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова. Августѣйшій президентъ Академіи Наукъ, высокопоставленныя лица—министры, товарищи министровъ, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералы, академики, профессора университетовъ, депутаты отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, и много, много частныхъ лицъ — пожелали поздравить всѣми уважаемаго юбиляра, одного изъ выдающихся дѣятелей русской исторической науки, посвятившаго себя, по словамъ Высочайшаго рескрипта, «весьма важной для государства отрасли изслѣдованія и обнародованія памятниковъ отечественнаго дѣеписанія» и призваннаго нынѣ, во вниманіе къ заслугамъ на служебномъ и ученомъ поприщахъ, къ участію въ высшемъ правительственномъ учрежденіи—Государственномъ Совѣтѣ. Цѣлый рядъ депутацій то читалъ адреса, то произносилъ привѣтствія, съ благодарностью вспоминая капитальныя заслуги А. Ѳ. передъ наукой и многочисленныя услуги ея русскимъ представителямъ, съ которыми юбиляръ всегда такъ щедро дѣлился своими обширными и разносторонними знаніями. Юбилейныя поздравленія всегда почти страдаютъ панегиризмомъ, но въ данномъ случаѣ ихъ приподнятый тонъ былъ совершенно искреннимъ и задушевнымъ, ибо А. Ѳ. совмѣстилъ въ себѣ всѣ достоинства дѣйствительнаго ученаго и добрѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка. Кромѣ депутацій съ чте-

ніемъ ими адресовъ и произнесеніемъ привѣтствій, юбилейное торжество ознаменовалось чтеніемъ нѣсколькихъ сотъ привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ съ разныхъ концовъ Россіи. Почти всѣ университеты избрали А. Ѳ. своимъ почетнымъ членомъ, всѣ историческія, археологическія общества и архивныя комиссіи привѣтствовали тоже своего почетнаго сочлена. Словомъ, торжество 7-го октября ярко обрисовало, какъ обширна ученая популярность А. Ѳ., какъ значительны его ученыя заслуги, какой, наконецъ, любовью и симпатіями онъ пользуется и въ мірѣ административномъ, и въ мірѣ ученомъ. И это потому, что въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности А. Ѳ. Бычковъ умѣлъ совмѣщать многотрудныя служебныя обязанности съ непрерывными занятіями на поприщѣ русской исторической науки, для пользы которой онъ продолжаетъ трудиться съ неослабѣвающей энергіей и понынѣ, сохранивъ до преклоннаго возраста необычайную подвижность, чуткую отзывчивость и поразительную память.

А. Ѳ. Бычковъ происходитъ изъ дворянъ Ярославской губерніи. Онъ родился 15-го декабря 1818 года, въ Финляндіи, въ городѣ Фридрихсгамѣ. Здѣсь въ то время служилъ артилерійскимъ офицеромъ его отецъ, Ѳедоръ Николаевичъ, въ 1861 году вышедшій въ отставку въ чинѣ генералъ-лейтенанта и жившій послѣ этого до самой своей смерти, въ 1883 году, въ своемъ имѣніи въ Рыбинскомъ уѣздѣ. Дѣтство свое А. Ѳ. Бычковъ провелъ въ Финляндіи, а въ 1833 году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ высшихъ наукъ училищѣ и затѣмъ переведенъ въ ярославскую гимназію, къ которой этотъ пансіонъ присоединенъ въ 1834 году. Окончивъ блистательно курсъ въ 1836 году, А. Ѳ. поступилъ въ Московскій университетъ на первое отдѣленіе философскаго факультета и особенно усердно занимался исторіей, которую читали въ то время Погодинъ, Грановскій и Крюковъ. На третьемъ курсѣ онъ былъ удостоенъ серебряной медали за сочиненіе на тему «О вліяніи внѣшней природы на народъ и государство», а въ 1840 году окончилъ курсъ со степенью кандидата. По выходѣ изъ университета, въ томъ же году, А. Ѳ. былъ рекомендованъ Погодинымъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ впослѣдствіи историкомъ-юристомъ Н. В. Калачовымъ, графу С. С. Уварову, который искалъ молодыхъ людей, спеціально занимающихся исторіей, для Археографической Комиссіи. 7-го октября 1840 года А. Ѳ. былъ опредѣленъ сюда чиновникомъ для занятій и состоялъ въ этой должности по 1850 годъ, а съ 1854 года состоитъ старѣйшимъ членомъ названной комиссіи, нынѣ же, въ день пятидесятилѣтняго юбилея своего, избранъ почетнымъ ея членомъ; кромѣ того, съ 1854 по 1873 годъ А. Ѳ. былъ въ ней главнымъ редакторомъ лѣтописей, а въ теченіе девяти лѣтъ (1864—1873 гг.) и правителемъ ея дѣлъ. Одновременно съ своей полувѣковой, въ высшей степени плодо-

творной дѣятельностью по Археографической Комиссіи, А. Ѳ. служитъ болѣе сорока пяти лѣтъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, о которой онъ неусыпно печется, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, и которая, благодаря его заботамъ и трудамъ, достойно занимаетъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди европейскихъ книгохранилищъ. Въ 1844 году А. Ѳ. занялъ въ Публичной Библіотекѣ должность библіотекаря рукописнаго отдѣленія, будучи одновременно нѣсколько лѣтъ и библіотекаремъ русскаго отдѣленія. Императорская Публичная Библіотека никогда не забудетъ трудовъ А. Ѳ. Бычкова, какъ ближайшаго и усерднѣйшаго сотрудника директоровъ библіотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А. Корфа и графа И. Д. Делянова, какъ помощника послѣдняго (съ 1868 года), и, наконецъ, въ настоящей должности, которую онъ занялъ послѣ графа Делянова въ 1882 году. Вотъ какъ охарактеризована дѣятельность А. Ѳ. въ Публичной Библіотекѣ въ адресѣ, поднесенномъ, 7-го октября, отъ лица служащихъ въ ней: «Большая часть вашей дѣятельности протекла въ стѣнахъ библіотеки. Библіотека была послѣдней школой, въ которой развились и созрѣли ваши дарованія, и вы щедро заплатили ей неустанными трудами и неусыпными заботами. Благодаря вамъ, безпрерывно совершенствовалось ея устройство и росло ея обогащеніе по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Въ теченіе сорока лѣтъ, значительнѣйшія пріобрѣтенія по всѣмъ отдѣленіямъ библіотеки, цѣлыми коллекціями, важныя по своему научному значенію и очень цѣнныя по своей стоимости, дѣлались не иначе, какъ по вашему просвѣщенному совѣту и указанію. Въ особенности полны слѣдами вашей высокополезной дѣятельности отдѣленіе русскихъ печатныхъ книгъ и отдѣленіе рукописей. Первоначальное поприще вашихъ занятій въ нашемъ книгохранилищѣ, оба эти отдѣленія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ должны быть названы вашими созданіями. Въ русскомъ печатномъ отдѣлѣ каталогъ, составленный вашимъ личнымъ трудомъ или при вашемъ ближайшемъ участіи, сталъ нынѣ твердою основой русской библіографіи. Ваши постоянныя заботы о пополненіи этого отдѣленія подаютъ прочную надежду на то, что оно скоро достигнетъ своей цѣли — служить центральнымъ хранилищемъ всего, что предано типографскому станку на русскомъ языкѣ. Точно также наше обширное собраніе рукописей вами приведено въ порядокъ, а ваши основательныя познанія въ русской исторіи, литературѣ и палеографіи, дали вамъ возможность предпринять подробное ученое описаніе хранимыхъ въ библіотекѣ памятниковъ русской и славянской письменности. Ихъ ближайшее критическое изученіе вызвало васъ на цѣлый рядъ ученыхъ изданій, которыя существенно обогатили отечественную науку, и въ то же время обильными археографическими указаніями дѣлились вы съ нѣсколькими поколѣніями ученыхъ, посвя-

тившихъ себя изысканіямъ въ области русской старины... Справедливо было сказано, что ни одинъ ученый трудъ, предпринятый въ Россіи, не можетъ быть довершенъ безъ пособія Императорской Публичной Библіотеки. Вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно ея значеніе и въ этомъ сознаніи вы всегда трудились и продолжаете трудиться на ея пользу, на благое просвѣщеніе».

Еще въ 1855 году Академія Наукъ обратила вниманіе на ученые труды А. Ѳ. Бычкова и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1866 году, въ экстраординарные академики, и въ 1869 году въ академики ординарные по отдѣленію русскаго языка и словесности. Нашъ знаменитый славистъ И. И. Срезневскій, читавшій, при избраніи А. Ѳ. въ экстраординарные академики, записку объ его ученыхъ трудахъ, мотивировалъ это избраніе, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Имѣя въ виду, что отдѣленію русскаго языка и словесности, по кончинѣ Востокова и выбытіи Билярскаго, необходимо усилить свой составъ дѣятелями, хорошо подготовленными для предстоящихъ разнообразныхъ лексикографическихъ и историко-литературныхъ трудовъ, и что г. Бычковъ между немногими русскими учеными въ этой области занимаетъ по общему признанію почетное мѣсто, что его основательныя и обширныя познанія въ славяно-русской письменности, его научное образованіе и рѣдкое трудолюбіе высоко цѣнятся всѣми знатоками, мы считаемъ своею обязанностью предложить его въ экстраординарные академики» [1]).

Независимо отъ дѣятельности по Публичной Библіотекѣ, Археографической Комиссіи и Академіи Наукъ, А. Ѳ. много потрудился на педагогическомъ и другихъ поприщахъ. Такъ съ 1841 г. по 1850 онъ преподавалъ русскій языкъ и словесность въ Дворянскомъ полку; въ 1850 году былъ причисленъ ко II Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которой состоялъ до 1882 года, т. е. до времени преобразованія ея въ Кодификаціонный отдѣлъ. Состоя на службѣ въ II Отдѣленіи, А. Ѳ. завѣдывалъ нѣкоторое время его библіотекой; редактировалъ и издалъ четыре тома «Дворцовыхъ разрядовъ XVII вѣка», двадцать четыре выпуска «Путевыхъ и походныхъ журналовъ Петра Великаго (1695—1726)», съ многочисленными историческими и географическими примѣчаніями, и сорокъ одинъ выпускъ «Камеръ-фурьерскихъ журналовъ» (1726—1772); былъ дѣлопроизводителемъ комитета для цензурнаго разсмотрѣнія сочиненій Жуковскаго, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова и, работая въ этомъ комитетѣ, собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы для четырехъ послѣднихъ томовъ (X—XIII) полнаго 5-го собранія сочиненій нашего

---

[1]) См. Приложеніе къ отчету о дѣятельности Академіи Наукъ за 1865 г., стр. 469.

знаменитаго поэта; наконецъ, работалъ въ двухъ комиссіяхъ: для составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части, принимая дѣятельное участіе въ ея трудахъ по составленію устава гражданскаго судопроизводства (1862 г.),—и для окончательной обработки проекта устава о книгопечатаніи въ Россіи (1863 г.). Съ 1856 г. А. Ѳ. занимался собираніемъ матеріаловъ для біографіи и исторіи царствованія императора Николая I, состоя для этого при статсъ-секретаряхъ графѣ Корфѣ, князѣ Урусовѣ и графѣ Деляновѣ; въ 1865 же году былъ назначенъ членомъ въ комиссію для разбора и приведенія въ порядокъ дѣлъ архива Святѣйшаго Сѵнода, а съ 1866 года состоитъ и предсѣдателемъ этой комиссіи.

Архивъ Святѣйшаго Сѵнода заключаетъ въ себѣ драгоцѣнный и единственный по своей полнотѣ матеріалъ для исторіи русской церкви и для нашего церковнаго законодательства, а также весьма богатыя данныя для многихъ сторонъ общественной и государственной жизни. До 1866 года этотъ архивъ былъ мало извѣстенъ и доступенъ ученымъ изслѣдователямъ. Комиссія же, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ., учрежденная по мысли тогдашняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, графа Д. А. Толстого, принесла изданіемъ актовъ и документовъ огромную пользу наукѣ. Самъ предсѣдатель редактировалъ первый томъ «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Сѵнода (1542—1721)», изданный въ 1868 году, и первый томъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія».

Переходя, далѣе, къ семидесятымъ годамъ, должно упомянуть о назначеніи А. Ѳ. въ 1871 году членомъ комиссіи по устройству архивовъ и храненію въ нихъ документовъ, въ 1876 году членомъ отъ Императорскаго Археологическаго общества въ комиссію при министерствѣ народнаго просвѣщенія по вопросу о мѣрахъ охраненія существующихъ памятниковъ древности и въ 1877 году предсѣдателемъ, состоящей при томъ же министерствѣ комиссіи для международнаго обмѣна изданій научныхъ и художественныхъ. Въ семидесятыхъ же годахъ, а именно въ 1874, А. Ѳ. былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ древностей славянскихъ и русскихъ Императорскаго Археологическаго общества, а съ 1885 года онъ состоитъ помощникомъ предсѣдателя названнаго общества. Плодотворные труды неутомимаго А. Ѳ. и на этомъ поприщѣ были достойно оцѣнены въ 1880 году съ одной стороны Августѣйшимъ Предсѣдателемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, въ милостивомъ рескриптѣ на имя его дѣятельнаго помощника, а съ другой—присужденіемъ ему отъ общества золотой медали за его полезную дѣятельность. Въ прочитанной по этому поводу 8-го марта 1880 года проф. И. В. Помяловскимъ

запискѣ слѣдующимъ образомъ охарактеризованы заслуги А. Ѳ. Археологическому обществу: «Въ маѣ 1874 года отдѣленіе русской и славянской археологіи получило новую организацію, и въ управляющіе онымъ былъ избранъ А. Ѳ. Бычковъ. Съ неутомимою ревностью и рѣдкимъ самоотверженіемъ нашъ достоуважаемый сочленъ приступилъ къ возсозданію дѣятельности отдѣленія и достигъ въ этомъ рѣдкихъ успѣховъ. Благодаря своей общительности, снискавшей ему многочисленныхъ почитателей, обширнымъ ученымъ связямъ, рѣдкой любви къ самымъ разнообразнымъ отдѣламъ отечественной археологіи, необычайной любознательности и пытности во всемъ, что̀ касается старины и древности вообще, А. Ѳ. сразу далъ отдѣленію организацію, возбудилъ къ дѣятельности прежнихъ членовъ его и вызвалъ много новыхъ дѣятелей въ области отечественной археологіи». Кромѣ дѣятельнаго участія въ Археологическомъ обществѣ, А. Ѳ. былъ однимъ изъ членовъ основателей въ 1866 году Императорскаго Русскаго Историческаго общества, далѣе членомъ его совѣта и, наконецъ съ 1882 года состоитъ въ немъ помощникомъ предсѣдателя; подъ редакціей А. Ѳ. вышли томы I, XI и XXV (часть) «Сборника Русскаго Историческаго общества». Помощникомъ же предсѣдателя А. Ѳ. состоитъ и въ церковномъ братствѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Наконецъ, въ 1881 году, министерство внутреннихъ дѣлъ пригласило А. Ѳ. Бычкова предсѣдательствовать въ редакціонномъ совѣтѣ по изданію правительственной еженедѣльной газеты для народа «Сельскій Вѣстникъ», который подъ наблюденіемъ А. Ѳ. издается и понынѣ, а въ 1888 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія.

Въ юбилейномъ адресѣ А. Ѳ. отъ Академіи Наукъ, между прочимъ, говорится, что онъ въ своихъ изысканіяхъ не ограничился предѣлами одного какого-либо періода, а простеръ ихъ на памятники различныхъ временъ—отъ Остромирова Евангелія, сборника Святослава, судебника Іоанна IV и т. д. до произведеній Крылова и Жуковскаго. Этими словами Академія указала на многосторонность ученаго кругозора маститаго ученаго. Но замѣчательно, что по большей части сухая архивная и кропотливая библіографическая работа нисколько не уменьшила въ А. Ѳ. самаго живаго сочувствія къ современности. Рѣдкое и высокоцѣнное качество, свидѣтельствующее о выдающейся даровитости почтеннаго академика. Яркимъ примѣромъ такого живаго сочувствія къ современности можетъ служить наблюденіе А. Ѳ. за изданіемъ «Сельскаго Вѣстника». Завѣдующій редакціей этой газеты, Ю. М. Богушевичъ, въ своемъ письменномъ юбилейномъ привѣтствіи, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Съ невольнымъ умиленіемъ сердечнымъ и благодарностью къ Богу я оглядываюсь на послѣднія девять лѣтъ..., въ теченіе коихъ вы принимали столь близкое участіе въ

этой газетѣ, что, можно сказать, ни одна строка ея почти 500 нумеровъ не осталась безъ вашего вниманія, умудреннаго многоопытнымъ пониманіемъ великихъ нуждъ той темной среды народной, которой предназначено служить это изданіе. Это участіе ваше не было видно для постороннихъ взоровъ, но я, которому Всеблагій даровалъ высокое счастіе ближайшаго труда на этой благодарной нивѣ, хотѣлъ бы передъ всѣми свидѣтельствовать, что если на нее пали чрезъ «Сельскій Вѣстникъ», нѣкоторые лучи свѣта и сѣмена правды, то благодаря наиболѣе этому вашему участію... Отъ направленія изданія до его корректуры ко всему вы прилагали свою дѣятельную мысль и руку... И это цѣлыхъ девять лѣтъ— какъ бы девять короткихъ дней!.. Не видны и плоды сѣянія «Сельскаго Вѣстника», но вамъ извѣстны тѣ многочисленныя благодаренія и благословенія, которыя въ теченіе этихъ девяти лѣтъ доходили до редакціи въ простодушныхъ заявленіяхъ признательныхъ читателей этой газеты».

Не только почти всѣ русскія историческія и археологическія общества избрали въ разное время А. Ѳ. своимъ почетнымъ или своимъ дѣйствительнымъ членомъ, но также и заграничныя, что свидѣтельствуетъ о широкой извѣстности его ученыхъ трудовъ. Такъ, А. Ѳ. состоитъ почетнымъ членомъ королевскаго великобританскаго историческаго общества, членомъ эллинскаго филологическаго общества въ Константинополѣ и членомъ двухъ археологическихъ обществъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ. Ревностная и неутомимая служба А. Ѳ. достойна оцѣнена и съ высоты Престола: онъ имѣетъ много знаковъ Монаршаго благоволенія.

Въ «Библіографическомъ спискѣ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ А. Ѳ. Бычкова 1838—1890», составленномъ Я. К. Гротомъ и появившемся ко дню юбилея, означено болѣе 180 трудовъ маститаго ученаго. Мы не будемъ входить въ подробную оцѣнку всѣхъ работъ А. Ѳ., ибо это можетъ быть сдѣлано только въ полномъ очеркѣ его жизни и дѣятельности, а остановимъ вниманіе на болѣе крупныхъ, обходя, къ сожалѣнію, молчаніемъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, хотя весьма цѣнныхъ и любопытныхъ работъ, а также множество историческихъ матеріаловъ, сообщенныхъ А. Ѳ. въ разное время въ различныя повременныя историческія изданія.

Многими замѣчательными трудами выразилась, во-первыхъ, академическая дѣятельность А. Ѳ. Бычкова. Помимо цѣлаго ряда рецензій о сочиненіяхъ, представлявшихся на соисканіе премій и нѣсколькихъ прекрасно-составленныхъ отчетовъ о дѣятельности 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, въ которыхъ встрѣчаются мѣткія, живыя и обстоятельныя характеристики Никитенки, Лавровскаго, Срезневскаго, съ полнымъ перечнемъ его ученыхъ трудовъ, Островскаго и др., А. Ѳ. редактировалъ «Бѣлорусскій словарь»

Носовича; наблюдалъ за изданіемъ бѣлорусскаго сборника извѣстнаго изслѣдователя народнаго творчества и народныхъ обычаевъ П. В. Шейна; редактировалъ такъ называемыя Литовскія лѣтописи на русскомъ языкѣ, очень разнообразныя по редакціи и сообщающія любопытныя и наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о великомъ княжествѣ литовскомъ, занимавшемъ довольно видное мѣсто въ судьбахъ нашего отечества; наблюдалъ за печатаніемъ «Словаря древняго русскаго языка» покойнаго академика Срезневскаго; занимался редакціей новаго изданія труда того же ученаго, подъ заглавіемъ: «Древніе памятники русскаго языка и письма», къ которому А. Ѳ. сдѣланы значительныя добавленія; наконецъ, редактировалъ «Библіологическій словарь» извѣстнаго археографа П. М. Строева. Этотъ трудъ, составленный Строевымъ еще въ 1835 году, А. Ѳ. сличалъ съ «Словаремъ» митрополита Евгенія, съ «Обзоромъ русской духовной литературы» архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которыя вызваны въ свѣтъ появленіемъ послѣдняго труда, съ цѣлію выдѣлить изъ «Словаря» тѣ данныя, которыя и теперь представляютъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи. Пересмотрѣнный и изданный такимъ образомъ трудъ Строева является не лишнимъ въ ряду пособій для изученія нашей древней литературы. При каждомъ писателѣ въ «Словарѣ» сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда съ присовокупленіемъ и критической ихъ оцѣнки; и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ, а также мѣстъ ихъ храненія.

Изъ цѣлаго ряда библіографическихъ работъ А. Ѳ. слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, появившійся въ 1882 году обширный томъ «Описанія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки». Этотъ томъ является лишь началомъ предпринятаго А. Ѳ. каталога богатаго собранія церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей библіотеки и въ немъ описаны 91 сборникъ изъ Погодинскаго древлехранилища. При описаніи каждой рукописи, перечислены всѣ находящіяся въ ея составѣ статьи, и изъ тѣхъ, которыя были доселѣ неизвѣстными или представлялись въ какомъ-либо отношеніи любопытными, приведены болѣе или менѣе обширныя выдержки, а нѣкоторыя небольшія по объему напечатаны цѣликомъ; къ статьямъ же обнародованнымъ прежде присоединены библіографическія указанія на изданія, въ которыхъ онѣ были помѣщены, при чемъ нерѣдко опредѣлено достоинство рукописнаго текста сравнительно съ печатнымъ. Подробнѣйшій указатель—болѣе 150 страницъ—лицъ, мѣстъ, предметовъ и статей, достойно завершаетъ этотъ почтенный трудъ, весьма полезный и для филолога, и для историка литературы, такъ какъ по этимъ сборникамъ, если только они составлены съ опре-

дѣленною цѣлью или однимъ лицомъ, изслѣдователь можетъ до извѣстной степени знакомиться съ разными вопросами, занимавшими книжныхъ людей въ ту или другую эпоху. Въ числѣ другихъ работъ въ томъ же направленіи слѣдуетъ назвать еще «Каталогъ хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ изданіямъ, напечатаннымъ гражданскимъ шрифтомъ, при Петрѣ Великомъ» и «Описаніе находящихся въ ней рукописей, относящихся къ его же царствованію». Въ первомъ трудѣ описано 205 рѣдчайшихъ книгъ, причемъ заглавія и всѣ выписки напечатаны съ возможною точностью; поэтому послѣднія могутъ представить довольно полный матеріалъ для исторіи гражданской азбуки и правописанія за время царствованія Петра Великаго. Нельзя также не упомянуть о такихъ изданіяхъ, какъ «Письма Екатерины II», сборникъ «Въ память графа М. М. Сперанскаго» или, наконецъ, «Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году». Посредствомъ послѣдняго изданія первенецъ нашей періодической литературы, редактировавшійся, какъ извѣстно, самимъ Петромъ Великимъ, сдѣлался доступнымъ всей публикѣ, ибо вѣдомостей 1703 года сохранилось въ Россіи только два полныхъ экземпляра и оба они принадлежатъ Публичной Библіотекѣ.

Капитальнѣйшими же трудами А. Ѳ. Бычкова должны быть, разумѣется, признаны, во-первыхъ, 6 изданныхъ подъ его редакціей томовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (томы VII, VIII, IX, X, XV и часть XVI, заключающіе въ себѣ лѣтописи по Воскресенскому списку, Никоновскую и Тверскую) и, кромѣ того, отдѣльно лѣтописи по Лаврентьевскому списку и такъ называемыя вторая и третья Новгородскія, а во-вторыхъ, два объемистыхъ тома «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» съ предшествовавшими имъ другими документами, изданными А. Ѳ. и относящимися къ тому же царствованію.

Чтобы понять заслуги передъ наукой А. Ѳ. Бычкова по части изданія и редактированія лѣтописей, слѣдуетъ припомнить, что вся кропотливая и мѣшкотная работа, требующая неимовѣрнаго терпѣнія и усидчивости, безкорыстной любви къ наукѣ, лежала исключительно на одномъ главномъ редакторѣ, который обязанъ былъ свѣрять снятыя копіи съ рукописей, сличать между собою однородные списки, выбирать варіанты, проводить нерѣдко цѣлые часы надъ ошибкою единственно съ тою цѣлію, чтобы найти настоящее чтеніе, а неправильное скрыть въ подстрочныхъ выноскахъ между тысячами разнорѣчій. Образцовое изданіе лѣтописей, особенно Лаврентьевской и Новгородской, и можетъ служить примѣромъ для подобнаго рода изданій. Прекрасно составленные указатели при каждомъ томѣ и общій указатель къ первымъ восьми томамъ полнаго собранія заключаютъ въ себѣ, вмѣсто простыхъ цифръ, сжатыя указанія на событія, къ которымъ эти цифры относятся, что

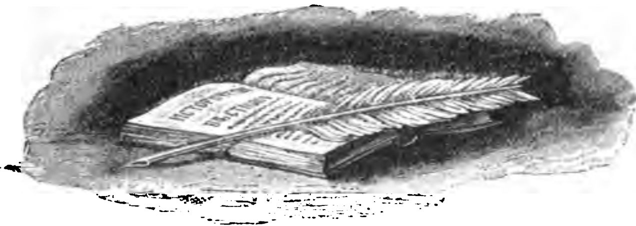
значительно облегчаетъ пользованіе лѣтописями. При событіяхъ, кромѣ того, указывается годъ, въ который они совершились, а также приводятся разные годы, къ которымъ нерѣдко въ лѣтописяхъ отнесено одно и то же событіе. Если вообще изданіе лѣтописей Археографической Коммисіей сдѣлало эпоху въ изученіи русской исторіи, то заслуга въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на долю А. Ѳ., бывшаго ихъ главнымъ редакторомъ въ теченіе 19 лѣтъ и продолжающаго трудиться надъ ихъ изданіемъ понынѣ (XVI томъ появился лишь въ прошломъ году).

Не меньшее значеніе для новой русской исторіи имѣютъ «Письма и бумаги Петра Великаго». Царствованіемъ этого Великаго Преобразователя Россіи А. Ѳ. занимается уже около двадцати лѣтъ. Первымъ трудомъ въ этомъ направленіи былъ томъ «Матеріаловъ военно-ученаго архива Главнаго Штаба», въ которомъ помѣщены рядъ писемъ Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣтныя на нихъ донесенія, военно-походный журналъ Шереметева, посланнаго въ Новгородъ и Псковъ для охраненія этихъ городовъ и иныхъ тамошнихъ мѣстностей отъ войскъ шведскаго короля, описанія походовъ при Петрѣ Великомъ въ Персію, документы о посольствѣ князя Черкасскаго въ Хиву, и проч. Затѣмъ послѣдовали два тома «Сборника Императорскаго Рускаго Историческаго Общества», изъ которыхъ въ одномъ помѣщено болѣе 460 различныхъ бумагъ, относящихся до царствованія Великаго Преобразователя, а въ другомъ—множество документовъ о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго.

Наконецъ, въ 1887 году появился въ свѣтъ первый томъ (болѣе 60-ти печатныхъ листовъ) «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Это монументальное изданіе совмѣщаетъ и совмѣститъ въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо-любимой имъ Россіи, и несомнѣнно, что когда оно будетъ довершено, то образъ великаго царя предстанетъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ величіи. Осуществленіе подобнаго изданія требуетъ много энергіи, самаго упорнаго труда и обширныхъ разностороннихъ знаній. Но, не смотря такую трудность задачи, она была выполнена А. Ѳ. Бычковымъ блестяще, и въ прошломъ году появился уже второй томъ «Писемъ и бумагъ». Подготовительныя работы по этому изданію заключались, во-первыхъ, въ составленіи на карточкахъ самимъ редакторомъ списка всѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, и въ приведеніи ихъ въ хронологическій порядокъ, а во-вторыхъ, въ отысканіи и переписываніи писемъ и бумагъ въ различныхъ архивахъ, а также въ приведеніи въ систему

писемъ, доставленныхъ разными учрежденіями и частными лицами. Такъ какъ много писемъ Петра Великаго утрачено, то необходимо было разыскивать всѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія о письмахъ утраченныхъ. Вслѣдствіе этого А. Ѳ. для одного только перваго тома пересмотрѣлъ въ государственномъ архивѣ и лично переписалъ, для помѣщенія безъ всякихъ сокращеній въ примѣчаніяхъ, 362 письма отъ 50 лицъ. И въ первомъ и во второмъ томѣ встрѣчается много весьма важныхъ документовъ впервые обнародованныхъ. Первый томъ обнимаетъ 1688—1701 годъ, а второй всего лишь 1702—1703 года. Въ послѣднемъ встрѣчается немало документовъ, освѣщающихъ наши политическія отношенія къ сосѣднимъ государствамъ: таковы свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ польскимъ королемъ, Польшей и Литвой противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

С. Трубачевъ.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

> «Если когда-нибудь придется быть вамъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, сходите поклониться Печерскому монастырю. Вы его отъ души полюбите».
>
> Графъ Соллогубъ.

I.

ИЖЕГОРОДСКІЙ Печерскій монастырь, по обилію и богатству сохранившихся въ немъ рѣдкихъ и цѣнныхъ древностей, можетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ монастырей въ Россіи. Жизнь этого старца-монастыря, пріютившагося на возвышенномъ берегу рѣки Волги, съ котораго открывается, въ особенности въ лѣтнее время, прелестный видъ на величавую рѣку, покрытую взадъ и впередъ снующими судами, и на окрестности,—измѣряется вѣками. Но на этомъ пространствѣ вѣковъ ему приходилось жить среди далеко не одинаковыхъ условій, причиною возникновенія которыхъ были въ свою очередь особыя обстоятельства, имѣвшія чисто случайный характеръ, но изъ которыхъ каждое служило, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ къ такому или иному историческому существованію монастыря въ теченіе довольно продолжительнаго времени. И сообразно съ тѣмъ вся пятисотъ шестидесятилѣтняя исторія Печерскаго монастыря можетъ быть подраздѣлена на три періода, которые рѣзкими гранями выступаютъ въ

его жизни. Первый періодъ продолжается съ основанія монастыря въ 1328 году до разрушенія его обваломъ горы въ 1597 году и обнимаетъ собою почти 270 лѣтъ; второй—отъ возсозданія монастыря на новомъ мѣстѣ въ 1598 году до 1764 года. Этотъ періодъ продолжается болѣе полутораста лѣтъ и можетъ быть названъ временемъ славы и благосостоянія монастыря. Третій начинается съ 1764 года, т. е. съ того времени, когда императрица Екатерина II рѣшила отобрать церковныя земли и крестьянъ въ казенное вѣдомство; съ тѣхъ поръ для Печерскаго монастыря начинается постепенное обѣднѣніе и запустѣніе, въ которыхъ онъ находится и понынѣ.

Печерскій монастырь основанъ св. Діонисіемъ, архіеп. Суздальскимъ и Нижегородскимъ, около 1329 года, во время княженія въ Москвѣ Ивана Калиты, когда онъ, послѣ упорной борьбы съ княземъ Тверскимъ, Александромъ Михайловичемъ, получилъ давно желанный титулъ великаго князя Владимірскаго (1328 г.). Въ это время Нижній-Новгородъ принадлежалъ князю Александру Васильевичу, старшему брату основателя великаго княжества Нижегородскаго, Константина Васильевича. Св. Діонисій, тогда еще молодой двадцати-девятилѣтній монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, оставилъ въ 1328 году Кіевъ и пришелъ въ Нижній-Новгородъ съ цѣлію основать свою обитель. Здѣсь, верстахъ въ трехъ отъ города, на правомъ берегу Волги, св. Діонисій выкопалъ сначала пещеру для своихъ иноческихъ подвиговъ; потомъ, когда собралось къ нему много братіи, около пещеры, на уступѣ горы, была поставлена деревянная церковь во имя Вознесенія Господня, черезъ что положено было основаніе монастырю, который впослѣдствіи игралъ видную роль въ исторіи Русскаго государства. Въ основанной такимъ образомъ обители св. Діонисій былъ первымъ ея настоятелемъ, сначала въ званіи игумена, а потомъ архимандрита и управлялъ ею въ теченіе 45-ти лѣтъ—до 1374 года, когда былъ рукоположенъ въ санъ епископа Суздальскаго и Нижегородскаго. Св. Діонисій, по свидѣтельству Константинопольскаго патріарха Нила, былъ «мужъ честный, благочестивый и добродѣтельный, кроткій, смиренный, проницательный и разумный, свѣдущій въ св. Писаніи и церковныхъ правилахъ». При такихъ нравственныхъ качествахъ онъ весьма естественно снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Его уважали и великіе князья, и знаменитые люди того времени. Съ глубокимъ почтеніемъ относился къ нему всегда великій князь Константинъ Васильевичъ, основатель великаго княжества Нижегородскаго; въ особенности же его любили сыновья послѣдняго: Борисъ Константиновичъ, великій князь Нижегородскій, и Андрей Константиновичъ съ своей супругой Анастасіей Ивановной, которую св. Діонисій, по смерти ея мужа, постригъ въ монашество и, наконецъ, великій князь Нижегородскій

Димитрій-Ѳома Константиновичъ. Св. Діонисія узналъ также св. Алексѣй, митр. московскій и полюбилъ его, а преп. Сергій Радонежскій былъ его искреннимъ другомъ.

Имѣя такого авторитетнаго настоятеля, Печерскій монастырь съ самаго основанія своего началъ обогащаться и расширяться: вмѣсто деревянныхъ строеній созидались каменныя, пожертвованія же и вклады лились въ монастырь рѣкою. Не только великіе князья и бояре, но и простые крестьяне—всѣ несли посильныя лепты въ Печерскій монастырь. Князья открытыми грамотами жаловали монастырю не только порожнія земли, но и всѣ имѣющіяся при нихъ заведенія и крестьянъ; приписывали въ пользу его даже цѣлые монастыри. Такъ еще въ настоятельство св. Діонисія великій князь Суздальскій Борисъ Константиновичъ далъ монастырю на поминовеніе по братѣ Андреѣ Константиновичѣ три села съ двумя храмами и деревнями. Впослѣдствіи, при великихъ князьяхъ Московскихъ пожертвованія въ Печерскій монастырь достигли громадныхъ размѣровъ. Такъ, въ 1514 г., великій князь Василій Іоанновичъ пожаловалъ грамотою Борисоглѣбскій Кидекшацкій монастырь, село Кидекшу, село Плесецъ и далъ тарханную несудимую грамоту монастырскимъ крестьянамъ села Кидекши. Кидекшацкій монастырь, основанный въ 1152 году, былъ древнѣе Печерскаго на 177 лѣтъ; имѣлъ церковь, построенную изъ бѣлаго тесаннаго камня. Въ этой церкви находились гробницы князя Суздальскаго Бориса Георгіевича и супруги его Маріи. Управлялся онъ игумномъ и имѣлъ многія вотчины, данныя ему въ разное время на поминовеніе государей. Благодаря такимъ пожертвованіямъ и вкладамъ, Печерскій монастырь достигъ цвѣтущаго состоянія и въ немъ къ концу XVI вѣка было уже шесть каменныхъ церквей съ колокольнею: 1) во имя Вознесенія Господня; 2) Покрова Пресв. Богородицы; 3) св. Іоанна Богослова; 4) святителя и чудотворца Николая; 5) свв. Бориса и Глѣба и 6) св. Сергія Радонежскаго. Какими-то судьбами уцѣлѣлъ отъ всесокрушающаго времени и невѣжества современныхъ благоукрашеній—рисунокъ съ видомъ монастыря того времени, который снятъ былъ нами въ 1886 году и воспроизводится здѣсь. Изображенныя на немъ церкви и колокольня могутъ быть прекраснымъ матеріаломъ для изученія строительнаго искусства XVI вѣка, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во всей Россіи не сохранилось ни одной церкви этой эпохи, неизуродованной новѣйшими постройками и передѣлками. Оригиналъ рисунка находится въ монастырской ризницѣ, гдѣ можно во всякое время любоваться прекраснымъ стилемъ зданій, разрушенныхъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ 1597 году.

Но при своемъ богатствѣ и благоустроенности Печерскій монастырь претерпѣвалъ немало и несчастій. Основанный во времена монгольскаго ига, монастырь очень часто подвергался набѣгамъ та-

Нижегородскій Печерскій монастырь.

таръ; многія села и деревни, принадлежавшія монастырю, были разграблены и запустѣли. Самый монастырь былъ выжженъ татарами до тла, а монахи его разбѣжались въ разныя стороны и монастырь до взятія Казани стоялъ въ запустѣніи около 60 лѣтъ. Но, кромѣ внѣшнихъ враговъ, въ лицѣ татаръ, монастырь имѣлъ еще и своихъ доморощенныхъ монголовъ, которые расхищали монастырскія богатства нисколько не хуже азіатскихъ варваровъ. Такъ ключникъ Дружина Неперцинъ отнялъ у монастыря 40 десятинъ земли въ деревнѣ Ширмовѣ. Настоятель Печерскаго монастыря, архимандритъ Макарій [1]), обокралъ весь монастырь, разогналъ вотчины и сдѣлалъ много безпорядковъ, живя совсѣмъ не помонастырски, за что̀ и былъ отставленъ отъ настоятельства. Объ этомъ архимандритѣ Печерскіе акты, въ числѣ разныхъ его дѣяній, упоминаютъ объ одномъ характерномъ событіи, когда «архимандритъ Макарій со старцами напалъ на крестьянъ села Рубскаго съ рогатинами, ружьями, съ луками, топорами и кольями и крестьянъ обижали и увѣчили смертнымъ боемъ и крестьянокъ и крестьянскихъ дѣвокъ били и безчестили и взяли къ себѣ въ монастырь невѣдомо для какого вымыслу». Не лучше были архимандритъ Симонъ, который, перебираясь въ Спасо-Андроніевъ монастырь, взялъ съ собою много монастырскихъ денегъ, и келарь Діонисій Омачкинъ, передававшій много разныхъ монастырскихъ вещей и денегъ своимъ родственникамъ. Въ Печерскихъ актахъ, найденныхъ въ монастырскихъ подвалахъ преосв. Іаковомъ въ 1847 году, находится любопытнѣйшій документъ о дѣяніяхъ келаря Омачкина. Мы приводимъ его здѣсь по нашей рукописи, доставшейся намъ послѣ покойнаго П. И. Мельникова [2]).

Въ челобитной къ царю Алексѣю Михаиловичу, въ 1674 г., старцы Печерскаго монастыря жалуются на безпорядки, ослушаніе и своеволіе келаря съ его восемью товарищами, на ихъ безобразія и многіе мятежи, говоря, что «отъ него, келаря, старца Діонисія, и отъ тѣхъ его угодниковъ и единомышленниковъ монастырь Печерскій денежною казною и хлѣбомъ и скотомъ всякимъ и намъ, братіѣ, пищею и монастырскими и всякими потребами оскудѣлъ безъ остатку. А онъ, келарь, старецъ Діонисій, въ монастырѣ живетъ въ келарѣхъ много лѣтъ и твоего великаго государя указу грамоты намъ въ братью не казывалъ и не прочитывалъ, каковъ твой великаго государя указъ ему данъ; и не по нашему братскому челобитью онъ въ келарѣхъ, а постриженникъ онъ, государь, не нашего Печерскаго монастыря, пришелъ къ намъ въ старцы изъ Горшковой пустыни въ 161 году. А будучи, государь, онъ, келарь, старецъ Діонисій, у насъ въ монастырѣ въ тѣ многія лѣта чинитъ

---

[1]) По Строеву, Макарій 2-й—1639—1642.

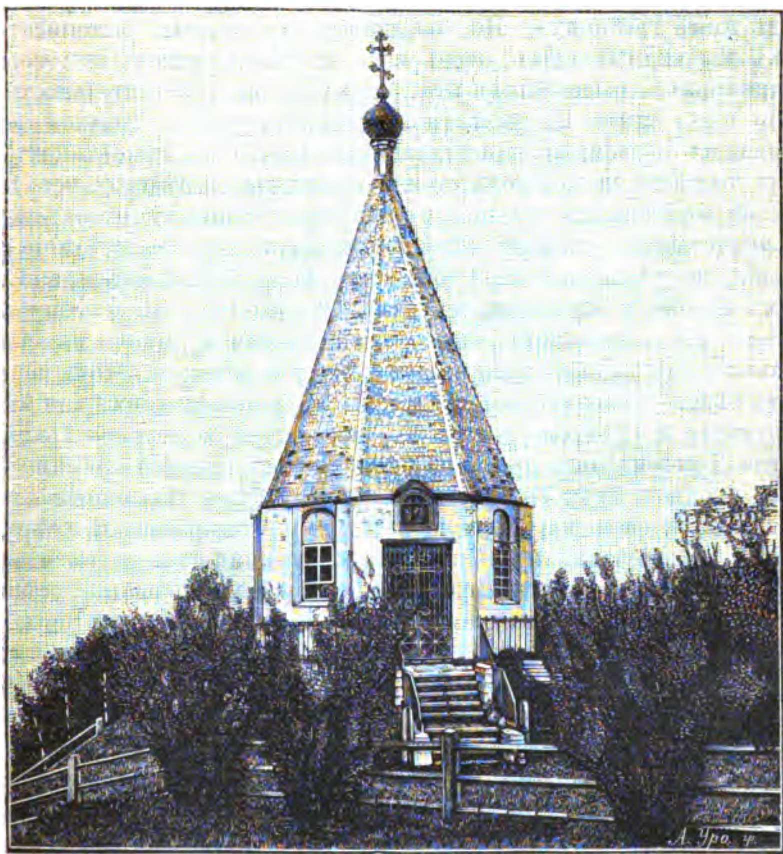
[2]) Охранный каталогъ № 2362 и № 122.

бунтъ: архимандритовъ ни въ чемъ не слушаетъ и не почитаетъ и ни въ какихъ монастырскихъ вотчинныхъ дѣлахъ не спрашивается, дѣлаетъ самочинствомъ и многихъ, государь, архимандритовъ озорничествомъ своимъ изъ монастыря выгналъ; ни одинъ, государь, архимандритъ изъ Печерскаго монастыря необезчестенъ отъ него не выѣхалъ. Онъ, келарь, живетъ въ монастырѣ не по иноческому чину, пространно; дѣти его и племянники и зятья и друзья и хлѣбояжцы ядятъ и пьютъ у него непрестанно пищи разныя и питье. И тѣхъ, государь, дѣтей своихъ и племянниковъ и зятей и друзей и хлѣбояжцевъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей ссужаетъ монастырскими казенными деньгами и хлѣбомъ и скотомъ, лошадьми и всякою животиною по вся годы и для прилики емлетъ на нихъ заемныя кабалы въ деньгахъ и хлѣбѣ. И по тѣмъ, государь, кабаламъ денегъ и хлѣба на нихъ въ монастырь, въ казну, не емлетъ многія лѣта; и накопилъ, государь, тѣхъ кабалъ въ деньгахъ и въ хлѣбѣ много, и тѣ, государь, кабалы его келаревымъ нерадѣніемъ и угодниковъ его бывшихъ казначеевъ изъ лѣтъ вышли и платежу, государь, по нимъ нѣтъ; а иныя, государь, кабалы дѣтямъ своимъ и племянникамъ и друзьямъ выдавалъ безъ платежу. А въ казначеи, государь, выбиралъ угодниковъ своихъ и единомышленниковъ неграмотныхъ людей. И тѣ, государь, угодники-казначеи, будучи въ казнѣ при его келарствѣ, въ тѣ многія лѣта жили, забывъ страхъ Божій и иноческое обѣщаніе; покупали рыбу красную и икру и вязигу и всякіе монастырскіе обиходы, и въ расходныя свои книги писали вдвое и будто покупано на братской обиходъ, а мы, богомольцы твои, до пріѣзду архимандрита Симеона не токмо, государь, въ простые дни,—и въ господскіе праздники и въ богородичные и воскресные дни и твои великаго государя царскіе ангелы и въ прочіе кормы—во многіе годы намъ въ братію рыбы красныя и икры и вязиги отнюдь въ столъ не бывало. А меду, государь, купятъ пудъ по двѣсти и больше на годъ, а въ братьѣ, государь, въ столѣ и въ годъ меду не видаемъ. И то, государь, все исходитъ у него, келаря, старца Діонисья, и у его угодниковъ и единомышленниковъ у казначеевъ съ дѣтьми своими и племянники и друзьями и хлѣбояжцы по кельямъ. И кто, государь, изъ насъ, изъ братіи, станетъ ему, келарю, о томъ говорить,—и онъ насъ бранитъ всякою непотребною бранью и лаею матерною поноситъ; а иныхъ, государь, нашу братью бьетъ ослопомъ и запорами, зазвавъ къ себѣ въ келію и на крыльцо, своими руками и за волосы таскаетъ и топтунками топчетъ на смерть и говоритъ: хотя-де и до смерти убью, никого-де не боюсь, и сажаетъ на чепь и желѣза и мучитъ многое время и изъ монастыря, государь, высылаетъ вонъ безъ вины...» «Да онъ же, государь, келарь, старецъ Діонисій, въ прошломъ, государь, 165 году, послѣ мороваго повѣтрія ѣздилъ къ Мо-

сквѣ и взялъ, государь, изъ монастырскія казны многія деньги и ѣдучи къ Москвѣ въ монастырскихъ вотчинахъ имал̾ъ монастырскія поженныя оброчныя и мельничныя помольныя деньги, многія жъ, и будто платилъ на Москвѣ твои великаго государя ямскія и стрѣлецкія и полоняничныя деньги и жилъ, государь, на Москвѣ съ полгода и больше межъ архимандричества; а пріѣдучи, государь, съ Москвы тѣмъ многимъ монастырскимъ деньгамъ отписей и книгъ расходныхъ и остаточныхъ денегъ въ монастырскую казну не отдавывалъ не вѣдомо по какому вымыслу. Посылаетъ угодниковъ своихъ и единомышленниковъ старцевъ въ посельщики и помольщики сбирать помольныя деньги въ ящикъ, каковъ данъ за казенною печатью, чтобъ тѣ помольныя деньги брали въ ящикъ. И тѣ, государь, старцы сбираютъ тѣ помольныя деньги въ мошны и тѣми, государь, деньгами корыстуются и оказываютъ у себя на сторонѣ рублевъ по сту и по двѣсти, а въ монастырскую, государь, казну привозятъ помѣсячно небольшія деньги. А живутъ, государь, тѣ старцы на посельствѣ и на мельницахъ лѣтъ по пяти и по десяти и копятъ себѣ казну большую и дѣтей своихъ полнятъ, а монастырской, государь, казнѣ въ томъ чинится поруха большая и монастырь раззорили до конца. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержецъ, помилуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, государь, его, келаря, старца Діонисія Омачкина, отъ насъ изъ Печерскаго монастыря отъ келарства отставить».

Но всѣ такого рода несчастія, пережитыя монастыремъ отъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ бѣдствіемъ, которое онъ перенесъ отъ обвала горы. Вотъ какъ описываетъ это событіе современный лѣтописецъ, слова котораго мы приводимъ, для удобства, въ переводѣ. «Въ 1597 году 18 іюня, въ день св. мученика Леонтія, въ третьемъ часу ночи, разразился надъ Нижнимъ-Новгородомъ гнѣвъ Божій: оторвавшись отъ матерой земли оползла гора въ Печерскомъ монастырѣ и съ растущимъ на ней лѣсомъ вдвинулась въ Волгу саженъ на 50, а мѣстами и болѣе, вслѣдствіе чего на рѣкѣ поднялось страшное волненіе: стоявшія на водѣ подъ монастыремъ суда выбросило на берегъ саж. въ 20 отъ воды и болѣе. Когда оползень осѣлся, въ горѣ образовалось множество ключей. Оползнемъ разрушены были каменныя монастырскія церкви: Вознесенія Господня, Покрова Богородицы, апостола и евангелиста Іоанна Богослова, Николая Чудотворца, св. Бориса и Глѣба и Сергія Чудотворца; кромѣ того, разрушены были святыя ворота, кельи, сушила, погреба и прочія монастырскія службы. Церковь Покрова Богородицы вмѣстѣ съ трапезою расшатало, а подъ горою сдвинуло съ мѣста сажени на двѣ церкви Николая Чудотворца и Евѳимія Су-

здальскаго; колокольню же съ колоколами совсѣмъ повалило. Чудотворный образъ Богородицы и другія иконы и церковую утварь вынесли изъ церквей еще за недѣлю передъ тѣмъ, когда появились первые признаки оползня у монастырскаго моста. Случилось это бѣдствіе при архимандритѣ Трифонѣ. Во время несчастія старцевъ въ кельяхъ и въ больницѣ не было и потому они спаслись;

Бывшая часовня, нынѣ церковь, на горѣ, при въѣздѣ въ Печерскій монастырь.

точно также не было погибшихъ ни въ числѣ служителей, ни лошадей на конюшенномъ дворѣ, ни въ монастырской слободѣ, дома которой также пострадали; словомъ, людей и животныхъ Богъ помиловалъ. На третій день позади церкви найдены были въ землѣ не глубоко лежащія мощи старца-схимника; совершенно сохранились и гробъ, и ризы, и тѣло; повреждена была только часть лица, волосы же сохранились такъ же, какъ и миро въ гробу. Имя старца схимника въ точности никому не было извѣстно; сказывали только

старые иноки, что жилъ когда-то великій подвижникъ по имени Іоасафъ, который былъ по смерти погребенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были мощи; было это лѣтъ тридцать тому назадъ. По обрѣтеніи мощей пріѣхалъ въ Печерскій монастырь игуменъ Дудина монастыря Евѳимій съ братіей и мы вмѣстѣ съ нимъ вынули гробъ, осмотрѣли мощи, осязали ихъ собственными руками и поставили гробъ на другое мѣсто, въ ровень съ землею и устроили надъ нимъ гробницу». Но, передавая это событіе, бытописатель, какъ мы видимъ здѣсь, очень мало или почти ничего не говоритъ о причинахъ, вызвавшихъ это послѣднее; въ дѣйствительности же дѣло было такъ. На извѣстной глубинѣ горы, въ рыхлой землѣ появились подземные ключи, которые въ теченіе вѣковъ подтачивали то мѣсто, на которомъ стоялъ монастырь; вслѣдствіе чего подъ землей образовалось большое пустое пространство и кусокъ земли съ монастыремъ сначала осѣлъ на твердый слой. Это осѣданіе произошло за нѣсколько дней до катастрофы и выразилось только глухимъ гуломъ и образованіемъ длинной трещины; оно не сопровождалось ни сотрясеніемъ, ни колебаніемъ земли, иначе каменныя зданія могли бы дать трещины и даже разсыпаться. Этотъ первый актъ бѣдственнаго событія послужилъ предостереженіемъ для благоразумнаго и предусмотрительнаго настоятеля монастыря архимандрита Трифона: онъ приказалъ вынести изъ церквей особенно чтимыя иконы и церковную утварь. Между тѣмъ подземные ключи продолжали свою неутомимую работу: они подтачивали осѣвшую землю и разрушали послѣднія связи, соединявшія ее съ материкомъ. Наконецъ, и эти ничтожныя связи были порваны: осѣвшій кусокъ земли съ монастыремъ совершенно отдѣлился отъ горы, ему уже нельзя было устоять на наклонной плоскоски гладкаго, твердаго слоя каменнаго угля; онъ долженъ былъ удалиться въ мѣсто болѣе низменное и не такъ покатое—и часъ катастрофы наступилъ: весь монастырь со всѣми своими зданіями, огородами и монастырской слободой опустился къ рѣкѣ, скатился, но не свалился. Скатываніе было медленное и вотъ почему, по словамъ лѣтописца, не сопровождалось особенно печальными послѣдствіями, даже каменныя зданія и тѣ не всѣ были разрушены. Люди, жившіе въ монастырѣ и слободѣ, а равно и животныя—всѣ остались цѣлы; никто ни ушибленъ, ни придавленъ не былъ. Наоборотъ, еслибы скатываніе пошло по крутому наклону, то отъ монастыря не осталось бы камня на камнѣ.

Такъ кончилъ свое существованіе Печерскій монастырь, простоявъ на первоначальномъ мѣстѣ около 270 лѣтъ. Хотя половина каменныхъ церквей и большая часть монастырскихъ строеній не особенно много пострадали во время катастрофы, но мѣсто это признано было опаснымъ для возобновленія на немъ монастыря, особенно для сооруженія каменныхъ зданій. По повелѣнію царя Ѳео-

дора Іоанновича на мѣстѣ разрушеннаго монастыря былъ воздвигнутъ деревянный храмъ во имя Преображенія Господня. Въ 1782 году этотъ храмъ сгорѣлъ и вмѣсто него въ 1794 году построена каменная Преображенская церковь, существующая и донынѣ. Мѣсто, гдѣ находится оная, называется село Старыя Печеры.

II.

Новое мѣсто, назначенное для устройства монастыря, находится въ разстояніи версты отъ прежняго монастыря, на томъ же правомъ возвышенномъ берегу Волги, вверхъ по рѣкѣ. Оно было холмисто и неровно, а потому царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ выровнять его на счетъ казны и воздвигнуть деревянную церковь во имя Вознесенія Господня; приказалъ также построить келіи и обнести монастырь оградою. Прошло 35 лѣтъ отъ разрушенія монастыря и на новомъ мѣстѣ, вмѣсто деревянной церкви, воздвигнутъ былъ (1631—1632 гг.) прекрасный каменный соборный храмъ Вознесенія Господня; затѣмъ, мало-по-малу, все деревянное строеніе начало перестроиваться въ каменное, и монастырь пріобрѣлъ еще большее противъ прежняго величіе и большую славу. Богатые вклады и пожертвованія попрежнему не прекращались; цари русскіе подтверждали грамотами прежніе вклады великихъ князей и царей, своихъ предшественниковъ, и сами осыпали монастырь новыми и великими милостями; бояре, духовныя лица и крестьяне— всѣ несли въ монастырь свои посильныя лепты. Одни жертвовали земли съ угодьями, дома, лавки; другіе — домашній скотъ; третьи дарили драгоцѣнныя вещи или такія, которымъ и цѣны не было. Такъ, въ 1641 году, дьякъ Василій Ядинъ далъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, обложенный серебряной золоченой рѣзной ризой; вѣнецъ у Богородицы позолоченный чеканный съ лазоревымъ яхонтовымъ кругомъ, обнизанный жемчугомъ, другой вѣнецъ—жемчужный и цата — чеканная золоченая. Въ одномъ кіотѣ съ образомъ Богородицы находится Крестъ Господень, по сторонамъ унизанный жемчугомъ съ мощами многихъ святыхъ, въ томъ числѣ: Іакова брата Господня, Лазаря четверодневнаго, Андрея Первозваннаго, архидіакона Стефана, Григорія Богослова, также нетлѣнная риза апостола Марка, часть камня, на который излилась кровь Христова. Владѣя большимъ числомъ крѣпостныхъ крестьянъ (болѣе восьми тысячъ душъ), монастырь при помощи ихъ обработывалъ землю и заготовлялъ огромные запасы хлѣба, значительная часть котораго расходовалась съ благотворительными цѣлями; обучалъ своихъ крестьянъ различнымъ ремесламъ и такимъ образомъ имѣлъ отличныхъ плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, которыхъ употреблялъ не только на свои, но и на казенныя

работы въ разныхъ городахъ. Кромѣ того, Печерскій монастырь принималъ не малое участіе и въ дѣлахъ государственныхъ. Такъ въ 1612 г. архимандритъ Өеодосій, съ избранными отъ всѣхъ сословій лучшими людьми, посланъ былъ нижегородцами въ село Юрино, Пурецкой волости (въ 37-ми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода), просить князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, чтобы онъ вступился за православную вѣру и отечество, и принялъ начальство надъ нижегородскимъ ополченіемъ. Архимандритъ Өеодосій принималъ участіе вмѣстѣ съ другими въ избраніи царя Михаила Өеодоровича и подписалъ избирательную грамоту. Изъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ монастырь посылалъ и пѣшихъ и конныхъ людей на государственную службу. Кромѣ большихъ суммъ денегъ, которыя пересылались въ войска на жалованье, монастыремъ доставлялось также громадное количество хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ для ратныхъ людей и фуража для прокормленія лошадей. Во время войны Петра I съ Карломъ XII и турками, Печерскій монастырь вмѣстѣ съ другими строилъ военный корабль въ Воронежѣ и послалъ болѣе 300 пудовъ колоколовъ для литья пушекъ. При большихъ же помѣщеніяхъ для больницъ и богадѣленъ, на содержаніи у монастыря кормилось очень много престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ людей; нерѣдко были посылаемы сюда и государственные преступники подъ надзоръ и убѣжденіе настоятелей. Конецъ такому цвѣтущему состоянію монастыря, продолжавшемуся слишкомъ полтораста лѣтъ, положенъ былъ указомъ императрицы Екатерины II, въ силу котораго совершилось отдѣленіе монастырскихъ земель, вотчинъ и крестьянъ въ пользу казны. При составленіи духовныхъ штатовъ за монастыремъ числилось крестьянскихъ душъ 8,236 и около 6,000 десятинъ пахотной земли.

III.

Съ 1764 года, для Печерскаго монастыря наступаетъ третій и послѣдній періодъ его существованія: періодъ бѣдности и запустѣнія. При составленіи духовныхъ штатовъ монастырь включенъ былъ въ первый классъ, степенью седьмымъ. Вмѣсто крестьянъ, вотчинъ и земель ему назначено было опредѣленное жалованье въ 2,017 руб. 50 коп.; но потомъ, по особенному благоволенію императрицы Екатерины II, сверхъ положеннаго по окладу жалованья, Печерскому монастырю всемилостивѣйше пожаловано въ прибавку 300 руб. въ годъ. Понятно, что при такомъ скудномъ содержаніи монастырь едва могъ влачить свое существованіе, тѣмъ болѣе, что доходовъ не было почти никакихъ, а пожертвованія и вклады прекратились еще въ 1717 году, когда нѣкій Новосильцевъ пожертвовалъ сюда бархатныя поручи съ жемчужными крестами,

оцѣненныя въ 120 рублей. Съ тѣхъ поръ книги смерти—синодики перестали испещряться именами жертвователей о упокоеніи душъ боляръ, подъячихъ, посадскихъ и простыхъ крестьянъ. Поэтому нисколько не удивительно, что монастырь въ 1764 году очутился въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ 170 лѣтъ назадъ, въ годину своего разрушенія.

Прежде, по крайней мѣрѣ, онъ могъ разсчитывать на сочувственое отношеніе къ нему русскаго общества, выражавшееся въ обильныхъ пожертвованіяхъ царей и другихъ лицъ, позволившихъ возстановить монастырь изъ развалинъ еще въ болѣе величественномъ видѣ, чѣмъ онъ былъ до этого времени. Теперь же, напротивъ, всѣ обстоятельства сложились такъ, что монастырю, волей-неволей, приходилось покончить съ своимъ историческимъ прошлымъ, такъ какъ тѣмъ окладомъ жалованья, который полагался ему по штату, совсѣмъ не мыслимо было ни содержать монастырскую братію, ни ремонтировать многочисленныя монастырскія зданія; а по этому братіи ничего не оставалось дѣлать, какъ только разойтись на всѣ четыре стороны,—и она шла, куда глаза глядятъ, а монастырскія зданія ветшали, обваливались и даже совсѣмъ проваливались. И сколько такихъ монастырей погибло у насъ на Руси черезъ отобраніе у нихъ земель и крестьянъ и черезъ передачу послѣднихъ частнымъ лицамъ. Дѣйствительно, уничтоженіе крѣпостничества одной рукой въ маломъ количествѣ и насажденіе его другой въ громадныхъ размѣрахъ—были однимъ изъ самыхъ ошибочныхъ и крайне непрактичныхъ мѣропріятій того времени. Но если бы монастырямъ за ихъ тысячи душъ крестьянъ и тысячи десятинъ земли уплатили хотя бы незначительный процентъ стоимости отнятаго у нихъ имущества,—то сколько бы тогда сохранилось драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго зодчества и искусства? сколько бы мы имѣли лѣтописей, манускриптовъ, которые теперь, быть можетъ, навсегда похоронены отъ нашихъ глазъ подъ развалинами разрушившихся зданій?!. Но при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при равнодушіи и жалкой апатіи общества, у насъ, къ счастію, появляется теперь не мало людей труда и науки, понимающихъ красоту древне-русскаго строительнаго искусства, которые изъ безформенныхъ камней, кирпича и изразцовъ возсоздаютъ храмы Божіи, княжескіе терема и боярскія палаты въ томъ видѣ и въ той обстановкѣ, въ какихъ они нѣсколько вѣковъ тому назадъ составляли украшеніе и гордость Россіи... Впрочемъ, Печерскій монастырь не испыталъ на себѣ конечнаго разрушенія, какъ, напримѣръ, несчастный Ростовскій кремль, гдѣ на полуразрушившихся зданіяхъ выростали цѣлыя деревья, гдѣ безформенныя массы кирпича и изразцовъ густо обросли бурьяномъ, репейникомъ и крапивой, гдѣ обвалившіяся подвальныя помѣщенія пріютили въ себѣ тысячи бочекъ одуряющихъ произведеній от-

купа. Въ Печерскомъ монастырѣ и церковныя зданія ветшали и обваливались и жилыя помѣщенія приходили въ такую ветхость, что крыши проваливались, стѣны давали трещины, — но все это кое-какъ поддерживалось, подновлялось скудными монастырскими средствами и, такимъ образомъ, сохранилось, хотя и не въ блестящемъ видѣ, до настоящаго времени.

Самый древній и величественный храмъ въ Печерскомъ монастырѣ—это соборная, каменная, пятиглавая церковь во имя Вознесенія Господня, построенная въ 1631—1632 годахъ при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, по образцу Вознесенскаго женскаго монастыря въ Московскомъ кремлѣ. Храмъ этотъ построенъ на царскій счетъ знаменитымъ въ то время царскимъ зодчимъ Антипою Возоулинымъ и вполнѣ справедливо можетъ считаться однимъ изъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ XVII вѣка. Внутри два массивныхъ столба поддерживаютъ всю тяжесть сводовъ церкви. Съ западной и южной стороны пристроены паперти, крытыя желѣзомъ и поддерживаемыя четырьмя каменными столбами. Къ сожалѣнію, внутренность церкви много потеряла своей красоты отъ поздѣйшнихъ поправокъ; живопись новая и очень плохая. Впрочемъ, иконостасъ съ херувимами въ верху, XVII вѣка, окладъ царскихъ вратъ и въ особенности сѣверная дверь съ изображеніемъ грѣхопаденія Адама—прекрасно сохранились. При входѣ въ этотъ храмъ, въ первой половинѣ по лѣвой сторонѣ очень хорошъ старинный образъ преподобнаго Макарія съ чудесами. У этого священнаго изображенія всегда во время службы молился преосв. Іеремія, бывшій епископъ Нижегородскій, когда онъ жилъ въ монастырѣ на покоѣ. Тутъ же, въ храмѣ, помѣщается и главная святыня Печерскаго монастыря—чудотворный образъ Печерской Божіей Матери, принесенный изъ Кіева основателемъ монастыря св. Діонисіемъ. Близъ Вознесенскаго собора находится одноглавая теплая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородины, основанная въ 1647 году; она соединена съ Вознесенскою церковью крытой галлереей и имѣетъ два входа. Въ храмѣ все передѣлано заново: живопись въ клеймахъ и на иконахъ — поновлена; даже одинъ изъ придѣловъ въ этомъ храмѣ, бывшій Рождества Пресвятой Богородицы, переименованъ въ 1887 году въ честь св. Діонисія. Подъ сводами этого храма устроена въ 1857 году преосвященнымъ Іереміей церковь въ честь кіево-печерскихъ чудотворцевъ для погребенія и поминовенія усопшихъ братій Печерской обители, почему и носитъ названіе «Усыпальницы». Въ ней особенно характерны иконы св. апостола Өомы и Знаменія Пресвятой Богородицы; окладъ ризы и изображеніе Богоматери—XVII вѣка. Хорошо сохранились царскія рѣзныя врата изъ Кіево-Печерскаго монастыря, — замѣчательныя по своей древности. Остальное все—бѣдно, не художественно; а въ самомъ храмѣ чувствуется страшная сырость. Направо, у окна

Старый Печерскій монастырь (засыпанный горой въ XVI вѣкѣ).

надпись: «здѣсь погребено тѣло раба Божія схимонаха Мардарія, скончавшагося 6-го апрѣля 1859 года». Вблизи гробницы, очень древній, но облупившійся отъ сырости, образъ Всѣхъ Святыхъ. Изображенія замѣчательны для исторіи нашей иконографіи XVII в. и жаль будетъ, если никто не сниметъ съ этой иконы копіи, такъ какъ дни образа сочтены и отъ него скоро останется одна лишь расщелившаяся дека. Четвертая церковь, во имя Евѳимія Суздальскаго, сооружена въ 1645 году. До половины настоящаго столѣтія этотъ храмъ сохранялся безъ поврежденій, и прелестный, хотя и не богатый, иконостасъ съ древними иконами оставался неприкосновеннымъ; но архимандритъ Иннокентій Платоновъ подыскалъ какого-то жертвователя и въ 1836 г. погубилъ древность безвозвратно; да и то, что уцѣлѣло, было окончательно передѣлано преосвященнымъ Іаковомъ въ 1848 г. Пятая церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, бывшая прежде больничною, построена въ 1738 г.; находящійся въ ней иконостасъ XVII и XVIII вв., вѣроятно, взятъ изъ прежней деревянной церкви. Въ этомъ храмѣ лежитъ тѣло бывшаго рязанскаго епископа Палладія, который былъ архимандритомъ монастыря. Шестая замѣчательная по миніатюрности своей одно-престольная каменная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, находящаяся надъ восточными монастырскими воротами. Построенная въ 1765 году вмѣстѣ съ находящимися въ связи съ ней келіями, она въ 1800 году сгорѣла и находилась въ запустѣніи до 1848 г., когда стараніемъ преосвященнаго Іакова возобновлена совершенно какъ извнутри, такъ и снаружи. Эта церковь служила домовой для преосвященнаго Іереміи, такъ какъ она соединялась съ его келіями. Въ ней великій подвижникъ нашего времени часто совершалъ литургію безъ архіерейской пышности, простымъ священническимъ служеніемъ съ однимъ протодіакономъ, и здѣсь же, по разсказамъ старожиловъ, онъ тайно принялъ схиму отъ старца схимника—Мардарія. Въ 1887 году намъ удалось посѣтить бывшее жилище преосвященнаго Іереміи. Домъ не отпирался почти съ самаго его отъѣзда, т. е. съ 1885 г.; давно не крашеныя стѣны, никогда не выставляемыя рамы, полъ—все пришло въ ветхость; въ покояхъ царилъ страшный безпорядокъ, такъ и видно было, что, по выбытіи изъ келій жильца, никто не полюбопытствовалъ сюда заглянуть; даже не былъ выметенъ полъ, о чемъ можно судить по остаткамъ бумагъ и другого находившагося здѣсь хлама. Самыя стѣны этого дома во многихъ мѣстахъ дали трещины.—Около Покровской церкви наружныя стѣны монастыря очень близко подходятъ къ Волгѣ и сильно подмываются водой, такъ что ограда находится въ опасномъ положеніи, а башня совсѣмъ угрожаетъ паденіемъ.

Въ настоящее время въ монастырѣ не мало зданій и большею частію XVII вѣка, но всѣ они переломаны и не имѣютъ никакой

архитектуры. Въ одномъ изъ нихъ, предназначенномъ для настоятельскихъ келій, преосвященный Димитрій въ 1887 году устроилъ, несмотря на излишекъ монастырскихъ храмовъ, еще домовую церковь во имя св. Димитрія... Монастырская трехъ-ярусная колокольня, съ шатровымъ верхомъ, построенная въ 1632 году, тоже за послѣднее время имѣетъ много слѣдовъ порчи; а каменная ограда съ пятью башнями, которою монастырь былъ обнесенъ въ 1765 году,—вся въ трещинахъ и подперта контрфорсами. Дорога вокругъ монастыря со стороны рѣки едва только возможна для пѣшеходовъ: она осыпается въ особенности близь самой ограды, между тѣмъ, какъ еще недавно по ней можно было ѣздить въ экипажахъ... Разсказываютъ также, что монастырскій берегъ у этой дороги обваливался иногда сажени по три, такъ что въ недалекомъ будущемъ нужно опасаться за цѣлость монастырскихъ башенъ и ограды.

При въѣздѣ въ монастырь находится шатровая каменная церковь, передѣланная въ 1862 г. изъ часовни, построенной въ 1682 году.

Монастырская ризница довольно богата; есть не мало священныхъ предметовъ XVI—XVII вв. Хороши шитая золотомъ плащаница 1672 г., пелены «строенія Строгоновыхъ». Ризы, оплечья и проч. представляютъ богатые образцы для изученія русскаго шитья XVII в. Замѣчательна также и библіотека. Въ ней находятся семь синодиковъ, писанныхъ между 1552—1654 гг., и вкладныя книги 1641 г.—драгоцѣннѣйшій историческій матеріалъ не только для монастыря, но и вообще для всего Нижегородскаго края; кромѣ того, здѣсь можно видѣть также большое количество рукописныхъ сборниковъ и старопечатныхъ довольно рѣдкихъ книгъ; но всѣ эти остатки древнерусской письменности, по обыкновенію, лежатъ въ безпорядкѣ и неописаны.

Вотъ въ общихъ чертахъ описаніе одного изъ древнихъ монастырей нашего времени.

Теперь намъ остается только пожалѣть, что драгоцѣнные и для науки и для народнаго чувства священные памятники остаются и по сейчасъ въ такомъ небреженіи, чтобы не сказать еще болѣе. Конечно, если бы эти святыни находились гдѣ-либо въ захолустьи, въ бѣдной мѣстности, то пожалуй еще такое индеферентное отношеніе къ нимъ русскаго общества—было бы извинительно; но вѣдь онѣ, не станемъ забывать, находятся тамъ, «гдѣ Азія сталкивается съ Европой, востокъ съ западомъ, гдѣ ключъ нашихъ сокровищей». И вотъ, когда почти рядомъ съ монастыремъ въ Нижнемъ-Новгородѣ воздвигаются громадныя, хотя и лишенныя всякаго художественнаго вида, церкви, когда въ самой ярмаркѣ на 20-ти годахъ выстроенъ нѣмцемъ невозможной архитектуры соборъ, а затѣмъ въ 1881 г. реставрированъ тоже нѣмцемъ-лютера-

ниномъ—другой, построенный въ 1818 г. католикомъ-французомъ,—древніе храмы Печерскаго монастыря съ своими прелестными зданіями русскихъ зодчихъ XVII в. все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Если они и поправляются, то едва ли этому стоитъ радоваться. Каждый благотворитель въ такихъ случаяхъ обыкновенно старается уничтожить то, что пощадило время и невѣжество, такъ что отъ этихъ чрезмѣрныхъ «усердій», въ концѣ концовъ приходишь къ тому убѣжденію, что, пожалуй, и эти остатки старины въ полуразрушенномъ видѣ гораздо лучше, чѣмъ благолѣпно разукрашенные храмы. Какъ въ Макарьевскомъ монастырѣ, такъ и въ Печерскомъ, ясно отражается и вѣрованіе русскаго народа и міросозерцаніе торговаго человѣка, въ особенности же богатыхъ храмоздателей и благоукрасителей. Поощряемые на эти подвиги или стараніями оо. настоятелей или же тѣми украшеніями, которыя составляютъ въ семъ мірѣ конечную цѣль россійскаго купца, зиждители готовы ломать все прекрасное лишь только потому, что въ немъ мало позолоты; не задумаются замазать «рублевеное» письмо, чтобы изобразить святого съ ликомъ, похожимъ на себя, какъ бы для увѣковѣченія своей памяти [1]).

Закончимъ наше описаніе словами автора «Тарантаса», гр. Соллогуба. «Печерскій монастырь забытъ въ русской исторіи. Со временъ Пожарскаго мірскія волненія не преступали болѣе за его благочестивую ограду; и тихо и грустно стоитъ онъ надъ Нижнимъ, прислушиваясь печально къ неумолчному шуму кипящаго базара. Онъ все видѣлъ на своемъ вѣку: и междуусобіе, и татарскіе набѣги, и боярскую спѣсь, и рыцарское величіе. Онъ видѣлъ древнюю Русь; онъ видитъ Русь настоящую и попрежнему тихо сзываетъ православныхъ къ молитвѣ, попрежнему мѣрно и заунывно звонитъ въ свои колокола. Повѣрьте мнѣ: если вы будете въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите помолиться въ Печерскій монастырь».

А. Титовъ.

---

[1]) Въ нашихъ церквахъ не мало иконъ съ изображеніями угодниковъ, лики которыхъ благотворители приказывали изображать похожими на ихъ лица. Впрочемъ, это бывало и въ XVIII в.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ В. Р. ЗОТОВА.

КТЯБРЯ 19-го исполнилось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности одного изъ старѣйшихъ нашихъ писателей—Владиміра Рафаиловича Зотова. Получивъ прекрасное и разностороннее образованіе, В. Р. въ теченіе своего полувѣкового служенія русской литературѣ былъ поэтомъ, драматургомъ, романистомъ, критикомъ, историкомъ, фельетонистомъ, журналистомъ. Не всѣ его многочисленныя произведенія имѣли одинаковый успѣхъ; но всѣ они носятъ одинъ общій отпечатокъ, — искренности и честности. Принадлежа къ тому литературному направленію, которое принято называть «западничествомъ», В. Р. всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и высказывалъ ихъ прямо и откровенно. Онъ пережилъ не мало грозъ и невзгодъ, но до преклонной старости сохранилъ свѣжесть и бодрость души. Безупречно пройдя долгій и тернистый путь писателя и журналиста, В. Р. справедливо пользуется уваженіемъ всѣхъ, кому дороги лучшія литературныя преданія и кто умѣетъ цѣнить въ писателѣ не одно только его дарованіе, но и тѣ благородныя побужденія и стремленія, которыя неизмѣнно руко водятъ этимъ дарованіемъ.

В. Р. началъ свою литературную дѣятельность какъ «лицейскій поэтъ», напечатавъ первые стихи свои въ честь Лицея, въ 29-ю годовщину этого учрежденія, и черезъ полвѣка, вѣрный преданіямъ своей молодости, послалъ ему новое привѣтствіе. Но главная дѣятельность В. Р. сосредоточилась не на поэтическомъ, а на журнальномъ поприщѣ, и мы считаемъ не лишнимъ для исторіи нашей

журналистики напомнить главные факты изъ жизни писателя, хотя и не принадлежащаго къ первокласснымъ дѣятелямъ, но продолжающаго и послѣ полувѣковыхъ трудовъ неутомимо работать въ области нашей періодической литературы. Біографіи В. Р., довольно подробныя, помѣщены въ сборникѣ Гербеля «Русскіе поэты» (третье изданіе 1888 года) и «Портретной Галлереѣ русскихъ дѣятелей» А. Э. Мюнстера. Жизнь его, богатая разнородными трудами, небогата внѣшними событіями. Сынъ извѣстнаго въ свое время романиста и начальника репертуара императорскихъ театровъ Рафаила Михаиловича Зотова, В. Р. родился въ Петербургѣ 22-го іюня 1821 года. Выучившись читать самоучкою по афишамъ, онъ уже 9-ти лѣтъ написалъ драму «Маробукъ, атаманъ разбойниковъ» и разыгралъ ее въ кругу своей семьи. Получивъ первоначальное образованіе во второй петербургской гимназіи, онъ перешелъ потомъ въ первую, а изъ нея поступилъ, въ 1836 году, въ царскосельскій Лицей, гдѣ кончилъ полный курсъ въ 1841 году однимъ изъ первыхъ по ученію и началъ свое служебное поприще въ канцеляріи военнаго министерства. Служилъ онъ, какъ видно изъ его «Записокъ», напечатанныхъ нами въ первыхъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года,—плохо, не могъ примириться съ военною дисциплиною и рутиною, и перешелъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ, но и тамъ, не смотря на то, что служебныя обязанности были не обременительны, онъ не могъ соединить ихъ съ редакціонными занятіями и въ 1861 году оставилъ департаментъ, хотя и до сихъ поръ остается причисленнымъ къ канцеляріи министерства финансовъ. Любовь къ литературѣ развилась въ немъ еще на школьной скамьѣ: въ гимназіи и Лицеѣ онъ издавалъ рукописные журналы. Получивъ энциклопедическое образованіе и пополнивъ его, по выходѣ изъ Лицея, серьезнымъ изученіемъ предметовъ, не входившихъ въ школьный курсъ и, въ особенности, главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, В. Р. началъ пробовать свои силы во всѣхъ родахъ литературы, писалъ ученыя, беллетристическія и критическія статьи, историческія изслѣдованія и монографіи, этюды, драмы, комедіи, оперы, водевили, театральные отчеты, фельетоны, юмористическіе очерки, стихотворенія. Но вскорѣ онъ убѣдился, что его прямое назначеніе — быть журналистомъ. Въ его «Запискахъ» разсказаны первые попытки на этомъ поприщѣ, при редактированіи «Театральной Лѣтописи» въ 1843 году и «Литературной Газеты» въ 1847 году. Съ 1850-го по 1856 годъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Пантеона» Ѳ. А. Кони, гдѣ завѣдовалъ отдѣлами: критики, театра и смѣси, куда входили всѣ любопытныя современныя извѣстія. Въ то же время онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», подъ редакціей Краевскаго; въ 1857 году — въ «Сынѣ Отечества» Старчев-

скаго, гдѣ писалъ критическія и политическія статьи, а во время своей поѣздки за-границу — письма изъ Копенгагена, Ротердама, Брюсселя, Парижа, Лондона, Манчестера и др. Въ 1858 году онъ основалъ съ Бауманомъ «Иллюстрацію», придя, по его словамъ, къ убѣжденію, что «и не принадлежа къ первоклассным писателямъ, не обладая выдающимся, блестящимъ дарованіемъ, можно прино-

В. Р. Зотовъ.

сить пользу на поприщѣ журналистики возможнымъ развитіемъ и популяризаціей идей прогресса, просвѣщенія, гуманности. Не принимая на себя роли проповѣдника и наставника, журналистъ можетъ проводить эти идеи во всѣхъ формахъ литературы, преслѣдуя въ то же время отсталыя, рутинныя понятія и предразсудки, дикіе взгляды и допотопныя убѣжденія въ сферѣ общественной и

политической жизни. Дѣлать общедоступными идеи великихъ мыслителей, вводить въ практику, насколько это возможно при современномъ устройствѣ общества, сколько-нибудь осуществимыя теоріи, добытыя опытомъ и мышленіемъ, бороться упорно и неустанно со всѣми ненормальными явленіями въ жизни, хотя бы они прикрывались благонамѣренностью, ложнымъ патріотизмомъ и псевдоблагочестіемъ, опровергать здравой логикой или насмѣшками всѣ софизмы невѣжества, всѣ громкія фразы фанатической нетерпимости и личныхъ своекорыстныхъ выгодъ — вотъ цѣль и назначеніе журналиста и цѣль эта скорѣе достигается, когда живое слово облекается въ образы, сопровождается и объясняется рисунками». Поэтому-то В. Р. съ особеннымъ жаромъ занялся редакціей «Иллюстраціи», гдѣ почти всѣ неподписанныя статьи составлены имъ самимъ. Для менѣе состоятельныхъ классовъ общества, онъ основалъ болѣе доступную по цѣнѣ газету «Иллюстрированный Семейный Листокъ» и черезъ шесть лѣтъ изданія уменьшилъ на половину цѣну обоихъ журналовъ, превративъ первый изъ нихъ въ «Иллюстрированную Газету», а второй въ «Воскресный Досугъ». Къ сожалѣнію, и въ этомъ преобразованномъ видѣ оба изданія просуществовали только десять лѣтъ: подписчиковъ было немного, редакторъ не обладалъ достаточными матерьяльными средствами, издатель Бауманъ былъ франкфуртскій спекуляторъ, бравшійся за все, чтобы нажить деньги: открывавшій увеселительныя заведенія въ окрестностяхъ столицы, писавшій и издававшій музыку, занимавшійся фотографіею и составленіемъ медицинскихъ брошюръ и кончившій тѣмъ, что, превративъ еще разъ «Иллюстрированную Газету» и «Воскресный Досугъ» сначала въ «Иллюстрированную Недѣлю», потомъ въ «Иллюстрированный Вѣстникъ» и въ «Неву», бѣжалъ изъ Петербурга, обобравъ не только горсть довѣрчивыхъ подписчиковъ, но и бѣдныхъ сотрудниковъ, получавшихъ нищенскій гонораръ за свои работы. В. Р. прервалъ всякія сношенія съ этимъ проходимцемъ еще въ 1875 году, лѣтъ за восемь до его бѣгства. Честный и горячо преданный своему дѣлу журналистъ долженъ былъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ завѣдыванія иллюстрированными изданіями, въ которыя вторгнулся спекулятивный и жидовствующій элементъ. Принимая участіе въ основаніи «Голоса» и отказавшись отъ работы въ немъ по причинѣ усиленныхъ занятій по редактированію «Иллюстраціи», В. Р. въ 1873 году вновь примкнулъ къ этой газетѣ и весь отдался газетной работѣ, взявъ на себя секретарскую и дѣлопроизводительскую часть по изданію, при чемъ ему пришлось имѣть сношенія почти со всѣми передовыми дѣятелями русской журналистики. Онъ не оставлялъ ни этой газеты, ни «Отечественныхъ Записокъ» до прекращенія этихъ изданій и только въ послѣднее десятилѣтіе принялъ постоянное сотрудничество въ «Историческомъ

Вѣстникѣ» и «Наблюдателѣ». Но вмѣстѣ съ работою въ газетѣ, требовавшею ежедневныхъ, непрерывныхъ трудовъ, В. Р. принималъ дѣятельное участіе въ лексикографическихъ изданіяхъ, къ которымъ всегда обнаруживалъ особенную наклонность и способность, благодаря своему энциклопедическому образованію и знанію европейскихъ языковъ. Такъ, въ 1861—1864 гг. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Энциклопедическаго Словаря»; въ 1864 году составилъ почти одинъ, безъ сотрудниковъ, третій томъ «Настольнаго Словаря» Толля (до буквы Ф, включительно); въ 1874 году принялъ дѣятельное участіе въ словарѣ Березина и составилъ для него до 50-ти статей и всю букву Л подъ рядъ (до Литвы). Наконецъ, въ 1882 году, онъ окончилъ главный трудъ своей жизни «Исторію всемірной литературы», матеріалы для которой собиралъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, а писалъ въ теченіе шести лѣтъ, удѣляя для этого время отъ своихъ журнальныхъ занятій. Это не систематическій ученый трудъ, а скорѣе популярное сочиненіе, знакомящее русскую публику съ главнѣйшими дѣятелями и произведеніями въ области творчества во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, это все-таки единственный, законченный трудъ на русскомъ языкѣ, представляющій полную картину дѣятельности человѣчества въ мірѣ творческой фантазіи. Наша журналистика не дала себѣ, къ сожалѣнію, труда ознакомиться подробно съ четырехтомнымъ сочиненіемъ слишкомъ въ 3,000 страницъ мелкой убористой печати въ два столбца, а между тѣмъ въ книгѣ приведены образцы переводовъ нашихъ лучшихъ поэтовъ со всѣхъ языковъ, и авторъ самъ переводилъ отрывки всѣхъ иностранныхъ писателей, не появлявшихся на русскомъ языкѣ. Къ тому же издатель «Исторіи Литературы», книгопродавецъ Вольфъ, назначилъ за нее цѣну, малодоступную для читателей съ небольшими средствами, и не хотѣлъ продавать отдѣльно, по языкамъ и національностямъ, выпуски «Исторіи».

Незадолго до закрытія «Голоса», когда давно уже собиравшаяся противъ него гроза готовилась разразиться, редакція газеты снялась въ фотографіи Левицкаго и В. Р. написалъ посланіе «Къ группѣ семнадцати разбойниковъ печати» — изъ которой теперь уже убыло пять членовъ: оба Краевскихъ, отецъ и сынъ, Матушинскій, Вильде и Альбертини. Въ концѣ этой юмористической пьесы онъ обрисовываетъ и свою собственную дѣятельность. Приводимъ эту характеристику:

«Вотъ и онъ—Владиміръ Зотовъ,
«Чуждъ житейскихъ всѣхъ расчетовъ,
«Жаромъ юноши согрѣтъ,
«До сѣдыхъ волосъ дожившій,
«Ничего не прикопившій
«Про запасъ, для дряхлыхъ лѣтъ,—

«Развѣ это не поэтъ?
«Хоть стихи его не звучны,
«Онъ не тискалъ въ сборникъ скучный
«Вдохновенія плоды,
«Пѣлъ какъ птица въ часъ веселый
«Или въ дни борьбы тяжелой,
«Провозвѣстникомъ бѣды.
«И въ кружкѣ друзей хоть тѣсномъ
«Онъ, быть можетъ, не умретъ,
«Пусть поэтомъ неизвѣстнымъ—
«Только гражданиномъ честнымъ
«Онъ въ потомство перейдетъ».

Помѣщая ниже, по годамъ, списокъ главнѣйшихъ произведеній В. Р., мы не приводимъ, конечно, и сотой доли того, что имъ написано въ теченіе полувѣковой журнальной и литературной дѣятельности.

1840. «Прологъ Лицейскаго театра» (19 октября).—Стихотворенія въ «Маякѣ».

1841. «Двѣ колонны» (отдѣльное стихотвореніе).—«Клитемнестра», трилогія въ стихахъ («Репертуаръ»).—Мелкія статьи въ «Сѣверной Пчелѣ».—«Послѣдній Хеакъ», поэма.

1842. «Святославъ», драматическая хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана).—«Невидимый мститель», легенда («Маякъ», № 12). — «Король Энціо», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).

1843. «Побрякушки», юмористическіе листки № 1, 2, 3.—«Менандръ и Теренцій» («Репертуаръ»).—«Черный таракань» фантастическій романъ («Репертуаръ»).—«Театралъ» куплеты.—«Статейки въ стихахъ», т. I.

1844. «Шкиперъ», историческія сцены 1713 года, въ стихахъ (играны и напечатаны отдѣльно).—«Три дня на Ладожскомъ озерѣ» («Сѣверная Пчела»).—«Замѣтки петербургскаго зѣваки», фельетоны въ 12-ти №№ («Репертуаръ»).—«Любовь и приличіе», повѣсть («Репертуаръ»).

1845. «Театральная лѣтопись», газета, 8 №№.—«Отрывки изъ поэмы «Генадій» («Репертуаръ»).—«Противоядіе», водевиль («Репертуаръ»).—«Левъ и барышня», повѣсть («Репертуаръ»).—«1844-й театральный годъ» («Репертуаръ»).—«Рабеле» («Репертуаръ»).—«Мольеръ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).— «Двѣ невѣсты», комедія («Репертуаръ»).

1846. «Чума въ Миланѣ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана въ «Репертуарѣ»).—«Ваканція», юмористическій очеркъ («Репертуаръ»). — «Тетушка и добродѣтель», комедія («Репертуаръ»). — «Театръ въ 1845 году» («Репертуаръ»).

1847. «Литературная Газета» 52 №№.—«Діогенъ», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ съ прологомъ («Литературная Газета»). — «Цикута», комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ.—«Прихоть», разсказъ («Литературная Газета»).—«Расинъ», драма-біографія въ 5-ти дѣйствіяхъ (играна и напечатана).

1848. «Литературная Газета» 52 №№.—«Учитель», комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ (играна и напечатана) («Литературная Газета»).—«Шекспиръ», въ его малоизвѣстныхъ пьесахъ («Репертуаръ»).—«Фаустъ» Гете и его русскіе переводчики,

2 статьи («Репертуаръ»). — «Мѣщанинъ-дворянинъ», комедія Мольера («Репертуаръ»).

1849. «Литературная Газета» 11 №№.—«Вольтижерка», повѣсть («Отечественныя Записки»).— «Разсказы моего затылка» («Литературная Газета»). — «Опекунша», повѣсть («Литературная Газета»).—«Новогородцы», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (играна и напечатана).

1850. Составилъ первую книгу «Сына Отечества» въ 30 листовъ. — «Дочь короля Рене», драма въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ (играна и напечатана въ «Репертуарѣ», передѣлка съ нѣмецкаго).—«Коломенская роза» («Отечественныя Записки» № 1 и 2).—«Старый домъ», («Отечественный Записки»), романъ въ 12-ти частяхъ.—«Первый дебютъ», водевиль («Репертуаръ»).—«Улица Луны», водевиль (Репертуаръ).—«Невѣста рѣки» («Репертуаръ»).

1851. «Дочь Карла Смѣлаго», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).—«Корсаръ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).—«Наполеоновскій гвардеецъ», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Репертуаръ»).—«Путешественникъ и путешественница», водевиль («Репертуаръ»). — «Круговая порука», водевиль въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»).

1852. «Комедія въ окнѣ и на балконѣ», въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»).—«Человѣкъ съ характеромъ», романъ въ 2-хъ частяхъ («Библіотека для Чтенія»).—«Невѣста изъ провинціи», комедія въ 1-мъ дѣйствіи («Репертуаръ»). — «Однофамильцы», драма («Репертуаръ»).

1853. «Между Петербургомъ и Москвою», разсказъ, въ 5-ти станціяхъ («Пантеонъ»).—«Легкомысліе молодого человѣка», деревенскія сцены («Репертуаръ»).—«Наука и женщина», комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ («Репертуаръ»).

1854. «Рашель и класицизмъ» («Пантеонъ»). — «Рашель въ Петербургѣ» («Пантеонъ» №№ 11, 12).—«Первый маскарадъ», сцена («Пантеонъ» № 1).—«Исторія одного паука и двухъ пріятелей» («Пантеонъ» № 7). — «Арабскія Кассиды», («Пантеонъ»).—«Солдатъ и пастухъ», опера («Сынъ Отечества»).—«Дочь управителя», сцены («Репертуаръ»).

1855. Русская журналистика въ 1853 году («Пантеонъ» №№ 1—2).—«Рашель въ Петербургѣ» («Пантеонъ» №№ 1—2).—«Балетъ въ Петербургѣ» («Пантеонъ»).—«Французскій театръ» («Пантеонъ»).—Журналистика («Пантеонъ»).— «Комедія въ оперѣ», разсказъ въ 5-ти представленіяхъ («Пантеонъ»). — «Лопухинская легенда» («Спб. Вѣдомости» №№ 184, 186, 189).—«Докторша», разсказъ («Отечественныя Записки» № 12).

1856. «Зимняя поѣздка въ Лопухинку» («Спб. Вѣдомости» № 710).—Журналистика въ 26-ти №№.—«Любовь въ городской каретѣ» («Пантеонъ» № 3).—«Русская литература въ 1855 году» («Пантеонъ»),—«30-е августа 1856 года», драматическій прологъ.—Журналистика («Спб. Вѣдомости» 21).

1857. «Очерки Гоголевскаго періода» («Спб. Вѣдомости» № 165).—«Литература въ Галиціи» («Спб. Вѣдомости», № 283).—«Рауль-синяя борода», сказка въ стихахъ (отд.). — «Любовь мелкихъ людей» (Писарша), («Сынъ Отечества» №№ 7, 10).—«Лѣшій», поэма въ прозѣ («Общезанимат. Вѣстникъ»).—«Лопухинка» («Спб. Вѣдомости»).—«Политическія письма изъ-за границы» (Сынъ От.).

1858. «Герцогиня д'Эгильонъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ («Сборникъ въ пользу Смирдина»).—«Протестъ о жидахъ» («Спб. Вѣдомости» № 262).—«Иллюстрація» по 1863 годъ («Всемірное Обозрѣніе» 50 №№, XII томовъ).

1859. «Иллюстрированный Семейный Листокъ», 50 №№, VIII томовъ.—«Исторія одной ножки».—«Какъ нынче любятъ» («Илл.» въ 4-хъ №№).

1860. «Какъ нынче ненавидятъ» современная сцена («Илл.» въ 2-хъ №№).

1861. «Полувѣковой юбилей Лицея» (стихотвореніе).

1862. «Татьяна Пушкина» («Сѣверное Сіяніе» № 1).—«Русскій энциклопедическій словарь», томъ II, III, IV, V (80 большихъ статей).—«Ивановъ и его картины» («Сѣверное Сіяніе» № 2).—«Русланъ и Людмила», (№ 3).—«Кавказскій плѣнникъ» (№ 4).—«Графъ Нулинъ» (№ 5).—«Годуновъ» (№ 6).—«Братья разбойники» (№ 7).—«Бахчисарайскій фонтанъ» (№ 8).—«Цыгане» (№ 9).—«Полтава» (№ 10).—«Пушкинъ какъ лирикъ» (№ 11).—«Пушкинъ, какъ драматургъ» (№ 12).

1863. «Княжна Мери» Лермонтова («Сѣверное Сіяніе» № 1). — «Демонъ» (№ 2).—«Лермонтовъ въ народныхъ произведеніяхъ» (№ 3).—«Первыя поэмы Лермонтова» (№ 4).—«Юношескія произведенія Лермонтова» (№ 5). — «Лермонтовъ въ лучшихъ произведеніяхъ» (№ 6).—«Кавказскія стихотворенія Лермонтова» (№ 7).—«Петербургское супружество», повѣсть (№№ 8, 9, 10).—«Мцыри» (№ 11).—«Юношескія поэмы» (№ 12). — «Иллюстрированная Газета», 50 №№, VIII томовъ.—«Воскресный Досугъ», 50 №№, VIII томовъ.—«Русскій энциклопедическій словарь», томъ VI, буква Е.—Вступленіе въ редакцію «Голоса».

1864. «Тамара» («Сѣверное Сіяніе» № 1). — «Лермонтовъ, какъ прозаикъ» (№ 5).—«Лермонтовъ, какъ драматургъ» (№ 6).—«Писемскій» (№ 10).—«И. С. Тургеневъ» (№ 11 и 12).—«Стихотворенія Плещеева» («Библіотека для Чтенія», № 2).—«Настольный словарь» Толля, томъ III, отъ буквы П.

1865. «Пѣвцы» Тургенева («Сѣверное Сіяніе» № 1).—«Морозъ» Некрасова («Сѣверное Сіяніе» № 2).—«Наканунѣ» И. С. Тургенева («Сѣверное Сіяніе»).

1866. «Второй томъ исторіи Юлія Цезаря».—Новый романъ Гюго.—Петерургскіе театры.—Новая книга Жюля Симона («Иллюстр. Газета» въ 10-ти №№).

1867. «Трагедіи Шиллера» («Иллюстр. Газета» въ 4-хъ №№).

6 1868. «Послѣдніе часы іюльской монархіи» («Иллюстр. Газета» въ 4-хъ №№).

1869. «Дѣло Пальма» («Иллюстр. Газета» въ 1 №).

1870. «Лицеистамъ XI курса» («Иллюстр. Газета», томъ XXV, № 11).

1871. «Двѣ тысячи восемьсотъ семидесятый годъ» («Иллюстр. Газета», томъ XXVII).

1872. «Воскресный Досугъ», томъ XIX и XX (послѣдніе). — «Иллюстрированная Газета», томъ XXIX и XXX (послѣдніе, издавалась 15 лѣтъ).

1873. «Иллюстрированная Недѣля» 50 №.—«Иллюстрированный Вѣстникъ» 50 №.—Принятіе въ «Голосѣ» обязанностей секретаря: литературные фельетоны, рецензіи книгъ, отчеты о разныхъ журналахъ.

1874. «Энциклопедическій Словарь» Березина до 50-ти статей и всѣ статьи на букву Л, до Литвы.—«Кавалеръ д'Эонъ» («Русская Старина», томъ X и XI).

1875. «Каліостро» («Русская Старина», томъ XII).—«Иллюстриров. Недѣля», томъ III (послѣдній).

1876. Рецензіи новыхъ книгъ («Русская Старина» (на оберткѣ).

1877. «Исторія всемірной литературы», томъ I. — «Библіографическія замѣтки» («Древняя и Новая Россія», томъ II): «Политическая хроника» («Русское Обозрѣніе»).

1878. «Исторія всемірной литературы», томъ II.—«Политическая хроника» («Русское Обозрѣніе»).

1879. «Политика» и мелкія статьи въ «Русскомъ Обозрѣніи».

1880. «Исторія всемірной литературы», томъ III.—Рецензіи педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ въ «Народной Школѣ» (XII книгъ) до прекращенія журнала въ 1889 году.

1881. Веденіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ» отдѣловъ «Заграничныя историческія новости» и «Смѣсь», рецензіи книгъ.—«Иностранная политическая хроника» («Народн. Школа»).

1882. «Исторія всемірной литературы», томъ IV.—«Политическая хроника» въ «Наблюдателѣ» и рецензіи до настоящаго времени.—«Очерки иностранной литературы», «Обзоръ историческихъ журналовъ», «Стихотворенія» (тамъ же).

1883. Рецензіи въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

1884. «Документальная исторія чорта», «Послѣдніе годы второй имперіи», «Французское общество» («Историческій Вѣстникъ», томъ XV). — «Парижъ четверть вѣка назадъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XVII).—«Сентиментальное путешествіе русскаго человѣка» («Историческій Вѣстникъ», томъ XVII).

1885. «Урокъ прошедшаго» («Петербургская Газета» № 17).—«Вольно-Экономическое общество» («Петербургская Газета» № 73).—«Англійскій миссіонеръ въ Русской Азіи» («Новое Время», фельетоны №№ 3433, 3454, 3461).—«Представители реализма, Культурная исторія директоріи» («Историческій Вѣстникъ», томъ XIX).—«Городъ ангеловъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XX).

1886. «Семидесятипятилѣтіе Лицея», (стихотвореніе), («Новое Время» и отдѣльно).—«У гроба Головнина» («Новости» № 309).— «Одинъ изъ друзей человѣчества» («Историческій Вѣстникъ», томъ XXIII).—«Крестьянинъ-археологъ» («Историческій Вѣстникъ», томъ XXIV).—«Очеркъ исторіи игральныхъ картъ» («Новь»).

1887. «Памяти лицейскаго поэта» (стихотвореніе въ «Дѣлѣ», № 1 и отд.)—«Очеркъ исторіи англійской иллюстраціи» («Историческій Вѣстникъ», томъ I).—Левъ Александровичъ Мей, Критич. очеркъ и редакція пяти томовъ его произведеній.

1888. «На Иматрѣ» (стихотвореніе во «Всемірной Иллюстраціи», № 11).

1889. «Н. Д. Хвощинская» («Историческій Вѣстникъ», № 10). — «Несторъ русской журналистики» (тамъ же, № 11). — «Общественная жизнь въ Англіи» (тамъ же, томъ XXXV—XXXVI).—«Поздней осенью» (стихотвореніе въ «Трудѣ», № 6).—«Историческая Портретная Галлерея» (два выпуска: ученые).

1890. «Лицею въ его 79-ю годовщину». — «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ» («Историческій Вѣстникъ», № 1, 2, 3, 4, 5, 6).—Три стихотворенія («Трудъ», № 19).

Портреты В. Р. помѣщены въ «Пантеонѣ» 1855 года, въ «Портретной Галлереѣ» 1869 года и въ «Нови» 1887 года. Помѣщаемый нами портретъ воспроизведенъ изъ «Портретной Галлереи».

С. Ш.

НѢМЕЦКІЕ ОРГАНЫ У РУССКИХЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

ВЪ КОНЦѢ апрѣля настоящаго года въ дрезденской газетѣ: «Dresdener Anzeiger» была напечатана заметка слѣдующаго содержанія: «Въ одномъ частномъ домѣ, въ Дрезденѣ, установленъ надняхъ оргàнъ изъ мастерской геніальнаго мастера Фридриха Ладегаста въ Вейсенфельсѣ (въ Саксоніи), и эта новинка такого рода, что можетъ быть интересна и въ другихъ мѣстахъ. Этотъ въ высшей степени элегантный оргàнъ съ 11-ю регистрами превзошелъ всѣ ожиданья высокою красотою звука и примѣрною своею выдѣлкою. Это 130-й оргàнъ, построенный Ладегастомъ, который, при своихъ работахъ, ревностно, но осторожно, употребляетъ въ дѣло всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія. Прекрасно интонированные регистры распредѣляются слѣдующимъ образомъ: принципалъ—8′, Gambe—8′, Flauto amabile—8′, Gedackt—8′, Gemshorn—4°, Mixtur, три раза въ главномъ корпусѣ—Rohrflöte--4′, Flauto Traverso—8′, Dolce—8′ въ верхнемъ корпусѣ—cello—8′ и Subbass—16′ въ педали. Аппаратъ для crescendo съ 10-ю отдѣлами даетъ возможность производить постепенный переходъ отъ самой слабой до самой полной силы звука. Эта остроумная конструкція имѣетъ нѣчто общее съ устройствомъ часовъ съ боемъ. Регистрированіе—пневматическое. Также и въ педали примѣнена система пневматическихъ трубъ (Röhrenpneumatik), но у мануалей—конусная система мѣховъ (Kegelladensystem). Двое мѣховъ съ двумя магазинами доставляютъ потребный воздухъ; у нихъ ходъ очень ровный, такъ что даже при неумѣлой практикѣ не производятъ толчковъ въ тонѣ. Подобный же оргàнъ будетъ въ непродолжительномъ времени отправленъ этою же всемірно-знаменитою фирмою Ладегаста—

въ Москву, гдѣ въ нѣкоторыхъ частныхъ кругахъ проявляются въ настоящее время живыя симпатіи къ оргáну. Мастеръ Ладегастъ находится въ сношеніяхъ съ самыми крупными строителями оргáновъ въ цѣлой Европѣ и съ величайшею ревностью слѣдитъ за всѣми усовершенствованіями новаго времени по своей части;

Органъ Энгельгардта въ Дрезденѣ.

оттого-то ему и возможно даже до настоящей минуты занимать высокое положеніе среди своихъ современниковъ».

Оргáнъ, о которомъ здѣсь говорится, сдѣланъ для одного нашего соотечественника, постоянно, уже болѣе 15-ти лѣтъ живущаго въ Дрезденѣ. Это — Василій Павловичъ Энгельгардтъ, пріятель Глинки; о немъ не разъ говорено въ «Запискахъ» и письмахъ Глинки; онъ былъ до того съ нимъ близокъ въ послѣдніе годы его жизни, что получилъ отъ Глинки въ подарокъ всю коллекцію его

музыкальныхъ автографовъ (партитуры: «Жизни за царя», «Руслана», «Хоты», «Ночи въ Мадридѣ», «Комаринской», «Князя Холмскаго», многихъ романсовъ, всѣхъ юношескихъ его сочиненій) — коллекція эта впослѣдствіи принесена Василіемъ Павловичемъ Энгельгардтомъ въ даръ нашему народному книгохранилищу, Императорской Публичной Библіотекѣ.

Еще во время юношескихъ своихъ годовъ, вскорѣ послѣ окончанія курса въ училищѣ правовѣдѣнія, Энгельгардтъ сильно пристрастился къ оргàну и къ органнымъ сочиненіямъ великихъ германскихъ мастеровъ, особенно Баха. Такая любовь къ оргàну и органной музыкѣ—фактъ довольно рѣдкій въ средѣ русскихъ. Но Глинка, въ послѣдніе годы жизни своей, полюбивъ вдругъ какъ-то особенно все классическое, въ томъ числѣ Баха и оргàнъ, много и часто бесѣдовалъ объ этихъ предметахъ со всѣми окружающими и близкими ему въ то время людьми. Въ 1849 году, онъ писалъ Энгельгардту изъ Варшавы: — «По моему, примѣчательнѣйшій артистъ въ Варшавѣ — органистъ Фрейёръ: у него руки и ноги равносильны. Я безъ ужасно-восторженнаго напряженія нервъ не могъ слушать, когда онъ игралъ фуги и прелюды Баха, и увѣренъ что вы получили бы полную порцію удовольствія, если бы вамъ довелось услышать ихъ...» Здѣсь, мы явно встрѣчаемъ продолженіе петербургскихъ бесѣдъ о Бахѣ и оргàнѣ. И, конечно, восторги Глинки еще болѣе усиливали органные вкусы и стремленія Энгельгардта, страстно обожавшаго Глинку.

«Первый русскій, устроившій себѣ домашній оргàнъ (пишетъ мнѣ Энгельгардтъ), былъ князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, отличный музыкантъ-любитель временъ Николая I, и въ особенности горячій поклонникъ Баха. Я немедленно послѣдовалъ его примѣру, и заказалъ себѣ такой же оргàнъ. Третій оргàнъ былъ устроенъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ; онъ и до сихъ поръ находится въ Мраморномъ дворцѣ и въ прежнія времена часто употреблялся самимъ великимъ княземъ, какъ извѣстно, ревностнымъ любителемъ классической музыки. Всѣ эти три оргàна были построены въ Петербургѣ, въ 50-хъ годахъ, Мельцелемъ, племянникомъ извѣстнаго изобрѣтателя метронома. Тотъ же Мельцель, очень даровитый мастеръ, построилъ въ Россіи также нѣсколько большихъ церковныхъ органовъ, напримѣръ, для Реформатской церкви въ Петербургѣ.

«Но этотъ мой первый оргàнъ, всего въ 6 регистровъ, скоро показался мнѣ слишкомъ малъ. Я продалъ его композитору-меломану Кастріоту-Скандербегу (принадлежавшему въ то время къ музыкальному кружку Глинки и Доргомыжскаго), и тотъ увезъ его въ свое могилевское имѣніе. Затѣмъ я заказалъ Мельцелю другой оргàнъ, уже въ 10 регистровъ, на которомъ я игралъ нѣсколько лѣтъ, а потомъ уступилъ его одному изъ товарищей моихъ по правовѣдѣнію, С. Танѣеву...»

Въ 1875 году Василій Павловичъ Энгельгардтъ переѣхалъ навсегда на жительство въ Дрезденъ, принужденный къ тому состояніемъ здоровья своей жены и своимъ собственнымъ. Въ Дрезденѣ онъ выстроилъ себѣ обсерваторію и занялся астрономическими работами, вскорѣ доставившими ему почетное имя въ ученомъ мірѣ [1]). Но его любовь къ оргàну и органной игрѣ не исчезла, онъ продолжалъ ими ревностно заниматься. «По пріѣздѣ въ Дрезденъ,—писалъ мнѣ онъ,—я заказалъ себѣ оргàнъ въ 6 регистровъ у знаменитаго мастера Валькера въ Лудвигсбургѣ (его работы также громадный оргàнъ въ нѣмецкой церкви Петра и Павла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ). Этотъ органъ существовалъ у меня лѣтъ 15-ть, а въ нынѣшнемъ году замѣненъ новымъ [2]). Всѣ мои оргàны не удовлетворяли меня, потому-что я на нихъ не могъ играть ни Баха, ни вообще пьесъ съ трудными педальными партіями, которыя, какъ извѣстно, играются ногами. Вообще, органистовъ, у которыхъ равно хорошо выработаны руки и ноги—нынче рѣдко можно встрѣтить даже между спеціалистами. Обыкновенно ноги хромаютъ. Вотъ я все и думалъ, какъ бы мнѣ съ партнеромъ играть Баха и другихъ, и додумался до нижняго мануала, на которомъ можно играть пальцами то, что первоначально назначено играть ногами. Успѣхъ вышелъ полный. Конечно, профессіональные органисты этого не одобряютъ, но для насъ, простыхъ смертныхъ любителей, это отлично. Теперь, какъ мы, вдвоемъ съ моимъ партнеромъ (хорошимъ піанистомъ), грянемъ прелюдіи или фуги Баха въ три руки, эффектъ выходитъ такой, что просто восхищеніе. Какое высокое удовольствіе исполнять на оргàнѣ сочиненія Баха—этотъ неисчерпаемый источникъ художественныхъ наслажденій, и, при этомъ, однимъ пальцемъ вызывать могучія, густыя, катящіяся какъ громъ—басовыя ноты! Мой органъ производитъ въ простой комнатѣ частнаго дома такой же эффектъ, какъ большой органъ въ соборѣ...»

Постройка оргàновъ нигдѣ не стоитъ на такой высокой ступени, какъ въ Германіи, а Фридрихъ Ладегастъ, безъ сомнѣнія, первый изъ современныхъ строителей оргàновъ. Про него говорятъ, что никто такъ не умѣетъ, какъ онъ, «интонировать» органныя трубы, и потому ни у кого не удаются такія благозвучные оргàны, какъ у него. Ладегастъ, (которому теперь 75 лѣтъ), былъ нѣсколько разъ, иногда съ сыномъ, въ Россіи; онъ съ восторгомъ вспоминаетъ про Москву и говоритъ, что это «первый городъ въ мірѣ—

---

[1]) Въ 1886 году изданъ, въ Дрезденѣ, первый томъ его многолѣтнихъ астономическихъ изслѣдованій, подъ заглавіемъ: «Observations astronomiques, faites par B. d'Engelhardt dans son observatoire à Dresde»; второй томъ вышелъ въ свѣтъ въ настоящемъ году.

[2]) Оргàнъ о которомъ говоритъ статья «Dresdener Anzeiger» и который изображенъ на прилагаемой фотографіи. В. С.

Парижъ ничто въ сравненіи съ нимъ». Однажды ему случилось быть въ Москвѣ въ Троицынъ день (онъ тогда ставилъ органъ Хлудову). А какъ грянули колокола съ четырехъ сотъ московскихъ церквей, то онъ, хотя и протестантъ, а прослезился — «So was grossartiges hatte ich noch nie erlebt» (ничего подобнаго по грандіозности я еще не испытывалъ),—часто повторяетъ онъ и до сихъ поръ.

Тогдашній органъ свой Хлудовъ подарилъ, какъ говорятъ, московской консерваторіи, и Ладегастъ строитъ ему новый, большой, но безъ энгельгардтовскаго «мануала», и объ этомъ-то будущемъ превосходномъ органѣ для Москвы и говоритъ вышеприведенная статья «Dresdener Anzeiger».

В. Стасовъ.

САТИРИЧЕСКІЯ МЕДАЛИ НА СѢВЕРНУЮ ВОЙНУ.

ВЪ ПАМЯТЬ разныхъ случаевъ долговременной Сѣверной войны, въ которой счастіе переходило то на сторону однихъ участниковъ, то на сторону другихъ, было выбито много медалей во всѣхъ государствахъ, участвовавшихъ въ ней, но болѣе всего въ Швеціи, въ Россіи, а также въ Даніи, Германіи и въ Польшѣ. О нихъ много писано и надобно предполагать, что эти медали болѣе или менѣе извѣстны любителямъ и знатокамъ нумизматики, но въ то же время, на главные случаи войны были выбиты также и сатирическія медали, не государственными учрежденіями, но частными людьми. Хотя и эти медали были изданы въ свое время, но теперь онѣ мало извѣстны и крайне рѣдки. Причина ихъ рѣдкости заключается не только въ плохомъ металлѣ, изъ котораго онѣ были выбиты, но и въ ихъ сатирическомъ содержаніи, не получившемъ правительственнаго дозволенія, а также въ запрещеніи обращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Онѣ почти всѣ сдѣланы неизвѣстными медальерами, или лучше сказать не обозначившими свои имена на медаляхъ. Только рѣдко можно узнать, гдѣ онѣ были сдѣланы и кѣмъ. Такъ какъ приготовленіе хорошаго стальнаго штемпеля требуетъ много времени, труда и издержекъ, то штемпели къ сатирическимъ медалямъ обыкновенно сдѣланы на скорую руку изъ мягкаго металла, отчасти для скорости приготовленія, отчасти для большей дешевизны. Такіе штемпели не выдерживали большого употребленія и при чеканкѣ крѣпкихъ металловъ скоро лопались.

Объ этихъ сатирическихъ медаляхъ до сихъ поръ ничего не было писано въ Россіи, хотя изъ цѣлой серіи ихъ на событія Сѣверной войны многія имѣютъ прямое отношеніе къ Россіи.

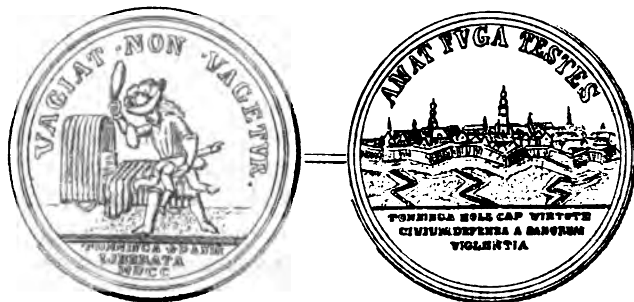
На начало войны, предпринятой королемъ Фридрихомъ IV противъ Фридриха герцога Голштинскаго, появилась слѣдующая медаль. Круговая надпись на ней: DER FRIED HAT WIEDERVM. Въ срединѣ медали слово EIN надъ пробитымъ стоящимъ на землѣ барабаномъ (Loch), (т. е. миръ снова нарушенъ или снова имѣетъ дыру). По сторонамъ барабана поставленъ годъ 17—00. На оборотной сторонѣ изображена корзинка съ пробитымъ дномъ, въ которую падаютъ изъ рога изобилія цвѣты и фрукты съ круговою надписью: WER ABER FLICKET NVN DEM FRIEDE SEINEN BODEN (т. е. кто починитъ теперь миру дно).

На начало войны выпущена и другая медаль съ надписью надъ литаврами съ проколотою кожею:

GOTT LOB
DER KRIEG
HAT NUN
EIN
(Loch)
M. D. C. III C.

(т. е. слава Богу война имѣетъ теперь дыру). На оборотной сторонѣ представленъ миръ, въ видѣ стоящей женщины съ оливковой вѣтвью въ рукѣ и съ надписью кругомъ: AUWEY DER FRIED HAT SCHON EIN (Loch) 1700 (т. е. увы миръ уже нарушенъ или имѣетъ дыру). Слово «Loch» показано проколотымъ тѣломъ мира.

Когда въ маѣ мѣсяцѣ 1700 года датское войско было принуждено оставить осажденную голштинскую столицу Теннингенъ, вслѣдствіе приближенія помощи германскихъ государствъ голштинцамъ, то явилась медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ мужчина, вынимающій изъ колыбели мальчика, котораго онъ сѣчетъ розгами съ надписью: VAGIAT NON VAGETVR (т. е. пусть кричитъ, чтобъ впредь не скитался) а въ обрѣзѣ: TONNINGA A DANIS LIBERATA MDCC (т. е. Теннингенъ освобожденный отъ датчанъ). Оборотная сторона представляетъ видъ города Теннингена съ надписью: AMAT FVGA TESTES (т. е. бѣгство любитъ свидѣтелей). Въ обрѣзѣ:

TONNINGA HOLS CAP VIRTUTE
CIVIUM DEFENSA A DANORUM
VIOLENTIA

(т. е. столица Голштиніи Теннингенъ храбростью своихъ гражданъ защищенъ отъ насилія датчанъ).

На послѣдовавшій затѣмъ Травендальскій миръ явилась медаль похожая по лицевой сторонѣ на вторую медаль на начало этой войны съ надписью:

GOTT LOB
DER KRIEG
HAT NUN
EIN
(Loch)
MDCC

съ той только разницею, что вмѣсто литавръ изображенъ лежащій на землѣ пробитый барабанъ—а оборотной стороной она похожа на первую медаль въ памятв начала войны, съ надписью кругомъ: HERR MACHE GANZ UND FEST DEM FRIEDE SEINEN BODEN (т. е. «О Господи, укрѣпи основаніе мира» или слово въ слово сдѣлай цѣлымъ и крѣпкимъ дно мира).

Въ то же время, Августъ король польскій съ саксонскою арміею, въ которой находился и русскій отрядъ, осаждавшій Ригу, боясь приближенія шведскаго короля по заключеніи Травендальскаго мира, долженъ былъ оставить осаду, 9-го сентября 1700 года, и вернуться съ войскомъ въ Курляндію. Лицевая сторона медали на этотъ случай представляетъ сидящаго на ульѣ орла, окруженнаго летающими пчелами, который старается защищаться поднятыми крыльями противъ приближающагося медвѣдя (короля Карла XII). Надъ нимъ надпись: AUGUSTUS IN ANGUSTIS (т. е. Августъ въ бѣдѣ). На оборот-

ной сторонѣ на первомъ планѣ городъ Рига съ своими укрѣпленіями; вдали крѣпость Дюнамюнде съ надписью DUNAMOND. s: (дюнамюндскій шанцъ). Въ обрѣзѣ:

RIGA A SAXONIBVS
LIBERATA MDCC

(т. е. Рига освобожденная отъ саксонцевъ). Надъ городомъ Ригой: VANAE SINE VIRIBVS IRAE (т. е. напрасенъ гнѣвъ безсильный).

Оборотная сторона выше описанной медали служитъ тоже оборотной стороной слѣдующей медали съ надписью на лицевой сторонѣ:

TRIVMVIRATVS
AQVILONORIS, QVEM
FAEDERE IVNXIT BELLANDI
SACRA CVPIDO, FACINORA
COGNOSCERE VIS. TONNINGAM. RIGAM
NERVM: QVE ADI. HOC SI NIMIS
MOLESTVM FVERIT:
VERTE NVMISMA
ET VIDEBIS
MDCC

(т. е. Если ты хочешь познакомиться съ дѣяніями сѣвернаго тріумвирата, который, вслѣдствіе святаго побужденія воевать, составилъ союзъ, то обратись въ Теннингенъ, Ригу, Нарву. Если это тебѣ слишкомъ трудно, то поверни эту медаль и ты увидишь).

20-го и 21-го ноября того же года, послѣдовало пораженіе русскаго войска при Нарвѣ. На это событіе выбиты три медали:

1) На лицевой сторонѣ первой медали изображенъ Петръ Великій сидящій на возвышенномъ мѣстѣ, на скамейкѣ, въ открытомъ спереди шатрѣ, въ горностаевой мантіи и царской шапкѣ, и

грѣющій протянутыя руки надъ огнемъ стрѣляющихъ мортиръ, стоящихъ у его ногъ, изъ которыхъ бомбардируютъ Нарву. Надъ нимъ круговая надпись: PETRUS ASSIDEBAT IGNI (т. е. «Петръ сидѣлъ у огня», или «Петръ присудствовалъ при пальбѣ»). На оборотной сторонѣ изображенъ человѣкъ, одѣтый въ монашескую одежду, бѣгущій, вытирая слезы платкомъ; съ головы его падаетъ царская шапка, а изъ рукъ мечъ, сломанный на три части. Вдали

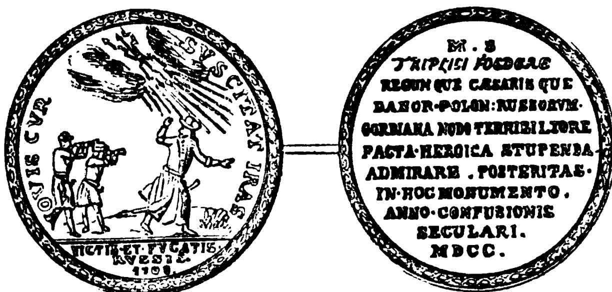
спасаются всадники и пѣшіе. Вверху надпись: FUGIENS PLORAVIT AMARE (т. е. убѣгая горько плакалъ). Въ обрѣзѣ годъ 1700.

Вторая медаль представляетъ Икара, приблизившагося слишкомъ къ солнцу на крыльяхъ, скрѣпленныхъ воскомъ, въ тотъ моментъ, когда онъ падаетъ въ море, внизъ головой, мимо подушки, на которой соединены три руки сѣвернаго союза. Вдали башня. Вверху надпись: MAGNIS EXCIDIT AVSIS (т. е. отчаянное предпріятіе не удалось). Въ обрѣзѣ: HAEC FOEDERIS
MERCES
1700
(т. е. вотъ польза союза). Оборотная сторона та же, что и на предыдущей медали съ надписью: FUGIENS PLORAVIT AMARE.

Третья медаль на пораженіе при Нарвѣ имѣетъ на лицевой сторонѣ надпись:

M. S
TRIPLICI FOEDERE
REGUMQUE CAESARISQUE
DANOR-POLON: RUSSORUM.
GORDIANA NODO TERRIBILIORE
FACTA. HEROICA STUPENDA
ADMIRARE PUSTERITAS
IN HOC MONUMENTO.
ANNO. CONFUSIONIS
SÆCULARI.
MDCC.

(т. е. героическимъ и удивительнымъ дѣяніямъ королей и царя, датскаго, польскаго, русскаго соединенныхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ тройственнымъ союзомъ, который страшнѣе Гордіева узла, потомство можетъ удивляться на этомъ монументѣ въ году столѣтняго

смѣшенія). Оборотная сторона представляетъ русскаго воина, бѣгущаго и преслѣдуемаго двумя людьми, вооруженными ружьями. Изъ облаковъ на русскаго падаетъ молнія. Надпись гласитъ: IOVIS CVR SVSCITAT IRAS (т. е. зачѣмъ онъ возбуждаетъ гнѣвъ Юпитера). Въ обрѣзѣ: VICTIS. ET. FVGATIS.
RVSSIS.
1700
(т. е. русскіе побѣждены и обращены въ бѣгство).

Когда, въ 1704 году, города Торнъ, Эльбингенъ и Данцигъ, попали во власть Карла XII, явилась медаль съ слѣдующими надписями. Лицевая сторона: SO GEHTS

WENN
ZWEYTRACHT
MANN IM LAND UND
STAEDTEN HEGET
ALS DEN DER HOCHMUTH
SICH UND FREYHEYT
NIEDERLEGET
1704.

(т. е. Когда въ государствахъ и городахъ господствуетъ распря, тогда падаютъ гордость и свобода).

THORN
DEN RUHM
BEHAELT
ELBING
NIEMAND GEFAELT
DANTZIG
EIN SPOT
DER WELT
ALLE WERDEN VEXIRT VMBS GELD

(т. е. Торнъ сохраняетъ свою славу, Эльбингенъ никому не нравится, Данцигъ всему свѣту служитъ посмѣшищемъ, а всѣ просчитались въ деньгахъ).

Въ 1707 году, на тогдашнее положеніе Польши было выпущено нѣсколько жетоновъ. a) На лицевой сторонѣ перваго жетона читается:

Es
Sieht
viel
Schlimm
aus
I N
POLONIA
M. F.
1707

(т. е., въ февралѣ мѣсяцѣ дѣла въ Польшѣ оказываются очень плохи). На оборотной сторонѣ видна рука держащая фонарь, свѣтъ котораго падаетъ на надпись: ICH SEH ES GERNE BESSER (т. е. я желалъ бы ее (Польшу) видѣть въ лучшемъ видѣ). Верхъ фонаря похожъ на корону, подъ которой изображено ухо. На фонарѣ годъ 1707.

b) Лицевая сторона

VICISSITVDINE TEMPORVM
* + *
Kehrt
Mann

in
POLEN
bald
M. wider MR.
. um .

(т. е. съ перемѣною временъ въ Польшѣ все станетъ по старому въ мартѣ мѣсяцѣ). Первая строка составляетъ круговую надпись.

Оборотная сторона: GOTT
bessere
die
ZEIT
und
LAEVFFTE
1707
• * •

(т. е. о Боже, исправь и время и людей).

c) Лицевая сторона: NOS
POLONI
NUNC
CVRAMUS
M. AP
1707

(т. е. мы, поляки, заботимся о себѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1707 года).

Оборотная сторона: QVIA
MUNTVS
fult
tecibi
ERGO
OPORTET
MVLTVM
PATI.

(т. е. такъ какъ міръ хочетъ быть обманутымъ, то приходится много страдать). Въ надписи оборотной стороны слова mundus, vult, decipi. писаны по саксонскому произношенію: muntus, fult и dezibi.

d) На лицевой сторонѣ три соединенныя руки изъ облаковъ. Подъ ними: * ♚ *
WAS DIESE
BESCHLIE
* SEN *
THUT MANCHEN VERDRIESSEN · DAS ERS Ū KAN WISSEN

(т. е. другому непріятно, что онъ не знаетъ то, что эти рѣшаютъ). Оборотная сторона этого жетона ровна съ оборотной стороною предыдущаго жетона.

e) На лицевой сторонѣ: Es ist
Friede
und ist

Keiner
das weist du
und noch
Einer
1706

(т. е. есть миръ и нѣтъ мира это ты знаешь и еще другой).

Оборотная сторона:

I N
POLONIA
sieht
es
NIE
DOBRA
M. I
1707

(т. е. въ мѣсяцѣ iюнѣ 1707 года въ Польшѣ нѣтъ добра).

По возвращенiи изъ Турцiи Карла XII явилась слѣдующая медаль. На лицевой сторонѣ сидитъ Карлъ XII, одѣтый въ сапогахъ со шпорами, держа подъ рукою скрипку и приготовляетъ смычекъ, чтобы заиграть; возлѣ него щитъ съ шведскимъ гербомъ; кругомъ надпись: 1714 NOCH EIN MAHL ZUM TANDTZ (т. е. въ 1714 г. онъ заигралъ еще разъ къ танцу).

На оборотной сторонѣ танцуютъ четыре человѣка, русскiй, полякъ, датчанинъ и саксонецъ. Надъ ними слова: BALD MYDE (т. е. они скоро устали).

Во время Брауншвейгскаго конгреса выбита слѣдующая медаль. На лицевой сторонѣ грудное изображенiе короля Карла XII, обращенное вправо съ надписью CAROLVS. XII. D. G. REX SVEC. (т. е. Карлъ XII Божiею милостью король шведскiй). Внизу: NATUS d. 17. IUN 1682 (т. е. Родился 17-го iюня 1682 года).

На оборотной сторонѣ надпись:

ACH DASS
ASTRAEA
DICH
MIT FRIEDE
MÖCHTE GRÜSSEN
SO WÜRD BEY GÖTTREN
AUCH
DIE THAT DEM NAHMEN
GLEICH
AVGVST. MUSS ALS AVGVST
DEN IANVS TEMPEL SCHLIESSEN
EIN RECHTER FRIEDERICH
ERWEIS SICH FRIEDEN REICH
UND WO DER RUHESTAND
EIN HIMMEL IST ZU NENNEN
SO WIRD EIN PETRVS IA
DES HIMMELS SCHLÜSSEL
KENNÊN
1715
MENSE MARTIO
IN CONGRESS. BRUNSVICENS.

(т. е. О, еслибы Астрея могла привѣтствовать тебя миромъ и у боговъ соотвѣтствовали бы дѣянія именамъ; Августъ могъ бы, какъ августѣйшій, закрыть храмъ Януса; Фридрихъ оказался бы дѣйствительно миролюбивымъ (friedensreich), а такъ какъ мирное состояніе должно называться небомъ на землѣ, то Петръ вѣдалъ бы ключи небесъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1715 года, на Брауншвейгскомъ конгрессѣ).

Изъ 1715 года имѣются два жетона съ ровною лицевой стороною. Круговая надпись: AMOR VINCIT OMNIA (т. е. Любовь побѣждаетъ все), въ срединѣ:

PAX
VOBIS
1715

(т. е. миръ вамъ).

Оборотная сторона перваго жетона:

*
SIEHTS
DOCH AUS
ALS WANN
IN POHLEN
WOLLT
DER TEUFFEL
ALLES
HOLEN
M. SEPT.

(т. е. Кажется, что чортъ хотѣлъ все взять въ Польшѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ).

Оборотная сторона второго жетона:

* * *
UND
IN
POMMERN
WILLS
NICHT KLAPPEN
WEILS AUCH DA
GIBT SELTZME
KAPPEN
MENSE MOV.
W.

(т. е. И въ Помераніи было не ладно въ ноябрѣ мѣсяцѣ, потому что и тутъ имѣются удивительные колпаки). Буква w. обозначаетъ медальера Вермута.

Въ 1716 году явилась медаль какъ бы съ угрозами отъ имени короля Карла XII. Лицевая сторона представляетъ грудное изображеніе короля, обращенное вправо, въ лавровомъ вѣнкѣ съ круговою надписью: CAROLVS XII. D. G. REX SVEC. (т. е. Карлъ XII, Божіею милостью король шведскій). На обрѣзѣ шеи буквы: C. W. имя медальера Карла Вермута.

Оборотная сторона:

MOSCAU
WILL ICH
KRÄNCKEN.
POHLEN
WIRD SICH
LENKEN.
PREUSSEN
WERD ICHS
SCHENKEN.
DENMARCK
WOHL
GEDENCKEN
1716.

(т. е. Москву я хочу оскорбить. Польша дастъ съ собою управиться. Пруссію прощу, а Данію припомню).

Ю. Иверсенъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Москва. 1890.

БШИРНОЕ изслѣдованіе проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаева даетъ намъ систематическую исторію протестанскихъ общинъ въ Московскомъ государствѣ со времени появленія ихъ до смерти Алексѣя Михайловича. Первые четыре главы его посвящены внѣшней исторіи и внутреннему быту, остальные четыре—взаимнымъ отношеніямъ между ними и русскимъ православнымъ населеніемъ. Едва ли нужно доказывать важность затронутаго г. Цвѣтаевымъ вопроса: помимо своего непосредственнаго интереса для московскаго періода нашей исторіи, книга г. Цвѣтаева является какъ бы введеніемъ въ исторію Петровской реформы. Сочиненіе г. Цвѣтаева обладаетъ многими существенными достоинствами. Вопросъ о протестантахъ разработанъ въ ней многосторонне: исчерпаны всѣ существенныя стороны его; г. Цвѣтаевъ объединилъ здѣсь всѣ свои и отчасти чужія работы. Въ основу изслѣдованія положены первоисточники и при томъ не только печатные, но и рукописные; кромѣ того, авторъ воспользовался и очень обширною литературою своего вопроса; къ фактамъ и чужимъ мнѣніямъ онъ не рѣдко относится критически. Такимъ образомъ, въ общемъ, его книга можетъ быть названа изслѣдованіемъ, хотя въ ней и преобладаетъ описательный элементъ.

Не желая повторять того, что сказано другими, я не буду больше распространяться о достоинствахъ интересной работы проф. Цвѣтаева: они подробно отмѣчены въ двухъ рецензіяхъ, появившихся уже раньше (въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» и «Рус. Вѣст.»); я отмѣчу только кое-какіе недостатки сочиненія, такъ какъ эта сторона осталась еще не затронутой, и изложу то, что̀ мнѣ пришлось высказать автору устно, при защитѣ имъ данной книги въ качествѣ докторской дессертаціи въ Харьковскомъ университетѣ. Относительно

полноты содержанія слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что въ одномъ отношеніи проф. Цвѣтаевъ съузилъ свою задачу, а въ другомъ произвольно ее расширилъ; обѣщая говорить о протестантахъ въ Россіи, онъ совершенно игнорируетъ юго-западную Русь; между тѣмъ судьбы протестантизма въ юго-западной Россіи представляютъ и сами по себѣ глубокій интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ связи съ положеніемъ его въ Московскомъ государствѣ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы тотъ фактъ, что московскіе полемисты пользовались противо-лютеранскими сочиненіями, составленными на юго-западѣ. Расширеніе темы выразилось въ томъ, что проф. Цвѣтаевъ нерѣдко говоритъ не объ однихъ протестантахъ, но и о католикахъ; многія его характеристики относятся къ иноземцамъ вообще: нужно было по крайней мѣрѣ оговорить эту методологическую неточность, если она вызывалась свойствомъ самихъ источниковъ, часто не различающихъ протестантовъ отъ католиковъ; между тѣмъ проф. Цвѣтаевъ самъ увеличиваетъ такое смѣшеніе: на стр. 440—442 онъ, напримѣръ, разсказываетъ о попыткѣ Бориса Годунова выдать дочь свою за Густава Шведскаго, который, по его же мнѣнію, былъ католикомъ. Изслѣдованіе проф. Цвѣтаева, на нашъ взглядъ, не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ относительно соразмѣрности частей. Мы согласны съ тѣмъ, что центръ тяжести изслѣдованія долженъ лежать въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ, но чрезвычайно важную роль играли и другіе—культурный, экономическій, соціальный, а они изучены проф. Цвѣтаевымъ не съ такою подробностью, какой заслуживали; на нихъ авторъ, вѣроятно, обратилъ свое вниманіе только въ послѣднее время и потому не успѣлъ обработать съ такою подробностью, какъ вопросы церковной исторіи, бывшіе прежде предметомъ его исключительныхъ занятій. Содержаніе книги проф. Цвѣтаева отличается обиліемъ сырого матеріала и общеизвѣстныхъ подробностей. Авторъ имѣлъ возможность издавать найденные имъ архивные матеріалы отдѣльно и печатать свою работу по частямъ, въ болѣе подробномъ видѣ, въ журналахъ; множество подробностей уже нашло себѣ тамъ помѣщеніе и едва ли была какая-нибудь необходимость загромождать ими новую книгу. Дѣло генерала Баумана, которымъ началъ пользоваться еще Фехнеръ, у проф. Цвѣтаева повторяется четыре раза (въ памятникахъ, въ отдѣльной статьѣ, въ магистерской и докторской диссертаціяхъ). Особенно много общеизвѣстныхъ подробностей въ главахъ, посвященныхъ брачному вопросу и литературной полемикѣ; къ чему было такъ подробно останавливаться на сватовствѣ Іоанна Грознаго за Марію Гастингсъ, на дѣлѣ Вальдемара Датскаго, на спорѣ Грознаго съ Ракитою, московскихъ богослововъ съ Фильгоберомъ, на разборѣ сочиненій Максима Грека и царя Ивана Васильевича, на содержаніи такихъ памятниковъ, какъ «изложеніе на лютеры» и т. п., когда обо всемъ этомъ много говорили гг. С. М. Соловьевъ, Никольскій, Соколовъ, Иконниковъ, преосв. Макарій, неизвѣстный авторъ статьи «Правосл. Собѣс.» (1861, часть 2-я) и мн. др. Достаточно было бы ограничиться относительно брачныхъ дѣлъ прибавленіемъ новыхъ свѣдѣній, а относительно полемическихъ памятниковъ характеристикою ихъ содержанія и опредѣленіемъ литературнаго и историческаго значенія. Во 2-й главѣ, посвященной «свободѣ вѣроисповѣданія протестантовъ неслужилыхъ и проживавшихъ у насъ временно», говорится несравненно больше о пріемѣ посольствъ, о переговорахъ и торговлѣ, чѣмъ о свободѣ вѣры; послѣднія извѣстія могли бы помѣститься на нѣсколькихъ страничкахъ. Какое отношеніе имѣетъ къ

вѣроисповѣданію то, что напечатано на стр. 143-й (относительно Ганзейскаго посольства), или громадное примѣчаніе (№ 3) на стр. 144—146, гдѣ о религіи вовсе не упоминается, или разсказъ о переговорахъ съ Швеціей (стр. 144—147), гдѣ проф. Цвѣтаевъ говоритъ: «не смотря на такую дробность условій о торговлѣ, въ занимающемъ насъ актѣ о религіозной свободѣ для купцовъ не упоминалось ни однимъ словомъ»; почему же было въ такомъ случаѣ не ограничиться этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ? На семи страницахъ (156—162) г. Цвѣтаевъ описываетъ намъ англійскіе торговые дворы для того, чтобы потомъ на шести строчкахъ сообщить, что на этихъ дворахъ останавливались пасторы. Всѣ эти факты, не споримъ, сами по себѣ интересны, но стоятъ не на своемъ мѣстѣ. Нельзя не пожалѣть, что проф. Цвѣтаевъ не далъ намъ хотя краткой но объективной оцѣнки литературы своего предмета, гдѣ были бы указаны какъ положительныя, такъ и слабыя стороны его пособій; правда у него есть такой очеркъ, но, во-первыхъ, онъ относится только къ 1-й главѣ его изслѣдованія, а, во-вторыхъ, на нашъ взглядъ, не удовлетворяетъ требованію—suum cuique tribuere: авторъ недостаточно разъяснилъ, что было сдѣлано въ его области другими. У своего предшественника по работѣ г. Соколова (автора изсл. объ отношеніи протестанства къ Россіи) г. Цвѣтаевъ отмѣчаетъ только недостатки, издѣвается надъ нимъ, но не указываетъ на всенакія его заслуги. Хотя г. Соколовъ нерѣдко пользуется чужими цитатами, но онъ все-таки собралъ значительное число источниковъ по своему предмету и при томъ не только печатныхъ, но и рукописныхъ (памятниковъ литературныхъ). Онъ первый во всей широтѣ поставилъ вопросъ о протестантахъ въ Московскомъ государствѣ и юго-зап. Руси; на ряду съ странными и невѣрными заключеніями у него попадаются талантливыя характиристики и мѣткія сужденія; таковы, напримѣръ, страницы, посвященныя обозрѣнію памятниковъ противолютеранской полемики; половина книги г. Соколова посвящена исторіи протестанства въ юго-зап. Россіи; г. Цвѣтаевъ ничего не говоритъ объ этомъ, а между тѣмъ ссылается на свою статью, отличающуюся популярнымъ характеромъ. Неосторожно въ одномъ мѣстѣ г. Цвѣтаевъ выразился и о Н. И. Костомаровѣ (прим. на стр. 146). Если же къ самому г. Цвѣтаеву примѣнить строгія требованія относительно пользованія источниками и пособіями, то и онъ окажется не свободнымъ отъ кое-какихъ промаховъ по этой части. Безъ точной оговорки онъ внесъ въ свою книгу почти половину магистерской диссертаціи (около 200-хъ страницъ—двѣ первыя главы ея и часть третьей)[1]). Не всѣ источники, которые приводятся г. Цвѣтаевымъ, имъ должнымъ образомъ изучены. Такъ, напримѣръ, на стр. 270-й (прим. 2-е) мы находимъ у г. Цвѣтаева ссылку на торговый уставъ 1667 г. (П. С. З. I, № 408); онъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ въ высшей степени важныя для автора свѣдѣнія о положеніи иноземнаго купечества въ Россіи;—но въ текстѣ существенныхъ извлеченій изъ этого документа не сдѣлано; если г. Цвѣтаевъ и читалъ этотъ памятникъ, то недостаточно внимательно. То же самое нужно сказать и относительно ссылокъ на стр. 272-й, прим. 1-е.

Если какіе-либо документы напечатаны, то изслѣдователь, пользующійся ими въ архивахъ, все-таки обыкновенно ссылается и на печатныя изданія;

[1]) Все это заняло 150 страницъ въ нынѣшней диссертаціи — вся первая глава, начиная съ 33-й и оканчивая 127-й стр., со всѣми примѣчаніями, часть 2-й, 3-й и 4-й.

между тѣмъ г. Цвѣтаевъ, разсказывая на стр. 678—680 о дѣлѣ Ѳедора Шиловцова, напечатанномъ полностію у С. М. Соловьева (т. XIII, изд. 1-е, стр. 168—169), ссылается только на Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; не знать о существованіи этого документа у Соловьева г. Цвѣтаевъ не могъ, потому что онъ помѣщенъ рядомъ съ другимъ, которымъ онъ воспользовался (объ Ивашкѣ Клеопинѣ). Еще примѣръ. Изъ книги г. Цвѣтаева можно вывести заключеніе (ср. стр. 612, 628 и II-ю въ прил.), что вопросъ объ авторствѣ Ивана Насѣдки поставленъ и рѣшенъ имъ однимъ. Мы нисколько не отрицаемъ важной заслуги г. Цвѣтаева при рѣшеніи этого вопроса (онъ доказалъ, что Насѣдка былъ съ русскимъ посольствомъ въ Даніи); но нужно было указать на то, что еще преосв. Филаретъ Харьковскій въ 1859 г. высказалъ мысль о принадлежности «изложенія на лютеры» Ивану Насѣдкѣ («Обзоръ рус. дух. лит.» X. 1859, стр. 319); это же положеніе развивалъ и г. Никольскій. («Тр. Кіев. Дух. Ак.», 1864, т. I-й, стр. 159—162). Выводы изъ источниковъ у г. Цвѣтаева не всегда отличаются должною осторожностью: въ нихъ нерѣдко можно видѣть расширенное толкованіе и натяжки. На стр. 84-й г. Цвѣтаевъ говоритъ о погромѣ кирокъ московскою чернью, (толпа москвичей бросилась и т. д.) и ссылается при этомъ на Олеарія; но у Олеарія говорится только слѣдующее: «изъ нѣмецкихъ церквей повынесены были за это (за насилія г-жи Лесли) проповѣдническія каѳедры и алтари, а далѣе сняты крыши, но впослѣдствіи времени крыши опять были возведены на церквахъ, но алтарей и каѳедръ поставить въ нихъ все-таки не дозволяли» (рус. пер., стр. 372); о толпѣ москвичей здѣсь не говорится ни слова и можно пожалуй предположить, что здѣсь само правительство хотѣло сломать нѣмецкія кирки. На стр. 679-й г. Цвѣтаевъ видитъ «прикровенное» вліяніе иноземной пропаганды тамъ, гдѣ дѣло идетъ несомнѣнно о буйномъ умопомѣшательствѣ или «умоповрежденіи», какъ говорится въ самомъ документѣ: «Новгородецъ Ивашка «началъ забываться», отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ, Ивашка, прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей, надъ матерью своею родной хотѣлъ неистовое дѣло учинить и самъ ножомъ рѣзался, въ огонь бросался и платья на себѣ дралъ называлъ себя великимъ человѣкомъ, царевичемъ». Ивашку повѣсили, но, конечно, потому что не признавали невмѣняемости преступленія по разстроеннымъ умственнымъ способностямъ. Другой случай, приводимый г. Цвѣтаевымъ въ доказательство иноземной пропаганды (стр. 679—680), доказываетъ совершенно противоположное: отрицательный взглядъ на иконопочитаніе зародился у Ѳедора Шиловцева подъ вліяніемъ бесѣдъ съ русскимъ человѣкомъ—дьякомъ казеннаго приказа Захаромъ Онуфріевымъ (стр. 680). Дьякъ сѣтовалъ, что въ Москвѣ продаютъ иконы тамъ же, гдѣ торгуютъ хлѣбомъ «и ему, Ѳедькѣ, съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ покланяться»; къ этому присоединилась еще тоска по умершемъ пріятелѣ, отъ которой онъ «ходилъ безъ ума».

Въ сужденіяхъ г. Цвѣтаева, къ сожалѣнію, нерѣдко можно замѣтить противорѣчія. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Какъ разобраться, напримѣръ, въ слѣдующихъ сужденіяхъ: на стр. 122-й г. Цвѣтаевъ заявляетъ, что «широкой свободой общественнаго богослуженія пользовались не одни московскіе протестанты» (но и областные); на стр. 8-й говорится, что вѣро-

терпимость наша обусловливалась «снисходительностью къ иновѣрію православія»; а на стр. 12-й оказывается, что «иновѣріе по сравненію съ православіемъ было сближено съ невѣріемъ и въ смыслѣ государственно-юридическомъ было только допускаемо, почти лишь терпимо». На стр. 9-й высказывается мнѣніе, что полезныхъ и знающихъ иноземцевъ у насъ было весьма немного, а вся 8-я глава посвящена доказательству того, что иноземцы дали первые толчки къ развитію нашей матеріальной культуры и просвѣщенія. Мысль г. Соколова о широкой пропагандѣ протестантовъ г. Цвѣтаевъ считаетъ невѣрною; на стр. 534-й (прим.) онъ не считаетъ доказаннымъ вліянія протестантовъ на нашихъ вольнодумцевъ, на стр. 598-й прямо допускаетъ его, а на стр. 679—680 видитъ его тамъ, гдѣ бы его не открылъ и самъ г. Соколовъ и гдѣ С. М. Соловьевъ видѣлъ только вѣру въ порчу.

На реальной сторонѣ сочиненія я останавливаться долго не буду, ибо это завело бы меня слишкомъ далеко, и укажу только на два-три мнѣнія г. Цвѣтаева, которыя мнѣ представляются невѣрными или неточными.

Г. Цвѣтаевъ сочувствуетъ повидимому перекрещиванію иноземцевъ (стр. 341, 350), установленному соборомъ 1620 г., по настоянію патріарха Филарета, но не указываетъ намъ въ высшей степени важныхъ и убѣдительныхъ мотивовъ, побудившихъ соборъ 1667 г. отмѣнить это постановленіе (См. Доп. къ А. И., V, стр. 495—500), не приводитъ мнѣнія о перекрещиваніи такого авторитета, какъ преосв. Макарій, который говоритъ: «истинная причина, почему возникъ и укоренился въ Россіи этотъ обычай... заключалась въ томъ, что русскіе не имѣли вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній о заблужденіяхъ римской церкви... вслѣдствіе того были убѣждены, будто латиняне суть злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ и ересь латинская содержитъ всѣ ереси» (т. XI, стр. 30). Въ оцѣнкѣ несчастнаго дѣла принца Вальдемара Датскаго я считаю справедливымъ сужденіе С. М. Соловьева (т. X, стр. 122). На стр. 274-й г. Цвѣтаевъ утверждаетъ слишкомъ рѣшительно, что иноземцы подчинялись однимъ русскимъ законамъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ они судились и по своимъ собственнымъ (см. А. А. Э., III, № 224). Между вѣроисповѣднымъ положеніемъ иноземцевъ въ Новгородѣ и Москвѣ была, по моему мнѣнію, существенная разница, чего не допускаетъ г. Цвѣтаевъ (на стр. 7-й). Разгромъ Нѣмецкой Слободы Грознымъ, г. Цвѣтаевъ правильнѣе объяснялъ раньше (въ магистерской диссертаціи, стр. 24), чѣмъ теперь, когда онъ захотѣлъ смягчить все дѣло (стр. 243). Въ заключеніе два дополненія: въ дѣлахъ приказнаго стола Архива Мин. Юст. г. Цвѣтаевъ найдетъ книги о плѣнныхъ и въѣзжихъ иноземцахъ, сказки о ихъ прежней службѣ, свѣдѣнія о жалованьѣ за крещеніе и т. п., а въ строельной книгѣ Бѣлгорода (1668 г.)—указаніе на существованіе тамъ двора нѣмецкаго пастора.

Д. Багалѣй.

Всеобщая исторія литературы: начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXIV. Спб. 1890.

Книжный магазинъ Риккера продолжаетъ акуратно выпускать продолженіе этой весьма полезной и хорошо составленной исторіи, но выходящей слишкомъ медленно и потому неоставляющей никакого цѣлостнаго впечатлѣнія. Въ годъ появляется томъ въ 160 страницъ, а этого конечно мало для

такого обширнаго сочиненія, и кончится ли оно хоть во второе десятилѣтіе современи выхода перваго выпуска издатель не говоритъ ни слова. Составитель книги еще почти не касался XIX столѣтія и на чемъ думаетъ остановиться—неизвѣстно. Въ появившемся нынѣ выпускѣ три отдѣльныя статьи. «Вѣкъ просвѣщенія въ Италіи», «Эпоха Гёте и Шиллера» и «Нидерландская литература». Первая статья почему-то вовсе пропущена въ заголовкѣ, а вмѣсто нея внесена «Скандинавская литература», начало которой занимаетъ всего два листка. Очеркъ итальянской литературы чрезвычайно сжатъ: Вико и Бекаріи отведено каждому по 13-ти строкъ, да и то еще съ разными риторическими украшеніями. Такъ, сказавъ, что Вико видитъ въ исторіи не рядъ безсмысленныхъ случайностей и не произволъ провидѣнія, но проявленіе разума, а въ языческихъ религіяхъ не возстаніе безумія противъ Бога, а проявленіе того же духа, что и въ религіи истинной, только на менѣе совершенной ступени,—составитель статьи прибавляетъ, что Вико «удачно пытался приложить критическій ножъ къ Геркулесамъ, Гомерамъ и Ромуламъ». Къ чему эта риторика, проскальзывающая мѣстами и въ другихъ статьяхъ? Изъ поэтовъ очерчены очень коротко Парини, Касти и нѣсколько подробнѣе Альфіери. Но вмѣсто оцѣнки лучшихъ трагедій итальянскаго драматурга: «Филиппъ II», «Антигона», «Заговоръ Пацци» и др. приведенъ разборъ одной изъ слабѣйшихъ пьесъ «Марія Стюартъ». При разборѣ произведеній Монти для чего-то приведено въ подлинникѣ и даже въ переводѣ на русскій языкъ—начало его перевода Иліады, который самъ авторъ статьи признаетъ «не особенно удачнымъ», но который положительно слѣдуетъ считать «особенно неудачнымъ».

Время Гёте и Шиллера очерчено вѣрно и интересно, но исторія ихъ работъ, вліянія и значенія, поминутно прерывается біографіями и разборами произведеній современныхъ имъ писателей. Вести паралельно и хронологически оцѣнку трудовъ писателей одной эпохи, но съ различными дарованіями и тенденціями—дѣло вообще не легкое, и нельзя сказать, чтобы авторъ статьи далъ вполнѣ удовлетворительную картину гетевской эпохи и характеристику лицъ, окружавшихъ великаго писателя и ихъ отношеній къ нему. Вмѣстѣ съ разборомъ произведеній Гёте, авторъ говоритъ и о тѣхъ его произведеніяхъ, которыя были задуманы, но не исполнены и, послѣ превосходной оцѣнки «Вертера», разсказываетъ содержаніе поэмы «Агасферъ», въ которой Іуда является не предателемъ, а революціонеромъ. Отношенія Гёте къ Веймарскому герцогу и Шиллеру обрисованы вѣрно и рельефно. Отказъ поэта отъ управленія придворнымъ театромъ мотивированъ приглашеніемъ герцогомъ скомороха Карстена съ его собакой, игравшей роль въ мелодрамѣ «собака Монтаржи» (а не Монтаргиса, какъ пишетъ авторъ статьи). Но и при самой вѣрной оцѣнкѣ произведеній, дѣло не обходится безъ риторики. Такъ, говоря объ успѣхѣ «Вильгельма Телля», играннаго въ 1804 году, авторъ прибавляетъ, что Шиллеръ въ своей драмѣ былъ пророкомъ и предсказалъ побѣду національнаго духа надъ тираніей Наполеона. Но хотя Шиллеръ былъ всегда врагомъ всякой тираніи, въ восемьсотъ четвертомъ году трудно было предсказывать ея паденіе. «Насталъ давно ожидаемый день, говоритъ авторъ статьи: народы возстали за милую отчизну; смоленскіе крестьяне оправдали слова Шиллера». Къ чему тутъ понадобились именно смоленскіе крестьяне?— и не придумаешь. О «Фаустѣ» сказано очень мало. Приведя легенду, изъ которой Гёте взялъ канву своего безсмертнаго произведенія, авторъ цити-

руетъ слова Штерна о томъ, что никому не удавалось въ короткихъ словахъ дать понятіе обо всей силѣ, полнотѣ содержанія и художественномъ совершенствѣ Фауста, и затѣмъ прибавляетъ: «не будемъ и мы браться за невозможную задачу». Но задача эта очень возможна, что доказываютъ сотни томовъ написанные о Фаустѣ. Да и гдѣ же говорить подробно объ этой поэмѣ какъ не въ исторіи литературы? Вѣдь нашелъ же въ ней русскій авторъ «недостатокъ единства, противорѣчія и непослѣдовательность, хотя они также мало вредятъ поэмѣ какъ Иліадѣ и пѣсни о Нибелунгахъ». (Нибелунги—какъ грубый, необработанный народный эпосъ нельзя ставить на одну доску съ Иліадою и Фаустомъ). Едва ли также умѣстна фраза «Фаустъ—каждый изъ насъ въ тѣ минуты, когда мы перестаемъ быть рабами мелочей жизни и становимся людьми изъ титулярныхъ совѣтниковъ, комерсантовъ и пр.». Къ чему тутъ опять титулярные совѣтники? Послѣдніе годы Гёте очерчены также слишкомъ коротко, а между тѣмъ семидесятилѣтній старикъ работалъ также энергично какъ въ 20 лѣтъ, занимался археологіей, исторіей искуствъ, химіей, греческой, англійской, испанской, восточной литературой; на 74 году онъ влюбился, и молоденькая фонъ-Левецовъ готова была выдти за него замужъ, но онъ помнилъ еще свой неровный бракъ съ Христиной Вульпіусъ и не захотѣлъ подвергнуться посмѣянію. Вторая часть Фауста вышла, когда ему былъ 81 годъ. Послѣ нея онъ не прожилъ двухъ лѣтъ. **В. З.**

Георгъ Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣм. студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1890.

Привѣтствуемъ появленіе русскаго перевода «Греческихъ древностей» Георга Бузольта. Нѣмецкій подлинникъ этой книги, заключающій въ себѣ обзоръ государственныхъ и правовыхъ древностей Греціи, вошелъ, какъ составная часть, въ извѣстный сборникъ руководствъ по различнымъ отдѣламъ классической филологіи, предпринятый эрлангенскимъ профессоромъ Ив. Мюллеромъ, и, подобно прочимъ частямъ означеннаго сборника, отличается многими выдающимися достоинствами. Изложеніе Бузольта всегда просто, сжато и ясно; весь матеріалъ въ его сочиненіи распредѣленъ по весьма удобному, строго обдуманному плану, нигдѣ не обнаруживающему замѣтныхъ пробѣловъ; выборъ фактовъ сдѣланъ умѣлою рукою, и группировка ихъ вполнѣ самостоятельна. Представляя собою результатъ многолѣтняго критическаго изученія находящихся въ нашемъ распоряженіи памятниковъ древности, трудъ Бузольта не есть простая компиляція и самъ по себѣ имѣетъ серьезное научное значеніе. Во многихъ отдѣлахъ своихъ онъ объединяетъ прежнія спеціальныя работы автора и подводитъ итогъ его изслѣдованіямъ по различнымъ частнымъ вопросамъ греческой исторіи и древностей. Съ другой стороны онъ можетъ также служить прекраснымъ пособіемъ и для начинающихъ филологовъ: въ немъ есть методологическія указанія относительно пользованія источниками, есть общій очеркъ исторіи науки и, наконецъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ мелкомъ шрифтѣ самого текста, разсѣяно множество очень цѣнныхъ библіографическихъ указаній, позволяющихъ человѣку, интересующемуся тѣмъ или другимъ вопросомъ, сразу оріентироваться въ литературѣ предмета. Эти указанія относительно полноты и точности почти не оставляютъ желать

ничего лучшаго, и тотъ, кому извѣстна разрозненность и дробность относящагося сюда матеріала, долженъ отдать справедливость учености и трудолюбію почтеннаго автора, не упустившаго изъ виду ничего существеннаго.

Русскій переводъ книги Бузольта снабженъ предисловіемъ и нѣкоторыми важными добавленіями, принадлежащими перу самого автора. Изъ этого можно заключить, что переводчики (студенты императорскаго Харьковскаго университета) дѣйствовали съ разрѣшенія и при непосредственномъ участіи кильскаго профессора, рѣшившагося пустить свое произведеніе «hinaus in das weite Czarenreich» въ болѣе обработанномъ и дополненномъ видѣ. Сравнительно съ нѣмецкимъ изданіемъ книги новыми являются: a) статья о Ликургѣ (§ 81), видоизмѣненная и дополненная на основаніи изслѣдованій Виламовица и Эд. Мейера; b) статья о родахъ и фратріяхъ (§ 158), переработанная главнымъ образомъ по Тёпферу; c) двѣ главы объ ахейскомъ и этолійскомъ союзахъ (§§ 248—254), отсутствовавшія въ оригиналѣ и написанныя Бузольтомъ спеціально для русскаго изданія.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно, читается довольно легко и снабженъ указателемъ русской ученой литературы по греческимъ древностямъ. Можно было бы, пожалуй, поставить въ упрекъ переводчикамъ лишь нѣкоторый произволъ въ передачѣ собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ. Такъ напр. гг. А. (М.+В.) пишутъ всюду «буле» (=βουλή) и сочетаютъ это слово съ среднимъ родомъ прилагательныхъ (напр. «старинное димократическое буле» стр. 172), но съ другой стороны—«пробола» (προβολή), «фила» (φυλή) и проч. Принявъ за правило слѣдовать эразмовскому произношенію въ транскрипціи греческихъ названій, они часто безъ необходимости уступаютъ традиціи и читаютъ по Рейхлину (напр. «эйсангелія», «періойки», «метойки», «проэйсфора» и проч., но — «сисахеія», «илоты», «эллины», «литургія» и т. п.).—На стр. 153 встрѣчаемъ слѣдующее: «законы были начерчены бустрофедономъ» (въ подлинникѣ: «die Gesetze wurden in Bustrophedonschriff aufgezeichnet»). Греческое «βουστροφηδόν» есть нарѣчіе и таковымъ оно должно было бы остаться и въ русской передачѣ.—Слова на ον и ειον не совсѣмъ послѣдовательно то удерживаютъ греческую флексію (дельфиніонъ, пританейонъ, палладіонъ и проч.), то отбрасываютъ ее (ѳеорикъ, гимнасія). Вообще гг. переводчики съ выгодою для книги могли бы замѣнить нѣкоторыя греческія выраженія ихъ русскими эквивалентами. Въ этомъ отношеніи законна и желательна была бы даже нѣсколько меньшая близость къ оригиналу. Вотъ взятые на удачу примѣры:

Стр. 124: «Πρέσβυς потрономовъ былъ эпонимнымъ сановникомъ государства».

Стр. 184: «полная атимія не только лишала ἄτιμος всѣхъ политическихъ правъ» и т. д. (въ нѣм, подлин. «den ἄτιμος»).

Стр. 202: «При эвѳинахъ стратеговъ предсѣдателями были ѳесмоѳеты». Неудобство выраженія «эвѳины» (εὔθυναι) состоитъ здѣсь между прочимъ въ томъ, что вездѣ въ предыдущемъ изложеніи названіе «эвѳины» означаетъ не «отчеты», а слѣдившій за отчетностью должностныхъ лицъ институтъ (εὔθυνοι).

Такихъ шероховатостей въ книгѣ, правда, не много, но и устраненіе этихъ немногихъ было бы кстати въ сочиненіи, которое, вслѣдствіе сжатости изложенія, страдаетъ отчасти сухостью. Впрочемъ, эти и подобные чисто внѣшніе недостатки и недосмотры нисколько не умаляютъ крупныхъ

достоинствъ работы, добровольно принятой на себя гг. студентами Харьковскаго университета, и мы можемъ смѣло рекомендовать любителямъ исторіи ихъ трудъ, какъ прекрасное пособіе при изученіи государственнаго и юридическаго строя древне-греческихъ политій.

Переводъ «Древностей» Бузольта изданъ очень опрятно и при сравнительно довольно большомъ объемѣ (V+320 стр.) стôитъ не дорого, (1 р. 50 к.).

А. Н. Д—р—ъ.

Очерки изъ исторіи Литовско-русскаго права. Вып. I. Помѣстья Литовскаго государства. Вып. II—черты семейнаго права XVI в. Соч. професс. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1890.

Вопросъ о помѣстномъ правѣ, объ имущественныхъ правахъ на землю, до сихъ поръ еще можетъ считаться вопросомъ открытымъ, какъ въ исторіи русскаго, такъ и въ исторіи западно-русскаго права. Причина такого явленія въ нашей историко-юридической наукѣ заключается въ недостаткѣ изданнаго матеріала, въ недостаткѣ подготовительныхъ работъ по этому вопросу, безъ чего, конечно, трудно, да врядъ ли и возможно даже, придти къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, «Указная книга помѣстнаго приказа» — основной матеріалъ по этому вопросу, безъ котораго немыслимо никакое изслѣдованіе въ этой области, удовлетворительно издана только въ этомъ году г. Строжевымъ [1]). До этого времени въ распоряженіи изслѣдователя былъ неисправный во всѣхъ отношеніяхъ текстъ, напечатанный г. Сахаровымъ, представляющій кромѣ того въ настоящее время библіографическую рѣдкость [2]) и выдержки изъ него, помѣщенныя проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его христоматіи [3]). Выдержки эти, хотя издатель и сдѣлалъ въ нихъ необходимыя поправки, заключаютъ въ себѣ, какъ показываетъ сличеніе ихъ съ ново-изданнымъ текстомъ, довольно грубыя ошибки и потому не удовлетворяли научнымъ требованіямъ. Въ такомъ же положеніи находился занимающійся исторіей Литовско русскаго права. Здѣсь издатели обращали до сихъ поръ свое вниманіе на политическую исторію и сообразно съ этимъ выбирали для изданія акты преимущественно государственнаго характера; такимъ образомъ самые важные документы по исторіи частнаго права, находящіеся въ Литовской Метрикѣ, оставались до сихъ поръ неизданными. Послѣ этого понятно, почему всякое изслѣдованіе въ этой области вообще, а такого автора, какъ профес. Владимірскій-Будановъ въ частности, не можетъ пройти незамѣченнымъ.

Проф. Владимірскій-Будановъ, въ первомъ выпускѣ своихъ очерковъ, основываясь главнымъ образомъ на III книгѣ Записей Литовской Метрики, поставилъ своей задачей разъяснить довольно странное на первый взглядъ противорѣчіе, заключающееся въ матеріалахъ по этому вопросу. Противорѣчіе это состоитъ въ слѣдующемъ. По буквальному смыслу многихъ и притомъ важныхъ историческихъ источниковъ, «право собственности на землю не принадлежало никому въ Литовско-русскомъ государствѣ до общеземскихъ

---

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, т. VI, Москва, 1889, отд. III, стр. 1—212.

[2]) «Русскій Вѣстн.» 1842 г., № 11 и 12.

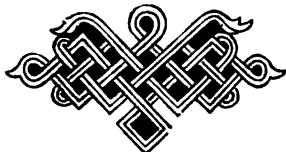
[3]) Христоматія по исторіи русскаго права, 1875 г. Вып. III, стр. 200.

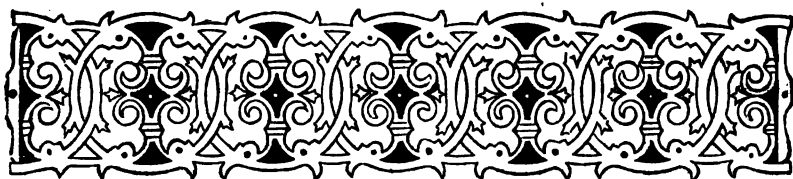
привилегій Казиміра, Александра и Сигизмунда I, или даже до 1-го Статута. Владѣльцы земли были только владѣльцами: ни распоряжаться при жизни, ни на случай смерти (чрезъ завѣщанія) этими имуществами они не могли безъ воли и согласія вел. князя. Даже право родового наслѣдованія въ упомянутыхъ имуществахъ не существовало, отъ воли вел. князя зависѣло допустить или не допустить переходъ имущества къ законнымъ наслѣдникамъ.... Съ другой стороны нѣкоторые частные акты того времени, уцѣлѣвшіе до насъ, повидимому даютъ обратное указаніе: сдѣлки (купли—продажи, даренія, завѣщанія, мѣны и пр.) на землю совершались повидимому свободно, не только послѣ привилегіи Казиміра и Александра, но и до нихъ». Разъясненію этого факта, чрезвычайно важнаго для исторіи права собственности не только въ Литовскомъ государствѣ, но и въ цѣломъ ходѣ исторіи русскаго права, и посвященъ весь первый выпускъ. Опредѣливши сначала самый предметъ пожалованія, который въ большинствѣ случаевъ представлялъ собой землю «пустую» или населенную, при чемъ люди, которые шли въ пожалованіе, могли принадлежать ко всѣмъ разрядамъ тяглаго и служилаго сельскаго населенія, авторъ переходитъ къ опредѣленію власти, распоряжавшейся пожалованіями. Властью этой былъ князь, который раздавалъ землю своимъ служилымъ людямъ, какъ плату за службу. Во время его отсутствія этимъ распоряжалась Рада, хотя распоряженія эти нуждались въ окончательномъ подтвержденіи со стороны князя. Лицо, желавшее получить тотъ или другой участокъ земли, подавало объ этомъ просьбу князю, который выдавалъ на это грамоту, послѣ чего уже слѣдовало увязанье, т. е. вводъ во владѣніе. Единственнымъ и самымъ главнымъ условіемъ, подъ которымъ можно было получить участокъ земли, была—служба князю съ земли. Такъ напр. великій князь позволяетъ князю Воротынскому передать пожалованныя ему волости дѣтямъ въ наслѣдство при чемъ говоритъ: «а узрѣвши его вѣрную службу къ намъ, то учинили; и его дѣтямъ такожъ съ того вѣрно намъ служити». Такимъ образомъ, пользователь владѣлъ своимъ участкомъ временно, до тѣхъ только поръ, пока былъ въ силахъ служить. Какъ же при такомъ условіи пожалованіе могло въ концѣ концовъ сдѣлаться полной собственностью, «вотчиной»? Происходило это, конечно, не сразу. Какъ было сейчасъ замѣчено, большая часть помѣстій давалась на время, пока владѣлецъ въ состояніи правильно нести свою служебную повинность. Если самъ помѣщикъ устарѣлъ, но имѣетъ взрослаго сына, который принимаетъ на себя всѣ служебныя обязанности, то участокъ остается при немъ. Наконецъ, если отецъ умираетъ, то почему стороннее лицо будетъ болѣе выгоднымъ для государя владѣльцемъ, чѣмъ сынъ умершаго помѣщика? Понятно, что предоставивъ участокъ сыну, государь ничего не теряетъ. Черезъ нѣкоторое время этотъ обычай до того укореняется, что государь отдаетъ участокъ земли другому лицу въ томъ только случаѣ, если прежній владѣлецъ умеръ «безъ наслѣдки». «Просилъ, говорится въ одномъ актѣ, медничанинъ Юшко земли пустое на имя Дробовщины, а наслѣдкадей нѣтъ.... ино будетъ ли такъ, и король великій князь далъ на службу на боярскую». Также въ другомъ мѣстѣ: «Синьцу повару домъ в земля дьяка его Мелешкова, ажъ не будетъ близшого наслѣдка». Въ случаѣ, если наслѣдникомъ остается дочь, то участокъ передается ея мужу. Наконецъ, за старостію владѣльца и за отсутствіемъ наслѣдника, князь могъ пожаловать имѣніе какому угодно другому служилому человѣку,

но съ обязательствомъ принять вмѣстѣ съ землей всю семью прежняго помѣщика. Все это пріучало смотрѣть на казенную, если такъ можно выразиться, землю, какъ на свою собственность. Помѣщикъ не имѣлъ права только распоряжаться своей землей самостоятельно, но съ разрѣшенія князя допускалась и мѣна, и купля, и продажа. Такимъ образомъ, формы частнаго права были на лицо, не доставало только духа—идеи собственности. Этотъ недостатокъ восполнило собой время, право давности, позволявшее владѣльцу смотрѣть на пожалованный ему участокъ земли, поглотившій трудъ нѣсколькихъ поколѣній, какъ на свою собственность. Отнятіе такого имѣнія было бы обидой, а что такое обида, какъ не нарушеніе правъ, хотя бы сознаніе ихъ крылось еще только въ зародышѣ? Вотъ тотъ постепенный процессъ, какимъ созидалось право собственности со временъ доисторическихъ, на сколько это можно было передать въ общихъ чертахъ.

Главнымъ предметомъ второго выпуска, по словамъ автора «служитъ не столько исторія семейнаго права самого въ себѣ, сколько исторія обычнаго права въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ». Наблюдая обычное право въ Литовско-русскомъ государствѣ XVI в., авторъ замѣтилъ здѣсь подтвержденіе общаго этнографическаго закона, по которому коренные народные обычаи измѣняются въ странѣ не сразу, постепенно уступаютъ напору цивилизаціи, при чемъ болѣе глухіе уголки, удаленные отъ центровъ, удерживаютъ старину гораздо дольше, чѣмъ самые центры, ассимилирующіе собой остальное населеніе. Это дало возможность автору установить три географическихъ стадіи въ развитіи права: а) южно-русская украинская полоса, гдѣ сдѣлки брака и развода жители заключали безъ участія церкви и даже безъ участія свѣтской власти, которой лишь послѣ заявляли о совершившемся фактѣ, при чемъ платили пошлину (поемщизну, розводъ); б) обыкновенные провинціальные города внутренней территоріи, гдѣ за такимъ же заключеніемъ брака слѣдовалъ церковный «шлюбъ» и, наконецъ, в) главные культурные центры государства, въ которыхъ можно наблюдать соціальное разнообразіе обычнаго права. Низшіе классы здѣсь, какъ и на окраинахъ, придерживаются стараго невѣнчальнаго брака, получившаго начало въ доисторическія времена. Еще въ XII в. даже «не было у простыхъ людей благословеннаго вѣнчанія; вѣнчались только бояре и князья». Только въ половинѣ XVI в. подъ вліяніемъ многовѣковыхъ усилій церкви въ центральныхъ городахъ Литовско-русскаго государства начинаетъ утверждаться церковное вѣнчаніе, какъ главная форма законнаго брака, хотя на ряду съ ней продолжаетъ существовать также и прежняя. Свѣтская власть не признавала юридическаго значенія послѣдней формы брака въ томъ только случаѣ, когда кто-либо изъ супруговъ подавалъ поводъ къ иску въ судѣ. Въ случаѣ невозможности осуществить нравственныя цѣли брака, или же въ случаѣ семейныхъ несогласій, по обычному праву, первоначально мужъ могъ по собственной волѣ отпустить жену, но при болѣе высокомъ развитіи личныхъ правъ, происходилъ обоюдный разводъ: супруги составляли запись, въ которой взаимно другъ друга освобождали отъ брачныхъ обязательствъ. Остатокъ прежняго рабскаго положенія жены уцѣлѣлъ въ томъ, что, хотя согласіе было обоюднымъ, запись подавалъ мужъ, заявляя, что «онъ освобождаетъ жену свою и чинитъ вольною». Что касается до взаимныхъ отношеній между мужемъ и женой, то они строились на чисто экономическихъ основахъ. Поэтому власть мужа надъ женой въ XVI в., не смотря

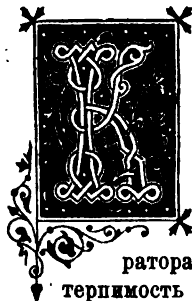
на довольно гуманныя постановленія Судебника Казиміра IV (1468 г.), представляется на первый взглядъ суровымъ остаткомъ варварской эпохи, рабства жены. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ примѣры, гдѣ мужъ закладываетъ свою жену, отдаетъ ее въ срочное рабство. Но здѣсь, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ проф. Владимірскій-Будановъ, «мы должны постоянно имѣть въ виду, что имѣемъ дѣло съ той экономической средой, гдѣ рѣчь можетъ идти не о правѣ мужа и подчиненіи этому праву жены, а о томъ, какъ бѣдная семья старалась устроиться лучше съ общаго согласія членовъ ея». Доказательствомъ такого взгляда можетъ служить также положеніе мужа—«примака», вошедшаго черезъ бракъ въ домъ жены. Положеніе такого мужа бывало иной разъ очень незавидно, какъ это доказываетъ жалоба одного изъ такихъ мужей, Павла Лыко, на свою жену Ягнешку Мисковну. «Будучи моей женою, писалъ онъ, и живя со мною въ супружествѣ уже не мало времени, она безъ всякихъ причинъ меня изъ дому выгоняетъ, забиваетъ и другихъ людей научаетъ бить». Заканчиваетъ свой очеркъ авторъ опредѣленіемъ родительской власти, которая отличалась гораздо большей строгостью, чѣмъ власть мужа. Родители могли закладывать не только своихъ дѣтей, но даже и зятьевъ, признавали за собой и даже практиковали право продавать дѣтей въ рабство, хотя проф. Владимірскому-Буданову удалось найти нѣсколько случаевъ изъ судебной практики, показывающихъ, что судьи въ половинѣ XVI в. не признавали такого рода сдѣлокъ и уничтожали ихъ на основаніи права «Божьяго и христіанскаго», считая это дѣло «негоднымъ» съ чисто моральной точки зрѣнія. В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Къ характеристикѣ терпимости императора Іосифа II: условныя льготы въ пользу некатоликовъ; отношеніе къ сектантамъ; распоряженіе на счетъ монастырскихъ библіотекъ; уничтоженіе книгъ; отношеніе къ книгопечатанію; тѣлесное наказаніе для писателей.—Новѣйшая Антигона; дочь Маріи Антуанеты въ Тамплѣ; обмѣнъ санкюлотовъ на принцессу; мужество герцогини Ангулемской; вліяніе ея на Карла X; образъ жизни ея въ изгнаніи.—Смерть генерала Шарля Пишегрю: преслѣдованіе его Бонапартомъ; допросъ Пишегрю полицейскимъ префектомъ; протоколъ объ удушеніи генерала; свидѣтельство Бошъ-Бореля объ этомъ удушеніи.—Незаконный сынъ Людовика XV—генералъ Конвента: свѣдѣнія изъ дневника маркиза д'Аржансона; служебная карьера графа де Бофранше—д'Айя—на пользу республики; отреченіе его отъ своего сословія, вознагражденное пенсіей отъ Комитета Общественнаго Спасенія.—Политика императрицы Евгеніи: антилиберализмъ ея и стремленіе къ ограниченному вліянію на императора Наполеона III; ненависть ея къ Оливье и генералу Флёри.—О происхожденіи Наполеона III отъ голландскаго адмирала Вергуэля, по разсказу бонапартиста Эмиля Марко де Сентъ-Илера.—Республиканскій календарь: его утопичность; «національные» праздники; овощные патроны французской республики.—Наполеонъ I и панорамы.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ терпимости Іосифа II. По случаю наступившаго въ нынѣшнемъ году столѣтія кончины императора Іосифа II въ Австріи появилось не мало историческихъ воспоминаній и документальныхъ свѣдѣній о знаменитомъ императорѣ. Въ ряду подобнаго рода изданій выдающійся интересъ представляетъ книжка австрійскаго историка, профессора Г. Вольфа, подъ заглавіемъ «Josephina». Въ ней, между прочимъ, собраны резолюціи императора по разнымъ государственнымъ вопросамъ. Любопытно, что терпимость императора къ христіанамъ не католикамъ и къ евреямъ была слѣдствіемъ не человѣколюбія его или какихъ-либо теоретическихъ соображеній. Императоръ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду утилизированіе этихъ силъ въ интересахъ государственныхъ. Поэтому и всякія льготы допускались имъ по стольку, по скольку онѣ могли служить его чисто-практическимъ цѣлямъ. Но все, чтò стремилось выйти изъ-за этихъ предѣловъ,

и добиться полной свободы совѣсти, встрѣчало въ немъ рѣшительнѣйшее противодѣйствіе. Императоръ призналъ многія льготы въ пользу протестантовъ, но въ то же время онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ число ихъ прозелитовъ не возростало, и въ этихъ видахъ установилъ для нихъ значительныя ограниченія, ощутительно нарушавшія принципъ равноправности.

Еще строже онъ относился къ вновь возникавшимъ сектамъ и ко всѣмъ тѣмъ, которые отступали отъ существующихъ исповѣданій. Въ 1782 году въ Пардубицкомъ округѣ 42 жителя объявили, что они—израилиты, вѣруютъ только въ Бога, но не признаютъ никакого религіознаго закона. Императоръ поручилъ Кёнигсграцкому епископу и начальнику названнаго округа подѣйствовать на сектантовъ увѣщаніемъ. «Если же и послѣ того они не откажутся отъ своего заявленія, что они—израилиты, въ такомъ случаѣ съ ними слѣдуетъ поступить по правиламъ Моисеева закона и обязать ихъ немедленно совершить надъ собой обрѣзаніе, которое навѣрное окажется дѣйствительнѣе всякихъ дальнѣйшихъ увѣщаній. Если же они совершатъ обрядъ обрѣзанія, то, значитъ, они евреи и съ ними надлежитъ поступить, какъ съ евреями, т. е. считать ихъ неспособными владѣть земельной собственностью». Эти мнимые израилиты при ближайшемъ разслѣдованіи объявили себя «деистами» и не пожелали присоединиться къ христіанству. Императоръ повелѣлъ отправить ихъ на военную границу, продать ихъ недвижимую собственность и назначить опекуновъ для ихъ дѣтей, которые должны были воспитываться, какъ христіане.

Не безъинтересны распоряженія Іосифа II относительно имуществъ закрываемыхъ монастырей и библіотекъ семинарій. Многія цѣнныя книги и рѣдкости погибли вслѣдствіе этихъ распоряженій. Иначе и быть не могло. Приказано было, напримѣръ, составлять списки книгъ найденныхъ въ церковныхъ и семинарскихъ библіотекахъ, и оставлять только «хорошія» сочиненія, а «всѣ казуистическія, аскетическія и богословскія, распространеніе которыхъ можетъ наносить ущербъ истинному просвѣщенію, должны продаваться какъ макулатура». Вольфъ полагаетъ, что вина здѣсь за пропажу цѣнныхъ изданій падаетъ всецѣло на низшія власти, а не на императора. Но позволительно спросить, развѣ императоръ не зналъ, что эти власти совершенно некомпетентные судьи въ литературныхъ и научныхъ вопросахъ, да и вообще прилично ли «истинному просвѣщенію» подражать «нетерпимости» и уничтожать книги?

Характерно отношеніе Іосифа II и къ книгопечатанію и къ книжной торговлѣ. Императоръ высказывался противъ какихъ бы то ни было ограниченій въ этомъ дѣлѣ, но мнѣніе его о немъ было весьма низменное. «Кто запасся литерами, краской, бумагой и прессомъ»—рѣшилъ императоръ въ іюлѣ 1788 года—«тотъ можетъ печатать, какъ вяжутъ чулки; печатающій книги можетъ ихъ продавать, но съ тѣмъ, чтобы всѣ онѣ подчинялись законамъ общественной полиціи и цензуры. Требовать какихъ-либо аттестатовъ или дипломовъ отъ того, кто желаетъ заниматься книжной торговлей, чистѣйшій абсурдъ. Чтобъ торговать книгами нужно имѣть не болѣе знаній, чѣмъ для торговли сыромъ, каждый долженъ изготовлять только такія книги или сыры, на какія существуетъ больше спроса?» Императоръ разочаровался въ свободѣ печати и въ январѣ 1789 г., повелѣлъ установить гербовый сборъ для періодическихъ изданій, брошюръ и пьесъ, «дабы умѣрить писателей», а въ октябрѣ того же года сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ авторы,

печатающіе за границей свои отвергнутыя на родинѣ сочиненія, подвергались тѣлесному наказанію, а не денежному штрафу.

— **Новѣйшая Антигона.** Дочь Маріи Антуанеты, пережившая въ тюрьмѣ отца и мать, брата и тетку Елизавету, герцогиня Ангулемская, принимавшая участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ въ періодъ первой имперіи и реставраціи во Франціи, до сихъ поръ не имѣетъ своего біографа, не смотря на то, что ея жизнь полна интереснѣйшихъ моментовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя о ней, разсѣянныя въ различныхъ мемуарахъ и письмахъ. Вѣнскій профессоръ Вертеймеръ недавно сдѣлалъ попытку вкратцѣ намѣтить важнѣйшія черты изъ жизни дочери Маріи Антуанеты и Людовика XVI. Ее звали Маріей Терезіей въ честь ея бабки, австрійской императрицы. 14-ти лѣтъ она была заключена въ Тампль, гдѣ для нея настали времена горькихъ лишеній, вмѣсто того блеска, который ее окружалъ въ Версальскомъ дворцѣ. Въ написанномъ ею «Récit des évènements arrivés au Temple» принцесса разсказываетъ: «строгость нашей стражи усиливалась съ каждымъ днемъ. Во время моего урока съ матерью чиновникъ изъ муниципалитета всегда стоялъ за моей спиною и изъ за плечей заглядывалъ въ тетради, такъ какъ вѣчно боялись заговоровъ. Однажды отцу принесли нумеръ газеты, замѣтивъ, что въ немъ есть нѣчто важное. Но въ этомъ нумерѣ было сказано, что слѣдуетъ зарядить пушку головой короля. Не разъ муниципальные чиновники принимались насъ оскорблять и угрожали намъ всѣмъ смертью, какъ только явится непріятель». Марія Терезія или Madame Royal, какъ ее называли въ тюрьмѣ, была отдѣлена отъ родителей и родныхъ, которые одинъ за другимъ сложили головы на плахахъ, и принцесса тогда ничего не знала объ этомъ. 15 мѣсяцевъ она оставалась изолированной отъ всего свѣта. Это одиночество внушило ей такое отчаяніе, что она жаждала смерти, какъ искупленія.

Паденіе Робеспьера и смерть ея брата повліяли на нѣкоторую перемѣну въ ея положеніи. Тутъ г-жа Турзель, бывшая гувернантка ея, добилась разрѣшенія посѣщать свою воспитанницу въ тюрьмѣ. Вскорѣ жители Орлеана, по смерти дофина, подали въ національный конвентъ петицію объ освобожденіи принцессы и объ отправкѣ ея къ роднымъ. 30-го іюня 1795 г. конвентъ постановилъ передать Марію Терезію вѣнскому двору въ обмѣнъ на французовъ, находившихся въ австрійскомъ плѣну. Императоръ Францъ изъ любви къ своей несчастной кузинѣ согласился на этотъ обмѣнъ санкюлотовъ на принцессу королевской крови. 15-го декабря 1795 г. Марія Терезія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, въ полночь оставила Тампль и подъ именемъ Софьи, 9-го января 1796 г. прибыла въ Вѣну. Здѣсь она впервые облеклась въ трауръ по своимъ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она переселилась ко двору Людовика XVIII въ Митаву. Здѣсь 10-го іюня 1799 г. она вышла замужъ за герцога Ангулемскаго, сына впослѣдствіи короля Карла X. Съ этого времени Марія Терезія навсегда примкнула къ дѣлу французскаго королевства, какъ того добивался Людовикъ XVIII. Герцогиня теперь стремилась во Францію. Но это было невыполнимо, пока Наполеонъ I царилъ въ Европѣ. Между тѣмъ изъ Митавы дворъ Людовика XVIII переселился въ Гартуелль въ Англіи. Король жилъ здѣсь большимъ бариномъ, предаваясь наслажденіямъ, какія доставляли его изысканному вкусу искусство и литература. Но герцогиня не находила удовлетворенія въ подобныхъ удовольствіяхъ. Она жаждала дѣя-

тельности и возможности жить во Франціи. Наконецъ, палъ Наполеонъ и Бурбоны вступили въ Парижъ. Счастье ихъ было не продолжительно. Тронъ ихъ зашатался съ новымъ появленіемъ Наполеона. И въ то время, когда Людовикъ XVIII и весь его дворъ потеряли голову, одна только герцогиня Ангулемская обнаружила мужество и рѣшительность. Она взяла на себя оборону Бордо и въ данномъ случаѣ выказала себя такой рѣшительной, что самъ Наполеонъ такъ аттестовалъ ее: «она—единственный мужчина въ цѣлой фамиліи». Однако, всѣ усилія оказались напрасными. Армія измѣнила королевскому знамени въ пользу своего побѣдоноснаго полководца. И герцогиня опять должна была отправиться въ изгнаніе. Это новое разочарованіе произвело на нее глубокое впечатлѣніе и окончательно очерствило ея характеръ, жесткость котораго зародилась еще во времена узничества ея въ Тамплѣ. Она покинула Бордо. Но ея геройское противодѣйствіе Наполеону сдѣлало ее въ глазахъ роялистовъ мученицей, и въ виду страданій, перенесенныхъ ею раньше и теперь, Людовикъ XVIII называлъ ее «новѣйшей Антигоной».

Послѣ кратковременнаго господства въ теченіе ста дней, Наполеонъ навсегда былъ изгнанъ на островъ св. Елены и Бурбоны вторично въѣхали въ Парижъ. Теперь герцогиня Ангулемская еще энергичнѣе ухватилась за идеалъ своей жизни, за водруженіе знамени незапятнаннаго роялизма. Она тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, примкнула къ дѣлу своего тестя, графа д'Артуа, который въ изгнаніи ничему не научился и ничего не забылъ. Одилонъ Барро утверждаетъ, что герцогиня зачастую оказывала вліяніе на тестя, который послѣ Людовика XVIII занялъ престолъ Франціи подъ именемъ Карла X. Когда ультрароялистскій министръ Виллель былъ удаленъ, герцогиня сказала королю: «этимъ рѣшеніемъ вы спустились съ первой ступени вашего трона!»

Роковая ошибка герцогини заключалась въ томъ, что она не отдавала себѣ отчета въ новыхъ условіяхъ, созданныхъ революціей. Она была склонна винить новое положеніе за всѣ излишества революціи и за смерть своихъ родителей, тогда какъ для этого поколѣнія королевскіе узники Тампля были уже почти историческими личностями. Герцогиня же видѣла въ людяхъ прогресса лишь враговъ королевства и религіи. Такое оружіе, съ которымъ она и Карлъ X боролись за сохраненіе королевства, оказалось неудачно выбраннымъ. Династія Бурбоновъ въ іюлѣ 1830 г. искала спасенія въ бѣгствѣ и герцогинѣ снова пришлось испытать всѣ невзгоды изгнанія. Прощаніе ея съ гвардіей было необыкновенно патетическое. Одилонъ Барро, въ качествѣ правительственнаго коммисара, сопровождавшій черезъ границу изгнанную королевскую семью, разсказываетъ, что онъ всю дорогу изъ почтенія держался вдали отъ герцогини и ни разу не рѣшился заговорить съ ней. Карлъ X поселился въ старомъ Градчинскомъ зáмкѣ въ Прагѣ. Въ этомъ зáмкѣ своихъ предковъ по матери герцогиня вела совершенно своеобразную жизнь. Ровно въ 9 час. вечера она ложилась спать и уже въ 4 часа утра была на ногахъ. Стоя во главѣ придворнаго штата своего тестя, она большую часть дня отдавала церковнымъ дѣламъ. Затѣмъ вмѣстѣ съ дворомъ она изъ Градчина переселилась въ Герцъ. Но и тутъ она не нашла себѣ покоя. Послѣдней резиденціей ея былъ Фросдорфскій зáмокъ близь новой части Вѣны. Здѣсь она умерла 15-го октября 1851 г. и передъ кончиной наставляла послѣдняго изъ Бурбоновъ, покойнаго графа Шамбора, слѣдовать неосуществившемуся для нея идеалу—проложить этой династіи дорогу къ царствованію во Франціи.

— Смерть генерала Шарля Пишегрю. Въ мемуарахъ г-жи Ремюза значится, что Наполеонъ Бонапартъ послѣ казни герцога Энгьенскаго сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «я проливалъ кровь, я долженъ былъ это сдѣлать; можетъ быть, я еще болѣе пролью крови, но безъ гнѣва, совершенно просто, только потому, что кровопусканіе принадлежитъ къ средствамъ политической медицины». Черезъ мѣсяцъ послѣ «кровопусканія», совершеннаго надъ несчастнымъ герцогомъ, утромъ 6-го апрѣля 1804 г. нашли генерала Шарля Пишегрю удавленнымъ на его койкѣ въ башнѣ Тампля. Пишегрю преслѣдовался первымъ консуломъ за участіе въ заговорѣ въ пользу Бурбоновъ. Было ли это слѣдствіемъ приведенной угрозы Бонапарта въ примѣненіи къ знаменоносцу Бурбоновъ, такой вопросъ до сихъ поръ остается предметомъ споровъ. Общественное мнѣніе того времени приписывало Наполеону I смерть Пишегрю. Болѣе или менѣе близкое къ истинѣ разъясненіе этого спорнаго вопроса имѣется въ виду напечатанными недавно документами французскаго національнаго архива и архива парижской префектуры въ книгѣ Шарля Норуа «Les secrets des Bonaparte». Прежде всего интересенъ допросъ Пишегрю у полицейскаго префекта. Норуа напечаталъ подлинный протоколъ.

— Ваша фамилія?

— Пишегрю.

— Съ какихъ поръ вы опять въ Парижѣ?

— Около шести недѣль.

— Гдѣ вы находились до вашего возвращенія?

— Въ Англіи.

— Долго ли вы тамъ пробыли?

— Два года.

— Гдѣ вы проживали въ Англіи?

— Въ Бромтонѣ, близь Лондона.

— Съ кѣмъ вы видѣлись въ Лондонѣ?

— Со всѣми.

— Не встрѣчались ли вы тамъ съ французскими принцами?

— Конечно, встрѣчался.

— Не можете ли назвать тѣхъ изъ нихъ, съ которыми вы встрѣчались?

— Я встрѣчалъ ихъ всѣхъ.

— Часто ли вы встрѣчались съ бывшимъ графомъ д'Артуа?

— Не чаще, чѣмъ съ прочими.

— Почему вы, покинувъ Англію, прибыли во Францію?

— Десять лѣтъ назадъ я покинулъ Францію вслѣдствіе преслѣдованій Бонапарта. Я побывалъ въ различныхъ странахъ и, наконецъ, поселился въ Англіи. Я былъ глубоко огорченъ такимъ удаленіемъ отъ моего отечества. Оскорбленный клеветами французскихъ газетъ на мой счетъ, которыя увѣряли, что будто бы я то нахожусь во главѣ иностранныхъ армій, то состою въ иноземныхъ совѣтахъ, я не нашелъ ничего лучшаго, какъ вернуться во Францію.

На всѣ прочіе вопросы Пишегрю отказался отвѣчать, обѣщая дать подробныя объясненія на судѣ. Но это ему не удалось, ибо раньше всякаго суда ему пришлось смолкнуть навсегда. Въ протоколѣ объ осмотрѣ трупа Пишегрю въ Тамплѣ сказано, что «кругомъ шеи его былъ завязанъ черный галстухъ и чрезъ него продѣта палочка 40 сантиметровъ длины и до 5 сан

тиметровъ толщины. Эта палочка и произвела удушеніе». Представители власти, осмотрѣвъ трупъ, признали тогда, что смерть послѣдовала отъ самоубійства. Врачебный осмотръ трупа обнаружилъ слѣды сдавливанія шеи двумя пальцами, особенно замѣтные на лѣвой сторонѣ шеи. По мнѣнію Норуа, уже то обстоятельство, что Пишегрю найденъ лежащимъ на постели, исключаетъ возможность собственноручнаго удушенія. Съ другой стороны, протоколы осмотра трупа, при всей своей обстоятельности, въ другихъ отношеніяхъ, умалчиваютъ о томъ, сохранились ли въ чертахъ лица жертвы слѣды невольной борьбы между чувствомъ самохраненія и рѣшимостью на самоубійство.

Не лишено интереса и слѣдующее свидѣтельство современника Пишегрю. Фошъ-Борель, находившійся въ Тамплѣ подъ арестомъ одновременно съ Пишегрю, въ третьемъ томѣ своихъ мемуаровъ разсказываетъ: «вечеромъ наканунѣ дня, когда Пишегрю былъ найденъ мертвымъ на своей постели, мы слышали большой шумъ въ тюрьмѣ, длившійся нѣсколько минутъ. Точно какъ будто опрокидывали мебель. Карты выпали у насъ изъ рукъ. Фоконье (смотритель тюрьмы) поспѣшно оставилъ насъ, чтобъ узнать причину шума. Вскорѣ онъ вернулся. Мы еще не спали. Лицо его совершенно исказилось, и мы замѣтили, что губы его дрожали, когда онъ говорилъ съ нами. Мы спросили, что случилось,—онъ отвѣтилъ, что ничего такого, что могло бы насъ интересовать. Я спросилъ потомъ тюремнаго сторожа Христофа: «ну, любезнѣйшій Христофъ, разскажи, какъ было дѣло?»—«Какъ вы уже знаете? Конечно, онъ умеръ; его нашли удавленнымъ и намъ дано строжайшее приказаніе ничего не разсказывать объ этомъ арестованнымъ». Я все время былъ увѣренъ, что несчастнаго Пишегрю вечеромъ 5-го апрѣля удавили какъ разъ въ ту минуту, когда мы слышали необычайный шумъ, о которомъ я упомянулъ. Я знаю отъ самого Барра, что, по словамъ Фуше, съ Пишегрю раздѣлались потому, что онъ во время допроса «всячески говорилъ противъ Бонапарта». Я привожу здѣсь подлинныя слова... Повторяю, что въ Тамплѣ не было ни единаго арестанта, который не былъ бы убѣжденъ въ насильственномъ удавленіи Пишегрю. Я увѣренъ въ томъ что это убійство совершено извѣстнымъ Спономъ, бригадиромъ жандармеріи, вмѣстѣ съ двумя тюремными сторожами... Бригадиръ Спонъ въ свое время сопровождалъ Наполеона въ Египетъ и потомъ былъ исполнителемъ его повелѣній».

— **Незаконный сынъ Людовика XV—генералъ Конвента.** Шассенъ разсказываетъ въ «Revue bleue» исторію незаконнаго сына Людовика XV, который былъ республиканскимъ генераломъ въ Вандеѣ. Онъ родился 21 мая, 1754 года. Мать его была урожденная Морфи; хроникеры XVIII вѣка неправильно называютъ ее г-жей Морфиль. Она упоминается въ дневникѣ маркиза д'Аржансонъ. Въ этомъ интересномъ и драгоцѣнномъ сборникѣ мелкихъ фактовъ, заброшенныхъ или совсѣмъ невѣдомыхъ офиціальной исторіи, отъ 15 мая, 1753 года, значится, что первый камердинеръ Лебель «только что, съ разрѣшенія г-жи Помпадуръ, раздобылъ для короля новую любовницу. Эта дѣвица была натурщицей у художника Буше и приходилась племянницей одной куаферши, извѣстной подъ именемъ madame de Saint-André. Это пріобрѣтеніе, по словамъ д'Аржансона, далось труднѣе предъидущихъ, но золотой телецъ ослѣпилъ несговорчивую тетушку. Дѣвочку привели въ Версаль, въ домъ «Оленьяго парка», заставивъ ее предварительно почистить зубы, выкупавъ ее и снабдивъ приличнымъ приданымъ. Въ маѣ 1754 года

д'Аржансонъ пишетъ: «Достовѣрно извѣстно, что маленькая Морфиль родила мальчика. По примѣру знаменитой г-жи де Ментенонъ, г-жа де-Помпадуръ выразила готовность воспитывать его въ чувствахъ достойныхъ его августѣйшаго происхожденія». «Въ декабрѣ 1755 года г-жа Морфиль, состоявшая любовницей короля въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, дѣйствительно, вышла замужъ за одного вельможу, имени котораго не указано, и отправилась въ отдаленную провинцію. Мѣсто ея при королѣ заступила ея младшая сестра, 17 лѣтъ. Таковъ ужъ обычай у французскаго монарха переходить съ сестры на сестру». Далѣе мы узнаемъ, что вельможа, обязательно обвѣнчавшійся съ г-жей Морфиль, является полковымъ лекаремъ въ пѣхотномъ полку Beauvoisis, подъ именемъ д'Айяка, и располагаетъ для себя и своей матери 800 ливрами ежегоднаго дохода и владѣетъ помѣстьемъ у подошвы Оверискихъ горъ; что онъ уѣхалъ немедленно послѣ свадьбы и что красавицѣ запрещено показываться въ какомъ-бы то ни было городѣ.

Свѣдѣнія маркиза д'Аржансона были довольно достовѣрны. Свадьба состоялась 25 ноября 1755 года; августѣйшій ребенокъ считался рожденнымъ въ замкѣ мужа ея матери, въ Айа. 27 іюня 1771 года сынъ г-жи Морфиль былъ записанъ пажемъ короля при маленькой Версальской конюшнѣ, подъ именемъ Людовика-Карла, Антона, графа де Бофранше д'Айя. По словамъ Шассеня, это упоминаніе служитъ началомъ служебныхъ свѣдѣній о немъ въ административныхъ архивахъ военнаго министерства. Объ его рожденіи тамъ не имѣется не единаго документа. Въ мартѣ, 1774 г. онъ переводится сперва въ пѣхотный, а затѣмъ въ конный Беррійскій полкъ, 1782 года получаетъ капитанскій чинъ, 1 іюня 1788 г.—командованіе ротой. Въ августѣ 1789 г. послѣ революціи капитанъ Бофранше д'Айя участвуетъ въ военномъ комитетѣ, учрежденномъ при военномъ министерствѣ для составленія приказовъ и регламентовъ, предназначенныхъ къ печатанію, сообразно съ опредѣленіями національнаго собранія. 25 іюля 1791 г., въ чинѣ подполковника, онъ переходитъ въ 14-й кавалерійскій полкъ, а 4 апрѣля 1792 г. назначается полковникомъ 2-го карабинерскаго полка. Шесть мѣсяцевъ спустя онъ получаетъ чинъ генералъ-маіора, сражается при Вольми и принимаетъ блестящее участіе въ тріумфѣ французской арміи. Назначенный начальникомъ главнаго штаба при арміи подъ стѣнами Парижа, послѣ Восточной и Сѣверной кампаній, онъ присутствовалъ при казни Людовика XVI,—своего племянника. Говорятъ даже, что онъ, а не Сантеръ, подалъ сигналъ знаменитаго отбоя барабановъ.

Какъ бы то ни было, въ мартѣ 1793 г., Бофранше д'Айя былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ и посланъ къ побережной арміи, имѣвшей цѣлью подавить возстаніе на западѣ. Подъ своими донесеніями въ военное министерство онъ подписывается «бригаднымъ генераломъ, командующимъ Вандейской арміей». Послѣдняя имѣла назначеніемъ помогать дѣйствію двухъ главныхъ армій: береговой арміи, подъ начальствомъ ла-Бурдоннэ и резервной подъ начальствомъ генерала Беррюйе. Изъ военныхъ дѣлъ, въ которыхъ принималъ участіе Бофранше д'Айя, укажемъ одно, гдѣ онъ проявилъ исключительныя отвагу и мужество.

Это было въ маѣ 1793 года. Множество инсургентовъ изъ Анжу и Вандеи возвращались въ Fontenay-le-Comte. 16-го числа республиканцы приготовили къ эвакуаціи деньги и бумаги департамента, назначено было общее

передвиженіе главной стоянки арміи въ Ніоръ. Отважная вылазка, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Шальбо и Нувіона, обратила въ бѣгство осаждающихъ, отъ которыхъ отбита была даже знаменитая пушка, захваченная ими у республиканцевъ и окрещенная «Marie-Jeanne». Но 25-го вандейцы вернулись снова съ значительными подкрѣпленіями. «Marie-Jeanne» была еще разъ проиграна, бумаги департамента и округа—сожжены въ необъятномъ пламени торжества. По словамъ Шассеня, побѣжденнымъ предстояли расхищеніе денежныхъ суммъ, аресты властей, плѣненіе арміи, не случись тутъ замѣчательнаго наступательнаго движенія со стороны генерала Бофранше д'Айя. Имѣя при себѣ всего 16 національныхъ жандармовъ, уже обращенныхъ въ бѣгство, онъ съ такой запальчивостью рубилъ направо и налѣво мятежниковъ по улицамъ Fontenay, что главари мятежниковъ предположили тутъ цѣлый кавалерійскій полкъ и прекратили преслѣдованіе побѣжденныхъ.

Въ декретѣ 8 іюня, предававшемъ «позору и военному суду» жандармовъ, бѣжавшихъ въ Fontenay 25 мая, и въ Перпиньянъ 19-го, Національный Конвентъ распорядился «сдѣлать упоминаніе въ своемъ протоколѣ объ отважномъ поведеніи 16 городскихъ жандармовъ, присоединившихся къ генералу Бофранше д'Айя и начальнику Нувіонской бригады, съ цѣлью атаковать мятежниковъ и спасти части арміи». Все это не избавило Бофранше отъ декрета 28 іюля и отрѣшенія его отъ командованія, какъ бывшаго, дворянина.

Въ отвѣтъ на приказъ военнаго министра Бушотта, 11 августа изъ Ніорта, Бофранше посылаетъ слѣдующее письмо: «Гражданинъ министръ, я усердно служилъ республикѣ; любовь моя къ равенству и свободѣ оставалась всегда неизмѣнной, съ начала революціи по сей день я, какъ патріотъ, былъ вѣренъ различнымъ военнымъ полномочіямъ, которыя возлагались на меня. Свидѣтели моей службы отдадутъ мнѣ справедливость; не моя вина, что я родился отъ такого класса, который, по справедливости, не достоинъ французскаго народа. Командуя карабинерами въ іюлѣ мѣсяцѣ 1792 г., я схватилъ такую сильную грыжу, что только рвеніе и осторожность помогали моей быстрой дѣятельности на лошади. Полагаю, что по закону я имѣю право на пенсію. Пришлю вамъ мои документы, не сомнѣваюсь въ справедливости такого министра, какъ вы. Гражданинъ Бофранше-Дайя». Бофранше возобновляетъ свой протестъ письмомъ, помѣченнымъ Soisy sous-Etiolles (департаментъ Сены и Уазы), 9 сентября. Наконецъ, 12 января, 1795 года, исполнительный военный комиссаръ, Л. А. Пилль, предложилъ Комитету Общественнаго Спасенія снять съ Бофранше д'Айя взысканіе и дозволить ему взять назадъ свою отставку, въ виду «свидѣтельствъ объ его патріотизмѣ и добромъ поведеніи, представленныхъ общиной Soisy Marat, куда онъ удалился по прекращеніи службы: равно какъ и въ виду тѣхъ документовъ, которыми онъ подтвердилъ, что не состоитъ ни въ числѣ эмигрантовъ, ни въ числѣ ихъ родственниковъ». 14 іюня, 1795 года Бофранше д'Айя была выдана пенсія, по разсчету за двадцать лѣтъ и одинъ мѣсяцъ службы.

Только два года спустя — и то благодаря настоятельнымъ хлопотамъ генерала Дезэ, за воспитаніемъ котораго Бофранше д'Айя слѣдилъ, военнымъ дебютамъ котораго онъ покровительствовалъ, онъ получилъ пенсію въ 1200 ливровъ вмѣстѣ съ окладомъ при отставкѣ, въ размѣрѣ той же пенсіи. Въ административномъ архивѣ французскаго военнаго министерства существуетъ письмо Бофранше д'Айя, помѣченное 4 декабря, 1803 года, въ ко-

торомъ подпись сопровождается такимъ упоминаніемъ: «членъ Избирательной Коллегіи Puy de Dome'а, только-что назначенный сенатомъ въ члены законодательнаго корпуса».

Въ этомъ молчаливомъ собраніи онъ оставался безвѣстнымъ и умеръ въ Парижѣ 2 іюля 1812 года.

— Политика императрицы Евгеніи. Пьеръ де Лано, продолжая въ «Figaro» свои этюды объ императрицѣ Евгеніи, о которыхъ упоминалось въ октябрьской книжкѣ «Ист. Вѣст.», въ одной изъ послѣднихъ статей характеризуетъ ея роль въ политикѣ. Во время регентства ея послѣ итальянской войны, она постоянно принимала участіе въ засѣданіяхъ Совѣта Министровъ. По отношенію къ внутренней политикѣ она проявила чрезвычайное стремленіе къ безграничной автократіи и рѣзкое антилиберальное направленіе, обнаружившееся особенно ясно въ 1869 году, когда ей померещился призракъ либеральной имперіи. Ревниво оберегала она императора отъ всякаго посторонняго вліянія и стремилась удалить изъ Тюльери всѣхъ совѣтниковъ не ея лагеря. Не разъ въ этой ежедневной борьбѣ ей приходилось уступать, но еще чаще побѣда оставалась за нею, и въ послѣднее время имперіи она достигла неограниченнаго владычества. Больше всѣхъ ненавидѣла она Оливье и генерала Флёри. Послѣдняго Евгенія удалила отъ двора, назначивъ его посломъ въ Петербургъ. «Теперь», выразилась она при этомъ, «у меня такое вліяніе на императора, что безъ моего вѣдѣнія ничего случиться не можетъ». Ненависть императрицы преслѣдовала генерала Флёри въ самомъ Петербургѣ. При началѣ франкопрусской войны онъ просилъ назначить его въ армію. Но императрица сумѣла повернуть дѣло такъ, что онъ не былъ отозванъ отъ своего поста. Въ одномъ засѣданіи Совѣта Министровъ императрица такъ разгнѣвалась на генерала, что пришлось вмѣшаться самому императору, который уговорилъ ее написать генералу нѣчто въ родѣ извинительнаго письма. Императоръ велъ переговоры съ Оливье въ 1866 году, но, во избѣжаніе гнѣва императрицы, повелѣлъ ему являться въ Тюльери тайно. Въ 1867 году, 7 января, онъ пишетъ такъ: «Во избѣжаніе возможной непріятности для Оливье, въ случаѣ обнаруженія его посѣщеній меня, скажите ему, пусть онъ входитъ въ Тюльери черезъ маленькую дверь со стороны бассейна и говоритъ привратнику Феликсу, что идетъ по приказанію графа... Ему нѣтъ необходимости объявлять свое имя».

Въ другой разъ, въ Совѣтѣ Министровъ одинъ министръ вступилъ въ споръ съ Фульдомъ. Императрица была на сторонѣ Фульда. Тутъ опять императоръ долженъ былъ явиться миротворцемъ. Онъ просилъ министра немедленно выразить императрицѣ свое сожалѣніе о случившемся, ибо она «нѣсколько вспыльчива, но желаетъ ему добра». Затѣмъ ему пришлось извиниться передъ Фульдомъ.

— О происхожденіи Наполеона III. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Парижскаго «Intermédiaire des chercheurs et des curieux» Филиберомъ Одебраномъ разслѣдовано, на какомъ основаніи еще во времена второй имперіи многіе во Франціи были увѣрены въ томъ, что Наполеонъ III былъ плодомъ незаконной любви королевы Гортензіи и голландскаго адмирала Вергуэля. Это разсказывается и комментируется во многихъ современныхъ мемуарахъ. Гортензія Богарне, эта бѣлотѣлая блондинка, была прелестна во всѣхъ отношеніяхъ, весьма свѣтская, какъ и Жозефина, ея мать, и столь же нѣжная, какъ и креолка съ о. Мартиники. У нея было

множество любовниковъ, что не составляетъ секрета ни для кого. Отъ связи ея съ генераломъ Флаго (Flahaut) родился де-Морни. Отношенія ея съ весьма извѣстнымъ музыкантомъ породили двѣ кантаты, обѣ сдѣлавшіяся популярными, это—«Beau Dunois» и «Sentinelle».

Королева Гортензія, встрѣтивъ при дворѣ своего мужа, голландскаго короля Луи, адмирала Вергуэля, говорятъ, полюбила его, и отъ этой связи будто-бы родился будущій императоръ французовъ. Но гдѣ найти достовѣрные факты, свидѣтельства? Одебранъ приводитъ разсказъ одного бонапартиста, весьма извѣстнаго своей горячей преданностью бонапартизму:

«Въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа, въ то время, когда принцъ Луи находился въ изгнаніи (въ Англіи), Эмиль Марко состоялъ однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Siecle'я». Ни для кого не тайна, что это былъ бонапартистъ чистой воды. Извѣстно также, что онъ былъ сынъ одной изъ фрейлинъ королевы Гортензіи. Благодаря этому-то происхожденію, послѣ возстановленія имперіи, новый владѣлецъ Тюльери назначилъ его консерваторомъ Стасбургской библіотеки.

«Но въ 1843 году всѣ еще далеки были отъ мысли, что династія Орлеановъ должна пасть спустя семь лѣтъ, и что она вскорѣ будетъ замѣнена представителемъ наполеонидовъ, и потому Эмиль Марко де Сентилеръ писалъ свои фельетоны безъ задней мысли. Въ это-то время онъ и напечаталъ въ «Siecle» чрезвычайно интересный разсказъ о раздорахъ между Луи Бонапартомъ, королемъ Голландскимъ, и Гортензіей, его женою. На короткое время супруги расходились не легально, но фактически. Оба жили во дворцѣ Фонтенбло, занимая помѣщенія, отдѣленныя одно отъ другого.

«Между тѣмъ королева забеременила. Но вопросъ—отъ кого? Луи Бонапартъ стоялъ на томъ, что онъ тутъ ни при чемъ. Подъ сурдинку разсказывали, что это вина голландскаго адмирала. Узнавъ объ этомъ фактѣ, Наполеонъ потребовалъ развода. Чтобъ замять дѣло, прибѣгли къ слѣдующему. Однажды, ночью, разыграли комедію съ неожиданно вспыхнувшимъ пожаромъ въ покояхъ Луи. Луи почти нагой, въ испугѣ, не сознавая, куда онъ бѣжитъ, изъ своей спальни бросился въ первую попавшуюся открытую дверь. Дверь эта вела въ покои королевы Гортензіи. Такимъ образомъ произошла насильственная встрѣча и сближеніе. Наружное приличіе было соблюдено, и королева разрѣшилась «законнымъ ребенкомъ».

«Но это еще не все, что разсказывается въ фельетонѣ. Э. Марко прямо говоритъ, что впослѣдствіи, при разрѣшеніи королевы отъ бремени, не желая принимать хитростью навязанныя ему положенія, Луи Бонапартъ, король голландскій, открыто протестовалъ противъ подарка Гортензіи и не признавалъ за собою отцовскихъ правъ. Тѣмъ не менѣе сынъ адмирала Вергуэля 18 лѣтъ управлялъ Франціей, какъ законный потомокъ и выразитель традицій Наполеона I».

— **Республиканскій календарь.** Нынѣшнимъ годомъ завершается 99-й годъ первой французской республики «единой и нераздѣльной». Извѣстно, что Конвентъ, желая стереть съ лица земли всѣ слѣды прошлаго, постановилъ начинать съ 22 сентября 1792 г. не только новый годъ, но и новую исторію Франціи. Въ «Альманахѣ» 1794 года сказано, что французская эра начинается со времени основанія республики, совершившагося 22 сентября, 1792 года. Обычное лѣтосчисленіе уничтожено гражданскими обычаями. Годъ былъ раздѣленъ на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней каждый; въ виду попол-

ненія обыденнаго года, за 12 мѣсяцами слѣдовали пять дней, не относившіеся ни къ какому мѣсяцу. Каждый мѣсяцъ дѣлился на три равныя части, въ 10 дней, каждая, носившія названіе декадъ. Названія дней были таковы: primidi, duodi, tridi, quartidi, quintidi, sextidi, septidi, octidi, nonidi, decadi. Годъ начинался съ 22-го сентября и дѣлился на четыре времени года, въ три мѣсяца каждое.

Осень состояла изъ: Вандемьера, Брюмера, и Фримера. Зимніе мѣсяцы: Нивозъ, Плювіозъ и Вентозъ; весенніе: Жерминаль, Флореаль и Преріаль. Лѣтніе: Мессидоръ, Термидоръ и Фруктидоръ. Раздѣленіе это на первый взглядъ кажется чрезвычайно разумнымъ, скажемъ, даже весьма поэтичнымъ. Но оно основано на чистѣйшей утопіи. Это—утопія уже потому, что даже на французской територіи Вандеміеръ отнюдь не являлся мѣсяцемъ собиранія винограда, ибо въ нѣкоторыхъ департаментахъ это собираніе происходитъ въ концѣ августа, и въ большинствѣ—не ранѣе 22 сентября. Тоже слѣдуетъ сказать и о всѣхъ остальныхъ мѣсяцахъ. Флореаль въ Парижѣ приходился въ то время, когда на юговостокѣ былъ Преріаль, а въ Нормандіи—Жерминаль. Этотъ календарь, сверхъ того, находился въ полномъ противорѣчіи съ сезонами. Французскій Вандемьеръ приходился въ сезонъ Нивоза въ другихъ странахъ и наоборотъ. Никакой другой народъ конечно, не могъ принять французской республиканскій календарь тѣмъ болѣе, что Конвентъ создалъ тысячи затрудненій при опредѣленіи датъ въ сношеніяхъ Франціи съ другими націями. Но главной задачей Конвента было порвать всякую связь съ прошлымъ, съ Грегоріанскимъ календаремъ, съ религіей, и для этой цѣли отвергнуто было раздѣленіе года на недѣли и упразднено воскресенье, взамѣнъ котораго дни отдыха назывались декады. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, что никогда, даже въ періодъ самаго сильнаго разгара революціи, декады нигдѣ не соблюдались за предѣлами официальнаго міра. Повсюду, по обыкновенію, праздновалось воскресенье—даже въ то время, когда церкви были закрыты.

Сверхъ того, Конвентъ учредилъ 12 публичныхъ праздниковъ, по одному въ мѣсяцъ. Всѣ религіозные праздники были отмѣнены; эти же, такъ называемые національные праздники, были слѣдующіе:

1 Вандемьера—праздникъ основанія республики.

2 Плювіоза—годовой праздникъ 21 января, т. е. «легальнаго» убійства Людовика XVI.

30 Вентоза—праздникъ верховной власти народа.

10 Жерминаля—праздникъ юности.

10 Флореаля—праздникъ супруговъ.

10 Преріаля—праздникъ признательности.

10 Мессидора—годовой праздникъ 14 іюля.

9 и 10 Термидора—празднованіе свободы.

23 Темирода—годовщина 10-го августа.

10 Фруктидора—годовщина государственнаго переворота, совершеннаго Ожеро.

Само собой разумѣется, что святые были изъяты изъ календаря и замѣщены самыми разнообразными овощами, фруктами и цвѣтами. Вотъ, напримѣръ, какія имена овощныхъ патроновъ французской республики приходились на вандемьеръ: 1) Виноградъ; 2) Шафранъ; 3) Каштанъ; 4) Безвременный цвѣтъ; 5) Лошадь; 6) Бальзаминъ; 7) Морковь; 8) Амарантъ; 9) Па-

стернакъ; 10) Чанъ; 11) Картофель; 12) Иммортель; 13) Тыква; 14) Резеда; 15) Оселъ; 16) Чудоцвѣтъ; 17) Петрушка; 18) Греча; 19) Подсолнечникъ; 20) Тиски; 21) Конопля; 22) Персикъ; 23) Брюква; 24) Броздникъ; 25) Быкъ; 26) Демьянка; 27) Индѣйскій перецъ; 28) Томатъ; 29) Ячмень; 30) Бочка.

Оказывается, что патронами 5-го, 15-го и 25-го числа были: оселъ, лошадь, быкъ; патронами 10-го, 20-го, 30-го чиселъ были: чанъ, тиски и бочка.

Конвентъ задался цѣлью обучить французскихъ крестьянъ тому, что они сами отлично знали — названіямъ главныхъ цвѣтовъ, овощей, домашнихъ животныхъ и земледѣльческихъ орудій.

Пять дополнительныхъ дней были праздничными. 1-го былъ праздникъ Добродѣтели, 2-го — праздникъ Генія; 3-го — праздникъ Труда; 4-го — праздникъ Мнѣнія; 5-го — праздникъ Благодарности; 6-го — праздникъ Революціи, справлявшійся по високоснымъ годамъ.

— **Наполеонъ I и панорамы.** Изъ этюда Жермена Бапста о панорамахъ, напечатаннаго въ «Correspondant», извлекаемъ анекдотъ, доказывающій, что Наполеонъ I придавалъ большое значеніе этому способу быстраго и общедоступнаго популяризованія историческихъ событій. Панорамы тогда едва не сдѣлались офиціальнымъ учрежденіемъ. Увѣренный въ возможности извлечь пользу изъ этого рода зрѣлищъ, императоръ французовъ намѣревался популяризировать свои побѣды при помощи панорамъ. Онъ поручилъ архитектору Селерье составить планы 8-ми ротондъ, которыя предполагалось построить въ большомъ квадратѣ Елисейскихъ Полей въ Парижѣ. Въ каждой изъ этихъ ротондъ проектировалось показывать знаменитѣйшія побѣды Бонапарта во время революціи или имперіи. Наполеонъ I установилъ даже цѣну за каждую изъ такихъ картинъ по 45,000 франковъ и намѣревался показывать эти панорамы по всей Европѣ. Но 1812 годъ заставилъ императора отказаться отъ такого проекта.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Осеннее изобиліе книгъ и статей о Россіи. — Корреспонденція Александра I и Наполеона. — Статьи Ришара и Жоли. — Г. Ціонъ, защищающій «варварскую Россію».—Сотрудникъ Каткова и Жомини, опровергающій обвиненія Кеннана.— Парламентаризмъ и будущее Европы.—Поццо ди Борго.—Волшебство при дворѣ Баторія.—Вицекоролевская жизнь въ Индіи.—Вліянія морскихъ силъ на исторію.— Итальянскій авантюристъ XVI вѣка.—Средневѣковой романъ Христіана де-Труа.

УРНАЛЪ Жюльеты Аданъ, «Nouvelle Revue», выпускавшій довольно безцвѣтныя книжки въ теченіе всего лѣта, съ осени принялся усиленно наполнять свои страницы статьями о Россіи. Въ послѣднихъ книжкахъ журнала такихъ статей пять и одна изъ нихъ, г. Татищева «Александръ І-й и Наполеонъ въ ихъ необнародованной перепискѣ» (Alexandre I et Napoleon d'aprés leur correspondance inédite) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ историческихъ документовъ настоящаго времени. Генрихъ Жоли изслѣдовалъ международные вопросы петербургскаго тюремнаго конгреса (Les questions internationales du congrés penitentaire de St.-Petersbourg). Луи Ришаръ говоритъ объ «исторіи Россіи по поводу послѣднихъ сочиненій Леруа Болье, Леже, Рамбо и Пирлинга». (Contribution à l'histoire de la Russie). Князь Валори написалъ статью «Цари и Франція» (Les czars et la France) по поводу записокъ Поццо ди Борго.

Изъ нихъ выдѣляется своими вѣрными замѣчаніями и странными выводами статья г. Ціона, служащая дополненіемъ къ его первому памфлету, появившемуся въ апрѣльской книжкѣ того же журнала. Новая статья носитъ претенціозное названіе «Варварская Россія (La Russie barbare!)» и въ ней авторъ старается всѣми силами доказать, что Россія не варвар-

ская держава. Для кого это нужно и кто же вѣритъ серьезно въ этотъ эпитетъ, не исключая даже и тѣхъ лицъ, которыя чаще другихъ повторяютъ его? Мы не говорили ничего о первой статьѣ г. Ціона, доказывавшей необходимость союза между Россіей и Франціей. Союзъ этотъ, по самой силѣ вещей и по ходу политическихъ событій, существуетъ и безъ письменныхъ договоровъ, и г. Ціону не зачѣмъ было проповѣдывать его необходимость. И на статью его, какъ не привилегированнаго политика и публициста, мало кто обратилъ вниманіе. Теперь онъ старается объяснить ея важное значеніе во второй статьѣ, утверждая, что вопросъ этотъ близокъ къ разрѣшенію, вслѣдствіе трехъ совершившихся событій: процеса нигилистовъ въ Парижѣ, англо-германской конвенціи, и пріобрѣтенія Вильгельмомъ II-мъ большого помѣстья въ окрестностяхъ Меца. Какимъ образомъ сопоставленіе этихъ трехъ фактовъ доказываетъ необходимость франко-русскаго союза — изъ статьи вовсе не видно, и въ ней вовсе не упоминается потомъ объ этихъ фактахъ. Но въ статьѣ встрѣчаются вообще такія замѣчанія, на которыхъ нельзя не остановиться, хотя они перемѣшаны съ крайними преувеличеніями. Даже сама директриса журнала должна была оговориться въ примѣчаніи, что она не раздѣляетъ крайнихъ мнѣній своего сотрудника и принадлежитъ къ партіи либеральной и соціалистической—въ смыслѣ прогресивныхъ реформъ, считаемыхъ ею необходимыми.

Обращаясь нѣсколько разъ къ своей первой статьѣ, г. Ціонъ упоминаетъ о выходкахъ противъ нея нѣмецкой печати, говоритъ, что статья была принята благосклонно при австрійскомъ дворѣ, который, по мнѣнію г. Ціона, долженъ быть также привлеченъ къ франко-русскому союзу. По словамъ автора, эрцъ-герцогъ Карлъ Лудвигъ, наслѣдникъ габсбургской короны, собирался даже ѣхать въ Петербургъ, но въ Берлинѣ хотѣли непременно пріурочить это посѣщеніе къ визиту Вильгельма II-го и потому Карлъ-Лудвигъ отказался отъ своего намѣренія. Напрасно г. Ціонъ говоритъ, что его апрѣльская статья произвела у насъ глубокое впечатлѣніе. Здѣсь ею мало занимались и г. Ціонъ напрасно объясняетъ, что свои свѣдѣнія о политикѣ 1886—1887 годовъ онъ получилъ отъ Каткова, «какъ его главный помощникъ и вседневный сотрудникъ». Дипломатическія свѣдѣнія получилъ онъ отъ барона Жомини, тоже уже умершаго, и возмущавшагося тѣмъ, что наша дипломатія держится нѣмецкихъ интересовъ, на перекоръ національнымъ стремленіямъ. Г. Ціонъ оправдывается также въ томъ, что его обвиненія противъ графа Милютина происходили изъ личной вражды. Напомнивъ, что еще 11 лѣтъ тому назадъ Бисмаркъ сказалъ, что «варварская Россія составляетъ настоящую опасность для Европы», г. Ціонъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что этого же мнѣнія о Россіи держится консервативный кабинетъ Салисбюри съ его газетами «Standard» и «Times», такъ же какъ и анархисты всѣхъ странъ.

Того же мнѣнія держится и Кеннанъ, описавшій въ 1884 году сибирскія тюрьмы. Но развѣ лучше понтоны въ Ламбессѣ, Нукагивѣ, Кайенѣ? Барбесъ сидѣлъ въ каменной клѣткѣ, гдѣ онъ не могъ ни встать, ни протянуться. Крапоткинъ, посаженный въ тюрьму въ Клерво, писалъ въ англійскомъ журналѣ, что съ политическими преступниками въ Россіи обходятся гораздо мягче, чѣмъ во Франціи. Правда, въ Карѣ одинъ преступникъ умеръ отъ жестокаго обращенія съ нимъ грубаго тюремщика, но единичные случаи безчеловѣчія бываютъ у всѣхъ народовъ. 27-го іюля 1890 года, газеты сооб-

щили, что въ Арканзасѣ. Томасъ Келлеръ, тюремный смотритель, четыре раза высѣкъ Фитцджеральда за то, что тотъ не хотѣлъ работать. Въ Готѣ двумъ журналистамъ, посаженнымъ въ тюрьму, нѣмцы обрили не только бороды, но и головы. Въ Лондонѣ за отказъ надѣть въ тюрьмѣ костюмъ каторжника, ирландскихъ депутатовъ оставляли голыми по цѣлымъ днямъ. Этому же Кеннану, принятому Л. Н. Толстымъ, никогда не жертвующимъ ни копѣйки политическимъ преступникамъ, писатель нашъ сказалъ: «нигилисты первые прибѣгли къ насиліямъ, справедливо, если они также будутъ наказаны силою». При малѣйшемъ выходящемъ изъ ряда событіи въ Россіи европейская печать наполняется нелѣпѣйшими выдумками. Въ Москвѣ убиваетъ себя семья раззорившихся дворянокъ. «Times» и «Standard» пишутъ, что открытъ громадный заговоръ, потрясшій имперію въ ея основаніяхъ и что нѣсколько женщинъ, замѣшанныхъ въ немъ, умерли таинственной смертью. Откуда насчиталъ г. Ціонъ въ Россіи 5,000 нигилистовъ и 12,000 парламентаристовъ, между которыми много дворянъ, раззорившихся отъ роскошной жизни, чиновниковъ, которымъ удобнѣе грабить безъ контроля? и пр. О Петрашевскомъ г. Ціонъ приводитъ вѣрныя свѣдѣнія по воспоминаніямъ В. Зотова, печатавшимся въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Говоря о процесѣ русскихъ нигилистовъ въ Парижѣ, г. Ціонъ совершенно основательно замѣчаетъ, что защитники ихъ не имѣли повода сравнивать ихъ съ террористами 1793 года. Послѣдніе могли по крайней мѣрѣ привести въ оправданіе своихъ преступленій необходимость спасти свое отечество, находившееся въ большой опасности, сохранить республику единую и нераздѣльную, тогда какъ террористы 1890 года совершаютъ свои преступленія съ открытою цѣлью раздробить и уничтожить свое отечество. Не очень лестнаго мнѣнія г. Ціонъ и о странѣ, въ которой онъ пишетъ свои измышленія.

Открытый врагъ парламентаризма, онъ говоритъ «два главные принципа конституціи: раздѣленіе властей и отвѣтственность министровъ являются на западѣ не осуществившимися фикціями. Или исполнительная власть преобладаетъ надъ законодательнымъ насиліемъ, какъ въ Пруссіи, подкупомъ, какъ въ Италіи, Австріи и пр. и тогда возвращаются, хотя и подъ лицемѣрными формами, къ личному управленію. Или наоборотъ: «законодательная власть преобладатъ надъ исполнительной и тогда въ правительствѣ является непрочность, даже анархія, постоянный кризисъ, вѣчная борьба между партіями, движимыми только личнымъ интересомъ, погонею за властью и наживою, что у каждаго передъ глазами». Конституціонные министры безнаказанно нарушаютъ законы и права націи и не несутъ никакой отвѣтственности. Недавно въ Италіи министръ финансовъ утвердилъ за своимъ родственникомъ табачную монополію, лишающую государство 30-ти милліоновъ, а палата депутатовъ вотировала ему свое довѣріе. Г. Ціонъ не видитъ даже большой разницы между французскими и русскими порядками. Опозиція существуетъ въ Россіи и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Бывшіе министры нерѣдко оспариваютъ проекты своихъ наслѣдниковъ со страстностью, не встрѣчаемою и въ парламентахъ. Самыя настоятельныя правительственныя мѣры встрѣчаютъ иногда упорныхъ противниковъ въ рядахъ высшихъ чиновниковъ. Земство и городскія думы вполнѣ соотвѣтствуютъ французскимъ муниципальнымъ и генеральнымъ совѣтамъ. Судебныя учрежденія въ обѣихъ странахъ дѣйствуютъ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Печать въ Россіи дѣйствуетъ на основаніяхъ правилъ второй имперіи, хотя

и значительно смягченныхъ, а во Франціи давно уже отмѣненныхъ. Продолжительная борьба Каткова съ правительственными взглядами и «Голоса» съ личною непріязнью властнаго лица, была бы немыслима въ другой странѣ. Будущее Европы и цивилизаціи представляется г. Ціону въ самомъ мрачномъ видѣ. Въ человѣкѣ онъ видитъ дикаго звѣря доисторическихъ временъ, который «выкажется во всей своей дикости, какъ только исчезнутъ религія и жандармерія». Въ проектахъ Вильгельма II онъ видитъ юношеское ослѣпленіе. Пруссія погибнетъ отъ избытка милитаризма, бывшаго причиною ея возвышенія. Всеобщая военная повинность превратитъ въ ней армію, хранительницу порядка, въ недисциплинированную національную гвардію, съ которою армія соціалистовъ будетъ дѣйствовать за одно. «Въ этомъ новомъ потокѣ, который грозитъ поглотить цивилизацію, останутся непоколебимыми только двѣ вершины—Кремль и Ватиканъ». Какую непоколебимость нашелъ бывшій еврей въ католицизмѣ, вносившемъ только смуты и разложеніе въ западную Европу, этого г. Ціонъ не объясняетъ.

Пять статей г. Татищева о перепискѣ Александра I съ Наполеономъ отъ Тильзитскаго свиданія до 1812 года составляютъ такой драгоцѣнный вкладъ въ исторію, что появленіе ихъ на русскомъ языкѣ желательно, хотя въ нихъ и не вполнѣ объясняются причины, по которымъ сдѣлались врагами эти два монарха, собиравшіеся подѣлить между собою всемірное обладаніе надъ западомъ и востокомъ. Выводъ статьи—все тотъ же: необходимость союза между двумя націями, какъ въ статьяхъ гг. Ціона, Жоли, Ришара и Валори. Въ статьѣ послѣдняго особенно рельефно очерчена симпатичная фигура другого корсиканца, врага Наполеона, дипломата въ русской службѣ, Поццо-ди-Борго. Французы сознаются, что послѣ Александра I спасителемъ Франціи въ 1815 году былъ Поццо-ди-Борго и, между тѣмъ, многіе изъ французовъ называютъ его измѣнникомъ. Но Поццо родился въ Корсикѣ прежде ея присоединенія къ Франціи. Онъ не былъ стало быть французомъ, какъ герцогъ Ришелье, служившій Россіи и участвовавшій подъ начальствомъ англичанъ при осадѣ Валансьена. Послѣ этого можно называть измѣнниками Мориса Саксонскаго, принца Евгенія Савойскаго, Мазарини, Мольтке, Каподистрію, Нессельроде и др. Поццо ненавидѣлъ Наполеона, какъ личнаго врага и потому, что этотъ корсиканецъ былъ опасностью не только для Европы, но и несчастьемъ для Франціи. О Поццо-ди-Борго всѣ отзывались съ уваженіемъ и его благородный характеръ ясно видѣнъ изъ книги, изданный его внукомъ «Необнародованная корреспонденція графа Поццо-ди-Борго съ Нессельроде». (Correspondance inèdite du comte Pozzo di Borgo avec le comte de Nésselrode). Когда въ 1815 году вѣнскій конгресъ урѣзалъ Францію, отнявъ у нея даже такіе департаменты какъ Дофине, Франшконте, Шампанью, Юру, Ардены и пр., Поццо-ди-Борго, посолъ Александра I въ Парижѣ, представилъ императору невозможность такого изуродованія страны и посовѣтывалъ Людовику XVIII написать письмо къ русскому императору въ этомъ смыслѣ. Съ этимъ письмомъ Александръ I отстоялъ на вѣнскомъ конгресѣ цѣлость границъ Франціи. Въ заключеніе своей статьи, Валори пробуетъ доказать необходимость привлеченія Австріи къ союзу Франціи съ Россіею и предсказываетъ, что Италія, если вспыхнетъ война, превратится въ республику при первой неудачѣ ея войскъ.

— Въ Краковѣ вышла любопытная книга: «Волшебство при дворѣ Баторія, страница изъ исторіи мистицизма XVI вѣка, какъ объясненіе характе-

ристики короля Стефана». (Czary na dworze Batorego. Karta z dziejow mistycznuw XVI wieku, jako przyczynek do charakterystyki królа Stefana, przez A. Kraushara). Въ книгѣ этой разсказана преимущественно жизнь извѣстнаго магика доктора Ди (Дее). Устроенное имъ магическое зеркало хранится въ британскомъ музеѣ, рукописи въ Оксфордѣ, а его дневникъ изданъ въ 1842 году. Этотъ англичанинъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ польскимъ палатиномъ Альбертомъ Ласки. Въ Краковѣ онъ былъ представленъ Стефану Баторію и сблизился съ Вильгельмомъ Розенбергомъ, чешскимъ магнатомъ. Ди былъ близокъ къ Баторію и говоритъ много о его славномъ десятилѣтнемъ царствованіи. Не смотря на то, что король былъ не старъ, здоровье его, разстроенное частыми войнами, было очень слабо и возбуждало интриги его враговъ и завистниковъ, въ особенности хитраго и суевѣрнаго германскаго императора Рудольфа. У Баторія былъ нарывъ въ колѣнѣ и Альбертъ Ласки, бывшій соперникъ Стефана при выборѣ въ короли, посовѣтовалъ ему лечиться философскимъ камнемъ. Изъ Лондона выписали Ди и его помощника Келли, и они начали производить надъ королемъ магическіе эксперименты; больной Баторій лежалъ въ замкѣ Неполомице, близъ Кракова. За нимъ ходила его жена Анна Ягелонка, сестра Сигизмунда Августа, на которой Стефанъ женился не смотря на то, что ей было уже болѣе пятидесяти лѣтъ; король однако очень любилъ свою жену. Это былъ вѣкъ гороскоповъ, магиковъ и чудотворцевъ; краковскіе профессора занимались астрологіею и въ городѣ была должность правительственнаго астролога, занимаемая, между 1577 и 1587 годами, Петромъ Словацкимъ. Ди слѣдилъ за судьбой короля по своему магическому зеркалу, но въ то время, когда онъ лечилъ Баторія, въ Мортлекѣ народъ, ненавидѣвшій колдуна, разрушилъ его домъ и разграбилъ его богатое имущество и библіотеку, не смотря на то, что ему покровительствовала королева Елизавета. Поэтому англійскіе шарлатаны недолго оставались въ Краковѣ и поспѣшили уѣхать оттуда, оставивъ леченіе. Въ Прагѣ они представлялись императору Рудольфу, большому алхимику и астрологу. Ди не понравился императору, несогласившемуся на вторичное свиданіе съ чародѣемъ, хотя тотъ предлагалъ ему вызвать архангеловъ Михаила, Гавріила, Рафаила и Уріила. Баторій вѣрилъ однако же шарлатану и Ди предсказалъ королю, что онъ будетъ германскимъ императоромъ. Только въ концѣ своей жизни, въ декабрѣ 1586 года, король разгадалъ обманщиковъ, отправившихся по смерти Баторія въ Чехію, къ Розенбергу. Извѣстность ихъ была такъ велика, что ихъ приглашалъ къ своему двору царь Θеодоръ Ивановичъ, предлагая Ди двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ годового содержанія. Въ 1588 году Ди оставилъ Чехію. Келли еще прежде поссорился съ нимъ и уѣхалъ въ Прагу, гдѣ былъ посаженъ въ тюрьму и убился, упавъ изъ ея окна въ то время, когда сбирался спастись, спускаясь по веревкѣ, чтобы бѣжать изъ мѣста своего заточенія. Въ книгѣ Краушара много интересныхъ подробностей о польской жизни при Баторіи и о самомъ королѣ. Ди умеръ въ Мортлекѣ, въ 1608 году, въ бѣдности и всѣми забытый, но у него много было приверженцевъ и еще черезъ полвѣка послѣ его смерти, Казобонъ издалъ его біографію.

— Жена, бывшаго у насъ посланникомъ, а потомъ генералъ-губернаторомъ Индіи, лорда Дефферина издала описаніе «Нашей вице-королевской жизни въ Индіи (Our Viceregal Life in India: Selections from my Journal

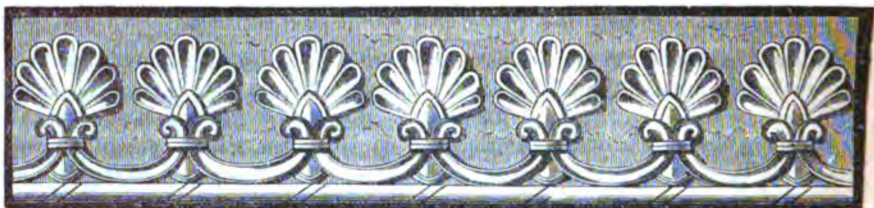
1884—1888. By the Marchioness of Dufferin and Ava). Полвѣка тому назадъ другая вице-королева Индіи Эмилія Эденъ описала жизнь намѣстника въ этой странѣ. Она играла въ шахматы съ Достъ-Магометомъ, когда тотъ искалъ убѣжища въ Калькутѣ и утѣшала стараго Ренджитъ-Синга въ упадкѣ его величія. Теперь леди Дефферинъ бесѣдовала съ внукомъ Достъ-Магомета, Абдурахманомъ, на дурбарѣ въ Равальпиндіи и восхищается его любезностью и характеромъ, хотя въ свитѣ афганскаго эмира былъ и другой красивый мущина, одѣтый въ красный бархатъ и на поясѣ у котораго висѣли острый топоръ и веревка. Это былъ придворный палачъ, съ которымъ эмиръ не раставался даже на британской територіи, но такъ какъ ему тамъ не пришлось употреблять въ дѣло свои способности, то на него была возложена обязанность наполнять вазы цвѣтами, которые такъ любитъ эмиръ. Въ Лагорѣ леди Дефферинъ видѣла мраморную гробницу Ренджитъ-Синга и пепелъ королевъ, которыя сожгли себя послѣ его смерти, между ними была и бѣдная Раннисъ, красотою которой такъ восхищалась миссъ Эденъ. Въ Шалимарѣ леди бесѣдовала съ кашмирскимъ магараджей, «кроткимъ старикомъ съ прекрасными манерами», тѣмъ самымъ, про котораго миссъ Эденъ писала, что онъ въ одинъ день приказалъ содрать кожу съ трехсотъ живыхъ людей. Эденъ видѣла еще независимыхъ магратовъ въ Гваліорѣ и сейковъ. Леди Дефферинъ жила уже въ индійской имперіи, простирающейся отъ Китая до Афганистана. Въ Мандалаѣ леди изумляется огромному количеству видѣннаго тамъ золота. На границахъ Сиккима она любовалась танцами ламъ. Она описываетъ не только балы, пріемы, дурбары, но и старается объ улучшеніи положенія индійскихъ женщинъ, употребляя всѣ усилія, чтобы вывести ихъ изъ положенія затворницъ. Это ей конечно не удалось, хотя она основала много учрежденій для бѣдныхъ и больныхъ индіянокъ. Книга леди читается вообще съ большимъ интересомъ.

— Капитанъ сѣверо американскаго флота Маганъ написалъ изслѣдованіе о вліяніи морской силы на исторію (The Influence of Sea-Power upon History, 1660—1783). Авторъ этой любопытной книги сильно сожалѣетъ о направленіи, принятомъ въ послѣднія двадцать лѣтъ его соотечественниками, стремящимися къ развитію ихъ огромной територіи и соединенныхъ съ нею внутреннихъ вопросовъ въ ущербъ ея морскихъ интересовъ. Цѣль его книги: доказать важность значенія морскихъ силъ во всемірной исторіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и о вліяніи національнаго величія на морѣ — на благосостояніе страны. Еще Наполеонъ говорилъ въ Ульмѣ, что дѣйствительныя потребности Франціи составляютъ корабли, колоніи и торговля, но кельтійскія расы вообще менѣе склонны къ морскому дѣлу, чѣмъ—скандинавскія. Морскія силы Англіи спасли маленькій островъ отъ нападенія огромныхъ силъ Франціи. Римъ, не имѣвшій флота во время первой Пунической войны, одержалъ верхъ во второй— съ своими кораблями. Во время Семилѣтней войны морскія силы Франціи были въ такомъ упадкѣ, что не смотря на героизмъ Дюплекса и Монткальма, Франція потеряла свои колоніи въ Америкѣ и всю свою власть на Востокѣ. Морская сила основана на торговлѣ, но главный элементъ ея—военный флотъ. Въ 1660 году, съ котораго Маганъ начинаетъ свое изслѣдованіе, въ Англіи были соперниками на морѣ Франція и Голландія. Но французскій флотъ какъ и въ наши дни—продуктъ искуственный—офицеры его хороши, но матросы плохи. Голландскій флотъ сильно уменьшился въ концѣ войны за испанское наслѣдство, тогда какъ силы Англіи увеличились. Маганъ ясно и отчетливо

излагаетъ исторію всѣхъ морскихъ сраженій въ эпоху, избранную имъ для своего изслѣдованія. Морская война за освобожденіе американскихъ колоній велась слабо со стороны Франціи и со стороны Англіи. Французская революція была гибельна для ея флота, но не смотря на неоспоримое преобладаніе Англіи на моряхъ въ настоящее время, ея морское положеніе не лишено опасности. Всѣ ресурсы своего благосостоянія она получаетъ извнѣ и ея безчисленный торговый флотъ представляетъ легкую добычу для непріятеля. Капитанъ Маганъ относится съ большими симпатіями къ Франціи и съ явнымъ пристрастіемъ къ своему отечеству, что не мѣшаетъ однако же книгѣ его быть занимательной не только для моряка, но и для всякаго мыслящаго читателя.

— Въ Туринѣ вышла біографія Джироламо Мароне (Gioda, Carlo: Girolamo Marone ed i suoi tempi, studio storica). Этотъ миланскій дѣятель (1470 — 1529) служилъ съ одинаковою вѣрностью и съ такою же легкостью измѣнялъ Людовику и Максимильяну Сфорцѣ, Лудовику XII, Франциску I и Карлу V. Подвиги Мароне занимаютъ важное мѣсто въ исторіи Милана отъ 1512 по 1527 годъ. Онъ стремился избавить Италію отъ испанскаго владычества, но при Павіи былъ взятъ въ плѣнъ и, напрасно пытаясь спастись бѣгствомъ, долженъ былъ внести за себя значительный выкупъ. Онъ написалъ также свою исповѣдь (Confessione), неимѣющую однако особаго значенія. Сохранилось также нѣсколько писемъ его къ Гвичардини, Вителли и документы, относящіеся къ Джовани Медичи, вѣрно характеризующіе этого кондотьера «черной шайки». Книга полна любопытными подробностями изображаемой ею эпохи.

— Вышло новое изслѣдованіе извѣстнаго знатока древней литературы Венделина Фёрстера «о Христіанѣ Детруа и его романѣ «рыцарь Льва». (Christian von Troyes saemtliche erhaltene Werke. Der Lëwenriter). Еще въ 1884 году Фёрстеръ говорилъ, что этотъ романъ представляетъ только варіантъ извѣстной легенды о матронѣ Эфесской.—Всѣ похожденія рыцаря Ивена, его любовь къ феѣ фонтана Броссаліандѣ, Артуръ и его дворъ, были только эпизодами, вставленными для читателей, любившихъ похожденія рыцарей круглаго стола. Теперь Фёрстеръ перемѣнилъ свое мнѣніе и находитъ, что рыцарь Льва лучшее произведеніе Христіана Детруа. Между тѣмъ этотъ романъ въ 7-мь тысячъ стиховъ воспроизводитъ только народныя бретанскія легенды, въ которыхъ рыцарь влюбляется въ фею и соединяется съ нею послѣ многихъ препятствій. Всѣ собственныя имена и мѣстности въ бретанскихъ поэмахъ принадлежатъ Валлису, Корнваллису и Кумберланду, а подвиги рыцарей повторяютъ похожденія ирландской эпопеи и шотландскихъ сказокъ. Французскаго Ланжелота всѣ женщины обажаютъ, такъ же какъ кельта Кукульмина. Въ бретанскихъ романахъ нѣтъ ничего напоминающаго произведенія южныхъ труверовъ XII вѣка или византійскія легенды. Въ кельтійскихъ романахъ очень мало христіанскаго и даже религіознаго элемента; герои ихъ не совершаютъ никакихъ историческихъ подвиговъ, точно такъ же какъ богатыри русскихъ былинъ Краснаго Солнышка не напоминаютъ никакихъ событій эпохи Владиміра. Гораздо ближе къ исторіи, хотя и въ фантастическихъ чертахъ, германскія легенды, гдѣ являются образы Аттилы, Теодорика, бургундскихъ, франкскихъ и готскихъ королей. Вообще книга Фёрстера вноситъ богатый вкладъ въ исторію народной литературы среднихъ вѣковъ.

СМѢСЬ

Присужденіе уваровскихъ премій. 25-го сентября въ Академіи Наукъ состоялось тридцать второе присужденіе наградъ графа Уварова за сочиненія на русскомъ языкѣ, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка и словесности. Къ 1 часу дня въ малой конференцъ-залѣ собрались академики. Ровно въ часъ прибылъ президентъ великій князь Константинъ Константиновичъ, послѣ чего немедленно было открыто засѣданіе. Непремѣнный секретарь Академіи А. А. Штраухъ прочелъ отчетъ о присужденіи премій. Въ настоящемъ году на соисканіе наградъ гр. Уварова было представлено пятнадцать сочиненій, въ числѣ которыхъ было два, оставшихся отъ предыдущаго конкурса. Для ихъ разсмотрѣнія и постановленія о нихъ приговора была назначена Академіей комиссія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря и академиковъ Я. К. Грота, К. С. Веселовскаго, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, Л. Н. Майкова и адъюнкта Н. Ѳ. Дубровина. Комиссія эта признала необходимымъ три сочиненія отложить до слѣдующаго уваровскаго конкурса и, затѣмъ, по обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ конкурсныхъ трудовъ, постановила увѣнчать преміями по 500 р. слѣдующія четыре сочиненія: I. «О житіи св. Алексѣя, человѣка Божія» и 2) «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ». С.-Петербургъ. 1888. Профессора Петра Влад. Владимірова. Въ виду спеціальнаго характера этихъ сочиненій академія обратилась съ просьбой о составленіи рецензіи на нихъ къ проф. Варшавскаго университета А. С. Будиловичу, который и далъ о нихъ подробный отзывъ. Текстъ житія изданъ авторомъ съ полною палеографическою точностью и снабженъ подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ отмѣчены ошибки и пропуски списка XV или начала XVI вѣка западно-русскаго житія св. Алексѣя, по сравненію съ легендою латинскою, ея чешскимъ переложеніемъ и редакціею польскаго житія по Gesta Romanorum. Хотя, по замѣчанію рецензента, характеристика эта не представляетъ исчерпывающей полноты, тѣмъ не менѣе пробѣлы въ словоуказателѣ легко могутъ быть восполнены читателемъ на основаніи изданнаго текста житія. Несравненно большею законченностью отличается

второй трудъ проф. Владимірова о Францискѣ Скоринѣ—извѣстномъ западно-русскомъ первопечатникѣ и переводчикѣ библіи. Вопросъ о происхожденіи, характерѣ и историческомъ значеніи трудовъ Скорины представляетъ много загадочнаго и исчерпывающее его изученіе давно являлось существенною задачею и живою потребностью въ нашей ученой литературѣ. Трудность изученія книжнаго наслѣдія Скорины велика потому, что произведенія его разбросаны по частямъ въ библіотекахъ не только русскихъ, но и заграничныхъ. Рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Владимірова заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ первый опытъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни и дѣятельности Скорины. Въ самомъ текстѣ сочиненія помѣщенъ обзоръ литературы предмета настолько обстоятельный, что съ этой стороны авторъ исчерпалъ свою тему. Значеніе этого труда заключается въ методическомъ и всестороннемъ пересмотрѣ всего, что можно было извлечь изъ литературныхъ произведеній Скорины о немъ и его подвигѣ, съ освѣщеніемъ его лица и дѣятельности съ высшихъ историко-сравнительныхъ точекъ зрѣнія. II. «Описаніе старой Малороссіи — матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія». Т. I. «Полкъ Стародубскій». Изслѣдованіе Ал. Лазаревскаго. Въ обширной рецензіи на это сочиненіе, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ, рецензентъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что доселѣ предметомъ вниманія изслѣдователей была лишь исторія южной Руси за болѣе древній періодъ и исторія правобережной Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ... Трудъ г. Лазаревскаго долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи лѣвобережной Малороссіи. Въ разобранномъ проф. Багалѣемъ первомъ, покуда вышедшемъ, томѣ этого сочиненія очерчивается въ частности Стародубскій полкъ въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ и сообщается множество любопытныхъ свѣдѣній о жизни малорусскаго общества—его землевладѣніи, соціальномъ положеніи, экономическихъ интересахъ и частномъ семейномъ бытѣ. Трудъ автора состоялъ не только въ разыскиваніи источниковъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, но и въ ихъ сводкѣ и систематизаціи. III. «Разрядные дьяки XVI вѣка». Изслѣдованіе приватъ-доцента Н. П. Лихачева. Неразработанность исторіи Приказовъ въ изученіи внутренняго быта Россіи въ эпоху, предшествовавшую реформамъ Петра Великаго, составляетъ важный пробѣлъ, пополненный нынѣ г. Лихачевымъ. Сочиненіе его было разобрано проф. Казанскаго университета Н. П. Загоскинымъ, который нашелъ, что тема, избранная авторомъ, должна быть признана неблагодарною, и самая книга — обреченною на забвеніе уже потому, что самый матеріалъ, который можетъ привести въ предѣлахъ данной темы къ интереснымъ научнымъ выводамъ—крайне скуденъ. Тѣмъ не менѣе къ положительнымъ сторонамъ книги г. Лихачева слѣдуетъ отнести рѣдкое по добросовѣстности отношеніе къ источникамъ и задачамъ своего труда, умѣлое примѣненіе аналитическаго метода, освѣщеннаго надлежащими критическими пріемами и, наконецъ, — громадное трудолюбіе и поражающее упорство труда. Хотя изслѣдованіе: «Разрядные дьяки XVI вѣка» и не представляетъ собою труда, который составилъ бы эпоху въ русской исторической наукѣ, оно тѣмъ не менѣе является вполнѣ почтеннымъ трудомъ. IV. «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ». П. Житецкаго. Основаніемъ для постановленія приговора объ этомъ сочиненіи послужилъ разборъ проф. Новороссійскаго университета Кочубинскаго. Новый филологическій трудъ г. Житецкаго посвященъ изслѣдованію нетронутаго вопроса о матеріальномъ составѣ литературнаго языка южно-русскихъ писателей XVII вѣка, особенно его второй половины. Не смотря на сухость избранной темы, г. Житецкій съумѣлъ оживить анализъ книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ тѣмъ, что изъ XVII столѣтія онъ постоянно обращается то къ болѣе древнему, то къ новому времени. Рецензентъ относится съ полнымъ уваженіемъ къ начитанности автора

въ области предмета, умѣнью правильно оживить свой однообразный матеріалъ справками съ этнографіей и литературной стариной, критическому такту и находитъ заслуживающимъ награды его сочиненіе, какъ трудъ скромнаго дѣятеля на полѣ отечественной науки. По присужденіи наградъ комиссія положила выразить глубочайшую признательность отъ имени Академіи постороннимъ ученымъ и назначила установленныя для рецензентовъ золотыя Уваровскія медали: приватъ-доценту С.-Петербургскаго университета Вольтеру, профессору Варшавскаго университета Будиловичу, исправляющему должность хранителя Московской оружейной палаты Павлинову, профессору Харьковскаго университета Багалѣю, профессору Одесскаго университета Кочубинскому, профессору Московскаго университета Павлову, профессору Казанскаго университета Загоскину, извѣстному библіографу Пономареву (въ Конотопѣ) и профессору Московской Духовной Академіи Субботину.

Могила Лермонтова. Въ числѣ забытыхъ и заброшенныхъ могилъ нашихъ литературныхъ дѣятелей оказывается могила Лермонтова. Въ виду наступленія 50-лѣтія со времени его смерти, въ 1891 году, своевременно вспомнить и объ его могилѣ. Прахъ Лермонтова покоится въ его родовомъ имѣніи, въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ имъ проведены дни дѣтства и юности. Часовня, гдѣ покоится Лермонтовъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ, бабкой и матерью, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ; черный намогильный памятникъ слишкомъ скроменъ для великаго поэта и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ и въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никто никогда не заходилъ и не заглядывалъ.—въ такомъ печальномъ видѣ, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», находится мѣсто, гдѣ покоится прахъ Лермонтова. Поэтому не мѣшаетъ теперь же позаботиться о сооруженіи поэту хотя скромнаго памятника и о поддержаніи внѣшняго вида часовни.

Памятникъ Пржевальскому. Почти два года тому назадъ скончался въ Караколѣ (Семирѣченской обл.) знаменитый путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій, наканунѣ выступленія въ V ученую экспедицію въ Центральную Азію. Богатые научные результаты перваго его путешествія доставили ему еще въ 1875 г. въ Россіи и за границею громкую извѣстность, которая непрерывно росла съ появленіемъ каждаго новаго его труда. Наука потеряла въ Пржевальскомъ естествоиспытателя и географа, посвятившаго всю жизнь изслѣдованію невѣдомыхъ странъ, а Россія ученаго, открывшаго ей внутреннюю Азію и прославившаго русское имя. Для увѣковѣченія памяти Никалая Михайловича, городъ Караколъ переименованъ въ Пржевальскъ и надъ могилою ученаго, въ 12 верстахъ отъ этого города, на берегу озера Иссыкуля, сооружается на счетъ правительства изящный памятникъ. Кромѣ того, русскому географическому обществу разрѣшено открыть по всей имперіи подписку на учрежденіе преміи и медали имени Н. М. Пржевальскаго. Въ 1886 г., когда вполнѣ выяснились научные результаты четырехъ путешествій Николая Михайловича, Академія Наукъ выбила именную золотую медаль съ его изображеніемъ и съ надписью на оборотной сторонѣ: «Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи». При торжественномъ ея поднесеніи Николаю Михайловичу секретарь академіи К. С. Веселовскій заявилъ, что академія этою медалью желаетъ: «какъ-бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великихъ заслугахъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, труднодоступныхъ пространствахъ земного шара». Этотъ отзывъ еще болѣе поднимаетъ значеніе награды, и товарищъ Николая Михайловича А. А. Бильдерлингъ не могъ не вспомнить о ней при проектированіи надгробнаго памят-

ника Пржевальскому. Художникъ помѣстилъ эту медаль по срединѣ величественной скалы, на которую опускается большой бронзовый орелъ—выраженіе силы, ума и безстрашія. Въ своихъ когтяхъ орелъ держитъ карту Азіи—поле открытій Николая Михайловича, а въ клювѣ оливковую вѣтку—эмблему мирныхъ его научныхъ завоеваній; снизу по скалѣ высѣчено 10 ступеней, ведущихъ къ изображенію Пржевальскаго. Надъ могилою скала будетъ сложена изъ мѣстнаго гранита; бронзовыя части, изваянныя академикомъ И. Н. Шредеромъ, отлиты въ Петербургѣ на заводѣ художественной бронзы [1]) К. Берто (бывшій Шопена), который при содѣйствіи декоратора театровъ художника Левота и фабриканта мраморныхъ и гранитныхъ издѣлій Ботта, принялъ на себя всѣ труды, а также и расходы по постановкѣ памятника въ Михайловскомъ манежѣ, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ будетъ стоять въ Иссыкулѣ. Появившаяся недавно пространная біографія Пржевальскаго, составленная его товарищемъ по Академіи Наукъ и военно-ученому комитету главнаго штаба Н. Ѳ. Дубровинымъ, знакомитъ Россію съ свѣтлою личностью и многостороннею ученою дѣятельностью Николая Михайловича. Иссыкульскій монументъ, воздвигаемый близь города его имени, упрочитъ на дальней азіатской окраинѣ память о великомъ русскомъ путешественникѣ. Для сохраненія же Петербургу образа Пржевальскаго, географическимъ обществомъ возбужденъ вопросъ о постановкѣ его бюста передъ помѣщеніемъ общества въ скверѣ, у Чернышева моста. На выставкѣ садоводства была выставлена модель этого памятника, сдѣланная, въ $^1/_7$ натуральной величины, И. Н. Шредеромъ, по рисунку А. А. Бильдерлинга. Бюстъ Николая Михайловича поставленъ на гранитную скалу, у подножія которой лежитъ двухстволка и навьюченный коллекціями бронзовый верблюдъ, вѣрный спутникъ нашего ученаго. Зоологическія и ботаническія его коллекціи имѣютъ громадное научное значеніе; обработкою ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ занимаются лучшіе русскіе ученые. На пьедесталѣ спереди сдѣлана надпись: «Пржевальскому. Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи», а съ боковъ высѣчены заглавія главнѣйшихъ его трудовъ. Бюстъ Пржевальскаго со скалою и верблюдомъ обойдется примѣрно въ 20,000 р., которые полагается покрыть изъ денегъ, собираемыхъ по подпискѣ. Къ 4-му сентября состояло на лицо 16,505 р. 68 коп. и есть полная надежда на скорое осущественіе мысли географическаго общества.

Слѣды Бѣлогородской крѣпости. Въ исторіи древнихъ русскихъ поселенныхъ мѣстъ существуютъ города, села, мѣстечки и деревни, хотя давно утратившіе свое политическое или торговое значеніе, но сохраняющіе за собою если не историческую извѣстность, то довольно почтенное воспоминаніе. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ Кіевской губерніи, того же уѣзда, мѣстечко Бѣлогородка. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ (въ 990 г.) въ этомъ мѣстѣ, на берегу рѣки Ирпеня, для защиты отъ нечаяннаго нападенія непріятеля, была построена кн. Владиміромъ первая каменная ограда (крѣпость) въ Россіи. На сколько это мѣсто въ настоящее время, когда исполнилось этому сооруженію девять вѣковъ, сохранило воспоминаніе о князѣ Владимірѣ, свидѣтельствуютъ устные разсказы мѣстныхъ жителей и народныя преданія о кіевскомъ князѣ «Красномъ Солнышкѣ», о древнемъ Бѣлгородѣ, любимомъ мѣстѣ его пребыванія, о теремахъ, гдѣ жили его жены, до принятія княземъ крещенія, о древнихъ бѣлогородскихъ валахъ, съ которыхъ князь любовался на свои дружины, отправлявшіяся на усмиреніе радими-

---

[1]) Крестъ и медальонъ вѣсятъ 45 пудовъ, орелъ, имѣющій 2 сажени въ размахѣ крыльевъ—70 пудовъ; въ виду предстоящей дальной перевозки орла, онъ составной: туловище отлито изъ одного куска, голова же и крылья приставлены и скрѣплены снутри.

чей или на завоеванiе Галицiи. Въ м. Бѣлогородкѣ, въ настоящее время, каменной ограды не существуетъ, хотя на пространствѣ приблизительно одной десятины попадаются обломки старинныхъ кирпичей и глазурованныхъ кафлей; встрѣчаются легко превращающiеся въ порошекъ остатки деревянной стѣны (заборола) или частокола и монеты, русскiя и польскiя XVII и XVIII стол. Жители, между прочимъ, указываютъ на старинный земляной валъ, идущiй перпендикулярно къ долинѣ рѣки Ирпеня, который ограждалъ княжескiе терема и служилъ цитаделью (дѣтинцемъ) для города. Съ южной стороны города идетъ другой земляной валъ, отъ конца котораго, въ восточномъ направленiи, идетъ наружный валъ, который огибаетъ полукругомъ м. Бѣлогородку и примыкаетъ къ долинѣ р. Ирпеня; отсюда въ 400 саж., на краю обрыва, находится мѣсто, именуемое «башнею», гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоромъ университета св. Владимiра, г. Антоновичемъ, производились археологическiя изслѣдованiя. Вотъ все, что осталось древняго въ м. Бѣлогородкѣ ко времени девятисотлѣтней годовищины построенной здѣсь каменной ограды (крѣпости).

Археологическое общество. Въ первомъ засѣданiи Археологическаго Общества, были подвергнуты научному разбору вышедшiя за лѣто сочиненiя по археологiи и, между прочимъ, «Краткiя этнографическiя замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района» и «Шестнадцатый выпускъ актовъ Воронежской и сосѣдней съ нею губернiи (XVII ст.)». Въ первомъ сочиненiи проводится мысль, что съ уступкою Кульджи мы потеряли стратегическiй пунктъ, вмѣстѣ съ тѣмъ важный и въ торговомъ, и въ экономическомъ отношенiяхъ. Второе сочиненiе заключаетъ въ себѣ неизвѣстные и необнародованные доселѣ историческiе документы, касающiеся права владѣнiя собственностью. Засѣданiе закончилось сообщенiемъ о томъ, что запрещенное нѣкогда сочиненiе профессора Кiевскаго университета Иваншева—«Семейное право славянъ и скандинавовъ до принятiя христiанства»—нынѣ разрѣшено и будетъ въ воздаянiе заслугъ автора издано Кiевскимъ университетомъ. Въ общемъ собранiи Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ управляющаго восточнымъ отдѣленiемъ, избранъ въ дѣйствительные члены Общества архимандритъ Никифоръ Дучичъ, личность выдающаяся въ славянскомъ мiрѣ, какъ патрiотъ, ученый и пастырь церкви. Архимандритъ Дучичъ родился въ Герцеговинѣ, въ мѣстечкѣ Дужи въ тридцатыхъ годахъ, получилъ богословское образованiе въ Далмацiи и въ ранней молодости поступилъ въ Дужскiй монастырь. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ уже архимандритомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ вступилъ на службу Черногорiи, участвовалъ здѣсь въ военныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался организацiей народныхъ школъ и состоялъ ихъ инспекторомъ. Около 1865 г. Дучичъ переселился въ Сербiю и, причисленный къ военному министерству, весь свой досугъ употреблялъ на ученые труды, которые продолжаетъ и донынѣ. Онъ извѣстенъ своими работами по каноническому праву; послѣдняя изъ нихъ, изданная въ прошломъ году, направленная непосредственно противъ предпринятой напредняками реорганизацiи сербской церковной iерархiи, такъ повлiяла на скупщину, что проектъ остался отложеннымъ до будущей сессiи. Для археологовъ имѣютъ особенную цѣнность составленныя Дучичемъ описанiя славянскихъ рукописей въ Хилондарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ и въ парижской нацiональной библiотекѣ. Съ самаго начала восточной войны 1877 г. Дучичъ сражался въ рядахъ сербской армiи, командуя отрядомъ волонтеровъ и былъ раненъ. Послѣ войны Дучичъ десять лѣтъ исполнялъ обязанности директора Бѣлградской публичной библiотеки, отъ которой былъ отставленъ напредняками за выраженiе сочувствiя беззаконно изгнанному митрополиту Михаилу. Въ настоящее время Дучичъ возвращенъ и управляетъ жичской епархiей, состоя въ то же время предсѣдателемъ сербскаго ученаго дружества.

Сорокалѣтній юбилей ученой дѣятельности профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравова былъ отпразднованъ 3 октября. Въ этотъ день отдѣленіе русскаго языка и словесности императорской Академіи Наукъ прислало юбиляру слѣдующее поздравленіе.

«Многоуважаемый Николай Саввичъ! Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, всегда высоко цѣнившее ваши многочисленные и замѣчательные труды, сердечно привѣтствуетъ васъ съ исполнившимся сорокалѣтіемъ вашей литературно-ученой дѣятельности. Значеніе превосходныхъ изслѣдованій вашихъ признано всѣми: вы обогатили избранную вами область знаній множествомъ дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ; наука ждетъ отъ васъ еще обильныхъ вкладовъ и мы всѣ, ближайшіе, хотя и отсутственные, товарищи ваши, горячо желаемъ, чтобы настоящій день былъ предшественникомъ вашего полувѣкового юбилея, чтобы крѣпость силъ и цвѣтущее здоровье не оставляли васъ многіе годы и дали возможность вамъ окончить начатое и совершить задуманное. Да сопровождаютъ наши искреннія пожеланія ваше вступленіе въ новое десятилѣтіе неустаннаго служенія наукѣ!»

На поздравленіи Академіи подписались: Я. Гротъ, А. Бычковъ, М. Сухомлиновъ, А. Веселовскій, К. Бестужевъ-Рюминъ и А. Майковъ.

Депутаты Московскаго университета, ректоръ Г. А. Ивановъ и проф. М. Соколовъ, поднесли юбиляру адресъ, съ привѣтствіемъ его отъ университета, какъ ученаго, многочисленные труды котораго по всѣмъ отраслямъ русской словесности отличаются богатствомъ содержанія, научнымъ методомъ и новыми взглядами на изучаемые матеріалы.

Депутаты Историческаго музея, И. Е. Забѣлинъ и г. Сизовъ, привѣтствовали въ юбилярѣ ученаго, который первый сдѣлалъ важнѣйшія открытія въ области старо-русской «отреченной» письменности.

Привѣтствовали юбиляра его бывшіе ученики, въ числѣ которыхъ находятся проф. В. И. Герье, Н. И. Стороженко, В. О. Ключевскій, В. Ѳ. Миллеръ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ, и Вл. Соловьевъ. На адресѣ бывшихъ учениковъ значится до 80-ти подписей. Кромѣ адреса, они поднесли еще Николаю Саввичу дорогой подарокъ: изданіе «Палеи Толковой» по коломенскому списку 1406 года, хранящемуся въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

Общество любителей россійской словесности привѣтствовало своего предсѣдателя адресомъ, поднесеннымъ депутаціей, во главѣ которой находился временный предсѣдатель Общества Н. И. Стороженко.

Депутація этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія поднесла Николаю Саввичу адресъ и выпускъ «Этнографическаго Обозрѣнія».

Кромѣ того, Н. С. были принесены поздравленія разными редакціями и учеными и получено много телеграммъ изъ разныхъ городовъ отъ профессоровъ и бывшихъ учениковъ.

Двадцатипятилѣтіе юридической дѣятельности А. Ѳ. Кони. Въ скромномъ кругу чествовалась четверть-вѣковая годовщина одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ юристовъ, ни разу не измѣнявшихъ въ теченіе этого времени принципамъ гуманности, справедливости и непоколебимости убѣжденій. Начавъ съ кандидата на судебныя должности при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, при самомъ введеніи въ нашей столицѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, Анатолій Ѳедоровичъ Кони послѣ 20-ти лѣтъ службы былъ назначенъ на должность, которую занимаетъ и нынѣ—оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Выдающіяся способности, обширныя, глубокія и разностороннія познанія, непрерывно умножавшіяся при его рѣдкомъ трудолюбіи и неослабѣвающей энергіи—вотъ тѣ силы, которыя постоянно ставили Анатолія Ѳедоровича въ разрядъ выдающихся дѣятелей по судебному вѣдомству, поперемѣнно, то въ роли обвинителя, въ бытность его товари-

щемъ прокурора и прокуроромъ въ Харьковѣ, Петербургѣ, Самарѣ и Казани, то въ роли руководителя процесса, сдержаннаго, полнаго такта и безпристрастія, на должностяхъ предсѣдателя петербургскаго окружного суда и предсѣдателя департамента петербургской судебной палаты, то въ качествѣ вице-директора департамента министерства юстиціи и, наконецъ, въ должности оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, гдѣ онъ является истолкователемъ сложныхъ, гибкихъ и деликатныхъ юридическихъ вопросовъ. На всѣхъ этихъ поприщахъ выдающіяся природныя дарованія ума и сердца, развитыя широкимъ образованіемъ и жизненнымъ трудовымъ опытомъ, при помощи письменнаго и устнаго слова, убѣдительнаго по спокойствію, простотѣ и безъискусственности изложенія—снискали А. Ѳ. Кони общее уваженіе и не со стороны только юристовъ, но и во всемъ русскомъ обществѣ. Нагляднымъ доказательствомъ этого сочувствія и довѣрія общества явились неоднократныя избранія А. Ѳ. Кони почетнымъ мировымъ судьей Петербурга, Петербургскаго и Петергофскаго уѣздовъ. Не ограничиваясь практической юридической дѣятельностью, истекавшей изъ прямыхъ обязанностей, А. Ѳ. не покидалъ и области теоретическихъ и философскихъ изслѣдованій, преимущественно въ области права, и лучшимъ доказательствомъ значенія трудовъ его въ этомъ направленіи можетъ служить то, что Харьковскій университетъ поднесъ ему почетный дипломъ доктора правъ honoris causa. Люди, близко знающіе А. Ѳ. Кони, могутъ удостовѣрить, что этотъ тонкій истолкователь самыхъ запутанныхъ и неясныхъ юридическихъ вопросовъ оказался бы блестящимъ лекторомъ въ области исторіи литературы и литературной критики. Но и ограничиваясь дѣятельностью А. Ѳ. какъ оберъ-прокурора кассаціоннаго департамента, нельзя не указать на то, что заключенія его по тѣмъ или другимъ дѣламъ такъ полно затрогивали и развивали разные юридическіе вопросы, что служили основою сенату при постановленіи рѣшеній, не смотря на то, что иногда заключенія эти опрокидывали установившіеся взгляды. Если въ комъ можно искать воплощенія лучшихъ традицій блестящихъ годовъ горячаго искренняго увлеченія дѣломъ судебной реформы — такъ это въ почтенной и скромной личности высокоталантливаго, трудолюбиваго (сочетаніе довольно рѣдкое у насъ)—Анатолія Ѳедоровича, практическую юридически-служебную дѣятельность котораго можно смѣло поставить въ примѣръ нынѣшнему поколѣнію юристовъ. Въ исторіи литературы памятникомъ этой почтенной дѣятельности отстаются «Судебныя рѣчи А. Ѳ. Кони отъ 1868 по 1888 годъ», второе изданіе которыхъ вышло въ нынѣшнемъ году. «Историч. Вѣстникъ» отдалъ въ свое время отчетъ о первомъ изданіи этихъ рѣчей. Во второмъ изданіи, въ 780 страницъ, помѣщены 15 обвинительныхъ рѣчей, 3 руководящихъ напутствія присяжнымъ по болѣе сложнымъ дѣламъ и 8 заключеній оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Въ концѣ помѣщены алфавитный указатель толкованій, встрѣчающихся въ судебныхъ рѣчахъ и указатель статей закона, на которыя сдѣланы ссылки. Въ приложеніи—двѣ чисто литературныя статьи, хотя и юридическаго характера «Достоевскій, какъ криминалистъ» и «Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ». Книга посвящена памяти профессора Никиты Ивановича Крылова, видѣвшаго въ уставахъ 1864 года «стройную организацію для отъискиванія правды жизненной взамѣнъ правды приказной». Этой же жизненной правдѣ былъ всегда вѣренъ и достойный ученикъ покойнаго профессора.

† 18-го сентября въ Вѣнѣ знаменитый анатомъ, докторъ медицины и хирургіи **Вячеславъ Леопольдовичъ Груберъ**, бывшій профессоръ и директоръ института практической анатоміи Медико-Хирургической Академіи. Заслуги маститаго анатома и тѣ вклады въ науку, которые онъ сдѣлалъ въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности, извѣстны. Онъ воспиталъ не одно поколѣніе докторовъ-хирурговъ, которые теперь съ честью подвизаются на поприщѣ, указанномъ имъ профессоромъ, который былъ признанъ однимъ изъ

первыхъ анатомовъ нашего времени, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ и самымъ опытнымъ изъ всѣхъ. Покойный В. Л. Груберъ скончался на 76 году своей жизни въ Вѣнѣ. Родился онъ въ 1814 г. въ Чехіи и первоначальное образованіе получилъ въ духовно-учебномъ заведеніи Тепль, близъ Маріенбада, затѣмъ поступилъ въ гимназію въ Прагѣ и тамъ окончилъ курсъ въ университетѣ по медицинскому факультету. Въ Прагѣ онъ получилъ степени доктора хирургіи и затѣмъ доктора медицины, здѣсь издалъ свое первое руководство для студентовъ по анатоміи и въ Пражскомъ же университетѣ началъ свою ученую дѣятельность, занявъ мѣсто прозектора, работая подъ руководствомъ знаменитаго анатома Гиртля, бывшаго его учителемъ. На него, тогда еще молодого, начинавшаго ученаго обратилъ вниманіе нашъ Н. И. Пироговъ, который сталъ усиленно хлопотать о томъ, чтобы пригласить его въ Петербургъ. Благодаря его ходатайству, В. Л. Груберъ дѣйствительно въ 1846 году получилъ приглашеніе занять мѣсто прозектора при тогдашнемъ анатомическомъ институтѣ въ Петербургѣ. В. Л. принялъ приглашеніе и вступилъ въ должность. Въ Петербургѣ ему пришлось работать подъ руководствомъ Пирогова, къ которому онъ при взаимномъ уваженіи, питалъ всю жизнь искреннюю дружбу. Развитіе науки заставило отдѣлить патологическую анатомію отъ анатоміи здороваго человѣка. Каѳедру первой занялъ Н. И. Пироговъ, а каѳедра послѣдней была предложена Груберу только лишь по выходѣ Пирогова изъ Академіи. В. Л. ждалъ ея цѣлыхъ десять лѣтъ. Его плодотворная ученая дѣятельность началась съ того времени, когда онъ сталъ профессоромъ. Вступивъ на каѳедру, онъ прежде всего основалъ институтъ практической анатоміи и при немъ большой и богатый анатомическій музей. Затѣмъ онъ ввелъ всѣ возможныя улучшенія, которыя поставили это заведеніе на должную высоту и стяжали ему славу не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Въ новомъ анатомо-физіологическомъ институтѣ В. Л. Груберъ отвелъ цѣлый флигель для практической анатоміи и студенты обязаны исключительно его стараніямъ возможностью присоединить серьезныя практическія занятія къ изученію анатоміи. Съ 1842 г. онъ издалъ сочиненій и большихъ и маленькихъ статей, большею частью оригинальныхъ, нѣсколько сотъ, которыя были оцѣнены ученымъ міромъ по достоинству, какъ по отношенію точности, такъ по богатству научныхъ выводовъ и фактовъ въ области анатоміи. Какъ человѣкъ, В. Л. памятенъ своимъ бывшимъ слушателямъ. Онъ былъ строгъ прежде всего къ самому себѣ, а затѣмъ уже и къ другимъ. Къ ученикамъ онъ питалъ самыя дружескія чувства и всѣ его любили. Онъ былъ взыскателенъ, но всегда справедливъ, всегда доступенъ и велъ себя съ величайшимъ тактомъ. Молодежь платила ему самымъ глубокимъ уваженіемъ и привязанностью, которыя такъ рельефно высказались по поводу его юбилея. Нѣкоторые иностранные университеты пытались вызвать его изъ Петербурга на свои каѳедры, но предложенія эти кончались обыкновенно ничѣмъ. Знаменитый хирургъ-анатомъ, начавшій въ стѣнахъ Медико-Хирургической Академіи свою научную и профессорскую дѣятельность, въ ней же и закончилъ ее и уѣхалъ за границу только тогда, когда вышелъ совершенно въ отставку. Онъ провелъ свои послѣдніе годы на покоѣ, не переставая слѣдить за наукой, которой посвятилъ всю свою жизнь и умеръ, оставивъ по себѣ цѣлую плеяду учениковъ, съ благодарностью почитающихъ его память.

† Въ своемъ имѣніи извѣстный въ литературномъ мірѣ любитель музыки, Константинъ Ивановичъ Званцовъ, сотрудничавшій вмѣстѣ съ Сѣровымъ въ «Театральномъ и музыкальномъ Вѣстникѣ», издававшемся во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ Раппопортомъ. К. И. умеръ въ с. Селищахъ сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи, 62 лѣтъ. Образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, который онъ окончилъ по филологическому факультету. Два года покойный состоялъ на государственной службѣ, въ сенатѣ, и болѣе къ ней не возвращался. Крайній поклонникъ Вагнера,

онъ перевелъ для русской сцены либретто оперъ «Тангейзера» и «Лоэнгрина». Покойный былъ разносторонне образованный человѣкъ и страстно любилъ театръ. Между прочимъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своими статьями объ Ольдриждѣ. Онъ первый собралъ и издалъ «Библіографію Донъ-Жуана», начиная съ 1588 года до 1859 г., называя около ста авторовъ, работавшихъ надъ этимъ всемірно-литературнымъ типомъ; этотъ трудъ выполненъ имъ въ 1859 г. Въ недавнее время К. И. снова появился съ «Воспоминаніями о Сѣровѣ», помѣщенными въ «Русской Старинѣ» за 1888 г. и изданными отдѣльной брошюрой. Кромѣ того, имъ написано было нѣсколько статей по поводу постановки вагнеровскаго «Кольца Нибелунговъ». Въ послѣднее время онъ работалъ надъ двумя либретто для «Руслана» и «Атамана Усти» (изъ романа того-же заглавія гр. Саліаса). Не будучи поставленъ въ необходимость писать для существованія, Званцовъ работалъ, когда былъ позывъ къ этому; жаль, что при его познаніяхъ онъ такъ мало сдѣлалъ. Всѣ знавшіе покойнаго отзываются о немъ, какъ о крайне сердечномъ человѣкѣ, всегда готовомъ придти на помощь ближнему.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Окончаніе исторіи о русскихъ путешественницахъ въ Италію въ телѣгѣ.

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за нынѣшній годъ напечатана замѣтка В. В. Стасова о русскихъ путешественницахъ изъ Сибири въ Неаполь и Бари въ простой телѣгѣ для поклоненія св. Николаю Чудотворцу. Описавъ пріѣздъ ихъ въ Неаполь, г. Стасовъ прибавляетъ, что дальнѣйшая судьба путешественницъ ему неизвѣстна.

Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ своего дяди, генералъ-адъютанта Богдана Александровича фонъ-Глазенапа, подробности возвращенія этихъ путешественницъ въ С.-Петербуръ; со словъ его я возстановляю слѣдующій краткій разсказъ.

Б. А. Глазенапъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантъ въ Зимнемъ Дворцѣ, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Однажды, вечеромъ, когда Царская Семья только-что сѣла за обѣденный столъ, докладываютъ, что у воротъ стоитъ телѣга съ двумя русскими бабами, пріѣхавшими изъ Италіи, отъ Николы Барійскаго; онѣ привезли съ собою иконы и непремѣнно хотятъ, чтобы ихъ допустили до Царской Семьи. Б. А., по своей должности, вышелъ къ странницамъ, и ему представилось слѣдующее: простая, старая телѣга, неважная лошадка и двѣ женщины. На разспросы, откуда онѣ ѣдутъ, онѣ отвѣтили, что возвращаются изъ Италіи, отъ св. Николая Чудотворца, что вѣ Барахъ, куда ѣздили на поклоненіе. Всюду, по дорогѣ, имъ помогали русскіе, дававшіе средства для дальнѣйшаго путешествія и рекомендательныя письма въ лежащіе по пути города. Такимъ образомъ онѣ передвигались отъ одного города до другого и доѣхали до Италіи. Въ Италіи живѣйшее въ нихъ участіе приняли русскіе художники. Изъ Бари онѣ возвращались такимъ же точно образомъ. Желаніе свое поднести иконы было выражено такъ настойчиво, что Б. А. Глазенапъ рѣшился доложить государю. Вся Царская Семья заинтересовалась рѣдкими путешественницами и, выйдя къ нимъ, разспрашивала про далекій путь, какъ онѣ рѣшились отправиться, не зная иностранныхъ языковъ, и какъ онѣ не заблудились.

Путешественницы просто, безъ прикрасъ, изложили о своемъ странствованіи и разсказали, какъ имъ всюду помогали благодѣтели. Принявъ иконы, Царская Семья обласкала странницъ своими милостями и пожелала имъ дальнѣйшаго счастливаго пути. Присутствовавшіе также оказали имъ посильную помощь.

Профессоръ **С. фонъ-Глазенапъ.**

ихъ братьевъ вождей въ Нтамо (Ntamo), въ пользу основанія тамъ станціи. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился съ пятью вождями и послѣ долгаго совѣщанія съ ними заявилъ, что они все еще ни на что не рѣшились.

Для того, чтобы дать имъ время обдумать свое предложеніе, Стэнли возвратился въ Мпакамбенди за провіантомъ, оставивъ въ Нтамо Сузи (бывшаго у Ливингстона) и десять занзибарцевъ. Черезъ 10 дней отрядъ прибылъ въ Мпакамбенди и тутъ пришлось улаживать затрудненія. Дѣло въ томъ, что Линднеру было поручено пріобрѣсти землю на южномъ берегу, противуположномъ Маніангѣ, а теперь предполагалось основать станцію у Stanley Pool на лѣвомъ берегу, въ виду того, что де-Брацца пріобрѣлъ землю на сѣверномъ берегу. Немедленно было приступлено къ работамъ по прокладкѣ дороги. Люди двигались медленно, приходилось пересѣкать ручьи, поросшіе лѣсомъ обрывы, тащить тяжелые вагоны съ пароходами и провіантомъ. Въ Кинсенди (Kinsendi) прибылъ Сузи со своимъ отрядомъ изъ Нтамо и привезъ извѣстіе, что Нгаліема, напуганный угрозами торговцевъ слоновой костью, отказывающихся вести съ нимъ торговлю, обѣщалъ имъ прекратить всякое сношеніе съ бѣлымъ человѣкомъ. Сузи узналъ, кромѣ того, что Нгаліема плаваетъ подъ фальшивыми флагами и совсѣмъ не вождь, а просто торговецъ костью. Піонеры отправились впередъ прокладывать дорогу, за ними вскорѣ послѣдовалъ и остальной персоналъ экспедиціи.

Экспедиція въ полномъ составѣ прибыла въ Узанзи (Usansi) 7-го ноября, гдѣ Макоко, владѣтель округа между Кинтомпе (Kintompe) и Stanley Pool, посѣтилъ немедленно «Bula Matori». Въ исхудаломъ, старомъ Макоко, всего болѣе поражала его борода, въ 6 фут. длины, на 1 фут. длиннѣе его самого, когда она была не подвернута. Въ результатѣ переговоровъ Макоко обѣщалъ уступить землю подъ колоніи въ Кинтамо (Kintamo). Все лицо его было вымазано сажею въ знакъ печали. Но за то онъ вернулся совершенно счастливымъ, получивъ много кусковъ холста и бусъ для четырехъ дамъ г-жъ Макоко. Въ тотъ же вечеръ отъ почтеннаго старца-вождя прибылъ посланный съ извѣстіемъ, что Нгаліема выступаетъ съ большою силою противъ Стэнли, чтобы помѣшать ему въ осуществленіи его предпріятія. Стэнли распорядился укрыть весь персоналъ экспедиціи въ вагоны и въ кусты, окружающіе лагерь, и всѣмъ приказалъ оставаться тамъ, покуда не услышатъ звуковъ гонга. Какъ только раздастся звукъ этого инструмента, они должны бѣжать, махая ружьями, и неистово кричать.

Стэнли завидѣлъ приближеніе своего кровнаго брата во главѣ 200 батекейцевъ съ ружьями, подъ звуки роговъ, барабановъ и другихъ «національныхъ» инструментовъ. Нгаліема вступилъ въ лагерь и, движимый непреодолимой алчностью получить цвѣтного сукна и ковровъ, послѣдовалъ за Стэнли въ его палатку. Повто-

ривъ нѣсколько разъ свое рѣшеніе не допускать экспедицію въ Кинтамо (Kintamo), Нгаліемо вдругъ обратилъ вниманіе на большія гонги, висѣвшія на дверяхъ палатки. Ему объяснили, что это идолы, но онъ не повѣрилъ и пожелалъ услыхать ихъ звукъ. Его опять предостерегли, что это идолъ, призывающій вооруженныхъ людей. Продолжая не вѣрить, онъ толкнулъ ногой. «Ударьте, «Bula Matori», ударьте въ тарелки!» Цѣлый рядъ ударовъ сдѣланъ былъ по этимъ «тарелкамъ» и прежде чѣмъ толпа очнулась отъ громовыхъ ударовъ, крики и вопли послышались со всѣхъ сторонъ, и выскочила бѣшеная, съумасшедшая толпа вооруженныхъ людей изъ-за кустарниковъ и овраговъ. Батекейцы, въ паническомъ ужасѣ, обратились въ бѣгство, бросая по дорогѣ ружья, амуницію. Нгаліема съ двумя своими сыновьями спрятался за Стэнли, умоляя «Bula Matori», его спасти. Его успокоили и, затѣмъ, было возобновлено братство за пальмовымъ виномъ.

Нгаліема возвратился въ Нтамо умнѣе и печальнѣе прежняго. Отрядъ, ободренный удачей этой шутки, двинулся впередъ. До Кинтамо дошли въ 21 день и мѣстомъ для новой станціи былъ избранъ откосъ «Leopold Hill» въ 600-хъ ярдахъ отъ деревни и 68-ми футахъ надъ Конго. На востокъ было 5,000 миль судоходнаго сообщенія черезъ «Stanley Falls» и новая станція названная «Леопольдвилль (Leopoldvill) долженствовала быть пристанью, отъ которой пароходы могли бы отправляться въ путешествіе по Верхнему Конго. Работы часто прерывались изъ-за ссоръ съ Нгаліема и его единомышленниками, и одно время отношенія съ нимъ до того обострились, что у всѣхъ ружья были постоянно наготовѣ. Однако, дѣло обошлось благополучно и всѣ переговоры со всѣми вождями округа увѣнчались успѣхомъ.

Денежными знаками этой территоріи служатъ мѣдные прутья, за три такихъ прута можно купить 10 фунтовъ маніоковаго хлѣба. 22 ярда простого сукна стоютъ 15 мѣдныхъ прутьевъ; за то за одинъ ножъ платилось отъ одного до трехъ прутьевъ, смотря по числу заклепокъ въ рукояткѣ. Земля территоріи отличалась плодородіемъ, но была не обработана, поросла травою, кустарниками, деревьями. На другой сторонѣ рѣки тянулись зеленѣющія долины въ перемежку съ густыми лѣсами, а тамъ дальше вправо отъ Stanley Pool — горы и хребты, покрытые лѣсами. По словамъ Стэнли, территорія вокругъ селеній Кинтамо и Киншасса (Kinshassa) простирается до 50,000 квадратныхъ акровъ самой плодородной наносной земли, какую едва ли можно встрѣтить въ какой-либо другой части свѣта. Тѣмъ не менѣе мѣстные жители вѣчно голодаютъ вслѣдствіе лѣни мужчинъ, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они сидятъ, не двигаясь, покуда ихъ трудолюбивыя жены натираютъ ихъ пальмовымъ масломъ и охрою.

19-го апрѣля, первая экспедиція по изслѣдованію Верхняго Конго покинула Леопольдвилль. Она состояла изъ «En Avant», шлюпки и двухъ лодокъ съ персоналомъ изъ 49 темнокожихъ и четырехъ бѣлыхъ, включая Стэнли. Переплывая черезъ Pool, который тянется на протяженіи 250 квадр. миль, они прошли мимо южныхъ береговъ острова Баму (Bamu) съ его стадами буйволовъ, слоновъ, гиппопотамовъ.

По прибытіи въ Мсвату (Mswata) былъ сдѣланъ привалъ и начальники округовъ Гобила (Gobila), Гаунши (Gaunchi) и Ганделай (Gandelay) предстали во всей красѣ подъ аккомпаниментъ барабановъ, колокольчиковъ и рожковъ. Изъ этого достойнаго тріо, Ганделай считался старшимъ, при немъ состояло нѣсколько лицъ женскаго пола, которыя отгоняли мухъ съ его августѣйшей особы. Продажа участка земли состоялась успѣшно и лейтенанту Янсену было поручено основать пятую станцію.

«En Avant» отправилась для изслѣдованій по Квѣ (Kwa) и открыла озеро Леопольда.

На возвратномъ пути Стэнли заболѣлъ лихорадкою и, по прибытіи въ Леопольдвилль, распорядился, чтобы занзибарцы, которыхъ трехлѣтній срокъ службы кончался, проводили его въ Виви. Здѣсь онъ встрѣтился съ докторомъ Пешелемъ Лёше, который долженъ былъ замѣнить Стэнли въ томъ случаѣ, еслибы болѣзнь помѣшала ему вести экспедицію дальше. Снабдивъ доктора всѣми нужными свѣдѣніями и указаніями, онъ самъ отправился на морской берегъ, остановился на время въ Лоандѣ (Loanda), гдѣ постепенно сталъ поправляться и, затѣмъ, въ октябрѣ 1882 года, вернулся въ Европу.

Предписаніе комитета отъ 1878 года гласило: основать три колоніи, пустить по Верхнему Конго пароходъ, сдѣлать доступнымъ сообщеніе съ моремъ. Стэнли могъ заявить теперь, что съ помощью нѣсколькихъ европейцевъ и 68 занзибарцевъ онъ основалъ пять станцій вмѣсто трехъ, пароходъ и парусное судно спущены по Верхнему Конго, дорога для транспортовъ между Виви и Исанджилой проложена и еще другая отъ Маніанги до Stanley Pool, кромѣ того, сообщеніе открыто до сліянія Квы съ Конго въ 440 миляхъ отъ моря.

Пребываніе Стэнли въ Европѣ продолжалось всего нѣсколько недѣль, и 30 декабря 1882 года онъ снова вернулся въ Виви, гдѣ нашелъ разные безпорядки. Почтенный нѣмецъ, Линднеръ, котораго онъ оставилъ вмѣсто себя, за мѣсяцъ передъ тѣмъ отбылъ на родину. Начальникъ Виви былъ потерянъ, украденъ или смѣщенъ, но его не оказалось на мѣстѣ, Леопольдвилль предоставленъ самому себѣ.

Порядокъ, однако, скоро былъ возстановленъ, затѣмъ возникли новыя станціи еще въ Стефанивиллѣ (Stephanievill), Франктоунѣ (Franktoun) и въ Китаби (Kitabi). Леопольдвилль скоро принялъ

видъ торговаго поселенія, и хорошо организованная экспедиція изъ 80 человѣкъ почти съ 6 тонами поклажи отплыла 8-го мая по Верхнему Конго. «En Avant» указывала путь, за ней шла «Royal», затѣмъ новый паровой катеръ, извѣстный подъ литерами «A. S. A.», были взяты еще одна шлюпка и лодка. Сдѣланъ привалъ въ Мсватѣ (Mswata) въ благоустроенной станціи въ резиденціи со всѣми удобствами, гдѣ папа Гобила и лейтенантъ Янсенъ вели свои переговоры по два раза въ день.

Флотилія продолжала свой путь въ Болобо (Bolobo) черезъ деревню Манту (Mantu), гдѣ фабрикуется въ большомъ количествѣ пиво изъ перебродившаго сахарнаго тростника и пшена. Кругомъ тянутся плодородныя долины, роскошныя низменности. Это — именно та площадь въ милліонъ квардратныхъ миль, которая, по мнѣнію Стэнли, стоитъ того, чтобы изъ-за нея потрудиться на 255 миляхъ утесовъ и скалъ, поросшихъ кустарникомъ, отдѣляющихъ ее отъ предпріимчивыхъ европейцевъ. Будь она имъ доступна, она скоро показала бы міру, сколько производительнаго можетъ дать Африка. Численность прибрежнаго населенія Болобо простирается до 10,000, внутреннія земли также густо заселены.

Флотилія отплыла изъ Болобо 28-го мая. Черезъ два дня прибыли въ Луколелу (Lukolela) и здѣсь узнали отъ туземцевъ, что оспа похитила десятую часть жителей, а голодъ уничтожилъ и остальныхъ. Тѣмъ не менѣе туземцы явились въ лагерь съ курами, козами, бананами, яицами и другими прелестями, и начался обмѣнъ этихъ продуктовъ на сукно и бусы. Въ Иребу (Irebu) Стэнли заключилъ кровный союзъ съ вождемъ Мангомбо (Mangombo). Жрецъ сдѣлалъ имъ обоимъ надколы на правой рукѣ, выпустилъ немного крови, слегка присыпалъ пылью и затѣмъ черную и бѣлую руки потерли этими ранами одну объ другую и обрядъ кровнаго братства былъ совершенъ при цѣломъ потокѣ проклятій и всякихъ заклинаній жреца.

Изслѣдовавъ затѣмъ Могинди (Mohindi) или Черную рѣку на нѣкоторомъ разстояніи и, убѣдившись, что на обоихъ берегахъ ея живутъ враждебныя племена, флотилія направилась дальше по Конго. Скоро добрались до територіи Бакути (Bakuti), и, послѣ обряда кровнаго братства съ вождемъ, была уступлена земля для устройства станціи подъ экваторомъ, и лейтенантъ Вангеле былъ назначенъ ея командиромъ съ гарнизономъ въ 36 человѣкъ. Затѣмъ экспедиція возвратилась въ Леопольдвилль. Подкрѣпленія и провіантъ были посланы въ Болобо и въ другія станціи. Самъ же Стэнли занялся устраненіемъ всякихъ невзгодъ въ болѣе бѣдныхъ поселеніяхъ.

Не позже какъ черезъ три недѣли пришло извѣстіе, что Болобо сожжено. Флотилія снова отправилась вверхъ по рѣкѣ, но, приблизившись къ станціи была встрѣчена залпомъ выстрѣловъ изъ

селеній Манга (Manga) и Ямбула (Yambula). Пришлось направить «Royal» обратно въ Леопольдвилль за ружьями. Однако, миръ былъ заключенъ раньше прибытія ружей.

Віанезцы, къ племени которыхъ принадлежало и это населеніе—народъ дикій и суевѣрный. Война затѣвается ими изъ-за всякаго пустяка. Дурной сонъ бываетъ причиною сожженія или повѣшенія за предполагаемое колдовство. Молодыхъ дѣвушекъ удавливаютъ, если ихъ возлюбленные заболѣваютъ или умираютъ. Если умираетъ вождь, на его могилѣ убиваютъ отъ 2-хъ до 45-ти человѣкъ. Человѣческія жертвоприношенія въ честь умершаго вождя практикуются по всему бассейну Конго. Чѣмъ богаче семейство умершаго, тѣмъ больше приносится жертвъ.

Жертвѣ обыкновенно выкалываются глаза, затѣмъ ее ставятъ на колѣна, или въ сидячемъ положеніи привязываютъ къ столбу, прикрѣпляютъ веревку къ верхней вѣтви молодого дерева, которая виситъ достаточно низко, чтобы свободнымъ концомъ можно было обмотать шею несчастной жертвы. Палачъ измѣряетъ разстояніе и однимъ взмахомъ своего широкаго ножа отсѣкаетъ голову отъ вытянутой шеи, и голова, обливаясь кровью, отлетаетъ на разстояніе нѣсколькихъ ярдъ.

На пути флотиліи постоянно встрѣчались селенія, покинутыя, сожженныя до основанія. Повсюду видны были слѣды разоренья, произведеннаго торговцами невольниками. Флотилія наткнулась какъ-то и на самыхъ этихъ разбойниковъ. Это былъ отрядъ маніэмскихъ невольниковъ подъ предводительствомъ арабскаго вождя. Охотясь за невольниками и слоновой костью, они опустошили страну въ 34,570 кв. миль, населенную 1,000,000 жителей.

— Я всегда чувствую,—говорилъ Стэнли,—непреодолимое желаніе мстить за такія опустошенія и избіенія спящихъ людей.

Но онъ не былъ офиціальнымъ уполномоченнымъ отъ какого-либо правительства и въ сущности не имѣлъ права вмѣшиваться въ это дѣло.

Оставивъ вмѣсто себя начальникомъ экспедиціи Франсиса де-Винтонъ, Стэнли, наконецъ, вернулся въ Европу. 20-го іюня онъ прибылъ въ Плимутъ, и черезъ четыре дня послалъ донесеніе бельгійскому королю, что миссія по бассейну Конго совершена съ полнымъ успѣхомъ.

15-го ноября происходило засѣданіе въ Брюсселѣ, на которомъ рѣшено признать права «Международной ассоціаціи Конго» и было заявлено, что 1,900,000 кв. миль открыты въ Центральной Африкѣ для свободной торговли и для цивилизаціи.

2-го февраля 1885 г. было узаконено существованіе независимаго государства Конго съ королемъ Леопольдомъ во главѣ.

Общій итогъ населенія бассейна Конго, по Стэнли и по другимъ изслѣдователямъ, простирается до 43 милліоновъ, изъ нихъ

одна шестая приходится на людоѣдовъ. Такъ, отъ Болобо на большомъ протяженіи до Ніангве (Nyangwe) всѣ племена людоѣды. Обыкновенно они не ѣдятъ женщинъ, потому-что, по ихъ понятіямъ, мясо мужчины гораздо вкуснѣе. Одинъ изъ офицеровъ Стэнли видѣлъ, какъ туземцы, разгуливая, ѣли куски человѣческаго мяса, завернутаго въ банановые листья.

— Это ужасно! — невольно воскликнулъ онъ, обращаясь къ одному изъ старшинъ.

— Напротивъ, это очень вкусно, въ особенности съ солью, — отвѣчали офицеру.

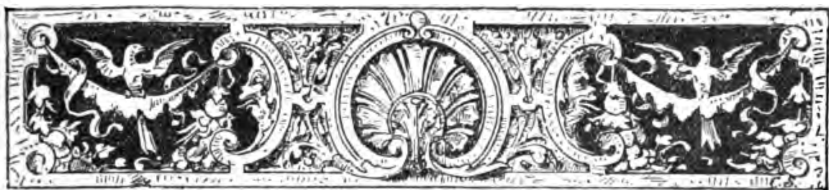
Климатъ тамъ на первыхъ порахъ переносится не легко. Онъ даже опасенъ для тѣхъ, кто не въ силахъ забыть всего комфорта европейской жизни.

Главные продукты округовъ, состоящихъ въ вѣдѣніи «Международной ассоціаціи», земляные орѣхи, пальмовое масло, слоновая кость, резина, пчелиный воскъ, копалевая камедь; изъ овощей— ямъ, сладкій картофель, огурцы, дыни, томаты и др. Маніоко въ изобиліи даетъ мучнистую пищу.

Рѣка Конго имѣетъ въ длину болѣе 4,000 миль и ея судоходные притоки, вмѣстѣ взятые, составляютъ до 10,800 миль длины.

Идолъ въ Конго.

V.

Въ поискахъ за Эминомъ-пашей.

Прошлое Эмина-паши.—Служба его при Гордонѣ.—Торговля человѣческимъ мясомъ въ экваторіальной провинціи. — Губернаторство Самуила Бэкера въ Суданѣ. — Появленіе Магди и его успѣхи. — Кунктаторская тактика Эмина-паши въ борьбѣ съ Магди.—Снаряженіе экспедиціи для освобожденія Эмина. — Два пути внутрь Африки. — Избраніе дороги черезъ Конго. — Привлеченіе Типпо-Типа къ экспедиціи.—Дезертирство.—Критическое положеніе экспедиціи.—Высадка въ Ямбуйѣ.—Шествіе по дремучему лѣсу.—По рѣкѣ Арувими. — Стычки въ Ависсибѣ. — Смертоносныя стрѣлы туземцевъ. — Прокладываніе дороги въ чащѣ гигантскаго лѣса.—Бѣдствія экспедиціи.—Въ лагерѣ голода.— Борьба съ карликами.—Выходъ изъ лѣса —Схватка въ области Мозамбони.—У озера Альбертъ-Ніанца.—Первое извѣстіе объ Эминѣ-пашѣ.—Сооруженіе форта «Бодо».—Письмо Эмина къ Стэнли.—Ихъ свиданіе.—Мотивы отказа Эмина вернуться съ Стэнли.—Гибель арріегардной колонны. — Бунтъ въ войскѣ Эмина.— Арестованіе паши мятежниками.—Переписка Джефсона съ Стэнли.—Возвращеніе экспедиціи. —Открытіе заговора противъ больного Стэнли. — Стычки съ туземцами на возвратномъ пути экспедиціи.—Рувенцори — «царь облаковъ». — Банкетъ въ Багамойо.—Результаты и жертвы экспедиціи Стэнли.

НАСТОЯЩЕЕ имя Эмина-паши — Эдуардъ Шнитцеръ. Родился онъ въ городѣ Оппельнѣ, въ Прусской Силезіи, въ 1840 году. Ему было пять лѣтъ, когда онъ лишился отца, и семейство Шнитцеръ переселилось въ городъ Нейссу, близь Праги, гдѣ Эдуардъ и получилъ свое первоначальное образованіе.

Онъ изучалъ медицину въ Бреславлѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, и въ Берлинскомъ же университетѣ, 24-хъ лѣтъ, былъ удостоенъ ученой степени. На видъ онъ казался въ этотъ періодъ гораздо старше своихъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе слишкомъ усидчивыхъ занятій. Съ самаго ранняго дѣтства про-

являлъ онъ большую наклонность къ научнымъ изысканіямъ, что такъ и осталось одной изъ наиболѣе выдающихся чертъ его нѣсколько сложнаго характера. Какъ въ школахъ, такъ и въ университетѣ онъ занимался не одной только медициной исключительно, а всѣми отдѣлами естествовѣдѣнія вообще.

При малѣйшемъ стараніи съ своей стороны, онъ легко могъ добиться какого-нибудь теплаго мѣстечка при одномъ изъ германскихъ университетовъ, но у него были совсѣмъ иные вкусы. Обладая въ высокой степени лингвистической способностью, онъ рѣшилъ немедленно по окончаніи университетскаго курса по возможности болѣе постранствовать по Божьему міру.

Узнавъ въ 1864 году, что турецкое правительство нуждается въ докторахъ для карантиновъ, онъ принялъ на себя обязанность врача въ Антивари.

Впослѣдствіи онъ сблизился съ Измаиломъ Гаккой-пашой и, состоя на службѣ у него, посѣтилъ Эрзерумъ, Янину и другіе города. Гакки умеръ въ 1873 году, отсидѣвъ четыре года въ Требизондской тюрьмѣ, и въ теченіе всего этого періода ежедневно всюду за нимъ слѣдовалъ Эдуардъ Шнитцеръ или, какъ онъ самъ любилъ называть себя, «Эминъ Вѣрный».

Разсказываютъ, будто Эминъ женился на вдовѣ Гакки, но объ этомъ событіи изъ романическихъ страницъ его жизни существуетъ множество различныхъ варіантовъ.

Со смертью Гакки-паши, Эминъ вступилъ на египетскую службу въ званіи эфенди, въ качествѣ старшаго медицинскаго чиновника въ экваторіальную провинцію, гдѣ губернаторомъ въ то время былъ Гордонъ. Молодой человѣкъ сразу обратилъ на себя вниманіе своего начальника, человѣка весьма проницательнаго, который не замедлилъ оцѣнить по достоинству новаго чиновника. Гордонъ посылалъ его для ревизій, а также пользовался его услугами для разныхъ дипломатическихъ миссій, — и всѣ эти порученія Эминъ исполнялъ съ большимъ тактомъ и съ полнымъ успѣхомъ.

Съ перемѣщеніемъ Гордона-паши на высшій постъ, бразды правленія были вручены Эмину-эфенди. Гордону удалось значительно улучшить положеніе экваторіальной провинціи, но тамъ оставалось еще много дѣла. Предстояло преодолѣть еще массу препятствій, въ особенности въ области торговли невольниками, хотя и замѣтно ослабленной уже въ правленіе Гордона, но тѣмъ не менѣе еще довольно дѣятельно производившей свои ужасныя операціи.

Исторія экваторіальной провинціи тѣсно связана съ этимъ промысломъ человѣческимъ мясомъ. Прошло около семидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Измаилъ-паша, сынъ хедива Магомета-Али, ввелъ египетскій законъ въ южномъ Суданѣ; и съ этого періода, вплоть до губернаторства сэра Самуила Бэкера въ 1869 году, опе-

раціи торговцевъ невольниками постоянно разростались. Въ концѣ концовъ онѣ чувствовали подъ собою такую прочную почву, что Зеберъ Рагама (Zeber Rahama), избранный для управленія ими и для организаціи ихъ, располагалъ полной возможностью пренебрегать распоряженіями правительства и считался даже достаточно сильнымъ, чтобы угрожать самой незыблемости египетскаго закона.

Хедивъ пытался было залучить его на какой-нибудь постъ въ египетскую службу, но это не удалось. Тогда онъ назначилъ гу-

Эминъ-паша.

бернаторомъ Судана сэра Самуила Бэкера, съ ясно выраженной миссіей для подавленія торговли невольниками въ этой области. Новый губернаторъ распространилъ дѣйствіе египетскаго закона далеко на югъ, подчинивъ ему также и область озера Ніанца. Бэкеръ, съ свойственной ему энергіей, отдался организаціи провинціи и возложенной на него задачѣ искорененія торговли невольниками.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія своего въ Англіи, Гордонъ возвратился въ Суданъ въ качествѣ генералъ-губернатора, и

однимъ изъ первыхъ его мѣропріятій было назначеніе Эмина губернаторомъ экваторіальной провинціи. Своими административными способностями и страстной преданностью дѣлу Эминъ вполнѣ оправдалъ его выборъ. Со времени занятія имъ своего новаго поста, дѣла провинціи прогрессировали все къ лучшему. Въ его правленіе народъ сталъ работать въ поляхъ невооруженный, — явленіе необычайное въ Центральной Африкѣ. Построены были новыя станціи, обширныя пространства страны культивированы, и будь ей дано какихъ-нибудь пять лѣтъ мира, экваторіальная провинція стала бы на ряду съ самыми цвѣтущими уголками на поверхности земного шара. Но въ 1881 году здѣсь начались серьезныя смуты. Нѣкій Магометъ Ахмедъ, очнувшись внезапно отъ своего соннаго существованія, увѣровалъ, что онъ есть Магди, давно ожидаемый Мессія магометанскаго міра.

Окруживъ себя огромной свитой, Магди успѣшно отражалъ нѣкоторые небольшіе отряды египетскихъ войскъ, поспѣшно высылавшіеся для подавленія новаго тревожнаго волненія. Эти успѣхи привлекли подъ его знамя цѣлыя орды фанатическихъ мусульманъ. Кромѣ того, энергическое содѣйствіе оказали ему заинтересованные въ фіаско египетскаго вліянія торговцы невольниками, богатство и численность которыхъ дѣлало ихъ чрезвычайно сильными и опасными непріятелями.

Затѣмъ Гордонъ былъ отправленъ въ Хартумъ, но тамъ магдисты зарубили его. Трагическій конецъ его миссіи тяжелымъ камнемъ лежитъ на сердцѣ каждаго англичанина.

По смерти Гордона, побѣдоносный пророкъ былъ признанъ калифомъ въ бо́льшей части Судана, такъ что, наконецъ, одна только экваторіальная провинція оставалась еще неподчиненною его власти. Въ этомъ прежде всего она обязана своему южному положенію, весьма отдаленному отъ главной квартиры Магди, но въ извѣстной степени также и искусной военной тактикѣ Эмина, въ наше время блистательно примѣнявшаго тактику Фабія Максима, имѣющую за собою давность цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ. Не располагая достаточной силой для открытой борьбы съ врагомъ, то отступая, то подвигаясь впередъ, онъ такъ хорошо укрѣпился, что на многіе годы обезпечилъ свою страну, по крайней мѣрѣ, отъ сильнаго воздѣйствія на нее непріятеля. Когда предводитель магдистовъ направлялся съ войскомъ къ лагерю Эмина, гарнизонъ послѣдняго перемѣщался на болѣе южную позицію, оттѣсняя при этомъ небольшіе отряды, высылавшіеся противъ него. Затѣмъ, съ приближеніемъ главной непріятельской силы, онъ отступалъ еще далѣе на югъ, увлекая за собою туда же и своего врага. Военная игра эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока встревоженный за свою безопасность въ такой отдаленности отъ главнаго пункта своихъ дѣйствій, непріятель не ретировался окончательно,

Паркъ Нельсонъ Стэнли Стерсъ Джефсонъ.

преслѣдуемый войсками Эмина въ своемъ отступленіи. При всей своей практичности, эта система защиты требовала однако значительно бо̀льшаго запаса амуниціи, нежели тотъ, какимъ располагалъ Эминъ. Предвидя быстрое приближеніе такого момента, когда запасъ его патроновъ совершенно истощится и въ распоряженіи его не останется другого выхода, кромѣ немедленнаго бѣгства или ужасной смерти въ плѣну у магдистовъ, Эминъ черезъ Уганду и Занзибаръ отправилъ въ Европу множество писемъ, свидѣтельствовавшихъ о критическомъ его положеніи.

Письма эти достигли Европы осенью 1886 года и вызвали глубочайшую симпатію и интересъ къ ихъ автору. Каждый чувствовалъ себя обязаннымъ что-нибудь сдѣлать по этому поводу, тѣмъ болѣе, что времени терять было некогда.

Снаряженіе экспедиціи для освобожденія Эмина принадлежитъ непосредственной иниціативѣ мистера В. (нынѣ сэра Вильяма) Мэккинона, изъ Балинакиля, Аргайльскаго графства, который много лѣтъ весьма интересовался изслѣдованіемъ невѣдомаго континента.

Освобожденіе запертаго непріятелемъ паши, по мнѣнію его, только и могло совершиться по частной иниціативѣ. Политическія и разныя другія причины препятствовали предпринимать что-либо по этому поводу какъ британскому, такъ и египетскому правительствамъ, преимущественно заинтересованнымъ въ судьбѣ Эмина. Съ помощью многихъ богатыхъ и вліятельныхъ людей, подобно Мэккинону, сознававшихъ, что несчастное положеніе паши главнымъ образомъ вызвано англійской политикой въ Египтѣ, сэръ Вильямъ образовалъ комитетъ, принявшій на себя задачу снаряженія экспедиціи въ экваторіальную провинцію. Каждый членъ его внесъ извѣстную сумму. Кромѣ того, предложена была общественная подписка, которая привлекла много крупныхъ взносовъ. Лондонское Королевское Географическое Общество, напримѣръ, принимая во вниманіе, что подобная экспедиція, разумѣется, должна была много способствовать расширенію ограниченныхъ географическихъ свѣдѣній о Центральной Африкѣ,—пожертвовало 1,000 фунтовъ стерлинговъ. Хедивъ внесъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, и хотя комитетъ не могъ расчитывать на формальную и офиціальную поддержку со стороны британскихъ властей, тѣмъ не менѣе члены его были увѣрены, что имъ оказано будетъ всевозможное содѣйствіе для приведенія въ исполненіе ихъ труднаго предпріятія.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго обсужденія вопроса объ экспедиціи, сэръ Вильямъ Мэккинонъ по этому же предмету держалъ совѣтъ со Стэнли, прося его указаній въ дѣлѣ выбора достойнаго вождя и въ то же время зондируя самого «изслѣдователя», не возьметъ ли онъ на себя этой роли? Стэнли согласился стать во главѣ этого дѣла, но подъ условіемъ, чтобы онъ могъ дѣйствовать «безотлагательно и безвозмездно», присовокупивъ, что, если бы

комитетъ избралъ другого вождя экспедіи, онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ въ ея запасной капиталъ внести 500 фунтовъ стерлинговъ.

Кромѣ сэра Вильяма Мэккиннона, исполнявшаго роль президента, комитетъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: полковника сэра Ф. де Винтона, въ качествѣ секретаря, мистера Г. М. Стэнли, Гюи Доунай (Guy Dawnay), сэра Левиса Пелли, мистера А. Ф. Кинненда (Kinnaind), полковника Гранта, и Г. Воллера (H. Woller). Пока они судили да рядили, Стэнли подвигался къ Америкѣ, для исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ по устройству публичныхъ лекцій въ Соединенныхъ Штатахъ. По разсчетамъ его импрессаріо, это путешествіе должно было принести Стэнли, по крайней мѣрѣ, 10,000 фунтовъ стерлинговъ. 11-го декабря, однако, труды его въ этомъ направленіи были прерваны телеграммой отъ президента комитета освобожденія, гласившей: «Вашъ планъ и предложеніе приняты; власти согласны; фонды готовы, дѣло безотлагательно; пріѣзжайте скорѣе. Отвѣчайте». Съ его стороны послѣдовалъ немедленный отвѣтъ: «Только-что получилъ телеграмму. Много благодаренъ. Все обстоитъ благополучно. Если будетъ хорошая погода и ничто не помѣшаетъ, отплываю на «Eider'ѣ» въ среду въ 8 часовъ вечера. Прибуду 22-го декабря въ Соутгамптонъ. Въ концѣ концовъ всего одинъ мѣсяцъ просрочки. Скажите властямъ, чтобы извѣстили Гольмвуда (генеральнаго консула въ Занзибарѣ) и Сейида Баргама (занзибарскаго султана)».

По прибытіи въ Лондонъ въ первый день Рождества, онъ поспѣшно сдѣлалъ свои предварительныя распоряженія и переправился въ Брюссель, чтобы явиться Бельгійскому королю, на службѣ котораго онъ продолжалъ еще состоять. Результатомъ этого свиданія было великодушное предоставленіе королемъ Леопольдомъ въ распоряженіе Стэнли на пользованіе экспедиціи всѣхъ перевозочныхъ средствъ свободнаго государства Конго.

Едва распространилась вѣсть о сооруженіи новой экспедиціи внутрь Африки, какъ цѣлыя сотни просьбъ посыпались къ ветерану-изслѣдователю о зачисленіи въ его свиту или, по крайней мѣрѣ, о разрѣшеніи сопровождать его. Наконецъ, онъ сдѣлалъ слѣдующій выборъ будущихъ своихъ спутниковъ: маіоръ Эдмундъ Барттелотъ (Barttelot), отличившійся въ Афганистанѣ и Египтѣ; лейтенантъ В. Г. Стэрсъ (W. G. Stairs), только-что получившій приглашеніе для изслѣдованія Новой Зеландіи; капитанъ Р. Г. Нельсонъ, изучившій дѣйствительную службу въ Зузуландѣ и Базутоландѣ; докторъ Т. Г. Паркъ (Parke), изъ военно-медицинскаго департамента, служившій въ Абу-Клеѣ при генералѣ сэрѣ Гербертѣ Стюартѣ; мистеръ В. Бокки, изъ военно-медицинскаго департамента; мистеръ Джонъ Розъ Троупъ (Troup), сынъ сэра Колина Троупа; мистеръ Гербертъ Вордъ (Ward), путешественникъ по Борнео и Новой Зеландіи; мистеръ А. I. Моунтеней Джефсонъ

(Mounteney Jephson), и мистеръ Джемсонъ (Jameson). Двое послѣднихъ нѣсколько запоздали съ своими просьбами и были приняты участниками въ экспедиціи лишь послѣ взноса ими въ фондъ Комитета по 1000 фунтовъ стерлинговъ.

Слѣдующій вопросъ, стоявшій на очереди, касался избранія пути. Приходилось рѣшить: подойти къ Ваделаю съ востока или запада. При выборѣ западной дороги, экспедиція уклонилась бы отъ Занзибара. Принявъ же восточное направленіе,—въ извѣстныхъ предѣлахъ,—она могла бы воспользоваться рѣкою Конго и ея притоками. Дорога отъ Занзибара черезъ Уганду составляла около 1300 миль. Но Уганда переживала смутныя времена, такъ что, по всей вѣроятности, пришлось бы обходить по окраинѣ этой страны и добираться до озера Альберта-Ніанца черезъ озеро Мута Нциге (Muta Nzige), а въ такомъ случаѣ протяженіе пути превысило бы 1600 миль. Со стороны Конго къ Ваделаю можно было подойти двумя путями: или пользуясь рѣкой Мобангу и ея притоками, или черезъ Арувими. Изъ всѣхъ путей Стэнли предпочиталъ послѣдній. Но многіе изъ членовъ Комитета, по различнымъ причинамъ, энергично протестовали противъ него. Наконецъ, уступивъ ихъ мнѣнію, онъ измѣнилъ свое намѣреніе подойти къ Альбертову озеру черезъ Конго и телеграфировалъ своимъ агентамъ заготовить запасы риса для экспедиціи въ Мпвапвѣ (Mpwapwa), станціи въ 200 миляхъ отъ восточнаго побережья.

Въ это время отъ лорда Идеслея (Iddesleigh) явился посланный за свѣдѣніями объ избранной Стэнли дорогѣ, мотивировавшій свои претензіи извѣщеніемъ британскихъ властей французскимъ посломъ въ Лондонѣ о полученной имъ инструкціи, предписывавшей ему протестовать противъ принятія экспедиціей такого направленія, которое такъ или иначе могло бы нарушить безопасность его соотечественниковъ, миссіонеровъ въ Угандѣ. Положеніе послѣднихъ и безъ того было уже довольно рискованно. Многіе полагали и, по мнѣнію Стэнли, вполнѣ основательно, что если бы король Мгванга (Mgwanga) получилъ извѣстіе о приближеніи такой большой военной силы, какою необходимо должна была явиться экспедиція по освобожденію Эмина-паши, жизнь французскихъ миссіонеровъ подверглась бы неминуемой опасности. Въ это время политика Уганды отличалась большими усложненіями. Германцы дѣйствовали на западной границѣ или въ небольшомъ разстояніи отъ ея предѣловъ. Египетскія войска были оттѣснены Магди почти къ сѣвернымъ окраинамъ страны, и новая опасность съ юга, по всей вѣроятности, довела бы короля Мгвангу до паническихъ крайностей.

Такимъ образомъ къ услугамъ «освободителей» оставалось единственная дорога—черезъ Конго, на которой въ концѣ концовъ всѣ и порѣшили. Занзибарскія приготовленія для высадки путеше-

Сомали.

ственниковъ были остановлены и сдѣланы новыя распоряженія для переправы 620 взрослыхъ человѣкъ и мальчиковъ къ Конго. Оружіе и аммуниція были получены изъ Египта, для перевозки экспедиціи зафрактованъ британско-индійскій пароходъ «Мадура». Стэнли прибылъ въ Занзибаръ 21 февраля, 1887 года. Благодаря энергическому содѣйствію британскихъ властей, египетскихъ чиновниковъ и самого Сейида Баргаша, изслѣдователи могли двинуться далѣе уже 25-го числа. На «Мадурѣ» находилось 800 членовъ экспедиціи, считая въ томъ числѣ 11 англійскихъ офицеровъ, 605 занзибарцевъ и 12 мальчиковъ, 62 суданца, 13 сомали (Somalis) и Типпо-Типа съ его людьми, въ количествѣ 97 человѣкъ.

Необходимо, однако, объяснить присутствіе здѣсь Типпо-Типа и его людей, ибо разумность рѣшенія Стэнли воспользоваться услугами арабскаго предводителя въ этой экспедиціи подлежала большому сомнѣнію. Стэнли встрѣтился съ Типпо-Типомъ въ первое свое путешествіе внизъ по р. Конго. Съ этого времени могущество этого великаго торговца невольниками все возростало, и поползновенія его относительно западной границы государства Конго были небезъизвѣстны.

Свободное государство Конго являлось для него какимъ-то пугаломъ, бѣльмомъ на глазу. Оно стояло ему на дорогѣ, мѣшало его «дѣлу», какъ понималъ это выраженіе Типпо-Типъ—похищенію, продажѣ или мѣнѣ невольниковъ, а также разбойническому промыслу его слоновой костью. Къ сожалѣнію, свободное государство Конго не располагало достаточной силой, чтобы встрѣтить его на своей собственной територіи. Такимъ образомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Типпо воспользовался бы первымъ случаемъ, чтобы сторицей возместить за все то, что онъ считалъ утраченнымъ въ области своихъ невольничьихъ запасовъ по этой рѣкѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Стэнли полагалъ за лучшее этого властительнаго врага обратить въ друга и съ этой цѣлью предложилъ королю Леопольду пригласитьТиппо-Типа правительственнымъ уполномоченнымъ съ извѣстнымъ окладомъ и назначить его губернаторомъ въ «Stanley Falls». Миссія его должна была состоять въ пресѣченіи дальнѣйшаго преуспѣянія торговцевъ невольниками внизъ по теченію Конго. Въ виду несравненной опытности его въ тактикѣ невольничьихъ набѣговъ, врядъ ли существовалъ болѣе подходящій человѣкъ для подобнаго назначенія, конечно, при непремѣнномъ условіи, чтобы при поимкѣ торговцевъ невольниками онъ работалъ съ неменьшей энергіей, съ какой до того времени онъ трудился въ дѣлѣ насильственнаго захвата чернокожихъ.

Король Леопольдъ согласился на предложеніе Стэнли. Во время своей стоянки въ Занзибарѣ, Стэнли вошелъ въ переговоры съ арабскимъ предводителемъ и формальный контрактъ, составленный генеральнымъ консуломъ, былъ подписанъ обѣими сторонами. Со-

гласно этому договору, Типпо-Типъ назначался губернаторомъ въ «Stanley Falls» съ опредѣленнымъ окладомъ, съ ясна выраженной обязанностью искоренить невольничью торговлю въ этой части Конго. Сверхъ того, онъ обѣщалъ снабдить Стэнли контингентомъ въ 600 маніемскихъ носильщиковъ для экспедиціи по освобожденію Эмина, которыхъ онъ обязался нанять немедленно по прибытіи его въ «Stanley Falls» и сконцентрировать ихъ въ назначенномъ мѣстѣ на Арувими, для выбора самимъ Стэнли наиболѣе пригодныхъ изъ нихъ.

18-го марта 1887 года «Мадура» вошелъ въ р. Конго и бросилъ якорь въ 180 метрахъ отъ берега. Отсюда наемные пароходы переправили путешественниковъ въ Матади, навигаціонную границу Нижняго Конго, и затѣмъ уже экспедиція вступила на сухопутную дорогу, тянувшуюся на 235 миль, по направленію къ Леопольдвиллю, Stanley Pool, куда они прибыли 21-го апрѣля.

Здѣсь былъ произведенъ смотръ войскамъ, обнаружившій исчезновеніе шестидесяти трехъ человѣкъ и двадцати пяти винтовокъ. Отдавая предпочтеніе пути черезъ Конго, Стэнли имѣлъ въ виду опасность ослабленія войска дезертирствомъ, которое, по его мнѣнію, по сю сторону грозило въ меньшей степени, нежели въ томъ случаѣ, если бы занзибарцы начали сухопутное передвиженіе съ своей родной страны.

Дезертирство цѣлыми толпами, не ослабѣвавшее не смотря на самыя неблагопріятныя условія для побѣговъ, убѣдило Стэнли, что путь черезъ Конго отъ этого бѣдствія застрахованъ болѣе другихъ. «Нашъ опытъ,—говоритъ онъ,—показываетъ—если вообще для этого требуются какія-либо подтвержденія—какъ велика была бы наша потеря, если бы на такую отдаленную миссію мы отправились какой-нибудь изъ западно-африканскихъ дорогъ. Качественный составъ экспедиціи, обусловливающій успѣхъ ея задачи, опредѣляется количествомъ убыли ея членовъ изъ этого состава за двадцатидневный срокъ. Дезертирство существовало съ перваго дня нашего сухопутнаго странствія въ Матади, когда мы находились еще въ пятнадцати дняхъ пути отъ Занзибара».

По прибытіи въ Stanley Pool, Стэнли увидѣлъ, что пароходы, обѣщанные бельгійскимъ королемъ, обрѣтались еще въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. У одного не доставало паровыхъ машинъ и паровиковъ, другой стоялъ на берегу, въ видѣ какихъ-то жалкихъ обломковъ разбитаго судна, третій находился въ Бангалѣ въ 500 миляхъ отъ Stanley Pool. На мѣстѣ оказалось всего два парохода: «Peace», принадлежавшій миссіи баптистовъ, и «Henry Reed», составлявшій собственность мѣстной миссіи «Ливингстона». Но представители этихъ обѣихъ миссій не имѣли намѣренія отдавать свои пароходы для перевозки войскъ.

Положеніе было критическое. Голодъ свирѣпствовалъ въ это время не только въ области Stanley Pool, но и по всей странѣ, черезъ которую прошла экспедиція. Провіантъ ея быстро истощался. Наконецъ Стэнли очутился всего съ пятидневнымъ запасомъ фуража на 800 вооруженныхъ человѣкъ. И это случилось какъ разъ въ началѣ экспедиціи, преисполненной невѣроятныхъ опасностей. Необходимо было дѣйствовать безотлагательно, такъ или иначе — малѣйшее промедленіе грозило голодной смертью. Стэнли принудилъ мѣстную миссію «Ливингстона» подписать договоръ о наймѣ парохода. Тогда и миссія баптистовъ, вѣроятно, въ предупрежденіе подобнаго же воздѣйствія и на нее, добровольно предложила ему пользоваться своимъ пароходомъ. Путешествіе вверхъ по Конго такимъ образомъ возстановилось, хотя тысячи всякихъ затрудненій и задержекъ попрежнему продолжали преслѣдовать путниковъ. Вообще все рѣчное путешествіе, по программѣ предполагавшееся быстрымъ и удобнымъ, представило на дѣлѣ цѣлый рядъ разочарованій.

«Peace», добытый такой цѣной, шелъ какъ будто изъ-подъ палки, какъ бы сознавая вынужденность своего рейса. По примѣру своего товарища, «Henry Reed» тащился также совершенно черепашьимъ шагомъ. Близъ Болобо дѣла достигли критическаго положенія. Пароходъ не только пересталъ двигаться вверхъ по теченію рѣки, а даже, напротивъ того, быстро покатилъ назадъ, внизъ по Конго. Пришлось бросить якорь и отправить нарочнаго за помощью къ капитану «Henry Reed».

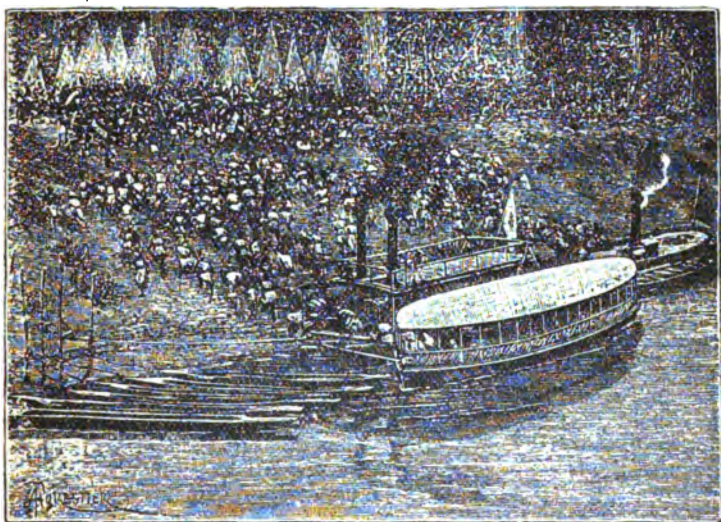
Наконецъ, на слѣдующій день 14-го мая, экспедиція прибыла въ Болобо, гдѣ Стэнли, оставивъ 131 человѣка, подъ начальствомъ мистеровъ Бонни и Уорса, самъ съ остальными двинулся далѣе вверхъ по теченію. На другое утро инженеръ-механикъ «Peace», самолюбіе котораго было задѣто плохой аттестаціей его судна, посовѣтовавшись съ своимъ коллегой, инженеромъ «Henry Reed», нашелъ средство исправить свой пароходъ, — завинтили верхній паровой клапанъ, прекративъ такимъ образомъ постоянное выпусканіе пара,—и послѣ этого «Peace» свободно могъ поспѣвать за остальной флотиліей.

16-го іюня, послѣ рѣчнаго путешествія въ 1650 миль, считая отъ Stanley Pool, экспедиція довершила первую большую инстанцію своего странствія въ Ямбуйѣ, на рѣкѣ Арувими, нѣсколько выше пункта сліянія этой рѣки съ Конго.

«Henry Reed» немедленно былъ посланъ далѣе вверхъ по Конго, къ Stanley Falls, вмѣстѣ съ Типпо-Типомъ и его отрядомъ. Арабскій предводитель далъ обѣщаніе, девять дней спустя по прибытіи его на станцію Stanley Falls, тотчасъ отправиться для соединенія съ Стэнли, захвативъ съ собою 600 маніемскихъ носильщиковъ. Въ Falls его сопровождалъ маіоръ Барттелотъ съ судан-

цами. Не теряя ни минуты времени, маіоръ немедленно вернулся въ Ямбуйю и передалъ Стэнли послѣднія слова Типпо, въ которыхъ тотъ потвердилъ полнѣйшую готовность и надежду сдержать свое обѣщаніе—прибыть въ Ямбуйю 26-го іюня вмѣстѣ съ своими носильщиками. Между тѣмъ пароходъ «Stanley» отправился внизъ по теченію для переправы отряда въ 31 человѣкъ, оставленнаго въ Болобо. Всѣ же остальные здравые и невредимые члены экспедиціи принялись за укрѣпленіе Ямбуйскаго лагеря, что̀ оказалось необходимымъ при рѣшительной непріязненности окрестныхъ племенъ.

Стэнли намѣревался сдѣлать Ямбуйю главнымъ сборнымъ пунктомъ для снаряженія экспедиціи черезъ лѣсъ, протяженіе кото-

Высадка въ Ямбуйѣ.

раго было для него, конечно, невѣдомо. Во всякомъ же случаѣ, даже помимо какихъ-либо другихъ причинъ, крѣпостныя работы являлись необходимыми для защиты весьма слабаго гарнизона, который онъ располагалъ здѣсь оставить на извѣстное время. Маіоръ Барттелотъ получилъ назначеніе командовать Ямбуйской крѣпостью. При немъ оставались І. С. Джемсонъ, въ качествѣ помощника, и восемьдесятъ вооруженныхъ человѣкъ. По соображеніямъ Стэнли, около половины августа, когда различныя части изъ Болобо и Stanley Pool соединятся съ ямбуйскимъ гарнизономъ, общая сила въ крѣпости должна быть такова: а) Ямбуйскій гарнизонъ, состоящій изъ маіора Бартелотта, мистера І. С. Джемсона, 5 мальчиковъ, 41 суданца, 71 занзибарца, 5 сомализ-

цевъ, двое больныхъ; б) отрядъ изъ Болобо: мистеръ I. Розъ Троупъ, мистеръ Гербертъ Вордъ, Вильямъ Бонни, 131 занзибарецъ; больныхъ, вернувшихся изъ Нижняго Конго 8, итого въ общемъ составилось бы 271 человѣкъ. Инструкціи, данныя маіору Барттелоту и его подчиненнымъ интересны сами по себѣ и имѣютъ значеніе въ дѣлѣ дальнѣйшихъ событій. Сущность ихъ такова: маіору предписывалось оставаться въ Ямбуйѣ до прибытія болобойской партіи, т. е. почти до половины августа. Затѣмъ, организовавъ изъ наличныхъ силъ арріергардную колонну, ему предстояло, по возможности быстрѣе двинуться по слѣдамъ Стэнли. Если бы Типпо-Типъ сдержалъ свое слово, задача эта оказалась бы сравнительно легкою. На случай же, если бы арабскій предводитель предпочелъ свои обычные окольные пути,—маіоръ Барттелотъ имѣлъ продолжать свое движеніе удвоеннымъ и даже утроеннымъ шагомъ до встрѣчи съ Стэнли на возвратномъ пути его съ озера Ніанца.

Надо замѣтить, что страна между Ямбуйей и южнымъ берегомъ озера Альбертъ-Ніанца, гдѣ Стэнли разсчитывалъ встрѣтить пароходъ Эмина-паши, была еще совершенно неизслѣдована. Ямбуйя расположена на опушкѣ обширнаго лѣса Конго, черезъ который Стэнли съ своимъ преданнымъ отрядомъ, съ такимъ страшнымъ трудомъ и страданіями проникъ въ свое первое путешествіе внизъ по рѣкѣ. Благодаря его изслѣдованіямъ, размѣры лѣса къ юго-востоку были уже опредѣлены. Но для установленія протяженія чащи по направленію къ озеру Ніанца, лежавшему почти прямо на востокъ отъ точки ихъ отправленія въ Ямбуйѣ, изслѣдователь не располагалъ еще никакими средствами.

28-го іюня, 1887 года, вмѣстѣ съ своей колонной въ 389 человѣкъ офицеровъ и солдатъ, Стэнли покинулъ Ямбуйскій лагерь и погрузился въ темную, мрачную, дремучую чащу величественнаго лѣса.

День за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходили для маленькаго ямбуйскаго гарнизона въ напряженныхъ тщетныхъ ожиданіяхъ какихъ-либо извѣстій о погибшей колоннѣ. Послѣдняя, на самомъ дѣлѣ, являлась утраченной, поглощенная непроходимыми дебрями самого дремучаго лѣса, какой только можетъ себѣ представить человѣческое воображеніе.

Послѣдуемъ за ними. Жестокая борьба съ туземной подозрительностью и недовѣріемъ началась чуть ли не съ перваго дня. Слѣдуя по берегу рѣки, послѣ перехода въ двѣнадцать миль, караванъ достигъ Яконды (Yakonde). Здѣсь туземцы зажгли свои деревни и, подъ прикрытіемъ густыхъ облаковъ дыма, едва не ослѣпившаго авангардъ экспедиціи, произвели свирѣпую аттаку на піонеровъ, расчищавшихъ свой путь сквозь множество препятствій, какъ бы нарочито насажденныхъ для преграждения ихъ успѣшнаго движенія впередъ. Послѣ рѣшительной схватки, длив-

шейся около 15 минутъ, мѣстечко было наконецъ взято, и шествіе колонны возобновилось. Прямой путь въ этомъ мѣстѣ углублялся внутрь страны, удаляясь отъ рѣки. Но замѣтивъ ея восточное направленіе и предпочитая окольную дорогу прокладыванію пути черезъ почти непроницаемую чащу лѣса, Стэнли рѣшилъ держаться этой узкой тропинки, пока она не такъ сильно уклонялась отъ ихъ собственнаго направленія. Прискорбнѣе всего была та мысль, что нападеніе туземцевъ на караванъ, съ большой вѣроятностью объяснилось ихъ тревогой за свою жизнь, жилища и семейства. По своему, они были правы. Чѣмъ могли для нихъ различаться войска Стэнли отъ войскъ ненавистнаго Угароввы или не менѣе грознаго

Шествіе по лѣсу.

Килинга Лонга (Kilinga Longa), жестоко опустошавшихъ селенія Арувими, безпощадно истребляя при этомъ самихъ туземцевъ.

Селенія лѣсистаго Конго со всѣхъ сторонъ крѣпко защищены отъ нападенія лютыхъ торговцевъ невольниками, какъ арабскихъ, такъ и маніенскихъ. Колонна Стэнли волей-неволей вынуждена была разнести всѣ эти укрѣпленія чего бы это ни стоило, какъ для нея самой, такъ и для заблуждавшихся враговъ. Горькій опытъ научилъ лѣсныхъ туземцевъ всякимъ хитростямъ для болѣе вѣрнаго огражденія себя отъ непріятеля. Почти каждое поселеніе въ Нижней Арувими располагаетъ предательскимъ подъемомъ, по которому узкій главный проходъ, расширяющійся до четырехъ ярдовъ, тщательно расчищенный отъ всего лишняго, тянется на сто ярдовъ по совершенно прямому направленію къ главному входу. Путешественникъ, неосторожно воспользовавшійся этимъ удоб-

нымъ подъемомъ, черезъ нѣсколько шаговъ, почти навѣрняка попадаетъ не въ ту, такъ въ другую изъ цѣлаго ряда неглубокихъ пустыхъ ямъ, наполненныхъ острыми кольями, тщательно укрытыхъ широкими густо наложенными листьями. Спутники Стэнли этими кольями безпрестанно напарывали себѣ ноги или, еще того хуже, глубоко прорѣзывали ступни, нанося себѣ такимъ образомъ жестокія и опасныя раны. При первой тревогѣ раздался барабанъ туземнаго дозорнаго; лѣсъ съ обѣихъ сторонъ дорожки наполнился толпами разъяренныхъ дикарей, и цѣлый градъ отравленныхъ стрѣлъ посыпался на несчастныхъ путниковъ отовсюду, съ вершинъ окружающихъ деревьевъ и изъ чащи кустарника.

Къ счастью для экспедиціи, Стэнли былъ уже умудренъ достаточнымъ опытомъ въ этихъ засадахъ лѣсной войны, и не смотря на то, что многіе изъ его отряда оказались ранеными хитро расположенными спицами и кольями туземцевъ, въ общемъ, авангардъ пострадалъ не особенно серьезно. Тѣмъ не менѣе Стэнли пришлось убѣдиться, что хромость, причиненная этими ловко устроенными человѣческими капканами, оставалась обыкновенно на-вѣки вѣчныя, и лишь весьма немногіе изъ его солдатъ, пострадавшихъ такимъ образомъ, могли быть особенно полезными для него служаками впослѣдствіи.

Наконецъ, нѣсколько дней спустя, тропинка приняла юго-западное направленіе. Пришлось искать другой дороги и просѣкать путь сквозь вьющіяся растенія, по собственному свидѣтельству Стэнли, имѣвшія отъ одной осьмой до пятнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, причудливо висѣвшія петлями и гирляндами, сплетаясь и связываясь вмѣстѣ въ крѣпкіе узлы и образуя цѣлый непроницаемый лабиринтъ растительности. Иногда они попадали въ мѣстность, очевидно, нѣкогда расчищенную для человѣческаго пользованія, надъ которой, однако, губительный ядъ невольничьяго торга успѣлъ уже раскинуть свои тлетворныя сѣти. На этихъ прогалинахъ росъ молодой лѣсъ, представлявшій собою лабиринтъ въ лабиринтѣ, ибо промежутки между деревьями заглушались въ немъ густой сѣтчатой массой вьющихся растеній переплетенныхъ между собою. Сквозь эту зеленую чащу, дюймъ за дюймомъ съ невѣроятными усиліями, піонерамъ экспедиціи пришлось прорубать себѣ проходъ. Девяносто человѣкъ, съ кривыми ножами въ рукахъ, неутомимо трудились надъ просѣкой этой тропинки. Остальная часть экспедиціи, помимо провіанта, таща за собою стальную лодку въ двадцать шесть футовъ длины и шесть футовъ ширины для путешествія по озеру Альбертъ-Ніанца, и три тонны боевыхъ запасовъ для освобожденія Эмина, карабкалась за ними, по мѣрѣ силъ и возможности. Первобытный лѣсъ былъ доступнѣе этихъ покинутыхъ прогалинъ; за то воздухъ тамъ менѣе здоровъ, спертый, стоячій, какой-то смрадный, вслѣдствіе

густыхъ черныхъ тучъ, съ каждымъ днемъ становившійся все удушливѣе и удушливѣе. Вотъ какова характеристика этой лѣсной области, по словамъ очевидцевъ.

5-го іюля снова показалась рѣка, повидимому, свободная отъ пороговъ въ этой части своего теченія. Стальную лодку спустили на воду, и, благодаря этому обстоятельству, утомленные носильщики были облегчены не только отъ груза почти двухъ тоннъ поклажи, но также и отъ больныхъ и немощныхъ. «Съ 5-го іюля до половины октября»,—говоритъ Стэнли,—«мы держались берега».

Какое море страданій кроется въ этой простой передачѣ дѣйствительныхъ фактовъ! Направленіе рѣки въ этомъ мѣстѣ было или сѣверное, или сѣверо-восточное, отводившее плывшую по ней экспедицію далеко въ сторону отъ ея прямого пути. Но ужасное ослабленіе его спутниковъ, безконечность лѣса, тинистый, нездоровый берегъ рѣки, пропитанная лихорадкой атмосфера, общій упадокъ духа и постоянное уныніе,—все это только болѣе убѣждало вождя въ необходимости держаться Арувими до тѣхъ поръ, пока направленіе рѣки сколько-нибудь сходилось съ ихъ собственнымъ. Большой притокъ Конго въ этой части лѣса представляетъ собою широкій потокъ въ 600—900 ярдовъ ширины, живописно разбитый островами и островками, покрытыми массой роскошной растительности. Большинство этихъ островковъ служатъ «главными квартирами» обогащающихся здѣсь устрицелововъ. Въ одномъ мѣстѣ Стэнли, напримѣръ, вымѣрилъ столбъ устричныхъ раковинъ, оказавшійся въ 30 шаговъ длины, 4 фута высоты и 12 футовъ ширины.

И суша, и потокъ кишатъ здѣсь миріадами насѣкомыхъ, воздухъ наполненъ жужжаніемъ безчисленнаго множества крошечныхъ созданій. Сотни тысячъ пышноцвѣтныхъ мотыльковъ перелетаютъ черезъ позлащенныя солнцемъ воды, и любознательному наблюдателю предоставляется широкая возможность слѣдить за ихъ неустаннымъ перелетомъ изъ одного мѣста въ другое, продолжающееся цѣлыми часами безъ перерыва.

Раннее утро тутъ обыкновенно бываетъ темно и пасмурно. Густыя массы черныхъ облаковъ заслоняютъ солнечный свѣтъ, и мгла дрожитъ надъ молчаливой рѣкой. Вся жизнь тогда смолкаетъ. Тишина необъятнаго лѣса полна напряженія, которое граничитъ съ какой-то тревогой. «Въ такія минуты ничего не было слышно, кромѣ лязга нашихъ ножей, пролагавшихъ дорожку черезъ спутанный кустарникъ, да шума учащенныхъ шаговъ нашихъ носильщиковъ вдоль первобытнаго прохода, или ихъ барахтанья по колѣна въ вязкой тинѣ набережной, заглушенной завядшей и гніющей растительностью. Къ девяти-одиннадцати часамъ утра солнце разсѣевало туманъ, и лѣсъ, и рѣка снова гудѣли жизненнымъ гамомъ птицъ, животныхъ и насѣкомыхъ».

И здѣсь, какъ почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ Африки, туземцы страшно враждуютъ между собою и жестоко взаимно преслѣдуютъ другъ друга. Междоусобныя столкновенія—явленіе вполнѣ обыденное, имѣющее нерѣдко смертельный исходъ. Цѣлыя селенія опустошаются враждебной партіей, причемъ разрушеніе, начатое войскомъ, завершается стадами дикихъ слоновъ, блуждающими по лѣснымъ уединеніямъ и безпощадно сокрушающими все встрѣчное на своемъ пути.

Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, гдѣ туземцы не относились къ экспедиціи съ такой рѣшительной враждебностью, дикари не уклонялись даже отъ мѣновой торговли и не проявляли при этомъ никакого вымогательства. Между тѣмъ какъ въ Бангалѣ, на 800 миль ближе къ озеру за одинъ мѣдный прутъ давали десять хлѣбцевъ изъ маніоковой муки, туземцы Баналіа (Banalya) на рѣкѣ Арувими за тотъ же прутъ предлагали всего три колоса. Цѣна за птицу въ этой мѣстности доходила до пяти мѣдныхъ прутьевъ. Въ селеніи Майгвайѣ (Mygwye) экспедиція встрѣтила множество плантацій банана и маніока, тянувшихся на нѣсколько миль. Обрадованное войско разсчитывало получить тутъ полное удовлетвореніе за свои товары. Но надежды ихъ не оправдались,—послѣ долгихъ, томительныхъ часовъ торга, разныхъ отговорокъ и препирательствъ, и то не всѣ, а только около трети отряда, за свои ужовки и мѣдные прутья, получили всего по три колоса на брата. Никакіе доводы, ни уговоры не дѣйствовали. Стэнли нашелся-таки и въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Авангарду его предстоялъ утѣшительный девятидневный переходъ черезъ необычайно негостепріимную, исполненую препятствій часть лѣса. Никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, ни географическихъ, ни какихъ-либо иныхъ, отъ этихъ туземцевъ, съ которыми Стэнли вошелъ чуть ли не въ дружескія сношенія, нельзя было добиться. Они только сбивали его съ толку, разсказывая разныя басни, «съ намѣреніемъ ввести его въ заблужденіе». Больше всего получилъ онъ всякихъ указаній отъ своихъ плѣнниковъ, захваченныхъ послѣ стычекъ съ непріятелемъ. Спустя одинъ-два первыхъ дня, подъ вліяніемъ хорошаго обращенія, обыкновенно озлобленіе ихъ утихало, и они съ большой готовностью дѣлились съ экспедиціей тѣми скудными свѣдѣніями объ окрестностяхъ своихъ собственныхъ деревень, которыми они располагали. Но даже и тутъ подчасъ не обходилось безъ обмана.

Разъ, напримѣръ, ему сказали, что къ юго-востоку лежитъ большое озеро, требующее два дня для переправы, посрединѣ котораго находится островъ, кишащій чудовищными и страшными змѣями и что о мѣстоположеніи этого озера въ распоряженіи разсказчика имѣются-де самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Такое пространство воды, миль на 60 къ востоку,—могло имѣть огромное

Прокладка пути по лѣсу.

значеніе для экспедиціи, помимо уже того, что оно избавило бы ее отъ многихъ дней утомительнаго странствованія черезъ лѣсъ. По свѣдѣніямъ туземцевъ, чаща простиралась безгранично во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Они никогда ничего иного не знали, ни о чемъ другомъ не слыхали, кромѣ лѣса и рѣки. Они не могли вообразить себѣ волнистыхъ равнинъ, горъ или долинъ—ничего подобнаго, кромѣ безконечнаго лѣса, окружавшаго ихъ. Туземцу приказано было указать дорогу къ озеру Нума, какъ оно называлось, и дикарь, повидимому, вполнѣ готовъ былъ служить имъ вожакомъ, какъ вдругъ двое сутокъ спустя онъ исчезъ куда-то. И съ того дня уже Стэнли не имѣлъ болѣе никакихъ извѣстій ни объ озерѣ Нума, ни объ островахъ его, изобиловавшихъ змѣями и всякими другими необычайными пресмыкающимися тварями.

Въ общемъ рѣка Арувими судоходна, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіе ея прерывается водопадами и порогами, въ родѣ тѣхъ, которые—въ нѣсколько болѣе широкихъ размѣрахъ—Стэнли встрѣтилъ раньше на Луалабѣ (Lualaba) и Ливингстонѣ. При каждомъ изъ такихъ препятствій лодку приходилось разгружать и перемѣщать багажъ на спины носильщиковъ. Часть людей призывалась тогда волочить лодку на канатахъ вверхъ по теченію. При этой работѣ требовалась огромная осторожность, чтобы не повредить ее объ острыя подводныя скалы, то и дѣло попадавшіяся по пути, вполнѣ прикрытыя пѣной и прибоемъ бѣшенаго напора потока.

У пороговъ Нійамби (Nijambi) Стэнли замѣтилъ внезапную перемѣну, не только въ туземномъ языкѣ, но также и въ архитектурѣ мѣстныхъ построекъ. Коническія хижины Нижней Арувими уступили здѣсь мѣсто широко разставленнымъ четыреугольнымъ постройкамъ, обитымъ огромными бревнами. Владѣй ружьями обитатели этихъ хижинъ, участь экспедиціи не замедлила бы опредѣлиться. Скоро Стэнли горькимъ опытомъ убѣдился въ необходимости исключительныхъ оборонительныхъ средствъ.

Въ Ависсиббѣ, поселеніи, расположенномъ нѣсколько выше пороговъ, лагерь его былъ аттакованъ съ необычайной дерзостью и энергіей, причемъ лейтенантъ Стэрсъ и пять человѣкъ солдатъ оказались ранеными. При всей незначительности большинства поврежденій, результаты ихъ были роковыми. Одинъ изъ раненыхъ, получившій легкій проколъ въ плечевые мускулы, умеръ отъ судорожнаго смыканія челюстей послѣ пятидневной агоніи. Другой—слегка раненый въ кисть руки, тоже умеръ нѣсколько дней спустя. Третій, которому нанесенъ былъ едва замѣтный уколъ въ горло, прожилъ послѣ того всего недѣлю. Четвертый, получившій болѣе серьезную рану въ бокъ, умеръ въ ту же ночь. Судорожное смыканіе челюстей произошло, во всякомъ случаѣ, ранѣе, чѣмъ смерть освободила страдальца отъ мучительнѣйшей пытки.

Изъ раненыхъ одинъ лейтенантъ Стэрсъ остался въ живыхъ и выздоровѣлъ послѣ трехъ недѣль полной прострацiи, но рана его не закрывалась и потомъ въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Всѣ эти симптомы въ приведенныхъ случаяхъ указывали на употребленiе непрiятелемъ какого-то неизвѣстнаго, но страшно сильнаго яда.

Самыя тщательныя изслѣдованiя не могли опредѣлить источникъ, изъ котораго человѣконенавистники этой части лѣса черпали такое смертельное средство, и только случай помогъ, наконецъ, разоблачить такъ искусно охранявшуюся тайну. Во время розысковъ фуража въ хижинахъ этой мѣстности, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Стэнли нашелъ множество тщательно завернутыхъ пакетовъ съ красными сушеными муравьями. Оказалось, что туземцы толкутъ этихъ муравьевъ въ порошокъ, который затѣмъ кипятится въ толстомъ слоѣ пальмоваго масла. Этимъ-то снадобьемъ они смазываютъ острiя своихъ стрѣлъ, и объ ужасныхъ результатахъ такого смазыванiя въ запискахъ Стэнли можно найти весьма краснорѣчивыя данныя. Сами туземцы считаютъ этотъ ядъ столь опаснымъ, что даже на самое приготовленiе внутри поселенiй наложено строгое veto. Лишь въ глубинѣ лѣса дикарь свободно разводитъ свой огонь и, подобно злому сказочному колдуну, съ утонченнымъ искусствомъ мастеритъ свой ядъ, предназначающiйся имъ на горе и жестокiя мученiя своему ближнему.

Лѣсъ Конго вообще изобилуетъ матерiалами для изготовленiя самыхъ губительныхъ ядовъ. Большой черный муравей, сильный укусъ котораго причиняетъ огромные волдыри, по мнѣнiю Стэнли, оказался бы даже еще смертоноснѣе краснаго своего собрата. Изъ маленькихъ, сѣрыхъ гусеницъ, водящихся тамъ въ огромномъ количествѣ, можно приготовить такое раздражающее средство, одной капли котораго достаточно, чтобы замучить человѣка до смерти. Изъ одного невыразимо отвратительнаго паука, съ огромнымъ раздутымъ брюшкомъ, покрытымъ длинными ядовитыми щетинками, зорко подстерегающаго въ тѣни неосторожныхъ мушекъ, легко сдѣлать губительный составъ.

Во время перехода черезъ растительныя дебри, въ цѣляхъ облегченiя трудовъ своихъ спутниковъ, Стэнли старался по рѣкѣ размѣстить, по возможности, болѣе провiантныхъ складовъ, а также больныхъ и слабыхъ. У нѣкоторыхъ туземцевъ онъ добылъ челноки, которые въ судоходныхъ частяхъ Арувими дали имъ возможность почти удвоить скорость передвиженiя. Главная колонна продолжала еще идти берегомъ или въ недалекомъ разстоянiи отъ него. Но ихъ передвиженiе было такъ затруднительно, что челноки, при всей борьбѣ противъ теченiя, могли идти наравнѣ съ ними.

Къ несчастью, занзибарцы плохiе мореходы, что было уже констатировано Стэнли на африканскихъ озерахъ, въ первое путеше-

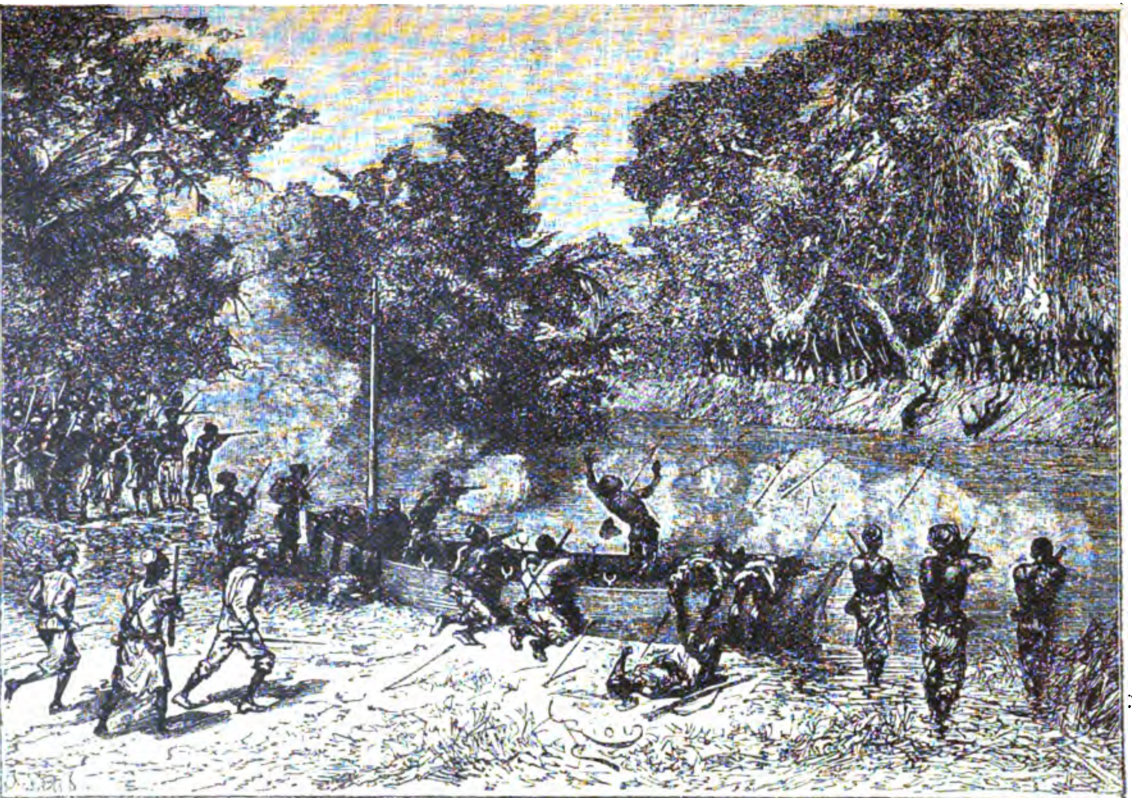
ствіе его внизъ по рѣкѣ Конго. Во всемъ станѣ едва нашлось человѣкъ десять, способныхъ управлять челноками. Туземныя селенія, расположенныя на низменныхъ частяхъ между изгибами Арувими, почти что на рѣчныхъ отмеляхъ, на сколько возможно было избѣгали навигаціи, исключая крайней необходимости въ пищѣ, когда приходилось пускаться въ плаваніе во что бы то ни стало. Потребовалось много хлопотъ для поддержанія связи между рѣчной колонной и сухопутной.

Пороги Арувими многочисленны и опасны. Всякій разъ, при встрѣчѣ съ ними, рѣчной колоннѣ приходилось править къ отмелямъ. Кромѣ того, въ лѣсу надо было охранять провіантные склады, больныхъ, брошенныхъ на койкахъ и лодку, разобранную по частямъ. Труднѣе всего была задача сдѣлать лодку возможно болѣе удобопереносимой. Оказывая въ теченіе всего путешествія неоцѣнимыя услуги на водѣ, она всегда являлась для экспедиціи ужаснѣйшей помѣхой на сушѣ. Для переноски ея требовалось не менѣе 44 человѣка, что составляло огромную цифру на то количество переносчиковъ, которымъ располагала экспедиція.

Съ теченіемъ времени, когда болѣзни носильщиковъ сократили общее ихъ число, а равнымъ образомъ и ихъ физическія силы, большое количество грузовъ прямо бросали во время сухопутныхъ переходовъ, возмѣщая ихъ новымъ матеріаломъ на судоходныхъ мѣстахъ рѣки. Въ открытой мѣстности сборныя части лодки оказывались еще довольно удобоносимыми. Сильные занзибарскіе носильщики, освѣженные морскимъ путешествіемъ, свободно перетащили ее отъ Матади до Stanley Pool. Но послѣ просѣканія тропинокъ черезъ лѣсъ Конго, гдѣ отъ нихъ потребовались такія громадныя усилія, при всей своей отвагѣ и выносливости, они останавливались на пути при каждомъ новомъ препятствіи и безпрестанно сбрасывали съ себя свой грузъ, сдиравшій имъ кожу и производившій болячки, превращавшіяся въ язвы. Для переноски сборныхъ частей лодки назначены были люди исключительной силы, но даже и тѣ рѣдко выносили такое напряженіе долѣе одной недѣли безъ перерыва. Они составляли всегда арріергардъ экспедиціи, постоянно отставали отъ остальныхъ и обыкновенно являлись въ лагерь нѣсколько часовъ спустя послѣ главнаго корпуса.

Люди, занимавшіеся просѣканіемъ тропинки для несшихъ лодку, въ то же самое время должны были выжигать особенно раскидистыя деревья вдоль своего пути. Обгорѣлыя мѣста намѣчали путь для маіора Барттелота и арріергадной колонны. Работа эта велась весьма регулярно, съ перваго и до послѣдняго дня лѣсного ихъ путешествія.

Такъ проходила недѣля за недѣлей. Самые пытливые разспросы оставались безплодными — отъ варварварскихъ туземцевъ нельзя

Битва съ Ависсиба.

было добиться никакихъ свѣдѣній о далекой странѣ, куда устремлялись всѣ надежды экспедиціи. Стэнли разсчитывалъ пройти въ три недѣли лѣсное пространство.

«Можете себѣ представить наше самочувствіе», писалъ онъ какъ-то домой, «когда мѣсяцъ за мѣсяцемъ мы все шли, шли, разрывая, разсѣкая, прорубая все тотъ же густой лѣсъ. Представьте себѣ частый шотландскій кустарникъ, смоченный дождемъ. Представьте себѣ кустарникъ этотъ простымъ мелкимъ лѣсомъ, разросшимся подъ непроницаемой тѣнью старыхъ деревьевъ, достигающихъ отъ ста до ста восьмидесяти футовъ высоты. Прибавьте сюда массу терновника и хворостника. Черезъ чащи кустарника извиваются лѣнивыя извилины рѣки, изрѣдка попадается глубокій притокъ большой рѣки. Вообразите себѣ этотъ лѣсъ и кустарникъ въ моментъ послѣдней степени ихъ разрушенія и разростанія — старые гигантскіе деревья гибнутъ, принимаютъ опасное наклонное положеніе или безсильно грохаются на землю; муравьи и насѣкомыя всевозможныхъ видовъ жужжатъ вокругъ и около; наверху на деревьяхъ мартышки и чимпанзе; повсюду причудливые звѣри и птицы; слышится трескъ кустарника отъ грузныхъ движеній слоновыхъ стадъ; запрятавшись въ укромныя мѣстечки, карлики съ отравленными стрѣлами, выжидаютъ добычи; сильные аборигены съ страшно-острыми копьями стоятъ тутъ же неподвижно, тихо, точно бездушные пни; черезъ день, весь круглый годъ, васъ долбитъ дождь, и въ довершеніе всего— душная атмосфера съ ужасными ея послѣдствіями—лихорадкой и дисентеріей; густой туманъ въ теченіе всего дня и тьма, почти осязаемая во всю ночь на-пролетъ. Затѣмъ, если воображеніемъ вы нарисуете себѣ картину такого лѣса на протяженіи всего пространства отъ Плимута до Петергида (Peterhead),—въ такомъ случаѣ вы будете имѣть нѣкоторое представленіе объ ужасахъ, вынесенныхъ нами съ 28-го іюня по 1-е декабря 1887 года».

Существованіе такого гигантскаго лѣса въ центральной Африкѣ, по мнѣнію Стэнли, вполнѣ объяснимо. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году влажность, испаряющаяся съ южной части Атлантическаго океана, направляется вѣтрами какъ разъ въ эту сторону. Интенсивность этой влажности усугубляется парами, подымающимися съ 1400 миль рѣки Конго, 1—16 миль въ ширину открытыхъ для пламеннаго дыханія тропическаго солнца. Прибавивъ сюда 1600 миль Арувими, да еще неизмѣренное теченіе ея притоковъ, превышающихъ часто въ длину величайшія европейскія рѣки, уже не трудно объяснить себѣ здѣшній полуторастадневный дождь, постепенно произведшій эту массу растительности, извѣстной нынѣ подъ именемъ большого лѣса Конго.

Ависсибская битва, гдѣ раненъ былъ лейтенантъ Стэрсъ, произошла 13-го августа. Два дня спустя, мистеръ Джефсонъ, коман-

довавшій сухопутной колонной, во избѣжаніе многихъ труднопреодолимыхъ преградъ на пути, вывелъ отрядъ внутрь страны и потерялъ свою лѣсную дорогу. Прошла почти цѣлая недѣля, пока обѣ колонны соединились снова.

25-го августа они прибыли въ Авіели, все продолжая придерживаться южнаго берега рѣки, противъ Непоко, великолѣпнаго потока въ 300 ярдовъ длины съ ужаснымъ ревомъ впадающаго въ Арувими. Въ этомъ пунктѣ оказалось множество туземныхъ селеній, въ которыхъ удалось сдѣлать обильные запасы провіанта. Но по минованіи именно этой мѣстности и начались, можно сказать, настоящія бѣдствія для экспедиціи. Провіантъ, забранный у туземцевъ, вскорѣ истощился, а окружающая мѣстность представляла собою пустыню, почти что обезлюженную арабскими набѣгами. Люди безпрестанно падали по сторонамъ дороги, или уходили въ кустарники на поиски за пищей, попадая при этомъ или подъ отравленную стрѣлу или въ какую-либо другую изъ безчисленныхъ опасностей, всегда угрожающихъ беззащитному путнику.

Скорѣе полумертвые, чѣмъ живые, шатаясь отъ слабости, измученные постоянной борьбой, Стэнли и его спутники достигли наконецъ мѣстечка, противъ поселенія арабскаго торговца невольниками Угароввы, расположеннаго на девяноста три мили выше Авіели. При провѣркѣ на этомъ пунктѣ оказалось, что потеря отъ дезертирства и смертности въ экспедиціи составляла пятьдесятъ-шесть человѣкъ, да столько же людей прибыли сюда истощенными до такой степени, что Стэнли вынужденъ былъ войти въ соглашеніе съ арабскимъ предводителемъ, который принялъ на себя обязательство оставить больныхъ и ослабѣвшихъ у себя и продовольствовать ихъ, съ условіемъ вознагражденія по 5 долларовъ въ мѣсяцъ за каждаго. Тащить ихъ за экспедиціей было положительно немыслимо, и хотя Стэнли имѣлъ мало основанія довѣрять ненарушимости обязательствъ Угароввы, тѣмъ не менѣе иного выхода, какъ оставить ихъ тамъ, не предвидѣлось.

Закупивъ у арабскаго торговца невольниками продовольствіе и припасы по страшно высокой цѣнѣ, Стэнли нѣсколько дней спустя двинулся на востокъ. Но страна, черезъ которую имъ пришлось теперь проходить, наводила, пожалуй, еще большій ужасъ, была еще болѣе лишена средствъ для человѣческаго существованія, нежели мрачная пустыня между Авіели и становъ Угароввы. Экспедиція отправилась въ путь 19-го сентября, численностью въ 285 человѣкъ. За шестнадцать дней восемь человѣкъ погибло отъ голода, дисентеріи или язвъ, пятьдесятъ два человѣка изъ сухопутной колонны до того обезсилѣли, что рѣшительно не въ состояніи были сдѣлать ни шага безъ посторонней помощи.

Дѣла шли отъ сквернаго къ худшему, какъ вдругъ въ одномъ мѣстечкѣ, на пять миль ниже сліянія Арувими съ Игури (Ihuri),

дальнѣйшій путь экспедиціи былъ прегражденъ бушующимъ водопадомъ. Не смотря на страшную слабость и истощеніе людей, памятуя свои прежнія удачи при рѣчной навигаціи, Стэнли готовъ уже былъ протащить челноки нѣкоторое разстояніе по берегу, чтобы воспользоваться рѣкою выше этихъ пороговъ, но донесеніе развѣдчиковъ, высланныхъ впередъ для опредѣленія характера потока выше водопада, устраняло всякую мысль о водяномъ передвиженіи. Такимъ образомъ Стэнли очутился передъ бурной рѣкой съ пятидесятью двумя больными людьми, безъ малѣйшихъ средствъ для ихъ переправы.

Въ такихъ обстоятельствахъ Стэнли, наскоро устроивъ укрѣпленный лагерь и оставивъ немощнымъ членамъ своей экспедиціи весь запасъ, безъ котораго онъ могъ обойтись, въ сопровожденіи сильныхъ носильщиковъ, съ удивительною быстротою двинулся на поиски нѣкоего арабскаго поселенія, по дошедшимъ до него слухамъ, находившагося въ трехъ-четырехъ дняхъ пути отъ этой мѣстности. Пикетъ изъ семи и восьми занзибарцевъ былъ отправленъ авангардомъ, съ порученіемъ добыть продовольствія во что бы то ни стало и возвратиться съ новыми носильщиками. Но несчастные сбились съ пути, и лишь три недѣли спустя отрядъ развѣдчиковъ, подъ начальствомъ Уледи, розыскалъ ихъ, просто на порогѣ смерти, безпомощно бродящими среди безпредѣльности мрачнаго лѣса.

Довѣривъ станъ капитану Нельсону, охромѣвшему отъ язвъ, Стэнли выступилъ въ путь вслѣдъ за своимъ занзибарскимъ отрядомъ—6-го октября. Онъ расчитывалъ вернуться черезъ 9 дней, но чѣмъ скорѣе онъ шелъ, тѣмъ далѣе, казалось, уходило отъ него арабское поселеніе. Лѣсъ, черезъ который лежалъ ихъ путь, былъ вполнѣ необитаемъ. Онъ и его отрядъ питались исключительно плодами и грибами, такъ что когда, наконецъ, 18-го числа они достигли желаннаго арабскаго поселенія, по дорогѣ успѣло умереть не менѣе 22-хъ человѣкъ, да и уцѣлѣвшіе въ живыхъ были въ такомъ плачевномъ состояніи, что скорѣе походили на привидѣнія съ того свѣта, чѣмъ на живыхъ людей. Арабы и маніемцы (Manyema) въ Килинга-Лонгскомъ станѣ (Kilinga-Longa) жестоко воспользовались ихъ слабостью и изводили ихъ всячески: угнетали разными насиліями, наказывали плетьми, бичевали, вообще подвергали всевозможнымъ истязаніямъ. Уговоривъ, между прочимъ, занзибарцевъ продать ихъ ружья и боевые запасы за нѣсколько зеренъ корма, и забравъ ружья, они отказали имъ въ провизіи. Стэнли не могъ протестовать, зная безпомощность своихъ спутниковъ. Наконецъ, цѣною громадныхъ жертвъ добывъ запасъ пищи, подъ командою Джефсона, онъ отправилъ сорокъ занзибарцевъ и тридцать шесть маніемцевъ для освобожденія стана капитана Нельсона.

№ 1-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса)

ВЪ ОКТЯБРѢ ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Абаза, К. К. Казаки: Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алабинъ, П. Четыре войны. Походныя записки въ 1849, 1853, 1854—56 и 1877—78 годахъ. Т. II. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Альмедингенъ, А. Настольная книга для земскихъ участковыхъ начальниковъ, волостныхъ судовъ, городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружн. судовъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

А. Н. Пестрые разсказы для дѣтей. Состав. по англійскимъ и нѣмецкимъ оригиналамъ. Съ картинками. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Андре, Г., проф. Гигіена старческаго возраста. Переводъ съ примѣчан. и дополн. д-ра Финкельштейна. Спб. Ц. 1 р.

Анисимовъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ (изд. 1886 г. и продолж. 1887 и 1889 гг.). Съ разъяснен. Прав. Сената. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1890 г. Ц. 85 к.

Антоновичъ, А. Я. Курсъ государственнаго благоустройства (полицейское право). Кіевъ. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Антуанъ, А. Новѣйшій французскій самоучитель. Спб. Ц. 50 к.

А. П. Временныя правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земск. участ. нач. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтило Азіи или великое отреченіе. Поэма. Переводъ съ англійскаго, И. Юринскаго. Спб. Ц. 1 р.

Астафьевъ, П. Е. Ученіе графа Л. Н. Толстого въ его цѣломъ. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Барсовъ, Е. В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе. Т. III. Лексикологія „Слова". М. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Баталинъ, Н. Краткая славянская грамматика съ задачами для упражненій. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Бахтіаровъ, А. А. Исторія книги на Руси. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Богенъ, Б. Насущный вопросъ. Новый проектъ о постановкѣ дѣла домашняго обученія. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Бремъ, А. и Россмесслеръ. Лѣсныя животныя: музыканты и хористы лѣса. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Т. III. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Фототипическое изданіе. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Валуевъ, Ѳ. М. Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Практическое руководство желѣзнодорожнаго дѣла. Вып. II. Устройство и ремонтъ пути и зданій. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. III. Лиза („Горе отъ ума"). М. 1890 г. Ц. 1 р.

Вахтинъ, В. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется ли Азія съ Америкой. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 2-й. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Вопросы философіи и психологіи, подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Кн. 4-я. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Генрижанъ, д-ръ. Микробы. Популярное изложеніе ученія о низшихъ организмахъ, производящихъ разныя болѣзни. Переводъ съ франц. подъ редакц. проф. Э. К. Брандта. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Герасименковъ, И. Изображеніе жизни человѣка-христіанина. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Герои и героини греческихъ трагедій** въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Hetsch, G. F. Практическій курсъ перспективы и ея примѣненія къ архитектурѣ и живописи. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Глушковъ, Е. Каменноугольный газъ и его значеніе какъ источника свѣта, тепла, вентиляціи и двигательной силы. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Гнѣдичъ, П. П. Перекати-поле. Современные силуэты — въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Голицынъ, Дм., кн. (Муравлинъ). Не убій! Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Горяиновъ, С. М. Уставы о воинской повинности, дополн. узаконен. по 1-е сентября 1890 г. Изд. 5-е. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Гуэрацци. Беатриче Ченчи. Историческій романъ XV столѣтія. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Дашкевичъ, Н. Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада I. Историко-литературн. очерки. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. II. Изд. 3-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дмитріева, В. Н. Русско-французскіе діалоги, а также и правила произношенія и письма. (Для дѣтей). Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, К. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Историческій романъ изъ временъ Іоанна III. Спб. Ц. 1 р.

Додэ. Развращенные. Романъ. Спб. Ц. 1 р.

„Досуги Марса". Сборникъ трудовъ офицеровъ. № 3. Саратовъ. 1890 г. Ц. 3 р.

Дракопуло, К. Н. Балаклава и ея цѣлебныя свойства. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Езерскій, Ѳ. В. Мѣры къ подъему финансовъ. Спб. Ц. 1 р.

„Живая старина". Періодическое изданіе Отд. Этнографіи Имп. Рус. Географ. Общ., подъ редакц. В. И. Ламанскаго. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. отд. вып. 2 р.

Животовъ, Н. Н. Отецъ Іоаннъ Ильинъ Сергіевъ, кронштадтскій протоіерей Андреевскаго собора. Очеркъ. Спб. 1890 г. Ц. 40 к

Жмакинъ, В., свящ. Матеріалы для исторіи русской богословской мысли 30-хъ годовъ. Изъ переписки братьевъ кн. Ширинскихъ-Шихматовыхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Занковъ, П. М. Электра, трагедія Софокла. (Переводъ съ греческаго). Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Зауэръ, И. Ф. Сборникъ грузовыхъ поверстныхъ разстояній русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Измайловъ, А. Е. Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Съ портретомъ автора. М. Ц. за 3 т. 1 р. 50 к.

Каманинъ, И. и М. Истоминъ. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива при универс. св. Владиміра. Вып. I. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Каринскій, М. И. Безконечное Анаксимандра. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Клаусенъ, Э. К. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растеній и плодоводства, особенно юга Россіи. Ч. I. Огородничество. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Ковалевскій, М. Законъ и обычай на Кавказѣ. М. 1890 г. Ц. за 2 т. 4 р.

Королевъ, О. П. Свѣтскія затѣи или Общество попеченія о бѣдныхъ. Оригинальная комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ иллюстр. исполнителей. М. 1890 г.

Кошельковъ, К. Предварительный курсъ физики. Ч. I. Новгородъ. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. II. Изд. 3-е, дополнен. и исправлен. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Кудрявцевъ, В. Начальныя основанія философіи. Вып. II. М. 1890 г. Ц. 1 р. 20 к.

Куно-Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Курсаковъ, В. Справочная книжка для вольноопредѣляющихся. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Лебедевъ, В. Славянскій переводъ книги Іисуса Навина по сохранившимся рукописямъ и Острожской библіи. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Лебедевъ, Г. Учебникъ минералогіи. Часть описательная. Вып. I-й. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Левицкій, Н. Справочная книжка по тактикѣ. Изд. 11-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леоновъ, І., протоіерей. Сужденія и толки штундистовъ и опроверженіе ихъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Леонардовъ, Н. Набросокъ о дорогическихъ свинцовыхъ пломбахъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Либермейстеръ, К. О легочныхъ воспаленіяхъ и легочной чахоткѣ (Лекціи соврем. нѣмецк. клиницистовъ). М. 1890 г. Ц. 50 к.

Литература земельнаго кредита. Библіограф. указатель сочиненій, отдѣльно издан. и помѣщен. въ повремен. изданіяхъ. Вып. I. Издан. Комитета съѣздовъ пред-

ставителей учрежд. рус. земельн. кредита. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Лубны-Парижъ. Поѣздка корнета М. В. Асѣева. Саратовъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Львова, А. Д. (Шидловская). Поэмы и пѣсни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Магницкій, В. К. Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Этнографическій сборникъ. Казань. 1888 г. Ц. 30 к.

Максимовъ, С. Сибирь и каторга. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Спб. Ц. за 2 т. 5 р.

Марковъ, Евгеній. Путешествіе на Востокъ: Царьградъ и Архипелагъ. — Въ странѣ фараоновъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Марковъ, Н. Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Вып. І-й. Елисаветградъ. 1890 г. Ц. 25 к.

Массальскій, В., кн. Винодѣліе въ Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Матинскій, М. Опера комическая. С.-Петербургской Гостиный Дворъ. Перепечат. съ 1-го издан. 1791 г. Одесса. 1890 г. Ц. 75 к.

Мордовцевъ, Д. Л. За чьи грѣхи. Повѣсть изъ временъ бунта Разина. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Налимовъ, Т. Вопросъ о папской власти на Констанскомъ соборѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и Комп. Вып. 4-й. М. 1890 г. Ц. 30 к., на лучшей бумагѣ 40 к.

Наши государственные и общественные дѣятели. Сочиненіе автора „Современной Россіи". Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Никаноръ, архіепископъ. Бесѣда о христіанскомъ супружествѣ, противъ гр. Л. Толстого. Изд. 2-е, дополн. Одесса. 1890 г. Ц. 15 к.

Никитинъ, В. Н. „Несчастные" (По поводу бывшаго тюремнаго конгресса). Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Никольскій, П. Микробы или яды? Популярный очеркъ новѣйшихъ открытій о причинахъ заразныхъ болѣзней. Спб. 1890 г, Ц. 30 к.

Н. Ф. Алексѣй Николаевичъ Верстовскій. Очеркъ его музыкальной дѣятельности. Съ портретомъ. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Оболенскій, Л. Е. Опытъ примиренія науки и метафизики. (Основныя начала панфилософіи). Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

*) **Одоевскій, В. Ѳ., кн.** Повѣсти. Книга III. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

??!! Около женщинъ. Разсказы изъ жизни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Пахарнаевъ, А. Краткій обзоръ Свода законовъ Россійской имперіи и правила для употребленія ихъ на практикѣ. Спб. Ц. 30 к.

П. Б. Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ на каѳедрѣ гражданскаго права въ военно-юридической акад. 1878—1885 г. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Перфильевъ, М. О. Матеріалы для „хирургіи мозга". Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Петровъ, А. Н. Война Россіи съ Турціей. Дунайская кампанія 1853—1854 гг. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Петровъ, Н. П. Опредѣленіе скорости поѣзда на желѣзной дорогѣ при возможномъ увеличеніи вѣроятности безопаснаго движенія. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

— Сравненіе условій движенія поѣзда по желѣзной дорогѣ одиночною и двойною тягою. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Петросіанъ, А. Самоучитель татарскаго языка. Тифлисъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Плещеевъ, Александръ. Петербургская грѣшница. Хроника-романъ столичной жизни. Изд. 2-е. Одесса. 1890 г. Ц. 50 к.

Побѣдинскій, Г. Гражданское судопроизводство въ окружномъ судѣ по уставамъ Императора Александра II въ принятыхъ судебною практикою формахъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Пономаревъ, И. Н. Тайны двухъ рынковъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Потѣхинъ, Л. А. Справочная книжка для пчеловодовъ. Спб. Ц. 50 к.

Практическій указатель города Москвы, съ планами московскихъ театровъ. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Прейсъ, Н. П. О діэтетикѣ при леченіи сифилиса (Популярное изложеніе). Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Рангадъ, Ж. Подъ волнами океана. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской имперіи и азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836—1885 г. Критически обработанъ А. Тилло. Съ атласомъ картъ. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXI). Спб. 1890 г. Ц. 7 р.

Рембрандтъ. Полное собраніе гравюръ со всѣми разницами въ отпечаткахъ; 1,000 фототипій безъ ретуши. Собралъ и привелъ въ порядокъ Д. Ровинскій. Одинъ томъ текста и атласъ въ 3-хъ т. въ листахъ. Спб. 1890 г. Ц. 125 р.

— **То-же** изданіе съ двумя атласами, изъ которыхъ второй расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ по Миддлетону. Ц. 250 р.

Repetitorium по частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Кіевъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Рубакинъ, Н. А. Опытъ программы для изслѣдованія литературы для народа. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.

Русская военная сила. Очерки развитія выдающихся военныхъ событій. Вып. VII. М. 1890 г. Ц. 60 к.

Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою комиссіею. Т. XII. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Русскій уголовный процессъ (краткій курсъ). Элементарное и практическое руководство. Спб. 1890 г. Ц. 90 к.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. III. Древности временъ переселенія народовъ. Съ 185-ю рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, А. Начальный учебникъ французскаго языка (Метода Туссэна и Лангеншейдта). Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философія вообще. Т. V. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сальмонъ. Аналитическая геометрія трехъ измѣреній. М. Ц. 3 р.

Самуиловъ, Вяч. Исторія аріанства на латинскомъ западѣ (353—430). Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ старинныхъ грамотъ и узаконеній Россійской имперіи касательно правъ и состоянія русско-подданныхъ караимовъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. III Подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ. Т. 51. Спб. 1890 г. Ц 2 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е іюля 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е августа 1890 г. Спб. Ц. 50 к.

Селезневъ, М. Т. Любопытные разсказы изъ 1812 г. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Смирновъ, И. Н. Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Казань. 1890 г. Ц. 20 к.

— Юбилей Имп. Московскаго Археологическаго Общества и VII археологическій съѣздъ. Казань. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Снегиревъ, В. А. Метафизика и философія. Харьковъ. 1890 г. Ц. 80 к.

*) **Соллогубъ, В. А.** Повѣсти и разсказы 3 книж. Изд. 2-е. („Дешевая Библіотека“). Спб. Ц. 1-й кн. 20 к., 2-й и 3-й по 15 к.

Соловьевъ, Е. Т. Гражданское право. Очерки народнаго юридическаго быта. Вып. I. Казань. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Черниговъ. 1890 г. Ц. 50 к.

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Вып. I. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Старчевскій, А. В. Кавказскій толмачъ. (Переводчикъ съ русскаго на главнѣйшіе кавказскіе языки). Спб. Ц. 3 р.

Стояновъ, М. Развѣнчанная королева. Романъ изъ современной сербской придворной жизни. Спб. Ц. 1 р.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М. 1890 г. Ц. 1. р. 30 к.

Стэнли. Путешествіе въ пустыняхъ Африки. Перев. съ англійскаго. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Сюзевъ, А. Луженіе и цинкованіе. М. 1888 г. Ц. 50 к.

— Производство жестяныхъ работъ. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Тепловъ, В. Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тихомандрицкій, М. Разложеніе тригонометрическихъ и эллиптическихъ функцій на частныя дроби и въ безконечныя произведенія. Харьковъ. 1890 г. Ц. 40 к.

Толвинскій, А. И. Капитализація доходовъ. Вильна. 1890 г. Ц. 75 к.

Труды Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Ч. 20-я. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Туръ, Евгенія. Княжна Дубровина. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Усовъ, В. А., инж. Очерки желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи и другихъ государствахъ земного шара. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 10 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы XIX вѣка. Т. III. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фетъ, А. Мои воспоминанія. 1849—1889. 2 ч. М. 1890 г. Ц. за 2 т. 4 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“,** Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки,** необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1890

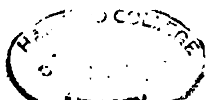
СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1890 г.

См. слѣд.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

ВСЕВОЛОДЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ КРЕСТОВСКІЙ

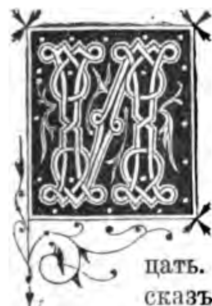
дозв. ценз. спб., 8 ноября 1890 г.

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Бабушка Аграфена Ниловна.

I.

ИЗЪ ВСѢХЪ нашихъ родныхъ бабушка Аграфена Ниловна жила на самомъ дальнемъ отъ насъ разстояніи. Она была выдана замужъ еще почти дѣвочкой за Алексѣя Михайловича Репелова, помѣщика не нашей губерніи, но сосѣдняго съ нами уѣзда. До имѣнія ихъ Большой Боръ отъ насъ было по крайней мѣрѣ верстъ сто или сто двадцать. Къ тому времени, къ которому относится этотъ разсказъ, бабушка была уже давно вдовою. У нея было свое приданое, прекрасное имѣніе Покровка, тоже съ усадьбой и совсѣмъ устроенное, въ нашей сторонѣ, гдѣ мы всѣ жили, но она, хотя и бывала всегда очень рада всѣмъ своимъ роднымъ, когда они пріѣзжали къ ней, и говорила, что ихъ очень любитъ, что ей очень досадно, что она такъ далеко живетъ отъ нихъ, однакожъ, въ свое приданое имѣніе—Покровку, къ намъ, въ нашу сторону, не переѣзжала, а оставалась въ Большомъ Бору.

Обстоятельство это, т. е. вотъ, что бабушка Аграфена Ниловна не переѣхала тотчасъ по кончинѣ мужа въ нашу сторону, въ свое приданое имѣніе—Покровку, и не переѣзжала и послѣ, родственники всѣ осуждали, объясняя его тѣмъ, что у бабушки не было настоящихъ къ нимъ ни къ кому родственныхъ чувствъ.

Единственное, смягчающее ея вину въ данномъ случаѣ, обстоятельство они усматривали въ томъ лишь, что бабушка Аграфена Ниловна была выдана замужъ очень рано, когда ей только-что минуло пятнадцать лѣтъ, все время была окружена мужниными родственниками, подружилась съ ними, свыклась, сжилась, и слѣдовательно настоящихъ родственныхъ къ намъ чувствъ въ ней не могло развиться; она ихъ всѣ перенесла на мужнину родню.

Вѣрно ли было такое объясненіе, я не знаю, но слышалъ его, помню, очень часто, почти всякій разъ какъ бабушка бывала у насъ или у другихъ родственниковъ и уѣзжала къ себѣ, въ Большой Боръ, не соглашаясь, не смотря на упрашиванія, остаться и прогостить еще нѣсколько дней.

— Какъ волка не корми, а онъ все, видно, въ свой лѣсъ глядитъ,—скажетъ бывало кто-нибудь, проводивъ ее.

И я нѣсколько разъ слыхалъ при этомъ, почти всегда повторявшуюся, остроту-поправку: «не въ лѣсъ, а въ боръ», намекая этимъ на имѣніе ея мужа, гдѣ она жила—Большой Боръ:—«Нѣтъ въ ней этихъ настоящихъ родственныхъ чувствъ. Вѣдь это такъ слышется, чувствуется съ ней»...

Я собственно этого не могъ про нее сказать, потому что она меня и вообще всѣхъ у насъ въ домѣ любила, а про матушку говорили, что она у нея любимица, что она единственная изъ всѣхъ родныхъ, которую Аграфена Ниловна по-настоящему, по-родственному, какъ слѣдуетъ, любитъ.

Вообще, я не знаю даже хорошо, чего они отъ нея требовали. Вездѣ, у всѣхъ родныхъ, куда она пріѣзжала, и гдѣ я ее точно также видалъ, она была всегда одинаково спокойна, съ достоинствомъ, любезна, со всѣми привѣтливо ровна, внося съ собою свѣтлое, спокойное настроеніе въ домъ, въ который пріѣзжала. Что-то необыкновенно теплое, ясное, сейчасъ же заводилось въ этомъ домѣ и всѣми сознавалось, что это она внесла съ собою.

— А у насъ Аграфена Ниловна,—говорили при встрѣчѣ пріѣхавшимъ гостямъ и говорили это прежде всего.

— Да-а?—обрадовавшись, отвѣчали гости, и видно было по лицамъ ихъ, что извѣстіе это очень по сердцу имъ, и они спѣшили къ ней, зная, что тамъ, гдѣ она, возлѣ нея, и тепло, и ясно.

Намъ, дѣтямъ, казалось, что съ пріѣздомъ бабушки Аграфены Ниловны, или какъ называли мы ее по причинѣ ея высокаго роста, «большой бабушки», казалось, что и самоваръ шипѣлъ и свисталъ веселѣе, и чай вкуснѣе, и свѣчи горѣли ярче, и всѣ становились добрѣе и ласковѣе другъ съ другомъ. Совсѣмъ особенная, радостная, поднималась въ домѣ суета, когда она пріѣзжала, или когда получалось извѣстіе, что она скоро будетъ. Суета всегда поднималась, когда пріѣзжало много гостей, или ждали, что они пріѣдутъ; но суета при пріѣздѣ бабушки была особенная, свѣтлая, въ

которой каждый принималъ участіе, и въ которой не было недовольныхъ, а, напротивъ, всѣ, одинъ передъ другимъ, добровольно и по собственному почину, дѣлали то-то, говорили, какъ бы не забыть того-то, и т. д., и т. д.

Все это показывало, повидимому, что бабушку Аграфену Ниловну никакъ нельзя было упрекать въ добрыхъ чувствахъ, которыя она привозила къ намъ съ собою изъ своего Большого Бора въ нашу сторону, а напротивъ, что эти добрыя ея чувства были даже необыкновенны и всѣ ихъ ощущали, всѣ имъ радовались, отдыхали на нихъ. А между тѣмъ ее упрекали и именно въ отсутствіи этихъ чувствъ.

Нѣкоторые намеки, однакожъ, я понималъ, и именно намеки, не объясненія, на то, чего имъ отъ нея хотѣлось и чего она не дѣлала, не догадывалась или не хотѣла дѣлать, и что собственно они называли въ ней недостаткомъ родственныхъ чувствъ.

Бабушка Аграфена Ниловна не была похожа ни на кого изъ нашихъ родственниковъ. Она была, какъ я говорю, очень добрая и, пріѣзжая, вносила съ собою въ домъ свѣтъ, миръ и теплоту, радостныя все чувства; но всѣ въ то же время сознавали и понимали, чувствовали даже это, что и теплота и свѣтъ ея разливаются на всѣхъ одинаково, что она никого этимъ не надѣляетъ больше чѣмъ другого и не обдѣляетъ... Мнѣ хочется это объяснить, какъ я понималъ это тогда, какъ мнѣ это представлялось въ то время. Теперь я, можетъ быть, употребилъ бы для этого другія слова, другія выраженія, но это ужъ не будетъ соотвѣтствовать моему намѣренію. Мнѣ хочется показать и ее, и отношенія къ ней, такими, какими я ихъ тогда понималъ...

Дѣйствительно, трудно было сказать, кто ей былъ больше радъ въ домѣ — господа, родственники ея, къ которымъ она пріѣхала, или ихъ домочадцы и ихъ окружающая прислуга. Она со всѣми была привѣтлива, всѣхъ согрѣвала своей теплотой, для всѣхъ находила доброе, ласковое слово, а ихъ, этихъ словъ, тогда вообще мало было...

По-настоящему, слѣдовало бы сказать, что она была человѣкомъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ слова, что она любила всѣхъ людей потому, что они люди. Она не могла дѣлать между ними выбора—одному помочь, потому что онъ ей родственникомъ приходится, а другому отказать, потому только, что родственникомъ онъ ей не приходится. Вотъ это-то всѣ, сознавая, понимая и даже чувствуя въ ея отношеніяхъ, и называли отсутствіемъ у нея настоящихъ родственныхъ чувствъ.

А потомъ было другое еще. При низменности тогдашнихъ интересовъ, при тогдашнихъ нечистоплотныхъ привычкахъ и стремленіяхъ, при тогдашней, однимъ словомъ, разнузданности, всѣ чувствовали себя, не смотря на вносимую ею съ собою теплоту, стѣ-

сненными: должны были въ этихъ своихъ привычкахъ и разнузданности сдерживаться, чего имъ не приходилось дѣлать въ присутствіи другихъ всѣхъ родственниковъ. И она, привѣтливая, величаво кроткая, стѣсняла ихъ, хотя ничего отъ нихъ не требовала, ни въ чемъ никого никогда не упрекала. Но теплота и свѣтъ — сами по себѣ страшныя силы...

И еще: бабушка слушала всегда съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, ближе всего похожимъ на участливое сожалѣніе къ самому разсказчику, всѣ сообщаемыя ей новости, слухи, анекдоты о прочихъ родственникахъ и сосѣдяхъ. У нея это выраженіе было доброе, но иногда до того грустное, что разсказчикъ, очевидно, хотѣвшій своимъ сообщеніемъ доставить ей удовольствіе, невольно при этомъ смущался, терялся и замолкалъ, а бабушка, вздохнувъ, говорила:

— Да, жалкій, несчастный.

— Позвольте-съ, почему же? — иногда позволялъ себѣ сдѣлать ей возраженіе разсказчикъ.

— Не понимаетъ, что это не хорошо—вотъ почему. Еслибы онъ получилъ лучше воспитаніе и образованіе, онъ бы понималъ, а теперь не понимаетъ.

— Позвольте, какъ же не получилъ? Онъ воспитывался и проч., и проч.,—продолжалъ возражать разсказчикъ.

Но бабушка ужъ молчала, дальше ничего не отвѣчала или говорила:

— Ну, Господь съ нимъ...

И затѣмъ ужъ никто не могъ заставить ее высказаться дальше.

Вотъ въ этомъ-то сожалѣніи ея, неопредѣленномъ до того, что нельзя было почти разобрать къ кому оно относится — къ предмету разсказа или къ самому разсказчику—и усматривалось тоже обидное для родственниковъ съ ея стороны отношеніе.

— Она точно выше всѣхъ, точно всѣ достойны съ ея стороны только одного сожалѣнія: недосягаемая какая!—говорили они про нее, и при этомъ добавляли: — Ея мужа родня что ли выше? Что братъ-то его профессоръ? Или, можетъ, что они по зимамъ въ Петербургъ все ѣздятъ?...

И эта родня ея мужа въ самомъ дѣлѣ была совсѣмъ особая, отличная отъ всѣхъ нашихъ родственниковъ и вообще отъ всѣхъ помѣщиковъ-сосѣдей въ нашей сторонѣ. И по виду они были особенные, не такіе какъ наши. Наши всѣ были усатые, съѣзжаясь, ѣли и пили неумѣренно и какъ-то постоянно и зря, если можно такъ сказать. Разговоръ у нихъ былъ только объ лошадяхъ—они всѣ почти были конноводчики, да объ охотѣ, о волкахъ, лисицахъ, зайцахъ, у кого какіе собаки, чьи лучше, рѣзвѣе, чьи хуже, слабосильнѣе, не такъ злобны. Тамъ же, въ той сторонѣ, или въ томъ кругу, который, мы видали, собирался въ Большомъ Бору у

бабушки, было все иное, не похожее на этихъ. Бросалась въ глаза ихъ чинность, изысканность въ обращеніи и въ словахъ, даже костюмы были иные, совсѣмъ иного фасона и покроя: ни этихъ бекешъ, ни венгерокъ, ни бѣличьихъ или барашковыхъ полушубчиковъ, крытыхъ сѣрымъ или синимъ сукномъ съ опушкой, въ которыхъ ходили у насъ, въ нашей сторонѣ, и дома и ѣздили въ гости запросто—ничего этого тамъ не было.

Однажды, я какъ-то по этому случаю замѣтилъ матушкѣ:

— Какая разница,—сказалъ я.

— А тебѣ нравится это?

— Нравится. Да такъ...

— Что такъ?

— Такъ лучше. Такъ мнѣ больше нравится...

И разговоры мы слышали, бывая тамъ, совсѣмъ другіе тоже. Разсказывалось про Петербургъ, про за-границу, гдѣ многіе изъ нихъ были, про театръ, про книги.

И замѣчали мы, что и бабушка въ этомъ кругу, у себя, дѣлалась совсѣмъ иною, совсѣмъ не такою, какою мы видѣли ее въ нашей сторонѣ, когда она пріѣзжала къ намъ. Она была въ этомъ своемъ кругу еще свѣтлѣе, еще веселѣе, добродушнѣе; она становилась, казалось, моложе даже.

Я замѣчалъ эту перемѣну въ ней, сравнивалъ, вспоминалъ, какою я видѣлъ ее въ нашей сторонѣ и какою она была теперь, припоминалъ отзывы объ ней, т. е. вотъ объ этомъ недостаткѣ у нея родственныхъ къ намъ, т. е. къ нашимъ родственникамъ въ нашей сторонѣ чувствъ,—ясно замѣчалъ, видѣлъ даже, что у нея сердце дѣйствительно лежало больше къ своему кругу, къ родственникамъ ея мужа, которые наѣзжали къ ней, собирались у нея, и съ какими-то радостными чувствами раздѣлялъ съ ней ея симпатіи къ этимъ людямъ, такимъ простымъ, свѣжимъ и чистымъ, начиная съ одежды ихъ и кончая ихъ мнѣніями, отзывами и вообще разговорами.

II.

Въ это время вотъ, къ которому относится настоящій разсказъ, т. е. вначалѣ, въ самыхъ первыхъ, пятидесятыхъ годахъ, какъ разъ, когда только-что была объявлена Крымская война, у насъ проявился, въ нашей сторонѣ, одинъ общій какой-то родственникъ, приходившійся намъ собственно двоюроднымъ дядей—«дядя Яша». Онъ былъ отставной уланъ, и какъ ужъ онъ не попалъ на войну, т. е. не былъ выбранъ въ ополченіе, куда выбирали всѣхъ отставныхъ, бывшихъ военныхъ,—я не знаю. Всѣ почти тогда ушли на войну, а онъ, смутно и неизвѣстно гдѣ-то проживавшій все время, вдругъ тутъ-то какъ разъ и проявился.

Дядя Яша былъ сынъ нашего двоюроднаго дѣдушки Дмитрія Ивановича Скурлятова, извѣстнаго въ свое время конскаго заводчика и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго крѣпостника, о дѣяніяхъ котораго и до сихъ поръ еще живы воспоминанія. Дядя Яша почему-то былъ опальный у своего отца, не бывалъ у него, не получалъ отъ него содержанія и будучи хотя и самъ буйнаго и строптиваго характера, при томъ же онъ пилъ, разсказывалъ про своего отца ужасныя вещи, давалъ ему эпитеты, клички, такъ что родственники, къ которымъ онъ пріѣзжалъ, или у которыхъ онъ жилъ—онъ жилъ иногда по мѣсяцамъ—останавливали его, говорили, что это не прилично ему такъ выражаться про отца своего, каковъ бы онъ ни былъ. Дядя Яша стихалъ на нѣкоторое время, какъ-то пошло подсмѣиваясь надъ трусостью останавливавшихъ его родственниковъ, не переносившихъ такого, по ихъ словамъ, кощунства, но послѣ опять принимался за свое. Насъ, дѣтей, такъ совсѣмъ не пускали туда, гдѣ жилъ дядя Яша, а если онъ пріѣзжалъ неожиданно къ кому-нибудь изъ нашихъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ и мы въ то время находились, то гувернантки наши такъ ужъ и знали, что имъ надо съ нами уходить въ садъ гулять или, если былъ дождь и вообще ненастная погода, то садиться и заниматься съ нами, диктовать, читать, переводить, словомъ, лишь бы имѣть какой-нибудь предлогъ сказать дядѣ Яшѣ, что видѣть насъ сегодня нельзя. А тамъ поскорѣе и совсѣмъ уѣзжали. Дядя Яша, не смотря даже на распущенность вообще всѣхъ родственниковъ и сосѣдей въ нашей сторонѣ, все-таки бременилъ даже и ихъ. Его хотѣли помирить съ отцомъ и на нѣкоторое время даже и помирили. Другой дѣдушка, братъ отца дяди Яши, привезъ его въ домъ къ родителямъ, заставилъ ихъ даже поцѣловаться и какъ-то сдѣлалъ такъ, что безъ всякихъ словъ и объясненій, все пошло какъ бы и не было никогда у нихъ никакой ссоры, а дядя Яша просто вернулся домой послѣ долгой разлуки. Эту мировую, я помню, тогда всѣ ставили въ примѣръ, какъ образецъ умѣнья Михаила Ивановича Скурлятова мирить. Но это продолжалось, однако, недолго. При строптивомъ и деспотическомъ характерѣ ихъ обоихъ, и отца, и сына, они, конечно, не могли долго ужиться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что у сына не было никакого дѣла, отецъ не довѣрялъ ему, или, не полагаясь на него, не давалъ ему ни за чѣмъ смотрѣть, ни чѣмъ распоряжаться. Ссора у нихъ вышла, кажется, изъ-за лошадей, которыхъ они оба считали себя знатоками—дѣдушка Иванъ Дмитріевичъ, какъ извѣстный конноваводчикъ, а дядя Яша, какъ лихой кавалеристъ и при томъ бывшій ремонтеръ. Они поссорились на конюшнѣ, и эта ихъ ссора на глазахъ у всей дворни, говорятъ, была ужасна. Дѣдушка хотѣлъ было приказать его связать, чтобы тутъ же на конюшнѣ, за непочтеніе, по правамъ рородительскимъ, наказать, а дядя Яша выхватилъ пистолетъ, ко-

торый всегда носилъ при себѣ заряженнымъ, и съ страшными ругательствами на отца, объявилъ, что застрѣлитъ перваго, кто подступитъ къ нему и это ему все равно, если этотъ первый будетъ самъ его отецъ. Дѣдушка тоже не хотѣлъ уступить и приказывалъ конюхамъ подъ угрозой своего гнѣва—а они знали, что такое его гнѣвъ—взять дядю Яшу и вязать его. Одинъ изъ нихъ, перекрестившись, и подступилъ было къ нему; но дядя Яша безъ дальнихъ словъ выпалилъ въ него и конюхъ, раненый въ животъ, упалъ, обливаясь кровью. Другіе сейчасъ же разбѣжались. Отецъ и сынъ остались вдвоемъ съ глазу на глазъ...

— Ну, подступайся ко мнѣ, бери, вяжи меня,—кричалъ дядя Яша.—Кровопійца, хочешь моей еще напиться крови. Мало ты ее пилъ, мало погубилъ людей—ну, что же,—подступайся!..

Дѣдушка прибѣгъ къ обыкновенному въ то время средству—проклялъ его. Но дядя Яша нашелся и тутъ: онъ тоже въ свою очередь проклялъ дѣдушку. Между тѣмъ изо всѣхъ дверей манежа—сцена происходила въ конюшенномъ манежѣ—выглядывалъ на нихъ собравшійся перепуганный народъ. Наконецъ, дѣдушка, шатаясь, пошелъ первый къ выходу—отступилъ. Дядя Яша напутствовалъ его страшными ругательствами, при чемъ проклиналъ и всю родню отца своего, всѣхъ кто были уже въ гробахъ давно, и кости чьи сгнили и истлѣли ужъ...

Это событіе взволновало тогда, я помню, весь уѣздъ, пріѣзжалъ предводитель къ дѣдушкѣ, губернаторъ присылалъ къ нему какихъ-то чиновниковъ, пріѣзжалъ жандармскій полковникъ «голубой», какъ ихъ называли тогда помѣщики въ разговорахъ между собою;—было, кажется, слѣдствіе, но должно быть не гласное, а домашнее какое-нибудь, потому-что никакого суда ни надъ дѣдушкой, ни надъ дядей Яшей не было и все кончилось тѣмъ, что дядя Яша съ этихъ поръ сталъ разъѣзжать по родственникамъ на своей тройкѣ лошадей, въ своемъ тарантасѣ, съ своимъ крѣпостнымъ кучеромъ, котораго получилъ отъ дѣдушки и котораго отвратительно билъ, куда не пріѣзжалъ только, да сталъ онъ же, дядя Яша, получать черезъ третье лицо, черезъ другого дѣдушку, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ содержанія отъ своего отца. Этихъ денегъ, всѣ хотя и находили, что для дяди Яши мало, однако же, спрашивая себя: на что они ему?—не могли отвѣтить на это, такъ какъ куда бы дядя Яша не пріѣзжалъ, вездѣ и кучеръ его и лошади были на хозяйскомъ иждивеніи, а самъ онъ, повидимому, на себя ничего не тратилъ, такъ какъ одѣтъ былъ невообразимо грязно и сально: весь блестѣлъ, лоснился, не бритый, не стриженый, съ грязными пальцами и ногтями. Только одинъ и былъ у него, повидимому, расходъ—это на турецкій табакъ, который онъ курилъ, поминутно набивая себѣ маленькую коротенькую трубочку и вытряхивая изъ нея, гдѣ попало и на что̀ попало, пепелъ.

Гдѣ дядя Яша поселялся, въ этой комнатѣ заводился до такой степени противный запахъ, что туда никто взойти не могъ, не затаивая дыханія, а убирать эту свою комнату или провѣтривать ее онъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ.

— Это какой-то персіанинъ,—говорили про него,—тѣ такіе неопрятные только.

У насъ въ домѣ, наверху, на мезонинѣ, жили одно время молодые лисята, принадлежавшіе, не помню, кому-то изъ сосѣдей, и ихъ почему-то долго отъ насъ не брали. Они, какъ извѣстно, ужасно нехорошо пахнуть, и этотъ запахъ оттуда проникалъ и въ домъ, внизъ, въ наши жилыя комнаты. Однажды, «тетя Липа», тетушка Алимпіада Васильевна, грубо нѣкогда обиженная дядей Яшей, пріѣхала къ намъ и, почувствовавъ въ передней противный этотъ запахъ, безъ всякихъ дальнихъ объясненій повернула было назадъ, чтобы садиться опять въ экипажъ и ѣхать обратно въ полной увѣренности, что это у насъ сидитъ дядя Яша, и дурной этотъ запахъ происходитъ отъ него. Только увѣренія матушки и всѣхъ насъ, поспѣшившихъ за ней на крыльцо, что это произошло не отъ пребывающаго у насъ дяди Яши, а отъ неопрятныхъ звѣрковъ, удержалъ ее; но и тутъ она все-таки взяла съ матушки честное слово, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ и вовсе не желаніе наше какъ-нибудь помирить ее, хотя бы путемъ невиннаго обмана, съ непріятнымъ ей родственникомъ. Вотъ это былъ что за человѣкъ!..

И въ то же время это былъ замѣчательной красоты мужчина. Къ этому времени, къ которому относится разсказъ, ему было лѣтъ тридцать съ чѣмъ-нибудь—тридцать два, тридцать три. Нечесаный, не бритый, засаленный, грязный, почти въ лохмотьяхъ, онъ все же, когда злоба не искажала его лица, заставлялъ невольно всѣхъ любоваться на себя. Ко всему этому надо прибавить, что и по сложенію, и по силѣ, которой онъ обладалъ, это былъ атлетъ. Онъ, съ размаху, кулакомъ въ лобъ, убивалъ на охотѣ волка, рвалъ сыромятную баранью шкуру и проч., и проч.

III.

Въ Большомъ Бору у бабушки Аграфены Ниловны, какъ я уже сказалъ, была прекрасная и обширная усадьба, перешедшая къ ея мужу отъ отца и построенная, кажется, еще его дѣдомъ или прадѣдомъ. Садъ въ Большомъ Бору считался, по величинѣ и обширности, а такъ же и толщинѣ и вышинѣ своихъ кленовъ, липъ и дубовъ, едва ли не первымъ во всей губерніи. По крайней мѣрѣ, нигдѣ въ окружности не было ничего подобнаго даже ему. Кромѣ двухъ прудовъ, къ одной сторонѣ сада подходила рѣчка, быстрая, ясная, съ водой до такой степени ясной и чистой, что всѣ ка-

мешки на днѣ ея были видны, а вода въ ней была такая холодная отъ множества ключей, что только въ самое жаркое время и то въ серединѣ лѣта можно было съ удовольствіемъ купаться въ ней.

За садомъ по ту сторону рѣчки было обширное гумно, наполненное скирдами, безконечными ометами соломы и какими-то сараями для сѣна, мякины и т. п.

Но сама бабушка не была хозяйкой, т. е. собственно не любила она хозяйства. Она любила садъ, любила читать, любила общество, но хозяйство не составляло для нея ни предмета заботъ, ни любви и увлеченія, какъ у многихъ другихъ. Она все управленіе имѣніемъ и хозяйствомъ предоставила бывшему камердинеру своего покойнаго мужа, извѣстнаго своей преданностью и честностью, старику Василію Меркуловичу. Это управленіе было по своему замѣчательное. Во-первыхъ, Василій Меркуловичъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла мужиковъ на деревнѣ: они женились, дѣлились, ставили отъ себя рекрутовъ, въ случаяхъ набора, все по своему собственному постановленію, равно какъ и ходили на барщину, предводимые ими же выбраннымъ старостой. Потомъ, Василій Меркуловичъ не имѣлъ, равно какъ и никто не имѣлъ, права бить и наказывать. Въ этомъ случаѣ, бабушка была до такой степени послѣдовательна, что кучеръ ея, сѣдой тоже старикъ «Никандра» не смѣлъ бить и лошадей и даже не имѣлъ никогда кнута при себѣ.

— Ахъ, ужасъ какой,—говорила бабушка, когда при ней замѣчалъ кто-нибудь про лошадь:—«вотъ бы ее хорошенько, небось перестала бы...»—Точно нельзя такъ ее заставить бѣжать.

— Да не идетъ!

— Значитъ, не можетъ.

— Какой не можетъ,—не хочетъ.

— Пожалуйста и не доказывайте этого мнѣ.

Что это за хозяйство было и что это было за управленіе, я не могу сказать, потому, что въ то время я ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ. Помню только насмѣшки надъ этимъ ея управленіемъ, разумѣется, не въ глаза ей, всѣхъ почти родственниковъ въ нашей сторонѣ.

— Развѣ это управленіе, развѣ это называется хозяйствомъ? Она это дѣлаетъ потому, что у нея нѣтъ дѣтей, а кому это все достанется послѣ смерти ея—до тѣхъ ей дѣла нѣтъ,—говорили они.

Но бабушка тѣмъ не менѣе, однакожъ, не только не имѣла никакихъ долговъ, но, напротивъ, у нея было много денегъ, она была свободна въ средствахъ и жила широко, на большую ногу. Я помню этотъ ея домъ въ Большомъ Бору, помню, какъ тамъ собирались, съѣзжались, сосѣди ея и родственники покойнаго ея мужа. Тамъ было самое полное радушіе, гостепріимство, обиліе

всего. Стало быть, и при этомъ хозяйствѣ, и при этомъ управленіи ей всего хватало все-таки.

Бабушка была бездѣтна, какъ я уже сказалъ, т. е. у нея были дѣти—двое—но они умерли еще маленькими, и я ихъ не видалъ, потому-что они умерли, кажется, когда меня и самого еще на свѣтѣ не было. Но дѣтей она любила безконечно, и они ее любили; гдѣ бы она ни была, у кого бы она ни гостила во время своихъ весеннихъ поѣздокъ по роднымъ въ нашей сторонѣ, она была всегда окружена дѣтьми. Но это была совсѣмъ особая съ ея стороны любовь къ нимъ. Она не дарила имъ никахъ сладостей, игрушекъ, напротивъ, она только говорила съ ними, но говорила особенно какъ-то, такъ, какъ, я помню, никто не говорилъ.

— Люблю я ихъ, глупые они такіе,— бывало, разсмѣявшись, скажетъ она, и вздохнетъ.

— Да, и утѣшенія отъ нихъ много,—тоже со вздохомъ отвѣтитъ кто-нибудь ей,—и горя тоже не мало съ ними.

Помню, говорили, что когда умерли ея собственныя дѣти и потомъ вскорѣ умеръ у нея и мужъ, она взяла къ себѣ на воспитаніе чью-то дѣвочку, кого-то изъ дворовыхъ и вскорѣ къ ней страшно привязалась. И дѣвочка, говорятъ, была прелесть какая, умненькая, хорошенькая. Но на пятомъ, на седьмомъ году, съ ней сдѣлалась какая-то обыкновенная дѣтская болѣзнь—крупъ, скарлатина, или что̀-то въ этомъ родѣ, и она умерла на рукахъ у бабушки, которая, говорятъ, была въ такомъ отчаяніи, что съ полгода или больше не могла забыть ее и послѣ ужъ не брала къ себѣ на воспитаніе никого.

— Нѣтъ, — говорила она: — не далъ мнѣ Богъ своихъ дѣтей, отнялъ и чужого, котораго я взяла: видно мнѣ не слѣдутъ ихъ брать. Мнѣ подальше отъ нихъ надо быть...

Но это она говорила такъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ я сказалъ, она, когда пріѣзжала, была постоянно окружена дѣтьми.

Такъ продолжалось довольно долго. Но вдругъ, однажды, кто-то изъ родственниковъ изъ нашей стороны, возвратясь отъ нея, привезъ извѣстіе, что у бабушки опять явилась питомка, сирота какого-то дальняго и бѣднаго родственника ея мужа, дѣвочка лѣтъ четырнадцати или пятнадцати и замѣчательной при томъ красоты.

Это время я ужъ помню и помню даже разговоръ по поводу этого.

— Да, и опять-таки изъ мужниной родни. Точно она не могла взять какую изъ своей родни. Вотъ, хоть бы такую-то, или такую-то,— перечисляли они при этомъ,—нѣтъ, да что тутъ говорить...

Весной слѣдующаго года мы увидали всѣ эту дѣвочку. Бабушка навѣщать родныхъ «нашей стороны» пріѣхала вмѣстѣ съ ней. Къ первымъ она пріѣхала, по обыкновенію, къ намъ, какъ къ жившимъ ближе всѣхъ къ ней и притомъ по дорогѣ ко всѣмъ

остальнымъ. Она всегда такъ дѣлала, пріѣдетъ къ намъ къ первымъ, погоститъ у насъ, затѣмъ поѣдетъ дальше, и, когда всѣхъ объѣдетъ, на возвратномъ пути, отправляясь домой уже, опять къ намъ заѣдетъ, «отдохнуть», какъ она говорила, и прогоститъ у насъ еще дня два или три.

— А вотъ я вамъ привезла и мою Лидочку,—указывая на свою питомку и улыбаясь своей тихой и ясной улыбкой, говорила она:— вы не стѣсняйтесь съ ней, возитесь, бѣгайте, играйте: это ничего, что она кажется такой большой: она такая же глупая, какъ и вы.—И ты, Лидочка, можешь тутъ не стѣсняться.—Ну, отправляйтесь, показывайте ей все...

Мы приняли эту Лидочку съ радостью, и она намъ сразу же понравилась. Она, дѣйствительно, была сравнительно съ нами большою совсѣмъ почти. Я какъ сейчасъ гляжу на нее. То серьезная и сосредоточенная, почти нелюдимая, разсѣянная въ своей задумчивой сосредоточенности, а то вдругъ разыграется такъ, что ей и удержу нѣтъ, кажется. Возится съ нами, пристаетъ, хохочетъ.

А бабушка глядитъ и только улыбается на нее и на насъ.

— Ну, чтожъ, неправда развѣ,—совсѣмъ вѣдь глупая такая же, какъ и вы,—скажетъ только.

Но это видно было, что она любитъ ее безгранично, привязалась къ ней душою, и она стала за это время все для нея.

Такъ прожила она у насъ съ этой питомкой своей, по обыкновенію, дня три или четыре и поѣхала дальше къ слѣдующимъ родственникамъ.

Я помню, какъ намъ не хотѣлось разставаться съ ней, и мы упрашивали, чтобы намъ оставила Лидочку.

Но бабушка, улыбаясь и покачивая отрицательно головой, говорила, что этого нельзя сдѣлать, а вотъ когда она назадъ домой поѣдетъ и заѣдетъ къ намъ по пути «отдохнуть», мы опять будемъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ Лидочкой: — А потомъ вы ко мнѣ пріѣдете...

Гувернантки у Лидочки не было. Оказалось, какъ мы узнали это, бабушка сама съ ней занимается. По-французски и по-англійски Лидочка говорила не хуже нисколько насъ, у которыхъ были и гувернантки и прежде бонны.

— Какъ же бабушка съ тобой занимается?

— А очень просто: читаетъ, говоритъ, диктуетъ.

— И когда же она съ тобой занимается?

— Зимой, осенью.

— А лѣтомъ?

— Лѣтомъ она только говоритъ со мной по-французски и по-англійски, чтобы я не забыла.

— А ужъ ты лѣтомъ совсѣмъ не учишься?

— Совсѣмъ.

— И давно ты ужъ перестала учиться?

— Давно. Какъ трава показалась и стало тепло, можно въ одномъ платьѣ выходить.

— Ты любишь бабушку?

— Очень.

— Она тебя въ прошломъ году къ себѣ взяла?

— Въ прошломъ году, осенью.

— Какъ твой папа умеръ?

— Да...

— А онъ отчего умеръ?

— Онъ пилъ...

— У тебя, Лидочка, вѣдь нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ?

— Нѣтъ.

И всегда она отвѣчала такъ коротко, отрывочно, сжато, точно и опредѣленно.

Бабушка одѣвала ее просто, очень даже просто, но на ней все сидѣло ловко, сшито было все отлично.

Въ ея отношеніяхъ къ бабушкѣ, бросалась въ глаза прежде всего какая-то равность съ ней. Она говорила съ ней, разсказывала ей, спрашивала ее, какъ равная съ равной, хотя это нисколько не стѣсняло бабушку называть ее иногда глупой.

— Ну, какая же ты глупая, какъ же ты этого не понимаешь?

— Теперь вотъ понимаю,—отвѣчала Лидочка, смотрѣла на нее и улыбалась.

А бабушка ужъ едва-едва удерживалась, чтобы ее не обнять, не разцѣловать.

И это всѣмъ было понятно, потому-что это было всѣмъ сейчасъ же видно.

А то она серьезно, и совсѣмъ какъ большая, — подойдетъ къ бабушкѣ и поправитъ на ней что-нибудь,—поправитъ и отойдетъ, не говоря ни слова, точно какъ равная съ равной и даже какъ какая-то попечительница ея, которая за ней, за бабушкой, смотритъ и наблюдаетъ, а не бабушка ея попечительница.

Потомъ она была у бабушки еще и для такого дѣла:

— Лидочка, я забуду и ты забудешь,—запиши-ка лучше.

— Что такое?

Бабушка говорила что̀ записать, а Лидочка вынимала изъ кармана книжечку въ красномъ сафьянномъ переплетѣ и карандашикомъ записывала въ ней, что̀ говорила ей бабушка.

— Это секретарь мой,—улыбаясь на нее, говорила бабушка.

— Лидочка, покажи книжку,—просили мы.

— На, посмотри, только не читай. Никогда не слѣдуетъ читать чужихъ писемъ.

И все это она говорила, какъ опытная, совсѣмъ ужъ большая, которая все испытала уже и все знаетъ, что̀ можно и что̀ нѣтъ.

Этотъ разговоръ, я помню, произвелъ и не на насъ однихъ, дѣтей, но и на многихъ взрослыхъ, странное, загадочное, подозрительное какое-то впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, которое усугублялось еще тѣмъ, что всѣмъ хорошо было извѣстно, что эта родственница и умна, и зла, и такъ спроста говорить не станетъ. Во всякомъ случаѣ, значитъ, такой планъ у кого-то явился и зрѣетъ, находя одобреніе...

Но тутъ же всѣ сейчасъ находили этотъ планъ не состоятельнымъ, было ясно до очевидности, что осуществить его никогда имъ не удастся, потому что невозможно было даже представить себѣ, чтобы бабушка согласилась на этотъ бракъ, да и сама Лидочка—эта симпатичная, умненькая дѣвочка—весной ей еще только исполнится пятнадцать и пойдетъ шестнадцатый—чтобы она сама могла влюбиться въ него.

— Разумѣется, вѣдь, это все изъ-за денегъ,—говорили по отъѣздѣ родственницы, пустившей въ обращеніе этотъ планъ:—въ предположеніи, что Аграфена Ниловна все свое состояніе отдастъ ей, послѣ своей смерти.

— Да, и это—это конечно главное—и зло вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Аграфены Ниловны.

— Ахъ, какая злоба. И за что̀? Вѣдь она все равно не наслѣдница ея. Умри Аграфена Ниловна завтра,—она все равно ничего изъ ея наслѣдства не получитъ.

Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ хотя и становилась яснымъ нелѣпость этого плана, увѣренность въ невозможности его осуществленія, но тѣмъ не менѣе все-таки являлось и непріятное чувство—какъ это такъ могъ у кого-то подобный планъ явиться?.. До того онъ не уживался съ симпатичнымъ и яснымъ представленіемъ объ образѣ бабушки Аграфены Ниловны. Самое появленіе этого плана было уже какъ бы какимъ-то посягательствомъ на представленіе объ ней, объ этомъ ясномъ ея образѣ.

А между тѣмъ и послѣ этого раза, разговоры о дядѣ Яшѣ въ совмѣстности съ бабушкой и съ Лидочкой не прекращались. Нѣтъ, нѣтъ, да кто-нибудь опять и заговоритъ. Не смотря, говорю я, на нелѣпость этой комбинаціи, на видимую и очевидную ея неосуществимость, они, эти разговоры, продолжались и даже стали какъ-то обыкновенными...

Въ февралѣ, на масляницу, опять у насъ съѣхалось много народу, много и родственниковъ и родственницъ, и въ числѣ привезенныхъ ими новостей было и неожиданное совсѣмъ извѣстіе о перемѣнѣ, случившейся въ характерѣ и образѣ жизни дяди Яши. Про него разсказывали, что онъ сдѣлался неузнаваемъ совсѣмъ. Обрился, остригся, вымылся, и теперь сталъ какъ слѣдуетъ человѣкомъ. Прибавлялось: какой молодчина и хоть грубоватая его красота—похожъ на цыгана—но все-таки красивъ очень.

Это извѣстіе какъ бы указывало на то, что планъ, о которомъ было говорено выше, не только не покинутъ, какъ неосуществимый, но что дѣлаются нужныя приготовленія для приведенія его въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, въ извѣстіи этомъ можно было усмотрѣть нѣчто происходящее не спроста, не случайное что-нибудь, не новая какая-нибудь безпричинная выходка съ его стороны.

Такъ къ этому всѣ и относились. Но увѣренность въ невозможности осуществленія этого плана все-таки была велика у всѣхъ, и всѣ говорили, что этому перерожденію дяди Яши бабушка Аграфена Ниловна такъ легко не повѣритъ.

— Этимъ ее не проведешь, нѣтъ!—говорили всѣ и соглашались, что это ни къ чему не поведетъ.

— Какого агнца хочетъ разыграть!..

— Да, можетъ, онъ вовсе и не хочетъ? Можетъ, онъ ничего и не знаетъ вовсе объ этомъ планѣ. Ему, можетъ, просто надоѣло это юродство его, это свинское состояніе, въ которомъ онъ живетъ вотъ ужъ скоро два года?

Но, повторяю, не смотря на всѣ такіе разговоры, таилось какое-то у всѣхъ зловѣщее предчувствіе, что планъ этотъ, если и не осуществится, то, по крайней мѣрѣ, все-таки будутъ сдѣланы кѣмъ-то—неизвѣстно кѣмъ—попытки къ приведенію его въ осуществленіе...

Во время поста слухи объ обновленномъ и преобразовавшемся даже совсѣмъ дядѣ Яшѣ начали ходить все чаще и чаще. То тотъ пріѣдетъ изъ родственниковъ или сосѣдей, то другой, и привезетъ извѣстіе, что Якова Дмитріевича, дядю Яшу, видѣли тамъ-то, или тамъ-то, и онъ не узнаваемъ просто.

Но извѣстія объ немъ самомъ стояли какъ-то точно особнякомъ отъ плана о его женитьбѣ на Лидочкѣ. Онъ самъ точно не зналъ ничего объ этомъ и, казалось, точно онъ тутъ не причемъ, даже какъ будто страдательное лицо во всѣхъ этихъ сплетняхъ и разсказахъ. Никто съ нимъ объ этомъ не говорилъ, и самъ онъ никому ни однимъ намекомъ не давалъ понять, что причастенъ къ плану. Напротивъ, разсказывали, что онъ собирается уѣзжать опять въ тотъ же полкъ, изъ котораго три года тому назадъ вышелъ и жалѣетъ только объ одномъ, что пропустилъ кампанію, такъ какъ война уже кончилась къ этому времени и шли переговоры о мирѣ. Многіе изъ ополченцевъ-помѣщиковъ подъ разными предлогами ужъ возвратились, или, по крайней мѣрѣ, подъ разными предлогами пріѣзжали на время по какимъ-то служебнымъ своимъ дѣламъ и бывали у себя и у своихъ родныхъ и знакомыхъ въ деревняхъ.

А, между тѣмъ, ужъ приближалась весна, вездѣ показывались проталинки, дороги испортились, ждали скоро полой воды—время обычнаго пріѣзда къ намъ, въ нашу сторону, бабушки Аграфены Ниловны, пріѣзжавшей, какъ сказано, всегда къ намъ весною—подходило...

V.

Не знаю я, писала ли обо всѣхъ этихъ сплетняхъ и слухахъ матушка къ бабушкѣ Аграфенѣ Ниловнѣ, съ которой она была въ постоянной и болѣе или менѣе частой перепискѣ, но бабушка, когда въ этомъ маѣ, отправляясь въ свой родственный объѣздъ, заѣхала, по обыкновенію, прежде всего къ намъ, то въ тотъ же вечеръ, за чайнымъ столомъ, я помню, шелъ разговоръ о предполоявенной женитьбѣ дяди Яши.

Бабушка слушала все это съ своей ясной обычной улыбкой, дескать, Богъ съ ними, ну, чтожъ, что они такіе дурные и злые люди—ихъ все-таки надо не ненавидѣть, а прощать. Господь ихъ суди—не мы...

— Лидочка, а ты бы пошла за него?—спрашивали мы ее, когда мы отправились съ нею гулять въ садъ.

— За дядю Яшу-то?

И она, усмѣхнувшись, качала головой.

— Ты знаешь, онъ говорятъ теперь франтомъ.

— Ну, что за глупости такія!

— Такъ ни за чтò?

— Конечно.

— А если бабушка тебѣ велитъ?—продолжали мы ее испытывать.

Но Лидочка только воскликнула съ удивленіемъ и вмѣстѣ увѣренно:

— Бабушка?!.

Какъ-то передъ завтракомъ или чаемъ, на террасѣ, выходившей у насъ въ садъ и обросшей кустами сирени, которая въ это время цвѣла, мы съ сестрой и съ Лидочкой надѣлали себѣ изъ этихъ цвѣтовъ вѣнковъ и въ этомъ уборѣ встрѣчали, приходившихъ къ столу, большихъ. Всѣ смѣялись, съ нами шутили. На Лидочкѣ былъ огромный густой вѣнокъ, и казался онъ у нея, на головкѣ, совсѣмъ какъ шапка. Бѣлый, съ зелеными листьями, онъ удивительно шелъ къ ея смуглому лицу и ея большимъ чернымъ глазамъ. Она была въ немъ поразительно хороша. У насъ въ это время былъ кто-то изъ постороннихъ, не родныхъ, а просто сосѣдей, и, увидавъ ее въ этомъ уборѣ, остановился, и невольно высказалъ свое удивленіе ея красотѣ или тому, какъ идетъ къ ней этотъ вѣнокъ.

— Завидная невѣста,—замѣтилъ онъ.

Бабушка съ любовью и ясной, радостной, почти восторженной улыбкой смотрѣла на нее и тоже, какъ и всѣ, любовалась ею.

— Бабушка,—вдругъ сорвалось у меня,—она ни за что, я спрашивалъ ее, не пойдетъ за дядю Яшу.

Всѣ разсмѣялись этой выходкѣ и, шутя, опять заговорили объ этомъ нелѣпомъ слухѣ, кѣмъ-то распущенномъ.

— Господь съ ними, я очень рада этой перемѣнѣ въ немъ,— сказала бабушка,—но ужъ Лидочку мою я вовсе не думаю за него выдать.

Лидочка, стоявшая возлѣ нея, приласкалась къ ней, и хотѣла, кажется, поцѣловать ее, но плохо скрѣпленный вѣнокъ ея при этомъ разсыпался и упалъ у нея съ головы.

— Ну, вотъ я больше и не невѣста,—подбирая цвѣты, со смѣхомъ говорила Лидочка.—Довольно съ меня побыла невѣстой и довольно.

Всѣ посмѣялись этому, поговорили еще что-то немного о дядѣ Яшѣ и объ этомъ слухѣ и разговоръ перешелъ на другое.

Бабушка и въ этотъ разъ пробыла, по обыкновенію, дня три и мы проводили ее, получивъ, какъ всегда, обѣщаніе, заѣхать еще разъ, на возвратномъ пути, «отдохнуть» къ намъ послѣ этой поѣздки.

— Лидочка, смотри же, не соглашайся, не выходи за него замужъ,—прощаясь съ ней, просили и напоминали ей мы съ сестрой.

— Глупости какія, съ ума я что ли сошла?

— Ты знаешь,—для большей вѣскости своихъ доводовъ добавилъ я,—вѣдь онъ проклятый. Его тогда на конюшнѣ дѣдушка проклялъ вѣдь...

Бабушка съ Лидочкой разсмѣялись.

Во время этихъ поѣздокъ у бабушки всегда былъ одинъ и тотъ же маршрутъ, такъ что всегда можно было знать приблизительно—днемъ раньше, днемъ позже—гдѣ она въ данный моментъ находится.

Помнится, матушка около этого же времени собиралась поѣхать тоже съ нами въ небольшую родственную поѣздку, и онѣ пригоняли съ бабушкой число такъ, чтобы имъ встрѣтиться и гостить вмѣстѣ. Но этотъ проектъ, которому мы были такъ рады, почему-то разстроился, къ огорченію нашему, и мы не поѣхали съ матушкой никуда, а остались дома.

Прошло по отъѣздѣ бабушки уже недѣли двѣ. Мы имѣли свѣдѣнія объ ней за это время: онѣ обѣ съ Лидочкой здоровы и продолжаютъ свой объѣздъ благополучно. Недѣли черезъ двѣ съ половиной, или много черезъ три, онѣ, по разсчету, будутъ обратно у насъ. Въ данный моментъ онѣ должны были находиться, по соображеніямъ, какъ разъ у той нашей родственницы, покровительницы дяди Яши, которая первая распустила слухъ о планѣ. Хотя бабушка и знала очень хорошо, что родственница эта ея ненавистница, но она тѣмъ не менѣе все-таки заѣзжала, по удивительной добротѣ и снисходительности своей, и къ ней, и пробывала тоже и у нея, день или два въ гостяхъ.

Вдругъ прошелъ слухъ, странный, изъ третьихъ рукъ, подробностей никакихъ не сообщалось, что съ бабушкой во время поѣздки что-то такое случилось. Привезъ это извѣстіе какой-то дворовый, ко-

торый слышалъ объ этомъ отъ управляющаго сосѣдняго помѣщика, а тотъ тоже слышалъ это отъ кого-то. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, этого двороваго, привезшаго слухъ, позвали, разспрашивали, и, недобившись отъ него ничего опредѣленнаго и вѣрнаго, послали съ письмомъ къ тому сосѣду, отъ управляющаго котораго дворовый что-то такое о неблагополучіи съ бабушкой, во время ея пути, слышалъ.

Вечеромъ привезли отвѣтъ...

Всѣ думали у насъ первое время, что съ бабушкой случилась какая-нибудь болѣзнь, что она у кого-нибудь изъ родственниковъ лежитъ больная. Женщина она была полная, уже не молодая, и заболѣть могла очень легко. Но теперь получилось странное извѣстіе объ исчезновеніи у бабушки, во время пребыванія ея у этой родственницы, Лидочки, и что подозрѣваютъ въ похищеніи ея дядю Яшу... Правда, сосѣдъ при этомъ писалъ, что подробностей этого онъ не знаетъ никакихъ, и что не можетъ ручаться за то, что слухъ этотъ даже вѣренъ съ дѣйствительностью, такъ какъ человѣкъ, отъ котораго его управляющій слышалъ, ненадежный, болтунъ и сплетникъ, и очень можетъ быть, что все это еще не болѣе, какъ его глупая выдумка.

Но матушка, конечно, не остановилась передъ этими успокоительными его разсужденіями и въ ночь собралась и поѣхала отыскивать бабушку. Ночь была темная-претемная, карета тронулась съ фонарями, съ провожатыми, верховыми людьми, которые должны были ѣхать впереди осматривать и освѣщать дорогу. Съ матушкой поѣхали только нашъ выѣздной лакей Никифоръ и ея приближенная женщина, Пелагѣюшка. Я какъ ни просился, чтобы и меня взяли съ собою, но не взяли, разумѣется, и, я помню, мы съ сестрой такъ и остались въ томительномъ ожиданіи и невѣдѣніи того, что тамъ такое случилось съ бабушкой и Лидочкой.

— Ну, а если она согласится и выйдетъ за него замужъ,—разсуждали мы.

— Нѣтъ, она не выйдетъ за него, не согласится,-- говорила сестра.

— Такъ ты думаешь, онъ ее увезъ, а потомъ назадъ привезетъ?

— Да если она несогласна?

Мы оставались одни съ нашей гувернанткой Анной Карловной, ничего съ нами по этому поводу не говорившей, и которая на всѣ наши вопросы, обращенные къ ней по этому поводу, отвѣчала, что намъ объ этомъ вовсе не нужно знать и что это вообще не наше дѣло.

— Вотъ маменька пріѣдетъ, разскажетъ, и вы все узнаете.

Но мы слышали разсужденія по этому поводу оставшихся нянекъ и другихъ женщинъ дворовыхъ, которыя были у насъ въ домѣ.

— Охъ,—говорили они,—погубитъ онъ ее, коршунъ онъ кровавый, погубитъ онъ ее голубку.

— На то и бьетъ... Такъ, по согласію, не удалось, онъ инымъ манеромъ думаетъ теперь добиться своего... Чтожъ дескать, теперь дѣлать? поневолѣ теперь ее выдадутъ... Ктожъ ее опозоренную теперь замужъ за себя возьметъ...

Мы слушали это и потомъ спрашивали:

— Чтожъ онъ можетъ съ ней сдѣлать?

— Охъ,—отвѣчали женщины,—злой человѣкъ все можетъ сдѣлать. Вы маленькіе еще непонимаете этого.

— Но если она несогласна будетъ выйти за него?

— По этому-то онъ ее и увезъ.

— Бить онъ ее будетъ?

— Да ужъ тамъ всего отъ этакаго человѣка натерпится, всего приметъ...

Отца не было дома, онъ былъ въ городѣ по дѣламъ и ничего этого не зналъ, если не слышалъ чего объ этомъ въ городѣ. Его ждали только на третій еще день, но матушка, уѣзжая, сказала, что она какъ увидится съ бабушкой, сейчасъ же пришлетъ съ нарочнымъ письмо, на случай если отецъ раньше вернется. По всѣмъ вѣроятностямъ это письмо отъ нея могло быть не раньше, какъ къ вечеру или къ ночи на другой день, такъ какъ та наша родственница, у которой, по расчету, должна была быть въ это время бабушка, жила отъ насъ верстахъ въ пятидесяти, слѣдовательно, покуда матушка пріѣдетъ, да повидается съ бабушкой, да напишетъ письмо, да посланный пріѣдетъ съ нимъ—пройдетъ не менѣе сутокъ.

Въ этотъ вечеръ, по отъѣздѣ ея, мы просидѣли особенно долго, хотя Анна Карловна неоднократно принималась настаивать на томъ, чтобы мы укладывались спать. Но она и сама, любопытная, все хотѣвшая знать и проникнуть во все, была заинтересована происшествіемъ съ бабушкой не менѣе другихъ и тоже и сама была рада поговорить съ няньками и женщинами, высказывавшими свои предположенія за и противъ.

Мы улеглись ужъ поздно, далеко за полночь, а я еще долго не могъ заснуть, думалъ все объ этомъ.

VI.

Утро слѣдующаго дня я никогда не забуду. Я проснулся отъ суматохи поднявшейся у насъ въ домѣ, которая всегда бывала въ случаяхъ неожиданнаго пріѣзда, внезапной болѣзни кого-нибудь. Было еще рано. Въ сосѣднихъ съ моей комнатахъ слышались шаги, голоса. Вскорѣ я узналъ, что это пріѣхала къ намъ бабушка Аграфена Ниловна съ Лидочкой, которая больна, чуть ли не въ бреду

и ее уложили у матушки въ спальнѣ, и теперь послали за докторами во всѣ концы.

Бабушка разъѣхалась съ матушкой. Ночью, для вѣрности, матушкинъ кучеръ должно быть поѣхалъ хоть болѣе дальней, но покойной и лучшей дорогой; бабушка же—кратчайшей. Теперь она была въ спальнѣ при Лидочкѣ и, говорили, ее узнать нельзя совсѣмъ, до того она за это время измѣнилась.

Чтобы не тревожить никого—ни бабушку, ни Лидочку, а можетъ, чтобы и сохранить насъ въ невѣдѣніи относительно всего совершившагося, Анна Карловна насъ не выпускала изъ дѣтскихъ комнатъ и намъ туда принесли самоваръ и наливали чай.

Но Анна Карловна, сама любопытная, и сама сгоравшая нетерпѣніемъ все узнать поскорѣе, ушла, не сообразивъ, что мы безъ нея все равно все узнаемъ отъ женщины, наливавшей намъ чай, и другихъ безпрестанно къ ней приходившихъ за чѣмъ-нибудь.

— Гдѣ же ее, Лидочку-то, нашли?—спрашивали мы.

— У попа, въ селѣ, верстъ за двадцать увезъ.

— И что же онъ женился на ней?

— Нѣтъ. Отбили ее у него. Мужики отбили. Окружили его, долго бились съ нимъ и отбили ее... Видятъ, скачетъ благимъ матомъ тарантасъ тройкой, а въ немъ онъ сидитъ съ ней, и она благимъ матомъ кричитъ, проситъ о помощи. А барсуковскій-то управляющій верхомъ былъ, узналъ его, а можетъ, слышалъ, что зимой-то болтали, сейчасъ это кинулся, лошадь у него лихая, черкесская, догналъ ихъ и остановилъ тройку, а тутъ и мужики съ поля верхами подскакали. Народъ въ полѣ весь былъ на пахотѣ: сохи распрягли, повскакали на лошадей, догнали, окружили и начали съ нимъ биться. Долго бились съ нимъ. Два раза онъ стрѣлялъ въ нихъ, однако, Богъ милостивъ, ни въ кого не попалъ, не ранилъ. Наконецъ, одолѣли его, связали и повезли къ становому въ ихъ станъ, а ее къ попу доставили...

— Ну и чтожъ?—съ замираніемъ сердца спрашивали мы.

— Ну да чтожъ? Извѣстно чтожъ. Развѣ эдакой звѣрь пощадилъ ее... Вѣдь это звѣрь, дяденька-то вашъ. Мало они развѣ съ дѣдушкой-то человѣческой крови попили на своемъ вѣку, мало развѣ еще ея выпьютъ?...

— Билъ онъ ее?—наивно разспрашивали мы.

— Да бить-то онъ ее, можетъ быть, и не билъ, такъ только держалъ. Связывалъ, говорятъ, онъ ее съ кучеромъ. На рукахъ-то у нея, вотъ на этихъ мѣстахъ, слѣды отъ веревокъ, вотъ какъ руки вздулись...

— Ну, а чтожъ потомъ, къ попу когда ее привезли?

— Ну, чтожъ, извѣстно, попъ принялъ ее. Бабушку-то Аграфену Ниловну, хоть и не въ нашей сторонѣ она живетъ, а ктожъ ее не знаетъ? Сказала она, Лидочка-то, кто она такая, откуда ее

увезли,—бабушкѣ попъ и далъ сейчасъ знать. Попъ-то, говорятъ, боялся какъ бы къ нему за ней опять дяденька Яковъ Дмитріевичъ не вернулся: все село попъ собралъ. Народу къ нему, говорятъ, страхъ что набралось. Бабы голосить въ голоса начали... Страсть, говорятъ, что такое было... А ужъ какъ бабушка-то пріѣхала за ней, да какъ увидала ее, съ ней дурно сдѣлалось, такъ передъ крыльцомъ поповскимъ на земь и упала. Тутъ народъ ее окружилъ,—бабушку-то всѣ любятъ,—кто и не знаетъ ее по наслыху и то любитъ, потому гдѣ же другая еще такая госпожа есть?.. А платье-то на ней, на Лидочкѣ-то, все вотъ такъ, въ полосы изорвано. Это она ему не давалась, билась, такъ онъ съ кучеромъ изорвалъ его на ней.

— Стало быть же били они её?—опять спрашивалъ я, желая убѣдиться въ этомъ высшемъ по моему оскорбленіи, какое только могъ ей нанести дядя Яша.

— Да можетъ и били,—соглашались женщины,—извѣстно ужъ, если на эдакое дѣло пошли, церемониться не станутъ... Зналъ вѣдь онъ, дяденька-то, что добромъ развѣ она за него, за звѣря эдакаго, пошла бы? Развѣ бабушка-то отдала бы за него ее?..

И потомъ узнали мы еще, что бабушку, изъ любви къ ней совсѣмъ постороннихъ и чужихъ людей, провожали отъ этого самого села вплоть до нашей усадьбы десять человѣкъ верховыхъ съ дубинками—все боялись какъ бы вновь не проявился и не встрѣтился бы имъ дядя Яша.

— И бабушка какъ одарила ихъ. И тамъ въ селѣ тоже. Попу дала пятьсотъ рублей, пятьсотъ рублей въ церковь пожертвовала, тысячу рублей народу раздала, чтобы молились о выздоровленіи и спасеніи Лидочки... И этимъ, вотъ что провожали ее, тоже денегъ не жалѣючи дала, полной рукой.

А къ Лидочкѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ бабушкѣ, какъ мы не просились, насъ не пускали все-таки.

— Нельзя.

— Да почему?

— Потому что бабушка устала съ дороги и не такъ здорова и къ ней нельзя.

— Да вы узнайте, спросите ее.

Къ обѣду, т. е. къ нашему, деревенскому, раннему въ 2 часа, неожиданно вернулась и матушка.

Она никакъ не могла вернуться къ этому времени и вернулась. Всѣ были удивлены, но вскорѣ это объяснилось.

Матушка, недоѣзжая верстъ десяти до усадьбы родственницы, къ которой ѣхала въ предположеніи застать тамъ бабушку Аграфену Ниловну, встрѣтила нашего доктора, за которымъ бабушка послала еще отъ попа. Докторъ все разсказалъ матушкѣ, со всѣми подробностями ему извѣстными, но какъ тоже оказалось впо-

слѣдствіи, совсѣмъ въ другой окраскѣ, потому что ему разсказывала все это наша родственница, у которой все это случилось. Главное было все не такъ. Ему разсказали, что Лидочка сама условилась бѣжать съ дядей Яшей, но потомъ раздумала уже дорогой и дала знать, чтобъ бабушка за ней заѣхала, къ сельскому священнику, который ее пріютилъ, такъ какъ сама она не смѣетъ послѣ всего этого показаться къ ней на глаза, зная ея строгій и крутой нравъ (это бабушки-то!) Но это все мы узнали уже впослѣдствіи, когда первая суматоха уже прошла, и всѣ хотя нѣсколько опомнились. Матушка же, не зная, какъ все было на самомъ дѣлѣ, принялась успокоивать и утѣшать бабушку на первыхъ порахъ въ этомъ именно смыслѣ, т. е. какъ разсказали доктору, а онъ передалъ ей. Ничего не зная объ этой лжи въ разсказѣ, бабушка, говорятъ, зарыдала еще пуще отъ такой клеветы на Лидочку, самое ея любимое и дорогое существо въ жизни.

— Нѣтъ, неправда, это неправда, это клевещутъ на нее,—рыдая, говорила бабушка.—Она чиста, какъ голубь. Имъ, мало что онъ ее погубилъ,—имъ хочется еще очернить память ея, но этого имъ не удастся!... Нѣтъ, не удастся,—повторяла она.

Видѣвшіе эту сцену, говорятъ, не могли смотрѣть на нее безъ ужаса. Бабушка была совсѣмъ какъ помѣшанная, сѣдые волосы ея растрепались и висѣли по плечамъ и по лицу, глаза у нея горѣли, и отъ волненія она не могла ни на минуту присѣсть, а все ходила или останавливалась и, какъ безумная, уставившись въ одну точку, молча смотрѣла, не зная на что, ничего не понимая и не сознавая, не слыша и не видя.

Она не была такой даже въ первый моментъ, когда пріѣхала къ намъ. Это былъ очевидно съ ней второй приступъ горя и отчаянія, вызванный извѣстіями еще о клеветѣ на ея милое дѣтище.

Эта кроткая, тихая, спокойная, ясная женщина была теперь неузнаваема.

— Вотъ, значитъ, и не къ своему дѣтищу, а какъ можно привязаться,—разсказывая намъ эти подробности, говорили женщины и няньки.

— Своихъ дѣтей имѣла—оттого:—представляетъ теперь, что это ея родная дочка и съ нею это сдѣлали,—отвѣчали имъ на ихъ соображенія другія бывшія тутъ женщины.

Докторъ, пріѣхавшій съ матушкой, осмотрѣвъ Лидочку, нашелъ, что у нея горячка и ей необходимъ абсолютный покой, при томъ, чтобы ей ничто не напоминало о томъ, что съ ней было и потому если она и придетъ въ себя и будетъ разспрашивать или начнетъ говорить объ этомъ,—ей отвѣчать просто и прямо самымъ полнымъ отрицаніемъ факта, удивляться и доказывать ей, что этого ничего съ нею въ дѣйствительности не было, а все это ей пригрезилось во снѣ во время горячешнаго жара.

Доктора бабушка, разумѣется, оставила у себя, не пустила его ѣхать, куда онъ собирался. Къ вечеру пріѣхалъ изъ города вмѣстѣ съ отцомъ другой докторъ, и они оба вмѣстѣ опять ходили къ больной и нашли у нея все тоже, т. е: горячку, и оба были согласны, что ей главнѣйше необходимъ покой и чтобы ей такъ растолковывали ея воспоминанія, какъ приказалъ первый докторъ.

Матушка пришла къ намъ вся заплаканная, съ красными глазами, и совершенно подавленная всѣмъ случившимся. Отъ нея мы между прочимъ узнали, что бабушка съ Лидочкой остается у насъ вплоть до ея выздоровленія и будетъ жить въ матушкиной спальнѣ и въ нашихъ дѣтскихъ, а насъ переведутъ на верхъ, чтобы не безпокоить больную и бабушку. По-дѣтски мы были рады и тому, что бабушка съ Лидочкой надолго остаются у насъ—матушка сказала, что недѣль на пять — и были рады этой featureнѣ съ нашимъ новосельемъ на мезонинѣ.

Матушка это продѣлала въ тотъ же день, т. е. въ тотъ же день насъ перевела на верхъ, а бабушкины вещи перенесли въ наши дѣтскія и ей самой устроили все въ ближайшей, смежней съ спальной, комнатѣ. Она все время почти не выходила отъ Лидочки, не довѣряя никому ни прикладывать компрессы ей, ни давать лекарства, вообще ухаживать за ней.

На другой день бабушка отпустила въ Большой Боръ свою карету съ кучеромъ и лакеемъ, а дня черезъ четыре оттуда пріѣхали возы съ бабушкиными вещами и мебелью, которыя она велѣла прислать оттуда.

Мы эти вещи бабушкины выходили смотрѣть, смотрѣли и узнавали давно знакомыя намъ ея вещи, которыя къ намъ привезли теперь.

И вотъ началась у насъ въ домѣ новая совсѣмъ жизнь.

Все было, разумѣется, приспособлено и пригнано такъ, чтобы было согласно съ привычками и обыденной жизнью бабушки у себя дома въ Большомъ Бору. Перемѣнили время обѣда, время завтрака, время вечерняго чая, время ухода ко сну. Если она ухаживала за Лидочкой, то матушка за ней ухаживала, кажется, еще больше. Она бросила все, казалось, хозяйство, распоряженія по дому, даже съ нами видѣлась рѣже — была неразлучна съ бабушкой.

Придетъ къ намъ въ дѣтскія на минутку, заглянетъ въ классную, гдѣ мы сидѣли и учились, и сейчасъ же опять уйдетъ къ бабушкѣ. А то иные дни и вовсе къ намъ не приходила, мы видѣлись съ ней только за завтракомъ, или за обѣдомъ.

Докторъ все еще жилъ у насъ, бабушка его не отпускала до минованія какого-то самого опаснаго кризиса, котораго всѣ ждали съ страшнымъ нетерпѣніемъ и замираніемъ, зная очень хорошо, что неблагополучный исходъ Лидочкиной болѣзни будетъ

для бабушки, какъ она ни приготовлена ужъ, новымъ ударомъ, котораго ей, семидесятилѣтней почти старухѣ, никакимъ образомъ не перенести.

Между тѣмъ прошло болѣе недѣли. Во все это время мы ни разу еще не видали не только Лидочки, но даже и бабушки: все, и обѣдъ, и завтракъ, и чай, ей подавали въ ея комнату, т. е. одну изъ нашихъ бывшихъ дѣтскихъ, а именно въ ту, гдѣ я жилъ и которая называлась моей.

Наконецъ, однажды, матушка, придя къ намъ въ классную, объявила, что сегодня къ обѣду бабушка выйдетъ въ столовую.

— Только вы, пожалуйста, не удивляйтесь на нее и вообще не особенно много смотрите на нее. Она стала совсѣмъ сѣдая, бѣлая даже за это время и страшно похудѣла, половины ея не осталось. Точно также не только не заговаривайте съ ней объ Лидочкѣ, но вообще даже ни объ чемъ, чтобы могло навести ее на мысль обо всемъ этомъ... происшествіи. И ужъ, особенно, Боже васъ сохрани назвать по имени, упомянуть даже только этого негодяя...

Она не сказала кого, именно, она подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ; но мы и безъ этого всѣ отлично понимали кого...

Я помню съ какимъ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца ждали мы часа обѣда, чтобы идти въ столовую, гдѣ мы увидимъ бабушку.

Наконецъ, часъ этотъ настал̂ъ.

Бабушку мы увидали и, я помню, не смотря на предувѣдомленіе, я чуть-чуть не ахнулъ — до того она измѣнилась. Изъ высокой, довольно полной, видной и красивой еще, не смотря на лѣта, женщины, мы увидали сѣдую, совсѣмъ бѣлую, съ потемнѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, страшно похудѣвшую, какъ будто даже сгорбившуюся старуху, которая шла подъ руку вмѣстѣ съ матушкой и, казалось, нуждалась въ ея поддержкѣ. Потомъ матушка передала ее отцу и тотъ уже довелъ ее до стола и усадилъ.

Въ это время мы къ ней подошли. Она, противъ обыкновенія, безъ улыбки, очень серьезно взяла сперва сестру Соню обѣими руками за голову и поцѣловала, а потомъ меня.

И ни слова...

За обѣдомъ разговоръ шелъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ. Сидѣвшій тутъ съ нами докторъ нашъ, который все еще не уѣзжалъ въ ожиданіи кризиса, разсказывалъ что̀-то изъ городской жизни, и вовсе для нея да и ни для кого не интересное.

Какъ ни строго матушка наказывала намъ не смотрѣть упорно на бабушку, но я все-таки не могъ удержаться, и то и дѣло взглядывалъ на нее.

— Что ты все смотришь по сторонамъ? Смотри лучше въ тарелку, а то погляди-ка, какъ ты отдѣлалъ свою салфетку, — сказалъ мнѣ отецъ.

Я не замѣтилъ, что я всю ее закапалъ соусомъ, все смотря на бабушку.

Послѣ обѣда ее точно также отвели къ себѣ отдыхать.

Черезъ три дни ждали кризиса. Чѣмъ ближе подходило это время, тѣмъ все напряженѣе становилось общее настроеніе, все серьезнѣе и серьезнѣе дѣлались лица, улыбки совсѣмъ съ нихъ исчезли. Бабушка, нѣсколько дней выходившая къ обѣду, наканунѣ этого рокового третьяго дня не вышла. За обѣдомъ мы узнали, что вечеромъ у насъ сегодня будетъ всенощная и молебенъ. Это было наканунѣ какого-то праздника или просто воскресенія. Мы услыхали это, когда отецъ отдавалъ кому-то изъ лакеевъ приказаніе, чтобы сходилъ и предупредилъ объ этомъ священника.

У насъ рѣдко служили въ домѣ и это было очевидно по какому-нибудь особенному случаю.

— Скажи отцу Ивану, что и я, и Аграфена Ниловна просимъ его придти никакъ не позже осьми часовъ,—говорилъ отецъ лакею.

Мы переглядывались, не понимая хорошо въ чемъ дѣло, но догадывались, конечно, что это по случаю Лидочкиной болѣзни.

— Это и ей хорошо, это ее успокоитъ, подкрѣпитъ ея силы,— сказалъ докторъ.

— Аграфену Ниловну?— Конечно,— согласился отецъ.— Ахъ, что она выноситъ!..

Вечеромъ въ восемь часовъ насъ позвали въ залъ. Всѣ двери были затворены, чтобы до Лидочки не доходили пѣніе и запахъ ладана, которымъ будутъ кадить.

Начавшіяся сумерки наполняли и безъ того нашъ темный старый залъ какой-то полутьмой. Въ углу, у большого образа Покрова, горѣли двѣ восковыхъ свѣчи. На столикѣ, накрытомъ бѣлой скатертью или салфеткой, лежали священныя книги (у насъ въ домѣ были свои) и облаченія вмѣстѣ съ крестомъ, привезенныя съ собою священникомъ.

Когда насъ позвали, всѣ ужъ собрались. У стѣнки стояла бабушка, а рядомъ съ нею отецъ и матушка. Священникъ объ чемъ-то заговаривалъ съ бабушкой и все повторялъ ей:—очень хорошо-съ, хорошо-съ...

Мы стали у другой стѣнки съ гувернанткой нашей, лютеранкой Анной Карловной, которая за неимѣніемъ своего пастора и своей лютеранской церкви, совсѣмъ у насъ обрусѣла и ѣздила каждое воскресенье къ обѣднѣ и, боюсь сказать навѣрно, кажется, и говѣла, или, по крайней мѣрѣ, исповѣдывалась у нашего священника.

Началась служба, и съ первыхъ же, раздавшихся въ тишинѣ, молитвенныхъ словъ, бабушка опустилась на колѣни и начала горячо молиться, кладя долгіе земные поклоны. Перекрестится крупнымъ крестомъ и поклонится въ землю и долго-долго не по-

дымаетъ головы. Мы не видѣли ее никогда такъ молящуюся. Бывая у нея, въ Большомъ Бору, мы нѣсколько разъ ѣздили съ ней въ церковь ея къ обѣднѣ, стояли всю службу, видѣли, какъ она молилась, но такъ молящуюся мы не видѣли ее никогда.

Мы стояли довольно далеко отъ нея, черезъ весь залъ, у противоположной стѣны и не могли видѣть и за разстояніемъ и за полутьмой бывшей въ залѣ, плачетъ ли она, но бѣлый платокъ у нея былъ въ лѣвой рукѣ, и она его не покидала. Мы съ сестрой, разумѣется, не столько молились, какъ смотрѣли на нее, такъ что Анна Карловна нѣсколько разъ говорила намъ:

— Не смотрите, лучше молитесь Богу, чтобы завтра стало лучше Лидочкѣ.

И мы принимались молиться, просили Бога, чтобы Онъ помогъ Лидочкѣ и потомъ опять смотрѣли на бабушку.

Съ нами вмѣстѣ—входили одинъ по одному изъ дверей въ переднюю,—набралось въ залъ много народу изъ дворовыхъ, а изъ дверей въ гостиную вошли въ залъ женщины разнаго званія, жившія у насъ въ домѣ, и всѣ несомнѣнно молились и за себя, и за Лидочку, чтобъ ей завтра стало лучше.

Кончилась служба, всѣ начали подходить къ кресту, сперва бабушка, потомъ отецъ, матушка, мы, и т. д.

Когда священникъ разоблачился и остался въ рясѣ, къ нему подошли бабушка и отецъ и стали его о чемъ-то просить.

— Да какъ же забыть, помилуйте Аграфена Ниловна, какъ же это, развѣ это можно забыть? Завтра же и помяну за обѣдней и потомъ молебенъ отслужу въ церкви...—говорилъ священникъ.

Священника оставили пить чай, залъ освѣтили и все приняло обыкновенный видъ. Только оставшійся въ комнатахъ запахъ ладана напоминалъ, что сейчасъ здѣсь была всенощная. Бабушка, по окончаніи службы, переговоривъ съ священникомъ, сейчасъ же ушла къ себѣ или къ Лидочкѣ, и мы ее ужъ не видали ни за чаемъ, ни во весь остальной вечеръ.

Доктора во время чая разспрашивали въ которомъ, по его мнѣнію, часу долженъ наступить кризисъ. Онъ отказывался дать точный отвѣтъ на это, ссылаясь на то, что такъ точно опредѣлить невозможно, приблизительно чрезъ столько-то сутокъ по началѣ болѣзни.

— Она когда заболѣла?—спросилъ онъ.—Вѣдь никто не знаетъ въ которомъ часу?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ какъ же я скажу.

— Да надо считать съ того часа, какъ онъ схватилъ ее и потащилъ къ себѣ въ экипажъ.

— Это часовъ въ семь было?

— Нѣтъ въ восемь. Они всѣ гуляли въ саду, за ней пришла горничная и сказала ей,—что ее зоветъ Аграфена Ниловна и что

она у калитки садовой ее дожидается, которая выходитъ за уголъ. Она только подошла, видитъ, что ни Аграфены Ниловны и никого тутъ нѣтъ и хотѣла ужъ назадъ идти, какъ вдругъ онъ кинулся, схватилъ ее, вскочилъ съ ней въ тарантасъ, который тутъ же стоялъ за угломъ, и лошади поскакали... Это часовъ въ восемь было, ужъ стемнѣло почти... Съ ней сразу должно быть и сдѣлался припадокъ... Надо съ того времени и считать начало болѣзни...

— Но однакожъ утромъ, на разсвѣтѣ, когда ее отбили у него мужики, она кричала, звала о помощи. Барсуковскій управляющій, который ее отбивалъ у него, прямо говоритъ, что она въ памяти была; плакала, рыдала, но въ памяти все-таки была...

— И у отца Павла—онъ самъ мнѣ разсказывалъ,—замѣтилъ священникъ,—когда ее къ нему доставили, она тоже была въ памяти...

Когда въ этотъ вечеръ мы прощались съ матушкой, чтобъ идти спать, она сказала намъ:

— Ну, идите ложитесь. Помолитесь хорошенько, чтобы Лидочкѣ завтра было лучше. Завтра большой для нея день. Отъ завтрашняго дня все зависитъ....

И мы, я помню, горячо молились...

VII.

Когда я проснулся на другой день, всѣ уже встали: очевидно, утомленный впечатлѣніями вчерашняго вечера, я крѣпче обыкновеннаго заснулъ и проспалъ, а меня забыли разбудить.

— Что Лидочкѣ? — спросилъ я няньку, пришедшую меня будить, когда я уже самъ проснулся.

— Да ничего пока, — какъ-то не рѣшительно сказала она.

— Не лучше?

— Нѣтъ, ни-ни...

Когда я пришелъ въ столовую пить чай, тамъ уже всѣ отпили и никого не было. Нянька наливала мнѣ и чай.

— А гдѣ же всѣ?

— Да ужъ всѣ разошлись.

— А мама?

— Онѣ тамъ...

— У Лидочки?

— Да гдѣ же больше.

— А Соня гдѣ?

— Онѣ въ саду должно быть съ своей нянькой.

— А гдѣ же Анна Карловна?

— Аннѣ Карловнѣ некогда... Она тамъ... съ маменькой и бабушкой: помогаетъ имъ.

Нянька, очевидно, говорила и чего-то не договаривала. Въ домѣ всѣмъ было ужъ не до насъ. Поэтому и я проспалъ, никто меня не будилъ, и всѣ куда-то разошлись.

Нянька отвела меня, когда я напился чаю, въ садъ, туда, гдѣ была и сестра съ своей нянькой, передала меня ей, а сама, что̀-то переговоривъ въ полголоса съ сестриной нянькой, сейчасъ же ушла въ домъ.

— Ей хуже должно быть, — сказалъ я сестрѣ.

— Чтожъ подѣлаешь, видно такъ ужъ Богу угодно,—отвѣтила ея нянька: — не умолили Господа.

— Значитъ ей хуже! — воскликнулъ я.

— Бредъ начался...

— Стало быть она умретъ?

Нянька ничего не отвѣчала, только вздохнула.

И у меня вдругъ подступили къ горлу, сдавили его, слезы, нижняя губа нервно задрожала и слезы ручьями потекли изъ глазъ, какъ текутъ изъ глазъ онѣ только у дѣтей. На меня глядя и сестра заплакала.

Нянька принялась насъ утѣшать, говорила, что еще ничего неизвѣстно, что все Богъ, что можетъ быть ей станетъ лучше.

Въ это время ударили въ колоколъ и начался благовѣстъ къ «достойной».

— Лучше помолитесь, чтобы ей Богъ помогъ,—сказала нянька и начала креститься.

И мы стали съ сестрой на колѣни тутъ же, подъ солнцемъ, на травѣ, въ куртинѣ, гдѣ сидѣли, и начали молиться на кресты церкви, которые виднѣлись вмѣстѣ съ вершиной колокольни и горѣли на солнцѣ...

Глядя на насъ, и нянька начала вмѣстѣ съ нами молиться...

Это было недалеко отъ дома и изъ окна было видно насъ. Бабушка, подошедшая въ это время за чѣмъ-то къ окну, увидала насъ, поняла въ чемъ дѣло и, говорятъ, разрыдалась чуть не до обморока...

Когда мы въ 12 часовъ пришли въ домъ къ завтраку, вышедшая къ намъ матушка, вся въ слезахъ, горячо поцѣловала насъ обоихъ въ голову, долго смотрѣла намъ въ глаза и потомъ гладила рукой по волосамъ.

— Лидочкѣ хуже? — спросилъ я.

— Хуже... — отвѣчала коротко матушка.

На глаза ей опять набѣжали слезы. Мы тоже опять расплакались съ сестрой.

Ужасный, томительный былъ этотъ день. Насъ то уводили въ садъ, то приводили зачѣмъ-то опять въ домъ. Чувствовалась какая-то пустота, всѣ ходили съ постными лицами, ходили даже и въ отдаленныхъ комнатахъ на цыпочкахъ, точно и отсюда она могла слышать.

Поваръ на кухнѣ рубилъ котлетки и въ открытыя въ домѣ окна доносился рѣзкій стукъ ножей.

— Подите, скажите ему, чтобы потише... Пускай закроетъ окна въ кухнѣ, чтобы не было слышно, а то точно барабанъ какой-то,— сказала матушка кому-то изъ прислуги.

Выходя въ садъ съ балкона, сестра Соня замѣтила мнѣ:

— Сирени-то ужъ ни одной нѣтъ въ цвѣту — вся отцвѣла. А помнишь, Лидочка-то была какая въ вѣнкѣ?..

Сирень, дѣйствительно, стояла съ голыми, сухими прутиками на концахъ вѣтокъ, гдѣ еще недавно были все бѣлые и сизые цвѣты.

На третій день, на разсвѣтѣ, Лидочка скончалась. Насъ, какъ мы только встали, съ утра увели въ садъ и для чего-то не пускали оттуда въ домъ и не велѣли говорить ничего объ Лидочкиной кончинѣ.

— Но отчего же нельзя намъ въ домъ? — спрашивали мы, догадавшись о роковой причинѣ.

— Нельзя...

— Да отчего? Вѣрно Лидочка умерла?

Намъ говорили противное, но до того какъ-то не рѣшительно и до того разсѣянно, что мы ужъ почти не сомнѣвались, что это такъ и есть.

Намъ и завтракъ принесли въ садъ, на подносѣ, и мы ѣли, сидя на коврѣ, разостланномъ прямо на травѣ.

Очевидно и лакею было запрещено намъ говорить, потому что когда я его спросилъ, онъ мнѣ отвѣтилъ какъ-то скороговоркой и точно онъ зналъ, что я его спрошу:

— Никакъ нѣтъ-съ.

Я не знаю для чего это дѣлалось, потому что, придя въ домъ къ обѣду, мы все равно узнали всю горькую правду.

Въ домѣ были ужъ попы, изъ церкви привезли большіе серебряные подсвѣчники, которые обыкновенно стоятъ передъ мѣстными образами. Всѣ женщины и горничныя ходили въ черныхъ коленкоровыхъ платочкахъ на плечахъ, а у нѣкоторыхъ они были обшиты ужъ и бѣлымъ.

Про бабушку говорили, что она ничего, перенесла потерю сравнительно легко, такъ какъ не ожидали, только она какъ-то точно одеревѣнѣла... Не плачетъ, а сидитъ все и молчитъ. Посидитъ, посидитъ, пойдетъ опять къ столу, на которомъ лежитъ совсѣмъ ужъ убранная, одѣтая такъ, какъ ей ложиться въ гробъ, Лиденька; постоитъ передъ ней, возьметъ ее за руку, потомъ опять уйдетъ. Докторъ, которому теперь нечего ужъ было дѣлать, подъ какимъ-то предлогомъ самъ не уѣзжалъ, а все совѣтовалъ матушкѣ успокоиться.

— Я ничего, а вотъ боюсь за Аграфену Ниловну, — отвѣчала матушка.

— Да, она опасна,—сказалъ докторъ.

— А что?—спросила матушка.

— Она очень мнѣ не понравилась сегодня. Я сейчасъ къ ней нарочно заходилъ.

— Боже мой, неужели еще и вторая будетъ жертва,—воскликнула матушка.

Но докторъ принялся ее успокоивать, говорилъ, что вѣдь опаснаго еще ничего нѣтъ:

— Она только нехороша, мнѣ она не понравилась...

Куда-то посылали нарочныхъ и въ этотъ и на другой день ждали какого-то разрѣшенія, посылали одного за другимъ въ городъ, забывали то то, то другое. Наконецъ, какое-то необходимое въ этихъ случаяхъ разрѣшеніе отъ кого-то было получено, и вотъ на другой день Лидочку, положенную въ гробъ, повезли въ бабушкино имѣніе Большой Боръ, а въ каретѣ за ней поѣхали бабушка съ матушкой и съ докторомъ, котораго попросили, какъ онъ не отказывался, ѣхать проводить до дому бабушку.

Мы ничего впрочемъ этого не видали; насъ не пустили проститься ни съ Лидочкой, которая, говорятъ, хотя исхудала, но лежала въ гробу, какъ живая, ни съ бабушкой, которая стала замѣчательно и удивительно тиха и кто что ей ни говорилъ, всѣхъ безпрекословно слушалась, точно какъ бы сознавая, что она поглупѣла и стала вдругъ непонятнѣе всѣхъ.

— Какъ малый ребенокъ совсѣмъ стала,—говорили про нее.— Что ни скажи ей, только:—А? что? Да? И сейчасъ же все исполнитъ.

Такъ ее усадили въ карету, такъ и повезли ее. Она только просила, чтобы было побольше провожатыхъ.

— А то я боюсь.

— Да чего же вы боитесь.

— Такъ, боюсь...

И провожатыхъ съ ними отправили много, человѣкъ пятнадцать и все верхами.

Мы видѣли только, какъ подавали къ крыльцу карету и потомъ толпу людей, собравшихся для проводовъ у крыльца. Намъ не позволяли даже смотрѣть въ окна почему-то, и то, что мы видѣли, намъ удалось видѣть украдкой, на минутку, когда Анна Карловна отлучалась.

Матушка, возвратившись отъ бабушки изъ Большого Бора (она возвратилась черезъ недѣлю слишкомъ), разсказывала, что довезли они Лидочку хорошо, совершенно благополучно безъ всякихъ приключеній, что когда они привезли ее въ Большой Боръ, на встрѣчу къ нимъ вышло духовенство богатой тамошней церкви все въ черныхъ траурныхъ ризахъ, что Лидочку похоронили въ тотъ же день у самой паперти, рядомъ съ могилой дѣдушки, и могила ея теперь

вся обложена цвѣтами и сдѣлана пока временная деревянная оградка, но что потомъ будетъ настоящая чугунная, что бабушка каждое утро ходитъ къ ней туда на могилку:—«И стала такая легкая, просто не поспѣешь за ней. Ужъ я и то ее все просила потише—разсказывала матушка:—и потомъ, вечеромъ то же, какъ только солнце сядетъ—прощаться къ ней ходитъ»...

— И — добавляла матушка, — что такая за перемѣна съ ней случилась — этого и понять невозможно. Совсѣмъ другой человѣкъ. Ни этого ея спокойнаго, веселаго, яснаго взгляда, ни улыбки какъ прежде было: все только спѣшитъ куда-то и все безъ всякой цѣли перекладываетъ съ мѣста на мѣсто, перетираетъ, завертываетъ.

— Да все для чего это?

— Такъ.

— И какъ будто опомнится на минутку, а потомъ опять за свое.

Недѣли черезъ три матушка опять къ ней ѣздила къ сороковому по Лидочкѣ дню. Бабушка, по ея словамъ, была такая же все, только еще больше все суетится и еще больше исхудала.

Бабушку мы больше не видали ужъ. Она умерла ровно черезъ годъ, день въ день съ Лидочкой.

Дядю Яшу судили; но какимъ-то особымъ дворянскимъ судомъ, черезъ какое-то депутатское собраніе. Разсказывали, что онъ на этомъ судѣ говорилъ ужасныя мерзости про всѣхъ, увѣряя, что не она была его жертвой, а онъ, что она уговорила его бѣжать съ ней и проч., и онъ увезъ ее и связывалъ будто бы для того, чтобы она не сдѣлала чего надъ собою... Такъ она боялась будто бы жестокаго съ ней обращенія бабушки...

Судъ этотъ кончился для него ничѣмъ, хотя всѣ называли его негодяемъ и очень многіе изъ родныхъ больше его къ себѣ не пускали ужъ.

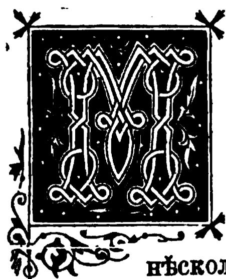
С. Терпигоревъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. САЛТЫКОВѢ [1].

III.

Ы ЗНАЛИ Михаила Евграфовича главнымъ образомъ въ литературныхъ его отношеніяхъ, и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, лучшею для него рекомендаціей можетъ служить тотъ удивительно единодушный взглядъ на него, какой высказали всѣ писавшіе о немъ сотрудники. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести нѣсколькихъ строкъ изъ воспоминаній своихъ бывшихъ товарищей, какъ для того, чтобы показать ихъ сходство, такъ и для того, чтобы самому избѣжать повтореній.

Н. К. Михайловскій говоритъ о Салтыковѣ, что онъ часто былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ въ выраженіяхъ и что внѣшность его только усиливала это впечатлѣніе: рѣзкая перпендикулярная складка между бровей на прекрасномъ, открытомъ и высокомъ лбу, сильно выпуклые глаза, сурово и какъ-то непреклонно смотрѣвшіе прямо въ глаза собесѣднику, грубый голосъ, угрюмый видъ; «но иногда это суровое лицо все освѣщалось такою почти дѣтски-добродушной улыбкой, что даже люди, мало его знавшіе, но попадавшіе подъ свѣтъ этой улыбки, понимали, какая наивная и добрая душа кроется подъ его угрюмой внѣшностью. О тѣхъ, кто его близко зналъ, нечего и говорить. Онъ не могъ не поворчать въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было... но всѣ знали, что это только воркотня и что въ концѣ концовъ она ничѣмъ не отзовется на дѣлѣ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ... Это былъ истинно добрый человѣкъ, всегда готовый помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ. Мелкихъ же чувствъ мстительности, подозрительности,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 318.

соперничества въ немъ не было даже самыхъ слабыхъ слѣдовъ» [1]. А. М. Скабичевскій продолжаетъ: въ обществѣ ходили баснословные слухи о мнимыхъ суровости, жестокости и даже бранчивости, съ какими Салтыковъ, будто бы, обращался съ людьми не только близкими, но и совершенно незнакомыми, которыхъ въ первый разъ видѣлъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, начинающіе авторы, впервые являвшіеся къ нему съ своими начинаніями, сильно потрухивали и робѣли. «Но эти слухи крайне преувеличены. Дѣйствительно, его лицо носило по большей части суровое и нѣсколько даже мрачное выраженіе, и въ нервномъ голосѣ очень часто слышались ноты болѣзненной раздражительности, что могло пугать каждаго непривычнаго человѣка. Но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ, въ сущности, крайне добрымъ, съ мягкимъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, неспособнымъ отказывать въ чемъ-либо людямъ и, вообще, оставаться безучастнымъ къ ихъ нуждамъ» [2]. «Часто случалось, говоритъ онъ дальше, что къ нему обращались за авансомъ сотрудники, забравшіе не мало уже денегъ и потерявшіе, повидимому, всякое право на новые авансы. Салтыковъ выходилъ изъ себя въ такихъ случаяхъ. Грозный голосъ его начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ редакціи: «это невозможно!—кричалъ онъ—это чортъ знаетъ что такое!.. Мы и безъ того роздали безвозвратно до 30 тысячъ! Что же съ нами будетъ, наконецъ, чѣмъ же это кончится?» и т. д. И кончалось всегда тѣмъ, что... онъ бралъ листъ бумаги и писалъ ордеръ въ контору о выдачѣ сотруднику суммы, которую тотъ просилъ». Равнымъ образомъ и состоявшіе при редакціи конторщики, метранпажи и другіе служащіе нисколько его не боялись и прямо говорили: «что намъ Михаилъ Евграфовичъ! Онъ только такъ, кричитъ, а мы его нисколько не боимся». Однажды, при Скабичевскомъ онъ съ ужаснымъ гнѣвомъ напустился на метранпажа за то, что тотъ слишкомъ скоро набралъ весь отданный въ типографію матерьялъ для книжки и явился за новымъ.—«Чего вы торопитесь,—кричалъ онъ—ѣдите вы что ли рукописи? Ему не успѣешь дать рукопись, ужъ у него и готово. Да что вы въ недѣлю хотите набрать книжку, что ли?.. Набрали, такъ и ждите теперь, а отъ меня вы больше ничего раньше недѣли не получите, ничего!..» Понятно, что, слушая такую распеканцію, метранпажъ еле удерживался отъ смѣха, потому что она въ сущности была ему похвалою. Но Салтыковъ, дѣйствительно, сердился въ это время.

«Страхъ, который внушалъ Салтыковъ робкимъ людямъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—происходилъ главнымъ образомъ отъ двухъ его достоинствъ: отъ крайняго прямодушія и нервнаго отвращенія

---

[1]) «Критическіе опыты», П. М. 1890 г., стр. 166—7.

[2]) «Новости», № 116, 1889 г.

ко всему фальшивому и неискреннему. Какъ только онъ видѣлъ что-либо подобное, его тотчасъ же начинало коробить, онъ не могъ не высказать человѣку въ глаза того впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ, и высказать со всѣмъ тѣмъ саркастическимъ остроуміемъ, которымъ онъ былъ надѣленъ. Не гнѣвъ его былъ страшенъ, а скорѣе тѣ шуточки, которыми онъ способенъ былъ уничтожить собесѣдника... Но за то, если Салтыковъ усматривалъ въ человѣкѣ природный умъ, честность и искренность, онъ дѣлался съ такимъ человѣкомъ крайне мягокъ, деликатенъ, любезенъ и вполнѣ откровененъ». Г. Абрамовъ также опровергаетъ разные нелѣпые слухи, ходившіе относительно Салтыкова, и говоритъ, что онъ является въ его воспоминаніяхъ «чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ», что онъ всегда встрѣчалъ въ немъ «внимательнаго и заботливаго человѣка», интересовавшагося, какъ его занятіями, такъ и «матеріальнымъ положеніемъ», и что таково же, насколько онъ могъ замѣтить, «было его отношеніе и ко всѣмъ другимъ сотрудникамъ» [1]). Тоже или почти то же самое говоритъ и г. Южаковъ. То же самое, разумѣется, сказалъ бы и я, и не знаю—сказалъ ли бы лучше, а потому посмотримъ лучше на черты его характера менѣе подчеркнутыя и не такъ рѣзко бросавшіяся въ глаза.

Не смотря на свою прямоту и суровость, онъ былъ въ отношеніи сотрудниковъ и людей, которыхъ зналъ или которые ему казались искренними, замѣчательно деликатенъ. Я уже указывалъ выше, какъ онъ умѣло велъ редакторское дѣло, не оскорбляя литературныхъ самолюбій, едва ли не самыхъ болѣзненныхъ въ мірѣ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться чуть ли не на каждомъ шагу. А между тѣмъ въ то же время онъ всегда указывалъ людямъ ихъ ошибки и промахи, нисколько не стѣснялся высказывать непріятныя истины прямо въ глаза. Дѣлалось это, не смотря на кажущуюся внѣшнюю рѣзкость, въ такой сердечной, чисто товарищеской и деликатной формѣ, что люди не обижались, а если и обижались, то чувствовали себя не вправѣ сердиться: на его сторонѣ была правда и самое задушевное доброжелательство. Человѣкъ чувствовалъ, что его не желаютъ вовсе оскорбить или какъ бы то ни было унизить, а просто говорятъ ему то, что слѣдуетъ и чего отъ другихъ онъ во вѣки вѣковъ не услышитъ и ни за какія сокровища не купитъ. Если бы Салтыковъ кому-нибудь изъ близкихъ людей причинилъ обиду, то это навѣрное долго его мучило бы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣчто подобное происходило какъ-нибудь невольно, или когда онъ только предполагалъ, что человѣкъ могъ обидѣться, онъ всегда извинялся передъ нимъ и говорилъ: «вы пожалуйста на меня не сердитесь», «пожалуй-

[1]) «Недѣля», № 19, 1889 г.

ста извините, но, право, я не хотѣлъ васъ обидѣть». Послѣ каждой горячности и крупнаго разговора, онъ обыкновенно становился очень мягокъ, точно смотря, не обидѣлъ ли кого и не нужно ли загладить обиду. Разскажу, какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснялся возвращать рукописи. Помню разъ черезъ меня поступила въ редакцію рукопись одной моей знакомой писательницы, человѣка очень скромнаго и малоизвѣстнаго. Это было въ самомъ началѣ моего сотрудничества. Я въ то время жилъ въ Лѣсномъ и не каждый разъ бывалъ въ редакціи; а потому въ назначенный срокъ, черезъ двѣ недѣли, сказалъ знакомой, чтобы она сама зашла за отвѣтомъ. Салтыковъ никакого отвѣта ей не далъ, а сказалъ только, что желаетъ меня видѣть и дастъ отвѣтъ черезъ меня. Нѣсколько дней я былъ занятъ и въ городѣ не былъ, а потому не былъ и у него. Въ воскресенье получаю отъ него письмо: непремѣнно проситъ пріѣхать завтра въ редакцію. Пріѣзжаю, отводитъ онъ меня въ сторону и говоритъ:

— Послушайте, должно быть, эта ваша знакомая, которая разсказъ написала, очень хорошій человѣкъ. Это по разсказу видно, но что намъ дѣлать: разсказъ-то вѣдь плохъ, не по мысли, а въ литературномъ отношеніи. Я цѣлую недѣлю колебался: принимать его или не принимать. Она тутъ была въ прошлый понедѣльникъ. Отказать какъ-то языкъ не поворачивается: можетъ быть она нуждается и надѣялась на эту работу; въ разсказѣ у нея такое знакомство съ нуждой, что вѣрно она сама ее испытала или испытываетъ, а тутъ вдругъ откажешь. А съ другой стороны, и намъ тоже какъ-то неловко слабыя вещи принимать. У насъ ихъ и безъ того достаточно. Сдѣлайте для меня такое одолженіе, снимите съ меня эту тягость и скажите ей объ этомъ какъ-нибудь такъ, чтобы она не обидѣлась. Когда знаешь человѣка, то это какъ-то лучше выходитъ. А если ей деньги нужны, то можно будетъ выдать: что-нибудь другое напишетъ, можетъ быть удачнѣе выйдетъ.

Вспоминаю также случай деликатности со мною, тоже отчасти касавшійся денежнаго вопроса, но такъ какъ тутъ главную роль играла другая сторона, то скажу сначала слѣдующее.

При изданіи «Отечественныхъ Записокъ», самыми мучительными днями для Салтыкова были четыре дня, когда книжка поступала въ цензуру, особенно если въ ней было что-нибудь сомнительное. Въ теченіе этихъ четырехъ дней пребыванія книжки «во чревѣ китовѣ», какъ говорилъ Михаилъ Евграфовичъ, онъ былъ положительно самъ не свой: иногда не спалъ ночей, а днемъ чуть не поминутно заглядывалъ въ окно и прислушивался къ звонку.

Придти къ нему въ эти дни—значило навѣрное услышать:

— Вотъ я за вашу статью ужасно боюсь.

— А за свою?

— У меня ничего нѣтъ, а у васъ есть къ чему придраться.

Но обыкновенно оказывалось, что его статьи гораздо чаще приходилось вырѣзывать, чѣмъ статьи другихъ сотрудниковъ, даже въ общей сложности. Когда срокъ оканчивался и книжка выходила, онъ успокоивался. Когда печаталась его «Пошехонская Старина» въ «Вѣстникѣ Европы», то онъ боялся и за «Вѣстникъ Европы», когда тотъ шелъ въ цензуру. Однажды, я засталъ его въ такой тревогѣ. Совсѣмъ уже больной, онъ еле волочилъ ноги по комнатѣ, но все-таки подходилъ къ окну, заглядывалъ и волновался, отчего не идетъ разсыльный, котораго должны были прислать съ извѣстіемъ изъ типографіи. Желая его успокоить хоть немного, я сказалъ:

— Вы даже за чужіе журналы волнуетесь... И охота же причинять себѣ столько безпокойства: по всей вѣроятности все обойдется благополучно.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—а вотъ если задержатъ книжку за мою статью, тогда что Стасюлевичъ скажетъ?

Однако, вышла разъ и на меня проруха: написалъ я рецензію о сочиненіи Чичерина о нѣмецкихъ соціалистахъ: К. Марксѣ и Лассалѣ. Рецензія эта, не смотря на то, что была чисто теоретическою, не понравилась въ цензурѣ и была вырѣзана. Прошло года три или четыре, Чичеринъ опять какъ-то проявился на московскомъ небосклонѣ съ вышеуказаннымъ сочиненіемъ и кандидатурою на должность московскаго городского головы, а я, не прельщаясь надѣлавшею тогда эфекта его рѣчью, взялъ расширилъ свою рецензію въ статью и пустилъ ее подъ другимъ названіемъ, надѣясь, что черезъ такое значительное время она пройдетъ. Книжка была послана въ цензуру и срокъ ей истекалъ, по обыкновенію, къ редакціонному дню, какъ это приноравнивалось для удобства раздачи гонорара и новыхъ книжекъ сотрудникамъ. Прихожу я, ничего не подозрѣвая, въ редакцію, Салтыковъ любезенъ, какъ-то особенно ласковъ и говоритъ, что книжка вышла; тоже повторяютъ и другіе; тоже говоритъ и конторщикъ, раздавая деньги сотрудникамъ.—«Получите,—говоритъ,—и вы». Я получилъ сколько причиталось и росписался. Спрашиваю: а гдѣ же книжка, нельзя ли получить экземпляръ? – «Сейчасъ, говоритъ, ее принесутъ». Затѣмъ, посидѣли нѣкоторое время, поговорили о текущихъ дѣлахъ; приходили посѣтители, — одни за отвѣтомъ, другіе съ новыми статьями; однимъ словомъ, все шло своимъ чередомъ, и я ничего не замѣчалъ. Наконецъ, Салтыковъ распрощался и уѣхалъ, а какъ только онъ уѣхалъ, такъ вдругъ откуда-то появилась и книжка. Смотрю, моей статьи въ ней нѣтъ. Оказалось, что въ цензурѣ замѣтили, что она уже была разъ вырѣзана (хоть я и совершенно ее передѣлалъ, но ходъ мысли и самый предметъ остались тѣ же), а потому предложили и вторично вырѣзать. Иначе задержали бы всю книжку. Салтыковъ же, не желая меня огорчать или, лучше

сказать, видѣть моего огорченія, просилъ всѣхъ не говорить мнѣ объ этомъ, пока онъ не уйдетъ изъ редакціи. Онъ по себѣ зналъ, насколько это огорчительно, а съ другой стороны и статья ему нравилась. Мнѣ, дѣйствительно, было очень непріятно и жаль статью, а затѣмъ и положеніе мое относительно гонорара вышло довольно неловкимъ: я уже получилъ разъ деньги за вырѣзанную рецензію, а теперь вторично получалъ въ сущности за ту же самую работу, которая также не пригодилась журналу. Выходило такъ, какъ будто я обладаю какой-то сказочной цѣнностью, которая другому не дается и постоянно ко мнѣ же возвращается. Къ тому же, денежное мое положеніе было вовсе не плохимъ: кромѣ платы за статьи, я получалъ еще отъ редакціи очень хорошее жалованье. Видя, что конторщикъ уже ушелъ изъ редакціи, я, когда возвращался домой, зашелъ въ контору и предложилъ ему деньги обратно, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ сдѣлать этого никакъ не можетъ, потому что Михаилъ Евграфовичъ приказалъ не брать отъ меня денегъ:—«не велѣлъ—говоритъ—сказывать вамъ, что статья вырѣзана, и книжку не велѣлъ показывать, покуда денегъ не получите, а потомъ денегъ назадъ не велѣлъ брать». Значитъ, онъ и тутъ уже распорядился. Говорилъ я ему потомъ объ этомъ раза два, но онъ и слушать не хотѣлъ, повторяя только одно: «ахъ, какъ это скучно, право. Вѣдь и во второй разъ вы работали надъ статьею, не сама же она написалась, слѣдовательно не о чемъ тутъ и говорить; если же не хотите брать денегъ или у васъ ихъ такъ много, что некуда дѣвать, такъ отдайте кому-нибудь». Положеніе мое въ данномъ случаѣ было, впрочемъ, вовсе не исключительнымъ: всѣ статьи, разъ принятыя редакціей, оплачивались, хотя бы почему-нибудь—по независящимъ или инымъ причинамъ—и не были напечатаны.

Вообще, въ денежныхъ вопросахъ и дѣлахъ съ пишущею братіею Салтыковъ былъ гораздо болѣе щедръ, чѣмъ это могло показаться съ виду, по скромности его личныхъ потребностей и тѣмъ случаямъ, когда онъ начиналъ ворчать, при выдачѣ нѣкоторыхъ авансовъ. Онъ постоянно выдавалъ авансы, и авансы значительные; мало того, самъ даже предлагалъ иногда денегъ, когда узнавалъ, что человѣкъ нуждается, и предлагалъ людямъ, которыхъ мало зналъ, лишь бы только они были писателями и изъ писаній ихъ было видно, что они люди порядочные. Я выше указалъ одинъ такой примѣръ относительно знакомой моей писательницы, хотя она предложеніемъ и не воспользовалась. Другой, такой же, примѣръ разсказываетъ г. Абрамовъ про себя: Салтыковъ совсѣмъ его еще не зналъ и въ первый разъ видѣлъ, только одна первая статья его тогда была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», а между тѣмъ, узнавъ изъ разговора, что онъ ѣдетъ съ небольшою суммою въ дальнюю дорогу, самъ предложилъ ему «порядочный

авансъ», какой тотъ самъ назначилъ. Навѣрное были и можно еще припомнить подобные же случаи. Г. Абрамовъ совершенно вѣрно говоритъ, что если не всѣ, то почти всѣ сотрудники «прибѣгали постоянно къ этимъ авансамъ, а нѣкоторые такъ и не выходили изъ долговъ», что «кажется, не проходило редакціоннаго дня безъ того, чтобы кто-нибудь не обращался за авансомъ» и что «отказа никогда не было». Салтыковъ не любилъ только безконечныхъ авансовъ, какъ называлъ онъ тѣ случаи, когда человѣкъ, не давая долго статей, чуть ли не каждый мѣсяцъ атаковалъ его просьбами, и не любилъ также слишкомъ маленькихъ выдачъ. Такъ, напримѣръ, одинъ поэтъ, человѣкъ съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ и имѣвшій хорошее мѣсто, почти постоянно желалъ получать гонораръ за свои стихотворенія впередъ: напишетъ стихотвореніе, узнаетъ когда оно пойдетъ, расчитаетъ сколько за него приходится и придетъ за какими-нибудь 8 рублями. Вотъ Салтыковъ и начинаетъ ворчать. Во-первыхъ, измѣняется лицо и становится недовольнымъ, во-вторыхъ, не находится пера для написанія записки въ контору или перо оказывается такимъ плохимъ, что не пишетъ («это только у насъ могутъ быть такія перья!»), затѣмъ бумаги нѣтъ, и т. д. Все это говорится, пока пишется записка; наконецъ все кончено, поэтъ поспѣшно уходитъ и начинаются разсужденія: «и зачѣмъ ему понадобились эти 8 рублей? Никогда я не повѣрю, чтобы человѣку въ такомъ возрастѣ и чинахъ могли понадобиться 8 рублей. Это онъ или въ баню хочетъ сходить, или въ банкъ ихъ положить, чтобы въ конторѣ даромъ цѣлый мѣсяцъ не лежали». Не вѣрилъ онъ, конечно, и навѣрное даже ни на минуту серьезно не допускалъ ни одного изъ этихъ предположеній, хорошо зная, что могутъ понадобиться и 8 руб. человѣку, а просто это ему надоѣдало и не нравилась такая маленькая житейская неаккуратность. О томъ же человѣкѣ въ другое время онъ говорилъ совершенно иначе, т. е. сочувствуя его положенію, хотя бы самъ человѣкъ ему и не нравился.

Арендуя «Отечественныя Записки», Салтыковъ могъ бы получать отъ изданія гораздо больше, еслибы, подобно другимъ издателямъ, меньше думалъ объ интересахъ пишущихъ. Салтыковъ всегда порицалъ маленькіе гонорары, которые существуютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ для людей начинающихъ и малоизвѣстныхъ и всегда давалъ хорошую плату, плату во всякомъ случаѣ не низшую, а высшую, чѣмъ въ другихъ журналахъ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, плата эта повышалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гонорары «Отечественныхъ Записокъ» достигали очень значительныхъ размѣровъ. Нѣкоторые сотрудники получали бо́льше, чѣмъ самъ Салтыковъ: я помню время, когда ему расчетъ производился по 200 р. за листъ, а другіе получали по 250 р. Потомъ это сравнялось. Случайныя статьи извѣстныхъ

писателей также иногда оплачивались дороже. Въ числѣ сотрудниковъ всегда было нѣсколько человѣкъ, которые получали постоянное жалованье. Въ случаѣ болѣзни или какихъ-либо житейскихъ передрягъ, жалованье это сохранялось долго за ними или выдавалось ихъ семьямъ. Долги сотрудниковъ, когда ихъ положеніе было плохо, постоянно смарывались. Когда «Отечественныя Записки» закрылись, то многіе оказались должными журналу, и всѣ эти долги были уничтожены; кромѣ того, почти всѣ, кто постоянно работалъ для журнала и жилъ текущею работою, получили по нѣскольку сотъ рублей, что дало имъ возможность перебиться до пріисканія новой работы.

Въ связи съ только-что сказаннымъ, мнѣ хочется отмѣтить еще одну чисто народную черту характера Салтыкова: онъ былъ артельнымъ, мірскимъ человѣкомъ, не въ смыслѣ мірского времяпрепровожденія или какихъ-либо развлеченій, совершенно для него чуждыхъ, а въ смыслѣ склонности жить и дѣйствовать артелью, міромъ, и постоянно принимать близко къ сердцу общественные интересы. Это типъ на Руси вполнѣ опредѣленный и сохранившійся еще и до сихъ поръ: изъ него выходятъ порицатели общественной неправды и пороковъ, ходоки, заступники и вообще радѣтели о мірѣ, личная жизнь которыхъ неразрывно соединяется съ мірскою, которые не мыслимы безъ міра также, какъ растеніе безъ земли и птица безъ воздуха. По первому внѣшнему впечатлѣнію, Салтыковъ легко могъ показаться нелюдимымъ, но чѣмъ больше вы его узнавали и ближе къ нему присматривались, тѣмъ для васъ становилось очевиднѣе, что въ немъ сильно развито общественное чувство, что онъ именно не мыслимъ безъ міра, что его даже нельзя представить себѣ въ одиночку: прежде всего безъ извѣстнаго кружка близкихъ людей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, затѣмъ, безъ извѣстнаго круга читателей, который служилъ мысленнымъ продолженіемъ этого кружка и который онъ постоянно имѣлъ въ виду, и, наконецъ, безъ заботъ объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Заботы объ общественныхъ интересахъ достаточно видны изъ его произведеній, изъ которыхъ каждое имѣло общественное значеніе; но немногимъ, конечно, извѣстно, насколько въ непосредственныхъ, литературныхъ отношеніяхъ Салтыковъ былъ заботливымъ, вѣрнымъ и прекраснымъ товарищемъ, насколько мало стремился онъ преобладать, властвовать и подчинять себѣ людей и насколько самъ умѣлъ подчиняться, насколько заботился объ единодушіи и общемъ тонѣ работъ, насколько расположеніе его къ людямъ, съ которыми свела его судьба, было прочно и насколько онъ дорожилъ ими и цѣнилъ ихъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже нѣсколько пересаливалъ, какъ зачастую пересаливаютъ (что, впрочемъ, совершенно естественно) всѣ вообще обществен-

ники, артельщики и даже люди политическихъ партій, считающіе дороже и выше всего свою общину, свой монастырь, свою ближайшую среду и относящіеся къ остальному міру, если не съ предубѣжденіемъ раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ какъ къ чему-то чужому: это вотъ свои, а то чужіе; это нашъ, а то чужанинъ. Нашъ можетъ быть и съ нѣкоторымъ изъянцемъ, да молодецъ и человѣкъ вѣрный, а тотъ—кто его знаетъ, что такое, можетъ быть и нѣчто хорошее, а можетъ быть и плохое.

Какъ умнаго человѣка, это не приводило его къ крайности, къ заключенію, что только и свѣта въ окошкѣ, что у насъ, напротивъ, онъ часто порицалъ свое, отлично зналъ его слабыя стороны и всегда стремился привлечь къ журналу все новое, мало-мальски даровитое и честное, признавалъ порядочность и заслуги другихъ, какъ на литературномъ, такъ и на иныхъ поприщахъ, извинялъ и тамъ ошибки и слабости, лишь бы только не было неискренности, лжи, ренегатства и виляньа хвостомъ, ради какихъ-либо низменныхъ цѣлей и выгодъ, но отношеніе къ своему все-таки было несомнѣнно предпочтительное передъ постороннимъ. За своихъ онъ всегда готовъ былъ постоять, а сознаніе, что и со своими можно постоять за общія убѣжденія и идеалы доставляло ему большое удовольствіе. Къ постороннимъ людямъ онъ вообще относился какъ-то искоса, если можно такъ выразиться. Какъ не любилъ онъ, напримѣръ, когда посѣтители, приходя въ редакцію, долго засиживались и разговаривали.

— Скажите пожалуйста, чего они тутъ сидятъ?—начиналъ онъ ворчать:—вѣдь у насъ дѣло есть, а тутъ извольте ждать. Вѣроятно, они думаютъ, что мы для разговоровъ собираемся...

А когда разговорчивые посѣтители или посѣтительницы уходили, то онъ иногда напускался на того, кто съ ними говорилъ, при чемъ оказывалось, что «если бы мы сами съ ними не разговаривали, то они такъ долго не засиживались бы».

Правду надо сказать, что между посѣтителями были прескучные: или придутъ съ чисто-теоретическими разговорами, или съ совершенно неотносящимися къ литературѣ вопросами, или съ выговорами за какую-нибудь статью, или съ объясненіями, почему такая-то статья не принята, когда она такъ хороша, и т. п. Съ одною писательницею, отличавшеюся особенною придирчивостью и необыкновеннымъ многословіемъ, Салтыковъ положительно не могъ говорить, не смотря на то, что она очень рѣдко появлялась: какъ только, бывало, покажется, такъ онъ сейчасъ же старается направить къ ней кого-нибудь изъ сотрудниковъ: — «Это она къ вамъ пришла», или—«потрудитесь пожалуйста принять чашу сію», а самъ уходитъ въ другую комнату, или, застигнутый врасплохъ, сидитъ, косится и сердито откашливается. Вообще, онъ стороннихъ не жаловалъ и, наоборотъ, очень любилъ, чтобы сотрудники «Оте-

чественныхъ Записокъ» всегда приходили, и чѣмъ больше собирался кружокъ, тѣмъ онъ становился довольнѣе и одушевленнѣе. Какъ только кого-нибудь не доставало, такъ сейчасъ же начинались вопросы: почему не пришелъ, здоровъ ли и т. д., а когда замѣчалъ, что человѣкъ какъ-будто уклоняется отъ посѣщеній, то всегда узнавалъ: не разсердился ли онъ на что-нибудь и не обидился ли. Въ началѣ моего сотрудничества, когда я еще не былъ близокъ къ редакціи и просто стѣснялся приходить безъ опредѣленнаго повода, Салтыковъ неоднократно спрашивалъ:

— Почему вы прошлый разъ не были? Что же это мы всѣ врознь будемъ писать... Право, разъ въ недѣлю не трудно ходить.

То же самое говорилось и другимъ; а если бы кто-нибудь изъ постоянныхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ чтеніи рукописей и въ текущихъ отдѣлахъ, вздумалъ не ходить, то тутъ навѣрное была бы цѣлая исторія, и Салтыковъ и самъ замучился бы и его бы замучилъ вопросами, записками, объясненіями, а въ концѣ концовъ, вѣроятно, поссорился бы. Однажды, когда еще никакихъ обязанностей на мнѣ не лежало, я задумалъ зимовать въ Лѣсномъ, и онъ сейчасъ же сталъ спрашивать:

— Что это вы въ Лѣсномъ совсѣмъ поселились? Развѣ тамъ такъ хорошо?

Говорю:—да, хорошо.

— А по моему ничего хорошаго нѣтъ. Развѣ писатель можетъ жить гдѣ-нибудь, кромѣ Петербурга?

— Почему же?

— Да потому, что вы тамъ не будете такъ близко принимать къ сердцу того, что происходитъ.

Но такъ какъ я никакъ не могъ взять въ толкъ, чтобы такое маленькое разстояніе могло что-нибудь значить, и приводилъ свои резоны, то онъ избралъ другой путь — сталъ подтрунивать надо мною и сочинять небылицы.

— Я слышалъ, что вы коровъ и лошадей въ Лѣсномъ заводите? Правда это или нѣтъ?

— Кто это вамъ сказалъ?

— Не помню, кто-то говорилъ.

Ясно, что никто ему этого не говорилъ. А въ другой разъ прихожу въ редакцію и слышу разсказъ про себя: разсказываетъ онъ, что я развожу въ Лѣсномъ куръ.

— Для чего же вы сочиняете, М. Е.?—сказалъ я, смѣясь.

— А для того-съ, что настоящій писатель долженъ въ Петербургѣ жить, а такъ какъ вы не настоящій писатель и не желаете имъ быть, то и живете подальше отъ литературы. Это ужъ я по себѣ знаю; да и по другимъ тоже: вотъ X живетъ въ деревнѣ— много онъ пишетъ? А Z, какъ переѣхалъ въ деревню, такъ чортъ знаетъ, что сталъ писать.

Ему просто было нужно, чтобы всѣ собирались, говорили, совѣтывались, чтобы онъ видѣлъ, что журналъ есть общее и близкое всѣмъ дѣло. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», не мало фактовъ глубокой его привязанности къ журналу и заботливости о сотрудникахъ: обо всѣхъ онъ думаетъ, неудачниковъ жалѣетъ, говоритъ о важности работы въ общемъ тонѣ и въ своемъ мѣстѣ, а по поводу неодобреннаго имъ полемическаго фельетона одного изъ сотрудниковъ высказываетъ, что «подобные шаги должны быть рѣшаемы обдуманно и сообща, чтобы можно было и впослѣдствіи поддержать полемику, а не отступать», и т. д. Но, не смотря на это, все-таки еще жалѣетъ, что недостаточно отрѣшился отъ личныхъ привязанностей и отношеній, ради общаго дѣла. Сдѣлавъ нѣкоторыя помарки въ статьѣ Михайловскаго, онъ пишетъ ему: «я утромъ ждалъ васъ, но не дождался. Впрочемъ, корректуры съ моими помѣтками у васъ... Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ эти уступки... Я зачеркнулъ, между прочимъ, и упоминаніе объ Анненковѣ. Если хотите, возстановите его, но онъ мой пріятель, и я какъ-то не возвысился еще до того, чтобы оставить отца и матерь и прилѣпиться къ журналу».

То же самое было и со мною: разъ по поводу Костомарова [1]), когда Салтыковъ потребовалъ, чтобы я подъ статьею хоть иниціалы поставилъ, чтобы она не была принята за редакціонную (такъ какъ я подъ статьями никогда не подписывался), а въ другой разъ по поводу Кавелина. Кавелинъ выпустилъ книжку о крестьянскомъ вопросѣ. Я написалъ рецензію, гдѣ не похвалилъ его и особенно подчеркнулъ политическую неопредѣленность его взглядовъ, стремленіе всегда стать на какую-то такую высоту, съ которой всегда получается двоякое рѣшеніе вопроса: и такъ, и этакъ. Получаю отъ Салтыкова письмо. Прихожу и вижу у него на столѣ корректуру.

— У меня, говоритъ, есть къ вамъ большая просьба, которую, собственно говоря, я не вправѣ былъ бы дѣлать, потому что совершенно согласенъ съ вашимъ отзывомъ. Намъ иначе и нельзя относиться къ кавелинской эквилибристикѣ, но тутъ вопросъ чисто личный, мой: не ссорьте меня пожалуйста съ нимъ... Человѣкъ онъ, право, не дурной, а ужъ это такъ онъ устроенъ. Я ужъ и такъ для литературы порвалъ рѣшительно всѣ свои прежнія отношенія: у меня вѣдь изъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ осталось всего навсего два-три человѣка. Пусть же хоть они останутся! Сдѣлайте мнѣ пожалуйста эту уступку: не будемъ печатать эту рецензію!..

[1]) Во время русско-турецкой войны онъ заплатилъ дань шовинизму, написалъ сомнительнаго достоинства статью объ исторической нашей задачѣ, противъ которой я и возражалъ.

Разумѣется, я согласился. Говоря это, Салтыковъ возвышалъ тонъ, и я ясно видѣлъ, что онъ и конфузится, и сердится, что у него остается нѣчто, съ чѣмъ жаль и трудно разстаться. Хотя это нѣчто было такое маленькое, естественное и обыкновенное, что не стоило бы о немъ даже и говорить, такъ какъ у каждаго писателя есть отношенія и лица, которыхъ онъ щадитъ, но его это уже безпокоило. Слишкомъ цѣльная у него была натура, тяготившаяся всякими компромиссами. И при этомъ, очевидно, ему и въ голову не приходило искать какихъ бы то ни было оправданій, а прямо рѣшалось, что онъ не возвысился до извѣстной высоты, до которой иные возвышаются. Ужъ онъ ли, кажется, не оставилъ многаго, ради журнальной дѣятельности и правды,—онъ и съ большинствомъ родныхъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, перессорился изъ-за этого,—но разъ являлось обстоятельство, мѣшавшее цѣльности понятія, онъ уже не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Послѣдовательность и строгость къ себѣ позволяли ему прилагать такую же строгую мѣрку въ другихъ случаяхъ и къ сотрудникамъ.

Послѣ его смерти одинъ мало знавшій его писатель высказалъ, что онъ будто бы имѣлъ привычку обо всѣхъ заглазно дурно отзываться. Это неправда. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ привычку на многихъ ворчать (въ томъ числѣ и на себя), по поводамъ иногда самымъ незначительнымъ, но и въ глаза, и за глаза, всегда высказывалъ одно и тоже, хотя можетъ быть и не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, при чемъ сплошь и рядомъ въ глаза высказывался гораздо рѣзче, чѣмъ заглазно, потому что терялъ самообладаніе. Мнѣ приходилось слышать его воркотню чуть ли не обо всѣхъ и каждомъ изъ сотрудниковъ, но я положительно не помню случая, когда дѣло касалось бы чьей-нибудь чести и добраго имени, чтобы слово его было жестокимъ, оскорбительнымъ словомъ. Вы сейчасъ же чувствовали, что это вовсе не злословіе, а скорѣе доброжелательство и забота объ общемъ литературномъ интересѣ, что это только слишкомъ строгая точка зрѣнія и нервное отношеніе къ тому, что онъ не нелюбитъ, а именно любитъ и считаетъ своимъ. Дурно отзывался онъ только о тѣхъ, кто этого заслуживалъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ уже не могъ спокойно видѣть и говорить съ такими людьми и въ концѣ концовъ прекращалъ съ ними отношенія, или только съ великимъ трудомъ выносилъ ихъ. Въ воркотнѣ же его противъ своихъ я никогда не могъ усмотрѣть обиды: то онъ начнетъ, по поводу неакуратности и небрежности работъ, увѣрять, что «у насъ все пишутъ загадочныя, поэтическія натуры», то про сотрудника, путающаго свои денежные счеты и дѣла, начнетъ говорить: «это у насъ министръ финансовъ», и т. п. Какъ скоро онъ замѣчалъ, когда кто-нибудь въ редакціонные дни былъ скученъ или просто не въ своей тарелкѣ; но прямо по боль-

шей части не спроситъ, точно стыдится такой экспансивности или боится неделикатности вмѣшательства, а спроситъ кого-нибудь другого:

— Скажите, пожалуйста, что это N такой скучный, — боленъ онъ что ли? А какъ дѣла его?

Сколько разъ мнѣ приходилось слышать подобные вопросы. Вообще, войти въ положеніе человѣка, понять это положеніе и отнестись къ нему сочувственно, было для него какою то непреодолимою потребностью. Иногда думаешь, что онъ останется безучастнымъ, а онъ тутъ-то именно и распахнетъ свою душу. Иногда думаешь, что онъ очень разсердится, а онъ тутъ-то именно и покажетъ себя настоящимъ человѣкомъ. Однажды, я взялъ изъ редакціи для прочтенія и приготовленія къ печати три рукописи: романъ Карновича, большой разсказъ Златовратскаго и еще какую-то статью. На Садовой, противъ банка, когда я переходилъ черезъ улицу, была давка и на меня наѣхали два или три извозчика съ разныхъ сторонъ. Чтобы спастись отъ нихъ, я вскочилъ въ проходившую мимо конку и выронилъ въ это время свертокъ съ рукописями. Сейчасъ же, разумѣется, возвратился, но свертка уже не оказалось, его кто-то поднялъ. Кто-то сказалъ мнѣ, что свертокъ поднялъ какой-то банковскій чиновникъ и прошелъ въ банкъ. Я туда, опросилъ чуть ли не всѣхъ сторожей и швейцаровъ, зашелъ въ нѣсколько отдѣленій, но никто ничего не видалъ. Положеніе мое и состояніе духа было самое непріятное: что̀ скажутъ авторы? Какъ съ ними быть? Если отбросить всякія прочія непріятности и оставить одинъ только матеріальный ущербъ, то одному Карновичу приходилось за романъ больше 1,000 рублей. Что наконецъ скажетъ Салтыковъ? Попросивъ вывѣсить въ банкѣ объявленіе о потерѣ рукописей, я отправился по газетамъ съ публикаціями, пробѣгалъ и проѣздилъ весь вечеръ и, измученный и усталый, возвратился часовъ въ 10 домой, думая только объ одномъ, какъ же мнѣ быть, сказать Салтыкову или погодить, замѣтитъ онъ завтра публикаціи или нѣтъ? Вдругъ получаю отъ него записку; зоветъ сейчасъ же. Прихожу, въ ожиданіи самого непріятнаго объясненія, а онъ говоритъ:

— Извините пожалуйста, что я васъ потревожилъ такъ поздно, но думаю, что вы должно быть просто измучились. Рукописи-то вѣдь, слава Богу, нашлись; вотъ онѣ, возьмите. Какой-то чиновникъ нашелъ, увидѣлъ тамъ адресъ Карновича и доставилъ ихъ ему, а онъ мнѣ привезъ. Это бываетъ. Вотъ и съ Некрасовымъ также разъ было: везъ изъ крѣпости «Что дѣлать» Чернышевскаго да и потерялъ.

Только и всего, и ни слова укоризны, ни тѣни недовольства. А какое искреннее удовольствіе доставляла ему каждая написанная кѣмъ-нибудь хорошая статья. Какъ сейчасъ помню, какіе востор-

женные отзывы дѣлалъ онъ, напримѣръ, объ «Устояхъ» Златовратскаго, которые ему очень нравились, о «Власти земли» Успенскаго, не смотря на то, что съ нѣкоторыми конечными его заключеніями былъ не согласенъ. Онъ положительно становился даже какъ-то гордъ въ такія минуты, гордостью чисто общественною: «дескать, все-таки мы впереди», хотя преобладающимъ чувствомъ было, конечно, не это, а чисто художественное и идейное удовольствіе, какое онъ получалъ. За то какъ онъ оставался недоволенъ, когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ отдавалъ статью и появлялся въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Это было для него настоящею обидою, особенно, если онъ дорожилъ сотрудникомъ: «зачѣмъ, да почему, если недоволенъ чѣмъ, то отчего не сказать? какъ это идти въ чужое мѣсто, да что про насъ скажутъ? Скажутъ, что мы разгоняемъ людей» и т. д. Чаще всего это происходило по самой простой причинѣ: другія редакціи просятъ сотрудника дать что-нибудь, онъ обѣщаетъ; потомъ у него встрѣчается надобность въ деньгахъ, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ долженъ, еще брать стыдно и непріятно — Салтыковъ ворчать будетъ, вотъ онъ и дастъ что-нибудь въ другое изданіе. Случалось это, впрочемъ, довольно рѣдко, такъ какъ всѣ знали, насколько это Салтыкову непріятно.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было нѣсколько человѣкъ провинціальныхъ и иногородныхъ сотрудниковъ, которыхъ мы и въ глаза не видали и съ которыми велъ переписку и сношенія онъ самъ. Это были преимущественно беллетристы и этнографы, писавшіе не постоянно, а отъ времени до времени присылавшіе свои разсказы, повѣсти и очерки. И ими тоже Салтыковъ очень дорожилъ, что можно видѣть изъ той акуратности, съ какою онъ извѣщалъ ихъ о полученіи рукописей, когда онѣ пойдутъ, что въ нихъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, измѣнить, и т. д. Однажды, уѣзжая за границу, онъ поручилъ мнѣ отвѣтить за него двумъ такимъ сотрудникамъ, отъ которыхъ ждались рукописи, при чемъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять повторилъ, чтобы я одному сейчасъ же отвѣтилъ, какъ только получится рукопись, потому что онъ человѣкъ акуратный и любитъ акуратность. Или: получаю, однажды, отъ него записку, зоветъ въ тотъ же день вечеромъ или завтра утромъ. Думаю, что что-нибудь экстренное и иду. Оказывается, что получено письмо отъ одного изъ такихъ сотрудниковъ, на которое онъ желаетъ скорѣе отвѣтить, но затрудняется:

— Вотъ какое непріятное положеніе: я вамъ говорилъ, что прибавилъ С. полистную плату—вмѣсто 75 р.—100 р. и написалъ ему объ этомъ, а онъ, представьте, остался недоволенъ и вотъ что отвѣчаетъ: говоритъ, что желаетъ получать 130 р... Если такъ, то почему ужъ не 150, что за вычисленіе такое. Ничего не понимаю. Да вотъ письмо, прочитайте и имѣйте въ виду, что до моего письма

онъ и не заикался о прибавкѣ, а когда я прибавилъ, такъ оказывается, что этого мало, т. е., дескать, если самъ прибавляешь, такъ и больше прибавишь. Непріятно это мнѣ: молодой человѣкъ, у насъ же началъ писать, мы же съ нимъ возимся, а онъ какъ на лавку какую-то смотритъ. Да мы, наконецъ, и не можетъ всѣмъ столько платить.

Я сказалъ, что и на меня это производитъ также неблагопріятное впечатлѣніе и что я или повысилъ бы всѣмъ гонораръ, какъ за беллетристику, такъ и за другія статьи, которыя писать иногда гораздо труднѣе, чѣмъ очерки и разсказы, или же не дѣлалъ бы исключеній.

— Въ томъ-то и дѣло, что его нельзя ставить въ исключительное положеніе: конечно, онъ не дурно пишетъ, но такъ пишутъ всѣ. Тогда придется и другимъ прибавлять, придется прибавить и получающимъ 200 и 250 р., а мы, право, столько платить не можемъ. Мы и безъ того дороже другихъ платимъ.

Прощаясь, Салтыковъ сказалъ:

— Ну, я очень радъ, что не одинъ я такъ смотрю.

Но каково же было мое удивленіе, когда въ первый же редакціонный день я отъ него услышалъ:

— А, знаете, я вѣдь написалъ С., что согласенъ на его прибавку: пусть по его будетъ. Не ловко какъ-то: можетъ быть у него какіе-нибудь расчеты съ этимъ связаны.

Словомъ, никто не долженъ былъ уходить, пока не расходился во взглядахъ съ журналомъ. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ были людьми не особенно даровитыми, и Салтыковъ возился съ ними, исправлялъ ихъ рукописи, подкрашивалъ, но никогда не отказывалъ. Точно по пословицѣ: «чѣмъ дитя несчастнѣе, тѣмъ матери милѣе». Не менѣе интересно также его отношеніе къ писателямъ слабѣющимъ. Это одинъ изъ драматическихъ моментовъ въ писательской жизни: вслѣдствіе возроста, или какихъ-либо другихъ внутреннихъ причинъ, иногда только временныхъ, человѣкъ вдругъ начинаетъ утрачивать интересъ, живость мысли и впечатлительности, начинаетъ писать мало, или вяло и шаблонно, точно лапти плести. Это состояніе характеризуется выраженіями: «сталъ исписываться», «сталъ слабѣть», «не можетъ идти въ уровень съ жизнью» и т. п.; но опредѣленія эти сплошь и рядомъ бываютъ ошибочны: человѣкъ иногда нисколько не старѣетъ и не слабѣетъ, а просто устаетъ работать, или переживаетъ какой-нибудь временный душевный процессъ. Но какъ бы тамъ ни было, а сотрудники болѣе живые и энергичные выдвигаются въ это время впередъ, начинаютъ больше работать, разбирать темы и вообще дѣйствовать, а тотъ понемногу отстаетъ и переходитъ въ задніе ряды. На моей памяти были такіе примѣры, и Салтыковъ сейчасъ же это замѣтитъ:

— Скажите пожалуйста отчего это Z сталъ такъ мало писать?

— Я не знаю: вѣроятно не хочетъ или не можетъ.

— Нѣтъ, а я думаю, потому, что съ нимъ неделикатно обходятся: никогда ничего не предложатъ написать, никогда не спросятъ, что онъ думаетъ писать, вообще, точно обходятъ. А онъ, между тѣмъ, право, настоящій писатель и очень не дурно пишетъ. Вотъ, напримѣръ, въ библіографіи: разберутъ всѣ новыя книги, а на его долю ничего и не остается.

Въ то время относительно библіографій въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ такой порядокъ: новыя книги, присылавшіяся авторами, издателями и книжными магазинами, приносились въ редакцію и разбирались для отзывовъ сотрудниками, кому что̀ было ближе и что̀ кого больше интересовало. Кромѣ того, книги, которыхъ не было, можно было брать въ книжныхъ магазинахъ сна́чала Мамонтова, а потомъ Мартынова, и по иностранной литературѣ у Мелье и Риккера. Словомъ, относительно рецензій была полная свобода, и столкновеній никакихъ не происходило. Однако, о замѣчаніи Салтыкова я подумалъ, и въ первый же разъ, какъ только стали разбирать книги, сказалъ Z:

— А отчего вы никогда ничего не возьмете?

Онъ взялъ двѣ книги, а Салтыковъ потомъ сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ видите.

Оказалось, что Z дѣйствительно деликатничалъ и что всѣмъ намъ это было не вдомекъ.

Вообще, онъ отличался замѣчательною внимательностью къ людямъ и не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь былъ обиженъ и недоволенъ. Повторяю, когда онъ самъ оказывался въ чемъ-нибудь не правъ, то всегда сознавалъ свою неправоту и всегда готовъ былъ извиниться. Непріятно это было ему, морщился онъ, но всегда извинялся съ самымъ чистымъ сердцемъ, потому что сердце у него было, дѣйствительно, чистое, чуждое какихъ-либо дурныхъ чувствъ противъ ближняго. Я не могу сказать, чтобы я пользовался какимъ-нибудь особеннымъ расположеніемъ Михаила Евграфовича, я былъ простымъ рядовымъ сотрудникомъ, и потому-то отношенія эти и имѣютъ значеніе для его характеристики: это больше чѣмъ обыкновенныя дѣловыя хорошія отношенія, это именно отношенія артельныя, мірскія, когда вы чувствовали, что составляете часть чего-то цѣлаго, на что можете опираться, и сознавали, что васъ не вышвырнутъ въ одинъ прекрасный день, какъ изъ машины винтъ негодный, на улицу. Я и большинство сотрудниковъ были значительно моложе Михаила Евграфовича, а потому относился онъ къ намъ иногда какъ старшій къ младшимъ; но обиднаго въ такихъ отношеніяхъ ничего не было, такъ какъ вы сейчасъ же убѣждались и въ его искреннемъ къ вамъ расположеніи и—весьма не рѣдко—и въ правотѣ. Больше всего онъ сердился за недоста-

точное усердіе и вниманіе къ журналу. Самъ онъ, какъ я уже говорилъ, вкладывалъ въ него всю душу и перенесъ въ дѣло чисто служебную привычку къ акуратности и пунктуальности. Требовалъ того же и отъ другихъ.

— Вы какъ слѣдуетъ, никто не работаете,—обыкновенно говорилъ онъ,—и относитесь къ дѣлу спустя рукава. Вы все думаете, что мы вѣчно будемъ жить. Придется же когда-нибудь и вамъ самостоятельно вести журналъ... Дѣло это вовсе не шуточное. Это большое дѣло, а для васъ все равно.

— Изъ чего же это вы заключаете?

— Какъ изъ чего, слѣпой я что ли? Никогда посовѣтоваться не придете, каждый чтò вздумаетъ, то и пишетъ... Я еще, право, удивляюсь, какъ у насъ книжки болѣе или менѣе согласно составляются... Да и работаете-то какъ: напишете листъ съ четвертью и думаете, что въ предѣлахъ земныхъ совершили все земное. Я больше васъ пишу.

— Не всякій такъ можетъ работать, какъ вы.

— Пріучайте себя.

— Да ужъ поздно пріучать-то.

— Почему?

— Да потому, что мы ужъ не дѣти.

— А старики, да? Изъ васъ кто старше,—М.? Позвольте узнать сколько ему лѣтъ.

— Почти 40.

— Ахъ, какой удивительный возрастъ! Я въ 40 лѣтъ только началъ работать, какъ слѣдуетъ.

Просто нельзя было иной разъ не расхохотаться, но на это всегда слѣдовало замѣчаніе, что «смѣяться мы умѣемъ», и приводился какой-нибудь такой аргументъ, который долженъ былъ показать, что смѣшного тутъ ничего нѣтъ.

— Вотъ вы смѣетесь, а не угодно ли посмотрѣть вотъ (онъ показывалъ обыкновенно чью-нибудь всю перемаранную корректуру, надъ которою сидѣлъ). Меня одни наши переводчики замучили своими переводами.

— Почему же вы сами это дѣлаете и не поручите кому-нибудь? Вѣдь никто изъ насъ не отказывается...

— Потому, что желанія не вижу. Я не знаю, согласитесь вы на это, или нѣтъ. Эта работа египетская, каторжная.

Мы пробовали брать у него редакторскія корректуры, но это было безполезно, потому что онъ все равно надъ ними сидѣлъ, поправляя слогъ, измѣняя абзацы и т. п., и сидѣлъ не надъ исправленными уже формами, а надъ тѣми, которыя и ему посылались одновременно съ нами. Такой ужъ это былъ безпокойный и заботливый человѣкъ.

Когда мнѣ пришлось вести постоянный отдѣлъ въ журналѣ и

участвовать въ редакціонной работѣ, то побужденія къ работѣ стали еще настойчивѣе. Положительно не проходило мѣсяца безъ такихъ побужденій, а иногда и безъ пререканій, которыя, впрочемъ, очень скоро кончались. Работы по журналу было много, а у меня были другія дѣла, которыхъ я никакъ не могъ оставить, поэтому свои статьи приходилось откладывать въ самый конецъ, отдавая имъ послѣдніе три-четыре дня передъ отправкою въ цензуру. Вотъ тутъ-то Михаилъ Евграфовичъ и начиналъ бояться, что книжка запоздаетъ выходомъ и начиналъ торопить. Тутъ до смерти некогда, а онъ шлетъ гонцовъ, письма, сердится и только мѣшаетъ. Бѣгаютъ разсыльные, приходитъ ментранпажъ и сидитъ. Говоришь или пишешь ему, что до обычнаго срока остается еще нѣсколько дней, что никогда съ моей стороны задержки не было и что и теперь не запоздаемъ, но онъ этимъ не удовлетворяется и начинаетъ писать какія-нибудь колкости, что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: «вы свои статьи подгоняете обыкновенно къ самому концу, такъ что я не успѣваю просматривать корректуръ. Если вы считаете излишнимъ совѣтоваться со мною, какъ съ товарищемъ и какъ я съ вами совѣтуюсь, то не устраняйте меня, по крайней мѣрѣ, какъ офиціальнаго редактора, потому, что я могу отвѣчать за журналъ» и т. п. Тутъ рябитъ въ глазахъ отъ послѣднихъ корректуръ, свою работу черезъ пень въ колоду кончаешь, а онъ такія письма пишетъ. Разсердился я, однажды, на такое письмо и написалъ, что удивляюсь, для чего онъ истолковываетъ въ такомъ обидномъ смыслѣ самыя обыкновенныя вещи, что статью свою я уже кончилъ и послалъ въ типографію, а вчера кончить не могъ потому, ну, хотя бы потому, что боленъ былъ. Позвольте, дескать, и мнѣ имѣть такое маленькое и естественное право. Но тутъ я попался, какъ говорится, впросакъ. Мнѣ дѣйствительно, нѣсколько нездоровилось, но я былъ на ногахъ и вообще былъ больше здоровъ, чѣмъ боленъ. Послалъ я это письмо съ разсыльнымъ, а самъ сталъ пить чай съ однимъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ, на котораго Салтыковъ также постоянно роπталъ. Не прошло и часа, какъ слышу дверь отворяется и входитъ, задыхаясь и кашляя, Михаилъ Евграфовичъ. Жилъ я въ 4-мъ этажѣ, а самъ онъ былъ гораздо больнѣе меня.

— Что съ вами такое? Вы меня напугали... Кто васъ лечитъ?

Мнѣ стало ужасно совѣстно и я сказалъ, что чувствую себя теперь гораздо лучше.

Посидѣвъ съ часъ и поговоривъ по хорошему, М. Е. ушелъ, но случай этотъ мнѣ не прошелъ даромъ: какъ только бывало разсердится и начнетъ говорить о томъ, что мы ничего не дѣлаемъ, такъ всегда добавляетъ: «вы только чай съ N пьете».

Въ другой разъ было еще хуже: написалъ было я очередную статью, но получивъ гораздо лучшую о томъ же предметѣ (Капу-

стина), взялъ и пустилъ ее вмѣсто своей, а самъ сталъ другое писать. Но Салтыковъ сейчасъ же это замѣтилъ и написалъ мнѣ опять что-то колкое, на ту тему, что журналу нужны почему-то именно мои статьи, а не чужія, хотя бы и прекрасныя. Я отвѣтилъ, что и моя статья будетъ, а эту все равно нужно напечатать, потому что она очень обстоятельна и какъ нельзя болѣе своевременна. Онъ еще что-то написалъ и снова упомянулъ, что я будто бы умышленно не хочу его знать. Я отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ, не лучше ли будетъ мнѣ уйти изъ журнала, что я настолько не желаю причинять ему непріятностей, что готовъ исполнить это хоть сегодня же. И опять Салтыковъ черезъ силу пріѣхалъ и сталъ говорить, что такъ и жить нельзя, если ничего нельзя сказать, и т. д.

Вообще, нужно правду сказать, мы тяготились ходить къ нему и слушать его воркотню, обижались за его порою рѣзкое слово, за которымъ не было дурного чувства и которое только выражалось въ рѣзкой формѣ, не принимали въ соображеніе его нервности, болѣзненности и, дѣйствительно, огромныхъ трудовъ, которые на немъ лежали. Положимъ, что онъ самъ ихъ на себя накладывалъ, но мы все-таки гораздо меньше его работали и гораздо больше жили другою жизнью. Онъ часто, дѣйствительно, чувствовалъ себя одинокимъ, и это его ужасно обижало и причиняло ему нравственную боль.

— Я одинъ, всѣ меня забыли, никто ко мнѣ не ходитъ, или ходятъ только по дѣлу,—вотъ его постоянныя жалобы.

Въ послѣдніе два года передъ закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» я чаще другихъ ходилъ къ нему и очень часто слышалъ эти жалобы. Одинъ же жить онъ положительно не могъ; онъ не только не любилъ единолично рѣшать разные общіе вопросы, но ему просто необходимо было съ кѣмъ-нибудь предварительно поговорить и посовѣтоваться: «Если вамъ не о чемъ совѣтоваться, если вы все такъ счастливо рѣшаете, то мнѣ нуженъ совѣтъ». Прежде онъ всегда и больше всего совѣтовался съ Г. З. Елисеевымъ. Кажется, было достаточно и одного такого опытнаго и дальновиднаго совѣтчика, но онъ въ то же время совѣтовался также и съ Н. К. Михайловскимъ, заступившимъ мѣсто Некрасова; но и этимъ не довольствовался, а совѣтовался и съ другими. Обычная его фраза: «какъ вы думаете, а?» всѣмъ, вѣроятно, памятна. Когда Елисеевъ заболѣлъ и долженъ былъ надолго отправиться за границу, а Михайловскій экстренно выѣхалъ изъ Петербурга, то положеніе его стало особенно труднымъ.

— Вы знаете, что я никуда почти не могу самъ ѣздить, потому-что боленъ; поэтому надо ко мнѣ ходить чаще. Развѣ я виноватъ, что боленъ?.. А у меня между тѣмъ никто не бываетъ.

Однажды, я попробовалъ указать ему на двухъ не причастныхъ

къ журналу лицъ, съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе хорошъ, но оказалось, что ему нужны именно литературные и изъ литературныхъ свои люди:

— О чемъ я буду съ ними говорить? Развѣ я не знаю, что они скажутъ? Разговоры съ ними совсѣмъ особые, а объ журналѣ я съ ними не могу да и не хочу говорить.

Словомъ, мы относились къ нему менѣе внимательно, чѣмъ онъ къ намъ. Единственное извиненіе, которое я лично нахожу для себя въ данномъ случаѣ, это то, что у меня въ то время было столько дѣла, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», что было не разорваться и что я не считался съ нимъ и не боялся того, что онъ мнѣ наговоритъ, а просто стѣснялся придти не во время, оторвать его отъ работы и т. д. Причинить Салтыкову какую-нибудь непріятность или безпокойство всегда было какъ-то стыдно, и я не знаю сколько отдалъ бы, чтобы вернуть причиненныя ему совершенно невольно непріятности. Теперь, впрочемъ, не время еще объ этомъ говорить.

Иногда сущія недоразумѣнія и неумѣнье самого Салтыкова выразить то, что онъ хотѣлъ, были причиною того, что къ нему нѣкоторые не охотно шли. Помню, напримѣръ, такой случай. Говорю я одному изъ сотрудниковъ, про котораго онъ часто вспоминалъ, почему онъ не зайдетъ къ нему, а онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Какъ я къ нему пойду... Представьте, прихожу въ послѣдній разъ: «Ну, здравствуйте, садитесь», говоритъ, какъ вдругъ въ это время кто-то позвонилъ, а онъ и говоритъ: «А вотъ и еще чортъ кого-то принесъ».

Я глубоко убѣжденъ, что Салтыковъ не хотѣлъ этого сказать, что сорвавшаяся у него фраза не только не имѣла отношенія къ собесѣднику, но даже и къ тому, кто вновь пришелъ, а просто выражала досаду, что помѣшаютъ поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть; между тѣмъ фраза вышла такой неудачной, что произвела обиду.

Помню такой еще случай. Однажды, я пришелъ къ нему какъ разъ послѣ многолюдной компаніи знакомыхъ (не литературныхъ), которая только-что ушла отъ него, и услышалъ отъ него слѣдующее:

— Боюсь, какъ бы эти господа на меня не обидѣлись... Представьте: то не ѣдутъ, не ѣдутъ цѣлые мѣсяцы, а тутъ вдругъ всѣ сразу пожаловали, сидятъ и разговариваютъ между собою, хохочутъ, а я слушай. Ну, вотъ я и сказалъ имъ это, а они вдругъ взяли шапки да уѣхали. Право же, я не хотѣлъ имъ ничего обиднаго сказать, а просто хотѣлъ только выразить, что гораздо лучше они сдѣлали бы, если бы не сразу пріѣзжали, что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть ихъ порознь и чаще, самому говорить съ ними, чѣмъ слушать ихъ разговоры между собою.

Къ Салтыковскому голосу и разговору нужно было привыкнуть да привыкнуть. Такъ, напримѣръ, чтобы сказать, что у меня литературная форма плоха, онъ вотъ что говорилъ, говорилъ сердитымъ басомъ и съ сердитыми глазами:

— Вы, вѣроятно, воображаете, что вы обозрѣнія пишете?

— А что же?

— Статьи! Вотъ что.

— Что же это хуже или лучше?

— Я не знаю, хуже или лучше, только это не обозрѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, давайте другого кого-нибудь найдемъ.

— Вотъ и обижаетесь. Ничего нельзя сказать.

— Нисколько не обижаюсь. Я пишу какъ пишется, какъ могу, а если не то выходитъ, то почему же не попробовать кого-нибудь другого, а я буду статьи писать.

— Совсѣмъ этого не нужно. Не нужно!

Относительно своихъ статей Салтыковъ всегда испытывалъ робость, что у него плохо вышло, и всегда бывало спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, а мою статью вы просмотрѣли? Ничего у меня вышло? Кажется плохо?

На замѣчанія онъ никогда не обижался. Хотя и рѣдко приходилось ихъ дѣлать, но приходилось; а до какой степени онъ всегда интересовался искреннимъ мнѣніемъ, лучше всего можно было видѣть по тому вниманію, съ какимъ онъ выслушивалъ замѣчанія. Почти цѣлыхъ 5 лѣтъ мнѣ пришлось не видѣть М. Е., и когда я его увидѣлъ, то во второе же свиданіе онъ меня спросилъ:

— Ну, а «Пошехонскую Старину» читали? Ничего она выходитъ? Кажется плохо?

— Нисколько не плохо, — сказалъ я: конечно, не все у васъ одинаково написано, есть пропуски въ картинѣ...

— Ну, вотъ видите, а тутъ, кого ни спросишь, всѣ: «великолѣпно да великолѣпно».

— Позвольте, но въ общемъ-то все-таки получается картина живая и хорошая.

— Нѣтъ-съ, я недоволенъ «Пошехонскою Стариною». Началъ я ее дѣйствительно съ удовольствіемъ, а потомъ надоѣла она мнѣ ужасно, просто измучила... Образы за образами поднимаются и лѣзутъ въ голову, а возиться съ ними скучно, тяжело, да, наконецъ, все это уже извѣстно.

— А я, напротивъ, думаю, что у насъ мала и недостаточна литература по этому періоду, у насъ именно не достаетъ широкой картины крѣпостного быта.

— Какіе же пропуски вы находите?

— А вотъ именно о положеніи крестьянъ, дворовыхъ.

— А у Аксакова въ «Семейной хроникѣ». У Тургенева, у Гоголя...

— Но всего этого мало, М. Е., для такого большого періода.

— Да, это правда, что мало. Но вы не повѣрите, какъ мнѣ надоѣла эта канитель. Вѣдь я опять точно переживаю то время. А тутъ еще боленъ я. Право, иногда кажется, что не кончу. Впрочемъ, нисколько объ этомъ не жалѣю: у меня на всякій случай проектъ окончанія есть, всего-то въ одну страничку. Надо будетъ какъ-нибудь написать на всякій случай, а не напишу, такъ пусть другой кто-нибудь напишетъ и скажетъ, что авторъ предполагалъ кончить свою исторію зимнимъ помѣщичьимъ весельемъ, пошехонскимъ раздольемъ. А вотъ о чемъ жалѣю,—продолжалъ онъ съ разстановкой послѣ небольшой паузы,—для этого стоило бы начать снова жить: я задумалъ новую большую вещь—«Забытыя слова». И онъ разсказалъ программу этой новой работы.

Михаилъ Евграфовичъ очень любилъ говорить и развивать планы задумываемыхъ ихъ работъ, при чемъ вспоминалъ разныхъ лицъ, разныя обстоятельства и случаи, о которыхъ должна была идти рѣчь, любилъ также читать рукописи. Мнѣ приходилось не разъ слушать такое чтеніе. Насколько публично читалъ онъ не хорошо, настолько же съ удовольствіемъ можно было слушать его въ кабинетѣ. Читалъ онъ просто, безъ всякой манеры, безъ удареній, безъ интонаціи и вообще безъ всякой искусственности, но увлеченіе предметомъ невольно передавалось и вамъ, и я, по крайней мѣрѣ, слушалъ его чтеніе съ большимъ удовольствіемъ. Не знаю, были ли у М. Е. вещи написанныя сразу. Вѣроятно были, но тѣ, которыя онъ мнѣ читалъ, были въ нѣсколькихъ варіантахъ или лучше сказать редакціяхъ, т. е. были написаны разъ, потомъ поправлены, измѣнены и переписаны. Помню одно изъ «Писемъ къ тетенькѣ» было въ двухъ редакціяхъ, а сказка о киселѣ въ трехъ. Надъ этою крошечною сказкою Михаилъ Евграфовичъ долго сидѣлъ и говорилъ о ней съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ и о самоотверженномъ зайцѣ и бѣдномъ волкѣ, которые тоже читалъ мнѣ, только уже не въ рукописяхъ, а въ корректурѣ. Съ какою скромностью онъ выслушивалъ замѣчанія и принималъ или отвергалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ совершенную противуположность другимъ писателямъ, которые ни единою строчкою изъ написаннаго не поступятся.

Припомню еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ Салтыкова со стороны, о которой говорю, со стороны склонности жить и дѣйствовать міромъ. Онъ это исповѣдывалъ не только лично, но и предъявлялъ къ другимъ, и предъявлялъ не только при ихъ жизни, но даже послѣ смерти. Когда умеръ Некрасовъ и завѣщалъ похоронить себя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, то надо было видѣть, какъ онъ сердился за это на покойника.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ на панихидѣ,—не захотѣлъ со всѣми на Волковомъ кладбищѣ быть, а выдѣлиться захотѣлъ. Я,

дескать, такая величина, что не хочу со всѣми лежать. А не все ли равно гдѣ лежать, между тѣмъ для общества это значеніе имѣетъ. Онъ вотъ и при жизни такой же былъ: все одинъ, все въ особинку да втихомолку.

И нѣсколько разъ Салтыковъ повторялъ на разные лады тоже самое. Видимое дѣло, что это его очень огорчало и что онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это «такой умный человѣкъ и могъ сдѣлать такое распоряженіе». Потомъ онъ сталъ даже иронизировать надъ Некрасовымъ:

— Вы знаете, зачѣмъ онъ велѣлъ на Новодѣвичьемъ кладбищѣ себя похоронить? Думалъ, что монахини будутъ ходить по могилѣ и пѣть, а онъ будетъ слушать и поглядывать оттуда. Право, такъ.

Словомъ, человѣкъ и послѣ смерти долженъ былъ быть съ своими.

Затѣмъ, когда закрылись «Отечественныя Записки», то это было для Салтыкова огромнымъ ударомъ: вся жизнь его была связана съ журналомъ, вся душа его была тамъ; но не это главнымъ образомъ огорчало его, а то, что его выдѣлили изъ числа сотрудниковъ: «я какимъ-то дуракомъ вышелъ, вотъ что обидно», говорилъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, журналъ былъ общимъ, мірскимъ дѣломъ, какъ же можно было раздѣлять ихъ? Я увѣренъ, что еслибы его постигла какая-нибудь кара, то онъ встрѣтилъ бы ее мужественно и чувствовалъ бы себя спокойнѣе. Не могу, между прочимъ, не разсказать тутъ о своей встрѣчѣ съ нимъ. Почти цѣлыхъ пять лѣтъ не видалъ я его. Увидѣвъ меня, онъ обрадовался и сказалъ: «откуда ты, ѳеира житель?», но сію же минуту насупился, отвернулся въ сторону и сказалъ: «а я на васъ сердитъ».

— Знаю я это,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не знаете, я вотъ за что̀ сердитъ: я всѣ эти пять лѣтъ посылалъ вамъ свои книжки,—какъ только выйдетъ какая, такъ и пошлю,—а вы мнѣ хоть бы строчку написали...

Я сказалъ, что получилъ только одну книгу, и то въ самое послѣднее время, передъ пріѣздомъ въ Петербургъ, такъ что писать собственно не стоило, потому что лично надѣялся увидѣться, а остальныя, вѣроятно, затерялись или неправильно были адресованы. Книги, по порученію Салтыкова, на самомъ дѣлѣ мнѣ не посылались, но онъ этого не зналъ, и такъ и просидѣлъ все время недовольный (а объяснять ему настоящую причину неполученія книгъ мнѣ не хотѣлось). Разговаривалъ онъ, спрашивалъ, разсказывалъ, но все-таки какъ-то косился, когда же я сталъ уходить, то въ прихожей уже вдругъ гнѣвъ съ него совершенно сошелъ.

— Что это мы съ вами какъ встрѣтились, точно чужіе,—сказалъ онъ,—столько времени не видались и даже не поцѣловались. Чортъ знаетъ что такое!

— Такъ давайте поцѣлуемся, М. Е., вѣдь это вы разсердились,—сказалъ я.

И онъ обнялъ меня и мы нѣсколько разъ горячо поцѣловались. Не чужіе, а свои ему были всѣ, кто работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Обо всѣхъ онъ думалъ и никого не забывалъ. Еще фактъ: пришелъ я къ нему незадолго передъ смертью и засталъ его въ самомъ тяжеломъ состояніи: сидѣлъ онъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, закрывъ глаза, ничего не говорилъ и тяжело дышалъ. На измученномъ лицѣ лежали слѣды страданія, жизни, уступающей смерти. Смотрѣть даже было тяжело. Поздоровавшись, я посидѣлъ минутъ пять и спросилъ: не обременяю ли его своимъ приходомъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, пожалуйста посидите и разскажите что-нибудь, а мнѣ трудно говорить.

Что же, думаю, разсказать ему? Ничего для него нѣтъ интереснѣе литературы, а потому сталъ разсказывать объ устроивающемся литературномъ вечерѣ, въ которомъ принималъ участіе и Н. К. Михайловскій. Какъ только произнесъ я его имя, такъ Салтыковъ вдругъ открылъ глаза и сердито сказалъ:

— И зачѣмъ онъ съ ними связывается?! Тамъ и писателей-то, кромѣ него, нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—сказалъ я и назвалъ нѣсколько старыхъ, извѣстныхъ фамилій.

— Какіе же это писатели, это просто . . . . . (тутъ было сказано обычное крѣпкое словечко). Свои не должны были смѣшиваться съ кѣмъ попало.

Въ печати безъ направленія и направленія зазорнаго нѣсколько разъ говорилось, что будто бы у Салтыкова не было опредѣленнаго міросозерцанія, что онъ не былъ человѣкомъ партіи и будто бы билъ иногда своихъ. Уже въ самомъ соединеніи этихъ опредѣленій есть противурѣчія: если онъ не былъ партійнымъ человѣкомъ и не имѣлъ опредѣленнаго міросозерцанія, то какъ могли быть у него свои, и, наоборотъ, если у него были свои, то, значитъ, онъ принадлежалъ къ извѣстной группѣ (велика она была или мала—это все равно) и имѣлъ извѣстное міросозерцаніе. Міросозерцаніе Салтыкова было очень широкимъ и въ то же время очень опредѣленнымъ. Юность его приходится на сороковые годы, когда въ русской литературѣ образовалось два теченія—западническое и славянофильское. Онъ воспитывался на статьяхъ Бѣлинскаго и, будучи по природѣ русскимъ и оставаясь имъ до самой смерти, примкнулъ навсегда къ западникамъ, т. е. сталъ желать для отечества того, что на западѣ было выработано жизнью хорошаго. Примкнулъ онъ, однако, не къ большинству западниковъ, занимавшемуся популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ небольшому кружку, прилѣпившемуся къ Франціи, къ Франціи не Гизо и Луи-Филиппа, а къ Франціи Сенъ-Симона, Фурье, Кабе, Луи-

Блана и Жоржъ-Занда. «Оттуда,—говоритъ онъ въ одномъ очеркѣ, имѣющемъ несомнѣнно автобіографическое значеніе,—лилась на насъ вѣра въ человѣчество, шло все доброе, любвеобильное и желанное, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не назади, а впереди насъ» («За рубежомъ»). Онъ еще въ лицеѣ читалъ этихъ авторовъ и увлекался ими, и когда потомъ въ Вяткѣ собирался писать «Объ идеѣ права» и біографію Беккаріи, когда писалъ нѣчто въ родѣ историческаго учебника («Краткую исторію Россіи») и ставилъ въ заслугу Іоанну Грозному его борьбу съ боярствомъ на почвѣ мѣстнаго управленія и учрежденіе судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ», когда, участвуя въ служебныхъ командировкахъ, ревизіяхъ и комиссіяхъ, высказывался даже въ офиціальныхъ бумагахъ за свободу личности, экономическое благосостояніе народа, вредъ полицейскаго всевластія и бюрократической централизаціи и стоялъ за необходимость общественнаго контроля и мѣстнаго самоуправленія, то во всемъ этомъ уже сказывались соціально-политическія идеи этихъ писателей, не просто на вѣру взятыя, а продуманныя и согласованныя съ русской дѣйствительностью. Идеи эти какъ нельзя болѣе гармонировали съ его чисто русскими общинными склонностями. Онъ и въ послѣдніе годы, будучи уже старикомъ, много разъ вспоминалъ въ разговорѣ объ этихъ писателяхъ, особенно о Фурье, съ практическою стороною ученій котораго (напримѣръ съ устройствомъ фаланстеровъ, и т. п.), однако, далеко не былъ согласенъ. Признавая и высоко цѣня общія положенія, всю практическую часть онъ ставилъ въ зависимость отъ времени, развитія и желанія людей и скептически относился къ возможности разъ навсегда придумать формы жизни. Какъ русскій народъ, выработавъ общинный порядокъ и храня его, какъ главную основу своего быта, остановился на извѣстномъ разстояніи отъ перехода въ коммунизмъ и отъ поглощенія общиной личности, такъ и онъ—и инстинктивно, и путемъ высшаго процесса мысли—также остановился на извѣстномъ разстояніи отъ категорическихъ формъ, которыя могли бы быть придуманы на вѣчныя времена, остановился во имя той же свободы личности, предоставляя ей самой устроиваться въ подробностяхъ. Истина несомнѣнно здѣсь, въ этой сторонѣ, говорилъ онъ,—но можно ли назвать формы жизни, придуманныя хотя бы и великими людьми, окончательными? Прекрасныя, справедливыя и удобныя для данной эпохи не превратятся ли онѣ въ прокустово ложе для будущаго? Въ частномъ письмѣ къ одному изъ писателей, отрывокъ изъ котораго приводитъ г. Арсеньевъ въ «Матерьялахъ для біографіи Салтыкова», онъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари

волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что бо̀льшее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ бо̀льшаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... ...Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и обратиться къ тѣмъ современнымъ основамъ, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается»[1]). Чѣмъ обстоятельства, въ какихъ приходилось дѣйствовать Салтыкову, были труднѣе, тѣмъ, само собою разумѣется, приходилось дольше стоять на общихъ положеніяхъ, тратить больше силъ и времени на подготовительную работу, «на корчевку старыхъ пней», какъ онъ выразился однажды въ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ, и отодвигать положительный идеалъ дальше; но тѣмъ не менѣе, онъ никогда не упускалъ его изъ вида, и все его отрицаніе клонилось къ осуществленію и уясненію этого идеала, къ водворенію въ жизнь общихъ положеній, которыя самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ соединялись и входили въ него. Мнѣ очень трудно представить себѣ Салтыкова не въ писательской роли, а въ роли политическаго оратора, депутата или вообще какого-нибудь политическаго дѣятеля, но еслибы у насъ существовали политическія партіи, на подобіе европейскихъ, и Салтыкову пришлось бы дѣлать между ними выборъ, то я не сомнѣваюсь, что онъ выбралъ бы партію соціалистическую.

Когда говорятъ, что Салтыковъ будто бы не щадилъ своихъ и бранилъ и смѣялся надъ всѣми одинаково, то для этого нужно было бы представлять доказательства, которыхъ обыкновенно не представляютъ, потому что ихъ трудно найти, но еслибы что-либо подобное и было найдено въ его сочиненіяхъ, то это еще ничего не доказывало бы, потому что и свои могутъ ошибаться и заблуждаться и заслуживать порицанія, а еще чаще чужіе могутъ взять ваши идеи, особенно наиболѣе слабыя, и компрометировать ихъ неудачнымъ примѣненіемъ или прямо искажать и предавать поруганію однимъ своимъ прикосновеніемъ: и Робертъ Овенъ устроивалъ рабочихъ въ Нью-Ленаркѣ, и Аракчеевъ создавалъ свои поселенія, и Фурье мечталъ объ общежитіяхъ, и помпадуръ «зиждитель» тоже разводилъ какіе-то мечтанія на ту же тему. Человѣкъ съ меньшимъ умомъ и практической выдержкой могъ бы очень

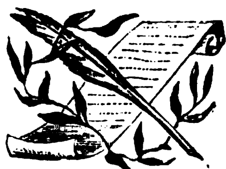
[1]) Сочиненія, т. IX, стр. LXXXVI.

много написать про своихъ и про молодое поколѣніе, тѣсно съ ними соприкасавшееся. Много было смѣшного, ошибочнаго, претендующаго и лично оскорблявшаго Салтыкова, но онъ никогда не терялъ самообладанія. Сколько смѣшного разсказывалъ онъ про одну фельдшерицу, отправившуюся, по земскому приглашенію, на борьбу съ сифилисомъ, но зная, что этотъ фактъ частный, и боясь, что имъ могутъ воспользоваться противники женскаго образованія, и не подумалъ смѣяться надъ нимъ печатно. Сколько непріятныхъ писемъ и объясненій ему приходилось имѣть съ молодежью, но зная, что передъ нимъ не все молодое поколеніе, а только наиболѣе нетерпѣливыя единицы, — ни строки дурной не написалъ о молодомъ поколѣніи и сохранилъ къ нему любовь и вѣру. Надо было знать, насколько непосредственно могли раздражать нѣкоторые факты и положенія. Одно время (въ серединѣ 70-хъ годовъ) положеніе Салтыкова было просто нестерпимымъ: съ одной стороны, на него постоянно были недовольны такъ называемыя сферы и цензура, а съ другой, его бранили молодежь и публика за то, что онъ недостаточно послѣдователенъ, не то пишетъ и не то дѣлаетъ, что нужно, и т. д. Это уже потомъ ему стали посылаться многочисленные адресы, а вначалѣ читатель къ нему былъ очень строгъ, порою просто даже безмилосерденъ. Такъ, напр., его постоянно звали читать въ пользу чего-нибудь, участвовать въ литературныхъ вечерахъ, онъ отказывался, его бранили, не желая знать никакихъ извинительныхъ причинъ и объясняя отказъ исключительно нежеланіемъ и его неотзывчивостью къ добру. Между тѣмъ, онъ часто не могъ читать просто по болѣзни, не говоря уже о томъ, что для него появляться на эстрадѣ и читать публично было чистою мукою. Не умѣлъ онъ читать, да и появляться публично не любилъ. «Я никогда не могъ похвалиться, — говоритъ онъ въ одной объяснительной запискѣ,—ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силою, но съ 1875 года не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно». А тутъ зовутъ читать.—«Вотъ вы посидите да послушайте, какъ я кашляю, — говорилъ онъ иногда приглашающимъ, — тогда и увидите, могу ли я читать». Кашель Салтыкова былъ дѣйствительно затяжнымъ, продолжавшимся иногда минутъ 5—10 подъ рядъ. Но отвѣчать такъ можно было только въ спокойномъ, хорошемъ настроеніи, а въ другое время можно было говорить просто: «не могу, не пойду», а такъ какъ говорилъ онъ это, по обыкновенію, сердитымъ тономъ, то это также ставилось ему на счетъ. Затѣмъ, Салтыкова считали чуть ли не милліонеромъ и постоянно осаждали просьбами о пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя и благородныя цѣли. Онъ давалъ сколько могъ, а иногда и отказывалъ, и опять его бранили. Состояніе Салтыкова было очень не велико и поправилось только за послѣдніе годы, когда

возросла подписка на «Отечественныя Записки» и когда стали расходиться его сочиненія отдѣльными изданіями. Служилъ онъ по необходимости, работалъ въ литературѣ также далеко не по одной только охотѣ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ получалъ сначала только 150 руб. въ мѣсяцъ и самъ говорилъ мнѣ, что долженъ былъ, какъ волъ, работать; а въ «Современникѣ», дѣла котораго въ то время были не блестящи, ему приходилось иногда перебиваться рецензіями, что и заставило его искать опять мѣста и вторично поступить на службу, до послѣдней отставки. О семьѣ своей онъ, дѣйствительно, думалъ, желая оставить ей обезпеченіе, но въ личной своей жизни отличался большою скромностью (даже больной онъ не имѣлъ отдѣльной прислуги). Опасаясь «полуголодной старости», онъ работалъ до самой смерти: «могу смѣло сказать,—говорилъ онъ въ вышеупомянутой запискѣ,—что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье». Въ 1888 году, когда я его спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«увѣряю васъ, что каждый день ложусь съ неувѣренностью, что проснусь утромъ». И тѣмъ не менѣе, и въ это время онъ работалъ. Однимъ словомъ, въ то время, о которомъ я говорю, матеріальное положеніе Салтыкова вовсе не было такимъ блестящимъ, какъ объ этомъ думали осаждавшіе его просьбами. Въ этомъ отношеніи у насъ дѣло стоитъ, вообще, довольно любопытно: когда, напримѣръ, писатель дѣлаетъ изданіе, то получаетъ всегда массу просьбъ пожертвовать изданіе или прислать «по удешевленной цѣнѣ». Пишутъ библіотеки, больницы, школы и т. д., не исключая и частныхъ лицъ. Во многихъ мѣстахъ заведены для этого даже спеціальные, печатные бланки. Еслибы писатель удовлетворилъ всѣ просьбы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко могло бы случиться, что ему самому ничего не осталось бы; но нерѣдко онъ даже не можетъ самъ распоряжаться своимъ изданіемъ, такъ какъ издаетъ его не онъ, а другое лицо, которому онъ его продалъ. Между тѣмъ, этого знать не хотятъ или никакъ понять не могутъ и пишутъ претензіи, выговоры, упреки за то, что слово не согласуется съ дѣломъ, что на словахъ одно, а на дѣлѣ другое и т. д. Салтыкову не мало приходилось выслушивать подобныхъ упрековъ, и я знаю случаи, когда онъ самъ покупалъ свои же сочиненія, чтобы послать кому-нибудь. Выговоривъ или оставивъ при изданіи опредѣленное количество экземпляровъ для раздачи, онъ на остальные не имѣлъ уже права. Правда, что сочиненія его были сравнительно дороги, но для этого нужно было знать, какъ онъ съ ними устроивался: онъ отдавалъ ихъ книжнымъ торговцамъ не съ 25—30% скидки, какъ обыкновенно, а съ 50%, т. е. за полцѣны, и отдавалъ обыкновенно не на чистыя деньги, а на векселя. Однажды, я ему сказалъ, что онъ пор-

титъ такимъ образомъ книжное дѣло, что книги, благодаря этому, продаются по самымъ произвольнымъ цѣнамъ, а онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что нельзя же и торговцевъ притѣснять, такъ какъ дѣла ихъ очень плохи. Но этого рода упреки были еще не такъ обидны, какъ упреки другого рода, упреки чисто принципіальные и нравственные, которые также приходилось выслушивать, по поводамъ сплошь и рядомъ самымъ неосновательнымъ. Такъ, напримѣръ, его звали на студенческія сходки. Одно такое приглашеніе, помню, шло черезъ меня: «если вашъ Салтыковъ порядочный человѣкъ,— говорили мнѣ три барышни и двое молодыхъ людей,—то почему онъ на сходки не ходитъ? Вотъ скажите ему, что въ четвергъ будетъ сходка». Я воображаю Салтыкова на студенческой сходкѣ да еще съ женскимъ персоналомъ. Само собою разумѣется, что приглашенія этого я не передалъ, а только потомъ, при случаѣ, посмѣялся надъ нимъ Салтыкову, но это нисколько его не удивило: «а вы думаете, что это впервой, — сказалъ онъ, — меня и лично сколько разъ звали». Этимъ онъ, впрочемъ, не обижался, но когда ему приходилось выслушивать упреки за литературную дѣятельность, когда ее неправильно истолковывали относительно направленія и молодого поколѣнія и въ особенности когда упреки шли со стороны самой молодежи, то это его очень огорчало. Я знаю случай, когда Салтыковъ, получивъ одно такое несправедливое и рѣзкое обвинительное письмо, заплакалъ. И тѣмъ не менѣе, онъ никогда не обмолвился не только дурнымъ, но даже просто раздражительнымъ словомъ противъ молодого поколѣнія, какъ таковаго. При его нервности и раздражительности, такая выдержка говоритъ только объ его большомъ умѣ и прочности его убѣжденій. Я увѣренъ, что не одно, а нѣсколько молодыхъ поколѣній придутъ на Салтыковскую могилу и вспомнятъ его добрымъ словомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей эпохи преобразованій, которая цѣликомъ отразилась въ его произведеніяхъ, со всѣми нашими недугами и слабостями.

С. Н. К.

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ[1].

(Быль прошлаго столѣтія).

XII.

ѢЛА ПО УПРАВЛЕНІЮ волостью, на первый разъ, показались Андрею Петровичу весьма важными и занимательными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно сложными и многотрудными. Должность управителя была для волости приблизительно тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи должность губернатора для губерніи, т. е. всѣмъ или ничѣмъ: смотря по степени рвенія, усердія и добросовѣстности управляющаго и подвѣдомственныхъ ему лицъ. Разница состояла лишь въ томъ, что управителю въ волости еще труднѣе было бороться и съ врагами и съ собственными подчиненными, чѣмъ губернатору въ губерніи. Сравнивая съ современными порядками, управителя волостью ближе всего можно сопоставить съ нынѣшними земскими начальниками...

Волость, которою управлялъ Андрей Петровичъ, была, собственно говоря, не государственная, а дворцовая или точнѣе императрицына; но сущность управленія была всюду одинакова, не исключая и, такъ называемыхъ, экономическихъ, отобранныхъ у монастырей, волостей. Для округленія этой волости, какъ разъ наканунѣ пугачевщины, было куплено нѣсколько деревень у сосѣднихъ помѣщиковъ. Это обстоятельство едва и не подало поводъ къ серьезнымъ волненіямъ во всемъ округѣ. Въ концѣ сентября того

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 343.

зловѣщаго для всего дворянства года, въ Щиграхъ никто еще не зналъ о появленіи Пугачева, и Андрей Петровичъ, недавно получившій, такъ называемый, послушный указъ, ѣздилъ по вновь купленнымъ деревнямъ и всѣмъ читалъ указъ всенародно, дабы крестьяне уразумѣли, что изъ владѣльческихъ они теперь стали дворцовыми. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ частью утвердилъ прежнихъ, частью назначилъ новыхъ старостъ и бурмистровъ, и опредѣлилъ точный размѣръ повинностей и оброковъ. Въ одномъ селѣ, славившемся конокрадствомъ, Андрей Петровичъ созвалъ сходъ и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что они уймутъ озорниковъ сами, а если таковые попадутся въ его руки, то имъ не будетъ пощады. Довольный своимъ объѣздомъ, онъ возвратился въ Щигры, гдѣ былъ казенный управительный домъ съ готовымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и подводами, и гдѣ не подолгу проживала также Софья Трофимовна съ дѣтьми, хотя и не любила этого неудобнаго жилища. Здѣсь же находилась и волостная канцелярія.

Андрей Петровичъ вошелъ въ первую, самую обширную канцелярскую комнату, гдѣ находились столы всѣхъ пяти повытьевъ, на которыя раздѣлялась его волость. При входѣ управителя, всѣ канцеляристы поспѣшно встали, а старшій канцеляристъ, пожилой губернскій секретарь, съ сизобагровымъ носомъ, угреватымъ лицомъ и вѣчнымъ флюсомъ, подалъ ему пакетъ, запечатанный гербовою печатью князя Юсупова, почти никогда не пріѣзжавшаго въ Щигры и вполнѣ положившагося на управленіе Андрея Петровича. Зная, что князь посылаетъ ему письма лишь въ особо важныхъ случаяхъ, Андрей Петровичъ съ нетерпѣніемъ распечаталъ пакетъ и, прочитавъ первыя строки, поспѣшилъ удалиться въ смежную комнату, гдѣ стоялъ большой столъ, крытый краснымъ сукномъ (тогдашній казенный цвѣтъ) и висѣлъ поясной портретъ императрицы.

Юсуповъ писалъ Андрею Петровичу съ курьеромъ, что во время торжества бракосочетанія наслѣдника-цесаревича Павла Петровича съ принцессою гессенъ-дармштадтскою Наталіею, при дворѣ было получено извѣстіе о появленіи опасной шайки подъ предводительствомъ Емельки Пугачева, которая, по слухамъ, уже достигла нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и идетъ на Оренбургъ. Въ виду этого, Юсуповъ приказывалъ Андрею Петровичу принять особыя мѣры предосторожности въ подвѣдомственной ему волости, поставить вездѣ рогатки и заставы и образовать изъ волостныхъ крестьянъ стражу, которую вооружить пиками.

Воропоновъ разсудилъ, что подобныя мѣры могутъ только смутить народъ, быть можетъ, ничего еще не подозрѣвавшій, а потому медлилъ приводить ихъ въ исполненіе. Но вскорѣ онъ самъ встревожился, получивъ извѣстіе, что въ одномъ владѣльческомъ

имѣніи, смежномъ съ его волостью, крестьяне отказываются работать на помѣщика, говоря что скоро все будетъ государщина, что не будетъ ни бояръ, ни городовъ, а всѣ крестьяне станутъ казенными. Тревога Андрея Петровича усилилась тѣмъ, что главными подстрекателями оказались крестьяне тѣхъ деревень, которые недавно были куплены отъ владѣльцевъ для присоединенія къ волости.

Андрей Петровичъ поскакалъ въ простой бричкѣ и въ сопровожденіи всего двухъ людей по ухабистой и грязной дорогѣ и, прибывъ въ мѣстность, гдѣ происходили волненія, узналъ, что дѣло еще серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Оказалось, что одинъ изъ сельскихъ дьячковъ, вмѣстѣ съ какимъ-то бѣглымъ солдатомъ, распространяютъ слухи, будто государыня больше не царствуетъ, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ временно управляетъ государствомъ, ожидая своего отца, который вовсе не умеръ, а находится гдѣ-то, не то въ Казани, не то въ Царицынѣ. Волненіе было уже настолько сильно, что по просьбѣ двухъ сосѣднихъ помѣщиковъ послали за воинской командой, которую ожидали съ часу на часъ. Всѣ окрестные дворяне находились въ состояніи, близкомъ къ паническому страху, одни вооружали свою дворню, другіе не довѣряя даже дворовымъ, укладывались и собирались уѣзжать.

При этомъ случаѣ Андрей Петровичъ, котораго сосѣди до сихъ поръ считали человѣкомъ мягкимъ и черезчуръ кроткимъ, внезапно обнаружилъ большое присутствіе духа и распорядительность. Безстрашно отправился онъ въ то село, откуда начались волненія. Здѣсь передъ церковью собралась огромная толпа мужиковъ и бабъ: бабы стояли впереди всѣхъ и страшно галдѣли. Увидѣвъ «царскаго чиновника», мужики обступили Андрея Петровича, требуя, чтобы онъ прочелъ имъ государевъ указъ.

— Ребята,—спокойно сказалъ Воропоновъ,—не шумите и идите упражняться вашими домашними занятіями. Никакого указа я вамъ не привезъ, ибо царствуетъ у насъ не государь, а государыня, и все что вамъ говорятъ, сущія враки.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Слушайте, ребята! — взволнованнымъ голосомъ сказалъ Андрей Петровичъ.—Если мнѣ не вѣрите, я поклянусь вамъ надъ крестомъ и евангеліемъ! Я своими глазами видѣлъ, какъ хоронили покойнаго императора. Стану ли я вамъ врать?

Онъ, дѣйствительно, досталъ бывшее при немъ евангеліе и крестъ и произнесъ клятву. Это подѣйствовало на толпу и крестьяне понемногу стали расходиться. Андрей Петровичъ, до окончательнаго успокоенія крестьянъ рѣшился остаться въ господской усадьбѣ: самъ помѣщикъ съ семьею скрылся и здѣсь оставался только дворецкій съ нѣсколькими слугами. Но утромъ, съ прибытіемъ вызванной военной команды, дѣла опять стали хуже. Собравшіеся мужики стали бросать въ солдатъ каменьями, а бабы неистово ругали и солдатъ, и

командира. Андрей Петровичъ явился, какъ разъ во время, т. е. когда командиръ, нѣкій маіоръ Щекинъ уже хотѣлъ отдать приказъ стрѣлять. Оказалось, что по рукамъ у крестьянъ уже ходилъ какой-то указъ, о которомъ они и горланили, отказываясь покориться. Уговоривъ командира подождать, Андрей Петровичъ закричалъ, напрягая всѣ силы своихъ легкихъ:

— Чтожъ, ребята, ежели у васъ подлинно есть государевъ указъ, покажите мнѣ: коли вправду государь Петръ Ѳедоровичъ живъ, я первый ему присягнуть готовъ!

Одинъ изъ крестьянъ, побойчѣе, подалъ Андрею Петровичу какую-то бумагу. Тотъ взялъ и громогласно сталъ читать:—«Божіею милостью мы, Петръ Третій, Императоръ и Самодержецъ всея Россіи и прочая. Объявляется всѣмъ городамъ и селамъ и во всенародное извѣстіе. Уповательно всей Россіи небезъизвѣстно, которой уже большая половина подъ скипетръ и корону нашу достопорядочнымъ образомъ склонилась и признавъ насъ, обстоятельно увѣрясь въ точномъ нашемъ имени...»

Андрей Петровичъ не сталъ читать дальше и швырнулъ бумагу въ грязь. Нѣсколько мужицкихъ рукъ бережно подхватили ее, другіе крестьяне съ угрожающими жестами двинулись къ Воропонову.

— Эхъ, ребята, ребята!—сказалъ Воропоновъ.—Ну, не дурачье ли вы послѣ этого! Такой нехитрой выдумкѣ повѣрили! Развѣ такіе государевы указы? Да это, знать полячишки написали, чтобы васъ обмануть! Развѣ вы не знаете, что царскіе манифесты пишутся золотыми буквами и зовутся золотыми грамотами.

Эта невинная выдумка повліяла на толпу сильнѣе всякихъ разумныхъ увѣщаній. Вымыслу всегда вѣрятъ легче, чѣмъ истинѣ. Крестьяне, поговоривъ между собой, пошумѣли еще немного и разошлись. Андрей Петровичъ былъ радъ, что удалось избѣжать кровопролитія.

Въ другихъ селеніяхъ было еще легче усмирить крестьянъ и все обошлось благополучно. Воропоновъ возвратился въ Щигры, написалъ обо всемъ князю Юсупову и, не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ пугачевскаго бунта, ожидалъ одобренія и даже награды. Но на него полетѣлъ неизвѣстно кѣмъ писанный доносъ, изобразившій дѣйствія Андрея Петровича въ совершенно извращенномъ видѣ и вмѣсто ожидаемой похвалы явился выговоръ, съ новымъ строгимъ предписаніемъ немедленно поставить заставы и рогатки и организовать команды вооруженныя пиками. По счастью, въ округѣ все оставалось спокойнымъ до самаго конца пугачевскаго бунта. Это крупное событіе, въ связи съ другими, болѣе мелкими, но частыми дрязгами, значительно охладило служебное рвеніе Андрея Петровича.

Особенно много непріятностей и враговъ нажилъ онъ при размежеваніи съ окрестными помѣщиками, изъ которыхъ каждому хотѣлось отхватить какъ можно болѣе казеннаго добра. Были у него хлопоты не только здѣсь, но и въ самой Воропоновкѣ, такъ какъ, подобно всѣмъ помѣщикамъ, Андрей Петровичъ до самаго генеральнаго межеванія не зналъ въ точности сколько у него земли и имѣлъ не мало владѣній черезполосныхъ съ сосѣдями и казною. Все это надо было привести въ порядокъ и извѣстность, что требовало частаго пребыванія въ Воропоновкѣ и еще больше отвлекало его отъ управленія волостью. Прошло то время, когда Андрей Петровичъ мечталъ сдѣлать въ волости Богъ знаетъ что̀ и тѣшился проектомъ обращенія всѣхъ владѣльческихъ крестьянъ въ казенныхъ. И теперь онъ продолжалъ, правда, вѣрить въ теоретическую осуществимость этого проекта; но въ жизни видѣлъ одни только препятствія. Не обладай Андрей Петровичъ огромнымъ самолюбіемъ, онъ давно махнулъ бы рукою на свою службу, давшую такіе малые плоды, не смотря на все его усердіе. Лично онъ не имѣлъ отъ службы никакихъ выгодъ. Жалованья не получалось со всѣмъ, дорожить казеннымъ дѣломъ въ Щиграхъ онъ не могъ; ждать можно было то́лько чиновъ и наградъ. Но чины шли туго, вслѣдствіе непріятностей, денежныхъ наградъ онъ гнушался и когда въ первый же годъ его управленія ему было объявлено, черезъ Юсупова, что онъ можетъ взять отъ казны заимобразно на десять лѣтъ безъ процентовъ три тысячи рублей—сумма весьма значительная для того времени—Андрей Петровичъ даже удивился и отказался. Ему полагался извѣстный процентъ съ урожая, которымъ другой воспользовался бы для своего обогащенія; но Андрей Петровичъ употребилъ всю свою долю на разныя улучшенія въ бытѣ крестьянъ. Вначалѣ Воропоновъ до того занялся волостными дѣлами, не полагаясь ни въ чемъ ни на старосту, ни на бурмистровъ и приказчиковъ, что забылъ совершенно свое собственное хозяйство. Онъ вспомнилъ о воропоновцахъ въ первый разъ по слѣдующему случаю.

Однажды, онъ былъ занятъ счетомъ денегъ въ особой комнатѣ своей волостной канцеляріи, гдѣ стояли большіе сундуки и находилась касса. Пересчитавъ елисаветинскіе крестовики-имперіалы, хранившіеся въ особой шкатулкѣ, онъ занялся серебряными рублями и мѣдяками и, наконецъ, приступилъ къ счету ассигнацій, недавно появившихся въ Россіи въ обращеніи. По окончаніи счета Андрей Петровичъ вышелъ въ комнату, гдѣ усердно писали канцелярскіе служители. Ему доложили, что его спрашиваетъ одинъ изъ его крѣпостныхъ. Этотъ мужикъ оказался посланнымъ старостою съ письмомъ отъ имени всѣхъ воропонцевъ. Въ этомъ письмѣ крестьяне слезно умоляли барина пріѣхать поскорѣе и защитить ихъ отъ новаго буйнаго сосѣда, отставнаго гусара Макова,

который по смерти своихъ родителей, вернувшись изъ турецкаго похода, самъ вступилъ во владѣніе Алешками, имѣніемъ бывшимъ въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ Воропоновкой. Андрей Петровичъ не любилъ задѣвать другихъ, но и по отношенію къ себѣ не терпѣлъ нахальства. Онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Воропоновку и, поручивъ дѣла старшему канцеляристу, сталъ собираться со всею семьею въ путь. Софья Трофимовна всегда съ ра достью разставалась съ Щиграми. Она терпѣть не могла этой волостной канцеляріи и всей службы Андрея Петровича, не доставлявшей ни особаго почета, ни выгодъ.

Узнавъ о пріѣздѣ господъ, воропоновскіе мужики, по обыкновенію, толпой собрались къ барскому крыльцу.

— Заступись, кормилецъ!—говорили они, кланяясь барину.— Опять алешкинскій баринъ обижаетъ! Пріѣхалъ на Дикое Поле съ своимъ землемѣромъ и ставитъ колья отъ Марьиной Рощи до Антохиныхъ прудковъ. Мы говоримъ, что эта степь наша, еще наши дѣды ее пахали и косили, а онъ своимъ ребятамъ какъ гаркнетъ: «въ колья!» и давай нашихъ бить. Ѳедюхѣ Безпалому поди голову проломили...

Андрей Петровичъ вспыхнулъ, велѣлъ осѣдлать коня, взялъ нагайку, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужиковъ и дворовыхъ отправился на мѣсто происшествія. Софья Трофимовна, давно не видѣвшая мужа въ такомъ возбужденномъ состояніи и боясь, чтобы не случилось чего, уговаривала его остаться, но онъ сказалъ:

— Эхъ, Софьюшка, не бабье это дѣло! За меня не бойся, съ такимъ я еще могу управиться.

Прискакавъ въ степь, называемую Дикое Поле, Андрей Петровичъ точно увидѣлъ здѣсь землемѣра ставившаго колья, впрочемъ, пока еще не клейменые.

— Постойте, государь мой,—сказалъ ему Воропоновъ,—какъ же это вы мою степь мѣрите безъ спросу?

Землемѣръ сталъ говорить, что его дѣло сторона, что онъ мѣритъ но показаніямъ алешкинскихъ мужиковъ, подтверждаемымъ господиномъ Маковымъ.

— Выбросить эти колья!—скомандовалъ Андрей Петровичъ своимъ людямъ—что̀ и было исполнено.—А на васъ, государь мой, я жалобу подамъ въ межевую канцелярію.

Колья были вынуты. Андрей Петровичъ ожидалъ на слѣдующій день новой выходки со стороны Макова; но, къ немалому своему удивленію, получилъ отъ него приглашеніе на обѣдъ. Онъ не поѣхалъ, отговорившись дѣлами. Этотъ отказъ обидѣлъ Макова гораздо болѣе, чѣмъ если бы Андрей Петровичъ, въ свою очередь, отмежевалъ себѣ его земли или перепоролъ алешкинскихъ крестьянъ. Съ этого времени Воропоновъ нажилъ въ Маковѣ непримиримаго врага.

Занявшись своимъ хозяйствомъ, Андрей Петровичъ пробылъ въ Воропоновкѣ все лѣто и осень, а потомъ рѣшилъ зазимовать, тѣмъ болѣе, что зимою и въ волости дѣлъ было мало.

У себя дома онъ проводилъ длинные зимніе вечера, то въ чтеніи, то въ бесѣдахъ съ Софьей Трофимовной. Жизнь его потекла тихо и мирно. Одно обстоятельство все еще нарушало семейное счастье Воропоновыхъ: не смотря на многократныя попытки, имъ не удалось примириться съ матерью Софьи Трофимовны.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда у Софьи Трофимовны родился сынъ-первенецъ, она сдѣлала съ своей стороны рѣшительный шагъ къ примиренію. Она написала письмо, въ которомъ, въ самыхъ теплыхъ словахъ просила Дарью Семеновну пріѣхать и благословить ея первенца. Софья Трофимовна прибавляла, что подождетъ съ крестинами и просила мать приказать какъ назвать внука.

Въ отвѣтъ на это письмо, Софья Трофимовна получила записку, написанную, судя по почерку, ея младшей сестрой Ольгой, писавшею, разумѣется, подъ диктовку матери. Здѣсь было сказано: «Любезная дочь моя, какое дать имя новорожденному, это въ твоей волѣ, ибо и замужъ пошла ты по своей волѣ, не спросясь матери. Поздравляю съ сыномъ и жалую ему на зубокъ пятьдесятъ рублевъ, а пріѣхать не пріѣду, покуда ты сама ко мнѣ не пріѣдешь съ поклономъ просить прощенія. А про мужа твоего приказываю себѣ не писать, и коли я къ тебѣ пріѣду, пусть онъ мнѣ на глаза не показывается».

Софья Трофимовна любила и уважала мать и, по старой памяти, даже побаивалась ея; но это письмо оскорбило и огорчило молодую мать и за себя, и за ребенка, и болѣе всего за мужа, хотя Андрей Петровичъ, прочитавъ его, не сказалъ ни слова.

«Ну, маменька, чтожъ дѣлать!—подумала Софья Трофимовна.— Хотѣла я сама пріѣхать и въ ноги поклониться, а теперь не поѣду. Посмотримъ еще, лучше ли будутъ ваши другіе зятья! Нѣтъ, Андрюша, голубчикъ, тебя я и ради родной матери не разлюблю!»

Она пригласила старшую сестру, Анненкову, въ крестныя матери и назвала сына Андреемъ. Узнавъ объ этомъ, Дарья Семеновна чуть было не поссорилась съ Анненковыми, а о Софьюшкѣ болѣе и слышать не хотѣла.

Послѣ рожденія второго ребенка—дочери, которую Софья Трофимовна назвала Дарьей, она пыталась подѣйствовать на мать черезъ Анненкову, но какъ нарочно въ это время Лизаньку выдали замужъ за дворянина, имѣвшаго помѣстья въ Казанской губерніи, и мать ѣздила туда гостить, а потомъ съ младшею дочерью, Ольгой, надолго поселилась въ Москвѣ; младшіе сыновья были отосланы въ Петербургъ, а въ Дворяниновѣ сталъ хозяйничать старшій братъ, гвардеецъ, недавно женившійся, страшный кутила, ко-

торый сразу не сошелся съ Воропоновыми и почти не бывалъ у нихъ. Такимъ образомъ, почти всѣ нити, связывавшія Софью Трофимовну съ материнскимъ кровомъ, оборвались. Не удивительно, что она еще болѣе привязалась къ своей милой Воропоновкѣ, гдѣ у нея была теперь своя семья, свои интересы, заботы.

Заботъ было не мало у Софьи Трофимовны. Давно прошло то время, когда она не умѣла даже приказать, что слѣдуетъ, слугамъ. Теперь ея домъ былъ полная чаша. Пахомовна давно перестала думать о хозяйствѣ и окончательно превратилась въ няньку, а старый Митричъ, уже сѣдой какъ лунь, сталъ дядькою маленькаго Андрюши. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ Софья Трофимовна заправляла лично, безъ чьей-либо помощи и совѣтовъ.

Иногда Воропоновы ѣздили въ Курскъ, гдѣ раза два Софьѣ Трофимовнѣ пришлось быть на балахъ, которые давались по случаю побѣдъ надъ турками; съѣздили они даже въ Москву, но пробыли тамъ не болѣе мѣсяца. Въ деревнѣ къ нимъ часто собирались сосѣди, потому что хотя у Андрея Петровича было много враговъ и завистниковъ, но было также ни мало и доброжелателей.

Между тѣмъ размежеваніе спорныхъ угодій не подвигалось, потому что Маковъ продолжалъ дѣлать всевозможныя непріятности сосѣдямъ. Ему удалось привлечь на свою сторону отставного секундъ-маіора Щекина, человѣка богатаго и большой руки пройдоху. Съ такимъ подкрѣпленіемъ Маковъ становился все болѣе и болѣе дерзкимъ. Противная сторона, человѣкъ шесть дворянъ, выбрала своимъ представителемъ Андрея Петровича и упросила его принять энергическія мѣры для скорѣйшаго окончанія этого интересовавшаго всѣхъ дѣла.

Такимъ образомъ, началась достопамятная борьба Воропонова съ Маковымъ и Щекинымъ. Она длилась долго и раздѣлила почти всѣхъ дворянъ путивльской округи на два непріятельскія лагеря.

Самый рѣшительный моментъ борьбы насталъ въ одинъ жаркій лѣтній день, когда на спорную границу выѣхали всѣ главные соперники съ землемѣрами и цѣлою массою старожиловъ изъ однодворцевъ и даже крестьянъ.

Это были какъ бы два вражескіе стана, расположившіеся въ шатрахъ, на двухъ противулежащихъ холмахъ. Когда Андрей Петровичъ пріѣхалъ, то глазамъ его представилась слѣдующая картина:

Межевщикъ съ астролябіей, въ сопровожденіи солдата, подъячаго и нѣсколькихъ людей, мѣрилъ что-то. Нѣсколько дворянъ изъ «воропоновской партіи» горячо съ нимъ спорили, но онъ хладнокровно повторялъ: «Мое дѣло сторона... меня куда ведутъ, тамъ и мѣрю: я по купчей мѣрю, мнѣ что за дѣло».

— Да послушайте, господинъ землемѣръ,—сказалъ подошедшій Андрей Петровичъ,—что̀ вы это дѣлаете? Вѣдь вы межуете даже не нашу, а государеву землю!

Межевщикъ опѣшилъ. Въ это время изъ непріятельскаго шатра явился Маковъ, за которымъ слѣдовалъ Щекинъ и другіе его сторонники.

— Какое тутъ государеву!—закричалъ Маковъ, не кланяясь Андрею Петровичу.—Это еще что за выдумка! Объ этой землѣ и спора никогда не было!

Затѣмъ онъ принялся ругаться, какъ бы обращаясь къ однодворцамъ, но ясно мѣтя въ Воропонова.

Андрей Петровичъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе.

— Неучтивствомъ вы здѣсь ничего не возьмете,—сказалъ онъ,— а на васъ, господинъ землемѣръ, я сейчасъ же напишу рапортъ въ межевую канцелярію. Я вамъ сто свидѣтелей представлю, что эта земля казенная.

Маковъ, красный какъ ракъ, хотѣлъ что-то отвѣтить, но подоспѣвшій Щекинъ отозвалъ его и сказалъ ему вполголоса:

— Охота тебѣ, братъ, шумъ затѣвать! Я тихимъ манеромъ все устрою.

Затѣмъ, слегка поклонившись Андрею Петровичу, сказалъ, что радъ случаю лично съ нимъ познакомиться и убѣдительно просилъ оказать ему честь пожаловать къ нему и переговорить обо всемъ досконально. Андрей Петровичъ не хотѣлъ дать сопернику поводъ подумать, что боится его и сверхъ того, зная, что Щекинъ пользовался большимъ вліяніемъ и почетомъ, рѣшилъ, что было бы неблагоразумно отвѣтить полнымъ отказомъ и обѣщалъ пріѣхать завтра.

На слѣдующій день, Андрей Петровичъ отправился къ Щекину въ большомъ парадѣ, въ каретѣ, съ двумя людьми на запяткахъ. Въ свою очередь, Щекинъ постарался не ударить въ грязь лицомъ и устроилъ роскошный обѣдъ. Послѣ обѣда, хозяинъ пригласилъ гостя въ кабинетъ, сначала извинился передъ нимъ за буйства Макова, котораго назвалъ своимъ дальнимъ родственникомъ, затѣмъ началъ съ разныхъ подходовъ и, наконецъ, сказалъ:

— И что вамъ за охота, Андрей Петровичъ, такъ стоять за казну. По вашему выходитъ, что вся степь казенная, а я доподлинно знаю, что тамъ есть и ваша земля. Вашъ покойный дядюшка купилъ тамъ отъ однодворцевъ три четверти четвертей земли, но какъ грамотѣ не былъ ученъ, то не подумалъ укрѣпить ее за собою по книгамъ.

Андрей Петровичъ, помня дядю и по личнымъ воспоминаніямъ и по разсказамъ, тотчасъ сообразилъ всю неправдоподобность этого сообщенія, но притворился, будто вѣритъ, желая знать, чего собственно добивается Щекинъ.

— А земля отъ Кривой Балки до самой Крушихи всегда была наша Щекиныхъ, — сказалъ хозяинъ и какъ бы въ шутку прибавилъ,— ну, Андрей Петровичъ, за мою хлѣбъ-соль вы меня не вы-

дадите. Что вамъ стоитъ дать подписку на счетъ этой земли? Вѣдь все равно всѣ знаютъ, что она моя, хотя она мнѣ и не упрочена.

«Вотъ оно что!—подумалъ Воропоновъ. — Вмѣстѣ предлагаетъ казенную землю обворовать!»

— Кланяюсь вамъ, Өедоръ Васильевичъ, — сказалъ онъ, — да только какъ же быть? Я вчера безъ васъ при понятыхъ и многихъ свидѣтеляхъ объявилъ ту землю казенною и засвидѣтельствовалъ своею подпискою, то могу ли я съ здравымъ разсудкомъ теперь сказать, что она ваша?

Щекинъ покраснѣлъ и въ глазахъ его мелькнуло злобное чувство.

— Не хорошо, государь мой,—сказалъ онъ.—Обидѣли старика! Такъ-то вы меня благодарите за мою хлѣбъ-соль.

— Милости прошу ко мнѣ,—отвѣчалъ Воропоновъ.—Угостить васъ буду радъ и тѣмъ взаимнымъ образомъ отплатить вашу хлѣбъ-соль.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ проститься и уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, межеванье было окончено. Воропоновъ, успѣвъ ознакомиться со всѣми документами и настращавъ землемѣра, державшаго сторону его противниковъ, одержалъ полную побѣду: онъ спасъ отъ хищническихъ аппетитовъ Макова и Щекина не только владѣльческія земли, но и до пяти тысячъ казенной земли.

XIII.

По случаю предстоявшаго открытія намѣстничества, въ Курскѣ было необычайное стеченіе дворянства. Всѣ собственные дворянскіе дома были набиты биткомъ, да и въ купеческихъ, нанятыхъ тѣми, у кого не было своего помѣщенія, едва хватало мѣста для пріѣзжихъ господъ и ихъ многочисленной дворни.

Өедоръ Васильевичъ Щекинъ пріѣхалъ въ Курскъ однимъ изъ первыхъ и поселился въ своемъ домѣ, небольшомъ, но внутри довольно хорошо обставленномъ и находившемся въ Закурской части, по Херсонской улицѣ, почти у самой рѣки Куры. Щекинъ имѣлъ полное основаніе пріѣхать какъ можно раньше. Ему слѣдовало подготовить себѣ почву, такъ какъ онъ намѣревался баллотироваться въ предводители своего уѣзда и имѣлъ весьма опаснаго соперника въ Андреѣ Петровичѣ Воропоновѣ, которому, какъ зналъ отлично Щекинъ, явно покровительствовалъ князь Юсуповъ. Щекинъ боялся, что вліяніе Юсупова можетъ имѣть значеніе и у графа Румянцева-Задунайскаго, который вскорѣ долженъ былъ прибыть въ Курскъ, такъ какъ уже было извѣстно, что онъ будетъ назначенъ здѣсь намѣстникомъ. Хотя Щекинъ превосходилъ Воропонова и богатствомъ и древностью рода и зналъ, кромѣ того, что отецъ Андрея Петровича былъ за свои поступки сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ—но всего этого было не достаточно, чтобы подкопаться

подъ Андрея Петровича, имѣвшаго такого сильнаго покровителя въ лицѣ Юсупова.

Щекинъ рѣшился пустить въ ходъ всѣ пружины. Онъ зналъ, что лучшимъ средствомъ повредить сопернику была всегда ябеда, и поэтому старался докопаться въ прошломъ Андрея Петровича какихъ-либо темныхъ пятенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ придумывалъ различныя средства съ цѣлью заручиться при выборахъ возможно большимъ числомъ голосовъ.

Правою рукою Щекина во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ былъ его повѣренный, отставной коммисаръ, губернскій секретарь Рогаткинъ, величайшій плутъ и ученикъ знаменитаго въ своемъ родѣ Ивана Ѳедоровича Коробова, у котораго онъ всегда спрашивалъ совѣта въ особо-важныхъ случаяхъ. За нѣсколько дней до торжества открытія, т. е. вскорѣ послѣ рождественскихъ праздниковъ Щекинъ призвалъ къ себѣ Рогаткина, чтобы передать ему нѣкоторыя распоряженія.

— Ну, что наши запасные?—спросилъ онъ, умываясь, съ помощью двухъ лакеевъ, въ присутствіи Рогаткина. Одинъ изъ лакеевъ держалъ серебрянную лахань, другой лилъ воду и подавалъ полотенце.

— Пріѣхали, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Рогаткинъ, величая генеральскимъ титуломъ отставного маіора изъ уваженія къ его лѣтамъ, богатству и будущему предводительскому званію.

— Подавай ихъ сюда... Лей, каналья, повыше, такъ меня всего обрызгаешь,—сказалъ онъ лакею.

— Весьма оборваны, ваше превосходительство,—возразилъ Рогаткинъ,—я сказалъ камердинеру дать имъ переодѣться, какъ вы приказать изволили.

— Лей, лей, еще лей, чурбанъ ты этакой! Будетъ. Теперь вытирай, такъ покрѣпче!.. Что жъ, братецъ, надо имъ сдѣлать смотрины,—обратился онъ опять къ Рогаткину.—Гдѣ они?

— Въ дѣвичьей дожидаются, ваше превосходительство.

Щекинъ съ своимъ стряпчимъ отправился въ дѣвичью, гдѣ впрочемъ не было ни одной дѣвушки. Здѣсь стояли и сидѣли на чемъ попало какіе-то странные субъекты въ балахонахъ, полушубкахъ и въ другихъ подобныхъ одѣяніяхъ. Все это были люди молодые, иные почти мальчишки. Только для посвященнаго въ дѣло было ясно, что весь этотъ сбродъ состоялъ изъ самыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которыхъ такъ много было въ Путивльской и смежныхъ округахъ, собранныхъ Щекинымъ при посредствѣ своего повѣреннаго и долженствовавшихъ подать за него голоса на выборахъ. Многіе изъ нихъ едва ли до тѣхъ поръ даже думали, что они благородные. По общественному положенію они стояли не выше однодворцевъ. При входѣ Щекина, всѣ, какъ по командѣ, встали.

— Нн... да,—промычалъ Щекинъ.—Филька! Дуракъ! — крикнулъ онъ камердинера.—Что же ты до сихъ поръ не принесъ имъ шляпъ, шпагъ и мундировъ. Вѣдь еще вчера были готовы, а? Поворачивайся живѣе! Пока, господа-дворяне, мое вамъ почтеніе, а погодя приду посмотрѣть на васъ пріодѣтыхъ.

Полчаса спустя, когда Щекинъ опять явился къ «запаснымъ» дворянамъ, они уже переодѣлись.

На этотъ разъ Щекинъ, бѣгло взглянувъ на своихъ «избирателей», остался повидимому доволенъ.

— Смотрите же, господа-дворяне!—сказалъ онъ.—Вы люди молодые, вамъ къ службѣ привыкать надо, такъ и у меня прошу слушать команды! Кто не по командѣ пискнетъ, того пѣшкомъ безъ шубы домой отпущу! Приведутъ васъ въ залу, такъ тамъ прошу сидѣть чинно, ни съ кѣмъ не разговаривать. Когда поднесутъ вамъ шары, встаньте, возьмите бѣлый шаръ правой рукой. Поняли?

— Поняли!—отвѣчали запасные.

— Ну такъ вотъ, правой рукой возьмите шаръ и каждый пусть посмотритъ на меня. Какое я ухо почешу, на ту сторону класть шары. Поняли?

— Поняли!!

— Да вѣрно ли, братецъ, что всѣ они дворяне? — усумнился Щекинъ, обращаясь къ Рогаткину.

— Что вы, ваше превосходительство! Ей-ей, столбовые, истинные дворяне! Оно правда не всѣ нашей округи, да не бѣда, сойдетъ! Смѣлъ ли бы я своему благодѣтелю подлыхъ людей привести! Ей-ей всѣ благородные!

— Ну коли благородные, такъ и ладно,—сказалъ Щекинъ.— Смотри, Рогатка! Тебѣ вѣрю, а коли обманешь, не посмотрю, что ты губернскій секретарь, узнаешь ты у меня, гдѣ Кузькина мать!

— Шутить изволите, ваше превосходительство!

Послѣ осмотра «запасныхъ», Щекинъ опять позвалъ Рогаткина въ кабинетъ.

— Да, братъ, забылъ спросить:—что Маковъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, ваше превосходительство. У купца Синебрюхова въ домѣ стоитъ... Силою къ нему въѣхать изволилъ. Ты, говоритъ, борода, мой заимодавецъ, такъ пусть за одно я тебѣ буду и за постой долженъ, когда-нибудь расплатимся... Смѣхъ, да и только!

— Какъ бы онъ тутъ чего не накудесничалъ!—подумалъ Щекинъ.—Послушай, Рогатка поѣзжай къ господину Макову, скажи, что, молъ, Ѳедоръ Васильевичъ проситъ къ себѣ пріѣхать; слава Богу, мѣсто у меня для него найдется, зачѣмъ ему проживать по купеческимъ домишкамъ.

Часъ спустя, Маковъ оглашалъ уже своимъ густымъ смѣхомъ домъ Ѳедора Васильевича, гдѣ шли хлопоты и приготовленія къ

вечернему столу. Въ буфетной, кромѣ дворецкаго, распоряжалась смазливая дѣвица, бѣдная родственница Щекина, который недавно овдовѣлъ и взялъ ее въ домъ въ качествѣ хозяйки.

— Смотрите же,—приказывала она лакеямъ,—чтобы все въ порядкѣ было! По угламъ поставьте столы съ бутылками и рюмками. Примѣчайте: кого баринъ поласковѣе встрѣчаетъ, да поближе къ себѣ сажаетъ, тому подносите бутылки съ билетиками, съ кѣмъ мало говоритъ, тому вотъ съ этихъ бутылокъ. А кого сѣсть не попроситъ, тому наливку подносите.

— Не извольте безпокоиться, Прасковья Ивановна,—говорилъ дворецкій,—ужъ я присмотрю.

— А пуще всего глядите, чтобъ изъ запасныхъ кто не стянулъ бутылки. А коли случится такой грѣхъ, сейчасъ мнѣ, или Рогаткину скажите!

Въ это время вошелъ Маковъ.

— Что вамъ сказать, прелестница моя!—отвѣчалъ онъ на послѣднія слова Прасковьи Ивановны.—Лучше вы мнѣ скажите, можно ли васъ поцѣловать?

И не дожидаясь разрѣшенія, онъ чмокнулъ дѣвицу въ щеку.

— Ахъ, вы озорники какіе!—сказала ухмыляясь Прасковья Ивановна.—Вотъ пожалуюсь на васъ Ѳедору Васильевичу...

— Что это у васъ тутъ дѣлается?—спросилъ Маковъ.—Какіе это шушеры сидятъ въ дѣвичьей? куда вы своихъ дѣвокъ прогнали?

— Ахъ, Василій Васильевичъ! Вы не повѣрите какой у насъ содомъ! Съ этими запасными бѣда! Кричатъ, шумятъ, всякія невѣжества дѣлаютъ! Тоже дворяне называются, прости Господи!

— Что за глупость,—сказалъ Маковъ.—Какихъ ему еще запасныхъ! Говорилъ я Ѳедору Васильевичу, что онъ пустое затѣялъ! Мы его и такъ выберемъ!

Онъ направился въ кабинетъ къ хозяину.

— Ну что, какъ господинъ Воропоновъ?—спросилъ Маковъ.

— Да что,—сказалъ Щекинъ,—плохо! Юсуповъ стоитъ за него горой, графу Задунайскому, сказываютъ, былъ на него доносъ поданъ, что во время бунта этого проклятаго Пугачева онъ-де сказывалъ, что на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ... Графъ и читать не сталъ...

— Ну чтожъ,—отвѣчалъ Маковъ,—мы и сами прокатимъ на вороныхъ! Зачѣмъ намъ графъ!

— Такъ оно такъ...—задумчиво сказалъ хозяинъ.—Ему, сказать правду, на роду писано на вороныхъ кататься: онъ вороными сказываютъ жену увезъ.

— Ужъ будто увезъ?—съ завистью спросилъ Маковъ.

— Какъ же! А ты, сударь, и не зналъ? Ты, впрочемъ, здѣсь не давно, заѣзжій человѣкъ... Укралъ съ Коренной ярмарки! Су-

щій воръ, не даромъ Воропоновъ! Отца его за воровское дѣло сослали, я тогда въ походахъ былъ... А сынокъ, говорятъ, волостныя деньги раздаетъ по неуказнымъ процентамъ... Не знаю, правда ли?

— Ну воръ онъ, или не воръ, а мы его прокатимъ!—сказалъ Маковъ.—А не удастся прокатить, такъ все же не бывать ему предводителемъ? Не будь я Маковъ, коли допущу! На улицѣ его побью, жену его на балу при всѣхъ обниму и поцѣлую, пускай сатисфакціи требуетъ! Я на шпагахъ гораздъ драться! Могу и на пистоляхъ!

— Полно пѣтушиться, сударь!—сказалъ Щекинъ.—Это все не то! Тутъ надо со смекалкой идти, а не съ палкой!

— Кушанье готово,—доложилъ дворецкій,—прикажете звать гостей? Много ужъ въ угольной дожидается.

— Дуракъ, что же не сказалъ раньше и не звалъ сюда? Бѣда съ этими остолопами! Всегда все переврутъ! Изъ генераловъ никого нѣтъ?

— Генераловъ нѣтъ, а бригадиръ одинъ пріѣхалъ.

— Зови сейчасъ сюда! И полковниковъ зови; маіоры могутъ подождать въ столовой.

Ужинъ былъ обильный, съ огромнымъ количествомъ винъ, такъ какъ имѣлось въ виду привести гостей въ возможно веселое настроеніе духа. Отдѣльно были поставлены столики для «запасныхъ», тогда какъ для другихъ гостей были мѣста за большимъ столомъ. Когда вошелъ хозяинъ въ сопровожденіи бригадира и двухъ полковниковъ, запасные съ шумомъ повскакали съ своихъ мѣстъ, многіе изъ нихъ схватили стулья и понесли хозяину и шедшимъ съ нимъ гостямъ, отчего произошла толкотня и суматоха. За ужиномъ много говорили и еще больше ѣли и пили. Въ концѣ хозяинъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой сказалъ, что дворянство, по волѣ мудрой монархини, призвано отнынѣ играть въ государствѣ «первую роль». Соображая наши нужды и пользы общія и каждаго изъ насъ особо, заключилъ ораторъ, надлежитъ намъ подумать кого на какую должность избрать. Начнемъ, господа дворяне, съ предводителя!

— Съ губернскаго, что ли?—кричалъ Маковъ, давно уже пунцовый, какъ маковъ цвѣтъ.

— Нѣтъ, почтенные господа дворяне!—продолжалъ хозяинъ, бросивъ на Макова взглядъ выражавшій досаду за это восклицаніе.—Что намъ нужды заботиться о томъ, что есть дѣло всей губерніи! Позаботимся прежде о своихъ пользахъ! Выберемъ уѣзднаго предводителя!

— Про уѣзднаго и толковать нечего!—снова прокричалъ Маковъ.—Ѳедора Васильевича Щекина, кого же другого!

— Благодарю за честь,—отвѣчалъ Щекинъ,—но простите, господа, здѣсь я вижу многихъ достойнѣйшихъ меня...

— Нѣтъ васъ, Ѳедоръ Васильевичъ! Не откажитесь!—раздались голоса.

— Кромѣ васъ, Ѳедоръ Васильевичъ, некому быть предводителемъ!—сказалъ бригадиръ.—Всѣ наши дѣла вамъ вѣдомы, и бумаги вы не боитесь, она васъ боится... А вотъ хоть бы я... У меня и глаза стали слабы, писать ничего не вижу... И такъ выбираемъ Ѳедоръ Васильевича!.. Согласны, господа?..

— Согласны!—гаркнули запасные, а за ними и другіе дворяне.

Тронутый хозяинъ всталъ и кланялся на обѣ стороны.

— Благодарю васъ, любезнѣйшіе мои друзья! Благодарю, господа дворяне!—говорилъ онъ.—Благодарю за честь и доброе обо мнѣ мнѣніе!

— Выпить за предводителя!—крикнулъ Маковъ.

Началась настоящая попойка. Ѳедора Васильевича принялись качать. Маковъ совсѣмъ охмѣлѣлъ и неистовствовалъ, какъ вдругъ хозяину доложили, что его желаетъ видѣть Рогаткинъ по спѣшному дѣлу. Ѳедоръ Васильевичъ, у котораго не много шумѣло въ головѣ, отправился въ свой кабинетъ. Рогаткинъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

— Что скажешь?—спросилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Плохое дѣло! Иванъ Ѳедоровичъ Коробовъ изъ магистрата поѣхалъ прямо къ господину Воропонову. Я самъ слышалъ, какъ онъ приказывалъ кучеру. Побѣжалъ было за нимъ, да не успѣлъ догнать.

— Ну такъ что же?—встревоженно спросилъ будущій предводитель, который послѣ выпивки не сразу могъ сообразить, въ чемъ дѣло.

— Да видно Иванъ-то Ѳедорычъ ведетъ противъ насъ подвохъ... Ужъ даромъ не поѣдетъ къ Воропонову. Тотъ его не больно прежде жаловалъ...

Въ это время вошелъ камердинеръ и доложилъ, что Ѳедоръ Васильевича желаетъ видѣть какой-то подъячій. Рогаткинъ выбѣжалъ посмотрѣть кто это и съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ Коробова.

Прибытіе его въ такой неурочный часъ служило доказательствомъ, что знаменитый ябедникъ поймалъ весьма крупную рыбу въ мутной водицѣ.

У Ѳедора Васильевича весь хмѣль прошелъ. До глубокой ночи онъ совѣщался съ старымъ подъячимъ,—о чемъ именно, знали только они двое. Даже Рогаткина Ѳедоръ Васильевичъ выслалъ вонъ.

XIV.

Утро морозное, ясное. Софья Трофимовна собралась съ дѣтьми въ церковь. Старая Пахомовна, мамка и дѣвка, одѣвали дѣтей, другая дѣвка помогала одѣваться барынѣ. Наконецъ, дѣти одѣтыя, закутанныя, съ мамкою и нянькою вышли вслѣдъ за матерью и усѣлись въ четырехмѣстномъ возкѣ. Половья заскрипѣли по твердому, замерзшему снѣгу.

Возвратившись изъ церкви, Софья Трофимовна занялась домашними хлопотами. Пріѣхавъ въ Курскъ, она остановилась не у старшей сестры, а въ наемномъ купеческомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что какъ Анненковымъ, такъ и Воропоновымъ, предстояло множество пріемовъ: Анненковъ самъ баллотировался въ предводители Курскаго уѣзда.

Софья Трофимовна была въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Давно она не была такъ довольна всѣмъ. Самый тяжелый для нея вопросъ о примиреніи съ матерью былъ близокъ къ разрѣшенію. Недавно Анненковъ получилъ отъ Дарьи Семеновны изъ Москвы письмо: она писала, что скоро пріѣдетъ къ нимъ въ ихъ Курскую деревню. Въ этомъ письмѣ Дарья Семеновна впервые сама освѣдомилась о здоровьѣ Софьюшки и ея мужа. Это такъ тронуло Софью Трофимовну, что она тотчасъ же написала матери самое нѣжное письмо.

Все остальное также шло на ладъ. Дѣти были здоровы, старшій сынъ Андрюша былъ такой умный мальчикъ, умомъ въ Андрея Петровича, а лицомъ похожъ на мать. Онъ давно уже отлично читалъ и писалъ, зналъ наизусть нѣсколько сценъ изъ трагедій Сумарокова и зачитывался «Дѣтскимъ Чтеніемъ» Новикова. Другія дѣти также радовали материнское сердце, и Софья Трофимовна не могла видѣть безъ умиленія, какъ бережно бралъ Андрей Петровичъ на руки самую маленькую Глашеньку. Она и смѣялась его мужской неловкости, и радовалась тому, что онъ такъ любитъ дѣтей.

Въ Софьѣ Трофимовнѣ мужъ нашелъ то, что искалъ: преданнаго и любящаго друга. Она не была образована, не знала языковъ, не болтала по-французски, какъ иныя модницы, но за то была далеко умнѣе ихъ. Не будучи манерницею, она имѣла природный тактъ. Одѣвалась всегда къ лицу, но никогда не бѣлилась, и румянилась развѣ въ особыхъ случаяхъ, напр., выѣзжая на балъ, такъ какъ безъ румянъ явиться на балъ было бы непристойно. Любила она мужа, какъ въ первый годъ супружества, тогда какъ иныя изъ модницъ, искусившіяся въ Москвѣ и Петербургѣ, открыто хвалились своими любовными связями. Неровности и несогласія характеровъ мужа и жены понемногу сглаживались, они успѣли привыкнуть, приспособиться другъ къ другу. Требованія

обоихъ были не велики. Софья Трофимовна, побывавъ въ Москвѣ, не рвалась больше туда, а о Петербургѣ и думать забыла. Андрей Петровичъ съ утра былъ въ разъѣздахъ. Ему надо было посѣтить и князя Юсупова, недавно пріѣхавшаго изъ Москвы, и другихъ знакомыхъ. Вдругъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Софья Трофимовна сидѣла за пяльцами. Онъ положилъ ей руку на плечо. Она не ожидала такого скораго возвращенія, не замѣтила его пріѣзда и отъ неожиданности вздрогнула.

— Ахъ, Андрей Петровичъ испугалъ... Что такъ веселъ?

— Былъ у князя... Знаешь ли, Софьюшка, чему я радуюсь: мой прожектъ о волостныхъ магазинахъ аппробованъ самой государыней. Спасибо князю, не забылъ доложить!

Софья Трофимовна терпѣть не могла всѣхъ этихъ волостныхъ дѣлъ.

— Ну, батюшка,—сказала она,—я и вправду думала, ты скажешь что веселое. Бросилъ бы ты эти прожекты! Охота съ этимъ волостнымъ мужичьемъ возиться!

Со времени пугачевщины, Софья Трофимовна окончательно стала враждебна проектамъ Андрея Петровича и возненавидѣла казенныхъ крестьянъ; что касается своихъ воропоновцевъ, то она, напротивъ, всегда ихъ защищала.

— Да вотъ, Софьюшка, выберутъ меня въ предводители, тогда не по своей волѣ отъ волости откажусь,—сказалъ Воропоновъ.

— Слава тебѣ Господи,—замѣтила Софья Трофимовна, даже перекрестилась.

— Никакой прибыли отъ твоихъ прожектовъ еще не было... Ахти, забыла тебѣ сказать: пріѣзжалъ сейчасъ Коробовъ, тебя спрашивалъ. Онъ еще вчера былъ, да тебя дома не было. Сегодня опять пріѣзжалъ...

— Этотъ ябедникъ? Чего ему надо? Велѣла бы гнать его въ три шеи.

— Я и то сама догадалась,—сказала Софья Трофимовна.—Знала, что ты изволилъ приказать не пускать его на порогъ. Я и велѣла сказать, чтобы убирался по добру по здорову...

Софья Трофимовна не подозрѣвала какую плохую услугу она оказала своему мужу. Если бы она знала, какую бумагу привозилъ Коробовъ, бумагу давно украденную имъ изъ архива, она озолотила бы стараго ябедника, лишь бы купить его молчаніе. Но было поздно. Коробовъ, получивъ такой рѣзкій и обидный отвѣтъ, поѣхалъ къ сопернику Андрея Петровича и на этотъ разъ уже прямо въ роли Іуды предателя.

Наконецъ, насталъ день открытія намѣстничества. Еще съ утра въ городѣ началось необычайное движеніе. То и дѣло мчались кареты, возки и сани. Графъ Румянцевъ поѣхалъ изъ намѣстническаго дворца въ соборъ, въ сопровожденіи блестящаго конвоя. Со

всѣхъ сторонъ стекались къ собору дворянскіе экипажи. Послѣ молебствія, всѣ направились къ обширному зданію, гдѣ должны были произойти выборы.

Чтобы сдѣлать торжество открытія какъ можно болѣе великолѣпнымъ, графъ Румянцевъ велѣлъ нанять два купеческіе дома, одинъ каменный, другой деревянный. Въ большомъ каменномъ домѣ выломалъ всѣ внутреннія стѣны, превративъ комнаты въ одинъ огромный залъ. Этотъ домъ получилъ названіе «Дворянскихъ Палатъ». Другой, деревянный домъ, находился подлѣ самаго намѣстническаго дворца и предназначался для маскараднаго бала и театральныхъ представленій послѣ выборовъ. Дворецъ намѣстника былъ также деревянный, но такъ искусно раскрашенъ, что имѣлъ видъ каменнаго.

Огромный залъ въ «Дворянскихъ Палатахъ» былъ уставленъ скамьями, на которыхъ размѣстились дворяне въ мундирахъ курскаго намѣстничества, красныхъ, какъ во всей средней полосѣ Россіи, съ бѣлымъ подбоемъ и воротникомъ и обшивками небесно-голубого цвѣта—отличительный признакъ курскаго мундира. У передней стѣны стоялъ императорскій тронъ, подъ богатымъ балдахиномъ, на которомъ былъ помѣщенъ портретъ императрицы во весь ростъ и красовались гербы—россійскій и курскаго намѣстничества, бѣлый щитъ съ голубыми перекладинами и съ изображеніемъ трехъ куропатокъ.

Минута была торжественная. На ступени трона вошелъ намѣстникъ, графъ Румянцевъ, съ свитою чиновниковъ. У подножья трона размѣстились бѣлгородскій правитель или губернаторъ, генералъ-поручикъ Свистуновъ, и помощникъ правителя, бригадиръ Чаплыгинъ. На переднихъ скамьяхъ сидѣло знатнѣйшее дворянство. Въ первомъ ряду былъ молодой князь Юсуповъ въ мундирѣ, залитомъ золотомъ съ камергерскимъ ключемъ. Рядомъ съ нимъ нѣсколько почтенныхъ генераловъ. Далѣе сидѣли бригадиры и другія чиновныя лица и богатѣйшіе помѣщики, затѣмъ остальные дворяне, кто куда попалъ. Графъ Румянцевъ слегка махнулъ рукою и началъ краткую привѣтственную рѣчь. При первыхъ же словахъ его всѣ встали. Окончивъ рѣчь, выяснявшую значеніе новыхъ учрежденій, графъ предложилъ дворянамъ приступить къ выбору губернскаго предводителя изъ четырехъ названныхъ имъ кандидатовъ. Первымъ онъ назвалъ князя Юсупова. При этомъ имени Андрей Петровичъ, бывшій въ седьмомъ ряду, встрепенулся. Первая мысль, которая пришла ему на умъ, была не въ пользу его патрона и командира.

«Годится ли столь молодой вельможа для такой должности?» подумалъ онъ, вспомнивъ, что даже и дѣлами ввѣренныхъ ему волостей Юсуповъ почти не занимался, предоставляя все управителямъ.

Недалеко отъ Андрея Петровича помѣщался его соперникъ, Ѳедоръ Васильевичъ Щекинъ; при имени Юсупова онъ такъ тряхнулъ головой, что пудра съ головы посыпалась на его мундиръ.

Выслушавъ намѣстника, дворяне засуетились, стали переглядываться, подходить другъ къ другу, заговаривать вполголоса. Наконецъ, всѣ угомонились и снова усѣлись на своихъ скамьяхъ. Канцелярскіе служители забѣгали и понесли одни шары на блюдахъ, другіе покрытые зеленымъ сукномъ баллотировальные ящики. Всѣхъ обносили четыре раза, по числу кандидатовъ. Церемонія эта длилась весьма долго. Когда очередь впервые дошла до Воропонова, онъ не задумываясь, положилъ бѣлый шаръ князю Юсупову, но тотчасъ же подумалъ:

«Не сдѣлалъ ли я это по лицепріятію, какъ его подкомандующій?»

Андрей Петровичъ успокоивалъ себя тѣмъ, что другіе, названные Румянцевымъ, кандидаты были ему лично неизвѣстны, исключая богатаго помѣщика маіора Ширкова, да и того онъ зналъ мало. Впрочемъ, и ему онъ положилъ бѣлый шаръ.

По окончаніи баллотировки, губернскій прокуроръ Стромиловъ началъ подъ наблюденіемъ намѣстника и губернатора считать шары. Первымъ по числу шаровъ оказался князь Юсуповъ, вторымъ по балламъ былъ Ширковъ.

«Значитъ судьба!» подумалъ Воропоновъ.

Намѣстникъ поздравилъ князя Юсупова, который поклонился и поблагодарилъ курское дворянство. Румянцевъ пригласилъ къ себѣ Юсупова и нѣкоторыхъ именитѣйшихъ дворянъ, не ниже полковничьяго чина, на обѣдъ. Остальные и въ числѣ ихъ Воропоновъ разъѣхались по домамъ. Выборы губернскаго предводителя для большинства были мало интересны: всѣ знали, что на эту должность давало право лишь исключительное богатство или знатность. Страсти должны были разыграться на слѣдующій день. Предстояло выбрать уѣздныхъ предводителей, засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго суда и въ приказъ общественнаго призрѣнія, уѣздныхъ судей и засѣдателей. Дворянская организація, основанная на выборномъ началѣ, должна была забрать въ свои руки все управленіе губерніей.

До этого времени Андрею Петровичу не случалось видѣть выборовъ, уже бывшихъ въ раньше открытыхъ намѣстничествахъ. Онъ думалъ, что все кончится въ одинъ день и съ его словъ думала тоже и Софья Трофимовна, съ нетерпѣніемъ ожидавшая возвращенія мужа. Увидѣвъ его уставшимъ и какъ будто разстроеннымъ, она встревожилась. Неужели не выбрали? Андрей Петровичъ поспѣшилъ успокоить жену, сказавъ, что уѣздные выборы будутъ только завтра. Вскорѣ стали пріѣзжать дворяне, принадлежавшіе къ партіи Воропонова. Весь день прошелъ въ угощеньяхъ, разговорахъ, хлопотахъ.

Къ вечеру у Софьи Трофимовны прибавилась новая забота: у маленькаго Коли, младшаго изъ сыновей, что-то разболѣлась голова. Софья Трофимовна стала придумывать отчего бы это? Ужъ не простудился ли утромъ, когда ѣздили въ церковь? Кажется, былъ хорошо закутанъ, въ шубейкѣ и въ шалевомъ платкѣ. Не угорѣлъ ли? Она стала допрашивать дѣвокъ, топившихъ печь соломою; тѣ божились, что закрыли трубу, когда никакого жару уже не было. Не зная настоящей причины, Софья Трофимовна рѣшила, что болѣзнь отъ угара и приложила къ головѣ ребенка черный хлѣбъ, смоченный уксусомъ, и можжевеловыя ягоды. А что, если сохрани Боже, оспа? думала она съ трепетомъ, мало довѣряя пользѣ прививки, хотя, по настоянію Андрея Петровича, указывавшаго на примѣръ самой государыни, всей семьѣ его была привита оспа хорошимъ лекаремъ. Къ полуночи ребенокъ какъ будто успокоился и уснулъ.

На слѣдующее утро, Андрей Петровичъ, прежде чѣмъ ѣхать на выборы, заѣхалъ въ домъ князя Юсупова, но здѣсь ему сказали, что князь полчаса тому назадъ укатилъ въ Москву.

Воропоновъ поѣхалъ въ «Дворянскія Палаты», подлѣ которыхъ уже стояло множество экипажей. Выходя изъ саней, Андрей Петровичъ замѣтилъ у подъѣзда какого-то человѣка въ ватномъ картузѣ, который, увидя его, снялъ картузъ, и поспѣшно юркнулъ въ сторону. Воропоновъ узналъ Ивана Өедоровича Коробова.

Войдя въ залъ, онъ увидѣлъ, что переднія скамьи всѣ уже заняты и помѣстился на одной изъ боковыхъ. Намѣстника не было и Андрей Петровичъ узналъ, что руководить сегоднишними выборами будетъ губернскій прокуроръ Петръ Александровичъ Строминовъ, котораго Воропоновъ зналъ лично и который былъ къ нему очень расположенъ.

Андрей Петровичъ, хотя и не былъ суевѣренъ, подумалъ, что это обстоятельство является хорошимъ предзнаменованіемъ.

Строминовъ заявилъ, что выборы произойдутъ по уѣздамъ въ алфавитномъ порядкѣ; по этому, путивльскимъ дворянамъ пришлось бы долго ждать и многіе изъ нихъ стали разъѣзжаться. Андрей Петровичъ досидѣлъ до выборовъ по курскому уѣзду и былъ очень радъ, когда здѣсь избрали Анненкова. Поздравивъ родственника, онъ съ этой хорошей вѣстью поѣхалъ къ женѣ, но засталъ ее въ горѣ и слезахъ. Она даже не спросила его, выбранъ ли онъ самъ въ предводители.

— Коля у меня совсѣмъ расхворался! — сказала она. — Я ужъ послала за лекаремъ, да что-то не пріѣзжаетъ!

Наконецъ, явился нѣмецъ-лекарь и, осмотрѣвъ малютку, сказалъ по-нѣмецки Андрею Петровичу, что болѣзнь не опасна и прописалъ какую-то микстуру.

Андрей Петровичъ поспѣшилъ опять въ «Дворянскія Палаты».

Наконецъ, настала очередь его уѣзда. Было уже довольно поздно, часа четыре по-полудни, и въ огромномъ залѣ многія скамьи опустѣли. Только путивльскіе были всѣ на лицо и на заднихъ скамьяхъ сидѣли какіе-то молодые дворяне въ плохо и не по росту сшитыхъ мундирахъ: это были «запасные», привезенные его соперникомъ. Обозрѣвъ поле битвы, Андрей Петровичъ убѣдился въ томъ, что врагъ не опасенъ. Не смотря на «запасныхъ», его партія оказалась гораздо многочисленнѣе противной партіи, и Воропоновъ заранѣе предвкушалъ побѣду. Страннымъ ему показалось лишь то обстоятельство, что самъ Щекинъ все еще не пріѣзжалъ, а между тѣмъ часъ, назначенный для путивльскихъ выборовъ, давно уже насталъ. Губернскій прокуроръ уже началъ терять терпѣніе и, наконецъ, объявилъ, что сейчасъ будетъ приступлено къ выборамъ.

Служители поставили столъ для счета шаровъ и стали укладывать шары на блюда и бѣгать съ ящиками.

Сторонники Щекина съ безпокойствомъ оглядывались, не понимая, въ чемъ дѣло, а Маковъ даже бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Розиня, рохля, своихъ пользъ ни понимаетъ! Лучше бы я вмѣсто его баллотировался! Помогутъ ему его дураки запасные! Воропоновъ самъ не простъ! Ну только пусть меня назначутъ въ исправники, я ему стану поперекъ горла.

Вдругъ посреди всеобщаго недоумѣнія и нетерпѣнія въ залъ вошелъ Щекинъ.

Онъ выступалъ какъ-то медлительно важно, съ особою торжественностью, держа въ рукѣ свертокъ бумагъ. Проходя мимо Воропонова, онъ отвернулся и поспѣшилъ сѣсть на скамью.

Губернскій прокуроръ, въ роли предсѣдателя собранія, пригласилъ приступить къ выборамъ и назвалъ кандидатовъ. Ихъ оказалось всего двое — Воропоновъ и Щекинъ.

Вдругъ Щекинъ всталъ съ своего мѣста и сдѣлалъ рѣшительный жестъ правою рукою, продолжая держать въ лѣвой рукѣ свертокъ бумагъ.

Не поднимая глазъ и не смотря ни на кого изъ окружающихъ, Щекинъ произнесъ неровнымъ голосомъ, то вскрикивая, то какъ будто задыхаясь:

— Господа! Мы поступаемъ вопреки точнаго смысла закона. Между нами есть дворянинъ, который не только не имѣетъ права искать какой-либо должности, но и недостоинъ находиться въ нашемъ благородномъ собраніи, какъ человѣкъ подсудимый и опороченный судомъ. Я протестую и требую вывести этого дворянина вонъ!

Многіе дворяне, ошеломленные этими словами, повскакивали съ мѣстъ.

— Кто бы это былъ, Өедоръ Васильевичъ...—началъ было гу-

бернскій прокуроръ, но его прервалъ чей-то голосъ, похожій на крикъ раненаго.

— Недостойно дворянина клеветать такъ, не называя при томъ имени!—воскликнулъ этотъ голосъ. — Это восклицаніе неудержимо вырвалось изъ груди Андрея Петровича: онъ выдалъ самого себя.

Щекинъ, къ которому уже вернулось его обычное хладнокровіе, язвительно отвѣтилъ:

— Есть пословица: на ворѣ шапка горитъ! Объявляю всѣмъ присутствующимъ господамъ дворянамъ; между нами находится господинъ Воропоновъ, который, хотя и носитъ имя дворянина, но неправильно, ибо онъ еще въ малолѣтствѣ былъ ошельмованъ, будучи включенъ по дѣлу отца своего о смертоубійствѣ! Угодно господамъ дворянамъ, чтобы я прочиталъ въ этомъ благородномъ собраніи выпись по дѣлу, изъ коего все сіе станетъ очивиднымъ?

— Читайте! — закричали сторонники Щекина.

— Это ябеда! Мы не вѣримъ! — закричало нѣсколько дворянъ противной партіи.

Воропоновъ стоялъ блѣдный, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, съ видомъ человѣка приговореннаго къ смерти. Онъ не говорилъ ни слова. Въ залѣ поднялся страшный гвалтъ и шумъ. Губернскій прокуроръ, смущенный, растерянный, нервно звоня въ колокольчикъ, просилъ господъ дворянъ успокоиться и потребовалъ, чтобы Щекинъ, не читая вслухъ, показалъ ему свои бумаги. Прочитавъ одну изъ нихъ, онъ грустно покачалъ головою и сказалъ:

— Господа дворяне! Въ справедливости словъ Θедора Васильевича не смѣю болѣе усумниться, и не смѣю думать, чтобы выпись была подложная... Господинъ Воропоновъ точно опороченъ по суду и по смыслу закона не имѣетъ права даже присутствовать на выборахъ. Я господа, думаю, что въ дѣлѣ семъ судъ поступилъ не весьма справедливо, включивъ малолѣтняго сына въ дѣло отца. Въ просвѣщенный вѣкъ мудрой Екатерины такое рѣшеніе было бы не возможнымъ, и господинъ Воропоновъ не приминетъ обратиться къ милосердію и правосудію монархини. Не менѣе того, долгъ службы и мое предсѣдательство въ настоящемъ собраніи, къ моему прискорбію, обязываютъ меня просить господина Воропонова удалиться изъ мѣста, гдѣ, по закону, онъ не имѣетъ права болѣе оставаться...

Андрей Петровичъ какъ-то безучастно выслушалъ всю эту тираду и встрепенулся лишь тогда, когда одинъ изъ клевретовъ Щекина вдругъ закричалъ:

— Что жъ онъ не уходитъ? Вывести его вонъ!

— Посмѣй только меня коснуться, бездѣльникъ!—задавленнымъ голосомъ произнесъ Андрей Петровичъ.—Я задушу тебя!

Сказавъ это, онъ схватился за голову и быстрыми шагами удалился изъ залы. Въ передней служитель едва успѣлъ накинуть

ему на плечо шубу. Андрей Петровичъ машинально вышелъ на лѣстницу и остановился. Холодный зимній воздухъ освѣжилъ его и вернулъ ему разсудокъ. Онъ понялъ, что съ нимъ произошло нѣчто ужасное, нѣчто такое, чего онъ давно, хотя и смутно боялся...

Лакей, ожидавшій у подъѣзда, закричалъ, «вороноповскіе подавай!» Подкатили щегольскія сани, запряженныя парою вороныхъ: это не были знаменитые шереметевскіе кони, давно сослужившіе свою службу, но все же и эти кони были хороши. Андрей Петровичъ имѣлъ пристрастіе къ лошадямъ черной масти и смѣялся надъ Пахомовной, которая сказала ему однажды: «не къ добру, батюшка, что ты ѣздилъ вѣнчаться на вороныхъ». Теперь это предсказаніе вспомнилось Андрею Петровичу.

«Да Пахомовна сказала правду. Видно, въ самомъ дѣлѣ, не къ добру. Надо ѣхать. Куда? Домой? Зачѣмъ? Жена сразу догадается, увидя мой разстроенный видъ. А она, бѣдная, и безъ того встревожена болѣзнью ребенка. Положимъ, лекарь сказалъ, что болѣзнь пустая, да вѣдь врутъ лекаря — вотъ у Анненковыхъ залечилъ лекарь ребенка. А тутъ я пріѣду съ такимъ извѣстіемъ. Что я скажу женѣ?»

Андрей Петровичъ рѣшилъ, что ничего не скажетъ. «Скажу, что выборы по нашему уѣзду будутъ завтра»,—придумывалъ онъ.

XV.

Возвратившись домой, Воропоновъ прежде всего спросилъ попавшуюся ему навстрѣчу Пахомовну, что дѣлаетъ Софья Трофимовна и получивъ въ отвѣтъ, что сидитъ за пяльцами, подумалъ:

— «Значитъ, Колѣ легче... Слава Богу!..»

Вмѣсто того, чтобы отправиться сейчасъ же къ женѣ, Андрей Петровичъ не велѣлъ ей говорить, что пріѣхалъ и вошелъ въ свой кабинетъ.

На столѣ лежала толстая тетрадь, куда онъ записывалъ разныя соображенія по дѣламъ ввѣренной ему волости.

Надо привести въ порядокъ всѣ дѣла... Вѣдь скоро придется сдать ихъ другому. А впрочемъ, почему же? Вѣдь его не избрали предводителемъ, а онъ только потому хотѣлъ отказаться отъ управительской должности, что считалъ ее несовмѣстной съ должностью предводителя. Да, все же придется отказаться. Опороченный по суду не можетъ занимать никакой должности. Андрей Петровичъ сталъ припоминать нѣкоторые указы и законы и соображалъ обстоятельства. Еще въ первый годъ женитьбы онъ не мало рылся въ законахъ, читалъ Уложеніе, изучалъ указы и регламенты. Не помня въ точности приговора, когда-то прочитаннаго ему, совмѣстно съ отцомъ, не рѣшаясь и думать о томъ, чтобы возбудить вопросъ о пересмотрѣ своего дѣла, тщательно скрывая даже что зналъ отъ

всѣхъ не исключая жены, Андрей Петровичъ хотѣлъ знать все для себя самого—и не нашелъ иного средства, какъ только изучать указы. Ничего опредѣленнаго онъ не вынесъ изъ множества сложныхъ и часто противорѣчныхъ законовъ, исключая того, что предвидѣлъ возможность ужасной развязки... И вотъ теперь она настала... Онъ снялъ съ полки воинскій уставъ Петра Перваго и отыскалъ статьи, въ которыхъ красовалось страшное слово шельма. Это грубое, отвратительное слово обожгло его; Андрей Петровичъ захлопнулъ книгу и поставилъ ее на мѣсто.

«Нѣтъ,—подумалъ онъ,—этотъ законъ не подходитъ къ дѣлу». Онъ силился припомнить всѣ подробности жестокаго наказанія, понесеннаго его отцомъ, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы вспомнить, что именно прочелъ подъячій о немъ самомъ. Но какъ ни силился Андрей Петровичъ выжать что-нибудь изъ своей памяти, въ ней оставались лишь слова: «по малолѣтству» и «матернее милосердіе». Очевидно, что онъ былъ прощенъ... Значитъ, все что говоритъ Щекинъ, есть, въ самомъ дѣлѣ, низкая ябеда?

— Трусъ я, трусъ! Сущій трусъ!—вскричалъ Андрей Петровичъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Испугался за себя постоять, не съумѣлъ... Поѣду назадъ, всѣхъ ихъ назову бездѣльниками. Пускай покажетъ свою воровскую бумагу!

Онъ вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но вдругъ вспомнилъ о поведеніи губернскаго прокурора, человѣка, который всегда былъ къ нему лично расположенъ. Неужели же онъ могъ быть въ стачкѣ съ Щекинымъ? Не вѣрится! Значитъ, въ этой проклятой бумагѣ было что-нибудь важное! Надо было самому потребовать, чтобы ее прочли, по крайней мѣрѣ зналъ бы въ чемъ дѣло.

Андрей Петровичъ вынулъ ключъ и открылъ одинъ изъ ящиковъ своего стола, гдѣ лежали послѣднія еще неразсмотрѣнныя дѣла управленія волостью. Снявъ верхнія бумаги, онъ на днѣ ящика увидѣлъ пистолетъ и вспомнилъ, что вчера положилъ его сюда второпяхъ, вмѣсто того, чтобы спрятать въ чехолъ и повѣсить на стѣну.

«Послѣ повѣшу»—подумалъ онъ и теперь только вспомнилъ, почему онъ спряталъ въ столъ: пистолетъ былъ заряженъ, а въ кабинетъ Андрея Петровича иногда приходили дѣти, и онъ боялся, что кто-нибудь изъ нихъ схватитъ пистолетъ и надѣлаетъ бѣды.

Андрей Петровичъ взялъ пистолетъ и посмотрѣлъ, хорошо ли ввинченъ кремень.—«Осѣчки не дастъ»—подумалъ онъ и, повернувъ дуло ко рту, слегка подулъ туда, причемъ холодное дуло коснулось его губъ. Андрей Петровичъ слегка вздрогнулъ, поморщился, положилъ пистолетъ въ столъ и снова заперъ ящикъ на ключъ.

Желая отогнать отъ себя тяжелыя мысли, онъ сѣлъ писать. Вдругъ скрипнула дверь. Андрей Петровичъ вздрогнулъ и обернулся. Въ дверяхъ стояла Софья Трофимовна въ только-что при-

мѣренномъ ею красномъ мундирномъ платьѣ, какія тогда были придуманы для дамъ по случаю открытія намѣстничествъ.

— Андрей Петровичъ, какъ же это? Ты пріѣхалъ, а мнѣ никто ничего не сказываетъ? Да на тебѣ лица нѣтъ! Неужто не выбрали!

Онъ хотѣлъ солгать, но не могъ.

— Щекинъ выбранъ,—глухо проговорилъ онъ.

— А я-то думала...—сказала Софья Трофимовна.—Андрей Петровичъ, голубчикъ мой, да что съ тобой, милый мой! Ну не выбрали, не велика бѣда! Досадно только... Щекинъ какой-нибудь будетъ теперь въ чести. А что въ немъ? Мошна съ деньгами и больше ничего! Хороши же здѣшніе дворяне, коли для нихъ Щекинъ лучше тебя! Не тужи, Андрей Петровичъ! Можно ли по пустякамъ такъ убиваться?

Андрей Петровичъ сидѣлъ, низко, низко склонивъ свою кудрявую голову.

«Для нея это пустяки»,—подумалъ онъ, забывая, что жена не знаетъ самаго главнаго.

— А я тебя порадовать хотѣла,—продолжала Софья Трофимовна.—Вотъ мундирное платье примѣрила... Какъ будто къ лицу мнѣ... Ну да вѣдь я у тебя плохая модница!.. Колюшкѣ-то лучше, играетъ, забавляется, совсѣмъ веселъ сталъ, у меня было совсѣмъ отъ души отлегло, а тутъ новое горе! Андрей Петровичъ!

— Что, Софьюшка?

— Голубчикъ мой, неужто тебѣ такая большая обида? Ужъ не случилось ли еще чего? Скажи ради Бога, я ужъ, право, ни вѣсть что готова думать...

— Ничего, Софьюшка... Ну не выбрали, досадно мнѣ, вотъ и все... Такъ просто голова болитъ.

— Ягодъ можжеловыхъ не приложить ли? Колюшкѣ помогло.

— Нѣтъ не надо...—Андрей Петровичъ махнулъ рукою.—Я просто съ утра мало ѣлъ...

Воропоновъ нарочно сказалъ это, зная что Софья Трофимовна сейчасъ пойдетъ хлопотать объ обѣдѣ, а ему хотѣлось остаться одному. Онъ не ошибся, жена поспѣшила распорядиться.

«Ну теперь успокоится,—подумалъ онъ.—Бѣдная, бѣдная Софьюшка! А вѣдь узнаетъ! Не отъ меня такъ отъ другихъ—еще хуже будетъ! Придется самому сказать...»

Вдругъ ему пришла мысль: не вызвать ли Щекина на поединокъ?

«Потребую сатисфакціи!»—подумалъ онъ.—Но черезъ минуту онъ отбросилъ эту мысль, какъ нелѣпую. Развѣ такой низкій человѣкъ приметъ вызовъ? Онъ способенъ только на ябедническія дѣла... Проклятая бумага! И что было не попросить самому, чтобы губернскій прокуроръ прочиталъ ее вслухъ! По крайней мѣрѣ

зналъ бы. Можетъ быть тамъ ничего особеннаго. Включенъ въ дѣло о смертоубійствѣ. Ну что жъ, что включенъ? Включили, а потомъ по причинѣ малолѣтства и по милосердію покойной государыни Елисаветы Петровны простили. Да безъ сомнѣнія, былъ прощенъ. Иначе, какъ же могли его отвезти къ дядѣ безъ всякаго наказанія?

Размышленія Андрея Петровича были прерваны приходомъ камердинера, который подалъ ему письмо.

— Отъ кого?—спросилъ Воропоновъ.

— Господина Щекина человѣкъ принесъ. Сказалъ, отвѣта не велѣно дожидаться и ушелъ,—доложилъ камердинеръ.

— Ступай.

Когда камердинеръ вышелъ, Андрей Петровичъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ распечаталъ письмо. Щекинъ писалъ, что такъ какъ Воропоновъ назвалъ его при всѣхъ дворянахъ уѣзда ябедникомъ, то онъ Щекинъ докажетъ ему, Воропонову, что ничего не дѣлаетъ на вѣтеръ. «Дѣло ваше, писалъ Щекинъ, по настоянію моему будетъ вынуто изъ архива и справедливое наказаніе будетъ вами понесено». «Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ концѣ письма, для вящшаго собственнаго вашего вразумленія прилагаю при семъ списокъ съ выписи, представленной мною господину губернскому прокурору, а также и его сіятельству графу Петру Александровичу, дабы изъ онаго списка и вы убѣдиться могли, что ваши дѣла мнѣ извѣстны не по пустымъ бабьимъ толкамъ». Подписался Щекинъ предводителемъ дворянства, и эта подпись какъ ножомъ кольнула Андрея Петровича. Но онъ не сталъ задумываться надъ письмомъ и быстро развернулъ приложенную къ нему бумагу.

Буквы запрыгали въ глазахъ у Андрея Петровича.

— Нѣтъ, это ябеда! Быть того не можетъ!—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ охватившихъ его чувствъ.

Какъ! Неужели это возможно! Столько времени прошло съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ мальчишкой немного постарше маленькаго Андрюши, теперь онъ человѣкъ всѣми уважаемый, отецъ семейства, дворянинъ, имѣющій чины, и съ нѣкоторымъ достаткомъ, наконецъ человѣкъ просвѣщенный, даже ученый по сравненію съ огромнымъ большинствомъ... И вдругъ эти низкіе ябедники, изъ жалкаго соперничества и вражды, выкопали изъ архива полуистлѣвшее дѣло. Добыли рѣшеніе, которое слишкомъ двадцать пять лѣтъ не приводилось въ исполненіе! Какое ужасное рѣшеніе! Простить малолѣтняго, но не совсѣмъ простить, а только отложить позорное наказаніе плетьми до наступленія совершеннолѣтія. Возможно ли это? А если и было возможно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, если тогда судьи были такъ грубы и имѣли такое низкое понятіе о чести дворянина и достоинствѣ человѣка,

то развѣ возможно что-либо подобное въ вѣкъ Екатерины? Андрей Петровичъ вспомнилъ слова губернскаго прокурора и теперь только вполнѣ уяснилъ себѣ ихъ смыслъ. Онъ швырнулъ бумагу на столъ, потомъ вспомнилъ, что кто-нибудь можетъ прочесть ее и заперъ на ключъ въ тотъ самый ящикъ, гдѣ былъ пистолетъ. Андрей Петровичъ всталъ и быстро зашагалъ по комнатѣ. Нѣтъ, все происшедшее такъ гнусно и нелѣпо, что даже тревожиться нечего. Все уладится самымъ отличнымъ образомъ. Стоитъ поѣхать къ намѣстнику—человѣку просвѣщенному и человѣколюбивому, объясниться съ нимъ откровенно, да еще, пожалуй, написать князю Юсупову: досадно, что онъ такъ скоро уѣхалъ въ Москву! Князю стоитъ сказать слово государынѣ и вся мерзостная, подлая, низкая ябеда разлетится въ прахъ, всѣ эти жалкіе интриганы будутъ посрамлены. Мало ли къ чему приговаривали въ старину. Андрей Петровичъ подошелъ къ столу, на которомъ лежалъ экземпляръ «Наказа» и постучалъ пальцемъ по переплету. Вотъ въ этой книгѣ, подумалъ онъ, содержатся такія разсужденія, о которыхъ забыли всѣ низкіе соперники. Здѣсь изложены начала милости и истиннаго правосудія. Здѣсь торжественно съ высоты престола сѣверная Минерва подтвердила естественныя права человѣка, исполнивъ то, о чемъ только мечталъ его любимый философъ Руссо.

Онъ опять отомкнулъ ящикъ и вновь сталъ перечитывать зловѣщую бумагу.

— Чтò ты читаешь, Андрей Петровичъ? Полно себя утруждать, ты самъ приказалъ обѣдъ скорѣе готовить, идемъ же, столъ накрытъ,—вдругъ раздался голосъ вошедшей Софьи Трофимовны.

Андрей Петровичъ поспѣшно сталъ прятать бумагу.

— Чтò читалъ?—переспросила жена.

— Такъ, все дѣла волостныя. Ты правду говорила, Софьюшка, пора отказаться... Усталъ.

— То-то, родимый, сама вижу, уморили тебя эти дѣла! Кабы не эта проклятая волость, ты могъ бы больше съ нашими дворянами хлѣбъ-соль водить, тебя бы и выбрали... Вотъ Щекинъ, сказываютъ, три дня угощалъ дворянъ, а мы съ тобой только разъ на обѣдъ позвали... Такъ дѣла не дѣлаются! Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Андрей Петровичъ почти не слышалъ словъ жены. Мысли его блуждали далеко. За обѣдомъ онъ, къ величайшему огорченію Софьи Трофимовны, почти ни до чего не дотронулся.

Послѣ обѣда Андрей Петровичъ опять принялся за бумаги, чтò-то писалъ, сводилъ счеты и работалъ далеко за полночь. На слѣдующее утро, онъ надѣлъ мундиръ, велѣлъ запречь возокъ и поѣхалъ къ намѣстнику.

Новый ударъ: намѣстникъ его не принялъ. Андрей Петровичъ

долго ждалъ, наконецъ, вошелъ поручикъ правителя и сказалъ, что вслѣдствіе заявленій губернскаго прокурора и предводителя дворянства, намѣстникъ велѣлъ вынуть изъ архива дѣло его отца и что впредь до пересмотра этого дѣла его сіятельство не можетъ принять Андрея Петровича, который считается состоящимъ подъ судомъ. Тотъ же чиновникъ, отнесшійся къ Андрею Петровичу вообще вѣжливо и сочувственно, сообщилъ Воропонову, что еще раньше его сіятельство получилъ нѣсколько доносовъ на Андрея Петровича, которымъ не придалъ никакой вѣры, но теперь, по измѣнившимся обстоятельствамъ, велѣлъ пересмотрѣть и эти бумаги, которыя пріобщены къ дѣлу.

Едва сдерживая овладѣвшія имъ чувства, Андрей Петровичъ сказалъ:

— Смѣю ли спросить, государь мой, извѣстно ли вамъ какія еще ябеды взводятъ на меня мои враги и недоброжелатели?

Поручикъ правителя оглянулся по сторонамъ и почти на ухо сказалъ Андрею Петровичу, что его обвиняютъ, между прочимъ, въ тайномъ масонствѣ, въ предосудительныхъ сношеніяхъ съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и въ распространеніи недозволенныхъ и вредныхъ масонскихъ книгъ.

— Богъ свидѣтель, — сказалъ Андрей Петровичъ, — что масономъ я никогда не былъ!

Чиновникъ успокоивалъ его, совѣтуя ждать и надѣяться на милосердіе и правосудіе государыни.

Совсѣмъ разстроенный и убитый, возвратился домой Андрей Петровичъ. Войдя въ кабинетъ, онъ засталъ здѣсь жену и только теперь съ ужасомъ вспомнилъ, что второпяхъ забылъ ключъ въ ящикѣ стола. Софья Трофимовна сидѣла за столомъ и читала роковую бумагу.

— Софьюшка!.. Оставь... Тебѣ не надо... — растерянно сказалъ онъ, стараясь выхватить у нея изъ рукъ этотъ листъ.

— Я прочла...—медленно и съ усиліемъ выговорила Софья Трофимовна.

Она подошла къ печи, которая топилась. Здѣсь весело трещалъ огонь, бросая красныя пятна на полъ и на стѣну. Софья Трофимовна сунула туда бумагу дрожащею рукою и такъ неловко, что обожгла палецъ объ накалившуюся дверцу; но она даже не вскрикнула.

— Софьюшка... Ты прочла... все?

— Все,—какъ-будто спокойно сказала она.—Андрей Петровичъ,—спросила она укоризненно и грустно,—зачѣмъ же ты меня обманывалъ, а я тебѣ, какъ Богу, вѣрила?

Рыданія душили ее. Андрей Петровичъ былъ уничтоженъ. Онъ молчалъ.

— Лучше бы все сказалъ съ перваго дня свадьбы... Даже до

свадьбы. Развѣ ты боялся, что я разлюблю тебя? Да я бы всегда съ тобою на край свѣта ушла! Что̀ мнѣ до людей? Пусть, что хотятъ, думаютъ! Я матери родной не побоялась, разсердила ее, огорчила, не знаю еще, проститъ ли теперь, когда пріѣдетъ! А ты... Ахъ, Андрей Петровичъ! Что бы было раньше сказать! Умъ хорошо, а два лучше, вдвоемъ бы, можетъ, что и придумали! Чего ты стыдился?

— Софьюшка, да я и самъ всего не зналъ,—пытался онъ оправдаться...—Зналъ, что отца судили, а про себя... не все зналъ...

Но Софья Трофимовна теперь ничему не хотѣла вѣрить. Это оправданіе показалось ей новой ложью.

— Ужъ не говорилъ бы лучше, Андрей Петровичъ... Все равно теперь все знаю... Что̀ же теперь дѣлать? Что̀ же дѣлать?

Она ломала руки.

— Андрей Петровичъ!

— Что̀, Софьюшка?

— Я поѣду къ государынѣ. Брошусь ей въ ноги.

— Что ты, Софьюшка! Можно ли тебѣ уѣхать!

— Поѣду, одна поѣду! Сестру Анненкову попрошу дѣтей взять, а сама поѣду...

Она быстро вышла изъ кабинета, одѣлась и поѣхала къ Анненковымъ. Оказалось, что и тамъ уже знали о происшествіи въ «Дворянскихъ Палатахъ», которое Софьѣ Трофимовнѣ еще было не извѣстно. Анненковы, противъ обыкновенія, приняли ее довольно сухо. Разстроенная этимъ пріемомъ и новымъ доказательствомъ неискренности мужа, скрывавшаго отъ нея подробности рокового для него событія во время выборовъ, Софья Трофимовна, возвратилась домой, не зашла къ мужу и, заперши въ своей спальнѣ, долго и горько плакала.

Андрей Петровичъ не выходилъ изъ своего кабинета. Онъ опять что̀-то писалъ и сводилъ какіе-то счеты.

Съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ и красными глазами вышла, наконецъ, Софья Трофимовна изъ своей спальни, такъ какъ услышала въ дѣтской шумъ и какія-то, поразившія ее, восклицанія.

— Что̀ за возня?—спросила она.

— Бабушка пріѣхала! Бабушка!—кричали дѣти, обступивъ мать.

Не успѣла опомниться Софья Трофимовна, какъ увидѣла передъ собою значительно постарѣвшую, совсѣмъ уже сѣдую, но еще вполнѣ бодрую Дарью Семеновну.

— Матушка!..—могла только сказать Софья Трофимовна.

— Постойте, постойте, озорники,—говорила между тѣмъ, обступившимъ ее внукамъ, Дарья Семеновна,—дайте прежде на вашу мать погляжу. Ну, здравствуй, Софьюшка! Не стоило бы мнѣ, старухѣ, къ тебѣ пріѣзжать, да ужъ видно дѣлать нечего!

Софья Трофимовна бросилась на колѣни передъ матерью и стала цѣловать ея руки и ноги.

— Встань, Софьюшка... Богъ проститъ! Чтò же ты мужа своего не показываешь?

— Дѣти, позовите батюшку!—надломленнымъ голосомъ сказала Софья Трофимовна.

Дѣти взапуски побѣжали къ отцу.

— Софьюшка,—сказала Дарья Семеновна.—Я отъ Анненковыхъ... Не говори про мужа... Знаю все. Сказывали мнѣ какъ этотъ христопродавецъ Щекинъ его осрамилъ передъ людьми... Я этого Щекина ужъ лѣтъ тридцать знаю: всегда былъ бездѣльникъ, бездѣльничествомъ тысячу душъ нажилъ... Ну хоть страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Онъ поможетъ и ничего изъ этой ябеды не выйдетъ. Тутъ ужъ навѣрное безъ Ваньки Коробова не обошлось!

— Ахъ, матушка! Дорогая моя! Хоть бы вы чтò присовѣтовали!

Софьюшка опять стала цѣловать руки матери.

— Да, ужъ безъ Коробова не сплести бы имъ этой ябеды,— задумчиво повторила Дарья Семеновна.

— Маменька, голубушка моя! А вѣдь Коробовъ-то приходилъ къ намъ, да мы его на порогъ не пустили... Андрей Петровичъ не приказалъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Молодецъ зятюшка!—похвалила Дарья Семеновна.—Я сама этого подъячаго въ три шеи прогнала!

Дѣти возвратились.

— Чтò же батенька?—встревоженно спросила Софья Трофимовна.

— Двери заперъ, мы боимся стучать...

— Э, какой у меня зять,—сказала Дарья Семеновна.—Тещи испугался! Дѣлать нечего, идемъ, его вытащимъ.

— Чтò вы, матушка! Я сама его позову!—сказала Софья Трофимовна.

Она поспѣшила къ мужу и сильно постучала въ дверь.

Андрей Петровичъ, глубоко погруженный въ свои думы, услышавъ стукъ, встрепенулся.

— Кто бы это былъ?—подумалъ онъ. И ему пришла мысль, что, вѣроятно, пришли изъ суда съ сыскной грамотой, потребовать его явки.

— Андрей Петровичъ, да отворяй же, маменька пріѣхала!

— А!

Онъ отперъ дверь и вышелъ. Машинально пошелъ онъ за женой, повидимому, даже не обрадовавшись и не изумившись неожиданному пріѣзду тещи.

— Ну, молодецъ, показывайся,—сказала Дарья Семеновна, стараясь казаться веселой и въ то же время соблюсти все свое до-

стоинство.—Хорошъ ты, нечего сказать! За столько лѣтъ прощенья не могъ попросить!

«Надо попросить прощенья»—рѣшилъ Андрей Петровичъ. Теперь для него это былъ вопросъ настолько маловажный, что ему было все равно, унизитъ ли онъ этимъ свое достоинство или нѣтъ. Какъ просить? И объ этомъ онъ не подумалъ и сдѣлалъ первое, что пришло ему на умъ,—поклонился тещѣ въ поясъ и поцѣловалъ ея руку. Дарья Семеновна поцѣловала его въ лобъ, посмотрѣла на внуковъ, посадила Колю къ себѣ на колѣни.

Нѣсколько времени всѣ молчали.

«Знаетъ ли она, или не знаетъ?»—думалъ Андрей Петровичъ и, посмотрѣвъ украдкой на Софью Трофимовну, прочелъ въ ея глазахъ, что мать знаетъ все...

— Ничего, Андрей Петровичъ, Богъ милостивъ,—сказала Дарья Семеновна, какъ бы угадывая его мысли.

Но не выдержала и эта крѣпкая струна. Крупная слеза покатилась по ея щекѣ.

— Вотъ какъ Богъ привелъ свидѣться!—сказала она, выславъ старшихъ внуковъ и оставивъ одного Колю.—А вить и я передъ Богомъ и передъ вами грѣшна, дѣти мои! Вотъ Ванька Коробовъ давнымъ давно мнѣ все сказалъ, а я сердилась, вамъ ничего не передала! Знай вы раньше, всежъ было бы лучше... А теперь и васъ осрамили и меня! При всѣхъ честныхъ дворянахъ моего зятя изъ палаты выгнали! И за что̀? Развѣ сынъ за отца долженъ отвѣтъ держать! Душегубы окаянные!..

Въ тотъ же вечеръ Андрей Петровичъ получилъ записку отъ Анненкова, въ которой тотъ, въ довольно сухихъ выраженіяхъ (такъ показалось, по крайней мѣрѣ, Андрею Петровичу), предостерегалъ его и совѣтовалъ лучше поскорѣе уѣхать изъ Курска, такъ какъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, дѣлу данъ законный ходъ. Анненковъ совѣтовалъ Андрею Петровичу скрываться гдѣ-нибудь, а тѣмъ временемъ обѣщалъ хлопотать за него всѣми силами.

«Спасибо на добромъ словѣ!—подумалъ Андрей Петровичъ.—Хочетъ выгнать меня изъ Курска, боится, что я и его осрамлю. Такъ нѣтъ же останусь!»

Не успѣлъ онъ написать отвѣтъ Анненкову, какъ явился посланный отъ губернскаго прокурора, также съ письмомъ. Прокуроръ выражалъ свое соболѣзнованіе по поводу всего происшедшаго, но прибавлялъ, что можетъ сочувствовать Воропонову только какъ приватный человѣкъ, а по долгу службы долженъ былъ дать дѣлу законный ходъ.

«Часъ отъ часу не легче»,—подумалъ Воропоновъ.

Нѣсколько дней прошло въ самомъ томительномъ, неопредѣленномъ положеніи. Все это время Андрей Петровичъ жилъ ка-

кой-то странной жизнью. Онъ много работалъ, иногда былъ даже какъ-будто веселъ, даже шутилъ.

Между тѣмъ, Софья Трофимовна, посовѣтовавшись съ матерью, рѣшилась обратиться къ намѣстнику съ ходатайствомъ о мужѣ и стала готовиться къ этому визиту. Она пересмотрѣла весь свой гардеробъ и долго не могла ни на чемъ остановиться. Одно платье казалось ей слишкомъ свѣтлымъ и совершенно несоотвѣтствовавшимъ ея душевному настроенію; другое—слишкомъ простымъ. Наконецъ, все было обдумано и рѣшено и въ одно прекрасное утро Софья Трофимовна, съ замираніемъ сердца, вошла въ намѣстническую пріемную, гдѣ уже было много просителей. Какъ только о ней доложили, графъ Задунайскій велѣлъ немедленно, не въ очередь, позвать ее въ свой кабинетъ.

Благородная, открытая наружность героя турецкой войны, его привѣтливыя, вполнѣ вельможественныя, манеры сразу ободрили Софью Трофимовну.

— Не тревожьтесь, сударыня,—сказалъ онъ.—Милосердіе и правосудіе государыни всему свѣту извѣстны и сомнѣваться въ томъ не можно, что если мужъ вашъ точно ни въ чемъ не виновенъ, то никакіе навѣты враговъ ничего ему не повредятъ... По многочисленнымъ занятіямъ своимъ, я не могъ разсмотрѣть еще всего дѣла, но обѣщаю вамъ, что самъ напишу докладъ къ ея величеству...

Софья Трофимовна сказала, что сама хочетъ ѣхать въ Петербургъ броситься въ ноги государынѣ.

— Сударыня,—сказалъ Румянцевъ,—ѣзда въ Петербургъ въ зимнюю стужу не шутка, да и была бы для васъ безполезна. Все, что вы могли бы сказать въ оправданіе вашего мужа отъ взводимыхъ на него извѣтовъ, скажите мнѣ. Не тревожьтесь и оставайтесь: у васъ есть дѣти, да и мужу вашему совѣтъ и ваше утѣшеніе не безполезны... Черезъ три дня я самъ ѣду въ Петербургъ и доложу обо всемъ ея величеству.

Софья Трофимовна возвратилась отъ намѣстника облегченная, успокоенная. Но ея чувства не передались Андрею Петровичу. Въ немъ стала обнаруживаться страшная подозрительность, недовѣріе ко всѣмъ, даже къ женѣ. Ему казалось, что Софья Трофимовна нарочно успокоиваетъ его, скрываетъ отъ него настоящій отвѣтъ графа, смягчаетъ его выраженія... Женщины вообще мало смыслятъ въ дѣлахъ. Ужъ лучше бы поѣхала въ Петербургъ, вѣдь въ концѣ концовъ все зависитъ отъ государыни. Но уговаривать жену къ поѣздкѣ въ Петербургъ и даже напоминать о ея прежнемъ намѣреніи онъ не сталъ. Не хочетъ, пусть не ѣдетъ. Поѣдетъ съ неохотою, можетъ еще хуже выдетъ. И притомъ ему казалось невозможнымъ остаться одному. Къ тещѣ Андрей Петровичъ относился почтительно, но скрытно. Вѣдь и она во многомъ виновата:

столько лѣтъ знать о продѣлкахъ Коробова и не сказать ни слова, и изъ-за чего — изъ-за глупой ссоры съ дочерью, которая, если правду сказать, ни въ чемъ передъ нею не была виновата! Вѣдь онъ увезъ ее почти силою.

Кромѣ подозрительности и затаеннаго озлобленія противъ всѣхъ, у Андрея Петровича стали проявляться разныя странности.

Онъ, напримѣръ, прежде никогда не препятствовалъ дѣтямъ играть, какъ имъ угодно, теперь вдругъ увидя, какъ старшій Андрюша подгонялъ въ дѣтской кнутикомъ волчокъ, Андрей Петровичъ разсердился, отнялъ кнутикъ и бросилъ его въ печку, сказавъ, что это глупая игра для такого большого мальчика.

Вообще, онъ не могъ теперь видѣть, чтобы что-нибудь били, хотя бы это была неодушевленная вещь, и, увидѣвъ разъ въ окно, какъ дѣвки выбивали коверъ, тотчасъ послалъ лакея запретить имъ это дѣлать, кучеру же строго настрого приказывалъ ѣздить, не употребляя кнута.

Андрей Петровичъ всегда былъ довольно религіозенъ и не заразился моднымъ тогда вольтеріанствомъ. Теперь, по случаю наступившихъ праздниковъ Новаго года и Крещенія, казалось, слѣдовало бы побывать въ церкви, но Андрей Петровичъ въ церковь ни разу не съѣздилъ, а горячо молился дома. За то Софья Трофимовна съ матерью то и дѣло ѣздили по церквамъ и служили молебны. Вмѣсто обычнаго праздничнаго веселья, у Воропоновыхъ въ домѣ было тихо, скучно. Даже слуги, глядя на господъ, пріуныли.

Прошли праздники, будничная жизнь всюду пошла своимъ чередомъ. Андрей Петровичъ жилъ все это время, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, онъ спохватился, что пора же ѣхать въ Воропоновку. Сборы и поѣздка нѣсколько развлекли его. Дарья Семеновна, чтобы не обидѣть Анненковыхъ, осталась у нихъ на нѣсколько дней, обѣщая потомъ пріѣхать въ Воропоновку.

У себя дома Андрей Петровичъ, какъ будто, нѣсколько ожилъ духомъ. Онъ даже сталъ, по-старому, заниматься съ старшими дѣтьми, замѣняя имъ учителя, опять принялся чертить, рисовать и писать какіе-то проекты. Но вскорѣ новый ударъ поразилъ его: пришелъ пакетъ съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ отрѣшенъ отъ должности управителя волости. Въ другое время Софья Трофимовна обрадовалась бы такому извѣстію, но теперь, понявъ его, какъ слѣдствіе удачныхъ интригъ враговъ, она также крайне встревожилась.

XVI.

Прошло болѣе мѣсяца со дня выборовъ... Андрей Петровичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, который всюду возилъ съ собою и гдѣ все было положено въ прежнемъ порядкѣ, такъ какъ онъ отличался большою аккуратностью.

Не смотря на крайне угнетенное душевное состояніе, Андрей Петровичъ по немногу старался входить въ обычную колею своихъ занятій и желая отвлечь свои мысли отъ страшныхъ, мучившихъ его думъ, сталъ читать французскихъ философовъ, но вскорѣ перешелъ къ книгамъ совсѣмъ противоположнаго, мистическаго направленія, такъ какъ философы мало гармонировали съ его нынѣшними мыслями и скорѣе раздражали его, чѣмъ успокоивали.

На этотъ разъ онъ читалъ какую-то «физикотеологію» и дѣлалъ карандашемъ замѣтки, какъ вдругъ на дворѣ послышался звонъ колокольчика, и Андрей Петровичъ увидѣлъ въ окно тройку, лихо подкатившую въ крыльцу. Изъ широкихъ саней выскочилъ молодцоватый господинъ въ шубѣ. Присмотрѣвшись, Андрей Петровичъ обомлѣлъ: онъ узналъ Макова, и вспомнилъ, что его давнишній соперникъ попалъ въ капитанъ-исправники.

«За мной пріѣхалъ! Везти въ городъ! Ну это бабушка еще на двое сказала!» Андрей Петровичъ съ лихорадочной поспѣшностью вынулъ пистолетъ, положилъ его передъ собою на столъ и заперъ дверь на ключъ.

Между тѣмъ, Маковъ вошелъ въ домъ и, увидѣвъ лакея, крикнулъ:

— Доложи барину, что капитанъ-исправникъ пріѣхалъ. Солдата моего накорми... Живо, братецъ, мнѣ не досугъ!

Лакей слегка постучалъ къ Андрею Петровичу, но не получая отвѣта и думая, что онъ спитъ, пошелъ доложить барынѣ.

Софья Трофимовна, не имѣя даже точнаго понятія о должности капитанъ-исправника, заранѣе перепугалась и бросилась къ мужу.

— Андрей Петровичъ!

— Знаю, слышалъ, — рѣзко отвѣтилъ онъ.—Маковъ пріѣхалъ: пусть убирается къ чорту!

— Да отвори же, Андрей Петровичъ!

— Не могу, занятъ... Не вели принимать...

Софья Трофимовна рѣшилась выйти сама.

Новоиспеченный исправникъ съ развязнымъ видомъ расхаживалъ по комнатѣ; но когда вышла вмѣсто Андрея Петровича его жена, онъ смутился.

— Сударыня,—сказалъ онъ.—Простите, мнѣ надо побесѣдовать съ вашимъ супругомъ.

— Онъ боленъ, не можетъ выйти,—сказала Софья Трофимовна.

— Сударыня!—вдругъ съ какимъ-то паѳосомъ сказалъ Маковъ,—скажите за кого вы меня почитаете?

Софья Трофимовна, изумленная этимъ вопросомъ, отвѣчала:

— Вы господинъ Маковъ, за кого же я васъ почитать должна?

— Нѣтъ, я вижу, вы меня почитаете, сказать просто, за бездѣльника... Извините, сударыня! Я дворянинъ и мнѣ честь дороже всего! Вѣрьте, что я не похожъ на тѣхъ дворянъ, которые, пока

вашъ супругъ былъ въ почетѣ, въ поясъ ему кланялись, а теперь его вездѣ хулятъ направо и налѣво! Нѣтъ, сударыня! Я не пріятель, не другъ вашего мужа, онъ меня обидѣлъ, моимъ хлѣбомъ-солью брезгалъ, а къ Щекину поѣхалъ... А Щекинъ, хоть онъ мнѣ и другъ, скажу вамъ по чести, извините, скотомъ оказался!

Софья Трофимовна не могла придти въ себя отъ изумленія и молча слушала Макова.

— Такъ вотъ сударыня... По долгу службы я пріѣхалъ, чтобы везти вашего супруга въ городъ, ибо надъ нимъ назначенъ судъ... Но я знаю, что все это ябедническая штука! Мало ли чьи отцы подъ судомъ были! А сынъ-то чѣмъ виноватъ, коли не имѣлъ еще своего разумленія? Такъ вотъ, судя по совѣсти, я считаю, что вашъ мужъ правъ, а Щекинъ—скотъ! Такъ осрамить дворянина ни за что ни про что. Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ, а теперь поѣду восвояси и заявлю, что супруга вашего не отыскалъ, что онъ уѣхалъ, а куда—никому не вѣдомо... А тѣмъ временемъ, сударыня, пусть вашъ мужъ похлопочетъ. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! Жаль, что намѣстника нѣтъ!.. Вамъ къ нему бы съѣздить, да онъ укатилъ въ Питеръ...

Софья Трофимовна благодарила и усаживала гостя, хотѣла пойти къ мужу и заставить его выйти; но Маковъ заявилъ, что сейчасъ ѣдетъ дальше, даже закусить не хотѣлъ и только согласился выпить вина, налитаго ему собственноручно Софьей Трофимовной. Поцѣловавъ на прощанье ручку хозяйки, Маковъ расшаркался, сѣлъ опять въ тройку и вскорѣ снова раздался и постепенно замолкъ вдали звонъ колокольчика...

Софья Трофимовна съ трудомъ достучалась къ Андрею Петровичу и передала ему содержаніе бесѣды съ Маковымъ. Не смотря на очевидное доказательство отъѣзда капитанъ-исправника, Андрей Петровичъ не повѣрилъ разсказу жены и только притворился, что вѣритъ. Онъ во всѣхъ людяхъ сталъ предполагать лишь самое худшее. Возможно ли подобное великодушіе со стороны какого-нибудь Макова? Да если бы даже половина изъ того, что говорила жена, была правдой, онъ не воспользовался бы великодушіемъ тatакого человѣка...

Софья Трофимовна ушла. Вечерѣло. Андрей Петровичъ велѣлъ лакею подать свѣчи, снова заперся въ своемъ кабинетѣ и сѣлъ у стола. Онъ долго размышлялъ.

«Пріѣзжалъ за мной... Опять пріѣдетъ съ солдатами... Схватятъ, повезутъ въ городъ, — подумалъ Андрей Петровичъ, всталъ и началъ быстро ходить по комнатѣ.—Судить будутъ меня мои враги»...

Вдругъ ему пришла на умъ мысль простая и отчетливая, отъ которой онъ вздрогнулъ. Она и раньше являлась ему, но смутно и неясно. Андрей Петровичъ быстро открылъ ящикъ, досталъ пи-

столетъ и, убѣдившись, что онъ заряженъ и въ полной исправности, приложилъ дуло къ виску.

«Такъ лучше,—подумалъ онъ.—Тогда всему конецъ!» Испугавшись своей собственной рѣшимости, онъ поспѣшно спряталъ пистолетъ и, осмотрѣвшись, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, тщательно замкнулъ ящикъ.

«Ужъ не безумный ли я?»—подумалъ онъ, и, чтобы прогнать назойливую мысль, пошелъ посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти и жена.

Софья Трофимовна сидѣла въ своей спальнѣ съ двумя проживавшими въ ея домѣ бѣдными дѣвицами и играла въ карты.

— Дѣтей спать уложили, Софьюшка?—спросилъ Андрей Петровичъ.

— Давно спятъ, только Андрюша не давно легъ, твердилъ урокъ,—сказала Софья Трофимовна.

— Зайду, посмотрю...

— Только не разбуди Колю, онъ что-то опять не здоровъ... Глашенька хоть и меньше, та спитъ крѣпко, ее не разбудишь.

— Нѣтъ, ничего, я тихонько...

Андрей Петровичъ на цыпочкахъ вошелъ въ дѣтскую, гдѣ теплилась лампада у иконы и царилъ мягкій полусвѣтъ.

Всѣ его дѣти спали въ одной дѣтской, кромѣ Андрюши, который былъ въ особой горенкѣ съ дядькой—только не Митричемъ, а другимъ: старикъ Митричъ не давно умеръ, что очень огорчило искренно любившаго его Андрея Петровича. Андрей Петровичъ тихонько подошелъ къ каждому изъ дѣтей и, стараясь не разбудить не только ихъ, но и громко храпѣвшихъ здѣсь нянекъ и мамку, перекрестилъ каждаго.

Маленькій Коля, мальчикъ слабый и часто хваравшій, спалъ очень чутко. Онъ проснулся, раскрылъ глазки и проговорилъ:

— Папа, папа, боюсь!

— Не бойся, маленькій мой, Господь съ тобою,—прошепталъ Андрей Петровичъ, чувствуя, что у него сжимаетъ въ горлѣ.

— Господи!—подумалъ онъ.—Не ужели нельзя иначе?

Внутренній голосъ шепталъ: нельзя, иди, куда тебѣ велятъ! Повинуясь этому властному безмолвному приказанію, Андрей Петровичъ вышелъ изъ дѣтской и также осторожно вошелъ въ горенку, гдѣ спалъ его первенецъ.

Андрей Петровичъ гордился старшимъ сыномъ и мечталъ, что изъ него выйдетъ чуть ли не великій человѣкъ. Мальчикъ спалъ крѣпкимъ, невиннымъ сномъ юности. Дядька лежалъ на полу у дверей. Андрей Петровичъ долженъ былъ переступить черезъ него. Старикъ, крехтя, привсталъ, протеръ глаза, но опять свалился и заснулъ. Андрей Петровичъ перекрестилъ и крѣпко поцѣловалъ сына.

— Поддержи и утѣшь мать, Андрюша,—прошепталъ онъ.—Ты уже великъ, все поймешь! Бѣдный мальчикъ!

Онъ снова перешагнулъ черезъ спящаго дядьку и быстрыми, твердыми шагами возвратился въ свой кабинетъ и сѣлъ въ кресло у письменнаго стола.

Опустивъ голову на руки, онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи.

«Надо будетъ завтра еще написать Юсупову, подумалъ онъ. Сегодня не успѣю... Можетъ быть мое письмо не дошло. Что еще надо завтра сдѣлать?»

Онъ вспомнилъ, что обѣщалъ подарить телку мужику, у котораго пала корова.

«Да, да какъ бы завтра не забыть... скажу старостѣ...»

Онъ кликнулъ лакея и велѣлъ завтра пораньше позвать старосту и бурмистра, затѣмъ выслалъ слугу вонъ и подумалъ: запереть дверь на ключъ? Нѣтъ не надо.

Снова сѣлъ Андрей Петровичъ и досталъ изъ кармана ключъ отъ стола.

Казалось, что его толкала какая-то невидимая сила. Онъ отперъ, досталъ пистолетъ и положилъ его передъ собою на столъ.

«Зачѣмъ я это дѣлаю?—подумалъ онъ.—Вѣдь это смертный грѣхъ! Но и жить такъ нельзя. Развѣ это жизнь? Вѣчный позоръ... Надежды на правосудіе нѣтъ... Монаршая милость? Но и тамъ враги и завистники. Вездѣ интриги, вездѣ гадость, низость...»

Софья Трофимовна единственная живая душа, которая пожалѣетъ о немъ... Но и она теперь не любитъ его, а только жалѣетъ... Гдѣ прежнія ласки? Развѣ теперь она, видя какъ онъ разстроенъ, убитъ, спросила его о чемъ-нибудь? Ни слова не сказала объ немъ, только позаботилась о дѣтяхъ, чтобъ онъ не разбудилъ ихъ... Она въ карты играетъ... Жалѣетъ, это правда... И тогда будетъ жалѣть. Разницы никакой. Ну, поплачетъ, потомъ утѣшится: она мать, у нея дѣти. Матери дѣти всегда дороже мужа... Жаль ее, но я-то, я,—подумалъ Андрей Петровичъ,—я большей жалости достоинъ... У нея дѣти... А у меня что̀? Также дѣти? Да я имъ не могу даже передать своего имени, ибо оно и мною и отцомъ моимъ опозорено! Ошельмовано!

И вдругъ онъ ясно увидѣлъ не то человѣка, не то призракъ. Кто это? Андрей Петровичъ вскочилъ, махнулъ рукою передъ глазами... Свѣча мерцала, догорая: собственный портретъ Андрея Петровича, висѣвшій надъ его столомъ, при красноватомъ свѣтѣ загорѣвшейся бумаги, въ которую была обернута свѣча, принялъ въ его больномъ воображеніи фантастическіе размѣры.

Онъ взялъ со стола пистолетъ, и медленно, но твердою рукою, приставилъ дуло къ виску.

«Если дастъ осѣчку, другой разъ стрѣлять не стану,—подумалъ онъ.—Значитъ не судьба умереть!»

Андрей Петровичъ старался побороть эту силу, покорявшую мало-по-малу его волю, заставлявшую его дѣйствовать безсозна-

тельно, какъ бы по чужому приказанію. Онъ чувствовалъ, что борьба неравна и сталъ бояться самаго себя, бояться того, что въ немъ можетъ исчезнуть чувство самоохраненія.

«Надо спрятать пистолетъ или выбросить въ окно»,—подумалъ онъ.

Было такъ тихо, что Андрей Петровичъ слышалъ каждое біеніе своего сердца. Гдѣ-то въ дальней комнатѣ скрипнула дверь.

«Идутъ!—подумалъ онъ.—Увидятъ, помѣшаютъ—и тогда никогда уже не рѣшусь... Такъ нѣтъ же! Лучше сразу... Матушка! Благослови твоего сына! Я къ тебѣ иду, матушка!»

Андрей Петровичъ вдругъ зарыдалъ, бросилъ пистолетъ и судорожно схватился за голову.

Идутъ... Помѣшаютъ...

Онъ нагнулся и поднялъ пистолетъ съ ковра, еще разъ посмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, насыпалъ еще пороху. Кремень хорошо ввинченъ.

«Какое холодное дуло! Непремѣнно надо въ високъ»,—подумалъ онъ.—Ему почему-то казалось, что только въ високъ убьетъ сразу. Андрей Петровичъ сдѣлалъ судорожное движеніе рукою, приблизилъ пистолетъ къ виску...

— Андрюша!.. Что ты, побойся Бога, Андрюша!..

Раздался выстрѣлъ... Что-то тяжелое, какъ полный мѣшокъ, грохнулось объ полъ. Затѣмъ послышался страшный, нечеловѣческій крикъ Софьи Трофимовны, и она упала на теплое окровавленное тѣло мужа. Прибѣжали люди...

Вопли, причитанья, наполнили комнату...

— Дѣти! Гдѣ дѣти!—какъ безумная закричала вдругъ Софья Трофимовна и бросилась въ дѣтскую.

Ея страхъ за дѣтей былъ не напрасенъ. Всѣ они смертельно испугались выстрѣла, а съ маленькимъ Колей сдѣлались жестокія судороги...

На слѣдующій день отецъ Степанъ, уже сгорбленный, ветхій старецъ, отпѣвалъ раба Божія Андрея...

Софья Трофимовна совсѣмъ окаменѣла отъ горя. Она выплакала уже всѣ свои слезы и неподвижно стояла у стола, на которомъ лежалъ покойникъ.

Послѣ погребенія, совершеннаго по христіанскому обряду (самоубійство приписали несчастному случаю), Софья Трофимовна, войдя въ опустѣвшій кабинетъ мужа, въ изнеможеніи упала на канапе. Съ нею, въ первый разъ въ жизни, сдѣлался истерическій припадокъ. На другой день маленькому Колѣ стало худо. Послали въ городъ за лекаремъ.

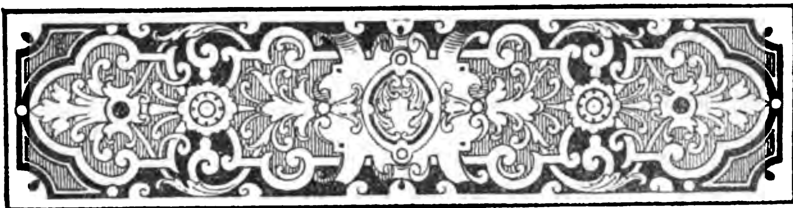
Нарочный возвратился съ лекаремъ и привезъ письма отъ Анненкова и отъ губернскаго прокурора. Собравшись съ силами, Софья Трофимовна прочла ихъ, хотя въ глазахъ у нея туманилось.

Анненковъ писалъ Андрею Петровичу, что изъ конторы князя Юсупова полученъ отвѣтъ: князь уѣхалъ въ Туринъ и вернется не скоро. Отъ губернскаго прокурора было получено письмо въ самыхъ доброжелательныхъ выраженіяхъ. Онъ писалъ, что по ходатайству одного вельможи (Румянцева, подумала Софья Трофимовна), государыня лично пересмотрѣла дѣло Воропонова и хотя нашла, что судъ не могъ отмѣнить высочайшей конфирмаціи, но выразила удивленіе, что такіе приговоры могли существовать въ старину. Государыня повелѣла дѣло прекратить...

Но смертный приговоръ былъ уже исполненъ.

М. Филипповъ.

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ[1].

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

IV.

Возвращеніе изъ Архангельска.—Въ Еретикахъ.—Посѣщеніе Колы.—Отъ Еретиковъ до норвежской границы.—Городъ Вардэ.—Встрѣча съ датской полярной экспедиціей.

ОЗВРАЩЕНІЕ изъ Архангельска въ Петербургъ я избралъ не сухимъ путемъ, а моремъ, вокругъ Скандинавскаго полуострова, черезъ Голландію, Данію и Германію. Въ послѣднихъ числахъ сентября, передъ самымъ окончаніемъ навигаціи въ Бѣломъ морѣ, изъ Архангельска уходилъ на зимовку въ Петербургъ пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества «Архангельскъ» (нынѣ погибшій). На немъ я отправился въ путь, разсчитывая высадиться въ Копенгагенѣ, единственномъ пунктѣ остановки, а оттуда ѣхать въ Амстердамъ. Но, случайно, мой первоначальный маршрутъ совершенно измѣнился.

На этотъ разъ въ каютъ-кампаніи «Архангельска» собралось значительное общество пассажировъ; здѣсь были члены администраціи китобойныхъ заводовъ, кольскій исправникъ, вновь назначенный кольскій уѣздный врачъ и нѣсколько другихъ лицъ. Разставаясь съ сѣверомъ, можетъ быть навсегда, я испытывалъ стран-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 392.

ное, щемящее сердце, чувство и грустное настроеніе усугублялось еще болѣе мрачной осенней погодой. Въ этомъ отношеніи Сѣверъ обладаетъ какимъ-то совершенно непонятнымъ свойствомъ — привязывать къ себѣ людей, не смотря ни на суровую природу, ни на отсутствіе тѣхъ жизненныхъ удобствъ, какія во всякомъ другомъ мѣстѣ добываются несравненно легче, чѣмъ тамъ, за полярнымъ кругомъ. Мнѣ почти не приходилось встрѣчать людей, побывавшихъ, конечно добровольно, на Сѣверѣ и, такъ сказать, въ его нѣдрахъ, которые не вспоминали бы о немъ съ удовольствіемъ и которыхъ не тянуло бы туда снова, не говоря уже о такихъ энтузіастахъ, какъ участники разныхъ полярныхъ экспедицій, или капитаны промысловыхъ судовъ, десятки лѣтъ сряду посѣщающіе арктическія воды.

Часъ отплытія «Архангельска» не былъ точно опредѣленъ; все зависѣло отъ окончанія погрузки отправляемыхъ въ Петербургъ товаровъ, а потому всѣ пассажиры собрались на пароходѣ рано утромъ. Довольно обширная каютъ-кампанія перваго класса была переполнена нами, пассажирами, и многими друзьями и знакомыми, прибывшими проводить насъ въ далекое плаваніе. На верху гремѣли цѣпи паровыхъ лебедокъ и шла торопливая догрузка трюмовъ. Внизу, въ каютъ-кампаніи, царило не меньшее оживленіе; все общество, раздѣлившись на отдѣльныя группы, вело оживленныя прощальныя бесѣды; отъ времени до времени пароходная прислуга разносила шампанское, еще болѣе оживлявшее собравшееся общество. Но вотъ, въ каютъ-кампанію вошелъ капитанъ парохода Д. Е. Броунъ и объявилъ, что черезъ десять минутъ «Архангельскъ» отваливаетъ. Начались прощанія, всевозможныя добрыя пожеланія и отплывающимъ, и остающимся, а затѣмъ, когда черезъ открытый люкъ каютъ-кампаніи влетѣли рѣзкіе звуки третьяго пароходнаго свистка, мы всѣ высыпали на палубу и въ послѣдній разъ простились съ провожавшими. Датчанинъ Броунъ нетерпѣливо суетился на капитанскомъ мостикѣ, торопя постороннюю публику скорѣе сходить на берегъ; у траповъ наготовѣ стояли матросы, ожидая команды. Черезъ двѣ-три минуты, когда всѣ провожавшіе были уже на пристани, раздалась команда капитана; трапы убраны, носовые и кормовые концы отданы, и «Архангельскъ» плавно понесся внизъ по теченію величавой Сѣверной Двины.

Не смотря на позднее время года, Бѣлое море, какъ бы на прощаніе, встрѣтило насъ довольно привѣтливо; по выходѣ изъ устьевъ Сѣверной Двины, мы встрѣтили полнѣйшій штиль, хотя небо хмурилось все больше и больше и барометръ начиналъ значительно опускаться. На пути мы обогнали нѣсколько поморскихъ судовъ, возвращавшихся изъ Архангельска. Чѣмъ ближе «Архангельскъ» подходилъ къ выходу въ Ледовитый океанъ, тѣмъ Бѣлое море становилось пустыннѣе и пустыннѣе, а въ самомъ океанѣ мы не встрѣ-

чали уже ни одного паруснаго судна, ни одного парохода. Подходя къ Святому Носу, погода значительно засвѣжѣла и начала ощущаться качка; женщины исчезли въ своихъ каютахъ, а вслѣдъ за ними и у нѣкоторыхъ изъ мужчинъ начали обнаруживаться признаки морской болѣзни. Въ океанѣ началась уже серьезная трепка; общее оживленіе каютъ-кампаніи исчезло: каждый думалъ о томъ, какъ бы удобнѣе устроиться гдѣ-нибудь на диванѣ или на койкѣ и поскорѣе уснуть, мѣрно качаясь на грандіозномъ океанскомъ волненіи.

На «Архангельскѣ» вмѣстѣ со мной плылъ директоръ перваго китобойнаго товарищества Г. Ф. Гебель, и, благодаря этому обстоятельству, мнѣ пришлось измѣнить свой первоначальный маршрутъ. Г. Гебель предложилъ мнѣ высадиться на Мурманскомъ берегу и черезъ нѣсколько дней отправиться вмѣстѣ съ нимъ на его пароходѣ «Вельда» въ Гамбургъ, куда онъ намѣревался идти для продажи груза китоваго жира, чтобы избѣгнуть рукъ норвежскихъ посредниковъ, черезъ которыхъ китовые продукты поступаютъ на гамбургскій и лондонскій сальные рынки. «Вельда» должна была идти норвежскими шхерами до Христіаніи, а оттуда прямо въ Гамбургъ. Не смотря на весь рискъ путешествія на крошечномъ китобойномъ пароходѣ въ такую позднюю пору и въ такихъ бурныхъ водахъ, я съ охотой согласился на это заманчивое предложеніе, прельстясь предстоявшимъ плаваніемъ живописными шхерами и возможностью познакомиться со многими норвежскими портовыми городами, въ которыхъ «Вельда» должна была высаживать заводскихъ рабочихъ-норвежцевъ и принимать уголь, тогда какъ «Архангельскъ» съ Мурманскаго берега шелъ открытымъ моремъ прямо въ Копенгагенъ, минуя всѣ норвежскіе порты. Въ настоящій, послѣдній, и при томъ не обязательный, рейсъ «Архангельска» вдоль Мурманскаго берега, по просьбѣ китобоевъ, онъ предполагалъ остановиться только въ двухъ становищахъ: Еретикахъ и въ Арской губѣ.

Рано утромъ, подъ проливнымъ дождемъ, «Архангельскъ» входилъ въ Еретикскую бухту, гдѣ я и г. Гебель должны были высадиться. На рейдѣ становища стоялъ, подъ парами, пароходъ «Вельда», только-что возвратившійся изъ Вардэ, куда онъ доставилъ часть китовыхъ продуктовъ, добытыхъ за промысловый сезонъ. Пользуясь готовностью паровъ на «Вельдѣ», г. Гебель рѣшилъ слѣдовать за «Архангельскомъ» въ Арскую губу, чтобы взять со строившагося тамъ китобойнаго завода кое-какія вещи, принадлежавшія еретикскому заводу. Пассажиры, ѣхавшіе въ Колу, должны были слѣдовать съ нами, такъ какъ «Архангельскъ» туда не заходилъ, а г. Гебель обѣщалъ доставить ихъ изъ Еретиковъ на своемъ пароходѣ, на которомъ возвратятся въ Колу, нанятые оттуда, заводскіе рабочіе.

Сойдя съ «Архангельска», мы пробыли на берегу всего нѣсколько

минутъ, затѣмъ сѣли на «Вельду» и вышли въ море. «Архангельскъ» шелъ немного впереди насъ и «Вельда» не смотря на значительное океанское волненіе, безъ особаго труда вскорѣ его нагнала и одновременно съ нимъ бросила якорь въ Арской губѣ.

Работы по постройкѣ китобойнаго завода были уже окончены и всѣ зданія заколочены на зиму. Съѣхавъ на берегъ, мы нашли управляющаго заводомъ уже совершенно готовымъ къ отъѣзду; оставалось только погрузить вещи на пароходъ. Все наше пребываніе въ Арской губѣ заняло не больше получаса. Покончивъ дѣла на заводѣ, мы снова переѣхали на «Архангельскъ», чтобы проститься съ нашими спутниками и пожелать имъ счастливаго плаванія. Вскорѣ на «Архангельскѣ» загремѣла цѣпь выхаживаемаго якоря, громкій прощальный свистокъ огласилъ, покидаемую до будущаго года, бухту и много разъ повторился въ окрестныхъ дикихъ скалахъ. Шлюпка съ «Вельды» все время держалась у трапа «Архангельска», и мы сошли въ нее какъ разъ въ то время, когда «Архангельскъ» далъ ходъ. На «Вельдѣ» якорь также уже былъ поднятъ, и мы почти тотчасъ же послѣдовали за «Архангельскомъ», обмѣниваясь салютомъ флагами и свистками. Съ берега напутствовало насъ семейство сторожа, оставшагося на зиму при заводѣ и нѣсколько финляндцевъ, пріѣзжавшихъ на заводъ изъ колоніи, находящейся въ глубинѣ Арской губы. Пройдя нѣсколько времени рядомъ съ «Архангельскомъ», мы, наконецъ, разстались, повернувъ въ различныя стороны — «Архангельскъ» на западъ, «Вельда» — на востокъ и вскорѣ изъ-за пѣнящихся бѣлыхъ гребней океанскихъ волнъ виднѣлись рангоутъ и черная труба «Архангельска», отъ которой тянулась къ востоку, какъ бы догоняя насъ, длинная полоса дыма. Черезъ полчаса мглистая даль океана совершенно скрыла отъ нашихъ глазъ очертанія «Архангельска».

На переходѣ изъ Арской губы въ Еретикскую бухту «Вельда» выдержала жестокую качку, особенно сильно подѣйствовавшую на молодого кольскаго доктора, почти прямо изъ аудиторіи Кіевскаго университета попавшаго въ Ледовитый океанъ, и притомъ на миніатюрномъ пароходѣ. Особенно сильно смущало новичка отсутствіе на «Вельдѣ» бортовъ; зарывшись носомъ въ волну «Вельда» свободно пропускала ее вдоль всей палубы, и бѣдный молодой эскулапъ, зеленый отъ страха и дрожа отъ холодныхъ душей, тѣсно прижимался къ дымовой трубѣ, крѣпко держась обѣими руками за поручни машиннаго люка. При поворотѣ въ Еретикскую бухту «Вельдѣ» пришлось идти нѣсколько времени поперекъ волненія, здѣсь докторъ доходилъ до отчаянія; волны совершенно свободно вкатывались съ боковъ на палубу «Вельды» и сильно накреняли ея корпусъ. Выдерживать несносную боковую качку пришлось недолго и черезъ нѣсколько минутъ «Вельда» входила уже въ спокойную бухту и стала на якорь противъ завода. Факторія

и самый заводъ уже значительно опустѣли и нигдѣ не было замѣтно лѣтней оживленной дѣятельности, какъ бы замершей вмѣстѣ съ природой; судовъ на рейдѣ уже не было, а на берегу заводскіе рабочіе запаковывали бочки съ китовымъ жиромъ, назначенныя къ отправкѣ за-границу. Заводъ уже прекратилъ дѣйствія и въ немъ разбирались машины и дѣлались всѣ приготовленія къ близкой зимѣ. Въ домѣ управляющаго намъ былъ поданъ незатѣйливый завтракъ изъ остатковъ припасовъ.

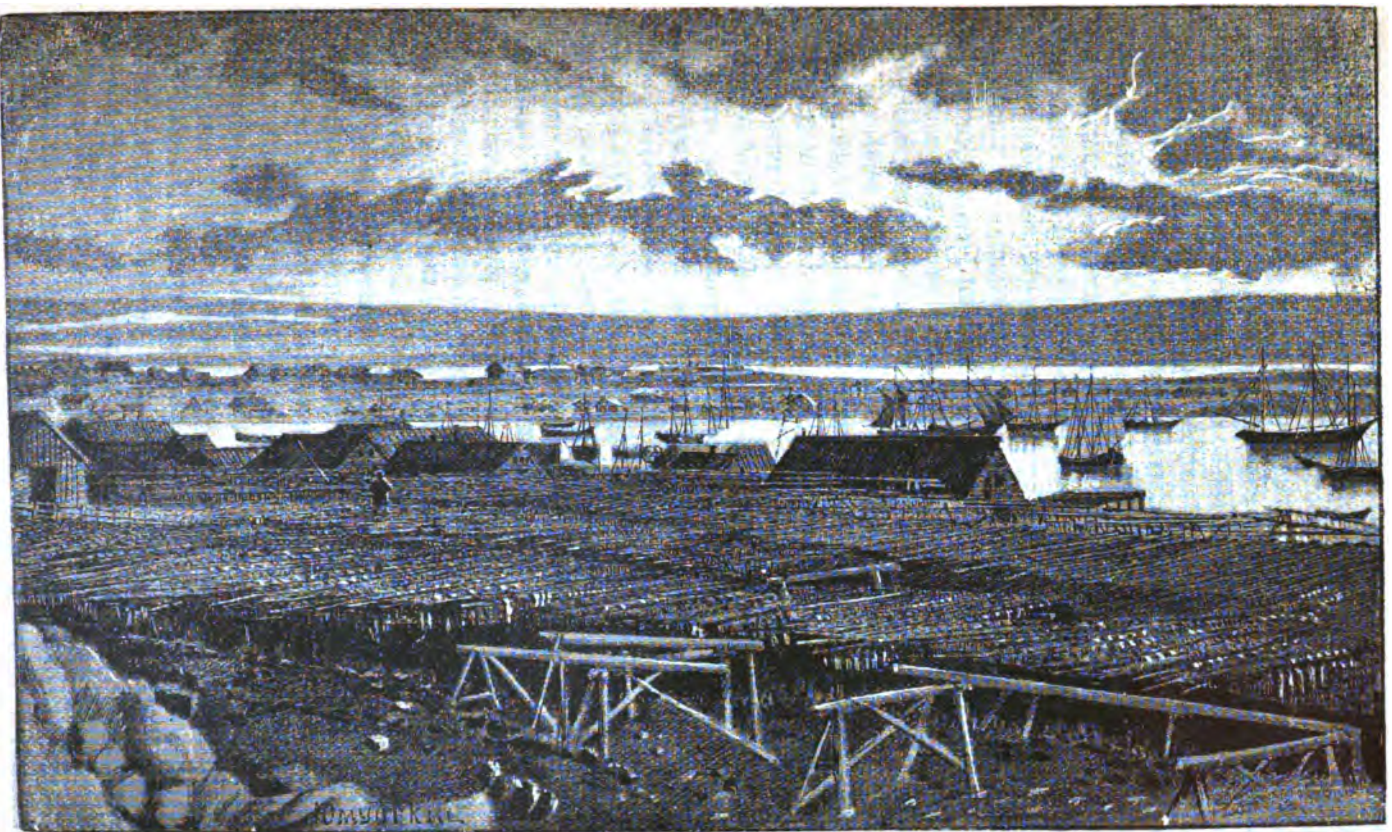
Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, ѣхавшихъ въ Колу и оставшихся на еретикскомъ заводѣ, находился тотъ самый капитанъ Нейманъ, подъ командой котораго «Георгій» плавалъ въ Югорскій Шаръ. Какъ только «Георгій» возвратился въ Архангельскъ, владѣлецъ его, Геллерманъ, тотчасъ уволилъ Неймана за ненадобностью и ему бѣдному пришлось, на собственный счетъ, отправиться на родину въ Виндаву. Видя его стѣсненныя обстоятельства, г. Гебель предложилъ ему безплатный проѣздъ на «Вельдѣ» до Христіаніи. Присутствіе Неймана на «Вельдѣ», какъ потомъ оказалось, было нетолько не лишнее, но безъ него «Вельда» навѣрное была бы на днѣ морскомъ, такъ какъ настоящій ея капитанъ, норвежецъ Ф—ъ, оказался такимъ профаномъ въ морскомъ дѣлѣ, что г. Гебель, придя въ городъ Намсосъ, вынужденъ былъ передать команду Нейману. Невѣжество Ф—а въ дѣлѣ кораблевожденія доходило до чудовищныхъ размѣровъ и подчасъ сопровождалось курьезами, невольно возбуждавшими смѣхъ даже въ самыя критическія минуты.

Послѣ завтрака, мы съ Нейманомъ, взявъ ружья и собакъ, отправились бродить по окрестностямъ. Заводскій сторожъ сообщилъ мнѣ, что на противоположной сторонѣ бухты, въ томъ заливчикѣ, куда отведены китовые остовы, въ послѣднее время появилось много волковъ. Мы переплыли въ лодкѣ къ указанному мѣсту. Дѣйствительно, на берегу, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣлись китовыя туши и другіе отбросы, не идущіе въ салотопные котлы. Волковъ мы не видали, но по всѣмъ признакамъ они здѣсь водятся и въ не маломъ количествѣ. Какъ только мы высадились на берегъ, мои двѣ собаки, сетеръ и самоѣдка, тотчасъ же бросились въ разныя стороны и съ лаемъ остановились у большихъ щелей въ скалахъ; по оторваннымъ отъ тушъ кускамъ китоваго мяса, можно было заключить, что только наше приближеніе прервало волчую трапезу, и они поспѣшили скрыться между скалъ. Нейманъ не удержался и выстрѣлилъ въ щель; выстрѣлъ гулко раздался по пустынной бухтѣ, но послѣ него не вспорхнула ни одна птичка, а скрывшійся волкъ, постоянный обитатель дикихъ мурманскихъ скалъ, вѣроятно еще глубже зарылся въ своей норѣ. Пробродивъ, совершенно безполезно, по скаламъ бухты, я съ трудомъ собралъ своихъ собакъ, не отрывавшихся отъ многочисленныхъ волчьихъ норъ, и мы возвратились на заводъ, гдѣ насъ уже давно ожидали

къ обѣду. Не смотря на истощеніе запасовъ заводской провизіи, при заботливости любезнаго хозяина, обѣдъ вышелъ на славу; вѣроятно, были обшарены всѣ углы заводской кладовой и все найденное было приготовлено къ столу умѣлыми руками опытной кухарки; не было также недостатка и въ напиткахъ. Послѣ обѣда все общество отправилось на прогулку, хотя погода и не особенно ей благопріятствовала; вскорѣ начался дождь и, мало-по-малу, всѣ гости снова собрались въ уютныхъ комнатахъ управляющаго.

Между тѣмъ, подъ навѣсами завода, шла дѣятельная укупорка боченковъ съ китовымъ жиромъ. Въ заводской конторѣ г. Гебель производилъ расчетъ съ рабочими изъ Колы, которые на другой день должны были возвратиться въ Колу. Вечеръ прошелъ въ веселой бесѣдѣ и за картами. Спать пришлось на чемъ Богъ послалъ, такъ какъ на новомъ заводѣ еще не было достаточно мебели и мы расположились на полу, на шубахъ, пальто и пледахъ.

На слѣдующій день, уже съ ранняго утра, на заводѣ закипѣла дѣятельность, но теперь весь заводскій людъ уже не копошился у трупа убитаго кита и у салотопенныхъ котловъ, а всюду были видны спѣшныя приготовленія къ зимѣ и къ предстоящему отъѣзду норвежскихъ рабочихъ на родину. Погода нисколько не улучшилась и дождь не переставалъ лить, какъ изъ ведра. Впрочемъ, въ концѣ сентября, отъ этихъ широтъ и трудно было требовать лучшей погоды и высокой температуры. Нашъ докторъ съ ужасомъ помышлялъ о новыхъ испытаніяхъ, предстоявшихъ ему въ этотъ же день на переходѣ отъ Еретиковъ до Колы. Послѣ завтрака всѣ сборы были окончены, «Вельда» уже стояла подъ парами, а на берегу рабочіе грузили свои пожитки на листерботъ, который мы должны были взять на буксиръ, если въ океанѣ не будетъ особенно бурно. Мы перешли на пароходъ, а черезъ нѣсколько минутъ и листерботъ принялъ буксиръ. «Вельда» снялась съ якоря и направилась къ выходу изъ бухты. Не смотря на проливной дождь, большинство нашего общества находилось на палубѣ, такъ какъ въ крошечной каюткѣ было и тѣсно, и душно. Съ шедшаго у насъ за кормой листербота, слышалась веселая пѣсня подвыпившихъ пассажировъ, не обращавшихъ вниманія ни на дождь, ни на брызги, отъ разбивавшихся о борты листербота, волнъ. По выходѣ въ океанъ, оказалось, что дальнѣйшая буксировка листербота немыслима, такъ какъ при сильномъ волненіи, буксиръ то напрягался, то ослабѣвалъ, чѣмъ и повредило форштевень листербота. Къ счастію, это повреждение было вò-время замѣчено и съ листербота раздались крики, предупредившіе капитана о грозившей бѣдѣ; форштевень началъ отдѣляться отъ бортовыхъ досокъ, а потому сейчасъ же отдали буксиръ и листерботу было приказано идти въ Кольскую губу на парусахъ. Казалось, что этого приказанія только и ждали смѣлые поморы; какъ только отдали съ парохода буксиръ, на ли-

Видъ Вардэ.

стерботѣ мигомъ поднялся парусъ и маленькое суденышко, легши на правый бокъ, быстро понеслось за нами. Но вскорѣ разстояніе между пароходомъ и листерботомъ все болѣе и болѣе увеличивалось, такъ такъ «Вельда», независившая отъ вѣтра, хотя и, зарываясь въ волны, быстро двигалась впередъ, а листерботъ началъ отставать, задерживаемый ослабѣвавшимъ, по временемъ, вѣтромъ, то отбрасываемый въ сторону боковой волной. Любо было смотрѣть, какъ эта, хотя и полупьяная, команда листербота лихо правила парусами на океанской волнѣ, при свѣжемъ вѣтрѣ. Впереди насъ все болѣе и болѣе выдѣлялся изъ туманной мглы островъ Кильдинъ, и вскорѣ мы были уже въ Кольской губѣ. Для проводки «Вельды» по губѣ (на всемъ своемъ протяженіи не имѣющей никакихъ предостерегательныхъ знаковъ, ограждающихъ фарватеръ), были взяты два кольскихъ рабочихъ. Въ губѣ, защищенной высокими скалистыми берегами отъ вѣтровъ и океанскаго волненія, было совершенно тихо и къ вящшему удовольствію пассажировъ, «Вельда» не испытывала никакой качки. Все наше общество тѣснилось за чаемъ въ крошечной каюткѣ. Было около девяти часовъ вечера, какъ вдругъ пароходъ задрожалъ, раздался какой-то странный стукъ и черезъ переборку, отдѣляющую каюту отъ машины, была слышна команда: «стопъ!» и тотчасъ же: «заднiй ходъ!». Между пассажирами произошелъ страшный переполохъ; всѣ бросились на верхъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что импровизированные кольскіе лоцмана прозѣвали одну, извѣстную въ губѣ, банку, и «Вельда» вскочила на нее. Не смотря на полный заднiй ходъ, пароходъ стоялъ на мѣстѣ неподвижно. Первымъ дѣломъ было тщательно осмотрѣть трюмы — нѣтъ ли течи. Дно парохода не было повреждено и можно было предположить, что «Вельда» выскочила на гладкую поверхность банки, что и подтвердилось сдѣланнымъ промѣромъ. Возможность пробоины озабочивала всѣхъ; случись это несчастіе, намъ пришлось бы, вмѣсто пріятнаго заграничнаго путешествія, плыть въ Норвегію на какой-нибудь парусной шлюпкѣ, или оставаться на Мурманскомъ берегу и ожидать пока промерзнутъ лапландскія тундры, чтобы по нимъ возвратиться въ Архангельскъ, на оленяхъ. Но счастливая случайность избавила насъ отъ этой далеко не отрадной перспективы. Хотя на «Вельдѣ» течи и не оказалось, тѣмъ не менѣе тогда же явилось сомнѣніе въ возможности плаванія въ Гамбургъ, безъ предварительно тщательнаго осмотра подводной части «Вельды», гдѣ-нибудь въ докѣ. Когда прошла первая тревога и выяснилось что ни экипажу, ни самому пароходу не угрожаетъ никакая опасность, приступили къ снятію «Вельды» съ камня. Чтобы облегчить пароходъ, обѣ шлюпки были спущены на воду и машинѣ снова былъ данъ полный заднiй ходъ, но это не помогло, и «Вельда» ни на вершокъ не подавалась назадъ. Тогда завезли якорь съ кормы и

надѣялись стянуться при его помощи и эта попытка не имѣла желанныхъ результатовъ. Кто-то придумалъ еще одинъ способъ: весь экипажъ и пассажировъ расположили по обѣимъ бортамъ парохода и заставили перебѣгать съ борта на бортъ, чтобы раскачать «Вельду»; въ это же время машина усиленно работала. Но этотъ своеобразный контрадансъ только вызвалъ шутки и смѣхъ, но ни чуть не помогъ дѣлу. Испробовавъ всѣ средства къ снятію «Вельды» съ камня, рѣшили ожидать прилива и тогда уже снова начать попытки сняться.

Между тѣмъ, время шло и было уже далеко за полночь. Часовъ около трехъ утра къ намъ подошелъ и листерботъ, благополучно совершившій свое плаваніе. По распоряженію г. Гебеля, больше всѣхъ озабоченнаго участью «Вельды», листерботъ съ рабочими былъ оставленъ на мѣстѣ катастрофы, въ помощь экипажу, а мы—пассажиры, пересѣли въ шлюпку и на веслахъ отправились въ Колу. Плаваніе было не изъ легкихъ; выгребать противъ отливного теченія стоило чрезвычайныхъ усилій; темнота ночи и значительная пасмурность также задерживали наше плаваніе. Наконецъ, около восьми часовъ утра мы, прозябшіе и промокшіе отъ сильной утренней росы, пристали къ берегу Колы. Пристани здѣсь никакой не имѣется и при малой водѣ приходится перескакивать съ камня на камень, а иногда брести по водѣ, чуть не по колѣна. Кое-какъ выбравшись на берегъ, мы поспѣшили въ ближайшую квартиру одного изъ нашихъ спутниковъ, гдѣ отогрѣлись и нѣсколько обсушили платье. Долго оставаться въ Колѣ намъ было неудобно, чтобы не задерживать пароходъ, да и самый городокъ не имѣетъ ровно ничего такого, чтобы располагало къ продолжительному пребыванію въ немъ.

Кола, преобразованная недавно въ уѣздный городъ (Кольскій уѣздъ, вѣрнѣе не вновь образованъ, а только возстановленъ), во многомъ уступаетъ любой даже средней руки деревнѣ во внутренней Россіи. Находясь вдали отъ океана, въ глубинѣ длинной и притомъ неудобной губы, Кола не имѣетъ никакихъ шансовъ на развитіе и процвѣтаніе въ будущемъ. Административный центръ такого обширнаго уѣзда, какъ Кольскій, слѣдовало помѣстить въ какомъ-либо удобномъ пунктѣ у самаго океана, какъ напримѣръ, на островѣ Кильдинѣ, о чемъ уже и возникало предположеніе, почему-то не приведенное въ исполненіе, и тогда можно было бы разсчитывать на появленіе и на нашемъ угрюмомъ Мурманскомъ берегу такого цвѣтущаго уголка, какіе на каждомъ шагу встрѣчаются у нашего сосѣда—норвежскаго Финмаркена. Ни одно мурманское становище, какъ бы оно мало не было, не производитъ на пріѣзжаго такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ городъ Кола. Здѣсь все, какъ будто постоянно живетъ подъ какимъ-то гнетомъ не то природы, не то сознанія полнѣйшей изолированности отъ остального міра. Это сознаніе, вѣ-

роятно, особенно тягостно въ концѣ осени, когда прекращаются почтово-пассажирскіе рейсы пароходовъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, навѣщающихъ также и Колу. Послѣ этого, заброшенный городишка со всѣмъ его населеніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ лишается всякаго сообщенія, такъ что сгори городъ, или перемри всѣ его обитатели, въ Архангельскѣ узнали бы объ этомъ только мѣсяца черезъ три.

На «Вельду» мы возвратились тѣмъ же порядкомъ, то-есть, въ шлюпкѣ и опять-таки противъ теченія, но теперь уже приливного, подававшаго намъ надежду на благополучное снятіе парохода съ камня. День былъ очень холодный, такъ что я, чтобы согрѣться, охотно смѣнялъ матросовъ на веслахъ. Моросилъ мелкій дождь, но вѣтра совсѣмъ не было. Послѣ продолжительной усиленной гребли, впереди насъ въ туманѣ показался корпусъ «Вельды»; всѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе узнать, чѣмъ окончилось ночное приключеніе и каковы его послѣдствія. Черезъ четверть часа мы уже ясно видѣли якорную цѣпь, спускавшуюся съ носа «Вельды» въ воду; вздохнули свободнѣе — значитъ «Вельда» сошла съ камня и стоитъ на свободной водѣ. Матросы дружно налегли на весла и минутъ черезъ пять мы были уже у борта «Вельды». Предположенія наши оправдались дѣйствительно; съ приливомъ «Вельда» начала покачиваться и еще черезъ нѣсколько времени уже могла свободно двигаться. Импровизированные кольскіе лоцмана, ночью оказавшіеся не на высотѣ своего призванія, теперь, при дневномъ свѣтѣ, могли свободно оріентироваться и поспѣшили отвести «Вельду» въ безопасное мѣсто. Пары на пароходѣ не прекращались всю ночь, и какъ только мы возвратились съ берега, г. Гебель отпустилъ листерботъ въ Колу, снабдивъ рабочихъ, за ночную случайную работу, водкой, а мы поспѣшили засвѣтло выбраться изъ губы и попасть въ Еретики. Обратное плаваніе обошлось безъ всякихъ приключеній; океанъ былъ спокоенъ, только незначительная зыбь пріятно убаюкивала насъ въ койкахъ, которыми мы поспѣшили воспользоваться, чтобы вознаградить себя за проведенную безъ сна прошлую ночь. Вечеромъ насъ разбудилъ пароходный свистокъ и шумъ каната отданнаго якоря; мы уже были въ Еретикахъ. Теперь насъ было всего лишь трое: г. Гебель, капитанъ Нейманъ и я; въ этомъ сообществѣ мы и должны были пуститься въ далекій путь.

На берегу продолжались сборы норвежцевъ, возвращавшихся во-свояси; назначенныя къ погрузкѣ на «Вельду» бочки съ китовымъ жиромъ были уже готовы и лежали на пристани. Мой багажъ, кромѣ ручныхъ вещей, все время оставался на пароходѣ, такъ что мнѣ не предстояло никакихъ хлопотъ по сборамъ въ плаваніе; на долю же г. Гебеля приходилось не мало заботъ, какъ по наблюденію за нагрузкой «Вельды», такъ и по разсчетамъ съ

норвежскими рабочими. Съ утра слѣдующаго дня начали грузить бочки и эта работа заняла почти весь день. Выходъ въ море предполагался на слѣдующее утро, но разсчеты съ берегомъ удалось окончить только къ полудню, и «Вельда» снялась съ якоря, оглашая пустынную бухту частыми громкими свистками; завернули за мысокъ и за нимъ скрылись заводъ и факторія. Вышли въ океанъ и снова несчастную «Вельду» начали трепать непривѣтливыя океанскія волны. На этотъ разъ приходилось выдерживать сильную качку, не безъ тревоги, такъ какъ никто навѣрно не зналъ и не могъ поручиться за вполнѣ исправное состояніе подводной части «Вельды». Хотя по осмотру и оказалось, что ея пребываніе на камнѣ въ Кольской губѣ не причинило ей никакихъ поврежденій, тѣмъ не менѣе въ голову невольно лѣзли всякія подозрѣнія о возможности очень серезныхъ поврежденій, усмотрѣть которыя могли только опытные техники. Наша тревога была тѣмъ болѣе справедлива, что «Вельда» пустилась въ океанъ съ полнымъ грузомъ и пассажировъ на ней было, вѣроятно, не меньше чѣмъ сельдей въ любой бочкѣ. Постоянная команда «Вельды», всѣ заводскіе рабочіе — норвежцы, г. Гебель, Нейманъ и я, буквально переполнили всѣ помѣщенія крошечнаго парохода. Въ жиломъ помѣщеніи матросовъ негдѣ было упасть яблоку, такъ что часть рабочихъ помѣстилась на палубѣ, подъ открытымъ небомъ, а четверо насъ, съ грѣхомъ пополамъ, пріютились въ кормовой каютѣ. Часть пассажировъ-рабочихъ должна была остаться въ Вардэ, такъ что въ дальнѣйшемъ плаваніи такой тѣсноты не предвидѣлось и, кромѣ того, имѣлось въ виду оставить часть груза въ Вардэ и въ освободившуюся часть трюма погрузить весь скарбъ рабочихъ, загромождавшій почти всю палубу.

Рано начало темнѣть и къ ночи волненіе усилилось. Нѣкоторые рабочіе, отвыкшіе отъ моря, страдали морскою болѣзнью. Буря была не изъ послѣднихъ и если бы мы не были на половинѣ пути до Вардэ, то было бы гораздо благоразумнѣе возвратиться обратно, но въ данномъ случаѣ не было другого исхода, какъ продолжать идти впередъ. Особенно жутко становилось, когда приходилось подниматься на верхъ; вокругъ непроницаемый мракъ; нигдѣ ни одного огонька проходящаго судна, только изъ мрака выдѣляются сѣдые гребни ближайшихъ къ пароходу грандіозныхъ волнъ. Чтобы отрѣшиться отъ всякихъ мрачныхъ мыслей, невольно навѣваемыхъ грозной обстановкой бушующаго океана, я счелъ за лучшее попрочнѣе устроиться въ койкѣ и уснуть. Сонъ сдѣлалъ свое дѣло: невеселыя думы исчезли, и я проспалъ вплоть до самаго прихода въ Вардэ. Наши опасенія относительно благополучнаго перехода, къ счастію, не оправдались, и «Вельда» отдѣлалась только жестокой качкой, тѣмъ не менѣе было рѣшено ввести «Вельду» въ докъ и осмотрѣть подводную часть.

Какъ только «Вельда» стала на якорь, къ нашему борту подошла шлюпка съ однимъ гребцомъ и съ однимъ пассажиромъ на рулѣ; шлюпку прикрѣпили за поданный съ парохода конецъ, а оба прибывшіе взошли на палубу; это были чины таможни. Сидѣвшій на рулѣ оказался управляющимъ вардэской таможней, а гребецъ— не то его помощникомъ, не то простымъ досмотрщикомъ. Первымъ дѣломъ прибывшіе обратились къ намъ, пассажирамъ, съ вопросомъ: не имѣемъ ли съ собой чего-либо, подлежащаго оплатѣ пошлиной? Одинъ нашъ отрицательный отвѣтъ совершенно удовлетворилъ норвежскихъ таможенныхъ чиновниковъ, и управляющій, не требуя даже предъявленія къ досмотру нашего багажа и паспортовъ, тотчасъ любезно предложилъ намъ свободный съѣздъ на берегъ. Затѣмъ, провѣривъ судовые и грузовые документы и исполнивъ еще кое-какія таможенныя обрядности, чиновники сейчасъ же уѣхали съ парохода. Здѣсь, само собой, напрашивалось сравненіе нашихъ таможенныхъ порядковъ съ норвежскими. Невольно припомнились наши таможенные катера съ цѣлымъ штатомъ чиновниковъ разныхъ ранговъ и съ дессантнымъ отрядомъ вооруженныхъ досмотрщиковъ и пограничныхъ стражниковъ. Вспомнилось тщательное перетряхиваніе грязнаго бѣлья, паспортная волокита и неизбѣжныя пререканія по поводу всякой книжки даже самаго невиннаго содержанія, найденной въ вашемъ багажѣ [1]). Это только неудобства таможенной формалистики для пассажировъ, а сколько препонъ она ставитъ капитанамъ коммерческихъ судовъ, грузоотправителямъ и грузополучателямъ? Въ Норвегіи всѣ таможенныя обрядности оканчиваются быстро, безъ всякихъ излишнихъ формальностей и неизбѣжныхъ проволочекъ. Сперва я думалъ, что всѣ эти норвежскія таможенныя любезности допускаются, исключительно, по отношенію къ русскимъ судамъ, но впослѣдствіи убѣдился, что норвежская таможня относится совершенно одинаково къ судамъ всѣхъ націй. Правда, не однѣ русскія таможни испытываютъ терпѣніе пассажировъ; германскія таможни въ этомъ отношеніи идутъ еще дальше. Такъ, въ это же путешествіе, на одной изъ германскихъ таможенъ усердные чиновники не только перепотрошили все содержимое моихъ чемодановъ, но довольно долго изслѣдовали пуговицы, пріобрѣтеннаго въ Германіи же, платья, заподозривая его негерманское происхожденіе; а за три баночки отъ пикулей, наполненныхъ китовымъ жиромъ, безпошлинно проѣхавшія три государства, съ меня была взыскана пошлина, чуть не втрое превышающая ничтожную стоимость, содержавшихся въ нихъ нѣ-

[1]) На одной изъ русскихъ таможенъ мнѣ пришлось вести съ таможеннымъ чиновникомъ продолжительный дебатъ по поводу имѣвшихся у меня нѣсколькихъ книгъ, изданныхъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству и печатанныхъ въ Москвѣ. Чиновнику онѣ почему-то казались лейпцигскаго происхожденія.

скольких фунтовъ китоваго жира, взятыхъ мною, какъ проба. Что также заслуживаетъ подражанія въ норвежскихъ таможенныхъ порядкахъ, такъ это, такъ сказать, публичная повѣрка судовыхъ документовъ, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ у большинства другихъ государствъ. Норвежскіе таможенные чиновники исполняютъ свои обязанности на виду у всѣхъ пассажировъ и судовыхъ служащихъ; въ другихъ же государствахъ это дѣлается келейно, преимущественно, въ капитанскихъ каютахъ, гдѣ на столѣ, кромѣ документовъ и письменныхъ принадлежностей, неизбѣжно присутствуютъ заморскія вина, закуски и дорогія сигары, часть которыхъ нерѣдко увозится чиновниками съ собой, въ воспоминаніе о любезности капитана [1].

Рейдъ Вардэ уютный и совершенно защищенный отъ вѣтровъ, особенно нордъ-остовыхъ. Самый городокъ Вардэ расположенъ на двухъ, соединенныхъ перешейкомъ, островахъ, или, вѣрнѣе, на самомъ перешейкѣ. Для большей обезпеченности городской гавани со стороны сѣверо-запада, приступлено къ сооруженію мола. На рейдѣ, благодаря позднему времени года, мы застали очень мало судовъ; было нѣсколько промысловыхъ яхтъ, одинъ большой почтовый пароходъ, два или три пассажирскихъ парохода, совершающихъ рейсы между ближайшими городами и факторіями Финмаркена и нѣсколько ёлъ, листерботовъ и другихъ мелкихъ судовъ. На берегу, вытащенный на стапель, стоялъ большой трехмачтовый пароходъ, типа шпицбергенскихъ. Почти всѣ норвежскіе, шведскіе и датскіе пароходы, отправляющіеся на промыслы морскихъ звѣрей во льды Шпицбергена, обыкновенно строятся по одному типу. Всѣ они деревянные, съ особенно прочными, для плаванія въ полярныхъ льдахъ, крѣпленіями носа; имѣютъ по три мачты, вооруженныя парусами, на средней (гротъ-мачтѣ) мачтѣ, обыкновенно, укрѣпляется бочка, изъ которой спеціальный часовой слѣдитъ за появленіемъ звѣрей и за состояніемъ льдовъ. Машины этихъ пароходовъ слабосильны и употребляются, какъ вспомогательные двигатели, только въ тѣхъ случаяхъ, когда паруса бываютъ не въ состояніи выдерживать борьбу со льдами, или же

---

[1]) На эти вынужденныя угощенія я насмотрѣлся лѣтъ двадцать тому назадъ, когда будучи еще гимназистомъ младшихъ классовъ, проводилъ лѣто въ одномъ изъ значительныхъ черноморскихъ портовъ. Благодаря знакомству съ сыновьями мѣстныхъ таможенныхъ чиновниковъ, мнѣ приходилось часто дѣлать прогулки на таможенномъ катерѣ на рейдъ, гдѣ родители моихъ товарищей досматривали иностранныя суда. Боже, что пилось, ѣлось и увозилось съ собой. Помню, какъ теперь, однажды, катеръ проходилъ мимо турецкой кочермы, нагруженной орѣхами. Старшій изъ чиновниковъ приказалъ придержать къ кочермѣ и, подавъ находившемуся на палубѣ турку, фуражку досмотрщика, велѣлъ ему наполнить орѣхами. Турокъ, не говоря ни слова, швырнулъ фуражку за бортъ. Чиновникъ разразился бранью, но злоба была безсильна, такъ какъ кочерма оказалась уже досмотрѣнной другимъ катеромъ.

во время штилей, которые, впрочемъ, весьма рѣдко бываютъ въ тѣхъ широтахъ Ледовитаго океана, куда отправляются эти пароходы. При постройкѣ промысловыхъ шпицбергенскихъ пароходовъ, главнымъ образомъ, имѣется въ виду обширность трюмовъ, въ которыхъ устанавливаются желѣзныя цистерны для промышляемаго сала, и просторъ провизіонныхъ кладовыхъ, такъ какъ нерѣдко случается, что пароходы подолгу остаются затертыми льдами. Лучшей постройкой пароходовъ этого типа славится судостроительная верфь Nyland et Comp., въ Христіаніи, на которой строится и большинство китобойныхъ пароходовъ, какъ норвежскихъ, такъ и русскихъ.

Воспользовавшись разрѣшеніемъ таможни съѣхать на берегъ, я тотчасъ же на шлюпкѣ отправился въ городъ. Шлюпка пристала къ заводу Гольмбоа и мнѣ пришлось подниматься наверхъ по крутой просаленной лѣстницѣ. Вардэ я посѣщалъ и раньше, а потому, отказавшись отъ предложенія лодочника—проводить меня по городу, я прямо отправился въ единственную въ Вардэ гостинницу, съ цѣлью занять для себя номеръ и провести въ немъ, съ возможнымъ удобствомъ, все время стоянки «Вельды» на здѣшнемъ рейдѣ, а главное хотѣлось поспать ночь или двѣ, безъ опасенія вылетѣть изъ койки, что ежеминутно угрожало въ тѣсной каюткѣ «Вельды». Плаваніе на ней предстояло еще длинное и не мало тревогъ и опасностей ожидало насъ впереди, такъ что все это еще болѣе усиливало желаніе, хотя короткое время, провести на сушѣ, въ уютномъ уголкѣ, и не чувствовать подъ собой вѣчно качающуюся палубу.

По дорогѣ въ гостинницу, я встрѣтилъ нѣсколькихъ матросовъ датскаго военнаго флота; присутствіе ихъ въ Вардэ меня нѣсколько удивило. Придя въ гостинницу, мнѣ пришлось разочароваться въ сладкихъ мечтаніяхъ объ уютномъ уголкѣ и спокойномъ ночлегѣ. Оказалось, что почти всѣ номера заняты членами датской полярной экспедиціи, недавно возвратившейся изъ Карскаго моря. Тогда я вспомнилъ о видѣнномъ на стапелѣ шпицбергенскомъ пароходѣ и о встрѣченныхъ на улицѣ датскихъ морякахъ. Такимъ образомъ, вмѣсто льдовъ Югорскаго Шара, мнѣ предстояла возможность познакомиться съ датчанами подъ гостепріимной кровлей норвежской гостинницы.

Прежде чѣмъ продолжать свои воспоминанія, я познакомлю читателей съ Вардэ—этимъ городкомъ, достойнымъ полнаго вниманія, особенно насъ, русскихъ.

Вардэ пріютился за полярнымъ кругомъ, подъ 70°, сѣверной широты, и считается самымъ сѣвернымъ городомъ Европы. Не смотря на свое исключительное географическое положеніе и крайне неблагопріятныя климатическія условія, Вардэ можетъ служить завиднымъ образцомъ для нашихъ мурманскихъ становищъ. Постоян-

ное населеніе Вардэ крайне ограниченно и въ зимнее время едва ли превышаетъ 2,000 душъ обоего поля. Но за то лѣтомъ, въ промысловый сезонъ, сюда стекаются тысячи промышленниковъ изъ Финмаркена и изъ другихъ провинцій Норвегіи [1]); сотни русскихъ судовъ, изъ архангельскаго поморья, наполяютъ рейдъ этого незначительнаго городка. Въ это время въ вардэской гавани можно встрѣтить бо̀льшее оживленіе, нежели въ иномъ болѣе южномъ и болѣе значительномъ порту. Наши поморы везутъ изъ Архангельска въ Вардэ муку̀, лѣсъ, мясо, масло и другіе продукты, въ которыхъ нуждается какъ коренное, такъ и пришлое населеніе города. Здѣсь происходитъ обмѣнъ русскихъ произведеній, исключительно на норвежскую рыбу, при чемъ ни русскіе, ни норвежцы, не остаются въ убыткѣ. За сравнительно дешевые въ Архангельскѣ продукты, въ Вардэ поморы получаютъ рыбу, по цѣнѣ значительно превосходящей стоимость обмѣниваемыхъ продуктовъ. Въ свою очередь, не остаются въ накладѣ и норвежцы. Все то, что̀ они обмѣниваютъ у нашихъ поморовъ за малоцѣнную рыбу, обходилось бы для нихъ несравненно дороже, если бы всѣ эти продукты доставлялись въ Вардэ изъ западныхъ европейскихъ портовъ. Кромѣ перечисленныхъ продуктовъ, поморы доставляютъ въ Вардэ и другіе порты Финмаркена, также и сѣно изъ болѣе западныхъ пунктовъ Мурманскаго берега, и сбываютъ его также далеко не убыточно. Сѣно въ прессованномъ видѣ отправляется въ Норвегію и изъ Архангельска на срочныхъ пароходахъ Архангельско-Мурманскаго товарищества. Благодаря установившимся постояннымъ торговымъ сношеніямъ поморовъ съ жителями Финмаркена, курсъ нашего рубля не подвергается здѣсь такимъ колебаніямъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы. Отъ поморовъ норвержскіе купцы принимаютъ кредитный рубль за двѣ кроны, тогда какъ случается, что курсовая цѣна кроны достигаетъ семидесяти копѣекъ. Рубли принимаются въ Вардэ за двѣ кроны не отъ однихъ поморовъ, но и отъ пріѣзжихъ русскихъ, при мелкихъ покупкахъ, или при разсчетахъ въ гостинницѣ. Эта сравнительно высокая цѣнность рубля объясняется легкой возможностью сейчасъ же сбыть наши рубли обратно поморамъ. Не знаю какъ цѣнится въ Финмаркенѣ нашъ кредитный рубль въ настоящее время, но такъ было во время моихъ посѣщеній Вардэ въ 1882 и 1883 годахъ.

Мѣновая торговля съ Норвегіей очень выгодна для нашихъ поморовъ, этимъ и объясняется, то обстоятельство, что многіе поморы совершенно оставили собственные рыбные промыслы на Мурманскомъ берегу, а завели морскія (исключительно парусныя) суда и занялись мѣновой торговлей съ норвежскими портовыми городами. Поморы

---

[1]) Бываютъ годы, когда въ Вардэ скопляется до 12,000 пришлыхъ рыбопромышленниковъ.

совершенно освоились съ Норвегіей и идутъ туда, какъ въ русскій портъ, и тамъ чувствуютъ себя, какъ дома. Многіе шкипера поморскихъ судовъ прекрасно владѣютъ норвежскимъ языкомъ, даже многіе матросы довольно свободно говорятъ по-норвежски. Въ свою очередь и въ Финмаркенѣ можно встрѣтить многихъ норвежцевъ, хорошо объясняющихся по-русски. Нѣкоторые поморы, вмѣсто того, чтобы идти въ покрутченники къ русскимъ хозяевамъ промысловъ на Мурманскомъ берегу, предпочитаютъ отправляться на заработки въ норвержскіе порты, гдѣ обыкновенно нанимаются на гуанные заводы и на салогрѣйки, вытапливающія тресковый жиръ. Хотя работа, при производствѣ гуано и тресковаго жира, грязна до невозможности, за то трудъ русскихъ рабочихъ оплачивается довольно хорошо. Все продовольствіе рабочіе получаютъ отъ хозяевъ и, кромѣ того, каждый получаетъ до 25 рублей ежемѣсячнаго жалованья. Имѣя обозпеченное содержаніе и не спаиваемые хозяевами (какъ это практиковалось прежде на Мурманскомъ берегу), рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, къ концу срока найма, дѣлаютъ хорошія сбереженія, дающія имъ возможность, по возвращеніи въ родное поморье, безбѣдно существовать съ семьей въ теченіе зимы, до новыхъ заработковъ.

Мѣстность, на которой расположенъ Вардэ и его окрестности, довольно красива, особенно лѣтомъ, когда покрывается зеленью. Самый же городокъ хотя и не особенно привлекателенъ, но много выигрываетъ въ глазахъ пріѣзжающихъ въ него прямо съ Мурманскаго берега. Лѣтомъ рейдъ и городъ чрезвычайно оживляются. Взадъ и впередъ снуютъ большіе и маленькіе пароходы; на якорѣ стоитъ масса грузовыхъ и промысловыхъ судовъ; всюду идетъ оживленная дѣятельность. Къ концу осени жизнь въ Вардэ начинаетъ замирать и къ зимѣ окончательно вступаетъ въ мертвый періодъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ снова начинается оживленіе; открывается промысловый сезонъ, снова дымятъ заводскія трубы и снова парусныя суда и пароходы начинаютъ наполнять вардэскій рейдъ. Ранней весной начинается пароходное сообщеніе Вардэ съ становищами Мурманскаго берега. Въ это время Вардэ играетъ незамѣнимую роль для становищъ западной части Мурманскаго берега. Отрѣзанные отъ Архангельска еще скованнымъ льдомъ Бѣлымъ моремъ и тысячеверстной лапландской тундрой, весенніе промышленники достаютъ въ Вардэ все необходимое какъ для промысла, такъ и для собственныхъ нуждъ. Кромѣ того, промышленники пользуются въ это время услугами норвежскихъ почтъ и телеграфовъ. Вардэ нерѣдко посѣщаютъ также, кромѣ грузовыхъ и пассажирскихъ пароходовъ, и любительскія яхты, преимущественно англійскія, совершающія далекія морскія прогулки.

Всѣ постройки въ Вардэ почти исключительно деревянныя, на каменныхъ фундаментахъ, и сооружены изъ архангельскаго лѣса.

Архитектура домовъ некрасива, а улицы чрезвычайно неправильны. Изъ выдающихся зданій — это кирка, единственная въ городѣ, и гимнастическій залъ, въ которомъ также даются представленія и концерты заѣзжими артистами. Всѣ дома въ Вардэ отапливаются исключительно привознымъ каменнымъ углемъ, дрова же и вообще лѣсной матеріалъ здѣсь цѣнится чуть не на вѣсъ золота. Въ каждой комнатѣ установлены не большія желѣзныя печи; въ комнатахъ домовъ менѣе прочной постройки и обращенныхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, такихъ печей ставится по двѣ. Не смотря на свое географическое положеніе, въ Вардэ почти никогда не бываетъ сильныхъ морозовъ, благодаря благодѣтельному вліянію Гольфстрема. По словамъ жителей, самые лютые морозы у нихъ никогда не превышаютъ 20 градусовъ по Цельзію, тогда какъ на болѣе южныхъ пунктахъ, находящихся на восточной части сѣвероокеанскаго побережья, морозы доходятъ до 40 градусовъ и свыше по Реомюру. Рейдъ Вардэ въ теченіе всего года остается свободнымъ для навигаціи.

Обстановка квартиръ даже самыхъ зажиточныхъ вардэскихъ комерсантовъ и заводчиковъ чрезвычайно проста; предметы роскоши совершенно отсутствуютъ, но за то чистота доведена до совершенства. Примѣрной чистотой могутъ похвастаться и жилища самыхъ бѣдныхъ рыбаковъ.

Питается вардэское населеніе исключительно рыбой, добываемой въ океанѣ въ изобиліи. Мясо составляетъ уже предметъ роскоши и является лишь достояніемъ зажиточнаго класса. Цѣна за пудъ мяса доходитъ до 17 кронъ и больше. Зелени никакой нѣтъ, а если и находится, то только въ консервахъ. Коровье масло также, какъ и мясо, высоко цѣнится и иногда за пудъ масла платятъ до 48 и даже до 50 кронъ. Норвежскія кухарки, не смотря на недостатокъ въ выборѣ провизіи, умѣютъ чрезвычайно разнообразить столъ и обѣдъ, составленный только изъ одной рыбы, очень вкусенъ и ѣдятъ его съ аппетитомъ даже и непривыкшіе къ исключительной рыбной пищѣ. Дороговизна хлѣба весьма ощутительна для недостаточнаго населенія. Фунтъ выпеченнаго ржаного хлѣба продается по 6 коп., а иногда и по 8-ми. Мукà привозится только изъ Архангельска. Вардэ имѣетъ массу всевозможныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно достать все необходимое, какъ для промысловъ и морского дѣла, такъ и для обыкновеннаго домашняго обихода. Если въ первый разъ попадешь въ Вердэ осенью, то невольно недоумѣваешь—для кого здѣсь существуетъ столько магазиновъ и кто въ нихъ покупаетъ? но за то лѣтомъ это недоумѣніе не имѣетъ мѣста, такъ какъ всякій пріѣзжій видитъ, какъ съ утра до ночи въ магазинахъ толпятся массы самой разношерстной публики. Не смотря на то, что Вердэ не производитъ никакой ману-

фактуры, а всѣ товары привозные, цѣны спрашиваются сравнителено не высокіе и товары отпускаются очень хорошаго качества. Вообще, видно, что вся торговля ведется весьма добросовѣстно.

Почта и телеграфъ соединены въ одно учрежденіе и помѣщаются въ одномъ и томъ же домѣ. Особенно много работы приходится на ихъ долю во время промысловаго сезона. На телеграфѣ не принято выдавать квитанцій въ пріемѣ депеши, и не смотря на это, еще не было ни одного случая, чтобы телеграмма, сданная на станцію, безъ квитанціи, не дошла по назначенію. Мнѣ объяснили, что этотъ порядокъ установился, чтобы не осложнять работы телеграфистовъ писаніемъ квитанцій. Если же кому необходима квитанція, какъ оправдательный документъ, то таковая немедленно выдается. Нигдѣ въ Норвегіи мнѣ не приходилось слышать жалобъ на неисправность почтъ или телеграфовъ. Въ быстротѣ же передачи и доставки телеграммъ мнѣ пришлось не разъ убѣдиться лично.

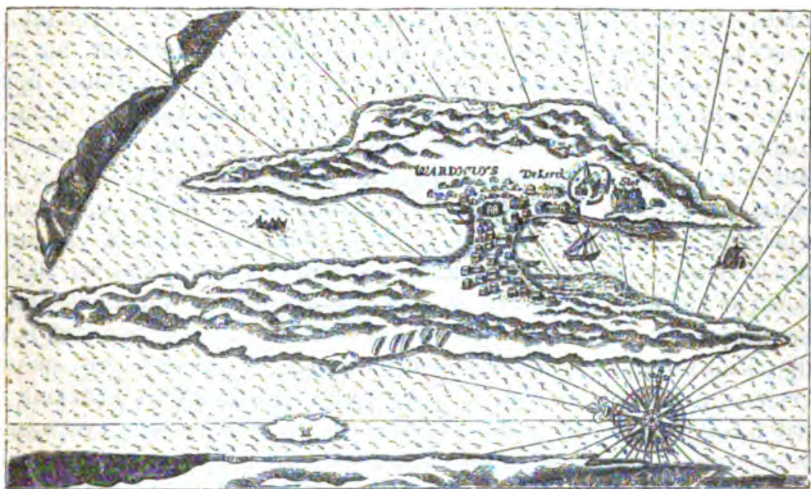
Телефонъ въ Вардэ не новость; почти всѣ болѣе или менѣе значительныя конторы заводовъ и магазины соединены телефонными проволоками съ кабинетами ихъ владѣльцевъ. Въ это же время (въ 1883 году) въ Архангельскѣ мѣстный комерсантъ г. Шмидтъ задумалъ соединить телефономъ городъ съ Соломболой, но это новшество было неодобрительно встрѣчено мѣстной администраціей и по поводу устройства въ Архангельскѣ телефона возникла обширная переписка. Вообще, по всѣмъ удобствамъ жизни крошечный Вардэ стоитъ несравненно выше не только всѣхъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, но и самого Архангельска, считающагося однимъ изъ важнѣйшихъ портовыхъ городовъ. Богъ вѣсть для чего въ Вардэ существуетъ не большая крѣпость. Это скорѣе игрушка, нежели сколько-нибудь надежная твердыня. Гарнизонъ крѣпости не превышаетъ двадцати пяти человѣкъ нижнихъ чиновъ съ двумя офицерами—комендантомъ и его помощникомъ. Нижніе чины крѣпостнаго гарнизона большею частью времени проводятъ на рыбной ловлѣ и въ занятіяхъ различными ремеслами, не имѣющими ни чего общаго съ артилерійскимъ дѣломъ. Солдаты одѣты довольно неряшливо и не имѣютъ никакой военной выправки. Существуетъ особое положеніе о занятіяхъ гарнизона рыбными промыслами, по которому извѣстная доля съ доходовъ поступаетъ въ пользу коменданта и его помощника.

Исторія заселенія норвежцами этой мѣстности и возникновенія въ Финмаркенѣ укрѣпленнаго пункта находятся между собой въ тѣсной связи и относятся къ эпохѣ царствованія датскаго короля Гако (Haakon), т. е. къ началу XIV столѣтія. По свѣдѣніямъ норвежскихъ историковъ, крѣпостца Вардэ построена по повелѣнію короля Haakon'a въ 1310 году и предназначалась для защиты про-

мышлявшихъ въ водахъ Финмаркена датчанъ и норвежцевъ отъ безпрестанныхъ набѣговъ русскихъ и шведовъ [1]).

Почти одновременно съ появленіемъ въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ Россіею датскаго укрѣпленія и у насъ на Мурманскомъ берегу былъ построенъ Кольскій острогъ, преобразованный затѣмъ въ уѣздный городъ.

Первоначально крѣпость Вардэ была построена на сѣверо-западной сторонѣ острова Wardehus и, очевидно, защищала островъ со стороны Мурманскаго берега, откуда русскіе, главнымъ образомъ, направляли свои разрушительные набѣги въ предѣлы Финмаркена. На прилагаемомъ дальше рисункѣ «Русской баттареи» изображены, съ норвежской фотографіи, остатки первоначальной крѣпости. Сохра-

Вардэ въ 1594 году.

нившееся до сихъ поръ самое названіе этого упраздненнаго укрѣпленія и расположеніе его какъ разъ противъ нашего Мурманскаго берега ясно доказываютъ его первоначальную цѣль и дальнѣйшее назначеніе. По повелѣнію того же короля Haakon'а, на островѣ Wardehus, близъ крѣпости была построена церковь (одна изъ древнѣйшихъ во всемъ Финмаркенѣ), освященная епископомъ Ioerund'омъ, для этой цѣли, пожеланію короля Haakon'а, лично посѣтившимъ далекій Финмаркенъ [2]).

Такимъ образомъ, еще въ началѣ XIV столѣтія въ Финмаркенѣ былъ уже созданъ надежный оплотъ противъ нашей и шведской вольницы, которому впослѣдствіи суждено было пересоздаться въ

---

[1]) Illustreret Norges Historie af O. A. Oevrland. Kristiania. 1888.

[2]) Тамъ же.

прекрасно благоустроенный норвежскій торгово-промышленный пунктъ, какимъ въ настоящее время, безспорно, является нашъ ближайшій сѣверный сосѣдъ—городъ Вардэ съ его крѣпостью, теперь утратившею, конечно, всякое стратегическое значеніе и поддерживаемую норвежскимъ правительствомъ только какъ историческій памятникъ. Артилерія вардэской крѣпости служитъ въ наше время исключительно для салютаціонной пальбы въ дни различныхъ національныхъ празднествъ.

Говоря о былыхъ набѣгахъ на Финмаркенъ русскихъ и шведовъ, нельзя не упомянуть о сохранившемся у современныхъ лопарей преданіи о томъ, что эти набѣги были насколько стремительны и часты, что ихъ предки, въ промежутки между этими внезапными погромами, даже не успѣвали варить себѣ горячую пищу. Среди лопарскихъ же преданій существуетъ легендарный разсказъ о совмѣстномъ нападеніи русскихъ и лопарей на крѣпость Вардэ. По словамъ преданія, имъ долго и безъуспѣшно пришлось осаждать эту крѣпость, пока среди осаждающихъ не нашелся одинъ лопарь отличайшійся необыкновенною хитростью и ловкостью. Тароватый на всевозможныя продѣлки, смѣльчакъ-лопарь, какимъ-то образомъ, успѣлъ пробраться въ непріятельскую крѣпость и началъ прыгать и танцовать передъ ея гарнизономъ и въ то же время на крѣпостныхъ стѣнахъ и пушкахъ ставилъ мѣломъ кресты. Затѣмъ лопарю удалось заставить норвежскихъ солдатъ обнажить спины, на которыхъ онъ также начертилъ мѣломъ кресты и послѣ всѣхъ продѣлокъ скрылся изъ крѣпости. Преданіе гласитъ, что послѣдствіемъ смѣлыхъ и, конечно, «сверхъестественныхъ» дѣйствій лопаря былъ удачный штурмъ крѣпости и захватъ ея русскими и лопарями. Хотя въ исторіи и не находится указаній на захватъ русскими крѣпости Вардэ, но весьма возможно допустить, что эта крѣпость иногда и переходила въ временное владѣніе русскихъ, набѣгавшихъ въ Финмаркенъ, а затѣмъ снова возвращалась обратно или силой, или же добровольно. Изъ другихъ лопарскихъ преданій, подтверждаемыхъ также и норвежскими историками, видно, что съ постройкой церкви на островѣ Wardehus начались преслѣдованія и притѣсненія лопарей со стороны мѣстнаго духовенства, послѣдствіемъ чего была поѣздка лопарскаго короля («Finnenkongen») Мартына къ датскому королю Haakon'у, резиденція котораго въ то время была въ норвержскомъ городѣ Бергенѣ, съ жалобою на притѣсненія мѣстнаго епископа. Поѣздка короля Мартына въ Бергенъ имѣла для лопарей благопріятные результаты и лопари тогда же получили отъ датскаго правительства различныя вольности и льготы. По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ норвежскихъ историковъ, упоминаемый лопарской король Мартынъ былъ бѣглый русскій монахъ.

Вообще же, на существованіе лопарскихъ королей указываютъ многія преданія, живо сохранившіяся до настоящаго времени среди

населенія какъ русской, такъ и норвежской Лапландіи. Нашъ почтенный консулъ въ Сѣверной Норвегіи, Д. Н. Островскій, объѣхавшій Лапландію въ разныхъ направленіяхъ и глубоко изучившій бытъ, нравы и преданія ея обитателей, въ своемъ докладѣ Императорскому Географическому Обществу о лопаряхъ и ихъ преданіяхъ, приводитъ слѣдующее, записанное имъ на мѣстѣ, преданіе: «Разъ Лопскій король былъ въ тундрѣ около Каутойкейно и встрѣтился съ Чудью, которая его не узнала и спросила, знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Лопскій король. Когда онъ отвѣтилъ утвердительно, Чудь обѣщала ему большую награду, если онъ сведетъ ихъ къ нему. «Это опасно,—отвѣчалъ король,—у него съ собой много народу, а я лучше приведу его къ вамъ сюда на озеро и вы встрѣтитесь съ нимъ какъ разъ посрединѣ на льду и ему некуда будетъ убѣжать».

«По заключеніи такого условія, король ушелъ въ свой погостъ, собралъ людей и велѣлъ имъ надѣть кумачи (башмаки шерстью вверхъ, въ которыхъ можно также твердо ходить по льду, какъ и по землѣ) и вырубить каждому по дубинѣ. Самъ онъ, кромѣ того, взялъ бревно, гладкое, безъ сучьевъ. Когда лопари пришли къ озеру и увидѣли, что съ противоположнаго берега къ нимъ навстрѣчу идетъ Чудь, они положили бревно на ледъ и покатили его прямо подъ ноги Чуди, которая была въ обыкновенныхъ сапогахъ и попадала, а лопари напали на нее и перебили дубинами»[1]).

Далѣе Д. Н. Островскій говоритъ, что преданія о набѣгахъ Чуди такъ еще живы среди лопарей, «что когда пасторъ Stockfleth, въ 1841 году, пріѣхалъ на Чалмо озеро, то лопари разбѣжались, думая, что пришла Чудь. Разсказываютъ, что въ 1884 году два туриста, говорившіе по-фински, заблудились въ Шведской Лапландіи и у истоковъ Kalikselven были застрѣлены лопарями, принявшими ихъ за Чудь»[2]).

Вотъ что передаетъ Д. Н. Островскій о притѣсненіяхъ лопарей Чудью: «Хорошо жилось,—разсказываютъ лопари,—въ старые годы у озера Энаре, но пришла Чудь и жить стало опасно, такъ опасно, что люди не смѣли жить на землѣ, а хоронились въ ямахъ и въ амбарахъ. Ямы эти были круглыя и четыреугольныя и во множествѣ оказываются по рѣкѣ Пасвигу, въ Эльвенесѣ, Южномъ Варангерѣ, Киркенесѣ и по Мурманскому берегу. Діаметръ ихъ около четырехъ метровъ, глубина до двухъ. Полъ и стѣны выстланы берестомъ, на днѣ до сихъ поръ видны остатки рыбьихъ и звѣриныхъ костей.

«Но даже и въ этихъ ямахъ они не могли быть покойны. Выходилъ изъ ямы дымъ, сидѣли тамъ неспокойно, слышался шо-

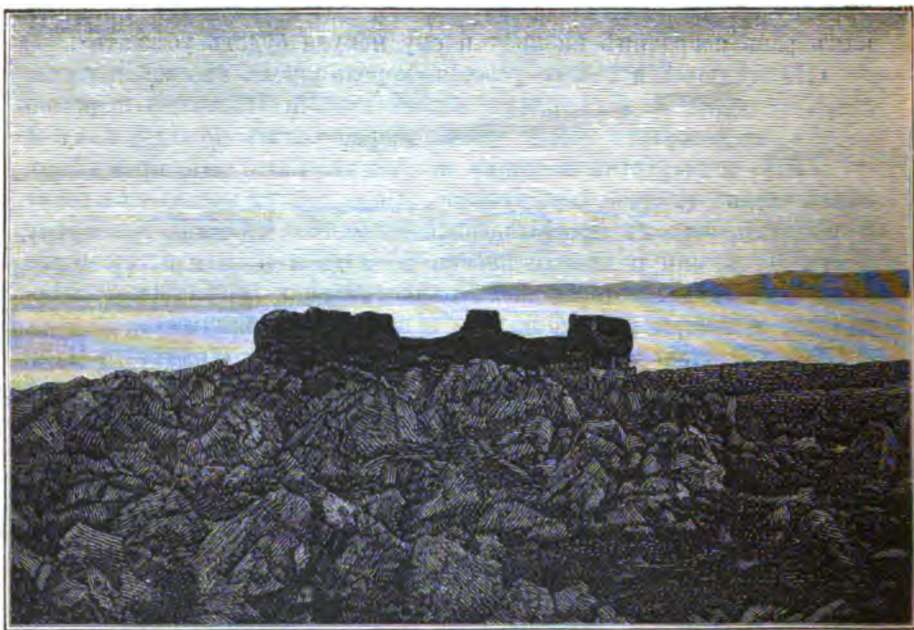
---

[1]) Д. Н. Островскій. «Лопари и ихъ преданія». Сообщеніе, читанное въ Отдѣленіи Этнографіи, 4-го ноября 1888 года.

[2]) Тамъ же.

рохъ, трава была кругомъ помята. Чудь тотчасъ открывала лопарей и убивала. Разсказываютъ, что одна лопарка, желая спрясти подвязки для кумачъ (башмаки), привязала основу къ маленькой березѣ и, сидя въ ямѣ, начала плести, но шедшая мимо Чудь тотчасъ замѣтила качаніе березки и открыла убѣжище лопарей»[1]).

Не безъинтересны также преданія лопарей объ ихъ герояхъ, мстившихъ и губившихъ полчища Чуди. Въ этихъ преданіяхъ о подвигахъ лопарскихъ героевъ главную роль играетъ не сила, а свойственная лопарямъ хитрость и находчивость. Выдающимся легендарнымъ героемъ является лопарь Лаурекашъ (Laurekadsj). О

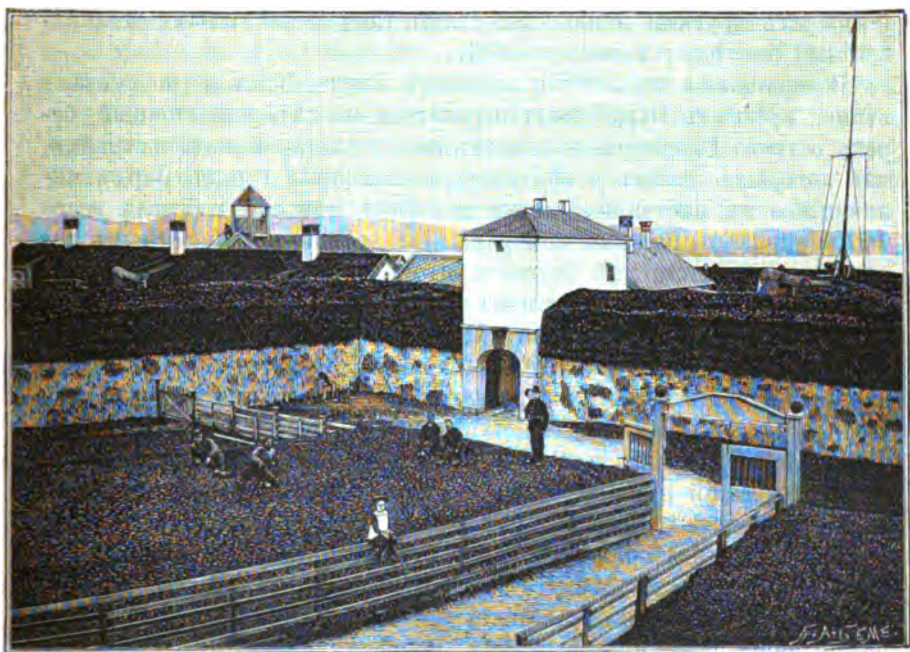
Русская баттарея въ Вардэ.

немъ преданіе говоритъ слѣдующее: «Однажды Лаурекашъ (служившій проводникомъ у Чуди) привелъ Чудь на островъ Tsjuôtboets-Suoeloi («Сто сосновый»), при истокѣ Пазрѣки изъ Энарэ, гдѣ росла морошка. Чудь наѣлась и улеглась спать, а одного оставили сторожить лодки. Сторожу также захотѣлось спать; онъ связалъ лодки вмѣстѣ и веревку, или лыко, отъ послѣдней обвязалъ вокругъ пояса и заснулъ. Лаурекашъ подкрался къ нему, перерѣзалъ веревку, вскочилъ въ лодку и уплылъ со всѣми лодками прочь отъ острова. Черезъ недѣлю приходитъ Лаурекашъ на островъ посмотрѣть Чудь.

[1]) Д. Н. Островскій. «Лопари и ихъ преданія».

Почти всѣ они лежали мертвые и только иные едва поднимали головы.

«Другой разъ, Лаурекашъ также былъ проводникомъ и осторожно провелъ Чудь черезъ всѣ опасные водопады на рѣкѣ Пазѣ. Когда они стали приближаться къ послѣднему «падуны» Gouevnjes, Чудь заслышала шумъ, пришла въ безпокойство, но Лаурекашъ успокоилъ ихъ, говоря, что никакого водопада больше нѣтъ, а шумъ идетъ отъ встрѣчи прѣсной воды съ соленою, такъ какъ они приближаются къ морю, и что теперь отъ него требуется особое искусство направить лодки. Онъ связалъ лодки вмѣстѣ и велѣлъ

Крѣпость Вардэ.

Чуди лежать лицомъ внизъ, не двигаться. Когда струя водопада захватила и понесла лодки, Лаурекашъ успѣлъ выскочить на берегъ, но въ то же время чудскій атаманъ бросилъ въ него копье и ранилъ его въ ногу. Окровавленный приходитъ онъ въ «восточный» русскій погостъ и застаетъ лопарей играющими въ мячъ. Они, видя на немъ кровь, приняли его за разбойника и хотѣли убить, но онъ разсказалъ имъ свой подвигъ, повелъ ихъ къ рѣкѣ и указалъ на массу чудскихъ тѣлъ, плывущихъ по теченію. Рука атамана съ мечемъ была выброшена на мель противъ Эльвенеса, отчего и мель эта до сихъ поръ называется Miennelajse (Svoerdskjoeret).

Другое лопарское преданіе о подвигахъ Лаурекаша говоритъ слѣдующее: «Лаурекашъ ночью связалъ Чудь въ «райду» (рядъ оленей, запряженныхъ въ нульки) и ѣхалъ самъ впереди съ зажженнымъ берестомъ, указывая дорогу. Въѣхавъ на высокую гору Gevisbahut, около Учьока, онъ бросилъ свой факелъ внизъ и вслѣдъ за факеломъ вся райда свергласъ въ пропасть».

Изъ приведенныхъ выше указаній норвежскихъ историковъ и лопарскихъ преданій, нельзя не заключить, что нынѣ мирный и чисто промысловый Финмаркенъ былъ нѣкогда широкой ареной безпрерывныхъ и постоянныхъ кровопролитій, происходившихъ какъ между аборигенами тамошняго сѣвера лопарями и тѣснившими ихъ другими національностями, такъ и взаимными столкновеніями послѣднихъ между собой.

Возвращаюсь къ исторіи крѣпости Вардэ. Какъ я уже сказалъ выше, крѣпость Вардэ была перенесена на сѣверо-восточный берегъ острова Вардэгусъ и вокругъ нея сгруппировались постройки, изъ которыхъ затѣмъ и образовался нынѣшній городъ Вардэ, являющійся въ настоящее время центромъ мѣновой торговли всего Финмаркена съ нашими поморами. На древнихъ крѣпостныхъ воротахъ находятся двѣ надписи о посѣщеніяхъ крѣпости Вардэ датскимъ королемъ Христіаномъ IV въ 1599 году и шведско-норвежскимъ королемъ Оскаромъ II въ 1873 году. Въ описаніи путешествія датскаго короля Христіана IV крѣпость Вардэ называется «Misirissima piscatrum tuguria» (бѣднѣйшее рыбачье жилище).

Въ исторіи крѣпость Вардэ упоминается еще какъ важнѣйшій астрономическій пунктъ, откуда производились наблюденія надъ первымъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца въ 1769 году. Въ церковныхъ лѣтописяхъ Вардэ существуютъ записи, изъ которыхъ видно, что въ 1769 году, по приглашенію датскаго короля, въ Вардэ пріѣзжалъ австрійскій астрономъ Hell и производилъ наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца. Обсерваціоннымъ пунктомъ служилъ перешеекъ, соединяющій обѣ части острова Вардэгусъ. По мнѣнію астрономовъ, наблюденія, произведенныя въ Вардэ астрономомъ Hell'емъ, были самыми цѣнными для науки изъ всѣхъ, произведенныхъ въ другихъ пунктахъ.

Составъ полиціи въ Вардэ чрезвычайно ограниченъ и, кажется, весь ея персоналъ состоитъ всего изъ четырехъ человѣкъ высшихъ и низшихъ агентовъ. Полицейскіе чины не имѣютъ форменной одежды, а отличаются отъ остальныхъ обывателей только форменными фуражками. Полицейскіе также не имѣютъ ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія; единственное ихъ вооруженіе состоитъ изъ особаго желѣзнаго браслета, который они надѣваютъ на руку буйствующаго, или препровождаемаго арестанта. Не мало заботы доставляютъ чинамъ вардэской полиціи матросы нашихъ поморскихъ

судовъ, падкіе на водку, подъ вліяніемъ которой не прочъ и отъ безобразій.

Какъ-то разъ матросы съ нѣсколькихъ поморскихъ судовъ обратились къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ съ просьбою истопить, за плату, построенную имъ русскую баню. Купецъ согласился; баня была предоставлена въ распоряженіе поморовъ. Пока баню топили, поморы успѣли перепиться и баню сожгли до тла. Владѣлецъ потребовалъ отъ нихъ уплаты половины стоимости сгорѣвшей постройки; пьяные поморы заупрямились и наотрѣзъ отказались удорлетворить эту справедливую и скромную претензію. Споры ни къ чему не привели и пьяная ватага съ шумомъ и гамомъ повалила прямо къ русскому консулу, требуя отъ послѣдняго якобы защиты противъ неосновательныхъ притязаній норвежскаго купца. Энергичный консулъ заставилъ пьяную толпу возвратиться на суда, а владѣлецъ сгорѣвшей бани впослѣдствіи былъ удовлетворенъ самими же виновниками пожара. Былъ даже случай, когда нашъ консулъ въ Финмаркенѣ, прибывъ по служебнымъ дѣламъ на одно изъ поморскихъ судовъ, былъ оскорбленъ грубой бранью самого судовладѣльца. Оскорбившій консула поморъ понесъ строгую уголовную кару.

Для пріѣзжающихъ въ Вардэ имѣется единственная гостинница съ нѣсколькими довольно удобными и очень чистенькими небольшими номерами. Такъ какъ нашъ консулъ въ Финмаркенѣ большую часть лѣта проводитъ въ Вардэ (постояннымъ мѣстопребываніемъ консула считается городъ Гаммерфестъ) и квартируетъ въ этой гостинницѣ, то владѣлецъ наименовалъ ее: «Hôtel de Russie». Какъ номера, такъ и столъ въ гостинницѣ очень дешевы; послѣдній разнообразенъ и сытенъ. Прислуга, хотя и не такъ выдрессирована, какъ въ столичныхъ отеляхъ, тѣмъ не менѣе усердная и услужливая. Вся прислуга женская. Рано утромъ въ номеръ входитъ горничная (номера почти никогда и никѣмъ не запираются на ключъ) и ставитъ у постели большую чашку кофе со сливками и съ сухарями, намазанными масломъ, а сама забираетъ обувь и платье и черезъ нѣсколько минутъ приноситъ ихъ обратно уже вычищенными. Съ утра въ столовой накрывается большой столъ съ большимъ выборомъ разныхъ соленыхъ закусокъ и холодныхъ кушаній; это завтракъ, который не убирается со стола до полудня. Всякій желающій можетъ, совершенно безконтрольно, ѣсть сколько ему заблагоразсудится и затѣмъ уже платитъ за него всего нѣсколько ёръ. Въ третьемъ часу начинаются обѣды. Ни вино, ни водка въ гостинницѣ не продаются; желающіе выпить могутъ приносить напитки съ собой, или посылать за ними изъ гостинницы въ общественный погребъ—единственное въ Вардэ мѣсто, въ которомъ продаются на выносъ водки и виноградныя вина; впрочемъ, послѣднія можно достать и изъ аптеки. Нѣкоторые посѣти-

тели приносятъ въ гостинницу вино и водку и оставляютъ ихъ въ столовой, въ особомъ буфетѣ. Насколько мнѣ помнится, пиво позволяется продавать и въ гостинницѣ. Если собирающаяся компанія желаетъ подольше пображничать, то напитки запасаются заранѣе, такъ какъ общественный винный складъ закрывается довольно рано, а помимо него нигдѣ, ни за какія деньги ничего нельзя достать. Для распивочной продажи въ Вардэ имѣется нѣчто въ родѣ трактира, также общественнаго. Здѣсь вина и водки продаются всевозможныя, но только распивочно; закусокъ нѣтъ никакихъ, нѣтъ также ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ. Пьяныхъ въ трактиръ вовсе не впускаютъ. Появившіеся на улицѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ, или поднятые въ состояніи полнаго опьяненія, забираются въ полицейское управленіе для вытрезвленія, а затѣмъ съ нихъ взыскивается денежный штрафъ, который, при несостоятельности, или нежеланіи платить, замѣняется назначеніемъ на нѣкоторыя общественныя работы. Столовая комната въ гостинницѣ почти никогда не бываетъ пустой; съ утра въ ней можно застать мѣстныхъ или пріѣзжихъ посѣтителей, кого за ѣдой а кого и за дѣловой бесѣдой. Здѣсь же, въ столовой, нерѣдко совершаются коммерческія сдѣлки. Словомъ «Hôtel de Russie» замѣняетъ для жителей Вардэ клубъ. Кромѣ консула, въ гостинницѣ всегда проживаетъ лѣтомъ еще кто-нибудь изъ русскихъ.

Водныя богатства Ледовитаго океана составляютъ житницу всей Сѣверной Норвегіи; она сама ими существуетъ и снабжаетъ другія государства Европы, не исключая и Россіи. Попадая въ Вардэ, сразу чувствуешь себя въ царствѣ трески, палтусины и другой сѣверной рыбы. При береговомъ вѣтрѣ это царство даетъ себя знать еще въ морѣ. Я говорю о зловоніи, стоящемъ надъ Вардэ и распространяемомъ милліонами сушащихся тресковыхъ головъ, гуанными заводами и множествомъ паровыхъ чановъ и простыхъ салогрѣекъ, вытапливающихъ жиръ изъ тресковой печени. Эта вонь, особенная, специфическая, присущая только рыболовнымъ пунктамъ. Вонь мурманскихъ промысловыхъ становищъ — ничто въ сравненіи съ зловоніемъ, по временамъ заражающимъ воздухъ Вардэ. Для непривычнаго человѣка, въ первый разъ пріѣзжающаго въ Вардэ лѣтомъ, тамошній воздухъ положительно нестерпимъ. Въ Вардэ, куда не взглянешь—всюду масса жердей, на которыхъ сушится треска и отдѣленныя отъ туловища тресковыя головы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тресковыя головы навалены въ огромныя кучи. Мнѣ не пришлось видѣть, но мнѣ говорили, что, когда лѣтомъ, въ жаркую погоду, эти кучи подолгу остаются неразобранными, то изъ нихъ выползаютъ цѣлыя массы бѣлыхъ червяковъ. Тресковыя головы сушатся, а затѣмъ поступаютъ на гуанные заводы. На заводахъ головы превращаютъ въ мелкій порошокъ и въ такомъ видѣ онѣ поступаютъ въ продажу и употребляются для удобренія полей и подмѣшиваются къ корму скота.

Въ Вардэ находятся также нѣсколько китобойныхъ заводовъ. Описывать ихъ не стану, такъ какъ наши мурманскіе заводы устроены по типу норвежскихъ Точно также самый промыселъ и обработка китовыхъ продуктовъ производятся совершенно одинаковыми способами. Гуанные заводы обширны и хорошо устроены; но посѣтивъ ихъ въ первый разъ, оставаться въ нихъ долго нельзя— до того тамъ удушливо-смрадная атмосфера. Рабочіе же привыкли къ этому зловонію и, какъ ни въ чемъ не бывало, проводятъ въ этой атмосферѣ цѣлые дни.

Еще одинъ источникъ вардэскаго зловонія — это многочисленные салогрѣйные чаны, устроенные въ разныхъ мѣстахъ города. Салогрѣинь два сорта: паровыя и обыкновенныя; послѣднія-то и распространяютъ отчаянную вонь. Добываніе трескового жира чрезвычайно не сложно. Паровыя салогрѣйни производятъ лучшіе сорта жира и въ томъ числѣ и медицинскій, извѣстный подъ названіемъ рыбьяго жира. Подъ вліяніемъ пара, жиръ изъ печени добывается очень скоро и затѣмъ сортируется. Остающаяся масса волоконъ и другихъ твердыхъ веществъ также эксплоатируется и идетъ на удобреніе полей. Паровой способъ добыванія жира сравнительно опрятенъ и не такъ зловоненъ, какъ обыкновенный—добывающій жиръ при помощи солнечныхъ лучей. Деревянные чаны съ тресковою печенью встрѣчаются буквально всюду: и на берегу, и во дворахъ, и на улицѣ. Наполненные печенью, чаны стоятъ по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ, смотря по погодѣ. Если лѣто жаркое и уловъ трески позволяетъ сразу наполнять доверху многочисленные чаны печенью, то это еще благо; но если лѣто ненастное и треска плохо ловится, то чаны наполняются медленно и вся эта смрадная масса мѣсяцами не перестаетъ заражать воздухъ. Послѣдній способъ добыванія изъ тресковой печени жира практикуется и у насъ на Мурманскомъ берегу, причемъ не рѣдко случается, что пустующіе чаны служатъ «кутузкой» для бушующихъ пьяныхъ поморовъ, куда хозяева становищъ прячутъ ихъ для вытрезвленія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ становищахъ Мурманскаго берега, еще въ 1883 году, уже дѣйствовали паровыя салогрѣйни. Тресковый жиръ, особенно его высшій сортъ, цѣнится довольно дорого. Цѣна медицинскаго жира иногда достигаетъ до 13—15 кронъ за пудъ; прочіе сорта жира продаются по цѣнѣ отъ 2-хъ до 8-ми кронъ за пудъ. Отбросы этого производства, идущіе на удобреніе полей, продаются около кроны за пудъ и находятъ хорошій сбытъ.

Хотя портовые города Стараго и Новаго Свѣта и не славятся строгостью нравовъ ихъ обитателей, тѣмъ не менѣе Вардэ, въ этомъ отношеніи, составляетъ рѣдкое, завидное исключеніе, и репутація его населенія почти идеально безупречна. О воровствѣ, грабежахъ и убійствахъ съ корыстной цѣлью здѣсь не имѣютъ понятія; пос-

лѣднія, если и случаются (крайне рѣдко), то только въ запальчивости, свойственной всѣмъ скандинавскимъ народамъ, или въ состояніи афекта, или же по мотивамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ корыстными цѣлями. Здѣсь также нѣтъ того безшабашнаго разгула и разврата, какіе можно встрѣтить въ притонахъ любого приморскаго города. Въ Вардэ нѣтъ не только домовъ терпимости, но, положительно, не существуетъ и тайной проституціи. Семейный очагъ для вѣчно трудящагося населенія Вардэ дороже всего. Весь заработокъ отъ труднаго и опаснаго промысла идетъ исключительно на улучшеніе благосостоянія семьи каждаго промышленника, и ни куда больше. Нѣтъ словъ, что и здѣсь можно отыскать бобылей-пропойцъ, но они будутъ крайне рѣдкимъ исключеніемъ изъ общей массы населенія. Чрезвычайно симпатична домашняя обстановка норвежской семьи и на маленькихъ факторіяхъ, гдѣ все дышетъ еще большей патріархальностью.

Все вышеизложенное—возможно краткая характеристика крайняго сѣвернаго городка Вардэ и его жизни. Не имѣя возможности распространяться здѣсь о многихъ частностяхъ и подробностяхъ жизни сѣверныхъ норвежцевъ, скажу только, что наше архангельское поморье много выиграло бы, подражая, если не во всемъ, то, по возможности, во многомъ, своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, съ бытомъ и благосостояніемъ которыхъ, отлично знакомъ каждый поморъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ и на Мурманскомъ берегу появятся городки, подобные Вардэ, но вопросъ въ томъ, уживутся ли въ нихъ симпатичная простота и строгость нравовъ съ плодами современной цивилизаціи?

V.

Знакомство съ К. Ховгардомъ и прочими членами датской экспедиціи. — Завтракъ на «Димфнѣ».—Краткая біографія Ховгарда.—Разсказъ Ховгарда о пребываніи во льдахъ Карскаго моря «Димфны» и «Варны». — Послѣдній вечеръ въ Вардэ. — Отплытіе въ Тромзё.

Я былъ очень обрадованъ вѣстью о благополучномъ возвращеніи датской полярной экспедиціи и пребыванію ея въ Вардэ и поспѣшилъ познакомиться съ ея начальникомъ, лейтенантомъ Ховгардомъ. Хозяинъ гостинницы указалъ мнѣ комнату, занятую Ховгардомъ. Я постучалъ въ дверь. Получивъ приглашеніе войти, я увидѣлъ передъ собой высокаго, худощаваго блондина, очень симпатичной наружности; это и былъ самъ Ховгардъ. Онъ былъ одѣтъ въ датскую морскую форму и занимался составленіемъ какихъ-то счетовъ. Ховгардъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и любезно предложилъ свою комнату на время моего пребыванія въ Вардэ. Но, не желая стѣснять хозяина, я отказался отъ этой любезности.

Изъ бесѣды съ Ховгардомъ я узналъ, что «Димфна» прибыла въ Вардэ всего за два дня до прихода нашей «Вельды» и пробудетъ здѣсь еще нѣсколько дней для исправленія винта, сломаннаго льдами, при выходѣ изъ Карскаго моря. Вскорѣ въ номеръ Ховгарда вошелъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, молодой офицеръ итальянскаго флота Rensis, съ которымъ Ховгардъ меня сейчасъ же познакомилъ. Во время моего визита, Ховгарду было доставлено нѣсколько телеграммъ съ привѣтствіями по случаю благополучнаго возвращенія «Димфны» изъ полярныхъ льдовъ. Подобныя телеграммы Ховгардъ не переставалъ получать изъ всѣхъ концовъ Европы, отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ личностей, привѣтствовавшихъ энергичнаго молодого изслѣдователя.

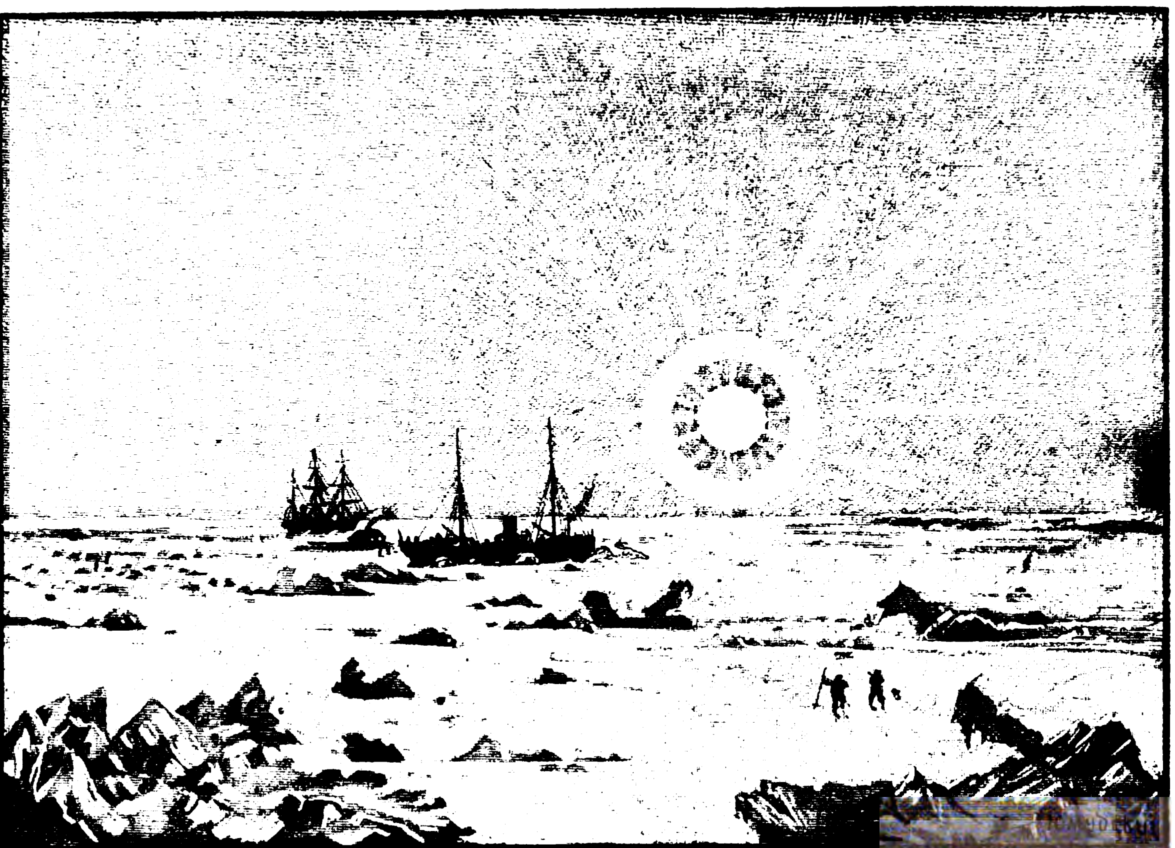
Приближался адмиральскій часъ, и мы втроемъ отправились въ столовую, куда почти вслѣдъ за нами вошелъ еще одинъ участникъ экспедиціи, лейтенантъ датскаго флота Ульсенъ, бывшій старшимъ офицеромъ на «Димфнѣ». За столомъ уже было много публики и общее вниманіе было обращено на героя дня Ховгарда и его достойныхъ сотрудниковъ. Вскорѣ въ гостинницу пришелъ и г. Гебель, все время хлопотавшій по своимъ дѣламъ, и присоединился къ нашему обществу. Завтракъ и пріятная бесѣда тянулись долго и Ховгардъ былъ душой общества. Послѣ завтрака, мы разошлись, условившись вечеромъ снова встрѣтиться въ гостинницѣ. Я съ г. Гебелемъ возвратился на «Вельду», а датчане отправились по своимъ дѣламъ. Съ «Вельды» уже выгружали бочки съ китовымъ жиромъ. Оказалось, что, по различнымъ обстоятельствамъ, «Вельда» не могла идти въ Гамбургъ, а оставивъ грузъ въ Вардэ, должна была слѣдовать въ Христіанію и остаться тамъ на зиму. Самому же г. Гебелю было необходимо торопиться также въ Христіанію, куда его вызывали по дѣлу о заказѣ товариществомъ новаго китобойнаго парохода на судостроительной верфи Nyland'a. Поэтому программа нашего дальнѣйшаго плаванія опредѣлилась слѣдующимъ образомъ: «Вельда» должна была идти въ Тромзё, оттуда въ Дронгеймъ, гдѣ г. Гебель намѣревался высадиться и уже по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Христіанію [1]). Изъ Дронтгейма «Вельда» должна идти въ Христіанію, посѣщая попутные портовые города, для высадки рабочихъ и пополненія запасовъ угля и провизіи. Выгрузку и окончаніе другихъ разсчетовъ въ Вардэ предполагалось произвести въ теченіе двухъ сутокъ. На пароходѣ мы застали норвежскаго капитана Циммермана, судно котораго погибло близь Вардэ. Циммерманъ, не имѣя средствъ возвратиться въ Христіанію, просилъ г. Гебеля разрѣшить ему отправиться на

[1]) Ураганъ, настигшій «Вельду» на переходѣ изъ Тромзё въ Дронтгеймъ, вынудилъ насъ нѣсколько измѣнить этотъ маршрутъ, и мы, вмѣсто Дронтгейма, зашли въ небольшой портовый городокъ Намзосъ, а оттуда въ Бергенъ.

«Вельдѣ». Просьба его была удовлетворена, но г. Гебель предупредилъ его, что за тѣснотой нашей каюты, онъ можетъ помѣститься только съ командой; бѣднякъ, понятно, былъ радъ и этому. Тутъ же явился на «Вельду» и лоцманъ Андерсенъ, выписанный изъ Бергена, для проводки «Вельды» по шхерамъ. Атлетическаго сложенія, съ громовымъ голосомъ, Андерсенъ представлялъ собою настоящій типъ морского волка.

Вечеромъ мы снова были въ номерѣ Ховгарда, гдѣ уже собрались всѣ члены экспедиціи; кромѣ уже мною названныхъ, здѣсь были докторъ и натуралистъ. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, причемъ мы доставили, вѣроятно, не малый доходъ и городскому акцизу. На этотъ разъ говорили о Россіи и русскихъ больше, нежели о льдахъ Карскаго моря. Ховгардъ также говорилъ о своихъ прежнихъ плаваніяхъ и, между прочимъ, о своемъ участіи въ извѣстной экспедиціи профессора Норденшильда на пароходѣ «Вега». Особенно интересовался Россіей молодой итальянскій офицеръ Rensis; я едва успѣвалъ отвѣчать на массу предлагаемыхъ имъ вопросовъ о разныхъ сторонахъ русскаго быта. Вечеринка затянулась на долго и было уже далеко за полночь, когда мы оставили комнату Ховгарда. Ночевать остались въ гостинницѣ, такъ какъ, къ нашему удовольствію, освободился одинъ изъ номеровъ. Утромъ слѣдующаго дня мы съ Ховгардомъ гуляли по городу, а къ полудню, были уже на «Димфнѣ», куда еще наканунѣ Ховгардъ пригласилъ на завтракъ г. Гебеля и меня.

Передъ завтракомъ я осмотрѣлъ «Димфну» во всѣхъ подробностяхъ. «Димфна» ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ другихъ промысловыхъ пароходовъ, типъ которыхъ я описалъ выше. Трюмы парохода, вмѣсто цистернъ, были наполнены провизіей, которой, при отправленіи экспедиціи изъ Копенгагена, было запасено столько, что, по разсчету, должно было хватить на продовольствіе экипажа въ теченіе двадцати шести мѣсяцевъ. Команда «Димфны» состояла изъ шестнадцати человѣкъ матросовъ, частью военно-служащихъ, частью вольнонаемныхъ. На пароходѣ отведено особое отдѣленіе для собакъ, которыхъ экспедиція взяла съ собой изъ Копенгагена. Во время пребыванія экспедиціи во льдахъ Карскаго моря, число собакъ значительно увеличилось новымъ приплодомъ. Для продовольствія собакъ на «Димфнѣ» было запасено также значительное количество особыхъ хлѣбовъ, или большихъ галетъ, спеціально приготовленныхъ для этой цѣли. Ховгардъ предложилъ мнѣ обмѣнять любого изъ датскихъ договъ на мою самоѣдскую собаку «Бѣлку». Но и мои собаки были для меня значительной помѣхой въ плаваніи, поэтому я, отказавшись отъ обмѣна, подарилъ «Бѣлку» Ховгарду. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ Ховгардъ и до сихъ поръ, между прочимъ, извѣщаетъ о здоровьѣ «Бѣлки».

Голландская и датская полярныя экспедиціи во льдахъ Карскаго моря.

Помѣщеніе членовъ экспедиціи и каютъ-кампанія передѣланы изъ трюма и представляютъ собою цѣлую выставку всевозможныхъ астрономическихъ, физическихъ и другихъ приборовъ. Каютъ-кампанія «Димфны» довольно просторна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уютна и свѣтла. Отопленіе устроено также вполнѣ удовлетворительно, благодаря чему, члены экспедиціи не испытывали холода въ жестокіе морозы въ Карскомъ морѣ. Стѣны каютъ-кампаніи, кромѣ различныхъ научныхъ приборовъ, увѣшаны также разнымъ оружіемъ и теплымъ платьемъ. Въ помѣщеніи команды также просторно и свѣтло; эти два условія необходимо должны быть соблюдаемы на всѣхъ судахъ, идущихъ въ продолжительное полярное плаваніе, какъ одна изъ серьезныхъ гарантій противъ заболѣванія скорбутомъ и другими болѣзнями, свирѣпствующими въ полярныхъ широтахъ. Аптека «Димфны» обильно снабжена всѣми необходимыми медикаментами и находится въ завѣдываніи опытнаго доктора. Вообще, изъ подробнаго осмотра всѣхъ помѣщеній «Димфны» и всѣхъ ея запасовъ, можно было заключить, что приспособленіемъ и снаряженіемъ парохода въ полярное плаваніе руководила опытная рука бывалаго мореплавателя. Въ особомъ отдѣленіи была устроена мастерская съ массою всевозможныхъ слесарныхъ, плотничьихъ, столярныхъ и другихъ инструментовъ. Плотникомъ и столяромъ на «Димфнѣ» состоялъ матросъ датскаго военнаго флота, поражавшій своимъ гигантскимъ ростомъ и колосальными размѣрами всего тѣла. Весь экипажъ «Димфны» состоялъ изъ крѣпкихъ и рослыхъ людей; плотникъ же больше чѣмъ на цѣлую голову былъ выше прочихъ. Во время моего посѣщенія «Димфны», на ней работы по исправленію винта приходили къ концу и вечеромъ того же дня долженъ былъ состояться спускъ ее на воду.

Завтракъ былъ приготовленъ исключительно изъ провизіи, какой питалась экспедиція въ Карскомъ морѣ. Хотя онъ состоялъ изъ консервовъ, тѣмъ не менѣе былъ разнообразенъ и вкусенъ. Запасы напитковъ также не были истощены до конца и столъ былъ обильно уставленъ различными водками и винами. Въ тостахъ, конечно, не было недостатка; пили за благополучное возвращеніе экспедиціи, за наше знакомство, за Россію, за Данію, за присутствующихъ и проч. Послѣ завтрака Ховгардъ показывалъ намъ альбомы различныхъ полярныхъ видовъ, набросковъ разныхъ эпизодовъ зимовки экспедиціи, а также составленныя экспедиціей карты и другія научныя работы. Очень хорошъ альбомъ набросковъ карандашемъ, сдѣланныхъ лейтенантомъ Ульсеномъ; такъ какъ въ альбомѣ нашлось нѣсколько дубликатовъ, то Ховгардъ, съ согласія владѣльца альбома, любезно предположилъ ихъ мнѣ на память о «Димфнѣ». Отчеты метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ научныхъ наблюденій, произведенныхъ членами экспедиціи во время двѣнадцати мѣсячнаго пребыванія въ

полярныхъ льдахъ, также составляли объемистые томы различныхъ таблицъ, испещренныхъ массою цифръ. Натуралистъ экспедиціи возратился тоже съ немалымъ запасомъ разнообразныхъ экземпляровъ полярной флоры и фауны. Словомъ, видно было, что если экспедиціи и не удалось достигнуть прямой цѣли своего плаванія, то, все-таки, труды ея членовъ сдѣлали цѣнный вкладъ въ сокровищницу науки естествознанія и отчасти гидрографіи арктическихъ морей.

Я обратился къ Ховгарду съ просьбой сообщить мнѣ, послѣдовательно, всѣ подробности плаванія и совмѣстнаго пребыванія въ карскихъ льдахъ обѣихъ экспедицій на пароходахъ «Димфна» и «Варна». Ховгардъ охотно согласился исполнить мою просьбу и пригласилъ меня въ 5 часовъ къ себѣ, въ гостинницу, обѣщая, при помощи своего дневника, изложить мнѣ всѣ перепетіи обѣихъ экспедицій, случайно почти бортъ о бортъ зазимовавшихъ въ полярныхъ льдахъ. Поблагодаривъ Ховгарда и его спутниковъ, мы разстались. Выгрузка «Вельды» приходила къ концу и на слѣдующій день было назначено отплытіе изъ Вардэ въ Тромзё. За время нашего пребыванія на «Димфнѣ» погода успѣла окончательно испортиться. Утро было совершенно ясное, а теперь шелъ сильный дождь и сѣверо-восточный вѣтеръ крѣпчалъ все больше и больше. Когда я сходилъ съ «Димфны», на ней начались приготовленія къ спуску на воду. Имѣя около двухъ часовъ свободнаго времени, я ими воспользовался, чтобы посѣтить моихъ прежнихъ вардэскихъ знакомыхъ и въ условленное время быть у Ховгарда. Свои визиты я успѣлъ окончить очень скоро и, сдѣлавъ еще кое-какія покупки, возвратился на «Вельду». У борта «Вельды» стояла ёла, въ которую выгружались послѣднія бочки китоваго жира и тутъ же находилась и другая ёла, доставившая на «Вельду» уголь. Гебеля я не засталъ на пароходѣ, а капитанъ сообщилъ мнѣ, что онъ встрѣтится со мной въ гостинницѣ, и что «Вельда» выйдетъ въ море на слѣдующій день, рано утромъ. Было уже около пяти часовъ, и я торопился снова возвратиться на берегъ, чтобы не опоздать къ Ховгарду. Съ шлюпки я видѣлъ, какъ приступили къ спуску «Димфны», но она все еще продолжала оставаться на стапелѣ. Дождь не переставалъ и вѣтеръ продолжалъ свѣжѣть.

Ховгардъ и его спутники были заняты спускомъ «Димфны», а я, въ ожиданіи ихъ, отправился обѣдать въ столовую гостинницы. Столовая была переполнена посѣтителями. Здѣсь я встрѣтилъ своего стараго знакомаго, капитана К—ъ, только-что возвратившагося изъ Дронтгейма, гдѣ онъ оставилъ, приведенный имъ изъ шпицбергенскихъ водъ, пароходъ, въ пріобрѣтеніи котораго онъ самъ имѣетъ извѣстную долю участія[1]). Капитанъ К—ъ довольно

[1]) Въ Норвегіи, Швеціи и Даніи пріобрѣтеніе промысловаго парохода или парусного судна товариществомъ мелкихъ пайщиковъ не составляетъ исключи-

хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и на немъ мы съ нимъ объяснялись. Во время обѣда, съ противоположнаго конца стола, какой-то сѣдой норвежецъ обратился къ К. съ вопросомъ:

— Вашъ собесѣдникъ русскій? и не изъ Архангельска ли?

— Да, русскій, и изъ Архангельска,—отвѣтилъ К. сѣдому незнакомцу.

Тогда незнакомецъ, отрекомендовавшись, началъ справляться у меня о шведско-норвежскомъ консулѣ въ Архангельскѣ, Бодомѣ. Этого уважаемаго консула, весьма популярнаго не только во всей Норвегіи, но и пользовавшагося симпатіями архангельскаго общества, я зналъ лично и объ этомъ знакомствѣ до сихъ поръ вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Такъ вы Бодома знаете?—обратился уже ко мнѣ почтенный норвежецъ.

— Да, знаю,—отвѣчалъ я,—и считаю его однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ Архангельскѣ.

Этотъ мой искренній отзывъ о дѣйствительно достойномъ человѣкѣ [1]) привелъ въ восторгъ старика и онъ съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Да, Бодомъ истинный сынъ Норвегіи, онъ товарищъ по морской службѣ нашего короля и мой, но только судьба меня бросила на иной путь—торговый, о которомъ я, впрочемъ, не жалѣю.

Нашъ новый собесѣдникъ еще долго повѣствовалъ о товарищѣ дѣтства, консулѣ Бодомѣ.

Уже въ восьмомъ часу вечера, Ховгардъ и его помощники, окончивъ спускъ «Димфны» со стапеля, возвратились въ гостинницу. Проголодавшіеся датчане потребовали обѣдъ, что не мало затруднило кухарку, израсходовавшую всю суточную провизію. Нечего было дѣлать, имъ пришлось ожидать, пока не изготовятъ заказанныя блюда. Ховгардъ извинился, что не исполнилъ своего обѣщанія быть въ пять часовъ дома, да кстати въ это время пришелъ въ гостинницу и Гебель и объявилъ, что «Вельда» остается еще на сутки въ Вардэ. Искренно или нѣтъ, но видимо, датчане порадовались возможности провести съ нами еще сутки. Наскоро состряпанный обѣдъ былъ съѣденъ съ завиднымъ аппетитомъ.

тельнаго явленія. Иногда паи товарищества, содержащаго небольшую промысловую яхту, стоятъ не болѣе 5-ти или 10-ти рублей. Подобныя мелкія товарищества чаще всего встрѣчаются въ портахъ Сѣверной Норвегіи, гдѣ почти все населеніе участвуетъ паями въ томъ или другомъ промысловомъ предпріятіи, почти всегда дающемъ хорошіе барыши.

[1]) Генеральный шведско-норвежскій консулъ въ Архангельскѣ, Х. И. Бодомъ, много лѣтъ провелъ въ этомъ званія и за время своего пребыванія въ Архангельскѣ пріобрѣлъ общія симпатіи населенія. Недолюбливала его лишь высшая администрація, за настойчивость, съ которою онъ охранялъ интересы и справедливыя требованія норвежскихъ подданныхъ.

«Вельду» задерживало въ Вардэ неполученіе отвѣта изъ Петербурга на посланную г. Гебелемъ телеграмму въ правленіе товарищества.

На этотъ разъ мы въ гостинницѣ долго не засиживались и къ одиннадцати часамъ вечера уже были на «Вельдѣ». Пріѣхали мы измокшіе подъ проливнымъ дождемъ, смѣнявшимся по временамъ мокрымъ снѣгомъ. Нашъ придурковатый «кокъ», или «стюартъ» [1]), живо приготовилъ намъ чай, и мы обсушились и согрѣлись. На палубѣ команда еще возилась съ погрузкой угля и выгрузкой бочекъ. Въ кубрикѣ слышалась какая-то заунывная скандинавская пѣсня, которую нескладно тянули подгулявшіе рабочіе, поспѣшившіе возвратиться съ берега, въ ожиданіи отплытія «Вельды». Къ полуночи на пароходѣ все затихло, команда улеглась спать и только надъ нашими головами раздавались мѣрные шаги вахтеннаго матроса. На слѣдующее утро, въ шесть часовъ, въ каютѣ, по обыкновенію, появился «стюартъ» съ кофе. Хотя никакихъ дѣлъ и не было, тѣмъ не менѣе, волей-неволей, пришлось вставать, такъ какъ упрямый «стюартъ» въ точности и съ упорствомъ исполнялъ, данный ему, разъ навсегда, приказъ—будить въ шесть часовъ утра. За ночь погода нисколько не улучшилась, дождь не переставалъ и сдѣлалось еще холоднѣе. Написавъ на пароходѣ нѣсколько писемъ, я съѣхалъ на берегъ и, побывавъ еще кое у кого изъ вардэскихъ знакомыхъ, направился въ гостинницу. Въ столовой капитаны двухъ норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ, отправлявшихся въ этотъ день на зимовку въ Южную Норвегію, справляли «отвальную»; шелъ пиръ горой; густые клубы трубочнаго и сигарнаго дыма наполняли небольшую комнату и дѣлали непріятнымъ продолжительное пребываніе въ ней. Наскоро позавтракавъ, я отправился къ Ховгарду. Его не было дома, но вѣстовой матросъ сообщилъ мнѣ, что онъ скоро возвратится и просилъ меня подождать. Минутъ черезъ двадцать, дѣйствительно, Ховгардъ былъ уже въ своемъ номерѣ и встрѣтилъ меня съ обычной привѣтливостью. Исправленіе сломаннаго винта «Димфны» было совершенно окончено и она была спущена съ стапеля, оставалось только принять грузъ угля. Прежде чѣмъ возвратиться въ Копенгагенъ, Ховгардъ предполагалъ посѣтить нѣкоторые порты Норвегіи и Швеціи и въ Готенборгѣ, принявшемъ участіе въ снаряженіи экспедиціи, сдѣлать сообщеніе о плаваніи «Димфы». Ховгардъ разсчитывалъ оставить Вардэ дня черезъ два или три. Былъ поданъ пуншъ и Ховгардъ началъ свой въ высшей степени интересный разсказъ.

Прежде чѣмъ передать здѣсь разсказъ Ховгарда, я сообщу нѣкоторыя біографическія данныя о самомъ разсказчикѣ, заслужившемъ,

---

[1]) «Стюартами» называютъ пароходныхъ поваровъ, прислуживающихъ также и въ каютахъ грузовыхъ пароходовъ.

не смотря на свою молодость, репутацію опытнаго полярнаго мореплавателя, имѣющаго серьезную научную подготовку.

А. Ховгардъ родился въ 1853 году и первоначальное образованіе получилъ въ Копенгагенскомъ морскомъ училищѣ, а затѣмъ продолжалъ изученіе морскихъ наукъ въ датской морской академіи, которую окончилъ съ званіемъ подлейтенанта. Получивъ высшее морское образованіе, А. Ховгардъ совершилъ нѣсколько плаваній на судахъ датскаго военнаго флота въ европейскихъ моряхъ и Индійскомъ океанѣ. При прохожденіи высшихъ курсовъ морской академіи, А. Ховгардъ съ особымъ усердіемъ занялся изученіемъ географіи и физическихъ наукъ. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ слушателемъ академіи главнаго штаба датской арміи. Военную академію А. Ховгардъ окончилъ также съ успѣхомъ и былъ награжденъ чиномъ лейтенанта флота. Вскорѣ, послѣ окончанія академіи, имя Ховгарда встрѣчается въ спискѣ славныхъ участниковъ знаменитой экспедиціи профессора Норденшильда, на пароходѣ «Вега», въ которой онъ принималъ участіе въ качествѣ завѣдывающаго физическими и астрономическими наблюденіями. Ховгардъ благополучно совершилъ на «Вегѣ» плаваніе вокругъ береговъ Азіи и Европы и, по окончаніи экспедиціи, возвратился въ Копенгагенъ. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Данію, были получены извѣстія о гибели парохода «Жаннета», на которомъ находилась американская полярная экспедиція. Для спасенія экипажа «Жаннеты», лейтенантъ Ховгардъ предложилъ снарядить экспедицію, которая должна была отправиться изъ одного изъ европейскихъ портовъ и, войдя въ Карское море, слѣдовать вдоль береговъ Сибири. Ховарду удалось запастись въ Даніи нѣкоторою суммою денегъ, необходимыхъ для снаряженія, предположенной имъ экспедиціи, и онъ отправился въ Америку. Но за два дня до пріѣзда его въ Нью-Іоркъ, тамъ было получено извѣстіе съ «Жаннеты», разстроившее всѣ планы Ховгарда. По возвращеніи въ Копенгагенъ, лейтенантъ Ховгардъ опубликовалъ брошюру, въ которой изложилъ свои предположенія о существованіи, неизвѣстныхъ доселѣ, материковъ противъ сѣвернаго побережья Сибири. Доводы Ховгарда, подкрѣпленные научными данными, добытыми имъ во время экспедиціи Норденшильда, обезпечили успѣхъ брошюры и вскорѣ послѣ ея появленія, датское правительство и нѣкоторыя частныя лица согласились осуществить идею Ховгарда и подъ его начальствомъ была снаряжена полярная экспедиція на пароходѣ «Димфна». Благополучно окончивъ и эту экспедицію, Ховгардъ снова возвратился въ ряды датскаго флота. Онъ и по настоящее время постоянно плаваетъ на военныхъ судахъ и два года тому назадъ посѣтилъ Кронштадтъ, на учебномъ корветѣ, вмѣстѣ съ гардемаринами копенгагенскаго морского училища.

Теперь я изложу подробности пребыванія датской и голланд-

ской экспедицій во льдахъ Карскаго моря. Разсказъ Ховгарда я дополню свѣдѣніями, полученными мною также и отъ членовъ голландской полярной экспедиціи, во время моего пребыванія въ Амстердамѣ, который я посѣтилъ въ томъ же, 1883 году.

Какъ я уже говорилъ выше, датская экспедиція отправилась на собственномъ пароходѣ «Димфна», а голландская на наемномъ норвежскомъ пароходѣ «Варна», подъ командой норвежскаго же капитана Кнюдсена. Составъ датской экспедиціи извѣстенъ; голландская же—состояла изъ начальника экспедиціи, члена утрехтскаго метеорологическаго института, доктора Снеллена, его помощника, лейтенанта Лами, натуралиста Руи, доктора Крамера и завѣдывающаго физическими обсерваціями Экама. «Димфна», руководимая Ховардомъ, вышла изъ Копенгагена и, побывавъ въ нѣкоторыхъ портахъ Норвегіи, посѣтила Новую Землю и затѣмъ, черезъ Югорскій Шаръ проникла въ Карское море. Читателямъ также уже извѣстны подробности пребыванія «Димфны» въ Югорскомъ Шарѣ, въ становищѣ Хабарово и о высадкѣ тамъ промышленника Бабикова, взятаго экспедиціей съ Новой Земли. Голландская экспедиція на пароходѣ «Варна» была снаряжена для производства метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ наблюденій, по программѣ, выработанной на международномъ метеорологическомъ конгресѣ. Экспедиція должна была устроить станцію въ портѣ Диксонъ. Согласно постановленію международнаго конгреса, подобныя экспедиціи, въ томъ же году, были снаряжены разными государствами, причемъ русская экспедиція была отправлена на Новую Землю. «Варна», принявъ въ Дронтгеймѣ деревянные срубы, предназначавшіеся для постройки въ портѣ Диксонъ жилого помѣщенія и обсерваціонныхъ павильоновъ, побывала еще въ Гаммерфестѣ и оттуда, вмѣстѣ съ пароходомъ барона Кнопа «Луиза», шедшимъ къ берегамъ Сибири, отправилась къ проходамъ въ Карское море. Датской экспедиціи удалось проникнуть въ Карское море восьмого сентября; но здѣсь она встрѣтила непроходимые льды, вмѣстѣ съ которыми «Димфну» носило вѣтромъ взадъ и впередъ. «Варна» вмѣстѣ съ «Луизой» дѣлали попытки проникнуть въ Карское море черезъ всѣ три существующіе прохода: Маточкинъ Шаръ, Карскія Ворота и Югорскій Шаръ. Третьяго августа «Варна» была у западнаго входа въ Маточкинъ Шаръ, но войти въ него не рискнула, такъ какъ плывшія по проливу мелкія льдинки служили признакомъ значительнаго скопленія льдовъ на восточной сторонѣ пролива. Чтобы увѣриться въ этомъ предположеніи, начальникъ экспедиціи лично отправился ознакомиться съ состояніемъ льдовъ. Въ результатѣ поѣздки доктора Снеллена было то, что «Варна» и «Луиза» оставили попытку проникнуть въ Карское море черезъ Маточкинъ Шаръ и оба парохода спустились къ югу и только тридцатаго августа вошли въ Карское Море черезъ

Югорскій Шаръ. Между тѣмъ «Димфна» не подвинулась впередъ, а окруженная ледяными массами, плавала вмѣстѣ съ ними. Встрѣча «Варны» съ «Димфной» произошла въ Карскомъ морѣ 18-го сентября и въ этотъ же день «Луиза», потерявъ надежду пройти въ устья Енисея, возвратилась обратно. Пароходы обѣихъ экспедицій находились на разстояніи нѣсколькихъ саженей другъ отъ друга. Въ такомъ положеніи пароходы были затерты льдами [1]).

Наступилъ октябрь, начались морозы и для начальниковъ экспедицій стало ясно, что нечего было и думать о продолженіи плаванія, а было необходимо принять мѣры предосторожности, въ виду всякихъ случайностей. Пароходы стояли подъ 70° сѣверной широты и 60° 36′ восточной долготы. Во второй половинѣ октября, льды, окружавшіе пароходы, начали двигаться, увлекая и ихъ вмѣстѣ съ собой. Впрочемъ, движеніе льдовъ было незначительное. Самое опасное время для обѣихъ экспедицій началось съ конца октября, когда начали надвигаться новыя ледянныя массы, нагромождавшіяся вокругъ пароходовъ. Положеніе экспедицій было критическое; съ минуты на минуту можно было ожидать, что льды раздавятъ пароходы. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, часть провизіи была перенесена на льдину. Ночь со 2-го на 3-е ноября была роковая для обоихъ пароходовъ. Льды со всѣхъ сторонъ напирали на пароходы и ихъ экипажи вынуждены были искать спасенія на льду и перешли на Санъ-Сальвадоръ, куда раньше была выгружена провизія. Утромъ, когда напоръ льдовъ прекратился, экспедиціи съ тревогой отправились осматривать состояніе пароходовъ. «Димфна» оказалась цѣлою, за то «Варна» сильно пострадала и дала течь. Состояніе ея было таково, что экипажу немыслимо было на ней оставаться. Въ трюмахъ воды было почти на четыре фута и большая часть провизіи оказалось подмоченной. Съ «Варны» снесли все, что только было возможно и голландская экспедиція расположилась на льду. Въ теченіе всей зимы обѣ экспедиціи продолжали производить различныя наблюденія. Началась длинная полярная ночь. Все, что находилось въ распоряженіи начальниковъ обѣихъ экспедицій, было употреблено для доставленія возможныхъ развлеченій матросамъ и самимъ членамъ экспедицій. Устроивались прогулки по безконечнымъ, окружавшимъ пароходы ледяннымъ полямъ, охоты, спектакли и другія импровизированныя празднества. Особенно торжественно встрѣтили экспедиціи 1-е января 1883 года, съ которымъ были связаны ихъ надежды на возвращеніе. Никогда прежде тѣ широты на видывали такой блестящей иллюминаціи и фейерверка и такого многолюднаго и шумнаго карнавала, какіе датчане и голландцы устроили на льду, на далекомъ Сѣверѣ, въ канунъ новаго года. Зима была

[1]) Самую большую льдину назвали «Санъ-Сальвадоръ».

очень холодная и случалось, что въ термометрахъ ртуть замерзала. Скрывшееся солнце показалось надъ горизонтомъ только 19-го января. Въ теченіе зимы экспедиціямъ нѣсколько разъ пришлось выдерживать жестокія снѣжныя бури. Больныхъ въ обѣихъ экспедиціяхъ почти не было; смертный случай былъ только одинъ— умеръ отъ чахотки голландскій матросъ, страдавшій ею еще до отправленія экспедиціи. Къ концу апрѣля температура начала возвышаться, а въ маѣ стало замѣтно таянье снѣга и льды снова начали приходить въ движеніе, причиняя не мало тревогъ экспедиціямъ. «Димфна» все время благополучно выдерживала напоры, «Варна» же получила еще большія поврежденія и въ концѣ іюля погрузилась подъ ледъ. Экспедиціи пришлось пережить въ высшей степени тягостныя минуты при видѣ этихъ похоронъ въ невѣдомыя воды, корабля, съ которымъ, какъ и всякій морякъ, сроднились и они.

Потерявъ судно, голландцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ попытаться достигнуть берега по льду. И вотъ, экспедиція съ нагруженными санями и лодками, 1-го августа распростилась съ датчанами, остававшимися еще въ Карскомъ морѣ, и тронулась въ путь. Двадцать пять дней экспедиціи пришлось совершать чрезвычайно трудный путь по льду. Лодки и сани они тащили на себѣ, что еще больше задерживало ихъ путешествіе и только 25-го августа они достигли Вайгача, близъ котораго были приняты пароходами Сибирякова, доставившими ихъ въ Норвегію. «Димфна» же продолжала оставаться во льдахъ въ теченіе всего августа и только въ сентябрѣ ей удалось освободиться отъ льдовъ и выбраться въ Ледовитый океанъ. Здѣсь я привелъ разсказъ Ховгарда въ самомъ сжатомъ видѣ.

Поблагодаривъ почтеннаго разсказчика, я отправился отыскивать Гебеля, чтобы узнать о времени отплытія «Вельды». Ожидаемая телеграмма изъ Петербурга была получена и отходъ «Вельды» былъ назначенъ рано утромъ на слѣдующій день.

Вечеръ мы провели съ датчанами и уже поздно, послѣдній разъ простившись съ Ховгардомъ и его спутниками, возвратились на «Вельду». Съ четырехъ часовъ утра начали разводить пары, а въ восьмомъ часу «Вельда» снялась съ якоря.

На «Димфнѣ» былъ поднятъ международный сигналъ, означавшій пожеланіе благополучнаго плаванія; на это послѣднее привѣтствіе датчанъ мы отвѣчали троекратнымъ спускомъ кормового флага.

Вскорѣ Вардэ и его рейдъ съ «Димфной» скрылись изъ виду, а сбоку и впереди выднѣлись угрюмыя скалы Финмаркена.

М. Робушъ.

ЖИЗНЬ И ЛЮДИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ[1].

(Воспоминанія, наброски, переписка).

Посвящается Аннѣ Валеріановнѣ Назарьевой.

IV.

Профессора Казанскаго университета моего времени и попечитель Мусинъ-Пушкинъ.

НИВЕРСИТЕТСКІЕ нравы и порядки моего времени, въ сущности, недалеко ушли отъ порядковъ, съ которыми познакомилъ насъ профессоръ Казанскаго университета Буличъ въ своей книгѣ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Въ стѣнахъ университета все еще жили воспоминанія о Магницкомъ, а большинство профессоровъ, въ особенности юридическаго факультета, состояло изъ нѣмцевъ, водворенныхъ первыми попечителями округа, Румовскимъ и Салтыковымъ. Но мнѣніе Салтыкова, высказанное имъ въ письмѣ къ графу Разумовскому, что «нѣмецкіе профессора превосходятъ нашихъ, какъ познаніями, такъ и нравственностью», не имѣло уже смысла, такъ какъ въ мое время выдающихся профессоровъ изъ нѣмцовъ не было, между тѣмъ какъ университетъ съ полнымъ основаніемъ имѣлъ право гордиться именами Лобачевскаго, Симонова, Зинина, Котельникова и мно-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 424.

гихъ другихъ. Самымъ же слабымъ по составу профессоровъ былъ юридическій факультетъ, долгое время служившій убѣжищемъ для будущихъ гусарскихъ корнетовъ и богатыхъ, что называется «порядочныхъ молодыхъ людей», самою судьбою предназначенныхъ для того только, чтобы пріятно и беззаботно прожить свой вѣкъ.

Всегда неразборчивый въ своихъ выраженіяхъ, попечитель Казанскаго университета, Мусинъ-Пушкинъ, во всеуслышаніе говаривалъ «что ни юристъ—то дуракъ». И такое мнѣніе, не взирая на его излишнюю рѣзкость, имѣло нѣкоторое основаніе. Обыкновенно на юридическій факультетъ поступала масса студентовъ, изъ числа коихъ только ничтожная часть благополучно оканчивала курсъ. Мнѣ помнится, что въ мое время первокурсниковъ было до 88 человѣкъ, во второй курсъ перебралось 15, а кончившихъ курсъ и получившихъ дипломы оказалось всего восемь.

Выдающаяся слабость юридическаго факультета моего времени, прежде всего, объясняется составомъ профессоровъ, точно за выслугу лѣтъ и для почета занимавшихъ свои каѳедры. Нужно еще удивляться тому, что при такихъ условіяхъ, когда студенты обязательно являлись на лекціи для того только, чтобы дремать, слушая какую-то безсвязную болтовню на мало понятномъ, исковерканномъ русскомъ языкѣ, рисовать карикатуры на профессоровъ, или читать тщательно прикрытую книжку, не имѣющую ничего общаго съ римскимъ или уголовнымъ правомъ,—университетъ все-таки давалъ полезныхъ людей, во всякомъ случаѣ далеко возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ.

Съ ранняго утра всѣ юристы на лицо, застегнутые на всѣ пуговицы и обстриженные подъ гребенку, ждутъ профессора международнаго права и декана юридическаго факультета Винтера.

Сильно хлопнула стеклянная дверь, сторожъ едва успѣлъ подхватить шубу, сброшенную съ плечъ декана, павшаго на ноги подагрика. Высоко поднявъ голову, съ театральнымъ величіемъ, ничего не видя и не желая видѣть, шествуетъ онъ по коридору въ профессорскую комнату. Но его давно уже поджидаютъ два отъявленныхъ шалуна и, ставши другъ противъ друга, разомъ отвѣшиваютъ такой низкій поклонъ, что головы ихъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ нѣчто въ родѣ тріумфальной арки. Съ минуту топчется на мѣстѣ недоумѣвающій деканъ, а потомъ стремглавъ кидается къ инспектору съ жалобой на то, что студенты кланяются ему «на турецкій манеръ».

Поднимается общій сдержанный хохотъ: хохочутъ кочующіе по коридору студенты, хихикаютъ профессора, собравшіеся въ голубой комнатѣ, съ гравюрами библейскаго содержанія, даже инспекторъ и тотъ не въ состояніи выдержать роли блюстителя порядка, напрасно розыскивая виновныхъ. А между тѣмъ оскорбленный и выжившій изъ ума старецъ уже успѣлъ взобраться на

каѳедру и, на непонятномъ для большинства французскомъ языкѣ, начинаетъ лекцію о морскихъ салютахъ. Начинается невѣроятное въ храмѣ наукъ представленіе. Для наглядности, деканъ вынимаетъ изъ кармана засыпанный табакомъ платокъ и то свертываетъ, то распускаетъ его, представляя салюты флагомъ, а потомъ переходитъ къ салютамъ пушечными выстрѣлами и, надувая щеки, усиливается какъ можно натуральнѣе изобразить кононаду. Дошло до того, что на одной изъ своихъ лекцій, рисуя намъ картину вступленія союзниковъ въ Парижъ, въ 1813 году, и желая запечатлѣть ее въ памяти слушателей, почтенный деканъ нѣсколько разъ проскакалъ по комнатѣ, изображая, то прусскаго короля, то австрійскаго императора.

На первыхъ лекціяхъ профессора мы буквально задыхались отъ приступавшаго смѣха, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы овладѣть собой и не попасть въ бѣду, а потомъ привыкли и уже равнодушно смотрѣли на представленіе. Но за то, во время повѣрочныхъ испытаній, наше положеніе становилось невозможнымъ, такъ какъ мы должны были объясняться на русскомъ языкѣ, непонятномъ для профессора.

Въ эти достопамятные дни, аудиторія переполнялась студентами другихъ факультетовъ, являвшимися, какъ на спектакль.

Обыкновенно, вызванный къ отвѣту студентъ, начиналъ городить, что приходило въ голову, между тѣмъ какъ ученый мужъ впивался въ него недовѣрчивымъ, испытующимъ взоромъ и только ждалъ малѣйшаго признака улыбки, чтобы поставить дурную отмѣтку. Такимъ образомъ, въ аудиторіи устроивалась своего рода борьба,—побѣдителемъ выходилъ только человѣкъ, способный владѣть собой и не сморгнуть глазомъ.

Но вотъ терпѣніе лопнуло... Разомъ прыснула вся аудиторія, а побагровѣвшій отъ злобы деканъ бѣжитъ за инспекторомъ и проситъ его защиты.

— Это лучше всякой комедіи...—толкуютъ студенты другихъ факультетовъ, расходясь послѣ лекціи декана, между тѣмъ, какъ его мѣсто уже занято профессоромъ уголовнаго права, престарѣлымъ нѣмцемъ, съ розовымъ, чисто выбритымъ лицомъ, въ облакѣ взъерошенныхъ сѣдыхъ волосъ. Онъ тотчасъ же впадаетъ въ меланхолическое настроеніе духа и въ аудиторіи въ теченіе цѣлаго часа слышится какой-то лепетъ только-что начинающаго говорить ребенка въ такомъ родѣ: «если кто-либо, когда-либо, гдѣ-либо, кого-либо ранитъ пулею» и т. д., и т. д.

Ничего не понимая, студенты, при всемъ томъ, сохраняютъ наружное уваженіе къ профессору, за которымъ остается слава знаменитаго въ свое время бурша и рубаки одного изъ первыхъ германскихъ университетовъ.

Раздается звонокъ... студенты переходятъ въ другую аудиторію, а за ними стрѣлой влетаетъ третій нѣмецъ, профессоръ римскаго права, или, какъ выражался ученый мужъ, «рымскаго права». Это былъ кривой на одинъ глазъ, сгорбленный, сухой какъ щепка, но при всемъ томъ, необычайно юркій и проворный старикъ. Удрученный большимъ семействомъ, онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы заработать свой хлѣбъ и потому вѣчно торопился. Издали, на улицѣ, его можно было принять за летящую птицу, а прилетая въ аудиторію, онъ быстро развертывалъ когда-то, съ расчетомъ на сбытъ между студентами, скомпилированный съ большихъ нѣмецкихъ курсовъ, учебникъ римскаго права и, отвернувшись къ стѣнѣ, немилосердно ломая русскій языкъ, читалъ по книгѣ. Съ своей стороны, одна половина студентовъ углублялась въ чтеніе послѣдняго журнала, а другая, нисколько не стѣсняясь, располагалась съ бумагой и карандашами, чтобы въ сотый разъ рисовать портретъ профессора.

На смѣну профессора римскаго права, едва передвигая ногами, подавленный собственной тяжестью, движется профессоръ естественнаго права, настоящій помѣщикъ, въ конецъ излѣнившійся въ деревнѣ. Опустившись въ кресло, толстякъ вынимаетъ изъ бокового кармана тощую книжку естественнаго права, собственнаго приготовленія по Смайльсу, зажмуриваетъ глаза и буквально шепчетъ что̀-то непонятное въ теченіе часа. Вся аудиторія погружается въ дремоту, а нѣкоторые изъ числа слушателей съ тѣмъ уже и шли на лекцію естественнаго права, чтобы выспаться послѣ безсонной ночи.

Апатія и невообразимая скука, водворившаяся въ аудиторіяхъ, въ нѣкоторой степени разгонялась желчнымъ профессоромъ исторіи, дѣйствовавшимъ на нервы, также точно какъ гроза въ удушливый лѣтній день.

Высокаго роста, худой, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ и умными, но злыми глазами, профессоръ исторіи держалъ себя съ напускной важностью, относясь къ студентамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались склонностью къ франтовству и развлеченіямъ, какъ къ заклятымъ врагамъ. Рѣчь его была всегда одинаково плавная, жесты округленные, но это не мѣшало ему отталкивать слушателей какой-то удручающей монотонностью и дѣланнымъ паѳосомъ.

Въ заключеніе повторялось новое, невѣроятное въ наши дни, потѣшное зрѣлище. Въ большой залѣ, на лекціяхъ богословія, существовавшихъ для одной проформы, собирались студенты четырехъ факультетовъ, между которыми замѣчались даже инородцы. Законоучитель, представительной наружности монахъ съ докторскимъ наперстнымъ крестомъ, усѣлся за каѳедрой. Это былъ извѣстный архимандритъ Зилантіева монастыря, авторъ «Исторіи

философіи», не взирая на гоненія, поднятыя на него митрополитомъ Филаретомъ, до старости лѣтъ сохранившій невозмутимо веселый характеръ и имѣвшій репутацію буфона и отчасти циника.

Богословіе читалось ученымъ архимандритомъ только въ присутствіи начальства, изрѣдка навѣщавшаго его лекціи, но лишь только начальство скрывалось за дверью, монахъ снималъ свой черный клобукъ и въ аудиторіи поднимался дымъ коромысломъ... Студенты на перерывъ сообщали смѣшные и даже скандальные анекдоты и городскія новости. Гдѣ-то въ углу раздавался звукъ охотничьяго рожка.

— А поди это все А—въ прокуратитъ,—нисколько не возмущаясь такой неожиданностью, говорилъ монахъ, утирая слезы, выступавшія отъ не удержимаго хохота.—А ну-ка, покажи, покажи свое искусство.

На сцену выступалъ извѣстный въ то время забубенный малый А—въ и безцеремонно показывалъ свой инструментъ, который постоянно носилъ на лекціи, а потомъ, по просьбѣ монаха, изображалъ передъ публикой субъ-инспекторовъ университета.

— Вотъ такъ мастеръ, мастеръ перваго сорта! — одобрительно повторялъ монахъ, колыхаясь всѣмъ грузнымъ тѣломъ — между тѣмъ, какъ многочисленные зрители только-что не валились съ своихъ мѣстъ, заливаясь дружнымъ хохотомъ и припадая грудью къ партамъ.

Затѣмъ студенты расходились по своимъ квартирамъ, унося съ собой пріобрѣтенныя въ теченіе дня умственныя сокровища.

Кромѣ упомянутыхъ выше профессоровъ, студенты перваго курса юридическаго факультета обязаны были посѣщать лекціи нѣмецкаго и латинскаго языковъ, хотя въ сущности никто не занимался этими предметами, надѣясь на снисходительность экзаменаторовъ. Нѣмецъ Нордманъ, для своего собственнаго удовольствія, читалъ на лекціяхъ тридцатилѣтнюю войну Шиллера, а семидесятилѣтній классикъ Лукашевскій, воспитанникъ іезуитовъ, ссыльный полякъ, находившійся при университетѣ на положеніи блаженнаго, которому все сходило съ рукъ, все извинялось, скорѣе пѣлъ, нежели читалъ намъ Горація, уносясь въ иной міръ и забывая, гдѣ онъ находится. Онъ требовалъ одного, чтобы его слушатели не мѣшали его блаженному настроенію и всѣмъ безъ разбора ставилъ хорошія отмѣтки. Никогда въ теченіе всей остальной жизни не встрѣчалъ я потомъ человѣка способнаго увлекаться до такой степени, какъ увлекался старый профессоръ при чтеніи классиковъ. Его голосъ то звучалъ, какъ труба, то постепенно ослабѣвалъ, переходя въ какой-то шопотъ, между тѣмъ, какъ крупныя слезы, одна за другой, падали изъ-подъ синихъ очковъ.

Однажды, въ самый разгаръ патетическаго настроенія, въ коридорѣ, нежданно-негаданно, грянулъ громъ, т. е. раздался голосъ

Мусина-Пушкина. Двери аудиторіи быстро распахнулись, всѣ вздрогнули и вытянулись въ струну.

Невозможно забыть послѣдовавшую затѣмъ сцену.

— Садитесь!—прогремѣлъ попечитель, вооружился лорнетомъ и, скрестивъ руки на груди, неподвижно, какъ монументъ, всталъ противъ каѳедры. Но старый латинистъ ни сколько не потерялся, не измѣнилъ себѣ и, одушевляясь все болѣе и болѣе, еще выше воспарилъ надъ землей.

Наступила мертвая тишина, среди которой раздавался, то трогательный, умиленный, то, угрожающій голосъ профессора, между тѣмъ, какъ грозный попечитель продолжалъ стоять передъ каѳедрой, видимымъ образомъ недоумѣвая, какъ объяснить себѣ восторженное настроеніе старика—притворствомъ, или, можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ при чтеніи классиковъ. Вѣроятно, онъ такъ и унесъ съ собой это недоумѣніе, тотчасъ же разразившись новыми громами въ коридорѣ. Съ своей стороны, старый классикъ, пробужденный отъ своего упоенія звонкомъ сторожа, возвѣстившаго конецъ лекціи, спокойно, не торопясь, снялъ очки, взялъ подъ мышку Горація и, высоко поднявъ голову, вышелъ вонъ, а потомъ, какъ увѣряли достовѣрные люди, наткнувшись у подъѣзда на экипажъ попечителя, самымъ добродушнымъ голосомъ посовѣтывалъ его кучеру какъ можно лучше исполнять свою обязанность и помнить, что баринъ во всякое время можетъ пересадить его съ козелъ на каѳедру.

Говоря это, безстрашный классикъ намекалъ на назначеніе танцмейстера при дѣтяхъ попечителя, учителемъ латинскаго языка въ одну изъ казанскихъ гимназій.

Въ своихъ бѣглыхъ воспоминаніяхъ мнѣ не разъ пришлось коснуться Мусина-Пушкина, въ скоромъ времени назначеннаго попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Но его характеристика была бы не полной, безъ нѣкоторыхъ добавленій, рисующихъ грознаго попечителя въ иномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ справедливость требуетъ добавить, что не смотря на панику, вызываемую однимъ появленіемъ его, на манеру всѣмъ и каждому изъ своихъ подчиненныхъ говорить—«ты», а при малѣйшемъ безпорядкѣ гремѣть и распекать, не стѣсняясь въ выборѣ выраженій, въ запальчивости доходившихъ до обѣщанія обстричь студента на барабанѣ, или выкинуть въ форточку громаднаго роста надзирателя гимназіи; не взирая на все это, тотъ же сильный Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ принять самое живое участіе въ судьбѣ бѣднаго учителя, отъ имени неизвѣстнаго, помогать семьѣ, оставшейся въ безпомощномъ положеніи, и, вообще, отозваться на всякое доброе дѣло. Этого мало, онъ высоко цѣнилъ искренность и прямое обращеніе къ нему. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда студенты шли прямо къ попечителю, чтобы объяснить свои нужды, или откро-

венно признаться въ своихъ проказахъ, и всегда находили помощь и защиту, тѣмъ болѣе, что Мусинъ-Пушкинъ не терпѣлъ ничьего вмѣшательства въ дѣла университета и горой стоялъ за своихъ.

V.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ.

Возвратившись съ ваката, послѣ перехода во второй курсъ мы узнали, что въ Казань пріѣхало нѣсколько новыхъ профессоровъ, бывшихъ воспитанниковъ педагогическаго института, побывавшихъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ. Одинъ изъ новыхъ профессоровъ, Мейеръ, долженъ былъ читать гражданское право, другой, Осокинъ, теорію финансовъ.

Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что съ пріѣздомъ молодыхъ профессоровъ связанъ настоящій переворотъ и пробужденіе юридическаго факультета отъ продолжительнаго сна.

Наступила первая лекція профессора Мейера. Въ аудиторію, въ которую собралось пятнадцать человѣкъ всякими правдами и неправдами перебравшихся во второй курсъ юридическаго факультета, вошелъ маленькій, худенькій человѣкъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ. Вся фигура его, въ новомъ съ иголочки ученомъ мундирѣ, отличалась мягкостью и благородствомъ. Онъ началъ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, но вскорѣ овладѣлъ собой, рѣчь становилась громче и выразительнѣе, щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

Говоря по совѣсти, мы мало понимали изъ того, что говорилъ новый профессоръ, но его горячность, невиданное одушевленіе, поразили слушателей. Всѣ поняли желаніе профессора передать намъ свои знанія, вложить душу въ свою лекцію, и тотчасъ же встрепенулись, а перья съ небывалой быстротой забѣгали по бумагѣ и каждое слово записывалось не только съ буквальной точностью, но съ какимъ-то благоговѣніемъ. Дома студенты сейчасъ же принялись переписывать первую лекцію Мейера набѣло, а нѣкоторые, болѣе усердные, заучивать ее наизусть.

Съ первой же лекціи гражданскаго права, мы всѣ почувствовали сильный толчекъ, измѣнившій, въ нѣкоторой степени, наше ребяческое отношеніе къ наукѣ, а въ самомъ непродолжительномъ времени Д. И. Мейеръ уже пользовался небывалымъ авторитетомъ между студентами, особенно съ того дня, какъ одинъ изъ насъ рискнулъ зайти къ нему и откровенно признаться, что не вполнѣ понялъ его лекцію о владѣніи. На другой же день смѣльчакъ восторженно разсказалъ товарищамъ о радушномъ пріемѣ, о готовности, съ которой профессоръ разъяснилъ непонятное. Такимъ образомъ, отрѣшившись отъ привычной недоступности своихъ коллегъ,

относясь тепло и участливо къ своимъ слушателямъ, профессоръ Мейеръ съ первыхъ же дней сдѣлался предметомъ обожанія студентовъ.

Съ своей стороны, увлеченный общимъ настроеніемъ, я рѣшился во что бы то ни стало проникнуть къ Мейеру, побесѣдовать съ нимъ, или хотя бы только подышать ученымъ воздухомъ его кабинета. Мое желаніе исполнилось... Я взбираюсь по крутой лѣстницѣ, ведущей на мезонинъ маленькаго домика на Грузинской улицѣ, гдѣ обиталъ профессоръ. Вся квартира его заключалась въ одной комнатѣ, до такой степени заваленной книгами, что у меня зарябило въ глазахъ. Около большого стола, придвинутаго къ полукруглому венеціанскому окну, сидѣлъ хозяинъ, облеченный въ бѣлый фланелевый халатъ, и, по случаю болѣзни горла, съ компресомъ вокругъ шеи. Вся фигура молодого ученаго, среди массы книгъ, на пріобрѣтеніе коихъ уходило все его жалованіе, скорѣе напоминала аскета и уже вовсе не походила на его цвѣтущихъ здоровьемъ собратовъ, въ синихъ мундирахъ съ бѣлыми пуговицами.

Я смутно понялъ, что передо мною человѣкъ не отъ міра сего и что его жизнь одинока и сурова. Замѣтивъ мое смущеніе, хозяинъ поспѣшилъ ободрить меня, усадить и завязать разговоръ. На вопросъ о томъ, что я читаю, чѣмъ интересуюсь, я откровенно признался, что меня болѣе всего занимаютъ журналы, а въ особенности критическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Бѣлинскому, его значенію, его прошлому и настоящему. До ближайшаго знакомства съ Д. И. Мейеромъ, мы всѣ почему-то приписывали критическія статьи «Отечественныхъ Записокъ» ихъ редактору Краевскому.

Наконецъ, узнавъ много новаго и интереснаго, я откланиваюсь, беру предложенную мнѣ книгу по исторіи русскаго права, внимательно прочитываю, отношу обратно, а всегда радушный хозяинъ, какъ будто случайно, выспрашивалъ какого я мнѣнія о прочитанномъ и что извлекъ полезнаго. Затѣмъ, онъ переходилъ къ разсказамъ о своей заграничой жизни, представлявшей величайшій интересъ уже потому, что въ то время знакомство съ Западомъ выпадало на долю не многихъ избранныхъ, а Германія и Франція представлялись чѣмъ-то таинственнымъ, недоступнымъ, а потому еще болѣе увлекательнымъ. Но болѣе всего врѣзались въ моей памяти воспоминанія Мейера объ Остзейскомъ краѣ и раздраженіе съ которымъ онъ говорилъ о жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвалившихся избушекъ рядомъ съ грандіозными зàмками бароновъ. Обладая рѣдкимъ въ то время чутьемъ, Мейеръ ясно видѣлъ отрицательныя, выращенныя вѣками стороны русской жизни и не мирился съ ними. Такой искренній, правдивый, впервые встрѣченный протестъ откры-

валъ глаза на многое, что не замѣчалось до того времени, и я уходилъ домой подавленный массой новыхъ никогда не приходившихъ въ голову мыслей и вопросовъ.

Въ это время Мейеръ былъ уже вполнѣ опредѣлившійся, прямолинейный человѣкъ, прежде всего убѣжденный въ томъ, что вся суть жизни заключается въ неустанной работѣ и трудѣ на общую пользу. Въ высшей степени нервный и болѣзненный, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мечтателей, которыхъ не исправляютъ неудачи и жизненный опытъ. Его вѣра въ лучшее, въ торжество правды, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена какого-то поэтическаго оттѣнка. Въ этомъ хиломъ тѣлѣ жила сильная и выносливая натура, рѣшительно не способная отдѣлять свое личное благо, отъ блага общаго. Онъ жилъ ожиданіемъ близкаго обновленія нашей общественной жизни, неизбѣжной полноправности милліоновъ русскихъ людей и пророчилъ множество благъ отъ свободнаго труда и упраздненія крѣпостного права.

Трудно выразить, какъ велико было наше наслажденіе видѣть и слышать Мейера, но ничего, кромѣ безотчетнаго, институтскаго обожанія мы дать не могли, такъ какъ большинство вовсе не было способно раздѣлять его розовыя надежды и сочувствовать его убѣжденіямъ. Такое ребяческое, легкомысленное отношеніе студентовъ къ ихъ кумиру не замедлило обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Наступила весна, а вмѣстѣ съ ней и тяжелые дни испытаній. Между студентами нашего курса составились отдѣльные кружки, проводившіе цѣлые дни и ночи на пролетъ за повтореніемъ лекцій: одинъ читаетъ, другіе слушаютъ и то и дѣло пьютъ крѣпкій чай, способный разогнать дремоту.

Вскорѣ распространился слухъ, что нашъ кумиръ пригласилъ одного студента, отличавшагося канцелярскимъ почеркомъ, и попросилъ его написать билеты. Всѣ тотчасъ же припомнили извѣстный фокусъ, зачастую практиковавшійся при экзаменахъ, и безъ малѣйшаго колебанія примѣнили его къ дѣлу, т. е. розыскали бумагу съ одной стороны глянцовитую, съ другой шероховатую, и на этой-то шероховатой сторонѣ написали всѣ головоломные вопросы изъ гражданскаго права, которыхъ мы боялись какъ огня.

Обманъ открылся и мнѣ до сихъ поръ мерещится прискорбная сцена, разыгравшаяся въ актовой залѣ: блѣдное, взволнованное лицо Мейера, виноватыя фигуры студентовъ и страшный, тянувшійся цѣлое утро экзаменъ изъ гражданскаго права уже безъ всякихъ билетовъ.

Всѣ ожидали, что послѣ такой неблаговидной продѣлки Мейеръ круто повернетъ съ того пути, на который всталъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, запретъ дверь и сдѣлается такимъ же недоступнымъ, какъ его товарищи, но, возвратившись съ ваката, мы

убѣдились въ противномъ: отношенія нисколько не измѣнились, а къ бывшему обожанію присоединилось чувство самаго искренняго уваженія. Поддѣлка билетовъ не имѣла уже смысла, такъ какъ студенты нашего курса съ одинаковымъ рвеніемъ относились къ лекціямъ профессора Мейера.

Пролетѣли еще два года, въ теченіе коихъ отношенія нашего курса къ Мейеру оставались неизмѣнно хорошими, а въ апрѣлѣ 1849 года, мы уже въ послѣдній разъ сошлись на его заключительную лекцію.

Раздался звонокъ... послѣдній звонокъ, возвѣщавшій закрытіе лекцій передъ выпускнымъ экзаменомъ.

Мейеръ поднялся съ мѣста, уложилъ свои бумаги въ портфель и, сдѣлавъ общій поклонъ, собирался уходить. Но сойдя съ каѳедры, онъ остановился и послѣ минутнаго колебанія обратился къ намъ съ прощальнымъ словомъ.

Прежде всего онъ пожелалъ, чтобы живая связь, существующая между нами, никогда не охладѣла, чтобы она не перешла въ іерархическую лѣстницу, гдѣ верхнимъ нѣтъ дѣла до нижнихъ, а нижніе думаютъ только о томъ, чтобы попасть на верхнія ступени.

«Предчувствіе не обманываетъ меня,—возвысился голосъ профессора,—я вѣрю въ близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, въ комъ есть человѣческое сердце, невольно сознаетъ всю нелѣпость крѣпостного права... надѣюсь, что и вы, милостивые государи, въ глубинѣ души, носите это сознаніе, чувствуете какую-то тяжесть, мѣшающую жить по-человѣчески. Вникните глубже и вы увидите, что васъ смущаютъ ненормальныя отношенія къ крѣпостнымъ: вы переросли такое положеніе вещей, вы уже не въ состояніи примириться съ этимъ.

«Для васъ должно быть ясно, что крѣпостнымъ необходимо дать свободу, но одного сознанія и чувства еще мало,—на васъ, на васъ первыхъ лежитъ обязанность облегчить участь вашихъ крестьянъ, а если сбудется мое предчувствіе и, наконецъ, поднимется вопросъ о крѣпостныхъ, вы первые должны стать въ ряды ихъ защитниковъ и каждый на своемъ мѣстѣ дружно помогать торжеству справедливаго дѣла.

«Существуетъ другая язва, позорящая русскую жизнь—это взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудіемъ, но это еще не все, чего въ правѣ ожидать отъ васъ общество... Мало одного пассивнаго отношенія къ злу, вы обязаны бороться съ нимъ на каждомъ шагу, въ каждый моментъ своей жизни, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями или жертвами. Пусть же сопутствуютъ вамъ слова мои на трудномъ пути жизни, пусть живетъ въ васъ любовь къ справедливости и къ студенческому братству».

Онъ сказалъ то, что считалъ нужнымъ, и, взволнованный, блѣдный, какъ полотно, вышелъ изъ аудиторіи, а мы все еще неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ и даже отъявленные тупицы только о томъ и мечтавшіе, чтобы какъ можно скорѣе надѣть модный фракъ и яркій жилетъ, и тѣ на минуту призадумались, точно ослѣпленные лучемъ свѣта неожиданно брошеннымъ въ темное царство, считавшееся царствомъ науки.

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще съ самаго основанія Казанскаго университета въ стѣнахъ его не было произнесено такой честной, правдивой рѣчи, какъ напутственное слово профессора Мейера, почти дословно записанное мною по возвращеніи въ свою квартиру.

Наступилъ послѣдній, ни для кого не страшный, всегда веселый и шумный, экзаменъ изъ исторіи русской церкви... Вмѣстѣ съ пѣтухами поднялся неугомонный, никогда не унывавшій, архимандритъ Зилантіевскаго монастыря и на парѣ маленькихъ, пузатенькихъ монастырскихъ лошадокъ, съ долговязымъ, косматымъ послушникомъ на козлахъ, объѣхалъ студентовъ четвертаго курса, отчаянно стучалъ въ запертыя двери, покатываясь со смѣху, обливалъ холодной водой тѣхъ, кого заставалъ въ постели, и каждому изъ своихъ слушателей вручилъ билетъ и тетрадку, которую тотъ долженъ былъ вызубрить къ предстоящему экзамену.

Подготовившись какъ слѣдуетъ, студенты четвертаго курса смѣло становились передъ цѣлымъ сонмищемъ строгихъ монашескихъ фигуръ, собравшихся на испытаніе, съ ловкостью фокусниковъ подмѣнивали за спиной взятый билетъ на заранѣе приготовленный и отличались на славу.

Опустѣла актовая зала... захлопнулась тяжелая дверь параднаго подъѣзда и тутъ же, не помня себя, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости, разлетѣлись студенты въ разныя стороны и здѣсь же за порогомъ святилища наукъ навсегда порвалась всякая связь между ними, существовавшая въ одномъ воображеніи идеальнаго профессора. Записные франты и такъ называемые аристократы поскакали къ моднымъ портнымъ Любимцеву и Банарцеву, сгорая отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе облечься въ модный костюмъ и не теряя времени показаться въ немъ дамамъ своего сердца, между тѣмъ, какъ будущіе корнеты кавалерійскихъ полковъ, заклятые враги «штафирокъ», бросились собирать свѣдѣнія о самыхъ красивыхъ формахъ и гусарскихъ стоянкахъ, и только одни бѣдняки, не торопясь, задумчиво поднимались на свои чердаки съ смутнымъ сознаніемъ, что тамъ, за дверями университета, покинули они свою юность, свои золотыя мечты, чтобы волей или неволей выступить на трудный путь борьбы за существованіе.

Въ непродолжительномъ времени профессоръ Мейеръ былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ, но при всемъ томъ его

первые ученые труды долго оставались въ неизвѣстности и никто особенно не интересовался ни его личностью, ни его неутомимой дѣятельностью. Объ немъ и его значеніи заговорили только тогда, когда его не стало.

Въ Петербургѣ Мейеръ, съ своимъ обычнымъ рвеніемъ, занимался всесторонней практической разработкой права и въ то же время, больной, изнуренный учеными трудами, безвозмездно бралъ на себя ходатайство по интересовавшимъ его гражданскимъ процессамъ. Его квартиру то и дѣло осаждали люди всѣхъ сословій, съ неотступными просьбами совѣта, и ему не разъ приходилось просиживать цѣлыя ночи за разборомъ тяжебныхъ дѣлъ и писаніемъ просьбъ и докладныхъ записокъ. Затѣмъ быстро распространился слухъ, что озабоченный успѣхомъ одного особенно интересовавшаго его и вопіющаго гражданскаго дѣла, профессоръ Майеръ, вопреки настойчивыхъ требованій врача, собралъ послѣднія силы и отправился въ Сенатъ, чтобы присутствовать при докладѣ, а возвратившись, слегъ въ постель, чтобы не покидать ее до самой кончины.

Смерть безжалостно и преждевременно подкосила жизнь необыкновеннаго человѣка, замѣчательнаго ученаго и настоящаго апостола правды и труда.

VI.

Студенческая жизнь.

(1846—1849 гг.).

Казалось бы нѣтъ, и не можетъ быть, чувства болѣе отраднаго какъ, переживая суровую зиму, еще разъ оглянуться назадъ на свою такъ называемую «весну жизни». Но какъ на зло, воспоминанія о моей студенческой жизни, даже въ настоящую минуту, когда съ такимъ увлеченіемъ хватаешься за все, что̀ было свѣтлаго въ прошломъ—представляютъ мало отраднаго и интереснаго.

Отъ тупыхъ учебниковъ Кайданова, Кошанскаго, Арсеньева и др. мы прямо перешли къ снотворнымъ и зачастую непонятнымъ для насъ лекціямъ профессоровъ изъ нѣмцевъ на изломанномъ русскомъ языкѣ, а при такихъ условіяхъ едва ли можно было ожидать серьезнаго отношенія къ наукѣ и общенію съ ней. Что же касается до возвышенныхъ стремленій къ труду, на пользу общую, до гражданскихъ чувствъ и скорбей, солидарности между студентами, до упованія, что свѣтъ побѣдитъ тьму, то обо всемъ этомъ никому и въ голову не приходило.

Каждый изъ насъ думалъ только о себѣ, жилъ для себя; въ извѣстные часы, точно по службѣ, являлся на лекцію, съ нетерпѣніемъ ожидая звонка, чтобы стремглавъ броситься внизъ, наки-

нуть шинель и бѣжать во-свояси—въ Горшечную или Засыпкинъ переулокъ, набитые студентами. Никакой связи, ни товарищества, не было. Мы сходились туго и, можетъ быть, благодаря слишкомъ рѣзкой разности положеній и царившему въ то время барству, не существовало даже возможности пониманія другъ друга при самой безкорыстной, честной готовности къ сближенію. Одни изъ насъ поступили въ университетъ, сами не зная и не думая, что выйдетъ изъ этого; другіе, болѣе практичные, мечтали только о карьерѣ, о томъ, чтобы какъ можно скорѣе узрѣть себя въ числѣ кандидатовъ съ дипломомъ въ карманѣ, и только меньшинство искало свѣта и увлекалось наукой... Ко всему этому, житье наше было до такой степени сѣренькое, что въ настоящее время даже не вѣрится въ возможность существовавшихъ тогда порядковъ и самый громовержецъ Мусинъ-Пушкинъ, въ продолженіе семнадцати лѣтъ безгранично властвовавшій надъ казанскимъ учебнымъ округомъ, представляется мнѣ какимъ-то полумиѳомъ, созданнымъ воображеніемъ. Тогда, то-есть, въ мое время, еще держался такой порядокъ, что не только передъ попечителемъ и ректоромъ, но и передъ инспекторомъ приказано было, не взирая на погоду, стоять безъ фуражки, а въ праздники вытягиваться съ рукой у кокарды смѣшной и неудобной треуголки.

Крѣпко засѣло и чуть ли не до настоящей минуты живетъ во мнѣ чувство какой-то вѣчной тревоги и томительнаго ожиданія, что вотъ-вотъ кто-нибудь остановитъ, накричитъ и оборветъ за такіе пустяки, какъ растегнутый крючекъ, или пуговица, не своевременную отдачу чести, или за длинные волосы, считавшіеся несомнѣннымъ признакомъ вольнодумства. Вездѣ и всюду, на улицѣ, въ стѣнахъ университета, даже въ театрѣ, студентъ волей или неволей изображалъ какого-то напуганнаго зайца и прежде всего думалъ о томъ, чтобы какъ-нибудь не попасться на глаза начальства, а въ особенности попечителя округа, наводившаго настоящую панику. Идешь по улицѣ и съ замираніемъ сердца ожидаешь, что раздастся повелительный и гнѣвный голосъ Мусина-Пушкина: «студентъ, стой!—обстригу на барабанѣ» и т. д. Попадешь въ театръ, но не успѣешь еще осмотрѣться и занять кресло, какъ возлѣ, точно изъ земли, выростаетъ ненавистная фигура инспектора или его помощника, и уже напоминаетъ, что во время антрактовъ студентамъ строго воспрещается оборачиваться спиной къ губернаторской ложѣ, а главнымъ образомъ, хлопать и вызывать актеровъ. Избѣгая такого неловкаго и стѣснительнаго положенія, студенты перерядившись кучерами, или просто облекшись въ халаты, направлялись въ «рай» и зачастую поднимали такой шумъ, что требовалось вмѣшательство полиціи. Такимъ образомъ, въ разгарѣ зимнихъ праздниковъ рѣдкій спектакль проходилъ безъ крупнаго скандала, въ такъ называемомъ «раю», переполненномъ замаски-

рованными студентами, что не только не смущало зрителей, но даже вызывало нѣкоторое оживленіе въ скучающемъ городскомъ обществѣ.

Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ студентъ могъ отдохнуть отъ неусыпнаго надзора, была его квартира, но тамъ, въ четырехъ стѣнахъ, обыкновенно, мрачной и крохотной комнатки, его ожидало полное одиночество. Никого, кромѣ хозяйки, какой-нибудь ворчливой мѣщанки, или хозяина мелкаго чиновника, исправно напивавшагося послѣ полученія жалованья и всячески старавшагося увлечь за собою своего квартиранта, между тѣмъ какъ молодость требовала разнообразія, сочувствія и простора, а извѣстная степень развитія не уживалась съ окружающей пошлостью.

Въ концѣ концовъ, студентъ напускалъ на себя вовсе неподходящую суровость, упорно молчалъ и ни съ кѣмъ не кланялся на лекціяхъ, сходился съ квартирнымъ хозяиномъ, или примыкалъ къ шайкѣ кутилъ и, такимъ образомъ, постепенно формировался типъ «погибшаго человѣка». Сколько даровитыхъ и симпатичныхъ юношей пропало на моихъ глазахъ, подъ гнетомъ одуряющихъ условій жизни.

Помню плотнаго, нѣсколько взъерошеннаго, съ синими очками на носу, студента словеснаго факультета, бывшаго семинариста Р—ва, впослѣдствіи времени прославившагося своими стихотвореніями, напоминавшими Полежаева, въ которыхъ воспѣвались геройскіе подвиги первыхъ кутилъ и буяновъ того времени. Въ началѣ Р—въ былъ степенный, работящій студентъ, одаренный блестящими способностями; его, можетъ быть, ожидала каѳедра; но замкнутая жизнь, нужда, отсутствіе уроковъ и обуявшая хандра взяли свое: онъ ни съ того ни съ сего запилъ горькую, попалъ въ кружокъ «отпѣтыхъ» и вскорѣ прогремѣлъ своими подвигами за рѣкой Булакомъ. Подъ его предводительствомъ «отпѣтые» въ одну ночь сломили крышу маленькаго домика въ Мокрой улицѣ и даже, отступая съ поля сраженія, къ удивленію полиціи, унесли съ собою ворота. Въ этомъ достопамятномъ побоищѣ Р—въ потерялъ капишонъ своей форменной шинели, но, нисколько не смущаясь, изъ ея остатковъ сшилъ себѣ широкіе, какъ Черное море, шаровары, и нѣкоторое время, какъ ни въ чемъ не бывало, съ задорнымъ, вызывающимъ видомъ являлся на лекціи. Все разступалось, чтобы дать дорогу еще недавно смиренному словеснику, въ невиданномъ костюмѣ, а побагровѣвшій въ безсильной злобѣ субъинспекторъ Зоммеръ поспѣшно ретировался въ профессорскую комнату. Но вотъ снова затихла и замерла на мигъ всколыхнувшаяся поверхность стоячей воды, а Р—ва точно никогда и не было въ университетѣ.

Такое было время; въ высшей степени монотонная и безсодержательная студенческая жизнь не могла удовлетворить пылкую,

требовавшую дѣятельности, натуру, а потому весь избытокъ жизни зачастую обращался на кутежи и удальство.

Лучшими факультетами по составу профессоровъ были математическій и словесный, куда въ большинствѣ случаевъ поступали бѣдняки, только что не съ колыбели предназначенные занимать мѣста учителей гимназій и ничего, кромѣ учительства, не ожидавшіе впереди. Они отличались солидностью, подъ гребенку обстриженными волосами и мундирами дешеваго свѣтло-зеленаго сукна.

Самыми же слабыми и только выдающимися по количеству слушателей были факультеты юридическій и вскорѣ открывшійся камеральный, переполненные счастливыми обладателями рысаковъ, бобровыхъ воротниковъ и золотыхъ цѣпочекъ. Изъ нихъ выдѣлялся замкнутый кружокъ,такъ называемыхъ, «аристократовъ». Они развозили по городу визитныя карточки, бывали въ «хорошихъ домахъ», разыгрывали роль первыхъ кавалеровъ на балахъ, а въ аудиторіяхъ, собравшись у окна, въ ожиданіи профессора, громко разговаривали на французскомъ языкѣ, невыносимо рѣзавшемъ уши остальныхъ студентовъ, не принадлежавшихъ къ аристократіи, молча, но съ большимъ любопытствомъ и съ нескрываемой насмѣшкой наблюдавшихъ ихъ съ верхнихъ партъ.

Выдающимся типомъ «студентовъ хлыщей» и будущихъ карьеристовъ, крайне убогихъ по части знаній и ловкихъ на паркетѣ, былъ, вѣроятно, сохранившійся въ памяти моихъ сверстниковъ, высокій, красивый брюнетъ, пользовавшійся привилегіей носить длинные вьющіеся волосы и извѣстный между студентами подъ именемъ «графа Чичикова». Еще юношей онъ уже находился въ полномъ распоряженіи сварливыхъ и чопорныхъ старухъ высшаго общества, втихомолку заводилъ связи и высматривалъ выгодныхъ невѣстъ.

Нѣчто таинственное, ни для кого недоступное, представлялъ факультетъ восточный, имѣвшій столько подраздѣленій, что по монгольскому отдѣлу нашелся только одинъ слушатель, котораго постоянно розыскивалъ профессоръ Поповъ. Когда поиски профессора, наконецъ, удавались, то онъ, вмѣстѣ съ своимъ единственственнымъ слушателемъ, запирался въ аудиторіи и поднималъ такой дикій, ни для кого непонятный крикъ, что профессора, читавшіе въ сосѣднихъ, отдѣленныхъ только дверью, аудиторіяхъ, протестовали и обращались къ дежурному субъ-инспектору. За исключеніемъ незначительнаго числа спеціалистовъ, предназначенныхъ состоять при нашихъ посольствахъ и миссіяхъ въ Персіи, или Китаѣ, остальные студенты поступали на восточный факультетъ съ надеждой послѣ первыхъ двухъ курсовъ, гдѣ царилъ неумолимый и желчный профессоръ исторіи, заниматься съ прохладой, мечтая о гусарскихъ ментикахъ, всячески спасая свои длинные волосы отъ преслѣдованія начальства. Въ послѣднемъ случаѣ нѣко-

торые изъ праздношатающихся восточниковъ доходили до такой виртуозности, что передъ начальствомъ являлись въ прилизанномъ видѣ, а на балѣ или гостяхъ съ пышно взбитой куафюрой на головѣ. Большинство такихъ спеціалистовъ занимали цѣлый этажъ въ квартирѣ декана восточнаго факультета профессора Э—на.

Особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ факультетовъ стояли медики, въ большинствѣ случаевъ отличавшіеся кутежами, буйствомъ, отступленіемъ отъ формы и напускнымъ цинизмомъ. При всемъ томъ среди жиденькихъ и франтоватыхъ малолѣтокъ юристовъ и камераловъ, они пользовались особеннымъ уваженіемъ за предполагаемую, въ сущности же весьма не важную, ученость.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ни стипендій, никакихъ сборовъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, ни студенческой кассы—ничего этого не было и въ поминѣ, а недостаточные студенты принимались на казенное содержаніе и въ самомъ зданіи университета получали столъ и квартиру. Утро казеннокоштныхъ студентовъ проходило на лекціяхъ, а остальную часть дня, послѣ обѣда въ общей столовой, они проводили на второмъ этажѣ, въ маленькихъ неопрятныхъ комнаткахъ, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, мѣшая товарищамъ дѣлать свое дѣло: одинъ, не обращая ни на кого вниманія, стоя передъ пюпитромъ игралъ на флейтѣ, другой пѣлъ, третій, заткнувъ уши, читалъ лекціи, четвертый описывалъ своимъ гостямъ только-что совершившійся погромъ гостинницы «Константинополь». Ночевали студенты въ общихъ спальняхъ и, къ довершенію благъ, носили мѣшковатую, точно по одной мѣркѣ сшитую, казенную обмундировку, дѣлавшую ихъ до такой степени похожими другъ на друга, что издали трудно было различать одного отъ другого.

Единственнымъ развлеченіемъ казенныхъ студентовъ были танцовальные вечера, раза два въ недѣлю происходившіе въ просторной, низкой и грязноватой комнатѣ, безъ всякой мебели, находившейся рядомъ съ шинельной. Въ назначенный часъ, въ этой, наводящей уныніе, залѣ, слабо освѣщенной двумя лампами, собиралась масса студентовъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ «аристократовъ», смотрѣвшихъ свысока на танцовальные вечера. Но вотъ расхаживавшій между студентами французъ-танцмейстеръ, точно щеголявшій своими вывороченными ногами, поднялъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ и захлопалъ въ сторону двухъ гарнизонныхъ солдатъ, вооруженныхъ скрипкой и флейтой,—грянулъ польскій, все засуетилось, студенты съ перевязью на лѣвой рукѣ, закатываютъ глаза, дѣлаютъ реверансы и всячески стараются копировать свѣтскихъ барынь, къ нимъ со всѣхъ сторонъ подкатываются щеголеватые юристы и камералы, солидные математики и словесники, гордые своими великолѣпными прическами восточники и размашистые медики съ выпущенными бѣлыми и розовыми воротничками, и вдоль

когда-то выбѣленныхъ стѣнъ движется длинный шумный рядъ синихъ воротниковъ. Вслѣдъ за польскимъ грянулъ вальсъ, все скрылось въ облакѣ пыли и кружится съ такой силой, что французъ-танцмейстеръ вскочилъ на подоконникъ, чтобы не потерпѣть крушенія, а въ ушахъ стоитъ какой-то шумъ, напоминающій разыгравшуюся зимнюю мятель. Въ настоящее время даже не вѣрится, чтобы питомцы науки когда-нибудь съ такимъ увлеченіемъ предавались столь невиннымъ удовольствіямъ, какъ танцы—да еще при такой обстановкѣ. Наконецъ, скрипка и флейта умолкаютъ, утомленные руки музыкантовъ падаютъ, какъ плети, и наступаетъ короткій перерывъ. Улеглась пыль, поднятая неистовымъ вальсомъ, комнаты переполнены красными вспотѣвшими фигурами, съ мокрыми волосами и платками въ рукахъ, но вскорѣ неутомимые солдаты грянули галопъ—длинный, сухопарый математикъ, съ старообразнымъ лицомъ и уже слегка посѣдѣвшими волосами, схватилъ маленькаго, похожаго на ребенка, камерала и, изобразивъ лѣвой рукою острый уголъ, съ отчаяннымъ видомъ выскочилъ на середину залы и завертѣлся турманомъ; за нимъ, толкая и сбивая другъ друга съ ногъ, понеслись и остальныя пары.

Кромѣ танцовальныхъ уроковъ, казенные студенты, какъ мнѣ помнится, пользовались еще уроками верховой ѣзды въ манежѣ, долгое время обитавшаго въ Казани Генриша. Еще бывши 14-лѣтнимъ мальчикомъ, я сталкивался съ студентами на этихъ урокахъ, которые бралъ по желанію отца.

Особнякомъ держались помѣщавшіеся въ зданіи университета пѣвчіе, почему-то пользовавшіеся извѣстными привилегіями, а именно: правомъ спать въ отдѣльныхъ комнатахъ, а не въ общихъ спальняхъ, возвращаться на ночевку не къ извѣстному часу, а какъ придется, являться въ церковь въ растегнутомъ мундирѣ безъ шляпы и шпаги и даже, особенно во время великаго поста, пропускать лекціи, для такъ называемыхъ «спѣвокъ». Нѣкоторые изъ числа болѣе усердныхъ, до такой степени входили во вкусъ и проникались страстью къ церковному пѣнію, къ напѣвамъ Кіевскому, Симоновскому и т. д., къ великолѣпнымъ концертамъ, къ тому, чтобы вдругъ хватить «Взбранной воеводѣ» и оглушить молящихся, что отъ нихъ и послѣ окончанія курса, только-что не до конца жизни, за версту отдавало семинаристомъ. При всемъ томъ, пропуски лекцій нерѣдко вызывали негодованіе профессоровъ, и въ особенности желчнаго профессора исторіи, и когда во время полугодичныхъ репетицій онъ вызывалъ какого-нибудь студента Поликарпова и получалъ въ отвѣтъ «на спѣвкѣ», то приходилъ въ негодованіе и шипѣлъ: «посмотримъ что̀-то онъ запоетъ на экзаменѣ». Но не взирая на это, благодаря особому покровительству университетскаго начальства, «пѣвчіе»—съ грѣхомъ пополамъ, а

все подвигались впередъ и если не за успѣхи, то за благонравіе награждались степенью дѣйствительнаго студента, или кандидата.

Своекоштные студенты-бѣдняки, какъ мы уже сказали выше, ютились въ самыхъ убогихъ кварталахъ города, гдѣ-нибудь подъ крышей, въ крошечной комнаткѣ, куда обыкновенно вела крутая лѣстница, по которой непривычному человѣку и ходить было страшно. Такъ называемые «аристократы» проживали въ собственныхъ домахъ, или большихъ квартирахъ, занимаемыхъ ихъ родителями. При нихъ, зачастую, состояли бѣдняки изъ числа «зубрилъ-мучениковъ», помогавшіе имъ готовиться къ экзаменамъ и составлять лекціи. При всемъ этомъ, отношенія были чисто товарищескія безъ малѣйшей тѣни прислужничества. Попадались квартиры, имѣвшія особую спеціальность, такъ, напримѣръ, квартиры съ бывшимъ тогда въ большомъ ходу французскимъ языкомъ, или роялью, то есть съ музыкой для практическихъ занятій; были квартиры съ протекціей у профессоровъ университета, особенно юридическаго и восточнаго факультетовъ, набитыя добродушными степнячками, или «широкими натурами», мечтавшими только о томъ, чтобы скорѣе вырваться на свободу и, какъ дикіе кони долго томившіеся въ заключеніи, не зная удержу, носиться по привольному захолустью, отъѣзжимъ полямъ и нескончаемымъ праздникамъ. Никогда не разлучаясь, они кочевали по трактирамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ, упражняясь въ томъ, какъ бы выкинуть что-нибудь удивительное, или разсказать что-нибудь совсѣмъ уже невѣроятное изъ похожденій своихъ дядюшекъ и старшихъ братьевъ, разъѣзжавшихъ на жидахъ по польскимъ мѣстечкамъ, о борзыхъ въ одиночку бравшихъ волка и прославившихъ по всему Поволжью имена ихъ отцовъ—знаменитыхъ псовыхъ охотниковъ.

Между широкими натурами особенно выдавался замѣчательно красивый, способный, но необузданно дикій князь Ч—евъ, дивное произведеніе Симбирской губерніи, между прочимъ, развлекавшійся тѣмъ, что, вооружившись духовымъ ружьемъ, съ чердака профессорскаго дома обстрѣливалъ и держалъ въ постоянномъ осадномъ положеніи всю, если не ошибаюсь, поперечную Красную улицу. Онъ упражнялся такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не сшибъ цилиндра съ головы проѣзжавшаго мимо правителя канцеляріи Казанскаго губернатора Г—вича, поднявшаго на ноги всю полицію. Такимъ образомъ, дикій князь былъ привлеченъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ своимъ крѣпостнымъ слугой Филькой, котораго онъ однажды, не имѣя денегъ и уѣзжая на вакатъ, оставилъ въ залогъ содержателю гостинницы «Одесса». Князь, по обыкновенію, вышелъ сухъ и невредимъ изъ непріятной исторіи, но вѣрный Филька получилъ должное внушеніе въ полиціи за то собственно, что не давалъ прохода ни одной собакѣ и, по приказу барина, ни

на минуту не покидалъ своего поста у воротъ профессорскаго дома, тотчасъ же спускалъ свору борзыхъ и начиналъ травлю. Отдѣлавшись отъ непріятной исторіи, князь не только не унялся, но на прощанье съ университетомъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ пробылъ два года, устроилъ такой скандалъ, о которомъ долго говорили въ городѣ. Въ послѣдній день масляницы, онъ нанялъ десятка полтора извозчиковъ-татаръ, обыкновенно съѣзжавшихся на это время въ городъ, разукрасилъ лошадей лентами и бубенчиками и, посадивъ въ сани неизбѣжнаго Фильку въ вывороченной медвѣжьей шубѣ, своего кучера переодѣтаго деревенской старухой и еще десятка два какой-то, неизвѣстно какъ и гдѣ, набранной и замаскированной, челяди, вооруженной скрипками, балалайками, гармониками, рожками и бубнами, разъѣзжалъ по городу, останавливаясь на перекресткахъ самыхъ многолюдныхъ улицъ и устроивая нѣчто въ родѣ дорового спектакля при звукахъ дикаго, одуряющаго оркестра. Вокругъ, къ великому соблазну полиціи, быстро собиралась толпа зрителей, все увеличиваясь и ни на шагъ уже не отставая отъ табора. Длинный поѣздъ съ пѣснями и музыкой, не давая никому проходу, проѣхалъ весь городъ до самой заставы. Невѣроятно пошлымъ кажется все это въ настоящее время, а тогда—ничего, всѣ удивлялись дикому князю и покатывались со смѣху.

Помнится еще квартира съ невѣстами, въ семействѣ одного комисаріатскаго чиновника, надѣленнаго красивыми и бойкими дочками, которыя, точно беззаботныя нарядныя птички, порхали по комнатамъ. Пѣніе, музыка, танцы и любительскіе спектакли, не прекращались въ этомъ патріархальномъ домѣ, всегда переполненномъ студентами; жильцы смѣнялись жильцами: женихъ камералъ, франтъ первой руки, въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ, уступалъ свое мѣсто юристу, тоже большому щеголю, но уже на военный манеръ ухитрившемуся превратить свой скромный сюртукъ въ какой-то уланскій съ голубыми отворотами и кантами на синихъ рейтузахъ, его оттѣснялъ кудрявый восточникъ, а ему подставлялъ ногу обстриженный подъ гребенку серьезный, но весьма практичный, математикъ; наскоро устроивались помолвки съ тостами и поздравленіями, приглашались шафера, даже назначался день свадьбы тотчасъ же послѣ окончанія курса, а женихи все смѣнялись и исчезали какъ дымъ.

Женатыхъ студентовъ не полагалось, а въ мое время никто бы не повѣрилъ, что когда-нибудь въ томъ же Казанскомъ университетѣ подниме́тся вопросъ не только о возможности, но даже необходимости жениться въ первый же день совершеннолѣтія. Эта невообразимая манія на женитьбы, съ особенной силой проявилась въ семидесятыхъ годахъ, то есть въ самый разгаръ быстро смѣнявшихся увлеченій.

Сталкиваясь со студентами, случайно занесенными въ нашу глушь, я молча, въ недоумѣніи, выслушивалъ все одни и тѣ же доказательства и тирады въ защиту раннихъ браковъ. Припоминается такой годъ, что, казалось, вотъ-вотъ не останется ни одного неженатаго студента. Вожаки неутомимо ораторствовали, озаренные счастливой и совершенно новой мыслью, болѣе скромные и безхарактерные раболѣпно подчинялись ихъ авторитету и точно по приказу, на скорую руку, подыскивали себѣ подругу жизни.

Въ ближайшемъ къ моему хутору селеніи проживала учительница, представлявшая общій типъ безотвѣтной труженицы, хорошо знакомый кореннымъ обитателямъ захолустья. Вся ея жизнь была какимъ-то вѣчнымъ постомъ, такъ какъ большая часть жалованья уходила на содержаніе брата, бывшаго гимназиста, а потомъ студента Казанскаго университета. Перебиваясь изо дня въ день, замкнутая, вѣчно сосредоточенная на мысли о томъ, чтобы какъ-нибудь обойтись безъ того или другого предмета первой необходимости, учительница, много напоминавшая преждевременно состарившагося ребенка, жила только надеждой когда-нибудь сбросить непосильную ношу: братъ кончитъ курсъ, получитъ мѣсто земскаго врача, и они заживутъ вмѣстѣ, даже не заживутъ, а будутъ блаженствовать вмѣстѣ. Блаженство приближалось, братъ перешелъ въ четвертый курсъ, но роковое письмо разомъ перевернуло вверхъ дномъ мечты и надежды. Братъ писалъ, что онъ уже женатъ, такъ какъ это необходимо чуть ли даже не съ научной точки зрѣнія, потому и потому именно... О любви, о взаимности, не было ни слова въ этомъ длинномъ посланіи, болѣе похожемъ на какой-то запутанный рефератъ.

Учительница была убита наповалъ и съ растеряннымъ видомъ, конфузясь за свои несбывшіяся мечты, говорила:—«ему, ну самое большое двадцать второй годъ... такой слабый, болѣзненный и туда же, вслѣдъ за другими женится... такую же какъ и самъ беретъ—безъ всякихъ средствъ... какъ же они жить-то будутъ?»

При отсутствіи солидарности и товарищества, студенты только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствовали сообща и дружной стѣной шли на проломъ. Помню три подобныхъ случая, вызванныхъ требованіемъ объ исключеніи изъ университета бывшаго чиновника Б—цева, послѣ поступленія въ университетъ открывшаго нѣчто въ родѣ негласной кассы ссудъ подъ залогъ вещей; исключеніе студента З—ва и столкновеніе съ полиціей въ послѣдній день масляницы, если не ошибаюсь, 1849-го года. И это за всѣ четыре года моего пребыванія въ университетѣ. Не привыкшее къ такимъ бурнымъ натискамъ начальство, всегда придирчивое, грубое, но въ то же время болѣе всего боявшееся огласки, спѣшило потушить дѣло и уступить справедливымъ требованіямъ студентовъ. Вообще, не взирая на неутомимость надзора, на то, что въ нашихъ ушахъ то

и дѣло раздавались угрозы обстричь на барабанѣ и напоминанія о красной шапкѣ и бѣломъ ремнѣ, то-есть о возможности прямо изъ храма науки попасть въ солдатскую казарму, за все время моего студенчества, такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе: никого на барабанѣ не стригли, въ солдаты не отдавали и даже не исключали изъ университета по иниціативѣ начальства. Но не одно только противорѣчіе между грозными пріемами и отсутствіемъ крупныхъ мѣръ, поражаетъ человѣка, безпристрастно относящагося къ былому времени; несравненно болѣе изумляетъ то обстоятельство, что Казанскій университетъ, вынесшій на своихъ плечахъ тиранію извѣстнаго Магницкаго, яростно преслѣдовавшаго болѣе способныхъ профессоровъ, воспрещавшаго имъ пользованіе не только книгами, казавшимися ему зловредными, но даже одобренными цензурой, по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго суда, сдававшаго студентовъ въ солдаты и запиравшаго ихъ, въ такъ называемую, «комнату уединенія», то-есть въ карцеръ съ безобразной картиной страшнаго суда на стѣнѣ, предварительно одѣвши заключеннаго въ крестьянскій кафтанъ и лапти, всячески поощрявшаго возмутительное ханжество и систему тайныхъ доносовъ, въ подражаніе іезуитскимъ школамъ—университетъ послѣ шестилѣтнаго, деморализующаго гнета Магницкаго, на цѣлыхъ 17 лѣтъ попавшій подъ команду Мусина-Пушкина, находившаго какую-то особенную пріятность въ томъ, чтобы быть грубымъ со всѣми, оборвать, оглушить своимъ крикомъ и при всѣхъ своихъ добрыхъ порывахъ, создавшаго цѣлую армію Держимордъ въ мундирахъ учебнаго вѣдомства, этотъ самый университетъ, волею судебъ принимавшій характеръ, то іезуитской школы, то кадетскаго корпуса стараго времени, при всемъ томъ сослужилъ свою службу и выпустилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ, въ высшей степени полезныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы и въ области науки.

Очевидно, что въ самомъ прошломъ Казанскаго университета, въ обычной, вошедшей въ привычку, безтактности и казарменныхъ пріемахъ начальства, въ возмутительной неспособности и отсталости нѣкоторыхъ профессоровъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ терпимыхъ въ университетѣ, во всемъ этомъ уже таился зародышъ волненій, съ страшной силой разразившихся въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и поглотившихъ столько прискорбныхъ жертвъ.

Теперь, когда все это миновало, невольнымъ образомъ приходитъ въ голову мысль, что все это было неизбѣжно, а можетъ быть и необходимо, какъ бываетъ необходима гроза для очищенія воздуха.

Въ неприглядныхъ сумеркахъ, тяготѣвшихъ надъ университетомъ моего времени, особенно ярко выступали даровитые студенты, на перекоръ всему всецѣло преданные наукѣ. Какъ живая встаетъ

передо мной типичная фигура Ч—ва, съ откинутыми назадъ русыми волосами, умными и добрыми сѣрыми глазами и неправильной отъ природы ногой, на которую онъ постояннно прихрамывалъ.

Благодаря необычайной легкости, съ которой все давалось ему, Ч—въ, съ какимъ-то страннымъ для насъ равнодушіемъ, относился къ экзаменамъ и въ самое горячее время, когда мы дни и ночи зубрили лекціи, прогуливался въ Русской Швейцаріи, наслаждаясь прелестью первыхъ весеннихъ дней. Но обладая большимъ по тому времени образованіемъ, пользуясь уваженіемъ профессоровъ и своими замѣчаніями и вопросами приводя въ смущеніе преподавателя эстетики, онъ, въ то же время, по самой натурѣ своей, способенъ былъ увлекаться: мечталъ о военной службѣ, о Кавказѣ, бранныхъ подвигахъ и приходилъ въ отчаяніе отъ своего физическаго недостатка. Онъ имѣлъ неотразимое вліяніе на небольшой кружокъ студентовъ, въ который ввелъ меня мой однокурсникъ Ч—ковъ. Чаще и чаще собирались мы въ крошечной квартирѣ Ч—ва и, цѣлыя ночи на пролетъ, распивая жидкій чай съ лимономъ, восторженно внимали хозяину. Рѣчь лилась у него свободно, отличалась красотою чисто русскихъ оборотовъ и ее можно было прямо печатать. Иной разъ онъ фантазировалъ, заносился на седьмое небо, или разсказывалъ что-нибудь смѣшное, а подъ конецъ, принявъ вовсе неидущій къ нему геройскій видъ—затягивалъ хоровую пѣсню.

Вскорѣ Ч—ву пришла мысль устроить литературные вечера съ тѣмъ, чтобы въ теченіе зимы каждый изъ насъ приготовилъ что-нибудь и прочелъ свое сочиненіе. Просидѣвъ нѣсколько ночей, я съ величайшимъ трудомъ написалъ длинное разсужденіе «О значеніи Гоголя въ современной литературѣ», и когда пришла моя очередь, сконфуженный, съ замирающимъ сердцемъ постучался въ низенькую дверь квартиры Ч—ва. Собралось человѣкъ пять студентовъ, въ густомъ облакѣ табачнаго дыма мигали все тѣ же сальныя свѣчи и пыхтѣлъ все тотъ же маленькій самоваръ изъ дорожнаго погребца, но все это двоилось и троилось въ глазахъ моихъ. Наконецъ, преодолѣвъ свою робость, я приступилъ къ чтенію... За тѣмъ послѣдовало нѣсколько минутъ неловкаго молчанія, а потомъ на мою голову разомъ посыпалась такая масса возраженій, что я окончательно растерялся и пришелъ въ себя только тогда, когда дебаты были кончены, а хозяинъ, отъ полноты чувства сбросившій форменный сюртукъ, всталъ посреди комнаты, откинулъ назадъ голову и, отчаянно взмахнувъ рукою, затянулъ, «Ой ты, Днѣпръ, ты нашъ широкій и глубокій»...

«Ты, кормилецъ, нашъ родной!..» подхватили собесѣдники... Тутъ только я пришелъ въ себя и съ небывалымъ ожесточеніемъ присоединился къ общему хору.

Въ этихъ сходкахъ, продолжавшихся только одну зиму, заключаются, едва ли не всѣ свѣтлыя воспоминанія мои изъ студенческой жизни. Ч—въ, какъ мы уже сказали выше, перешелъ въ Московскій университетъ и, странное дѣло, онъ точно унесъ съ собой только-что вспыхнувшій огонекъ, освѣтившій нашу непригляднную, сѣрую жизнь. Послѣ его отъѣзда все вошло въ свою обычную колею, а о сходкахъ и литературныхъ вечерахъ не было ни слуху ни духу.

Жизнь уходила въ ожиданіи чего-то новаго, чего-то лучшаго... Наконецъ и со мной совершился тотъ неизбѣжный переворотъ, когда человѣкъ перестаетъ ожидать, надѣяться, думать о собственномъ счастьи, начинаетъ понимать, что ожидать нечего, что все лучшее осталось гдѣ-то позади въ далекомъ прошломъ. Все чаще отдаваясь воспоминаніямъ объ этомъ прошломъ, о такъ называемой «веснѣ жизни», я рѣшилъ, что мнѣ необходимо съѣздить въ Казань пройтись по знакомымъ улицамъ, поклониться университету, навести справки о бывшихъ товарищахъ. Я даже удивился, какъ эта счастливая мысль не пришла мнѣ раньше въ голову. Рѣшено! я ѣду, завтра же сажусь на пароходъ и пускаюсь въ путь.

На дворѣ май, но холодъ стоялъ нестерпимый... Послѣ долгаго ожиданія, раздался пронзительный свистокъ, пароходъ слегка пошевелился и какъ будто нехотя тронулся вверхъ по Волгѣ. Холодъ все усиливался... Завернувшись во чтò попало, точно замерли, пріютившіеся на палубѣ, пассажиры третьяго класса. Капитанъ парохода въ мѣховой шапкѣ и тяжелыхъ медвѣдяхъ стоитъ неподвижно на своемъ посту, точно примерзъ къ своему мѣсту. Окрестныя горы и необъятные лѣса праваго берега все еще покрыты остатками снѣга. Родныя картины... Невеселыя картины... Невеселую пѣсню напѣваетъ вѣтеръ, и быстро несетъ одну за другой тяжелыя, снѣговыя тучи. Впереди опустилось и заколыхалось громадное бѣлое покрывало, скрылось зачернѣвшееся вдали селеніе, съ кучей опрокинутыхъ лодокъ, и суетившимся около нихъ народомъ, скрылся полуразвалившійся монастырь, окруженный старыми кривыми березами, уныло глядѣвшій съ противоположнаго берега; скрылся только-что показавшійся вдали пароходный дымокъ. Громадное покрывало приближалось все ближе и ближе, и уже подъ бѣлымъ покровомъ лежатъ бѣдняги на палубѣ, и быстро заходившій капитанъ несетъ цѣлую гору снѣга на медвѣдяхъ своихъ и мѣховой шапкѣ. Наконецъ-то глянуло солнышко,—тучъ и снѣгу какъ не бывало. Красноватая глина холмовъ ярко выступила изъ-за покрывавшаго ихъ кустарника. Конца не имѣющіе лѣса стушевались въ одну черную, неопредѣленную массу. Поверхность рѣки, какъ будто, просвѣтлѣла, заодно съ лицами пассажировъ. Всѣ высыпали на палубу погрѣться на солнышкѣ. Вдали показались колокольни и минареты Казани.

Нѣсколько часовъ спустя, въ густыхъ сумеркахъ, на извозчичьихъ дрожкахъ, ежеминутно готовыхъ разсыпаться, по убійствен-

ной дорогѣ, приближался я къ цѣли своего путешествія, растерявъ по пути большую часть своихъ иллюзій и ожиданій.

Проснувшись рано, взволнованный ожиданіемъ, наслушавшись преувеличенныхъ похвалъ «неузнаваемой Казани», я наскоро одѣлся и вышелъ на хорошо знакомую, все еще великолѣпную въ моемъ воображеніи, Воскресенскую улицу. Пыль такая ѣдкая, что глазамъ больно... Сѣро, безжизненно вокругъ, извозчичьи клячи, забрызганныя грязью дрожки съ заплатаннымъ верхомъ, по большей части двухъ-этажные, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга, дома, насквозь промокшіе отъ снѣга и дождя, тусклыя окна, длинное зданіе университета, съ рядами тяжелыхъ облупившихся колонъ, на всемъ печать неряшливости и скудости. Внутреннее устройство университета осталось все то же; только бѣлые бюсты великихъ людей, украшавшіе парадный входъ, вымазаны черной краской и имѣютъ какой-то мрачный, недовольный видъ. Часть тѣнистыхъ березъ, украшавшихъ Черное Озеро, вырублена и замѣнена группами чахлаго кустарника, а возлѣ самаго озера очищено цѣлое поле, усыпанное пескомъ. Вмѣсто уютнаго сѣринькаго домика, гдѣ обиталъ Ч—въ, стоялъ безобразный двухъэтажный домъ изъ краснаго кирпича и вся, когда-то утопавшая въ садахъ, улица, съ низкими деревянными домиками, сплошь застроена неуклюжими ящиками, невиданными въ городахъ остальной Европы и сто лѣтъ тому назадъ измышленными нашими архитекторами.

Чувство недовольства во мнѣ росло и росло.

Добравшись до почтамта, я неожиданно очутился противъ маленькаго каменнаго домика въ три окна на улицу, съ мезониномъ, украшеннымъ единственнымъ венеціанскимъ окномъ, и тотчасъ же узналъ бывшую квартиру Мейера.

Я невольно остановился... Усиленная дѣятельность воображенія съ поразительной ясностью рисовала картины прошлаго... забыты путевыя невзгоды, пропало тоскливое настроеніе... Вспомнились думы и мечты, впервые заговорившія во мнѣ въ этомъ самомъ крохотномъ домикѣ съ сидѣвшимъ на немъ мезониномъ, точно чудомъ какимъ, все въ томъ же видѣ сохранившимся до настоящаго времени. Слово въ слово, повторилась въ моихъ ушахъ прощальная рѣчь Мейера, призывавшая насъ на служеніе правдѣ и вселявшая ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла.

Мнѣ не хотѣлось уходить... душа была переполнена благоговѣніемъ къ идеальному профессору, среди общей вялости, дикости, безжалостной сухости, или напускного смиренія былого времени, смѣло будившаго мысль и предсказавшаго намъ близость великихъ реформъ, совершившихся на глазахъ моихъ.

Я точно помолодѣлъ и былъ вполнѣ доволенъ своей поѣздкой.

В. Назарьевъ.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

V.

Всеволодъ Владимiровичъ Крестовскiй.

1.

Въ ПРЕДИСЛОВIИ къ одному изъ своихъ «романовъ», желая «установить для читателя ту точку зрѣнiя, съ которой должно смотрѣть» на него, В. В. Крестовскiй категорически заявляетъ: «Я никакъ не исключаю мою хронику изъ числа произведенiй тенденцiозныхъ; напротивъ, она имѣетъ самую опредѣленную политическую тенденцiю». Такимъ образомъ, Крестовскiй самъ устанавливаетъ одну изъ основныхъ сторонъ своей литературной дѣятельности, одно изъ главнѣйшихъ свойствъ своихъ произведенiй. Дѣйствительно, главнѣйшiя произведенiя его: «Петербургскiя трущобы», «Кровавый пуфъ» (представляющiй собою соединенiе двухъ романовъ: «Панургово стадо» и «Двѣ силы»), «Тьма египетская» и наконецъ «Тамара Бендавидъ», равно какъ и историческiй романъ «Дѣды»—проникнуты недвусмысленными и строго опредѣленными тенденцiями. Но къ этому необходимо, только, прибавить, что Крестовскiй, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ писателямъ, одареннымъ замѣчательнымъ, сильнымъ, чисто «художественнымъ» талантомъ. Въ наши дни, когда тенденцiозность искусства признается и проповѣдуется, когда въ ней хотятъ видѣть свойство, не вредящее достоинству произведенiя, а скорѣе украшающее это послѣднее, придающее ему смыслъ и значенiе, недостижимое при объективности и полной свободѣ выбора сюжета, за произведенiями В. В. Крестовскаго, казалось бы, должно было

быть признано особое преимущество. На самомъ дѣлѣ случилось нетакъ. Таково ужъ свойство тенденціозныхъ произведеній, что они не даютъ распознать истинныя свойства и качества авторскаго дарованія, потому что противникамъ проводимыхъ въ нихъ тенденцій, естественно, не могутъ нравиться произведенія, опровергающія ихъ мнѣнія, и притомъ такъ, что чѣмъ лучше, чѣмъ совершеннѣе эти произведенія, а потому и доказательнѣе и вліятельнѣе, тѣмъ большій отпоръ они должны вызывать со стороны противниковъ; а сторонниковъ тенденціи подкупаютъ въ такой степени, что даже и ничтожныя въ художественномъ смыслѣ произведенія возвеличиваются. Обычное и понятное дѣло, поэтому, что критика подобныхъ произведеній превращается въ споръ о достоинствахъ тенденцій, объ ихъ истинности или ложности. А такъ какъ нѣтъ такого критика и нѣтъ такой критики, которымъ бы авторъ угодилъ вполнѣ своими воззрѣніями, то самымъ возможнымъ случаемъ будетъ тотъ, что разборъ тенденціознаго произведенія всегда превращается въ наставленіе автору, въ указаніе, какъ онъ долженъ былъ мыслить, приступая къ своему сочиненію. Напрасное и безплодное дѣло! Человѣкъ, особенно человѣкъ самостоятельный и самобытно-мыслящій, не нуждается въ такихъ указаніяхъ, какія доступны тенденціозной критикѣ литературнаго произведенія, или же разборъ долженъ превратиться въ трактатъ, въ самой глубокой сущности обнаруживающій воззрѣнія автора, преподающаго свои тенденціи, и опровергающій ихъ.

Мы не сторонники тенденціознаго искусства въ его настоящемъ значеніи, въ томъ именно значеніи, когда для доказательства предвзятой мысли, не изъ фактовъ истекающей, а подъ нихъ подставляемой, авторъ подбираетъ образы. Можно что̀ угодно «провести» и доказывать такимъ образомъ, потому что для обоснованія любой мысли найдутся факты, доказывающіе ее. Хотите ли вы доказать, что міръ полонъ зла и обмана, смѣло берите факты злые, умалчивая о добрыхъ, и ваша мысль доказана. Хотите, наоборотъ, влить въ читателя оптимистическія воззрѣнія на жизнь, предъ вами огромный выборъ сторонъ жизни, которыя подтвердятъ ваши мысли. Если вы желаете доказать, что человѣкъ есть зло,—злыхъ людей передъ вами сколько угодно; найдете и добрыхъ людей, если хотите доказать противное. Примѣры эти грубы, но они обнаруживаютъ всю возможность злоупотребленія искусствомъ, въ случаѣ тенденціозности. Во всякомъ случаѣ они показываютъ, что истина, истина жизни, должна быть на первомъ планѣ въ произведеніи художника; а если онъ изобразитъ намъ жизнь безъ намѣреннаго подбора явленій для доказательства своихъ воззрѣній, то не получится той односторонности, которая указана въ приведенныхъ примѣрахъ; жизнь предстанетъ передъ нами характерной смѣсью добра и зла, какою она и есть въ дѣйствительности. Пусть въ этомъ истин-

номъ, правдивомъ, изображеніи скажется ясно и отчетливо та или другая мысль,—это будетъ уже не тенденція, а «идея», не мысль навязываемая читателю авторомъ, а дѣйствительное значеніе изображаемыхъ явленій жизни. Въ этомъ случаѣ не авторъ будетъ говорить вамъ, а сама жизнь, сама правда жизни. Пусть авторъ и предположилъ доказать ту самую мысль, которая естественно вытекаетъ изъ правдиво-изображенныхъ явленій жизни, пусть онъ «тенденціозенъ» въ этомъ смыслѣ; насъ это не касается, и первое, что вы должны искать, это то, правдиво ли изображена жизнь, какъ и въ логическихъ построеніяхъ вы должны искать не мнѣній автора просто, а смотрѣть, вѣрны ли посылки, изъ которыхъ онъ выводитъ свои заключенія и достовѣрны ли факты, которые онъ приводитъ. Художественныя произведенія суть не изложенія мнѣній автора, а изображенія такихъ явленій, въ которыхъ отражаются законы человѣческой жизни; въ этомъ смыслѣ они далеко не такъ отличны отъ научныхъ сочиненій, и какъ зоологія или ботаника не могутъ, не должны быть тенденціозны, такъ и романъ или повѣсть не имѣютъ права не стоять на почвѣ обобщеній, типическихъ представленій жизненныхъ явленій. И если они допускаютъ субъективность, извѣстную свободу воззрѣній на жизнь, извѣстнаго обнаруженія мнѣній автора объ изображаемомъ, то, вѣдь, и изложеніе ботаники и зоологіи, не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ исторія и т. п., допускаютъ такую субъективность. Но возможно ли, чтобы для проведенія извѣстной мысли извращались, или, по меньшей мѣрѣ, подбирались единичные факты жизни природы или исторической жизни человѣчества одностороннимъ образомъ, вопреки общимъ извѣстнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ этихъ сферахъ?..

Относясь въ принципѣ отрицательно къ тенденціозности въ искусствѣ, мы, однако же должны признать, что не рѣдко величайшія произведенія искусства не чужды того элемента, который носитъ названіе тенденціозности, и особенно произведенія литературно-художественныя. Кто станетъ отрицать, что въ «Донъ-Кихотѣ» Сервантесъ имѣлъ прямое намѣреніе, «тенденцію», представить всю неестественность, всѣ смѣшныя, нелѣпыя стороны существовавшихъ въ его время мечтаній объ отжившемъ рыцарствѣ, находившемъ выраженіе въ массѣ рыцарскихъ романовъ! Въ нашей литературѣ, напр. въ «Запискахъ охотника» Тургенева, легко видѣть намѣреніе показать, что за люди эти мужики, этотъ народъ, который истощалъ свои силы въ крѣпостной зависимости, поставить обществу въ упрекъ ненормальныя отношенія, не оправдываемыя духомъ и свойствами русскаго народа. Величайшій изъ послѣгоголевскихъ русскихъ писателей, гр. Левъ Толстой, какъ извѣстно, далеко не чуждъ открытой тенденціозности. Но дѣло въ томъ, что эти тенденціи, эти мысли, руководившія названными

писателями, играли роль только, такъ сказать, побужденій къ творчеству, къ созданію извѣстныхъ образовъ, но не вліяли на самое изображеніе жизни. Такъ, Сервантесъ, каковы бы ни были его намѣренія, оставался глубоко вѣренъ человѣческой природѣ и правдѣ современной ему жизни, и потому-то въ своемъ героѣ онъ отразилъ съ великою силою одно изъ главнѣйшихъ свойствъ человѣческой души, создалъ безсмертный образъ, типъ, ничего общаго въ сущности неимѣющій съ тенденціею, руководившею имъ по его же собственному сознанію; намѣреніе его, имѣвшее смыслъ для своего времени, чуждо для насъ, значеніе его образа велико для насъ, какимъ и останется для вѣковъ. Неменѣе ясно третьестепенное значеніе тенденціи «Записокъ охотника». Крѣпостного права не существуетъ болѣе, а развѣ цѣнность и поучительность такихъ образовъ, какъ «Хорь и Калинычъ», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», дѣтей въ «Бѣжиномъ лугѣ» пр. и проч., стали отъ того меньше. Въ томъ-то и дѣло, что тенденція только тогда не вредитъ художественному произведенію, когда она не участвуетъ въ процессѣ художественнаго творчества, когда авторъ не нарушаетъ ею вѣрности образовъ, когда желаніе пользы читателю, желаніе повліять на него, служитъ только стимуломъ, а не исходною точкою. Подобная тенденціозность, которая, впрочемъ, не дѣлаетъ произведенія тенденціознымъ, составляя въ немъ незначительный элементъ, естественна и часто неизбѣжна. Литература—живое дѣло, поэтъ—живой человѣкъ. Вѣдь въ обществѣ существуютъ извѣстныя распространенныя мнѣнія объ извѣстныхъ явленіяхъ жизни, и зная, что его личный опытъ, облекшійся, съ помощью художественной фантазіи, въ стройные типическіе образы, противорѣчитъ этимъ мнѣніямъ, поэтъ получаетъ стремленіе подѣлиться съ читателями выводами своего ума и воображенія, опровергнуть заблужденія. Но, повторяемъ, онъ ничѣмъ не долженъ жертвовать изъ того, что говоритъ ему его фантазія, ничего не долженъ ни прибавить, ни убавить. На старинномъ языкѣ эстетиковъ это значитъ, что онъ долженъ слѣпо повиноваться своему вдохновенію, ничего не сочинять, не выдумывать, а только выражать вовнѣ результаты своихъ внутреннихъ душевныхъ процесовъ. Тогда только въ его произведеніи будутъ не холодныя страницы, а полныя жизни, огня и убѣдительности—образы.

Есть, правда, другого рода тенденціозныя произведенія, въ примѣръ которыхъ можно представить «Кандида» и вообще всѣ произведенія Вольтера, которымъ придана только одна форма беллетристическая. Авторъ въ нихъ не заботится о «вдохновеніи», а въ умышленно карикатурной формѣ изображаетъ явленія жизни, нарочно придумывая ихъ, чтобы произвести большее впечатлѣніе. Но это не произведенія искусства, они лишены поэзіи и художественности, это суть памфлеты, которымъ случайна и не неизбѣжна форма беллетристическая. И авторъ знаетъ это всегда самъ, онъ

не убѣждаетъ васъ, что имъ изображается дѣйствительность, настоящая жизнь въ ея цѣлостности, онъ даетъ вамъ прямо понять, что онъ просто подбираетъ примѣры для выясненія своей мысли, которая въ подобныхъ произведеніяхъ составляетъ главный элементъ. Въ нихъ, въ этихъ памфлетахъ въ беллетристической формѣ, нѣтъ глубокаго психологическаго анализа, авторъ довольствуется внѣшностью всѣмъ видимой, онъ не заботится объ изученіи душевной жизни, законовъ, управляющихъ ею, между тѣмъ какъ въ истинно-художественномъ произведеніи внутренняя, душевная жизнь, обнаруживаемая сильнымъ воображеніемъ поэта, не такъ-то легко понимается, смотритъ загадочно, какъ напр. въ образѣ Гамлета, вызвавшаго многоразличныя толкованія и разъясненія. Потому-то сатира въ ея чистомъ видѣ, всегда тенденціозная, непретендующая изображать жизнь, какъ она есть, а подвергающая осмѣянію пороки и слабости людскія, никогда не причислялась къ художественной литературѣ, а составляла особый родъ литературы. Въ наше время смѣшенія литературныхъ формъ, когда даже научныя сочиненія получаютъ форму беллетристическую, это понятіе о сатирѣ уже не можетъ быть во многихъ случаяхъ примѣнимо, но въ принципѣ старинное мнѣніе имѣло серьезнѣйшія и неоспоримыя основанія.

Вотъ принципы, которыя лягутъ въ основаніе нашего сужденія о литературной дѣятельности и литературной физіономіи В. В. Крестовскаго, открыто становящагося въ рядъ писателей тенденціозныхъ. Намъ предстоитъ рѣшить, представляютъ ли его сочиненія чисто тенденціозныя произведенія, разсмотрѣть характеръ и значеніе его тенденцій и насколько создаваемыя имъ картины жизни вѣрны дѣйствительности и художественнымъ требованіямъ, насколько, поэтому, его тенденціи приближаются къ «идеямъ», служатъ выраженіемъ поучительныхъ уроковъ жизни самой, а не выраженіемъ только личныхъ мнѣній автора.

2.

Въ теченіе тридатипятилѣтней литературной дѣятельности, В. В. Крестовскій успѣлъ обнаружить разнообразныя стороны своего таланта. Талантъ этотъ не принадлежитъ къ первостепеннымъ, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно силенъ, чтобы оправдать тотъ значительный успѣхъ, который скоро достался молодому тогда писателю. Было время, когда г. Крестовскій обнаруживалъ въ своихъ произведеніяхъ черты настоящаго художника-писателя, не думающаго о тенденціяхъ, а создающаго очень живыя характеристики жизненныхъ явленій, далеко не лишенныя силы психологическаго анализа. Стоитъ только взять, напр., его очеркъ «Буяновъ—мой сосѣдъ», чтобы убѣдиться въ этомъ. Корнетъ Буяновъ—фигура характерная и живая, ярко освѣщающая одну изъ сторонъ старин-

ной военной русской жизни, характеръ цѣлостный и психологически послѣдовательный. Нѣсколько чудаковатый субъектъ, онъ, въ качествѣ «бобыля», находитъ въ полку «прочное убѣжище», по выраженію автора, «пристанище мирное и тихое, въ которое человѣкъ можетъ уйти и спрятаться, какъ улитка въ свою скорлупу». И полкъ для него все: предметъ идеализированія и поклоненія, честью котораго онъ дорожитъ больше, чѣмъ собственною жизнью. Какъ истый идеалистъ, онъ не заботится ни объ успѣхахъ по службѣ, ни счета денегъ не знаетъ, товарищамъ преданъ безмѣрно и всякому радъ оказать услугу. Все это изображено авторомъ очень симпатично и характерно.

Прочтите, напр., вотъ эту сцену: — «Буяновъ, у тебя есть деньги?» бывало, спроситъ его кто-нибудь изъ товарищей.—Есть. А что? — «Да такъ.... Сколько у тебя денегъ?» —Да не особенно того... десятка два рублишекъ найдется. — «И тебѣ онѣ нужны?» — Немножко нужны. — «Да зачѣмъ тебѣ деньги? Это вовсе нейдетъ къ тебѣ! Ей Богу! Деньги тебѣ не къ лицу»—Нельзя, братъ, и безъ оныхъ; чаю-сахару закупить, да билетовъ взять на мѣсяцъ у кухмистерши,—вотъ и все.—«А я у тебя хотѣлъ было денегъ взять».—Чтожъ, бери, съ удовольствіемъ! Сколько тебѣ?—«Да надо шестьдесятъ».—Ну шестидесяти нѣту. Возьми двадцать.—«А самъ-то съ чѣмъ же останешься? Вѣдь это послѣднія?»—Ничего, какъ-нибудь выкрутимся! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. А тебѣ непремѣнно шестьдесятъ нужно? Неменѣе?—«Никакъ не менѣе».—Гм!.. Ну, постой; сейчасъ поправимъ дѣло. Эй, Огневъ! позови сюда закладчика Шмура. Живѣе!—И денщикъ Огневъ бѣжитъ за Шмуромъ.—«Что ты хочешь дѣлать, Буяновъ?»—Часы заложить... да вотъ пальто лишнее, пожалуй.—«Это для чего же?»—Да вѣдь тебѣ деньги нужны?—«Ха, ха, ха!.. Я пошутилъ только... хотѣлъ удостовѣриться, всегда ли твой карманъ играетъ роль всеобщей кассы; а мнѣ, въ сущности, не нужно»,—Буяновъ хмурится.—Такъ что же, чортъ возьми! что я тебѣ кукла или шутъ гороховый дался, чтобы ты надо мной шутки шутить вздумалъ!—съ неудовольствіемъ ворчитъ онъ.—«Да я по-товарищески...»—Гм.... по-товарищески!.. Ты, по-товарищески, что-нибудь умнѣе выдумалъ бы, чѣмъ шутить надо мною!»

Не весь ли человѣкъ въ этой сценѣ, съ его добродушіемъ и готовностью на помощь товарищу, съ неблестящимъ умомъ, но честнымъ сердцемъ, при комической серьезности. И этотъ человѣкъ не одинъ разъ дерется на дуэли, мня защитить честь полка и портя свою жизнь. Особенно любопытенъ случай, когда Буяновъ не стерпѣлъ дружескихъ совѣтовъ знакомаго офицера гвардейскаго полка перейти въ гвардію, съ присовокупленіемъ, что охота-де ему, Буянову, «служить чортъ знаетъ гдѣ, въ какомъ-то уланскомъ полку»... Буяновъ, повторяемъ, фигура типическая и характерная,

обнаруживающая въ авторѣ живой и впечатлительный талантъ. Знакомый близко съ военнымъ бытомъ, нашъ авторъ написалъ нѣсколько очень любопытныхъ и характерныхъ очерковъ военнаго быта. Картинки подъ заглавіемъ «Отъ штаба до зимнихъ квартиръ» рѣшительно блещутъ живыми красками и глубокимъ знаніемъ быта, который авторъ взялся описать. Солдаты и крестьяне, дѣйствующіе въ этихъ очеркахъ, являются передъ вами вполнѣ естественными и простыми. Авторъ, конечно, по ходу разсказа видитъ крестьянъ на короткое время въ походѣ, можетъ отмѣтить лишь случайныя подмѣченныя черты, ими онъ и ограничивается; и это производитъ пріятное впечатлѣніе, впечатлѣніе истины.

Замѣчательною чертою очерковъ автора, какъ, впрочемъ, и большихъ его произведеній, является совершеннѣйшая простота, отсутствіе всякой вычурности и стремленій изобразить изъ себя нѣчто серьезное, глубокомысленное, полное исключительнаго пониманія. Съ полной безпретенціозностью расказываетъ авторъ свои наблюденія. Въ его распоряженіи есть поэтическія струны, и, напримѣръ, отъ разсказа «Пчельникъ» вѣетъ дикою поэзіею лѣснаго затишья и безлюдья, а своеобразные обитатели пчельника гармонируютъ своими воззрѣніями и повѣрьями съ окружающею таинственностью лѣсной жизни.

Въ началѣ своей дѣятельности авторъ прошелъ, какъ это обыкновенно бывало въ то время, въ сороковые и пятидесятые годы, такъ сказать черезъ стихотворный періодъ. И если поэтическая, въ смыслѣ стихотворной, дѣятельность не была настоящей дорогой нашего автора, то во всякомъ случаѣ не лишне отмѣтить, что онъ шелъ по ней въ томъ направленіи, которое свидѣтельствуетъ о чуткости автора къ возникавшимъ движеніямъ. Прочтите, напр., его стихотворный разсказъ «Изъ былого», написанный въ 1859 году:

«Я проѣзжалъ дорогой невеселой:
«Все ширь да дичь, да снѣжная поляна;
«Порой мелькнетъ скелетъ березы голой
«Иль глянетъ лѣсъ изъ мглистаго тумана
«И только... къ ночи слышенъ вой лишь волчій...
«И все сулитъ хандру, и сердитъ все до желчи...
«Не весело...
«И помню въ той полянѣ
«Я рядъ штыковъ и звукъ цѣпей гремучихъ...
«И «не бѣлы-снѣги» звучатъ въ туманѣ,
«А въ звукахъ тѣхъ и тайныхъ, и пѣвучихъ
«Все чудилось гнетущее родное...»

Эти стихи написаны, какъ видитъ читатель, въ духѣ Некрасова,—вообще въ духѣ тогдашняго времени. А дальше въ этомъ разсказѣ повѣствуется исторія о томъ, какъ нѣкій студентъ «и рьяный, и свободный», «частью Рудинъ и частью Донъ-Кихотъ» пламенными рѣчами увлекаетъ дѣвушку; какъ мать прокляла дѣ-

вушку; какъ молодые люди были счастливы трудовымъ счастіемъ, пока, наконецъ, этотъ отчасти Рудинъ, а частью Донъ-Кихотъ не

«Исчезъ какъ-то вдругъ, и какъ ужъ мы не бились
«Узнать, куда и какъ—но все напрасно!..»

послѣ чего уже «студенты не сходились»..., а «по городу ходили смутные слухи, что будто бы его схватили злые духи...» Заключеніе разсказа, однако, въ томъ, что авторъ встрѣтилъ послѣ того дѣвушку въ положеніи ужасномъ, въ какомъ-то вертепѣ. Здѣсь мы видимъ, что авторъ, при всемъ вліяніи на него господствовавшаго настроенія, продиктовавшаго ему тему и пріемы, обнаруживаетъ извѣстную самостоятельность. Симпатія его на сторонѣ, главнымъ образомъ, дѣвушки, жизнь которой такъ безпощадно и легкомысленно разбита и искалѣчена. Невольно слышится въ разсказѣ протестъ не противъ только проклинающей матери и не противъ только «злыхъ духовъ», а противъ этой удивительной легкомысленности, рудиновской и донъ-кихотской, съ которою примѣнена была молодыми людьми «свобода чувства», очень ужь расходившаяся съ неизбѣжностью думать о будущемъ, которое виднѣлось вдали изъ-за «благородныхъ стремленій» полюбившаго юноши. Любопытнѣйшею чертою является въ разсказѣ то, что авторъ видитъ всю безрадостную дѣйствительность, всю страшную обстановку, среди которой сложилась эта исторія. Не пользуются его симпатіями ни проклинающая мать, деспотически мечтавшая устроить судьбу дочери съ «женихомъ со звѣздой и лентой», ни уѣздные франты, которые «молчали въ танцахъ и играли въ фанты, ни, наконецъ, миѳическіе «злые духи», такъ страшно вмѣшавшіеся въ судьбу просто болтливаго Рудина и Донъ-Кихота, ни кому не опаснаго и обѣщавшаго въ будущемъ, всего вѣроятнѣе, довольно пустого человѣка. Но къ этой не лишенной мрачности, тяжелой картинѣ авторъ прибавляетъ новую печальную черту, которой по господствовавшему настроенію принято было не видѣть. Въ томъ, что принято было противопоставлять окружающему безмыслію въ качествѣ идеальнаго и протестующаго, авторъ успѣлъ разсмотрѣть свои рѣзко отрицательныя стороны, черты не вызывавшія въ немъ ничего, кромѣ сожалѣній и сомнѣній. Авторъ не выражаетъ ни малѣйшей рѣзкости, не говоря уже о злобѣ, по поводу затрогиваемаго имъ вопроса, имъ владѣетъ не негодованіе даже, а именно только грусть и сожалѣніе. И это обстоятельство должно было защитить его отъ включенія въ «обскуранты» и «ретрограды», не понимающіе всей великости и обаянія новѣйшихъ прогрессивнѣйшихъ стремленій. Добростовѣстностью и убѣжденіемъ, желаніемъ близко приглядѣться къ возникшимъ явленіямъ, понять ихъ безпристрастно и полно—дышатъ эти первоначальные литературные опыты В. В. Крестовскаго, а въ то же время въ нихъ сказывается самостоятельность и независимость, свобода пониманія вещей.

Среди повѣстей Крестовскаго найдутся и такія, которыя преслѣдуютъ цѣли чисто психологическія, но найдутся и другія, въ которыхъ замѣтна смягченная тенденціозность въ духѣ времени. Къ послѣднимъ можно отнести, напримѣръ, разсказы «Торныя дороги», «Погибшее, но милое созданье» и проч. Во всѣхъ подобныхъ разсказахъ авторъ является обличителемъ разврата, распущенности нравовъ, которая сдѣлалась постоянною темою его произведеній. Такъ, въ «Торныхъ дорогахъ» авторъ разсказываетъ исторію двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ, съ наивными мечтами оставившихъ институтъ и потомъ, подъ вліяніемъ общественнаго разврата, гибнущихъ — одна нравственно, а другая физически. Первая не устояла передъ оскорбительнымъ положеніемъ наемной учительницы и передъ наглымъ, безцеремоннымъ предложеніемъ развратнаго негодяя, брата ея учениць, манившаго ее роскошью жизни, и сдѣлалась дамой полу-свѣта. Вторая пала жертвой невыносимой бѣдности и сожалѣнія къ больной матери и вышла на торную дорогу Невскаго проспекта, сохранивъ душевную чистоту и уступая каждый разъ только необходимости не умереть съ голоду. Въ концѣ концовъ первая торжествуетъ вполнѣ, выходя замужъ «за статскаго совѣтника Отлукавскаго», а послѣдняя, случайно видѣвшая приготовленія къ вѣнчанью, вспоминаетъ слова умершей матери: «ужъ будто честному человѣку и мѣста нѣтъ на землѣ! будто только одна подлость да низость, да развратъ благоденствуетъ и живетъ въ довольствѣ», и внутренно говоритъ себѣ: «видно, что такъ!» — болѣзненная и истощенная своей печальной жизнью. Тема та же, что въ «Убогой и нарядной» Некрасова, только болѣе подробно разработанная, будучи написана въ формѣ прозаической, не стихотворной.

Такъ складывался литературный характеръ нашего автора. Между тѣмъ жизненный опытъ и наблюденія привели В. В. Крестовскаго къ изображенію выводовъ въ болѣе широкой картинѣ. И первое, что представилось ему на этомъ пути, была именно картина бѣдствій людскихъ, происходящихъ отъ развращенности общественныхъ нравовъ, которая, какъ мы замѣтили выше, завладѣла съ особенною силою вниманіемъ его. Впослѣдствіи, роковыя событія польскаго возстанія и вопросъ еврейскій, по ихъ жгучести живо заинтересовавшіе автора, побудили его высказать въ беллетристической формѣ свои взгляды на нихъ. Появились большія произведенія г. Крестовскаго: «Петербургскія трущобы», доставившія ему широкую извѣстность, а затѣмъ «Панургово стадо» и «Двѣ силы» («Кровавый пуфъ» вмѣстѣ) и «Тьма египетская», вызвавшія противъ автора многочисленныя нападенія по поводу ихъ смысла и цѣлей. Къ разсмотрѣнію этихъ произведеній, составляющихъ самое важное и значительное въ томъ, что̀ написано нашимъ авторомъ, мы и должны теперь перейти.

3.

«Петербургскія трущобы», «книга о сытыхъ и голодныхъ», какъ справедливо называетъ ее самъ авторъ, занимаетъ въ русской литературѣ очень своеобразное положеніе. Написанныя въ манерѣ «Парижскихъ тайнъ» Евгенія Сю, подобно этому послѣднему роману, они разсматриваются обыкновенно, какъ легкое, немного рискованное чтеніе, интересно написанное беллетристическое произведеніе, къ серьезнымъ произведеніямъ литературы не причисляемое. Въ этомъ взглядѣ есть крупная и грубая ошибка. Въ литературѣ нашей есть, конечно, произведенія, трактующія приблизительно ту же тему съ полной художественностью образовъ, какъ напримѣръ, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго. Но Достоевскій—величайшій талантъ, и психологическій анализъ, свойственный ему, представляетъ явленіе по истинѣ изумительное и рѣдчайшее. Притомъ онъ рисуетъ намъ душевную жизнь людей уже окончившихъ свою жизнь и преступную дѣятельность, а г. Крестовскій изображаетъ самыя дѣйствія преступныхъ элементовъ Петербурга. «Петербургскія трущобы» произведеніе единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ и имѣетъ серьезнѣйшій смыслъ. Авторъ изображаетъ въ нихъ такой сложный и знаменательный міръ явленій, который только потому не даетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей огромное значеніе роману, что онъ чуждъ читающему слою общества, стоитъ вдали отъ него—кажущаяся даль!—и интересуетъ немногимъ больше, если не меньше иной разъ, чѣмъ описаніе жизни дикарей Австраліи. Книга г. Крестовскаго, конечно, не можетъ быть дана всякому въ руки, и подростающее поколѣніе, которое всегда и составляетъ у насъ настоящій контингентъ читателей, не включается естественно въ число возможныхъ читателей «Петербургскихъ трущобъ»; въ этомъ быть можетъ причина, почему обширный романъ нашего автора не ставится въ число тѣхъ произведеній, которыя изучаются и считаются достояніемъ общественной мысли. При реальномъ взглядѣ на дѣло, романъ этотъ представится огромной, хотя и односторонней картиной, картиной жизни, заглядывающей въ самые скрытые углы общественныхъ отношеній, разсматриваемыхъ не съ точки зрѣнія правовыхъ нормъ и теоретическихъ политическихъ воззрѣній, а съ точки зрѣнія грубыхъ страстей, дѣйствующихъ въ обществѣ, порождающихъ развратъ и преступленія. Картина, нарисованная авторомъ есть, конечно, односторонняя картина, она представляетъ «обратную сторону медали» общественной жизни Петербурга, и не одного Петербурга. Она старается выяснить причины разврата и «нарядныхъ» и «убогихъ», и выясняетъ ихъ, какъ увидимъ, въ смыслѣ весьма справедливомъ и гуманномъ. Передъ вами неотвратимо становится ясный выводъ, что личность въ своей развратной и преступной жизни повинна

не болѣе, чѣмъ все общество, чѣмъ обычаи, привычки и страсти тѣхъ, кто избѣгаетъ правосудія.

Въ романѣ г. Крестовскаго есть одно свойство, одинъ общій большой недостатокъ, лишающій его, съ кажущимся правомъ, художественнаго значенія. Недостатокъ этотъ въ томъ, что самыя первенствующія лица романа, какъ семья князей Шадурскихъ, обращены къ читателю только одной стороной разврата и безсердечнаго легкомыслія, порождающаго кругомъ несчастія и бѣдствія. Личности эти, какъ и многія другія, лишены вполнѣ живого изображенія, они не смотрятъ индивидуальными людьми,—условіе необходимое для полной художественности иллюзіи,—представляютъ собою олицетворенія извѣстныхъ свойствъ, нужныхъ для цѣлей автора. Но, помимо того, что это положеніе можетъ быть признано только условно, что и въ психологической обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ сказывается тотъ талантъ, который проявлялъ себя въ повѣстяхъ автора, этотъ недочетъ понятенъ и почти неизбѣженъ при цѣляхъ и задачахъ, принятыхъ на себя авторомъ. Герои романа г. Крестовскаго— не люди, не князья Шадурскіе и ихъ жертвы, не петербургскіе обитатели «трущобъ», а развращенность, страсти этихъ людей, и на нихъ онъ естественно останавливаетъ вниманіе почти исключительно. Не душевныя свойства развратниковъ и преступниковъ интересовали автора, а тѣ формы, которыя принимаютъ ихъ развратъ и преступныя стремленія, дѣйствительная внѣшняя жизнь съ ея причинами и послѣдствіями, и авторъ, конечно, всего болѣе останавливается на внѣшности. Но эта внѣшность не можетъ быть постигнута никакимъ «поэтическимъ прозрѣніемъ», никакимъ художественнымъ чувствомъ; она требуетъ непосредственнаго наблюденія и изученія, и передача ея частностей, ея многосложныхъ формъ, требуетъ не одного художественнаго таланта, а въ еще большей степени внимательности и правдивости, чтобы не увлечься въ сторону созданія, хотя бы и художественныхъ и возможныхъ, но не существующихъ на простомъ фактѣ явленій дѣйствительности. Изучая же романъ, вы невольно отдадите дань справедливости автору, который съ большой простотой и ясностью, съ присутствіемъ живого таланта разсказа и группированія фактовъ, передаетъ суть печальныхъ явленій, подпавшихъ его наблюденію. При всѣхъ этихъ условіяхъ, романъ г. Крестовскаго принимаетъ характеръ этнографическій, но съ присутствіемъ художественнаго элемента и психологическаго освѣщенія. Да и нельзя сказать, чтобы, напримѣръ, молодой Шадурскій былъ олицетвореніемъ исключительно развратныхъ и легкомысленныхъ свойствъ избалованнаго и совершенно нравственно невоспитаннаго барина. Много найдется совершенно такихъ характеровъ, какъ онъ, добрыя девяносто девять сотыхъ своей жизни проживающихъ безъ размышленія и вопросовъ: хорошо ли онъ поступаетъ?—и слѣдующихъ исключительно за сво-

ими плотскими вожделѣніями. А съ этой стороны онъ ясенъ и психологически характеренъ. Есть въ немъ, конечно, иныя, болѣе человѣчныя черты, которыя глубокій художникъ могъ бы выяснить рядомъ съ его распущенностью и безпринципностью. Но вѣдь авторъ нашъ и не имѣлъ въ виду открыть въ немъ «душу живу», какъ нѣкогда выражались, и въ чемъ преувеличенно видѣли единственное призваніе художника.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что̀ въ романѣ г. Крестовскаго имѣетъ существенную роль, что̀ изобразилъ онъ, что̀ сказалъ своими картинами. Но пусть самъ авторъ скажетъ намъ это. «Есть въ мірѣ царь—незримый, неслышимый, но чувствуемый, царь грозный, какъ едва ли былъ грозенъ кто изъ владыкъ земныхъ. Царь этотъ старъ; годы его считаютъ не десятками и не сотнями; годы его—тысячелѣтія. Онъ столь же старъ, сколь старо то, что зовутъ цивилизаціею человѣческою. Есть преданіе, что народился онъ въ ту самую ночь, какъ люди, дотолѣ дикіе, выйдя изъ лѣсовъ своихъ, сошлись всѣ вкупѣ, и положили краеугольный камень перваго человѣческаго города... Онъ злой, тиранической деспотъ, и трудно отъ него укрыться и спастись. Годы только усиливаютъ его злобную грозу и лютость. Царствіе его—отъ міра сего, и предѣлу царствія—нѣсть конца.... Будетъ ли конецъ его царствію—невѣдомо. Та же самая цивилизація ведетъ съ нимъ вѣковую, упорную борьбу, а межъ тѣмъ, порфира грознаго царя все-таки всевластно простирается надъ міромъ.... Онъ гордъ и надмененъ и гнусно-пресмыкающъ въ одно и то же время! онъ подлъ и мерзокъ, какъ сама мерзость запустѣнія. Его царственныя прерогативы—порокъ, преступленіе и рабство—рабство самое мелкое, но чуть ли не самое подлое изъ всѣхъ рабствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ... Его дѣти—Болѣзнь и Несчастіе. Іуда тоже былъ его порожденіемъ, и самъ онъ сынъ ужасной матери. Отецъ его—Дьяволъ, мать—Нищета. Имя ему—Развратъ».

Вотъ нравственныя представленія автора о жизни, изображенной имъ въ «Петербургскихъ трущобахъ» И развратъ является ужаснымъ героемъ этой длинной эпопеи. Передъ вами проходятъ картины поражающія своимъ нравственнымъ безобразіемъ, и это нравственное безобразіе находитъ самое большее выраженіе въ тѣхъ «сытыхъ», которые представлены въ образѣ Шадурскихъ и имъ подобныхъ. Въ жизни этихъ сытыхъ героевъ снаружи все такъ благопристойно, а внутри гнусная грязь, прикрываемая богатствомъ. Въ жизни истинныхъ трущобъ, напротивъ, снаружи все въ высокой степени безобразно и безнравственно, а внутри еще теплится огонь человѣческаго чувства и человѣческой мысли, воспитанный и поддерживаемый ужасными несчастіями и бѣдствіями, которыя испытываютъ эти паріи человѣчества. Для сытыхъ, бездумно и легко совершающихъ свои гнусныя дѣянія,—

нѣтъ ни въ чемъ извиненія; голодные возбуждаютъ не одно только чувство отвращенія, а и безмѣрной жалости. Таково впечатлѣніе отъ цѣлаго романа г. Крестовскаго, и одно оно уже искупаетъ недочеты художественности изображенія. И авторъ самъ высказываетъ прямо эти мысли, онъ положилъ ихъ въ основаніе романа— въ этомъ «тенденціозность» этого послѣдняго. Но если все, что̀ онъ изображаетъ, вѣрно дѣйствительности, если онъ ничего не извращаетъ и ничего не выдумываетъ, если эта тенденція является простымъ выводомъ изъ общихъ фактовъ, то она приближается по своему значенію къ тому, что называется «идеею», что составляетъ небходимую принадлежность каждаго литературнаго произведенія, претендующаго на значеніе, на смыслъ, на полезность для читателей.

Было бы излишне и несправедливо умолчать, что иногда тенденціозность и литературные пріемы, не истекающіе изъ «вдохновенія», говоря старымъ тереминомъ, заводятъ автора на нежелательные пути. Въ видахъ «интересности» романа, авторъ допускаетъ такія приключенія, какъ чуть не воскресеніе изъ мертвыхъ Бероевой, и тому подобное. Придумываетъ онъ и другіе эфекты, присочиненность которыхъ очевидна. Но какъ мы показываемъ, это эфекты, придающіе роману несерьезный характеръ, играютъ слишкомъ незначительную роль въ немъ, въ виду значительности мысли и правдивыхъ картинъ разврата и преступности. А правдивость эта несомнѣнна, относительно чего авторъ въ предисловіи считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній очень убѣдительныхъ. Когда онъ читалъ романъ нѣкоторымъ друзьямъ и знакомымъ, его спрашивали: да неужели все это такъ, все это правда? И авторъ поясняетъ, что все написанное имъ вынесено изъ непосредственнаго наблюденія, изъ ознакомленія съ судебными дѣлами и т. п. И онъ замѣчаетъ: «Многимъ изъ читателей многое, быть можетъ, покажется въ немъ (въ романѣ) страннымъ, преувеличеннымъ и даже невѣроятнымъ; но это оттого, что мы не привыкли еще къ гласному, публичному обсужденію такого рода фактовъ и обстоятельствъ. Открытыя судебныя камеры не замедлятъ познакомить насъ со множествомъ неизвѣстныхъ еще большинству явленій»; отстраняетъ онъ и возможность отыскивать въ романѣ затаенныя мысли, грубыя тенденціи. «Я—говоритъ онъ:—остаюсь совершенно чуждъ въ моей книгѣ какихъ бы то ни было сословныхъ пристрастій, симпатій и антипатій. Я беру только то, что̀ мнѣ даетъ жизнь»... Наконецъ, авторъ предусматриваетъ и возможные упреки въ циничности изображаемыхъ имъ явленій жизни. «Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что изображеніе... язвъ слишкомъ цинично и даже неблагопристойно.—Что же дѣлать. таковъ ужъ предметъ, избранный мною. Да притомъ, книга вѣдь и не предназначается къ чтенію въ пансіонахъ и институтахъ

для благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ случаѣ я могу отвѣтить только словами покойнаго Помяловскаго: «если читатель слабъ на нервы и въ литературѣ ищетъ развлеченія и элегантныхъ образовъ, то пусть онъ не читаетъ мою книгу».... Все это совершенно справедливо. И романъ г. Крестовскаго имѣетъ очень серьезное общественное, если не художественно-литературное, значеніе, раскрывая картину несчастій и преступленій, порождаемыхъ въ обществѣ отсутствіемъ нравственнаго воспитанія однихъ и безсиліемъ передъ гнетомъ порока другихъ, болѣе слабыхъ.

4.

«Кровавый пуфъ»,—«хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго», по характеристикѣ автора, принадлежитъ, при открытой въ немъ политической тенденціи, къ самымъ, на первый взглядъ, рискованнымъ литературнымъ произведеніямъ. Касаясь самой болѣзненной и печальной стороны русской государственной жизни, она естественно должна вызывать самыя различныя отношенія со стороны различно думающихъ о предметѣ людей. За авторомъ, однако, нужно признать право думать такъ, какъ диктуютъ ему его умъ и его чувство, и если тенденція романа не сходится съ вашими мнѣніями, можете опровергать ее, но не грязнить романъ подозрительными характеристиками. Единственное требованіе, которое мы имѣемъ право предъявить автору, чтобы онъ честно высказывалъ свои искреннія мнѣнія. Если онъ и ошибается, то всегда за нимъ остается заслуга освѣщенія предмета хоть съ одной стороны. И смѣлое, открытое заявленіе своихъ мнѣній, при господствѣ мнѣній противоположныхъ, должно заслуживать уваженія и при полномъ несогласіи съ ними.

Къ счастію для насъ, авторъ самъ категорически высказалъ устами своихъ героевъ и своимъ перомъ тѣ мысли, тѣ тенденціи, которыя руководили имъ при писаніи хроники, и намъ остается только посмотрѣть, на сколько изображенные имъ факты подтверждаютъ эти мысли. Приведемъ сначала главныя мысли автора.

Что думаетъ авторъ о стремленіяхъ Польши къ независимости? «Хвалынцевъ,—пишетъ онъ:—*какъ честный человѣкъ*, не могъ не придти къ одному достопримѣчательному сознанію, которое въ тотъ же день, подъ свѣжимъ неизгладившимся впечатлѣніемъ (отъ Варшавы), занесъ въ свою записную книжку. «Да! здѣсь есть за чтò встать и за чтò побороться! съ глубокимъ убѣжденіемъ писалъ онъ тамъ: всѣ эти монастыри, костелы и колонны, историческія площади, мѣста и улицы, историческіе дома и зданія,—со всѣмъ этимъ соединяется здѣсь столько славныхъ, свѣтлыхъ и и столько горькихъ воспоминаній, что они не скоро изгладятся изъ памяти народнаго сердца!... Это такой же славянскій центръ,

какъ наша Москва, какъ чешская Прага; здѣсь вѣками прошла цѣлая жизнь, своеобразная, богатая и характерная. Здѣсь легъ въ основаніе быта совсѣмъ особый, нимало не похожій на нашъ, культъ жизни, понятій, вѣрованій, стремленій, политики, государства, что нѣтъ ничего мудренаго, если и до сихъ поръ невозможно забыть этотъ культъ! Всѣ эти мѣста для поляка то же самое, что для насъ московскій Кремль съ его святынями. Отъ всего этого не легко.... даже нельзя, невозможно отказаться, потому что всѣ эти памятники стародавней жизни просто мозолятъ глаза собою; они кричатъ, они вопіютъ о прошломъ и требуютъ его возвращенія! Надо одно изъ двухъ: либо сполна отдать ихъ полякамъ, либо уничтожить ихъ въ три часа грозными пушками Александровской цитадели! Иначе же, пока существуютъ на глазахъ у всѣхъ эти историческіе памятники прошлой независимости и славы—здѣсь никогда не будетъ ни полнаго мира, ни полнаго покоя, ни полнаго счастія». Къ этому авторъ могъ бы прибавить, что помимо памятниковъ вещественныхъ, существуютъ еще памятники иные, самыя формы быта, приноровленныя къ духу народному, противъ которыхъ безсильны и грозныя пушки цитадели. Очевидно, что авторъ влагаетъ въ уста Хвалынцева мысли, которыя онъ раздѣляетъ, впечатлѣнія, которыя самъ испыталъ. И единственное рѣшеніе тяжелаго вопроса онъ видитъ, если ужъ не возвратить Польшѣ прошлое, то «во имя свѣтлаго настоящаго заставить ее забыть историческое прошлое», что можетъ быть совершено «если не вѣками, то долгими и долгими годами неуклонной, твердой и честной русской политики». Чтò можно видѣть въ этихъ полныхъ ума и справедливости строкахъ, кромѣ искренняго убѣжденія?

Извѣстно, какъ вызывающе вели себя поляки передъ возстаніемъ относительно русскихъ. И вотъ вамъ картина, поясняющая то чувство, которое, при существованіи вышеприведенныхъ обстоятельствъ, двигало поступками ихъ. Хвалынцевъ заходитъ въ костелъ, и передъ нимъ совершается знаменательная сцена. «Передъ глазами его былъ высокій, свѣтлый храмъ, биткомъ наполненный народомъ, и весь этотъ народъ стоялъ на колѣняхъ; но передъ авторомъ не было замѣтно ни одного священнодѣйствующаго лица. Впереди виднѣлась группа черныхъ, колѣнопреклоненныхъ женщинъ. На всѣхъ лицахъ лежала печать выразительной, озлобленной скорби, взоры горѣли молитвой, фанатизмомъ, отчаяніемъ, религіознымъ экстазомъ и ненавистью... Вверху гудѣлъ органъ, но аккомпанирующіе звуки его почти заглушались: вся эта плотная, колѣнопреклоненная масса, какъ одинъ человѣкъ полною грудью, въ весь голосъ издавала страшные, морозомъ подирающіе вопли, которые были мрачнымъ гимномъ отчаянія, ропота и укоризны, обращенныхъ къ Богу..... Хвалынцевъ весь находился подъ страшно-

гнетущимъ и потрясающимъ впечатлѣніемъ этихъ какъ бы изстрадавшихся, отчаянно-рѣшительныхъ и могильно-грозныхъ звуковъ: ни одной свѣтлой, умиляющей ноты—одна только скорбь, одно лишь отчаяніе и горькій, изступленный упрекъ да сѣтующая жалоба звучали въ этихъ аккордахъ»... И Хвалынцевъ,—«человѣкъ, чуждый этому міру, человѣкъ иной національности, въ эту минуту живо и глубоко почувствовалъ и позналъ ту страшную силу, которая можетъ и должна электризировать и фанатически подымать цѣлыя массы народа, настроеннаго подобнымъ образомъ»... Кто не согласится съ нами, что эти строки продиктованы совсѣмъ не тенденціей, а глубокимъ художественнымъ чувствомъ?

Но тогда—на какой же точкѣ зрѣнія стоитъ нашъ авторъ въ сложномъ вопросѣ и въ чемъ сознаваемая имъ самимъ тенденціозность его «хроники». Да, авторъ признаетъ то, что онъ высказываетъ о Польшѣ и невозможности для нея забыть въ настоящее время прошлое. Но въ сложныхъ политическихъ обстоятельствахъ междуплеменной борьбы, господствующей въ Европѣ, — фактъ, сколько ни отрицай его во имя отвлеченной идеи человѣчества, существующій,—по автору, славянскія племена должны быть вмѣстѣ, единою силой; иначе имъ грозитъ неизбѣжная опасность слабости, усложняемой вѣковой борьбой славянъ между собою. Это опять предметъ спорный, если хотите, но на который авторъ имѣетъ **право** и **основаніе** смотрѣть такъ, какъ онъ смотритъ. И потому-то онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на историческую судьбу Польши и требуетъ честной относительно ея политики русской. Почему же, однако, Польша должна быть насильственно вмѣстѣ и Россіей? Эту сторону дѣла авторъ выясняетъ историческимъ характеромъ Польской государственной и общественной жизни, которая въ «неравномъ спорѣ» неизбѣжно обрекла Польшу къ зависимости отъ Россіи, а не наоборотъ, какъ Польша стремилась. Авторъ опирается на безпристрастное мнѣніе Прудона, который говоритъ: «Польша идетъ наперекоръ всѣмъ соображеніямъ. Ея мнимая цивилизація въ средніе вѣка есть не болѣе, какъ восточная роскошь... Дворянскіе предразсудки доведены до ребячества, до безумія; отсутствіе дисциплины возведено въ требованіе чести; всѣ понятія извращены... Вы и теперь остаетесь дворянами. Вы и теперь точно такъ же, какъ и прежде, хотите властвовать и распоряжаться другими... Вы хотите возродиться, но возродиться внѣ условій новѣйшей жизни». Словомъ, исторически окрѣпшій «шляхетскій» характеръ стремленій Польши сдѣлалъ ее слабою и не способною отстоять свою самостоятельность. Онъ же былъ причиною и ея вѣчной вражды къ русскому государству, онъ же сказался въ исторіи польскихъ отношеній къ Украйнѣ и пр., и пр. Вотъ воззрѣнія, которыя проводитъ авторъ. Въ историческомъ соперничествѣ двухъ славянскихъ племенъ лежалъ неизбѣжный исходъ. «Мы

съ вами—говоритъ одинъ изъ персонажей г. Крестовскаго честному поляку о Россіи и Польшѣ—это два зерна, брошенныя въ общую почву, слишкомъ близко одно къ другому. И тому, и этому надо жить, но чтобы жить, надо пускать въ почву глубже и шире свои корни, а вмѣстѣ намъ тѣсно, мы мѣшаемъ другъ другу, одинъ изъ насъ затрудняетъ естественный ростъ другого. Отсюда невольная борьба—борьба за существованіе, гдѣ играютъ роль не одни политическіе вопросы, а всѣ, рѣшительно всѣ жизненныя условія наши и ваши». Строки эти, конечно, грустны, но, быть можетъ, авторъ и правъ, допуская, конечно, споръ противъ себя.

Такова основанная мысль хроники г. Крестовскаго, облекаемая имъ, какъ ясно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ формы живыя и значительныя по большей части. Частною тенденціею автора было показать, что Западный край, безъ котораго самостоятельное существованіе Польши было бы слишкомъ проблематично и призрачно и на который она претендуетъ, не есть польскій край по своему народу, по коренному населенію, презираемому шляхетствомъ, а есть русскій край. Это, собственно и доказывать было не трудно: авторъ просто беретъ народъ, который онъ прекрасно знаетъ, и мѣстное шляхетство, которое онъ знаетъ не меньше, и разсказываетъ объ ихъ взаимыхъ отношеніяхъ весьма живыми образами. Художественный элементъ здѣсь выступаетъ весьма сильно у нашего автора, и напр., панъ Котырло, изображающій собою польскихъ дворянъ Западнаго края, съ своими гостями, изображенъ съ замѣчательною психологическою глубиною.

Справедливость опять требуетъ сказать, что тенденціозность автора, до сихъ поръ не переходящая за предѣлы дозволительные въ беллетристическомъ произведеніи, идетъ нѣсколько дальше, чѣмъ бы слѣдовало, вредя, конечно, силѣ и вліятельности произведенія, не укрѣляя, а подрывая вѣру въ мысли автора. Особенно ясно это въ первой части хроники, въ «Панурговомъ стадѣ». Авторъ всюду во всѣхъ умственныхъ направленіяхъ и увлеченіяхъ шестидесятыхъ годовъ даетъ чувствовать «польскую интригу», какъ это принято называть. Конечно, частію это фактъ историческій, но авторъ даетъ ему столь широкіе размѣры, что онъ ясно смотритъ преувеличеніемъ несомнѣннымъ и большимъ. Нужно правду сказать, что авторъ держится въ описаніи разныхъ смутныхъ событій почвы дѣйствительныхъ фактовъ, еще не забытыхъ, но подставленіе подъ каждый изъ нихъ «польской интриги» только роняетъ значеніе фактовъ, говорящихъ сами за себя.

Общимъ выводомъ о «Кровавымъ пуфѣ» будетъ тотъ, что авторъ вообще хотѣлъ быть безпристрастнымъ и проводилъ не голыя тенденціи, а свои мнѣнія основывалъ на большомъ знакомствѣ съ вопросомъ и народомъ Польши и Западнаго края, которые являются у него большею частію въ изображеніи художественномъ,

въ образахъ яркихъ и значительныхъ. Въ его хроникѣ есть «новые люди» русскіе. Но онъ и здѣсь остался на почвѣ справедливости: между ними изображаются и прекрасные и нелѣпые люди, какъ это и естественно; а если авторъ не сочувствуетъ ихъ мечтаніямъ, то это право его мысли и совѣсти.

5.

Романъ г. Крестовскаго «Тьма египетская» имѣетъ тенденціею показать значеніе еврейства въ русской жизни и, такъ сказать, въ самомъ себѣ. И авторъ берется за дѣло съ очевидно глубокимъ изученіемъ еврейскаго характера и стремленій, по крайней мѣрѣ, фанатическихъ представителей племени. Передъ нами семья Бендавидовъ, обрисованная художественными чертами и съ присутствіемъ серьезнаго психологическаго анализа. И что всего любопытнѣе, эти евреи, хотѣлъ ли того авторъ или нѣтъ, рисуются обладающими огромными достоинствами въ сравненіи съ выводимыми авторомъ русскими, какъ, кстати здѣсь замѣтить, и въ хроникѣ «Панургово стадо» и «Двѣ силы» поляки являются тоже превосходящими русскихъ. Худые люди или нѣтъ эти поляки и евреи, но въ нихъ вы чувствуете присутствіе силы, опредѣленности стремленій, жизни сознательной и строго направленной, тогда какъ русскіе представляютъ изъ себя что-то такое не опредѣленное и безформенное. Полякъ—патріотъ, еврей—узкій націоналистъ подъ флагомъ космополитизма; а русскій—теоретикъ, словно бы лишенный живого чувства родины и способности пытливо вглядываться въ жизнь съ ея задачами, только мечтающій о будущихъ кисельныхъ берегахъ на молочныхъ рѣкахъ и озерахъ. И эти такъ называемые тенденціозные романы г. Крестовскаго всего скорѣе написаны, съ желаніемъ или безъ желанія автора, противъ русскихъ, которымъ какъ бы дается совѣтъ не спать и не мечтать, а изучать жизнь и входить въ нее не для обиды другихъ, а что бы самимъ не даваться въ обиды. Тенденціозность г. Крестовскаго обоюдуострая въ этомъ смыслѣ; и это свойство ея намекаетъ, что талантъ автора и при тенденціозности пробиваетъ себѣ широкіе пути, обнаруживая въ изображаемыхъ явленіяхъ справедливыя свойства, для тенденцій автора не совсѣмъ пригодныя, если ихъ понимать узко, какъ обыкновенно и понимаютъ ихъ.... Но возвратимся къ «Тьмѣ египетской» и къ персонажамъ этого интереснаго романа.

Въ первыхъ главахъ романа авторъ рисуетъ подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла еврейскую семью въ праздничный день, въ вечеръ на субботу. Среди пиршества съ религіознымъ характеромъ, гдѣ присутствуетъ и дорогой гость, знаменитый рабби Іонаѳанъ, съ нѣкоторыми другими гостями, рѣчь естественно заходитъ о значеніи еврейства въ человѣчествѣ. И вотъ знамени-

тый рабби говоритъ цѣлую проповѣдь, въ которой вся національная гордость и надежды рисуются въ сильныхъ и яркихъ красках. Авторъ тутъ ни мало не фантазируетъ, каждое слово раввина подтверждается ссылкою на законъ, на тотъ Ветхій Завѣтъ, который у всѣхъ можетъ быть въ рукахъ для провѣрки словъ автора, а не на что-либо менѣе извѣстное. Рабби Іонафанъ говоритъ о своемъ народѣ, конечно, какъ объ избранномъ народѣ, которому всѣ другія племена неоднократными обѣщаніями Іеговы отданы на служеніе; онъ напоминаетъ факты разрѣшенія и даже повелѣнія обобрать другіе народы (напр., при исходѣ евреевъ изъ Египта), потому что вѣдь въ сущности все принадлежитъ избранному народу, для котораго проклятые «гоимъ» должны быть рабами... и пр. и пр. И какою силою и убѣжденіемъ дышетъ эта фанатическая рѣчь, вся основанная на текстахъ закона! Она, конечно, льститъ племенному самолюбію присутствующихъ, которые и проникаются мыслью о господствѣ надъ міромъ, путемъ сосредоточенія богатства въ еврейскихъ рукахъ. Мысль эта, конечно, не новая въ еврействѣ, но рабби Іонафанъ является достойнымъ ея проповѣдникомъ, рѣшительно электризуя слушателей. И хотя, конечно, передъ нами исключительный фанатикъ, но мысли его такъ естественны и просты въ устахъ человѣка изъ избраннаго народа, что и всѣ должны быть не чужды его фанатизма. Рабби Іонафанъ, между тѣмъ, мизерная фигурка, «жидкій, какъ гнуткая жердинка» и хромой. Но это жидкая фигура—сила, съ которой нужно считаться; онъ, очевидно, обладаетъ и умомъ и знаніемъ, и знаніемъ не одного только еврейскаго талмуда. Читатель невольно долженъ почувствовать къ нему инстинктивое уваженіе, и уваженіе и ненависть, потому что сила эта, положительная для еврейства, является для читателя отрицательною и злою. Онъ въ своемъ правѣ, за него его законъ, на которомъ онъ основывается. И если вы хотите не дасться ему въ руки, вы должны обладать тоже силою.

Но это, конечно, теоретикъ и фанатикъ. Бендавидъ, принимающій его у себя въ гостяхъ, практикъ, но результаты не многимъ отличны и въ его лицѣ. Онъ тоже сила. Посмотрите, какой онъ строгій и выдержанный блюститель закона—своего, конечно, а не той страны, гдѣ онъ живетъ среди «гоимъ». Какой онъ прекрасный семьянинъ и дѣловой человѣкъ, какъ онъ знаетъ жизнь и слабости людскія! Въ качествѣ человѣка изъ избраннаго народа, чуть не обязаннаго вредить человѣку другого племени, «ненавидѣть врага своего», онъ, конечно, не приминетъ воспользоваться знаніемъ людей, хотя онъ человѣкъ очень добрый, и онъ уже богатъ, а родомъ знатенъ, ибо онъ—изъ рода царя Давида. Въ семьѣ его, между тѣмъ, возникло явленіе, совершенно чуждое ему и непонятное. Его родная внучка, получившая образованіе въ гимназіи

и начитанная, къ тому же видѣвшая свѣтъ, поняла всю ложь и суетность мечтаній о господствѣ надъ міромъ, все зло отчужденности и ненависти къ народамъ не «избраннымъ». Случайно полюбивши христіанина, она, ознакомившись съ умиротворяющимъ ученіемъ Евангелія, рѣшилась сдѣлаться христіанкою и бѣжала изъ дома дѣда въ монастырь. Тогда все еврейство города чуть не приступомъ пошло на монастырь, обнаруживая новую силу еврейства въ солидарности и строгой дисциплинѣ племени. Печально все это окончилось,—еврейскимъ погромомъ, который, впрочемъ, по результатамъ былъ печальнѣе для дѣятелей его, чѣмъ для еврейства города. Авторъ далъ живую и яркую картину еврейской жизни, идей и стремленій. Но средѣ, въ которой дѣйствуетъ эта сплоченная и серьезная сила, авторъ отводитъ печальную роль. Ничего непонимающіе администраторы, продажные чиновники, наконецъ самъ просвѣтитель Тамары Бендавидъ, простой проходимецъ съ графскимъ титуломъ, только потому и хлопотавшій объ обращеніи ея въ христіанство, чтобы воспользоваться ея солиднымъ состояніемъ—вотъ кто является на другой сторонѣ, противъ еврейства, которое въ сущности и распоряжается этими элементами, какъ хочетъ. Тенденція автора имѣетъ, какъ видитъ читатель, особый характеръ, который лишь относительно неблагопріятенъ для еврейства. Въ этомъ романѣ тенденціозность принадлежитъ къ тѣмъ, которые связаны только внѣшнимъ образомъ съ внутреннимъ содержаніемъ. Романъ самъ по себѣ представляетъ собою, въ дѣйствительности, только въ высокой степени талантливо написанную картину еврейства въ его внутреннемъ смыслѣ и въ его отношеніяхъ къ окружающему его народу.

Въ повѣсти «Дѣды», которая представляетъ собою характеристику времени императора Павла, авторъ, оставаясь на почвѣ фактовъ, хочетъ сказать, что мрачныя представленія объ этой эпохѣ преувеличны. Въ дѣятельности нашего автора эта повѣсть не занимаетъ большого мѣста. Но среди его произведеній нелишнее упомянуть о рядѣ сочиненій характера прозаическаго, о путевыхъ замѣткахъ и запискахъ, о впечатлѣніяхъ, которыя онъ началъ писать еще въ давнюю пору своей дѣятельности (напр., «По дорогѣ», «На Востокѣ», «Катакомбы Фары», «Подземный ходъ» и проч.). Между такими сочиненіями его особенно любопытны «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи» и «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго». Въ нихъ авторъ не задается никакими особыми цѣлями, но, впечатлительный и наблюдательный, онъ придаетъ интересъ самымъ простымъ вещамъ, попадавшимся подъ его наблюденіе.

Въ нашемъ очеркѣ мы представили характернѣйшія черты литературной дѣятельности В. В. Крестовскаго, задачъ и цѣлей,

которыя онъ преслѣдовалъ. И наша задача будетъ исполнена, если мы успѣли убѣдить читателя въ серьезномъ значеніи этой дѣятельности, которая могла быть недостаточно цѣнима только въ силу жгучести и современности темъ, которыя г. Крестовскій затрогивалъ,—въ жгучести и современности, мѣшавшихъ безпристрастному отношенію къ произведеніямъ его.

Арс. Введенскій.

ВОСПОМИНАНІЕ О ХУДОЖНИКѢ А. Д. ЛИТОВЧЕНКО.

Въ МОИХЪ воспоминаніяхъ о знакомствѣ съ кружкомъ русскихъ художниковъ покойный Александръ Дмитріевичъ Литовченко занимаетъ очень видное мѣсто. Какъ теперь помню мое первое посѣщеніе его мастерской—кажется, въ ноябрѣ или декабрѣ 1882 года. Литовченко жилъ тогда, какъ и до конца жизни, въ общемъ убѣжищѣ всѣхъ художниковъ—въ домѣ Елисѣева, на углу Биржевой линіи и набережной Невки. Квартирку онъ занималъ небольшую, на одной площадкѣ съ Крамскимъ, у котораго бывалъ постояннымъ, каждодневнымъ гостемъ.

Когда я позвонилъ, мнѣ отперла дверь какая-то чистенькая, благообразная старушка и тотчасъ куда-то скрылась изъ прихожей. Пришлось войти безъ доклада изъ прихожей въ комнату, которая замѣняла художнику и кабинетъ, и пріемную. Помню, что при входѣ въ эту пріемную, меня, прежде всего, поразила та чрезвычайная, педантическая чистота и удивительный порядокъ, которые должны были броситься въ глаза каждому свѣжему человѣку, вступавшему въ эту комнату. Нигдѣ ни лоскутка бумажки, ни пылинки, ни даже слѣда какой бы то ни было житейской суеты... Такую чистоту во время своихъ долгихъ и частыхъ переѣздовъ по Россіи я встрѣчалъ только въ избахъ у старообрядцевъ Новгородской и Тверской губерній, да въ иноческихъ кельяхъ немногихъ женскихъ монастырей... Но тутъ были не только чистота и порядокъ, а даже какая-то суровая неподвижность, какое-то полное отсутствіе жизни во всей обстановкѣ! Мебель массивная, тяжелая, украшенная вели-

колѣпной рѣзьбой:—диваны, стулья, кресла, письменный столъ—все рѣзное, тяжелое, дубовое и вѣковое, такое, что съ мѣста не сдвинуть. При взглядѣ на эту мебель казалось, что она тутъ стоитъ около стѣны уже много десятковъ лѣтъ, и, съ тѣхъ поръ какъ поставлена, ни разу не сдвигалась и не отодвигалась отъ стѣны. Казалось, что никто, никогда на нее и не садился, чтобы не осквернить ее своимъ нечистымъ прикосновеніемъ—а хозяинъ все только пыль съ нея сдувалъ и обмахивалъ... Оглядѣлъ я и стѣны этой суровой и безжизненной кельи: и отъ стѣнъ вѣяло тѣмъ же самымъ порядкомъ... Симметрично и скупо были на нихъ развѣшаны пять-шесть этюдовъ въ скромныхъ золоченыхъ рамкахъ, непривлекавшіе взгляда ни богатствомъ содержанія, ни роскошью красокъ.

Но вотъ, наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги и въ комнату вошелъ человѣкъ сухощавый, пониже средняго роста,—на видъ лѣтъ сорока пяти. Вся его внѣшность, по первому впечатлѣнію, вполнѣ соотвѣтствовала той обстановкѣ, которая такъ поражала своею суровостью и отсутствіемъ жизни въ кабинетѣ художника. Лицомъ, худощавымъ и желтымъ, при густыхъ черныхъ волосахъ и густой длинной бородѣ, Литовченко чрезвычайно живо напоминалъ типы суровыхъ отшельниковъ и аскетовъ, замкнувшихся на вѣки въ своей кельѣ и покончившихъ всякіе расчеты съ жизнью. Только глаза, большіе, черные, блестящіе, съ нѣсколько приподнятыми густыми бровями, свѣтились жизнью и придавали пріятность его лицу. Но на этотъ разъ и глаза смотрѣли нѣсколько тревожно и вопросительно на меня, человѣка новаго и незнакомаго... Въ нихъ какъ будто былъ написанъ вопросъ:

— «Что ему нужно? Затѣмъ онъ пришелъ?»

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ бы меня, если бы я увидѣлъ, что художникъ вышелъ ко мнѣ съ палитрою и пучкомъ кистей въ рукѣ — если бы я увидѣлъ, что я его оторвалъ отъ работы, какъ случалось мнѣ отрывать другихъ художниковъ—Рѣпина, Савицкаго, покойнаго Крамского... Но нѣтъ! Литовченко вышелъ ко мнѣ такой-же чистенькій, опрятный и нарядный, какъ и вся его обстановка. Онъ какъ будто даже для меня нѣсколько принарядился... Видно было, что онъ не работалъ, когда я къ нему пришелъ.

Я поспѣшилъ объяснить ему цѣль моего посѣщенія—и суровая на взглядъ физіономія Литовченки сразу просіяла широкой улыбкой: около большихъ, блестящихъ, черныхъ глазъ появилось множество добрѣйшихъ морщинокъ и складочекъ — и разговоръ завязался какъ-то сразу...

Литовченко усадилъ меня на одно изъ несокрушимыхъ и несдвигаемыхъ креселъ около громаднаго письменнаго стола и самъ сѣлъ къ столу, принялся свертывать и крутить папиросы, и тотчасъ же разразился яростными нападками на Академію Худо-

жествъ, о которой зашла рѣчь по поводу предстоящей выставки. Нападки — въ общемъ совершенно-справедливые — были чрезвычайно курьезны по своей формѣ. Литовченко горячился, стучалъ кулакомъ по столу, не щадилъ крупныхъ словъ и энергическихъ выраженій и рисовалъ дѣятельность Академіи въ такихъ мрачныхъ, чудовищныхъ, гиперболическихъ размѣрахъ, какъ будто отъ этой дѣятельности зависѣла не только участь русскаго искусства, но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и всей Россіи. Я слушалъ Литовченко, не особенно вникая во внутренній смыслъ его рѣчи, потому-что содержаніе ея было давно мнѣ извѣстно и переслушано поочередно отъ многихъ товарищей Литовченки; но я невольно любовался наивной энергіею и чрезвычайной искренностью моего собесѣдника, который твердо вѣрилъ во все, что̀ высказывалъ и выкрикивалъ передо мною. Мнѣ казалось, что ни въ комъ изъ его товарищей я не видѣлъ ни такой наивности, ни такой искренности.

Еще болѣе пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня Литовченко, когда мы отъ Академіи Художествъ перешли на разговоры о русской старинѣ, дорогой и близкой моему сердцу. Оказалось, что она не менѣе дорога и близка и сердцу Литовченки, который говорилъ съ неподражаемымъ восторгомъ и паѳосомъ о всякихъ кафтанахъ, чу̀гахъ, горлатныхъ шапкахъ, ларцахъ, саадакахъ и бахтерцахъ. Оказалось, что богатый запасъ древне-русской утвари, собранный въ Оружейной Палатѣ, извѣстенъ Литовченкѣ до мелочей, что онъ помнитъ каждую вещь въ величайшей подробности—что все это онъ не разъ писалъ на своемъ вѣку и зарисовывалъ на память въ своихъ альбомахъ... Въ доказательство своихъ археологическихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ вытащилъ эти альбомы и показалъ мнѣ превосходные этюды древне-русской утвари, нѣкогда писанные имъ въ Оружейной Палатѣ для его «Горсея». Всѣ эти natures mortes были выписаны съ удивительною любовью и тщаніемъ: тонко, изящно, живо! Такъ и горѣли на нихъ рубины и яхонты, такъ и блистало серебро и золото! Когда же, увлекшись нашею бесѣдою, художникъ повелъ меня въ мастерскую — большую свѣтлую и до излишества чистую комнату—и захотѣлъ показать мнѣ свою картину... Увы! Я былъ пораженъ ею очень непріятно: Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ у гроба митрополита Филиппа стояли въ какихъ-то неживыхъ, казенныхъ позахъ; лица ихъ ничего не выражали, и всѣ аксессуары были выписаны съ такою чрезвычайною подробностью, что совсѣмъ убивали главныя фигуры и вредили общему впечатлѣнію [1]).

---

[1]) В. В. Стасовъ обязательно сообщилъ мнѣ, что онъ самъ служилъ натурою для фигуры «Никона». Литовченко, по крайней мѣрѣ, разъ шесть наряжалъ Владиміра Васильевича въ патріаршее облаченіе и писалъ съ него долго, упорно. Сообщая мнѣ этотъ любопытный фактъ, В. В. Стасовъ называлъ упоминаемую мною картину лучшимъ произведеніемъ Литовченки. Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. П. П.

Картина, повидимому, застоялась на мольбертѣ именно потому, что художникъ никакъ не могъ въ ней прикрыть бѣдность своего замысла блескомъ обстановки, ни согласовать своей страсти къ археологическимъ подробностямъ съ общимъ впечатлѣніемъ всего произведенія. Мы потолковали объ окнахъ собора, написанныхъ на картинѣ; я выразилъ свое мнѣніе (мнѣ они казались велики и потому невѣрны, въ смыслѣ археологическомъ)—и мы разошлись послѣ двухъ-часовой бесѣды.

Послѣ этого перваго свиданія, Литовченко сталъ бывать у меня и намъ приходилось встрѣчаться довольно часто—то у И. Н. Крамского, то по поводу различныхъ собраній «товарищества», то на выставкѣ «передвижниковъ». Болѣе всего любилъ я видѣть Литовченко у себя, когда мы, окруженные фотографическими снимками съ памятниковъ и археологическими изданіями, могли въ волю потолковать о бытовыхъ подробностяхъ русской старины XVI и XVII вѣковъ. Тутъ Литовченко оживлялся, приходилъ въ восторгъ, вспоминая о какой-нибудь брошкѣ или митрѣ, осыпанной жемчугами, расказывалъ о своихъ странствованіяхъ по Россіи, о своихъ работахъ въ храмѣ Спасителя и еще гдѣ-то на югѣ, въ Севастополѣ, кажется?... Иногда даже мнѣ удавалось такъ раззадорить Александра Дмитріевича какимъ-нибудь историческимъ сюжетомъ, что онъ приходилъ въ азартъ, начиналъ строить планы—обсуждать, какъ именно слѣдовало бы обработать этотъ сюжетъ, какія внести въ него подробности. При этомъ онъ иногда любилъ и покритиковать другихъ историческихъ живописцевъ, и поставить на видъ свое собственное я, свою художественную дѣятельность... Онъ преувеличивалъ свои силы и значеніе, впадалъ даже въ нѣкоторый гиперболизмъ, начиналъ расказывать о необычайной быстротѣ, съ которою ему случалось иногда «записывать» цѣлую стѣну или цѣлый сводъ...

— Гдѣ имъ, батюшка, за мною угнаться!—восклицалъ въ подобныхъ случаяхъ Литовченко.—Вѣдь я-то, какъ разойдусь, бывало, въ иконописи—я въ часъ квадратный аршинъ напишу... и больше даже случалось!

Но эти маленькія странности и причудливыя выходки ничуть не вредили общему, чрезвычайно пріятному впечатлѣнію, которое производилъ на меня Литовченко. Онъ представлялся мнѣ простымъ, наивнымъ русскимъ человѣкомъ, нѣсколько способнымъ къ похвальбѣ и преувеличенью (какъ и всѣ истинно-русскіе люди), но чрезвычайно добродушнымъ и симпатичнымъ. Особенно пріятно поражала меня въ Литовченкѣ его любознательность, его желаніе узнать какъ можно больше объ излюбленной русской старинѣ, его жадность въ собираніи и накопленіи о ней свѣдѣній и всякаго рода матерьяловъ. Чуть бывало увидитъ новыя фотографіи, новыя книги по археологіи, сейчасъ ухватится за нихъ, по-

проситъ дать ему на время—и все выспрашиваетъ меня, и извлекаетъ изъ-подъ спуда неизвѣстное ему и страстно-любимое...

Иногда встрѣтишь его гдѣ-нибудь—на выставкѣ или на улицѣ—и видишь, что онъ какъ-то необыкновенно-оживленъ. Хватаетъ за рукавъ, отводитъ въ сторону и съ нѣкоторою таинственностью заявляетъ:

— Ну, батюшка, поздравьте съ удачею! Такой именно опашень подыскалъ, какой мнѣ былъ нуженъ для картины... Вѣдь, она у меня только изъ-за этого и стала!.. Не люблю я писать по театральнымъ костюмамъ да манекенамъ... Такой именно—понимаете? Ну, я, конечно, сейчасъ же мѣрку съ него—и заказалъ! Ужъ шьютъ! И атласъ подобрался такой удачный—разводами большими... Зайдите-ка, взгляните!

Заходишь, и дѣйствительно, видишь чудесный, богатый опашень, сшитый на славу и очень дорогой... «А возу все нѣтъ ходу!»—задуманная картина все еще не двигается и художникъ, попрежнему, колеблется между своими широкими замыслами и мелкими бытовыми подробностями...

Гораздо менѣе пріятное впечатлѣніе производилъ на меня Литовченко въ кружкѣ «товарищей-передвижниковъ»... Онъ часто являлся тамъ почему-то недовольнымъ собою и другими, желчничалъ, охотно ввязывался въ нескончаемые и обычные въ кружкѣ художниковъ споры объ искусствѣ—и въ нихъ выказывалъ свою крайнюю діалектическую несостоятельность... Доводы его были всегда слабы, аргументація до крайности наивна, кругъ извѣстныхъ ему фактовъ по исторіи искусства—болѣе чѣмъ ограниченъ. Разные остряки и beaux-esprits кружка разбивали Литовченко въ пухъ и прахъ, и онъ, сердитый и ворчливый, уходилъ въ уголъ и мрачно, сосредоточенно молчалъ до конца вечера...

Но болѣе всего я не любилъ встрѣчаться съ Литовченкой у покойнаго И. Н. Крамского, къ которому, если не ошибаюсь, Литовченко являлся аккуратно каждый вечеръ, и потому былъ вполнѣ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Ивана Николаевича. Умный, тонкій, дипломатичный и болѣе другихъ художниковъ образованный, Иванъ Николаевичъ совершенно подавлялъ Литовченко своимъ авторитетомъ. Художникъ-дипломатъ превосходно зналъ характеръ художника-археолога [1]) и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Литовченко не смѣлъ передъ нимъ рта разинуть—смотрѣлъ ему постоянно въ глаза и подобострастно вторилъ каждому слову, каждому мнѣнію, высказанному Иваномъ Николаевичемъ. Со стороны казалось, что еслибы кто-нибудь, въ присутствіи Крамского, спросилъ у Литов-

---

[1]) Это знаніе выразилось вполнѣ въ томъ превосходномъ портретѣ Литовченки, который былъ написанъ Крамскимъ и постоянно висѣлъ въ его мастерской. Этотъ портретъ—едва ли не лучшее произведеніе Крамского, какъ портретиста. П. П.

ченки, какъ его зовутъ по имени и отчеству, Литовченко, навѣрно, прежде чѣмъ отвѣтить, взглянулъ бы на Крамского... Особенно забавенъ казался намъ Литовченко, когда, въ присутствіи Крамского, вдругъ бывало оживится, начнетъ вспоминать старину и разсказывать про общія съ Крамскимъ иконописныя работы въ храмѣ Спасителя, о которыхъ покойный Крамской не любилъ почему-то распространяться... А Литовченко, въ увлеченіи минуты, вдругъ и припомнитъ изъ этихъ совмѣстныхъ работъ какую-нибудь подробность, непріятную для Ивана Николаевича. Тотъ задвигается на стулѣ, взглянетъ какъ-то особенно въ сторону Литовченки и только скажетъ очень выразительно:

— Ну, это не совсѣмъ такъ было!...

И Литовченко разомъ смолкнетъ, точно воды въ ротъ набралъ! Смолкнетъ, съёжится весь, и уйдетъ въ себя, какъ бы въ ожиданіи предстоящей ему на-завтра дружеской головомойки.

Впрочемъ, бывали случаи, когда и Крамской нуждался въ Литовченкѣ и даже весьма охотно опирался на его авторитетъ. Это бывало обыкновенно тогда, когда художникъ-дипломатъ нуждался въ поддержкѣ хôра для своего мнѣнія, или, когда онъ не желалъ высказать свое мнѣніе и предоставлялъ его высказать Литовченкѣ. Очень живо припоминается мнѣ одинъ изъ такихъ именно эпизодовъ.

Рѣпинъ, какъ портретистъ, начиналъ входить въ моду. Его портреты, на выставкахъ товарищества, производили фуроръ — собирали толпу, восхищали всѣхъ... Крамскому это не очень нравилось; но онъ, конечно, не высказывалъ своихъ мнѣній о Рѣпинѣ-портретистѣ и тщательно хранилъ ихъ въ сердцѣ... Какъ разъ около этого времени я прослышалъ, что Рѣпинъ написалъ портретъ Крамского. Понятно, что я имъ заинтересовался, а между тѣмъ этотъ портретъ еще не былъ выставленъ на выставкѣ «товарищества». Встрѣтившись на одномъ изъ вторниковъ у К. В. Лемоха съ Иваномъ Николаевичемъ, я, безъ всякаго затаеннаго умысла, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста — удался ли Рѣпину вашъ портретъ? Мнѣ это очень интересно знать... Какъ вы его находите?

Крамской прищурилъ глаза, какъ-то особенно съёжилъ губы и отвѣчалъ мнѣ:

— Не знаю-съ. Вотъ вы лучше у Александра Дмитріевича спросите... Онъ человѣкъ правдивый, безпристрастный...

И Крамской взглянулъ въ сторону Литовченки, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ за столомъ и сосредоточенно сосалъ свою крученую папироску. Литовченко вдругъ вскочилъ съ мѣста и, обращаясь ко мнѣ, почти крикнулъ:

— Вы спрашиваете о портретѣ?... Такъ вотъ что я вамъ скажу:— отврратительный! Никогда ничего мерзѣе Рѣпинъ не писалъ!...

И пошелъ, и пошелъ, ободряемый благосклоннымъ молчаніемъ Крамского.

Когда я, нѣсколько дней спустя, увидѣлъ портретъ Крамского на выставкѣ, я понялъ, почему онъ такъ не нравился Ивану Николаевичу. Рѣпинъ, дѣйствительно, не польстилъ ему и слишкомъ реально передалъ одно изъ тѣхъ выраженій физіономіи Крамского, которое едва ли могло кому-нибудь нравиться...

Года два спустя, покинувъ изданіе журнала, я сталъ рѣже встрѣчаться съ членами «товарищества»... Рѣже встрѣчался я и съ Литовченкой, хотя онъ изрѣдка и заглядывалъ ко мнѣ. Картины, выставленныя имъ на послѣднихъ выставкахъ товарищества, не принадлежали къ числу удачныхъ — не шли съ рукъ, застаивались у него въ мастерской. Литовченко жаловался на равнодушіе публики къ историческому жанру, говорилъ, что все это бросить надо, «на все наплевать»—и оживлялся только при разговорѣ о русской старинѣ... Особенно живо сталъ онъ опять интересоваться сокольничими и ихъ бытомъ, дописывая свою послѣднюю картину.

Только одинъ разъ (это было уже послѣ смерти Крамского), встрѣтивъ его около университета, я увидѣлъ его опять энергичнымъ, оживленнымъ, даже нервно-возбужденнымъ:

— Ну, батюшка! Все на карту ставлю!.. Взялъ мастерскую Ивана Николаевича, все переломалъ—строю громадную! Заходите посмотрѣть... Цѣлое море свѣта—отовсюду свѣтъ! Хоть цѣлый день пиши:—утреннее освѣщеніе... вечернее освѣщеніе! Просто чудо! Чтò мастерская Рѣпина! Первая мастерская въ Питерѣ будетъ...

Я слушалъ его довольно разсѣянно, ничего новаго не ожидая отъ этого размаха... Литовченко какъ будто замѣтилъ сомнѣніе, невольно выразившееся на моемъ лицѣ, и поспѣшилъ добавить:

— Да! Ужъ если я теперь не напишу чего-нибудь крупнаго, чего-нибудь... такого, что... Ну, тогда ужъ, значитъ, я—дрянь, и точно ни на чтò не гожусь!

И онъ, поспѣшно пожавъ мнѣ руку, пустился вдоль по Университетской линіи, къ Невѣ.

Мнѣ, однакоже, не удалось зайти къ Литовченкѣ до нынѣшней весны, когда одинъ пріятель захотѣлъ непремѣнно пріобрѣсти отъ него одинъ изъ его этюдовъ или рисунковъ. Я зашелъ къ Литовченкѣ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля—и дѣйствительно былъ пораженъ необычайными размѣрами его мастерской. Онъ просто Оссу на Пеліонъ нагородилъ... Десять художниковъ, самыхъ рьяныхъ и размашистыхъ, свободно могли бы писать одновременно въ этой мастерской десять картинъ! Самъ Рафаэль со всѣми своими учениками могъ бы въ ней работать! Но въ мастерской было, попрежнему, пусто и скучно... На мольбертѣ стоялъ большой холстъ, на которомъ очень незавидно былъ написанъ «Демонъ» съ звѣздою во лбу... Написанъ вяло, безвкусно, невыразительно...

— Вотъ, батюшка, въ фантазіи пустился!—пояснилъ мнѣ Литовченко, и самъ какъ-то поспѣшилъ отвернуться отъ своего холста и перевести разговоръ на другую тему.

— Очень кстати вы зашли!.. Я и самъ къ вамъ собирался! Право, собирался! Дай, думаю, зайду къ Петру Николаевичу—о разныхъ сюжетахъ для будущей картины поговорить... У васъ вѣдь всегда ихъ много въ запасѣ... Да вотъ все недуги разные одолѣваютъ.

И онъ сталъ жаловаться на недуги—и лицо его, желтое, опустившееся, съ потухнувшими черными глазами, слишкомъ ясно подтверждало его слова.

Наша бесѣда была прервана приходомъ какой-то еврейки-торговки, давней знакомой Литовченки. Она принесла ему цѣлый ворохъ бархатовъ, парчей, плюшей... Оказалось, что Литовченко шилъ еще одинъ кафтанъ или охабень, и тщательно подбиралъ къ нему цвѣта и оттѣнки матерій. Онъ хлопотливо отмѣрялъ бархатъ своимъ аршиномъ, суетился, началъ спорить и торговаться съ еврейкой...

Я пожалъ ему руку — и ушелъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого послѣдняго свиданія, какъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе о смерти Литовченки...

Миръ его праху—праху добраго, искренняго и горячаго труженика, — праху художника, умѣвшаго прекрасно воспроизвести нѣкоторые уголки древне-русской жизни, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ—до гроба.

П. Полевой.

ПОѢЗДКА ВЪ ХОЛМЪ, ПОДОЛІЮ И БЕССАРАБІЮ.

Путевые наброски.

(Посвящается Александру Ивановичу Мироненко).

ЕОБХОДИМОСТЬ собрать нѣкоторые художественно-научные матеріалы, касающіеся памятниковъ древности Подоліи и Бессарабіи, вызвала мою поѣздку, лѣтомъ текущаго года, на югъ. Отъ Петрограда [1]) путь лежалъ на Бѣлостокъ и Брестъ. Я воспользовался этимъ направленіемъ, чтобы побывать въ Холмѣ, центрѣ русскаго православнаго просвѣщенія, сосредоточеннаго здѣсь со времени возсоединенія, въ 1875 году, холмскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Съ этого пункта я и начну свои путевые наброски.

---

[1]) Не будетъ никакимъ новшествомъ называть нашу столицу русскимъ именемъ Петроградъ, вмѣсто нѣмецкаго Санктъ-Петербургъ. Объ основательности и справедливости такой замѣны появлялись уже замѣтки въ газетахъ. Нѣкоторыя офиціальныя лица и учрежденія ввели, хотя частнымъ порядкомъ, такую замѣну. Многія частныя лица адресуютъ такъ свои письма; въ Галиціи же иначе не пишутъ и не называютъ русскую столицу, какъ «Петроградъ». Лишь для немногихъ русскихъ это названіе составляетъ новшество. Въ одномъ уѣздномъ городкѣ западной полосы Россіи почтовый чиновникъ постоянно зачеркиваетъ въ принимаемыхъ имъ письмахъ слово «Петроградъ» и надписываетъ «С.-Петербургъ». Въ другомъ городѣ вышло однажды еще курьезнѣе. Почтовый чиновникъ, принимая заказное письмо съ адресомъ на Петроградъ, прежде всего взялъ почтовую книгу и началъ въ ней отыскивать по алфавиту почтовый пунктъ «Петроградъ». М. Г.

I.

Городъ Холмъ, его прошлое, настоящее и предполагаемое будущее.—Древній соборъ.—Чудотворная икона Божіей Матери.—Встрѣча съ протоіереемъ, отцомъ Г.—Недоступность церковно-археологическаго музея.—Церковные колокола и характерныя надписи на нихъ.—Кирилло-Меѳодіевская церковь.—Архіерейскій домъ съ галлереей портретовъ холмскихъ епископовъ.

Древняя столица князя Даніила Романовича, недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до желѣзнодорожной станціи Холмъ, представилась въ чрезвычайно красивой панорамѣ, въ которой на первомъ планѣ выступала гора или холмъ, нѣкогда привлекшій къ себѣ вниманіе знаменитаго основателя города, и возвышающійся на горѣ православный соборъ съ большой колокольней и другими церковными постройками. На станціи меня ожидалъ пріятель С. А. Л—въ, занимающій въ Холмѣ видный служебный постъ; съ нимъ, послѣ нѣкотораго отдыха въ его радушномъ домѣ, я и отправился въ городъ, чтобы осмотрѣть его достопримѣчательности и, прежде всего, соборъ.

Холмъ—городъ историческій. Въ XIII вѣкѣ онъ былъ столицей русскаго Галицкаго княжества, и неоднократно подвергался нападенію татаръ (въ 1240, 1261 и 1499 гг.); нѣсколько разъ онъ переходилъ отъ польскихъ королей къ литовскимъ князьямъ и обратно, пока не былъ окончательно захваченъ въ 1377 году поляками, владѣвшими имъ до причисленія его, въ 1795 году, къ Австріи, отъ которой Холмъ перешелъ въ 1807 г. къ измышленному Наполеономъ герцогству Варшавскому; наконецъ въ этомъ городѣ, присоединенномъ къ Россіи въ 1812 году, господствовала унія съ самаго своего основанія (1596 года) до возстановленія въ немъ уже въ наше время (1875 году) древняго православія.

Не смотря на такое историческое прошлое, теперь Холмъ въ административномъ отношеніи занимаетъ скромное положеніе. Столица князя Даніила Романовича въ настоящее время ни что иное какъ уѣздный городъ Люблинской губерніи съ 7746 человѣкъ населенія, въ числѣ которыхъ 5083 евреевъ. Впрочемъ, изъ числа остальныхъ уѣздныхъ центровъ Привислинскаго края за Холмомъ все же остается первенство; достаточно указать на существующія въ этомъ городѣ духовную и учительскую семинаріи, духовное училище, мужскую гимназію, женское училище и двѣ начальныя школы, постоянное пребываніе епископа люблинскаго, викарія Холмско-Варшавской епархіи, и нахожденіе здѣсь многочисленнаго служебнаго русскаго персонала. Маленькій нынѣ городокъ служитъ такимъ образомъ средоточіемъ православной вѣры и русской народности, центромъ возстановленія и развитія въ древней русской области всего того, на чемъ лежали долгіе годы густые слои полонизма и католицизма.

Каөедральный Рождество-Богородичный соборъ, въ г Холмѣ,

Въ послѣднее время въ газетахъ прошелъ слухъ объ образованіи изъ Холщины и прилегающаго къ ней Подляшья самостоятельной губеріи, управляемой по общему положенію. Мысль не новая: еще во время управленія административными учрежденіями царства Польскаго княземъ В. А. Черкасскимъ, при новомъ дѣленіи края на губерніи, возникалъ вопросъ объ учрежденіи Холмской губерніи изъ русскихъ мѣстностей Забужной Руси; но почему-то это было признано тогда неудобнымъ. Въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ это было бы вполнѣ справедливо и полезно; но здѣсь явились бы практическія неудобства и затрудненія. Возможно ли сгруппировать въ одно административное цѣлое нѣкоторыя разбросанныя части съ православнымъ населеніемъ, находящіяся въ предѣлахъ 4-хъ губерній—Люблинской, Сѣдлецкой, Сувалкской и Ломжинской, въ то время, когда онѣ територіально не составляютъ сплошной, правильно очертанной фигуры? Затѣмъ не маловажную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ финансовый вопросъ; наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Холмъ естественно не можетъ расширить свою площадь до предѣловъ, необходимыхъ для губернскаго города, такъ какъ съ одной стороны онъ окруженъ болотами, а съ другой маіоратнымъ имѣніемъ, земли котораго по закону не отчуждаемы.

Въѣзжая въ городъ, я съ любопытствомъ осматривалъ его.

Пригородная часть Холма имѣетъ видъ деревни, съ полувымощенными улицами, безъ тротуаровъ, и малороссійскими хатами, крытыми соломой. Нагорная часть города состоитъ изъ небольшихъ домиковъ или скученныхъ жидовскихъ лачугъ съ мелкими лавчонками, у дверей которыхъ грязныя жидовки съ жидинятами группируются совершенно по-домашнему. Впечатлѣніе, которое оставляютъ по себѣ эти поразиты въ образѣ человѣческомъ, нѣсколько стушевалось, какъ только мы поднялись на соборную гору. На обширномъ плато намъ представились древній, большой храмъ и при немъ высокая колокольня позднѣйшей постройки.

Пречистенскій Рождество-Богородичный соборъ сооруженъ или возстановленъ (въ точности неизвѣстно) княземъ Даніиломъ Романовичемъ около 1235 года и служилъ мѣстомъ погребенія князей Даніила, Романа, Шварна, Михаила и другихъ, а также нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ митрополитовъ и холмскихъ епископовъ. Уніаты, за время владѣнія храмомъ, оставили въ немъ слѣды западно-латинской архитектуры въ видѣ контрфорсовъ и башень, сохранившихся до настоящаго времени. Въ остальномъ соборъ ничѣмъ не отличается отъ восточныхъ храмовъ православной церви. Для вящшаго уподобленія съ послѣдними, а вмѣстѣ съ тѣмъ для большей красоты, не достаетъ лишь позолоты на куполѣ, покрытомъ теперь какою-то темнобурою краскою, и стѣнной живописи внутри храма.

При входѣ въ историческій храмъ, первою мыслію было преклониться предъ другимъ священнымъ памятникомъ православія, главнѣйшею святынею всего Холмскаго края—иконой Божіей Матери. Взирая на древній образъ, сохранившій всю красоту византійской живописи и свѣжесть красокъ, съ величественными ликами пресвятой Дѣвы и Богомладенца, вспомнилъ я поучительную исторію святыни. По сохранившемуся преданію, образъ этотъ писанный евангелистомъ Лукою, привезенъ изъ Царьграда святымъ Владиміромъ. Полчища Бурундая, при нападеніи на Холмъ въ 1261 году, производя грабежъ, не пощадили и святыни холмской: содравъ съ нея золотую ризу, они куда-то забросили икону. Спустя уже сто лѣтъ послѣ того, икона была обрѣтена подъ щебнемъ. Когда Холмскій соборъ перешелъ къ уніатамъ, святая икона сдѣлалась ихъ достояніемъ. Во время войны поляковъ съ казаками икона находилась въ польскомъ лагерѣ, а потомъ была нѣкоторое время въ Варшавѣ, въ королевской часовнѣ, и послѣ битвы подъ Жванцемъ, возвращена въ Холмъ и установлена тамъ въ соборѣ надъ главнымъ престоломъ, по католическому образцу. Теперь икона виситъ надъ царскими вратами и спускается на шнурахъ книзу. Въ день храмоваго праздника, 8 сентября, святыня эта привлекаетъ съ себѣ такое множество богомольцевъ, что они не могутъ размѣститься въ городѣ и остаются на горѣ подъ открытымъ воздухомъ. Теперь возбужденъ вопросъ о сооруженіи для поломниковъ соотвѣтственнаго зданія.

Выходя изъ собора, мы встрѣтились съ соборнымъ протоіереемъ, отцомъ Г., уроженцемъ Галиціи, прибывшимъ въ Холмъ въ эпоху преобразованія уніатской церкви. Я обрадовался такой встрѣчѣ, надѣясь, при содѣйствіи этого духовнаго лица, обозрѣть церковныя достопримѣчательности.

— Отецъ протоіерей, благословите посѣтить вашъ церковно-археологическій музей, — обратился я, послѣ представленія, къ отцу Г.

— Съ удовольствіемъ; но вотъ бѣда: хранитель музея уѣхалъ въ отпускъ.

— Но ключи, надѣюсь, онъ не взялъ съ собой?

— Напротивъ, и ключи увезъ.

— Гмъ! мнѣ очень нужно было видѣть нѣкоторыя рукописи музея, и главнымъ образомъ холмскій синодикъ.

— Къ сожалѣнію, не могу исполнить ваше желаніе. Вотъ не угодно ли посмотрѣть новый колоколъ, недавно пріобрѣтенный для собора?

Дѣлать нечего: пришлось отказаться отъ желанной мысли обозрѣть церковно-археологическій музей, основанный въ 1882 году при Холмскомъ Свято-Богородицкомъ братствѣ, и довольствоваться колоколами, которые, по приказанію почтеннаго протоіерея, загу-

дѣли одинъ за другимъ. Сначала была сдѣлана проба колокола, оставшагося отъ временъ уніатскаго епископа Якова Суши, холмскаго лѣтописца половины XVII вѣка, а потомъ новаго колокола, повѣшеннаго въ нынѣшнемъ году, 25-го марта. Первый изъ нихъ, вѣсомъ 115 пудовъ, интересенъ по своей характерной надписи: «Этотъ колоколъ на вѣчныя времена (sic!) долженъ оставаться въ уніи съ св. римскою церковью». Новый колоколъ вѣситъ 320 пудовъ. На немъ воспроизведены: изображенія—Холмской иконы Божіей Матери, свв. князей россійскихъ — равноапостольнаго Владиміра и Александра Невскаго, первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія и московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и надпись: «Даръ Москвы и Нижняго-Новгорода въ память чудеснаго спасенія жизни государя императора съ августѣйшимъ семействомъ 17-го октября 1888 года; въ лѣто отъ Р. Х. 1890, при державѣ благочестивѣйшаго государя императора и самодержца всероссійскаго Александра III Александровича, при архіепископѣ Леонтіѣ и викаріѣ его, епископѣ люблинскомъ Флавіанѣ, сооруженъ сей колоколъ къ соборному храму Рождества Пресв. Богородицы въ городѣ Холмѣ, Люблинской губ. Да созываетъ онъ гласомъ своимъ подъ кровъ православной церкви отторгнутыхъ, расточенныхъ и заблудшихъ чадъ ея».

Съ колокольни, на которую мы взобрались не безъ труда, открылся очаровательный видъ на Холмъ и его окрестности.

Въ Холмѣ есть еще семь церквей, изъ которыхъ три остались отъ временъ уніи. Мнѣ хотѣлось всѣ эти церкви обозрѣть, но, по недостатку времени, я ограничился посѣщеніемъ небольшой церкви во имя Кирилла и Меѳодія. Церковь эта, похожая скорѣе на часовню, сооружена въ 1876—1884 гг. на пожертвованіе почетнаго гражданина О. П. Пестрикова, въ память возсоединенія холмскихъ уніатовъ, и составляетъ украшеніе города: стиль ея русско-византійскій, а стѣны украшены живописью и фресковыми орнаментами какъ снаружи, такъ и внутри.

Другимъ украшеніемъ города обѣщаетъ быть только-что оконченное, но еще не открытое зданіе Холмской духовной семинаріи, изящной архитектуры, сооруженное заботливостію высокопреосвященнаго Леонтія.

Не удалось мнѣ также представиться мѣстному викарному епископу: преосвященный Флавіанъ, не задолго предъ тѣмъ, выѣхалъ на родину, въ Орловскую губернію. При содѣйствіи протоіерея Г., я посѣтилъ архіерейскій домъ для обозрѣнія интересной галлереи портретовъ епископовъ. Галлерея эта начинается портретами главныхъ творцовъ уніи, епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя и кончается изображеніями нынѣшнихъ владыкъ Холмско-Варшавской епархіи: архіепископа Леонтія и епископа Флавіана.

Холмская чудотворная икона Божіей Матери.

Эта живописная галлерея имѣетъ большое историческое значеніе помимо сохраненія изображеній лицъ, занимавшихъ Холмскую каѳедру, по этому послѣдовательному ряду портретовъ можно прослѣдить постепенность тѣхъ искаженій, какимъ подвергались во времена уніи епископскія облаченія, а искаженія эти доходили до того, что, напримѣръ, въ епископѣ Ростоцкомъ (1784—1790 гг.) мы видимъ латинскаго бритаго патера, но отнюдь не архіерея восточной церкви.

II.

Совмѣстная поѣздка съ профессоромъ Н. И. Петровымъ.—Жиды.—Русскій мороженщикъ. — Проскуровскіе ямщики. — Ярмолинцы. — Отель Пекъ и его хозяйка-венгерка.—Село Смотричевъ.—Гостинница и ея владѣлецъ Э. Пекъ, конкурентъ русскаго заѣзжаго дома.—Кукурузныя поля.—Село Нѣгинъ.

Побывавъ на короткое время въ Кіевѣ и Одессѣ, дальнѣйшее путешествіе я совершилъ вмѣстѣ съ кіевскимъ профессоромъ Н. И. Петровымъ, съ которымъ я съѣхался 5-го іюля на станціи Жмеринка.

Кто не ѣздилъ по нашимъ западнымъ и юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, тотъ не испытывалъ всѣхъ неудобствъ и непріятностей, причиняемыхъ жидами. Вагоны даже 2-го класса не избавлены отъ наплыва сыновъ Израиля. Грязные донельзя, смрадные, съ объемистыми саквояжами, мѣшками, узлами, иногда съ грудными дѣтьми, врываются они въ вагоны какъ только поѣздъ остановится у станціи; но отъѣзжающихъ евреевъ оказывается только часть изъ числа прибывшихъ на станцію, большинство же ихъ остается на платформѣ, группируясь въ кучки, ведя шумный разговоръ и заражая окружающій ихъ воздухъ тѣмъ специфическимъ запахомъ, какой присущъ однимъ только жидамъ. Смѣха, улыбки вы не встрѣтите ни на одномъ лицѣ еврея,—каждая группа ведетъ очевидно дѣловой разговоръ, въ которомъ единственная тема, единственный стимулъ — деньги, гешефтъ. Лица, выраженія одно типичнѣе другого. Русскій человѣкъ здѣсь не замѣтенъ. Осмотрѣвшись на платформѣ, вы увидите сквозь толпу семитовъ лишь двухъ-трехъ малороссіянъ въ бѣлыхъ рубахахъ, широкихъ шароварахъ и большихъ соломенныхъ шляпахъ собственнаго производства, съ загорѣлыми и добродушными физіономіями. Скромно стоятъ мужички у рѣшетки, при входѣ на платформу, какъ-будто боясь переступить дальше.

Но вотъ и характерная, веселая и немного улыбающаяся физіономія русскаго человѣка. Это отставной солдатикъ, разъѣзжающій отъ Жмеринки до Проскурова и обратно съ мороженымъ.

— Откуда, любезный?—спрашиваемъ веселаго человѣка.

— Въ Проскуровѣ живемъ.

— И мороженое развозишь? самъ его дѣлаешь?

— Такъ точно.

— Гдѣ же научился?

— Въ военномъ клубѣ былъ, тамъ и перенялъ.

Оказалось, что солдатикъ знаетъ по-еврейски; кое-что зналъ и по-французски, но забылъ.

Изъ Проскурова до Каменецъ-Подольска, всего 90 верстъ, нужно ѣхать на лошадяхъ. Предстояло путешествовать или на почтовыхъ, въ бричкѣ, или на вольныхъ—четверней въ коляскѣ. Едва мы вышли на станціонный дворъ, какъ были окружены извозчиками, по бо̀льшей части евреями. Одинъ изъ нихъ—еврей съ больными глазами—убѣдительно доказывалъ намъ, что если мы поѣдемъ на его лошадяхъ до мѣстечка Ярмолинецъ, а потомъ отправимся до Каменца на почтовыхъ, то останемся въ барышахъ на цѣлыхъ 1½ рубля, и какъ доказывалъ! онъ и ёжился, и жмурился, и подступалъ къ намъ, и отступалъ, и клялся, и божился, что говоритъ правду; но мы ничего не поняли и, не гонясь за эфемерной выгодой, предпочли взять коляску съ четверней прямо до Каменца.

Ярмолинцы,—первая станція, гдѣ нужно было дать отдыхъ лошадямъ,—небольшое жидовское мѣстечко, до нельзя грязное и неприглядное. Большой костелъ и православная церковь — это все, что выдѣляется среди сплошного ряда жидовскихъ лачугъ. При церкви старая колокольня, конца XVII вѣка. Въ мѣстечкѣ есть и фотографія (Выговскаго), о которой печатное, расклеенное по улицамъ объявленіе гласитъ, что она помѣщается «въ собственномъ домѣ, въ улицѣ, проходящей мимо аптеки».

Возница подвезъ насъ къ большому сараеобразному дому, похожему на жидовскую корчму, на воротахъ котораго намъ сразу бросилась въ глаза вывѣска: «Отель Пекъ». Мы съ Н. И. Петровымъ расхохотались: въ жидовскомъ мѣстечкѣ—отель! Когда мы въѣхали въ «отель», то изъ-подъ воротъ замѣтили рядъ дверей,— это номера для проѣзжающихъ, по-польски—«станціи», одпу изъ которыхъ мы и заняли. Нечего говорить, что «станція» неудовлетворяла самому скромному требованію.

Отъ «служонцы» мы узнали, что «Пекъ» — фамилія содержательницы «отеля», а вскорѣ, выйдя изъ номера въ подворотню, мы познакомились и съ madame Пекъ. Полная, красивая дама среднихъ лѣтъ охотно разговарилась съ нами по-русски и разсказала намъ, что она венгерка, вышедшая замужъ за русскаго, отставного гвардейца К., и уже 6 лѣтъ содержитъ «отель» въ Ярмолинцахъ. Словоохотливая венгерка взяла однако съ насъ за три часа, проведенные въ «станціи», 60 коп. и за огарокъ свѣчи 15 коп.; плата, конечно, пустая, хотя бы за трехчасовую стоянку

въ лачугѣ; но нѣсколько дней до нашего пріѣзда, во время ярмарки, та же комната, говорятъ, шла по 6 руб. въ сутки!

Проѣхали еще верстъ 30 и нужно было снова сдѣлать остановку. Ночью мы въѣхали въ село Смотричевъ. Такой же типъ заѣзднаго дома, что въ Ярмолинцахъ, былъ нашимъ ночлегомъ. Здѣсь мы замѣтили уже двѣ вывѣски: надъ воротами—«гостинница Эдуарда Пекъ» и надъ дверью—«ресторанъ». Хозяиномъ оказался братъ ярмолинской Пекъ, молодой человѣкъ, огорченный тѣмъ, что его коханка за безпаспортность отвезена властями въ Каменецъ и тамъ арестована. Венгерецъ Пекъ, не смотря на огорченіе, ловко, однако, ведетъ свои дѣла: заманивая къ себѣ извозчиковъ даровымъ постоемъ и уступкою въ цѣнѣ за овесъ, онъ вознаграждаетъ себя за счетъ пассажировъ, и дѣлаетъ все это въ видахъ конкуренціи съ сосѣднимъ заѣзднымъ домомъ, владѣлецъ котораго, русскій человѣкъ, остается такимъ образомъ безъ постояльцевъ. Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ уже тогда, когда наша копѣйка попала въ венгерскій кошелекъ.

По мѣрѣ приближенія къ Каменцу, предъ нами начали открываться обширныя поля, засѣянныя кукурузой. Привольно и сочно возростаетъ на роскошной почвѣ этотъ продуктъ южанина, широко и красиво раскинулись стебли кукурузы...

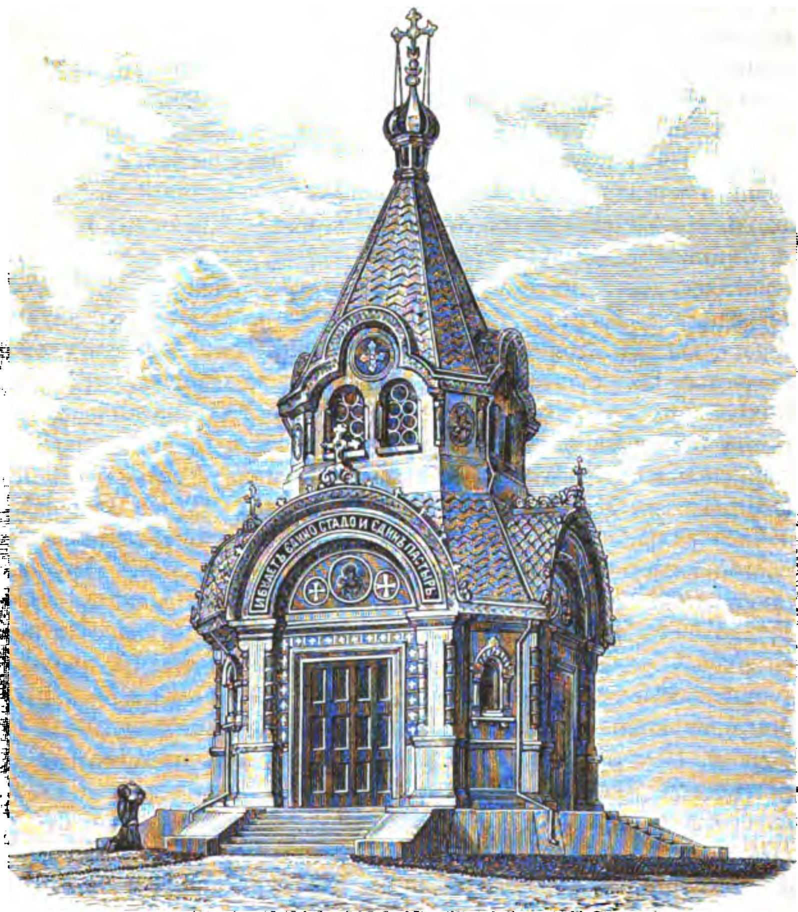
На пути къ Каменцу расположено село Нѣгинъ, замѣчательное тѣмъ, что въ его окрестностяхъ, въ скалѣ, находятся пещеры. Происхожденіе пещеръ неизвѣстно; безъ сомнѣнія онѣ относятся къ глубокой древности.

III.

Каменецъ-Подольскъ съ его красивымъ мѣстоположеніемъ и памятниками былой старины.—Господство жидовъ.—Мѣстные дѣятели науки.—Научныя учрежденія Каменецъ-Подольска: Епархіальный историко-статистическій комитетъ, Епархіальное Древнехранилище и Губернскій статистическій комитетъ.—Засѣданіе Епархіальнаго историко-статистическаго комитета и замѣчательный крестъ.—Посѣщеніе археолога-любителя, типографа и фотографа М. О. Грейма.

Каменецъ-Подольскъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ городовъ южной Руси. Много онъ пережилъ, много перестрадалъ. Въ судьбахъ его исторіи отмѣчены и татарскіе погромы, и турецкое владычество, и литовско-польское господство. Екатеринѣ II городъ обязанъ возсоединеніемъ своимъ съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіемъ въ немъ православія, нѣкогда поглощеннаго уніей. Иноземное и иновѣрное владычество надъ Подоліей оставило рѣзкіе слѣды въ вещественныхъ памятникахъ, сохранившихся въ Каменцѣ въ видѣ крѣпостныхъ стѣнъ, башень, церквей, костеловъ и даже минарета.

Городъ представился намъ во всей красѣ всѣхъ этихъ памятниковъ и окружающей его богатой природы, съ скалистыми берегами рѣки Смотричъ, впадающей въ Днѣстръ. Сады, скверы и всякая растительность оставляютъ живое впечатлѣніе среди многочисленныхъ остатковъ минувшей старины.

Кирилло-Меѳодіевская церковь-часовня въ г. Холмѣ, въ память возсоединенія уніатовъ 1875 г.

Городъ содержится безупречно чисто, но кишитъ жидами. Магазины, лавки и лавчонки, за небольшимъ исключеніемъ,—все жидовскіе. Жидъ даетъ о себѣ знать на каждомъ шагу. Еще на пути къ Каменцу спутникъ мой, Н. И. П—въ, такъ сказать, предвкушалъ сцену,—какъ я буду выходить изъ себя отъ еврейской назойливости и предложеній всевозможныхъ услугъ. Но этому опасе-

нію не пришлось оправдаться: хотя въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились, сыны Израиля показались тотчасъ же, какъ только мы заняли помѣщеніе, но они были отражены спокойнымъ разъясненіемъ, что мы пріѣхали въ городъ не для нихъ.

О нашемъ пріѣздѣ въ Каменецъ были предупреждены мѣстныя вліятельныя лица и дѣятели науки. Мы сдѣлали нѣсколько визитовъ, доставившихъ намъ знакомство съ необходимыми для нашего дѣла лицами, въ числѣ которыхъ встрѣтили людей, вполнѣ преданныхъ наукѣ и съ пользою трудящихся надъ разработкою исторіи и археологіи края. Во главѣ этихъ дѣятелей стоитъ викарный епископъ, преосвященный Димитрій, извѣстный своими трудами по церковной исторіи; затѣмъ слѣдуютъ смотритель Каменецкаго духовнаго училища Н. И. Яворовскій, редактирующій съ 1883 года «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости», молодой священникъ отецъ Е. І. Сѣцинскій, всецѣло преданный наукѣ, секретарь губернскаго статистическаго комитета В. К. Гульдманъ, докторъ І. І. Ролле, типографъ и фотографъ М. О. Ґреймъ и др. Насколько научный интересъ высоко стоитъ въ Каменецъ-Подольскѣ, можетъ служить доказательствомъ существованіе тамъ двухъ полезныхъ учрежденій: Епархіальнаго историко-статистическаго Комитета, организованнаго въ 1865 году бывшимъ подольскимъ, нынѣ холмско-варшавскимъ архіепископомъ Леонтіемъ[1]), и Епархіальнаго Древнехранилища, основаннаго въ декабрѣ 1889 года по почину Н. И. Яворовскаго при каѳедральномъ соборѣ. Первое изъ этихъ учрежденій заявило уже себя изданіемъ нѣсколькихъ выпусковъ своихъ «Трудовъ», заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Подоліи, остававшіеся до сихъ поръ не изслѣдованными или вовсе неизвѣстными. Послѣднее учрежденіе, Древнехранилище, не смотря на краткость времени своего существованія, составило изъ себя интересный музейчикъ церковно-археологическихъ предметовъ съ маленькой библіотечкой. Помимо того, и губернскій статистическій комитетъ проявляетъ свою дѣятельность, которая наиболѣе выражается въ трудахъ его секретаря.

Въ день нашего пріѣзда въ Каменецъ, 6-го іюля, преосвященный Димитрій, желая оказать намъ честь приглашеніемъ насъ къ себѣ на совѣщаніе, отмѣнилъ созванный на это число училищный совѣтъ и взамѣнъ того назначилъ у себя засѣданіе Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Засѣданіе открылось чтеніемъ полученныхъ корреспонденцій и разсмотрѣніемъ присланныхъ для музея книгъ, актовъ и др. предметовъ. Въ числѣ послѣднихъ об-

---

[1]) Дѣятельность этого маститаго архипастыря до сихъ поръ памятна въ въ Подольской епархіи. Имъ устроена масса церковныхъ и монастырскихъ школъ, заведены церковныя и благочинническія библіотеки; положено начало лѣтописямъ при церквахъ; открыто 12 церковныхъ братствъ; сооружено много церквей; оживлена проповѣдь и проч., и проч. М. Г.

щее вниманіе было обращено на кусокъ дерева съ изображеніемъ креста. Въ одномъ селѣ, при расколкѣ дровъ, оказался на внутренной сторонѣ расколотаго полѣна отчетливо начертанный крестъ правильной формы, какъ-бы выжженный, но въ дѣйствительности образовавшійся изъ древесныхъ тканей.

Церковное Древнехранилище, къ обозрѣнію котораго мы были допущены утромъ 7-го іюля, помѣщается въ каѳедральномъ соборѣ, въ галлереѣ верхняго этажа съ лѣвой стороны. Оно состоитъ изъ небольшой библіотеки, архива историческихъ рукописей и актовъ и собранія памятниковъ древности, по преимуществу церковной. Стѣны музея украшены портретами подольскихъ епископовъ. Собрано пока мало, но всѣ предметы установлены тщательно и систематично.

Предварительно обозрѣнія достопримѣчательностей города, мы посѣтили фотографа Грейма. Первое, что мы здѣсь увидѣли, это были превосходныя картины сына г. Грейма, безвременно погибшаго недавно отъ тяжелой болѣзни. Воспитанникъ нашей Академіи Художествъ, онъ скончался въ то время, когда готовился писать картину на золотую медаль. Убитый горемъ отецъ переноситъ вторую уже утрату: незадолго передъ тѣмъ скончался второй его сынъ, окончившій музыкальное образованіе. Почтенный любитель-археологъ, предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ членами епархіальнаго статистическаго комитета (въ числѣ которыхъ и онъ состоитъ), съ необычайною любезностію подготовилъ для насъ массу различныхъ фотографическихъ снимковъ, которыми тутъ же и снабдилъ насъ. Это составило цѣлый рядъ изображеній всего интереснаго и рѣдкостнаго изъ каменецкихъ памятниковъ древности, а памятниковъ такихъ, при обзорѣ города, оказалось не мало.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ, при содѣйствіи Н. И. Яворовскаго, правителя губернаторской канцеляріи П. Г. Матюнина и М. О. Грейма (распространившаго свою любезность до готовности производить на пути снимки дорожнымъ фотографическимъ аппаратомъ), мы обозрѣли почти всѣ достопримѣчательности Каменецъ-Подольска.

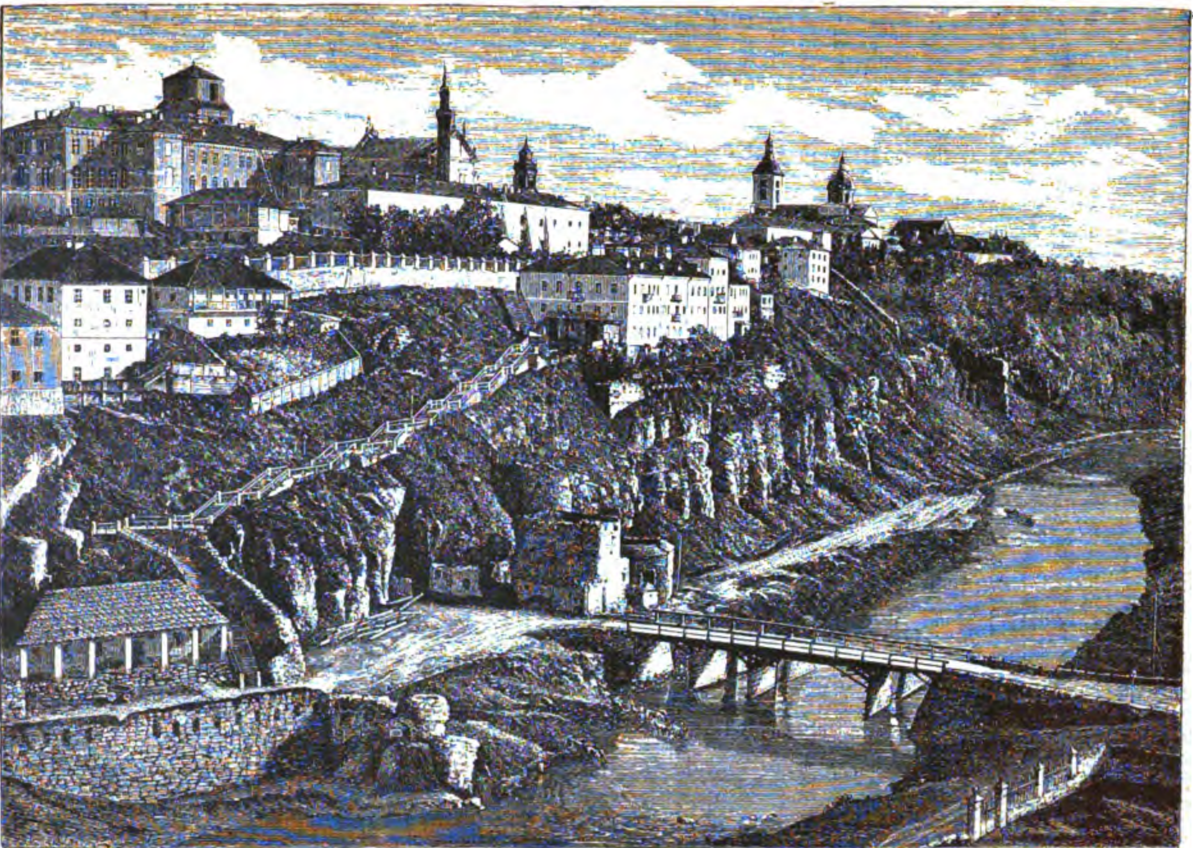
IV.

По-доминиканскій костелъ св. Николая, его святыни и древности.—Костелъ по-тринитарскій.—Бывшій армянскій, нынѣ католическій костелъ съ армянскими памятниками древности и обручальнымъ кольцомъ Богородицы.—Анекдотъ о волосѣ Божіей Матери.—Бывшая армянская, нынѣ православная церковь св. Николая и барельефъ армянскаго архіепископа съ урѣзанными ногами.—Памятникъ неизвѣстнаго латинскаго патера въ городскомъ саду.—Турецкій минаретъ.—Визитъ къ Гогоцкому.—Докторъ Ролле и его любительскій музей.—Мстительная барышня.—Старый Предтеченскій соборъ и его достопримѣчательности.—Церкви Свято-Троицкая и Петропавловская.—Впечатлѣнія при оставленіи Каменца.—Благотворительныя учрежденія въ Каменцѣ.

Отрекомендовавшись настоятелю по-доминиканскаго костела, отцу Дубисѣ-Корчаку, въ его квартирѣ, мы, въ его сопутствіи, посѣтили этотъ храмъ. Костелъ древній: онъ имѣетъ привилегію, данную князьями Коріатовичами и подтвержденную литовскимъ княземъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ въ 1405 году. Въ костелѣ, за главнымъ престоломъ во имя святителя Николая, укрѣплена на стѣнѣ большая икона мирликійскаго чудотворца, изображеннаго съ длинной бородой, въ латинской митрѣ, съ посохомъ бискупа, но въ православной архіерейской мантіи, съ омоѳоромъ [1]). Выдающеюся рѣдкостью костела является амвонъ, привезенный турками въ Каменецъ для мечети. Амвонъ сдѣланъ изъ большихъ цѣльныхъ каменныхъ плитъ съ прекрасною, восточнаго стиля, орнаментаціей и съ турецкою надписью надъ его дверями; на боковой сторонѣ амвона, внизу, оказались выбитые на камнѣ года: 1672—время вступленія турокъ въ Каменецъ, 1699—годъ изгнанія ихъ изъ Каменца и 1862. Когда мы полюбопытствовали узнать о значеніи послѣдней даты, настоятель объяснилъ, что въ этотъ годъ производился ремонтъ костела; но это оказалось не вѣрнымъ—костелъ ремонтировался позже. 1862 годъ памятенъ по событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ нашихъ западныхъ окраинахъ; не имѣетъ ли означенная дата какое-либо отношеніе къ этимъ событіямъ, которыя, какъ извѣстно, не миновали и Каменца? Не есть ли это годъ предполагавшагося изгнанія «москалей» изъ Каменца?

Въ отдѣльномъ придѣлѣ, надъ престоломъ, намъ показали икону Божіей Матери, признаваемую чудотворною. Икона оказалась византійскаго письма, съ православнымъ перстосложеніемъ у Спаси-

[1]) Замѣчательно: во всѣхъ костелахъ Каменецъ-Подольска мы встрѣчали иконы святителя Николая и притомъ, за исключеніемъ только-что упомянутой по-доминиканской иконы, въ совершенно правильномъ облаченіи православнаго архіерея. Этого явленія никто намъ въ Каменцѣ не разъяснилъ; но не служитъ ли оно однимъ изъ доказательствъ, что здѣсь искони царило православіе, царило такъ, что святитель мирликійскій, ревностный защитникъ православія, до сихъ поръ почитается жителями Каменца, принадлежащими къ римской церкви. М. Г.

Видъ г. Каменецъ-Подольска.

теля; она покрыта ризой, на которой къ правой рукѣ Богородицы придѣланъ скипетръ. По словамъ ксендза-настоятеля, икона находится въ костелѣ съ древнихъ временъ, по крайней мѣрѣ извѣстно, что во время пожара 1420 года она была уже въ костелѣ. Пока профессоръ Н. И. П—въ изслѣдовалъ икону въ бинокль, я прошелся по костелу и при этомъ въ лѣвой его сторонѣ замѣтилъ памятникъ особаго рода: большой крестъ, укрѣпленный на каменномъ, пристѣночномъ пьедесталѣ, на которомъ выбита по-польски надпись о бывшемъ въ 1839 году въ доминиканскомъ костелѣ 40 дневномъ юбилеѣ [1]).

Отъ временъ господства въ Подоліи римскаго католицизма въ Каменцѣ сохранился костелъ, принадлежавшій монашескому ордену тринитаровъ. Теперь это обыкновенный приходскій костелъ, который мы и посѣтили. Главнѣйшую его святыню составляетъ большая фигура Спасителя въ темницѣ, установленная надъ большимъ престоломъ и признаваемая чудотворною. Фигура завѣшена драпировкой, открываемой лишь во время богослуженія, а потому мы и не могли ее видѣть. Несомнѣнно священная фигура имѣла у монаховъ-тринитаровъ символическое значеніе, такъ какъ орденъ этотъ задавался цѣлью служить дѣлу освобожденія подневольныхъ. Для желающихъ поклониться этой святыни въ небогослужебное время на правой сторонѣ костела поставлена уменьшенная копія фигуры въ стеклянномъ шкапу. Надъ однимъ изъ боковыхъ престоловъ мы обратили вниманіе на икону св. Николая чудотворца въ православномъ облаченіи.

На пути нашего слѣдованія наступила очередь обозрѣть такъ называемый «армянскій» костелъ. Это—одинъ изъ памятниковъ исчезнувшаго въ Каменцѣ восточнаго вѣроученія, служащій вещественнымъ доказательствомъ латинскаго прозелитизма.

Появившіеся въ XIII столѣтіи въ предѣлахъ бывшей Польши армяне, твердо преданные своему восточному исповѣданію, долго пользовались свободнымъ отправленіемъ богослуженія. Но вотъ въ 1626 году на львовскую армянскую каѳедру вступаетъ молодой архіепископъ Николай Тарасовичъ, воспитанникъ іезуитовъ; принявъ унію съ римскою церковью, онъ, при содѣйствіи латинскаго миссіонера ордена театинъ, Пиду, преломилъ религіозную твердость армянскаго общества и съ насиліемъ обратилъ армянъ въ унію. Унія эта совершилась на тѣхъ же началахъ, на коихъ въ Брестѣ была установлена унія западно-русской церкви, т. е. на условіи признанія главенства папы, съ сохраненіемъ церковной

---

[1]) Юбилей въ католической церкви — особое празднество, устанавливаемое съ утвержденія папы, каждый разъ по особой программѣ, съ продолжительнымъ моленіемъ, постами, проповѣдями, индульгенціями, процессіями и проч. Главная цѣль такихъ юбилеевъ—упроченіе и возвеличеніе римско-католической церкви, ergo—папства. М. Г.

обрядности уніонистовъ. Тѣхъ и другихъ унія должна была привести въ концѣ концовъ въ чистый римскій католицизмъ. Задавшись этою цѣлью, паписты постепенно искажали, а потомъ и совсѣмъ уничтожали обряды восточной церкви, сближая богослуженіе съ латинскимъ ритуаломъ. По отношенію къ западно-рускимъ уніатамъ эта іезуитская система достигла немногихъ результатовъ: сравнительно небольшое число приходовъ, путемъ замѣны восточной обрядности латинскою, совратилось въ католицизмъ, большая же ихъ часть осталась вѣрною традиціямъ восточной церкви и впослѣдствіи, въ 1794—1796, 1839 и 1875 годахъ, возсоединилась съ православіемъ. Въ такомъ естественномъ результатѣ насильственно введенной уніи со всею силою сказалась стойкость русскаго народа, дорожившаго вѣрою своихъ предковъ.

Иной результатъ получился отъ введенія уніи среди армянъ-григоріанъ, получившихъ съ того времени названіе «армянъ-католиковъ».

Составляя пришлый классъ населенія, удаленные отъ родины и предоставленные въ дѣлахъ вѣры самимъ себѣ, каменецъ-подольскіе армяне не долго оставались въ уніи. Съ одной стороны посредствомъ сближенія обрядности съ латинствомъ, а съ другой путемъ совращенія отдѣльныхъ лицъ ревнители папизма достигли того, что армяне-уніаты были поглощены католицизмомъ. Виновниками совращенія должны быть признаны преемники прозелита Тарасовича включительно до Каетана Вартерисовича, послѣдняго львовскаго армянскаго архіепископа. Эти слуги папства, совращая постепенно свою паству въ латинство, возбуждали въ ней даже ненависть къ Россіи, когда Подолія вошла въ составъ нашего государства. Къ концу XVIII вѣка уже ни одной черты армянской обрядности въ богослуженіи не сохранилось, а теперь вовсемъ Каменцѣ нѣтъ ни одного армянина, сохранившаго свою народность и свою вѣру, и потомки армянъ-уніатовъ считаютъ себя поляками и католиками, а нѣкоторые изъ нихъ даже передѣлали на польскій ладъ свои фамиліи [1]).

Такимъ образомъ іезуитскія стремленія въ отношеніи каменецкихъ армянъ вполнѣ достигли своей цѣли. Вещественнымъ памятникомъ такихъ трудовъ сыновъ Лойлы служитъ армянская церковь, нынѣ римско-католическій костелъ.

Храмъ этотъ сооруженъ въ восточномъ стилѣ и окруженъ съ трехъ сторонъ крытою галлереею, на стѣнахъ которой находятся армянскія надписи.

Первое, на что намъ было указано при входѣ въ этотъ историческій храмъ, была икона Божіей Матери, помѣщающаяся надъ

---

[1]) Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Каменецъ-Подольскѣ считалось 1200 армянскихъ семействъ.

главнымъ престоломъ. По обычаю латинянъ, установившихъ тѣмъ меньшую доступность священнаго предмета, чѣмъ большее онъ имѣетъ значеніе, икона оказалась закрытою занавѣсами. Костельный сакристіанъ, [1]) служившій намъ проводникомъ, отказался открыть занавѣсы, ссылаясь на то, что это можетъ сдѣлать только ксендзъ, въ началѣ богослуженія; но потомъ, подумавъ, сказалъ:

— Да, открыть занавѣсы я не могу; но я имѣю право перемѣнить ихъ.

— Отлично, такъ перемѣните занавѣсы,—попросили мы.

Но Н. И. П—въ не выдержалъ и тутъ же въ слухъ сказалъ:

— Вотъ іезуитское-то правило!

Преклонивъ одно колѣно предъ иконой, сакристіанъ отправился за престолъ и, поднявшись къ иконѣ съ задней стороны престола, медленно началъ убирать съ иконы прежнія занавѣсы и навѣшивать новыя. Мы воспользовались этимъ хотя іезуитскимъ, но все же любезнымъ пріемомъ, чтобы разсмотрѣть икону, которая оказалась древнею, восточнаго типа, съ армянскою подписью. Мѣстные жители-католики считаютъ ее чудотворною и увѣшиваютъ ее «вотами» (привѣсками въ видѣ сердецъ, рукъ, ногъ и проч.).

По бокамъ главнаго престола оказались двѣ фигуры святыхъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину; одна изъ нихъ латинская, а другая изображаетъ епископа восточной церкви. На боковомъ престолѣ установлена икона св. Николая чудотворца, по образцу православныхъ иконъ.

Когда мы вошли въ ризницу, помѣщающуюся за главнымъ престоломъ, чтобы посмотрѣть портреты армянскихъ епископовъ и священниковъ, кто-то изъ сопутствовавшихъ намъ замѣтилъ, что въ костелѣ хранится много древнихъ рукописей и книгъ, принадлежавшихъ армянамъ. Заинтересовавшись этими памятниками, мы начали просить показать ихъ намъ; но сакристіанъ, все время державшій себя въ мрачномъ настроеніи, выразилъ тутъ на своемъ лицѣ чуть не испугъ, вѣроятно опасаясь за цѣлость драгоцѣнныхъ рукописей и книгъ, и лишь по усиленной просьбѣ нашей повелъ насъ крутымъ и узкимъ ходомъ вверхъ, въ надъалтарную часть. Здѣсь въ особомъ шкапу и на полкахъ полукруглой ниши сакристіанъ показалъ намъ цѣлую библіотеку, состоящую изъ огромныхъ фоліантовъ армянскихъ рукописныхъ и печатныхъ богослужебныхъ книгъ, прекрасно сохранившихся въ прочныхъ кожанныхъ переплетахъ. Рукописныя книги, отлично написанныя, украшены красивыми заставками, иниціалами и рисунками. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ концу XIII вѣка. Полюбопытствовали мы узнать—есть ли кто-нибудь изъ числа духовенства или прихожанъ знающій по-армянски,—оказалось никого! Тутъ же, въ библіотекѣ, среди

---

[1]) Ризничій.

разнаго церковнаго хлама, находится большое блюдо-тазъ, служившее армянамъ для крещенія младенцевъ; на немъ сдѣланы чеканныя украшенія, а посрединѣ блюда—рельефное изображеніе Благовѣщенія [1]).

Для чего все это, — подумалъ я, — остается въ польско-латинскомъ костелѣ? священные предметы армянской церкви для ксендза и прихожанъ-поляковъ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, а книгъ и рукописей армянскихъ ни цѣнить, ни читать никто изъ нихъ не можетъ. Не лучше ли было бы сдать все это на храненіе въ какой-либо музей или публичную библіотеку, если нельзя уступить русскимъ армянамъ, не утратившимъ свою народность? По крайней мѣрѣ историческіе памятники бывшей армянской церкви получили бы бо̀льшую сохранность и даже можетъ быть пользу въ практическомъ или научномъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтитель церкви не-католикъ не испытывалъ бы того тяжелаго впечатлѣнія, съ какимъ я выходилъ изъ историческаго храма. Вчужѣ было жаль армянъ-уніатовъ, ихъ святынь и осиротѣвшихъ памятниковъ древности. Цѣлый приходъ, когда-то несомнѣнно многочисленный, обладавшій каменною церковью, древнею иконою, обширною библіотекою и проч., исчезъ безвозвратно, утонувъ въ морѣ польско-латинскаго прозелитизма!

Но вотъ еще одна достопримѣчательность, оказавшаяся въ бывшей армянской церкви, но несомнѣнно католическаго происхожденія.

На лѣвой сторонѣ отъ главнаго престола мы замѣтили какой-то предметъ, укрѣпленный у стѣны. И что же оказалось?—по словамъ сакристіана, это—кольцо, которымъ была обручена Пресвятая Богородица...

Что за кощунство! Впрочемъ, удивляться ли этому измышленію папистовъ, когда въ Римѣ до сихъ поръ показываютъ вѣрующимъ доски отъ яселъ Христа. Въ средніе же вѣка тамъ царила еще меньшая застѣнчивость. Не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь анекдотъ, о которомъ я вспомнилъ при разсмотрѣніи каменецкаго обручальнаго кольца Богородицы.

Въ числѣ священныхъ реликвій паломникамъ показывали въ римскомъ соборѣ св. Петра волосъ Богородицы: съ распростертыми руками стоялъ патеръ, какъ бы держащій въ пальцахъ священный волосъ; вѣрующіе, подходя къ патеру, падали ницъ предъ святыней; но вотъ изъ числа паломниковъ нашелся однажды скептикъ, который пожелалъ увидѣть волосъ и съ этою цѣлью началъ присматриваться, что̀ патеръ держитъ въ рукахъ. Не видя ничего, скептикъ спрашиваетъ:

---

[1]) Уже впослѣдствіи я узналъ, что въ томъ же костелѣ находятся и другія достопримѣчательности, какъ-то: часть мощей св. Григорія, просвѣтителя армянъ, письма князя Михаила Корыбута, армянскія лѣтописи, итальянскія и латинскія классическія произведенія. М. Г.

— Да гдѣ же тутъ волосъ? я его не вижу.

— Невѣрный, — отвѣтилъ ему патеръ, — вотъ столько-то лѣтъ держу я волосъ въ своихъ рукахъ и то еще не удостоился видѣть его, а ты только-что подошелъ къ святыни и захотѣлъ ее видѣть!

Отъ армянъ сохранилась въ Каменцѣ еще одна небольшая церковь во имя св. Николая чудотворца, нынѣ православная. Сооруженная въ XIII вѣкѣ, она досталась православію не въ силу прозелитизма, котораго, къ счастію, наше духовенство не придерживается, а по преемству отъ греко-уніатовъ, къ которымъ церковь перешла въ 1822 году отъ армянъ. Памятникомъ древности въ этомъ небольшомъ храмѣ служитъ каменная плита съ рельефнымъ изображеніемъ эчміадзинскаго армянскаго патріарха Мельхиседека, впослѣдствіи львовскаго армянскаго архіепископа, скончавшагося въ Каменцѣ 18-го марта 1627 г. и погребеннаго въ Николаевской церкви. Рельефъ укрѣпленъ на лѣвой стѣнѣ, у клироса, и отъ времени началъ сглаживаться, а въ послѣднее время подвергся даже искаженію. Дѣло въ томъ, что въ церкви есть большая икона св. Николая, копія съ иконы, находящейся въ старомъ Предтеченскомъ соборѣ и чтимая жителями Каменца, не исключая и католиковъ, болѣе своего оригинала. Въ тѣсненькой церковкѣ не нашлось лучшаго для этой иконы мѣста, какъ у той стѣны, гдѣ находится изображеніе Мельхиседека, а такъ какъ рельефъ препятствовалъ укрѣпленію иконы у стѣны, то почитатели иконы, не долго думая, подрубили ноги армянскому архіерею. Совершилось это всего лѣтъ 10—15 тому назадъ. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ!

Въ городскомъ саду, надъ самымъ обрывомъ, мы обратили вниманіе на бюстъ какого-то латинскаго прелата, сдѣланный изъ камня и выкрашенный бѣлою краскою. Никто изъ нашихъ спутниковъ не могъ объяснить, кто именно и за какія дѣянія удостоился такой чести, а въ такомъ случаѣ умѣстно ли оставлять этотъ безсодержательный и чуждый намъ памятникъ въ открытомъ публичномъ мѣстѣ русскаго губернскаго города?

Утомленные путешествіемъ по городу и невыносимой жарой, мы лишь мимоходомъ обозрѣли турецкій минаретъ. Тонкая и высокая весьма изящной архитектуры башня, оставшаяся отъ турецкихъ временъ во всей своей цѣлости, составляетъ самую оригинальную и красивую особенность Каменца. Башня находится при каѳедральномъ костелѣ. Турецкая луна замѣнена на ней фигурой Божіей Матери.

Отдохнувши нѣсколько, мы отправились къ одному изъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. С. Гогоцкому, сыну каменецкаго каѳедральнаго протоіерея, отца Сильвестра, высокообразованнаго и неутомимаго труженика, скончавшагося въ 1853 году. Сынъ его, Н. С., много потрудившись на поприщѣ народнаго просвѣщенія и между

Каѳедральный соборъ въ Кишиневѣ.

прочимъ въ Холмщинѣ, занимаетъ теперь въ Каменцѣ мѣсто управляющаго отдѣленіемъ крестьянскаго банка. Онъ живо интересуется исторіей западно-русскаго края и, узнавъ о цѣли нашей поѣздки, снабдилъ профессора Н. И. П—ва своей рукописной статьей о ревизіи Подольской епархіи, произведенной въ 1830-хъ годахъ протоіереемъ Скворцовымъ. Вечеръ мы провели за стаканомъ чая у преосвященнаго Димитрія, который снабдилъ насъ нѣкоторыми изъ изданныхъ сочиненій своихъ.

Я упоминалъ выше о мѣстномъ любителѣ-археологѣ, докторѣ Ролле. Визитъ къ нему назначенъ былъ на утро 8-го іюля. Его домикъ, съ первой же комнаты, показывалъ, что хозяинъ съ любовію преданъ минувшимъ судьбамъ края. Портреты разныхъ историческихъ лицъ, картины, старинная посуда, статуетки и проч. и проч. размѣщены по всѣмъ комнатамъ археолога-любителя. Въ его собраніи рукописей хранится завѣщаніе Синана Котлубая 1398 г. на имѣющую образоваться армянскую каѳедру въ Подоліи, съ упоминаніемъ о волосскомъ армянскомъ архіепископѣ. Любезный хозяинъ очень заинтересовался нашимъ визитомъ и велъ оживленную бесѣду, изъ которой мы узнали, между прочимъ, что около Балты, въ Казавчинѣ, сохранились гробницы татарскихъ баскаковъ 1377 года съ надписями.

На пути въ городъ намъ пришлось выслушать отъ кого-то изъ мѣстныхъ жителей слѣдующій забавный разсказъ изъ недавняго прошлаго.

Одинъ каменецкій ксендзъ пользовался расположеніемъ красивой барышни, жившей vis-à-vis съ нимъ; но затѣмъ отношенія ихъ измѣнились, и въ разрывѣ барышня винила ксендза. Желая ему отмстить, она изобразила на лицевой сторонѣ своего дома крупнѣйшими буквами: «Za co pan ksiądz gniewa się na mnie?» (за что г. ксендзъ сердится на меня?) По образу жизни своей, барышня ничего не теряла, но для ксендза это было жестокою местью.

Изъ числа православныхъ церквей Каменецъ-Подольска заслуживаетъ особеннаго вниманія Іоанно-Предтеченская церковь. Когда она основана неизвѣстно, но изъ документальныхъ записей видно, что уже въ 1606 году она существовала. Со вступленіемъ въ 1672 году въ Каменецъ турокъ, церковь была обращена въ мечеть великаго визиря и оставалась таковою до времени выхода турокъ въ 1699 году. Въ этомъ году она перешла въ руки уніатовъ, которые владѣли ею до 1795 года. Съ переходомъ въ томъ же году Предтеченской церкви къ православнымъ, она сдѣлалась каѳедральнымъ соборомъ; впослѣдствіи подъ соборъ отведенъ большой костелъ упраздненнаго кармелитскаго монастыря, передѣланный соотвѣтственно потребностямъ православнаго храма. Съ тѣхъ поръ

Предтеченская церковь обратилась въ приходскую, именуясь въ народѣ старымъ соборомъ. Въ этой церкви мы обозрѣли: древнюю славянскую надпись на плитѣ передъ престоломъ, служащей намогильнымъ памятникомъ Николаю Грабовецкому, погребенному здѣсь въ 1609 году; славянскую надпись въ сѣверной алтарной стѣнѣ, гласящую, что въ этой церкви панъ Симеонъ Стрій похоронилъ сына своего Іоанна; гербъ Кантакузиновъ — большой барельефъ, служащій намогильнымъ памятникомъ Іоанну-Рудольфу Кантакузину, скончавшемуся въ 1761 году; мѣстно-чтимыя иконы Іоанна Предтечи и св. Николая. Оригинальную особенность храма составляютъ портреты особъ царской фамиліи на нѣкоторыхъ иконахъ: такъ, небольшой образъ св. Никиты изображаетъ черты Александра I, въ группѣ святыхъ на другой иконѣ не трудно узнать Николая, Константина и Михаила Павловичей; есть портреты Екатерины II и даже Потемкина-Таврическаго. Все это исполнено художественной рукой, конечно, не мѣстнаго производства. Такія иконы, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ числу историческихъ достопримѣчательностей и, какъ таковыя, храниться не въ церкви, а въ мѣстномъ древнехранилищѣ.

Къ числу древнихъ православныхъ храмовъ Каменецъ-Подольска относятся также церкви: Свято-Троицкаго монастыря, въ которомъ имѣетъ помѣщеніе викарный епископъ, и Петропавловская. Основаніе ихъ восходитъ къ XVI вѣку; но ни по наружному виду, подвергавшемуся частымъ измѣненіямъ, ни по внутреннему содержанію, храмы эти не представляютъ ничего примѣчательнаго.

Выѣзжали мы изъ Каменецъ-Подольска подъ весьма пріятнымъ впечатлѣніемъ. Не говоря о красивой природѣ города и видѣнныхъ нами интересныхъ и характерныхъ памятникахъ древности, отрадно было встрѣтить въ этомъ, отдаленномъ отъ всякихъ центровъ городкѣ людей, живущихъ высшими интересами, трудящихся на пользу науки и просвѣщенія, группирующихся въ научное общество, создающихъ музей древностей, однимъ словомъ людей, проявляющихъ всю полноту умственной жизни, каждый по мѣрѣ силъ, но всѣ съ явною любовью и энергіей. Помимо того, дѣятельность каменецкаго общества выражается еще въ гуманитарномъ отношеніи къ страждущему человѣчеству. Въ Каменецъ-Подольскѣ существуютъ слѣдующія благотворительныя учрежденія: Дѣтскій пріютъ, Убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ, Благотворительное общество для оказанія помощи бѣднѣйшему населенію города Каменца, Православное Іоанно-Предтеченское братство съ состоящими при немъ пріютомъ, ремесленной школой и дамскимъ комитетомъ, Іоанно-Богословское братство для пособія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи и Общество вспомоществованія нуждающимся ученикамъ и ученицамъ мужской и женской гимназій.

V.

Путь въ Бессарабію.—Сады, виноградники, винодѣліе, хлѣбопашество и табаководство.—Бендерская крѣпость.—Разношерстность населенія.—Кишиневъ.—Недоразумѣніе на счетъ насъ.—Отсутствіе общественныхъ научныхъ учрежденій.—Дѣятели науки.—Памятники Александру II и Пушкину.—Городской садъ и гулянье въ немъ въ потьмахъ.—Семинарская библіотека.—«Митрополія» (архіерейскій домъ). — Портретъ неизвѣстнаго архіепископа. — Гербовецкая икона Божіей Матери. — Молдаванское церковное пѣніе. — Молдаванская закуска. — Недоступность музея Суручана.—Благотворительныя и общеполезныя учрежденія въ Кишиневѣ.

Изъ Каменца путь намъ лежалъ въ Кишиневъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, мы съ Н. И. Петровымъ рѣшили возвратиться въ Проскуровъ на лошадяхъ, а потомъ отправиться въ столицу русской Бессарабіи по желѣзной дорогѣ.

По мѣрѣ въѣзда въ глубь Бессарабіи, все болѣе и болѣе начали появляться виноградныя плантаціи, — цѣлое море садовъ и виноградниковъ, перемежающихся съ кукурузными полями. Для сѣверянина это было интересною новостью. Плодородіе почвы и климатическія условія ставятъ Бессарабію въ весьма выгодныя условія. По всей Бессарабской губерніи подъ фруктовыми садами находится болѣе 30,000 десятинъ, которыя даютъ однихъ сушоныхъ сливъ и грушъ до 250,000 пудовъ. Виноградники занимаютъ еще бóльшее пространство—до 50,000 десятинъ; въ годъ получается съ нихъ до 8 милліоновъ ведеръ вина, цѣна которому, въ средней сложности, составляетъ 1 рубль ведро. Хлѣбопашество не играетъ, однако, особой роли: въ годъ собирается пшеницы менѣе $1^1/_2$ милліоновъ четвертей, да ржи и овса съ небольшимъ по 200 тысячъ четвертей, въ то время, какъ одной кукурузы получается 1.300,000 четвертей. Нѣкогда развитое въ Бессарабіи табаководство годъ-отъ-году приходитъ въ упадокъ, становясь менѣе выгоднымъ производствомъ. Такъ, въ послѣдніе годы подъ табакомъ воздѣлывалось съ небольшимъ 3,000 десятинъ, съ которыхъ получалось менѣе 100,000 пудовъ въ годъ табаку, цѣною отъ 1 руб. 25 коп. до 18 руб. за пудъ. Желая испробовать табакъ мѣстнаго производства, я зашелъ въ Кишиневѣ на одну фабрику, но мнѣ предложили, какъ лучшій сортъ спрошеннаго табаку, настоящій турецкій табакъ.

Подъ Бендерами изъ окна вагона мы увидѣли Днѣстръ: рѣка очень мутная, не широкая и съ мелями. Подъѣзжая къ Бендерамъ, мы съ Н. И. П—мъ обратили вниманіе на крѣпость, въ которой останавливался шведскій король Карлъ XII; построенная генуэзцами, она реставрирована въ позднѣйшее время и теперь не представляетъ съ внѣшней стороны никакихъ признаковъ древности.

Отъ станціи до города дорога оказалась чрезвычайно пыльной, не мощеной. Мостовая появилась уже по мѣрѣ приближенія къ центру города, но и въ этихъ улицахъ разносимая вѣтрами пыль стол-

бомъ стоитъ. Улицы вовсе не поливаются: Кишиневъ городъ безводный, если не считать удаленной отъ центра рѣченки съ солиднымъ названіемъ «Быкъ». Городъ расположенъ правильными квадратами и имѣетъ видъ миніатюрной, но не совсѣмъ удачной копіи съ Одессы: такія же широкія панели, усаженныя бѣлой акаціей, столь же узкое полотно для проѣзда, такой же способъ мощенія улицъ. Исключеніе составляетъ нижняя часть города съ узкими, кривыми и грязными переулками. Жара стоитъ невыносимая и солнце выжгло всякую растительность. Улицы пустынны и извозчики стоятъ безъ дѣла, быть можетъ, отъ жары, а скорѣе отъ конкурирующихъ съ ними желѣзно-конныхъ поѣздовъ; послѣдніе, устроенные также по типу одесскихъ (не большихъ размѣровъ открытые вагоны безъ занавѣсокъ), надоѣдаютъ пронзительными, лаеобразными свистками-сигналами, приводимыми въ дѣйствіе посредствомъ удара колѣномъ въ гутаперчевый шаръ, придѣланный къ мѣдной трубѣ. Болѣе непріятнаго и надоѣдливаго звука представить себѣ невозможно.

И въ Кишиневѣ, какъ въ Каменцѣ, мы начали съ визитовъ. При посѣщеніи одного лица, насъ приняли за вновь назначенныхъ въ Кишиневъ преподавателей духовной семинаріи; недоразумѣніе скоро, однако, разъяснилось, и мы пользовались со стороны недоумѣвающаго полнымъ содѣйствіемъ въ нашемъ дѣлѣ.

Въ старину на мѣстѣ Кишинева было азіатское мѣстечко Кишиноу или Кишланоу (по-русски новый загонъ, зимовка скота); оно сохранилось теперь въ нижней части города и въ археологическомъ отношеніи не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Главная часть города, центральная, совершенно новая и въ ней уже совершенно ничего нѣтъ археологическаго. Понятно, здѣсь мы не только не нашли никакихъ общественныхъ научныхъ учрежденій подобно существующимъ въ Каменецъ-Подольскѣ; но оказалось даже, что и находящійся въ Кишиневѣ губернскій статистическій комитетъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, ни разу не созывался и бездѣйствуетъ, хотя секретарь его, г. Неручевъ, по отзыву начальствующихъ лицъ,—человѣкъ дѣльный и знающій. Какъ знатоковъ мѣстности и любителей исторіи края, намъ рекомендовали преподавателей мѣстной духовной семинаріи Е. Е. Михалевича и А. Г. Стадницкаго. Оба они посѣтили важнѣйшіе пункты Бессарабіи и производили археологическія изысканія. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ первый изъ нихъ, года три тому назадъ, нашелъ въ селѣ Бутученахъ, Оргѣевскаго уѣзда, нѣсколько древнихъ монетъ, а въ томъ числѣ двѣ весьма рѣдкія монеты молдавскаго господаря Стефана Великаго съ славянскою надписью [1]).

---

[1]) Эти монеты г. Михалевичъ передалъ профессору Н. И. Петрову, какъ даръ Кіевскому церковно-археологическому музею.

Послѣобѣденное время мы употребили на осмотръ монументовъ императору Александру II и поэту Пушкину.

Памятникъ царю-освободителю составляетъ украшеніе главной улицы Кишинева, названной по имени покойнаго императора Александровскою. Памятникъ состоитъ изъ величественной фигуры императора, представленнаго во весь ростъ, въ царской порфирѣ: правая рука держитъ свитокъ, на которомъ вырѣзано: «12-го апрѣля» (день объявленія, въ 1877 году, манифеста о походѣ въ Турцію); лѣвая рука опущена на державу, установленную на пьедесталѣ. На лицевой сторонѣ мраморнаго постамента надписи:

Царю-освободителю
Александру II.
19-го февраля 1855
1-го марта 1881.

У постамента, по угламъ, укрѣплены двуглавые орлы съ распростертыми крыльями. Монументъ окруженъ массивною цѣпью, прикрѣпленною къ гранитнымъ столбамъ.

Постановка въ Кишиневѣ монумента императору Александру II вызвана историческимъ событіемъ. Въ 1877 году вся Россія читала телеграммы изъ Кишинева, гдѣ былъ обнародованъ, 12-го апрѣля, манифестъ о выступленіи русскихъ войскъ въ походъ противъ турокъ. Покойный императоръ пробылъ въ Кишиневѣ съ 12-го по 20-е апрѣля включительно и почти каждый день дѣлалъ тамъ смотры войскамъ, отправлявшимся выручать своею кровью братьевъ славянъ. Какъ оцѣнили «братушки» отеческую о нихъ заботливость русскаго царя, ихъ освободителя,—всѣмъ хорошо извѣстно; но Кишиневъ не забылъ своего державнаго гостя и водрузилъ ему величественный монументъ.

Памятникъ Пушкину установленъ въ городскомъ саду противъ главной аллеи, въ которой поэтъ часто прогуливался и отдыхалъ и которая называется «Пушкинской». О такомъ названіи мы узнали, впрочемъ, отъ мѣстныхъ старожиловъ, но въ самой аллеѣ мы не нашли никакого указанія на то, никакой надписи. Памятникъ имѣетъ видъ весьма скромный: на небольшой колоннѣ изъ отшлифованнаго темнаго гранита установленъ удачно исполненный бюстъ знаменитаго поэта съ обнаженною головою и съ накинутымъ на плечи плащемъ. Внизу колонны вырѣзаны надписи: на лицевой сторонѣ—«Пушкину. 26-го мая 1855 г.» (день установки памятника), а на задней сторонѣ строфы:

«Здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая,
«Скитался я...

1820 1821 1822 1823.

Года означаютъ время пребыванія въ Кишиневѣ поэта, жившаго здѣсь съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г. по іюнь 1823 г.

Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ.

Время это ознаменовано появленіемъ нѣкоторыхъ высоко-художественныхъ произведеній нашего знаменитаго поэта, какъ, напримѣръ, «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братья разбойники» и проч.; въ Кишиневѣ же были начаты «Евгеній Онѣгинъ» и «Цыгане» [1]).

[1]) Нужно отдать честь Бессарабіи: кромѣ только-что упомянутыхъ двухъ памятниковъ, въ декабрѣ 1890 г. будетъ открытъ на берегу Дуная, между Измаиломъ и Рени, памятникъ Николаю I-му въ воспоминаніе перехода чрезъ Дунай въ 1829 году русскихъ войскъ. Въ Бессарабіи же находится памятникъ Потемкину-Таврическому, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыты его внутренности. М. Г.

Вечеромъ мы еще разъ заглянули въ городской садъ. Мы разсчитывали съ Н. И. Петровымъ полюбоваться тамъ типами южныхъ красавицъ, но цѣли не достигли: публики, и дамской преимущественно, было много, а любоваться ею не пришлось—въ аллеяхъ царила полнѣйшая темнота и все освѣщеніе сада состояло изъ тускло-мелькавшихъ фонарей, разставленныхъ едва ли не на сто саженъ одинъ отъ другого. Такъ мы и не видали ни одной «фрумушуки (прекрасной) молдаванки».

При любезномъ содѣйствіи ректора семинаріи, отца протоіерея А. В. Яновскаго, мы посѣтили на другой день семинарскую библіотеку, довольно богатую по содержанію.

Архіерейскій домъ въ Кишиневѣ извѣстенъ подъ именемъ «митрополіи». Такое названіе онъ получилъ съ самаго основанія своего, какъ сооруженный учредителемъ Кишиневской епархіи Гавріиломъ Бануленско-Бодони, занимавшимъ предъ тѣмъ Кіевскую митрополичью каѳедру и сохранившимъ за собой титулъ митрополита и по вступленіи на Кишиневскую каѳедру, которою онъ управлялъ съ 1813 по 1821 годъ. Въ архіерейскомъ домѣ мы обозрѣли портреты кишиневскихъ владыкъ, начиная съ портрета основателя епархіи; тутъ же намъ показали большое изображеніе, масляными красками, неизвѣстнаго архіерея, хорошей живописи; сначала профессоръ Петровъ предполагалъ, что это портретъ архіепископа Амвросія Серебрякова, бывшаго въ 1789—1792 гг. мѣстоблюстителемъ экзархіи Молдо-Влахійской, къ которой принадлежала и нынѣшняя Кишиневская епархія. Въ такомъ предположеніи съ этого портрета мною была снята фотографическая копія; но впослѣдствіи, когда была получена изъ Полтавы копія съ дѣйствительнаго изображенія Амвросія, догадка не подвердилась.

При архіерейскомъ домѣ находится Крестовая церковь, въ которой намъ показали копію съ мѣстно-чтимой Гербовецкой иконы Божіей Матери. Подлинная икона, относимая къ XVIII вѣку, находится въ Гербовецкомъ Успенскомъ мужскомъ монастырѣ и ежегодно въ октябрѣ приносится въ Кишиневъ съ крестнымъ ходомъ и остается тамъ до 17-го апрѣля, привлекая къ себѣ массы богомольцевъ.

Для переговоровъ объ историческихъ памятникахъ Бессарабіи, мы были приглашены въ домъ Е. Е. Михалевича. Здѣсь, среди разговоровъ по интересовавшимъ насъ предметамъ, мы впервые услышали церковно-молдаванскій напѣвъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ Кишиневской епархіи богослуженіе отправляется на молдаванскомъ языкѣ, причемъ нѣсколько молитвъ поютъ и по-славянски; въ сугубую же эктенію троекратное «Господи помилуй» начинаютъ по-молдавански («Доамне милуешти»), продолжаютъ пославянски и оканчиваютъ по-гречески. Богослужебныя книги въ такихъ церквахъ по преимуществу молдаванскія, но напечатанныя

кириллицей. Нѣкогда на эти книги было воздвигнуто гоненіе, и не мало тогда исчезло ихъ съ лица земли. Къ счастію для прихожанъ, гоненіе это нынѣ не имѣетъ мѣста. Гостепріимный хозяинъ познакомилъ насъ еще съ другою мѣстною особенностію, относящеюся къ кулинарному дѣлу: въ числѣ закусокъ были поданы излюбленныя молдаванами брынза (овечій сыръ), маринованныя перцовыя стручья, икра изъ баклажанъ, а также мѣстное, собственнаго производства, вино. Въ другомъ домѣ намъ потомъ пришлось попробовать еще одно мѣстное кушанье—мамалыгу,—горячее тѣсто изъ кукурузной муки; это блюдо непривычному человѣку можно было только попробовать.

Если въ Кишиневѣ нѣтъ общественныхъ научныхъ учрежденій, подобныхъ каменецъ-подольскимъ, то нашлось частное. Это—«Музей древностей Босфоро-Киммерійскаго царства и поселеній Сѣвернаго Черноморья», основанный въ 1862 году и принадлежащій дворянину И. К. Суручану. Мы намѣревались обозрѣть этотъ музей; но оказалось, что владѣлецъ его выѣхалъ въ свое имѣніе и не оставилъ ключей. Для меня это второй случай недоступности къ древнехранилищу по одной и той же причинѣ—увоза ключей.

Заканчивая путевые наброски, относящіеся къ Кишиневу, съ особеннымъ удовольствіемъ долженъ отмѣтить то филантропическое настроеніе, которое очевидно является преобладающимъ въ общественной жизни кишиневской интелигенціи. Вотъ перечень существующихъ въ Кишиневѣ благотворительныхъ учрежденій: Сиротскій домъ, Дѣтскій пріютъ Бальша (имя основателя), Благотворительное общество съ состоящею при немъ дѣтскою больницею въ память императора Александра II, Общество для пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія, Общество пособія нуждающимся въ образованіи и цѣлыхъ три Общества пособія нуждающимся ученикамъ (при двухъ мужскихъ гимназіяхъ и одномъ реальномъ училищѣ). Наконецъ, здѣсь кстати будетъ упомянуть о другихъ полезныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: Православномъ миссіонерскомъ обществѣ, учрежденномъ для обращенія въ христіанство язычниковъ исключительно Бессарабской губерніи, Собраніи сельскихъ хозяевъ, Музыкальномъ обществѣ и Обществѣ драматитескаго искусства.

VI.

«Южная красавица» въ жидовскихъ рукахъ.—Недоступность Одесской городской публичной библіотеки.—Одесскій музей древностей и немногочисленные въ немъ памятники Бессарабской старины.—А. С. Мацѣевичъ.—Искаженія русской рѣчи.

Съ выѣздомъ изъ Кишинева мы еще не разстались съ Бессарабіей. Какъ моему спутнику, такъ и мнѣ, по цѣли нашей поѣздки, предстояла надобность посѣтить Одесскія публичную библіотеку и музей древностей.

Пріѣхавъ въ «южную красавицу», какъ справедливо называютъ Одессу, я на станціи долженъ былъ временно разстаться съ своимъ спутникомъ: Н. И. Петровъ отправился въ гостинницу, а меня ожидалъ гостепріимный кровъ давнишняго моего доброжелателя, А. И. М., съ которымъ притомъ нужно было отпраздновать двадцатипятиліе нашего близкаго знакомства; но ни этотъ юбилей, ни впечатлѣнія, вынесенныя мною вообще изъ осмотра красотъ и достопримѣчательностей богатаго города, гдѣ жидъ завладѣлъ всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: и торговлею, и домами, и землями, и банками, и городскимъ управленіемъ, и даже успѣлъ прихватить, какъ бы кстати, и православную церковь [1]),—не могутъ составлять предмета настоящихъ моихъ замѣтокъ. Послѣ кратковременнаго отдыха въ радушной семьѣ г. М., я сошелся съ Н. И. Петровымъ, 16-го іюля, въ музеѣ древностей; отъ него я узналъ, что еще одно научное учрежденіе,—на пути моего слѣдованія уже третье,—оказалось недоступнымъ: Одесская городская публичная библіотека была временно закрыта по случаю ея ремонта и перестановки книгъ; меня, впрочемъ, интересовалъ, главнымъ образомъ, музей. Познакомившись съ его директоромъ, вице-президентомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, заслуженнымъ профессоромъ В. Н. Юргевичемъ, и получивъ отъ него любезное разрѣшеніе не только на обозрѣніе предметовъ древности, но и на пользованіе нѣкоторыми изъ нихъ, я встрѣтилъ здѣсь кое-что изъ относящагося до Бессарабіи, какъ, напримѣръ, видъ Аккерманской крѣпости 1790 г.; портретъ послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея; мраморную плиту съ молдавскимъ гербомъ и славянскою надписью 1438 года; портретъ измаильскаго героя, полковника Л. Я. Неклюдова. Этимъ черезчуръ краткимъ перечнемъ почти и ограничивается собраніе

[1]) См. «Новое Время» отъ 13-го іюля 1890 г. № 5161. Господствуя въ Одессѣ, евреи соорудили тамъ нѣсколько богатыхъ синагогъ. Въ одну изъ нихъ и я заглянулъ, чтобы послушать пѣвчихъ. Вошелъ и удивился: мраморъ, бронза, необычайная чистота и еще болѣе необычайная для евреевъ вѣжливость и предупредительность, а хоровое пѣніе заставляетъ забывать, гдѣ находишься и кого слушаешь. М. Г.

предметовъ, касающихся Бессарабіи; остальныя достопримѣчательности Одесскаго музея составляютъ предметы древняго классическаго міра.

Тамъ же, въ музеѣ, мнѣ удалось познакомиться съ Л. С. Мацѣевичемъ, собирателемъ матеріаловъ, относящихся ко времени пребыванія Пушкина на югѣ Россіи. Большой почитатель и знатокъ произведеній нашего поэта, онъ любезно снабдилъ меня матеріалами, касающимися этой спеціальности.

Свои путевые наброски, которымъ я не придаю никакого научнаго интереса и которые не отличаются даже связностью разсказа, мнѣ хотѣлось закончить указаніемъ на одно не совсѣмъ утѣшительное явленіе: на искаженіе русской рѣчи. На югѣ Россіи, гдѣ мнѣ приходилось быть, нѣкоторые изъ русскихъ образованныхъ людей—говорятъ, напр., такъ: мойка бѣлья, молодежь, идти тудою или сюдою, «я имѣлъ ѣхать вчера», а на вывѣскахъ въ Кишиневѣ и Одессѣ можно прочитать: «картинная торговля», «нанимается (т. е. отдается въ наемъ) квартира». Всѣхъ искаженій перечислить не могу, потому что я ихъ не записалъ; но могу удостовѣрить, что искаженія многочисленны. Лингвистическія способности русскаго человѣка извѣстны. Не въ этой ли способности кроется замѣчаемое искаженіе русской рѣчи, подвергающейся на югѣ инородческому вліянію?

М. Городецкій.

15 августа 1890 г.
Петроградъ.

МУЗЕЙ А. Н. ПОЛЯ.

ВАДЦАТЬ шестого іюля 1890 года скончался въ городѣ Екатеринославѣ А. Н. Поль, бывшій гласнымъ Екатеринославскаго губернскаго собранія, почетнымъ попечителемъ мѣстнаго реальнаго училища, извѣстнымъ въ свое время дѣятелемъ губернскаго дворянскаго комитета въ Екатеринославѣ для подготовленія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, энергичнымъ членомъ редакціонной комиссіи потому же вопросу въ Петербургѣ; онъ обогатилъ весь край южной Россіи открытіемъ ископаемыхъ богатствъ, особенно желѣзныхъ рудъ, положилъ основаніе Каменскому и Брянскому чугуннолитейнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ, способствовалъ проведенію линіи Екатерининской желѣзной дороги, былъ главнымъ виновникомъ построенія грандіознаго черезъ Днѣпръ въ Екатеринославѣ желѣзнаго моста, наконецъ, составилъ богатѣйшую и единственную въ своемъ родѣ коллекцію древностей въ частныхъ рукахъ. Оттого жители города Екатеринослава, пораженные внезапнымъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого имъ человѣка, всѣ единодушно, глубоко и искренне оплакивали его, а мѣстные представители города, какъ, напримѣръ, И. И. Шмаковъ, П. З. Веселовскій, священникъ отецъ Василій Разумовъ, почтили его память дорогими воспоминаніями и глубоко-прочувственными словами. Пишущій настоящія строки очень часто сходился съ А. Н. Полемъ на почвѣ исторической и особенно археологической и послѣ продолжительнаго знакомства вынесъ убѣжденіе, что А. Н. Поль представлялъ собой личность благороднѣйшую, гуманную, образованную, личность глубокаго ума, обширныхъ познаній и самыхъ

грандіозныхъ плановъ, особенно по части добыванія горныхъ богатствъ края. Оттого нелишне будетъ помянуть и на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нѣсколькими словами этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка, какъ обладателя огромной коллекціи древностей, разнаго рода рукописей, картъ, плановъ, и какъ дѣйствительнаго члена ученаго общества исторіи и древностей въ Одессѣ.

Прошлое А. Н. Поля сложилось слѣдующимъ образомъ. Дѣдъ его Иванъ Ивановичъ фонъ-Поль, былъ нѣмецъ, родился на островѣ Эзелѣ, но былъ шведскимъ подданнымъ; въ качествѣ шведскаго подданнаго онъ поступилъ на русскую службу еще при императрицѣ Екатеринѣ II; во время возникшей тогда второй русско-турецкой войны, Иванъ Ивановичъ Поль участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, отличился въ сраженіи и, по окончаніи войны миромъ въ Яссахъ 1791 года, въ награду за военные подвиги, получилъ значительный участокъ земли въ только-что упраздненномъ тогда Запорожьѣ, теперь Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, близь рѣчки Мокрой-Суры. Живя въ Новороссіи, И. И. Поль женился на дочери помѣщика Маламы, съ которой прожилъ много лѣтъ мирной и счастливой жизни, оставивъ послѣ себя нѣсколько дочерей и сыновей; изъ послѣднихъ младшимъ былъ Николай Ивановичъ Поль, который выросъ и женился также въ Новороссіи на дочери владѣльца Полетики, приходившейся внучкой извѣстному малоросійскому наказному гетману Павлу Полуботку. Н. И. Поль имѣлъ также нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ младшій былъ Александръ Николаевичъ. А. Н. Поль первоначально учился въ полтавской классической гимназіи; потомъ, по окончаніи гимназіи, отправленъ былъ отцомъ въ Дерптскій университетъ на естественный факультетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ науки со степенью кандидата университета. Находясь, по женской линіи, въ родствѣ съ малороссійскою фамиліей Полуботковъ и оттого постоянно слыша разсказы о прежнихъ славныхъ временахъ, А. Н. Поль, еще будучи мальчикомъ, по его собственнымъ словамъ, лазилъ по всѣмъ чердакамъ и чуланамъ дома своей бабки, вездѣ отыскивалъ разные предметы древности и уже съ тѣхъ поръ сталъ питать къ нимъ особенное пристрастіе. Окончивъ же курсъ университетскихъ наукъ, А. Н. Поль, послѣ смерти отца, рѣшилъ заняться не тѣмъ, къ чему онъ готовился въ университетѣ, естественными науками, а тѣмъ, къ чему влекла его страсть,—исторіей и археологіей. «Окончилъ я курсъ наукъ, вернулся въ родныя степи, взялъ въ руки палочку и пошелъ пѣшкомъ осматривать могилы, городища и урочища». Такъ шелъ онъ по степи, желая найти отвѣты на свои вопросы у древнихъ днями людей и древнихъ тысячелѣтіями могилъ. Много разъ онъ предпринималъ подобнаго рода хожденія и въ одно изъ нихъ зашелъ

въ Дубовую балку, у праваго берега рѣчки Саксагани, близь селенія Кривого-Рога. Мѣстность по Дубовой балкѣ въ высшей степени поразила А. Н. Поля какъ своимъ вѣковѣчнымъ лѣсомъ, такъ и не менѣе того своими громадными скалами и глубокими пещерами съ доисторическими и историческими остатками различныхъ древностей въ нихъ. Осматривая балку съ чисто археологической стороны, А. Н. Поль неожиданно для самого себя наткнулся близь нея на обнаженія желѣзной руды. Знакомый съ минералогіей, онъ тотъ же часъ опредѣлилъ породу открытаго имъ металла. Но, не довѣряя своимъ знаніямъ, собралъ нѣсколько образцовъ руды и съ ними рѣшилъ поѣхать въ Парижъ къ одному изъ лучшихъ въ то время минералоговъ, профессору, фамилію котораго я забылъ. Пріѣхавъ въ Парижъ и представившись знатоку минералогіи, А. Н. Поль просилъ его сдѣлать анализъ найденной руды. Профессоръ сдѣлалъ анализъ и объявилъ, что привезенные куски представляютъ собой образцы превосходнѣйшей желѣзной руды, рѣдчайшей въ Европѣ. Тогда, чтобы убѣдиться, какъ велики залежи этой руды и въ какихъ направленіяхъ идутъ ея жилы, А. Н. Поль пригласилъ знаменитаго профессора проѣхаться вмѣстѣ съ нимъ въ Россію за 1000 франковъ въ мѣсяцъ. Предложеніе было принято, и пріѣзжій спеціалистъ на мѣстѣ убѣдилъ А. Н. Поля въ громадныхъ богатствахъ края. Скоро послѣ этого А. Н. Полемъ куплена была Дубовая балка въ собственность и пріобрѣтены въ аренду на 99 лѣтъ Криворожскіе рудниковые залежи. Открывъ руду и снявъ въ аренду лучшія мѣста ея залежей, А. Н. Поль, разумѣется, долженъ былъ приступить и къ обработкѣ ея, но для этого нужно было имѣть огромный капиталъ, которымъ, однако, А. Н. Поль вовсе не располагалъ. Нужно было обратиться за содѣйствіемъ къ близкимъ людямъ, соотечественникамъ. Но близкіе люди, соотечественники, не только не помогли Александру Николаевичу, а даже открыто всю его затѣю называли пустой выдумкой. Тогда, какъ пророкъ непризнанный на родинѣ, А. Н. Поль обратился въ тотъ же Парижъ... Много ему пришлось вынести всякаго рода испытаній, прежде чѣмъ удалось составить компанію французскихъ капиталистовъ и привлечь ее въ Россію для разработки Криворожскихъ рудъ; только съ тѣхъ поръ, какъ явилась эта компанія, открыла свои дѣйствія, особенно же съ того времени, когда вслѣдъ за французскою компаніей явилась бельгійская, а за бельгійскою компанія англичанина Юза, съ тѣхъ поръ всѣ признали громадное значеніе сдѣланнаго А. Н. Полемъ открытія. Нужно было имѣть непреклонную силу волю, неистощимую энергію и почти нечеловѣческія усилія, чтобы поставить громадное дѣло на надлежащій путь. А. Н. Поль не только съумѣлъ поставить его, но открывъ руду, онъ вслѣдъ затѣмъ открылъ великолѣпный, тонкій, нѣжный и эластичный, горный ленъ; за гор-

нымъ льномъ открылъ сухіе пласты разноцвѣтныхъ красокъ по берегамъ рѣчки Саксагани; за сухими красками открылъ аспидъ, а подъ конецъ нашелъ крупныя породы граната. Такимъ образомъ, уже изъ этого краткаго очерка видно, какого человѣка лишился городъ Екатеринославъ. Но не для одного Екатеринослава дорогъ былъ А. Н. Поль: мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что А. Н. Поль не только крупная, но и изъ ряда выдающаяся сила всего нашего южнаго края: онъ не только возвысилъ свою губернію на степень первой промышленной губерніи на югѣ и предназначилъ ей роль русскаго Массачусетса, но онъ открылъ громадное будущее для цѣлой половины Россіи, направилъ дѣятельность добывателей горныхъ богатствъ съ Урала ближе къ Днѣпру, ближе къ Черному морю, ближе къ Европѣ, ближе къ прямымъ путямъ сообщенія; онъ поставилъ въ близкія связи, по этому поводу, европейцевъ съ нашимъ отечествомъ; онъ изумилъ ихъ громадными, еще никѣмъ нетронутыми, ископаемыми сокровищами нашей родины. По всему этому, имя А. Н. Поля пребудетъ вѣчнымъ для всего края и безъ сомнѣнія не въ далекомъ будущемъ увѣковѣчится достойнымъ монументомъ [1]). Но помимо сказаннаго, имя А. Н. Поля пребудетъ вѣчно еще и потому, что онъ много, съ знаніемъ и пользой, потрудился для собиранія разнаго рода археологическихъ памятниковъ и остатковъ старины южнаго края. Занимаясь въ теченіе тринадцати лѣтъ собираніемъ древностей, А. Н. Поль составилъ богатѣйшую коллекцію, цѣнимую имъ до 200,000 рублей серебромъ. Уже незадолго до своей смерти, А. Н. Поль, нуждаясь въ деньгахъ, старался продать ее въ Россіи въ какое-либо изъ государственныхъ собраній древностей, но старанія его не привели дѣло продажи ни къ чему; тогда Александръ Николаевичъ обратился въ Англію и, за три мѣсяца до кончины, получилъ изъ Англіи письмо, въ которомъ ему предлагали за всю коллекцію древностей, кромѣ запорожскаго отдѣла, 200,000 серебряныхъ долларовъ. Долго думалъ Александръ Николаевичъ надъ тѣмъ, продать ли ему англичанамъ коллекцію или не продать, и съ тѣмъ умеръ, обремененный страшными долгами, но завѣщалъ драгоцѣнную коллекцію своимъ наслѣдникамъ [2]). Что будетъ съ этой коллекціей, вѣдаетъ Богъ, но печально, даже оскорбительно для чести русскихъ людей, интересующихся прошлымъ своего отечества и своихъ предковъ, если это сокровище попадетъ въ руки иностранцевъ или даже въ руки недостойныхъ невѣждъ, видящихъ въ древностяхъ не предметы для изученія прошлаго во всѣхъ видахъ и родахъ его, а предметы мѣны на деньги и богатой наживы. По

[1]) Подписка на памятникъ А. Н. Полю уже открыта въ г. Екатеринославѣ.
[2]) Женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ, и единственному больному сыну Борису Александровичу.

своему составу, коллекція А. Н. Поля раздѣляется: на древности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка; на древности скиѳскія, запорожскія и екатерининскія; между ними множество стеклянныхъ и керамическихъ издѣлій, еще больше того оружія, драгоцѣнныхъ вазъ, кубковъ, дорогихъ монетъ, рукописныхъ картъ, плановъ, атласовъ, архивныхъ документовъ; особенно цѣнны золотыя вещи скиѳскаго времени; за два мѣсяца до смерти Александра Николаевича, пишущій эти строки видѣлъ изъ коллекціи 50 ящиковъ съ золотыми скиѳскими вещами великолѣпнѣйшей, тончайшей работы греческихъ мастеровъ, преимущественно IV столѣтія предъ Р. Х., времени Перикла, періода полнаго разцвѣта греческаго искусства. Но то была только одна ничтожная доля всѣхъ золотыхъ сокровищъ А. Н. Поля: торопясь навсегда уѣхать изъ Екатеринослава въ еще болѣе южную мѣстность, или даже за границу, Александръ Николаевичъ значительную часть своихъ сокровищъ уложилъ къ тому времени въ ящики и не могъ открыть ихъ для показа. Очевидно, въ то время владѣлецъ драгоцѣнныхъ археологическихъ сокровищъ не подозрѣвалъ, что онъ собирался въ слишкомъ далекій и невозвратный къ настоящей жизни путь.

Д. Эварницкій.

УКРОЩЕНІЕ СТРОПТИВОЙ [1].

(Повѣсть Мэри Оденъ).

НА БЫЛА КРАСИВА, обаятельна и невольно обращала на себя вниманіе мужчинъ. Она вовсе не походила на остальныхъ французскихъ и нечистокровныхъ дѣвушекъ Кентукки. Подруги не даромъ называли ее королевой, что ей отчасти нравилось, отчасти раздражало. Нравилось потому, что она гордилась этимъ титуломъ, на который, по ея мнѣнію, имѣла полное право, какъ отпрыскъ стариннаго рода мѣстныхъ землевладѣльцевъ или, какъ ихъ называли въ то время, «трапперовъ». Но съ другой стороны она подозрѣвала въ этомъ прозвищѣ легкую насмѣшку надъ ея немного строптивымъ нравомъ.

— Она вспыльчива, настойчива, навлекать на себя ея гнѣвъ не безопасно,—замѣтилъ одинъ изъ ея бывшихъ обожателей.

Товарищи безпрекословно согласились съ этимъ мнѣніемъ и даже добавили отъ себя нѣсколько личныхъ наблюденій, вынесенныхъ ими изъ горькаго опыта.

— Она хорошая дѣвушка, эта Таріасъ,—промолвилъ дядя Джоэ Робиду, старый трапперъ, и первый богачъ въ околоткѣ, обра-

---

[1]) Мы почти совсѣмъ не знаемъ американской литературы и еще менѣе знакомы съ нравами и обычаями разнообразныхъ народностей, населяющихъ Новый Свѣтъ. На этомъ основаніи, мы помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ разсказъ миссъ Мэри Оденъ подъ заглавіемъ «Укрощеніе строптивой», рисующій живыми красками старинный бытъ жителей штата Кентукки, потомковъ французскихъ клемистовъ. Какъ разсказъ, такъ и рисунки, заимствованы нами изъ американскаго журнала «The Century Illustrated Monthly Magazin». Ред.

щаясь къ одному незнакомцу.—Когда она играетъ на арфѣ—она научилась этому въ монастырѣ Sacre Coeur въ Сенъ-Луи—такъ и кажется, что инструментъ тотчасъ же разорвется на части.

Незнакомецъ усмѣхнулся и, погладивъ рукою свою пушистую съ золотистымъ отливомъ бороду, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ее нужно укротить, вашу Таріасъ. Я держу пари на что угодно, что она не скупая и не жестокая, но только немного дикая.

Дядя Джоэ Робиду.

— И вы сдѣлаетесь такимъ же, незнакомецъ, если попробуете поухаживать за ней, у нея дьявольскій характеръ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

Замѣчаніе это очень разсмѣшило стоявшую передъ харчевнею толпу. Всѣ вспомнили при этомъ о неудачѣ, которая постигла бѣднаго Жоржа, когда онъ вздумалъ, однажды, во время полевыхъ работъ, объясниться ей въ любви.

Человѣкъ съ золотистой бородой не присоединился къ общему

веселью. Онъ пожалъ своими могучими плечами — движеніе, очевидно ему привычное—и, кивнувъ головой, безъ дальнѣйшихъ прощаній, пошелъ по узкой улицѣ, и затѣмъ, выйдя на проселочную дорогу, скоро скрылся изъ виду въ окаймлявшемъ послѣднюю кустарникѣ.

— Я ручаюсь, чѣмъ угодно, что этотъ парень отправился повидаться съ Таріасъ,—шутилъ Жоржъ, прервавъ водворившееся по уходѣ незнакомца молчаніе.—Онъ веселый молодой гусакъ, и если Таріасъ постарается ощипать его, то у старой Ники будетъ хорошее жаркое къ Рождеству.

Толпа снова громко разсмѣялась. Было очевидно, что Жоржъ все еще грустилъ отъ своей неудачной попытки влюбить въ себя Таріасъ, и хотя онъ былъ общимъ любимцемъ, но неудача его все-таки забавляла его товарищей.

— Конечно, мы всѣ его любимъ, нашего Жоржа,— сказалъ одинъ изъ нихъ, — но все-таки очень смѣшно, что такой рослый дѣтина былъ одураченъ такой маленькой дѣвочкой, какъ дочь Бове. Какъ будто она одна на этомъ свѣтѣ! Вѣдь каждый изъ насъ ухаживалъ за ней. Но она увертлива, какъ котенокъ пантеры. Однако, какъ она ни привлекательна, мы всѣ предпочли идти своей дорогой, за исключеніемъ этого молодого незнакомца. Пусть же и онъ въ свою очередь попробуетъ счастья. Мы ему не завидуемъ.

При этихъ словахъ толпа опять разсмѣялась.

Дѣйствительно, она была очень привлекательна, когда золотистая борода или, какъ его звали въ Кентукки, Давидъ Попъ, засталъ ее стоящей на порогѣ одной изъ хижинъ ея отца и оглядѣлъ ее съ головы до ногъ проницательнымъ взглядомъ. Начиная съ самой макушки ея черныхъ волосъ и кончая ея маленькой, обутой въ макассины, ножкой, онъ не нашелъ въ ней ни одного недостатка.

«Юпитеръ, какъ она хороша! Хотѣлъ бы я видѣть ее, когда она откроетъ свои розовыя губки»,—подумалъ онъ, и подойдя поближе спросилъ съ изысканною вѣжливостью, слегка приподнявъ шляпу, какъ будто бы передъ нимъ стояла настоящая королева: можетъ ли она сказать ему, гдѣ живетъ Антуанъ Бове?

— Бове? Его можно видѣть здѣсь, когда онъ дома,—отвѣчала она,—теперь онъ ловитъ рыбу въ притокѣ.

— Въ притокѣ?

— Да, въ притокѣ нашей широкой, мутной Миссури.

— Вотъ какъ, но извините меня, что я такъ недогадливъ и не сразу понялъ, что вы хотѣли этимъ сказать. Я чужой въ этихъ краяхъ.

(«Я боюсь, что останусь здѣсь очень долго, если она будетъ продолжать смотрѣть на меня такими глазами», — добавилъ онъ про себя).

— Когда же, вы думаете, возвратится мистеръ Бове?

Таріасъ сразу не отвѣчала; она обратила свой блестящій взоръ на западъ въ темную голубую даль лѣсовъ, а затѣмъ задумчиво посмотрѣла на мутныя бурливыя волны Миссури, уже окрашенныя лучами заходящаго солнца въ красный цвѣтъ.

— Онъ скоро придетъ,—сказала она, наконецъ.—Хотите, посидите здѣсь на скамеечкѣ, или войдите въ хижину...

— Благодарю,—отвѣчалъ хитрый кентукіецъ, притворяясь, что онъ спѣшитъ. — Я думаю будетъ лучше, если я зайду завтра утромъ... А какими судьбами вы здѣсь, Джипси Кингъ?

Кутежъ во время танцевъ.

Восклицаніе это было вызвано неожиданнымъ появленіемъ красивой дѣвушки, такой же стройной, какъ Таріасъ, и подобно ей одѣтой въ праздничное платье.

— Добрый вечеръ, Давидъ, какъ это вы?!—воскликнула въ свою очередь миссъ Кингъ,—какъ вы забрели сюда? Вы, вѣроятно, свалились съ неба?

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ Давидъ и, снявъ шляпу, провелъ рукой по своимъ темно-русымъ кудрямъ.—Но я чувствую себя здѣсь какъ дома. А вы что̀ здѣсь дѣлаете?

— Я пришла сюда какъ разъ во̀-время для посѣва хлопка. Отецъ мой очень любитъ Миссури, а мать предпочитаетъ старую

Кентукки. Развѣ ты не знаешь, Таріасъ, кто онъ? Онъ кузенъ моей матери по имени Давидъ Попъ.

Таріасъ отнеслась очень серьезно къ этому представленію. Однако, Давиду, какъ тщеславному парню, почему-то показалось, что ея темные глаза неожиданно просвѣтлѣли. И онъ не ошибся. Она съ видимымъ восхищеніемъ внимательно осматривала его статную фигуру, всѣ подробности его костюма, его крѣпкое тѣлосложеніе, гибкость его мускуловъ и красивыя черты лица; его шапку,

Встрѣча Таріасъ съ Давидомъ въ лѣсу.

его темно-синюю охотничью куртку, его полированные сапогиэ даже серебряную пряжку его кушака и толстое золотое кольцо на его мизинцѣ. «Такой сильный, — Джипси любитъ силу, — думала она про себя; такой красивый, — Джипси любитъ красоту. Увы, онъ веселѣе Луи—Джипси любитъ веселыхъ. Бѣдный Луи!»

— Я только-что хотѣла сказать Давиду, — прервала Джипси размышленія своей подруги, что онъ явился очень кстати.—У насъ сегодня ночью будутъ танцы. Ему нужно видѣть твоего отца, поэтому онъ не можетъ идти со мной далѣе теперь же. Не может, ли вы съ Луи привести его къ намъ?

— Его?—отвѣчала съ нѣкоторымъ колебаніемъ Таріасъ, но немного погодя—очевидно ей пришло что-то въ голову,—поспѣшно добавила: О да, я и Луи будемъ очень рады, если мистеръ пойдетъ съ нами.

— Отлично, будь аккуратна, приходи пораньше и скажи Луи... впрочемъ, нѣтъ, я ему сама скажу, когда увижу его.

При имени Луи, Джипси слегка покраснѣла, но, тотчасъ же оправившись, приняла видъ дѣвушки, знающей себѣ цѣну. Пожавъ обоимъ руку и простившись, она отправилась черезъ хлопчато-бумажное поле по направленію къ возвышенности, покрытой орѣховымъ и дубовымъ лѣсомъ.

— Я живу за этой горой,—закричала она, обернувшись, своему кузену.

— Я боюсь, что причинилъ вамъ много хлопотъ,—началъ Давидъ скорѣе изъ желанія сказать что-нибудь вѣжливое, нежели потому, что онъ хотѣлъ скрыться отъ глазъ обворожившей его дѣвушки.

— Вовсе нѣтъ,—возразила Таріасъ съ живостью, которая навѣрно заставила бы Жоржа и другихъ ея обожателей, если бы они были здѣсь, позеленѣть отъ ревности.—Мой братъ Луи и я будемъ очень рады видѣть васъ у себя.

«Неужели я ей нравлюсь?»—подумалъ Давидъ.—«А почему бы нѣтъ? Вѣдь нравился же я другимъ».

Луи, красивый малый, вполнѣ раздѣлялъ чувства подсказавшее его сестрѣ эту любезность. Они и его отецъ сразу почувствовали довѣріе къ чужеземцу. Давидъ былъ знатокомъ людей. Во время ужина онъ нарочно сдѣлалъ видъ, что съ восторгомъ слушаетъ разсказы стараго Бове о его приключеніяхъ на рыбной ловлѣ. Эти разсказы напомнили ему тѣ, которыя онъ слышалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда его мать объясняла ему какимъ образомъ случилось, что китъ проглотилъ пророка Іону, а не послѣдній убилъ кита.

«Я проглотилъ въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ это сдѣлалъ китъ,—думалъ про себя Давидъ, когда онъ вмѣстѣ съ Таріасъ и Луи ѣхалъ на лѣнивыхъ лошадяхъ Бове къ мѣсту праздника.—Прежде всего Таріасъ проворнѣе своего отца и брата, во-вторыхъ они боятся ее почти въ такой же степени, какъ и тѣ молодые люди, отъ которыхъ я узналъ о ея существованіи. По этому прежде чѣмъ я на ней женюсь, я долженъ укротить ее. А я считаю себя человѣкомъ пригоднымъ для такого предпріятія».

— Мы пріѣхали,—прервала вдругъ его размышленія Таріасъ.

Стая лохматыхъ дворняжекъ подтвердила своимъ лаемъ эти слова, а раздававшіеся изъ дома звуки скрипки не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Давидъ и Таріасъ находились у цѣли своего путешествія. Передъ ними была длинная низкая изба, открытая съ двухъ концовъ ночному вѣтру и свѣту звѣздъ

Давиду и прежде не разъ приходилось танцовать на досчатомъ полу, но никогда на такомъ, который бы былъ такъ плохо сколоченъ. Доски плясали подъ ногами и угрожали паденіемъ танцорамъ. Никогда еще сальныя свѣчки не горѣли такъ яростно и не бросали вокругъ себя такихъ темныхъ тѣней. Даже водка, ко-

Таріасъ и Изабелла.

торую пили по первобытному способу прямо изъ увѣсистой глиняной кружки, не прибѣгая къ услугамъ стакановъ и чашекъ, обладала небывалой крѣпостью и совершенно своеобразнымъ вкусомъ.

Онъ посмотрѣлъ на толпившихся вокругъ него гостей и на гордую красавицу рядомъ съ нимъ.

— Что мы будемъ здѣсь дѣлать?—спросилъ Давидъ свою спутницу, замѣтивъ какъ Джипси, протискиваясь сквозь толпу, торо-

пилась вмѣстѣ съ своими родителями привѣтствовать вновь прибывшихъ...

— Отчего вы такъ поздно?—спросила она новую парочку.— Луи не любитъ танцевъ, а вы Давидъ, надѣюсь, не откажетесь...

— Если миссъ Таріасъ сжалится надо мной,—отвѣчалъ ея кузенъ.

Джипси посмотрѣла на Таріасъ умоляющимъ взглядомъ, но только-что она хотѣла объяснить, что ея другъ презираетъ танцы, называя ихъ увлеченіемъ ранней молодости, какъ снова раздались звуки скрипки и Давидъ съ Таріасъ скрылись изъ ея глазъ въ вихрѣ танцевъ.

— Полюбуйся на нихъ Луи!—воскликнула Джипси.

«Я танцую съ нимъ, чтобы держать его подальше отъ моего брата»,—извиняла себя Таріасъ передъ своей совѣстью.

Однако, увлекшись танцами, Давидъ и Таріасъ и не подозрѣвали, что они сдѣлались предметомъ общаго любопытства и восхищенія. Вдругъ у скрипки порвалась струна и танцы сами собой прекратились.

— Вотъ человѣкъ въ которомъ вы оба нуждаетесь!—закричалъ хриплый голосъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ стояла кружка съ водкой.

— Да, да,—подхватила толпа хоромъ.—Иди сюда, чужеземецъ, иди сюда, Таріасъ. Пусть этотъ господинъ съ нами поговоритъ.

Смѣющаяся, полувеселая, полусерьезная толпа раздвинулась передъ ними и образовала свободный проходъ, понукая ихъ впередъ, пока тѣ, наконецъ, очутились передъ неизвѣстнымъ имъ господиномъ, или какъ его называли сквайромъ. Послѣдній оказался вновь избраннымъ мѣстнымъ старостой.

— Слушайте, Таріасъ—привѣтствовалъ ее сквайръ,—я полагаю вамъ нравится этотъ молодецъ, неправда ли?

— Развѣ я съ нимъ не танцовала?—отвѣчала, смутившись отъ такого неожиданно поставленнаго ей вопроса, Таріасъ.

Она была недовольна и сердита, что тайна ея сердца такъ скоро раскрылась. Она была готова провалиться сквозь землю отъ стыда. Но Таріасъ была слишкомъ горда, чтобы выдать то, что волновало ея душу, въ особенности передъ человѣкомъ, который еще не сказалъ ей ни слова о своемъ чувствѣ къ ней и на взаимность котораго она не могла разчитывать.

— Не смущайтесь, говорите откровенно,—продолжалъ сквайръ.— А вы молодой человѣкъ, я полагаю, вы не сомнѣваетесь въ чувствахъ вашей возлюбленной?

— Не особенно,—пробормоталъ сквозь зубы еще болѣе сконфуженный Давидъ, бросивъ взглядъ на стоявшія въ отдаленномъ углу полдюжины ружей.

— Прекрасно! Отъ имени правительства и на основаніи законовъ штата Миссури я объявляю васъ мужемъ и женой. Выни-

нимайте долларъ и угостите народъ! — заключилъ свою рѣчь сквайръ.

— Что вы сдѣлали, свайръ!—воскликнулъ протестующимъ тономъ одинъ изъ гостей, присутствовавшій при этой странной, но оправдываемой мѣстными обычаями сценѣ.—Вѣдь Давидъ и Таріасъ знаютъ другъ друга всего только одинъ день, да и того нѣтъ!..

Въ хижинѣ Давида.

— Что сдѣлано—то сдѣлано,—отвѣчалъ равнодушнымъ тономъ сквайръ, вполнѣ увѣренный, что онъ совершилъ доброе дѣло, соединивъ два любящихъ сердца. Подобно многимъ другимъ онъ былъ не прочь увидѣть Таріасъ побѣжденной.—Я знаю, что̀ дѣлаю,—пробормоталъ онъ.—Съ тѣхъ поръ какъ она вернулась изъ Сенъ-Луи, она ни разу не танцовала съ нашими парнями.

— Взгляните на Луи!—вдругъ закричала одна женщина.

— Лучше уходите отсюда,—по добру по здорову, сквайръ,—посовѣтовалъ кто-то этому странному свату.

Въ это время нѣсколько человѣкъ схватили за руки молодого француза и вырвали у него револьверъ.

Главный актеръ этого веселаго фарса, оглядѣвшись вокругъ себя, благоразумно удалился. Во время общаго переполоха, никто не замѣтилъ его отсутствія, но звукъ копытъ его лошади выдалъ, что онъ поспѣшно отправился домой. Нѣсколько человѣкъ съ дикими криками бросились за нимъ въ догонку. Трапперы окружали Луи. Джипси повисла у него на рукѣ и всхлипыванія замѣнили обычное хихиканье. Женщины, француженки и американки, гурьбой столпились около невѣсты. Сама Таріасъ стояла неподвижно и молчаливо, точно осужденная на пытку. Давидъ, выдвинувшись впередъ, заслонилъ ее собой, приготовясь, если понадобится, защитить ее отъ насмѣшекъ. Во время давки онъ взялъ Таріасъ за руку, но она отдернула ее. Ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ ни слова съ тѣхъ поръ, какъ сквайръ нашелъ въ ихъ отвѣтахъ достаточный поводъ признать, что отнынѣ они составляютъ одну душу и одно тѣло.

— Это вовсе не вина Давида,—говорила всхлипывая Джипси своему милому Луи.—Ты и Таріасъ совсѣмъ съ ума сошли, если вы сердитесь на моего родственника.

— Это совершенно вѣрно, это именно такъ,—умоляла въ свою очередь старая Маріамъ Кингъ, держа одну изъ маленькихъ ручекъ Таріасъ между своими жесткими ладонями.—Давидъ добрый малый, моя дорогая, онъ богатъ, у него много негровъ. Ты не могла сдѣлать лучшаго выбора, изъ васъ выйдетъ прелестная парочка,—добавила она, бросивъ презрительный взглядъ на толпу своихъ гостей.—Не правда ли, Давидъ?

— Конечно,—отвѣчалъ тотъ съ глубокимъ вздохомъ.—Я постараюсь, чтобы было такъ, какъ вы говорите,—добавилъ онъ, обернувшись къ своей невѣстѣ и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Вы это говорите бѣдной дѣвушкѣ, которую сейчасъ такъ оскорбили,—отвѣчала Таріасъ, дрогнувъ плечами, какъ будто бы на нее пахнуло холоднымъ вѣтромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я докажу вамъ, что вы ошибаетесь; если я буду имѣть хоть искру надежды,—продолжалъ онъ съ горячностью, но слова, которыя жгли его губы, замерли на его устахъ, не встрѣтивъ сочувственнаго пламени. Таріасъ была слишкомъ утомлена; она не слушала его и, протянувъ руки своему брату, упала къ нему на грудь.

Бѣдная развѣнчанная королева! Ея скипетръ сломалъ какой-то шутникъ въ образѣ сквайра. Дерзкій взоръ его заглянулъ къ ней въ сердце прежде, чѣмъ оно само успѣло заговорить. Что она отнынѣ связана брачными узами съ Давидомъ въ этомъ она не сомнѣвалась. Насчетъ браковъ Миссури былъ очень покладистымъ штатомъ. Достаточно было мужчинѣ представить женщину своимъ

знакомымъ за свою жену и бракъ становился ipse facto дѣйствительнымъ,—совершенно такъ же, какъ если бы сама церковная или государственная власть способствовала завязыванію узъ Гименея. За то несравненно строже относилось населеніе штата Миссури къ разводамъ. Разводъ считался вѣчнымъ позоромъ для семьи; о ней составлялась такая же нелестная репутація, какъ если бы ее посѣтилъ палачъ.

Таріасъ переступила порогъ своего дома, считая себя оскорбленной и уничтоженной. Ея самолюбіе запрещало ей идти къ супругу, который никогда не думалъ ее сватать. И въ то же время она чувствовала себя не въ силахъ порвать узы, которыя навсегда соединили ее съ нимъ. Она удалилась въ свою комнату, закрыла за собой двери, сказавъ себѣ, что она умерла для всего міра и проситъ только, чтобы о ней забыли.

Тщетно Давидъ стучался въ ея дверь, уговаривая ее помириться съ неизбѣжнымъ; тщетно Бове отецъ и сынъ бранили и стращали ее; тщетно Джипси плакала и умоляла.

— Вы съ ней ничего не подѣлаете, Давидъ,—говорили ему въ отчаяніи ея друзья,—если вы только не захотите выкурить ее оттуда.

— Зачѣмъ этотъ домъ не выстроенъ въ одну комнату, вмѣсто цѣлаго ряда клѣтокъ, точно осиное гнѣздо?—ворчалъ Давидъ.—Мужчину можно убѣдить въ чемъ угодно, разговаривая съ нимъ хоть черезъ щелку въ стѣнѣ. Но урезонить женщину можно только смотря ей прямо въ глаза. А Таріасъ такая же женщина, какъ и всѣ другія.

Въ дѣйствительности Бове очень сердился на свою Таріасъ. По его мнѣнію, каждая женщина должна выйти замужъ, а Таріасъ минуло уже двадцать лѣтъ,—возростъ довольно преклонный для дѣвушки въ странѣ, гдѣ женщины рѣдки, а молодыхъ мужчинъ имѣется въ изобиліи. Прослыть старой дѣвой считалось въ Миссури очень обиднымъ прозвищемъ. Давидъ былъ для нея прекрасной партіей. Отчего бы ей не послушаться голоса разсудка и не выйти изъ своей добровольной тюрьмы? Этимъ она сразу положила бы конецъ глупымъ разговорамъ и толкамъ, на которыя рано или поздно Давиду или Луи пришлось бы отвѣчать ударомъ ножа.

Бѣдная Таріасъ, даже ея арфа, служившая ей прежде утѣшеніемъ, стояла молчаливо въ углу. Съ тѣхъ поръ какъ Ева впервые взглянула въ глаза Адаму и назвала его своимъ господиномъ, въ каждой женщинѣ, слабой или сильной, знатной или простой, хотя бы она была королева, бьется сердце рабыни, ожидающее чтобы его бросили къ ногамъ ея повелителя. Ее любили, но за ней не ухаживали! Это оскорбляло ея природную гордость женщины. Однажды, сидя у окна своей комнаты, въ которой она обрекла себя на добровольное заточеніе, Таріасъ увидѣла, что отецъ и братъ ея отправились съ индѣйцами на большую охоту. Она воспользова-

лась этимъ случаемъ, чтобы навѣстить давно забытые ею луга и лѣса, окружавшіе домъ ея отца. На одной изъ такихъ уединенныхъ прогулокъ Таріасъ неожиданно встрѣтилась съ Давидомъ.

— Вы еще не ушли?—прошептала она.

— Нѣтъ,—былъ мрачный отвѣтъ.—Я не хочу, чтобы обо мнѣ говорили, что меня прогналъ отсюда смѣхъ вашихъ односельчанъ. Я остался здѣсь и буду ждать мою жену. Вы поступаете неблагоразумно, Таріасъ. Отъ васъ зависитъ положить конецъ насмѣшкамъ этихъ глупцовъ.

Бѣдный Давидъ! съ свойственной всѣмъ мужчинамъ безтолковостью, онъ избралъ самый ложный путь убѣдить Таріасъ въ ея безразсудствѣ. Отчего онъ не сказалъ ей сразу и отъ глубины сердца: «Я васъ люблю»! вмѣсто: «Помогите мнѣ выпутаться изъ положенія, которое дѣлаетъ меня смѣшнымъ».

— Пусть они смѣются,—воскликнула она.—Если вы не хотите сдѣлаться жертвой насмѣшекъ нашихъ односельчанъ, то и я не хочу, чтобы надо мной смѣялись въ хижинѣ человѣка, который не узналъ бы мое лицо, еслибы встрѣтился со мной на большой дорогѣ? Прочь отъ меня!

Давидъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ къ ней руки. Но она оттолкнула его, забывъ, отъ страха очутиться въ его объятіяхъ, что у нея былъ маленькій ножикъ въ рукахъ. Когда онъ наклонилъ голову, чтобы заглянуть въ ея красивые глаза въ надеждѣ найти въ нихъ отвѣтъ на свою любовь, нечаянный ударъ ножа слегка задѣлъ его по щекѣ.

— Если вы женщина, то совершенно особаго рода!—воскликнулъ онъ, прижавъ на одну секунду руку къ своей щекѣ, и отряхивая свои пальцы отъ крови.—Нѣтъ, нѣтъ, не касайтесь меня,— продолжалъ онъ, увидѣвъ протянутый платокъ, который она сняла съ своей шеи, — этотъ платокъ можетъ быть отравленъ. Вы меня пожалуй ударите еще въ другую щеку. Въ вашихъ жилахъ течетъ бѣшеная кровь!

Таріасъ хотѣла что-то отвѣтить, она хотѣла сказать ему, что ненамѣренно нанесла ему ударъ, но слова замерли на ея губахъ

— Я ухожу домой, миссъ Попъ,—сказалъ ей разгнѣванный супругъ, умышленно назвавъ ее такъ, чтобы заставить ее страдать.— Если вамъ это угодно, то я никогда больше не вернусь сюда. Но если вы пожелаете раздѣлить со мной хозяйство, то милости просимъ; я кончилъ.

Послѣ этого они молча разстались.

Съ тѣхъ поръ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Таріасъ была печальнѣе и угрюмѣе чѣмъ когда-либо. Прошло лѣто, наступила осень, но отношенія между ними не измѣнились. Наконецъ, желтая осенняя листва уступила мѣсто снѣжнымъ хлопьямъ и мятелямъ. Иногда миссрисъ Попъ встрѣчалась съ своимъ супругомъ, но Давидъ

нарочно повертывался къ ней оцарапанной щекой, не произнося при этомъ ни слова. Послѣ каждой такой встрѣчи, она каждый разъ горько плакала, но ей послужило бы большимъ утѣшеніемъ, еслибы она узнала, что ея жестокій супругъ каждую ночь стоялъ около ея маленькаго окошка, прислушиваясь, какъ Саулъ къ пѣнію Давида, къ чуднымъ звукамъ ея арфы. Таріасъ чувствовала, что ни Джипси, ни Луи, за котораго та вышла замужъ, въ душѣ не одобряли ея поведенія, хотя и ухаживали за ней, стараясь ее развеселить.

Однажды, въ темный январскій вечеръ, когда отецъ ея куда-то уѣхалъ, Таріасъ осталась одна въ домѣ, наединѣ съ своей кормилицей, старой негритянкой. Послѣдняя, желая чѣмъ-нибудь развлечь свою питомицу, молча и сосредоточенно смотрѣвшую на догоравшій въ очагѣ огонь, неожиданно сказала ей:

— А знаете, Таріасъ, Билль Лангстонъ пошелъ убить его.

— Кого его?—спросила встревоженная ея словами Таріасъ.

— А вотъ того, который тамъ напротивъ живетъ, — отвѣчала негритянка, ткнувъ пальцемъ по направленію къ хижинѣ Давида.— Билль сердитъ на него за ваше супружество и хочетъ покончить съ нимъ. Онъ хотѣлъ сегодня вечеромъ отправиться къ нему.

— Кто это тебѣ сказалъ?!.—воскликнула, вскочивъ, какъ ужаленная, Таріасъ.

— Одноглазый Чарльзъ слышалъ, какъ Билль хвастался.

— О Боже, какъ темно на дворѣ, — кричала, ломая руки въ отчаяніи Таріасъ.—Дай мнѣ мою шаль, Изабелла! И скажи Луи, когда онъ придетъ, пусть подниметъ на ноги всѣхъ сосѣдей и какъ можно скорѣй придетъ съ ними въ хижину Давида.

Она выхватила шаль изъ рукъ Изабеллы, и побѣжала что есть мочи сперва по большой дорогѣ, но потомъ раздумала, рѣшивъ, что ближе будетъ черезъ поле и лѣсъ, отдѣлявшій хижину Давида отъ дома ея отца. Она не обращала вниманія ни на сучья, за которые цѣплялись ея волосы и платье, ни на кочки и корни о которыя она поминутно спотыкалась. «Если я поспѣю во время, онъ спасенъ»,—повторяла она всю дорогу. Къ счастью для нея, наканунѣ была оттепель, а потомъ упалъ легкій морозъ, вслѣдствіе чего снѣгъ покрылся твердой корой. Блѣдный свѣтъ новаго мѣсяца озарялъ ей путь.

Она уже прошла болѣе половины дороги и, выйдя изъ лѣса, очутилась въ полѣ. Она ускорила свой бѣгъ, какъ вдругъ раздался протяжный жалобный вой. Менѣе-опытная, нежели Таріасъ, немедленно остановилась бы, чтобы прислушаться, не воетъ ли какая-нибудь потерявшаяся охотничья собака; но Таріасъ не даромъ была дочерью траппера. Она сразу смекнула, что имѣетъ дѣло съ волками.

— Святая Дѣва! спаси насъ обоихъ,—молилась она.

Но вой повторился и на этотъ разъ гораздо ближе. Позади ея былъ лѣсъ, а впереди разстилалась гладкая равнина, пересѣченная глубокимъ оврагомъ. Было ясно, что вой раздавался изъ оврага. Вначалѣ она только бѣжала, теперь же она летѣла. «О Боже, если я споткнусь!» Но тщетно! Вся голодная свора, почуявъ добычу, съ дикимъ воемъ мчалась за нею. Еще одно мгновеніе и она спасена. Но дверь хижины оказалась закрытой.

— Отвори, именемъ неба прошу тебя, отвори!

Уже волки были готовы растерзать Таріасъ на порогѣ дома ея супруга, но какъ разъ во́-время дверь отворилась, и Давидъ показался съ горящей головней въ рукахъ. Онъ ударилъ головней по головѣ предводителя степныхъ разбойниковъ и бросилъ ее въ самую середину голодной стаи. Дверь захлопнулась, и Таріасъ упала къ ногамъ своего супруга. Онъ окинулъ ее строгимъ внимательнымъ взглядомъ.

— Пойдемте къ огню,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Вы измучены и прозябли.

Онъ поднялъ ее, посадилъ въ кресло и влилъ въ ротъ нѣсколько капель водки изъ маленькой карманной фляжки.

— Дверь крѣпко заперли?—пролепетала она, боязливо оглядываясь и не успѣвъ еще придти въ себя отъ испуга.

— Конечно, не бойтесь, волки сюда больше не попадутъ...

— Я не волковъ боюсь, — перебила она его,—Билль... Билль Лангстонъ..

— Что такое съ Биллемъ? — спросилъ онъ медленно. — Развѣ у васъ было столкновеніе съ нимъ? — повторилъ онъ еще болѣе серьезнымъ тономъ.

Таріасъ поникла головой, подобно провинившемуся ребенку, котораго только-что побранили. Очевидно, все вниманіе Давида было сосредоточено на ней во время ихъ разлуки. Только теперь поняла она, что онъ ее любитъ и ей стало досадно на себя.

— Что онъ вамъ сказалъ?—продолжалъ разспрашивать Давидъ.

— Онъ? ничего; онъ хочетъ придти сюда сегодня ночью.

— Какъ онъ осмѣлится придти сюда, чтобы повидаться съ вами?—вскричалъ Давидъ, вскочивъ съ мѣста. — Слушайте, Таріасъ, если онъ переступитъ этотъ порогъ, я застрѣлю его, какъ бѣшеную собаку.

— Онъ придетъ сюда съ своей шайкой, чтобы убить васъ,—проговорила она, рыдая.—Держите двери на запорѣ, пока подойдетъ Луи.

Въ одно мгновеніе гнѣвъ Давида исчезъ.

— Вы пришли сюда предупредить меня, Таріасъ, неправда ли?—спросилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на ея голову. — Успокойтесь, Билль никому не причинитъ вреда сегодня.

Два часа тому назадъ я видѣлъ его мертвецки пьянымъ. Но, скажите, Таріасъ, что привело васъ сюда?

Она не могла отвѣчать.

— Что привело васъ сюда?—настаивалъ онъ.

Вмѣсто отвѣта она коснулась рубца на его щекѣ.

— Вознаградитъ ли мой приходъ васъ за это?—прошептала она.

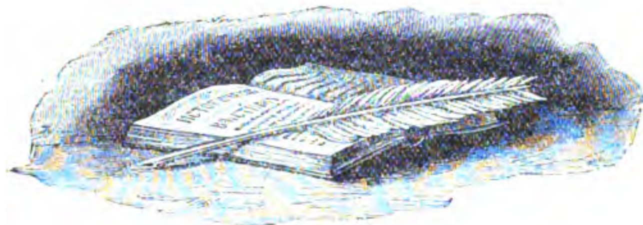
У Давида блеснула въ головѣ мысль.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не хочу вашего отвѣта. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, всякій разъ какъ у меня что-нибудь болѣло, ничто мнѣ не помогало, если мать не поцѣловала больное мѣсто. И теперь только поцѣлуй можетъ вылечить меня, неправда ли, Таріасъ?

Рубецъ на его щекѣ былъ очень близокъ къ ея губамъ, когда онъ нагнулся надъ ней.

Она колебалась съ минуту, наконецъ, рѣшилась и — рана Давида зажила.

Мэри Оденъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Американская республика Джемса Брайса, автора книги: «Священная римская имперія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Москва. 1889. Часть II. Правительства Штатовъ. Политическія партіи. Москва. 1890. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

ЖЕМСЪ БРАЙСЪ, одинъ изъ выдающихся англійскихъ историковъ и публицистовъ, родился въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, въ 1838 г. Онъ учился въ университетахъ Гласговскомъ и Оксфордскомъ, а впослѣдствіи слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ. Въ 1870 г. онъ занималъ каѳедру гражданскаго права въ Оксфордѣ и былъ избранъ членомъ парламента; позднѣе онъ занималъ мѣсто помощника секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ кабинетѣ Гладстона и спеціально работалъ надъ Восточнымъ вопросомъ. Его главный историческій трудъ: «The Holy Roman Empire» вышелъ въ 1864 г., а въ 1884 г. достигъ уже 8-го изданія, нѣмецкій переводъ этой книги (Leipzig von Winckler) вышелъ въ 1873 г., итальянскій въ 1886, а французскій (Paris, par E. Domerque) появился только недавно. Брайсъ много путешествовалъ, былъ между прочимъ въ 1876 г. и у насъ въ Россіи и всходилъ на Араратъ. Въ 1877 г. вышла его книга: «Transcaucasia and Ararat, a narrative of a Journey in Asiatic Russia in the autumn of 1876, with an account of the author's ascent of Mount Ararat», (въ 1878 г. было уже 3 изд.). Въ Америку онъ предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ, начиная съ 1871 г., внимательно изучалъ ея государственное устройство, не упуская изъ виду, по возможности, ни одного изъ полезныхъ пособій, и результаты своихъ многолѣтнихъ наблюденій предлагаетъ теперь публикѣ. Онъ работаетъ, если можно такъ выразиться, патентованнымъ англійскимъ способомъ, т. е. старательно подбираетъ факты и группируетъ ихъ въ систему, предоставляя читателю дѣлать

выводы и заключенія. «Я откровенно признаюсь, говоритъ онъ въ первой главѣ, которая у него замѣняетъ предисловіе, что мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ читатель съ философскимъ складомъ ума нашелъ въ моей книгѣ такой матеріалъ, изъ котораго онъ могъ бы съ увѣренностію дѣлать свои теоретическіе выводы, чѣмъ еслибъ онъ заимствовалъ изъ моего сочиненія уже готовыя теоріи».

За этой вводной главой въ первой части слѣдуютъ еще 24 главы, трактующія о происхожденіи американской конституціи (стр. 15—30), о президентѣ республики, о его кабинетѣ, о сенатѣ, о палатѣ представителей, о конгрессѣ, объ устройствѣ судебной части, объ отношеніи національнаго правительства къ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ, о недостаткахъ и достоинствахъ федеральной системы и, наконецъ, о смыслѣ и развитіи конституціи. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ разнообразныхъ приложеній и примѣчаній и недурная карта штатовъ.

Вторая часть представляетъ значительно больше общаго интереса: во-первыхъ, потому, что объ управленіи отдѣльныхъ штатовъ писано очень немного; во-вторыхъ, конституція каждаго штата развивалась постепенно и видоизмѣнялась по требованію практической необходимости и, стало быть, «представляетъ неисчерпаемый источникъ поучительныхъ свѣдѣній для исторіи демократическихъ обществъ» (стр. 43). Въ третьихъ, исторія этихъ конституцій поучительна для всякаго, кто интересуется современнымъ состояніемъ человѣчества, которое познается всего лучше черезъ сравненіе съ его прошлымъ (см. напр. интересныя обобщенія Брайса на стр. 49). Опытный историкъ и умный наблюдатель, Брайсъ очень остроумно выводитъ конституцію штатовъ изъ партій торговыхъ компаній (стр. 20 и слѣд.) и съ замѣчательной объективностью разбираетъ ихъ хорошія и дурныя стороны. На примѣрѣ штата Огіо (стр. 90 и слѣд.) авторъ показываетъ, какія правительственныя должности полагаются въ каждомъ изъ штатовъ, каковы ихъ права и обязанности. Кратко, но замѣчательно наглядно объясняетъ онъ различіе въ общинномъ устройствѣ и управленіи сѣверныхъ и южныхъ штатовъ изъ исторіи ихъ возникновенія (стр. 183 и слѣд.). Переходя къ управленію городовъ (стр. 218), Брайсъ признаетъ его наиболѣе слабой стороной въ государственномъ бытѣ штатовъ, и, по его убѣжденію, эта именно сторона особенно терпитъ отъ взяточничества и хищенія; но и здѣсь въ послѣднее время онъ указываетъ замѣтный прогрессъ (стр. 261—262).

Еще интереснѣе второй отдѣлъ этого тома о политическихъ партіяхъ, начинающійся съ гл. LIII. Что въ Соединенныхъ Штатахъ есть двѣ главныя партіи: республиканская и демократическая, которыя находятся въ постоянной борьбѣ, почти всякій знаетъ изъ газетъ; но рѣдко кто имѣетъ понятіе о томъ, откуда произошли онѣ, какъ видоизмѣнялись въ своей довольно долгой жизни и насколько въ настоящее время съ ними связанъ весь политическій бытъ штатовъ. Ихъ запутанную исторію Брайсъ (стр. 268—280) сдѣлалъ совершенно ясною; онъ признаетъ, что въ настоящее время онѣ почти потеряли свой смыслъ и, убѣдительно доказываетъ, что, какъ это часто бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, ихъ внѣшнее упорядоченіе—извѣстно, что эти партіи признаны оффиціально — обратно пропорціонально полнотѣ ихъ внутренняго содержанія; но тѣмъ не менѣе, не считая возможнымъ, чтобы такая умная нація, какъ американцы, жила одною пустою формою, онъ считаетъ республиканцевъ силою центростремительною, а демо-

кратовъ—центробѣжною и обобщаетъ борьбу ихъ, какъ вѣковѣчную борьбу двухъ враждебныхъ другъ другу принциповъ, которые одинаково сильны во всякомъ благоустроенномъ государствѣ: принципа порядка (республиканцы) и принципа свободы (демократы). Принципы эти достойны полнаго уваженія, но они такъ давно закиданы грудой мелочей и сора, что теперь ихъ носителями являются только худшіе представители американскаго общества, а хорошіе люди, какъ на республиканскомъ сѣверѣ, такъ и на демократическомъ югѣ, занимаются своимъ дѣломъ и всячески сторонятся отъ политики, предоставляя ее спеціалистамъ. Эти спеціалисты-политиканы являются чѣмъ-то въ родѣ паразитовъ и притомъ паразитовъ вредныхъ, отравляющихъ весь государственный механизмъ штатовъ; масса не только должна питать ихъ своими соками, но и оказывается игрушкой въ ихъ рукахъ; право выбора главныхъ общественныхъ дѣятелей принадлежитъ ей, но она выбираетъ не того, кого хочетъ, а того, кого ей навязываютъ политиканы (стр. 371); навязываютъ же они ей тѣхъ, кто покупаетъ свою должность и во время ея недолгаго отправленія заботится не объ общественной пользѣ, а объ интересахъ своей партіи и набиваніи кармана. Другіе чиновники назначаются высшими правительственными лицами, но теряютъ мѣста свои немедленно послѣ смѣны тѣхъ, кто назначилъ ихъ. Что можетъ быть хуже этого? «Можетъ показаться страннымъ, говоритъ Брайсъ (стр. 403), что такой практичный народъ, какъ американцы, могъ допустить существованіе такой системы, при которой отъ должностныхъ лицъ не требуется главнымъ образомъ служенія обществу, ни во что не цѣнится пріобрѣтаемая многолѣтней практикой опытность, и никто не можетъ расчитывать на то, что даже при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей получитъ повышеніе или, по меньшей мѣрѣ, сохранитъ занимаемое мѣсто. Это объясняется тѣмъ, что американцы, привыкшіе во всемъ расчитывать на самихъ себя, не ожидаютъ большой пользы отъ дѣятельности своихъ должностныхъ лицъ, что они вовсе не заботятся о назначеніи способныхъ людей на служебныя должности и что они не считаютъ увольненіе отъ должности большимъ несчастіемъ для того класса людей, который привыкъ добывать средства существованія, часто мѣняя одинъ родъ занятій на другой. Но главная причина описываемыхъ нами явленій заключается въ томъ, что не было такой партіи и такого класса людей, которые были бы спеціально заинтересованы въ отмѣнѣ этой системы, а между тѣмъ скоро возникъ такой классъ людей, который былъ спеціально заинтересованъ въ ея поддержаніи». Это и есть тѣ профессіональные политиканы, ради изображенія видовъ и дѣятельности которыхъ объетивный наблюдатель и спокойный историкъ Брайсъ превращается въ пылкаго публициста и въ талантливаго художника: такъ живо, напр., изображены у него (стр. 464—465 и далѣе) выборы въ кандидаты отъ партіи на должность президента.

Излагая порядокъ этихъ выборовъ, Брайсъ между прочимъ объясняетъ одно повидимому странное явленіе: часто кандидатомъ отъ партіи, а потомъ и президентомъ, является такое лицо, которое, казалось бы, совсѣмъ не имѣетъ шансовъ на успѣхъ и извѣстно даже въ предѣлахъ штатовъ очень и очень немногимъ. Дѣло происходитъ такимъ образомъ: всѣхъ делегатовъ, положимъ, 800 человѣкъ; одинъ изъ претендентовъ въ кандидаты имѣетъ за себя 300 голосовъ, другой—280; остальные 220 голосовъ разбились на маленькія группы по 60, по 40, по 20 между слабыми и мало кому извѣст-

ными претендентами. Происходитъ цѣлый рядъ баллотировокъ и распредѣленіе голосовъ остается то же самое: агентамъ сильныхъ претендентовъ не удается склонить на свою сторону маленькія группы или удается пріобрѣсти голосовъ поровну. Тогда второй претендентъ (съ 280 голосами) убѣждается, что ему не побѣдить; не желая покоряться сопернику, онъ телеграфируетъ своимъ (приличіе требуетъ, чтобы онъ не былъ на мѣстѣ выборовъ), чтобъ они переходили на сторону такого-то слабаго претендента, имѣющаго, положимъ, 60 голосовъ, черезъ что этотъ претендентъ вдругъ оказывается сильнѣе 40 голосами и послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ, если его новые партизаны будутъ держаться стойко, можетъ одолѣть своего противника.

Кандидаты выбраны, и начинается настоящая агитація; вожаки партій интригуютъ, устроиваютъ процессіи и сыпятъ обѣщаніями и деньгами въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе колеблется между партіями. Кандидаты разъѣзжаютъ и говорятъ рѣчи, иногда съ задней платформы вагона, пользуясь для этого десяти-минутной остановкой. Брайсъ приводитъ (стр. 473 и слѣд.) цѣлый рядъ курьозныхъ, а иногда и не красивыхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ «комитеты», чтобы увеличить шансы своего кандидата и ослабить противника: печатаютъ и распространяютъ повѣсти, въ которыхъ двое влюбленныхъ при самой романической обстановкѣ ведутъ разговоръ о покровительственномъ тарифѣ; выливаютъ на кандидата противной стороны цѣлые ушаты грязи и не останавливаются передъ самою наглою клеветою и даже передъ подлогомъ (печатаютъ поддѣльныя письма и пр.), если только это обѣщаетъ увеличивать шансы на успѣхъ. Такими-то средствами выбираютъ главу государства.

Какой же общій выводъ дѣлаетъ англійскій государственный человѣкъ и публицистъ изъ всѣхъ этихъ печальныхъ наблюденій? Вовсе не такой ужасный, какъ могли бы ожидать его слишкомъ самодовольные соотечественники: онъ убѣжденъ, что американцы хорошій и умный народъ, и «политиканы» вовсе не такъ ужъ сильно вредятъ его государственной жизни: здравый смыслъ общества и дѣловитость его отдѣльныхъ членовъ въ значительной степени парализуютъ зло, приносимое системой, тѣмъ болѣе, что это зло у всѣхъ на виду и не прикрывается тѣмъ, что американцы (и авторъ, повидимому, не разногласитъ съ ними) называютъ «англійскимъ фарисействомъ».

Книга Брайса переведена очень хорошо. **А. К.**

Потревоженныя тѣни. С. Терпигорева (Атавы). Т. II. Спб. 1890.

Въ одной изъ немногочисленныхъ, но умныхъ и обстоятельныхъ критическихъ статей «Русскаго Вѣстника», появившихся въ лучшую пору дѣятельности Каткова, была выражена такая особенность въ нашемъ положеніи, что у насъ не художественный писатель можетъ заимствоваться свѣдѣніями у писателя историческаго, и наоборотъ, «будущимъ историкамъ,— чтобы вѣрнѣе понять событія послѣднихъ лѣтъ,—самымъ надежнымъ средствомъ будетъ обратиться къ произведеніямъ нашихъ разсказчиковъ и романистовъ». Это, если не ошибаемся, было высказано или по поводу «Изнанки Крымской войны», или по поводу какого-то другого тожественнаго, однороднаго сочиненія, касавшагося такъ называемой «глухой эпохи». «Глухою» же эпохою тогда въ литературѣ называли «тридцати-лѣтіе, предшествовавшее

Крымской войнѣ», «Война на полуостровѣ» (какъ выражались въ тогдашнихъ газетахъ) была «вскрытіемъ затяжнаго нарыва и показала: чѣмъ питался организмъ всей страны и каковы его соки».

Въ этомъ же родѣ разсматривалъ «наше положеніе» не одинъ журналъ Каткова, а и большинство другихъ органовъ печати, получившихъ послѣ войны нѣкоторую возможность говорить не исключительно однимъ «рабскимъ языкомъ». Эта «возможность» вывела на свѣтъ много любопытнаго, что и помогло правительству того времени увидѣть ошибки и недостатки прошлаго и многіе изъ нихъ исправить. Но все это по преимуществу касалось только сферъ дѣятельности служебной: «съ изнанки пробирали служебнаго вора», а все прочее, а главное общественный бытъ въ его отношеніяхъ къ событіямъ «крымскаго погрома», до сихъ поръ еще разсматривается съ лицевой стороны и на изнанку не вывернутъ. Оттого вѣроятно и держится въ большинствѣ такое неосновательное мнѣніе, что виною нашихъ крымскихъ несчастій были будто одни «крымскіе воры», а все общество и особенно «благороднѣйшая его часть — дворянское сословіе, обнаруживали высокій подъемъ духа, доходившій до самоотверженія».

На самомъ дѣлѣ, это было не такъ: на дѣлѣ не все дурное дѣлали одни «крымскіе воры» и «благородное дворянство» того времени не все проявляло тогда «высокій подъемъ патріотическаго духа», а напротивъ, многіе его представители совершали тогда очень злыя дѣянія, кощунственно прикрываясь «подъемомъ духа». Эти дѣянія, ни мало не уступающія самымъ дряннымъ дѣламъ заштемпелеванныхъ «крымскихъ воровъ» показываютъ непосредственную связь «воровъ» съ тою общественною средою, изъ которой они дѣйствительно вышли, и съ которою они состояли въ живомъ, кровномъ и духовномъ сродствѣ. Описаніе нравовъ и дѣяній дворянъ, приспособлявшихъ войну къ своимъ корыстнымъ и безчеловѣчнымъ видамъ теперь ужъ запоздало, но и теперь еще оно, и нужно, и полезно, какъ для современниковъ, такъ и для тѣхъ «будущихъ историковъ, которымъ (по словамъ Каткова) придется обратиться къ произведеніямъ беллетристовъ для того, чтобы уловить духъ и настроеніе общества въ послѣдніе годы глухой поры». Во второмъ томѣ разсказовъ г. Терпигорева, выходящихъ подъ общимъ заглавіемъ «Потревоженныя тѣни» представлены характерныя и прекрасно написанныя картины въ этомъ родѣ,—любопытномъ для читателей и пригодномъ для полезной службы будущимъ историкамъ. Въ книжкѣ помѣщены три очерка: «Дядина любовь», «Тетенька Клавдія Васильевна» и «Въ раю». Всѣ они написаны съ присущимъ автору живымъ умомъ и талантомъ, но не всѣ три равнаго достоинства. «Дядина любовь» — разсказъ средняго качества, но за то «Тетенька Клавдія Васильевна» и «Въ раю»,— вполнѣ превосходные литературные этюды, какіе рѣдко доводится читать и... я бы хотѣлъ сказать «наслаждаться ими», если бы только для наслажденія читаемымъ довольно было одного мастерства разсказчика. Со стороны литературной техники, оба названные разсказа написаны безукоризненно, но содержаніе ихъ ужасно по своему трагизму. Весь этотъ міръ отшедшихъ нынѣ дворянъ и «хоръ, подавленныхъ и трепетныхъ людей», которые не могли не «завидовать житью собакъ и лошадей», какъ бы встаетъ и воздымаетъ руки, чтобы, увидя ихъ, люди встрепенулись и вспомнили, что такое было въ томъ ужасномъ прошломъ, въ которомъ иные научаютъ насъ теперь искать идеаловъ для лучшаго будущаго.

Чтеніе этихъ двухъ очерковъ г. Терпигорева вознаградитъ каждаго читателя цѣлымъ рядомъ правдивыхъ указаній на истинные ужасы не отдаленнаго прошлаго, снова теперь находящаго себѣ заступниковъ и хвалителей, и авторъ безъ сомнѣнія прекрасно сдѣлалъ, что далъ свои очерки именно теперь, когда всякое такое напоминаніе особенно цѣнно и очень нужно.

Н. Л—въ.

Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. Четыре тома. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1890.

Некрасиво и неряшливо изданные, съ массою непозволительныхъ корректурныхъ ошибокъ, мѣстами искажающихъ и повсюду затемняющихъ смыслъ, сочиненія эти, тѣмъ не менѣе, представляютъ большой интересъ, благодаря яркой личности ихъ автора. Р. А. Фадѣевъ, былъ, какъ еще, конечно, не всѣ забыли, въ рядахъ консерваторовъ въ то время, когда все старалось настроить себя на либеральный ладъ. Онъ являлся самымъ опаснымъ противникомъ многихъ реформъ министерства Д. А. Милютина, и безпощадно критиковалъ наши военныя увлеченія сначала французскими округами, а затѣмъ, совершенно противуположными имъ, прусскими побѣдоносными порядками. Фадѣевъ былв изъ тѣхъ, которые думаютъ, что и мы сами не совсѣмъ же лыкомъ шиты и потому можемъ развиваться и двигаться впередъ къ общей цѣли цивилизаціи человѣческой, никому не подражая. Но такъ какъ подобныя мысли не пользуются у насъ популярностью нигдѣ, и уже, конечно, не могутъ пользоваться вниманіемъ тѣхъ культурныхъ слоевъ общества, которые вѣчно смотрятъ на западъ и не желаютъ видѣть ничего добраго въ Назаретѣ, то Фадѣевъ всю свою жизнь бился и проповѣдывалъ въ пустынѣ. Нынѣ однако многое изъ его мыслей уже осуществлено и получило блестящую санкцію опыта.

Являясь протестантомъ въ средѣ военныхъ увлеченій чужими порядками, Фадѣевъ послѣ сдачи Шамиля и покоренія Кавказа, гдѣ онъ провелъ въ неустанныхъ бояхъ и походахъ двадцать лучшихъ лѣтъ жизни, долженъ былъ выйти въ отставку и посвятить себя дѣятельности публицистической. Но и здѣсь его оригинальный и правдивый умъ не доставилъ ему большихъ успѣховъ, хотя многое изъ высказаннаго имъ отличалось несомнѣннымъ благоразуміемъ и запечатлѣно было талантомъ прирожденнаго публициста. Какъ извѣстно, онъ, ярый ненавистникъ бюрократіи, невольно окрашивался въ краски славянофильства, хотя на самомъ дѣлѣ столь же мало можетъ быть названъ славянофиломъ, какъ и консерваторомъ. Это просто былъ оригинальный умъ, интересный и поучительный, уже самою своей оригинальностью.

Изъ сочиненій его, достаточно извѣстныхъ, замѣчательнѣе другихъ систематическое изложеніе его profesion de foi «Чѣмъ намъ быть» и особенно «Письма о современномъ состояніи Россіи», написанныя послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и напечатанныя по приказанію, въ Бозѣ почивающаго, государя Александра II. Въ наше время, когда консервативные принципы пользуются особеннымъ вниманіемъ, эти оба труда покойнаго публициста пріобрѣтаютъ особенно знаменательный характеръ и могутъ быть очень полезны на столѣ тѣхъ, кто начинаетъ увлекаться идеями, такъ называемаго у насъ, консерватизма, нуждающагося однако не хуже идей

либеральныхъ въ значительныхъ разрушеніяхъ уже ранѣе сдѣланнаго. У Фадѣева эти консерваторы могутъ найти много полезныхъ уроковъ и рядомъ съ послѣдними, систематическое и правдивое объясненіе сущности всѣхъ нашихъ переустройствъ на почвѣ дѣйствительно историческаго назначенія, и историческаго же роста Россіи.

При изданіи его сочиненій приложены прекрасныя воспоминанія его сестры, рисующія намъ самую личность покойнаго генерала, а также и ходъ его воспитанія, красками самыми симпатичными. Тутъ же рядомъ помѣщена болѣе общая статья о трудахъ и сочиненіяхъ Р. А. Фадѣева, написанная г. А. Г. В. П.

Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Гарусовъ. Спб. 1890.

«Очерки» г. Гарусова представляютъ передѣлку его книги, выпущенной въ свѣтъ 28 лѣтъ тому назадъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ г. Гарусова раздѣленъ на 2 тома, изъ которыхъ въ первомъ заключаются: 1) Общій очеркъ поэзіи вообще и драматической въ особенности (подъ такимъ заголовкомъ скрывается теорія поэзіи). 2) Греческая драматическая поэзія. 3) Римская драматическая поэзія. 4) Драматическая поэзія отъ начала христіанства до конца XVI вѣка. 5) Драматическая поэзія съ конца XVI вѣка (драмы англійская, испанская и итальянская). Второй томъ посвященъ остальнымъ новымъ литературамъ, французской, нѣмецкой и русской. Уже изъ этого перечня видно, что авторъ допустилъ въ своемъ трудѣ весьма крупный пробѣлъ: именно, онъ совершенно выпустилъ изъ виду индійскую драму, достигнувшую замѣчательнаго развитія и давшую такого высоко-талантливаго драматурга, какъ Калидаса. Но, если разсмотрѣть книгу г. Гарусова поподробнѣе, то мы найдемъ у него и еще не мало болѣе или менѣе важныхъ упущеній. Возьмемъ, напр., отдѣлъ, посвященный англійской драмѣ. О періодѣ до Шекспира мы находимъ въ «Очеркахъ» чрезвычайно мало: 26 строкъ на 140—141 стр., да 8 строкъ на 143 стр. При такой излишней краткости изложеніе не можетъ быть удовлетворительнымъ; какая, напр., характеристика Марло и его дѣятельности возможна на 10 строчкахъ. Или что вынесетъ читатель изъ такой исторіи драматическаго искусства въ Англіи: «мистеріи на Британскомъ островѣ были извѣстны еще въ XII в. Въ XIII столѣтіи труппы артистовъ ѣздили по городамъ и давали свои представленія (какія?), а въ XIV вѣкѣ правительство стало ихъ преслѣдовать (почему?). Въ XV в. въ Англію пріѣхали австрійскіе и баварскіе пѣвцы. Съ этого времени начались маскированія, а при Генрихѣ VIII вошли въ обычай блестящіе маскарады, на которыхъ и было положено основаніе англійскому театру (какъ?). Въ XVI в. при дворѣ и у многихъ вельможъ появились шуты, которые смѣшили впопадъ и не впопадъ» (стр. 143). Выясненію условій, вызвавшихъ разцвѣтъ англійской драмы, посвящено цѣлыхъ двѣ страницы, но все-таки автору удалось выяснить очень мало, да оно и понятно: онъ обращаетъ вниманіе только на британскихъ королей и королевъ и совершенно забываетъ про возрожденіе искусствъ и наукъ, бывшее однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія новыхъ европейскихъ литературъ, да и вообще эпоха возрожденія

и гуманизмъ рисуются авторомъ весьма смутно и, очевидно, смыслъ этихъ движеній не уловленъ имъ (см. II, 73, 199). Отдѣлъ, посвященный Шекспиру, также не можетъ быть названъ удачнымъ: авторъ ограничился разборомъ (да и то весьма слабымъ) «Короля Лира», «Макбета» и «Гамлета», но, по нашему мнѣнію, для полной характеристики Шекспира необходимо еще обратить вниманіе на его хроники и комедіи, да и изъ трагедій не мѣшало бы остановиться еще на двухъ-трехъ, хотя бы на «Юліѣ Цезарѣ», «Ромео и Джульеттѣ» и «Отелло». Что касается до судебъ англійскаго театра послѣ Шекспира, то для г. Гарусова онѣ вовсе не существуютъ, а между тѣмъ было время, когда «англійскіе комедіанты» странствовали по всему континенту и играли далеко не послѣднюю роль въ исторіи развитія драмы хотя бы и у насъ въ Россіи. — Таковъ составъ главы, посвященной англійской драмѣ. Мы нарочно остановились на ней, такъ какъ остальные отдѣлы не полнѣе этого; поэтому мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ пропусковъ, чтобы не тратить даромъ мѣста, но не можемъ не напомнить г. Гарусову, что Островскій кромѣ «Не въ свои сани не садись» и «Кузьмы Захарьича Минина-Сухорука» написалъ еще «Грозу», «Лѣсъ» и много другихъ хорошихъ драмъ, о которыхъ просто грѣшно умалчивать, говоря про русскій театръ.

Рядомъ съ такими пропусками, мы встрѣчаемъ у г. Гарусова массу совершенно неидущихъ къ дѣлу отступленій и разсказовъ о томъ, что извѣстно чуть не всякому грамотному человѣку. Какъ на примѣръ перваго рода, укажемъ на сообщенія о стоимости таланта у различныхъ древнихъ народовъ (I, 94); примѣромъ второго рода служитъ слѣдующее мѣсто на стр. 210: «Царевна Софья Алексѣевна была дочь царя Алексѣя Михайловича отъ первой его жены, Маріи Ильинишны Милославской, род. въ 1658 г. При малолѣтствѣ Петра I стала во главѣ Милославскихъ; въ маѣ 1682 г. возвела на престолъ вмѣстѣ съ Петромъ и брата Іоанна и стала правительницей. Въ августѣ 1689 г. Петромъ удалена въ Новодѣвичій Московскій монастырь и пострижена подъ именемъ Сусанны. Умерла въ 1704 г.». Жаль, что авторъ еще не сообщилъ, кто такой Петръ I.

Очевидно, что всѣ эти вставки и пропуски проистекаютъ изъ одного и того же свойства г. Гарусова, именно—изъ его неумѣнья отличить важное отъ неважнаго, нужное отъ ненужнаго. Онъ прямо, безъ всякаго разбора, вносилъ въ свою книгу всѣ свѣдѣнія, какія только попадались ему подъ руку: набралось, напримѣръ, у него о Кукольникѣ 40 страницъ, онъ и печатаетъ всѣ 40 страницъ, а объ Островскомъ больше 10 страницъ не нашлось—онъ и довольствуется этими 10-ю страничками. Или еще примѣръ: занимался когда-то г. Гарусовъ изданіями комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», составилъ ихъ списокъ, такъ вотъ, вѣроятно, чтобъ этотъ списокъ не пропалъ втуне, онъ и его втиснулъ, неизвѣстно для чего, въ свою книгу. И такихъ примѣровъ не мало по всему труду. — Ещё хуже дѣлаетъ г. Гарусовъ, что при полнѣйшемъ отсутствіи у него критическаго чутья онъ пытается «свое сужденіе имѣть» о различныхъ писателяхъ. Зато и результаты такихъ потугъ выходятъ удивительные. Не распространяясь много по этому поводу, чтобы не выйти за предѣлы простой библіографической замѣтки, я ограничусь двумя примѣрами, именно — укажу на Виктора Гюго, который, по мнѣнію г. Гарусова, не только «ничего не сдѣлалъ для театра» (II, 42), но даже еще и «съ толку сбился» (ibid), а затѣмъ на Остров-

скаго, который, если вѣрить тому же г. Гарусову, «вмѣсто живыхъ лицъ вывелъ искусственно оживленные манекены» (II, 456).

Не менѣе критическихъ экспериментовъ г. Гарусова любопытны нѣкоторыя его разсужденія, въ родѣ того, что хорошій стихъ стѣсняетъ поэзію (I, 2) и т. п. Затѣмъ интересно было бы знать, какіе такіе «филологи производятъ Βάκχος отъ βακχέω» (I, 45) и «θέατρον отъ θεατρίζω»? (I, 33). Элементарнѣйшія правила грамматики гласятъ какъ разъ наоборотъ. Да и вообще, какъ кажется, г. Гарусовъ не принадлежитъ къ числу знатоковъ классическихъ языковъ; въ противномъ случаѣ онъ зналъ бы, что Эсхилъ написалъ трагедію «Хоэфоры», а отнюдь не «Каэфоры», какъ неоднократно указано въ «Очеркахъ», и что «Atellana fabula» по-русски надо перевести «Ателланское сценическое представленіе», а никакъ не «Ателланскія басни» (I, 120).

Внѣшнія достоинства труда г. Гарусова вполнѣ соотвѣтствуютъ его внутренней доброкачественности: языкъ «Очерковъ» въ достаточной степени тяжелъ, изобилуетъ неуклюжими періодами и варваризмами. Типографская сторона дѣла также неудовлетворительна, и мы на каждомъ шагу натыкаемся на опечатки. Непріятное впечатлѣніе еще усиливается непослѣдовательностью автора при передачѣ иностранныхъ именъ на русскій языкъ: такъ Diderot фигурируетъ у него то въ видѣ «Дидеро», то въ формѣ «Дидеротъ»; испанскій j передается то посредствомъ ж, то посредствомъ х (Жуанъ, хорнада—Juan, jornada). Однимъ словомъ, съ какой стороны не взглянуть на трудъ г. Гарусова, онъ все-таки оставляетъ желать еще очень и очень многаго. **С. А—въ.**

Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890.

Эта брошюрка содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя объ арестѣ Шевченка (въ 1859 г.), объ его отношеніяхъ къ Залѣсскому и т. д. Причины, вызвавшія арестъ поэта до сихъ поръ не выяснены. Извѣстный біографъ Шевченка, д-ръ Чалый, сообщаетъ два разсказа объ этомъ арестѣ; въ разбираемой брошюркѣ указанъ третій, болѣе правдоподобный варіантъ. Авторъ брошюры указываетъ на письмо И. С. Тургенева къ А. И. Герцену [1]), въ которомъ содержатся слѣдующія строки, писанныя весною 1861 года:

«Скажи два слова въ «Колоколѣ» о смерти Шевченка. Бѣднякъ уморилъ себя неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Незадолго передъ смертью съ нимъ случилось замѣчательное происшествіе. Одинъ исправникъ Черниговской (sic) губерніи арестовалъ его и отправилъ какъ колодника, въ губернскій городъ, за то, что Шевченко *отказался написать его портретъ масляными красками во весь ростъ.*—Это фактъ». (Курсивъ въ подлинникѣ).

Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой брошюрки, въ письмѣ Тургенева содержатся нѣкоторыя неточности. Во-первыхъ, общеизвѣстно, что Шевченко былъ арестованъ не въ Черниговской, а въ Кіевской губерніи, во-вторыхъ, извѣстіе, что Шевченка везли «какъ колодника», слѣдуетъ принять лишь за фигуральное выраженіе, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, сопро-

---

[1]) Подлинникъ этого письма находится у А. А. Герцена (сына А. И. Герцена) проф. медицинской академіи въ Лозаннѣ.

вождавшій Шевченка жандармъ былъ съ нимъ весьма любезенъ. Остается, стало быть, послѣдняя подробность относительно исправника, желавшаго имѣть свой портретъ. Въ этомъ случаѣ Тургеневъ сообщаетъ, повидимому, истинный фактъ; но, по всей вѣроятности, Тургеневъ либо слышалъ объ этомъ событіи не изъ перваго источника, либо читалъ объ «исправникѣ» въ «Колоколѣ» и, забывъ объ этомъ, сообщилъ Герцену извѣстіе, которое тотъ зналъ лучше его. Странно, замѣчаетъ авторъ брошюры, что отъ г. Чалаго и отъ другихъ біографовъ Шевченка ускользнуло сообщеніе, помѣщенное въ томъ же «Колоколѣ» (отъ 1 сент. 1860 г.) еще при жизни Шевченка. Вотъ что сказано въ журналѣ Герцена еще задолго до написанія Тургеневымъ упомянутаго письма:

«Извѣстный поэтъ Шевченко, послѣ многолѣтней ссылки на берегахъ Каспійскаго моря, получилъ, наконецъ, позволеніе съѣздить на родину, о чемъ тогда дано было знать губернаторамъ малороссійскихъ губерній для свѣдѣнія. Минуя города и села, Шевченко спѣшилъ въ свою родную, давно невидѣнную Кириловку. Въ м. Межеричи, Черкасскаго уѣзда, онъ натолкнулся на тамошняго исправника Кабашникова (слѣдовало сказать Табашникова), который, какъ и другіе его собратья, имѣлъ отъ Гессе (кіевскаго гражданскаго губернатора) предписаніе неукоснительно наблюдать за такимъ-то и такимъ Шевченкомъ. Встрѣтившись съ послѣднимъ, К(Т)абашникову прежде всего пришло на умъ содрать съ него, въ силу чего онъ и потребовалъ отъ Шевченка снять съ него потретъ во весь ростъ и безошибочно. Тотъ отказался. К(Т)абашниковъ сейчасъ же арестовалъ его, донеся Гессе, что имъ задержанъ отставной рядовой Т. Г. Шевченко, уличенный въ кощунствѣ и богоотступничествѣ. Гессе приказалъ не медля препроводить Шевченка за конвоемъ въ Кіевъ. И если бы не добрые люди, межъ которыми нельзя не назвать жандармскаго генерала Куцинскаго (?), то Шевченко долго бы прогостилъ въ кіевской полиціи».

Здѣсь остается невыясненнымъ лишь одно обстоятельство, а именно, о какомъ такомъ кощунствѣ донесъ Табашниковъ? Авторъ брошюры утверждаетъ, что слышалъ отъ Максимовича разсказъ, отчасти поясняющій это обвиненіе. Въ бесѣдахъ съ народомъ, Шевченко, по увѣренію Максимовича, не разъ пытался реабилитировать типъ, называемый у малороссовъ «покрытками», а у французовъ filles mères. При этомъ онъ выражался такъ неосторожно, что легко могъ дать поводъ къ обвиненію въ богохульствѣ, тѣмъ болѣе, что поэма его, посвященная оправданію дѣвы-матери, называется «Марія» и снабжена эпиграфомъ, взятымъ изъ Апокалипсиса. (Поэма эта впервые напечатана при пражскомъ изданіи Кобзаря). Авторъ разбираемой нами брошюры высказываетъ догадку, что Шевченко читалъ мужикамъ отрывки изъ своей поэмы или говорилъ о своей «Маріи», и что слова его были истолкованы превратно, какъ хула на Пресвятую Дѣву Марію.

Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ, прибавимъ отъ себя, что мы слышали въ началѣ 70-хъ годовъ изъ устъ старожиловъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи (откуда родомъ Шевченко, а также и авторъ настоящей замѣтки), что арестъ Шевченка послѣдовалъ дѣйствительно по случаю какой-то рѣчи, сказанной имъ «на базарѣ въ м. Межеричи, стоя на возу съ сѣномъ». Что касается содержанія словъ Шевченка, о нихъ сообщали намъ различно. Одни говорили, что Шевченко будто бы «бунтовалъ мужиковъ противъ пановъ»; другіе, наоборотъ, утверждали, совершенно со-

гласно съ вышеприведеннымъ разсказомъ, что онъ произносилъ какія-то богохульства, за которыя и былъ арестованъ исправникомъ Табашниковымъ. Такимъ образомъ, варіантъ, сообщенный Герценомъ въ «Колоколѣ», повидимому, ближе всего къ истинѣ, такъ какъ подтверждается съ разныхъ сторонъ.

Въ той же брошюрѣ находятся весьма любопытныя извлеченія изъ примѣчаній Бронислава Залѣсскаго къ письмамъ, писаннымъ ему Шевченкою. Здѣсь, напр., сказано о ссылкѣ Шевченки:

«Послѣ назначенія Перовскаго генералъ-губернаторомъ и командиромъ корпуса, всѣ ссыльные надѣялись на облегченіе своей участи, также и Шевченко, который попросилъ разрѣшенія нарисовать образъ для церкви въ Новопетровскѣ (ему, какъ извѣстно, было запрещено рисовать и писать стихи). Прошеніе съ наилучшими рекомендаціями мѣстныхъ властей дошло въ Петербургъ къ императору Николаю, но былъ полученъ отказъ, что глубоко огорчило бѣднаго поэта».

Въ другомъ мѣстѣ переданъ отъ имени самого Перовскаго анекдотъ о Шевченкѣ, который, бывъ въ Кіевѣ учителемъ рисованія, надѣвалъ свитку и бесѣдовалъ съ мужиками. Однажды, взявъ кучу зеренъ, Шевченко положилъ рядъ ихъ на столъ, назвавъ ихъ генералами, губернаторами, панами и т. п. Затѣмъ, взявъ полную горсть, онъ засыпалъ этотъ рядъ и сказалъ: «А это мужики. Найдите теперь губернатора и пана». Перовскій добавилъ, что такія бесѣды опасны и что Шевченко опасный человѣкъ. **М. Ф.**

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. А. Латинскіе авторы: Ливій XXI кн. Объяснилъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій.—Саллюстій. Югуртинская война. Объясн. К. А. Зембергъ.—Вергилій. Энеида I п. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. — Ливій I кн. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. В. Греческіе авторы: Ксенофонтъ. Анабазисъ кн. I и кн. II. Объясн. Л. А. Георгіевскій.—Платонъ. Апологія Сократа. Объясн. А. О. Поспишиль.—Гомеръ. Иліада I п. объясн. С. А. Манштейнъ. Царское Село. 1890.

Происшедшая въ этомъ году гимназическая реформа предъявила нашей средней школѣ нѣсколько иныя требованія сравнительно съ прежними: въ то время какъ прежде все вниманіе гимназистовъ сосредоточивалось на грамматикѣ древнихъ языковъ, а авторы служили только для болѣе отчетливаго усвоенія грамматическихъ правилъ, теперь наоборотъ—главную роль стало играть именно изученіе классическихъ писателей, а граматикѣ отведена служебная роль. Сообразно съ этой перемѣной въ программѣ, долженъ былъ произойти поворотъ и въ нашей педагогической литературѣ: до нынѣшняго года она старалась выработать возможно лучшіе учебники по грамматикамъ древнихъ языковъ и въ этомъ отношеніи успѣла дѣйствительно дойти до весьма солидныхъ результатовъ въ родѣ, напр., латинскаго синтаксиса проф. Опацкаго и греческой грамматики г. Чернаго, теперь же наши гимназическіе педагоги очевидно должны сосредоточить свое вниманіе на изданіяхъ

классическихъ писателей въ такой формѣ, которая облегчала бы учащимся чтеніе ихъ и давала бы гимназистамъ возможность всесторонне ознакомиться съ читаемыми авторами. Недостатокъ въ подобныхъ трудахъ ощущается у насъ довольно сильно: за исключеніемъ «Метаморфозъ» съ примѣчаніями г. Смирнова, нѣсколькихъ трудовъ Цицерона, комментированныхъ г. Фелькелемъ, да 2—3 греческихъ трагедій, изданныхъ проф. Вейсманомъ, трудно указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, подходящее для гимназій; остальные комментаріи къ древнимъ авторамъ или слишкомъ пространны для гимназистовъ, какъ напр. «Лелій» г. Адріанова, или же находятся въ черезчуръ сильной зависимости отъ иностранныхъ трудовъ, какъ напр. «Энеида» въ изданіи проф. Нагуевскаго. Собраніе, выходящее теперь подъ редакціей гг. Георгіевскаго и Манштейна, очевидно и имѣетъ въ виду пополнить этотъ недостатокъ въ нашей учебной литературѣ, и, надо сознаться, дѣло поведено довольно недурно для перваго раза. Текстъ взятъ въ большинствѣ случаевъ изъ лучшихъ заграничныхъ изданій, къ каждому выпуску приложена біографія автора, перечень и оцѣнка его произведеній, реальное введеніе; если данное сочиненіе имѣетъ историческій характеръ, то дается введеніе историческое, примѣчанія составлены въ общемъ довольно толково и цѣлесообразно, наконецъ, каждый томикъ снабженъ иллюстраціями и, гдѣ того требовалъ текстъ, картами.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Новыя данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III: наканунѣ катастрофы въ Стокгольмскомъ дворцѣ; письмо къ королю съ предупрежденіемъ о покушеніи; графъ Риббингъ и Армфельдъ; открытіе заговора. — Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда: третій бракъ Жерома съ маркизой Бартолини; жадность принца Плонъ-Плона; ссора принцессы Матильды съ отцомъ изъ-за пенсіи.—Жеромъ и Плонъ-Плонъ въ дѣлѣ декабрьскаго переворота, ихъ республиканство. — Наполеонъ IV по книгѣ графа Эрисона: крещеніе огнемъ принца Люлю; материнское тщеславіе императрицы Евгеніи; гибель принца въ англійской войнѣ съ зулусами.—Дамская война новѣйшаго времени: заговоръ императрицы Евгеніи и княгини Меттернихъ съ цѣлью сдѣлать мексиканскимъ императоромъ эрцгерцога Максимиліана; помѣшательство императрицы Шарлотты въ Сенъ-Клу.—Наполеонъ I на охотѣ.

ОВЫЯ данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III. Въ Парижѣ недавно напечатаны въ двухъ томахъ «Мемуары герцога Карса». Авторъ ихъ при графѣ д'Артуа, Людовикѣ XVI и Людовикѣ XVIII занималъ видные посты и былъ свидѣтелемъ многихъ событій того времени. Въ августѣ 1789 г. Людовикъ XVI отправилъ его въ Германію представителемъ эмигрировавшихъ тогда французскихъ принцевъ. Черезъ два года ему пришлось исполнять ту же миссію при Стокгольмскомъ дворѣ, и страницы мемуаровъ, относящіяся къ этому времени, наиболѣе любопытны. Большинство ихъ посвящено убіенію короля Густава III. Раньше описанія этой катастрофы графъ Карсъ (герцогомъ онъ сдѣлался въ 1816 г.) разсказываетъ, между прочимъ, что однажды онъ былъ у короля въ Дроттингольмскомъ замкѣ. Оба ходили по такъ-называемой генеральской залѣ Карла XII. Густавъ III замѣтилъ, что графъ частенько посматриваетъ на одинъ портретъ. Вдругъ король обратился къ нему съ замѣчаніемъ:—«А знаете ли, кто этотъ генералъ? Это генералъ Кронстедтъ, убившій Карла XII. Историки и Вольтеръ также несправедливо обвиняли французскаго инженера Мэгре. Я вамъ покажу въ своемъ кабинетѣ неопровержимыя доказательства въ пользу моего заявленія, а также и планъ, составленный Карломъ XII

вмѣстѣ съ кардиналомъ Альберуи. Этотъ планъ былъ бы выполненъ, если бы Карлъ не былъ убитъ. Онъ намѣревался съ 20,000 чел. отправиться изъ Норвегіи въ Шотландію и посадить претендента на британскій престолъ».

Касательно самаго убійства Густава III, совершоннаго вечеромъ 16 марта 1792 г., Карсъ передаетъ такія подробности. Король вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Эссеномъ отправился въ оперный театръ, гдѣ происходилъ маскированный балъ. Тутъ въ тѣснотѣ онъ и его проводникъ внезапно были окружены цѣпью 12 черныхъ масокъ и, прежде чѣмъ они успѣли сообразить, что это могло значить, одинъ изъ заговорщиковъ Анкерстремъ всадилъ королю въ бокъ полный зарядъ изъ пистолета. Рана оказалась смертельной и черезъ 12 дней Густавъ III скончался.

Наканунѣ катастрофы, во дворцѣ, въ Стокгольмѣ, давался большой ужинъ, на которомъ былъ и графъ Карсъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что король подробно разспрашивалъ графа Сенъ-Пріеста, бывшаго посланникомъ въ Лиссабонѣ, объ обстоятельствахъ убіенія Іоанна V. На слѣдующій день графъ Карсъ участвовалъ на дипломатическомъ ужинѣ у графа Ревентлова, датскаго посланника. Большинство гостей уже разошлись. Оставался только графъ и англійскій посланникъ. Вдругъ вбѣжалъ въ аппартаментъ, съ измѣнившимся лицомъ, испанскій атташе Морено, который не задолго передъ тѣмъ отправился на балъ въ оперный театръ. Онъ принесъ вѣсть, что всѣ двери театра заперты и ходитъ слухъ, что злоумышленникъ смертельно ранилъ короля. Немедленно графъ Карсъ, англійскій и датскій посланники отправились въ оперный театръ. Ихъ туда пропустили, какъ представителей иностранныхъ державъ. Когда они вошли въ комнату, гдѣ лежалъ на диванѣ тяжко раненый король, Густавъ III протянулъ руку графу Карсу и сказалъ: «вотъ ударъ, который порадуетъ вашихъ якобинцевъ въ Парижѣ. Сообщите принцамъ, королю и королевѣ, что моя преданность и мои взгляды останутся неизмѣнны къ нимъ». Затѣмъ король вынулъ изъ кармана письмо и поручилъ Карсу прочесть его вслухъ. Это письмо безъ подписи король наканунѣ за ужиномъ нашелъ подъ салфеткой своего прибора, но не послушался предостереженія. Письмо было писано участвовавшимъ въ заговорѣ маіоромъ гвардіи Биліегорномъ, который хорошо зналъ, что король не обратитъ вниманія на такія предостереженія, и давалъ ему совѣтъ не ходить въ тотъ вечеръ въ оперный театръ въ тѣхъ видахъ, чтобы въ случаѣ надобности этотъ документъ могъ послужить доказательствомъ невиновности маіора.

Прежде чѣмъ явились доктора, король повелѣлъ впредь до своего распоряженія запереть всѣ ворота столицы и, увѣдомивъ о печальномъ событіи представителей державъ, просилъ ихъ не спѣшить съ оповѣщеніемъ своихъ правительствъ о случившемся. Затѣмъ, послѣ перевязки раны, его перенесли во дворецъ, причемъ его сопровождали множество дворянъ и весь дипломатическій корпусъ.

На слѣдующій день графъ Карсъ, рано утромъ, отправился во дворецъ, чтобы узнать о состояніи здоровья короля. Комната, сосѣдняя съ той, гдѣ лежалъ король, была полна посѣтителями. Въ ихъ числѣ графъ замѣтилъ прислонившагося спиной къ камину графа Риббинга. Въ ту минуту никто еще не зналъ ничего достовѣрнаго о заговорѣ и никому изъ присутствовавшихъ не приходило въ голову, что Риббингъ—одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора. Этотъ Риббингъ вдругъ сказалъ громко: «напрасно ста-

раются найти убійцу среди шведскихъ дворянъ, тогда какъ, вѣроятно, это—какой-нибудь французскій якобинецъ».

— Г. Риббингъ, возразилъ на это старый рубака изъ фамиліи Армфельдъ, я очень опасаюсь за то, что это какой-нибудь негодяй изъ шведской аристократіи.

Какъ разъ въ ту же минуту растворилась дверь и въ залъ вбѣжалъ начальникъ полиціи съ пистолетомъ и кинжаломъ убійцы. «Убійца въ нашихъ рукахъ! воскликнулъ онъ. Это—Анкерстремъ, онъ во всемъ сознался».

— Ну-съ, графъ Риббингъ—сказалъ Армфельдтъ—не правъ ли я былъ?

Риббингъ и послѣ такого рокового для него заявленія начальника полиціи сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе. Ни малѣйшей перемѣны въ его лицѣ не было замѣтно.

— **Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда.** Изъ только-что напечатанныхъ «Souvenirs» барона дю Касса, бывшаго флигель-адъютантомъ вестфальскаго короля Жерома, брата Наполеона I, и зарекомендовавшаго себя въ литературѣ мемуаровъ весьма интересными изданіями касательно первой имперіи во Франціи, узнаемъ не мало любопытнаго какъ о самомъ Жеромѣ въ періодъ его старости, такъ и объ его семьѣ. Жеромъ и въ преклонныхъ лѣтахъ былъ ретивымъ поклонникомъ Амура. Этому не мѣшалъ его бракъ съ маркизой Бартолини. Онъ познакомился съ этой дамой, когда ей было уже 40 лѣтъ, и она, будучи вдовой, жила во Франціи. У нея было много денегъ, а у него—много долговъ. И вотъ эксъ-король вступилъ съ флорентинкой въ морганатическій бракъ. По обычаю коронованныхъ особъ, она за столомъ сидѣла слѣва отъ супруга. Для Жерома же она всегда оставалась «маркизой», титулъ который былъ пожалованъ ей Наполеономъ III, называвшимъ ее тетушкой.

Этотъ бракъ Жерома казался счастливѣе прежнихъ двухъ его браковъ (съ Паттерсонъ и съ принцессой Екатериной Виртембергской). Но маркиза встрѣтила себѣ опаснаго соперника въ сынѣ Жерома. Пока у Плонъ-Плонъ или, какъ его называли еще, «Краснаго принца» ничего не было и онъ могъ наполнять свои пустые карманы изъ неисчерпаемаго кошелька своей мачихи, до тѣхъ поръ онъ обращался съ ней весьма мягко. Но когда эксъ-король при второй имперіи опять сколотилъ себѣ капиталъ, Плонъ-Плонъ, одержимый необычайной жадностью, сталъ опасаться, какъ бы маркиза или кто-либо изъ ея потомства не посягнули на его наслѣдство. Онъ и задумалъ удалить маркизу отъ отца. При посредствѣ одного довѣреннаго лица онъ пригрозилъ ей, что, если она добровольно не удалится, онъ сообщитъ отцу объ ея связи съ незаконнымъ сыномъ Жерома отъ жены живописца Давида. Такъ какъ это утвержденіе было клеветой, то угроза не подѣйствовала и маркиза осталась. Тогда Плонъ-Плонъ подыскалъ себѣ желаннаго союзника въ новой страсти Жерома. Этой страстью принцъ воспользовался, какъ искуснымъ орудіемъ, чтобъ добиться изгнанія маркизы во Флоренцію.

Та же жадность, дѣлавшая принца совершенной противоположностью въ сравненіи съ расточительнымъ и щедрымъ отцомъ, вызывала въ Плонъ-Плонѣ озлобленіе на расходы Жерома. Онъ осуждалъ отца за посѣщеніе ресторановъ и парижскихъ театровъ мелкаго разбора, опасаясь его наклонности къ швырянью денегъ.

Вообще въ «Sourvenirs» дю Касса Плонъ-Плонъ рисуется весьма анти-

патичнымъ. Онъ хвастается своей смѣлостью, пока не предвидится никакой опасности, и впадаетъ въ малодушіе, когда приходится дѣйствительно чего нибудь опасаться. Онъ безсердеченъ, безчеловѣченъ и недоступенъ никакимъ великодушнымъ побужденіямъ.

Дю-Кассъ знакомитъ читателя и съ дочерью Жерома, принцессой Матильдой, которая въ его характеристикѣ представляется весьма умной женщиной и артистической натурой. Она была замужемъ за Демидовымъ, который назначилъ ей ежегодную ренту въ 200,000 франковъ. По повелѣнію императора Николая Павловича, она выдавала изъ этой ренты ежегодную пенсію въ 40,000 франковъ своему отцу, когда тотъ прожилъ свои средства. Но принцесса была скупа не менѣе своего брата. Она не могла примириться съ необходимостью платить отцу пенсію и всячески старалась освободить себя отъ такого обязательства. Предлогомъ для этого послужило назначеніе Жерома маршаломъ Франціи съ соотвѣтственнымъ окладомъ. Какъ только удалось ей склонить на это тогда еще (1 января 1849 г.) принца-президента Луи-Бонапарта, она на другой же день дала знать отцу черезъ своего повѣреннаго, что пенсія ему прекращена. Это повело къ ссорѣ отца съ дочерью. Только въ 1855 г. послѣдовало примиреніе. Въ салонѣ Наполеона III, кажется, по высочайшему повелѣнію, сошлись одновременно отецъ и дочь. Принцесса Мюратъ подвела принцессу Матильду къ отцу, который обнялъ свою дочь. Принцесса Матильда не преминула розыграть оскорбленную. «Я—сказала она—охотно все забуду, что сдѣлалъ мнѣ отецъ».

— Кстати о королѣ Жеромѣ. Слѣдующій эпизодъ, почерпнутый изъ-за кулисъ всемірной исторіи, можетъ иллюстрировать характерныя черты личности его, достойнаго его сына принца Плонъ-Плонъ или, какъ его окрестили солдаты послѣ Крымской войны, «Craint-plomb». Дѣло идетъ о декабрьскомъ переворотѣ Наполеона III. Старикъ Жеромъ, отставной король, стоялъ въ главѣ дома Инвалидовъ. Получивъ извѣстіе о переворотѣ, онъ сталъ проклинать этотъ «дурацкій переворотъ» своего племянника и трепеталъ отъ боязни утратить свое значительное жалованье и спокойное мѣсто. Жерома пугала возможность неудачи смѣлаго предпріятія. И онъ принялся розыгрывать преданнаго конституціи республиканца, завѣряя депутатовъ краснаго знамени, что будто бы никакая власть въ мірѣ не можетъ заставить его примкнуть къ неслыханной измѣнѣ принца-президента. Отъ него потребовали, чтобъ онъ открыто заявилъ объ этомъ императору. Но лукавая старая лиса съ глубокими вздохами скорбѣла о томъ, что онъ своему племяннику долженъ частнымъ образомъ 200,000 франковъ и не можетъ съ нимъ не знаться, пока не уплатитъ долга. Одинъ изъ красныхъ депутатовъ не безъ улыбки предложилъ Жерому эту сумму, чтобы уже ничто не мѣшало его разрыву съ императоромъ и чтобъ онъ могъ дать полный просторъ своимъ республиканскимъ чувствамъ. Не понявъ этого «coup de théâtre» со стороны депутата, старый Жеромъ, сердечно поблагодаривъ депутата за такое великодушное предложеніе, отказался, однако, принять послѣднее раньше, чѣмъ не посовѣтуется съ сыномъ, который въ качествѣ его наслѣдника пожелаетъ, быть можетъ, принять на себя его долгъ. Подъ такимъ нѣжнымъ предлогомъ Жеромъ немедленно уѣхалъ изъ дома Инвалидовъ къ Плонъ-Плонъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ по распоряженію военнаго министра былъ выселенъ изъ отцовской казенной квартиры. Его скандальный образъ жизни возбудилъ негодованіе въ обществѣ и министръ при всей

своей снисходительности не могъ допустить, чтобъ домъ Инвалидовъ служилъ филіальнымъ отдѣленіемъ jardin Mabile или главной квартирой для самыхъ красныхъ комунаровъ. Невдалекѣ отъ площади Инвалидовъ Жеромъ встрѣтилъ своего адъютанта, спѣшившаго къ нему съ послѣдними извѣстіями и ведшаго осѣдланную для парада лошадь принца. Впослѣдствіи Жеромъ утверждалъ, что будто бы онъ приказалъ адъютанту вернуться къ Наполеону III и объявить ему, что онъ, Жеромъ, остается вѣренъ своей присягѣ. На это молодой адъютантъ со вздохомъ сказалъ будто бы слѣдующее: «императоръ рискуетъ своей головой на смотру, надо думать, что часъ опасности соединитъ всѣхъ Наполеонидовъ». Эти слова тронули «сердце стараго солдата» (!) и Жеромъ быстро надѣлъ мундиръ и черезъ десять минутъ, къ общему удивленію, появился на конѣ рядомъ съ императоромъ. Болѣе достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, однако, что адъютантъ не напоминалъ Жерому объ его фамильномъ долгѣ и не аппелировалъ къ героическому сердцу, а просто передалъ ему запечатанный пакетъ, содержимое котораго—значительная сумма денегъ—превратило республиканскую вѣрность Жерома въ энтузіазмъ къ императору.

Въ то время, какъ эта комедія разыгрывалась въ домѣ Ивалидовъ, принцъ Плонъ-Плонъ находился у Эмиля де-Жирардена. Еще нерѣшительнѣе своего отца, Плонъ-Плонъ совсѣмъ потерялъ голову и въ бѣшенствѣ шагалъ по картинной галлереѣ Жирардена, умоляя своего вѣрнаго ментора помочь ему выйти изъ этой засады. Жирарденъ, по его собственному увѣренію, отвѣтилъ взволнованному принцу: «Вы или должны явиться рядомъ съ императоромъ, или противъ его войскъ, на баррикадахъ (гдѣ, кстати сказать, каждому баррикадному герою платилось по 18 франковъ въ день). Середины нѣтъ, и вы, какъ и я, знаете, на чьей сторонѣ можно найти масло для хлѣба». Принцъ, какъ извѣстно, не избралъ стороны съ сухой коркой и, не смотря на свои вольныя мечтанія и кокетничанье съ красными фракціями, вдоволь смаковалъ императорское масло въ Palais Royal.

— Наполеонъ IV. Всемірная исторія знаетъ только Наполеона I и Наполеона III. Два другіе Наполеона, II-й и IV-й, представляютъ для нея третьестепенный интересъ. Въ Вѣнѣ въ Капуцинскомъ склепѣ покоится прахъ Наполеона II, котораго нѣкогда называли римскимъ королемъ и потомъ герцогомъ Райхштадтскимъ, а въ мавзолеѣ, въ Чайльгёрстѣ, въ Англіи находятся останки Наполеона IV, сына и наслѣдника Наполеона III. Ему суждено было погибнуть отъ африканскихъ дикарей, въ войнѣ съ зулусами. Исторія этого несчастнаго принца до сихъ поръ оставалась невыясненной и недавно вышедшая книга вѣрнаго слуги второй имперіи графа Эрисона «Le Prince Impérial» впервые знакомитъ съ трагическою судьбою Наполеона IV, прозывавшагося «Люлю». Эрисонъ состоялъ при императорскомъ принцѣ съ его дѣтства и разсказываетъ его біографію ab ovo.

Эрисонъ заглядываетъ прежде всего въ тѣ времена, когда еще сынъ Гортензіи только-что началъ свою карьеру претендента на французскій престолъ. Понятно, дѣло не обходится безъ любовныхъ романовъ, въ которыхъ героемъ является Луи-Наполеонъ, а героинями — разныя англійскія миссъ: Говардъ, Эмили Роболесъ, лэди Клементина Уиллисъ и, наконецъ, знаменитая филантропка Бёрдкутсъ. Всѣ эти звѣзды, однако, вскорѣ померкли передъ блескомъ новой звѣзды, взошедшей на парижскомъ небосклонѣ,

Евгеніи Монтихо. Эта дщерь Гренады вмѣстѣ съ матерью привѣтливо принималась при дворѣ новаго французскаго императора въ Компьенѣ. Молодая испанка понесла тутъ кровное оскорбленіе отъ одной дамы дипломатическаго корпуса, г-жи Фурту (Fourtout). Евгенія со слезами на глазахъ пожаловалась императору, который только-что получилъ отказъ отъ принцессы Кароны Вазы (теперешней саксонской королевы). Евгенія рѣшилась покинуть Компьенъ, такъ какъ ей нельзя разсчитывать на удовлетвореніе, но Наполеонъ III заклинаетъ ее остаться, увѣряя: «съ завтрашняго дня никто не осмѣлится оскорбить васъ». И онъ сдерживаетъ свое слово. На слѣдующій день «Moniteur» возвѣщаетъ, что Евгенія Монтихо дѣлается императрицей французовъ. Съ сказочнымъ блескомъ празднуется свадьба.

Но быстро проходятъ радости медовыхъ мѣсяцевъ и на блестящую картину жизни двора «выскочки» начинаютъ падать глубокія тѣни. Многія удовольствія молодой красавицы-императрицы, повелительницы модъ, также доставляютъ не мало непріятностей. Наконецъ, приходитъ время, когда она даритъ Франціи наслѣдника престола. Для устраненія недовѣрчивости со стороны партій, императоръ повелѣваетъ, чтобъ при разрѣшеніи отъ бремени императрицы у ложа ея находились высшіе сановники имперіи, въ томъ числѣ Фульдъ и хранитель печати Абатуччи. Они обязаны были констатировать полъ новорожденнаго. По рѣдкой игрѣ случая вышло, что оба доктора, оказывавшіе Евгеніи медицинскую помощь въ эти часы, носили тѣ же имена, какъ и доктора, присутствовавшіе при родахъ императрицы Маріи Луизы. Докторъ Корвисаръ и баронъ Дюбуа находились при рожденіи римскаго короля, докторъ Корвисаръ и баронъ Дюбуа были при рожденіи принца Луи Наполеона. 101 выстрѣлъ возвѣстилъ Парижу утромъ 16 марта 1856 года о рожденіи «ребенка Франціи». Черезъ три мѣсяца торжественно совершены были крестины. Воспріемниками были папа Пій IX, приславшій за себя кардинала Патричи, и шведская королева. Эрисонъ воздававшій военныя почести императорскому «bébé» у купели, разсказываетъ, какъ императоръ со слезами на глазахъ показывалъ новорожденнаго толпѣ. Религіозный обрядъ совершалъ парижскій архіепископъ Сибуръ, тотъ самый, который годъ спустя былъ убитъ фанатическимъ священникомъ Верже.

Едва минуло 8 мѣсяцевъ ребенку Наполеону, его уже зачислили капраломъ въ списки перваго гренадерскаго полка. Еще не сняли съ него пеленокъ, а «Люлю» показывался парижанамъ въ военной формѣ. Не разъ императоръ на смотрахъ бралъ «Люлю» къ себѣ на лошадь и войска дефилировали передъ нимъ. Маленькій принцъ росъ, но духовное развитіе его не шло рука объ руку съ физическимъ. Но вотъ насталъ 1870-й годъ, потрясшій престолъ Наполеонидовъ и обманувшій надежды молодаго принца. Графъ Эрисонъ разсказываетъ тутъ объ историческомъ крещеніи принца огнемъ при Заарбрюкенѣ. Онъ утверждаетъ, что только материнское тщеславіе Евгеніи наложило на ея сына клеймо насмѣшки. Императоръ прибавилъ къ своему бюллетеню раньше не предназначавшееся къ обнародованію описаніе того эпизода, въ которомъ «Люлю» самъ подбиралъ вражескія пули и приносилъ ихъ отцу. Придворные восторгались отвагою ребенка, а внѣ двора судили объ этомъ иначе. Черезъ два дня послѣ Заарбрюкенскихъ военныхъ операцій, разбитыя французскія войска въ смятеніи бѣжали внутрь Франціи. Императоръ теперь сталъ опасаться за участь

единственнаго сына и настаивалъ, чтобъ государственный совѣтъ отозвалъ его въ Парижъ. Но на этотъ разъ «государственная мудрость» Евгеніи пересилила материнскую любовь. Императрица телеграфировала своему супругу: «По соображеніямъ, излагать которыя не мѣсто въ этой телеграммѣ, я признаю желательнымъ, чтобъ Луи оставался при арміи», и 14-ти-лѣтнему мальчику пришлось остаться при арміи. Затѣмъ изъ Вердена въ Шалонъ императоръ съ сыномъ ѣдетъ въ купе третьяго класса; 27-го августа отецъ отправляется къ Седану, а сынъ — въ Мезьеръ. Едва принцъ успѣлъ отдохнуть отъ тягостной дороги, какъ получилась страшная вѣсть: «Непріятель въ 10 километрахъ отсюда», и Луи, разбуженный ночью, полуодѣтый, снова обращается въ бѣгство.

Потомъ настаютъ дни Чайльзгерстскаго изгнанія отца, матери и сына. Въ январѣ 1873 года Наполеонъ III умираетъ. Его завѣщаніе, составленное въ 1865 году, дѣлаетъ Евгенію полной наслѣдницей всего и сынъ совершенно устраняется отъ наслѣдства. Наполеонъ III тогда разсчитывалъ, что его сыну достанется престолъ Франціи и «liste civile» въ 40 милліоновъ франковъ. Принцъ Луи поступаетъ англійскимъ кадетомъ въ Вульвичъ, выдерживаетъ экзамены съ отличіемъ, считается джентльмэномъ въ кругу своихъ товарищей, но все еще страдаетъ отъ укоровъ ихъ въ томъ, что у него нѣтъ личнаго мужества.

Тутъ вскорѣ ему представился случай показать міру, что онъ обладаетъ военными доблестями и что въ жилахъ его течетъ кровь Наполеонидовъ. Поднимается война въ странѣ зулусовъ. Многіе изъ товарищей принца Луи идутъ подъ знаменемъ лорда Чельмсфорда на поле битвы противъ кафрскаго короля Четевайо и принцъ получаетъ дозволеніе отъ матери показать свою храбрость въ дебряхъ Африки. Его путь лежалъ мимо того острова, къ которому британцы приковали заживо Прометея XIX-го столѣтія, и не безъ основанія Эрисонъ замѣчаетъ, что если бы старая скала острова св. Елены могла говорить, она сказала бы: «Люди забываютъ легче, чѣмъ мы, камни». Спустя нѣсколько недѣль—1-го іюля 1879 года — принцъ подвергся нападенію зулусовъ. Его конвой подъ начальствомъ Каррея обратился въ бѣгство и послѣ геройской обороны «дитя Франціи» былъ убитъ зулусами, нанесшими ему 18 ранъ.

— **Дамская война новѣйшаго времени.** Пьеръ де Лано, печатающій въ «Figaro» своего рода исторію бывшей императрицы Евгеніи, въ послѣднемъ этюдѣ очерчиваетъ роль ея относительно трагически окончившейся мексиканской экспедиціи. Онъ утверждаетъ и можетъ доказать, что война съ Мексикой и отправка императора Максимиліана были дѣломъ Евгеніи и княгини Меттернихъ. Финансовый вопросъ и честолюбіе, конечно, играли тутъ роль, но руководящей личностью была Евгенія. Уже давно, разсказываетъ де Лано, императрица и княгиня Меттернихъ придумывали способъ заставить Австрію позабыть о войнѣ 1859 года и наложить пластырь на итальянскую рану. Наконецъ, онѣ напали на мысль сдѣлать брата австрійскаго императора императоромъ Мексики. Евгенія при этомъ мечтала сразу убить двухъ зайцевъ, ибо, какъ истая испанка, она ненавидѣла мексиканцевъ. Въ заговорѣ участвовали князь и княгини Меттернихъ, мексиканскій посланникъ Гидальго, г-жа д'Арко и другіе. «Заговорщики» совѣщались въ одной виллѣ близь Парижа, куда императрица каждый разъ отправлялась въ домино. Всѣ они были воодушевлены мыслью доставить императорскую

корону рыцарскому эрцгерцогу и его плѣнительной супругѣ Шарлоттѣ. Гидальго увѣрялъ непрестанно, что мексиканцы восхищены этимъ планомъ. Князь Меттернихъ поставилъ себѣ задачей побѣждать какое бы то ни было противодѣйствіе со стороны Австріи въ данномъ случаѣ, а ужъ склонить на сторону проекта императора Наполеона III Евгенія взяла на себя. О французскихъ министрахъ она мало заботилась, когда рѣчь шла о выполненіи ея воли. Какъ видно изъ напечатаннаго въ «Figaro» письма князя Меттерниха, вѣнскій дворъ очень холодно отнесся къ этой затѣѣ, но князь увѣрялъ, что онъ не успокоится, пока не достигнетъ своей цѣли. И дѣйствительно, «заговорщики» въ концѣ концовъ добились своего. Двѣ дамы добились войны съ Мексикой, а Максимиліанъ и Шарлотта сдѣлались императоромъ и императрицей. Финалъ извѣстенъ. 19 іюня 1867 г. Максимиліанъ былъ разстрѣленъ мексиканскими республиканцами. Объ этомъ финалѣ де Лано разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, до сихъ поръ оставшійся неизвѣстнымъ.

Императрица Шарлотта поспѣшила въ Парижъ, чтобъ вымолить помощь своему супругу, заключенному въ Кверетарѣ. Она явилась въ Сенъ-Клу къ Наполеону III и Евгеніи. Весь дворъ былъ налицо. Она имѣла жалкій видъ. Вдругъ она встала съ своего мѣста, и съ нерѣшительнымъ жестомъ попросила пить. Наполеонъ самъ поспѣшилъ подать стаканъ воды съ примѣсью оранжеваго сиропа. Шарлотта схватила стаканъ и пристально посмотрѣла на него. Затѣмъ она устремила свой взоръ на того, кто поднесъ ей стаканъ. Судорожная дрожь пробѣжала по ея тѣлу и съ миной ужаса и отвращенія она отстранила стаканъ. Затѣмъ она сдѣлала шагъ назадъ, и, какъ бы разгоняя воздухъ руками, произнесла глухимъ голосомъ: «вы хотите меня отравить; вы хотите меня отравить!» Всѣ оцѣпенѣли. Это былъ первый припадокъ помѣшательства, поразившаго красавицу Шарлотту. Затѣмъ она опять пришла въ себя и могла успокоиться. Помощи ей не подалъ никто. Изъ Сенъ-Клу она поспѣшила къ папѣ въ Римъ. Тамъ съ нею случился второй припадокъ. Ея «idée fixe» опять вернулась къ ней: «меня хотятъ отравить». Папа былъ вынужденъ пробовать всѣ кушанья, подававшіяся ей. Однажды, ночью, Шарлотта пыталась силой ворваться къ кардиналу Антонелли. Мало-по-малу припадки стали повторяться чаще и продолжительнѣе, и наконецъ, полное безпросвѣтное помѣшательство овладѣло несчастной, которая явилась одной изъ несчастнѣйшихъ жертвъ этой злополучной «дамской войны», какъ можно назвать мексиканское приключеніе, на основаніи разоблаченій де Лано.

— Наполеонъ I на охотѣ. Наполеонъ I, такъ хорошо умѣвшій обращаться съ оружіемъ въ чужихъ рукахъ, самъ былъ весьма плохимъ стрѣлкомъ. Увѣряютъ, что изъ ружья онъ въ тридцати шагахъ не могъ попасть въ быка. Тѣмъ не менѣе онъ ѣздилъ на охоту, такъ какъ считалъ ее царственнымъ развлеченіемъ, полезнымъ для здоровья. Самъ онъ галопировалъ, а егеря его травили звѣря. Императоръ подъѣзжалъ рѣдко подстрѣливать загнаннаго въ засаду звѣря. Однажды, близъ Фонтэнбло, собаки аттаковали оленя. Императора и его свиты не было вблизи. Собаки стали уже выбиваться изъ силъ, и егеря находились въ большомъ затрудненіи. Если бы они убили оленя, императоръ навѣрное остался бы недоволенъ, а за обезсиливаніе собакъ пришлось бы поплатиться передъ оберъ-егермейстеромъ.

— Не видали императора? Гдѣ императоръ?—спрашивали другъ друга охотники.

— Онъ уѣхалъ, сказалъ кто-то изъ нихъ. Я видѣлъ, какъ онъ галопировалъ по направленію къ Фонтэбло.

Тутъ старшій егерь рѣшился убить оленя. Но едва это было сдѣлано, какъ въ концѣ аллеи показалась группа всадниковъ.

— Вотъ те и на! воскликнулъ одинъ изъ егерей, вѣдь это императоръ съ свитой.

— Постойте-ка, нашелся старый егерь, онъ вѣдь ничего не понимаетъ въ охотѣ.

Съ этими словами онъ прыгнулъ въ кусты, срѣзалъ двѣ вѣтви въ видѣ вилъ, воткнулъ ихъ въ землю и поставилъ между ними оленя такъ, что онъ казался живымъ. Собаки съ лаемъ окружили убитаго оленя, и въ это время Наполеонъ появился на площадкѣ. Онъ слѣзъ съ лошади, взялъ ружье и выстрѣлилъ. Лучшая собака изъ свиты упала замертво.

— Государь, олень убитъ!—сообщилъ егерь.

— Еще бы! Объ этомъ и докладывать нечего, — гордо отвѣтилъ Наполеонъ, сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Фонтэнбло.

Примѣчаніе. Г. Губастовъ прислалъ намъ изъ Вѣны указанія на маленькія неточности въ замѣткѣ «Новѣйшая Антигона», помѣщенной въ «Историческихъ мелочахъ» въ ноябрьской книжкѣ. Охотно печатаемъ указанія г. Губастова, хотя неточности принадлежатъ не намъ, а тому французскому источнику, изъ котораго мы заимствовали эту замѣтку.

«Утвержденіе, что дочь Маріи Антуанеты до сихъ поръ не имѣетъ своей біографіи, невѣрно (пишетъ г. Губастовъ). Во французской біографической литературѣ существуетъ слѣдующее сочиненіе: «A. Nettement. Marie-Therese de France. 2 vol. Paris. 1864. 2-me edit. (первое изданіе этой книги появилось въ концѣ 40-хъ годовъ). Сочиненіе это очень полная, обстоятельная и прекрасно составленная біографія несчастной принцессы.

«Кромѣ того, въ замѣткѣ говорится, что послѣдней резиденціей дочери Маріи Антуанеты былъ Фросдорфскій зàмокъ близъ новой части Вѣны. Здѣсь она умерла 15 октября, 1851 года.

«Принцесса умерла 28-го октября 1851 года. Маленькая деревня Фросдорфъ и зàмокъ того же имени находятся въ провинціи Нижняя Австрія (Nieder Osterreich) въ 8 километрахъ разстоянія отъ большого города Wiener Neustadt, который лежитъ въ 50 километрахъ отъ Вѣны. Въ зàмкѣ этомъ жила нѣкоторое время вдова Мюрата. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія зàмокъ былъ пріобрѣтенъ бывшимъ фаворитомъ Екатерины II, Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ, который, перейдя въ католичество, проживалъ въ Австріи и умеръ здѣсь въ 1836 году. Въ 1842 году герцогиня Ангулемская купила Фросдорфскій зàмокъ у наслѣдниковъ Ермолова. Въ стѣнахъ охотничьяго дома, близъ зàмка, есть доска, на которой еще сохранилось имя его русскаго владѣльца».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Критическое отношеніе французскихъ писателей къ русскимъ.—Эпикуреизмъ и пессимизмъ, какъ два направленія французской литературы.—Аскетизмъ гр. Толстого и Достоевскаго. — Новый разсказъ Л. Н. Толстого въ англійскомъ журналѣ. — Послѣсловіе къ «Крейцеровой сонатѣ» въ оцѣнкѣ нѣмецкой критики.— Три русскихъ грамматики на англійскомъ языкѣ.—Неаполитанская героиня. — Бразильскій императоръ въ гостяхъ у Виктора Гюго.

ЫГОВОРИЛИ уже въ іюльской книжкѣ «Историч. Вѣстника» о статьѣ Жана Гонсе, отъискавшаго въ современной русской литературѣ преобладающее понятіе о грѣхѣ и о страданіи человѣчества. Причину этого страданія писатели наши, по мнѣнію французскаго критика, видятъ въ антагонизмѣ голоса совѣсти и фатализма, въ противорѣчіи естественныхъ или соціальныхъ условій жизни и невозможности осуществить идеалъ справедливости и счастія. Эту борьбу стремленій духа съ реализмомъ ни одна литература не изобразила съ такою правдою, съ такимъ драматическимъ интересомъ и гуманнымъ чувствомъ, какъ современная русская беллетристика. Поэтому ее встрѣтили съ такимъ энтузіазмомъ во Франціи, мало склонной къ моральному анализу. Но теперь Гонсе находитъ, что энтузіазмъ этотъ значительно охладѣлъ, критика обратилась къ другимъ источникамъ и «Ибсенъ готовъ замѣнить Толстого». Причину этого Гонсе видитъ въ плохихъ переводахъ слабыхъ произведеній Достоевскаго и Толстого и во второй статьѣ своей «Филантропическій аскетизмъ въ русской литературѣ» (L'ascetisme philantropique dans la littérature russe) говоритъ прямо: французы начали теперь понимать, что существуетъ несовмѣстимость (incompatibilité) между ихъ національнымъ характеромъ, быстрымъ въ дѣйствіи, стремящемся къ ясности, и между утопическимъ, химерическимъ и смутнымъ умомъ этихъ болѣе или менѣе явныхъ апостоловъ гуманитарнаго нигилизма. Они не довольствуются тѣмъ, что изучаютъ человѣка и сострадаютъ объ немъ: они хотятъ излечить его, а лекарство это очень горь-

кое и пользы не приноситъ. Гонсе и доказываетъ это въ своей статьѣ, но нельзя сказать, чтобы доводы его были ясны и убѣдительны. Но все, что онъ говоритъ о французской литературѣ нашего времени совершенно вѣрно. Онъ видитъ въ ней два направленія: эпикуреизмъ, открыто проповѣдуемый Мопассаномъ и пессимизмъ, представителемъ котораго является Зола. «Умъ нашъ, говоритъ Мопассанъ, не можетъ ничего ни знать, ни понимать, ни открывать, иначе какъ посредствомъ чувствъ, единственныхъ посредниковъ между нами и вселенной». Изъ этого слѣдуетъ, что долгъ, совѣсть — слова, неимѣющія значенія, такъ какъ въ чувствѣ нѣтъ ихъ источника. Человѣкъ долженъ пользоваться всѣми наслажденіями, какія существуютъ въ природѣ. Другой любви, кромѣ физической, Мопассанъ не понимаетъ. Конечно его эпикуреизмъ помрачается по временамъ мыслями о страданіяхъ старости, конечномъ уничтоженіи, но онъ относится къ нимъ съ юмористическимъ пренебреженіемъ или пантеистическою философіей. Совсѣмъ иначе смотритъ на человѣчество Зола. Онъ впадаетъ мѣстами въ идеалы только въ своихъ первыхъ романахъ, но въ послѣднихъ—проклинаетъ физическую любовь и всѣ тѣлесныя побужденія, какъ гр. Толстой въ своей «Крейцеровой сонатѣ». Главное свойство человѣка все-таки — звѣрство, животненность, что такъ логично доказываетъ Зола въ своемъ, «Bête humaine». Въ «Жерминалѣ» онъ говоритъ прямо: «эти нигилисты могутъ разрушить общество и устроить новое, но они не прибавятъ ни одной радости человѣчеству, не избавятъ его ни отъ одного страданія». Дальше онъ говоритъ уже совершенно въ духѣ Гартмановскаго ученія о нирванѣ: «лучше всего не быть вовсе, а ужъ если быть, то скорѣе деревомъ, камнемъ, даже песчинкой, которую не можетъ раздавить нога прохожаго». И такъ съ одной стороны аристократическій эпикуреизмъ, замѣняющій нравственность гигіеной, а этику эстетикой, съ другой—пессимизмъ, все презирающій и безнадежный,—такова современная литература во Франціи по сознанію самихъ французовъ. Обратить человѣчество на лучшій путь задумали русскіе писатели. Избавить человѣчество отъ страданій они думаютъ посредствомъ отреченія отъ земныхъ благъ, аскетизмомъ. Главный проповѣдникъ этого ученія Достоевскій. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ заявляетъ въ высокопарныхъ фразахъ, что физическое страданіе, добровольно на себя принятое, имѣетъ мистическое дѣйствіе, заставляя забыть страданіе душевное: оно закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его недоступнымъ требованіямъ невозможнаго идеала и упрекамъ совѣсти. Въ «Мертвомъ домѣ», въ «Преступленіи и Наказаніи», въ «Идіотѣ» физическое страданіе является искупительнымъ элементомъ. У Л. Толстого, во всѣхъ его романахъ, проведена идея добровольнаго отреченія отъ всѣхъ благъ жизни; надо отказаться отъ всѣхъ завоеваній разума, отъ цивилизаціи, наукъ, искусства, прогреса. Только слѣпая вѣра простодушныхъ, необразованныхъ дѣтей природы даетъ смыслъ существованію. Надо отказаться отъ судовъ, потому что всякое наказаніе есть насиліе, а зло нельзя излечить зломъ («Моя религія»), отказаться отъ богатства, потому что собственность порождаетъ кражу, бѣдность, убійство, удалиться въ деревню, самому печь хлѣбъ и шить себѣ сапоги («Что дѣлать?») отказаться отъ отечества, такъ какъ раздѣленіе на національности ведетъ за собой войну, наконецъ въ «Крейцеровой сонатѣ» онъ требуетъ отреченія отъ брака, такъ какъ сближеніе между разными полами ведетъ къ безнравственности. Французскій критикъ считаетъ излишнимъ опровергать этотъ мистическій бредъ романиста,

считающаго себя апостоломъ и заимствовавшаго свои идеи у пессимиста Шопенгауера и раскольниковъ Сутаева и Бондарева. Цитаты, взятыя у нѣмецкаго философа, доказываютъ тожество его взглядовъ съ теоріями Л. Толстого. Прогрессъ вовсе не ведетъ къ страданію; въ людскихъ бѣдствіяхъ виновато неустройство нашихъ общественныхъ условій, еще далеко не установившихся. Въ любви есть чувственная сторона, но есть и сторона идеальная. Цвѣтокъ живетъ не однимъ корнемъ погруженнымъ въ грязную землю, для развитія его нуженъ солнечный свѣтъ, роса, чистый воздухъ. Аскетизмъ Толстого сходится съ эпикуреизмомъ Мопассана: одинъ уничтожаетъ душу, другой тѣло. Пессимизмъ дѣлаетъ человѣка—звѣремъ, аскетизмъ—машиной. Если дерево не приноситъ хорошихъ плодовъ, его не срубаютъ, а стараются искусною прививкою сдѣлать его плодотворнымъ.

— Общее осужденіе идей, высказанныхъ гр. Толстымъ въ его «Крейцеровой сонатѣ» было такъ единодушно, что авторъ отступился отъ крайнихъ выводовъ относительно брака и въ октябрьской книжкѣ журнала «Forthnightly Review» напечаталъ новый разсказъ подъ заглавіемъ «Трудись, такъ какъ вамъ данъ свѣтъ» («Work, while you have light»), гдѣ приводитъ исторію изъ царствованія Траяна. Въ городѣ Тарсѣ живетъ молодой римлянинъ Юлій. Воспитанный въ языческихъ понятіяхъ, онъ проводитъ время въ пьянствѣ, игрѣ и развратѣ. Все это скоро ему надоѣдаетъ и онъ по совѣту философа женится на богатой и красивой дѣвушкѣ. Сдѣлавшись примѣрнымъ и всѣмъ уважаемымъ гражданиномъ, онъ недолго ведетъ и этотъ родъ жизни. Старый товарищъ—Памфилій уговариваетъ его принять христіанство. Юлій не соглашается, потому что «христіанство отвергаетъ бракъ, любовь и распространеніе рода». Памфилій отвѣчаетъ, что хотя христіане не имѣютъ прямой цѣлью распространеніе человѣческаго рода, но любовь краеугольный камень ихъ ученія и они не запрещаютъ бракъ, а напротивъ поощряютъ его. Только ихъ бракъ основанъ на братской любви, а не на плотскомъ чувствѣ. Юлій замѣчаетъ, что такая теорія противорѣчитъ человѣческой природѣ, а Памфилій доказываетъ, что она соотвѣтствуетъ раціональной природѣ человѣка, и совершенно возможно, подчинивъ животные инстинкты высшимъ стремленіямъ, воспитать въ себѣ такое чувство къ женщинамъ, какое люди питаютъ къ своимъ сестрамъ. Въ этихъ словахъ видна прямая уступка противобрачнымъ теоріямъ «Сонаты». Но и тутъ, создавая условную теорію любви, Толстой думаетъ перевоспитать человѣчество и весь строй его не только соціальной, но и духовной жизни. Болѣзненный духъ писателя, потерявшаго подъ собою почву, не понялъ, что духовная жизнь создается не только волею и разумомъ человѣка, но и инстинктами человѣческой природы, а ее переработать нельзя. Человѣкъ, воспитанный въ отвлеченныхъ тенденціяхъ, руководящихъ имъ вмѣсто естественныхъ побужденій натуры, былъ бы механической машиной. Человѣкъ можетъ мѣнять свои убѣжденія, но природа остается неизмѣнной, и не онъ даетъ ей законы, а она ему. Профильтрованная любовь, рекомендованная Толстымъ, также противоестественна, какъ и безбрачіе. Внѣ плотской любви не можетъ быть ни брака, ни распространенія рода, потому что это законъ природы и его не уничтожатъ никакіе софизмы.

— Въ Германіи выходитъ уже 59-ый годъ еженедѣльный критическій журналъ «Магазинъ для внутренней и иностранной литературы». Долгое время онъ занимался только послѣднею, такъ какъ для анализа отечествен-

ныхъ произведеній существуетъ много другихъ періодическихъ изданій, но потомъ какой-то патріотъ расширилъ программу журнала, не сдѣлавшагося однако отъ этого лучше. Въ послѣднее время были въ немъ большія перемѣны. Много лѣтъ выходилъ онъ въ Лейпцигѣ подъ редакціею какого-то Германа Фридрихса, но въ 1888 году редакторомъ явился даровитый, хотя эксцентрическій публицистъ Карлъ Блейбтрей и журналъ былъ перенесенъ въ Дрезденъ. Въ прошломъ году его редактировалъ Вольфгангъ Кирхбахъ, въ нынѣшнемъ — мало извѣстная личность Шлибенъ, затѣмъ короткое время — Штёссель и Рейсвицъ. Наконецъ, съ октября нынѣшняго года журналъ совершенно преобразовался подъ новою редакціей Нейманнъ-Гофера, сдѣлался просто «Магазиномъ литературы» (Das Magazin für Litteratur) и переѣхалъ изъ Дрездена въ Берлинъ. О послѣдней перемѣнѣ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ Саксоніи еще можно было высказывать кое-какую опозицію прусскимъ тенденціямъ, а въ Берлинѣ объ этомъ нечего и думать. Но и подъ новою, какъ подъ старою редакціею, журналъ относится всегда съ интересомъ къ Россіи, сообщая довольно вѣрныя свѣдѣнія о ея выдающихся литературныхъ явленіяхъ. Такъ въ первомъ же № 40, вышедшемъ въ Берлинѣ, редакторъ Н. Гоферъ написалъ статью «Послѣсловіе Толстого къ Крейцеровой сонатѣ» («Tolstojs Nachwort zur Kreutzer-Sonate»), носящую еще и другой заголовокъ «Самооправданіе» («Selbstrechtfertigung») Авторъ говоритъ прямо, что произведеніе достопочтеннаго русскаго апостола возбуждавшее такое впечатлѣніе въ Европѣ, доставило ему гораздо болѣе противниковъ чѣмъ приверженцевъ. Нѣмецкій критикъ приводитъ даже не совсѣмъ учтивое мнѣніе Зола, сказавшаго, что у русскаго писателя «маленькая трещина въ головѣ» (une petite fêlure à la tête). Но осужденіе европейской критикою его произведенія не понравилось Толстому, и онъ объявилъ, что представилъ не «ѣдкую сатиру» и не «циническую карикатуру» брака, а исповѣдь истиннаго христіанина. Самозащита была однако весьма неудовлетворительна. Въ графѣ Толстомъ, прославлявшемъ въ своихъ романахъ любовь и семейную брачную жизнь, а теперь подъ старость называющемъ любовь нехристіанскимъ чувствомъ, а бракъ грѣховнымъ учрежденіемъ, всѣ видятъ по меньшей мѣрѣ отступника, если не тронувшагося, озлобленнаго пессимиста. И все-таки, заканчиваетъ Гоферъ: надо уважать человѣка, не принимая его теорій и не раздѣляя ихъ. Въ такомъ случаѣ уваженіе можетъ относиться къ прошлому писателя, но не къ его настоящему, къ романисту и великому художнику, а не къ «пророку Ясной Поляны» и апостолу неосуществимыхъ теорій.

— Англичане повидимому принялись очень усердно за изученіе русскаго языка. Въ одно время появилось четыре новыхъ русскихъ граматики. Одна изъ нихъ составлена извѣстнымъ Морфилемъ (A grammar of the russian language) и критикъ «Атенеума» сравниваетъ съ открытіемъ Америки появленіе законовъ языка, обладающаго самыми богатыми, идіоматическими формами. Ни въ какомъ европейскомъ языкѣ, неисключая нѣмецкаго, нѣтъ такого правильнаго, научнаго синтаксиса, какъ въ русскомъ. Критикъ упрекаетъ Ломоносова за составленіе русской граматики по образцу латинской (буквальный переводъ этой фамиліи, прибавляетъ съ важностью авторъ, значитъ: сынъ ломателя носовъ. Откуда онъ взялъ такую этимологію? тогда какъ наши Кривоносовы и Ломоносовы обладали просто не прямыми носами). Въ видахъ нашихъ глаголовъ критикъ видитъ величайшую трудность

для изученія, отсутствіе правилъ, даже безсмыслицу, и находитъ, что граматика Морфиля для самихъ русскихъ доступнѣе и яснѣе граматикъ Кирпичникова и Говорова. Другую разговорную граматику (Russian conversation grammar) составилъ Александръ Кинлохъ. Здѣсь помѣщены общеупотребительныя фразы, діалоги, словарь обыденныхъ словъ. Но странно, что главные разговоры касаются военныхъ дѣлъ: будетъ ли война, сколько убито солдатъ, гдѣ непріятель, куда направился отрядъ? и т. п., точно книга издана не съ мирною цѣлью изученія языка, а для похода въ непріятельскую землю.—Какой-то Піетро Мотти издалъ разомъ двѣ граматики: одну разговорную, для общаго употребленія (Russian conversation grammar for general use) другую—элементарную (Elementary russian grammar) обѣ книги составлены не съ научной, а съ практической цѣлью: въ нихъ много переводовъ съ русскаго на англійскій языкъ и обратно, изъ Тургеневскихъ «Записокъ охотника», книги Мекензи Уоллеса о Россіи и др. Но и здѣсь, въ разговорахъ преобладаютъ фразы о военномъ дѣлѣ: добываніе лоцмановъ и проводниковъ для отрядовъ, отъисканія лазутчиковъ и т. п. Любопытно, что даже въ своихъ учебникахъ англичане настраиваются на воинственный тонъ, какъ только дѣло касается Россіи.

— Италія очень усердно изучаетъ свою исторію и въ особенности эпизоды борьбы съ иноземнымъ владычествомъ, въ лицѣ австрійскихъ эрцгерцоговъ и своихъ собственныхъ домашнихъ тирановъ, въ родѣ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Молодой писатель Бенедетто Кроче, переводчикъ Эразма Роттердамскаго и авторъ критическаго этюда «Гётевскіе образы» (Figurine goethiane) издалъ монографію «Луиза Санфеличе и заговоръ Беккеровъ» (Luisa San Felice et la congiura dei Baccher). Объ этой героинѣ неаполитанской революціи съ восторгомъ отзывался Коллета, авторъ исторіи Неаполя, самъ участвовавшій въ послѣднихъ возстаніяхъ противъ Бурбонскаго владычества. Адольфъ Шакъ сдѣлалъ ее героинею своего романа «Неаполитанскіе республиканцы». Рихардъ Фоссъ написалъ изъ ея жизни трагедію, получившую даже премію въ Германіи. О Луизѣ писалъ и Дюма-отецъ, но Кроче доказываетъ, что всѣ эти историки и романисты представили не совсѣмъ вѣрную характеристику героини. Луиза Санфеличе не была вдохновенной воительницей за свободу и не принимала особенно дѣятельнаго участія въ попыткахъ своего отечества освободить его отъ ненавистнаго ига Бурбоновъ, какъ Элеонора Фонсека Пиментель, издательница «Monitore Napolitano», павшая первою жертвою мстительности Бурбоновъ. Луиза Молина была замужемъ за Санфеличе, отраслью дома герцоговъ Агрополи, но не жила съ мужемъ. 35-ти лѣтъ, она была еще красавицей и у нея было много поклонниковъ. Между ними капитанъ Баккеръ былъ членомъ заговора, имѣвшаго цѣлью вернуть Бурбоновъ въ Неаполь. Луиза знала о заговорѣ и сообщила объ немъ республиканцамъ. Элеонора Пиментель называла ее, въ своемъ журналѣ, матерью и спасительницею отечества. Этого было достаточно для Бурбоновъ, когда они вернулись въ Неаполь подъ защитою Нельсона и англійскаго флота и принялись казнить своихъ противниковъ. Луизу приговорили къ смерти. Докторъ Виллари хотѣлъ спасти ее и объявилъ, что она беременна, но казнь только отложили, такъ какъ король Фердинандъ считалъ Луизу главною виновницею того, что заговоръ Баккеровъ не удался и самъ капитанъ погибъ въ возстаніи. Напрасны были просьбы Маріи Клементины, жены наслѣдника престола о

помилованіи. Луизу отвезли въ цѣпяхъ въ Палермо, гдѣ продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тяжеломъ заключеніи. Наконецъ 11-го сентября 1799 года ей отрубили голову на Торговой площади города. Палачъ только-что положилъ голову своей жертвы подъ топоръ гильотины, когда въ толпѣ окружавшей эшафотъ раздался выстрѣлъ. Испугавшись народнаго возстанія, палачъ опустилъ топоръ, разрубившій плечо и половину шеи несчастной. При яростныхъ крикахъ возмущеннаго народа, палачъ бросился къ Луизѣ и своимъ ножемъ отрѣзалъ остальную часть шеи у головы. Солдатъ, выстрѣлившій нечаянно у эшафота, былъ приговоренъ къ наказанію шпицрутенами, восемь разъ сквозь строй и затѣмъ къ 15-ти лѣтней каторгѣ, но ни одинъ изъ сослуживцевъ его не захотѣлъ быть палачомъ своего товарища — черта любопытная, если вспомнить, что еще полвѣка спустя шпицрутены процвѣтали во всѣхъ арміяхъ.

— Бывшій бразильскій императоръ домъ-Педро д'Алькантара повидимому окончательно поселился въ Парижѣ, который онъ очень любитъ, и часто посѣщалъ во время своего царствованія. По поводу одного изъ такихъ посѣщеній Даніель Белле разсказываетъ, въ «Revue bleue», любопытный анекдотъ о сношеніяхъ императора съ Викторомъ Гюго (L'empereur du Bresil chez Victor Hugo). Домъ-Педро всегда высоко цѣнилъ покойнаго поэта и желалъ съ нимъ познакомиться лично, что и исполнилъ въ 1877 году. Обстоятельства этихъ свиданій никогда не были обнародованы, и поэтъ не хотѣлъ, чтобы они явились въ печати при его жизни. Теперь вотъ какъ сообщаютъ объ нихъ по разсказу Луи Блана. Въ маѣ 1877 года въ домѣ поэта, на Эйлауской аллеѣ, явился адъютантъ императора и, послѣ первыхъ комплиментовъ, объявилъ, что Педро II желалъ бы видѣть поэта и прислалъ узнать, не можетъ ли Гюго явиться въ отель, гдѣ остановился императоръ. Гюго отвѣчалъ, что онъ польщенъ желаніемъ, выраженнымъ его величествомъ, но сожалѣетъ, что не можетъ исполнить этого желанія, такъ какъ принялъ за правило не ходить ни къ кому, не имѣя возможности видѣть всѣхъ, кого бы онъ хотѣлъ. Отказъ былъ категорическій и адъютанту оставалось только удалиться, но онъ вернулся на другой же день съ вопросомъ: Въ случаѣ, если императоръ первый сдѣлаетъ визитъ Виктору Гюго, возвратитъ ли поэтъ этотъ визитъ?—Мнѣ право совѣстно, возразилъ поэтъ, отвѣчать такъ дурно на такое лестное вниманіе. Поблагодарите его величество за честь, которую онъ хотѣлъ оказать моему дому, но передайте ему, что недавно у меня былъ баварскій король и я не отдалъ ему визита— по принципу я считаю невозможнымъ сдѣлать исключеніе для Донъ Педро. Послѣ такого недипломатическаго отказа казалось должны были кончиться всѣ попытки личнаго сближенія поэта съ императоромъ, но Педро II былъ настойчивъ и адъютантъ явился опять черезъ нѣсколько дней. «Императоръ, сказалъ онъ, не хочетъ уѣхать изъ Парижа, не увидя перваго поэта Франціи. Нельзя ли устроить встрѣчу на нейтральной почвѣ? Гюго бываетъ въ сенатѣ; его величество отправится въ Версаль — и они могутъ встрѣтиться гдѣ-нибудь въ коридорахъ, или въ залахъ.— На этихъ условіяхъ свиданіе совершенно возможно, отвѣчалъ поэтъ: пусть его величество назначитъ день и часъ и я встрѣчу его въ Версали». Казалось, все устроилось къ лучшему, но тутъ произошелъ правительственный переворотъ 16-го мая, засѣданія палаты и сената были закрыты на время. Поэтъ, не считая возможнымъ свиданіе въ пустыхъ залахъ Версаля, думалъ, что оно

уже не состоится, но явился опять адъютантъ съ вопросомъ: «Когда можно будетъ видѣть завтра поэта, которому одно лицо желаетъ сдѣлать визитъ?» Гюго отвѣчадъ, что онъ съ 9-ти часовъ утра будетъ къ услугамъ посѣтителя и на другой день, ровно въ 9 часовъ, посѣтитель явился. Поэтъ провелъ его въ свой кабинетъ и они провели утро въ самой интимной бесѣдѣ, какъ старые друзья. Императоръ отдѣлалъ Мак-Магона, сбиравшагося произвести переворотъ въ пользу легитимизма. Отъ политики перешли къ семейнымъ дѣламъ; у обоихъ были внуки. Донъ-Педро захотѣлъ видѣть маленькую Жанну. Гюго привелъ ее и императоръ попросилъ ее поцѣловать его, какъ цѣлуетъ своего дѣда. Потомъ, онъ взялъ на колѣни Жоржа. — «Припомни, сказалъ ему поэтъ, что тотъ, кто теперь ласкаетъ тебя, государь огромной имперіи и носитъ титулъ его величества». — «Нѣтъ, мой мальчикъ, возразилъ императоръ, припомни лучше то, что я скажу тебѣ: гдѣ бы и съ кѣмъ бы ты ни былъ вмѣстѣ съ твоимъ дѣдомъ, знай, что нѣтъ другого величія кромѣ его генія». Гюго хотѣлъ поднести ему свою послѣднюю книгу: «Искусство быть дѣдомъ», императоръ остановилъ его и прочелъ наизусть первое стихотвореніе изъ этого сборника, но принялъ съ тѣмъ книгу, чтобы поэтъ написалъ на ней: «Викторъ Гюго—своему другу, донъ-Педро д'Алькантара». Потомъ онъ распросилъ поэта о его образѣ жизни и узнавъ, что онъ свободенъ только во время обѣда, къ которому собираются всегда нѣсколько человѣкъ близкихъ друзей, просилъ позволенія явиться когда-нибудь, въ числѣ ихъ къ 8-ми часамъ, что и исполнилъ дня черезъ три. Обѣдъ прошелъ очень весело и непринужденно, въ обществѣ Вакери, Эдуарда Локруа, Камилля Пеллетана, Эрнеста Лефевра. Прощаясь съ императоромъ, поэтъ сказалъ ему: «мнѣ и моимъ друзьямъ, остается только пожелать, чтобы остальные государи не походили на ваше величество». — «Отчего же это?» спросилъ донъ-Педро.—Оттого, что тогда мы не могли бы осуждать ихъ и они только замедлили бы наступленіе эпохи всемірной республики».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Разрывъ-трава [1]).

Въ КАНЦЕЛЯРІЮ Сенатскаго Правленія въ Москвѣ 15-го іюня 1715 года явился, Воротынскаго уѣзда, деревни Орѣшковой, монастырскій крестьянинъ Ларіонъ Ѳедотовъ и подалъ начальнику канцеляріи, стольнику Юрію Ѳедоровичу Шишкину, доносъ, въ которомъ заявилъ, что нѣсколько времени тому назадъ ему пришлось слышать отъ одного крестьянина, будто онъ знаетъ погребъ, а въ погребѣ сокровища. По словамъ доноса, крестьянинъ самъ видѣлъ сквозь рѣшетчатую дверь, «прильпя на посохъ свѣчу», четыре бочки большихъ сороковыхъ, да четырнадцать среднихъ и малыхъ, «и изъ тѣхъ большихъ бочекъ одна развалилась, и деньги лежатъ грудою, да въ томъ же погребу стоитъ котелъ большой, желѣзный, а что въ немъ, про то-де несвѣдомо, только знатно въ томъ котлѣ наверху посуда—блюда и тарелки, да на томъ же котлѣ стоитъ, наверху, кадочка мѣдная, а на ней икона въ окладѣ, по сторонь-де того котла стоятъ два куба винныхъ съ жемчугомъ, а погребъ запертъ замкомъ и залитъ оловомъ, и приняться-де подъ страхомъ ни за что не дастъ». Въ заключеніе доноса Ѳедотовъ заявилъ, что свидѣтелей у него три попа, дьяконъ, три пономаря и одиннадцать человѣкъ крестьянъ. Въ тотъ же день пришелъ въ канцелярію Воротынскаго уѣзда Спасскаго монастыря бѣлый попъ Симонъ Захарьевъ и подтвердилъ доносъ Ѳедотова, при чемъ сказалъ, что крестьянина, который «погребъ знаетъ и поклажу смотрѣлъ» зовутъ Василій Кирилловъ Арининковъ (Боровскаго уѣзда, Карамышевской волости, деревни Ѳроловой, Льва Кирилловича Нарышкина). Началось слѣдствіе, къ которому было привлечено немало людей.

Изъ показаній, данныхъ на допросѣ, видно, что слухъ о таинственномъ погребѣ съ сокровищами, которыя можно добыть только при помощи «разрывъ-травы», уже лѣтъ шесть, какъ носился въ Воротынскомъ и сосѣднихъ

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Изъ дѣлъ Прав. Сената, вязки № 1/266, д. 8.

съ нимъ уѣздахъ. По секрету слухъ передавался отъ одного къ другому каждый совѣтовалъ разузнать, розыскать нужной травы, обѣщая въ свою очередь «довести» до погреба. Дошли слухи и до мѣстнаго духовенства, которое не оставило ихъ безъ вниманія, и трое изъ поповъ, Масальскаго уѣзда, села Берны, Сава Ѳедоровъ, Мещовскаго уѣзда, села Гаврикова, Матвѣй Осиповъ и Воротынскаго уѣзда, села Ворнакина, Максимъ Анисимовъ, принялись энергично отыскивать таинственной травы, которая могла сдѣлать ихъ обладателями несмѣтныхъ богатствъ. Попы объѣзжали свою братью, разспрашивали, писали письма...

Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ, трава отыскалась; по письму попа Савы, попъ Воротынскаго Спасскаго монастыря Симонъ (доноситель) заявилъ, что «разрывъ-трава» у него есть... Между тѣмъ слухъ облетѣлъ сотни людей, и когда, наконецъ, нашелся счастливый обладатель «разрывъ-травы», то никто уже не былъ въ состояніи «довести» до таинственнаго погреба, затерялся и первый источникъ слуха; смутно передавали только, что кладъ показывался кому-то въ Мещовскомъ уѣздѣ, около деревни Городища, гдѣ-то, недалеко отъ церкви Николы Бышковъ, но и только. Попъ Симонъ Захарьевъ, какъ увидимъ ниже изъ его показаній, былъ ловкій человѣкъ, и, конечно, заявилъ о томъ, что у него имѣется искомая трава, единственно съ цѣлью развѣдать о сокровищахъ и ими поживиться, когда же эта надежда его была обманута, и искатели «разрыва» не съумѣли «довести» его до погреба, то онъ подалъ доносъ и постарался довести ихъ до застѣнка и кнута.

На другой день послѣ подачи доноса, канцелярія Сенатскаго Правленія командировала въ Мещовскій уѣздъ поручика князя Василія Макулова, вмѣстѣ съ доносителями, «для сыску и подлиннаго осмотру поклажи». Ровно черезъ мѣсяцъ, 16-го іюля, князь Макуловъ вернулся, привезъ съ собой 3-хъ поповъ и 9 человѣкъ крестьянъ, но поклажи не отыскалъ [1]).

Подвергнутый допросу въ канцеляріи, Василій Кирилловъ Аринипковъ показалъ, что «лѣтъ съ шесть, сказывалъ ему Мещовскаго уѣзда, вотчины генералъ-маіора князя Александра Волконскаго, села Чемоданова, крестьянинъ Дементьевъ, что есть-де погребъ со многимъ сокровищемъ подлѣ Юхнова монастыря, а гдѣ не сказалъ; а тотъ погребъ каменный, а выходъ деревянный, дверь желѣзная рѣшетчатая, и запертъ замкомъ вислымъ, и тотъ-де замокъ залитъ оловомъ. А въ томъ погребу стоитъ котелъ большой, а въ котлѣ-де лежатъ блюда бѣлыя, да четыре бочки сороковыя, и одна-де бочка развалилась, и подлѣ той бочки лежатъ деньги, да кадка стоитъ мѣдная, а на той-де кадкѣ стоитъ Спасовъ образъ. И тотъ Дементьевъ велѣлъ ему, Василью, искать травы разрыву, и съ тою травою велѣлъ пріѣзжать къ себѣ и подлинно до того погреба довести его хотѣлъ, и въ томъ цѣловалъ образъ [2]). Съ этого-то времени Аринипковъ и принялся за поиски травы.

Въ 1715 году, въ великій постъ, будучи въ Калугѣ, на торгу, Аринипковъ «по знакомству спрашивалъ о той травѣ» у крестьянина князя Егупова-Черкасскаго села Утѣшева, Кондратья Житка, который однако въ то

[1]) Мы не будемъ приводить подробностей допроса, такъ какъ показанія большинства не отличаются интересомъ, ограничиваясь передечей слуха, приведемъ только показанія попа Симона и оговореннаго имъ крестьянина Василія Аринипкова.

[2]) На допросѣ Дементьевъ сказалъ, что слышалъ о погребѣ отъ крестьянина Тараса Павлова, Тарасъ Павловъ—отъ Іова Васильева, Васильевъ—отъ Антона Киселева и т. д.

время сказалъ, что такой травы не знаетъ. Только передъ Вознесеньемъ явился къ нему Кондратій и сказалъ, что «онъ такую траву «разрывъ» нашелъ Воротынскаго уѣзда Спасскаго монастыря у бѣлаго попа Симона Захарьева, и взялъ его съ собой, и пошли къ тому попу, Симону, а на дорогѣ онъ, Кондратій, далъ ему замòкъ русскій, большой руки, старый, замкнутъ, только душка у того замкà была надломлена». Кондратій по дорогѣ остался у попа Максима, а Арининковъ одинъ пришелъ къ Симону, который взглянувъ на замòкъ, сказалъ, что «тотъ замòкъ трава «разрывъ», которая есть у него, разорветъ розно», послѣ чего положилъ замòкъ на полку за образъ. Затѣмъ они вмѣстѣ сходили въ кабакъ, выпили, а вернувшись, уснули въ сараѣ и проспали, пока ихъ не разбудилъ крестьянинъ Л. Өедотовъ.

Вставъ, они всѣ, втроемъ, пошли въ избу, «и говорилъ онъ, попъ Симонъ, съ нимъ, Ларіономъ, «станемъ-де свое дѣло дѣлать», и, говоря такія слова, вышли оба изъ избы вонъ, и бывъ на дворѣ малое время, пришли въ избу, и принесъ попъ въ рукахъ кувшинчикъ маленькій и сказалъ ему попъ, что въ томъ кувшинчикѣ трава «разрывъ». И тотъ замòкъ онъ, попъ, съ полки взялъ и отдалъ своему товарищу, Ларіону, а кувшинчикъ съ травою поставилъ на столъ, и изъ того кувшинчика траву вынулъ онъ, Ларіонъ, и вмѣстѣ съ замкòмъ положилъ себѣ на руку, а ему, Василью, онъ, попъ Симонъ, велѣлъ молиться Богу, и онъ, по его приказу, положилъ три поклона, и какъ всталъ, въ то самое время замòкъ съ руки его, Ларіонова, бросило на столъ, а со стола на полъ, и вырвало изъ того замкà душку, чѣмъ замыкается, да полку, а трава осталась у него, Ларіона, на рукѣ, и онъ тое траву положилъ въ кувшинчикъ и понесъ на дворъ, а гдѣ дѣвали, не знаетъ...» Попъ Симонъ въ своемъ показаніи откровенно разъяснилъ, какъ все было подготовлено, чтобы обморочить Арининкова и увѣрить его въ силѣ «разрывъ-травы», причемъ попъ старался убѣдить, что все это онъ устроилъ единственно «хотя таковà сокровища видѣть и великому государю донесть», пòчему онъ и сказалъ, что у него есть трава, которая можетъ отпереть погребъ. «Мая 30-го, показывалъ Симонъ Захарьевъ, пришелъ къ нему, попу, Василій Арининковъ и принесъ съ собой замòкъ вислый, и отдалъ ему, попу, одному въ избѣ, а крестьянина Ларіона въ то число въ избѣ не было, а былъ онъ у него, попа, въ домѣ, лежалъ въ сараѣ, и онъ, попъ, тотъ замòкъ, взявъ у него, положилъ передъ иконы. Послѣ этого пошли на Угорскій перевозъ, на кружало, пить вино, и послѣ-де ихъ крестьянинъ Ларіонъ, вшедъ изъ сарая въ избу, тотъ замòкъ изъ передъ иконъ взялъ, и, насыпавъ пороху, зажегъ трутомъ, и тотъ замòкъ разорвало. И онъ, Ларіонъ, тотъ замòкъ, собравъ, положилъ на то-жъ мѣсто, гдѣ его взялъ». Когда, выспавшись, Симонъ и Арининковъ вернулись въ избу, то послѣдній, по словамъ попа, «учалъ у него просить надъ тѣмъ замкòмъ объяву, чтобъ его разорвать травой разрывомъ». Вслѣдствіе этой просьбы онъ, попъ Симонъ, взялъ въ чуланѣ кувшинчикъ съ крапивою и поставилъ на столъ, а его, Арининкова, заставилъ молиться Богу и класть поклоны земные, въ это время Ларіонъ взялъ крапиву и замòкъ на руку, и затѣмъ бросилъ замòкъ, развалившійся при паденіи на куски, сказавъ, что его разорвало травой. «А разрыву-де травы, заключаетъ попъ Симонъ свое показаніе, онъ не знаетъ, и нигдѣ ни видалъ, и въ домѣ у него нѣтъ». Доноситель Ларіонъ Өедотовъ показалъ то же, что и его соучастникъ.

На очной ставкѣ, данной попу Симону съ Арининковымъ, каждый остался при своихъ показаніяхъ, первый, что въ кувшинѣ была крапива и

замо́къ заранѣе былъ разорванъ порохомъ, второй,—что трава на крапиву не похожа, «сива, а листомъ узенька», и что «въ замкѣ пороху не было и огнемъ не зажигали».

Для рѣшенія этого дѣла въ канцеріи Сенатскаго Правленія не нашлось подходящаго дѣла изъ прежней практики, въ Уложеніи же «такой статьи, которые люди будутъ въ приводехъ съ травами, и тѣми травами производили дѣла, что имъ чинить, не напечатано». Въ виду этого, стольникъ Ю. Ѳ. Шишкинъ сдѣлалъ постановленіе (августа 2-го), запросить Московскую губернскую канцелярію и Преображенскій Приказъ, нѣтъ ли у нихъ въ числѣ «вершенныхъ» такого рода дѣлъ. 10-го августа губернская канцелярія, справившись съ Земскимъ Приказомъ, отвѣтила, что подобнаго рода дѣлъ не было, что же касается до Преображенскаго, то страшный глава этого Приказа, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, почему-то совсѣмъ не принялъ указа и не захотѣлъ па него отвѣчать.

Приходилось рѣшать дѣло самостоятельно, и, 19-го августа, стольникъ Шишкинъ съ товарищи, слушавъ допросныхъ рѣчей, приказалъ: 1) поповъ Матвѣя Осипова и Максима Анисимова отослать къ преосвященному Крутицкому, а попа Савву Ѳедорова въ Патріаршій духовный приказъ, «написавъ все ихъ дѣло, для учиненія имъ указа по правиламъ святыхъ отецъ» [1]). 2) попа Симона Захарьева оставить въ канцеляріи до указа, 3) доносителя Ларіона Ѳедотова и крестьянина Василія Арининкова «распросить съ пристрастіемъ, въ застѣнкѣ, а буде они будутъ говорить въ застѣнкѣ прежнія рѣчи, и ихъ въ томъ и пытать, и 4) крестьянамъ разныхъ помѣщиковъ Тарасу Павлову (и другимъ, всего 6 человѣкъ) «учинить наказанье, бить кнутомъ, за то что они про погребъ съ сокровищами и про траву-«разрывъ» другъ другу сказывали, а подлинно до того погреба не довели, и отдать ихъ помѣщикамъ съ роспискою» [2]). 2-го сентября «доноситель» и Арининковъ были подвергнуты пыткѣ, дано по 15 ударовъ, но они не прибавили ничего новаго, это ускорило окончаніе дѣла и сентября 9-го было постановлено окончательное рѣшеніе. Спасскаго монастыря попа Симона Захарьева велѣно отослать къ епископу Крутицкому съ указомъ, въ которомъ написать все его дѣло, для учиненія ему указа по правиломъ святыхъ отецъ, 5) «крестьянамъ доносителю Ларіону Ѳедотову и Василью Арининкову учинить наказанье, бить кнутомъ, для того, что онъ, Василій, за цѣлованіемъ святыя иконы, погреба съ сокровищемъ нигдѣ не указалъ, а Ларіонъ, въ распросѣ и съ пытки говорилъ, что онъ замо́къ, который принесъ къ попу Симону Василій Арининковъ, разорвалъ порохомъ, а не травою, и травы разрыву онъ не знаетъ, а ему, Василью, говорилъ онъ подлогомъ, будто травою разрывомъ, хотя про тотъ погребъ съ сокровищемъ вѣдать, а учиня наказанье свободить на росписки».

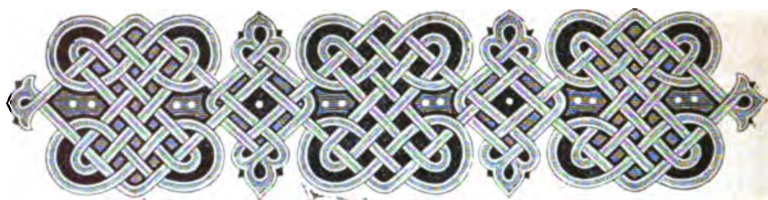
Согласно этого рѣшенія, сентября 10-го, попъ Симонъ отправленъ съ указомъ къ епископу Сарскому и Подонскому Алексію, а крестьяне Ларіонъ Ѳедотовъ и Василій Арининковъ «биты кнутомъ, у столба и отданы на росписки». Такъ окончилось это дѣло о таинственномъ погребѣ съ несмѣтными сокровищами, соблазнившими столь многихъ.

Сообщено **А. А. Голомбіовскимъ**.

---

[1]) Отосланы съ указами 22-го и 23-го августа.

[2]) Крестьянамъ прочитанъ приговоръ и наказаніе учинено.

СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ. Въ 1883 году таврическое дворянство, празднуя столѣтіе присоединенія Крыма къ Россіи, рѣшило соорудить памятникъ императрицѣ Екатеринѣ. Открыта была подписка по всей имперіи и скоро Симферополь ознакомился съ ея блестящимъ результатомъ. Звонъ соборнаго колокола возвѣстилъ городу вечеромъ 17-го октября, о канунѣ долгожданнаго событія. Въ каѳедральномъ соборѣ и приходскихъ церквахъ были совершены торжественныя всенощныя. Весь городъ былъ иллюминованъ. Особенно же красиво убранъ былъ стоящій противъ главныхъ дверей каѳедральнаго собора обелискъ первому воителю Крыма князю В. М. Долгорукову-Крымскому, воздвигнутый въ 1842 году. Гирлянды, флаги и красиво задрапированные щиты съ вензелями державнаго имени украшали этотъ монументъ. Насталъ и самый день торжества. Въ 10 часовъ утра гласные думы, мѣщанской и ремесленной управы, поспѣшили въ свои учрежденія, чтобы оттуда двинуться въ каѳедральный соборъ. Весь городъ съ утра былъ на ногахъ. Всюду ходили оживленныя, нарядныя толпы. Войска расположились шпалерами по пути слѣдованія крестнаго хода и на соборной площади; тутъ же стояли строемъ и гимназисты съ оркестромъ своей музыки. Въ 10 часовъ началась литургія, по окончаніи которой совершена панихида по императрицѣ Екатеринѣ II. Въ соборѣ присутствовали начальникъ губерніи, придводитель дворянства, представители общественныхъ и сословныхъ учрежденій, учебныя корпораціи, начальники отдѣльныхъ частей, два представителя печати и приглашенные изъ другихъ губерній почетные гости. Подойдя къ помятнику Долгорукова-Крымскаго, крестный ходъ повернулъ въ городской садъ, гдѣ высился, закутанный полотномъ, десяти-саженный монументъ. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ, городской голова, мѣщанскій староста, шли съ своими асистентами-гласными, членами управъ. Духовенство шло по-парно, неся крестъ и евангеліе, пожалованные императрицей Екатериною каѳедральному собору, во время государыни бывшему еще лишь проэктомъ. Несли въ крестномъ ходѣ позолоченную мѣдную доску съ спискомъ грамоты, высочайше дарованной кн. Долгорукову-Крымскому въ 1771 году. Доска эта хранится обыкновенно въ главномъ храмѣ собора. Крестный ходъ замыкали начальникъ

губерніи, губернскій предводитель дворянства, другія высшія военныя и гражданскія власти и приглашенные почетные гости. Въ самомъ же хвостѣ шли гимназисты высшихъ классовъ съ своимъ оркестромъ. Воспитанники другихъ учебныхъ заведеній въ крестномъ ходѣ не участвовали, за исключеніемъ пѣвчихъ семинаристовъ, пѣвшихъ попеременно съ архіерейскимъ хоромъ. Съ западной стороны памятника была устроена палатка, надъ входомъ въ которую красовались золотая русская хоругвь съ вензелемъ высочайшаго имени. Въ этой палаткѣ былъ приготовленъ налой, и началось служеніе молебна съ водосвятіемъ. Глаза всѣхъ были обращены къ закутанному полотномъ монументу. Но вотъ пелены заколыхались и передъ строемъ войскъ, передъ массою народа, высоко врѣзываясь въ голубое крымское небо, явилась мощная фигура царственной жены. Длинное одѣяніе пышными складками спадаетъ къ подножію, одна рука простерта, другая—держитъ скипетръ. Лицомъ фигура смотритъ на югъ. У ногъ Екатерины—ея вѣрные слуги и помощники въ дѣлѣ присоединенія къ Россіи Крымскаго ханства: Потемкинъ и Долгоруковъ-Крымскій. Тутъ же бюсты Суворова и Булгакова. Основаніемъ памятнику служитъ пьедесталъ, къ которому ведутъ широкія ступени изъ краснаго и сѣраго сердобольскаго гранита, остальное все—бронза. Стоимость монумента 92 тысячи рублей. Эта сумма собрана подпиской, открытой по почину таврическаго дворянства по всей Росссіи. Памятникъ сдѣланъ по рисункамъ проф. Лаверецкаго. Работами руководилъ архитекторъ А. Вольфъ, каменныя же сооруженія въ памятникѣ производилъ подрядчикъ Бариновъ. Памятникъ обнесенъ невысокою, около пол-аршина, рѣшеткою замѣчательно изящнаго вида. По четыремъ угламъ поставлены массивныя пяти-фонарныя канделябры, увѣнчанные короною. На лицевой сторонѣ памятника надпись: «Екатеринѣ II въ царствованіе Императора Александра III», а ниже подъ фигурами сподвижниковъ императрицы: «Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій». По бокамъ подъ бюстами справа: «Суворовъ», слѣва: «Булгаковъ». На задней сторонѣ памятника бронзовый барельефъ, изображающій татарскихъ мурзъ и беевъ, склоняющихся передъ Екатериною, сзади которой виднѣется фигура Потемкина. Ниже этого баральефа надпись: «Таврическое дворянство при участіи всей Россіи, въ память столѣтія присоединенія Крыма 1783—1883 гг.». Надпись эта окружаетъ барельефный гербъ Таврической губерніи. Когда упали пелены съ памятника, раздался троекратный салютъ изъ ружей и пушекъ. Въ воинскомъ парадѣ участвовали и ополченцы. Съ удивленіемъ смотрѣли на это войско, одѣтое въ партикулярное платье, но съ крестами на шапкахъ (у магометанъ и евреевъ, вмѣсто креста, четыреугольникъ съ надписью: «За Царя и отечество»).

Оркестръ заигралъ «Боже, Царя храни» и весь строй учениковъ спѣлъ народный гимнъ. Послѣ окропленія св. водою памятника, крестный ходъ возвратился въ соборъ. Таврическое дворянство предложило всей учащейся молодежи (свыше 1,000 человѣкъ) лакомства, а городъ угостилъ войска на базарной площади водкою, пивомъ и пирогами. Затѣмъ состоялся во вновь ремонтированномъ дворянскомъ дворцѣ торжественный обѣдъ таврическаго дворянства. Празднество продолжалось цѣлый день. Весь городъ былъ убранъ зеленью и флагами, а вечеромъ илюминованъ. За городомъ на полѣ, близь лагерей былъ сожженъ фейерверкъ. Хоры музыки гремѣли на улицахъ. Магазины были заперты весь день. Вообще городъ имѣлъ рѣдкій праздничный видъ. Порядокъ былъ образцовый на всѣхъ пунктахъ. Въ соборной мечети, за упокоеніе великой государыни молились крымскіе мурзы, беи и простые татары.

Шестое присужденіе Пушкинскихъ премій. 19-го октября въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ былъ прочитанъ отчетъ о результатахъ конкурса на соисканіе ежегодной проміи Пушкина за ученыя сочиненія по исторіи рус-

ской литературы въ XVIII и XIX вѣкахъ, за произведенія изящной словесности и за критическій разборъ выдающихся произведеній изящной словесности. Въ малую конференцъ-залу собрались академики: А. А. Штраухъ, М. И. Сухомлиновъ, Л. Н. Майковъ, Н. Н. Бекетовъ и др., лейбъ-медикъ Н. Ф. Здекауеръ, члены-корреспонденты Академіи и посторонніе гости. Въ 1 часъ прибылъ августѣйшій призидентъ Академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и засѣданіе было открыто. За почетнымъ столомъ заняли мѣста по бокамъ президента вице-президентъ Я. К. Гротъ и директоръ Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычковъ. Предсѣдательствующій во II отдѣленіи Я. К. Гротъ прочелъ отчетъ о присужденіи премій, на соисканіе которыхъ въ текущемъ году было представлено семь трудовъ, въ томъ числѣ три стихотворные перевода произведеній англійской, нѣмецкой и французскихъ литературъ. Одно изъ сочиненій было изъято изъ конкурса, другое разсмотрѣно въ средѣ самаго отдѣленія. Затѣмъ къ участію въ оцѣнкѣ остальныхъ пяти трудовъ приглашены били: Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, Ал. Ник. Веселовскій, А. И. Кирпичниковъ и Н. И. Стороженко. Въ комиссіи по присужденію премій предсѣдательствовалъ августѣйшій президентъ Академіи и участвовали пять членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности и Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Я. П. Полонскій и А. Н. Пыпинъ. Премій удостоились слѣдующія сочиненія:

I. «Пѣснь о Нибелунгахъ» въ переводѣ М. И. Кудряшева. Разборъ былъ сдѣланъ профессоромъ новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковымъ. Этого перевода русское общество ожидало чрезвычайно долго. Уже съ 40-хъ годовъ эта великая эпопея становится извѣстной всѣмъ образованнымъ людямъ по хорошимъ журнальнымъ статьямъ. Полный переводъ явился только теперь. Онъ сдѣланъ спеціалистомъ, съ оригинала, очень хорошо обставленъ съ ученой стороны. Говоря о главной части труда г. Кудряшева—переводѣ поэмы, авторъ рецензіи заявляетъ, что рѣдко приходится встрѣчать книги, въ которыхъ намѣреніе автора такъ близко сходилось бы съ исполненіемъ: г. Кудряшевъ, дѣйствительно, перевелъ «Пѣснь о Нибелунгахъ», какъ только возможно близко, и при этомъ съумѣлъ выразить стиль и духъ нѣмецкаго текста, не насилуя языка русскаго, который у него, правда, мѣстами тяжеловатъ, но чистъ и правиленъ, а часто силенъ и поэтиченъ, Задача была не изъ легкихъ. «Нибелунги»—произведеніе такого свойства что передающему его на другой языкъ постоянно приходится балансировать между двумя видами эпической поэзіи, по тону почти противоположными. Переводчикъ вполнѣ удовлетворительно выполнилъ свой трудъ старательнымъ изученіемъ памятника и вѣрнымъ до мелочей воспроизведеніемъ каждой строфы въ отдѣльности. Въ виду такого отзыва Академіей Наукъ присуждена половинная премія въ 500 р.

II. Трагедія Шекспира: «Антоній и Клеопатра» и «Ричардъ II» въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго. Разборъ П. И. Вейнберга. По мнѣнію рецензента, въ числѣ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которые имѣютъ право на названіе переводчиковъ въ лучшемъ значеніи этого слова и заслуживаютъ самаго серьезнаго и сочувственнаго отношенія къ нимъ какъ критики, такъ и читателей—Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. У него понятіе о хорошемъ переводѣ совершенно правильное, ибо онъ всюду въ своихъ работахъ старается сохранить внутренній смыслъ подлинника, его общій, а также мѣстный и временный колоритъ, характеристическія частности, поэтичность; при этомъ онъ не упускаетъ изъ виду условій русскаго языка сравнительно съ языкомъ подлинника, вслѣдствіе этого не ломаетъ его насильственно для соблюденія точности чисто внѣшняго свойства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не позволяетъ себѣ злоупотреблять этимъ обстоятельствомъ. Стихъ его тоже заслуживаетъ серьезнаго одобренія. Игра словъ въ оригиналѣ передана въ переводѣ умѣло. Оба перевода соста-

вляютъ, по мнѣнію рецензента, капитальное пріобрѣтеніе въ нашей поэзіи вообще и относительно Шекспира въ частности. Академія удостоила переводчика половинной преміей въ 500 р.

III. Комедія Мольера «Школа женъ» въ переводѣ В. С. Лихачова. Разборъ Ѳ. Д. Батюшкова. Языкъ Мольера считается во Франціи образцовымъ и съ литературной точки зрѣнія; онъ болѣе близокъ къ нынѣшнему языку, чѣмъ слогъ многихъ произведеній его современниковъ, и переводчики Мольера должны стараться по возможности приблизиться къ тому, что въ данное время считается образцовымъ литературнымъ языкомъ. Г. Лихачовъ справился весьма удовлетворительно съ большинствомъ тѣхъ трудностей, которыя ему пришлось преодолѣть при переводѣ комедіи. Его работа имѣетъ огромныя преимущества предъ переводомъ той же пьесы, исполненной покойнымъ Дм. Дм. Минаевымъ, который, кстати сказать, невѣрно и озаглавилъ комедію «Школою женщинъ» (рѣчь въ ней идетъ именно о женахъ, а не о женщинахъ вообще). Въ отношеніи точности передачи французскаго текста Минаевымъ слѣдуетъ признать, что его переводъ лишенъ всякой художественности выполненія уже потому, что онъ слишкомъ далекъ отъ оригинала по отсутствію живописи и правдивости стиля и характера рѣчей. Переводъ г. Лихачева мѣстами идетъ почти вровень съ подлинникомъ. Промахи и недостатки есть, но они не имѣютъ особеннаго значенія и не вліяютъ на достоинство работы. Академіею присуждена; по недостатку ея средствъ лишь поощрительная премія въ 300 р.

IV. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина. Спб. 1888 г., два тома. Разборъ Алексѣя Ник. Веселовскаго. Типъ образцоваго изданія полнаго собранія сочиненій классическаго автора достаточно выработанъ въ настоящее время. Два тома, изданные г. Шляпкинымъ производятъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе. Число произведеній сатирика умножено здѣсь двумя драматическими пьесами, нѣсколькими стихотвореніями, прозаическими и письмами. Примѣчанія, обширный указатель литературы о Грибоѣдовѣ, особый указатель собственныхъ именъ и непонятныхъ словъ, алфавиты къ этимъ указателямъ, нѣсколько портретовъ, факсимиле почерка, музыкальное приложеніе, — все это доводитъ полноту собранія даже до роскоши. Очевидно издатель знакомъ съ тѣми требованіями, которыя наше время предъявляетъ къ предпріятіямъ подобнаго рода, и старался осуществить ихъ на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе въ новомъ собраніи сочиненій исторія текста мало подвинута впередъ. Однако, комиссія нашла, что изданіе г. Шляпкина, не смотря на указанные въ немъ недостатки, безспорно составляетъ не лишенный достоинствъ вкладъ въ литературу изученія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и потому опредѣлила, на основаніи § 4 положенія о пушкинскихъ преміяхъ, выразить редактору свое одобреніе почетнымъ отзывомъ.

Академія, въ полной мѣрѣ цѣня трудъ, который названные выше ученые и литераторы съ такою готовностью приняли на себя и исполнили такъ добросовѣстно, съ такимъ знаніемъ дѣла и талантомъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи публично выразить имъ здѣсь свою живѣйшую благодарность, въ ознаменованіе которой и присудила золотую пушкинскую медаль гг. Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, Алексѣю Ник. Веселовскому, А. И. Кирпичникову и Н. И. Стороженко.

Историческое Общество. Засѣданіе Общества 10-го октября привлекло многочисленныхъ посѣтителей. Аудиторія университета была переполнена учащеюся молодежью. Н. И. Карѣевъ сообщилъ о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи въ XVII вѣкѣ. Готовясь къ торжественному празднованію столѣтія революціи, французскіе ученые (Тэнъ, Сорель, Рамбо, Шампиньонъ, Голяръ, Эрнестъ Додэ и друг.) занялись выясненіемъ эпохи революціи

1789 года, ея причинъ и вліянія революціонныхъ идей на государства Европы. Къ изысканіямъ французскихъ ученыхъ присоединились изысканія правительства, парижскаго муниципалитета, историческаго Общества и сотрудниковъ историческаго журнала, посвященнаго почти всецѣло революціонной эпохѣ. Изученіе революціи велось научнымъ путемъ. Разрабатывались архивные матеріалы, мемуары, письма частныхъ лицъ, жившихъ въ 1789 году и рисовавшихъ нравы и образъ жизни парижанъ и провинціальныхъ городовъ за время политическаго переворота. Эпоха революціи дала богатый матеріалъ не для памфлетовъ, а для исторической критики. Историческій журналъ въ числѣ своихъ организаторовъ имѣлъ Ипполита Карно, отца президента республики. И. Карно основалъ и историческое Общество, съ цѣлью большаго выясненія революціи, сближенія между собою лицъ, работавшихъ надъ этимъ вопросомъ, и изданія архивныхъ матеріаловъ на общія средства. Работы надъ выясненіемъ историческаго прошлаго велись съ замѣчательною обстоятельностью. Число опубликованныхъ историческихъ документовъ, найденныхъ въ архивахъ, превысило 5,230. Несомнѣнно, что французы соединенными усиліями освѣтятъ со всѣхъ сторонъ Францію въ концѣ XVIII вѣка. По мнѣнію Н. И. Карѣева, наиболѣе значенія имѣютъ сочиненія Сореля. Этотъ ученый съ полнымъ безпристрастіемъ выясняетъ отношеніе Франціи того времени къ сосѣднимъ государствамъ и вліяніе революціонныхъ идей на другія государства.

Археологическій институтъ. 25-го октября состоялось торжественное засѣданіе въ память годовщины кончины основателя института, профессора Калачова. Была отслужена панихида по покойномъ. На панихидѣ присутствовали: директоръ института И. Е. Андреевскій, профессоры института, члены Археологическаго Общества, управляющій дѣлами комитета министровъ статсъ-секретарь А. Я. Куломзинъ, сенаторы Н. Н. Селифонтовъ, Гагаринъ и много другихъ лицъ. Въ засѣданіи предсѣдатель Общества, И. Е. Андреевскій, сказалъ небольшую рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность покойнаго основателя института. Затѣмъ онъ же сдѣлалъ сообщеніе—«О трудахъ губернскихъ архивныхъ комиссій въ 1889 г.». Комиссіи эти были основаны по иниціативѣ покойнаго профессора Н. В. Калачова. Несомнѣнно, что архивныя губернскія комиссіи принесли значительную пользу наукѣ. Ими составлено уже не мало губернскихъ архивовъ, археологическихъ музеевъ и библіотекъ. Къ сожалѣнію, труды комиссіи не могутъ быть собраны въ одно самостоятельное цѣльное изданіе, по причинѣ недостаточности средствъ, которыми располагаютъ эти комиссіи. Кромѣ того, въ историческіе архивы, составляемые комиссіями, многіе весьма важные иногда историческіе документы не попадаютъ совсѣмъ. Послѣдняя причина мѣшаетъ составленію общаго изданія трудовъ комиссій еще болѣе, чѣмъ недостаточность средствъ. Археологическій съѣздъ прошлаго года просилъ институтъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о введеніи во всей имперіи однородной формы управленія архивами. Эта однородность имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ составленія архивовъ и ихъ систематизаціи. Въ настоящее время Археологическій институтъ выработалъ проектъ подобнаго управленія. М. И. Семевскій прочелъ сообщеніе «о могилѣ сподвижника Екатерины II, И. И. Михельсона, († 1807 г.) побѣдителя Пугачева. Путешествуя по западной Россіи настоящимъ лѣтомъ, М. И. Семевскій посѣтилъ, между прочимъ, имѣніе покойнаго Михельсона въ Невельскомъ уѣздѣ. Здѣсь и его могила.

Археологическія раскопки, нынѣшнимъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Симферополя, обогатили науку цѣнными кладами. Профессоромъ Веселовскимъ была найдена золотая, около двухъ вершковъ, фигура льва. Сначала думали, что это плечевая застежка отъ тоги, но величина фигурки и отсутствіе приспособленій для застегиванія заставили отказаться отъ этого пред-

положенія. Работа этого золотого льва носитъ характеръ «варварскій», а не строго античный. Такимъ же «варварскимъ» стилемъ отличается работа золотыхъ ноженъ и рукоятки меча, найденныхъ при тѣхъ же раскопкахъ. Въ Тепе-Керменѣ, найдена платиновая монета съ прекраснымъ изображеніемъ и надписью царя Антіоха. Тамъ же найдена мѣдная монета съ изображеніемъ свиньи и трехъ поросятъ. Въ Магнупъ-Кале найденъ камень, или, вѣрнѣе, обломокъ камня съ греческою надписью. Г. Костюшко, въ окрестностяхъ Херсонскаго монастыря открыта древняя стѣна, нѣкогда отдѣлявшая Трахейскій или Ираклейскій полуостровъ отъ страны Тавро-скиѳовъ. Въ засѣданіи отдѣленія русской и славянской археологіи Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, Ѳ. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе «объ археологическихъ поискахъ въ Манкупъ-Кале». Въ поискахъ за вещественными памятниками быта древнихъ готовъ Ѳ. А. Браунъ лѣтомъ этого года произвелъ археологическія раскопки и изслѣдованія въ Крыму. Докладчикъ представилъ описаніе развалинъ древняго замка (XV в. по Р. Х.), сохранившихся здѣсь, на мѣстѣ бывшей столицы готскихъ князей, планъ уцѣлѣвшаго среди древняго кладбища фундамента алтарной абсиды и греческую надпись на мраморной надгробной плитѣ съ именемъ хана Тохтамыша. Въ томъ же засѣданіи Д. В. Айналовъ прочиталъ рефератъ «о трехъ древне-христіанскихъ сосудахъ изъ Керчи». На одномъ изъ нихъ, относимомъ референтомъ къ V в. Р. Х., въ рѣзьбѣ по слоновой кости представлено Благовѣщеніе по апокрифическому евангелію. Остальные два представляютъ стеклянные сосуды, одинъ въ формѣ штофа, другой въ формѣ патеры; по орнаменту и надписи на первомъ изъ нихъ, они относятся къ VI в.

Конкурсъ на составленіе памятника при деревнѣ Лѣсной. Въ 1708 году, 28-го сентября, какъ извѣстно, Петръ I разбилъ шведскій корпусъ Левенгаупта при дер. Лѣсной. Деревня эта находится въ Могилевской губерніи, близъ извѣстнаго мѣстечка Пропойска, въ Быховскомъ уѣздѣ. Возобновляемъ въ памяти читателей нѣкоторыя подробности этого дѣла. Теряя во множествѣ солдатъ отъ повальныхъ болѣзней и сильно нуждаясь въ продовольственныхъ и, въ особенности, въ боевыхъ припасахъ, Карлъ XII приказалъ Левенгаупту двинуться изъ Риги на соединеніе съ нимъ въ Могилевскую губернію. Но, призываемый въ то же время Мазепою въ Украйну, Карлъ не дождался Левенгаупта и ушелъ изъ предѣловъ Могилевской губерніи, оставивъ, такимъ образомъ, послѣдняго съ громаднымъ транспортомъ подъ незначительнымъ прикрытіемъ (около 15,000 чел.), лицомъ къ лицу съ русскими войсками. Петръ I, разумѣется, воспользовался такимъ положеніемъ отряда Левенгаупта и пошелъ ему на встрѣчу. Непріятель былъ настигнутъ при селѣ Долгій-Мохъ, Быховскаго уѣзда. Но осторожный Левенгауптъ не рѣшился принять битву, и дефилеями, по лѣсамъ и непроходимымъ, повидимому, захолустнымъ тропамъ, двинулся дальше къ юго-востоку. Въ то же время проводникъ русскаго войска, жидъ, подкупленный шведами, повелъ царя въ противоположную сторону отъ шведовъ, утверждая, что они еще на правомъ берегу у Днѣпра. Къ счастію шляхтичъ Петроковичъ во время открылъ обманъ, и Петръ двинулся на перерѣзъ шведамъ. Встрѣча произошла у деревни Лѣсной, гдѣ непріятель долженъ былъ переправляться чрезъ болотистую рѣчку Титовку. Раздѣливъ свои войска (около 12-ти тыс.) на двѣ колонны, Петръ напалъ на шведовъ съ тыла и лѣваго фланга, распорядившись въ то же время устроить засѣку въ лѣсу за рѣчкою, на единственной дорогѣ, ведшей отъ мѣста переправы далѣе, къ Пропойску и въ Черниговскую губернію. Шведамъ, такимъ образомъ, были преграждены всѣ пути, и на склонѣ находящейся здѣсь небольшой покатости, на берегу рѣчки Титовки, они, послѣ жаркаго боя, продолжавшагося съ полудня до сумерекъ, понесли полное пораженіе: 8,000 труповъ устлали сравнительно небольшое поле сра-

женія. Остальныя войска, кромѣ множества раненыхъ, разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ и были переловлены, и только немногіе вмѣстѣ съ Левенгауптомъ явились къ Карлу бѣглецами, дѣлая исключительно ночные марши по непроходимымъ мѣстамъ, подлѣ Пропойска и села Полѣсья. Въ руки побѣдителей достался весь боевой и провіантскій транспортъ въ 5,000 повозокъ, а также 42 знамени и 16 пушекъ. Такимъ образомъ, благодаря этой побѣдѣ, Карлъ XII остался безъ подкрѣпленій, что конечно, не могло не вліять на дальнѣйшій ходъ войны и, весьма вѣроятно, отразилось на исходѣ славнаго полтавскаго боя. Но, помимо крупнаго матеріальнаго ущерба, нанесеннаго непріятелю, битва при деревнѣ Лѣсной, чрезвычайно важна по громадному моральному впечатлѣнію, произведенному на воюющія стороны: шведы убѣдились, что времена Нарвы миновали безвозвратно; русскіе увидѣли, что, предводимые своимъ геніальнымъ царемъ, они въ состояніи побѣждать своихъ «учителей». Самъ Петръ Великій придавалъ этой побѣдѣ важное значеніе и впослѣдствіи говорилъ о ней: «сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому-жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ»... Между тѣмъ, мѣстный изслѣдователь, членъ Витебскаго Статистическаго Комитета Е. Р. Романовъ, посѣтивъ, при производствѣ этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій, въ 1888 г. поле сраженія, не нашелъ на немъ ничего напоминающаго великое событіе, и не могъ даже опредѣлить мѣста братской могилы доблестно здѣсь павшихъ русскихъ воиновъ. У крестьянъ деревни Лѣсной имѣются ядра, круглыя свинцовыя пули особаго устройства, съ продѣтою чрезъ нихъ щетиною, обломки штыковъ, ружей и. п. Но ядрами крестьянки бучатъ бѣлье, пули разсѣкаются на картечь для мѣстныхъ охотниковъ, а обломки оружія идутъ на сталенье косъ, топоровъ и т. п. Громадное собраніе остатковъ битвы имѣлось, много лѣтъ тому назадъ, у мѣстной помѣщицы, но и оно исчезло безслѣдно послѣ ея смерти. А вмѣстѣ съ исчезновеніемъ вещественныхъ памятниковъ исчезаетъ у мѣстнаго бѣлорусскаго населенія и память объ этомъ событіи въ исторіи русскаго народа. Въ виду всего вышеизложеннаго, Е. Р. Романовъ, убѣдившись въ невозможности увѣковѣчить событіе мѣстными средствами, счелъ своимъ непремѣннымъ долгомъ возбудить въ высшихъ сферахъ ходатайство о постановкѣ на мѣстѣ битвы, при деревнѣ Лѣсной, подобающаго памятника. На дняхъ имъ получено извѣщеніе, что Державный Вождь всероссійскаго воинства снизошелъ къ этому ходатайству скромнаго провинціальнаго дѣятеля и, къ радости всѣхъ русскихъ людей, всемилостивѣйше, въ 10 день февраля сего 1890 года, повелѣлъ объявить конкурсъ на составленіе проекта памятника при деревнѣ Лѣсной, въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, каковой конкурсъ объявленъ военнымъ министерствомъ.

Двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности по Привислинскому краю д. с. с. М. И. Городецкаго, сотрудника многихъ историческихъ изданій, исполнилось 30 октября 1890 г.. Начавъ службу въ г. Орлѣ, онъ 30 октября 1865 г. перешелъ въ Варшаву подъ высшее начальство кн. В. А. Черкасскаго, а въ 1868 г. поступилъ въ Учредительный Комитетъ и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени занимается дѣлами по устройству привислинскихъ крестьянъ. Научно-литературная дѣятельность его началась съ 1878 года въ «Древней и Новой Россіи», куда онъ присылалъ историческіе и этнографическіе матеріалы за время бытности своей въ должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ Ломжинской губерніи. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ сотрудничаетъ съ самаго его основанія. Помѣщалъ, кромѣ того, статьи и замѣтки въ «Русской Старинѣ», «Новомъ Времени», «Игрушечкѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Сѣверѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Художественныхъ Новостяхъ». Участвовалъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ: въ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», издаваемыхъ съ высочайшаго соизволенія

П. Н. Батюшковымъ, «Холмская Русь», «Волынь», «Бѣлоруссія и Литва», въ которыхъ ему принадлежитъ общая редакція и объяснительный текстъ къ рисункамъ. Онъ помѣщаетъ также статьи, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Андреевскаго и въ «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова. Состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Кіевскаго церковно-археологическаго общества и Холмскаго Свято-Богородицкаго братства и пожизненнымъ членомъ Владиміро-Волынскаго братства.

† Лѣтомъ, въ окрестностяхъ Петербурга, въ глубокой старости **Порфирій Никитичъ Бѣлоха.** Рѣдко кто не знакомъ съ учебникомъ географіи покойнаго педагога: кто самъ учился по этому учебнику, кто училъ своихъ дѣтей географіи, пользуясь хорошо составленнымъ руководствомъ. Оно имѣло 17 изданій (первое вышло въ 1862 году) и разошлось въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Бѣлоха, не окончивъ курса въ университетѣ, началъ свою педагогическую дѣятельность преподаваніемъ русскаго языка въ Торопецкомъ уѣздномъ училищѣ. Затѣмъ сталъ преподавать географію, полюбилъ этотъ предметъ и началъ заботиться о болѣе легкомъ и совершенномъ усвоеніи учениками знаній своей родины. Въ 1845 г. покойный былъ приглашенъ преподавать географію въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Съ этого года П. Н. Бѣлоха служилъ въ военномъ вѣдомствѣ: сперва преподавателемъ, затѣмъ паблюдателемъ за преподаваніемъ географіи и инспекторомъ корпуса. Принадлежа къ числу дѣятельныхъ педагоговъ, П. Н. требовалъ, чтобы каждый учитель одновременно былъ и хорошимъ воспитателемъ, и ратовалъ за устройство особаго учрежденія для подготовленія воспитателей. Покойный сердечно и сочувственно относился къ молодежи и молодымъ учителямъ. Слабость зрѣнія — результатъ усиленныхъ и многолѣтнихъ занятій — помѣшала П. Н — чу до конца жизни! быть преподавателемъ.

† въ Кіевѣ 31-го іюля скоропостижно скончался одинъ изъ знатоковъ исторіи Юго-Западнаго края **Иванъ Петровичъ Новицкій.** Покойный родился въ 1844 г. въ г. Таращѣ, гдѣ его отецъ служилъ въ уѣздномъ судѣ. Первоначальное образованіе получилъ во 2-й Кіевской гимназіи, которую, впрочемъ, по неблагопріятнымъ для него обязательствамъ, долженъ былъ оставить, окончивъ только пять классовъ. Спустя нѣкоторое время онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ съ особенной любовью началъ заниматься исторіей южно-русскаго края. Любовь къ наукѣ, а также психо-физическая болѣзнь, которой онъ былъ подверженъ, дѣлала невыносимымъ для него канцелярскій трудъ и мѣшала поступить на какую-нибудь службу. Свои досуги онъ посвящалъ занятіямъ исторіей и плодомъ этихъ занятій была масса статей и замѣтокъ, которыя въ первое время были помѣщаемы въ «Кіевлянинѣ» и собрать которыя въ настоящее время почти невозможно. Особенно плодотворна была его дѣятельность въ періодъ его занятій въ Центральномъ Архивѣ при университетѣ, куда онъ былъ назначенъ по указанію архиваріуса К. А. Царевскаго въ 1868 году. Собравъ здѣсь массу документовъ по исторіи крестьянъ Юго-Западнаго края, покойный написалъ «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ XV—XVIII вв.». Ему же принадлежитъ «Словарь древняго акроваго языка» («Универ. Извѣст.» 1871 г.), представляющій собой и до настоящаго времени необходимое и почти единственное пособіе въ этомъ дѣлѣ. Въ 1874 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ этнографомъ Чубинскимъ работалъ въ экспедиціи, назначенной императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія юго-западнаго края. Въ это время онъ собралъ для V-го тома «Трудовъ экспедиціи» 5,000 малорусскихъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ въ 1884 г. написалъ прекрасный трудъ «Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ», напечатанный въ художественно-литературномъ альманахѣ «Кіевлянка». Съ 1882 г. принималъ дѣятельное участіе въ начавшемъ издаваться въ это время журналѣ «Кіевская Старина», гдѣ, кромѣ

массы мелкихъ замѣтокъ и рецензій, обнаружившихъ въ немъ большія познанія, были помѣщены его статьи «Князья Ружинскіе» (1882 года, № 4) и «Адамъ Кисель» (1885 года, № 9 и 12). И. П. Новицкій представлялъ собой рѣдкій примѣръ самоучки, всецѣло посвятившаго себя служенію наукѣ.

† Ученый и отважный путешественникъ по Средней Азіи **Петръ Александровичъ Чихачевъ**, во Флоренціи, 1-го (13-го) октября, отъ воспаленія легкихъ. Чихачевъ состоялъ почетнымъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ берлинской и мюнхенской академій и членомъ-корреспондентомъ парижской академіи наукъ (L'Institut de France), которой онъ оставилъ по завѣщанію 100,000 франковъ для выдачи преміи за лучшія сочиненія по Средней Азіи. Онъ неоднократно посвящалъ свой личный трудъ и средства обширнымъ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ. Особенное научное значеніе имѣютъ труды Чихачева «Voyage scientifique dans l'Altaï» etc. (1845) и «Asie Mineur» (1853—1867), доставившіе автору званіе почетнаго члена Академіи Наукъ: петербургской и др. Научно-литературная дѣятельность Чихачева не прекращалась до самой его кончины и выразилась еще недавно цѣлымъ томомъ мелкихъ статей разнороднаго содержанія. Онъ писалъ больше по-французски, жилъ за границей и умеръ 78 лѣтъ.

† Въ Лугѣ 5-го октября, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ **Иванъ Яковлевичъ Горловъ**. Онъ родился въ Рязанской губерніи въ 1814 году и, окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, поступилъ на отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ Московскаго университета. 19-ти лѣтъ онъ уже былъ кандидатъ правъ. Желая продолжать свое научное образованіе, И. Я. отправился въ Дерптъ и поступилъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ. Защитивъ въ 1838 г. диссертацію «De valoris natura», онъ пріобрѣлъ званіе доктора философіи и былъ приглашенъ профессоромъ политической экономіи и статистики сперва Казанскимъ университетомъ, а въ 1847 году — Петербургскимъ. Въ Казани И. Я. былъ виднымъ дѣятелемъ. Не смотря на свою молодость, профессоръ Горловъ руководилъ педагогическимъ институтомъ при Казанскомъ университетѣ и состоялъ членомъ комитета для испытанія кандидатовъ университета, желавшихъ быть учителями гимназій и уѣздныхъ училищъ и домашними наставниками. Въ 1839 г. онъ сдѣлалъ статистическое изслѣдованіе губерній Пермской, Оренбургской, Астраханской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, областей Кавказской и Войска Донскаго. Занимаясь чтеніемъ лекцій въ университетѣ И. Я. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Москвитянина», «Отечественныхъ Записокъ» и Библіотеки для Чтенія». Его критическія статьи о разныхъ русскихъ и иностранныхъ произведеніяхъ изъ области политической экономіи и статистики въ 50—60 годахъ обращали на себя вниманіе общества. Кромѣ того, онъ издалъ два тома «Началъ политической экономіи», написалъ рядъ статей по финансовымъ вопросамъ. Въ 1863 году, по выслугѣ 25-ти-лѣтняго срока, Горловъ одновременно съ профессоромъ И. І. Ивановскимъ получилъ титулъ «заслуженнаго». Вскорѣ по избраніи въ почетные члены Петербургскаго университета (въ 1873 г.), И. Я. вышелъ въ отставку.

† 6-го октября въ Царскомъ Селѣ, на 39-мъ году, одинъ изъ видныхъ нашихъ юристовъ—**Василій Фердинандовичъ Гельбке**. Онъ родился въ С.-Петербургѣ. По окончаніи въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1874 г., курса юридическихъ наукъ съ награжденіемъ медалью за сочиненіе о теоріи поземельнаго кредита, В. Ф. отправился для довершенія образованія за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Страсбургѣ и Парижѣ. Отдавая должное трудамъ германскихъ юристовъ, В. Ф. относился, однако критически къ выводамъ нѣмецкой юриспруденціи по многимъ принципіальнымъ во-

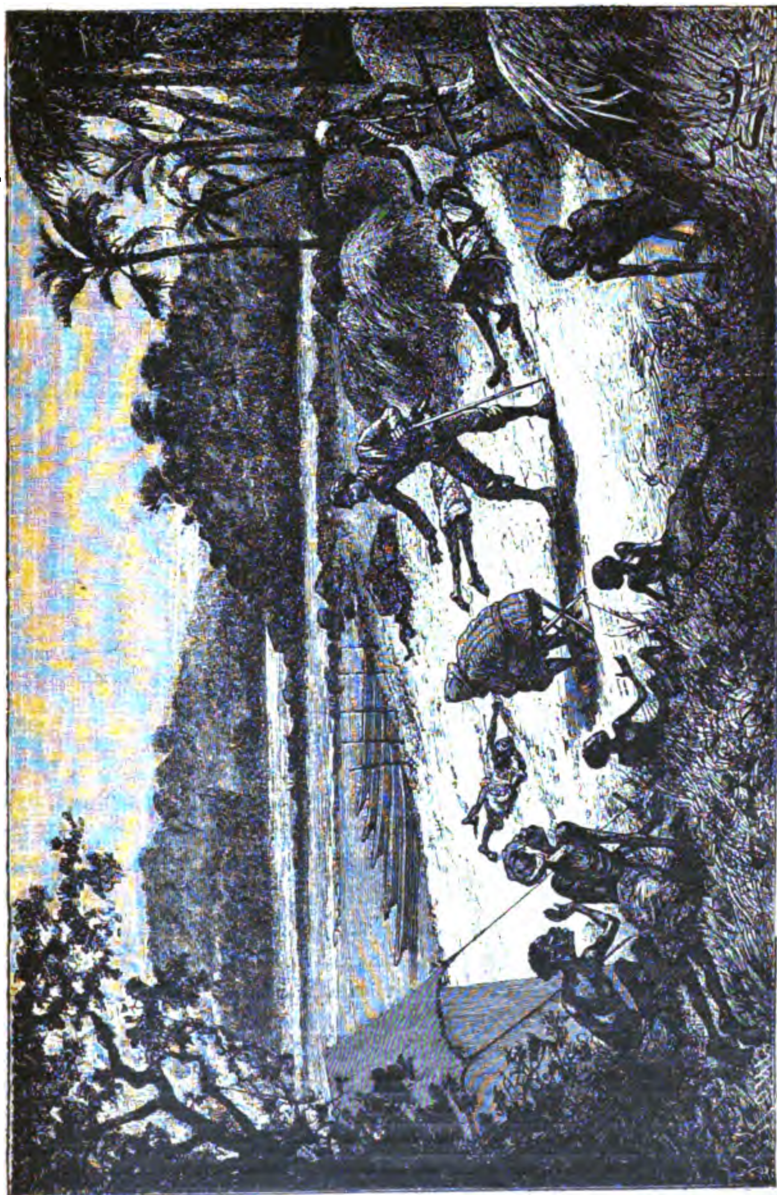
просамъ исторіи и догмы римскаго права. Доказательствомъ тому является, написанная имъ въ Страсбургѣ статья по вопросу о рискѣ при договорѣ купли-продажи, помѣщенная въ спеціальномъ юридическомъ журналѣ — «Archiv für civilistische Praxis» за 1876 г. По возвращеніи въ Россію, В. Ф. примѣнялъ пріобрѣтенныя имъ теоретическія познанія, состоя на службѣ сначала въ сенатѣ, потомъ членомъ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда оренбургской и кіевской, а въ послѣдніе годы жизни дѣлопроизводителемъ комиссіи, составляющей новое гражданское уложеніе, и юрисконсультомъ государственнаго банка. Болѣзнь легкихъ, которою покойный страдалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, лишала его возможности содѣйствовать разработкѣ нашего права въ той мѣрѣ, какъ представлялось бы желательнымъ въ интересахъ отечественной науки. Тѣмъ не менѣе, напечатанная В. Ф. въ «Журн. гражд. и уголовн. права» статья подъ заглавіемъ — «Торговое право и гражданское уложеніе» (книга 7 означеннаго журнала за 1884 г.), въ которой доказывается, что существующее нынѣ между гражданскимъ и торговымъ правомъ имѣетъ лишь историческое, а не раціональное основаніе, составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу.

† 12-го октября, въ своемъ имѣніи, близь Пскова, поэтъ и превосходный переводчикъ драмъ и классическихъ произведеній Гете, а также одинъ изъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей, бывшій уѣздный предводитель псковскаго уѣзда, **Александръ Николаевичъ Яхонтовъ**. Онъ родился въ 1820 году и дѣтство свое провелъ въ родовомъ имѣніи, гдѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ (нынѣ 1-я гимназія) и черезъ годъ переведенъ былъ въ числѣ лучшихъ 25 учениковъ, на казенный счетъ, въ Царскосельскій лицей, который и окончилъ въ 1838 году съ чиномъ IX класса. Подѣ вліяніемъ лицейскихъ преданій о Пушкинѣ, онъ началъ писать стихи въ этомъ заведеніи, перевелъ отрывокъ изъ первой части «Фауста» Гете и начало драмы Лессинга «Эмилія Галлоти» и, вмѣсто обычнаго сочиненія передъ выпускомъ, подалъ къ публичному экзамену отрывокъ изъ «Метаморфозъ» Овидія — «Коллистана», переведенный гекзаметрами. Въ 1839 году онъ поступилъ на службу въ 1-й департаментъ государственныхъ имуществъ и оставался здѣсь до выхода въ отставку въ 1842 году. Послѣ пятимѣсячнаго заграничнаго путешествія, въ концѣ того же года, онъ поступилъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ столоначальникомъ, потомъ чиновникомъ для иностранной переписки и переводчикомъ. Въ 1851 году оставилъ Петербургъ и переселился въ Псковъ, гдѣ опредѣлился на службу совѣтникомъ палаты государственныхъ имуществъ. Спустя семь лѣтъ, по приглашенію попечителя петербургскаго учебнаго округа П. А. Плетнева, перешелъ на должность директора псковской гимназіи. Выйдя въ 1867 г. въ отставку съ полной пенсіей, онъ тогда же сталъ служить по выборамъ, три трехлѣтія былъ избираемъ уѣзднымъ предводителемъ, въ почетные мировые судьи и въ губернскіе гласные. Два трехлѣтія состоялъ (1877—1883) предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы, а позднѣе, до самой почти кончины, былъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителемъ школы, основанной въ Псковѣ въ память Царя-Освободителя. Интересуясь дѣломъ народнаго образованія, А. Н. Яхонтовъ составилъ для комитета грамотности книжку «Приключенія Робинзона Крузое», выдержавшую до шести изданій, а для постоянной комиссіи народныхъ чтеній—три чтенія о «Народной войнѣ 1812 года». Стихотворенія его относятся преимущественно къ 50—60 годамъ и, кромѣ лирическихъ пьесъ, оригинальныхъ, заключаютъ въ себѣ переводы изъ Гете, Гейне, Шиллера, Шекспира, Мицкевича, и друг. Изъ крупныхъ произведеній иностранныхъ поэтовъ онъ перевелъ «Ифигенію въ Тавридѣ» Гете, «Эмилію Галлоти» Лессинга, «Торквато Тассо», Гете. Участвовалъ А. Н. во многихъ журналахъ: «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ» (Не-

красова), «Искрѣ»; въ послѣднемъ журналѣ онъ помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Сельскаго Жителя. Въ началѣ 1884 г. вышли въ свѣтъ «Стихотворенія А. Н. Яхонтова». Хотя онъ мало отзывался на разные современные вопросы и болѣе всего воспѣвалъ красоты природы, но по направленію своей поэтической дѣятельности принадлежалъ къ школѣ Некрасова, духъ и даже манеру котораго онъ весьма сильно усвоилъ. Послѣднее время Яхонтовъ совсѣмъ не писалъ стиховъ и посвящалъ свои досуги статьямъ серьезнаго содержанія. Одна изъ такихъ статей: «Французское общество и народъ въ періодъ первой революціи» помѣщена въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Наблюдателя» за текущій годъ. Всѣ сколько нибудь знавшіе Яхонтова отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ прекрасной души и благороднаго ума, сохранившемъ лучшія традиціи людей сороковыхъ годовъ, къ которымъ принадлежалъ и покойный.

† 20-го октября, главный врачъ Общины св. Георгія, на Выборгской сторонѣ, докторъ-медицины **Николай Петровичъ Богоявленскій**. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1843 г., въ Калужской губерніи. По окончаніи курса въ Медико-Хирургической Академіи, занялъ должность военнаго врача въ Новочеркасскомъ полку. Черезъ три года—прикомандированъ къ Медико-Хирургической Академіи. Во время русско-турецкой войны находился въ числѣ врачей на полѣ битвъ и схватокъ. По возвращеніи оттуда, защитилъ въ академіи дисертацію и въ 1881 г. признанъ заслуживающимъ званія доктора медицины. Состоя врачемъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи, покойный одновременно былъ главнымъ врачемъ Общины св. Георгія. Трудясь на этомъ поприщѣ въ продолженіи 8 лѣтъ, онъ былъ неутомимымъ дѣятелемъ. Когда въ баракахъ общины были помѣщены пострадавшіе при крушеніи императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 года, Н. П. съ заботливостью пользовалъ ихъ. Нѣкоторые изъ пострадавшихъ своимъ полнымъ излеченіемъ всецѣло обязаны покойному. Онъ принадлежалъ къ числу терапистовъ и написалъ рядъ статей научнаго содержанія. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія его изслѣдованіе о фармакологическомъ и клиническомъ вліяніи цвѣтовъ ландыша на сердце. Богоявленскій скончался отъ тифа, осложнившагося другими болѣзнями. Мѣсяцъ тому назадъ онъ обходилъ тифозныхъ больныхъ, пожелалъ выслушать одного больного, приложилъ къ его груди ухо, которое и прилипло, благодаря потному выдѣленію больного. Вечеромъ въ тотъ же день Н. П. слегъ въ постель и болѣе не вставалъ съ нея.

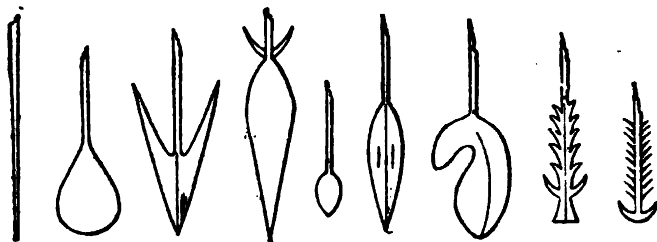
† Въ ночь на 27-е октября, въ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги, **Николай Петровичъ Кичеевъ**, журналистъ, давно уже работающій въ московской печати и хорошо извѣстный тамошней публикѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, онъ посвящалъ свои труды журналу «Будильникъ», издававшемуся тогда г-жею Уткиной. Въ послѣднее время Кичеевъ работалъ въ ежедневныхъ московскихъ изданіяхъ и, между прочимъ, принималъ ближайшее участіе въ газетѣ «Нижегородская Почта», издающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ ежегодно, въ періодъ ярмарки. Живо интересуясь театромъ, Кичеевъ постоянно слѣдилъ за дѣятельностью московскихъ сценъ и часто помѣщалъ въ тамошнихъ газетахъ театральныя статьи и рецензіи. Кичеевъ умеръ всего 42 лѣтъ.

Въ лагерѣ голода.

Что же дѣлалось въ лагерѣ капитана? 7-го октября, т. е. на другой день послѣ отправленія главной колонны на розыски за продовольствіемъ, Нельсонъ спустилъ на воду челнокъ и послалъ двадцать самыхъ сильныхъ изъ оставшихся въ его свитѣ человѣкъ внизъ по рѣкѣ все за тѣмъ же необходимымъ провіантомъ на сосѣднія опустошенныя плантаціи собрать, сколько и чего найдется. Доставая челнокъ, увидѣли на пескѣ небольшую рыбку. Надѣвъ ее на крючокъ, капитанъ Нельсонъ поймалъ рыбу въ четыре дюйма длины, но, къ несчастью, вскорѣ послѣ того крючокъ затерялся въ подводныхъ корняхъ разросшагося тутъ дерева, и вся продовольственная добыча на этотъ день ограничилась этой рыбой. Голодъ былъ неминуемъ, и смерть не замедлила приступить къ опустошенію маленькаго отряда.

Не было ни единаго человѣка въ лагерѣ, который не страдалъ бы тѣмъ или другимъ изъ страшныхъ недуговъ, свойственныхъ нездоровымъ тропическимъ климатамъ. Болѣзни эти сами

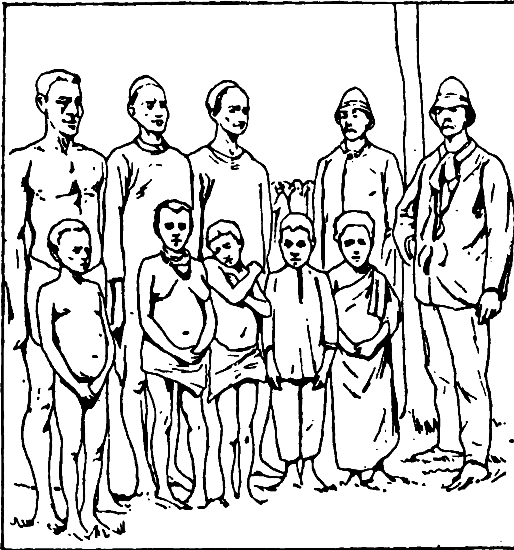

Концы стрѣлъ карликовъ.

по себѣ достаточно уже мучительны и ужасны, а въ данномъ случаѣ тягостность ихъ удесятерялась еще терзаніями голода. Какъ подрѣзанные колосья, одинъ за однимъ падали люди гарнизона на земь и, гдѣ ложились, тамъ и умирали. Каждый день насчитывалось два-три новыхъ трупа. Потрясающее положеніе живыхъ являлось тѣмъ болѣе ужаснымъ, что, вслѣдствіе простой физической слабости, они были уже не въ состояніи даже погребать своихъ мертвецовъ. Сперва ихъ бросали въ рѣку, но спустя нѣкоторое время, когда небольшой остатокъ силъ началъ быстро покидать ихъ, они не въ состояніи уже были подниматься сами, тѣмъ менѣе могли они поднимать безжизненныя тѣла своихъ усопшихъ товарищей. И мертвецы оставались лежать среди умирающихъ... А между тѣмъ дни проходили за днями, безъ малѣйшаго признака освобожденія. Дезертиры, бѣжавшіе отъ ужасовъ смѣлаго похода, вернулись обратно съ мрачными разсказами о грозившемъ имъ злополучіи умереть среди такихъ ужасныхъ условій, передъ которыми, конечно, блѣднѣли всѣ опасности, заставившія ихъ бѣжать изъ стана. Наконецъ, на двадцать третій день, когда торжество

смерти въ лагерѣ достигло своего апогея, явилась помощь. Изъ шестидесяти трехъ человѣкъ, оставленныхъ тутъ какихъ-нибудь три недѣли тому назадъ, на-лицо оказалось всего восемь. Остальные лежали вокругъ, въ видѣ труповъ, или почивали въ глубокихъ водахъ Арувими. Капитанъ Нельсонъ, дошедшій до крайнихъ предѣловъ слабости, былъ спасенъ лишь благодаря заботливому и усердному уходу.

Послѣ короткаго отдыха, Стэнли, забравъ съ собой здоровыхъ членовъ экспедиціи, покинулъ Килингъ-Лонгскій станъ. Спутники его были слишкомъ слабы, чтобы тащить лодку, и послѣдняя,

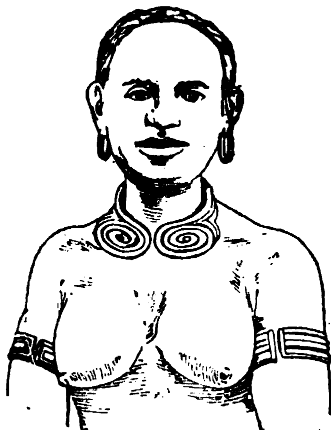

Карлики въ сравненіи съ англійскими офицерами, суданцами и занзибарцами.

вмѣстѣ съ 315 центнерами багажа, была поручена капитану Нельсону и доктору Парку, остававшимся въ арабскомъ поселеніи. Для многодневнаго перехода страна эта не представляла бо̀льшихъ удобствъ, нежели обездоленныя земли, уже пройденныя экспедиціей при такихъ ужасныхъ испытаніяхъ и потеряхъ. Арабскіе невольничьи набѣги распространились на пространствѣ нѣсколькихъ миль огромнаго туземнаго населенія, по имени Ибвири (Ibwiri). Здѣсь лишь чернѣющій пепелъ обозначалъ тѣ мѣста, гдѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ красовались жилища благоденствовавшихъ общинъ.

Черезъ нѣсколько времени дорога пошла черезъ земли Вамбутти, многочисленныя племена карликовъ, роста въ 4 фута 4 дюйма. Они вели постоянную, непримиримую войну съ экспедиціей. Ярость ихъ граничила съ лютостью дикихъ звѣрей, скитающихся въ лѣс-

ной глуши. Они вполнѣ владѣютъ тактикой лѣсной борьбы; главнымъ оружіемъ ихъ, какъ это водится у всѣхъ западныхъ племенъ, служитъ отравленная стрѣла. Еще ранѣе за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, они причинили жестокія потери въ войскахъ арабскихъ невольничьихъ торговцевъ во время цѣлаго ряда лѣсныхъ стычекъ. Эти удачи окончательно вскружили имъ голову и внушили такую самоувѣренность, что они атаковали экспедицію съ задоромъ не взвѣшивающимъ послѣдствій. Во время передвиженія черезъ лѣсъ у Стэнли было не менѣе тридцати серьезныхъ схватокъ съ туземцами, но изъ всѣхъ встрѣтившихся ему племенъ, карлики, во время военныхъ дѣйствій, оказались самыми мстительными и неугомонными. Только превосходное вооруженіе занзибарцевъ спасло экспедицію отъ окончательнаго истребленія ея,—такая страшная масса людей умирала здѣсь отъ отравленныхъ стрѣлъ, сыпавшихся градомъ на несчастныхъ изъ всевозможныхъ засадъ злыхъ карликовъ.

Королева карликовъ.

Наконецъ, 22-го ноября путники достигли Ибвири, гдѣ они хоть нѣсколько могли вздохнуть отъ своихъ мучителей. Тутъ же оказалось большое изобиліе фуража. «Мы угощались домашней птицей, козами, бананами, хлѣбомъ, сладкимъ картофелемъ, ямсомъ, бобами и т. п. Запасы всего были неистощимы и всѣ наѣдались всласть»,—говоритъ очевидецъ. Результаты хорошаго питанія оказались такъ быстро, что, когда девятнадцать дней спустя, Стэнли снова надумалъ двинуться въ путь къ востоку, въ его распоряженіи оказалось 173 «свѣжихъ, здоровыхъ» человѣка.

«Открытое мѣсто—говоритъ Стэнли—мы увидѣли впервые 1-го декабря съ вершины горнаго кряжа, сообщающагося съ горой Писгахъ, получившей отъ насъ это названіе, при первомъ взглядѣ нашемъ на обѣтованную и всѣмъ изобилующую землю. 5-го декабря мы выбрались, наконецъ, на равнины, и весь мрачный лѣсъ остался позади насъ. Послѣ сташестидесяти дней мрака, мы увидали свѣтъ бѣлаго дня, ярко свѣтившаго вокругъ насъ и придававшаго красоту всему окружающему. Намъ казалось, что мы никогда доселѣ не видали ни такой зеленой травы, ни такой привѣтливой мѣстности. Люди буквально вопили отъ радости, прыгали, бѣгали взапуски по травѣ, позабывъ за спиной свои ноши. О, это былъ вновь благополучно возродившійся духъ прежнихъ экспедицій! Вмѣстѣ съ своими грузами гонялись мы по обширному, свободному полю (мягкостью

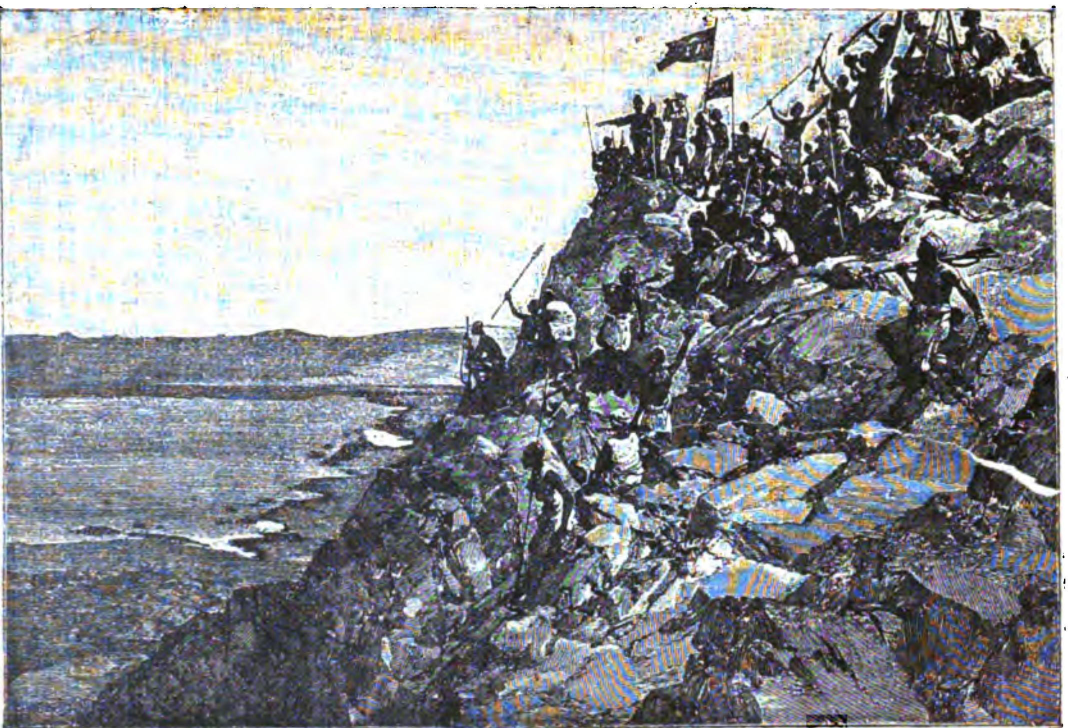
Выходъ изъ лѣса.

своей травы напоминавшему Англійскій паркъ). Стада антилопъ съ заостренными ушками стояли по обѣимъ сторонамъ поля, вытаращивъ глаза, какъ бы пораженныя внезапно нахлынувшей волной людскихъ существъ, восклицающихъ отъ радости, что они выбрались изъ темныхъ чащъ лѣса... Горе грозило туземнымъ забіякамъ, которыхъ намъ пришлось бы встрѣтить, какъ бы сильны они ни были. Воодушевленные такимъ духомъ, люди бросились бы на нихъ, какъ волкъ кидается на овцу. Въ такомъ настроеніи численность уже не принимается въ разсчетъ. Это вѣчный лѣсъ загналъ измученныхъ членовъ экспедиціи на варварское разграбленіе арабскими невольниками въ Килингъ-Лонгѣ. Распространившись сперва по равнинѣ неистовой толпой, черезъ часъ или два мы снова всѣ сошлись въ стройную колонну. Въ опустѣвшихъ поселеніяхъ открытой страны мы угостились дынями, роскошно-ароматными бананами, плодами индѣйской райской смоковницы; кромѣ того, цѣлые горшки вина были къ нашимъ услугамъ. Не зная о присутствіи такой голодной толпы, живность слеталась на землю, тутъ же ощипывалась и жарилась или варилась; козы, меланхолично пощипывавшія травку или занятыя жвачкой, внезапно хватались и моментально обезглавливались; пріятный ароматъ жаренаго мяса сладостно щекоталъ чувство нашего обонянія. Изобиліе, чрезмѣрное изобиліе всякихъ благъ ожидало насъ въ луговой сторонѣ. Каждое селеніе здѣсь не только хорошо, но, можно сказать, даже богато снабжено провіантомъ, въ которомъ намъ такъ долго отказывалось. При такомъ питаньѣ люди вскорѣ возстановили свои силы; болѣзни исчезли, какъ по мановенію волшебнаго жезла, слабые стали сильными, всѣ подбодрились».

Это подкрѣпленіе силъ было весьма кстати, такъ какъ съ этого пункта внизъ до самаго конца озера туземцы оказывали экспедиціи рѣшительное сопротивленіе, не смотря на то, что всякій разъ терпѣли пораженіе, оттѣсняемые занзибарцами. Избѣжать враждебныхъ дѣйствій не было никакой возможности, развѣ только отступленіемъ, о чемъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Мѣстность здѣсь заселена очень густо. Поселеній тутъ скучилось такая масса, что для экспедиціи не представлялось другого выбора какъ или проходить черезъ самыя поселенія, или черезъ прилежащія къ нимъ поля.

Самая серьезная схватка произошла въ области, состоявшей подъ управленіемъ Мазамбони, пользовавшагося значительнымъ мѣстнымъ вліяніемъ.

9-го сентября Стэнли замѣтилъ признаки особенно рѣшительной аттаки и сдѣлалъ необходимыя распоряженія для достойной встрѣчи ея. Онъ находился въ центрѣ селеній, изъ которыхъ выходили большіе отряды людей, съ явнымъ намѣреніемъ одновременно со всѣхъ сторонъ напасть на него. Было около 4-хъ часовъ

У Альбертъ-Ніанца.

пополудни. Стэнли занялъ крѣпкую позицію на хорошо расположенномъ холмѣ.

Между тѣмъ непріятель не прекращалъ своего продолжительнаго воинственнаго крика, перекликаясь другъ съ другомъ съ холма на холмъ черезъ долины. Затѣмъ раздались звуки военныхъ роговъ и барабановъ и съ этого момента вплоть до наступленія ночи отовсюду стали прибывать еще новыя вражескія подкрѣпленія. Самая аттака была отложена до слѣдующаго утра, а на разсвѣтѣ Стэнли попытался начать переговоры съ нѣкоторыми изъ предводителей. Онъ узналъ, что туземцы—подданные королевства Уганда, что настоящій ихъ предводитель Каба-Рега, а Мазамбони собственно только намѣстникъ его.

На одинъ день, пока туземцы носили своему королю подарки Стэнли и справлялись объ его рѣшеніи по этому поводу, заключено было перемиріе. Но на утро 11-го экспедиціи объявили, что, по распоряженію Мазамбони, приказано гнать ихъ изъ этой страны.

Заявленіе это было встрѣчено собравшимися туземцами оглушительными криками «курвана!» На языкѣ владѣній Мазамбони слово «курвана» обозначаетъ «война», тогда какъ почти однозвучное съ нимъ выраженіе «канвана» имѣетъ значеніе «мира». Не теряя еще надежды, Стэнли послалъ парламентера доподлинно узнать, не выкрикиваютъ ли они «канвана» вмѣсто «курвана», но двѣ стрѣлы, пущенныя на встрѣчу его посланному, устранили всякое сомнѣніе на этотъ счетъ.

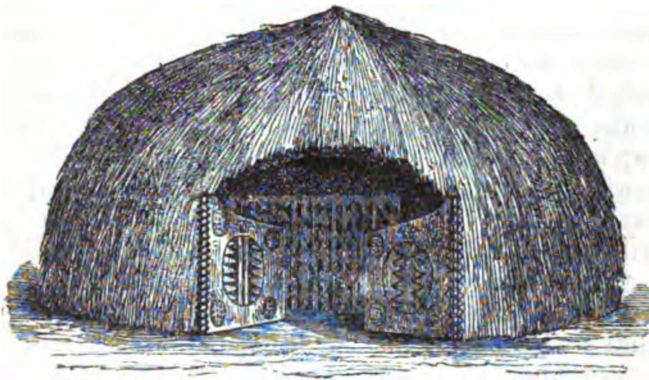
Времени терять было некогда и отрядъ изъ сорока человѣкъ, подъ начальствомъ лейтенанта Стэрса, получилъ приказаніе занять широкую долину. Джефсонъ, съ командой въ тридцать человѣкъ, посланъ былъ на востокъ. Отборный отрядъ мѣткихъ стрѣлковъ отправился для испытанія мужества осаждавшихъ съ болѣе высокой позиціи. Стэрсъ пересѣкъ глубокую и узкую рѣку въ виду сотенъ туземцевъ, осадилъ и взялъ первое поселеніе. Мѣткіе стрѣлки выполнили свою задачу съ неменьшимъ успѣхомъ, быстро погнавъ осаждавшихъ по откосу, пока они не обратились въ повальное бѣгство. Джефсонъ тоже не дремалъ въ это время. Онъ направился по долинѣ прямо на востокъ, оттѣсняя враговъ и захватывая ихъ селенія по дорогѣ. Къ 3-мъ часамъ пополудни, въ предѣлахъ нашего горизонта, кромѣ одного маленькаго холма, въ полутора миляхъ разстоянія отъ насъ, не оставалось ни единаго туземца.

Такъ завершились непріятельскія дѣйствія на первый день. На слѣдующее утро, однако, небольшой отрядъ экспедиціи былъ снова аттакованъ туземцами и снова оттѣснилъ ихъ съ тѣмъ же успѣхомъ. На третій день и на четвертый до полудня аттаки повторялись многократно, не смотря на постоянныя неудачи многочисленныхъ войскъ Мазамбони, терпѣвшихъ каждый разъ значительныя потери. Наконецъ, 13-го числа въ полдень назначено было

короткое перемиріе въ видѣ отдыха, а въ 1 часъ пополудни Стэнли въ своей колонной двинулся въ дальнѣйшій путь.

По прошествіи какихъ-нибудь 15 минутъ, вдругъ раздался возгласъ вождя: «Готовьтесь лицезрѣть Ніанцу!» Войско, не довѣряя этому предвѣстію, только зароптало въ отвѣтъ: «И зачѣмъ это онъ постоянно такъ говоритъ съ нами? Ніанца, неужели! Развѣ это не равнина, развѣ мы не видимъ передъ собою горъ, до которыхъ намъ еще остается добрыхъ четыре дня пути?» Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни внизу подъ ними разстилалось озеро Альбертъ-Ніанца.

«Теперь настала моя очередь язвить и подымать на смѣхъ всѣхъ недовѣрявшихъ мнѣ. Но не успѣлъ я задать имъ вопросъ, что это они видятъ передъ собою, какъ многіе изъ нихъ броси-

Жилье близь Альбертъ-Ніанца.

лись цѣловать мнѣ руки, умоляя о прощеньѣ, и колкое слово мое замерло у меня на устахъ. Это мнѣ было наградой. Горы, о которыхъ они упоминали,—была гряда Уніора, или скорѣе возвышенное ея плато. Кавоили, намѣченный пунктъ экспедиціи, находился въ шести тысячахъ миль отъ насъ. Мы были на высотѣ 1,500 футовъ надъ уровнемъ моря на 1°20″ сѣверной широты. Озеро Альбертъ-Ніанца лежало подъ нами на высотѣ 2,900 футовъ. Южная оконечность его, широко нанесенная на карту, приходилась въ шести тысячахъ миль разстоянія отъ нашей позиціи. Прямо черезъ озеро по направленію къ восточному берегу его можно было различить каждую извилину на его низкомъ плоскомъ побережьѣ; по темной землѣ, точно серебряная змѣя, извивалась р. Семлики (Semliki), впадающая въ Альбертово озеро съ юго-запада».

Дорога, ведущая къ озеру, неровная, каменистая и тяжелая, и только вражескія преслѣдованія туземцевъ понудили экспедицію покинуть плато для спуска. Арріергарду почти вплоть до самаго озера

Ніанца пришлось отбиваться отъ нихъ. Наконецъ, въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ равнины Ніанца, путники расположились лагеремъ на ночлегъ. Съ наступленіемъ темноты, туземцы еще разъ попытались захватить лагерь врасплохъ, но, благодаря бдительности карауловъ Стэнли, потерпѣли полную неудачу.

Раннимъ утромъ на другой день экспедиція подошла къ поселенію Кагонго (Kagongo), находившемуся у самой юго-западной окраины Альбертова озера. По наблюденію Стэнли, настроеніе здѣшнихъ поселянъ страннымъ образомъ разнилось отъ большинства африканскихъ племенъ, съ какими ему приходилось сталкиваться. По словамъ этого племени, они никогда не слыхали, чтобы съ запада приходилъ какой-нибудь добрый народъ. Они не принимали подарковъ, ссылаясь на то, что Стэнли и его спутники для нихъ невѣдомы, и не подпускали экспедиціи къ озеру, изъ опасенія, что они могутъ напугать ихъ скотъ. Вступать съ ними въ враждебныя отношенія не представлялось никакого повода, такъ какъ они были вполнѣ обходительны, давая, однако, Стэнли ясно понять, что во всякомъ случаѣ они въ немъ не нуждаются. Туземцы пошли еще дальше въ своей предупредительности, предложивъ ему проводниковъ для продолженія пути. Отъ нихъ, однако, онъ узналъ о существованіи въ Уніеро бѣлаго человѣка; но болѣе подробныхъ свѣдѣній объ Эминѣ-пашѣ добиться здѣсь оказалось невозможнымъ, изъ чего Стэнли заключилъ, что нарочные его, посланные сухимъ путемъ изъ Занзибара для извѣщенія Эмина объ его прибытіи, по всей вѣроятности, не выполнили своей миссіи. Иначе паша въ южной части озера навѣрное наводилъ бы справки о судьбѣ экспедиціи.

Положеніе Стэнли было довольно затруднительное. Лодки въ его распоряженіи не имѣлось. По сосѣдству съ озеромъ достаточно широкаго дерева для сооруженія челнока также не оказывалось. Въ виду расположенія туземцевъ на самомъ берегу озера, онъ не считалъ возможнымъ захватить какую-нибудь изъ ихъ лодокъ. Достигнуть же Ваделая сухимъ путемъ съ такими ослабѣвшими силами нечего было и разсчитывать, тѣмъ болѣе, что за пять дней борьбы онъ истратилъ пять ящиковъ патроновъ. Еще нѣсколько недѣль подобныхъ стычекъ, и остальные боевые запасы истощились бы. Наконецъ, по зрѣломъ обсужденіи дѣла, Стэнли рѣшилъ отступить къ Ибвири, соорудить тамъ крѣпость и послать одинъ отрядъ обратно въ Килингъ-Лонгу за лодкой; затѣмъ оставивъ въ крѣпости, для охраненія ея и для добычи продовольствія—довольно сильный гарнизонъ, самому съ лодкой двинуться снова къ Альбертову озеру, спустить на воду лодку и пуститься на поиски за Эминомъ по сѣвернымъ берегамъ озера.

За рѣшеніемъ послѣдовало исполненіе. Послѣ четырехдневной стоянки около озера, тревожимый постоянно туземцами, Стэнли

направился съ своими спутниками обратно къ лѣсу. 8-го января, 1888 года они достигли Ибвири. Нѣсколько дней спустя лейтенантъ Стэрсъ, въ сопровожденіи сотни людей, получилъ назначеніе въ Килингъ-Лонгу, гдѣ находились Паркъ и капитанъ Нельсонъ вмѣстѣ съ лодкой и провіантнымъ запасомъ, оставленными въ арабскомъ поселеніи. Всѣ остальные принялись за устройство крѣпости Бодо, что собственно обозначаетъ крѣпость «Мира».

Сооруженіе производилось при постоянныхъ аттакахъ карликовъ Вамбутти, тревожившихъ гарнизонъ и днемъ, и ночью, во все время пребыванія его въ этой мѣстности. Одиннадцать акровъ земли, во избѣжаніе голода, засѣяли рожью, которую, впрочемъ, мстительные и безпокойные бушмены немилосердно опустошали

Въ фортѣ Бодо.

во время своихъ набѣговъ. Кромѣ того, было не мало и всякихъ другихъ тревогъ.

Стада слоновъ уничтожали банановыя рощи, составлявшія одинъ изъ главныхъ рессурсовъ для продовольствія гарнизона. Ураганы сносили хлѣбъ на всходѣ, за одну ночь уничтожая результаты терпѣливаго земледѣльческаго труда нѣсколькихъ недѣль.

Стэрсъ быстро вернулся изъ своей миссіи въ станъ Килингъ-Лонга, исполнивъ въ точности возложенное на него порученіе. Но изъ тридцати двухъ больныхъ, оставленныхъ здѣсь, на лицо оказалось всего одиннадцать. Остальные или умерли отъ разныхъ лишеній, или дезертировали изъ стана. По возвращеніи своемъ, лейтенантъ Стэрсъ былъ посланъ снова черезъ лѣсъ въ лагерь Угаровы, съ предписаніемъ привести оттуда людей, остав-

ленныхъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Стэнли все надѣялся встрѣтить на своемъ пути арріергардную колонну, но въ видахъ предупрежденія возможнаго разочарованія, 14-го февраля 1888 года, изъ крѣпости Бодо рѣшилъ написать маіору Барттелоту письмо, доставку котораго поручилъ двадцати лучшимъ своимъ нарочнымъ. Въ посланіи этомъ онъ описывалъ всю область, чрезъ которую предстоялъ путь арріергардной колоннѣ, присовокупляя необходимыя инструкціи и наставленія для возможнаго минованія непріятностей лѣсного пути. На путешествіе въ станъ Угаровы и обратно лейтенантъ Стэрсъ получилъ тридцать девять дней, по истеченіи которыхъ Стэнли намѣревался снова отправиться къ Альбертову озеру.

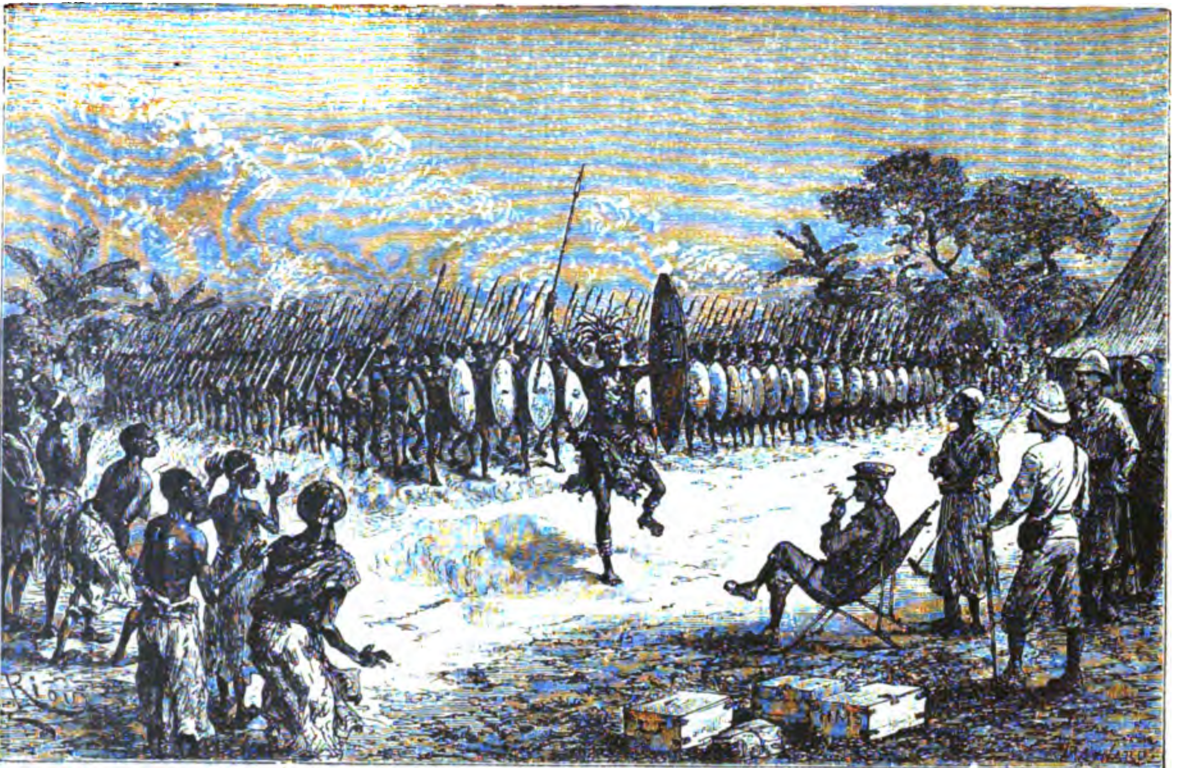
Но вскорѣ по отбытіи Стэрса изъ крѣпости, Стэнли заболѣлъ гастрической лихорадкой и нарывами на рукѣ, что задержало его на мѣстѣ на 40 дней. Не смотря на это промедленіе, лейтенантъ Стэрсъ не успѣлъ еще вернуться. Тогда капитанъ Нельсонъ, оправившійся отъ послѣдствій всѣхъ ужасовъ, пережитыхъ имъ нѣсколько недѣль тому назадъ, былъ оставленъ комендантомъ крѣпости Бодо съ гарнизономъ въ сорокъ три человѣка, а Стэнли, въ сопровожденіи доктора Парка и мистера Джефсона, 2-го апрѣля двинулся къ озеру Альбертъ-Ніанца, до котораго они тащились цѣлыхъ двѣ недѣли, причемъ много дней его несли въ гамакѣ.

Наконецъ, 26-го апрѣля онъ вторично вступилъ во владѣнія Мазамбони, но условія перехода его черезъ эту область на этотъ разъ были совершенно иныя. Видя свое безсиліе отразить завоевателей оружіемъ и, убѣдившись въ отсутствіи корыстныхъ поползновеній съ ихъ стороны, туземцы встрѣтили отрядъ съ распростертыми объятіями. Мазамбони самъ совершилъ обрядъ кровнаго братства съ Стэнли, а примѣру его послѣдовали и остальные туземные предводители на всемъ протяженіи между лѣсомъ и Ніанцой.

Переходъ этотъ явился настоящимъ тріумфальнымъ маршемъ, по свидѣтельству самого Стэнли. «Туземцы кололи дрова, носили воду, перетаскивали наши запасы и матеріалы, снабжали проводниками и провожали насъ цѣлыми сотнями. Стоило намъ выразить какое-нибудь желаніе, чтобы оно немедленно же удовлетворялось».

Черезъ день пути отъ озера, Стэнли донесли, что въ отсутстіе его нѣкій бѣлый человѣкъ посѣтилъ Кавалли и у мѣстнаго начальника оставилъ для передачи ему какой-то черный пакетъ, который онъ имѣетъ получить по возвращеніи. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Стэнли добился этого письма, въ которомъ, конечно, разсчитывалъ встрѣтить строки Эмина-паши. Такъ это и было.

Мѣсяца два спустя послѣ ухода Стэнли отъ озера Ніанца обратно въ крѣпость Бодо, до Эмина дошли слухи о посѣщеніи имъ озера, и паша немедленно направился къ южному берегу

Военный танецъ Мазамбони.

Ніанца, съ цѣлью навести болѣе подробныя справки по поводу этихъ слуховъ. Узнавъ, что Стэнли дѣйствительно прибылъ, онъ и оставилъ это письмо, въ которомъ просилъ изслѣдователя не покидать южнаго берега озера до установленія ихъ взаимныхъ сношеній. Письмо было писано за мѣсяцъ передъ тѣмъ.

23-го апрѣля, на другой день послѣ полученія его, Джефсону дано было назначеніе отправиться къ озеру Ніанца съ сильнымъ авангардомъ, спустить тамъ лодку и двинуться на поиски за пашей. 26-го онъ прибылъ въ Лесву, самую южную станцію египетскихъ войскъ, гдѣ ему оказанъ былъ восторженный пріемъ. Здѣсь Джефсонъ встрѣтилъ Эмина вмѣстѣ съ капитаномъ Казати, и

Начальникъ Кавалли.

наконецъ, въ воскресенье, 29-го апрѣля, всѣ трое двинулись въ Кавалли для свиданія съ Стэнли.

Завидѣвъ въ подзорную трубу египетскій пароходъ «Хедивъ», почти на разстояніи семи миль двигавшійся по направленію къ острову Ніамзассъ, расположенному противъ Кавалли, Стэнли послалъ доктора Парка съ карауломъ ожидать прибытія Эмина по берегу. Экспедиціонный лагерь былъ раскинутъ на возвышенной площадкѣ, ярдахъ въ ста отъ озера. Составить себѣ достаточно ясное представленіе о настроеніи лагеря Стэнли въ этотъ памятный для нихъ вечеръ доступно лишь людямъ, хорошо знакомымъ съ пылкимъ характеромъ занзибарцевъ. Была темная, какъ смоль, ночь, такая темная, какою можетъ быть только тропическая ночь. Часа два тому назадъ еще ясно различался пароходъ. Но ночь спусти-

лась на землю съ внезапностью и напряженіемъ, свойственными этой полосѣ, и лишь незамѣтный блескъ пароходныхъ огней указывалъ ожидавшему лагерю настоящее положеніе «Хедива». Наконецъ, послѣдній бросилъ якорь близь берега озера, и Эминъ-паша, въ сопровожденіи мистера Джефсона и капитана Казати, пересѣли на лодку и, причалили къ берегу, гдѣ были приняты докторомъ Паркомъ и его карауломъ, при восторженныхъ кликахъ толпы. Освѣщаемые нѣсколькими десятками факеловъ, они совершили легкій подъемъ по откосу къ лагерю Стэнли. Сцена взаимнаго пожатія рукъ этихъ двухъ героевъ была полна выразительности и какой-то чарующей сказочности. Занзибарцы скакали отъ радости и кричали такъ, что охрипли; пережитыхъ бѣдствій какъ не бывало; пронзительные голоса женщинъ смѣшивались съ болѣе густыми гортанными звуками мужчинъ; среди общаго гула раздавались красивые, хотя и необычайные звуки вангванскихъ музыкантовъ, извлекавшихъ ихъ изъ однострунныхъ инструментовъ; темныя фигуры густой толпы, озаренныя колеблющимся пламенемъ костровъ и факеловъ или вспышками отъ неравномѣрныхъ ружейныхъ залповъ, завершали картину.

Стэнли горячо привѣтствовалъ Эмина въ своемъ лагерѣ, и паша въ свою очередь отвѣчалъ ему такой же сердечной благодарностью за помощь, которую Стэнли доставилъ ему такой дорогой цѣной для себя и для своихъ спутниковъ.

Но послѣ переговоровъ съ Эминомъ, тянувшихся въ теченіе трехъ послѣдующихъ недѣль, Стэнли пришлось нѣсколько разочароваться при извѣстіи о полномъ нежеланіи, какъ паши, такъ и капитана Казати, вернуться къ озеру. Оба оказались вполнѣ довольными пребываніемъ своимъ въ этой мѣстности, въ постоянной заботѣ о средствахъ для защиты ея противъ нападеній магдистовъ. Они расточали громкія похвалы экваторіальной провинціи, какъ въ отношеніи ея климата и плодородія, такъ и въ отношеніи характера туземцевъ.

Можно себѣ представить впечатлѣніе ихъ рѣчей на Стэнли, когда, отважившись на такое опасное предпріятіе, какъ освобожденіе Эмина, вмѣстѣ съ египетской его свитой, и достигнувъ своей цѣли, онъ нашелъ ихъ не тольно вполнѣ довольными своимъ настоящимъ мѣстопребываніемъ, но даже и не намѣревающимися покидать его. Онъ ставилъ на видъ, что немногіе отважились бы еще разъ пойти на встрѣчу опасностямъ лѣса, черезъ который только-что прошли онъ и его люди, что короли Уганскій и Уніорскій блокировали бы путь къ южному побережью; что ни одинъ караванъ, даже на чисто коммерческихъ основаніяхъ, не рискнулъ бы пуститься черезъ пораженныя голодомъ территоріи Мазайланда (Masailand) и Ланго (Lango); что въ случаѣ отказа Эмина воспользоваться настоящимъ случаемъ для достиженія берега подъ кон-

Свиданіе Стэнли съ Эминомъ и Казати.

воемъ Стэнли, врядъ ли найдутся еще такіе филантропы, которые рискнутъ на подобное предпріятіе. Эминъ располагалъ въ это время двумя баталіонами регулярныхъ войскъ. Первый, состоявшій почти изъ 750 человѣкъ, занималъ Дюфиле, Гоніу (Honyu), Лаборе, Мугджи (Muggi), Кирри, Бедденъ и Регафъ. Второй—около 140 человѣкъ— расположился гарнизономъ въ Ваделаѣ, Фатико, Махаджи и Мсвѣ. Кромѣ того, они владѣли еще двумя-тремя станами на западъ отъ Нила,—всего въ ихъ распоряженіи оказывалось около четырнадцати укрѣпленныхъ мѣстъ. Прибавивъ сюда 1,300 человѣкъ регулярнаго войска, можно считать, что Эминъ располагалъ большой силой иррегулярнаго войска и обширнымъ штабомъ, состоявшимъ изъ матросовъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и т. п.

— Притомъ,— замѣтилъ паша, обращаясь къ Стэнли, — согласись я уйти отсюда, съ нами двинется около 8,000 человѣкъ.

— На вашемъ мѣстѣ,—возразилъ Стэнли,—я не колебался бы ни минуты, даже ни секунды, при выборѣ, какъ мнѣ поступать въ данномъ случаѣ.

— Вы вполнѣ правы, конечно... Но у насъ такая масса женщинъ и дѣтей,— продолжалъ Эминъ,— всего, пожалуй, наберется тысячъ десять. Какими судьбами онѣ могутъ быть выведены отсюда? Намъ потребуется слишкомъ большое количество носильщиковъ.

— Носильщиковъ? носильщиковъ-то для чего же?!.

— Для женщинъ и дѣтей,—отвѣчалъ паша.—Вы, конечно, не бросите ихъ здѣсь на произволъ судьбы, а онѣ не въ силахъ идти такъ далеко.

— Женщины обязательно должны идти пѣшкомъ; это принесетъ скорѣе пользу, нежели вредъ. Что же касается маленькихъ дѣтей, навьючьте ими ословъ, которыхъ, какъ я слышалъ, у васъ около 200 штукъ. Въ первый мѣсяцъ вашъ народъ уйдетъ, конечно, не далеко, но мало-по малу люди привыкнутъ къ походу. Наши занзибарки прошли же Африку въ мою вторую экспедицію. Почему же ваши черныя женщины не могутъ сдѣлать то же самое? Не безпокойтесь о нихъ, онѣ справятся съ дорогой еще лучше мужчинъ.

— Да, но для нихъ потребовалось бы огромное количество продовольствія на дорогу.

— Совершенно вѣрно. Но, вѣдь, кажется, у васъ имѣется нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота, они доставятъ вамъ мясо. Хлѣбъ и растительную пищу мы найдемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя будетъ лежать нашъ путь.

— Прекрасно, прекрасно, отложимъ пока разговоръ нашъ до завтра.

Пренія возобновились на другой день.

— Ваши вчерашнія рѣчи,—заявилъ Эминъ,—убѣдили меня въ

преимуществахъ нашего удаленія отсюда. Египтяне вполнѣ готовы на это. Ихъ, не считая женщинъ и дѣтей, около ста человѣкъ, въ искренности намѣреній которыхъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ. Даже оставаясь здѣсь, я предпочиталъ бы избавиться отъ нихъ, ибо они только подрываютъ мой авторитетъ и парализируютъ всѣ мои старанія. Услышавъ отъ меня, что Картумъ палъ и Гордонъ-паша убитъ, они начали увѣрять нубійцевъ, что все это выдумки, что вотъ-вотъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, мы увидимъ пароходы, идущіе для ихъ освобожденія. На счетъ же регулярныхъ войскъ, составляющихъ первый и второй батальоны, я очень сомнѣваюсь. Они вели здѣсь такую свободную и привольную жизнь, что навѣрное призадумаются покинуть страну, гдѣ пользовались удобствами, на которыя, конечно, не могутъ разсчитывать въ Египтѣ. Солдаты женаты, имѣютъ цѣлые гаремы. Изъ иррегулярныхъ войскъ также не мало нашлось бы желающихъ послѣдовать за ними. Допустимъ, однако, что иррегулярныя войска, въ общей массѣ, откажутся идти... Можете себѣ представить, насколько положеніе мое будетъ затруднительно. Въ правѣ ли я предоставить ихъ на произволъ судьбы, обрекая ихъ всѣхъ почти на вѣрную гибель? Необходимо оставить имъ ихъ оружіе и аммуницію, но съ моимъ удаленіемъ, дисциплинѣ конецъ. Возникнутъ ссоры, составятся партіи; наиболѣе честолюбивые станутъ сильно добиваться главенства надъ остальными, и слѣдствіемъ этого соперничества явятся ненависть и взаимное избіеніе, пока изъ нихъ не останется ни одного человѣка.

— Допустимъ, что вы рѣшаетесь остаться, что же въ такомъ случаѣ дѣлать съ египтянами?

— О, что касается до нихъ, то я попросилъ бы васъ взять ихъ съ собой.

Стэнли между тѣмъ крайне тревожила судьба арріергардной колонны, о которой, послѣ отъѣзда своего изъ Ямбуйи, 28-го іюня 1887 года, онъ не имѣлъ нималѣйшихъ извѣстій. Навѣрное встрѣтилась какая-нибудь серьезная задержка, такъ какъ, допуская самыя продолжительныя остановки, по его разсчетамъ, Барттелотъ долженъ былъ теперь приближаться къ крѣпости Бодо, о чемъ онъ необходимо имѣлъ бы извѣстія. Вслѣдствіе этого Стэнли рѣшился еще разъ проникнуть въ лѣсъ Конго, откуда онъ вынесъ такой горькій опытъ, и во что бы то ни стало добраться до лагеря Барттелота.

Предоставивъ Эмину-пашѣ взвѣшивать pro и contra по поводу поднятыхъ имъ вопросовъ въ теченіе ихъ многократныхъ свиданій, Стэнли отбылъ отъ озера Ніанца 25-го мая 1888 года. Джефсонъ остался съ Эминомъ, снабдившимъ Стэнли для путешествія его въ крѣпость Бодо по западной дорогѣ сто однимъ мадійскимъ носильщикомъ (Madi). Прибывъ въ крѣпость 8-го іюня,

Стэнли засталъ тамъ лейтенанта Стэрса, вернувшагося изъ стана Угароввы 2-го апрѣля, т. е. двадцать два дня спустя послѣ отправленія изслѣдователя къ Альбертову озеру. По свѣдѣніямъ Стэрса, изъ двадцати шести человѣкъ, оставленныхъ у арабскаго предводителя, въ живыхъ оказалось всего шестнадцать. Двадцать нарочныхъ, посланныхъ Стэнли къ маіору Барттелоту, оставили станъ Угароввы въ Ямбуйи 16-го марта.

Занятый приготовленіями къ экспедиціи, Стэнли пробылъ въ крѣпости восемь дней, а затѣмъ, 16-го іюня 1888 года, вмѣстѣ съ 111 занзибарцами и 101 мадійскимъ носильщикомъ двинулся въ путь. Для возможно бо́льшаго ускоренія перехода, всѣхъ своихъ офицеровъ онъ оставилъ въ крѣпости, гдѣ лейтенантъ Стэрсъ получилъ назначеніе коменданта, Нельсонъ—его помощника, хирургъ Паркъ—врача, и гарнизонъ ихъ располагалъ 59 ружьями.

Путешествіе внизъ по теченію шло быстро и вполнѣ успѣшно. 24-го экспедиція достигла поселенія Килингъ-Лонга, 19-го іюля— Угароввы, или правильнѣе сказать, того, что нѣкогда было поселеніемъ Угароввы, ибо станъ его оказался разоренньмъ, и Стэнли узналъ, что великій продавецъ невольниковъ, мѣсяца три тому назадъ, двинулся по направленію къ Ямбуйѣ. Совершая переходъ съ неимовѣрной поспѣшностью, каждый день ожидая встрѣтить возвращающимися своихъ нарочныхъ, пользуясь положеніемъ экспедиціи на-легкѣ, Стэнли въ нѣсколько дней проходилъ такія дистанціи, которыя при другихъ обстоятельствахъ потребовали бы цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы.

10-го августа, нагнавъ Угаровву, двигавшагося не спѣша внизъ по рѣкѣ съ огромной флотиліей, къ своему величайшему изумленію, Стэнли увидѣлъ своихъ нарочныхъ въ самомъ жалкомъ положеніи, едва тащившихся за людьми торговца невольниками. Очевидно, имъ многое пришлось пережить съ 16-го марта, т. е. со дня удаленія ихъ изъ стана Угароввы. Трое уже умерло, двое были еле живы, и только пятеро избѣжали серьезныхъ послѣдствій отъ пораненій копьями и стрѣлами. Эти новости сами по себѣ были достаточно подавляющаго характера, но впереди ожидало его еще худшее.

17-го августа, почти нечаянно, въ мѣстности по имени Баналія, Стэнли набрелъ на жалкіе остатки арріергардной колонны. Сцена эта рисуется рельефнѣе въ собственныхъ выраженіяхъ очевидца.

«У воротъ частокола стоялъ бѣлый человѣкъ, въ которомъ сперва я предполагалъ увидѣть мистера Джемсона, но, подойдя ближе, узналъ въ немъ мистера Бонни, бросившаго врачебную службу при арміи, въ видахъ сопровожденія насъ.

— Здорово, дорогой Бонни, гдѣ нашъ маіоръ?

— Онъ умеръ, сэръ; застрѣленъ маніемцами около мѣсяца тому назадъ.

— Милосердый Боже! А мистеръ Джемсонъ?

— Онъ отправился въ Stanley Falls, съ цѣлью добиться усиленной команды отъ Типпо-Типа.

— А мистеръ Троупъ?

— Мистеръ Троупъ уѣхалъ инвалидомъ домой.

— Домой! Хорошо-съ, а гдѣ же Уордъ?

— Мистеръ Уордъ въ Бэнгалѣ, сэръ.

— О, Боже! живъ! Такъ вы здѣсь въ одиночествѣ?

— Такъ точно, сэръ.

«Арріергардная колонна предстала моимъ глазамъ въ видѣ мрачныхъ обломковъ разбитаго бурей корабля. Изъ 257 человѣкъ въ ней оставалось всего 71, изъ которыхъ, послѣ смотра, годныхъ къ службѣ оказалось всего 52 человѣка, да и тѣ имѣли ужасный видъ.

«Мы достаточно насмотрѣлись на всѣ невзгоды, которыя выпали на долю несчастной арріергардной колонны въ этомъ скученномъ, чумномъ поселеніи, гдѣ она имѣла свое пребываніе. Тутъ же въ это время свирѣпствовала оспа. Шесть труповъ лежали въ селеніи не преданные землѣ. Испаренія въ густо заселенной мѣстности положительно затрудняли дыханіе. Мимо насъ цѣлыми десятками проходили изуродованные люди, почти потерявшіе свой человѣческій образъ. Даже тѣ изъ арріергардной колонны, которые сохранили свои черты, представляли собою лишь живые скелеты, людей, пораженныхъ анеміей, или такихъ, умственное и физическое состояніе которыхъ ярче всего выражалось впалыми щеками, удрученнымъ выраженіемъ лица и глазъ, исполненнымъ грусти или тревожнаго безпокойства».

Несчастье арріергардной колонны должно приписать съ одной стороны злому року, съ другой — положительной измѣнѣ Типпо-Типа. Сколько разъ обращался къ нему маіоръ Барттелотъ за обѣщанными имъ людьми и всегда получалъ отъ него одни уклончивые отвѣты, въ которыхъ онъ, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ оправдывалъ несоблюденіе принятаго имъ на себя обязательства. Задерживая обѣщанный контингентъ носильщиковъ, онъ въ то же время всевозможными средствами старался извести арріергардную колонну, доходя чуть ли не до всеобщей аттаки, съ явнымъ намѣреніемъ самому завладѣть главенствомъ въ долинѣ Верхняго Конго и обогатить себя насильственнымъ присвоеніемъ обширныхъ запасныхъ складовъ, довѣренныхъ Стэнли маіору Барттелоту.

I. К. Вернеръ, инженеръ, служившій въ свободномъ государствѣ Конго, посѣтилъ лагерь въ теченіе этого тяжелаго для нихъ періода и даетъ ясный и точный отчетъ объ ихъ ужасномъ состояніи. Вслѣдствіе нездоровой мѣстности, люди мерли какъ мухи. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, серьезно угрожая положенію маіора Барттелота, расположился Салим-бин-Магоммедъ (Salim-bin-Mahom-

Стэнли набрелъ на остатки аррiергардной колонны въ Баналiи.

med), одинъ изъ лейтенантовъ Типпо-Типа, согласно предписанію котораго, по свѣдѣніямъ мистера Вернера, туземцамъ запрещалось продавать провизію ямбуйскому лагерю. По его же распоряженію посланъ былъ многочисленный отрядъ для уничтоженія челноковъ экспедиціи, стоявшихъ подъ несовсѣмъ надежной охраной на якорѣ на рѣкѣ. И, по всей вѣроятности, только путешествіе мистера Уорда, имѣвшаго соотношеніе съ комитетомъ по освобожденію Эмина, не допустило его дойти до крайностей.

Почти цѣлый годъ спустя, послѣ безплодныхъ пререканій, маіоръ Барттелотъ отправился въ Stanley Falls для личныхъ переговоровъ съ Типпо-Типомъ по этому предмету. Джемсонъ съ тѣмъ же порученіемъ предварительно ѣздилъ къ арабскому предводителю и получилъ отъ него обѣщаніе немедленнаго подкрѣпленія въ 800 человѣкъ. 23-го мая 1888 года состоялось свиданіе маіора съ Типпо, причемъ послѣдній, ссылаясь на множество войнъ, въ которыя онъ-де вовлеченъ туземцами долины Верхняго Конго, заявилъ Барттелоту, что вмѣсто обѣщанныхъ 800 носильщиковъ онъ можетъ дать имъ въ поддержку всего четыреста. Вожакомъ онъ предложилъ араба Муни Ломаи (Muni Lomai). Не владѣя ни арабскимъ языкомъ, ни маніемскими нарѣчіями, маіоръ долженъ былъ подчиниться этому выбору.

4-го іюня Типпо-Типъ явился съ 400 человѣкъ, да, кромѣ того, Муни Ломаи привелъ 30 человѣкъ отъ себя. Лукавый арабъ немедленно вступилъ въ препирательства по поводу грузовъ, предназначенныхъ для переноски его носильщикамъ. 8-го іюня маіоръ Барттелотъ пишетъ: «Сегодня утромъ я нагрузилъ людей Типпо и Муни Ломаи. Типъ самъ спускался внизъ для осмотра ихъ при отпускѣ, останавливалъ почти всѣ грузы, ссылаясь на ихъ чрезмѣрную тяжесть, тогда какъ самые тяжелые не превышали сорока пяти фунтовъ,—его-де людямъ не подъ силу снести ихъ. А два дня тому назадъ онъ одобрялъ эти же самые грузы, которые отвергалъ сегодня... Дѣло заключалось, конечно, не въ тяжести грузовъ, на которые онъ яко-бы обратилъ свое вниманіе; въ сущности это было просто нежеланіе участвовать въ работѣ вообще. Къ такому образу дѣйствій онъ почти безпрестанно понуждался письмами Гольмвуда, вопреки его собственному желанію, и еще болѣе вопреки желанію его собратьевъ-арабовъ. Съ энергіей и самолюбіемъ, присущими очень широкимъ натурамъ, онъ выполнялъ свое дѣло, до крайности уже опротивѣвшее ему; предотвратить это не въ силахъ была даже открытая дружба его со Стэнли. Его обращеніе съ нами сегодня утромъ достаточно доказало это. Думаю, что если въ данномъ случаѣ онъ отступалъ отъ своего договора, на это будетъ обращено особенно серьезное вниманіе при сведеніи общихъ счетовъ. Въ настоящее время онъ крѣпко затянулъ нашу петлю, но вѣдь всему бываетъ конецъ».

11-го іюня маіоръ Барттелотъ тронулся въ свой злополучный походъ. Единственными европейскими спутниками его были Джемсонъ и Бонни, ибо Троупъ, въ качествѣ инвалида, ретировался восвояси, а Гербертъ Уордъ былъ отправленъ внизъ по Конго за инструкціями изъ Англіи. Основаніемъ возложенія такой миссіи на мистера Уорда, по словамъ Стэнли, послужило слѣдующее обстоятельство: «Въ декабрѣ (1887 г.) нѣсколько дезертировъ изъ передовой колонны достигли Ямбуйи и распространили слухъ о моей смерти. Не смотря на отсутствіе документальныхъ доказательствъ, офицеры, повидимому, приняли это извѣстіе за фактъ и, собравшись какъ-то за общимъ офицерскимъ столомъ въ іюнѣ, предложили похерить мои инструкціи. Единственнымъ протестующимъ противъ этого оказался Бонни».

Кромѣ предательства Типпо-Типа, ужасную судьбу арріергардскаго отряда Стэнли приписываетъ также нерѣшительности Барттелота въ исполненіи его инструкцій. Въ ямбуйскомъ лагерѣ умерло сто человѣкъ, и это были самые надежные люди.

18-го іюня, недѣлю спустя послѣ своего отъѣзда изъ Ямбуйи, маіоръ былъ убитъ однимъ изъ маніемцевъ, поставленныхъ Типпо-Типомъ. Въ арріергардномъ отрядѣ исчезла всякая дисциплина; войско открыто возмущалось. Джемсонъ вторично посѣтилъ Stanley Falls съ цѣлью добиться бóльшаго подкрѣпленія отъ Типпо-Типа, а затѣмъ двинулся внизъ по Конго на встрѣчу Уорду, сообщившему ему о новыхъ инструкціяхъ, которыя предстояло ему получить отъ комитета освобожденія въ Англіи. Но въ Бэнгалѣ онъ умеръ отъ лихорадки въ тотъ самый день, когда Стэнли набрелъ на жалкіе остатки арріергарднаго отряда, сократившагося съ 257 человѣкъ до 71, и тѣмъ не менѣе боровшагося еще въ Бэнгалѣ, подъ управленіемъ Бонни, самаго младшаго изъ офицеровъ экспедиціи. Не теряя ни минуты, Стэнли принялся за реорганизацію обломковъ сокрушеннаго арріергаднаго отряда. Почти всѣ запасы погибли,— часть пришлось бросить, за недостаткомъ носильщиковъ, остальное было раскрадено дезертирами. Единственное извѣстіе изъ всей этой перепетіи, принесенное дезертирами въ прошломъ декабрѣ, касалось того, что весь личный багажъ Стэнли, медикаменты, мыло, свѣчи и провіанты пущены внизъ по Конго, какъ «баластъ».

«И это, — замѣчаетъ онъ, — послѣ такихъ-то личныхъ жертвъ съ моей стороны, ради ихъ облегченія и одобренія, они оставили меня, что называется, голымъ, лишили меня всего необходимаго для жизни въ Африкѣ. Смѣшно сказать, что они сохранили мнѣ двѣ шляпы, четыре пары сапогъ и фланелевую жакетку,—прошу покорно вернуться назадъ къ Эмину-пашѣ и пересѣчь всю Африку съ такимъ истинно-африканскимъ багажемъ. Ливингстонъ, бѣдный парень, встрѣтилъ меня весь въ заплатахъ. На этотъ разъ самъ освободитель явится въ лохмотьяхъ. По крайней мѣрѣ, моимъ

офицерамъ не придется завидовать мнѣ,—ихъ багажъ цѣлъ и невредимъ, только мой погибъ».

Обратный путь къ Альбертову озеру явился почти повтореніемъ перваго похода, со всѣми его ужасами, хотя и въ меньшей степени.

Въ Баналіи Стэнли набралъ множество челноковъ, куда помѣстилъ больныхъ и массу провіанта. Успѣшному передвиженію его вверхъ по теченію безпрестанно препятствовали банды туземныхъ дикарей, послѣ побѣды надъ Угароввой черезчуръ возмечтавшіе о своихъ силахъ и отчаянно боровшіеся съ экспедиціей.

Достигнувъ той части рѣки, которая изобилуетъ частыми порогами, Стэнли бросилъ тамъ челноки и перешелъ на сухой путь. Мѣсто это находится въ 300 миляхъ отъ Баналіи и въ четырехъ дняхъ пути выше стоянки Угароввы. По горькому опыту зная негостепріимный характеръ туземцевъ южнаго берега, онъ рѣшилъ на этотъ разъ держаться сѣверной стороны рѣки, хотя, по дошедшимъ до него слухамъ, этотъ берегъ также жестоко пострадалъ отъ арабскихъ набѣговъ.

Открытое мѣсто, простиравшееся еще на сто шестьдесятъ миль, было уже знакомо многимъ изъ участниковъ экспедиціи, но лѣсъ съ его окрестностями въ этой мѣстности для всѣхъ представлялся вполнѣ невѣдомымъ. Прежніе, болѣе опытные спутники Стэнли должны были употребить всѣ свои старанія, чтобы поддержать бодрость и мужество обезсилѣвшихъ могиканъ арріергарднаго отряда, при прохожденіи сѣвернаго берега Итури, какъ именуется Арувими въ самомъ восточномъ своемъ теченіи. Встрѣтившіеся въ огромномъ количествѣ карлики оказались весьма опасными врагами. Въ теченіе десяти дней экспедиція шла по опустошенной мѣстности, и въ это время, говоритъ Стэнли, «мы потеряли бо̀льшее число людей, нежели между Баналіей и Угароввой». Въ довершеніе всего, среди маніемскихъ носильщиковъ свирѣпствовала оспа. Занзибарцы, однако, избѣгли ея, благодаря прививкѣ, которой они подвергли себя во время морского своего путешествія изъ Занзибара.

Чѣмъ далѣе подвигался маленькій отрядъ, тѣмъ страшнѣе становились карлики или Вамбутти. Нѣсколько свирѣпыхъ малютокъ удалось захватить въ плѣнъ, и Стэнли заставлялъ ихъ указывать дорогу. Перейдя множество рѣкъ, экспедиція приближалась уже къ крѣпости Бодо, какъ вдругъ, безъ провіанта, изнеможенные отъ долгаго пути, они очутились среди удивительно негостепріимной области лѣсного пространства. Стэнли немедленно командировалъ обратно полтораста человѣкъ въ сосѣднее селеніе всего въ 15 миляхъ разстоянія, откуда онъ разсчитывалъ получить поддержку, по крайней мѣрѣ, относительно провіанта. Но проходилъ день за днемъ, а фуражиры не возвращались. На 5-й день запасъ муки въ лагерѣ совершенно истощился. Закололи послѣднюю козу. Вскорѣ послѣ полудня одинъ мальчикъ умеръ отъ истощенія. Большой

процентъ людей не могъ держаться на ногахъ отъ слабости. Вечеромъ умеръ еще одинъ человѣкъ. Оставшіеся сомали изъ взятыхъ Стэнли съ собою находились въ состояніи полнѣйшаго изнеможенія, а суданцы едва волочили ноги.

«Забрезжило утро шестого дня. Мы, по обыкновенію, сварили бульонъ. Горшокъ масла, масса воды, горшокъ сгущеннаго молока, ложка муки,—вотъ и все на 130 человѣкъ». Затѣмъ стали держать совѣтъ. Бонни предложилъ свои услуги остаться съ десятью человѣками въ лагерѣ, а Стэнли въ это время пусть-де отправится на поиски за фуражирами или за добычей провіанта.

«И вотъ, послѣ полудня седьмого дня, вмѣстѣ съ Бонни и его гарнизономъ отправились мы,—говоритъ Стэнли,—двадцать шесть немощныхъ, больныхъ, несчастныхъ созданій, близкихъ къ совершенному отчаянію, если только пища не явится въ теченіе 24-хъ часовъ. Никогда не испытывалъ я такой тяжести на сердцѣ и тѣмъ не менѣе, собравъ весь остатокъ силъ, бодро объявилъ изнуреннымъ отъ голода людямъ, что иду назадъ на поиски за пропавшими людьми, которыхъ, впрочемъ, надѣюсь встрѣтить на дорогѣ, и тогда вмѣстѣ съ провизіей скорымъ шагомъ направлю ихъ къ нимъ.

«Въ эти полъ-дня мы сдѣлали девять миль, встрѣчая множество труповъ по дорогѣ. Наконецъ, на восьмой день отсутствія ихъ изъ лагеря, увидѣли мы ихъ марширующими самымъ спокойнымъ образомъ. Само собою разумѣется, что послѣ нашей встрѣчи походка ихъ измѣнилась въ такой быстрый шагъ, что 24 часа спустя послѣ отправленія нашего изъ голоднаго стана, мы успѣли уже вернуться туда обратно съ обиліемъ всякой всячины, вареной кашицы и похлебки, вареныхъ банановъ, жареныхъ индѣйскихъ райскихъ смоквъ и даже небольшого количества мяса, кипѣвшаго въ суповыхъ горшкахъ».

Подкрѣпивъ силы своихъ людей, Стэнли рѣшилъ двинуться къ крѣпости Бодо, по прямому направленію, не взирая ни на какія препятствія. Онъ такъ прекрасно разсчиталъ свой маршрутъ, что, направившись черезъ лѣсъ, безъ всякихъ слѣдовъ и дорожекъ, 5-го сентября какъ разъ наткнулся на западный уголъ крѣпости, въ которой засталъ лейтенанта Стэрса и двадцать пять человѣкъ, вмѣсто пятидесяти девяти, оставленныхъ имъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Узнавъ, что за все время его отлучки ни объ Эминѣ-пашѣ, ни о Джефсонѣ ничего не было слышно, Стэнли очень изумился и встревожился. Молчаніе ихъ являлось для него совершенно необъяснимымъ. Не теряя времени въ тщетныхъ догадкахъ, онъ сталъ готовиться къ выступленію изъ крѣпости къ озеру Ніанца.

Но 16-го января 1889 года нѣсколько туземцевъ прибыли туда изъ Кавалли, съ письмами, адресованными на имя Стэнли. Первое письмо было отъ Джефсона, изъ Дюфиле, помѣченное 7-мъ ноября 1887 года. Оно гласило: «Пишу вамъ для разъясненія по-

ложенія дѣлъ этой страны, и надѣюсь, что эти свѣдѣнія застанутъ васъ въ Кавалли, и я успѣю во-время предупредить васъ о необходимости быть осторожнымъ... Пока мы съ пашой подвигались къ Регафу, два человѣка, офицеръ Абдулъ-Вааль-эффенди и чиновникъ, расхаживая всюду, объявляли народу, что они знаютъ васъ, что вы не что иное, какъ авантюристъ, съ Египтомъ ничего общаго не имѣющій, что письма, доставленныя вами отъ хедива и отъ Нубара-паши, подложны, что извѣстіе о паденіи Картума выдумка, и что паша вступилъ съ вами въ заговоръ, согласно которому, выведя ихъ съ женами и дѣтьми изъ этой страны, вы отдадите ихъ въ рабство англичанамъ. Такія рѣчи среди невѣжественной, фанатической массы возымѣли дѣйствіе фосфора на паклю... Произошло всеобщее возмущеніе, и насъ арестовали».

Первое дѣйствіе бунта произошло въ Лаборе, куда Эминъ-паша вмѣстѣ съ Джефсономъ прибылъ 12-го августа, возвращаясь съ египетскихъ станцій Кирри и Муцци (Muzzi). Станомъ Лаборе командовалъ нѣкій Суроре-Ага (Surore-Aga), фанатикъ изъ фанатиковъ, бывшій невольникъ, своей энергіи обязанный достиженіемъ капитанскаго ранга въ египетской службѣ. Судя по послѣдующимъ событіямъ, вся эта смута была заранѣе обдумана и подготовлена именно этимъ человѣкомъ, конечно, при сочувствіи къ ней, пассивномъ или активномъ, большаго процента войскъ Эмина. 13-го числа весь гарнизонъ вмѣстѣ съ гражданскими чиновниками созванъ былъ для выслушанія прокламаціи хедива, прочтенной большинству остальныхъ гарнизоновъ провинціи и вызвавшей уже заранѣе ропотъ противорѣчія, неудовольствія и недовѣрія.

Но не успѣлъ Джефсонъ довести до конца свое чтеніе, какъ изъ рядовъ выступилъ суданецъ свирѣпаго вида и грубо закричалъ: «Все это ложь! Ваши письма поддѣльны! Вы и не думали приходить изъ Египта! Въ Египетъ ведетъ всего одна дорога, и именно черезъ Картумъ. Если мы не можемъ идти этой дорогой, въ такомъ случаѣ мы предпочитаемъ и жить, и умирать здѣсь!»

Эминъ поспѣшно подступилъ къ бунтовщикамъ, пытаясь ихъ обезоружить, призывая въ то же время остальныхъ къ содѣйствію, но это явилось сигналомъ къ всеобщему возстанію, во время котораго обнаружилось долго сдерживавшееся нерасположеніе солдатъ. Они окружили обоихъ европейцевъ съ взведенными курками. Паша обнажилъ свой мечъ, секретарь его бѣжалъ и спрятался за деревомъ, гдѣ его нашли нѣсколько часовъ спустя въ состояніи полной прострацiи. Трусливый Арафъ-эффенди, истерично вскрикивая, скрылся въ ближайшую хижину, гдѣ забрался подъ кровать, откуда его также вытащили черезъ нѣсколько часовъ. Многіе изъ остальныхъ слугъ паши вели себя въ такомъ же родѣ. Положеніе представлялось весьма серьезное. Эминъ-паша и Джефсонъ были собственно на волосъ отъ смерти, грозившей имъ отъ руки какого-

нибудь изъ страшно возбужденныхъ солдатъ. Къ счастью, офицеры кинулись между ними и катастрофа была предотвращена, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ.

Но на слѣдующей же недѣлѣ, по прибытіи въ Дефиле, паша и Джефсонъ были формально арестованы по распоряженію одного мятежнаго офицера Вадль-Эль-Мулла-Ага (Vadl-El-Mulla-Aga), который, имѣя за собой большую партію, провозгласилъ себя губернаторомъ провинціи.

Тогда Джефсонъ былъ призванъ въ совѣтъ мятежныхъ офицеровъ, гдѣ подвергся подробному допросу касательно происхожденія и цѣлей экспедиціи, а также подлинности письма хедива, взятаго имъ съ собою. Письмо это было прочтено вслухъ въ присутствіи совѣта; затѣмъ началось сличеніе подписи хедива на немъ съ другими подписями его, имѣвшимися въ распоряженіи мятежниковъ. На нѣсколько секундъ они прикинулись сомнѣвающимися, потомъ секретарь совѣта, вскочивъ, швырнулъ письмо на полъ, объявляя Джефсона и его начальника самозванцами, а письмо подложнымъ.

Засѣданіе окончилось безпорядками и возстаніемъ, причемъ изъ всего слышаннаго Джефсонъ вывелъ заключеніе, что мятежные офицеры намѣревались подстеречь Стэнли при его возвращеніи, захватить его провіантъ и амуницію и бросить его на произволъ судьбы въ пустынѣ.

Между тѣмъ онъ и паша были назначены къ отправленію въ цѣпяхъ въ Регафъ. Повидимому, однако, Эминъ не утратилъ еще своего обаянія на солдатъ, такъ какъ они довольно безцеремонно высказывались противъ подобнаго обращенія съ нимъ. Пока совѣтъ продолжалъ свои засѣданія, съ сѣвера нахлынули тревожныя вѣсти. Сильныя войска Магди проникли въ Ладо и грозили немедленно оттѣснить станъ къ югу отъ занимаемаго ими мѣста. Предводитель ихъ, Омаръ Сали, отправилъ трехъ дервишей съ письмомъ къ Эмину-пашѣ. Но посланные были остановлены, письмо перехвачено и прочтено мятежными офицерами. Оно вполнѣ объясняло возникновеніе и происхожденіе новаго волненія, результатомъ котораго было пораженіе генерала Гикса (Hicks), паденіе Картума и различныхъ другихъ египетскихъ станцій. Въ Картумѣ были убиты генералъ Гордонъ, губернаторъ и вмѣстѣ съ нимъ консулы Санеалъ (Saneal) и Никола, грекъ Леонтидо, капитанъ Азоръ, множество другихъ христіанъ, а также масса мятежныхъ магометанъ, Фарратшъ-паша-Еззеимъ (Farrath-pasha-Ezzeim), Магометъ-паша-Гассамъ, Башитъ (Bachit), Бутраки (Butraki), и Ахметъ-бей-эль-Делегабъ (Achmet-Bey-el-Delegab), причемъ всякій убитый партизанами Магди немедленно сжигался на огнѣ. Это было одно изъ величайшихъ чудесъ, совершавшихся для подтвержденія словъ писанія о томъ, «чему надлежитъ исполниться пе-

редъ концомъ міра». Второе чудо заключается въ томъ, что на остріяхъ копій, употребляемыхъ партизанами Магди, горитъ пламя... Мы видѣли это собственными глазами, не то чтобы слышали отъ кого другого». Въ заключеніе письмо призывало Эмина сдаться и подчиниться Магди. Тутъ же были приложены запоздавшія письма отъ Луптона-бея, очевидно, перехваченныя партизанами Магди во время вторженія ихъ въ провинцію Луптона-бея въ 1884 году.

Въ послѣднемъ изъ этихъ писемъ, помѣченномъ 26-мъ апрѣля 1884 года, читаемъ: «Дорогой Эминъ,—все кончено, я погибъ. Всѣ присоединились къ Магди, и его армія направляется къ Мудире (Mudireh) послѣ завтра. Никто не знаетъ, что мнѣ пришлось пережить за эти послѣдніе дни. Я совершенно одинокъ. Податель сего письма сообщитъ вамъ подробности. Изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ въ живыхъ осталось всего пятьдесятъ два, да и тѣ почти всѣ ранены. Будьте насторожѣ. Тысячъ восемьдесятъ хорошо вооруженныхъ людей приближаются къ вамъ. Надѣюсь еще увидѣться съ вами. Искренно преданный Вамъ Ф. Луптонъ».

Содержаніе этихъ писемъ стало извѣстно Стэнли, благодаря сыну одного изъ преданныхъ Эмину офицеровъ, забравшемуся въ помѣщеніе мятежнаго совѣта ночью, съ большимъ рискомъ для себя лично, и скопировавшаго письма, адресованныя къ пашѣ. Дупликатъ перевода посланъ былъ Джефсономъ Стэнли.

Для обсужденія содержанія писемъ Омара Сали немедленно былъ созванъ многочисленный совѣтъ мятежныхъ офицеровъ, которые присудили воевать и собрали большую силу для освобожденія Регафа. Между тѣмъ, отъ несчастныхъ дервишей, попавшихся имъ въ лапы, они старались выпытать, по возможности, болѣе всякихъ свѣдѣній. Ихъ заковали въ цѣпи и бросили въ тюрьму, гдѣ они валялись до полученія извѣстія о паденіи Регафа въ Дюфиле, теперь сдѣлавшагося главнымъ правительственнымъ пунктомъ. Тогда, вытащивъ дервишей изъ тюрьмы, ихъ подвергли всевозможнымъ пыткамъ, какія только способна была измыслить изобрѣтательность ихъ мучителей. Такъ, напримѣръ, цѣлыхъ четыре дня закармливая ихъ до нельзя, имъ не давали ни капли питья. Видя, что такимъ способомъ изъ преданныхъ людей имъ не выжать ни слова, они прибѣгли къ одной пыткѣ, часто практикуемой въ Суданѣ. Полоски расщепленнаго вдоль бамбука закрѣпляются вокругъ головы и затѣмъ ихъ постепенно затягиваютъ, пока онѣ не прорѣзываютъ мяса до костей. Съ выраженіемъ сатанинскаго восторга наблюдали эту пытку египетскіе офицеры. Но, очевидно, люди эти не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Несокрушимые въ своей слѣпой вѣрѣ въ Магди и пророка, подкрѣпляемые фанатизмомъ, достойнымъ лучшихъ дней Ислама, героическіе дервиши вынесли всѣ свои мученія безъ малѣйшаго стона. Наконецъ, истощенные отъ чрезмѣрнаго и ужаснаго напряженія, они попадали на землю.

Тогда ихъ снова обратно снесли въ тюрьму, гдѣ они и оставались, пока къ Дефиле не прибылъ лейтенантъ Магди, и пока мятежные офицеры, опьяненные яростью, не порѣшили предать ихъ смертной казни. Среди египетскихъ солдатъ было распространено суевѣріе, что дервишей не убить ни свинцомъ, ни сталью. Поэтому ихъ отправили внизъ къ отмелямъ Нила и, избивши ихъ до смерти дубинами, выбросили на съѣденіе крокодиламъ.

По всѣмъ сѣвернымъ пунктамъ взятіе Регафа магдистами вызвало всеобщій паническій страхъ. Биддекъ, Кефри и Мугджи (Muggi), поочередно были покинуты и гарнизоны бросились къ югу, оставляя запасные магазины, аммуницію, все, все въ руки побѣдоноснаго Омара. Собранные снова, они произвели попытку отобрать Регафъ, но она окончилась гибельной неудачей, причемъ въ числѣ убитыхъ въ этомъ дѣлѣ оказалось множество злѣйшихъ враговъ паши. Настоящее пораженіе произвело переворотъ въ настроеніи. На южныхъ станціяхъ солдаты объявили, что отказываются воевать до освобожденія паши, и мятежнымъ офицерамъ не оставалось ничего болѣе, какъ подчиниться ихъ требованію. Благодаря этому, Эминъ съ Джефсономъ были отправлены въ Ваделай, гдѣ, считаясь номинально свободными, тѣмъ не менѣе, продолжали еще состоять подъ бдительнымъ надзоромъ. Наконецъ, въ надеждѣ сдержать слово, данное Стэнли, имъ удалось добраться до острова Тунгуру. Магдисты атаковали между тѣмъ Дюджле, который имъ пришлось осаждать въ теченіе четырехъ дней, но гарнизонъ неустанно отбивалъ ихъ отважными вылазками, и они возвратились въ свою главную квартиру Регафъ, гдѣ ожидали подкрѣпленія изъ Картума.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ, когда Джефсонъ писалъ послѣднее письмо свое, доставленное Стэнли туземнымъ гонцемъ, ровно мѣсяцъ спустя, такъ какъ оно помѣчено 18 декабря. Для подтвержденія словъ Джефсона, Эминъ присовокупилъ два собственноручныхъ своихъ посланія, въ которыхъ, однако, по свидѣтельству Стэнли, не дѣлалъ ни малѣйшихъ намековъ о своихъ будущихъ планахъ, такъ что для «изслѣдователя», попрежнему, оставался открытымъ вопросъ, намѣревается ли паша разстаться съ этой страной или рѣшился и на будущее время предоставить себя въ распоряженіе своихъ вѣроломныхъ подданныхъ.

Стэнли отвѣтилъ Джефсону оффиціальнымъ письмомъ, выраженнымъ въ такой формѣ, что оно свободно могло быть прочтено, какъ Джефсономъ, такъ и Эминомъ, или даже кѣмъ бы то ни было изъ мятежниковъ. На отдѣльномъ же клочкѣ бумаги, назначенномъ для прочтенія спеціально Джефсону, онъ приписалъ post scriptum, гдѣ, въ отвѣтъ на изъявленную готовность Джефсона, при первомъ словѣ своего вождя,—бросить все и летѣть къ нему, Стэнли побуждаетъ его, при малѣйшей возможности, прямо спасаться бѣгствомъ.

«Если бы и паша пришелъ съ вами,—говоритъ Стэнли въ своей припискѣ,—въ такомъ случаѣ, по прибытіи вашемъ къ нашему старому лагерю пошлите нарочнаго съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи, и я отправлю сильный отрядъ для конвоированія его вверхъ до самаго плато,—въ случаѣ необходимости, его даже снесутъ наверхъ. Самъ я, послѣ нашего послѣдняго свиданія въ прошломъ маѣ, совершивъ путешествіе въ 1300 миль, страшно утомился и чувствую себя не въ силахъ еще разъ спускаться къ озеру. Паша долженъ немножко пожалѣть меня. Не безпокойтесь и не тревожьтесь за насъ. Въ предѣлахъ двѣнадцатимильнаго разстоянія безъ предувѣдомленія ничто враждебное не можетъ коснуться насъ. Я въ самомъ центрѣ дружественнаго населенія. Стоитъ только раздаться моему призыву къ войнѣ, и въ теченіе четырехъ часовъ я буду имѣть 2000 ратниковъ, готовыхъ отразить мятежниковъ. Если же это должна быть война на словахъ, отчего же,—я готовъ сразиться съ самымъ хитроумнымъ арабомъ. И такъ слушайтесь безъ колебаній, да послужитъ мое предписаніе руководящей нитью въ вашихъ глазахъ, и съ Божьей милосердной помощью все окончится благополучно. За мной дѣло не станетъ, такъ или иначе пашѣ я помогу, но и онъ тоже долженъ пособить мнѣ. Я спасъ бы дюжину пашей, лишь бы только они сами захотѣли спастись... Будьте съ нимъ добры и привѣтливы, ради большихъ его заслугъ. Но не поддавайтесь роковому обаянію, какое Суданская територія, повидимому, заключаетъ въ себѣ по отношенію къ европейцамъ послѣднихъ лѣтъ. Едва успѣваютъ они ступить на эту землю, какъ ихъ затягиваетъ точно въ какой-то омутъ, который засасываетъ ихъ въ себя, прикрывая затѣмъ своими волнами. Единственная возможность миновать сію чашу, это послушаніе слѣпое, беззавѣтное, довѣрчивое всѣмъ инструкціямъ извнѣ. Комитетъ говоритъ: «Освободите пашу при помощи этой аммуниціи. Въ случаѣ его желанія выбраться оттуда, аммуниція дастъ ему возможность выполнить это намѣреніе. Если же онъ пожелаетъ остаться на мѣстѣ, она также будетъ ему не лишняя. Хедивъ повторяетъ то же самое, только добавляя: буде же паша и его офицеры пожелаютъ остаться тамъ, за результаты уже они сами и въ отвѣтѣ. Сэръ Эвелинъ Бэринъ (Sir Evelyn Baring) заявляетъ то же въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ. И вотъ, пройдя 4100 миль, я здѣсь, на лицо, съ послѣднимъ предложеніемъ объ освобожденіи. Кто имѣетъ право принять его, пусть принимаетъ. Я готовъ все предоставить въ его распоряженіе и содѣйствовать ему всей своей силой и разумомъ. Только на этотъ разъ уже не допускается никакихъ колебаній,—да или нѣтъ, а затѣмъ мы двигаемся по домамъ».

Въ отвѣтъ на это письмо явился самъ Джефсонъ, прибывшій въ лагерь Кавалли 6-го февраля 1889 года.

«Я просто испугался, — говоритъ Стэнли, — услышавъ голосъ

Джефсона около себя, произносившій: «сантиментальность—злѣйшій врагъ паши. Никто не удерживаетъ Эмина-паши, кромѣ него самого». Таковъ былъ выводъ Джефсона послѣ девятимѣсячнаго близкаго знакомства съ Эминомъ, съ 25-го мая по 6-е февраля, 1889 года. Изъ множества разсказовъ Джефсона я считаю себя вполнѣ вправѣ вывести заключеніе, что за десять мѣсяцевъ ни паша, ни синьоръ Казати, вообще, ни единый человѣкъ въ провинціи ни на волосъ не подошли ближе къ какому-либо иному рѣшенію, чѣмъ то, какое ими было высказано намъ десять мѣсяцевъ тому назадъ:

Паша: «если мой народъ идетъ, и я иду; если же онъ остается, я тоже остаюсь».

Синьоръ Казати: «Если губернаторъ идетъ, и я иду. Если губернаторъ остается, и я остаюсь».

Вѣрноподданные: «Если паша пойдетъ, и мы пойдемъ; если паша остается, то и мы остаемся».

Во избѣжаніе всевозможныхъ неожиданностей, Стэнли отправилъ нарочныхъ къ лейтенанту Стэрсу, съ инструкціей, какъ можно скорѣе, двинуть свой отрядъ въ Кавалли, и посланнаго къ Эмину съ запросомъ, какой путь онъ предпочитаетъ для возвращенія, предлагая ему въ то же время избрать сборнымъ пунктомъ Мсву или островъ Тунгуру. При этомъ Стэнли соблазнялъ пашу, захвативъ пароходы, посадить на нихъ дезертировъ, собравшихся въ это время на берегу острова Тунгуру, и всѣмъ вмѣстѣ присоединиться къ нему въ недалекомъ разстояніи отъ Кавалли.

13-го февраля, къ своему величайшему изумленію, онъ узналъ, что Эминъ не только одобрилъ его планъ, но что пароходы паши уже фактически бросили якорь поблизости. Нарочный вручилъ Стэнли ноту отъ Эмина-паши, изъ которой умѣстно сдѣлать слѣдующее извлеченіе:

«Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 7-го числа сего мѣсяца, за которое прошу васъ принять мою искреннѣйшую благодарность, имѣю честь увѣдомить васъ, что вчера, въ 3 часа пополудни, я прибылъ сюда съ двумя пароходами, забравъ съ собою первую большую партію людей пожелавшихъ покинуть страну, подъ вашимъ покровительствомъ. Какъ только мнѣ удастся собрать всѣхъ моихъ людей, тогда пароходы будутъ отправлены за второй партіей. Со мной прибыло двѣнадцать офицеровъ, жаждущихъ познакомиться съ вами, и сорокъ солдатъ. Они явились сюда, по моему распоряженію, за исходатайствованіемъ вашего разрѣшенія привести изъ Ваделая своихъ собратьевъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ уйти отсюда. Съ своей стороны я обѣщалъ имъ полное содѣйствіе въ данномъ случаѣ. Теперь положеніе дѣлъ до нѣкоторой степени измѣнилось, и они подчинятся всѣмъ условіямъ по вашему благоусмотрѣнію. Для переговоровъ на этотъ счетъ я и выступаю отсюда съ гг. офицерами къ ва-

шему лагерю, предварительно запасшись всѣмъ необходимымъ; если бы вы прислали носильщиковъ, я бы самъ воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ. Вполнѣ увѣренъ, что великія трудности, какія вамъ пришлось преодолѣть, и громадныя жертвы, принесенныя вашей экспедиціей во время пути, ради нашего освобожденія, вознаградятся полнымъ успѣхомъ вашего намѣренія отсюда увести мой народъ. Шквалъ безумія, набѣжавшій на страну, улегся и на людей, идущихъ съ нами въ настоящее время, вы можете положиться».

Между тѣмъ, Джефсонъ представилъ пространный отчетъ о своемъ заточеніи съ докторомъ Эминомъ на различныхъ египетскихъ станціяхъ. Изъ этого отчета было видно, что мятежные замыслы противъ авторитета паши въ первомъ батальонѣ крылись уже давно, что батальонъ уже дважды дѣлалъ попытки арестовать его. Второй же батальонъ, официально сохраняя вѣрность, проявлялъ, однако, неповиновеніе, граничившее съ необузданностью.

Докладъ этотъ пролилъ хотя нѣкоторый свѣтъ — конечно, съ точки зрѣнія, Джефсона—на готовность Эмина покинуть эту страну. Однажды, на замѣчаніе Джефсона, что мятежъ снялъ съ паши всякую отвѣтственность по отношенію къ его вѣроломнымъ войскамъ, Эминъ отвѣчалъ:

— Не смѣсти они меня, я чувствовалъ бы себя обязаннымъ защищать ихъ и помогать имъ всѣми силами. Но теперь, по моему, я имѣю полное право заботиться лишь о собственномъ благополучіи и безопасности. Какъ только удастся, я уйду, во что бы то ни стало. «И тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ Джефсонъ,—всего за нѣсколько дней до моего ухода, онъ заявилъ мнѣ:—«ни въ чемъ я не отвѣтственъ за этотъ народъ. Но я не въ силахъ рѣшиться уйти первый, оставивъ за собой кого бы то ни было изъ желающихъ покинуть эту страну, и не могу я это сдѣлать просто по чувству, которое вы сами поймете. Вѣдь враги мои въ Ваделаѣ станутъ указывать на меня: «Вотъ видите, скажутъ они, онъ бросилъ васъ!»

Въ другой разъ на обѣщаніе Джефсона—посовѣтовать Стэнли просто унести пашу, не спрашивая, желаетъ ли онъ того или нѣтъ,— Эминъ отвѣчалъ: «Я съ своей стороны, не предприму ничего для предупрежденія васъ въ этомъ дѣлѣ».

17-го числа Эминъ-паша прибылъ въ лагерь. 18-го къ экспедиціи присоединился лейтенантъ Стэрсъ, въ сопровожденіи большого количества людей Мазамбони.

Паша, успѣвшій между тѣмъ побывать въ своемъ лагерѣ, присоединился теперь къ Стэнли вмѣстѣ съ своей маленькой дочкой Феридой и караваномъ въ сто сорокъ человѣкъ дезертировъ.

Послѣ этого Стэнли объявилъ египтянамъ, что для переѣзда на корабль ихъ самихъ и для перевоза ихъ семействъ, онъ даетъ имъ срокъ до 10-го апрѣля, прибавивъ, что уже затѣмъ, не взирая ни

на что, пойдутъ ли они, или останутся, во всякомъ случаѣ, онъ двинется въ путь. Нѣсколько дней спустя изъ Мсвы пришли извѣстія, что тамъ произошла новая правительственная перемѣна.

Состояніе здоровья участниковъ экспедиціи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ внушало опасенія. Прибывъ изъ укрѣпленія Бодо, докторъ Паркъ пользовалъ ежедневно болѣе сотни больныхъ. Масса людей страдала отъ язвъ. Этотъ недугъ такъ распространился, что всѣ лекарственные запасы почти изсякли, но, благодаря огромному усердію и горячей энергіи доктора, 1-го апрѣля Стэнли могъ собрать 280 человѣкъ вполнѣ выздоровѣвшихъ, да и изъ остальныхъ многіе были уже на положеніи полуздоровыхъ.

Пока докторъ Паркъ на скорую руку подкрѣплялъ немощныхъ къ походу, экспедиція, во всемъ своемъ составѣ, привлечена была къ участію въ переноскѣ пожитковъ людей Эмина съ берега озера въ лагерь, на верхъ плато. Стэнли обѣщалъ пашѣ снабдить бѣглецовъ нѣсколькими носильщиками, предполагая дать на каждаго египтянина по одному или по два носильщика.

«Но никогда, — говоритъ Стэнли,—люди не были такъ жестоко обмануты, какъ мы въ данномъ случаѣ. Клади ихъ были положительно безконечны. Рухлядь же, притащенная съ собою бѣглецами, предназначавшаяся также для подъема вверхъ на плато, на высоту 2800 футовъ надъ поверхностью озера Ніанца, вызвала громкій ропотъ нашихъ людей. Весь этотъ скарбъ, въ родѣ шлифованныхъ камней, десятигаллоновыхъ мѣдныхъ котловъ, сотни двѣ кроватей, чудовищно-огромныя корзины на подобіе фальстафовой корзины съ грязнымъ бѣльемъ—старые сундуки, во вкусѣ богатыхъ американскихъ маменекъ, старые корабельные ящики, громадные неуклюжіе ларцы, огромные двѣнадцатигаллоновые кувшины, попугаи, голуби и т. п., все это представляло собою хламъ, который слѣдовало бросить при первомъ сигналѣ къ походу. Съ помощью людей Мазамбони восемьсотъ пятьдесятъ такихъ кладей въ $4^1/_2$ центнера каждая были подняты на плато. Египтяне били и дурно обращались съ занзибарцами. Они какъ разъ на столько знали по-арабски, чтобы понять, что послушаніе, покорность и готовность къ услугамъ понимались египтянами въ смыслѣ трусости и раболѣпства. Перенеся цѣлыя сотни кладей въ $4^1/_2$ центнера каждая, они наотрѣзъ отказались продолжать работу, и въ душѣ мы горячо сочувствовали имъ. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ, отказъ этотъ нарушалъ дисциплину, и потому пришлось принять строгія мѣры для того, чтобы переноска не прекращалась впредь до распоряженія властей. Наконецъ, 31-го марта, когда уже было перенесено до 355 кладей съ плато къ озерному лагерю, все это намъ страшно прискучило, и мы прекратили нескончаемую работу нашихъ носильщиковъ».

Назначенный день отъѣзда приближался, и Стэнли созвалъ общій совѣтъ изъ своихъ офицеровъ, при участіи Эмина-паши. Напомнивъ присутствовавшимъ о томъ, какъ египетскіе офицеры поступали съ пашой, объ ихъ заговорахъ и попыткахъ помѣшать дальнѣйшему движенію экспедиціи, онъ обратился къ собранію съ вопросомъ, согласно ли оно отсрочить день выступленія въ виду того, что египетскія войска даже не тронулись еще съ Ваделая. По словамъ изслѣдователя, двоедушіе и вѣроломство, проявленныя ими какъ по отношенію къ Эмину, такъ и къ нему, оправдывали сомнѣніе относительно чистоты ихъ намѣреній и въ данномъ случаѣ. Извѣстно, что мятежи значительно истощили ихъ боевые матеріалы и подъ маской покорности они могли получить отъ экспедиціи новый запасъ амуниціи.

«На пашу до сихъ поръ имѣетъ еще огромное вліяніе всякое велерѣчивое письмо его народа. Но намъ, какъ чужеземцамъ, можно простить это сомнѣніе въ людяхъ, которые сами же подготовили такую прочную почву для недовѣрія... Принявъ ихъ въ свой станъ, какъ добрыхъ друзей и честныхъ солдатъ, можемъ ли мы поручиться, что они какъ-нибудь ночью не завладѣютъ всѣми нашими боевыми запасами, и такимъ образомъ не лишатъ насъ возможности вернуться въ Занзибаръ?... Имѣя передъ глазами необычайныя разоблаченія Джефсона по поводу того, что произошло въ провинціи со времени закрытія Нильской дороги, лицезрѣя передъ собою пашу, который еще такъ недавно насчитывалъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя тысячи людей, а нынѣ не располагаетъ даже сколько-нибудь значительной свитой, памятуя льстивыя слова и хитроумныя ловушки, на которыя мы и сами ловились, спрашиваю я васъ, заключилъ онъ, обращаясь къ своимъ офицерамъ, благоразумно ли было бы съ нашей стороны продолжать отсрочку дальше назначеннаго дня, т. е. 10-го апрѣля?»

На это одинъ за другимъ всѣ дали отрицательный отвѣтъ.

«И такъ, паша, обратился онъ къ Эмину: «Вотъ вамъ нашъ отвѣтъ—мы выступаемъ 10-го апрѣля».

Паша, въ свою очередь, задалъ имъ вопросъ, не осудятъ ли они его въ душѣ за то, что онъ броситъ свой народъ въ томъ случаѣ, если люди его не явятся на мѣсто къ назначенному сроку. Стэнли вмѣстѣ съ офицерами единодушно старались успокоить его въ этомъ отношеніи. Одинъ капитанъ Казати оставался при отдѣльномъ мнѣніи. Онъ рѣшительно высказывался за то, что «нравственно» Эминъ-паша обязанъ остаться при своемъ народѣ. Стэнли имѣлъ съ нимъ по этому поводу продолжительный споръ, подобно всѣмъ пререканіямъ такого рода, окончившійся, конечно, ничѣмъ,—никто другъ друга не переубѣдилъ. Вскорѣ Стэнли удалось обнаружить заговоръ въ своемъ собственномъ лагерѣ. Въ занзибарскіе отряды проникли египтяне и произвели попытку завладѣть ихъ

ружьями. Стэнли немедленно произвелъ генеральный смотръ всей экспедиціи, включая пришлыхъ новичковъ, и замѣтивъ неисправность въ сборѣ по командѣ, двинулъ полъ-роты занзибарцевъ, вооруженныхъ тростями, для побужденія замѣшкавшихся въ своихъ хижинахъ, причемъ наиболѣе упорные потерпѣли наказаніе плетьми, а на нѣкоторыхъ наложены были даже кандалы и они подверглись аресту.

— Ну-съ, паша,—обратился онъ къ Эмину, — будьте любезны передайте этимъ арабамъ, что мятежническимъ продѣлкамъ Ваделая и Дюфиле теперь конецъ, ибо, при первомъ ихъ лукавствѣ, я вынужденъ буду уничтожить ихъ всѣхъ до единаго.

Услышавъ отъ Эмина переводъ этихъ словъ, арабы принялись кланяться и клясться, что впредь свято будутъ повиноваться своему отцу.

По провѣркѣ, въ составѣ экспедиціи оказалось 134 мужчинъ, 84 замужнихъ женщины, 187 служанокъ, 74 ребенка старше 2-хъ лѣтъ и 35 грудныхъ младенцевъ, всего 514 человѣкъ, не считая солдатъ Стэнли, составлявшихъ ядро экспедиціи. Для подспорья при переноскѣ чудовищнаго багажа народа паши изъ мѣстности Мазамбони завербованы были 350 человѣкъ туземныхъ носильщиковъ.

Наконецъ, 10-го апрѣля, состоялось отбытіе каравана, въ общемъ насчитывавшаго въ себѣ до 1,500 мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Два дня спустя, Стэнли страшно занемогъ. Одно время распространилось даже мнѣніе, что врядъ ли онъ переживетъ свою болѣзнь. Воспользовавшись этимъ слухомъ, недовольные завели новыя смуты. Одинъ изъ заговоровъ былъ положительно на-волосъ отъ приведенія его въ исполненіе. Къ счастью, онъ былъ открытъ и зачинщикъ его—невольникъ, освобожденный Стэнли въ Кавалли—былъ схваченъ, немедленно преданъ военному суду и казненъ тутъ же на мѣстѣ.

Предпріимчивый корреспондентъ Стивенсъ, первымъ встрѣтившій Стэнли по его возвращеніи, передаетъ этотъ инциндентъ, слышанный имъ отъ очевидцевъ, въ такомъ видѣ:

«Вождь нашъ въ это время былъ такъ слабъ, что безъ посторонней помощи не могъ переворачиваться въ постели съ одного бока на другой. Но желѣзная воля его была такъ же сильна, какъ всегда, и онъ настоялъ, чтобы его подняли съ постели и усадили въ кресло. Затѣмъ, принявъ сильное возбудительное средство, онъ приказалъ вынести себя изъ палатки, около которой выстроился весь народъ. Мятежникъ находился тутъ же, въ ожиданіи своего приговора. Кресло опустили на землю, и съ лихорадочнымъ огнемъ въ глазахъ, съ распростертыми худыми руками, Стэнли очутился лицомъ къ лицу съ презрѣннымъ негодяемъ.

— Мы преодолѣли тысячи трудностей и опасностей,—восклик-

нулъ «освободитель»,—чтобы спасти васъ, и вотъ наша награда—смерть ему!

Кинувшись на злодѣя и потрясая его, народъ восклицалъ:

— Что намъ съ нимъ сдѣлать!?

— Отправьте его на тотъ свѣтъ, говорятъ вамъ!—крикнулъ Стэнли, указывая имъ на сукъ, торчавшій на верху дерева.

Тогда на лиходѣя накинули веревку, вокругъ шеи его сдѣлали изъ нея петлю, мгновенно вздернули его на высоту и въ воздухѣ скоро заболтался холодѣющій трупъ.

Болѣзнь Стэнли на цѣлый мѣсяцъ задержала экспедицію въ мѣстности Мазамбони, такъ что, при желаніи, египтяне всегда могли успѣть присоединиться къ ней. Но изъ гарнизона въ 60 человѣкъ, аттестованныхъ Эминомъ за самыхъ надежныхъ людей изъ всѣхъ его вѣроломныхъ войскъ, въ лагерь прибылъ всего одинъ человѣкъ—начальникъ стана Мсвы. Отправился онъ въ сопровожденіи двѣнадцати солдатъ, которые, однако, почти всѣ скрылись отъ него по пути одинъ за другимъ. Дольше прочихъ не измѣняли ему трубачъ и его личный слуга. Но затѣмъ и трубачъ послѣдовалъ за остальными, такъ что въ концѣ концовъ ему удалось довести до лагеря одного только слугу своего. Послѣднее извѣстіе отъ войскъ, все еще остававшихся въ Ваделаѣ, было получено 8-го мая. Они умоляли Стэнли подождать ихъ, пока они справятся съ своими сборами. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ послалъ имъ сказать, что при медленномъ передвиженіи экспедиціи и при продолжительныхъ привалахъ ея въ 24 дня, которыхъ она намѣрена держаться, легко вооруженные солдаты свободно догонятъ ее, буде они этого пожелаютъ. Затѣмъ о судьбѣ ихъ прекратились всякіе слухи.

Обратный путь лежалъ черезъ Уніампаку (Unyampaka), Карагве, Увинцу, Уніаніембе и Угого въ Мпвапвѣ, а затѣмъ шелъ на Багамойо и Занзибаръ. Экспедиція слѣдовала по рѣкѣ Семлики, согласно открытію Стэнли, вытекавшей изъ озера Мута-Нциге (или, какъ онъ назвалъ его, озеро Принцъ Альбертъ-Эдуардъ Ніанца) и впадавшей въ озеро Альбертъ Ніанца. При всемъ дружелюбномъ отношеніи туземцевъ, передвиженіе ихъ вдоль Семлики отнюдь не отличалось мирнымъ характеромъ. Король Уніорскій, Каба-Рега, выдвинувъ свои легіоны поперекъ рѣки, захватилъ все открытое луговое пространство между нею и лѣсомъ. Для экспедиціи не оставалось другого выбора, кромѣ смѣлаго, рѣшительнаго натиска впередъ, въ виду Варасуровъ (Warasura), какъ мѣстные туземцы называютъ Вангорцевъ, или кругового обхода черезъ лѣсъ, по соображеніямъ Стэнли, грозившаго, почти навѣрное, гибельными послѣдствіями для ввѣренныхъ его попеченію египтянъ.

Первый день борьбы окончился вполнѣ благопріятно для войскъ Стэнли, и нѣкоторое время ихъ не тревожили.

Въ это время вниманіе экспедиціи было поглощено длинной снѣжной цѣпью горъ, простиравшейся на югъ и на юго-западъ. Еще раньше во время лагерной стоянки своей близъ Кавалли, Стэнли обратилъ вниманіе на эти отдаленныя вершины. Но тогда въ немъ зародилось сомнѣніе, не есть ли это «цѣпь Гордонъ Беннетъ», видѣнная имъ въ 1876 году, хотя, на сколько онъ припоминалъ, послѣдняя не была украшена бѣлой шапкой, какая виднѣлась на этихъ вершинахъ. Къ тому же, «цѣпь Гордонъ» представляла собою правильный конусъ, тогда какъ этотъ горный хребетъ имѣлъ продолговатую форму, почти горизонтальную сверху, съ двумя вершинами, сѣверо-восточной и сѣверо-западной.

Черезъ нѣсколько дней экспедиція добралась до восточныхъ береговъ Семлики, представляющей собою въ этомъ мѣстѣ широкій, мощный потокъ отъ 80 до 100 ярдовъ ширины, занимающей пространство, равное двумъ третямъ Викторіи-Нилу, съ теченіемъ около трехъ-четырехъ узловъ въ часъ. Здѣсь снова начинался густой лѣсъ, но вся эта страна сплошь отличалась чрезвычайнымъ плодородіемъ и путь экспедиціи, въ теченіе многихъ дней, лежалъ черезъ цвѣтущія рощи райскихъ смоковницъ, разросшихся на прогалинахъ, устроенныхъ туземцами. Непосредственно у подошвы Рувенцори,—имя помянутаго горнаго кряжа,—снова разстилалась открытая мѣстность.

«Классическая исторія этой горной цѣпи,—пишетъ Стэнли,—баснословные разсказы о ней, ея отношеніе къ доброму, старому, почтенному Нилу, Нилу фараоновъ, Іосифа, Моисея и пророковъ; фактъ, что она является родникомъ такого множества источниковъ Нила, прародительницей «Моря мрака», озера Альбертъ-Эдуардъ, изъ лона котораго вытекаетъ Семлики, этотъ западный Нилъ и маленькій Кафуръ, направляющійся на востокъ, съ одной стороны питая собою озеро Альбертъ, съ другой—озеро Викторію; то обстоятельство, что Рувенцори есть именно та гора, у подошвы которой (если только вѣрить свидѣтельству поэтовъ) Александръ и Цезарь готовы были пасть ницъ передъ богами; ея рѣдкое выступленіе изъ-за черныхъ, какъ смоль, тучъ; ея внезапное, таинственное появленіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ современные путешественники созерцали «безграничное озеро»; ея странное названіе, эта столь часто и тщетно разыскивавшаяся цѣпь Лунныхъ горъ; ея величественная массивность, множество ущелій и чудовищная высота—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ вполнѣ понятной потребность болѣе подробнаго описанія Рувенцори.

«На меня, стародавняго путешественника, первое впечатлѣніе этой гордой и великолѣпной цѣпи, раскинувшейся передъ моими глазами, было единственнымъ въ своемъ родѣ за всѣ 22 года моихъ африканскихъ изысканій, впечатлѣніе столь глубокое, что оно до сихъ поръ неизгладимо живетъ въ моей душѣ и побуждаетъ меня

описать возможно подробнѣе все то, что намъ довелось повидать здѣсь.

«При нашемъ приближеніи къ озеру Альбертъ, въ декабрѣ 1887 года, съ Пизга (Pisgah) открылся видъ на длинную горную цѣпь, покрытую лѣсами до самыхъ вершинъ и, по нашему предположенію, достигавшую 2,100—2,450 метровъ высоты и тянувшуюся съ юго-востока на югъ. При возвращеніи съ озера, нѣсколько недѣль спустя, въ области нашего горизонта внезапно выступили два чудовищныхъ усѣченныхъ конуса, по компасу занимавшихъ $185^1/_2^\circ$ и достигавшихъ примѣрно 3,050—3,650 метровъ въ высоту, которые мы окрестили именемъ «Близнецовъ». Они имѣли для насъ многознаменательное значеніе, ибо замѣчательная форма ихъ и обнаружившіяся очертанія навели насъ на мысль, что по сосѣдству съ ними или на пространствѣ между ними и горой Гордонъ-Беннеттъ должна обрѣтаться интересная страна.

«Во время второго нашего путешествія къ озеру Ніанца «Близнецы» не были видны. Но 25-го мая, 1888 года, едва успѣли мы сдѣлать отъ берега какой-нибудь двухчасовой переходъ, какъ были остановлены дивной картиной. Передъ нашими глазами вдругъ предстала громадная снѣговая гора, измѣрявшаяся на компасѣ 215°. Въ срединѣ она имѣла форму почти четыреугольной массы, около 50 километровъ въ длину, глухо покрытой снѣгомъ, и лежала между двумя длинными цѣпями горъ, уступавшими ей по высотѣ на 1500 метровъ слишкомъ и разстилавшимися на 50 километровъ по обѣ стороны центральной массы. Въ этотъ день гора была видна цѣлыми часами. На другой же день, когда мы перевалили черезъ нагорье, она исчезла совершенно, такъ что отъ «Конусовъ Близнецовъ», какъ и отъ снѣговой вершины не осталось ни малѣйшаго слѣда.

«Наконецъ въ третье путешествіе наше къ озеру Ніанца, въ январѣ, 1889 года, также какъ и за все время пребыванія нашего въ Кавалли, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слишкомъ—Рувенцори совсѣмъ не показывалась. Только однажды вечеромъ, когда, по обыкновенію, мы устремили наши взоры по тому направленію, гдѣ надѣялись увидать ее, вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, вся цѣпь выступила сразу изъ лона темныхъ тучъ, какъ бы обрадованная возможности предстать во всей своей славѣ и красѣ передъ тысячами зрителей, восхищенныхъ этимъ рѣдкостнымъ величественнымъ зрѣлищемъ. Верхняя часть цѣпи, въ тотъ моментъ представлявшаяся намъ раздѣленною на множество почти кубическихъ вершинъ, залитыхъ яркимъ свѣтомъ, казалось, была привѣшена въ темноголубыхъ небесахъ, свѣтлая и чистая, какъ кристаллъ; широкій поясъ тумана млечнаго цвѣта, окутывавшій середину и верхъ, уподоблялъ ее одному изъ легендарныхъ бла-

Рувенцори.

женныхъ острововъ, носящихся въ воздухѣ; это было какъ бы олицетвореніемъ фантастическаго острова святыхъ.

«По мѣрѣ того какъ солнце склонялось къ западу, туманный поясъ все рѣдѣлъ и рѣдѣлъ, пока не разсѣялся окончательно. Носившійся въ воздухѣ островъ слился съ болѣе низменными склонами горы, и вооруженнымъ глазомъ безъ труда можно было прослѣдить рѣзкія очертанія и болѣе грубыя частности горной массы. Не смотря на то, что мы находились отъ нея на разстояніи 120 километровъ, мы различали высоко лежавшую опушку лѣса и группы деревьевъ, въ видѣ кустарника, покрывавшія широкіе хребты, стройныя вершины и башнеобразныя скалы, висѣвшія надъ обрывистыми безднами. У всѣхъ насъ даже сложилось одинаковое мнѣніе насчетъ краснобураго цвѣта голыхъ вершинъ, сверкавшихъ въ солнечныхъ лучахъ, рѣзко выдѣляясь на свѣтозарномъ голубомъ небѣ. Мы замѣтили, что сторона, обращенная къ намъ, была необыкновенно крута и недоступна. Снѣговыя поляны производили на насъ впечатлѣніе какихъ-то маленькихъ пятнышекъ, тѣмъ не менѣе множество едва замѣтныхъ слѣдовъ ихъ спускалось до самого низа вершины голаго горнаго хребта, лежавшаго между средней цѣпью и холмами Балегга (Balegga), удаленными отъ насъ на 18 километровъ, надъ вершинами которыхъ, еще километровъ на сто далѣе, возвышался колоссальный, величественный Рувенцори.

«Прозрачный воздухъ составляетъ весьма рѣдкое явленіе въ этой странѣ и, не задержись мы здѣсь долѣе обыкновенныхъ путешественниковъ, Рувенцори еще надолго остался бы неизвѣстнымъ. Во время нашего путешествія на югъ, въ маѣ, 1889 года, вдоль холмовъ Мазамбони и Балегга, большая цѣпь была видима почти ежедневно, не вся цѣликомъ, а по отдѣльнымъ частямъ и кускамъ,—здѣсь вершина, тамъ ребра скалы; по временамъ показывалось неясное очертаніе вершинъ, иногда выступали только нижнія части ея. Въ одномъ мѣстѣ, на фонѣ темныхъ облаковъ, внезапно начиналъ искриться дѣвственный снѣгъ,—въ другомъ—наоборотъ—обнажались горные утесы, мрачные, какъ ночь, подобные грозовымъ тучамъ, предвозвѣстникамъ дождя и бури. Изрѣдка проявлялась вся цѣпь съ рѣзко обрисованными очертаніями, и точная, ясная чистота ея линій много помогла намъ при начертаніи дальнѣйшаго плана нашего послѣдующаго пути. И однако, въ теченіе всего указаннаго времени, мы не могли составить себѣ точное представленіе о характерѣ этого горнаго кряжа, который, пожалуй, сталъ для насъ понятнѣе и яснѣе послѣ нашего перехода черезъ Семлики, когда мы миновали большую часть густаго высокаго лѣса, ростущаго съ пышной роскошью въ этой влажной и теплой атмосферѣ долины».

Охарактеризовавъ особенности долины Семлики, ея непроходи-

мые первобытные лѣса, Стэнли обращается къ знойному плато около озера Альбертъ-Эдуардъ-Ніанца и продолжаетъ: «короче сказать, сѣверо-западная и западная стороны Рувенцори, почти ежедневно орошаемыя благодатнымъ дождемъ и всеосвѣжающей росой, пользуются постоянной весной, одѣты вѣчной зеленью, тогда какъ южная и юго-западная стороны ея имѣютъ свои строго опредѣленныя дождливыя и сухія времена года, причемъ въ сухое время года послѣднія стороны представляютъ собою разительнѣйшій контрастъ съ первыми, какъ двѣ противоположныя картины юности и разрушенія природы.

«Есть, безъ сомнѣнія, много людей, подобно мнѣ приходящихъ въ нервное возбужденіе при видѣ какого бы то ни было стариннаго сооруженія,—будетъ ли это египетская пирамида или сфинксъ, Аѳинскій Парѳенонъ, Солнечный Храмъ въ Пальмирѣ, Персепольскій дворецъ или даже какой-нибудь старинный англійскій замокъ. Извѣстная почтенность, дающаяся только временемъ, отношенія такого зданія къ людямъ, давнымъ давно уже отшедшимъ къ ихъ праотцамъ, къ забытымъ уже нынѣ строителямъ и обитателямъ его, все это пробуждаетъ въ живыхъ извѣстный интересъ къ самой постройкѣ. Чувствуется неясная потребность узнать исторію этого сооруженія; давность его вызываетъ въ васъ нѣчто въ родѣ радостнаго сознанія, что вотъ-де мы, ничтожные смертные, въ состояніи воздвигать такія зданія, несокрушимыя для самого времени. Тѣмъ болѣе могущественное и грандіозное чувство охватываетъ васъ при видѣ сѣдой ледяной горы Рувенцори, завѣдомо насчитывающей за собою несчислимыя тысячелѣтія. Какъ подумаешь, сколько же времени потребовалось растаявшему снѣгу для того, чтобъ на скалистой вершинѣ горной цѣпи выдолбить эти пропасти въ цѣлыя сотни саженей глубины, или сколько времени пошло на то, чтобы распространить и разсѣять по долинѣ Семлики и по равнинамъ озера Ніанца осколки, скатывающіеся съ боковъ и выбрасываемые изъ нѣдръ горъ, — взвѣсивъ все это, придешь въ невольное изумленіе передъ неизмѣримостью времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ народился Рувенцори, и при вопросахъ— «гдѣ былъ ты, когда закладывались основы земли? Объясни, если тебѣ это ясно?»—васъ охватываетъ благотворное умиленіе и чувство радостнаго удовлетворенія, что довелось лицезрѣть все это.

«Не менѣе поразителенъ и тотъ фактъ, что въ одномъ изъ темнѣйшихъ уголковъ земли, заволоченный постояннымъ туманомъ, за вѣчными грозовыми тучами, окруженный мракомъ и таинственностью, подъ горными массами, до сей поры лежалъ скрытый великанъ, тогда какъ съ вершинъ его уже въ теченіе нѣсколькихъ пятисотлѣтій сбѣгали талые снѣга, имѣвшіе громаднѣйшее значеніе для египетскаго населенія. Можно себѣ представить, въ какое божество первобытные народы, — вообще склонные къ обого-

творенію, — возвели бы эту гору, которая изъ такой отдаленной мѣстности, столь обильно снабжаетъ водою ихъ благодѣтельный и священный Нилъ. Признаніе благодѣтельности Нила наводитъ меня на другое соображеніе. Прослѣдивъ мысленно эту спиральную серебряную жилу до того мѣста, гдѣ, развѣтвляясь и расширяясь, она вливаетъ жизнь въ окрестности египетскихъ пирамидъ, отстоящихъ отсюда болѣе, нежели на 6,500 километровъ, гдѣ обитаютъ безчисленные толпы народовъ — арабы, копты, феллахи, негры, турки, греки, итальянцы, французы, англичане, нѣмцы и американцы—мы ощущаемъ простительную гордость, имѣя удовольствіе первыми возвѣстить вамъ, что большая часть воды, утоляющая жажду этихъ народовъ, доброкачественность которой такъ часто превозносится ими, беретъ свое начало отъ глубокихъ и обширныхъ снѣжныхъ залежей Рувенцори или Рувендъюры, «Царя облаковъ».

Далѣе Стэнли живописуетъ, какъ мало-по-малу глетчеры разносятъ гору, какъ лавины срываютъ безчисленное множество скалъ и сносятъ ихъ въ долину, какъ талый снѣгъ истачиваетъ и крошитъ камень, осколки котораго въ громадномъ количествѣ лежатъ вокругъ подошвы горы, какъ запруженныя рѣки направляются по новымъ путямъ, выбрасывая затѣмъ въ долину Семлики кремневыя гальки и песокъ.

«Принявъ въ соображеніе»,—заключаетъ онъ свое описаніе,—«что со времени поднятія этой великой горной цѣпи и сильнаго ея опусканія, вслѣдствіе котораго и образовался оврагъ, занятый нынѣ озеромъ Альбертъ-Эдуардъ-Ніанца, долиною Семлики и озеромъ Альбертъ, подобныя явленія природы совершались періодически,—нисколько неудивительно, что отъ первоначальнаго Рувенцори въ настоящее время остался только одинъ скелетъ. «Ты прахъ и въ прахъ опять обратишься». Славная вершина главы его значительно поубавилась, плечи его отшлифованы и источены, дюжины рѣкъ проложили себѣ глубокія русла по его склонамъ и ложбины эти, во всякомъ случаѣ, являются неоспоримыми признаками потрясеній и разгрома, которымъ подвергалась горная масса послѣ своего огненнаго происхожденія. Медленно, но неуклонно возвращается гора къ тому, изъ чего она произошла. Географамъ этого отдаленнаго будущаго предстоитъ большой сюрпризъ, если они какъ-нибудь случайно откроютъ очертанія обоихъ озеръ Ніанца и долины лежащей между ними, описанныя мною въ 1889 году.

«Почти ежедневно, въ ранніе утренніе часы, выступаетъ темная, какъ ночь, чудовищно-длинная, величественная масса, вершины которой, повидимому, упираются въ безоблачное сѣрое небо. Когда же день, быстро наступающій на востокѣ, замѣнитъ этотъ сѣрый цвѣтъ золотымъ, тогда въ вышинѣ показываются легкія, бѣлыя

кучи облаковъ, а вдоль подошвы одновременно появляется безпрерывная длинная линія разнообразнаго тумана. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ туманъ этотъ съ открытыхъ долинъ и разсѣлинъ стягивается въ стремнины, откуда по отвѣсамъ спиральныхъ скалъ клубящимися массами поднимается вверхъ, все сгущаясь и сгущаясь, не смотря на ежеминутныя метаморфозы этихъ массъ въ ихъ формѣ. Вправо и влѣво несутся оторванныя части, притягивающія отдѣльныя разсѣяннныя глыбы тумана, одна за другой поднимающіяся изъ глубокихъ пропастей склоновъ. Затѣмъ изъ каждой впадины, изъ каждаго отверстія склона они выстраиваются въ одну длинную сплошную колеблющуюся линію, окутывая собою плечи цѣлаго легіона вершинъ, и группируются въ извѣстномъ порядкѣ, какъ бы намѣреваясь всѣ вмѣстѣ собраться на высотѣ, вокругъ той чудовищной бѣлой цѣпи. Достигнувъ въ своемъ воздушномъ полетѣ высочайшихъ сферъ, этотъ густой, глубокій туманъ начинаетъ двигаться быстрѣе, принимаетъ новыя очертанія, изъ верхнихъ ущелій выступаетъ стая безпокойныхъ клубящихся бѣлыхъ группъ, сливающихся съ главной линіей, авангардъ которой отважно несется вверхъ и рѣшительно прокладываетъ себѣ путь къ небесамъ. И только четверь часа спустя послѣ восхода солнца, когда переливаясь радужными красками на абрисахъ и горныхъ вѣнцахъ оно снимаетъ покрывало съ красотъ, скрывавшихся дотолѣ на высокихъ снѣжныхъ вершинахъ, только тогда туманъ, достигшій уже извѣстной густоты и толщины, успѣваетъ подойти къ снѣжной области, соперничая съ ней своей ослѣпительной ,бѣлизной. Но въ слѣдующій же моментъ ясный, сильный солнечный свѣтъ затмѣваетъ великолѣпный цвѣтъ его и золотистость, въ блестящемъ тріумфѣ разстилаясь по снѣгу и пурпуровымъ вершинамъ горной цѣпи. Когда же поминутно накопляющіяся массы тумана, съ неистощимой энергіей возносимыя съ долинъ Семлики, сливаются съ верхними слоями, неподвижно расположившимися по склонамъ или на гордыхъ альпообразныхъ вершинахъ, тогда, мало-по-малу, туманъ теряетъ свою красоту и блестящій колоритъ, принимая свинцовый цвѣтъ, пока наконецъ, накопившись въ огромныхъ массахъ, не является совсѣмъ чернымъ и страшнымъ, на подобіе грозовой тучи. Въ такомъ видѣ покоится онъ весь день, и часто даже до глубокой ночи. Иногда за полчаса до захода солнца туча относится вѣтромъ, и тогда на свѣтъ Божій выступаютъ вершина за вершиной, ребро за ребромъ, снѣговыя поляны и горные вѣнцы, во всей своей славѣ и красотѣ. Въ такомъ случаѣ вплоть до наступленія темноты, вы имѣете передъ собою кратковременную, но великолѣпную картину, пока ночь не накинетъ на Рувенцори еще болѣе темнаго своего покрова.

«Эти кратковременныя, увы! слишкомъ кратковременныя панорамы великолѣпныхъ родниковъ дождя или «Царя облаковъ», какъ

нѣжно зовутъ Вакондью (Wakondju) свои окутанныя туманомъ горы, наполняютъ душу наблюдателя такимъ чувствомъ, какъ будто бы онъ увидѣлъ передъ собою отраженіе небесной славы. Въ теченіе этихъ моментовъ я слѣдилъ за выраженіемъ лицъ восхищенныхъ «бѣлыхъ» и «черныхъ», въ безмолвномъ изумленіи устремившихъ пристальный взоръ свой на тѣ горнія воздушныя пространства холодной ясности и полнѣйшаго мира, вознесшіяся превыше сферы человѣческихъ дѣяній, въ такомъ священномъ, возвышенномъ спокойствіи, въ такой нетронутой, незапятнанной чистотѣ, что мысли и желанія при видѣ ихъ были слишкомъ глубоки для достойнаго выраженія ихъ въ формѣ слова. Да и дѣйствительно, гдѣ же можно было встрѣтить болѣе поразительный контрастъ, чѣмъ контрастъ между нашимъ собственнымъ міромъ, съ его жаркимъ воздухомъ, вѣчно зелеными медовыми растеніями, никогда не увядающей пышностью зелени, необузданостью, военной тревогой и темными кровавыми пятнами преступленія и—съ другой стороны—высокимъ горнымъ королемъ въ его чистомъ, бѣлоснѣжномъ уборѣ, окруженнымъ миріадами болѣе низкихъ, болѣе темныхъ горъ, точно съ мольбой взиравшихъ кверху на тронъ своего монарха, на бѣлыхъ холодныхъ чертахъ котораго изображены были слова «Безконечность» и «Вѣчность». Эти минуты высочайшаго душевнаго возбужденія весьма достопамятны, вслѣдствіе полнѣйшаго отрѣшенія духа отъ всего низкаго и недостойнаго, вслѣдствіе присутствія недосягаемой высоты и неописуемаго величія, вызывающія не только благоговѣйное удивленіе, но и умиленное преклоненіе передъ образомъ вѣчнаго. Никогда человѣкъ не бываетъ такъ близокъ къ небесному, какъ въ подобныя минуты, ибо не взирая ни на какія упорство и дерзость, присущія ему въ другое время, въ эти моменты онъ обращается въ малаго ребенка и исполняется удивленія и благовѣнія передъ тѣмъ, что онъ признаетъ возвышеннымъ и божественнымъ. Подобное настроеніе уже въ теченіе многихъ мѣсяцевъ было чуждо для насъ, ибо въ промежуткахъ между сномъ и бдѣніемъ, умъ нашъ неустанно былъ занятъ настоятельными злобами дня, требовавшими неусыпнаго бодрствованія и предусмотрительности. Мы, конечно, умилялись видомъ безконечнаго пространства, за исключеніемъ одного направленія во всѣ стороны растянувшагося лѣса, который открылся намъ съ горы Пизга (Pisgah); мы едва не сошли съ ума отъ радости, когда, послѣ пятимѣсячнаго заточенія въ дебряхъ дикаго лѣса, снова вступили на зеленую траву и могли насладиться открытымъ, неограниченнымъ горизонтомъ и видомъ на окружавшія насъ окрестности, пышныя долины, разновидные холмы, волнообразныя равнины, на которыхъ весенняя трава какъ будто подскакивала и подпрыгивала, подъ прохладными вѣтерками; мы любовались огромнымъ протяженіемъ и серебряной поверхностью озера Альбертъ, извѣст-

ное время испытывали высшую радость, узнавъ, что послѣ безконечныхъ затрудненій, мы достигли цѣли и предѣла нашего странствія. Но никогда не охватывало насъ такое искреннее, невольное благоговѣніе, никогда не испытывали мы такого глубокаго чувства, какъ въ тотъ моментъ, когда, поднявъ очи кверху, увидѣли передъ собою вершину, возвышавшуюся до самыхъ небесъ. Рувенцори производилъ на насъ впечатлѣніе какого-то небеснаго зàмка, съ грозными редутами и съ недоступными стѣнами въ нѣсколько миль длины».

Стэнли удалось вычислить высоту этого кряжа въ 18,000—19,000 футовъ. Горы эти, безъ всякаго сомнѣнія, суть не что иное, какъ вершины, извѣстные у прежнихъ арабскихъ изслѣдователей подъ именемъ Лунныхъ Горъ, такъ долго сбивавшихъ съ толку изслѣдователей и географовъ.

Съ Рувенцори или Рувенъюры, какъ называютъ иногда эту цѣпь, берутъ начало множество притоковъ озера Альбертъ-Ніанца и рѣка Семлики. Такимъ образомъ она является однимъ изъ главныхъ верховьевъ Нила. Рувенцори питаетъ озеро Альбертъ-Эдуардъ, которое даетъ начало рѣкѣ Семликѣ; Семлика вливается въ озеро Альбертъ-Ніанца; а озеро Альбертъ-Ніанца въ свою очередь, пополняемое рѣкой Викторіей—Ниломъ, впадающей въ него съ востока, выноситъ свои воды на крайнемъ сѣверо-восточномъ пунктѣ въ видѣ рѣки Баръ-эль-Газаля (Bahr-el-Ghazal) или Бѣлаго Нила.

Всѣ офицеры экспедиціи жаждали познакомиться поближе съ этимъ хребтомъ о бѣлоснѣжныхъ вершинахъ, но большинство изъ нихъ не располагало достаточными физическими силами для этого труда. Лейтенанту Стэрсу, правда, удалось съ небольшой партіей достигнуть приблизительно около 10700 футовъ высоты, но далѣе путь его оказался прегражденнымъ двумя глубокими непроходимыми заливами, грозно зіявшими между путниками и главной вершиной.

Непрерывно тревожимая нападеніями варасуровъ, экспедиція вошла наконецъ въ область Узонгора. Оказалось, что значительный туземный городъ Кэтивъ (Kative), главная квартира враговъ Каба-Рега, былъ уничтоженъ. Городъ этотъ расположенъ между однимъ изъ рукавовъ озера Альбертъ-Ніанца и большимъ соленымъ озеромъ около двухъ миль въ длину и въ три четверти мили въ ширину, состоящимъ изъ чистаго разсола розоваго цвѣта, отлагающаго соль массивными солеными кристаллами. Вазангоры лишены были этого озера королемъ Уніорскимъ и, въ виду неоцѣнимаго его значенія для туземныхъ поселеній въ предѣлахъ цѣлыхъ десятковъ миль въ окружности, они весьма охотно готовы были содѣйствовать Стэнли въ его враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Варасуры. Мало-по-малу къ нему присоединилось такое множество вазонгорцевъ, а нѣсколько далѣе прибавилось еще и племя Ва-

ніампака (Wanyampaka), что тревожившій его врагъ обратился въ бѣгство почти безъ малѣйшаго сопротивленія. Разъ или два варасуры возвращались; однако, съ новыми попытками остановить движеніе экспедиціи, не смотря на свое вооруженіе ружьями различныхъ системъ, не считая большихъ двухствольныхъ охотничныхъ карабиновъ, — они всякій разъ были отбиваемы опытными войсками Стэнли. Король Уніампакскій Ринджи (Ringi), послѣ своего союзничества съ Стэнли, снабдилъ его бананами и другимъ провіантомъ. Его примѣру послѣдовалъ король Анкорскій, и затѣмъ слава объ его успѣхахъ обратила переходъ Стэнли отъ одного племени къ другому въ продолжительный тріумфальный маршъ.

«Общее исчезновеніе ваніоровъ сразу открыло дорогу къ солянымъ осадкамъ, и въ то время, пока мы медленно пересѣкали эту страну, цѣлыя флотиліи челноковъ, на̀-скоро снаряженныя окрестными племенами озера Альбертъ-Эдуардъ-Ніанца быстро веслись за дорогими соляными грузами, предметомъ высшей необходимости для пастушескаго населенія озера, владѣвшаго безчисленными стадами рогатаго скота».

Начиная отъ озера Альбертъ-Ніанца и вплоть до самыхъ южныхъ предѣловъ Карагвы (Karagwe), — благодарные туземцы снабжали экспедицію зерновымъ хлѣбомъ, бананами и рогатымъ скотомъ. Эта помощь имѣла огромное значеніе для экспедиціи. Цѣлыми недѣлями, цѣлыми мѣсяцами она ненарушимо продолжала свой путь черезъ воинственныя области. Увѣренный въ дружелюбномъ отношеніи туземцевъ, Стэнли установилъ слѣдующій порядокъ шествія: человѣкъ десять-двадцать отправились впередъ въ качествѣ развѣдчиковъ и проводниковъ. За ними на большомъ ослѣ, сопутствуемый мальчикомъ-вожакомъ осла и двумя оруженосцами, ѣхалъ Стэнли; затѣмъ шелъ Уледи со знаменемъ экспедиціи (египетское трехзвѣздное знамя). Потомъ слѣдовали три роты занзибарцевъ. Каждая рота (всего ихъ было четыре), по очереди отбывала повинность арріергарда и имѣла свой собственный флагъ. Первою ротою командовалъ Джефсонъ, второй — лейтенантъ Стэрсъ, третьею — капитанъ Нельсонъ, четвертою — докторъ Паркъ; каждый офицеръ шелъ позади своей части. Роты располагались гуськомъ, одна за другой. Далѣе, подъ начальствомъ Бонни, маршировали нубійцы, позади которыхъ въ гомакѣ двое сильныхъ и преданныхъ занзибарскихъ носильщиковъ несли Фериду, маленькую дочь Эмина-паши. Затѣмъ по порядку шелъ самъ Эминъ-паша, вмѣстѣ съ синьоромъ Казати, синьоромъ Марко и Гаваши (Hawashi) эффенди, маіоромъ египетской арміи. За ними уже въ безпорядкѣ, кому какъ пришлось, двигался остальной народъ Эмина-паши; сильные и бодрые не отставали отъ авангарда, слабые же и страдавшіе лихорадкой,—плелись далеко позади. Въ концѣ концовъ, за этими

отсталыми, шествіе заключалось ротой занзибарцевъ, изображавшей изъ себя арріергардъ.

Мирное передвиженіе теперь было особенно кстати для экспедиціи, и безъ того измученной злой лихорадкой. Доктору приходилось пользовать до полутораста человѣкъ въ день. Равнины сѣверной части Альбертова озера отличались высокой температурой и сухостью. Почва здѣсь сильно накалялась, трава была сожжена; не будь этого вѣчно густого тумана, солнце палило бы невыносимо; въ довершеніе всего, мѣстная вода, за исключеніемъ Рувенцорскихъ потоковъ, была насыщена селитрой и органическими зараженіями. Въ Анкори дули холодные вѣтры, приносившіе съ собою лихорадки, насморки, катарры, дисентерію и параличъ. Помимо этого, мѣстами почва вдругъ поднималась на 6000 футовъ надъ уровнемъ моря, гдѣ путниками овладѣвала перемежающаяся лихорадка, съ одинаковой силой нападавшая какъ на черныхъ, такъ и на бѣлыхъ. Эминъ-паша, также какъ и Стэнли съ своими спутниками, много разъ совершенно изнемогалъ отъ этой жестокой болѣзни.

Въ скалахъ долины Анкори.

«Наши черные бросались опрометью въ высокую траву, надѣясь сномъ вылечиться отъ лихорадочныхъ параксизмовъ. Нѣкоторые, послѣ непродолжительнаго недомоганья, умирали. Ежедневное утомленіе отъ ходьбы, язвы, пароксизмы лихорадки, кишечныя страданія,—все это побуждало египтянъ въ теченіе всего пути скры-

ваться въ первыя попадавшіяся пристанища. Незамѣченные аріергардомъ, они такъ и оставались тамъ предоставленные сомнительному уходу туземцевъ, съ языкомъ которыхъ они были совершенно незнакомы. Такимъ образомъ въ продолженіе одного только іюля по дорогѣ утеряно было 141 человѣкъ».

При вступленіи въ Увинцу, гдѣ вдоль берега юго-западнаго рукава озера Викторіи-Ніанца открытая мѣстность тянется, по крайней мѣрѣ, на 6000 квадратныхъ миль, общія условія носильщиковъ улучшились. Вслѣдствіе множества острововъ, загораживавшихъ устье этого рукава, Стэнли имѣлъ возможность осмотрѣть эту низменность еще во время поѣздки своей вокругъ озера въ 1876 году. Наконецъ, экспедиція достигла миссіонерской станціи Макэй (Mackey), находящейся въ Мслалѣ, на южной оконечности озера. Въ виду подкрѣпленія силъ, они задержались здѣсь около трехъ недѣль.

Послѣ гостепріимнаго крова въ Макэи, на долю путниковъ выпало нѣсколько тревожныхъ дней. Дорога ихъ вела черезъ територію Васукумы (Wasukuma), возгорѣвшагося сильнымъ предубѣжденіемъ противъ суданцевъ Эмина-паши, какъ предполагалъ Стэнли, за ихъ густой черный цвѣтъ кожи и за рубцы на ихъ щекахъ.

«Въ теченіе пяти дней»,—замѣчаетъ онъ,—«приходилось отвоевывать каждую милю въ нашемъ движеніи впередъ. Наконецъ, экспедиціи удалось-таки пробить себѣ дорогу и добраться до болѣе дружелюбной територіи. Послѣ этого, подобныя тревоги уже не повторялись.

Въ Икунжу къ нимъ присоединились два французскихъ миссіонера, искавшіе покровительства «освободителей» для путешествія до берега. «Строго гуманитарный характеръ экспедиціи нагляднѣе всего обрисовался во время перехода нашего отъ Узукумы до Багамойо. Кромѣ разныхъ нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, грековъ и египтянъ, для которыхъ мы служили конвоемъ, между Усукумой и Мпвапвой почти что каждая область присылала къ намъ новыя партіи африканцевъ, не располагавшихъ возможностью достигнуть берега, или опасавшихся разныхъ угнетеній на дорогѣ, и ходатайствовавшихъ о разрѣшеніи примкнуть къ экспедиціи. Такимъ образомъ численность наша достигла до 1000 человѣкъ».

Приближаясь къ берегу, путники безпрестанно натыкались на явные слѣды бывшихъ смутъ и раздоровъ, опустошившихъ окрестныя области Мпвапвы; передъ глазами ихъ мелкали одинъ за другимъ разрушенный домъ англійскаго миссіонерства, разоренная крѣпость Восточной Африканской Компаніи, сожженныя деревни, опустошенныя плантаціи.

Германскій императорскій комиссіонеръ маіоръ Виссманъ, согласно полученной имъ инструкціи встрѣтить и эскортировать экспедицію въ Багамойо, выслалъ ей въ Смабамвенни (Smabamwenni), множество драгоцѣнныхъ запасовъ, разныхъ европейскихъ приспо-

собленій; въ Кингани Ферри (Kingani Ferry) нѣмецкій офицеръ встрѣтилъ ихъ самъ.

4-го декабря тріумфальная процессія вступила въ Багамойо, всячески изукрашенный въ честь ея. На улицахъ развѣвались флаги, раскошный банкетъ, по распоряженію маіора Виссманна, ожидалъ офицеровъ по ихъ прибытіи.

Задача Стэнли, такимъ образомъ, доведена была до конца. «Увидѣвъ Эмина-пашу за хорошо сервированнымъ столомъ, съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія; неуступчиваго капитана Казати, со стаканомъ искрящагося вина въ рукѣ, расшаркивающагося и кивающаго головой своему консулу Ринчетти, сознавая при этомъ, что экспедиція состояла изъ нѣсколькихъ сотъ счастливцевъ,— мнѣ стало вполнѣ ясно, что тутъ кончилась моя роль. Что бы ни случилось послѣ того, я уже свободенъ отъ отвѣтственности. Паша находился среди своихъ друзей, капитанъ Казати былъ въ обществѣ своего консула, англійскіе офицеры—въ кругу своихъ соотечественниковъ, честные занзибарцы — въ своей родной странѣ, и скоро каждому изъ нихъ предстояло увидать свою семью...

«И такъ, я снова свободенъ и ни за что болѣе не отвѣтственъ». У Стэнли было дѣйствительно достаточно основанія для поздравленія самого себя, своихъ офицеровъ и войска съ успѣхомъ предпріятія, достигшаго такого счастливаго исхода.

Не говоря уже объ освобожденіи Эмина,—онъ и его спутники, пройдя 1200 миль по неизслѣдованнымъ странамъ, доказали, что востокъ, сѣверъ и сѣверо-востокъ рѣки Конго покрыты непрерывнымъ пространствомъ лѣсовъ, на протяженіи, по крайней мѣрѣ, 250,000 квадратныхъ миль. Объ оцѣнкѣ тѣхъ свѣдѣній, которыми открытія Стэнли расширили наше знакомство съ фауной и флорой Центральной Африки, можно пока говорить только гадательно. Но одинъ примѣръ, приводимый имъ самимъ, можетъ дать нѣкоторое представленіе о научномъ значеніи экспедиціи.

Въ 1888 году профессоръ Друммондъ писалъ: «Волшебный лабиринтъ папоротниковъ и пальмъ, гирлянды вьющихся растеній, преграждающія пути и наполняющія лѣса благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ, яркія тучи насѣкомыхъ, пышно-оперенныя птицы, попугаи, обезьяны, прыгающія съ своихъ трапецій въ тѣнистыя убѣжища,—все это невѣдомо Африкѣ». «При всемъ должномъ уваженіи къ г. профессору»,—замѣчаетъ Стэнли, — «я долженъ сказать, что это именно то, что мы ежедневно видѣли на громадномъ пространствѣ въ 250,000 квадратныхъ миль, въ самомъ центрѣ котораго мы путешествовали цѣлыхъ тринадцать мѣсяцевъ и подъ мрачной сѣнью его погибло столько десятковъ нашихъ темнокожихъ спутниковъ. Наше передвиженіе часто ограничивалось всего 400 ярдами въ часъ, вслѣдствіе того, что намъ приходилось проникать черезъ чащу, заросшую кустарникомъ и стройными моло-

дыми деревьями, возроставшими подъ непроницаемой сѣнью лѣсныхъ гигантовъ, переплетенными клешинцемъ, фриніей, амомомъ, перекрещенными безконечными линіями благовонной ири и перепутанными огромными канатообразными вьюнками...

«Амазонская долина не можетъ похвалиться болѣе непроницаемыми или болѣе тѣнистыми лѣсами, или болѣе настоящимъ тропическимъ характеромъ лѣса, сравнительно съ этимъ обширнымъ лѣсомъ Верхняго Конго, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ питаемаго тропическими ливнями».

Однако, какъ бы ни была велика научная польза этого путешествія, нельзя забывать, что оно стоило очень многихъ человѣческихъ жизней. Изъ 620 занзибарцевъ, выступившихъ вмѣстѣ съ экспедиціей,—въ Занзибаръ вернулось всего 225 человѣкъ. Изъ тринадцати сомали путешествіе пережилъ только одинъ. Изъ шестидесяти суданцевъ обратно прибыло всего девятнадцать человѣкъ. Изъ европейцевъ—маіоръ Барттелотъ былъ убитъ, Джемсонъ умеръ отъ лихорадки. Остальные—Стэрсъ, Нельсонъ, Джефсонъ, Паркъ, Бонни, Уордъ, Троупъ и Гоффманнъ—достигли берега здоровыми и невредимыми.

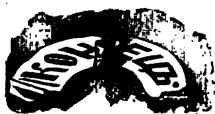
«Я желалъ бы обратить особенное вниманіе,—говоритъ Стэнли въ своемъ официальномъ отчетѣ,—на отмѣнныя достоинства, обнаруженныя лейтенантомъ В. Г. Стэрсомъ, капитаномъ Р. Т. Нельсономъ, мистеромъ А. М. Моунтеней Джефсономъ и докторомъ Паркомъ въ теченіе всего періода, начиная съ марта 1887 года, когда мы двинулись сухимъ путемъ по Нижнему Конго и вплоть до 6-го декабря, 1889 года, когда, пройдя Африканскій континентъ, мы достигли порта Багамойо въ Индѣйскомъ океанѣ. У меня не хватаетъ словъ для выраженія моего глубокаго чувства благодарности за то, что судьба наградила меня такими благородными сотоварищами. Люди болѣе высокаго образованія и обширнѣйшихъ познаній могутъ, конечно, когда-нибудь проникнуть въ этотъ таинственный поясъ сокровеннѣйшей части Африки, пройденной нами, и оказать болѣе цѣнныя услуги наукѣ и человѣчеству, но смѣю увѣрить, что до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется такимъ, какъ онъ есть, во всемъ мірѣ не найдется болѣе еще такихъ четырехъ джентльменовъ, столь исключительныхъ по своей настойчивости, преданности своему дѣлу, по серьезнѣйшимъ намѣреніямъ и неуклонному повиновенію чести и долгу. Короче сказать, въ смыслѣ воспитанія и благороднаго, смѣлаго характера, четверо названныхъ мною навсегда останутся для меня образцовыми характерами».

Исторія отношеній Стэнли съ Эминомъ до сихъ поръ еще не написана, хотя въ печать успѣло уже проникнуть множество противорѣчивыхъ разсказовъ о ней. Временами, безъ сомнѣнія, отношенія эти были весьма натянуты; но при данныхъ обстоятельствахъ въ сущности трудно и вообразить себѣ, чтобы они могли быть

иными. Нѣсколько сантиментальное и до тонкости чуткое настроеніе Эмина въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо должно было идти въ разрѣзъ съ непреклоннымъ здравымъ смысломъ и въ высшей степени практичнымъ характеромъ Стэнли. Оба они имѣли въ сущности мало или ничего общаго между собою, кромѣ любви къ путешествіямъ и научнымъ изслѣдованіямъ. Въ теченіе многочисленныхъ и чрезвычайно сложныхъ ихъ переговоровъ, начавшихся со времени встрѣчи ихъ и продолжавшихся до прибытія ихъ въ Багамойо, воля Стэнли, къ сожалѣнію, нерѣдко сталкивалась съ желаніями Эмина, и всѣ воспоминанія изъ жизни великаго изслѣдователя ясно свидѣтельствуютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ былъ увѣренъ въ своей правотѣ, изъ двухъ уступающихъ онъ былъ бы послѣднимъ.

Въ характерѣ Стэнли есть доля эластичности. Долгъ его ясно рисуется у него передъ глазами, и онъ прямо и неуклонно принимается за выполненіе его, сокрушая всѣ препятствія, мѣшающія соображеніямъ тонкаго ума, еще рѣшительнѣе, нежели дѣйствовали онъ и его спутники, просѣкая дорогу черезъ великій лѣсъ Конго.

Въ исключительной любви и добросовѣстности, съ какими онъ выполнилъ свою великую задачу, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Допустимъ развѣ, что онъ могъ быть нѣсколько снисходительнѣе къ чувствительности Эмина. Но, за полнымъ отсутствіемъ достовѣрныхъ подробностей по этому поводу, отъ осужденія его и въ этомъ отношеніи подобаетъ воздержаться. Напряженіе, длившееся въ теченіе многихъ мучительныхъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ его встрѣчѣ съ Эминомъ, должно было жестоко истомить его. И менѣе прямой и откровенный человѣкъ, чѣмъ Стэнли, при данныхъ обстоятельствахъ, могъ бы разсчитывать на извиненіе за нетерпѣніе, проявленное имъ въ образѣ его дѣйствій съ пашой и его народомъ.

101

